Генри-Чарльсъ Ли.

ИСТОРІЯ ИНКВИЗИЦІИ

въ Средніе вѣка.

Переводъ съ французскаго А. В. БАШКИРОВА,

подъ редакціей С. Г. ЛОЗИНСКАГО.

Томъ второй.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ „БРОКГАУЗЪ-ЕФРОНЪ".
1912.

Издание подготовлено
при поддержке ПАО "Транснефть"

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Генри-Чарльсъ Ли.

ИСТОРІЯ ИНКВИЗИЦІИ

въ Средніе вѣка.

Переводъ съ французскаго А. В. БАШКИРОВА,

подъ редакціей С. Г. ЛОЗИНСКАГО.

Томъ второй.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ „БРОКГАУЗЪ-ЕФРОНЪ".
1912.

Библиотека "Руниверс"

Типографія Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ. СПБ., Прачешный пер., № 6.

Библиотека "Руниверс"

КНИГА ВТОРАЯ.

Инквизиція въ различныхъ христіанскихъ земляхъ.

ГЛАВА VI.

Германія.

Когда въ 1209 г. Оттонъ IV отправился для коронованія въ Римъ, то съ нимъ былъ страсбургскій епископъ Генрихъ Веринген. Мы уже видѣли, какой соблазнъ среди императорской свиты произвела вѣротерпимость, которой почти открыто пользовались еретики въ самомъ Римѣ. Несомнѣнно, по этому поводу итальянское и нѣмецкое духовенство взаимно упрекали другъ друга, и, быть-можетъ, итальянцы посовѣтовали своимъ нѣмецкимъ собратьямъ внимательнѣе присматривать за своими нѣмецкими епархіями. Во всякомъ случаѣ, епископъ Генрихъ, какъ говорятъ, повезъ съ собой многихъ богослововъ, готовыхъ покарать всякое отступленіе отъ вѣры. Бѣглое разслѣдованіе открыло ему, къ великому его ужасу, что страна была полна невѣрующихъ. Тогда приступили къ розыску, результатомъ котораго въ самомъ непродолжительномъ времени былъ арестъ пятисотъ людей, принадлежавшихъ ко всѣмъ слоямъ общества. Для своего времени Генрихъ былъ достаточно гуманенъ: онъ попытался своихъ плѣнниковъ обратить на путь истины; съ этой цѣлью онъ устроилъ богословскіе диспуты, но его духовенство, оказалось, гораздо хуже знало Священное Писаніе, чѣмъ еретики, и изъ этой попытки не вышло ничего полезнаго для католичества. Очевидно, надо было прибѣгнуть къ болѣе дѣйствительнымъ мѣрамъ,—и Генрихъ объявилъ, что всѣ, кто будетъ упорствовать въ своихъ заблужденіяхъ, будутъ сожжены. Это предупрежденіе заставило многихъ образумиться. Еретики поспѣшили выдать свои книги, а сами отреклись; однако, около ста изъ нихъ, въ томъ числѣ двѣнадцать священниковъ, двадцать-три женщины и много знатныхъ, по наущенію одного страсбургскаго священника, отказались отречься. Епископскіе служители не знали самыхъ основныхъ пріемовъ суда надъ еретиками, такъ что недоумѣвали, какъ имъ осудить этихъ упорствующихъ? Нашли нужнымъ, однако, устроить нѣчто въ родѣ суда и прибѣгли къ старинному испытанію раскаленнымъ докрасна желѣзомъ. Еретики протестовали противъ этого, говоря, что это вызовъ Богу; но это не повело ни къ чему: всѣ отрицавшіе свое еретичество были подвергнуты испытанію и, какъ легко предположить, немногіе изъ нихъ оказались невинными. Одинъ изъ нихъ, по имени Рейнгольдъ, послалъ жалобу Иннокентію III на примѣненіе этого пріема, и папа немедленно запретилъ на будущее время испытанія въ дѣлахъ подобнаго рода. Однако, дѣйствительность примѣненія ордалій подтверждалась, по словамъ современниковъ, многочисленными чудесами. Такъ, напр., одинъ еретикъ, раскаявшійся въ послѣдній моментъ, чудеснымъ образомъ

Библиотека "Руниверс"

исцѣлился отъ ожоговъ и былъ поэтому оправданъ. Радостный вернулся онъ домой, но жена упрекнула его въ трусости, и онъ снова впалъ въ заблужденіе; ожоги тотчасъ же возстановились, и въ то же время у жены образовалась на рукѣ подобная же рана. Они мучились такъ сильно, что не могли удержаться отъ крика; боясь выдать себя, они убѣжали въ лѣсъ, чтобы выть тамъ, какъ дикіе звѣри; но крики скоро выдали ихъ, и раньше, чѣмъ остылъ пепелъ другихъ еретиковъ, оба раздѣлили ихъ участь. Одинъ изъ многочисленныхъ еретиковъ, открытыхъ около этого времени въ Камбрэ, отдѣлался болѣе счастливо. Уже идя на костеръ, онъ склонился на убѣжденія священника и началъ раскаиваться и исповѣдываться. По мѣрѣ его раскаянія его рука мало-по-малу заживала, а когда онъ получилъ разрѣшеніе грѣховъ, то отъ ожога не осталось и слѣда. Тогда священникъ обратилъ на него вниманіе судей и объявилъ, что онъ невиновенъ, и, когда была освидѣтельствована его неповрежденная рука, его оправдали. Въ Страсбургѣ подобное же испытаніе обнаружило виновность восьмидесяти не раскаявшихся еретиковъ, которые всѣ были сожжены во рву за городскими стѣнами, и еще въ XVI ст. этотъ ровъ былъ извѣстенъ у горожанъ подъ именемъ Ketzergrube. Имущество осужденныхъ было немедленно конфисковано и раздѣлено между магистратами и всѣми, кто принималъ участіе въ отомщеніи вѣры [1]).

Не нужно думать, что Страсбургъ былъ особымъ центромъ ереси, или что это былъ единственный случай преслѣдованія въ эту эпоху. Отрывочные документы, дошедшіе до насъ отъ послѣдующихъ годовъ, упоминаютъ объ открытіи и наказаніи еретиковъ и въ другихъ мѣстахъ, откуда мы въ правѣ заключить, что населеніе нѣмецкихъ провинцій было глубоко заражено, и что еретиковъ безжалостно истребляли, когда удавалось открыть ихъ, несмотря на невѣжество и лѣность духовенства. Но до насъ дошли въ подробностяхъ извѣстія только о событіяхъ въ Страсбургѣ, которыя даютъ намъ цѣнныя указанія о методахъ, примѣнявшихся въ то время епископской Инквизиціей, и о характерѣ сектъ данной эпохи [2]).

Катары совершенно исчезли изъ Германіи къ тому же они тамъ никогда не основывались прочно: повидимому, нѣмецкая почва не была пригодна для этого вполнѣ южнаго культа. Зато были многочисленны вальденцы, равно какъ еретики, извѣстные подъ именемъ Ortlibenses или Ordibarii.

Мы уже видѣли, съ какой быстротой распространились вальденцы изъ Бургундіи по Франшконтэ и Лотарингіи. Въ 1199 г. Иннокентій III тщетно старался заставить вальденцевъ Меца выдать ихъ нечестивые переводы Священнаго Писанія и послалъ аббата изъ Сито вмѣстѣ съ двумя другими аббатами обуздать ревность этихъ еретиковъ. Аббаты прекрасно выполнили свою миссію; они обратились къ заблудшимся со словомъ убѣжденія и сожгли всѣ экземпляры запрещенныхъ книгъ, какіе имъ удалось захватить въ свои

[1]) Kaltner, «Konrad von Marburg», Прага, 1882 г., стр. 41—5.—Frag. Hist. (Urstisii Script. P. II, 89).—Chronik des Jacob v. Königshofen (Chronikon der deutschen Städte, IX, 649).—Trithem. «Chron. Hirsaug.» ann. 1215.—H. Mutii «Chron.» lib. XIX, ann. 1212.—Innoc. PP. III «Regest.» XIV, 138.—Caesar. Heisterb. dist. III, cap. 16, 17.

Страсбургскій лѣтописецъ Даніилъ Спекленъ, умершій въ 1589 г., разсказываетъ, что епископъ Генрихъ встрѣтилъ въ Римѣ святого Доминика и обѣщалъ какъ ему, такъ и Иннокентію III ввести въ Страсбургѣ доминиканскій орденъ. Онъ даже самъ привезъ съ собою нѣсколько членовъ ордена, которые тотчасъ же навербовали другихъ (Kaltner, loc. cit., ср. Hoffmann, «Geschichte der Inquisition», II, 365—71). Но, какъ мы видѣли въ одной изъ предшествующихъ главъ, Доминикъ въ это время въ безвѣстности работалъ въ Лангедокѣ; только въ 1214 г. щедрый даръ Петра Селлы внушилъ ему мысль собрать около себя въ Тулузѣ шесть человѣкъ, одушевленныхъ одними съ нимъ благочестивыми чувствами. Доминиканскій же монастырь въ Страсбургѣ былъ основанъ только въ 1224 г. (Kaltner, стр. 45).

[2]) Kaltner, op. cit., 45.—Hoffmann, op. cit., II, 371—2.—Trithem. «Chron. Hirsaug.» ann. 1215.

Библиотека "Руниверс"

АУТО-ДА-ФЕ.

Зичи.

Библиотека "Руниверс"

руки; но молчаніе современнаго лѣтописца позволяетъ намъ думать, что тогда не былъ сожженъ ни одинъ еретикъ. Эта кротость сдѣлала еретиковъ гораздо смѣлѣе. Немного лѣтъ спустя епископъ Бертрандъ, проповѣдуя въ каѳедральномъ соборѣ, узналъ среди своихъ слушателей двухъ вѣроотступниковъ. Указавъ на нихъ пальцемъ, онъ сказалъ: «Я вижу среди васъ миссіонеровъ, посланныхъ демономъ. Это—преступники, осужденные въ моемъ присутствіи въ Монпелье за ересь и изгнанные изъ Церкви». Нисколько не смутившись этимъ, вальденцы и одинъ изъ ихъ друзей отвѣтили на это оскорбленіями, а затѣмъ, выйдя изъ церкви, собрали толпу и стали проповѣдывать свое ученіе. Епископъ не былъ въ состояніи заставить ихъ молчать; когда онъ захотѣлъ прибѣгнуть къ силѣ, то онъ натолкнулся на противодѣйствіе со стороны самыхъ вліятельныхъ гражданъ, подъ покровительствомъ которыхъ вальденцы могли безопасно распространять свои заблужденія. Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ городахъ, ссоры между епископомъ и населеніемъ парализовали дѣятельность Церкви, и, такимъ образомъ, вальденцы въ теченіе многихъ лѣтъ продолжали заражать городъ и совращать вѣрующихъ [1]).

Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что почти всѣ еретики, сожженные въ 1212 г. въ Страсбургѣ, принадлежали къ этой сектѣ. На основаніи ихъ сочиненій и ихъ сознаній былъ составленъ списокъ ихъ трехсотъ заблужденій, затѣмъ соединенныхъ въ семнадцать положеній; когда ихъ вели на казнь, то эти положенія прочли народу въ присутствіи осужденныхъ. Священникъ Іоаннъ, глава еретиковъ, призналъ справедливыми всѣ эти положенія, за исключеніемъ одного, касавшагося половыхъ извращеній, который онъ отвергъ съ негодованіемъ. Остальныя положенія ученія показываютъ, съ какой быстротой ихъ теоріи дошли до крайнихъ выводовъ, и какая глубокая пропасть отдѣляла ихъ уже отъ Церкви. Они отрицали всякое посвященіе въ духовный санъ и поэтому не признавали целибата священниковъ; отрицая чистилище, они лишали всякаго значенія молитвы и обѣдни за умершихъ. Наконецъ, вальденцы гораздо раньше св. Франциска и его учениковъ возвели въ догматъ совершенную нищету Іисуса Христа и Его учениковъ [2]).

Среди сожженныхъ въ Страсбургѣ были также Ortlibenses или Ordibarii. Хотя секта эта не имѣла еще въ то время большого значенія, тѣмъ не менѣе, на ней слѣдуетъ остановиться; несмотря на небольшое число послѣдователей, она является первымъ проявленіемъ стремленія къ свободѣ мысли; кромѣ того, благодаря своей почти несокрушимой стойкости она явилась однимъ изъ самыхъ опасныхъ враговъ, противъ котораго пришлось бороться Инквизиціи.

Въ началѣ столѣтія одинъ парижскій схоластикъ, магистръ Давидъ де Динанъ, пользовавшійся благодаря тонкости своей аргументаціи особымъ расположеніемъ Иннокентія III, вступилъ на опасный путь умозрѣній, основанныхъ на ученіи Аристотеля въ переработкѣ арабскихъ комментаторовъ, т.-е. на ученіи, искаженномъ неоплатонизмомъ и обратившемъ греческій теизмъ въ мистическій пантеизмъ. Эти умозрѣнія были развиты дальше его товарищемъ по каѳедрѣ богословія, Амори де Бенъ, любимцемъ предполагаемаго наслѣдника, принца Людовика. Теоріи Амори въ 1204 г. были осуждены университетомъ. Философъ обратился на это съ жалобой къ Святому Престолу, но ему пришлось отречься отъ своего ученія, и въ 1207 г. онъ умеръ, какъ говорятъ, съ горя; но онъ оставилъ учениковъ, которые тайно распространяли его ученіе. Почти всѣ они были люди высоко

---

[1]) Innoc. PP. III. «Regest.» II, 141, 142, 235.—Alberic. Trium Font. ann. 1200.—Caesar. Heisterb. dist. V, c. 20.

[2]) Kaltner, op. cit., 69—71.—Я сильно склоненъ думать, что превосходный Даніилъ Спеклинъ сильно увлекался своими личными убѣжденіями при составленіи списка заблужденій. Дѣйствительно, онъ среди многочисленныхъ заблужденій упоминаетъ причастіе мірянъ подъ двумя видами, между тѣмъ, въ эту эпоху еще не было запрещено употребленіе вина для причастія мірянъ, и употребленіе его не считалось признакомъ ереси.

Библиотека "Руниверс"

образованные и интеллигентные, богословы университета и священники; среди нихъ находился одинъ золотыхъ дѣлъ мастеръ, по имени Гильомъ, на котораго смотрѣли какъ на пророка секты. Столь смѣлыя умозаключенія не могли не развиваться далѣе. Первыя посылки Давида и Амори были доведены до неожиданныхъ выводовъ благодаря стараніямъ послѣдователей, желавшихъ придать ученію стройную систему, чтобы легче можно было распространять его въ народѣ. Амори училъ, что Богъ является основной сущностью всѣхъ твореній, и что Богъ невидимъ внѣ своихъ твореній подобно тому, какъ свѣтъ невидимъ нигдѣ, кромѣ какъ въ воздухѣ. Отсюда былъ только одинъ шагъ до утвержденія, что послѣ смерти всѣ существа вернутся къ Богу и соединятся въ немъ, чтобы вкусить вѣчный покой. Это было отрицаніемъ ученія о загробномъ возмездіи; отрицаніемъ чистилища и ада и, что послѣдователи Амори не замедлили отмѣтить, ниспровергало безчисленные обряды, благодаря которымъ Церковь, располагая правомъ вязать и прощать, управляла совѣстью и состояніемъ людей. Это ученіе, разрушавшее весь церковный строй, было столь же вредно и въ нравственномъ отношеніи, такъ какъ послѣдователи Амори утверждали, что поступокъ, совершенный подъ вліяніемъ чувствъ любви и милосердія, никогда не могъ быть грѣшнымъ, и что всякій человѣкъ, полный Святого Духа, оставался безгрѣшнымъ, какое бы преступленіе онъ ни совершилъ, ибо Святой Духъ, будучи Богомъ, не могъ грѣшить, и человѣкъ—самъ по себѣ ничто—также не можетъ грѣшить, такъ какъ въ немъ Духъ Божій [1]).

Эти ученія должны были произвести неотразимое впечатлѣніе на людей, склонныхъ къ мистической экзальтаціи. Даже самъ правовѣрный Цезарь Гейстербахскій утверждаетъ, что многое, запрещенное грѣшникамъ, дозволяется святымъ: гдѣ—Духъ Божій, тамъ—свобода; будь милосердъ, и пусть любовь къ ближнему руководитъ тобою [2]). Разъ произнесенныя, эти слова не могли быть заглушены; самыя энергичныя и суровыя усилія не могли уничтожить ихъ. Эти опасные выводы сверхчеловѣческой духовности продолжали привлекать людей, недовольныхъ стѣсненіями, положенными ихъ немощности, до времени Молиноса и Иллюминатовъ, до мечтаній г-жи Гюйонъ и квіетистовъ.

Однако, ересь Амори была быстро подавлена на мѣстѣ своего рожденія. Ревностно проповѣдуя свое ученіе, золотыхъ дѣлъ мастеръ Гильомъ встрѣтилъ въ 1210 г. нѣкоего магистра Рауля де Немуръ, который притворился, что готовъ послѣдовать за нимъ, и въ то же время донесъ обо всемъ парижскому епископу Петру и магистру Раулю де Кюрзонъ, папскому наблюдателю за проповѣдью во Франціи. По совѣту этихъ лицъ онъ притворился еретикомъ и въ теченіе трехъ мѣсяцевъ участвовалъ съ послѣдователями Амори въ путешествіи по странѣ съ цѣлью распространенія ереси. По тѣмъ пріемамъ, къ которымъ прибѣгалъ шпіонъ, чтобы поддерживать заблужденіе, мы можемъ отчасти судить о пріемахъ еретиковъ. Поднимая лицо къ солнцу, онъ дѣлалъ видъ, что впадаетъ въ экстазъ; затѣмъ, придя въ сознаніе, онъ разсказывалъ о представившихся ему видѣніяхъ; но когда его заставляли публично проповѣдывать новое ученіе, ему всегда удавалось уклониться. Ознакомившись хорошо съ ересью, онъ донесъ обо всемъ, что зналъ, свѣтскимъ властямъ, и немедленно были произведены аресты. Въ Парижѣ состоялось засѣданіе собора епископовъ, и виновные были осуждены. Монаховъ лишили сана, и всѣ были выданы свѣтской власти. Но тогда еще не было закона, опредѣлявшаго наказаніе за ересь, и участь осужденныхъ была рѣшена не сразу; ждали возвращенія короля, бывшаго тогда въ отсутствіи. Наконецъ, четверо изъ вождей были приговорены къ пожизненному тюремному заключенію, а десять

---

[1]) Tocco, «L'Heresia nel Medio Evo», стр. 21.—D'Argentré, «Collect. Judic.» I, I, 127.—Caesar. Heisterbac. V, 22.—Nich. Trivetti «Chron.» ann. 1215 (D'Achery, «Spicileg.» III, 185).—Rigord. «de Gest. Phil. Aug.» ann. 1210.—Guillel. Nangiac. ann. 1210.— Eymeric. «Direct. Inquisit.». P. II, Q. VII.—Ср. Renan, «Averroès et l'Averroïsme», 3-e изд., стр. 220—4.

[2]) Caesar. Heisterb. VI, 5.

Библиотека "Руниверс"

еретиковъ были сожжены. Бѣдные люди обоего пола, давшіе совратить себя, были милостиво прощены. Нѣсколько казней было совершено въ другихъ городахъ; такъ, напр., одинъ изъ ересіарховъ, магистръ Годенъ, былъ судимъ и сожженъ въ Амьенѣ. Останки Амори были вырыты и даны собакамъ, послѣ чего кости его разбросали по полямъ. Чтеніе сочиненій этихъ духовидцевъ было запрещено, а изученіе естественныхъ наукъ въ университетѣ прекращено на три года. Сочиненія Аристотеля, породившія эту ересь, были публично сожжены [1]).

Ученіе о непогрѣшимости могло разнуздать самыя бурныя страсти у людей, тѣлесной слабости которыхъ не уничтожала духовная экзальтація; и поэтому, быть-можетъ, есть извѣстная доля правды въ обвиненіяхъ, распространявшихся по адресу послѣдователей Амори, что они, подъ предлогомъ христіанской любви, позволяли себѣ всякія половыя излишества. Однако, народное прозвище сектантовъ Папелярдами показываетъ, что они, по крайней мѣрѣ, съ внѣшней стороны проявляли святость и набожность и благоразумно воздерживались примѣнять на практикѣ свои теоріи о безполезности таинствъ и внѣшняго культа.

Ересь была уничтожена на мѣстѣ своего рожденія, и о ней съ этого времени ничего не слышно; говорится только, что нѣкоторые наставники поучали ей въ Дофинэ, гдѣ они смѣшались съ вальденцами. Затѣмъ въ 1225 г. Гонорій III приказалъ уничтожить Περὶ φύσεως Эригена, гдѣ, какъ думали, Амори нашелъ первый источникъ своихъ умозрѣній. Но ересь распространилась далеко и за границей. Парижскій университетъ привлекалъ со всѣхъ концовъ Европы пылкихъ искателей знанія, и послѣдователямъ Амори легко было находить среди иностранцевъ людей, готовыхъ взять на себя дѣло распространенія ихъ ученія. Въ 1215 г. Робертъ де Кюрзонъ осудилъ вмѣстѣ съ сочиненіями Давида и Амори также сочиненія извѣстнаго Мориса Испанца. Другимъ ученикомъ былъ, говорятъ, Ортлибъ изъ Страсбурга, давшій свое имя своимъ послѣдователямъ, о конечной судьбѣ которыхъ въ Страсбургѣ мы уже упоминали. Что ересь не считали еще уничтоженной, видно изъ того факта, что большой Латеранскій соборъ 1215 г. счелъ нужнымъ осудить ученіе Амори, которое онъ считалъ скорѣе безумнымъ, чѣмъ еретическимъ [2]).

Мы знаемъ мало о первоначальной вѣрѣ Братьевъ Свободнаго Духа, какъ называли себя ученики Ортлиба. Главный документъ, освѣщающій ихъ ученіе въ XIII вѣкѣ, менѣе касается ихъ принциповъ, чѣмъ тѣхъ послѣдствій, которыя вытекали изъ отказа признать дѣйствительность церковныхъ обрядовъ. Но можно съ полной достовѣрностью приписать имъ пантеистическое направленіе, такъ какъ они утверждали, что несозданный міръ вѣченъ, обѣщали всѣмъ вѣчную жизнь, отрицая въ то же время воскресеніе плоти, и мистически представляли Св. Троицу въ трехъ членахъ секты. Въ безнравственности ихъ никто не упрекалъ; наоборотъ, они предписывали самое строгое воздержаніе даже въ бракѣ; дѣторожденіе допускалось только духовное; единственные сыновья, которыхъ слѣдовало имѣть, должны были быть созданы путемъ обращенія. Человѣкоубійство, ложь и клятва безусловно

---

[1]) Rigordus «de Gest. Phil. Aug.» ann. 1210. — Chron. Canon. Laudunens. ann. 1212.— Chron. de Mailros ann. 1210.—Chron. Turens. ann. 1210.—Caesar. Heisterb. V, 22.—Chron. Breve S. Dionys. ann. 1209.—Grandes Chroniques, IV, 139.—Guillel. Brito (Bouquet, XVII, 82 и слѣд.— D'Argentré, «Coll. Judic.» I. I, 128—33.—Harduin. «Concil.» VI, II, 1994.—Chron. Engelhusii (Leibnitz, «S. Rer. Brunsv.» II, 1113).

Гильомъ Орфевръ (золотыхъ дѣлъ мастеръ) еще и до сего времени, подъ именемъ Guillelmus Aurifex, находится въ Index Librorum Prohibitorum (Migne, «Dictionnaire des Hérésies», II, 1056).—Ср. Reusch, «Der Index der verbotenen Bücher» I, 17.

[2]) Steph. de Borbone (D'Argentré I, I, 88). — Potthast, № 7348.—Pelayo, «Heterodoxos Españoles», I, 410.—Concil. Lateran. IV, c. 2.

Объ отношеніяхъ между умозрѣніями Эригена и Амори см. Poole, «Illustrations of the History of Medieval Thought», Лондонъ, 1884 г., стр. 77.

Библиотека "Руниверс"

запрещались. Весьма вѣроятно, что господство вальденцевъ въ Эльзасѣ и симпатіи, вызванныя къ нимъ общей проскрипціей, должны были значительно измѣнить мнѣнія учениковъ Ортлиба. Преслѣдованія 1212 г. не уничтожили ихъ; они, говорятъ, подверглись позднѣе, къ 1216 г., новымъ преслѣдованіямъ, распространившимся до швейцарскаго кантона Тургау. Около средины столѣтія они были очень многочисленны въ Швабіи, особенно около Нордлингена и Эттингена. Судя по длинному перечню ихъ заблужденій, Альбертъ Великій, очевидно, считалъ ихъ заслуживающими вниманія [1]).

Изъ посылокъ пантеизма не замедлили вывести заключеніе, особенно ненавистное католикамъ. Если Богъ былъ Творцомъ всего, то нельзя изъ числа Его твореній исключать сатану; если всѣмъ предстояло въ одинъ прекрасный день соединиться въ Богѣ, то, слѣдовательно, сатана и отпавшіе ангелы не могли быть осуждены навѣки... Теоріи этихъ еретиковъ повели къ различнымъ выводамъ, смотря по тому, какому ряду положеній придавали особое значеніе. Одни послѣдователи обратили главное вниманіе на теорію, касавшуюся сатаны. Такъ какъ ихъ ученіе особенно сильно раздражало вѣрныхъ сыновъ Церкви, то ихъ выдѣлили въ особую секту, подъ именемъ Луциферіанъ. Объ этой сектѣ говорили много, но представителей ея мы встрѣчаемъ мало. Ихъ ученіе, въ которомъ старались найти культъ сатаны, сильно преувеличивали и ихъ включали въ списокъ еретиковъ, которыхъ періодически предавали анаѳемѣ. Ревность преслѣдователей, несомнѣнно, приписывала имъ больше значенія, чѣмъ этого заслуживало ихъ крайне незначительное число. Объ ихъ демоническихъ обрядахъ ходили самые невѣроятные и самые возмутительные разсказы, а подъ вліяніемъ господствовавшихъ суевѣрій эти обряды обратились въ какое-то колдовство. Въ разсматриваемую нами эпоху они послужили поводомъ къ самымъ дикимъ, къ самымъ ужаснымъ преслѣдованіямъ, какія только видѣлъ міръ.

Впервые это неистовство проявилось въ дѣлѣ Генриха Миннеке, пріора женскаго цистерціанскаго монастыря въ Госларѣ. Въ началѣ XIII вѣка въ Германіи еще не было никакой инквизиціонной организаціи, и прелаты не имѣли никакого представленія о томъ, какъ вести дѣла противъ враговъ вѣры. Въ 1222 г. Миннеке былъ обвиненъ въ нѣкоторыхъ еретическихъ мнѣніяхъ передъ своимъ епископомъ, фанатикомъ Конрадомъ фонъ Рейзенбергъ изъ Гильдесгейма. Собраніе прелатовъ, состоявшееся въ Госларѣ, допросило монахинь и признало Миннеке виновнымъ, и ему только запретили продолжать распространять свое ученіе. Такъ какъ онъ нарушилъ это приказаніе, то епископъ Конрадъ вызвалъ его къ себѣ и послѣ трехъ дней допроса присудилъ его вернуться въ свой премонтранскій монастырь, а на его мѣсто приказалъ выбрать новаго пріора. Миннеке, думая, повидимому, что онъ, какъ монахъ, неподсуденъ въ своей неприкосновенности суду епископа, не обратилъ на это рѣшеніе никакого вниманія; и епископу не оставалось ничего иного, какъ обратиться къ Гонорію III. Папа приказалъ привести приговоръ въ исполненіе; монахини подали апелляціи въ Римъ и императору; но обѣ апелляціи были возвращены. Миннеке, говорили, былъ зараженнымъ членомъ Церкви, который надо отсѣчь, и монахини должны радоваться, что ихъ освободили отъ его нечестиваго вліянія. Однако, Миннеке чувствовалъ, себя прекрасно, и епископъ раньше, чѣмъ рѣшиться заключить въ тюрьму непокорнаго еретика, счелъ нужнымъ посовѣтоваться съ кардиналомъ-легатомъ Чинтіо де Порто. Изъ тюрьмы Миннеке послалъ папѣ жалобу, утверждая, что его осудили, не выслушавъ его объясненій, просилъ надъ собой законнаго суда и соглашался подвергнуться пожизненному тюремному заключенію, если откажется отречься отъ какого-либо ложнаго мнѣнія, въ которомъ его уличатъ. Въ отвѣтъ на это Гонорій въ маѣ 1224 г. приказалъ епископу Конраду представить узника легату и собранію прелатовъ, которые допросили бы его и вы-

[1]) Anonym. Passaviens. c. 6 («Mag. Bib. Pat.» XIII, 300—2).—Kaltner op. cit., 64—5.—Haupt, «Zeitschrift für Kirchengeschichte», 1885 г., стр. 507.

Библиотека "Руниверс"

несли окончательное рѣшеніе. Около 1 октября Чинтіо созвалъ въ Бардевикѣ епископовъ сѣверной Германіи; этотъ трибуналъ уличилъ Миннеке въ томъ, что онъ заставлялъ монахинь видѣть въ немъ существо выше всѣхъ людей, рожденныхъ отъ женщины; въ разныхъ пунктахъ онъ смягчалъ строгій цистерціанскій уставъ; въ своихъ проповѣдяхъ онъ заявлялъ, что Св. Духъ былъ отцомъ Бога Сына и, восхваляя дѣвство, выставлялъ бракъ грѣхомъ; въ одномъ видѣніи онъ видѣлъ сатану, просящаго прощеніе у Бога, и, наконецъ, онъ утверждалъ, что существуетъ небесная жена, стоящая выше Св. Дѣвы и называющаяся Премудростью (Σωφία). Чтобы окончить это дѣло, потребовалось новое собраніе въ Гильдесгеймѣ 22 октября. Миннеке явился, его признали виновнымъ и лишили духовнаго сана. Но епископъ Конрадъ былъ такъ мало увѣренъ въ своихъ правахъ, что приговоръ былъ скрѣпленъ печатью кардинала. Осужденный былъ выданъ въ руки свѣтской власти и сожженъ въ 1225 г. Значеніе, которое придавали показанію, что сатана просилъ у Бога прощеніе, явствуетъ изъ того, что Миннеке былъ названъ манихеемъ и луциферіаномъ [1]).

Это дѣло представляетъ для насъ особый интересъ, такъ какъ въ постановленіи окончательнаго рѣшенія принялъ участіе человѣкъ, прославившійся позднѣе на всю Германію и представляющій самое полное воплощеніе безумнаго фанатизма той эпохи, именно Конрадъ Марбургскій. Конрадъ былъ простымъ священникомъ и не принадлежалъ къ нищенствующимъ орденамъ, тѣмъ не менѣе, онъ жилъ въ полной нищетѣ и питался милостынею [2]). Онъ могъ мечтать о самыхъ высшихъ духовныхъ должностяхъ, такъ какъ Церковь почитала его какъ своего лучшаго апостола; въ теченіе многихъ лѣтъ ландграфъ Людовикъ предоставлялъ ему всѣ бенефиціи Тюрингіи, но Конрадъ никогда не пользовался ни одной. Всецѣло преданный дѣлу служенія Господу, онъ всѣ усилія своего горячаго, несокрушимаго духа направлялъ къ одной цѣли: распространять на землѣ небесное царство, слѣдуя божественному свѣту, горѣвшему въ немъ [3]).

---

[1]) Kaltner, op. cit., 90—95.—Hartzheim, «Concil. Germ.» III, 515—16.—Potthast, № 7260.—Chron. Mont. Sereni ann. 1222 (Menten, «Script. Rer. Germ.» II, 265).—Chron. Sanpetrin. Erfurt, ann. 1222 (ibidem, III, 250).

[2]) Конрадъ Марбургскій былъ настолько замѣчательнымъ лицомъ, что доминиканцы не могли не признать его украшеніемъ своего ордена. Ихъ преданіе говоритъ, что онъ вступилъ въ орденъ по настоянію самого Доминика, пожелавшаго имѣть его своимъ товарищемъ, и что немного спустя Домникъ послалъ его въ Германію въ качествѣ инквизитора (Monteiro, «Historia da Sacra Inquisição» P. I. Liv. I, c. 48. — Jac. de Voragine, «Legenda Aurea», fol. 90 a, изд. 1480 г.—Paramo, стр. 248—9).—Риполль принимаетъ этотъ фактъ, какъ вполнѣ естественный, но не даетъ въ подтвержденіе его обѣщанныхъ доказательствъ (Bull. Domin. I, 20, 25. См. также Кальтнера, стр. 76—82). Притязаніе доминиканцевъ опирается на инквизиторскую дѣятельность Конрада и на его званіе praedicator, которое онъ носилъ въ силу папскаго полномочія; это—довольно слабые аргументы, но все же они серьезнѣе, чѣмъ аргументы самаго послѣдняго защитника Конрада, Гаусрата, который приводитъ выраженіе, употребленное Григоріемъ IX въ одной своей граматѣ, гдѣ онъ называетъ Конрада сторожевымъ псомъ Господа, Dominicus canis (Hoffmann, «Geschichte der Inquisition», II, 392). Доказательства противоположнаго характера, которыхъ имѣется немало, устанавливаютъ, что Конрадъ никогда не былъ доминиканцемъ. Въ многочисленныхъ граматахъ, адресованныхъ ему Гонеріемъ III и Григоріемъ IX, онъ нигдѣ не называется Frater, каковое названіе неизмѣнно прилагалось къ нищенствующимъ монахамъ; надпись на граматахъ постоянно одна и та же: «Magistro Conrado de Marbure, praedicatori Verbi Dei, или что-либо равнозначащее этому, такъ какъ Конрадъ, по всей вѣроятности, былъ магистромъ богословія (Epist. Saec. XIII. T. I, №№ 51, 117, 118, 126, 361, 362, 484, 533, 537). Точно также и современные ему лѣтописцы никогда не называютъ его Frater, но всегда—Magister Conradus. Наконецъ, Теодорикъ Тюрингенскій, бывшій самъ доминиканцемъ и почти современникомъ Конрада, говоритъ о немъ въ своемъ жизнеописаніи Св. Елизаветы въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ, не причисляя его къ своему ордену, что не преминулъ бы сдѣлать, если бы имѣлъ какія-нибудь основанія (Canisii «Thesaur.» IV, 116).

[3]) Theodor. Thuring. «de S. Elizab.» lib. III, c. 10 Canisii «Thesaur.» IV, 130. — Potthast, № 7930.—Epist. Saec. XIII. T. I, № 361.

Библиотека "Руниверс"

Человѣкъ твердаго характера и ограниченнаго ума, Конрадъ доводилъ свой религіозный жаръ до безумія. Какъ понималъ онъ обязанности человѣка къ своему Создателю и до какихъ крайностей доходилъ въ своей неограниченной власти, лучше всего видно по поступкамъ его въ качествѣ духовнаго руководителя св. Елизаветы Тюрингенской. Дочь Андрея Венгерскаго, Елизавета родилась въ 1207 г.; тринадцати лѣтъ она вышла замужъ (въ 1221 г.) за Людовика Тюрингенскаго, одного изъ самыхъ могущественныхъ нѣмецкихъ принцевъ; четырнадцати лѣтъ была матерью, двадцати—вдовою, а на двадцать-четвертомъ году умерла, не выдержавъ наложеннаго на себя суроваго образа жизни. Это былъ чрезвычайно рѣдкій образецъ доброты и женскаго самоотреченія, а также всѣхъ христіанскихъ добродѣтелей и всѣхъ духовныхъ стремленій. Едва достигнувъ восемнадцати лѣтъ, она попала подъ руководство Конрада, который съ жестокостью демона началъ выправлять эту ангельскую душу. Какого полнаго послушанія требовалъ онъ отъ нея, показываетъ слѣдующій фактъ: однажды, вслѣдствіе неожиданнаго пріѣзда своей невѣстки, маргафини Майссенской, она не могла явиться на одну изъ его проповѣдей, на которую онъ ее пригласилъ. Конрадъ въ гнѣвѣ объявилъ тогда, что онъ бросаетъ ее; на другой день Елизавета явилась къ нему и умоляла простить ее; видя его непреклонность, она упала передъ нимъ на колѣни, и ея примѣру послѣдовали ея спутницы, на которыхъ также обрушился гнѣвъ Конрада. Конрадъ приказалъ имъ раздѣться до рубашки и сильно наказалъ ихъ кнутомъ. Естественно онъ внушалъ Елизаветѣ страшный ужасъ; часто эта несчастная принцесса говорила: «Если я до такой степени боюсь смертнаго человѣка, то какъ же должна я трепетать передъ Богомъ?» Послѣ смерти горячо любимаго ею Людовика его братъ Генрихъ отобралъ у нея все и изгналъ ее безъ гроша съ маленькими дѣтьми, она кротко смирилась и стала питаться милостынею; а когда Генрихъ былъ принужденъ выдать ей деньги за ея вдовью часть, то она роздала ихъ всѣ бѣднымъ. Подъ вліяніемъ болѣзненнаго піетизма, привитаго ей Конрадомъ, она бросила своихъ дѣтей на промыселъ Бога, а сама посвятила себя на служеніе обездоленнымъ и прокаженнымъ. Когда клевета затронула ея отношенія къ Конраду, то она показала, какъ велико было ея смиреніе. Когда до нея дошли эти слухи, и когда ее призывали къ благоразумію, то она подняла окровавленный бичъ, служившій для ея бичеваній, и сказала: «Вотъ любовь, которую даетъ мнѣ этотъ святой человѣкъ. Да будетъ благословенъ Богъ, соблаговолившій принять отъ меня эту послѣднюю жертву! Я отказалась отъ всего: отъ почестей, богатства и красоты; я сдѣлалась нищей; единственное украшеніе, оставшееся у меня, это моя женская честь; если Богу угодно взять у меня и это послѣднее мое богатство, то я увижу въ этомъ Его особое благоволеніе». Въ своемъ дикомъ фанатизмѣ Конрадъ систематически стремился къ тому, чтобы разбить эту душу, и безъ того уже сокрушенную и смирившуюся. Во всемъ умышленно онъ шелъ наперекоръ желаніямъ Елизаветы и требовалъ отъ нея воображаемыхъ жертвъ. Изъ одного удовольствія доставить ей больше огорченій онъ прогналъ одну за одной всѣхъ ея вѣрныхъ спутницъ, боготворившихъ ее; онъ не пощадилъ даже Гуды, любимой спутницы дѣтскихъ лѣтъ Елизаветы, проведенныхъ ею въ Венгріи. Сами онѣ говорили: «Онъ дѣлалъ это изъ добраго побужденія, боясь, что мы можемъ напомнить Елизаветѣ о быломъ блескѣ, и желая лишить ее всякой поддержки человѣка, чтобы она всецѣло полагалась только на Бога». Малѣйшее непослушаніе кающейся каралось грубостями и ударами, которые она переносила съ радостью, вспоминая страданія Христа. Однажды онъ потребовалъ ее къ себѣ въ Ольденбургъ, чтобы рѣшить, не надо ли заставить ее вступить въ одинъ крайне строгій монастырь, основанный въ этомъ городѣ. Монахини просили Конрада разрѣшить Елизаветѣ посѣтить ихъ. Онъ согласился, думая, что она отклонитъ приглашеніе въ виду отлученія отъ Церкви, грозившаго каждому, кто проникнетъ за священную ограду. Но несчастная женщина, полагая, что она имѣетъ право вступить въ мона-

Библиотека "Руниверс"

стырь, пошла туда въ сопровожденіи своей спутницы Ирмингарды, которая, получивъ ключъ и отперевъ дверь, осталась за оградой. Чтобы наказать ихъ, Конрадъ приказалъ имъ лечь на землю и поручилъ своему вѣрному спутнику, монаху Герарду, бить ихъ толстою палкою такъ сильно, что много недѣль на ихъ тѣлахъ сохранялись слѣды наказанія. И спустя столѣтіе таинственный Другъ Бога изъ Оберланда, говоря о св. Елизаветѣ, имѣлъ право сказать, что она отдалась не Богу, но человѣку, гораздо низшему, чѣмъ она, какъ по своему умственному развитію, такъ и по дарамъ Божьей милости [1]).

Во всѣхъ этихъ поступкахъ Конрада слѣдуетъ отмѣтить не только грубость человѣка, считавшаго физическую и нравственную пытку самымъ дѣйствительнымъ путемъ къ спасенію, но также и высокомѣріе человѣка, который, нисколько не задумываясь, взялъ на себя роль бога-мстителя, карающаго людей за ихъ слабости и грѣхи. Когда подобный человѣкъ, охваченный горячимъ фанатизмомъ, увидитъ въ своихъ рукахъ безконтрольную власть и вообразитъ, что онъ вступилъ въ личную борьбу съ сатаною, то его безумный энтузіазмъ неизбѣжно доведетъ до катастрофы. Несправедливо было бы дѣлать его отвѣтственнымъ за причиненное имъ зло; вина падаетъ на тѣхъ, которые хладнокровно выбрали его оружіемъ въ своихъ рукахъ, довели до бѣлаго каленія его безумную ревность, а потомъ пустили его, ослѣпленнаго яростью и безуміемъ, на беззащитную массу.

Конрадъ уже давно пользовался громкою извѣстностью, и его качества были прекрасно извѣстны всѣмъ, кто пользовался его услугами. Его блестящее краснорѣчіе было способно приводить въ движеніе народныя страсти, и поэтому уже въ 1214 г. его послали въ Германію проповѣдывать крестовый походъ, который былъ однимъ изъ поводовъ созванія большого Латеранскаго собора; и съ этого времени дѣятельность его уже не прекращалась. Говорятъ, что онъ принялъ участіе въ преслѣдованіяхъ, направленныхъ при этомъ случаѣ противъ ереси. Хотя до насъ не дошло никакихъ подробностей объ этомъ, тѣмъ не менѣе, сообщенію этому можно вѣрить. Его дѣятельность, въ качествѣ проповѣдника, ставила его въ прямыя сношенія съ Римомъ, а успѣхи его въ дѣлѣ проповѣди крестоваго похода создали ему у куріи огромную репутацію, которая увеличивалась еще тѣмъ, что онъ за свой трудъ не требовалъ никакой платы. Мало-по-малу его начали употреблять какъ папскаго представителя въ серьезныхъ дѣлахъ, и его неутомимая энергія поднимала все болѣе и болѣе его значеніе. Въ 1220 г. ему было поручено угрозами духовныхъ наказаній склонить Фридриха къ выполненію его обѣта, такъ долго откладываемаго, совершить крестовый походъ въ Святую Землю. Конраду было, кромѣ того, поручено устроить по всей Германіи дѣло проповѣди этого крестоваго похода, и ему было предоставлено право выбрать себѣ сотрудниковъ. Въ граматахъ, полученныхъ имъ по этому поводу, онъ именуется Scholasticus, что показываетъ, что въ это время онъ занималъ въ Майнцѣ мѣсто начальника духовныхъ школъ. Насколько велико было довѣріе къ нему, показываетъ одно свидѣтельство, идущее съ высоты папскаго престола. Въ мартѣ 1227 г. на папскій престолъ вступилъ Григорій IX съ твердымъ рѣшеніемъ уничтожить нарождающееся могущество ереси и, если можно, лишить противника возможности ссылаться въ свое оправданіе на испорченность духовенства. Мы уже видѣли, что 20 іюня 1227 г. онъ попытался создать во Флоренціи нѣчто въ родѣ Инквизиціи, поручивъ дѣло доминиканцу. Въ Германіи былъ, повидимому, только одинъ человѣкъ, на котораго можно было положиться, а именно—Конрадъ. 12 іюня, за восемь дней до назначенія Джованни ди Салерно, Григорій писалъ Конраду и благодарилъ его за труды по преслѣдованію еретиковъ; къ сожалѣнію, мы ничего не знаемъ объ этихъ трудахъ. Чтобы старанія Конрада

[1]) Kaltner, op. cit., 96, 121.—De Dictis IV. Ancillarum (Menken, «Script. Rer. Germ» II, 2017, 2023, 2029).—Theodor. Thuring. «Vita S. Elizab.» (Ibid. 2000—1).—Jundt, «Les Amis de Dieu», 95.

Библиотека "Руниверс"

были болѣе дѣйствительны, папа уполномочивалъ его избрать себѣ помощниковъ, достойныхъ его, и предпринять съ ихъ помощью розыски всѣхъ, кого коснулась зараза ереси, чтобы, такимъ образомъ, была очищена отъ плевелъ нива Господня. Инквизиція была только еще въ проектѣ, но это было уже данное заранѣе полномочіе общаго инквизитора на всю Германію. Не будетъ несправедливостью въ отношеніи Григорія думать, что однимъ изъ мотивовъ этого назначенія было желаніе поставить папскій авторитетъ на мѣсто епископской юрисдикціи, которая до этого времени вела мѣстныя и спорадическія преслѣдованія [1]).

Черезъ восемь дней, 20 іюня, Конрадъ получилъ новый указъ, значительно увеличивавшій его власть и вліяніе. Германская Церковь была такъ же развращена и испорчена, какъ и сосѣднія, и до этого времени всѣ попытки исправить ее были безуспѣшны. Въ 1225 г. кардиналъ-легатъ Чинтіо созвалъ въ Майнцѣ большой національный соборъ, на которомъ былъ торжественно принятъ цѣлый рядъ тщательно выработанныхъ каноновъ, направленныхъ къ внутреннимъ реформамъ Церкви. Но эта попытка осталась столь же безплодной, какъ всѣ предшествующія и послѣдующія: нужно было что-либо другое. Конрадъ, въ своей строгой неумолимой добродѣтели, казался единственнымъ человѣкомъ, способнымъ прижечь священнымъ огнемъ язву, разъѣдавшую германскую Церковь. Григорій жилъ раньше въ качествѣ папскаго легата къ сѣверу отъ Альповъ и зналъ состояніе этой Церкви. Онъ рисуетъ намъ германское духовенство преданнымъ кутежамъ, обжорству и всѣмъ порокамъ, какъ животное, роющееся въ своемъ навозѣ; священники постоянно совершаютъ преступленія, которыхъ постыдился бы послѣдній мірянинъ, развращаютъ народъ дурнымъ примѣромъ и поносятъ имя Господа. Чтобы исправить это печальное бѣдствіе, папа поручилъ Конраду произвести реформу, давъ ему полныя права добиться того, чтобы были приведены въ исполненіе правила, изданныя кардиналомъ-легатомъ. Особенное вниманіе ему приказывали обратить на реформу монастырей [2]).

Вооруженный этими почти неограниченными полномочіями, Конрадъ сталъ теперь первымъ духовнымъ лицомъ въ Германіи; и понятно, почему его поклонникъ, Теодорикъ Тюрингенскій, назвалъ его звѣздой, сіявшей на всю Германію. Но въ данную минуту вся его энергія была направлена на то, чтобы мучить св. Елизавету, и мы не видимъ, чтобы онъ выполнялъ свои инквизиторскія обязанности; и единственною реформою, о которой до насъ дошло упоминаніе, было переустройство женскаго монастыря въ Нордгаузенѣ: онъ ограничился тѣмъ, что изгналъ оттуда монахинь, ведшихъ дурную жизнь. Но никогда еще преслѣдованіе не нуждалось такъ въ его услугахъ. Императоръ Фридрихъ былъ 29 сентября того же года отлученъ отъ Церкви за то, что на время пересталъ думать о крестовомъ походѣ. Это отлученіе вызвало конфликтъ между Церковью и государствомъ и дало новую пищу надеждамъ еретиковъ; повсюду ихъ миссіонеры удвоили свою дѣятельность, и страна, казалось, была полна невѣрующихъ; въ каждой области у нихъ былъ свой епископъ, котораго они называли обычнымъ титуломъ; они утверждали также, что у нихъ есть свой папа, по имени Григорій, такъ что въ случаѣ преслѣдованія они могли клятвенно подтверждать, что они исповѣдуютъ вѣру епископа и Григорія. Въ 1229 г. въ Страсбургѣ снова были открыты вальденцы; и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ этомъ городѣ велось преслѣдованіе: много упорныхъ еретиковъ было сожжено, другіе, болѣе покорные, подверглись разнымъ наказаніямъ [3]).

---

[1]) Trithem. «Chron. Hirsaug.» ann. 1214.—Chron. Sanpetrin. Erfurtens. (Menken, III, 242).—Kaltner, op. cit, 86—7.—Epist. Saecul. XIII. T. I, №№ 117, 118, 126, 362.

[2]) Hartzheim, III, 521.—Cp. Concil. Frizlar. ann. 1246, ibid. стр. 574.—Ripoll, I. 21.

[3]) «Vita S. Elizab.» (Canisii «Thesaur.» I, 116).—Johann Rohte, «Chron. Turing.» (Menken, II, 1715).—Kaltner, op. cit. 108, 130—33.—Gesta Treviror. Episcop. c. 172.—Trithem. «Chron. Hirsaug.» ann. 1230.

Библиотека "Руниверс"

Но подобныя мѣстныя попытки были, очевидно, недостаточны, а общей системы преслѣдованія еще не удалось создать. Въ 1231 г. Григорій дѣятельно занялся устройствомъ болѣе дѣйствительной системы и не забылъ Германіи. 20 іюня онъ послалъ нѣмецкимъ прелатамъ римскіе статуты Аннибальдо и эдикты, изданные въ томъ же году папою. Эта посылка сопровождалась граматами, въ которыхъ порицались медленность и снисходительность прелатовъ, и имъ повелѣвалось, чтобы они строго исполняли новые эдикты. Однако, преслѣдованіе развилось уже настолько, что представилось нужнымъ упорядочить вновь возникшіе вопросы по поводу конфискацій. 2 іюня того же года Вормскій сеймъ постановилъ, что аллодіальныя земли и движимость идутъ наслѣдникамъ, а феодальныя земли—сеньору; если дѣло идетъ о рабахъ, то ихъ движимое имущество переходитъ ихъ господамъ; Церковь же и преслѣдователи не принимали участія въ дѣлежѣ. Подъ энергичнымъ давленіемъ Григорія епископы пробудились нѣсколько отъ своей бездѣятельности. Трирскій архіепископъ произвелъ розыскъ по всему городу и открылъ три еретическихъ школы на полномъ ходу. Онъ собралъ синодъ, чтобы судить задержанныхъ имъ лицъ, и имѣлъ удовольствіе послать на костеръ трехъ мужчинъ и одну женщину, по имени Левхардисъ. Она пользовалась славою за свое крайнее благочестіе; но, подвергнувъ ее допросу, выяснили, что она принадлежала къ мерзкой сектѣ луциферіанъ, оплакивавшихъ паденіе сатаны, несправедливо изгнаннаго съ неба [1]).

Однако, результаты не соотвѣтствовали желаніямъ Григорія. Въ октябрѣ того же 1231 г. онъ старался заставить Конрада приступить къ исполненію своей обязанности; онъ въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ хвалилъ его дѣятельность и его успѣхи въ дѣлѣ уничтоженія еретиковъ и убѣждалъ удвоить его энергію. Необходимость въ энергичной дѣятельности становилась все болѣе настоятельной. Трирскій и майнцскій архіепископы доносили, что одинъ апостолъ ереси по всей странѣ посѣялъ плевелы, и что не только крупные центры, но деревни и хижины заражены ересью. Кромѣ того, большое число ересіарховъ трудилось въ своихъ округахъ надъ тѣмъ, чтобы вытѣснить Церковь. Очевидно, для людей заподозрѣнныхъ въ ереси, не существовало праваго суда! Конраду были предоставлены самыя широкія права; онъ могъ даже не выслушивать объясненій, а только произносить окончательное и безапелляціонное рѣшеніе. Онъ могъ требовать помощи свѣтской власти, могъ отлучать отъ Церкви покровителей ереси и накладывать интердиктъ на цѣлыя провинціи. Его дѣйствіями должны были руководить только одни новые декреты Св. Престола. Еретики, которые покаятся, должны были получать прощеніе, но слѣдовало принять мѣры поставить ихъ въ такое положеніе, чтобы имъ не представилось случая къ новому паденію—деликатное выраженіе, означавшее, что ихъ надлежало подвергать пожизненному тюремному заключенію. Когда Конрадъ получилъ эту страшную власть, онъ былъ боленъ при смерти; и еще не успѣлъ онъ совсѣмъ оправиться, какъ 29 ноября 1231 г. умерла св. Елизавета. Какъ ни было жестко сердце Конрада, эта потеря на него сильно подѣйствовала, и долгое время онъ тщетно направлялъ всю свою энергію на то, чтобы добиться ея канонизаціи. Однако, свободное отъ этихъ хлопотъ время онъ употреблялъ на примѣненіе своей власти противъ попадавшихся въ его руки еретиковъ. Много подозрительныхъ людей было арестовано въ самомъ Марбургѣ, и среди нихъ были рыцари, священники и высокопоставленныя лица; одни изъ нихъ отреклись, другіе были сожжены. Въ 1232 г. поѣздка въ Эрфуртъ дала Конраду возможность сжечь еще четыре жертвы [2]).

---

[1]) Hartzheim, III, 539, 540.—Potthast, №№ 8073—4.—Hist. Diplom. Frid. II. T. III, 466.—Gest. Treviror. Archiep. c. 170, 172.

[2]) Kaltner, op. cit., 135—6, 143.—Theodor. Thuring. «Vita S. Elizab.» VIII, 1.—Vita rythmic. S. Elizab. (Menken, II, 2090).—Thür. Fortsetzung d. Sächs. Weltchronik (Pertz, «Script. Vernac.» II, 292).—Trithem. «Chron. Hirsaug.» ann. 1232.—Erphurdian. «Variloq.» (Menken, II, 484).

Библиотека "Руниверс"

Григорій пришелъ въ отчаяніе при видѣ этихъ результатовъ, не оправдавшихъ его надеждъ. Ему оставалось одно: поискать, не найдется ли среди доминиканцевъ людей, готовыхъ отважно и всецѣло отдать добровольно свои силы на святое дѣло. Вслѣдствіе этого съ послѣднихъ мѣсяцевъ 1231 г. до конца 1232 г. разныя доминиканскія конгрегаціи получали указы, уполномочивавшіе ихъ членовъ приняться за дѣло. Договоръ въ Чеперано въ 1230 г. установилъ миръ между папствомъ и имперіей, и Фридрихъ далъ свою императорскую санкцію новой попыткѣ. Въ мартѣ 1232 г. императоръ обнародовалъ въ Равеннѣ статутъ, адресованный ко всѣмъ прелатамъ и сеньорамъ имперіи; этимъ статутомъ имъ повелѣвалось дѣятельно помогать дѣлу уничтоженія ереси, и брались подъ особое покровительство нищенствующіе, которыхъ папа пошлетъ для этого дѣла. Кромѣ того, Фридрихъ приказалъ свѣтскимъ властямъ арестовывать всякаго, на кого укажутъ имъ инквизиторы, держать арестованныхъ до осужденія въ надежныхъ мѣстахъ, карать ужасною смертью всѣхъ тѣхъ, кто будетъ признанъ еретиками или ихъ соумышленниками, и подвергать пожизненному тюремному заключенію всѣхъ, раскаявшихся и отрекшихся отъ ереси. Смертной казни подлежали также и рецидивисты; ихъ потомки до второго поколѣнія объявлялись не имѣющими права владѣть феодальной землей или занимать общественныя должности [1]).

Теперь были законы и были люди, на обязанности которыхъ лежало ихъ примѣненіе. Если бы Конрадъ оказался небрежнымъ, то нашли бы другихъ слугъ, готовыхъ дѣйствовать съ энтузіазмомъ. Событія оправдали эти надежды. На сцену неожиданно выступилъ одинъ доминиканецъ, по имени Конрадъ Торсъ, котораго считали обращеннымъ еретикомъ, и который, безъ всякаго особаго полномочія, принялся очищать страну отъ ложныхъ ученій. Съ нимъ былъ одинъ мірянинъ, по имени Іоаннъ, кривой и однорукій, полный всякихъ пороковъ, который хвастался, что онъ съ перваго взгляда узнаетъ еретика. Свидѣтельства этого спутника было, повидимому, достаточно для Конрада, который отправился съ нимъ въ походъ, переходилъ изъ одного города въ другой и осуждалъ безъ толку и безъ разбору. Народъ, въ своемъ возбужденіи, требовалъ, чтобы свѣтскія власти сжигали несчастныхъ, которыхъ выдавалъ имъ монахъ. Но вскорѣ настроеніе умовъ измѣнилось. Тогда доминиканецъ ловко заручился поддержкой вельможъ, направивъ свои нападенія противъ богатыхъ и возбудивъ надежду на богатыя конфискаціи, которыя раздѣлятъ между собою друзья вѣры. Когда его упрекали, то онъ, говорятъ, отвѣчалъ: «Я сжегъ бы сто невинныхъ, если бы среди нихъ нашелся одинъ виновный». Возбужденные его примѣромъ, многіе доминиканцы и францисканцы присоединились къ нему и сдѣлались его ревностными помощниками [2]).

Трудно рѣшить вопросъ, убѣдилъ ли Конрадъ Торсъ Конрада Марбургскаго присоединиться къ нему, чтобы укрѣпить свою власть, или самъ Конрадъ Марбургскій, почувствовавъ издали запахъ битвы, очнулся отъ своего оцѣпенѣнія и яростно вмѣшался въ дѣло преслѣдованія. Достовѣрно только одно, что Конрадъ Марбургскій выступилъ на сцену, что онъ не удовлетворился только поддержаніемъ преслѣдователей своимъ громкимъ именемъ, но со всею своею энергіей и неумолимой твердостью отдался дѣлу и увеличилъ ужасъ преслѣдованій.

Ересь, въ которой обвиняли несчастныя жертвы этого избіенія, была ученіемъ не вальденцевъ, а луциферіанъ. Конрадъ далъ папѣ подробное описаніе ихъ гнусныхъ обрядовъ. Это описаніе заслуживаетъ нашего вниманія, такъ какъ оно даетъ представленіе о той вѣрѣ въ колдовство, которая въ теченіе столѣтій вызывала по всей Европѣ столь страшныя

---

[1]) Kaltner, op. cit., 134.—Hist. Diplom. Frid. II. T. IV, 300—2.

[2]) Annal. Wormatiens. (Hist. Diplom. Frid. II. T. IV, 616).—Kaltner, op. cit., 138.—Sächsische Weltchronik ann. 1232.—Gest. Treviror. Archiep., c. 170.

Издание подготовлено
при поддержке ПАО "Транснефть" Библиотека "Руниверс"

жестокости; но было неизбѣжно, чтобы инквизиторы и народъ смотрѣли такъ на ученіе еретиковъ; уже при первомъ появленіи катаровъ въ Орлеанѣ въ 1022 г. объ ихъ адскихъ обрядахъ разсказывали подобныя же исторіи, воспроизведенныя во второй половинѣ XII ст. Готье Мапомъ [1]). Несомнѣнно, что Конраду приходилось слышать тысячи разъ разсказъ объ этихъ дикихъ вымыслахъ въ сознаніяхъ несчастныхъ, являвшихся предъ его трибуналомъ. Протоколы дѣлъ о колдовствѣ въ послѣдующіе годы настолько многочисленны и настолько подлинны, что нельзя сомнѣваться въ готовности обвиняемыхъ приписывать себѣ самые омерзительные и невѣроятные обряды, чтобы удовлетворить судью, допрашивавшаго ихъ и внушавшаго имъ эти отвѣты. Конрадъ, правда, не примѣнялъ пытки, но инквизиціонное судопроизводство позволяло ему вырывать признанія не хуже, чѣмъ это дѣлали его лучше вооруженные преемники.

Въ этихъ разоблаченіяхъ разсказывается, что, когда вновь вступающаго принимали въ секту, и онъ въ первый разъ присутствовалъ на собраніи, ему появлялась жаба, которую онъ цѣловалъ или въ задъ, или въ ротъ; въ послѣднемъ случаѣ животное клало что-нибудь въ ротъ неофита. Иногда животное принимало видъ гуся или утки, иногда оно дѣлалось «такимъ большимъ, какъ печь». Затѣмъ являлся человѣкъ невѣроятно блѣдный, глаза котораго были такъ черны, какъ ни у кого на свѣтѣ, и у котораго не было ничего, кромѣ костей и кожи. Новичокъ цѣловалъ этого человѣка, кожа котораго была совершенно холодная; съ этимъ поцѣлуемъ изъ памяти неофита сглаживалось всякое воспоминаніе о католической вѣрѣ. Послѣ этого всѣ присутствующіе садились пировать: затѣмъ со статуи, всегда стоявшей при этой церемоніи, спускалась огромная кошка, ростомъ съ собаку, съ опущеннымъ хвостомъ; она спускалась задомъ и подставляла свой задъ сначала новичку, который цѣловалъ его, а затѣмъ предсѣдателю собранія, также цѣловавшему этотъ задъ; а затѣмъ кошка продѣлывала то же со всякимъ «достойнымъ и совершеннымъ»; тѣ же, кто оказывался «недостойнымъ» и «несовершеннымъ», получали отъ предсѣдателя прощеніе грѣховъ и миръ. Послѣ этого всѣ занимали свои мѣста, запѣвали пѣсни, и предсѣдатель спрашивалъ у своего сосѣда: «Чему учитъ это»? Въ отвѣтъ тотъ говорилъ: «Самому глубокому миру», а другой добавлялъ: «и что мы должны повиноваться». Тотчасъ же гасили свѣтъ, и между послѣдователями секты происходило грязное половое смѣшеніе. Затѣмъ снова зажигали свѣчи; каждый занималъ свое мѣсто, и изъ темнаго угла появлялся человѣкъ, сіяющій какъ солнце, отъ головы до пояса, и черный какъ кошка, отъ чреслъ до ногъ. Это существо наполняло своимъ свѣтомъ всю комнату. Президентъ бралъ кусокъ одежды новичка, протягивалъ его блистающему человѣку и говорилъ: «Наставникъ! я даю тебѣ то, что было дано мнѣ»; а онъ отвѣчалъ: «Ты хорошо служилъ мнѣ; ты будешь больше и лучше служить мнѣ. Я оставляю тебѣ то, что ты далъ мнѣ!» И съ этими словами онъ исчезалъ. Ежегодно на Пасху сектанты, получая причастіе, уносили его во рту и, придя домой, выплевывали его въ отхожее мѣсто, чтобы показать этимъ свое пренебреженіе къ Искупителю. Они утверждали, что Богъ несправедливо и измѣнически низвергъ сатану въ адъ; истиннымъ творцомъ былъ именно сатана, и наступитъ день, когда онъ сядетъ на мѣстѣ Бога. Тогда они благодаря ему будутъ пользоваться вѣчнымъ блаженствомъ. Нужно избѣгать всего, что нравится Богу, и любить все, что Онъ ненавидитъ.

Повидимому, никто не сомнѣвался въ справедливости этого явнаго сплетенія лжи. Эти разоблаченія довели почти до сумасшествія легковѣрнаго человѣка, занимавшаго тогда папскій престолъ. Онъ отвѣтилъ Конраду, что онъ думалъ, что онъ опьянѣлъ; и, дѣйстви-

---

[1]) Pauli Carnotens. «Vet. Aganon.» lib. VI, c. 3.—Adhemar. Cabannens. ann. 1022 (Bouquet, X, 159).—Gualteri Mapes, «de Nugis Curialium», dist. I, c. XXX.

Библиотека "Руниверс"

тельно, граматы его отличаются безсвязностью изложенія человѣка ненормальнаго. «Если бы земля могла подняться противъ этихъ людей, если бы звѣзды могли обличить беззаконіе этихъ преступниковъ такъ, что не только бы люди, но и элементы соединились, чтобы уничтожить ихъ, смести съ лица земли, не щади ни пола, ни возраста, и предать ихъ вѣчному позору у народовъ, то и это наказаніе не было бы достаточнымъ и достойнымъ ихъ преступленій»! Если невозможно обратить ихъ, то необходимо прибѣгнуть къ самымъ энергичнымъ мѣрамъ. Рану, на которую не дѣйствуютъ перевязки, слѣдуетъ лѣчить огнемъ и желѣзомъ. Тотчасъ же Конраду было приказано проповѣдывать крестовый походъ противъ луциферіанъ; было потребовано, чтобы провинціальный епископъ, императоръ и король Генрихъ, сынъ императора, направили всю свою власть на истребленіе этихъ несчастныхъ [1]).

Средства, къ которымъ прибѣгалъ Конрадъ, чтобы добиться сознанія у своихъ жертвъ, были самыя простыя. Инквизиціонное судопроизводство не было еще выработано, а неограниченная власть, предоставленная Конраду, позволяла ему, нетерпѣливому отъ природы, достигать цѣли кратчайшей дорогой. Согласно оффиціальному донесенію, посланному папѣ папскимъ духовникомъ, доминиканцемъ Бернаромъ и майнцскимъ архіепископомъ, обвиняемому просто предоставлялось на выборъ или сознаться въ тѣхъ преступленіяхъ, въ которыхъ его обвиняли и подвергнуться епитиміи, или прямо отправляться на костеръ. Въ сущности это былъ основной принципъ инквизиціоннаго судопроизводства, доведенный до своей крайней простоты. Въ распоряженіи Конрада не было тюремъ, куда онъ могъ бы заключать своихъ кающихся; осужденіе на ношеніе крестовъ было, повидимому, ему не извѣстно, и поэтому самой унизительной епитиміей онъ считалъ приказаніе обрить голову кающемуся, у котораго, конечно, предварительно вырывали имена всѣхъ послѣдователей секты, которыхъ онъ видѣлъ участниками въ безобразіяхъ ночныхъ сборищъ.

Вначалѣ Конрадъ попалъ въ руки одной праздношатающейся двадцатилѣтней интригантки, которая поссорилась со своей семьей и, случайно прибывъ въ Бингенъ и увидавъ, какой ходъ принимаютъ дѣла, рѣшила воспользоваться этимъ, чтобы отомстить. Она выдала себя за сектантку, разсказала, что мужъ ея былъ сожженъ, и что она сама желала такой же смерти; она добавила, что если Конрадъ довѣрится ей, то она откроетъ ему имена виновныхъ. Конрадъ жадно схватилъ приманку и послалъ одного изъ своихъ помощниковъ съ этой женщиной въ Клавельтъ, откуда она происходила, и она добилась того, что ея ближніе были сожжены. Затѣмъ нѣкто Амфридъ сознался, что ему удалось сжечь при помощи Конрада много невинныхъ. И подобныхъ ему людей было немало. Говорили даже, что нѣкоторые хитрые еретики нарочно обвиняли сами себя, чтобы при сознаніи показать на католиковъ и, такимъ образомъ, сдѣлать ненавистнымъ все дѣло инквизиторовъ. Такъ какъ никто никоимъ образомъ не могъ оправдаться, то многіе энергичные люди соглашались лучше взойти на костеръ и обрѣсти вѣчное спасеніе, чѣмъ сознаться во лжи и несправедливо обвинить другого. Болѣе слабые, стараясь спасти свою жизнь, часто, когда ихъ заставляли назвать своихъ соумышленниковъ, отвѣчали: «Я не знаю, кого обвинить; скажите мнѣ имена подозрѣваемыхъ вами»; а если ихъ спрашивали о какихъ-нибудь отдѣльныхъ лицахъ, то они отвѣчали уклончиво: «они были тѣмъ, чѣмъ былъ и я; они бывали на тѣхъ собраніяхъ, на которыхъ бывалъ и я». Для обвиненія, конечно, достаточно было подобнаго отвѣта. «Такимъ образомъ, говорится дальше въ оффиціальномъ донесеніи папѣ, братъ обвинялъ брата, жена—мужа, хозяинъ—слугу. Другіе даютъ деньги кающимся, чтобы узнать отъ нихъ, какъ ускользнуть или спасти свою жизнь; все это доводитъ до такого смятенія, какого еще никогда не бы-

[1]) Raynald. ann. 1233, №№ 41—46. — Epist. Saecul. XIII. T. I, №№ 533, 537. — Gest. Treviror. Archiep., c. 171.

Библиотека "Руниверс"

Incepto Pſalmo, Pontifex cum forficibus incidit vnicuique extremitates capillorum in quatuor locis; videlicet, in fronte, in occipitio, & ad vtramque aurem, deinde in medio capitis aliquot crines capillorum, & in bacile deponit, & quilibet, cum tondetur, dicit.

DOminus pars hæreditatis meæ, & calicis mei: tu es, qui reſtitues hæreditatem meam mihi.

Omnibus tonſis, mitra depoſita, ſurgit Pontifex, & ſtans verſus ad illos, dicit.

Oremus.

PRæſta quæſumus omnipotens Deus, vt hi famuli tui, quorum hodie comas capitum pro amore diuino depoſuimus, in tua dilectione perpetuo maneant; & eos ſine macula, in ſempiternum cuſtodias. Per Chriſtum Dominum noſtrum.

℟. Amen.

Tunc ſchola inchoat, & proſequitur Antiphonàm ſequentem. Qua incepta, Pontifex ſedet cum mitra. Antiphona.

ТОНЗУРА.

(Изъ „Pontificale Romanum").

Библиотека "Руниверс"

вало. Я самъ, архіепископъ, сначала одинъ, а потомъ вмѣстѣ съ архіепископами Трира и Кельна просили магистра Конрада вести подобныя серьезныя дѣла болѣе осмотрительно и воздержанно, но онъ отказался послѣдовать нашему совѣту» [1]).

Послѣдняя подробность позволяетъ намъ судить о настроеніи нѣмецкихъ прелатовъ. Если они не пытались, энергично вмѣшавшись, защищать свою паству, то, по крайней мѣрѣ, они не принимали участія въ дикомъ преслѣдованіи. Конрадъ нашелъ въ рядахъ доминиканцевъ и францисканцевъ достаточное число помощниковъ, но бѣлое духовенство держалось въ сторонѣ. Тщетно въ октябрѣ 1232 г. Григорій писалъ прелатамъ и князьямъ, указывая имъ, что еретики, раньше скрывавшіеся въ тѣни, теперь показываются совершенно открыто, подобно лошадямъ, снаряженнымъ на бой, и проповѣдуютъ публично свои заблужденія, губя людей простыхъ и невѣжественныхъ. Истинная вѣра, добавлялъ папа, стала рѣдка въ Германіи; и поэтому онъ приказывалъ имъ начать энергичный розыскъ на всемъ протяженіи ихъ владѣній, арестовывать всѣхъ еретиковъ и подозрѣваемыхъ и судить ихъ согласно съ папскими декретами 1231 г. Прелаты остались глухи. Епископы были глубоко возмущены, видя, что папы нарушаютъ ихъ независимость, вводя новый судъ. Нищенствующіе ордены стали казаться уже довольно опаснымъ факторомъ: эти инквизиторы появились вооруженными папскими указами и по всѣмъ епархіямъ повсюду замѣнили старую епископскую юрисдикцію; и поэтому не удивительно, что обезпокоенные епископы держались въ сторонѣ отъ борьбы. Нѣмецкіе прелаты были крупными свѣтскими князьями, соединявшими въ своихъ рукахъ гражданскую и духовную власть. Трое епископовъ-избирателей, майнцскій, трирскій и кельнскій, какъ свѣтскіе сеньоры, были равны самымъ могущественнымъ князьямъ имперіи; съ другой стороны, и размѣры многихъ епархій дѣлали епископовъ почти столь же сильными. Это высшее духовенство постоянно терпѣло отъ алчности римской куріи и, чтобы помѣшать вторженію Рима, ему приходилось вести постоянную борьбу. Несомнѣнно, Фридрихъ II своими конституціями 1232 г. увеличилъ свѣтское могущество прелатовъ, сдѣлавъ ихъ абсолютными хозяевами епископскихъ городовъ и отнявъ у послѣднихъ всѣ права и вольности; но въ то же время императоръ, какъ мы уже знаемъ, санкціонировалъ папскую Инквизицію, предоставивъ ей, такимъ образомъ, повсемѣстно высшую юрисдикцію. Легко понять, что прелаты, полные чувства досады и боязни, отказывали инквизиторамъ въ своей помощи, поскольку подобные отказы не грозили ихъ безопасности; и они, конечно,

---

[1]) Alberic. Trium Fontium ann. 1234.—Godefridi S. Pantaleon. «Annal.» ann. 1233.

Изъ этого документа могло бы показаться, что кельнскій архіепископъ Генрихъ отправлялъ еще въ это время свои обязанности; однако, онъ былъ отрѣшенъ отъ должности Григоріемъ IX еще въ декабрѣ 1231 г., въ то время, какъ было начато разслѣдованіе о его преступной жизни, о которой папа отозвался какъ о жизни, которую «зазорно описывать», и о которой «омерзительно слышать». Въ апрѣлѣ 1233 г. Григорій старался добиться, чтобы архіепископъ сложилъ съ себя обязанности, но прелатъ въ отвѣтъ на это въ іюнѣ обратился съ жалобой къ Святому Престолу. Непосредственнымъ слѣдствіемъ этого шага было то, что папа обложилъ кельнское духовенство налогомъ въ триста марокъ на покрытіе расходовъ. Въ мартѣ слѣдующаго года потребовалось снова собирать деньги на покрытіе расходовъ. Въ апрѣлѣ 1235 г. архіепископъ былъ еще отлученъ отъ Церкви и лишенъ своихъ обязанностей. Затѣмъ онъ, повидимому, снова занялъ свой постъ, и въ мартѣ 1238 г. его присудили уплатить тысячу триста марокъ римскому банкиру по долговымъ обязательствамъ, заключеннымъ много лѣтъ тому назадъ его предшественникомъ. Въ маѣ 1239 г. мы находимъ его преемника, Конрада Гохштаденскаго, въ Римѣ въ качествѣ избраннаго архіепископа, и Григорій приказалъ ему собрать восемь тысячъ марокъ со своей провинціи для уплаты долговъ архіепископіи (Epist. Select. Saeculi XIII, T. I, №№ 457, 472, 523, 529—30, 555, 579, 637, 723, 748).—На этомъ примѣрѣ мы видимъ, каковы были отношенія между римской куріей и крупными нѣмецкими епископіями: одна проявляла ненасытную алчность, а другія дѣлали тщетныя усилія, чтобы освободиться отъ нея.

Библиотека "Руниверс"

должны были искать перваго удобнаго случая, чтобы раздавить этихъ пришельцевъ, сдѣлавшихся такъ быстро могущественными [1]).

Къ счастью для населенія Германіи Конрадъ не замедлилъ своимъ безграничнымъ безразсудствомъ доставить прелатамъ желанный случай. Сначала онъ нападалъ на униженныхъ и обездоленныхъ, а затѣмъ быстро началъ грозить и людямъ высокопоставленнымъ. Онъ самаго послѣдняго крестьянина ставилъ наравнѣ съ самымъ могущественнымъ сеньоромъ; онъ готовъ былъ напасть и на того и на другого; но его свидѣтели не осмѣливались сначала обвинять людей знатныхъ и могущественныхъ. Когда же преслѣдованіе стало болѣе ужаснымъ, то нѣкоторые преслѣдуемые поняли, по всей вѣроятности, что лучшимъ средствомъ вызвать кризисъ является обвиненіе самыхъ сильныхъ людей страны. Были пущены компрометирующіе слухи о чистотѣ вѣры графовъ Анеберга, Лоца и Сайна. Конрадъ постарался на допросахъ собрать свидѣтельскія показанія противъ этихъ сеньоровъ, а затѣмъ вызвалъ ихъ въ свой трибуналъ. Особенно крупной добычей былъ графъ Сайнъ. Это былъ одинъ изъ самыхъ могущественныхъ вельможъ епархіи; его огромныя владѣнія оберегались укрѣпленными замками, славившимися своею твердынею. Самъ онъ слылъ человѣкомъ твердымъ и жестокимъ, и обвинители ожидали открытаго сопротивленія съ его стороны.

Майнцскій архіепископъ Зигфридъ, желая показать свое повиновеніе папскимъ указамъ, созвалъ на 13 марта 1233 г. провинціальный соборъ, который, собравшись, высказалъ сожалѣніе по поводу преобладанія ереси, охватившей самыя послѣднія деревушки; прелатовъ просили энергично приняться за уничтоженіе этого зла; имъ было приказано примѣнять въ своихъ епархіяхъ послѣдніе декреты папы и императора и читать и объяснять ихъ въ мѣстныхъ синодахъ, чтобы напуганные еретики обратились; было высказано порицаніе по поводу захвата имущества подозрѣваемыхъ раньше, чѣмъ была установлена ихъ виновность; епископамъ приказали доставить тюрьмы для фальшивыхъ монетчиковъ и непокорныхъ лицъ духовнаго званія, не упомянувъ ни словомъ о тюрьмахъ для еретиковъ, хотя за нѣсколько недѣль передъ этимъ Григорій спеціально предписалъ прелатамъ присуждать всѣхъ рецидивистовъ къ пожизненному тюремному заключенію; была сдѣлана попытка поддержать епископскую юрисдикцію, для чего было предписано инквизиторамъ раньше, чѣмъ приступить къ отправленію своихъ обязанностей въ епархіи, получить на то разрѣшительныя граматы отъ епископа; и, наконецъ, чтобы предупредить предполагаемое сопротивленіе графа Сайна и другихъ обвиняемыхъ вельможъ, постановили: если какой-либо могущественный вельможа, полагаясь на крѣпость своихъ замковъ и на поддержку своихъ подданныхъ, не явится послѣ троекратнаго вызова, то мѣстный епископъ долженъ проповѣдывать противъ него крестовый походъ, обѣщая участникамъ индульгенціи, и долженъ, не задумываясь, напасть на него [2]).

Такимъ образомъ, хотя явно дѣятельность епископовъ согласовалась съ желаніями папы и императора, но на практикѣ она имѣла цѣлью ограничить могущество инквизиторовъ. Что касается угрозы крестовымъ походомъ, то значеніе ея ясно опредѣлялось мѣрами, принятыми въ отношеніи графа Сайна. Хитрый сеньоръ понялъ, что онъ можетъ разсчитывать на покровительство епископовъ, если онъ дастъ имъ обѣщаніе реально поддержать ихъ. Онъ пользовался достаточнымъ значеніемъ у короля Генриха, чтобы убѣдить его соединиться съ Зигфридомъ майнцскимъ и созвать на 25 іюля соборъ для разслѣдованія дѣла. Король и его свита присутствовали на собраніи, такъ что его можно было скорѣе назвать императорскимъ сеймомъ, чѣмъ духовнымъ соборомъ. Графъ заявилъ о своей

---

[1]) Hist. Diplom. Frid. II. T. IV, 285—7, 300—2.

[2]) Annal. Wormatiens. («Hist. Diplom. Frid. II». T. IV, 616 — 17. — Kaltner, op. cit., 19, 146—8.—Epist. Select. Saeculi XIII, № 514.

Библиотека "Руниверс"

невинности и предложилъ доказать ее «соприсяжниками». Конрадъ, бывшій на собраніи, увидѣлъ, что дѣло неожиданно принимаетъ новый оборотъ. И, дѣйствительно, этотъ соборъ былъ національнымъ протестомъ противъ главенства папской Инквизиціи: вмѣсто того, чтобы быть судьей, вооруженнымъ неограниченной властью, инквизиторъ былъ низведенъ до роли простого докладчика. Онъ ввелъ своихъ свидѣтелей, но передъ этимъ торжественнымъ собраніемъ многіе изъ нихъ струсили и обратились въ бѣгство, а другіе имѣли настолько мужества, что заявили, что они были вынуждены обвинить графа, спасая свою жизнь; относительно же тѣхъ, кто подтвердилъ свои показанія, легко было доказать, что они были личными врагами обвиняемыхъ. Все собраніе пылало, повидимому, желаніемъ положить конецъ произвольнымъ судамъ Конрада, и поднятое имъ преслѣдованіе было совершенно прекращено. Только одинъ король Генрихъ, быть-можетъ, замышлявшій уже возстаніе противъ своего отца и не желавшій связывать себя ни съ вельможами, ни съ папами, настаивалъ, чтобы дѣло было отложено для производства болѣе полнаго разслѣдованія. Графъ энергично настаивалъ на немедленномъ постановленіи рѣшенія, но вмѣшался трирскій архіепископъ, заявивъ: «Графъ! король желаетъ, чтобы дѣло было отложено». А затѣмъ, повернувшись къ присутствовавшимъ, сказалъ: «Я объявляю, что гр. Сайнъ выходитъ отсюда, не будучи признанъ виновнымъ и какъ добрый католикъ». Въ отвѣтъ на это Конрадъ недовольнымъ тономъ проворчалъ: «Если бы онъ былъ признанъ виновнымъ, то было бы совсѣмъ другое». Затѣмъ онъ вышелъ. Въ концѣ концовъ, графъ согласился на то, чтобы дѣло было отослано въ Римъ, который долженъ былъ вынести окончательное рѣшеніе [1]).

Взбѣшенный этой неудачей, Конрадъ сейчасъ же началъ проповѣдывать на улицахъ Майнца крестовый походъ противъ нѣкоторыхъ вельможъ, не явившихся къ нему по его вызову. Но король и архіепископъ единодушно выступили противъ этого, и ему пришлось уступить. Тогда онъ со своей обычной инстинктивной рѣшительностью сразу рѣшилъ покинуть неблагодарный міръ и поселиться уединенно въ Марбургѣ. Король и архіепископъ предложили ему вооруженный конвой, но онъ взялъ только охранный листъ и пошелъ навстрѣчу роковому удару, который долженъ былъ положить конецъ его злодѣяніямъ. Тѣ, противъ кого онъ проповѣдывалъ крестовый походъ, поджидали его у Марбурга и 31 іюля убили его, не обращая вниманія на его мольбы. Вѣрный его спутникъ, монахъ Гергардъ, который, бросившись на тѣло своего горячо любимаго наставника, отказался покинуть его, также погибъ съ нимъ вмѣстѣ. Полагаютъ, что мѣстомъ этого убійства былъ Каппельнъ на Лансбергѣ, гдѣ была воздвигнута въ память этого часовня. Тѣло несчастнаго, перенесенное въ Марбургъ, было похоронено рядомъ съ св. Елизаветой; а когда мощи святой были перенесены въ роскошный храмъ св. Елизаветы, то были также перенесены туда и останки Конрада [2]).

Какую память оставилъ по себѣ Конрадъ среди своихъ современниковъ, можно представить по разсказу, что одному изъ нихъ было видѣніе, въ которомъ Конрадъ явился осужденнымъ на вѣчныя мученія; но современное ему духовенство отнеслось снисходительно къ его дѣятельности. Альбанъ Бутлеръ доходитъ даже до утвержденія, что это былъ добродѣтельный и просвѣщенный священникъ, проповѣди котораго принесли огромную пользу; что его ревность, безкорыстіе, любовь къ бѣдности и строгая жизнь дѣлали его примѣромъ для современниковъ. Однако, странное дѣло, Церковь не причислила его еще къ

---

[1]) Gest. Treviror. Archiepisc., c. 174.—Sächsische Weltchronik, ann. 1233 (Pertz, II, 292).—Annal. Wormatiens. (loc. cit.).—Godefridi S. Pantaleon. «Annal.» ann. 1233.

[2]) Sächsische Weltchronik, loc. cit.—Gest. Treviror. Archiepisc. loc. cit.—Alberic. Trium Font. ann. 1233.—Erphurdian. «Variloq.» ann. 1233. — Chron. Erfordiens. ann. 1233 (Schannat, «Vindem. Literar.» I, 93).—Trithem. «Chron. Hirsaug.» ann. 1233.—Kaltner, op. cit., 160—61.

Библиотека "Руниверс"

лику святыхъ мучениковъ и не поставила его еще рядомъ съ подобными ему злыми геніями, св. Петромъ Мученикомъ и св. Педро Арбуэсомъ [1]).

Когда Конрадъ покинулъ Майнцскій соборъ, то начатыя имъ преслѣдованія тотчасъ же остановились. «Такимъ образомъ, говоритъ одинъ изъ духовныхъ того времени, прекратилась гроза, прекратилось самое страшное преслѣдованіе, которое испытали вѣрные со времени Константія Еретика и Юліана Отступника. Міръ вздохнулъ свободно. Гр. Сайнъ былъ той стѣною, которая поддержала домъ Господа: безъ него эта безумная ярость продолжала бы проявлять себя, нападая одновременно на виновныхъ и невинныхъ, на епископовъ и князей, на вѣрныхъ католиковъ и на нечестивыхъ еретиковъ». Убійцы Конрада, очевидно, поняли, что имъ нечего бояться общественнаго мнѣнія, такъ какъ они явились добровольно и заявили, что заранѣе соглашаются съ судомъ Церкви по вопросу обвиненія въ ереси, возбужденнаго противъ нихъ Конрадомъ, и съ рѣшеніемъ свѣтскихъ судовъ по дѣлу о человѣкоубійствѣ. Они соглашались явиться на имперскій сеймъ, который долженъ былъ состояться въ Франкфуртѣ въ февралѣ 1234 г. [2]).

Въ іюнѣ 1233 г. Григорій приказалъ проповѣдывать крестовый походъ противъ еретиковъ и побуждалъ прелатовъ и князей вести болѣе энергично дѣло преслѣдованія; но когда Конрадъ, Scholasticus изъ Шпейера, посланный Майнцскимъ соборомъ, передалъ ему отъ имени короля и епископовъ письма, въ которыхъ описывался произвольный судъ его инквизитора, то онъ проникся сожалѣніемъ и приказалъ заготовить посланія съ предписаніемъ, чтобы судъ надъ еретиками велся болѣе правильно. Но не успѣлъ еще посланный получить эти граматы, какъ прибылъ Конрадъ Торсъ, привезшій извѣстія о безпорядкахъ и объ убійствѣ инквизитора. Папа пришелъ въ ярость; онъ потребовалъ только-что подписанныя имъ граматы, разорвалъ ихъ и грозилъ несчастному майнцскому послу лишеніемъ бенефицій; однако, коллегіи кардиналовъ удалось смягчить гнѣвъ папы: онъ согласился снова подписать граматы и съ миромъ отпустилъ посланнаго. Но, чтобы утѣшиться, онъ пространно излилъ свои чувства въ посланіяхъ къ германскимъ прелатамъ. Смерть Конрада была ударомъ грома, потрясшимъ стѣны христіанской Церкви. Не находили словъ для изображенія заслугъ и достоинствъ мученика, не находили достаточно строгаго наказанія для его убійцъ. Епископы, вполнѣ достойно заслужившіе упрекъ въ индифферентномъ отношеніи, получили приказаніе предпринять немедленно самыя энергичныя мѣры. Доминиканскому провинціалу Конраду было приказано совмѣстно съ епископами вести энергично дѣло Инквизиціи и проповѣдывать крестовый походъ противъ еретиковъ [3]).

Несмотря на эти изліянія горя и гнѣва, германскіе прелаты оставались до неприличія спокойны; однако, епископъ Гильдесгейма, фанатикъ Конрадъ, строго слѣдуя указаніямъ папы, проповѣдывалъ крестовый походъ, и по его настояніямъ ландграфъ Конрадъ Тюрингенскій очистилъ свою страну отъ еретиковъ, совершенно уничтожилъ ихъ общины и разрушилъ Виллерсдорфъ, считавшійся ихъ главнымъ убѣжищемъ. Въ то же самое время братъ его Генрихъ Распъ и графъ Кибурга (Цюриха) Гартманъ подняли крестъ, и ихъ владѣнія попали за это подъ особое покровительство папы. Но это возобновленіе дѣятельности было встрѣчено дурно въ Германіи, и призывъ къ отмщенію не нашелъ тамъ себѣ отголоска. Въ назначенный день, 2 февраля 1234 г., собрался сеймъ во Франкфуртѣ, и первымъ дѣломъ, разсмотрѣннымъ на немъ, было поднятое королемъ Генрихомъ обвиненіе противъ епископа Гильдесгейма за его проповѣдь крестоваго похода. Въ этой проповѣди усматривали оскорбленіе короля, и хотя виновный, благодаря единодушному ходатайству при-

---

[1]) Alberic. Trium Font. ann. 1233.—Alban. Butler, «Vies des Saints», 19-oe ноября.

[2]) Gest. Treviror. Archiepisc. 174.—Hartzheim, III, 549.

[3]) Epist. Select. Saeculi XIII. T. I, №№ 533, 537, 558, 560—61.—Chron. Erfordiens. ann. 1234 (Schannat, «Vindem. Literar.» I, 94).

Библиотека "Руниверс"

сутствовавшихъ на сборѣ, былъ прощенъ, тѣмъ не менѣе, это сопротивленіе желаніямъ папы было очень знаменательно. Затѣмъ была подвергнута осужденію память Конрада; этотъ вопросъ, какъ вполнѣ духовный, разсматривался отдѣльно духовенствомъ. Архіепископы и епископы, числомъ двадцать-пять, почти единогласно осудили память инквизитора; только епископъ Гильдесгейма и одинъ доминиканецъ, по имени Отто, храбро защищали ее. Одинъ изъ прелатовъ настаивалъ даже на томъ, чтобы тѣло магистра Конрада было вырыто и сожжено какъ тѣло еретика. Но не было принято никакого опредѣленнаго рѣшенія, такъ какъ, повидимому, неожиданный случай прервалъ дѣло. Въ залу засѣданія была введена цѣлая процессія кающихся, которымъ въ прошломъ году Конрадъ велѣлъ обрить голову; они явились, предшествуемые человѣкомъ, несшимъ крестъ, и горько жаловались на жестокость своего преслѣдованія. Поднялся страшный шумъ, и защитникамъ Конрада съ большимъ трудомъ удалось спасти свою жизнь. На другой день, въ понедѣльникъ, на Судебномъ Полѣ, за городскими стѣнами, состоялось торжественное оправданіе гр. Сайна. При присягѣ, въ которой онъ отвергъ всѣ заблужденія, въ которыхъ его обвиняли, присутствовало восемь епископовъ, двѣнадцать цистерціанскихъ и три доминиканскихъ аббата, двѣнадцать францисканскихъ монаховъ и три монаха доминиканскихъ, а также много другихъ духовныхъ лицъ и вельможъ; присутствіе этихъ лицъ показываетъ, какъ горячо желало нѣмецкое духовенство снять съ себя подозрѣніе въ солидарности съ Конрадомъ. Подобную же присягу принесъ вынужденный Конрадомъ сознаться гр. Сольмсъ, заявившій со слезами на глазахъ, что только боязнь смерти заставила его признать себя виновнымъ. Тогда сеймъ выработалъ на будущее время новый законопроектъ; но краткое замѣчаніе, сдѣланное имъ по поводу ереси, не могло смягчить гнѣва Григорія. Было сказано просто, что лица, облеченныя судебной властью, должны прилагать всѣ свои усилія къ тому, чтобы очистить страну отъ ереси, и въ то же время имъ предписывалось предпочитать справедливый судъ несправедливому преслѣдованію [1]).

Спустя два мѣсяца, 2 апрѣля 1234 г., въ Майнцѣ состоялся соборъ для постановленія окончательныхъ рѣшеній. Гр. Сайнъ и другіе обвиняемые подверглись какому-то подобію допроса, затѣмъ были признаны невиновными, возстановлены въ своихъ правахъ и получили обратно секвестрованное имущество. Несчастные свидѣтели Конрада, уличенные въ клятвопреступленіи, были приговорены къ семилѣтней епитиміи. Тѣхъ, кто обвинялъ невинныхъ, въ насмѣшку послали къ папѣ, чтобы онъ самъ наложилъ на нихъ епитимію; не безъ ироніи также спросили намѣстника Петра, какъ надо поступить съ покойниками, несправедливо сожженными Конрадомъ. Что же касается убійцъ палача, то ихъ только отлучили отъ Церкви [2]).

Это былъ какъ бы вызовъ, брошенный Святому Престолу. Григорій благоразумно оставилъ его безъ отвѣта. Въ это время у него шли раздоры съ римлянами, и онъ не могъ начинать неравной борьбы противъ нѣмецкой Церкви, сильной своимъ единствомъ. Онъ послалъ своего духовника Берпара разслѣдовать дѣло на мѣстѣ. Послѣдній послалъ папѣ составленное имъ вмѣстѣ съ архіепископомъ Зигфридомъ донесеніе, изъ котораго мы, главнымъ образомъ, и узнаемъ обо всемъ этомъ дѣлѣ. Получивъ донесеніе, папа высказалъ сожалѣніе, что предоставилъ магистру Конраду такія широкія права, ставшія источникомъ столькихъ несчастій; но окончательнаго рѣшенія не вынесъ. Въ концѣ 1234 г. Григорій обратился къ содѣйствію нѣмецкихъ епископовъ въ своей ссорѣ съ римлянами, ссорѣ, которая кончилась миромъ въ апрѣлѣ 1235 г. Теперь у него руки были свободны; тѣмъ не менѣе, онъ только въ іюлѣ выразилъ свое негодованіе. Онъ сдѣлалъ крайне

[1]) Epist. Select. Saecul. XIII. T. I, №№ 503, 572.—Chron. Erfordiens. (Schannat, «Vindem. Literar.», I, 94).—Alberic. Trium Font. ann. 1234.—Gest. Treviror. Archiepisc. c. 175.

[2]) Alberic. Trium Font. ann. 1233.

Библиотека "Руниверс"

рѣзкое замѣчаніе Майнцскому собору, виновному въ томъ, что осмѣлился въ отсутствіи всякаго защитника вѣры простить наказанныхъ Конрадомъ и отослалъ убійцъ къ папѣ для полученія отъ него отпущенія грѣха, не наказавъ ихъ предварительно. Рѣшеніе же его въ отношеніи убійцъ было таково: они должны въ мартѣ отправиться съ крестоносцами въ Палестину и дать вѣрныя ручательства своего повиновенія; а до отъѣзда они должны обойти всѣ крупныя церкви области, въ которой было совершено преступленіе, ходить босикомъ, въ одномъ нижнемъ платьѣ, съ петлей на шеѣ и посохомъ въ рукѣ; при всякомъ большомъ стеченіи народа священники должны бичевать ихъ, а они въ это время должны пѣть покаянные псалмы и публично каяться въ своемъ прегрѣшеніи. Послѣ этого только они могутъ надѣяться на прощеніе [1]).

Главный виновникъ всѣхъ этихъ безпорядковъ, Конрадъ Торсъ, вернувшись изъ Рима, попытался снова продолжать свою прерванную дѣятельность; но настроеніе населенія измѣнилось, и жертвы не проявляли былой покорности. Въ Страсбургѣ Конрадъ вызвалъ «Junker'a» Гейнга фонъ Мюллентеймъ, который быстро покончилъ съ преслѣдованіемъ, убивъ обвинителя. Помощникъ Конрада, кривой Іоаннъ, окончилъ болѣе постыднымъ образомъ; когда онъ очутился въ Фрейбургѣ, его узнали и повѣсили [2]).

Такимъ образомъ, окончилась эта ужасная драма, оставившая на долгое время въ душѣ нѣмецкаго населенія чувство ужаса. Къ свѣдѣніямъ о числѣ жертвъ Конрада нужно относиться осторожно. Одни лѣтописцы говорятъ просто, что число это было безконечно; другіе утверждаютъ, что сожжена была цѣлая тысяча несчастныхъ; но цифра эта, по всей вѣроятности, преувеличена, такъ какъ безумная дѣятельность Конрада длилась не болѣе года; однако, число это должно быть значительно, разъ оно произвело такое глубокое впечатлѣніе на мало впечатлительныхъ людей того времени [3]).

Всеобщая ненависть, вызванная фанатизмомъ Конрада, дала крайне счастливые результаты. Епископы воспользовались ею, чтобы удержать присвоенную себѣ юрисдикцію и ограничить прерогативы Инквизиціи. Задачѣ этой много помогла, конечно, открытая ссора между Фридрихомъ II и папствомъ. Даже послѣ смерти Фридриха, во время Великаго Междуцарствія, и при императорахъ, болѣе или менѣе находившихся подъ вліяніемъ Св. Престола, потребовалось цѣлое столѣтіе раньше, чѣмъ папы, ревностно заботившіеся объ устройствѣ и укрѣпленіи повсюду Инквизиціи, сдѣлали серьезную попытку ввести ее въ Германіи. Мы не знаемъ ни одной попытки, ни одного назначенія, ни одной посылки нѣмецкихъ инквизиторовъ. Римъ понималъ, повидимому, что это учрежденіе не подходило къ нѣмецкой почвѣ, когда же папы измѣнили свой взглядъ, то Инквизиція начала упадать даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ она процвѣтала съ наибольшею силою [4]).

За возбужденіемъ, вызваннымъ подвигами Конрада Марбургскаго, естественно, послѣдовала реакція. Въ 1233 г. убійство епископа хурскаго Бертольда было приписано еретикамъ;

---

[1]) Alberic. Trium Font. ann. 1233.—Epist. Select. Saeculi XIII. T. I, №№ 607, 611—12, 636, 647.

Нѣтъ основаній давать вѣру разсказу Филиппа Муске (Chronique Rimée, 28831—42.—Bouquet, XXII, 55). Григорій, говоритъ авторъ хроники, послалъ въ Германію извѣстнаго кардинала Оттона, который началъ лишать сана разныхъ духовныхъ лицъ, замѣшанныхъ въ дѣло; онъ поднялъ такую бурю, что долженъ былъ ночью бѣжать въ Турнэ, а оттуда вернуться въ Римъ. Хотя весь этотъ разсказъ лишенъ, повидимому, всякаго основанія, но уже тотъ фактъ, что онъ могъ распространиться по Германіи, показываетъ, какой антагонизмъ существовалъ тогда между этой страной и Римомъ.

[2]) Kaltner, op. cit., 173.—Annal. Wormatiens. (Hist. Diplom. Frid. II. T. IV, 617).

[3]) Trithem. «Chron. Hirsaug.» ann. 1232.—Erphurdian. «Variloq.» ann. 1232 (Menken. II, 484).—Chron. Sanpetrin. Erfurt. (Ibid. III, 254).—Anon. Saxon. Hist. Imp. (Ibid. III, 125).—Chron. Erfordiens. ann. 1232 (Schannat, «Vindem. Literar.» I, 92).

[4]) Kaltner, op. cit., 171, 173.—Annal. Dominican. Colmar. ann. 1233 (Urstisii «Germ. Hist.» II, 6).—Potthast, №№ 13000, 15995.—Albert. Stadens. «Chron.» ann. 1248.

Библиотека "Руниверс"

это показываетъ, что преслѣдованіе охватило огромное пространство. Въ теченіе 1234 г. доминиканцы и францисканцы, говорятъ, проявляли одинаково энергичную дѣятельность и зажгли много костровъ. Но направленіе, принятое нѣмецкими прелатами, послужило примѣромъ, не пропавшимъ даромъ; въ 1235 г. городскія власти Страсбурга предложили монахамъ обращать людей словомъ убѣжденія и не сжигать никого раньше, чѣмъ не будетъ выслушана защита. Мы уже видѣли изъ жалобъ графа де Салинъ въ 1248 г. и изъ безплодныхъ стараній Иннокентія IV установить Инквизицію въ Безансонѣ, что на западной границѣ Германіи жили вальденцы, которыхъ никто не безпокоилъ. Около этого же времени произошло въ сосѣдствѣ съ Галле умственное движеніе, на которое можно смотрѣть какъ на возникшее подъ вліяніемъ вальденскаго ученія. Папству удалось найти соперника Фридриху въ лицѣ Вильгельма Голландскаго, въ пользу котораго подготовлялся крестовый походъ противъ Конрада, сына Фридриха. Сторонники императора, естественно, должны были благосклонно смотрѣть на теоріи вальденцевъ, отрицавшихъ «власть ключей» и повиновеніе интердиктамъ; они не могли также возражать противъ ученія, запрещавшаго совершать таинства священнику, бывшему въ грѣхѣ. Эти ученія были приписаны еретикамъ Галле; они смѣло явились въ 1248 г. на судъ, были съ увлеченіемъ выслушаны знатью и ободрены королемъ Конрадомъ. Но они вскорѣ исчезли среди безконечныхъ перемѣнъ той безпокойной эпохи.

Существованіе ереси и Инквизиціи болѣе ясно засвидѣтельствовано сочиненіями Давида Аугсбургскаго и автора, обыкновенно называемаго Пассаускимъ Анонимомъ. Дата послѣдняго сочиненія установлена плохо, но она не можетъ быть позднѣе 1260 г. Мѣстомъ дѣятельности Анонима была огромная Пассауская епархія, простиравшаяся отъ Изара до Лейты и отъ Чехіи до Штиріи, охватывая, такимъ образомъ, восточную Баварію и сѣверную Австрію. Его мандатъ, повидимому, указываетъ на существованіе Инквизиціи, хорошо организованной и имѣвшей полный кодексъ судопроизводства; однако, широкое распространеніе вальденской ереси позволяетъ намъ думать, что Инквизиція мало проявляла свою дѣятельность. Онъ разсказываетъ, что ему часто приходилось вести разслѣдованія о «школахъ», или общинахъ, вальденцевъ; подобныхъ школъ-общинъ была сорокъ одна въ его епархіи, изъ которыхъ десять были только въ одномъ городѣ Кламмѣ, гдѣ еретики безнаказанно убили приходскаго священника. Было также сорокъ одна вальденскихъ церкви, во главѣ которыхъ стоялъ епископъ, жившій въ Эмпенбахѣ; въ Невенгоффенѣ существовала школа (община) для прокаженныхъ. Все это указываетъ на то, что ересь процвѣтала и мало подвергалась преслѣдованіямъ. Отмѣтимъ, что мѣстности, въ которыхъ были церкви, представляли незначительныя деревни: очевидно, ересь избѣгала большихъ городовъ и искала себѣ послѣдователей между людьми скромными, крестьянами и работниками. Мы уже упоминали объ ихъ поразительномъ знаніи Св. Писанія и о ихъ преданности дѣлу пропаганды своей вѣры. Нашъ авторъ долго останавливается на ученіяхъ Ordibarii или Orthibenses, откуда мы можемъ заключить, что они сильно его занимали. Между прочимъ, они вѣровали, что день Страшнаго суда наступитъ тогда, когда императоръ и папа перейдутъ въ ихъ секту: подобная надежда показываетъ, что ученіе ихъ процвѣтало и быстро распространялось. Немного позднѣе упоминается о вальденцахъ, захваченныхъ въ Ратисбонской епархіи. Слѣды ихъ дѣятельности, несмотря на преслѣдованіе, мы встрѣчаемъ во всей южной Германіи [1]).

Было невозможно остановить развитіе ереси безъ помощи спеціальнаго и общаго для всей имперіи учрежденія; а подобное учрежденіе могло выйти только отъ папы; духъ независимости нѣмецкихъ прелатовъ укрѣпился благодаря страшному впечатлѣнію, произведенному преступленіями Конрада Марбургскаго, и они дѣлали все возможное, чтобы

[1]) Anonym. Passaviens. «contra Waldens.», c. 3, 6, 9, 10 (Mag. Bib. Pat. XIII, 299, 301—2, 308—9).—W. Preger, «Beiträge», 9, 49.—Ejusdem, «Der Tractat des David von Augsburg.».

Библиотека "Руниверс"

уничтожить папскую юрисдикцію противъ ереси. Съ другой стороны, епископская Инквизиція была непостоянна и недѣйствительна. Если какой-либо рьяный прелатъ назначалъ инквизиторами доминиканцевъ или францисканцевъ, то послѣдніе могли дѣйствовать только нѣсколько лѣтъ въ предѣлахъ епархіи, и единственнымъ слѣдствіемъ ихъ дѣятельности было обыкновенно то, что болѣе опасные еретики искали себѣ убѣжища на земляхъ болѣе вѣротерпимаго сосѣда. Однако, не слѣдуетъ думать, что епископы совершенно пренебрегали своими обязанностями; какъ мы увидимъ ниже, преслѣдованіе шло своимъ чередомъ довольно постоянно то въ одномъ городѣ, то въ другомъ; но подобное мѣстное и временное преслѣдованіе не отличалось настойчивой энергіей, которая одна только могла уничтожить ересь. Тщетно Майнцскій соборъ 1261 г. предалъ анаѳемѣ всѣхъ еретиковъ, согласно обычной формулѣ папскихъ буллъ, и приказалъ всѣмъ епископамъ ревностно трудиться надъ уничтоженіемъ ереси въ ихъ епархіяхъ, примѣняя къ личности и имуществу еретиковъ папскіе декреты и статуты, выработанные на предшествующемъ провинціальномъ соборѣ [1]).

Эта безплодная попытка свидѣтельствуетъ, по нашему мнѣнію, объ отсутствіи папской Инквизиціи и о признаніи ереси подсудной юрисдикціи епископовъ. Но многіе прелаты не знали своихъ обязанностей, а отдѣльныя попытки нѣкоторыхъ ревнителей вѣры были какъ бы парализованы.

Кромѣ того, послѣ Фридриха II государственное право въ Германіи долгое время не признавало верховной юрисдикціи папы въ дѣлѣ ереси. Безъ сомнѣнія, въ канцеляріи Рудольфа Габсбургскаго, царствовавшаго съ 1273 г. по 1292 г., хранилась формула признанія и подтвержденія мандатовъ, являемыхъ инквизиторами, и возможно, что иногда представлялся случай примѣнять ее. Императоръ заявилъ передъ Богомъ, что онъ принимаетъ корону, главнымъ образомъ, для того, чтобы защищать вѣру; онъ упоминаетъ о примѣненіи инквизиціоннаго суда какъ противъ еретиковъ, такъ и противъ ихъ потомковъ, но онъ благоразумно дѣлаетъ оговорку, что виновность необходимо должна быть доказана законнымъ путемъ и что осужденіе должно быть сдѣлано на законномъ основаніи.

Еще болѣе ясно подтверждается отсутствіе папской Инквизиціи средневѣковыми сборниками обычнаго права Германіи. Въ нихъ нигдѣ не упоминается о существованіи учрежденія, подобнаго Св. Трибуналу. Правда, сборникъ муниципальныхъ законовъ сѣверной Германіи, Sachsenspiegel, предписываетъ сожженіе на кострѣ для уличенныхъ въ невѣріи, колдовствѣ и отравленіи, но форма процесса не опредѣлена. Съ другой стороны, законъ запрещалъ разрушеніе жилищъ за исключеніемъ тѣхъ, въ которыхъ было совершено изнасилованіе, или куда была отнесена жертва подобнаго преступленія; отсюда ясно, что разрушеніе жилищъ и убѣжищъ еретиковъ было не извѣстно въ странѣ, гдѣ примѣнялся этотъ кодексъ. Въ общемъ Sachsenspiegel чрезвычайно мало обращалъ вниманія на притязанія духовенства, и онъ вполнѣ заслуживалъ той анаѳемы, которой предала его римская курія, какъ только узнала его практическое значеніе [2]).

Гораздо внимательнѣе къ Церкви былъ Shwabenspiegel, примѣнявшійся въ южной Германіи; но и онъ признаетъ въ отношеніи еретиковъ только одну епископскую юрисдикцію. Онъ допускаетъ, что папа можетъ изгнать изъ христіанскаго міра императора, ре-

---

[1]) Concil. Moguntt. ann. 1261, cap. 1 (Hartzheim, III, 596).

[2]) Cod. Epist. Rodolph. I, 148—9, Lipsiae, 1806.—«Sachsenspiegel», III. XII, III. I.—Raynald. ann. 1374, № 12.

Папское осужденіе было, по всей вѣроятности, вызвано однимъ мѣстомъ въ «Sachsenspiegel» (II, 3), въ которомъ говорится, что папа не можетъ издать декреталій въ ущербъ мѣстнымъ законамъ и установленіямъ. Саксонскіе законники не обратили ни малѣйшаго вниманія на анаѳему и начали поддерживать и доказывать свое полное право (Richstich, «Landrecht», II, 24).

Библиотека "Руниверс"

лигіозныя вѣрованія котораго будутъ подозрительны; онъ присуждаетъ еретика къ смерти на кострѣ; онъ устанавливаетъ, что духовные суды, если будетъ узнано о существованіи въ какомъ-либо мѣстѣ еретиковъ, должны произвести разслѣдованіе и начать процессъ противъ еретиковъ; если виновность будетъ признана, то виновные передаются свѣтскому судьѣ и караются по закону; если этотъ судья небрежно относится къ своей обязанности и отказывается повиноваться, то епископъ долженъ его отлучить отъ Церкви, а сюзеренъ долженъ наложить на него наказаніе, назначенное за ересь; всякій свѣтскій князь, не карающій ереси, долженъ быть отлученъ отъ Церкви судомъ епископа; если это отлученіе будетъ тяготѣть надъ нимъ цѣлый годъ, то епископъ долженъ отослать его къ папѣ, который долженъ лишить его сана и власти; исполнителемъ папскаго рѣшенія долженъ быть императоръ, обязанный отобрать у виновнаго всѣ феодальныя и аллодіальныя владѣнія. Такимъ образомъ, этотъ кодексъ примѣнялъ къ ереси дѣйствовавшіе тогда духовные законы; но полное незнакомство съ инквизиціоннымъ судопроизводствомъ сказывается въ оговоркѣ, устанавливающей наказаніе (talio) для всякаго, кто не подтвердитъ возбужденнаго имъ обвиненія въ нѣкоторыхъ преступленіяхъ, и въ томъ числѣ ереси. Такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ можно было рисковать попасть на костеръ, то, можно думать, частныя лица не злоупотребляли правомъ обвинять другихъ въ ереси [1]).

Въ концѣ XIII и въ началѣ XIV ст. вниманіе католиковъ было привлечено нѣкоторыми ученіями, распространенными среди полу-монашескихъ корпорацій, которыя долгое время пользовались благосклонностью благочестивыхъ людей и покровительствомъ Церкви. Это были общины, извѣстныя подъ именемъ бегинокъ и бегиновъ, бегардовъ, лоллардовъ, целлитовъ и т. п. Много труда и времени потрачено на разысканіе происхожденія этихъ названій. Сами бегины, бегинки и бегарды утверждали, что они духовно происходили отъ св. Бегги, матери Пипина Ланденскаго и основательницы женскаго бенедектинскаго монастыря въ Анденнахъ. Другого родоначальника хотѣли видѣть въ лицѣ Ламберта ле-Бегъ, бывшаго около 1180 г. священникомъ церкви св. Христофора въ Льежѣ и прославившагося обличеніемъ симоніи каѳедральныхъ канониковъ. Продажа бенефицій была открыто поручена мяснику, по имени Уделинъ, служившему маклеромъ. Когда Ламбертъ раскрылъ эти злоупотребленія, то епископъ арестовалъ его какъ вызывающаго волненія; духовныя лица бросились на него и разорвали. Связь его съ бегинами и бегинками основывается на томъ, что онъ далъ имъ пріютъ въ своемъ домѣ св. Христофора, оставшемся до послѣдняго времени самымъ крупнымъ и богатымъ пріютомъ бегиновъ провинціи. Но наиболѣе вѣроятнымъ кажется мнѣніе, что названія б е г а р д ъ и б е г и н ъ происходятъ отъ древненѣмецкаго слова b e g g a n, что значитъ п р о с и т ь, н и щ е н с т в о в а т ь, а названіе л о л л а р д о в ъ (L o l l a r d) производятъ отъ слова l u l l e n — б о р м о т а т ь м о л и т в ы [2]).

---

[1]) «Schwabenspiegel», изд. Senk. c. 29, 116, §§ 12, 351; изд. Schilt. c. 111, 166, 308.

[2]) Hist. Monast. S. Laurent. Leodiens. lib. V, c. 54.—Mag. Chron. Belgic. 193.—Mosheim, «De Beghardis», Lipsiae, 1790, стр. 98—100, 114.

Ламбертъ Бегъ подвергся преслѣдованію за то, что отрицалъ дѣйствительность паломничествъ, особенно, когда деньги, нужныя на путешествіе, были пріобрѣтены преступными средствами (Paul Fredericq, «Note complémentaire sur les Documents de Glasgow concernant Lambert le Bègue», Брюссель, 1895 г.).

Въ народномъ употребленіи названія л о л л а р д ъ и б е г а р д ъ постоянно встрѣчались одно вмѣсто другого; однако, между ними есть разница. Общества лоллардовъ были основаны въ Антверпенѣ около 1300 г. во время чумы. Это были общества мірянъ, посвятившихъ себя уходу за больными и сумасшедшими, въ особенности дѣлу погребенія мертвыхъ; деньги они снискивали себѣ частью трудомъ, частью нищенствомъ. Имя ихъ происходило отъ ихъ пѣнія, нѣжнаго и медленнаго, которымъ они сопровождали похороны; но сами они называли себя A l e x i e n s, по имени своего патрона святого Алексѣя, или ц е л л и т а м и (Cellites), такъ какъ они жили въ кельяхъ. Ихъ называли также M a t e m a n s, а по-нѣмецки N o l l b r ü d e r. Названіе «лоллардъ» мало-по-малу стало обозначать видимую святость, скрывавшую тайныя мерзости, и без-

Библиотека "Руниверс"

Много разныхъ причинъ побуждало многихъ людей стремиться къ монашеской жизни, не связанной страшными и безвозвратными обѣтами, которые совершенно отрѣзаютъ человѣка отъ всего хода жизни. Особенно это стремленіе распространилось между женщинами, которыя, оставшись безъ поддержки, искали защиты отъ опасностей, отовсюду грозившихъ въ эти грубыя времена, у единственной сильной власти, могущей оказать имъ свое покровительство,—у Церкви. Такимъ образомъ, образовывались общины, сначала исключительно женскія, члены которыхъ давали обѣтъ сохранять цѣломудріе и послушаніе только до тѣхъ поръ, пока находятся въ общинѣ, вносили на содержаніе общины свою часть трудомъ или прошеніемъ милостыни, ревностно исполняли религіозныя требованія и при случаѣ несли нѣкоторыя обязанности въ больницахъ, ухаживая за больными. Мысль о подобныхъ общинахъ впервые появилась въ Нидерландахъ. Уже въ 1065 г. была дана грамата монастыремъ бегинокъ въ Вильвордѣ близъ Брюсселя. Уронъ, произведенный въ мужскомъ населеніи крестовыми походами, значительно увеличилъ число беззащитныхъ женщинъ и далъ новый толчокъ къ развитію бегинства. Въ свою очередь, и мужчины образовали подобныя же общины, и вскорѣ ими были покрыты Германія, Франція и Италія. Этому движенію много способствовала францисканская теорія, восхвалявшая нищету, а также то обстоятельство, что благодаря нищенствующимъ орденамъ къ нищенству стали относиться съ нѣкоторымъ уваженіемъ. Протягивать руку за кускомъ насущнаго хлѣба стало средствомъ достигнуть святости; мы уже видѣли это на примѣрѣ св. Елизаветы и Конрада Марбургскаго. Около 1230 г. нѣкто Виллемъ Корнелисъ изъ Антверпена отрекся отъ своей пребенды и посвятилъ себя проповѣди нищеты какъ высшей добродѣтели. Онъ довелъ это ученіе до крайнихъ предѣловъ, поучая, что нищета уничтожаетъ всякій грѣхъ, какъ огонь ржавчину, и что бѣдная публичная дѣвушка стоитъ выше справедливаго и добродѣтельнаго богача. Его съ честью похоронили въ церкви Дѣвы Маріи, но черезъ четыре года, когда его убѣжденія сдѣлались извѣстны, его кости были вырыты и сожжены по приказанію Николая, епископа Камбрэ [1]).

Эти крайности показываютъ господствующее направленіе эпохи. Необходимо составить себѣ ясное представленіе объ этомъ состояніи умовъ, чтобы понять, какъ Европа могла переносить эти полчища благочестивыхъ нищихъ, которые, то бродя, то соединившись въ общины, покрывали всю землю и жили насчетъ работающей части населенія. Изъ этихъ двухъ разрядовъ болѣе опасными были бродячіе нищіе; но въ обоихъ былъ зародышъ будущихъ безпорядковъ, хотя организованные бегины и очень походили на терціаріевъ нищенствующихъ орденовъ. Часто эти бегины и бегинки ставили во главѣ своей общины доминиканцевъ или францисканцевъ; и тѣ изъ нихъ, которые пережили превратности преслѣдованія, смѣшались, по большей части, съ терціаріями одного изъ этихъ орденовъ.

Легко объяснить быстрое развитіе этихъ общинъ въ XIII вѣкѣ: помимо того, что онѣ отвѣчали нравственнымъ взглядамъ эпохи, онѣ еще и пользовались покровительствомъ самыхъ могущественныхъ лицъ. Во Фландріи графы, повидимому, всегда оказывали имъ

различно примѣнялось ко всѣмъ нищенствующимъ, не принадлежавшимъ къ монашескимъ орденамъ. Общества целлитовъ изъ Нидерландовъ распространились по рейнскимъ провинціямъ и по всей Германіи. Подобно бегардамъ, они всегда служили мишенью для преслѣдованія, но магистраты городовъ сумѣли оцѣнить ихъ и старались оказывать имъ покровительство. Въ 1472 г. Карлъ Смѣлый получилъ отъ Сикста IV буллу, которая ставила ихъ въ число признанныхъ монашескихъ орденовъ и избавляла такимъ образомъ отъ подсудности епископамъ. Въ 1506 г. Юлій II далъ имъ особыя привилегіи. Общества братьевъ св. Алексѣя существуютъ еще и понынѣ и отдаютъ свои силы уходу за больными: у нихъ имѣются богатыя больницы какъ въ Соединенныхъ Штатахъ, такъ и въ Европѣ (Mosheim, «De Beghardis», 461, 469.—Martini «Append. ad Mosheim», 385—88.—Hartzheim, IV, 625—6.—Addis et Arnold's «Catholic Dictionary», Нью-Іоркъ, 1884 г., стр. 886).

[1]) Miraei «Op. Diplom.», II, 948 (изд. Foppens).—D'Argentré, «Coll. Judic.», I, I, 138.

Библиотека "Руниверс"

поддержку. Григорій IX и его преемники взяли ихъ подъ особое покровительство Св. Престола. Людовикъ Святой предоставилъ бегинамъ и бегинкамъ дома въ Парижѣ и въ другихъ городахъ и далъ имъ крупныя пожертвованія. Сыновья его слѣдовали его примѣру. Подобныя поддержки вызвали быстрый ростъ ихъ числа. У нихъ было множество послѣдователей въ Парижѣ. Въ Кельнѣ и его окрестностяхъ около 1240 г. ихъ насчитывали до двухъ тысячъ; столько же было ихъ въ единственной бегинской общинѣ въ Брабантѣ. Благочестивый рыцарь Филиппъ де Монмирель, посвятившій себя добрымъ дѣламъ, обезпечилъ, говорятъ, существованіе пяти тысячъ бегиновъ, распространенныхъ по всей Европѣ. Большая бегинская община въ Гентѣ, основанная въ 1234 г. графинями Іоанной и Маргаритой Фландрскими, описывается въ XVII ст. какъ маленькій городъ, окруженный стѣнами и рвами, съ широкими площадями, монастырями, жилыми домами, больницей, церковью, кладбищемъ и съ населеніемъ отъ восьмисотъ до тысячи женщинъ; молодыя жили въ монастыряхъ, старыя въ отдѣльныхъ жилищахъ. Никакой обѣтъ, данный навѣки, не связывалъ ихъ; онѣ могли выступить и выйти замужъ во всякое время; но пока онѣ жили въ общинѣ, онѣ должны были повиноваться Старшей Наставницѣ. Кустодія учрежденія была поручена пріору доминиканскаго монастыря въ Гентѣ. Филиппъ Муске свидѣтельствуетъ, какъ высоко стояло бегинство въ общественномъ мнѣніи, называя Конрада Марбургскаго uns bégins mestre sermonnière [1]).

Надъ тѣми, кто жилъ въ монастыряхъ, можно было установить извѣстный надзоръ и можно было предписать имъ извѣстныя правила; но нельзя было сдѣлать того же въ отношеніи тѣхъ, которые вели независимый образъ жизни; одни изъ нихъ основывались въ опредѣленномъ мѣстѣ, другіе бродили изъ города въ городъ, снискивая себѣ пропитаніе иногда работою, а чаще милостынею. Они обыкновенно рыскали по улицамъ съ крикомъ: Brod durch Gott! [2]). Этотъ крикъ сталъ непріятно привыченъ жителямъ нѣмецкихъ городовъ, хотя Церковь не разъ старалась уничтожить этотъ обычай. Одинъ случай, имѣвшій мѣсто около 1240 г., показываетъ, какими святыми слыли эти бегины и бегинки, и какую выгоду они могли извлекать себѣ изъ этого. Одна женщина, по имени Сибилла, родомъ изъ Марсалы близъ Меца, видя, что много женщинъ, прикрываясь именемъ бегинокъ и благодаря показной набожности, ведутъ пріятную жизнь подъ руководствомъ доминиканцевъ, рѣшила, говорятъ, подражать имъ. Она постоянно посѣщала утрени и обѣдни и пріобрѣла себѣ славу невѣроятно набожной; тогда она притворилась, что соблюдаетъ строгій постъ и питается манной небесной; ей бывали видѣнія, и она приходила въ экстазъ; такимъ образомъ, она одурачила всю страну и даже самого мецскаго епископа. Бегинки, считавшія ее своею святою сестрою, были страшно поражены, когда случайно открылся обманъ; одни изъ взбѣшенныхъ жителей хотѣли сжечь ее, другіе зарыть живою; но епископъ заключилъ ее въ монастырь, in pace, гдѣ она и умерла [3]).

Церковь скоро поняла, какую опасность представляли эти совершенно безконтрольные обычаи. Съ одной стороны, были люди, готовые послѣдовать примѣру Сибиллы, а съ другой — болѣе серьезная опасность заключалась въ той легкости, съ которой бегины и бегинки могли вдаться въ умозаключенія, противоположныя католичеству. Въ появившемся около этой эпохи трактатѣ одного нищенствующаго монаха, разоблачающаго

---

[1]) Miraei «Op. Diplom.», I, 429; II, 998, 1013; III, 398, 523.—Mosheim, «De Beghardis», 43, 105, 127, 131—2.—Wadding. ann. 1485, № 27.—B. de Jonghe, «Belgium Dominican.» ap. Ripoll, II, 170.—Chron. Rimée de Ph. Mousket, 28817 (Bouquet, XXII, 54).

[2]) «Хлѣба Бога ради!».

[3]) Chron. Senonens. lib. IV, c. 18 (D'Achery, II, 634—6).

Крикъ «Brod durch Gott!» вошелъ въ употребленіе еще много раньше. Это было первое нѣмецкое выраженіе, которое выучили францисканцы, посланные въ Германію святымъ Франциском въ 1221 г.—Frat. Jordani Chron. c. 27 («Analecta Franciscana», I, 10).

Библиотека "Руниверс"

безпорядки въ Церкви, говорится, что бегины могутъ сдѣлаться причиной серьезныхъ опасностей; однако, въ вину имъ онъ ставитъ только то, что они читали и объясняли Св. Писаніе на народномъ языкѣ. Кромѣ того, онъ упоминаетъ о слухѣ, что у одного изъ этихъ бегиновъ были стигматы, что разоблачаетъ ихъ склонность къ видѣніямъ и мистическому экстазу. Въ 1250 и въ послѣдующихъ годахъ кельнскіе бегины и бегинки часто жаловались папскимъ легатамъ на притѣсненія духовенства и мірянъ. Въ 1259 г. соборъ, бывшій въ Майнцѣ, осудилъ «вредоносную секту» бегардовъ и Beguttae (бегинокъ), которые рыскали по улицамъ съ крикомъ «Brod durch Gott!», проповѣдывали въ подземельяхъ и другихъ тайныхъ мѣстахъ и совершали обряды, порицаемые Церковью. Всѣмъ священникамъ было приказано предложить этимъ бегардамъ и бегинкамъ измѣнить образъ жизни и изгнать изъ приходовъ тѣхъ изъ нихъ, кто не послѣдуетъ ихъ совѣту. Въ 1267 г. Трирскій соборъ запретилъ бегинамъ и бегинкамъ проповѣдывать на улицахъ въ виду того, что они распространяли ересь. Въ 1287 г. бывшій въ Льежѣ соборъ запретилъ тѣмъ, кто не жилъ въ бегинскихъ общинахъ, носить особую одежду и пользоваться привилегіями бегиновъ. Около этого же времени въ Швабіи нѣкоторые члены общинъ бегардовъ и бегиновъ старались убѣдить своихъ собратьевъ, что имъ лучше служить Богу «въ свободѣ духа»; тогда епископы начали разгонять эти общины, и многія изъ нихъ членовъ просили дать имъ уставъ св. Августина [1]).

Въ это самое время ученики Ортлиба, называвшіе себя Братьями Свободнаго Духа, присвоили себѣ одежду и имя бегардовъ и бегиновъ и мало-по-малу также то ученіе, которое выдвинулъ Амори. Число лоллардовъ, бегардовъ и бегиновъ, принявшихъ это ученіе, было сравнительно невелико, но они всѣ раздѣлили отвѣтственность за ошибки немногихъ. Общины, гдѣ лица обоего пола вели самую чистую жизнь и исповѣдывали самое чистое католичество, подвергались тысячѣ притѣсненій за то только, что носили одно имя съ виновными. Когда подъ именемъ бегардовъ и бегинокъ предавали анаѳемѣ еретиковъ, которыхъ считали особенно опасными, то для носившихъ это имя, хотя бы они и не исповѣдывали этихъ заблужденій, было невозможно избѣжать общаго недовѣрія. Затруднительное положеніе еще болѣе ухудшилось, когда Іоаннъ XXII вступилъ въ борьбу съ францисканцами-спиритуалами, довелъ ихъ до открытаго возстанія и преслѣдовалъ порожденную имъ самимъ ересь со всею яростью, на которую была способна его мстительная душа. Францисканскіе терціаріи во Франціи назывались обыкновенно бегинами; подъ этимъ названіемъ стали извѣстны и эти еретики-спиритуалы, и его приняли авиньонскіе папы. Это смѣшеніе, много затруднявшее ересіологовъ, имѣло печальное вліяніе на участь добродѣтельныхъ и правовѣрныхъ бегиновъ обоего пола. Правда, бегарды-еретики приняли имя Братьевъ Свободнаго Духа; правда, возмутившіеся францисканцы считали себя единственно истинными представителями ордена и приняли имя спиритуаловъ, чтобы отличаться отъ своихъ собратій конвентуаловъ, привязанныхъ къ земнымъ благамъ; но власть имущіе долгое время не обращали вниманія на эти различія: въ глазахъ Церкви осужденіе бегардовъ и бегинокъ распространялось обыкновенно на всѣхъ безразлично.

Мы остановимся здѣсь только на Братьяхъ Свободнаго Духа. Мы знаемъ, что ихъ ученіе возникло изъ умозрѣній послѣдователей Амори, которыя занесъ въ Германію Ортлибъ Страсбургскій. Возможно даже положительнымъ образомъ установить основные принципы ихъ вѣрованій благодаря свѣдѣніямъ, идущимъ изъ очень разнообразныхъ источниковъ и согласныхъ между собою въ существенномъ, несмотря на то, что они охватываютъ большой промежутокъ времени. Такъ какъ секта занимала огромное пространство и упорно

[1]) Collectio de Scandalis Ecclesiae (Döllinger, «Beiträge zur politischen, kirchlichen und Cultur-Geschichte», T. III, 199).—Haupt, «Zeitschrift für Kirchengeschichte», 1885 г., стр. 544.—Hartzheim, III, 717; IV, 577.—Concil. Trevirens. ann. 1257, c. 66 (Martène, «Ampl. Coll.» VII, 114—15).—Mosheim, 199.

Библиотека "Руниверс"

держалась въ теченіе многихъ поколѣній, то неизбѣжно должны были зозникнуть дѣленія сообразно съ тѣмъ, какъ тотъ или другой ересіархъ, развивая свои умозрѣнія въ ту или другую сторону, основывалъ свою школу, уклоненій которой не контролировало ни одно центральное учрежденіе. Однако, имъ приписываютъ много чрезвычайно отвратительныхъ крайностей, происхожденіе которыхъ нужно скорѣе отнести на счетъ какихъ-либо черезчуръ глубокомысленныхъ схоластиковъ, которые дѣлали изъ посылокъ обвиненныхъ еретиковъ логическіе, но крайніе выводы. Секта проявляла доказательства замѣчательной умственной дѣятельности: трактаты и духовныя книги, написанныя сектантами на народномъ языкѣ, были распространены во множествѣ и сильно содѣйствовали имъ въ дѣлѣ обращенія. Естественно, всѣ эти книги погибли, и мы знакомимся съ ученіями этихъ еретиковъ только по вынесеннымъ противъ нихъ приговорамъ.

Основной принципъ ихъ вѣры былъ пантеистическій. Богъ—во всемъ, что существуетъ. Въ кабанѣ столько же божественнаго начала, какъ и въ человѣкѣ, и во всякомъ другомъ твореніи. Все исходитъ отъ Бога, и все къ Нему возвращается. Такъ какъ души послѣ смерти восходятъ къ Богу, то нѣтъ ни чистилища, ни ада; всякое внѣшнее поклоненіе безполезно. Такимъ образомъ, сразу уничтожалось значеніе церковныхъ обрядовъ и таинствъ. Впрочемъ, что касается таинствъ, то еретики не находили достаточно сильныхъ выраженій, чтобы высказать презрѣніе, которое внушали они имъ. Они обыкновенно говорили, что евхаристія напоминаетъ вкусомъ навозъ. Человѣкъ, будучи, естественно, Богомъ, содержитъ въ себѣ всѣ Божескія свойства; всякій можетъ утверждать, что онъ создалъ вселенную. Однимъ изъ обвиненій, выставленныхъ противъ магистра Эккарта, было то, что онъ утверждалъ, что его мизинецъ создалъ міръ. Мало того, человѣкъ можетъ такъ объединиться съ Богомъ, что можетъ дѣлать все, что дѣлаетъ Богъ; поэтому человѣкъ не нуждается въ Богѣ, и во всемъ, что онъ ни дѣлаетъ, нѣтъ никакого грѣха. Въ такомъ состояніи совершенства онъ ничѣмъ не огорчается, ничему не радуется; онъ свободенъ отъ всѣхъ обязанностей и отъ всякаго долга. Никто не обязанъ работать изъ-за куска хлѣба; все принадлежитъ всѣмъ вообще; всякій можетъ брать все, что ему угодно для удовлетворенія своихъ потребностей или своихъ желаній [1]).

Практическія слѣдствія этихъ ученій были смертельны не только для Церкви, они были также опасны и для нравственнаго и общественнаго порядка. Возвышенный мистицизмъ наставниковъ могъ предохранить ихъ отъ ужасныхъ послѣдствій, къ которымъ вело вѣрованіе въ непогрѣшимость. Въ своей нравственной непогрѣшимости они осуждали всякое половое сношеніе, разъ цѣлью его не было зарожденіе. Они учили, что женщина, вышедшая замужъ, должна горько оплакивать потерю дѣвства, и что не заслуживаетъ названія «совершеннаго» тотъ, кто среди совершенно голыхъ мужчинъ и женщинъ почувствуетъ стыдъ или похотливое желаніе. Видя частыя вспышки разнузданнаго энтузіазма, примѣровъ котораго не мало въ исторіи, мы въ правѣ предположить, что «совершенство» часто подвергалось этому опасному испытанію. Бегарды умѣли такъ хорошо побѣждать свою плоть, что одинъ враждебный имъ писатель объясняетъ столь чудесное самообладаніе вліяніемъ сатаны, охлаждающее могущество котораго хорошо извѣстно демонологистамъ. Но не всѣ умѣли такъ хорошо устоять. Для тѣхъ, кто не могъ преодолѣть своей похоти, было легко, однако, считать себя совершенными, непогрѣшимыми и имѣющими право удовлетворять всѣ свои

---

[1]) C. 3. Clement. V. 3.—Johann. von Ochsenstein (или Цюрихскій) (Mosheim, «De Beghardis», 255—61.—Concil. Colon. ann. 1306, c. 1, 2 (Hartzheim, IV, 100—102).—Vitodurani Chron. ann. 1344 (Eccard. «Corp. Hist.» I, 1906—7).—Alvar. Pelag. «de Planctu Eccles.» lib. II, art. 52.—Conr. de Monte Puellarum, «Contra Beghardos» (Mag. Bib. Pat. XIII, 342—3).—Trithem. «Chron. Hirsaug.» ann. 1356.—D'Argentré, «Coll. Judic.» I, I, 377.—Nider, «Formicar.» III. V.—W. Preger, «Meister Eckart u. d. Inquisition», 45—7.—Haupt. «Zeitschrift für Kirchengeschichte», 1885 г., 557—8.

Библиотека "Руниверс"

страсти. Св. Павелъ, отвергая всѣ стѣсненія Ветхаго Завѣта, далъ намъ тексты, которые, взятые отдѣльно, безъ связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ, могли служить имъ оправданіемъ: «Ибо законъ духа жизни во Христѣ Іисусѣ освободилъ меня отъ закона грѣха и смерти» (Римл. VIII, 2).—«Законъ положенъ не для праведника» (1 къ Тим. I, 9).—«Если вы духомъ водитесь, то вы не подъ закономъ» (Галат. V, 18). Ссылаясь на авторитетъ св. Павла, Братья Свободнаго Духа считали себя свободными отъ всѣхъ стѣсненій закона. Подобное ученіе было способно увлечь каждаго, кто искалъ оправданія разврата или повода къ нему. Многочисленныя оффиціальныя свидѣтельскія показанія заставляютъ насъ вѣрить, что, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ сектанты доходили до крайнихъ предѣловъ сладострастія. Замѣтимъ еще, что они, чтобы отмѣтить божественный свѣтъ, который, по ихъ мнѣнію, они носили въ себѣ, придумали слово Иллюминизмъ; это слово въ теченіе болѣе трехъ столѣтій играло большую роль въ исторіи мистическихъ заблужденій [1]).

Одной изъ вѣтвей секты можно считать тѣхъ луциферіанъ, о которыхъ мы уже не разъ говорили. Пантеизмъ неизбѣжно включалъ и сатану въ число эманацій Бога, и сатана въ извѣстное время долженъ будетъ соединиться съ Божествомъ; отсюда было недалеко до утвержденія, что изгнаніе Окаяннаго было несправедливостью. Въ 1312 г. въ Кремзирѣ, въ Пассауской епархіи, открыли нѣсколько еретиковъ луциферіанъ; епископъ Бернаръ, зальцбургскій архіепископъ Конрадъ и герцогъ австрійскій Фридрихъ рѣшили уничтожить эту ересь съ помощью доминиканской Инквизиціи, которой, повидимому, удалось удержаться въ этихъ странахъ. Преслѣдованіе продолжалось до 1315 г., но не привело къ уничтоженію ереси, которая не разъ проявлялась впослѣдствіи. Еретики отрицали всѣ обряды внѣшняго богослуженія, но они не признавали непогрѣшимости иллюминизма: ежегодно, говорили они, двое изъ ихъ главныхъ наставниковъ вступали въ рай, гдѣ они получали отъ Еноха и Иліи право отпускать грѣхи своимъ ученикамъ, право, которое они затѣмъ передавали другимъ въ каждой общинѣ. Всѣ, кого открыли, остались непреклонны, глухи ко всякому убѣжденію и среди пламени сохранили самый радостный энтузіазмъ. Эти ложныя ученія особенно сильно были распространены въ Чехіи. Тритгемъ полагаетъ, что еще въ началѣ XVI ст. въ Чехіи были тысячи луциферіанъ. Конечно, это преувеличено, но эти сектанты были открыты въ Австріи въ 1338 г. и въ 1395 г., когда много ихъ было сожжено [2]).

Мистическое направленіе, нашедшее себѣ полное выраженіе въ ученіи Братьевъ Свободнаго Духа, имѣло огромное вліяніе на развитіе религіозной мысли въ Германіи. Вѣра, оставшаяся по внѣшности совершенно католической, все болѣе и болѣе склонялась къ ереси. Если признавать вмѣстѣ съ Альтмейеромъ, что въ эпоху волненій чувство начинаетъ преобладать надъ разумомъ и вызываетъ желаніе непосредственнаго общенія съ Божествомъ, то Германія XIV вѣка пережила достаточно тяжелыя волненія, чтобы оправдать

---

[1]) Nider, «Formicar.» III, VI.—Concil. Colon. ann. 1306, c. 1 (Hartzheim, IV, 101).—Trithem. «Chron. Hirsaug.» ann. 1356.

Поджіо сообщаетъ, что въ его время священники Венеціи соблазнили много женщинъ благодаря этому ученію о непогрѣшимости и наготѣ, признаваемыхъ доказательствомъ состоянія Божьей милости.—Poggii «Dial. contra Hypocrisim».

[2]) Trithem. «Chron. Hirsaug.» ann. 1315. — Schrödl, «Passavia Sacra», Passau, 1879, тр. 242—3, 247, 284.

Германъ Гауптъ («Waldenserthum und Inquisition», Freiburg, 1890 г., стр. 38 и слѣд.) полагаетъ, что эти еретики были вальденцы. Тенденція составителей хроникъ и инквизиторовъ смѣшивать всѣхъ еретиковъ, легкость добыть при помощи пытки всѣ желаемыя признанія дѣлаютъ невозможной строгую и точную классификацію; но весьма возможно, что много людей, признанныхъ луциферіанами и Братьями Свободнаго Духа, были на самомъ дѣлѣ вальденцами. Какъ мы увидимъ ниже, вальденская ересь, дѣйствительно, продолжала процвѣтать какъ въ сѣверной, такъ и въ южной Германіи.

Библиотека "Руниверс"

Генералъ францисканскаго ордена БОНАВЕНТУРА, причисленный въ 1482 г. къ лику святыхъ.
(1221—1274).

(Карт. Сурбарана, „Св. Бонавентура при избраніи папы", Дрезденская галлерея).

Библиотека "Руниверс"

развитіе въ ней мистицизма. Но скорѣе надо думать, что эта склонность къ мистицизму вытекаетъ изъ интеллектуальнаго характера племени, чѣмъ изъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Отцомъ мистиковъ былъ Бонавентура, однако, онъ не основалъ секты у себя на родинѣ. Много тяжелыхъ испытаній пришлось пережить Франціи во время Столѣтней войны, тѣмъ не менѣе, мистицизмъ никогда не процвѣталъ на французской почвѣ. Въ Германіи же, наоборотъ, самымъ крупнымъ явленіемъ въ духовной жизни XIV в. было мистическое направленіе религіознаго чувства. Въ первую четверть столѣтія мало кто имѣлъ столько правъ на уваженіе, какъ магистръ Эккартъ, занимавшій видное мѣсто въ доминиканскомъ орденѣ. Я уже говорилъ о томъ [1]), какъ на него пало подозрѣніе, что онъ раздѣляетъ заблужденіе бегардовъ, какъ тщетно старались братья спасти его, и какъ кельнскій архіепископъ одержалъ надъ слабой и плохо организованной доминиканской Инквизиціей знаменательную побѣду, подчинивъ доминиканца своей епископской Инквизиціи. Если двадцать-восемь пунктовъ, осужденные, въ концѣ концовъ, Іоанномъ XXII какъ еретическіе, были дѣйствительно взяты изъ ученія Эккарта, то нельзя отрицать, что онъ былъ глубоко проникнутъ пантеизмомъ Братьевъ Свободнаго Духа. Онъ допускалъ общую божественность человѣка и Бога, равно какъ опасные выводы, отожествлявшіе въ глазахъ Бога порокъ и добродѣтель. Кромѣ того, для іерархіи, основанной на священствѣ, ничто не могло казаться болѣе мятежнымъ, какъ отрицаніе внѣшняго культа, а это было неизбѣжнымъ заключеніемъ ученія, отрицавшаго всякое значеніе внѣшнихъ дѣйствій, придававшаго реальное значеніе только внутреннимъ дѣйствіямъ души и утверждавшаго, что не должно ни сожалѣть о совершенномъ грѣхѣ, ни просить у Бога какой-либо милости [2]).

Значеніе умозрѣній Эккарта заключается менѣе въ его непосредственномъ вліяніи, чѣмъ во вліяніи его учениковъ. Онъ былъ родоначальникомъ нѣмецкихъ мистиковъ, благодаря которымъ основныя мысли Амори, различно видоизмѣненныя, тяготѣли на развитіи религіознаго духа въ XIV и XV ст. Всѣ вожди интереснаго общества Людей Божьихъ черпали, посредственно или непосредственно, свое вдохновеніе изъ теорій Эккарта; всѣ они представляютъ, въ различной степени, поразительное родство съ Братьями Свободнаго Духа, хотя имъ и удалось остаться въ границахъ католичества.

Какъ ни былъ гуманенъ и мягокъ Іоаннъ Рисбрукъ, однако, онъ чувствовалъ къ Братьямъ Свободнаго Духа такой ужасъ, что считалъ ихъ достойными костра; тѣмъ не менѣе, горячо отвергая ихъ пантеизмъ, онъ, какъ и они, училъ, что послѣднимъ концомъ бытія является поглощеніе личности въ безконечной субстанціи Бога; онъ училъ также, что люди совершенные, воспламененные божественной любовью, умерли для самихъ себя и для міра, и поэтому они не могутъ впасть въ грѣхъ. И нельзя удивляться, что Герсонъ нашелъ опаснымъ это ученіе, столь близкое къ ученію бегардовъ. Хотя Рисбрукъ и не рѣшился сдѣлать изъ своего ученія тѣ выводы, къ которымъ неизбѣжно приходили болѣе смѣлые мыслители, однако, это ученіе разбило сдѣланную въ 1624 г. попытку канонизовать его, несмотря на всѣ чудеса, случившіяся на его гробницѣ.

---

[1]) Томъ I, стр. 229.

[2]) Altmeyer, «Les Précurseurs de la Reforme aux Pays-Bas», I, 94. — Raynald ann. 1329, № 71.

Относительно связи магистра Эккарта съ Братьями Свободнаго Духа см. Preger, «Vorarbeiten zu einer Geschichte der deutschen Mystik» («Zeitschrift für die hist. Theol.», 1869 г. стр. 68—78). Тотъ фактъ, что булла Іоанна XXII «In agro Dominico» (Ripoll, VII, 57; ср. Herman. Corneri, «Chron.» ap. Eccard. «Corp. Hist.» II, 1036—7), осуждающая заблужденія магистра Эккарта, долгое время считалась направленною вообще противъ Братьевъ, ясно показываетъ, какое отношеніе существовало между двумя ученіями; однако, профессоръ Прегеръ послѣ глубокаго изученія сочиненій Эккарта приходитъ къ тому заключенію («Geschichte der deutschen Mystik im Mittelalter», т. I), что теософія Эккарта была христіанская, а не пантеистическая, вопреки легко. мысленнымъ утвержденіямъ, повлекшимъ обвиненіе въ ереси.

Библиотека "Руниверс"

Самымъ замѣчательнымъ ученикомъ Рисбрука былъ Герардъ Гротъ, который въ нѣкоторыхъ пунктахъ отказался отъ метафизическихъ тонкостей своего учителя и направилъ свою дѣятельность къ болѣе практическимъ цѣлямъ; отъ него пошли Братья Общей Жизни. Гротъ одинаково строго относился къ испорченности духовенства и къ заблужденіямъ еретиковъ. Когда введеніе Инквизиціи въ Германіи заставило Братьевъ Свободнаго Духа искать убѣжища гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, то нѣкоторые изъ нихъ отправились въ Голландію, гдѣ господство мистическаго пантеизма позволяло имъ распространять свое ученіе. Личные взгляды Грота были довольно сходны со взглядами Братьевъ Свободнаго Духа, и поэтому онъ особенно возмутился ихъ смѣлыми умозрѣніями и съ особой энергіей посвятилъ свои силы на то, чтобы помѣшать ихъ пропагандѣ. О монастырѣ августинскихъ отшельниковъ говорили, что онъ зараженъ ересью: Гротъ горѣлъ желаніемъ открыть и покарать это преступленіе. Особенно подозрѣвали одного августинскаго монаха, Бартоломея; Гротъ рѣшилъ тайно прослѣдить за нимъ чрезъ одного нотаріуса, который записалъ бы его слова. Этимъ ли, другимъ ли путемъ, но онъ получилъ нужныя ему данныя. Въ Голландіи не было Инквизиціи, и Гротъ около 1380 г. вызвалъ обвиняемаго на судъ утрехтскаго епископа Флорента. Дѣло было разсмотрѣно епископскимъ викаріемъ, и Бартоломей опровергъ приписываемыя ему слова и былъ оправданъ; ему лишь приказали подтвердить отреченіе отъ своихъ словъ къ Кампенѣ и Цволле, въ мѣстностяхъ, гдѣ онъ, какъ обвиняли его, проповѣдывалъ ересь. Эта неожиданная снисходительность возмутила Грота; онъ имѣлъ большое вліяніе на епископа Флорента, и послѣдній возобновилъ преслѣдованіе и взялся самъ разобрать дѣло. Бартоломей рѣшилъ ускользнуть отъ своего преслѣдователя, явившись на судъ наканунѣ назначеннаго дня; но Гротъ узналъ объ этой хитрости, вскочилъ въ повозку, проѣхалъ всю ночь и прибылъ въ Утрехтъ во-время. На этотъ разъ онъ одержалъ побѣду. Бартоломей былъ обвиненъ какъ еретикъ, принесъ отреченіе и былъ приговоренъ къ ношенію крестовъ въ формѣ ножницъ. Августинскіе монахи, имѣвшіе много друзей, отомстили участникамъ этого дѣла. Городскія власти Кампена возбудили преслѣдованіе противъ нѣсколькихъ женщинъ, свидѣтельствовавшихъ противъ Бартоломея, и приговорили ихъ къ штрафу; равнымъ образомъ, они изгнали на десять лѣтъ друга Грота Вернера Кейнкампа, бывшаго впослѣдствіи три раза пріоромъ общинъ Братьевъ Общей Жизни. Даже самъ Гротъ испыталъ на себѣ репрессію: немного спустя епископъ Флорентъ, желая заставить его молчать, издалъ указъ о запрещеніи проповѣдей. Тогда Гротъ попытался получить отъ папы Урбана VI уполномочія проповѣдника и инквизитора и послалъ въ Римъ десять флориновъ въ уплату за буллы. Но, къ счастью для своего имени, онъ умеръ въ 1384 г. раньше, чѣмъ вернулся его посланный, и, такимъ образомъ, Голландія спаслась отъ печальныхъ послѣдствій, къ какимъ повела бы его опрометчивая ревность, возбужденная борьбою и вооруженная неограниченнымъ могуществомъ Инквизиціи.

Преемникомъ ему былъ менѣе жестокій, чѣмъ онъ, Флорентъ Радевинсъ, благодаря которому конгрегаціи Общей Жизни значительно развились. Онѣ быстро распространились по всѣмъ Нидерландамъ и Германіи, и хотя по временамъ ихъ преслѣдовала Инквизиція, тѣмъ не менѣе, ихъ взялъ подъ свое покровительство Мартинъ V, когда на Констанцскомъ соборѣ Матье Грабонъ добивался осужденія бегинокъ; къ этому эпизоду мы скоро вернемся. Послѣ этого члены этихъ общинъ благоденствовали, никѣмъ не безпокоемые, добывая средства къ жизни, какъ воспитатели или переписчики; послѣ реформаціи эти общины быстро пропали; однако, община Эммериха близъ Дюссельдорфа была закрыта только въ 1811 г. Наполеономъ I. Четыре брата, изгнанные въ это время, продолжали соблюдать уставъ своего ордена; послѣдній изъ нихъ, Герардъ Мульдеръ, умеръ въ Зевенарѣ 15 марта 1854 г. Но одна изъ вѣтвей этого ордена приняла уставъ и каноны св. Августина. Ея монастырь въ Виндесгеймѣ сталъ образцомъ, которому подражали повсюду, и орденъ имѣлъ честь считать между своими учениками такихъ людей, какъ Ѳома Кемпійскій и Эразмъ.

Библиотека "Руниверс"

Imitatio Jesus Christi была прекраснымъ цвѣткомъ, распустившимся въ тѣни умѣреннаго мистицизма Іоанна Рисбрука. Примѣненный къ практической жизни, этотъ мистицизмъ сильно содѣйствовалъ тому религіозному движенію, которое привело къ реформаціи, такъ какъ онъ училъ, что «дѣла» безполезны, и проповѣдывалъ, что человѣкъ не долженъ надѣяться на спасеніе внѣ себя. Такова была дѣятельность Братьевъ Общей Жизни. Для нихъ догма имѣла меньшее значеніе, чѣмъ внутреннее воспитаніе, которое одно могло сдѣлать людей истинными дѣтьми Бога. Проповѣдуя среди народа и излагая свои ученія въ школахъ, братья, въ родѣ Генриха Гарпіуса, Іоганна Бругмана, Денпса Ванъ Лейвена, Джона Ванъ Гоха и Іоганна Весселя Гроннингенскаго, подкапывали сознательно основы іерархіи, хотя они и ускользнули отъ всякаго обвиненія въ ереси и отъ всякаго преслѣдованія [1]).

Общество Друзей Бога, зародившееся въ странахъ Верхняго Рейна, существовало болѣе короткое время, но было одно время очень популярно. Самымъ замѣчательнымъ ученикомъ Экхарта былъ Іоаннъ Таулеръ. Онъ слѣдовалъ почти всецѣло ученію своего наставника и былъ бы обвиненъ въ ереси, если бы въ то время въ Германіи дѣйствовала правильно организованная Инквизиція. Для того, чтобы онъ избѣгъ преслѣдованія, нужно было, чтобы существовавшій порядокъ преслѣдованія былъ совершенно негоденъ для выполненія своей задачи. Мечтательный квіетизмъ Таулера доходилъ до той крайности, что вся личность вѣрующаго теряется въ глубинѣ божества; никакое человѣческое слово не могло бы изобразить покорность Провидѣнію и смиреніе человѣка передъ Богомъ; Онъ не нуждается ни въ священнослужителяхъ, ни въ посредникахъ. Духовная индивидуальность можетъ войти въ такое тѣсное общеніе съ Божествомъ, что будетъ совершенно поглощена въ Божественной сущности; человѣкъ, приведенный въ подобное состояніе, находится подъ полнымъ вліяніемъ Св. Духа; онъ въ полномъ смыслѣ слова вдохновленъ, такъ что его поступки суть поступки третьяго лица Святой Троицы. Все это доступно всѣмъ мірянамъ безъ посредства какого-либо священнодѣйствія. Человѣкъ, будучи отвѣтственъ за самого себя передъ самимъ собою, можетъ сообщаться съ Богомъ безъ посредства священнослужителя [2]).

Таулеръ, пользующійся славой самаго великаго проповѣдника, склонялся, какъ малый ребенокъ, передъ авторитетомъ таинственнаго мірянина, извѣстнаго подъ именемъ Друга Бога изъ Оберланда; когда къ словамъ Таулера, бывшаго въ полномъ развитіи силъ и не моложе пятидесяти лѣтъ, прислушивался весь Страсбургъ, къ нему явился одинъ иностранецъ и раскрылъ передъ нимъ его тайную слабость. Проповѣдникъ понялъ, что онъ былъ фарисеемъ, гордымъ своимъ знаніемъ и своимъ навыкомъ въ схоластическомъ богословіи; необходимо было, чтобы онъ раньше, чѣмъ имѣть право и власть направлять души людей, отрекся отъ всякой суеты и сталъ какъ бы ребенкомъ, полагающимся только на Бога. Побѣжденный таинственною силою этого посѣтителя, докторъ богословія наложилъ молчаніе на свою гордость: повинуясь чужеземцу, который никогда не открывалъ своего имени, Таулеръ въ теченіе двухъ лѣтъ не проповѣдывалъ и не исповѣдывалъ. Изъ этой внутренней борьбы онъ вышелъ новымъ человѣкомъ и сдѣлался однимъ изъ воиновъ удивительной арміи,

---

[1]) Mosheim, «de Beghardis», 305, 433—57.—Jundt, «Les Amis de Dieu», 65, 66.—Gersoni, «Opera», изд. 1494 г., XV. В.—XVI. В.—D'Argentré, «Coll. Judic.» I, I, 152.—Altmeyer, «Les Précurseurs de la Réforme aux Pays-Bas», I, 107—117, 166—188.—Acquoy, «Gerardi Magni Epistolae», Amstelod. 1857, стр. 28, 32—5, 37—8, 40—2, 48—9, 52—4, 57—60, 69, 83, 101.—Von der Hardt, III, 107—20.—Bonet-Maury, «Gérard Groot», 37—8, 49—54, 62—4, 83—5.

[2]) J. Tauleri «Instit.» c. 12.—Vitae D. Johannis Tauleri Historia.

Легко понять, что Церковь различно оцѣнивала сочиненія Таулера. Было признано ихъ направленіе къ иллюминизму и квіетизму; въ 1603 г. Конгрегація Индекса предполагала сдѣлать очищенное изданіе сочиненій Таулера и сочиненій Савонаролы; но проектъ этотъ не осуществился.—Reusch, «Der Index der verbotenen Bücher», I, 370, 469, 523, 589.

Библиотека "Руниверс"

извѣстной подъ именемъ Друзей Бога, надъ увеличеніемъ и объединеніемъ которой работалъ анонимный чужеземецъ [1]).

Общество было немноголюдное: однѣ только избранныя души могли дѣйствительно достигнуть такой степени совершенства, чтобы желать только того, что желаетъ Богъ, ненавидѣть только то, что ненавидитъ Богъ. Однако, адепты этого ученія были понемногу разсѣяны повсюду отъ Нидерландовъ до Генуи, отъ Рейнскихъ провинцій до Венгріи. Нравственная борьба, страшныя сомнѣнія, переходы отъ вѣры къ отчаянію, экстазы и ужасныя искушенія были испытаніями, насылаемыми Богомъ на неофита, желавшаго подняться до чистой атмосферы иллюминизма; эти испытанія странно сходны съ тѣми, которымъ въ теченіе долгихъ лѣтъ подвергалась твердость Джона Буньяна. Наконецъ, когда неофиты выходили здравыми и невредимыми изъ этого посвященія, Богъ поднималъ ихъ до Себя и просвѣщалъ ихъ души такъ, что они съ этого времени сливались съ Нимъ во-едино; они были богами по Его милости, какъ Онъ былъ Богомъ по природѣ. Съ этого времени они были совершенно чисты отъ всякаго грѣха и могли быть увѣрены, что это состояніе продлится на всю ихъ жизнь, и что по смерти они прямо взойдутъ на небо, не останавливаясь въ чистилищѣ [2]).

Многіе изъ ихъ ученій и обрядовъ представляются страннымъ отблескомъ теософіи индусовъ; это сходство тѣмъ болѣе странно, что между двумя ученіями не могло быть никакой связи, за исключеніемъ развѣ той, что нѣкоторыя основы догматическаго ученія были взяты Друзьями Бога изъ мистическаго аристотелизма арабовъ, имѣвшаго столь сильное вліяніе на схоластическую мысль [3]). Какъ древнее t a p a s, или строгое созерцаніе брахмановъ, давало человѣку часть божескаго существа, такъ внутреннее упражненіе Друзей Бога уподобляло человѣка Божеству; сверхъестественное могущество, которое тогда получали адепты, имѣло своимъ прототипомъ Риши и Рагатъ. Усилія, необходимыя для смиренія мятущейся плоти, ничѣмъ не уступаютъ дикому умерщвленію плоти системы Іога; такъ, напримѣръ, Рульманъ Мерсвинъ бичевалъ себя обыкновенно ремнями съ проволокой, а затѣмъ натиралъ раны солью. Благочестивые экстазы Друзей Бога соотвѣтствовали Самагди, или блаженной нечувствительности индусовъ; для нихъ, какъ и для учениковъ Саккія, высшимъ благомъ было достигнуть уничтоженія воли, освобожденія отъ всякой страсти и отъ всякаго желанія, даже отъ желанія спасенія. Однако, эти черты сходства были смягчены христіанскимъ представленіемъ о всемогущемъ и вездѣсущемъ Богѣ, а также болѣе практическимъ складомъ западнаго ума. Секта не посылала своихъ адептовъ въ джунгли и лѣса; если они были мірянами, то она приказывала имъ продолжать мірской образъ жизни; если они были богатыми, то они не должны были отказываться отъ своего богатства, но тратить его на добрыя дѣла и выполнять свои обязанности по отношенію къ людямъ, какъ по отношенію къ Богу. Рульманъ Мерсвинъ былъ банкиромъ и не прекратилъ своей финансовой дѣятельности для основанія общины G r ü n e s W ö r t h и для составленія со-

---

[1]) Vitae D. Joh. Tauleri Historia.

Юндтъ, послѣ цѣлаго ряда тщательныхъ и остроумныхъ разысканій, считаетъ себя въ правѣ утверждать, что таинственный Другъ Бога изъ Оберланда, личность котораго вызывала столько споровъ, былъ Іоаннъ Рутбергъ, что онъ жилъ въ Хурѣ, а скитъ, въ которомъ онъ окончилъ свои дни, находился въ С.-Галленскомъ кантонѣ въ приходѣ Гантершвиль (Jundt, «Les Amis de Dieu», Парижъ, 1879 г., стр. 334—42). Однако, профессоръ Шмидтъ продолжаетъ считать эту тайну все еще неразъясненной («Précis de l'Histoire de l'Eglise de l'Occident», Парижъ, 1885 г., стр. 304). Отецъ Денифль доходитъ даже до того, что старается доказать, что Другъ Бога былъ просто плодомъ фантазіи Рульмана Мерсвина; но Прегеръ, по моему мнѣнію, далъ совершенно вѣрную оцѣнку его ложнаго утвержденія («Die Zeit einiger Predigten Taulers», Мюнхенъ, 1887 г.).

[2]) Jundt, op. cit., 37—9, 60—2, 83, 106—7, 166, 313.

[3]) См. Ренана «Averroès et l'Averroïsme», 3-е изд., стр. 95, 141—6.

Библиотека "Руниверс"

чиненій, которыя приносили поддержку и укрѣпленіе вѣрующимъ. Однако, основатель секты и его непосредственные ученики устроили въ лѣсу уединенную пустыню, гдѣ они посвящали себя дѣлу успокоенія гнѣва Бога. Невыразимая испорченность людей призывала Божеское отомщеніе; человѣчество не обращало вниманія на такія предупрежденія, какъ землетрясенія, чума и голодъ; только благодаря предстательству Друзей Бога давались отсрочки. Въ 1378 г. Великій Расколъ былъ новымъ бѣдствіемъ, еще болѣе крупнымъ, чѣмъ предшествующія; въ 1379 г. ангелъ извѣстилъ предстателей, что послѣднее наказаніе отсрочено на одинъ годъ, по истеченіи котораго они не смѣютъ больше просить отсрочки. Однако, въ 1380 г. тридцать изъ нихъ были таинственно позваны на «Божескій совѣтъ», и ангелъ принесъ имъ посланіе, извѣщавшее, что по просьбѣ Дѣвы Маріи Богъ согласился дать еще отсрочку на три года, но за это Друзья Бога должны были сдѣлаться «узниками Бога», они должны вести жизнь отшельниковъ и соблюдать полную тишину, которую могутъ нарушать только два дня въ недѣлю отъ полудня до вечера; говорить они могутъ только тогда, когда имъ приходится просить необходимое или давать религіозные совѣты. Они согласились на это условіе; а немного спустя исторія теряетъ ихъ изъ виду [1]).

Друзья Бога заслуживаютъ нашего вниманія не потому только, что ихъ ученіе проливаетъ свѣтъ на религіозное направленіе эпохи, они представляютъ еще особый интересъ по тѣмъ отношеніямъ, которыя они имѣли, съ одной стороны, къ Церкви и, съ другой, къ Братьямъ Свободнаго Духа. Они—отпрыскъ послѣднихъ, но они избѣгли печальныхъ крайностей секты, ихъ породившей. «Девятый Камень», высшее выраженіе аскетическаго иллюминизма бегардовъ, явился съ тѣмъ же значеніемъ въ наиболѣе важныхъ трудахъ Рульмана Мерсвина, которые до послѣдняго времени приписывались Генриху Сузо. Не удивительно, что Нидеръ смѣшалъ Друзей Бога съ бегардами, хотя «Bauer Buechelin» Мерсвина былъ написанъ съ цѣлью разоблаченія ихъ заблужденій. Во многомъ Друзья Бога удалялись, какъ мы уже видѣли, отъ ученій Церкви и доводили свое уклоненіе далѣе того, что XVII вѣкъ такъ строго порицалъ въ молиносахъ и иллюминатахъ. Они говорили, что многіе евреи и мусульмане спаслись, такъ какъ Богъ не оставляетъ никого, кто ищетъ Его, и хотя эти невѣрные не имѣютъ христіанскаго крещенія, но Самъ Богъ крститъ ихъ духовно въ минуту смертной агоніи. На томъ же основаніи они отказывались доносить на еретиковъ суду человѣческому, боясь предвосхитить судъ Божескій: они должны терпѣть на землѣ присутствіе еретиковъ, такъ какъ Богъ находитъ это нужнымъ. Однако, они не были мятежниками. Бичуя самымъ горячимъ образомъ испорченность и суетность духовенства, они проповѣдывали самое полное повиновеніе Риму, который могъ прощать или терпѣть многое, такъ какъ они не сомнѣвались въ главенствѣ Святого Престола. Въ іюнѣ 1377 г. Другъ Бога изъ Оберланда придумалъ отправиться вдвоемъ къ Григорію XI и предупредить папу объ опасностяхъ, грозившихъ христіанству; оба чужеземца говорили передъ папою замѣчательно свободно; сначала Григорій разсердился, а потомъ призналъ въ нихъ посланниковъ Святого Духа, оказалъ имъ высокія почести и убѣдительно просилъ ихъ основать большую общину ихъ ордена. Григорій былъ неутомимъ въ уничтоженіи вальденцевъ, бегардовъ и остатковъ катаризма; но онъ не имѣлъ ничего противъ мистицизма и иллюминизма своихъ посѣтителей, онъ даже не обидѣлся на нихъ, когда они предсказали ему, что онъ умретъ раньше года, если не произведетъ реформы Церкви. Дѣйствительно, онъ умеръ 20 марта 1378 г. Но если вѣрить Герсону, то, умирая, онъ сожалѣлъ не о томъ, что не обратилъ вниманія на эти предупрежденія, а о томъ, что черезчуръ довѣрчиво выслушивалъ пустыя мечты пророковъ и пророчицъ,

[1]) Jundt, op. cit., 143, 164, 308—9, 312—13, 316—17.

Библиотека "Руниверс"

приготовлявшихъ путь Великому Расколу. Онъ предвидѣлъ, что расколъ вспыхнетъ, лишь только онъ сойдетъ со сцены [1]).

Бросивъ быстрый взглядъ на сравнительно правовѣрныя формы мистицизма, мы перейдемъ теперь къ исторіи Братьевъ Свободнаго Духа, которые сохраняли свое пантеистическое ученіе во всей его грубости и не отступали передъ логическими выводами изъ своихъ принциповъ. Около конца XIII вѣка начали оспаривать заслуги нищенства, на которое до того времени смотрѣли какъ на нѣчто высокое. Въ 1274 г. Ліонскій соборъ сдѣлалъ попытку уничтожить не разрѣшенныя общества нищенствующихъ. Въ 1286 г. Гонорій IV осудилъ сегареллистовъ; спустя какихъ-нибудь лѣтъ десять послѣ этого Бонифацій VIII, преслѣдуя целестиновъ и наиболѣе строгихъ францисканцевъ, показалъ, что нищета уже не считается высшею добродѣтелью. Тотъ же папа около этого времени издалъ буллу, повелѣвавшую преслѣдовать нѣкоторыхъ еретиковъ; если судить по ихъ ученію, утверждавшему, что совершенство для мужчины и женщины заключается въ наготѣ и въ полномъ воздержаніи отъ всякаго ручного труда, это были Братья Свободнаго Духа. Подобное осужденіе одновременно появилось и въ Германіи. Первый случай дѣйствительнаго преслѣдованія упоминается въ короткой замѣткѣ, сообщающей, что въ 1290 г. францисканскій лекторъ приказалъ арестовать въ Кольмарѣ двухъ бегардовъ и двухъ бегинокъ, а затѣмъ многихъ другихъ въ Базелѣ и призналъ ихъ еретиками. Два года спустя Майнцскій провинціальный соборъ, бывшій въ Ашаффенбургѣ, подтвердилъ осужденіе бегардовъ и бегинокъ, вынесенное соборомъ 1259 г. Это осужденіе было подтверждено въ 1310 г. другимъ Майнцскимъ соборомъ. Въ то же время каноны, регламентирующіе признанныя общины бегиновъ и бегинокъ, провели рѣзкую границу между людьми, которые вели монашескій образъ жизни подъ надзоромъ своихъ настоятелей, и между бродячими нищими, которые проповѣдывали во мракѣ и распространяли ученія, плохо понятыя и считавшіяся подозрительными [2]).

Честь начала войны противъ этихъ еретиковъ, длившейся долгое время, принадлежитъ кельнскому архіепископу Генриху фонъ Вирненбургу. Этотъ прелатъ, избранный въ 1306 г., тотчасъ же собралъ провинціальный соборъ, два первыхъ канона котораго, посвященные бегинамъ, показываютъ, какое значеніе придавали ихъ сектѣ. Тѣ, о которыхъ шла рѣчь, носили длинные табарды и плащи съ капюшонами, чѣмъ и отличались отъ другихъ людей; они имѣли безстыдство вступать въ публичныя пререканія съ францисканцами и доминиканцами и упорно отказывались принять аргументы своихъ противниковъ. Но особенно было прискорбно, что они своимъ упорнымъ нищенствомъ уменьшали милостыню, за счетъ которой жили нищенствующіе монахи. Все это, по нашему мнѣнію, показываетъ, что не существовало папской Инквизиціи, и что страна пользовалась въ жизни вѣротерпимостью, неизвѣстною за предѣлами Германіи. Но надо думать, что бегарды не проповѣдывали открыто своихъ наиболѣе опасныхъ ученій, такъ какъ соборъ въ умѣренныхъ выраженіяхъ отзывается объ ихъ заблужденіяхъ. Тѣмъ не менѣе, архіепископъ объявилъ ихъ еретиками, отлучилъ ихъ отъ Церкви и далъ имъ двухнедѣльный срокъ для раскаянія; по истеченіи этого времени они должны быть уничтожены свѣтскою властью. Мѣсяцъ дали имъ на то, чтобы они сняли свою одежду и оставили свой образъ жизни; по истеченіи этого срока

---

[1]) Mosheim, «de Beghardis», 256.—Jundt, op. cit., 13, 42—3, 147, 155—60, 282—7, 347.—Nider «Formicar.» III, 2.—Gerson, «de Exam. Doctrinarum», P. II. Consid. 3.

Свобода языка, которую приписываютъ Друзьямъ Бога при ихъ свиданіи съ папой Григоріемъ, не представляетъ ничего невѣроятнаго. Апокалиптическое вдохновеніе было общимъ въ эту эпоху. Святая Бригитта Шведская и святая Екатерина Сіенская въ своихъ обращеніяхъ къ преемникамъ св. Петра мало стѣснялись въ выраженіяхъ.

[2]) Raynald. ann. 1296, № 34.—Annal. Domin. Colmar. ann. 1290 (Urstisi «Germ. Histor.» II, 25.—Hartzheim, IV, 54, 201.

Библиотека "Руниверс"

они должны были снискивать свой хлѣбъ честнымъ трудомъ. Это узаконеніе, полное добрыхъ намѣреній, осталось, повидимому, мертвой буквою. Бегарды продолжали съ такимъ жаромъ и съ такимъ успѣхомъ нападать на нищенствующихъ, что францисканцы, лишенные поддержки своего лектора, умершаго въ 1305 г., обратились за помощью къ своему генералу Гонзальво. Повидимому, нужда была настоятельна, такъ какъ Гонзальво въ 1308 г. послалъ великаго схоластика ордена, Дунса Скота. Послѣдній былъ принятъ съ энтузіазмомъ, который былъ заслуженъ его геніемъ; къ несчастію, онъ умеръ въ ноябрѣ того же года, и бегарды могли свободно вести свою пропаганду, не встрѣчая серьезной оппозиціи [1]).

Въ это время чрезвычайно энергичная дѣятельность миссіонеровъ обратила на себя, повидимому, всеобщее вниманіе. Мы уже видѣли, что въ 1310 г. бегинка Маргарита Порэтъ изъ Генегау была сожжена въ Парижѣ и безбоязненно встрѣтила мученическую смерть. Въ томъ же 1310 г. состоялись два собора: одинъ, о которомъ мы уже говорили въ Майнцѣ, другой въ Трирѣ; на послѣднемъ было признано неправильнымъ введеніе во всеобщее употребленіе Священнаго Писанія на народномъ языкѣ, чѣмъ занимались бегарды; всѣмъ приходскимъ священникамъ было приказано предложить виновнымъ подъ страхомъ отлученія отъ Церкви до истеченія двухъ недѣль отказаться отъ своей преступной дѣятельности.

Въ 1309 г. лѣтописцы упоминаютъ о бродячихъ лицемѣрахъ, называемыхъ лоллардами, которые по всему Генегау и Брабанту пользовались большимъ успѣхомъ, совращая знатныхъ дамъ [2]).

Ревность миссіонеровъ открыла всю опасность, представляемую сектой; на собравшемся въ ноябрѣ 1311 г. въ Вѣнѣ соборѣ было произнесено осужденіе секты. Повидимому, ересь была изучена довольно хорошо, такъ какъ въ канонѣ, запрещающемъ ее, содержится достаточно полное изложеніе, только одно дошедшее до насъ. Епископамъ и инквизиторамъ было предложено добросовѣстно исполнять ихъ обязанности, хватать сектантовъ и, если они не отрекутся добровольно, тотчасъ же велѣть ихъ наказывать. Къ несчастью, эти мѣры не удовлетворили рвенія Климента. Благочестивыхъ женщинъ, жившихъ въ общинѣ подъ именемъ бегинокъ, нелегко было отличить отъ бродячихъ еретиковъ. Такъ, другой канонъ представлялъ бегинскія общины находившимися въ рукахъ людей, споривщихъ по поводу св. Троицы и Божескаго существа и распространявшихъ мнѣнія, несогласныя съ истинной вѣрой; вслѣдствіе этого эти учрежденія были уничтожены. Въ то же время преслѣдователи несомнѣнно признавали, что они поступаютъ несправедливо, такъ какъ канонъ кончается слѣдующимъ противорѣчивымъ заявленіемъ: вѣрныя католички, давшія или не давшія обѣтъ цѣломудрія, могутъ жить совмѣстно въ домахъ и посвящать себя покаянію или служенію Богу. Въ этомъ заключалась неопредѣленность, позволявшая прелатамъ дѣйствовать или по личной фантазіи, или въ своихъ интересахъ [3]).

Клементины, каноническій сборникъ, содержащій эти постановленія, не были опубликованы при жизни Климента, и только въ ноябрѣ 1317 г. его преемникъ Іоаннъ XXII далъ имъ силу закона. Епископы, несомнѣнно, ждали этого, такъ какъ въ 1311—1317 гг. не было преслѣдованій; но въ августѣ 1317 г., передъ самымъ появленіемъ Клементинъ, страсбургскій епископъ Іоаннъ Цюрихскій неожиданно открылъ преслѣдованіе. Онъ дѣйствовалъ не на основаніи вѣнскихъ каноновъ, а на основаніи принятыхъ Майнцскимъ соборомъ 1310 г.; самъ онъ былъ суффраганомъ Майнцской провинціи. Однако, упоминаніе о наказаніяхъ, предписанныхъ Святымъ Престоломъ, показываетъ, что преслѣдователь былъ знакомъ съ трудами Вѣнскаго собора. Повидимому, бегарды и не старались

[1]) Concil. Colon. ann. 1306, c. 1, 2 (Hartzheim, IV, 100—2).—Wadding. ann. 1305, № 12.—Mosheim, «de Beghardis», 232—4.

[2]) Concil. Trevirens. ann. 1310, c. 51 (Martène, «Thesaur.» IV, 250).—Hocsemii «Gest. Pontif. Leod.» lib. I, c. 31 (Chapeaville, II, 350).

[3]) C. 3, Clement. V. III; C. 1, II, XI.

Библиотека "Руниверс"

скрываться, такъ какъ епископъ угрожалъ отлучить отъ Церкви всѣхъ тѣхъ, кто въ теченіе трехъ дней не откажется отъ отличительной одежды своей секты. Они такъ мало боялись показываться въ народѣ, что епископъ конфисковалъ дома, въ которыхъ происходили ихъ собранія; запретилъ гражданамъ читать, слушать или хранить у себя гимны и сочиненія еретиковъ; эти гимны и сочиненія въ теченіе двухъ недѣль должны быть выданы ему на сожженіе. Среди преслѣдуемыхъ сектантовъ было много лицъ духовнаго званія, получившихъ посвященіе монаховъ, людей женатыхъ и другихъ, откуда ясно, что ученіе бегардовъ раздѣлялось многими гражданами, которые не были простыми бродячими нищими; они, по всей вѣроятности, исполняли обязанности миссіонеровъ, производили обращенія и удовлетворяли духовныя потребности вѣрующихъ. Іоаннъ Цюрихскій не ограничился одной угрозой. Онъ произвелъ розыскъ въ своей епархіи и открылъ много сектантовъ; для суда надъ ними онъ организовалъ Инквизицію изъ ученыхъ богослововъ; тѣ изъ виновныхъ, которые отреклись отъ заблужденій, были осуждены на ношеніе крестовъ (это первый случай достовѣрнаго упоминанія примѣненія въ Германіи этого наказанія, давно уже примѣнявшагося въ другихъ мѣстахъ), упорствующіе были выданы свѣтской власти, чтобы она отправила ихъ на костеръ. На эти энергичныя мѣры можно смотрѣть какъ на первый случай дѣятельности правильно организованной епископской Инквизиціи въ Германіи. Бегарды во множествѣ покинули епархію, и въ іюнѣ 1318 г. епископъ имѣлъ удовольствіе сообщить о своемъ успѣхѣ своимъ коллегамъ суффраганамъ и приглашалъ ихъ слѣдовать его примѣру.

Однако, это, хотя и жестокое, преслѣдованіе было временнымъ. Въ 1319 г. Іоаннъ Цюрихскій граматой далъ знать подчиненному ему духовенству, что Клементины примѣняются всюду, кромѣ страсбургской епархіи. Онъ приказалъ священникамъ подъ страхомъ отрѣшенія отъ должности стараться, чтобы бегины и бегинки въ теченіе двухъ недѣль сняли свои отличительныя одежды и слились съ Церковью. Если кто изъ нихъ откажется, то инквизиторы произведутъ разслѣдованія о чистотѣ его вѣры [1]).

Однако, результаты изданія Клементинъ не отвѣчали намѣренію ихъ авторовъ. Канонъ, говорившій о еретикахъ, соблюдался мало; прошло пять лѣтъ раньше, чѣмъ онъ былъ примѣненъ серьезно. Еретики были бѣдны, и надежда на добычу не могла сдѣлать привлекательной въ глазахъ епископскихъ чиновниковъ неблагодарную задачу преслѣдованія и осужденія этихъ несчастныхъ. Очень рѣдки были епископы, подобные Іоганну

---

[1]) Mosheim, «de Beghardis», 255—61, 268—9.—Haupt, «Zeitschrift für kirchl. Geschichte», 1885 г., стр. 561—4.

Нѣкоторыя рѣшенія Вѣнскаго собора были уже въ обращеніи; но Климентъ, желая пересмотрѣть ихъ, приказалъ, чтобы экземпляры ихъ были уничтожены или выданы обратно. Переработанные, эти декреты были приняты консисторіей, собравшейся 21 марта 1314 г., и экземпляры ихъ были разосланы въ различные университеты; но послѣдовавшая 20 апрѣля смерть Климента вызвала новое замедленіе. Іоаннъ XXII подвергъ каноны новому пересмотру и опубликовалъ ихъ окончательно 25 октября 1317 г. — Franz Ehrle, «Archiv für Litteratur- und Kirchengeschichte», 1885 г., стр. 541—2.

Противорѣчивый характеръ свидѣтельствъ, относящихся до бегинокъ, очевидно, надо объяснять этими неоднократными передѣлками.

Способъ, которымъ Іоаннъ Цюрихскій получилъ епископскую каѳедру въ Страсбургѣ, весьма интересенъ и проливаетъ яркій свѣтъ на то, какъ велись дѣла въ римской куріи. По смерти епископа Фридриха капитулъ не могъ придти къ соглашенію и выбралъ четырехъ кандидатовъ; одинъ изъ нихъ, Іоаннъ Оксенштейнъ, любимецъ императора Альберта, желая получить конфирмацію своего избранія, послалъ къ Клименту V своего канцлера Іоганна Цюрихскаго, епископа Эйхштедта, вмѣстѣ съ аббатомъ изъ Пери. Послы вернулись съ двумя папскими бреве; въ одномъ изъ нихъ было назначеніе Іоганна Цюрихскаго на спорную каѳедру, а въ другомъ каѳедра Эйхштедта предоставлялась аббату. — Closener'a «Chronik» («Chron. der deutschen Städte», VIII, 91).

Библиотека "Руниверс"

Цюрихскому, которые были бы настолько ревностны, что не обращали бы вниманія на мірскія выгоды и свѣтскія удовольствія. Напротивъ, бегинскія убѣжища представляли легкую добычу; тамъ обильныя конфискаціи могли оплатить энергію преслѣдователей; мало того, многія изъ этихъ общинъ находились подъ контролемъ нищенствующихъ орденовъ и образовывали, оффиціально или въ дѣйствительности, дома терціаріевъ, и разрушеніе ихъ доставляло удовлетвореніе безграничной ненависти, которую питало бѣлое духовенство къ монахамъ. Кромѣ того, борьба между Іоанномъ XXII и францисканцами только-что началась, и францисканскіе терціаріи, которыхъ во Франціи обыкновенно называли бегинами и бегинками, были хорошей добычей. Такимъ образомъ, епископы обыкновенно не обращали вниманія на оговорку канона въ пользу бегинскихъ общинъ и неумолимо исполняли указъ о ихъ разрушеніи. Они проявили такую горячность въ удовлетвореніи своей ненависти къ нищенствующимъ монахамъ, что отлучили послѣднихъ отъ Церкви какъ соумышленниковъ и покровителей ереси, когда они вступились за своихъ терціаріевъ. Такимъ образомъ, возникло преслѣдованіе, которое, хотя и не повело къ пролитію крови, тѣмъ не менѣе, было очень прискорбно. На всемъ протяженіи Франціи, Германіи и Италіи несчастныя были выброшены на улицу безъ всякихъ средствъ къ жизни. Однѣмъ изъ нихъ удалось выйти замужъ, другія, и такихъ было много, сдѣлались проститутками, третьи, наконецъ, погибли отъ нужды и лишеній. Дошли до того, что запретили носить одежды, похожія на монашескія, а заставляли подъ страхомъ отлученія отъ Церкви одѣваться въ яркіе цвѣта. Въ исторіи Церкви не мало было болѣе жестокихъ преслѣдованій, но было мало подобныхъ этому, причинившему страшное несчастіе; не было такъ же болѣе произвольнаго и менѣе основательнаго. Это преслѣдованіе произвело чрезвычайно сильное впечатлѣніе на населеніе; оно выразилось, между прочимъ, въ разсказѣ, что Климентъ, умирая, горько раскаивался въ трехъ вещахъ: въ отравленіи императора Генриха VII, въ уничтоженіи ордена тампліеровъ и въ уничтоженіи общинъ бегинокъ [1]).

На большомъ Латеранскомъ соборѣ Церковь постановила, чтобы впредь не допускались никакія конгрегаціи, несогласныя съ уже одобренными монастырскими уставами. Бегины и бегинки постепенно и почти безсознательно на практикѣ нарушили этотъ канонъ. Единственнымъ средствомъ выйти изъ настоящихъ затрудненій было бы примкнуть къ какому-нибудь признанному ордену. Въ 1319 г. Іоаннъ XXII, узнавъ, какія бѣдствія причинило неудачное законодательство Вѣнскаго собора, обѣщалъ, что впредь не будетъ преслѣдоваться никто, кто вступитъ въ число терціаріевъ одного изъ нищенствующихъ орденовъ. Много бегиновъ воспользовалось этимъ; но ихъ связь съ избраннымъ ими орденомъ была скорѣе теоретическая, чѣмъ дѣйствительная. Они сохраняли свою независимость, свою привычку къ труду и свое право на личную собственность. Буллою 31 декабря 1320 г. и другими позднѣйшими указами Іоаннъ рѣзко разграничилъ тѣхъ, кто благочестиво и скромно жилъ въ общинахъ, отъ тѣхъ, кто бродилъ и вступалъ въ споры по вопросамъ религіознаго характера. Первыхъ въ одной Германіи было по донесеніямъ, посланнымъ папѣ, до двухсотъ тысячъ человѣкъ; Іоаннъ рѣзко упрекаетъ епископовъ за то, что они безпокоили этихъ вѣрующихъ за преступленіе немногихъ, дурное поведеніе которыхъ вызвало неправильно истолкованное рѣшеніе Климента. На будущее время папа приказалъ оставить ихъ въ покоѣ. Это вмѣшательство положило въ 1321 г. конецъ преслѣдованію бегиновъ Страсбурга [2]).

---

[1]) Guill. Nangiac. Contin. ann. 1317.—Ripoll, II, 169.—Wadding. ann. 1319, № 11; Ejusd. «Regest. Johann. PP. XXII», № 81.—Vitoduraui «Chron.» ann. 1317 (Eccard. «Corp. Hist.» I, 1785—6).—Chron. Sanpetrin. Erfurt. ann. 1315 (Menken. III, 325).—Chron. Magdeburgens. ann. 1317 (Meibom. «Rer. German.» II, 337).—Chron. Egmondan. ann. 1317 (Matthaei «Analect.» IV, 161).—Mosheim, «de Beghardis», 251, 269.

[2]) Mosheim, 189—90.—Martini «Append. ad Mosheim», 630—2, 638—40.—C. 1 Extrav. Commun. III. 4.—Ripoll, II. 169—70.—Haupt, «Zeitschrift für K. G.», 1885 г., стр. 517, 524.

Библиотека "Руниверс"

Невинные бегины получили, такимъ образомъ, покой, и уронъ, который образовался въ ихъ рядахъ, скоро пополнился; но виновные подверглись дѣйствію канона Климента, примѣнявшагося со всею строгостью, на какую были способны въ подобномъ дѣлѣ нерадивые нѣмецкіе прелаты. Кельнскій архіепископъ Генрихъ былъ однимъ изъ немногихъ преслѣдователей, принявшихся ревностно за дѣло, и успѣхи его были значительны. Лолларды и бегарды не смѣли болѣе показываться въ народѣ, а при отсутствіи правильнаго инквизиціоннаго механизма ихъ трудно было открыть; но въ 1322 г. архіепископу посчастливилось схватить самаго опаснаго ересіарха страны, нѣкоего Вальтера, прозваннаго Лоллардомъ; онъ былъ родомъ голландецъ и отличался среди бегардскихъ миссіонеровъ своею успѣшною дѣятельностью. Онъ былъ мало образованъ, не зналъ латинскаго языка, но отличался острымъ умомъ, большимъ краснорѣчіемъ, страшнымъ энтузіазмомъ и поразительнымъ умѣньемъ убѣждать. Успѣшности его миссіонерской дѣятельности много помогали его многочисленныя сочиненія на народномъ языкѣ, которыя ходили по рукамъ. Онъ проявлялъ свои таланты въ Майнцѣ, гдѣ набралъ много учениковъ, а затѣмъ пришелъ въ Кельнъ, гдѣ попалъ въ руки архіепископа. Онъ и не думалъ скрывать своихъ вѣрованій, отказался отречься и съ радостью согласился принести свою жизнь въ жертву за вѣру. Напрасно прибѣгали къ самымъ жестокимъ пыткамъ, чтобы узнать отъ него имена его единовѣрцевъ; твердость не покинула его, и онъ радостно погибъ въ пламени [1]).

Епископская Инквизиція не оправдала ревности архіепископа, но какъ ни была она неискусна, она вела свои работы достаточно успѣшно; въ 1323 г. одинъ священникъ былъ уличенъ въ ереси, лишенъ сана и сожженъ на кострѣ. Въ 1325 г. было случайно открыто собраніе бегардовъ, и это открытіе имѣло важныя послѣдствія. Съ этимъ случаемъ, какъ и съ другими подобными, связана легенда о мужѣ, у котораго возникли подозрѣнія; онъ слѣдитъ за своей женой, застаетъ ее на ночномъ тайномъ собраніи и присутствуетъ на оргіяхъ, обыкновенно приписываемыхъ подобнымъ собраніямъ. Епископская Инквизиція набрала много обвиняемыхъ, которыхъ быстро и твердо осудила; тѣ, кто не отрекся (приблизительно до пятидесяти человѣкъ), были преданы смерти; одни изъ нихъ были сожжены на кострѣ, другіе потоплены въ Рейнѣ,—новое наказаніе, показывающее, насколько еще въ Германіи не знали, какъ поступать съ еретиками. Весьма вѣроятно, что нѣкоторые изъ несчастныхъ старались оправдать себя, ссылаясь на великаго доминиканскаго проповѣдника магистра Эккарта, и, такимъ образомъ, обрушили на голову своего наставника преслѣдованіе, кончившееся его смертью. Возможно также, что, преслѣдуя эту драгоцѣнную добычу, архіепископъ упустилъ изъ виду добычу болѣе скромную, такъ какъ въ послѣдующіе годы не было новыхъ жертвъ; но все же ересь, какъ мы знаемъ, не исчезла въ странѣ [2]).

Архіепископъ Генрихъ умеръ въ 1331 г., не достигнувъ, повидимому, большихъ успѣховъ, и его преемникъ Валеранъ, графъ Юлихскій, продолжалъ его дѣло болѣе систематически. Онъ попытался устроить постоянную епископскую Инквизицію и назначилъ для этого особаго комиссара, обязанностью котораго было разыскивать еретиковъ, и который имѣлъ право прощать и присоединять къ Церкви отрекшихся отъ своихъ заблужденій. Это былъ настоящій инквизиторъ подъ другимъ только именемъ. Успѣхъ попытки не отвѣчалъ широтѣ замысла. Въ мартѣ 1335 г. Валеранъ долженъ былъ констатировать, что зло росло и въ городѣ, и въ епархіи; онъ приглашалъ всѣхъ своихъ прелатовъ и все свое духовенство помогать Инквизиціи, строго примѣняя предписаніе, данное по этому поводу архіепископомъ Генрихомъ. Но и эта мѣра оказалась столь же мало дѣйствительной, какъ и предше-

---

[1]) Trithem. «Chron. Hirsaug.» ann. 1322.

[2]) Gesta Treviror. ann. 1323 (Martène, «Ampl. Coll.» IV, 410).—Chron. Egmondan. (Matthaei «Analect.» IV, 233—4.—Vitodurani «Chron.» (Eccard. «Corp. Histor.» I, 1814—15).

Библиотека "Руниверс"

ствующія попытки. Смѣлость еретиковъ доходила до того, что они публично носили свою отличительную одежду и совершали свои обряды; мало того, инквизиторъ былъ такъ небреженъ или такъ доступенъ подкупу, что давалъ разрѣшеніе грѣховъ, не требуя доказательствъ правовѣрія. Такимъ образомъ, въ октябрѣ того же года архіепископъ издалъ новое пасторское посланіе, въ которомъ онъ отмѣнялъ эти разрѣшенія отъ грѣховъ и жаловался на постоянный ростъ ереси [1]).

Ревностные архіепископы Кельна нашли себѣ подражателей. Въ Вестфаліи епископы: Людвигъ Мюнстерскій, Готфридъ Оснабрюкскій, Готфридъ Минденскій, Бернардъ Падерборнскій энергично занимались уничтоженіемъ ереси въ своихъ епархіяхъ. Въ 1335 г. страсбургскій епископъ Бертольдъ попытался примѣнить Клементины. Въ томъ же году нѣсколько жертвъ было сожжено въ Мецѣ. Архіепископъ Магдебургскій Отто былъ болѣе вѣротерпимъ. Въ 1336 г. въ его городѣ было открыто нѣсколько Братьевъ Свободнаго Духа, которые не задумались признаться предъ судьей въ своихъ вѣрованіяхъ. Это признаніе въ ушахъ людей благочестивыхъ звучало ужаснымъ богохульствомъ. Однако, архіепископъ, продержавъ ихъ нѣсколько дней, выпустилъ ихъ на свободу, когда они на словахъ отреклись отъ своихъ заблужденій. Но въ томъ же году мы встрѣчаемъ первый случай папской Инквизиціи въ сѣверной Германіи. Августинскій отшельникъ монахъ Іорданъ получилъ полномочіе инквизитора на всю Саксонію. Онъ слабо зналъ инквизиціонное судопроизводство, такъ какъ, открывъ въ Ангермюнде гнѣздо луциферіанъ, онъ предложилъ имъ оправдаться посредствомъ purgatio canonica. Четырнадцать изъ нихъ не могли найти необходимаго числа соприсяжниковъ и были тотчасъ же сожжены. Изъ Ангермюнде Іорданъ поспѣшно отправился въ Эрфуртъ, гдѣ присутствовалъ на разборѣ дѣла бегарда, по имени Константинъ. Дѣло велъ викарій майнцскаго архіепископа. Очень не хотѣли наказывать еретика, имѣвшаго хорошую репутацію и бывшаго полезнымъ въ качествѣ переписчика. Онъ утверждалъ, что онъ Сынъ Божій, и что онъ воскреснетъ черезъ три дня послѣ своей смерти; судьи попытались признать его сумасшедшимъ и для этого дали ему продолжительную отсрочку, но онъ продолжалъ утверждать, что онъ въ здравомъ умѣ, и рѣшительно отказался отречься и, въ концѣ концовъ, погибъ на кострѣ [2]).

Когда начинали искать еретиковъ, то, повидимому, всегда находили достаточное число ихъ, чтобы окупить труды преслѣдователей. Въ томъ же самомъ 1336 г. была открыта въ Австріи крупная секта, послѣдователи которой были, судя по ихъ описанію, луциферіанами. Обряды, совершавшіеся на ихъ ночныхъ собраніяхъ, происходившихъ въ подземельяхъ, очень похожи на тѣ, какіе раскрыли кающіеся Конрада Марбургскаго; это вѣчно старый разсказъ о колдовствѣ. Они, повидимому, заразили своею ересью огромное число людей, и для ихъ уничтоженія были широко примѣнены костеръ и другія жестокія наказанія. Въ слѣдующемъ году много простыхъ людей въ Бранденбургѣ были вовлечены въ поклоненіе дьяволу тремя злыми геніями, олицетворявшими Троицу. Хотя эти обманщики и были обращены въ бѣгство доминиканцемъ, пришедшимъ со Святыми Дарами, однако, простые люди продолжали упорствовать въ своихъ заблужденіяхъ и предпочитали костеръ отреченію. Даже лишенная всего сверхъестественнаго, эта, по всей вѣроятности, луциферіанская ересь вызывала у своихъ послѣдователей рѣдкій энтузіазмъ, и, стоя у костра, они утверждали, что пламя, зажженное для нихъ казни, есть не что иное, какъ золотая колесница, которая вознесетъ ихъ на небо. Другой случай луциферіанизма былъ обнаруженъ въ Зальцбургѣ въ 1340 г. Въ каѳедральномъ соборѣ одинъ священникъ, по

---

[1]) Hartzheim, IV, 436, 438.

[2]) Mosheim, «de Beghardis», 272, 298—300.—Martini «Append. ad Mosheim», 537.—Haupt, «Zeitschrift für K. G.» 1885 г., стр. 534. Chron. de S. Thiebaut de Metz (Calmet, II. Pr. CLXXI).—Erphurdian. «Variloq.» ann. 1350 (Menken. II, 507).

Библиотека "Руниверс"

имени Рудольфъ, бросилъ на землю чашу съ Кровью Христовой. Онъ совершилъ уже раньше подобное святотатство въ Галле. Передъ судомъ онъ отрицалъ пресуществленіе и утверждалъ, что сатана и падшіе ангелы должны, въ концѣ концовъ, спастись. Онъ упорствовалъ до конца въ своей ереси и былъ сожженъ [1]).

Братья Свободнаго Духа не были, однако, истреблены. Въ 1339 г. три старика, ересіарха секты, были арестованы въ Констанцѣ и судимы епископомъ. Они были признаны виновными въ грязныхъ половыхъ крайностяхъ и выражали въ чрезвычайно возмутительной формѣ свое отвращеніе къ обрядамъ Церкви. Они были непоколебимо тверды до тѣхъ поръ, пока ихъ не повели на мѣсто казни; тогда твердость духа покинула ихъ, они отреклись и были осуждены на пожизненное заключеніе въ башнѣ на хлѣбъ и воду. Въ 1342 г. двое другихъ были доведены силою до раскаянія въ Вюрцбургѣ. Однако, преслѣдованіе велось съ перерывами, и во многихъ мѣстахъ встрѣчалась вѣротерпимость. Такъ, напримѣръ, въ Швабіи въ 1347 г. ересь бегардовъ, говорятъ, распространялась безпрепятственно и безудержно; ее невозможно было искоренить даже тогда, когда дѣлались попытки къ этому. Она могла бы, въ концѣ концовъ, низложить Церковь, если бы въ послѣдній моментъ не выступили противъ нея богословы, обладавшіе талантомъ и преданностью дѣлу [2]).

Около этого времени процвѣталъ знаменитый ратисбонскій каноникъ, Конрадъ изъ Монпелье, одинъ изъ самыхъ ученыхъ людей той эпохи, авторъ книги противъ ереси. Если вѣрить ему, то осужденіе, вынесенное Вѣнскимъ соборомъ, совершенно не остановило развитія и распространенія ереси, и не находилось прелатовъ, расположенныхъ остановить зло. Еретиками были обыкновенно крестьяне и работники, переходившіе съ мѣста на мѣсто, одѣтые въ свою особую одежду, которою они отличались также и отъ вальденцевъ. Они просили убѣжища у бегиновъ и бегинокъ, которыхъ они совращали, убѣждая ихъ, что человѣкъ можетъ сдѣлаться равнымъ Богу. Въ Ратисбоннѣ Конрадъ встрѣтилъ одного изъ этихъ еретиковъ, который недолго оставался безнаказаннымъ: арестованный по приказанію епископа, онъ упорно оставался при своемъ заблужденіи и былъ брошенъ въ башню, гдѣ и погибъ. Другой еретикъ, по имени Іоганнъ Мехлинъ, открыто проповѣдывалъ свое ложное ученіе по всей верхней Германіи; его краснорѣчіе привлекало къ нему огромное число учениковъ, даже среди знатныхъ и духовныхъ. Однако, Конрадъ говоритъ, что изъ разговора съ этимъ еретикомъ онъ вынесъ убѣжденіе въ его полномъ невѣжествѣ. Несомнѣнно, подобная же вѣротерпимость существовала и въ Нидерландахъ, такъ какъ около этого времени въ Брюсселѣ жила одна женщина, по имени Блумартъ, писавшая различные трактаты о Духѣ Свободы и о Любви. Ее почитали какъ существо высшее и сверхъестественное; когда она принимала причастіе, то по бокамъ ея стояли, по словамъ ея учениковъ, два серафима. Она вызывала на состязаніе самыхъ ученыхъ богослововъ, пока Іоанну Рисбруку не удалось ее побѣдить. Тѣмъ не менѣе, послѣ ея смерти (около 1336 г.) ея ученики поклонялись ей, какъ святой. Чудесное исцѣленіе давалось по ея молитвамъ. Небольшая секта, основанная ею, просуществовала до начала XV в.; въ это время кардиналъ Пьеръ д'Айльи приказалъ инквизитору Гендрику Селле ванъ Герентальсъ уничтожить еретиковъ. Насколько намъ извѣстно, преслѣдованіе прошло безъ жестокостей, пользуясь лишь простою проповѣдью; однако, можно думать, что инквизиторъ не ограничивался однимъ этимъ гуманнымъ судомъ, такъ какъ еретики составили заговоръ убить его изъ засады, и они исполнили бы

---

[1]) Vitodurani «Chron.» (Eccard. «Corp. Histor.» I, 1833—4, 1839—40). — Dalham, «Concil. Salisburgens.», 157.

[2]) Vitodurani «Chron.» (Eccard. I, 1906—7, 1967—8).—Ullman, «Reformers before the Reformation», перев. Menzie, I, 383.

Библиотека "Руниверс"

это, если бы инквизиторъ, попавъ въ ихъ руки, внезапно не исчезъ чудеснымъ образомъ [1]).

Послѣ спорнаго избранія въ 1314 г. Людовика Баварскаго отношенія между имперіей и папствомъ были чрезвычайно натянуты. Побѣда при Мюльдорфѣ въ 1322 г., обезпечившая за Людовикомъ императорскую власть, вызвала въ 1323 г. окончательный разрывъ между Людовикомъ и Іоанномъ XXII. Вспыхнула борьба не на животъ, а на смерть. Каждый изъ противниковъ называлъ своего врага еретикомъ и объявлялъ его лишеннымъ всѣхъ правъ. Когда Іоаннъ предалъ Германію интердикту, то Людовикъ въ отвѣтъ на это началъ жестоко преслѣдовать, гдѣ только могъ, духовныхъ лицъ, признававшихъ папскія духовныя наказанія [2]). Подобное положеніе вещей мало благопріятствовало преслѣдованію ереси и, по крайней мѣрѣ, отчасти, объясняетъ ту безнаказанность, которою еретики пользовались во многихъ мѣстахъ, и невозможность ввести правильно организованную общую Инквизицію. Хотя папство и объявляло, что императорскій престолъ никѣмъ не занятъ, и утверждало, что на это время управленіе имперіей перешло къ нему, но его притязанія не имѣли никакого практическаго значенія. Когда въ 1347 г. Людовикъ умеръ, и когда императоромъ былъ признанъ его соперникъ Карлъ IV, «императоръ священниковъ», Римъ имѣлъ право надѣяться, что падутъ всѣ препятствія, что будетъ разбита оппозиція епископовъ папской Инквизиціи, и что поле будетъ широко открыто для постояннаго и систематическаго преслѣдованія, которое смоетъ съ Германіи обвиненіе въ вѣротерпимости. Если въ 1348 г. Климентъ VI могъ позволить себѣ отечески упрекнуть юнаго императора, что его одежда черезчуръ коротка и узка и недостаточно парадна для императора, то можно было думать, что этотъ молодой человѣкъ будетъ готовъ выполнить всѣ приказанія, которыя могутъ быть даны ему относительно уничтоженія ереси. Въ томъ же году Іоганнъ Шанделандъ, докторъ доминиканскаго монастыря въ Страсбургѣ, былъ назначенъ папскимъ инквизиторомъ для всей Германіи [3]).

---

[1]) Conrad. de Monte Puellar. «Contra Begehardos» (Mag. Bib. Pat. XIII, 342).—Mosheim, «De Beghardis», 307.—P. Fredericq, «Corp. Docum. Inq. Neerland.» I, 167, 267.—H. Haupt in «Realencyclopädie», 3 изд.

Профессоръ Фредерикъ отожествляетъ еретичку Блумартъ съ мистической поэтессой, сестрою Гадевикъ (Hadewijck), дочерью богатаго брюссельскаго горожанина Вильгельма Блумарта.—«De Geheimzinnige Ketterin Bloemaerdinne», Амстердамъ, 1895 г.

[2]) Carl. Müller, «Der Kampf Ludwigs des Baiern mit der römischen Curie», Тюбингенъ, 1879 г., I, 234 и слѣд.

Когда смѣлый мыслитель Марсилио Падуанскій хотѣлъ для пользы своего повелителя императора Людовика, ввести въ Германіи принципы римскаго права, которые дали французскимъ монархамъ возможность сломить феодализмъ и освободиться отъ ига Церкви, то онъ разсмотрѣлъ вопросъ о преслѣдованіи съ такой умѣренностью, что нѣкоторые историки сочли возможнымъ принять его за защитника вѣротерпимости. Но это ошибка. Безъ сомнѣнія, онъ оспариваетъ авторитетъ Священнаго Писанія и папской власти въ дѣлѣ уголовнаго наказанія преступленій противъ божескаго закона; онъ утверждаетъ, что единственнымъ судьей въ подобныхъ дѣлахъ является Христосъ, наказанія котораго постигнутъ виновныхъ на томъ уже свѣтѣ; но это для него только первая посылка, чтобы вывести заключеніе, что человѣческій законъ имѣетъ право преслѣдовать ересь и давать приказаніе свѣтскому судьѣ примѣнять мѣры строгости. Совершенно вѣрно, говоритъ онъ, еретикъ грѣшитъ противъ божескаго закона, но наказываютъ его за то, что онъ преступилъ законъ человѣческій; священникъ можетъ вмѣшиваться только какъ экспертъ, на обязанности котораго лежитъ установить степень виновности, и не имѣетъ никакого права на участіе въ конфискаціяхъ, вытекающихъ изъ осужденія («Defensor Pacis», P II, c. IX; P. III, c. II. «Conclus.» 3, 30). Все это является только частью общаго плана, направленнаго къ тому, чтобы устранить Церковь отъ всякаго контроля надъ свѣтскими дѣлами. Людовикъ никогда не былъ въ состояніи дать этимъ теоріямъ практическаго примѣненія; онѣ не имѣли никакого вліянія на направленіе общественнаго мнѣнія или на ходъ дальнѣйшихъ событій; онѣ представляютъ интересъ только какъ этапы въ развитіи политической мысли.

[3]) Werunsky, «Excerpta ex Regestis Clementi VI et Innocent. VI», Инсбрукъ, 1885 г., стр. 8, 40, 63.—Schmidt, «Päbstliche Urkunden und Regesten», Галле, 1886 г., стр. 383.

Библиотека "Руниверс"

Папа и императоръ увидѣли, наконецъ, что положеніе ихъ стало прочно, и готовились изъ этого извлечь выгоду, когда неожиданно произошла катастрофа, которой не могъ предвидѣть человѣческій умъ. Половина печальнаго XIV столѣтія почти уже прошла, когда Европа испытала бѣдствіе, въ которомъ можно было видѣть исполненіе пророчествъ, грозившихъ мщеніемъ Бога за грѣхи людей. Въ 1347 г. бичъ, который назвали «чернымъ моромъ», перешелъ съ Востока въ Европу; онъ безостановочно распространялся въ теченіе 1348—1349 гг., охвативъ Францію, Италію, Венгрію, Германію и Англію. Ни одно мѣсто въ Европѣ не было пощажено; въ открытомъ морѣ, говорятъ, можно было видѣть, какъ корабли съ дорогимъ грузомъ плыли по волѣ вѣтра: экипажъ погибъ до послѣдняго человѣка. Несомнѣнно, разсказы современниковъ, что погибло двѣ трети, три пятыхъ или пять шестыхъ населенія Европы, преувеличены; однако, очевидецъ Боккаччьо говоритъ, что въ одной только Флоренціи съ марта по іюль 1348 г. умерло до 100000 человѣкъ; въ поляхъ урожай гнилъ на корню; въ городахъ дворцы стояли пустыми; родители бросали дѣтей, дѣти родителей. Въ Авиньонѣ считали, что умерло 100000 человѣкъ. Климентъ VI заперся въ покояхъ своего папскаго дворца, зажегъ огромные костры, чтобы не зашла къ нему зараза, и никого не пускалъ къ себѣ. Въ Парижѣ, говорятъ, погибло 50000 жителей; въ С.-Дени и Страсбургѣ по 16000 чел. Эти цифры хотя и сомнительны, но приблизительно точны, если судить по происшедшему въ Безье. Въ 1348 г. Маскаро, назначенный въ этотъ городъ на освободившееся мѣсто escudier, сообщаетъ въ своемъ журналѣ, что всѣ консулы были похищены чумою, равно какъ и всѣ ихъ escudiers, или помощники, и всѣ clavars, или сборщики податей, и что жители погибали въ отношеніи 900 къ 1000. Очевидно, полагая, что природа не приноситъ еще достаточно крупныхъ бѣдствій, люди помогали ей въ ея разрушительной работѣ, возмутившись противъ евреевъ. Ихъ обвинили въ томъ, что они вызвали заразу, отравивъ источники и пастбища; народъ въ своей слѣпой ярости не задумывался надъ тѣмъ, что эти несчастные пили изъ тѣхъ же источниковъ, что и христіане, и погибали наравнѣ съ ними отъ чумы. Отъ береговъ Атлантическаго океана и до Венгріи ихъ мучили и убивали мечомъ и огнемъ. Въ Эрфуртѣ, говорятъ, погибло около трехъ тысячъ евреевъ, въ Баваріи число жертвъ опредѣляли въ двѣнадцать тысячъ [1]).

---

[1]) Boccaccio, «Decamerone», Giorn. I.—Alberti Argentinens. «Chron.» ann. 1348—9 (Urstisius, II, 147).—«Chron. Hirsaug.» ann. 1248.—Aventinus, «Annal. Boiorum», lib. VII, c. 20.—Grandes Chroniques, V, 485—6.—Guillel. Nangiac. Contin. ann. 1348—9.—Froissart, lib. I, P. II, c. 5.—Meyeri «Annal. Flandr.» ann. 1349.—Henrici Rebdorff. «Chron.» ann. 1347.—Alberti Argentinensis «De Gestis Bertold.» (Urstisius, II, 177).—Mascaro, «Memorias de Bezes», ann. 1348.—Gesta Treviror. ann. 1349.—Chron. Cornel. Zantfliet (Martène, «Ampl. Coll.» V, 253—4).—Erphurd. «Variloq.» ann. 1348—9 (Menken, II, 506—7).

Эти обвиненія, направленныя противъ евреевъ, не были новостью. Въ 1321 г. въ Лангедокѣ сожгли всѣхъ прокаженныхъ, которыхъ обвиняли въ томъ, что евреи подкупили ихъ отравить всѣ фонтаны. Несомнѣнно, для полученія признаній отъ обвиняемыхъ были примѣняемы пытки. Разсказывали, что король Гренады, преслѣдуемый по пятамъ христіанами, далъ нѣсколькимъ вліятельнымъ евреямъ огромныя деньги, чтобы они при помощи ихъ уничтожили всѣхъ христіанъ; евреи же, боясь, что на нихъ падетъ подозрѣніе, воспользовались прокаженными. Въ различныхъ областяхъ Европы состоялось четыре большихъ собранія прокаженныхъ. Всѣ лазареты послали туда своихъ представителей, за исключеніемъ двухъ лепрозорій Англіи. Здѣсь было рѣшено совершить покушеніе, и заговорщикамъ былъ выданъ ядъ. Въ это время король Филиппъ Длинный былъ въ Пуату; узнавъ объ этой новости, онъ тотчасъ же вернулся въ Парижъ, откуда издалъ указъ объ арестѣ всѣхъ прокаженныхъ королевства. Огромное число этихъ несчастныхъ было сожжено, та же участь постигла и многихъ евреевъ. Въ королевскомъ замкѣ въ Шинонѣ, близъ Тура, вырыли огромный ровъ, который наполнили горящими дровами, на этомъ кострѣ въ одинъ только день погибло сто шестьдесятъ евреевъ. Нѣкоторыя жертвы, какъ мужчины, такъ и женщины, весело распѣвали и плясали среди пламени, какъ-будто бы справляли свадьбу. Матери бросали своихъ дѣтей въ пламя, боясь, чтобы христіане не взяли

Библиотека "Руниверс"

ПРОЦЕССІЯ ФЛАГЕЛЛАНТОВЪ („Бичующіеся“).
(К. Марръ).

Библиотека "Руниверс"

Народъ не надѣялся, чтобы божескій гнѣвъ смягчился однимъ избіеніемъ евреевъ. Заразительный фанатизмъ, примѣровъ котораго мы видѣли много, не погасъ и не удовлетворился. Въ 1320 г. по Франціи снова бродили пастушки; чернь, вооруженная только хоругвями, поднялась на завоеваніе Св. Земли; безчисленное множество крестьянъ бродило по странѣ сначала совершенно мирно, затѣмъ они проявили свое благочестіе въ нападеніяхъ на евреевъ, и, наконецъ, гнѣвъ ихъ обрушился на духовенство: они грабили дома лицъ духовнаго званія и церкви; въ концѣ концовъ, ихъ разсѣяли оружіемъ и освободились отъ нихъ вспѣлицей. Въ 1334 г. великій доминиканскій проповѣдникъ Вентурино Бергамскій пробудилъ въ населеніи Ломбардіи горячее желаніе снискать себѣ божеское благоволеніе и организовалъ паломничество въ Римъ, чтобы испросить прощеніе за грѣхи. По разнымъ свѣдѣніямъ число кающихся колебалось отъ 10000 до 3000000. Одѣтые въ бѣлое, въ черномъ плащѣ, на одной сторонѣ котораго была бѣлая голубка и оливковая вѣтвь, а на другой—бѣлый крестъ, паломники двигались толпами къ святому городу. Тѣмъ не менѣе, когда Вентурино явился въ Авиньонъ, къ Іоанну XXII, чтобы испросить прощеніе для своихъ кающихся у папы, онъ былъ обвиненъ въ ереси и подвергся суду Инквизиціи [1]).

Зная по этимъ проявленіямъ настроеніе людей той эпохи, мы не будемъ удивляться, что бѣдствія чернаго мора произвели глубокое впечатлѣніе и вызвали внезапную лихорадку раскаянія. Германія менѣе пострадала, чѣмъ остальная Европа; въ ней, говорятъ, погибло только около четверти населенія, но религіозная впечатлительность народа была живо затронута интердиктами, произнесенными противъ Людовика Баварскаго, и чумѣ предшествовало нѣсколько землетрясеній, что тоже предсказывало несчастіе. Можно было думать, что Богъ, утомленный людской испорченностью, готовился истребить родъ человѣческій. Только какое-либо особое проявленіе благочестія могло остановить небесный гнѣвъ. При подобномъ нравственномъ напряженіи достаточно было самаго незначительнаго толчка, чтобы привести въ движеніе все населеніе. Весною 1349 г. страна вдругъ покрылась толпами флагеллантовъ, подобныхъ тѣмъ, которые, какъ мы уже видѣли, около ста лѣтъ тому назадъ, заглаживали свои грѣхи бичеваніемъ. По однимъ свѣдѣніямъ починъ шелъ изъ Венгріи; другіе же историки относятъ его на счетъ разныхъ другихъ странъ. Но это такъ полно отвѣчало неяснымъ стремленіемъ народа и такъ быстро распространялось, что было, повидимому, вызвано въ разныхъ мѣстахъ одновременно общимъ рвеніемъ. По крайней мѣрѣ, вначалѣ все шло скромно и тихо. Флагелланты шли не очень многочисленными группами, изъ которыхъ каждую велъ вождь съ двумя помощниками. Имъ строго было запрещено просить милостыню; въ ряды ихъ допускались только тѣ, кто давалъ обѣтъ послушанія вождю и имѣлъ достаточно денегъ на свои личные расходы, опредѣленные въ четыре пфеннига въ день. Кромѣ того, въ городахъ, черезъ которые они проходили, имъ оказывали гостепріимство; они имѣли право принимать квартиру и пищу, но никогда не могли ночевать

и не окрестили ихъ. Говорятъ, что въ королевское казначейство поступило сто пятьдесятъ тысячъ ливровъ съ имущества сожженныхъ и изгнанныхъ евреевъ.—Guillel. Nangiac. Contin. ann. 1321.—Grandes Chroniques, V, 245—51.—Chron. Cornel. Zantfliet. ann. 1321.

[1]) Amalr. Augerii «Hist. Pontif. Roman.» ann. 1320 (Muratori, «S. R. I.» III, II, 475).—Johann. S. Victor. «Chron.» ann. 1320 (Ibid., стр. 485).—Chron. Anon. 1330 (Ibid., стр. 499).—Pet. de Herentals, ann. 1320 (Ibid., стр. 500).—Guillel. Nangiac. Contin. ann. 1320.—Grandes Chroniques, V, 245—6.—Cronica di Firenze, ann. 1335 (Baluz. et Mansi, IV, 114).—Villani, lib. XI, c. 23.—Lami., «Antichità Toscane», 617.

Вентурино былъ оправданъ по обвиненію въ ереси; но его свободная рѣчь не понравилась папѣ. Ему было запрещено проповѣдывать и исповѣдывать, и онъ былъ осужденъ жить въ уединеніи въ Фризаккѣ, въ горахъ Рикондоны (Villani, l. cit.). Онъ умеръ въ 1346 г. въ Смирнѣ, куда отправился въ качествѣ миссіонера. Онъ проповѣдывалъ съ удивительнымъ успѣхомъ по всей Европѣ, до Испаніи, Англіи и Греціи. Когда онъ говорилъ, лицо его озарялось небеснымъ свѣтомъ; чудеса его были многочисленны (Raynald. ann. 1346, № 70).

Библиотека "Руниверс"

двѣ ночи въ одномъ и томъ же помѣщеніи. Монахи и священники, знатные и крестьяне, женщины и дѣти, объединенные одною только мыслью о сердечномъ сокрушеніи, стремились смягчить гнѣвъ Божій. Они распѣвали грубые гимны:

Nü tretent herzu die bussen wellen.
Fliehen wir die heissen hellen.
Lucifer ist ein bose geselle...

Они бичевали себя въ опредѣленное время. Мужчины обнажали себя до пояса и били ремнями съ четырьмя желѣзными остріями, били настолько сильно, что, по свидѣтельству очевидца, иногда приходилось съ трудомъ вынимать остріе изъ мяса. Они утверждали, что подобное упражненіе въ теченіе тридцати-трехъ съ половиною дней очищало душу отъ всякой скверны и дѣлало кающагося такимъ чистымъ, какимъ онъ былъ въ день своего рожденія.

Отъ Польши до Рейна процессіи флагеллантовъ встрѣчали мало препятствій. Однако, въ нѣкоторыхъ городахъ, какъ, напримѣръ, въ Эрфуртѣ, городскія власти запрещали ихъ входъ; изъ Магдебургской провинціи ихъ прогналъ архіепископъ Отто. Они распространились по Голландіи и Фландріи; но, когда они вошли во Францію, Филиппъ Валуа вмѣшался, и они не могли проникнуть дальше Труа. Дѣйствительно, хранители общественнаго порядка не могли смотрѣть безъ нѣкоторой боязни на подобную народную демонстрацію, способную сдѣлаться опасною, если только она приметъ правильное устройство. Когда флагелланты Страсбурга рѣшили устроить постоянное братство, то Карлъ IV, бывшій въ это время въ городѣ, рѣшительно воспротивился этому. Эти бродячія толпы уже приняли угрожающій характеръ; въ разныхъ мѣстностяхъ ихъ ревность вызвала съ ихъ стороны жестокія преслѣдованія евреевъ; ихъ ненависть къ Церкви сказывалась ясно и выражалась въ нападеніяхъ на имущество церквей и духовенства. Кромѣ того, Церковь косо смотрѣла на всякую религіозную демонстрацію, которой она сама не разрѣшила; тщетно пытались смягчить ея щекотливость чтеніемъ ежедневно во время бичеванія посланія, принесеннаго ангеломъ Церкви св. Петра въ Іерусалимѣ, посланія, въ которомъ говорилось, что Богъ, разгнѣванный недостаточнымъ почитаніемъ воскресеній и пятницъ, наказалъ бы христіанъ и разрушилъ бы міръ, если бы ангелы и св. Дѣва не заступились за людей.

Другое посланіе объявляло, что общее бичеваніе въ теченіе тридцати трехъ съ половиною дней отвратитъ гнѣвъ Господень. Можно было не безъ основанія опасаться, чтобы духъ ненависти и неповиновенія флагеллантовъ не проявился открыто. Нищенствующіе монахи взялись прекратить это всенародное сокрушеніе и навлекли на себя ненависть, которая не замедлила сказаться на дѣлѣ. Въ Турнэ ораторъ флагеллантовъ объявилъ, что нищенствующіе монахи—скорпіоны и антихристы; на границахъ Мейсена два доминиканца, вздумавшіе образумить толпу флагеллантовъ, были побиты камнями; одному монаху удалось бѣжать, а другой былъ забитъ до смерти [1]).

Въ Базелѣ сотня видныхъ гражданъ организовала братство и совершила паломничество съ бичеваніемъ въ Авиньонъ. Они возбудили среди жителей города большое удивленіе; многіе изъ кардиналовъ, повидимому, склонны были съ уваженіемъ смотрѣть на этотъ новый способъ покаянія. Климентъ VI не ограничился внѣшнимъ видомъ, а проникъ въ глубь вещей и понялъ, насколько опасно для Церкви позволять подобныя неправильныя

[1]) Erphurdian. «Variloq.» ann. 1349.—Chron. Magdeburgens. ann. 1348 (Meibom. «Rer. German.» II, 342).—Alberti Argentinensis «Chron.» ann. 1349.—Closener's «Chronic.» (Chron. der deutschen Städte, VIII, 105 и слѣд.).—Trithem. «Chron. Hirsaug.» ann. 1348.—Hermann. Corneri «Chron.» ann. 1350.—Guillel. Nangiac. Contin. ann. 1349.—Grandes Chroniques, V, 492—3.—Froissart, liv. I, P. II, ch. 5.—Gesta Treviror. ann. 1349.—Meyeri «Annal. Flandriae», ann. 1349.—Chron. Aegid. Li Muisis. (De Smet, «Corp. Chron. Flandriae», II, 349—51).—Henr. Rebdorff. «Annall.» ann. 1347.—P. Fredericq, «Corp. Doc. Inquis. Neerland.» I, 190 bs.; II, 96 и слѣд.

Библиотека "Руниверс"

Зданіе, въ которомъ происходили засѣданія Константскаго собора 1414—1418 гг.

Библиотека "Руниверс"

проявленія ревности и терпѣть не признанныя общества и конгрегаціи. Что сдѣлается съ самымъ дорогимъ и прибыльнымъ дѣломъ Св. Престола, съ продажей индульгенцій, если люди будутъ въ состояніи сами себя очищать отъ грѣховъ, налагая на себя епитиміи по своему усмотрѣнію? Въ этомъ крылось въ зародышѣ цѣлое возстаніе, угроза столь же опасная, какъ угроза Ліонскихъ Бѣдныхъ и другихъ сектъ, противъ которыхъ боролись съ такимъ успѣхомъ. Забота о самозащитѣ требовала, чтобы Церковь немедленно и, во что бы то ни стало, подавила нарождающуюся опасность. Строго логически это было не опровержимо; однако, нѣкоторые члены коллегіи кардиналовъ смотрѣли иначе, и они добились, что Климентъ отказался отъ своего перваго проекта — заключить флагеллантовъ въ тюрьму. Повидимому, долго еще спорили о томъ, какъ поступить съ ними, такъ какъ только 20 октября 1349 г. вышла булла, осуждавшая ихъ. Это осужденіе основывалось на презрительномъ отношеніи ихъ къ «власти ключей» и церковнаго благочинія, о чемъ свидѣтельствовали эти новыя и неразрѣшенныя сообщества, нося особую одежду, устраивая самостоятельныя общины и совершая обряды, несходные съ общепринятыми. Папа упоминалъ о жестокостяхъ, совершенныхъ ими противъ евреевъ, и о покушеніяхъ противъ собственности и юрисдикціи Церкви. Всѣмъ прелатамъ было приказано распустить немедленно эти конгрегаціи; тѣхъ же флагеллантовъ, которые не послушаются, заключить въ тюрьму до новаго распоряженія, а въ случаѣ нужды прибѣгать къ помощи свѣтской власти [1]).

Климентъ не ошибался, предвидя, какое впечатлѣніе на умы вѣрныхъ можетъ произвести это новое ученіе. На Констанцскомъ соборѣ 1417 г. св. Винцентъ Феррерскій при обсужденіи этого вопроса склонялся на сторону флагеллантовъ; его извѣстность и услуги которыя онъ оказалъ Церкви, освободивъ Испанію отъ Петра де Луна (Бенедикта XIII), внушали всѣмъ самое глубокое къ нему уваженіе. Однако, Герсонъ скромно остался при особомъ мнѣніи и вкратцѣ изложилъ, какое зло причинили флагелланты. Опытъ, говорилъ онъ, показалъ, что члены секты флагеллантовъ доходили до отрицанія таинства исповѣди и покаянія, такъ какъ они восхваляли особую форму сердечнаго сокрушенія, считая ее не только выше той формы покаянія, которая предписывается Церковью, но даже и мученичества, говоря, что они сами проливаютъ свою кровь, а кровь мучениковъ была пролита другими. Эти идеи если открыто къ неповиновенію и уничтожали уваженіе, должное Церкви; итакъ, по своимъ выводамъ они были близки къ ереси. Судя по нѣкоторымъ намекамъ, сдѣланнымъ Герсономъ, можно полагать, что между народомъ и священниками часто бывали недоразумѣнія, и что иногда священники много терпѣли отъ дурного обращенія [2]).

Изданное Климентомъ запрещеніе не имѣло большого дѣйствія, и практика флагеллантовъ упорно держалась, пока не вызвала какъ бы новую ересь. Когда булла, осуждавшая флагеллантовъ, была получена нѣмецкими прелатами, то послѣдніе ясно поняли, что эта мѣра стремилась предотвратить дѣйствительную опасность, и рѣшили строго примѣнить папскія предписанія. Священники съ высоты каѳедры объявляли флагеллантовъ нечестивою сектою, осужденною Святымъ Престоломъ. Тѣмъ, кто смиренно вернется къ вѣрѣ Церкви, обѣщали прощеніе, а тѣмъ, кто будетъ упорствовать, грозили строгимъ примѣненіемъ каноновъ. Эти угрозы значительно уменьшили ряды еретиковъ, но все же было не мало мятежныхъ, которые доставили новыхъ мучениковъ. Многіе изъ этихъ несчастныхъ были казнены или подверглись различнымъ пыткамъ, многіе сгнили въ тюрьмахъ, куда ихъ заключили. Нельзя было помѣшать даже лицамъ духовнаго званія вступать въ ряды секты. На провинціальномъ соборѣ кельнскій архіепископъ Вильгельмъ Геннепъ отлучилъ отъ Церкви всѣхъ духовныхъ, присоединившихся къ флагеллантамъ. На это духовное на-

---

[1]) Alberti Argentinensis «Chron.» ann. 1349.—Trithem. «Chron. Hirsaug.» ann. 1348.
[2]) Von. der Hardt. T. III, 95—105.

Библиотека "Руниверс"

казаніе обратили такъ мало вниманія, что прелатъ весною 1353 г. долженъ былъ приказать всѣмъ деканамъ и ректорамъ собрать ихъ капитулы, прочесть его указъ и принять мѣры къ публичному и поименному отлученію отъ Церкви всѣхъ тѣхъ, кто не подчинится, а за этимъ отлученіемъ чрезъ двѣ недѣли виновные должны быть отрѣшены отъ должности. Ниже мы увидимъ, какъ упорно и неоднократно проявлялась лихорадка бичеванія, встрѣчаемая Церковью какъ настоящая ересь. Однако, достовѣрно, что Братья Свободнаго Духа широко пользовались возбужденіемъ, которое охватывало души, и нравственнымъ и соціальнымъ переворотомъ, который оно вызывало. Къ толпамъ флагеллантовъ, съ момента перваго ихъ появленія, во многихъ мѣстностяхъ приходили еретики, считавшіеся лоллардами, бегардами и цеплитами. Охваченные общимъ преслѣдованіемъ, всѣ эти несчастные имѣли общіе интересы, и ихъ товарищество стало настолько тѣсно, что они не могли отказывать другъ другу во взаимной поддержкѣ [1]).

Католическая Церковь не одержала еще побѣды, которую, естественно, учли какъ слѣдствіе царствованія благочестиваго Карла IV. Около конца 1352 г. Иннокентій VI сталъ папою и, въ свою очередь, попытался ввести въ Германіи папскую Инквизицію; съ этою цѣлью въ іюнѣ 1353 г. онъ подтвердилъ инквизиторскій мандатъ Іоганна Шанделанда и писалъ всѣмъ нѣмецкимъ прелатамъ, настоятельно прося ихъ оказывать ему дѣйствительную помощь. Вредное безуміе бегардовъ, говорилъ онъ, снова проявилось, и нужно принять серьезныя мѣры противъ этого зла; такъ какъ Инквизиція не имѣла въ епархіяхъ своихъ тюремъ, то прелатамъ было предложено предоставить въ полное распоряженіе Святого Трибунала епископскія тюрьмы. Хроника сообщаетъ въ выраженіяхъ довольно общихъ, что Іоаннъ отличался энергіей и имѣлъ успѣхъ; но мы не имѣемъ документальныхъ свидѣтельствъ о его дѣятельности. Можно предполагать, что епископы по своему обыкновенію оказали ему довольно слабую помощь. Ничто не свидѣтельствуетъ также, чтобы онъ содѣйствовалъ осужденію бегардскаго ересіарха Бертольда фонъ Рорбака, который въ 1356 г. искупилъ свою ересь костромъ. Этотъ Бертольдъ былъ еще раньше арестованъ въ Вюрцбургѣ; боязнь костра вырвала у него признаніе; его слѣдовало приговорить къ пожизненному тюремному заключенію, но духовные суды Германіи не знали наказаній, налагаемыхъ за ересь; онъ былъ выпущенъ на свободу и тайно явился въ Шпейеръ. Здѣсь онъ успѣшно проповѣдывалъ свое ученіе, пока снова не былъ арестованъ. Какъ еретикъ-рецидивистъ онъ, согласно инквизиціоннымъ законамъ, безусловно подлежалъ наказанію, но эти законы въ Германіи мало понимали и къ нему и на этотъ разъ отнеслись съ снисходительностью, шедшей въ разрѣзъ съ каноническимъ закономъ, и предложили соединиться съ Церковью. На этотъ разъ мужество не покинуло его. «Моя вѣра, сказалъ онъ, даръ Бога, и я не имѣю ни права, ни желанія отвергнуть эту божескую милость». Неуспѣхъ, который встрѣтила попытка Иннокентія ввести Инквизицію, сказывается въ отношеніи, принятомъ Вильгельмомъ Генненомъ на весеннемъ синодѣ въ Кельнѣ въ 1357 г. Жалуясь на ростъ вредной секты бегардовъ, грозящей заразить весь городъ и всю епархію, прелатъ совершенно не упоминаетъ ни о папской Инквизиціи, ни о канонахъ. Онъ упоминаетъ о мѣрахъ, изданныхъ его предшественниками, и согласно съ ними приказываетъ всѣмъ приходскимъ священникамъ выступить противъ еретиковъ, грозя имъ, что въ случаѣ небрежности они сами будутъ преслѣдуемы; онъ также грозитъ отлученіемъ отъ Церкви всѣмъ тѣмъ, кто милостынею поддерживаетъ существованіе бегардовъ [2]).

Несмотря на эти неуспѣхи, попытка была возобновлена. Приговоръ отъ 6 іюня 1366 г., изданный Мосгеймомъ, свидѣтельствуетъ, что доминиканецъ Генрихъ Агро имѣлъ

[1]) Trithem. «Chron. Hirsaug.» ann. 1348.—Hartzheim, IV, 471—2.—Meyeri «Annal. Flandr.» ann. 1349.

[2]) Raynald. ann. 1353, №№ 26, 27.—Trithem. «Chron. Hirsaug.» ann. 1356.—Naucleri «Chron.» ann. 1356.—Hartzheim, IV, 483.

Библиотека "Руниверс"

въ эту эпоху полномочія инквизитора на Майнцскую провинцію и епархію Бамберга и Базеля, которая отдѣлялась отъ Безансонской провинціи. Онъ велъ дѣятельное разслѣдованіе въ Страсбургской епархіи; но епископъ, вѣрный епископской зависти, не позволилъ ему дѣйствовать самостоятельно и придалъ ему своего викарія Тристрама, не только какъ епископскаго представителя для вынесенія окончательнаго приговора, но и какъ настоящаго помощника инквизитора. Согласно инквизиціонному судопроизводству рѣшеніе было предоставлено собранію экспертовъ. Главною жертвою была бегинка Меца фонъ Вестгофенъ, которая была судима около пятидесяти лѣтъ передъ этимъ епископомъ Іоганномъ Цюрихскимъ и отреклась отъ ереси. Какъ еретичка-рецидивистка, она не могла надѣяться на снисхожденіе и была «освобождена» [1]).

Однако, надежды, возлагавшіяся на ревность Карла IV, еще не осуществились. Императоръ, повидимому, не присоединялся къ стараніямъ папъ, а безъ императорскаго exequatur мало было шансовъ, чтобы инквизиторскіе мандаты вызвали уваженіе и послушаніе прелатовъ. Въ 1367 г. Урбанъ V назначилъ инквизиторами въ Германію двухъ доминиканцевъ, Людвига фонъ Калига и Вальтера Керлингера, уполномочивъ ихъ выбрать себѣ викарныхъ. Единственными еретиками, противъ которыхъ имъ поручалось дѣйствовать, были бегарды. Прелатамъ и магистратамъ было приказано оказывать дѣятельную помощь инквизиторамъ и предоставить въ ихъ распоряженіе всѣ тюрьмы, пока германская Инквизиція не будетъ имѣть своихъ собственныхъ. Это была первая мѣра, принятая до этихъ поръ къ устройству въ Германіи Св. Трибунала. Хотя Карлъ IV не оказалъ, повидимому, поддержки этой попыткѣ, тѣмъ не менѣе, начало было положено. Выборъ инквизиторовъ былъ удаченъ. О монахѣ Людвигѣ мы знаемъ мало, но Вальтеръ, называемый различно — Керлингъ, Керлингеръ и Крелингеръ — былъ человѣкъ вліятельный. Капелланъ и любимецъ императора, онъ имѣлъ по природѣ характеръ преслѣдователя, а также охоту и честолюбіе съ честью выполнить свои обязанности. Въ 1369 г. онъ былъ сдѣланъ доминиканскимъ провинціаломъ Саксоніи и до самой смерти отправлялъ обѣ эти обязанности. Онъ принялся за дѣло, не теряя ни минуты. Уже въ 1368 г. благодаря его стараніямъ былъ сожженъ въ Эрфуртѣ одинъ бегардъ. Временное исчезновеніе ереси приписываютъ обыкновенно его неутомимой дѣятельности [2]).

Однако, вначалѣ духовные или свѣтскіе князья Германіи были мало расположены оказывать поддержку, безъ которой дѣло преслѣдованія могло только прозябать. Но, когда въ 1368 г. императоръ отправился въ Италію, представился удобный случай для того, чтобы напомнить ему о его обязанностяхъ. Для императора было большимъ и рѣдкимъ счастьемъ получить милостивое содѣйствіе папства: нетрудно было дать понять Карлу, насколько Инквизиція, благодаря союзу двухъ силъ, сдѣлается драгоцѣннымъ орудіемъ для уничтоженія крупныхъ князей-епископовъ. Такимъ образомъ, случилось, что Инквизиція оказалась впервые правильно организованной и прочно поставленной въ Германіи въ то самое время, когда она приходила въ упадокъ въ странахъ, которыя видѣли ея зарожденіе. 9 и 10 іюня императоръ выпустилъ въ Луккѣ два эдикта, которые превосходятъ всѣ предшествующія законодательства по тому содѣйствію, которое оффиціально предоставлялось инквизиторамъ. Всѣмъ прелатамъ, князьямъ и магистратамъ было приказано преслѣдовать и считать изгнанными изъ имперіи бегардовъ и бегинокъ, называемыхъ въ просторѣчіи Wilge Armen или Conventschwestern, которые выпрашивали милостыню крикомъ: «Brod durch Gott!». По требованію Вальтера Керлингера и его викаріевъ или другихъ инквизиторовъ всякій, кто подастъ милостыню членамъ запрещенной секты,

[1]) Mosheim, «De Beghardis», 333—4.

[2]) Mosheim, «De Beghardis», 335—7.—Chron. Magdeburgens. (Leibnitii «Script. R. Brunsv.», III, 749).—Herm. Corneri «Chron.» (Eccard. II, 1113).—Cat. Praedic. Prov. Saxon. (Martène, «Ampliss. Coll.» VI, 344).—Böhmer, «Regest. Karl IV», № 4761.

Библиотека "Руниверс"

долженъ быть арестованъ и наказанъ такъ, чтобы другимъ было страшно. Спеціальный пунктъ, обращенный къ прелатамъ, приказывалъ имъ повиноваться всѣмъ повелѣніямъ Керлингера, его викаріевъ и всякаго другого инквизитора относительно ареста и тюремнаго заключенія еретиковъ. Прелаты должны оказывать инквизиторамъ всякую помощь, принимать ихъ, обходиться съ ними благосклонно и любезно и давать имъ стражу, которая сопровождала бы ихъ при ихъ переѣздахъ съ мѣста на мѣсто. Мало того, инквизиторы пользовались личнымъ покровительствомъ самого императора. Всѣ права, привилегіи, вольности и неприкосновенности, предоставленныя имъ предшествующими императорами или правителями отдѣльныхъ провинцій, сохранялись и подтверждались, несмотря ни на какой законъ или обычай, противорѣчащій имъ. Чтобы къ этимъ привилегіямъ относились съ почтеніемъ, два герцога (Саксонскій и Брауншвейгскій), два графа (Шварценбергъ и Нассау), два рыцаря (Ганштейнъ и Витцлебенъ) были назначены охранителями и блюстителями, обязанными выступать всякій разъ, когда инквизиторы обратятся къ нимъ съ жалобой. Они должны наблюдать за тѣмъ, чтобы треть конфискованнаго имущества еретиковъ, бегардовъ или бегинокъ, поступала Инквизиціи; они непосредственно и безапелляціонно должны преслѣдовать всякаго, кто будетъ препятствовать или вредить Св. Трибуналу, и должны поступать примѣрнымъ образомъ какъ съ личностью, такъ и съ имуществомъ виновныхъ. Всякое нарушеніе эдикта повлечетъ за собою штрафъ въ сто марокъ, половина котораго будетъ обращена въ пользу фиска, а другая въ пользу обиженныхъ. Наконецъ, всякій, кто прямо или косвенно, тайно или явно будетъ мѣшать или вредить инквизиторамъ или ихъ агентамъ, подлежитъ конфискаціи имущества въ пользу императорской казны и лишенію почестей, должностей, привилегій и неприкосновенностей [1]).

Эти ужасные эдикты, несомнѣнно, заботились о членахъ Инквизиціи и о ихъ плодотворной дѣятельности, но не хватало еще двухъ вещей, чтобы поставить учрежденіе прочно: домовъ, гдѣ Св. Трибуналъ имѣлъ бы свои засѣданія, и тюремъ, гдѣ онъ помѣщалъ бы своихъ узниковъ. Императорскіе доходы не могли покрыть этихъ издержекъ, и нельзя было разсчитывать на щедрость князей и прелатовъ; нужно было взять средства на это изъ состоянія нѣкоторыхъ жертвъ; нужно было, кромѣ того, чтобы жертвы эти были одновременно и беззащитны, и богаты. Этимъ условіямъ вполнѣ отвѣчали правовѣрные бегарды и бегинки, которые послѣ временнаго преслѣдованія, вызваннаго Клементинами, продолжали благоденствовать и богатѣть отъ благочестивыхъ жертвователей. На нихъ-то и обратили вниманіе. Недѣлю спустя послѣ разсмотрѣннаго нами эдикта былъ изданъ второй, въ которомъ эти несчастные представлялись живущими въ святотатственной нищетѣ, которую они считали совершенной формой существованія; при этомъ добавляли, что ихъ общины, если оставить ихъ свободно развиваться, сдѣлаются разсадниками заблужденій. Къ тому же, Инквизиція не имѣетъ ни дома, ни суда, ни тюрьмы, гдѣ она могла бы держать своихъ обвиняемыхъ, и куда бы она навсегда заключала кающихся, такъ что много еретиковъ остается ненаказанными, и сѣмя зла разносится повсюду. Вслѣдствіе этого недвижимыя имущества бегардовъ должны быть отданы Инквизиціи, которая обратитъ ихъ въ тюрьмы; жилища бегинокъ будутъ проданы, а деньги, вырученныя отъ продажи, будутъ раздѣлены на три части, изъ которыхъ одна назначалась на поправку дорогъ и городскихъ стѣнъ, а другая— инквизиторамъ на благотворительныя цѣли, и особенно на содержаніе узниковъ. Жертвамъ на приготовленіе къ выселенію изъ домовъ было дано только три дня [2]).

[1]) Mosheim, «De Beghardis», 343—55.

[2]) Mosheim, «De Beghardis», 356—62. —Мосгеймъ думаетъ, что различіе, установленное между домами бегардовъ и бегинокъ, основывается, по всей вѣроятности, на томъ фактѣ, что дома первыхъ были обширны и расположены въ крупныхъ центрахъ, тогда какъ дома вторыхъ, бывшіе меньше и многочисленнѣе, были разсѣяны по мѣстечкамъ и деревнямъ.

Библиотека "Руниверс"

ИЗОБРАЖЕНІЕ НАКАЗАНІЙ.

(Вырѣзано на деревѣ; изъ книги „Laienspiegel" Tengler'a, Майнцъ, 1508).

Библиотека "Руниверс"

Если было бы возможно установить въ Германіи постоянную Инквизицію, то эти, не особенно разборчивыя въ средствахъ, мѣры, безъ сомнѣнія, оказались бы дѣйствительными. Благодаря покровительству императора и энергіи Керлингера Инквизиція начала, наконецъ, дѣйствовать. Эдиктъ, о которомъ мы говорили, точно опредѣляетъ, что Керлингеру было предоставлено право назначить двухъ добавочныхъ инквизиторовъ; эдиктъ удостовѣряетъ, что труды монаха увѣнчались успѣхомъ, и что еретики (Братья Свободнаго Духа) были совершенно уничтожены въ провинціяхъ Магдебурга и Бремена, въ Тюрингіи, Гессенѣ, Саксоніи и др. мѣстахъ. По всей вѣроятности, это нѣсколько преувеличено, но все же и другіе документы свидѣтельствуютъ о широкой дѣятельности Керлингера и о блестящемъ результатѣ его усилій. Въ Магдебургѣ и Эрфуртѣ онъ сжегъ много еретиковъ, а другихъ заставилъ или принять католичество, или бѣжать. Въ 1369 г. мы находимъ его въ Нордгаузенѣ, гдѣ онъ арестовалъ сорокъ бегардовъ. Семеро изъ нихъ упорствовали въ своемъ заблужденіи и были сожжены, остальные отреклись, и на нихъ были наложены разныя епитиміи. На этомъ примѣрѣ мы можемъ видѣть, что дѣятельность его была плодотворна, и получаетъ вѣру заявленіе Григорія XI отъ 1372 г., что Инквизиція уничтожила ересь и еретиковъ въ центральныхъ провинціяхъ, и что они переселились въ предѣлы Брабанта, Голландіи, Штеттина, Бреславля и Силезіи. Тамъ эти мятежные составляли такія большія группы, что могли разсчитывать удержаться; поэтому папа настоятельно предлагалъ прелатамъ и вельможамъ позволить довести доброе дѣло до конца и оказывать энергичное содѣйствіе послѣднимъ усиліямъ Св. Трибунала. Очевидно, Керлингеръ не желалъ раздѣлять своей власти, взявъ себѣ, какъ уполномочилъ его папа, двухъ товарищей. Григорій вмѣшался съ цѣлью взять у Керлингера часть его служебныхъ обязанностей, установить нѣмецкую Инквизицію на прочныхъ основаніяхъ и дать ей организацію, сходную съ той, которая была въ другихъ мѣстахъ. Онъ довелъ число инквизиторовъ до пяти и предоставилъ право назначать и смѣщать ихъ генералу и провинціалу доминиканцевъ или одному изъ нихъ. Керлингеръ и Людвикъ были въ числѣ этихъ пяти; ни императоръ, ни епископъ не имѣли права мѣшать свободному отправленію ими своихъ обязанностей [1]).

Карлъ IV увеличилъ прерогативы Инквизиціи одной привилегіей, которая въ то время не имѣла большого значенія, но которая представляетъ для историка совершенно особый интересъ, какъ первый симптомъ событій будущаго. Одной изъ существенныхъ чертъ пропаганды бегардовъ было то, что они пускали въ обращеніе между мірянами нравственно-религіозные трактаты и книги. Труды эти, написанные на народномъ языкѣ, предназначались для людей, которые не были совершенно безграмотны, но не могли читать католическихъ книгъ, написанныхъ обыкновенно на латинскомъ языкѣ. Чтобы уничтожить этотъ успѣшный пріемъ обращенія въ ересь, Инквизиціи предоставили право книжной цензуры, на изученіи которой мы остановимся ниже. Менѣе интереснымъ для насъ, но, по всей вѣроятности, болѣе важнымъ въ глазахъ современниковъ, было предоставленіе Инквизиціи права назначать нотаріусовъ. Припомнимъ, какъ ревниво оберегались эти назначенія, что придавало предоставленію этой должности характеръ особой милости. Несомнѣнно, инквизиторы чувствовали себя стѣсненными недостаткомъ этихъ помощниковъ; теперь имъ давалось право назначать нотаріуса для каждой епархіи и замѣщать его въ случаѣ смерти или неспособности [2]).

Конфискація бегинскихъ зданій Керлингеромъ была выполнена очень грубо. Бегинскія общины Мюльгаузена были очень богаты; 16 февраля 1370 г. зданія четырехъ такихъ общинъ были переданы Керлингеромъ городскимъ властямъ для приспособленія ихъ на

[1]) Chron. Magdeburgens. (Leibnitii «Script. R. Brunsv.» III, 749).—Herm. Corneri Chron. (Eccard. «Corp. Hist.» II, 1113—4).—Raynald. ann. 1372, № 34.—Ripoll, II, 275.—Mosheim, «de Beghardis», 380—3.

[2]) Mosheim, «de Beghardis», 368—74, 378—9.—Böhmer, «Regest. Karl. IV», № 4761.

Библиотека "Руниверс"

общественныя нужды. По всей вѣроятности, это была часть добычи, приходившаяся на долю муниципальныхъ властей. Однако, инквизиторъ, кажется, встрѣтилъ нѣкоторое препятствіе. Епископы, вѣроятно, не особенно благосклонно смотрѣли на это постоянное устройство Инквизиціи въ ихъ епархіяхъ и на владѣніе ею тюрьмами и земельною собственностью, что обезпечивало независимость Св. Трибунала. Мосгеймъ правильно замѣчаетъ, что епископы могли смотрѣть на эти недвижимыя имѣнія, составившіяся изъ пожертвованій на дѣла благочестія, какъ на находящіяся въ ихъ вѣдѣніи, а не подчиненныя императорскимъ эдиктамъ; съ другой стороны, знать и горожане привыкли доброжелательно относиться къ безобиднымъ обитателямъ этихъ жилищъ и не имѣли никакого желанія участвовать въ ихъ разграбленіи. Каковы бы ни были ихъ соображенія, но Керлингеръ увидѣлъ, что ему трудно произвести общую конфискацію. Въ 1371 г. онъ вынужденъ былъ обратиться къ Григорію XI съ петиціей, въ которой онъ упоминаетъ о существованіи еретиковъ, называемыхъ бегардами и бегинками, и проситъ подтвержденія императорскаго эдикта о конфискаціи жилищъ этихъ еретиковъ. Ничто не могло заставить Григорія предполагать, что вопросъ здѣсь идетъ о чемъ-либо иномъ, чѣмъ о конфискаціи имущества, принадлежащаго еретикамъ, и поэтому онъ охотно далъ просимое утвержденіе [1]).

Такимъ образомъ, послѣ борьбы, тянувшейся съ перерывами около ста-пятидесяти лѣтъ, Инквизиція была организована и введена въ Германіи окончательно и систематически. Должность инквизитора, по крайней мѣрѣ первое время, никогда не оставалась вакантной. Когда въ 1373 г. умеръ Керлингеръ, новый провинціалъ Саксоніи, Германъ Гетштеде, былъ назначенъ инквизиторомъ, а въ 1376 г. Гетштеде смѣнилъ Генрихъ-Альбертъ. Повидимому, Св. Трибуналъ почти исключительно находился въ рукахъ доминиканцевъ; францисканцы въ качествѣ инквизиторовъ встрѣчаются рѣдко. Благочестивое дѣло шло быстро впередъ. Въ 1372 г. Керлингеру пришлось судить высоко поставленнаго еретика, а именно гальберштадтскаго епископа Альберта. Этотъ прелатъ публично проповѣдывалъ фаталистическое ученіе, быть-можетъ, аналогичное съ ученіемъ Виклефа о предопредѣленіи. Это ученіе подрывало богоугодныя дѣла, такъ какъ наносило смертельный ударъ призыванію святыхъ, заупокойнымъ обѣднямъ и пожертвованіямъ въ пользу духовенства; эти послѣдствія показались Григорію столь опасными, что онъ приказалъ Керлингеру соединиться съ пріоромъ Эрфурта Гервордомъ и съ однимъ августинскимъ монахомъ Рудольфомъ, чтобы принудить епископа отречься, а въ случаѣ его отказа передать дѣло на судъ папы. Въ томъ же году Григорій съ удовольствіемъ отмѣчаетъ успѣхъ инквизиторовъ, которымъ удалось изгнать бегардовъ изъ центральной и сѣверной Германіи; въ то же время онъ побуждалъ императора помогать имъ въ ихъ трудахъ и посылалъ князьямъ, прелатамъ и магистратамъ энциклики, приказывая имъ приложить все стараніе, чтобы довести доброе дѣло до конца и уничтожить еретиковъ въ тѣхъ странахъ, куда они бѣжали. Въ началѣ слѣдующаго года онъ назначилъ императорскаго капеллана, доминиканца Іоанна Боланда, инквизиторомъ въ Трирскую, Кельнскую и Люттихскую епархіи, указавъ ему на бегинокъ и бегардовъ, какъ на главную добычу. Карлъ поторопился облечь новаго преслѣдователя всѣми привилегіями, указанными въ императорскомъ рескриптѣ 1369 г., и приказалъ герцогамъ Люксембурга, Брабанта, Лимбурга и Юлиха, князьямъ Монса и Клеве и графамъ Марки, Кирхберга и Шпангейма дѣйствовать въ качествѣ охранителей и блюстителей эдикта [2]).

Хотя дѣятельность Инквизиціи была, главнымъ образомъ, направлена противъ Братьевъ Свободнаго Духа, не забывали, однако, и флагеллантовъ. Въ 1361 г. Иннокентій VI

---

[1]) Mosheim, «de Beghardis», 364—6.—Martini «Append. ad Mosheim», 541—2.

[2]) Cat. Praedic. Prov. Saxon. (Martène, «Ampl. Coll.» VI, 341).—Raynald. ann. 1372, №№ 33, 34.—Mosheim, «de Beghardis», 388—92.—Martini, «Append. ad Mosheim», 647—8.

Библиотека "Руниверс"

былъ обезпокоенъ демонстраціей, произведенной далеко въ Неаполѣ этими кающимися энтузіастами. Въ 1369 г. прибылъ, говорятъ, изъ Венгріи цѣлый потокъ женщинъ, которыхъ изгнали изъ Саксоніи. Въ 1372 г. флагелланты снова появились въ различныхъ мѣстностяхъ Германіи, восхваляя достоинство своего покаянія, дѣлавшаго излишними таинства Церкви. Григорій XI счелъ нужнымъ послать инквизиторамъ инструкціи объ истребленіи этихъ еретиковъ. Въ 1373 и 1374 г.г. это неукротимое стремленіе выразилось въ новой формѣ, названной Manie dansante, которая впервые появилась въ Ахенѣ при освященіи одной церкви. Толпы, составленныя, по большей части, изъ бѣдныхъ и простыхъ людей обоего пола, прибывшихъ изъ Рейнскихъ провинцій, наводнили Фландрію, танцуя и распѣвая, какъ бѣсноватые. Подъ вліяніемъ сильнаго умственнаго возбужденія эти маньяки прыгали и плясали до тѣхъ поръ, пока въ конвульсіяхъ не падали на землю. Когда несчастный ослабѣвалъ, то товарищи приводили его въ чувство, прыгая по немъ, или стягивали ему на животѣ кушакъ, закручивая палкою. На нихъ долгое время смотрѣли, какъ на одержимыхъ бѣсомъ, но когда толпа этихъ плясуновъ собралась въ Гересталѣ, чтобы уговориться относительно избіенія всѣхъ канониковъ и духовныхъ лицъ Люттиха, то поняли, что это безуміе перестало быть безвреднымъ. Однако, оно распространилось на значительную часть нѣмецкой территоріи и держалось въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Хотя эта манія сама въ себѣ не заключала ереси, но въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ она вызвала еретическія мнѣнія относительно таинствъ, такъ какъ народъ объяснялъ ее недѣйствительностью крещенія, совершеннаго недостойными священниками, жившими почти повсюду въ конкубинатѣ [1]).

Едва только правильно организованная Инквизиція принялась за работу, какъ вызвала горячую оппозицію своими произвольными пріемами. Бегарды и бегинки еретики были главнымъ объектомъ ея дѣятельности, а бегарды и бегинки католики—ея алчности: страданія послѣднихъ скоро вызвали къ нимъ чувство сожалѣнія, которое выразилось такъ ярко, что Григорій XI не могъ не обратить на него вниманія; поэтому въ апрѣлѣ 1374 г. онъ писалъ архіепископамъ Майнца, Трира и Кельна, излагалъ имъ дошедшія до него жалобы и требовалъ отъ нихъ донесенія о жизни обвиняемыхъ лицъ, которыхъ онъ приметъ подъ свою защиту и будетъ любить, если они окажутся невинными, или накажетъ ихъ, если они дѣйствительно виновны. Изъ Кельна и Вормса, а, можетъ-быть, и изъ другихъ епархій пришли отвѣты, удостовѣрявшіе, что преслѣдуемыя общины состояли изъ вѣрныхъ католиковъ. Въ Кельнѣ вмѣшались въ дѣло гражданскія власти и энергично жаловались папѣ на доминиканскаго инквизитора, который мучилъ бѣдныхъ людей, и просили, чтобы были прекращены начатыя дѣла. Жертвы, говорили они, были люди простые и мало образованные, а судья предлагалъ имъ такіе трудные вопросы, на которые не легко отвѣтить даже самымъ тонкимъ богословамъ. Однако, эти несчастные вели такой примѣрный образъ жизни, что даже само духовенство находило нужнымъ защищать ихъ противъ угрозъ Инквизиціи. Такимъ образомъ, инквизиціонная дѣятельность всегда наталкивалась на неуспѣхъ; тѣмъ не менѣе, отличительная одежда, которую продолжали носить бегарды и бегинки, служила поводомъ къ постоянному преслѣдованію. Другая жалоба была послана Григорію, который отвѣтилъ на нее въ декабрѣ 1377 г. указомъ прелатамъ запретить мучить тѣхъ, кто носитъ эту одежду, разъ эти люди добрые католики и повинуются духовнымъ властямъ. Такимъ образомъ, нѣмецкіе епископы получали изъ рукъ папы оружіе, которое позволяло имъ стѣснять дѣятельность инквизиторовъ; а тѣ изъ пре-

[1]) Martène, «Thesaur.» II, 960—1.—Chron. Cornel. Zantfliet (Martène, «Ampliss. Coll.» V, 293, 301—2).—Raynald. ann. 1372, № 33.—Meyeri «Annal. Flandriae», ann. 1373.—Mag. Chron. Belgic. ann. 1374.—Trithem. «Chron. Hirsaug.» ann. 1374.—P. de Herentals, «Vit. Gregor. XI» ann. 1375 (Muratori, «S. R. I.» III, II, 674—5).—P. Fredericq, «Corp. Doc. Inq. Neerland.» 1, 231 и слѣд.; его же «De secten der Geeselaars en der Dancers», Брюссель, 1897 г.

Библиотека "Руниверс"

латовъ, которые, подобно страсбургскому епископу Ламберту, были сами склонны къ преслѣдованію, не смѣли болѣе на немъ настаивать. Монашескимъ общинамъ бегардовъ и бегинокъ была обезпечена терпимость; если же еретики, Братья Свободнаго Духа, старались воспользоваться этою неприкосновенностью, то, по всей вѣроятности, этотъ случай не обезпокоилъ епископовъ [1]).

Все это мало могло возбуждать ревность инквизиторовъ, тѣмъ болѣе, что Инквизиція едва успѣла пустить въ странѣ свои первые корни, но будущее несло имъ болѣе серьезное затрудненіе. Въ 1378 г. умерли Григорій XI и Карлъ IV. Избраніе Урбана VI вызвало Великій Расколъ. Что же касается Венцеслава, сына и преемника Карла, то онъ былъ извѣстенъ своимъ безразличнымъ отношеніемъ къ религіознымъ вопросамъ Церкви. Лишенная теперь своихъ двухъ незамѣнимыхъ оплотовъ, Инквизиція не могла бороться противъ зависти епископовъ. Въ 1381 г., несомнѣнно, не было инквизиторовъ въ обширныхъ епархіяхъ Ратисбона, Бамберга и Мейссена, такъ какъ архіепископъ пражскій, въ качествѣ папскаго легата, приказалъ епископамъ назначить ихъ и грозилъ въ случаѣ неповиновенія самъ сдѣлать назначенія. Впрочемъ, Инквизиція не совсѣмъ прекратила свою дѣятельность. Подъ 1392 г. хроника упоминаетъ объ одномъ папскомъ инквизиторѣ Мартинѣ, который проѣхалъ черезъ Швабію въ Вюрцбургъ и нашелъ въ этомъ городѣ среди крестьянъ и простого народа лицъ, принадлежавшихъ къ сектамъ флагеллантовъ и бегардовъ. Они не были созданы мучениками и подчинились наложенной на нихъ епитиміи—принять участіе въ крестовомъ походѣ, который проповѣдывался тогда противъ турокъ. Это первый случай примѣненія этого наказанія въ теченіе почти цѣлаго столѣтія. Затѣмъ Мартинъ отправился въ Эрфуртъ, который постоянно оставался центромъ ереси; онъ нашелъ здѣсь много такихъ же еретиковъ; нѣкоторые изъ нихъ оказались упорными и были сожжены, на другихъ была наложена епитимія, а остальные искали спасенія въ бѣгствѣ. Въ слѣдующемъ году папскій инквизиторъ Альбертъ приказалъ сжечь въ Кельнѣ одного виднаго бегарда, извѣстнаго подъ именемъ Мартина Майнцскаго, бывшаго бенедиктинскаго монаха и ученика знаменитаго Николая Базельскаго. Въ процессѣ этого лица упоминаются другіе еретики, уже казненные раньше въ Гейдельбергѣ [2]).

Около этого времени послѣ долгаго перерыва мы снова встрѣчаемся съ вальденцами. Бегардамъ удалось сосредоточить на себѣ все вниманіе папской Инквизиціи. Ученики Петра Вальдо жили, не привлекая къ себѣ вниманія, несомнѣнно, благодаря ихъ внѣшнему сходству съ католиками, хотя при приближеніи Пасхи они всѣ расходились изъ своихъ епархій, такъ что по пяти, по шести лѣтъ подрядъ не бывали у исповѣди и причастія. Работая безъ шума и помѣхи, проповѣдуя по ночамъ въ погребахъ, мельницахъ, хлѣвахъ или другихъ уединенныхъ мѣстахъ, они производили многочисленныя обращенія между крестьянами и ремесленниками, которые по печальному признанію самого, такъ называемаго, Петра изъ Пилихдорфа находили въ ихъ благочестивой жизни страшный контрастъ съ безобразной распущенностью духовенства [3]). Такимъ образомъ,

---

[1]) Mosheim, «de Beghardis», 394—8.—Haupt, «Zeitschrift für K. G.» 1885 г., стр. 325—6, 563—4.—Haemmerlin, «Glosa quarumd. Bullar. per Beghardos impetratar». (Basil. 1497 г., гл. 4 и слѣд.).

[2]) Höfler, «Prager Concilien», 26—7.—Trithem. «Chron. Hirsaug.» ann. 1392.—Jundt, «Les Amis de Dieu», стр. 3.—Haupt, ubi sup. 510.

[3]) Недавно открыли у св. Флоріана въ Австріи письмо, написанное въ 1368 г. вальденцами Ломбардіи къ нѣкоторымъ изъ ихъ нѣмецкихъ братьевъ. Разные члены секты отложились, ссылаясь въ оправданіе своей измѣны, что вальденцы были невѣжды, не имѣли божескаго авторитета и были корыстолюбивы. Очевидно, мѣстная Церковь обратилась къ ломбардцамъ какъ къ вождямъ секты, чтобы получить отъ нихъ опроверженіе этихъ обвиненій. Отвѣтъ,

Библиотека "Руниверс"

они въ тайнѣ множились и, въ концѣ концовъ, заполнили всю Германію своими послѣдователями, къ которымъ можно прибавить близко родственную секту Винкелеровъ. Около 1390 г. они были открыты въ Майнцѣ, гдѣ жили тихо, никому неизвѣстные въ теченіе ста лѣтъ. Архіепископъ Конрадъ II самъ взялся за дѣло. Въ 1392 г. онъ далъ полномочіе епископскаго инквизитора епископу Туля Фридриху, декану св. Стефана Николаю Саульгеймскому и священнику Гомбургскаго собора Іоганну Васмоду. Папскій инквизиторъ могъ, если ему было угодно, присоединиться къ нимъ. Назначеннымъ, такимъ образомъ, инквизиторамъ было предоставлено полное право арестовывать еретиковъ, судить ихъ, пытать и выдавать въ руки свѣтской власти. Имъ было приказано дѣйствовать согласно съ методами Инквизиціи, и они энергично принялись за дѣло. Много вальденцевъ содержалось уже въ епископской тюрьмѣ; былъ предпринятъ энергичный розыскъ другихъ еретиковъ. Благодаря широкому примѣненію пытки удалось получить нужныя признанія и разоблаченія. Упорствовавшіе въ своей закоснѣлости были выданы въ руки свѣтской власти, и въ 1392 г. въ Бингенѣ состоялось торжественное ауто-да-фе, на которомъ было сожжено тридцать-шесть несчастныхъ. Результатъ показалъ, что лучше поступить не могла бы и сама папская Инквизиція. Краткій трактатъ о томъ, какъ надо судить вальденцевъ, очевидно, написанный по этому поводу, свидѣтельствуетъ, что инквизиціонное судопроизводство было понято вѣрно, и что епископскимъ судьямъ нечему было учиться у ихъ соперниковъ [1]).

равно какъ опроверженіе, написанное однимъ изъ вѣроотступниковъ, проливаетъ интересный свѣтъ на обычныя вѣрованія сектантовъ. Здѣсь мы видимъ, что они возводили свое происхожденіе къ церкви первыхъ временъ, утверждая, что ихъ предшественники выступали противъ Дара Константина, и что, когда святой Сильвестръ отказался отринуть этотъ опасный подарокъ, раздался голосъ съ неба, сказавшій слѣдующее: «Днесь ядъ распространился въ Церкви Бога». Такъ какъ эти предки вальденцевъ не хотѣли уступить, то они подверглись гоненію и преслѣдованію, и съ того времени, въ безвѣстности и скорби, они сохранили истинное преданіе Церкви. Вальденцы утверждали, что Петръ Вальдо былъ посвященъ въ санъ іерея, и что онъ вполнѣ обладалъ властью, исходящей отъ Бога; но они ничего не говорятъ объ апостольской преемственности, и вѣроотступникъ Зигфридъ ставитъ имъ въ упрекъ, что они ограничиваются только выслушиваніемъ исповѣди, а для полученія другихъ таинствъ отсылаютъ своихъ учениковъ въ католическія церкви. Не сказано ни одного слова о пресуществленіи, которое, слѣдовательно, принималось ими; часто они ссылаются на св. Августина и св. Бернара, что свидѣтельствуетъ, что они признавали авторитетъ наставниковъ Церкви. Они упоминаютъ о двухъ францисканцахъ, недавно примкнувшихъ къ сектѣ, объ одномъ священникѣ, который за это же былъ сожженъ, и объ извѣстномъ епископѣ Бестарди, который за то же преступленіе былъ вызванъ въ Римъ, откуда уже не вернулся.—Comba, Histoire des Vaudois d'Italie», I, 243—255.

[1]) Index Error. Valdens. (Mag. Bib. Pat. XIII, 340).—Petri Herp, «Annal. Francofurt», ann. 1389 (Senkenberg, «Select. Juris», II, 19).—Gudeni, «Cod. Diplom.» III, 598—603.—Serrarii «Hist. Mogunt.» lib. V, 707.—Hist. Ordin. Carthus. (Martène, «Ampl. Coll.» VI, 214).—Modus examinandi Haereticos (Mag. Bib. Pat. XIII, 341—2).

Вслѣдствіе этого Іоаннъ Васмодъ написалъ противъ бегардовъ сочиненіе, которое было опубликовано Гауптомъ («Zeitschrift für Kirchengeschichte» 1885 г., 567—576). Интересъ этой работы, главнымъ образомъ, заключается въ томъ, что ученія вальденцевъ приписаны въ ней бегардамъ. Въ ней ничего не говорится о пантеизмѣ, о единеніи человѣка съ Богомъ, объ отказѣ отъ таинствъ, объ отрицаніи ада и чистилища. Или авторъ смѣшалъ двѣ секты, или вальденцы скрывались подъ видомъ бегардовъ, или, быть-можетъ, нѣкоторые бегарды основали Церковь, отличную отъ римской, не принявъ въ то же время отличительныхъ основныхъ положеній аморійцевъ. Васмодъ говоритъ, что эти люди чрезвычайно строго относятся къ пріему неофитовъ; чтобы испытать ихъ покорность, они заставляютъ ихъ ѣсть испорченное мясо, пить воду соленую и полную червей и т. п., что даже бываетъ опасно для ихъ жизни. Однимъ изъ самыхъ серьезныхъ ихъ аргументовъ является указаніе на испорченность Церкви, которая поэтому лишена «права ключей». Замѣчаніемъ, спеціально указывающимъ на бегардовъ, можно считать утвержденіе, что эти еретики находятъ себѣ покровительство и поддержку у муниципальныхъ властей. Весьма мало похвальнымъ для Рима является объясненіе автора причины полученія бегардами благопріятныхъ для нихъ буллъ: всѣ эти буллы, по его словамъ, куплены за деньги.

Библиотека "Руниверс"

Разъ вниманіе преслѣдователей было привлечено этою тайною ересью, то не замедлили открыть вальденцевъ и въ другихъ мѣстахъ. Въ короткомъ спискѣ центровъ ереси, помѣченномъ 1391 г., названы Польша, Венгрія, Баварія, Швабія и Саксонія. Авторъ трактата, приписываемаго Петру Пилихдорфскому, который много потрудился перомъ и дѣломъ надъ уничтоженіемъ еретиковъ, сообщаетъ, что въ 1395 г. были заражены Нидерланды, Вестфалія, Пруссія и Польша, и что Тюрингія, Мейссенъ, Богемія, Моравія, Австрія и Венгрія считали еретиковъ тысячами. Довольно странно, что онъ не упоминаетъ о Помераніи, гдѣ вдоль береговъ Балтійскаго моря вальденцы имѣли частыя колоніи, разсѣянныя между Штеттиномъ и Кенигсбергомъ. Въ теченіе, по крайней мѣрѣ, столѣтія секта пустила глубокіе корни; мѣстное духовенство, повидимому, не питало никакого дурного чувства къ безобиднымъ сектантамъ, которые внѣшнимъ образомъ соблюдали всѣ обряды католической Церкви; и если иногда при исповѣди у нихъ проскальзывали нѣкоторыя еретическія признанія, то священники благоразумно и милостиво закрывали глаза. Однако, существованіе преслѣдованія въ прежнее время засвидѣтельствовано признаніемъ Софіи Миндекинъ изъ Флейта. Эта обвиняемая заявила, что уже пятьдесятъ лѣтъ принадлежитъ къ сектѣ, что мужъ ея былъ сожженъ въ Ангермюнде, что она сама спаслась только благодаря беременности, и что все ихъ маленькое имущество было конфисковано. Эти вальденцы были люди бѣдные, по большей части, крестьяне и ремесленники; въ дѣлахъ иногда упоминаются люди благородной крови, но ученіе секты исключало всякаго, кто долженъ былъ по своему положенію нести военную службу, такъ какъ война и пролитіе крови были строго запрещены. Ежегодно ихъ посѣщали ихъ министры, изъ которыхъ одни были простыми работниками, а другіе учеными, свѣдущими въ Священномъ Писаніи; по всей вѣроятности, послѣдніе происходили изъ Чехіи. Эти министры проповѣдывали, исповѣдывали и отпускали грѣхи. Самая глубокая тайна окружала всѣ эти благочестивыя дѣйствія. Мало того, производились сборы, и собранное отправлялось въ главную квартиру секты, изъ чего ясно, что они составляли часть большой вальденской организаціи [1]).

Долгое время они жили спокойно, пока одинъ изъ ихъ министровъ, по имени братъ Клаусъ, посѣтивъ ихъ и принявъ отъ многихъ исповѣдь, напуганный движеніемъ, которое начиналось противъ вальденцевъ, не отрекся въ 1391 г. отъ своей вѣры и, по всей вѣроятности, не выдалъ имена своихъ духовныхъ дѣтей. Церковь поторопилась воспользоваться этой измѣной. Целестинскій провинціалъ, братъ Петръ, былъ назначенъ папскимъ инквизиторомъ. Въ первые дни 1393 г. онъ прибылъ въ Штеттинъ, уполномоченный пражскимъ архіепископомъ и епископами Лебуса и Камина, чтобы дѣйствовать отъ ихъ имени. Онъ сдѣлалъ общій вызовъ съ высоты каѳедръ зараженной страны, а затѣмъ вызвалъ поименно подозрѣваемыхъ еретиковъ. Эти мѣры произвели сильное волненіе, и нѣкоторые изъ подозрѣваемыхъ бѣжали. Въ Клейнъ-Вурбицѣ была, правда, произведена слабая враждебная демонстрація противъ появившихся инквизиторовъ, но дѣйствительнаго сопротивленія оказано не было; огромное большинство виновныхъ смирилось передъ неизбѣжнымъ зломъ. Согласно обычаю, братъ Петръ проявилъ снисхожденіе къ тѣмъ, кто покаялся и добровольно отрекся. Всѣ приносили присягу, что будутъ преслѣдовать ересь и еретиковъ; изрѣдка только встрѣчаются слѣды колебанія. Не было надобности прибѣгать къ пыткѣ; не оказалось ни одного мятежнаго и не пришлось зажигать костровъ. Обвиненные были приговорены къ ношенію крестовъ и къ различнымъ епитиміямъ. Если ихъ родители умерли еретиками, то они должны были указать мѣсто ихъ погребенія, по всей вѣроят-

[1]) Gretseri «Prolegom.» c. 6 (Mag. Bib. Pat. XIII, 292).—Refutat. Waldens. (Ibid. 335).—P. de Pilichdorf. c. 15 (Ibid. 315).—Wattenbach, «Sitzungsberichte der Preuss. Akad.» 1886 г. стр. 48—9, 51.

Библиотека "Руниверс"

ности, для того, чтобы останки мертвыхъ могли быть вырыты. Съ января 1393 г. по февраль 1394 г. братъ Петръ былъ поглощенъ этимъ дѣломъ. Одинъ изъ его регистровъ, содержащій четыреста сорокъ три дѣла, принадлежалъ Флакію Иллирійскому; отрывки его были недавно открыты и изслѣдованы Ваттенбахомъ [1]).

Изъ Померанін братъ Петръ переѣхалъ на югъ, гдѣ онъ также нашелъ много вальденцевъ, но они были менѣе расположены къ изъявленію покорности. Мы уже видѣли, что эти еретики были многочисленны и ревностны въ Австріи уже съ половины XIII в., и что Инквизиція прилагала большія усилія къ ихъ уничтоженію. Эта дѣятельность увеличилась еще болѣе послѣ Великаго Междуцарствія съ восшествіемъ на престолъ Рудольфа Габсбургскаго, любимаго сына Церкви. Въ началѣ XIV столѣтія преслѣдованіе сдѣлалось болѣе жестокимъ, когда стали соперничать въ дѣлѣ защиты вѣры папскіе и епископскіе инквизиторы. Несмотря на всѣ эти усилія, ересь продолжала распространяться: около 1315 г. вальденцы опредѣляли число своихъ послѣдователей въ Австріи въ восемьдесятъ тысячъ человѣкъ. Дѣло истребленія ихъ не было вполнѣ безопаснымъ. Около 1318 г. былъ убитъ на каѳедрѣ доминиканскій инквизиторъ Арнольдъ, а въ 1338 г., когда было открыто много еретиковъ, то они отомстили своимъ преслѣдователямъ, предавъ смерти многихъ духовныхъ какъ бѣлаго, такъ и монашествующаго духовенства. Эти происшествія не остановили преслѣдованія, которое продолжалось болѣе или менѣе энергично, хотя до насъ дошло мало, и то неполныхъ, протоколовъ. Называютъ имена инквизитора Генриха изъ Ольмюца, проявившаго большую дѣятельность въ Штиріи между 1365 и 1380 г.г., и Мартина Пражскаго, который около этого же времени работалъ въ Баваріи, гдѣ труды его увѣнчались массой жертвъ и обращеній. Целестинскій монахъ Петръ успѣлъ въ 1391 г. обратить въ Эрфуртѣ много видныхъ вальденцевъ, вступившихъ въ разные католическіе ордены. До насъ дошелъ помѣченный тѣмъ же годомъ списокъ, въ которомъ перечислены имена двѣнадцати апостоловъ или наставниковъ миссіонеровъ, путешествовавшихъ по-двое, наблюдавшихъ за общинами и распространявшихъ ученіе. Всѣ они были людьми низкаго происхожденія, крестьяне и работники, уроженцы самыхъ различныхъ мѣстъ Германіи. Даже сами враги ихъ свидѣтельствуютъ о простотѣ ихъ жизни и строгой нравственности ихъ ученія [2]).

Когда целестинецъ Петръ явился изъ Померанін въ Штирію, то онъ, повидимому, дѣйствовалъ на основаніи инквизиторскаго мандата, даннаго ему пассаускимъ епископомъ Георгіемъ Гогенлоэ. Онъ нашелъ страну полною вальденцевъ. Въ краткомъ отчетѣ о своихъ трудахъ, написанномъ въ 1395 г., онъ выражаетъ опасеніе, чтобы еретики не сдѣлались всемогущими, такъ какъ «они прибѣгаютъ къ силѣ, поджогамъ и убійствамъ, чтобы запугать вѣрующихъ». Это опасеніе не было справедливо. Безъ сомнѣнія, вальденцы Вольферна сожгли въ 1393 г. своего приходскаго священника въ его домѣ со всей его семьей, а вальденцы Штейера въ 1395 г. подожгли ригу своего священника за то, что онъ принялъ у себя въ домѣ инквизиторовъ; въ видѣ предупрежденія они прибили ночью къ городскимъ воротамъ полуобожженную головешку и окровавленный ножъ. Но эти демонстраціи были жестоко наказаны. Въ 1397 г. въ Штейерѣ было заключено въ тюрьму и судимо болѣе тысячи вальденцевъ, до ста изъ нихъ были сожжены, а остальные подверглись различнымъ наказаніямъ. Безжалостный характеръ этого преслѣдованія сказался въ осужденіи десятилѣтняго ребенка, котораго приговорили къ ношенію крестовъ. Насколько была распространена ересь, и какъ энергично ее подавляли, это мы узнаемъ отъ Псевдо-Петра

---

[1]) Wattenbach, op. cit., 49—50, 54—55.—Flac. Illyr. «Cat. Test. Veritatis», lib. XV, 1506, 1524; lib. XVIII, 1803 (изд. 1608 г.).

[2]) H. Haupt, «Waldenserthum und Inquisition», 19 и слѣд., 26, 60.—Döllinger, «Beiträge zur Sektengeschichte des Mittelalters», II, 328, 367.

Библиотека "Руниверс"

Пилихдорфскаго; онъ сообщаетъ, что въ 1395 г. послѣ двухлѣтней работы была сдѣлана тысяча обращеній отъ Тюрингіи до Моравіи, и что инквизиторы, трудившіеся въ Австріи и Венгріи, надѣялись окончить скоро вторую тысячу. Въ 1401 г. мы находимъ инквизиторовъ Петра и Мартина энергично работающими среди вальденцевъ Венгріи; въ томъ же году Петръ съ неменьшимъ рвеніемъ работалъ въ Штиріи, а затѣмъ въ 1403 г. въ Вѣнѣ. До самой своей смерти, послѣдовавшей нѣсколько лѣтъ позднѣе, онъ оставался вѣренъ своей задачѣ преслѣдователя [1]).

Около 1400 г. въ Страсбургѣ было начато горячее преслѣдованіе противъ еретиковъ, извѣстныхъ подъ именемъ Винкелеровъ, которые имѣли четыре общины въ самомъ городѣ, кромѣ того, въ Майнцѣ и Гагенау. Въ своихъ сознаніяхъ они называютъ своихъ единовѣрцевъ, живущихъ въ различныхъ мѣстностяхъ, таковы: Нордлингенъ, Ратисбонъ, Аугсбургъ, Тишенгенъ, Золотурнъ, Бернъ, Вейссенбергъ, Шпейеръ, Гольцгаузенъ, Вертъ, Фридбергъ и Вѣна. Хотя они, строго говоря, и не были вальденцами, но они имѣли такъ много общаго съ ними, что различіе между этими двумя сектами заключается скорѣе въ организаціи, чѣмъ въ ученіи. Въ 1374 г. одинъ изъ этихъ винкелеровъ перешелъ въ католичество. Изъ боязни, чтобы онъ не выдалъ маленькой общины, его убили; наемные убійцы принесли покаяніе и получили прощеніе. Нѣсколько лѣтъ позднѣе инквизиторъ Іоаннъ Арнольди, которому грозила подобная же месть, покинулъ городъ. Преслѣдованіе окончилось осужденіемъ до тридцати семействъ; многимъ еретикамъ удалось остаться незамѣченными. Среди нихъ былъ только одинъ знатный—Блюмштейнъ, который отрекся и лѣтъ двадцать спустя занималъ видную должность въ городѣ. Хотя въ одномъ дѣлѣ упоминается о еретикахъ, сожженныхъ въ Ратисбонѣ, но еретики Страсбурга были счастливѣе: инквизиторъ Бёккельнъ получилъ, говорятъ, деньги, чтобы приговорить нѣсколько виновныхъ только къ епитиміи. Доминиканцы требовали, чтобы еретики были сожжены, но городскія власти ходатайствовали предъ епископскимъ судьей, и самымъ суровымъ наказаніемъ было изгнаніе. Однако, для полученія признанія пытка примѣнялась въ самомъ широкомъ размѣрѣ. Послѣ этихъ стобытій мы не слышимъ ничего о винкелерахъ и вальденцахъ въ Страсбургѣ до казни Фридриха Рейзера, сожженнаго въ 1458 г. [2]).

Въ Германіи, конечно, было достаточно дѣла для Инквизиціи, но Св. Трибуналъ, повидимому, болѣе обращалъ вниманія на бегардовъ, чѣмъ на истребленіе вальденцевъ. Подъ покровомъ движенія, возбужденнаго повсемѣстно ересью, было легко возобновить подозрѣніе и преслѣдованіе противъ бегардовъ. Епископы и многіе инквизиторы соединились съ этою цѣлью, но подозрѣваемые имѣли покровителей среди прелатовъ. Около конца 1393 г. эти могущественные друзья ихъ писали Бонифацію IX, расхваливая благочестіе, покорность и добрыя дѣла бегардовъ и прося для нихъ покровительства Св. Престола. Бонифацій отвѣтилъ 7 января 1394 г. бреве, посланнымъ нѣмецкимъ прелатамъ; онъ приказывалъ имъ разслѣдовать, не виновны ли подозрѣваемые въ заблужденіяхъ, осужденныхъ Климентомъ V и Іоанномъ XXII, и не принадлежатъ ли они къ какому-нибудь не утвержденному монашескому ордену. Если ничего этого не окажется, то онъ соглашался энергично поддерживать ихъ. Засвидѣтельствованная копія этого бреве, представленная 20 октября 1396 г. магдебургскимъ архіепископомъ, показываетъ, что оно оставалось въ силѣ, и что къ нему прибѣгали во время волненій, возникшихъ немного позднѣе вслѣдствіе внезапной перемѣны въ политикѣ Бонифація. Инквизиція не безъ сопротивленія встрѣтила это вмѣшательство въ ея дѣятельность. Она по своему изложила дѣло Бонифацію: въ теченіе ста лѣтъ ереси скрывались

---

[1]) W. Preger, «Beiträge», 51, 53—4, 68, 72.—P. de Pilichdorf, c. 15 (Mag. Bib. Patrum, XIII, 315).—Döllinger, «Beiträge», II, 346.—H. Haupt, op. cit., 78, 84, 86, 90, 91, 93.

[2]) Hoffmann, «Geschichte der Inquisition», II, 384—90.—C. Schmidt, «Real-Encyklop.» s. v. «Winkeler».

Библиотека "Руниверс"

подъ лицемѣрной маской бегардовъ и бегинокъ; слѣдствіемъ этого было, что почти каждый годъ въ разныхъ городахъ имперіи приходилось сжигать не раскаявшихся еретиковъ; но всякому мѣропріятію противъ источника ереси мѣшали папскіе статуты, направленные къ ея защитѣ. Бонифацій легко далъ убѣдить себя и буллою отъ 31 января 1395 г. онъ снова привелъ въ дѣйствіе декреты Урбана V, Григорія XI и Карла IV, въ силу которыхъ онъ приказывалъ Инквизиціи энергично преслѣдовать бегардовъ, лоллардовъ и Zwestriones. Эта мѣра позволяла свободно притѣснять католическія общества наравнѣ съ еретиками Братьями Свободнаго Духа; и противъ этихъ несчастныхъ вспыхнуло страшное преслѣдованіе. Нѣкоторые епископы приняли участіе въ этомъ походѣ, какъ это видно изъ синода, бывшаго въ это время въ Магдебургѣ и приказавшаго священникамъ отлучать отъ Церкви и преслѣдовать бегардовъ. Однако, это усиленіе преслѣдованія вызвало новое вмѣшательство друзей жертвъ. Добились, что Бонифацій снова издалъ свою буллу, прибавивъ къ ней одинъ параграфъ, который, какъ и противорѣчивыя предписанія Клементинъ, свидѣтельствуетъ о путаницѣ, вызванной смѣшеніемъ католиковъ съ еретиками, извѣстными подъ общимъ именемъ бегиновъ. Подтвердивъ указъ объ уничтоженіи еретиковъ, папа добавляетъ, что существуютъ благочестивыя общины, извѣстныя подъ именемъ бегардовъ, лоллардовъ и Zwestriones, и что члены этихъ общинъ должны сохранить право носить свою одежду, просить милостыню и жить по принятому ими уставу. Онъ угрожаетъ отлученіемъ отъ Церкви всякому инквизитору, который будетъ притѣснять ихъ, если только эти бегарды, лолларды и Zwestriones не будутъ признаны виновными духовными судьями епархіи [1]).

Подобное рѣшеніе было равносильно предоставленію дѣла на усмотрѣніе мѣстныхъ властей; но духъ преслѣдованія началъ усиливаться, и Инквизиція поторопилась укрѣпить свое положеніе. Подъ предлогомъ, что время и употребленіе ослабили значеніе буллъ Григорія XI, Св. Трибуналъ добился отъ Бонифація IX подтвержденія этихъ буллъ въ 1395 г. Правда, папа озаботился отмѣтить, что онъ не даетъ никакой новой привилегіи. Въ 1399 г. удалось увеличить до шести число инквизиторовъ для одной только доминиканской провинціи Саксоніи подъ предлогомъ, что пространство и населенность этой провинціи требуютъ подобнаго увеличенія. Дѣйствительно, Саксонская провинція охватывала огромные округи архіепископій Майнца, Кельна, Магдебурга и Бремена, къ которымъ присоединялись еще Рюгенъ и Каминъ. Каминъ принадлежалъ къ провинціи Гнѣзненской, а Рюгенъ составлялъ часть епархіи Роскильда, суффрагана Лундской митрополіи въ Швеціи. Это единственный примѣръ распространенія инквизиціонной юрисдикціи на страну, которую можно назвать скандинавской, если не считать безплодной попытки ввести тамъ Инквизицію въ 1421 г. вслѣдствіе волненій, вызванныхъ гуситами.

Черезъ нѣсколько недѣль послѣ этого увеличенія могущества Инквизиціи въ Саксоніи Бонифацій издалъ новую буллу, приказывающую прелатамъ и свѣтскимъ князьямъ Германіи оказывать помощь и покровительство монаху Эйларду Шёневельду и другимъ инквизиторамъ. Особенно онъ просилъ ихъ предоставить свои тюрьмы въ распоряженіе инквизиторовъ, откуда мы можемъ заключать, что Св. Трибуналъ не имѣлъ въ этихъ странахъ ни одной особой тюрьмы, и что проектъ Керлингера добыть тюрьмы путемъ конфискаціи у бегардовъ не удался. Эйлардъ энергично принялся за дѣло въ странахъ, сосѣднихъ съ Балтійскимъ моремъ, которыя въ виду ихъ удаленности ускользнули, несомнѣнно, отъ его предшественниковъ. Въ 1402 г. онъ приказалъ муниципальнымъ магистратамъ Любека арестовать дольчиниста по имени Вильгельмъ, такъ что мы въ правѣ заключить, что у него не было личныхъ служителей; обвиняемый былъ неоднократно допрошенъ въ присутствіи многихъ духовныхъ, монаховъ и мірянъ, такъ что тайна инквизиціоннаго судопроизводства была на-

[1]) Martini «Append. ad Mosheim», 652—66, 674—5.—Mosheim, 409—10, 430—31. — Hartzheim, V, 676.—Haupt, «Zeitschrift für Kirchengeschichte», 1885 г., 565—7.

Библиотека "Руниверс"

рушена, или о ней даже не и знили. Въ концѣ концовъ, Вильгельмъ былъ сожженъ. У него былъ другъ, по имени Бернгардъ, который бѣжалъ въ Висмеръ, гдѣ Шёневельдъ отыскалъ его и велѣлъ сжечь въ 1403 г. Въ томъ же году инквизиторъ арестовалъ въ Страсбургѣ священника, который остался глухъ ко всѣмъ увѣщаніямъ и былъ отправленъ на костеръ какъ закоренѣлый еретикъ. Въ Ростокѣ Шёневельдъ осудилъ за ересь одну женщину, которая прогнала своего сына, цистерціанскаго монаха, убѣждавшаго ее отречься. Она также погибла на кострѣ [1]).

Въ это время ереси приходилось, повидимому, бороться также противъ реакціи, шедшей отъ свѣтскихъ властей. Въ 1400 г. флагелланты сдѣлали демонстрацію въ Нидерландахъ; городскія власти Мастрихта прогнали ихъ; народъ принялъ сторону флагеллантовъ, и только энергичное вмѣшательство люттихскаго епископа прекратило безпорядокъ. Мало того, сеньеръ Первейса заключилъ въ тюрьмы цѣлую толпу флагеллантовъ, а городъ Тонгръ заперъ свои ворота предъ этими фанатиками, и, такимъ образомъ, эпидемія была прекращена. Въ 1400 г. окончился тотъ относительный миръ, которымъ пользовались въ продолженіе пятнадцати лѣтъ бегинки. Самымъ страшнымъ врагомъ этихъ несчастныхъ женщинъ былъ доминиканецъ Іоганнъ Мюльбергскій. Чистотою своей жизни и своей энергіей въ борьбѣ противъ современныхъ заблужденій онъ снискалъ себѣ громкое имя во всей Германіи, такъ что, когда онъ умеръ въ ссылкѣ, изгнанный изъ Базеля раздраженнымъ противъ него духовенствомъ, народъ долгое время считалъ его святымъ и мученикомъ. Около 1400 г. онъ поднялъ въ Базелѣ борьбу противъ бегиновъ и бегинокъ; эта борьба, тянувшаяся десять лѣтъ, привела въ движеніе весь городъ. Сначала это былъ эпизодъ старой ссоры между доминиканцами и францисканцами; затѣмъ возбужденіе охватило духовенство, магистратъ и массу горожанъ. Въ 1405 г. бегины и бегинки были изгнаны, но францисканцы получили отъ Св. Престола буллы, приказывающія возстановить жертвы и отказаться отъ всего сказаннаго противъ нихъ. Въ 1401 г. епископъ Гумбертъ и городской совѣтъ, воспламененные горячею рѣчью Іоанна Пасториса, уничтожили общества бегиновъ и бегинокъ, которымъ было предоставлено на выборъ или отказаться отъ жизни въ общинахъ и отъ своей одежды, или покинуть городъ. Городскія власти Берна послѣдовали этому примѣру, а потомъ послѣдовалъ и Страсбургъ. Одни изъ бегиновъ и бегинокъ приняли предложенныя имъ условія, другіе удалились въ изгнаніе. Многіе изъ послѣднихъ тайно поселились въ Майнцѣ; они были открыты, и архіепископъ Іоаннъ II, считая ихъ еретиками, приказалъ преслѣдовать ихъ. Дѣло было поручено Генриху фонъ Штейну, который взялся за него энергично. Страсбургскіе бѣглецы, большинство которыхъ были женщины, попали въ тюрьму. Говорятъ, что была заключена въ тюрьму даже одна монахиня, а одинъ мальчикъ родомъ изъ Ротенбурга былъ присужденъ носить кресты [2]).

---

[1]) Mosheim, «de Beghardis», 225—8, 383—4.—Martini «Append. ad Mosheim», 656—7.—Herm. Corneri «Chron.» ann. 1402—3. (Eccard. «Corp. Hist.» II, 1185—6).—Raynald. ann. 1403, № 23.

[2]) Chron. Cornel. Zantfliet. ann. 1400 (Martène, «Ampliss. Coll.» V, 358).—Haupt, «Zeitschrift für Kirchengeschichte», 1885 г., стр. 513—15.—Chron. Glassberger, ann. 1410 («Analecta Franciscana», II, 233—5).—Martini «Append. ad Mosheim», 559.—Mosheim, «de Beghardis», 455.—Serarii lib. V («Script. Rer. Mogunt.» I, 724).

Въ 1399 г. неистовство, подобное неистовству флагеллантовъ, проявилось въ Италіи, вызванное эпидеміей, которая опустошила страну. Пилигримы были названы Bianchi, вслѣдствіе своей бѣлой одежды. Они первые познакомили народъ съ гимномъ «Stabat Mater», который они особенно любили. Въ Генуѣ къ нимъ присоединились древнія братства, или цехи, Verberati, основанные въ 1306 г. и имѣвшіе привычку биченать себя публично. Архіепископъ Генуи и многіе ломбардскіе епископы оказали поддержку этому движенію. Былъ объявленъ всеобщій миръ; враги взаимно прощали другъ другу обиды; даже была забыта на время

Библиотека "Руниверс"

Братья Свободнаго Духа вскорѣ лишились своего самаго крупнаго наставника, Николая Базельскаго. Въ качествѣ странствующаго миссіонера онъ въ теченіе многихъ лѣтъ занимался распространеніемъ ученій секты и сдѣлалъ массу обращеній. Инквизиція горячо преслѣдовала его, но онъ всегда ловко и хитро ускользалъ отъ своихъ враговъ. Около 1397 г. онъ былъ вынужденъ бѣжать въ Вѣну съ двумя своими учениками, Іоанномъ и Іаковомъ, гдѣ всѣ три еретика были открыты и арестованы. Знаменитый Генрихъ изъ Гессена (Лангенштейнъ) взялся обратить ихъ; онъ уже радовался успѣху, когда они снова впали въ заблужденіе и были преданы костру. Целестинскій монахъ Петръ былъ въ это время инквизиторомъ въ Пассау; по всей вѣроятности, онъ-то и освободилъ Церковь отъ этого опаснаго ересіарха, считавшаго себя вдохновленнымъ свыше и отожествлявшаго свою волю съ волею Бога.

Немного позднѣе въ Констанцѣ погибъ другой мученикъ. Это былъ бегардъ, по имени Бургинъ, основатель чрезвычайно строгой секты. Арестованный вмѣстѣ съ своими учениками епископомъ, онъ отказался отречься отъ своего ученія и былъ тотчасъ же «освобожденъ». Герсонъ неоднократно упоминаетъ о тюрлюпенахъ и бегардахъ, откуда мы въ правѣ заключить, что въ эту эпоху секта привлекала къ себѣ вниманіе, и на нее смотрѣли какъ на опасно соблазнительную. Несмотря на свою личную склонность къ мистицизму, Герсонъ видѣлъ опасность, къ которой стремились эти люди; онъ изображаетъ ихъ намъ вовлеченными въ ошибку слишкомъ сильнымъ желаніемъ достигнуть «доброты Бога» и принимающими за божественное наитіе свое изступленіе; такимъ образомъ, отринувъ законъ Христа, они, какъ слѣпые, бродятъ по покатой плоскости, и ихъ самонадѣянность влечетъ ихъ къ преступленію. Герсонъ особенно враждебно относился къ духовному сближенію между лицами разнаго пола. Особенно, говорилъ онъ, надо избѣгать Маріи Валансьенской, такъ какъ она къ бурнымъ страстямъ своей души примѣняла ученіе о чинахъ ангельскихъ и утверждала, что человѣкъ, достигшій совершенства божественной любви, свободенъ отъ всякаго правила. Такимъ образомъ, Братья Свободнаго Духа не измѣнились со времени Ортлиба и Амори [1]).

Эгидій Канторъ, основавшій въ Брюсселѣ секту Людей Ума, былъ, по всей вѣроятности, ученикомъ Маріи Валансьенской. Секта приняла это названіе только для того, чтобы скрыть свою принадлежность къ запрещенному обществу Братьевъ Свободнаго Духа; но ученіе ихъ въ сущности было одно и то же: пантеизмъ и иллюминизмъ. Практическое примѣненіе ихъ ученія мы видимъ въ слѣдующемъ разсказѣ. Однажды Эгидій несъ пищу одному бѣдному; божественное наитіе внушило ему сдѣлать часть пути голымъ. Если бы въ Брабантѣ было кому преслѣдовать, то подобное нарушеніе приличій вызвало бы немедленное преслѣдованіе, но Эгидій могъ спокойно проповѣдывать до самой своей смерти,

---

борьба между гвельфами и гибеллинами. Когда намъ передаютъ, что двадцать-пять тысячъ моденцевъ совершили паломничество изъ Болоньи, то мы безъ труда понимаемъ, что такіе недовѣрчивые вожди, какъ Галеаццо Висконти и члены Венеціанской Сеньоріи, запретили подобнымъ арміямъ входъ въ ихъ государства. По всей вѣроятности, Бонифацій IX проявилъ тѣ же опасенія, когда движеніе достигло Рима, и все населеніе, въ томъ числѣ даже и нѣкоторые кардиналы, облеклись въ бѣлыя одежды и въ процессіяхъ обходили сосѣднія мѣстности. Онъ велѣлъ арестовать одного изъ руководителей въ Аквапенденте. Благодаря широкому примѣненію пытки у обвиняемаго вырвали сознаніе, что все дѣло это было простымъ обманомъ. Несчастный былъ сожженъ, что тотчасъ же остановило движеніе.—Georgii Stella, «Annal. Genuens.» ann. 1399 (Muratori, «S. R. I.» XVII, 1170).—Matthaei de Griffonibus «Memor. Historial.» ann. 1399 (Ibid. XVIII, 207).—Cronica di Bologna, ann. 1399 (Ibid. XVIII, 565).—Annal. Estens. ann. 1398 (Ibid. XVIII, 956—8).—Conrad. Ursprgens. «Chron. Contin.» ann. 1399.—Theod. a Niem, «de Schismate», lib. II, c. 26.

[1]) Nider, «Formicar.» lib. III, c. 2.—Haupt, «Zeitschrift für Kirchengeschichte», 1885 г., стр. 510—11.—Gersoni «de Consolat. Theolog.» lib. IV. Prosa III; его же «de Mystica Theol.» Speculat. P. I, consid. VIII; его же «de Distinct. verar. Vision. a falsis», Signum V.

Библиотека "Руниверс"

когда во главѣ секты его мѣсто занялъ одинъ кармелитскій монахъ, по имени Гильомъ де Гильдернисъ. Наконецъ, въ 1441 г. Люди Ума привлекли вниманіе епископа Камбрэ, кардинала Петра д'Айльи. Къ счастью Гильома кардиналъ захотѣлъ самъ вести дѣло, причемъ онъ отнесся съ полнымъ пренебреженіемъ къ методамъ Инквизиціи. Онъ назначилъ особыхъ комиссаровъ, которые произвели разслѣдованіе; имена и показанія свидѣтелей были представлены Гильому, который защищался, какъ могъ. Петръ д'Айльи для окончательнаго рѣшенія пригласилъ доминиканскаго пріора Сенъ-Кентена, бывшаго инквизиторомъ округа Камбрэ; тѣмъ не менѣе, приговоръ былъ такъ же неправиленъ, какъ и все производство дѣла. Гильомъ не чувствовалъ желанія сдѣлаться мученикомъ и отрекся; ему предписали purgatio и обязали найти шесть соприсяжниковъ, послѣ чего онъ долженъ былъ подвергнуться трехлѣтнему заключенію въ епископскомъ замкѣ; но если ему не удастся очиститься, то онъ подлежалъ тюремному заключенію въ одномъ изъ монастырей своего ордена на срокъ, какой опредѣлитъ епископъ. Подобное осужденіе представляло странное и не логичное смѣшеніе. Гильому удалось найти нужное число соприсяжниковъ. Послѣ этого онъ пропалъ, но секта продолжала существовать, и подобный ему ересіархъ былъ осужденъ въ 1428 г. [1]).

Событія показали въ 1414 г., что Климентъ VI судилъ вѣрно, предчувствуя, что подъ внѣшней набожностью флагеллантовъ скрываются опасныя заблужденія. Секта продолжала существовать, и ея грубое ученіе о дѣйствительности бичеванія развилось прямо до еретическаго антисацердотализма. Нѣкто Конрадъ Шмидтъ придалъ ереси окончательную форму; смерть его не ослабила ревности его учениковъ, хотя онъ и ошибся, предсказавъ конецъ міра въ 1369 г. Любопытная связь между флагеллантами (или Братьями Креста, какъ они сами себя называли) и бегардами сказалась въ слѣдующемъ: флагелланты смотрѣли на Конрада какъ на воплощеніе Еноха, а сожженный въ Эрфуртѣ въ 1364 г. бегардъ былъ въ ихъ глазахъ воплощеніемъ Иліи. Ангелъ принесъ съ неба двѣ души и вложилъ ихъ въ Шмидта и бегарда, когда они были еще во чревѣ матерей. Шмидту было назначено предсѣдательствовать на Страшномъ судѣ, скорое наступленіе котораго всегда ожидали. Что же касается антихриста, то онъ былъ олицетворенъ въ лицѣ папы и священниковъ, конецъ царствованія которыхъ былъ близокъ.

Когда въ 1343 г. ангелъ принесъ приказъ о бичеваніи и положилъ его на алтарь св. Петра, то Богъ отнялъ у Церкви все ея духовное могущество и передалъ его Братьямъ Креста. Съ этого дня всѣ таинства потеряли свою силу, и принятіе ихъ стало смертельнымъ грѣхомъ. Крещеніе замѣнилось потоками святой крови, проливаемой при бичеваніи; таинство брака марало, а не благословляло; евхаристія была простымъ обманомъ со стороны священниковъ, которые давали кусочекъ хлѣба за су; если же священнослужители думали, что они дѣйствительно подносятъ тѣло Христово, то они хуже даже Іуды, потребовавшаго за него тридцать серебрениковъ. Бичеваніе замѣняло все. Клятва была смертельнымъ грѣхомъ, но вѣрный могъ для избѣжанія предачи секты принести клятву и принять таинство, а затѣмъ онъ долженъ былъ загладить эти грѣхи бичеваніемъ. Развитіе этого вѣрованія, отличающагося презрѣніемъ и ненавистью къ духовенству, показываетъ, что населеніе продолжало видѣть въ Церкви чужеземную и угнетающую силу, какою она была въ XII вѣкѣ. Въ его глазахъ Римъ не научился ничему и по-старому оставался невѣренъ закону Христа.

Конрадъ Шмидтъ проповѣдывалъ свои заблужденія въ Тюрингіи, гдѣ и были въ 1414 г. открыты его послѣдователи въ Зангергаузенѣ. Поспѣшно прибылъ инквизиторъ; нѣкоторыя хроники называютъ его Генрихомъ Шёневельдомъ, но, по всей вѣроятности, это

[1]) Baluz. et Mansi, I, 288—93.—Altmeyer, «Les Précurseurs de la Réforme aux Pays-Bas», I, 84.

Библиотека "Руниверс"

былъ тотъ самый Эйлардъ Шёневельдъ, который, какъ мы видѣли, нѣсколько лѣтъ передъ этимъ дѣйствовалъ на берегахъ Балтійскаго моря. Князьямъ Тюрингіи и Мейссена было приказано помогать инквизитору, и они проявили большую энергію въ дѣлѣ уничтоженія ереси, грозившей ниспровергнуть общественный строй. Пріемы, примѣненные при этомъ случаѣ, были болѣе энергичны, чѣмъ порядочны. Должно-быть, широко примѣняли пытки, такъ какъ удалось схватить сразу много жертвъ, и, по всей вѣроятности, допросъ велся небрежно. Шёневельдъ до своего отъѣзда сжегъ девяносто-одного еретика въ Зангергаузенѣ, сорокъ-четыре въ сосѣднемъ городѣ Винкелѣ и очень много въ разныхъ деревняхъ. Но ересь была настолько сильна, что это не уничтожило ея: черезъ два года, въ 1416 г., были снова найдены еретики, и снова былъ посланъ Шёневельдъ, который допросилъ обвиняемыхъ, наложилъ покаянія на отрекшихся и выдалъ упорствующихъ въ руки свѣтской власти. Дѣло велось быстро. Шёневельдъ уѣхалъ до приведенія казни въ исполненіе, а послѣ его отъѣзда князья смѣшали покаявшихся съ не покаявшимися и сразу въ одинъ день сожгли до трехсотъ человѣкъ. Эта ужасная казнь произвела, какъ и разсчитывали, глубокое впечатлѣніе. Съ этого времени секта флагеллантовъ потеряла всякое значеніе. Мы уже видѣли, что въ слѣдующемъ году на Констанцскомъ соборѣ св. Винцентъ Феррерскій одобрялъ эту форму душевнаго сокрушенія, тогда какъ Герсонъ ясно указалъ на опасныя ея стороны. Но въ 1434 г. извѣстный епископъ Андрей, указывая среди многихъ рѣшеній, разсмотрѣнныхъ Констанцскимъ соборомъ, уничтоженіе ереси гуситовъ, вальденцевъ, фратичелли, виклефитовъ, боснійскихъ манихеевъ, бегардовъ и грековъ схизматиковъ, не упоминаетъ о флагеллантахъ. Однако, причины, породившія эту ересь, продолжали существовать; существовала тайно и сама ересь. Въ 1453 и 1454 гг. снова открыли въ Тюрингіи Братьевъ Креста, и Инквизиція постаралась образумить ихъ. Кромѣ сознанія въ заблужденіяхъ, которыя распространялъ Конрадъ Шмидтъ, отъ обвиняемыхъ вырвали обычныя признанія въ грязномъ развратѣ на ночныхъ собраніяхъ и даже признаніе въ слѣдованіи ученію луциферіанъ, что наступитъ день, когда Сатана займетъ свое мѣсто на небѣ и низвергнетъ Христа. Но, читая, что жертвы причиной своего невѣрія выставляли дурное поведеніе духовенства, мы можемъ сомнѣваться въ вѣрности этихъ показаній. Центрами секты были Ашерслебенъ, Зондерсгаузенъ и Зангергаузенъ; въ послѣднемъ городѣ было сожжено въ 1454 г. двадцать-два человѣка, мужчинъ и женщинъ, какъ упорныхъ еретиковъ. Въ 1481 г. было сожжено нѣсколько человѣкъ въ Ангальтѣ, послѣ чего секта понемногу пропала [1]).

Дѣло бегардовъ и бегинокъ прошло на Констанцскомъ соборѣ нѣсколько различныхъ фазъ. Чтобы спастись отъ постоянныхъ притѣсненій, многіе изъ этихъ несчастныхъ присоединились, по крайней мѣрѣ номинально, къ пищенствующимъ орденамъ, особенно къ францисканцамъ, нарамники которыхъ они усвоили. Въ тщательно выработанномъ и внесенномъ на соборъ проектѣ реформы это превращеніе было рѣзко указано. Бегарды, говорилось въ проектѣ, живутъ въ лѣсахъ и городахъ, ни отъ кого независимые, совершая предосудительные обряды, и на нихъ падаетъ подозрѣніе въ ереси. Способные физически

[1]) Theod. Vrie, «Hist. Concil. Constant.» lib. IV, dist. 13.—Marieta, «Los Santos de España», lib. XI, c. XXVIII.—Gobelini Person. «Cosmodrom.» Aet. VI, c. 93.—Chron. S. Aegid. in Brunswig (Leibnitii «S. R. Brunsv.» III, 595).—Gieseler, «Lehrbuch der Kirchengeschichte», II, III, 317—18.—Herm. Corneri «Chron.» ann. 1416 (Eccard. «Corp. Hist.» II, 106).—Andreae «Gubernac. Concil.» P. IV, c. 11 (Von der Hardt, VI, 194).—Chron. Magdeburgens. ann. 1454 (Meibom. «Rer. German.» II, 362).—Haupt, «Zeitschrift für Kirchengeschichte», 1887 г., стр. 114—18.—Herzog, «Abriss.» II, 405.

Когда въ 1448 г. эпидемія и голодъ въ Италіи довели людей до сознанія ихъ грѣховъ, то краснорѣчіе франциканца брата Роберта возбудило сумасшествіе раскаянія. Улицы городовъ снова наполнились флагеллантами, со слезами бичевавшими себя (Illescas, «Historia Pontifical», II, 130).

Библиотека "Руниверс"

къ труду, они живутъ исключительно милостынею въ ущербъ дѣйствительно нуждающимся. Вслѣдствіе этого предлагали запретить ношеніе нарамниковъ всѣмъ, кто не связанъ обѣтомъ съ существующими монашескими орденами и не исполняетъ ихъ уставовъ. Также совѣтовали, какъ очень существенное, часто осматривать общины бегардовъ въ виду особенностей ихъ образа жизни и приказать магистратамъ и вельможамъ, подъ страхомъ интердикта, принять на себя это наблюденіе. По всей вѣроятности, съ цѣлью отклонить эти удары, духовенство и магистраты Германіи послали Мартину V много писемъ, свидѣтельствующихъ о правовѣріи, благочестіи и пользѣ выставленныхъ въ такомъ невыгодномъ свѣтѣ общинъ. Папа передалъ эти удостовѣренія кардиналу свв. Петра и Марселя, который далъ благопріятный отзывъ. Когда уже засѣданія собора были близки къ концу, въ 1418 г., противъ бегардовъ было сдѣлано болѣе страшное нападеніе. Одинъ доминиканецъ, по имени Матвѣй Грабонъ изъ Висмара, представилъ Мартину V двадцать-два пункта, въ которыхъ доказывалъ необходимость уничтожить всѣ общины, не принадлежащія къ утвержденнымъ монашескимъ орденамъ. Чтобы доказать это согласно способу, принятому схоластической логикой, онъ долженъ былъ допустить нелѣпыя общія положенія; поэтому онъ приравнивалъ къ самоубійству и, вслѣдствіе этого, провозглашалъ смертнымъ грѣхомъ трату мірскимъ лицомъ своего состоянія на милостыню и отрицалъ за папою право разрѣшать подобныя вещи. Положенія и заключенія Грабона были переданы кардиналу Веронскому, а послѣ его смерти Петру, кардиналу Венеціи; а когда послѣдній уѣхалъ изъ Рима, то окончательное рѣшеніе было передано кардиналу Аквилеи Антонію. Согласились съ мнѣніемъ кардинала Петра д'Айльи и канцлера университета Герсона. Петръ д'Айльи пришелъ къ заключенію, что документъ этотъ еретическій и заслуживаетъ сожженія, а судьбу автора должны рѣшить юристы. Герсонъ полагалъ, что это ученіе заражено ядомъ и заключаетъ въ себѣ богохульство, и что автора, если онъ будетъ упорствовать въ своихъ заблужденіяхъ, слѣдуетъ арестовать. 26 мая 1419 г. кардиналъ Антоній вынесъ рѣшеніе, присуждавшее сжечь сочиненія Грабона, какъ еретическія, а его самого подвергнуть строгому тюремному заключенію, пока онъ не раскается и не отречется. Кромѣ того, Грабонъ былъ навсегда изгнанъ изъ Кельнской провинціи, въ частности изъ города Утрехта. Доминиканецъ не былъ рожденъ мученикомъ и сейчасъ же публично отказался отъ своихъ положеній. Побѣда бегиновъ была полная, и они могли не бояться больше преслѣдованій. Общины ихъ увеличились числомъ и процвѣтали, а подъ ихъ прикрытіемъ Братья Свободнаго Духа продолжали распространять свою ересь [1]).

Съ этого времени вниманіе Церкви было, главнымъ образомъ, поглощено гуситизмомъ, самымъ страшнымъ врагомъ, котораго встрѣтила Церковь послѣ катаровъ XII в. Изученію этой борьбы мы посвятимъ особую главу; здѣсь же мы отмѣтимъ только то, что ученіе и опасные успѣхи этой ереси по всей Германіи вызвали дѣятельныя мѣры къ ея подавленію, и что вслѣдствіе этого Инквизиція развилась и сосредоточилась въ этой странѣ. Изданная Мартиномъ V 22 февраля 1418 г. булла противъ виклефитовъ и гуситовъ была адресована не только прелатамъ, но и инквизиторамъ, основавшимся въ епархіяхъ и городахъ: Зальцбургъ, Прага, Гнѣзно, Ольмюцъ, Литомышль, Бамбергъ, Мейссенъ, Пассау, Бреславль, Ратисбонъ, Краковъ, Познань и Нитра. Конечно, эту буллу нельзя принимать буквально и думать, что Инквизиція имѣла во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ и городахъ организованные суды, но изъ нея видно, что въ мѣстностяхъ, зараженныхъ или предрасположенныхъ къ зараженію, Церковь принимала самыя энергичныя мѣры. Растущая опасность заставила даже епископовъ отказаться отъ своей традиціонной зависти. Въ этомъ же 1418 г. соборъ

[1]) Concil. Constant. «Decret. Reform.» Lib. III, tit. X, c. 13; tit. V, c. 5 (Von der Hardt, I, 715—17).—Hemmerlin, «Glosa quarund. Bullar.» (Opp. c. d.).—De Rebus Matthaei Grabon (Von der Hardt, III, 107—20).—P. Fredericq, «Corp. Doc. Inquis. Neerland.» II, 216 и слѣд., 399.

Библиотека "Руниверс"

большой Зальцбургской провинціи не ограничился только тѣмъ, что пригласилъ епископовъ уничтожать ересь и примѣнять каноны къ свѣтскимъ властямъ, которыя проявятъ въ этомъ дѣлѣ небрежность, но приказалъ также всѣмъ князьямъ и владѣтельнымъ лицамъ хватать и заключать въ тюрьму всякаго, на кого прелаты или инквизиторы укажутъ имъ какъ на подозрительнаго. Такимъ образомъ, епископы, въ концѣ концовъ, признали Инквизицію и стали оказывать ей помощь [1]).

Однако, гуситы не поглощали настолько вниманія преслѣдователей, чтобы они забыли о Братьяхъ Свободнаго Духа. Несмотря на вмѣшательство Мартина V на Констанцскомъ соборѣ, правовѣрныхъ бегиновъ и бегинокъ продолжали притѣснять. Въ 1431 г. долженъ былъ на защиту этихъ несчастныхъ выступить Евгеній IV. Въ буллѣ, обращенной къ нѣмецкимъ прелатамъ, онъ напоминаетъ о благосклонномъ отношеніи къ бегинамъ своихъ предшественниковъ и о тѣхъ притѣсненіяхъ, которымъ они, вопреки предписаніямъ Рима, подвергаются со стороны инквизиторовъ. Онъ приказываетъ заставить тѣхъ, кто бродитъ, не имѣя опредѣленнаго жилища, жить въ братскихъ зданіяхъ, но энергично защищать тѣхъ, кто мирно и благочестиво остается въ своихъ убѣжищахъ. Эта булла, быть-можетъ, является единственнымъ документомъ этого рода, въ которомъ епископская юрисдикція поставлена выше Инквизиціи. Дѣйствительно, епископамъ поручалось заставить уважать волю папы подъ угрозою духовныхъ наказаній, безапелляціонно и не обращая вниманія на привилегіи и особую неприкосновенность враговъ бегиновъ и бегинокъ; прелаты получили право отлучать отъ Церкви даже самихъ инквизиторовъ. Подобное распоряженіе Св. Престола привело въ отчаяніе цюрихскаго К а н т о р а, доктора Феликса Геммерлина, заклятаго врага бегиновъ. Онъ написалъ противъ послѣднихъ нѣсколько рѣзкихъ памфлетовъ, въ которыхъ въ весьма непочтительныхъ выраженіяхъ объясняетъ причину расположенія къ нимъ Евгенія, который, по его словамъ, самъ былъ прежде бегардомъ въ Падуѣ. Въ одной изъ этихъ книжекъ, составленной, вѣроятно, около 1436 г., онъ упоминаетъ о разныхъ дѣлахъ, только-что разсмотрѣнныхъ въ извѣстной мѣстности, и мы въ правѣ заключить, что если бегины пользовались покровительствомъ папы, то Братьевъ Свободнаго Духа онъ продолжалъ дѣятельно преслѣдовать. Если бы до насъ дошли статистическія свѣдѣнія со всей имперіи, то число жертвъ было бы значительно. Такъ, напр., въ Цюрихѣ были судимы и приговорены къ ношенію крестовъ Бурхардъ и его ученики; снова послѣ этого уличенные въ ереси, они были сожжены. Въ Ури также сожгли нѣкоего Карла и его единовѣрцевъ. Въ Констанцѣ принудили Генриха де Тіерра отречься отъ ереси. Въ Ульмѣ Іоаннъ и много еретиковъ были присуждены къ публичному покаянію. Въ Вюртембергѣ былъ наказанъ крупный ересіархъ, вину котораго удалось установить съ великимъ трудомъ. Ежегодно, говоритъ памфлетистъ, приходили изъ Чехіи цѣлыя толпы еретиковъ, которые совращали въ ересь многихъ гражданъ Берна и Золотурна. Это послѣднее заявленіе позволяетъ думать, что Геммерлинъ, ослѣпленный гнѣвомъ, смѣшивалъ гуситовъ съ бегардами; это предположеніе подтверждается и его утвержденіемъ, что въ Верхней Германіи нѣтъ никакой другой ереси, кромѣ заблужденій, занесенныхъ послѣдователями этой пагубной секты. Но Нидеръ, писавшій на другой день Базельскаго собора, признавшаго гуситовъ, когда, слѣдовательно, ихъ временно не считали еретиками,—утверждаетъ, что еретики немногочисленны и безсильны, что они скрываются въ тѣни и не опасны. Однако, тотъ же самый Нидеръ, излагая заблужденія Братьевъ Свободнаго Духа, говоритъ, что число этихъ еретиковъ въ Швабіи было еще велико. Повидимому, одного изъ членовъ этой секты онъ встрѣтилъ въ Ратисбонѣ при выполненіи имъ вмѣстѣ съ барселонскимъ архидіакономъ миссіи, возложенной на него Базельскимъ соборомъ относительно гуситовъ. Дѣло шло объ одной до-

[1]) Von der Hardt, IV, 1518.—Concil. Salisburg. XXXIV, c. 32 (Dalham, «Concil. Salisburg.», стр. 186).

Библиотека "Руниверс"

стойной уваженія молодой женщинѣ, которая не распространяла никакого иновѣрія; никоимъ образомъ не могли добиться отъ нея отреченія. Архидіаконъ совѣтовалъ подвергнуть ее пыткѣ, чтобы сломить ея энергію; но пытка не имѣла успѣха, такъ какъ она не назвала своихъ единовѣрцевъ. Вечеромъ Нидеръ навѣстилъ ее въ темницѣ и нашелъ измученной страданіями, такъ что легко заставилъ ее сознаться въ ереси, послѣ чего она отреклась публично. Этотъ эпизодъ показываетъ, что въ Ратисбонѣ не существовало Инквизиціи, и что власти совершенно забыли настоящіе инквизиціонные пріемы [1]).

Вюрцбургскій соборъ нашелъ нужнымъ въ 1446 г. принять канонъ Майнцскаго собора 1310 г., предписывавшій изгнаніе всѣхъ бродячихъ бегардовъ, которые ходили съ крикомъ «Brod durch Gott!» и проповѣдывали въ пещерахъ и глухихъ мѣстахъ. Эта мѣра свидѣтельствуетъ о живучести традиціонныхъ привычекъ, а также объ отсутствіи правильнаго преслѣдованія. Въ 1453 г. Николай V оффиціально присоединилъ бегардовъ, въ качествѣ терціаріевъ, къ нищенствующимъ орденамъ. Нѣкоторые изъ нихъ повиновались и образовали особую группу, извѣстную подъ именемъ Zepperenses, такъ какъ главный ихъ монастырь находился въ Цепперѣ. Число этихъ бегардовъ значительно уменьшилось; въ 1650 г. Иннокентій X слилъ ихъ съ итальянскими терціаріями и передалъ ихъ въ вѣдѣніе генералъ-министра, жившаго въ Ломбардіи. Женская половина этихъ обществъ, сохранившая имя бегинокъ, была счастливѣе. Благочестивыя женщины сохранили свою самостоятельность, и ихъ общины остались цвѣтущими до нашихъ дней, особенно въ Нидерландахъ. Въ 1857 г. въ большомъ бегинскомъ монастырѣ въ Гентѣ было шестьсотъ бегинокъ и двѣсти «жилицъ» [2]).

Извѣстное число Братьевъ Свободнаго Духа и правовѣрныхъ бегардовъ обоего пола отказалось подчиниться новому закону и отречься отъ своей независимости. Говорятъ, что Бернаръ, будучи избранъ въ 1460 г. аббатомъ въ Гиршау, изгналъ всѣхъ бегиновъ изъ ихъ дома въ Альтбургѣ за ихъ дурное поведеніе и помѣстилъ на ихъ мѣсто доминиканскихъ терціаріевъ. Эта мѣра возбудила враждебное къ нему отношеніе со стороны бегардовъ, жившихъ уединенно въ лѣсу Гиршау, и они составили противъ аббата заговоръ, первыми жертвами котораго сами и пали. Въ 1463 г. Констанцскій синодъ жалуется, что лолларды и бегины незаконно носятъ нарамники францисканцевъ, и было постановлено, что всѣ, кто не докажетъ своего права на ихъ ношеніе, должны снять ихъ; здоровымъ физически лоллардамъ было предписано честно работать, а не просить милостыни. Но послѣднюю привычку нельзя было уничтожить. Двадцать лѣтъ спустя другой синодъ долженъ былъ подтвердить это приказаніе. Бамбергскій синодъ 1491 г. примѣнилъ къ бегардамъ постановленія Клементинъ: очевидно, это вызывалось необходимостью. Монахъ Іоаннъ изъ Моравіи, умершій въ Брюннѣ въ 1492 г., прославился своимъ жаромъ и энергіей въ преслѣдованіи гуситовъ и бегардовъ. Но эти мятежные сектанты продолжали существовать; когда наступила реформація, они много содѣйствовали распространенію ученія Лютера [3]).

Было невозможно, чтобы торжество гуситизма въ Чехіи не отразилось и въ Германіи. Гуситы не упускали случая совращать католиковъ; но распространеніе ереси между населеніемъ Германіи подверглось энергичному и дѣйствительному стѣсненію. Въ 1423 г. Сіенскій соборъ, состоявшійся подъ предсѣдательствомъ папскихъ легатовъ, вполнѣ понялъ серьезность опасности. Инквизиторы и епископскіе судьи получили строгій выговоръ за проявленную ими мягкость, которою только и можно было объяснить грозные успѣхи ереси;

---

[1]) Hemmerlin, «Glosa quarund. Bullar.»; Ejusd. «Lollardorum Descriptio».—Nider, «Formicar.», III, 5, 7, 9.

[2]) Concil. Herbipolens. ann. 1446 (Hartzheim, V, 336).—Mosheim, «de Beghardis», 173–9, 190, 194–5.—Addis and Arnold's «Catholic Dictionary», 73.

[3]) Trithem. «Chron. Hirsaug.» ann. 1460.—Hartzeim, V, 464, 507, 560, 578.—Wadding. ann. 1492, № 8.—Martini «Append. ad Mosheim», 579.

Библиотека "Руниверс"

имъ было приказано на будущее время проявлять постоянную и неумолимую бдительность, подъ угрозой запрещенія входить въ церковь въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, не считая другихъ наказаній, которыя найдутъ нужнымъ на нихъ наложить. Они должны были каждое воскресенье торжественно предавать еретиковъ проклятію во всѣхъ главныхъ церквахъ; всѣмъ, кто будетъ помогать ловить еретиковъ, были обѣщаны индульгенціи, какъ за походъ въ Святую Землю; то же было обѣщано и князьямъ, которые, не будучи въ состояніи арестовать мятежниковъ, изгонятъ ихъ, по крайней мѣрѣ, изъ своихъ владѣній. Рѣшительныя выраженія этихъ предписаній встревожили всѣхъ и, повидимому, послужили сигналомъ къ новымъ усиліямъ; къ сожалѣнію, до насъ дошло мало документальныхъ данныхъ для оцѣнки результатовъ. Такъ, напр., въ 1420 г. былъ сожженъ въ Ратисбонѣ священникъ Генрихъ Грюнфельдъ, принявшій ученіе Гуса; въ 1423 г. та же участь постигла другого священника по имени Генрихъ Ратгеберъ. Въ 1424 г. былъ сожженъ въ Вормсѣ священникъ Іоганнъ Дрендорфъ; въ 1426 г. въ Шпейерѣ былъ сожженъ Петръ Турманъ. Даже и послѣ того, какъ Базельскій соборъ призналъ гуситовъ, и Compactata обезпечивали за сектантами терпимость въ странахъ, подчиненныхъ чехамъ, въ другихъ земляхъ ихъ продолжали преслѣдовать, какъ еретиковъ. Около 1450 г. Іоганнъ Мюллеръ началъ проповѣдывать ученіе Гуса во Франконіи, гдѣ онъ встрѣтилъ хорошій пріемъ и многихъ обратилъ. Но онъ былъ вынужденъ бѣжать, а сто-тридцать человѣкъ изъ его учениковъ были арестованы и препровождены въ Вюрцбургъ, гдѣ они уступили предъ убѣжденіями аббата Іоганна Грумбахскаго и каѳедральнаго проповѣдника магистра Антонія и отреклись отъ заблужденій. Болѣе печальная участь постигла въ Швабіи вальденца Фридриха Рейзера. Переодѣвшись купцомъ, онъ проповѣдывалъ свое ученіе во многихъ вальденскихъ церквахъ, тайно существовавшихъ въ Германіи. Въ Гейльсбронѣ онъ примкнулъ къ гуситамъ и отправился съ ними на гору Таборъ; здѣсь онъ увидѣлъ, что оба вѣроученія тожественны, и получилъ посвященіе изъ рукъ таборитскаго епископа Николая. Онъ началъ работать надъ соединеніемъ Церквей и въ качествѣ миссіонера обошелъ Германію, Чехію и Швейцарію. Окончательно онъ поселился въ Страсбургѣ, продолжавшемъ быть центромъ ереси, и собралъ вокругъ себя учениковъ. Онъ именовался «Фридрихомъ, милостью Бога епископомъ вѣрныхъ римской Церкви, отрицающихъ даръ Константина». Въ 1458 г. онъ былъ открытъ и арестованъ со своими сторонниками. Пытка вырвала у него всѣ признанія, которыя отъ него потребовали; но, выйдя изъ комнаты пытокъ, онъ тотчасъ же отрекся отъ своихъ признаній. Бургомистръ Гансъ Драхенфельсъ и магистраты энергично воспротивились казни Фридриха, но они были вынуждены уступить, и ересіархъ былъ сожженъ одновременно со своей вѣрной служанкой, старухой изъ Нюрнберга, по имени Анна Вейлеръ [1]).

Рейзеръ имѣлъ огромный успѣхъ среди потомковъ тѣхъ вальденцевъ Померанія, которые, какъ мы уже видѣли, отреклись отъ ереси въ 1393 г. передъ инквизиторомъ Петромъ. Повидимому, они оставались вполнѣ еретиками и легко согласились на измѣненія, которыя объединяли ихъ съ гуситами, т.-е. приняли епископовъ, священниковъ, діаконовъ, признали причастіе подъ двумя видами и стали почитать Виклефа, Гуса и Іеронима Пражскаго. Въ томъ же 1458 г. одинъ портной изъ Зельхова, по имени Матвѣй Гагенъ, былъ, по приказанію электора Фридриха II, арестованъ со своими тремя учениками и препровожденъ на судъ въ Берлинъ. Посвященный Рейзеромъ во священники въ Чехіи, онъ вернулся на родину, чтобы распространять ученіе секты и совершать

[1]) Concil. Senens. ann. 1423 (Hardoin. VIII, 1016—17).—Ullmann's «Reformers before the Reformation», перев. Menzie, I, 383—4.—Flac. Illyr. «Catal. Test. Veritatis», lib. XIX, стр. 1836 (изд. 1608 г.).—Comba, «Histoire des Vaudois d'Italie», I, 97.—Hoffmann, «Geschichte der Inquisition», II, 390—1.

Библиотека "Руниверс"

таинства. Его ученики ослабѣли и отреклись, но самъ онъ остался непреклоненъ и былъ выданъ свѣтской власти. Для того, чтобы уничтожить секту, послали въ Ангермюнде въ качествѣ епископскаго инквизитора, Іоганна Каннемана, судившаго Гагена. Онъ открылъ много еретиковъ, но они не были упорны; добровольно покорились и принесли отреченіе [1]).

Дѣйствительно, между ученіемъ самыхъ крайнихъ гуситовъ и ученіемъ вальденцевъ было достаточно много общаго, чтобы оправдать предполагаемое сліяніе двухъ сектъ. Вальденцы отнюдь не были истреблены. Когда въ 1467 г. остатки таборитовъ, извѣстные тогда подъ именемъ Чешскихъ Братьевъ, пожелали вступить въ сношеніе съ вальденцами, имъ легко было найти ихъ на территоріи, отдѣляющей Австрію отъ Моравіи, гдѣ болѣе двухсотъ лѣтъ жили ученики Вальдо. У нихъ былъ епископъ, по имени Стефанъ, пригласившій немедленно другого епископа для посвященія въ духовный санъ Братьевъ, откуда ясно, что еретическія общины были значительны и хорошо организованы. Къ несчастью, эти сношенія не остались не замѣченными, и Церковь быстро захватила еретиковъ, попавшихся въ ея руки. Епископъ Стефанъ былъ сожженъ въ Вѣнѣ, а его духовныя чада разсѣялись; многія изъ нихъ нашли убѣжище въ Моравіи, другія бѣжали въ Бранденбургъ, гдѣ существовали цвѣтущія вальденскія общины; эти общины, вскорѣ открытыя, были преслѣдуемы желѣзомъ, огнемъ и даже водой, но все же уничтожить ихъ окончательно не удалось. Нѣкоторые спасшіеся еретики переселились въ Чехію, гдѣ ихъ съ радостью встрѣтили Чешскіе Братья, принявшіе ихъ въ свою общину. Тѣсная связь, установившаяся, такимъ образомъ, между Братьями и вальденцами, породила новую ересь, получившую особое названіе. Когда въ 1472 г. Сикстъ IV утвердилъ Ѳому Гоньати въ должности вѣнскаго инквизитора, онъ предложилъ ему приложить всѣ усилія къ уничтоженію гуситовъ и Николинистовъ. Послѣдніе, получившіе свое имя отъ Николая Силезскаго, были, повидимому, Чешскими Братьями; они принимали общее обѣимъ сектамъ ученіе, гласившее, что ничто не можетъ оправдать убійства человѣка. Вспыхнула борьба; правда, удалось предотвратить опасность, одно время грозившую, и помѣшать всеобщему признанію ученія Гуса, тѣмъ не менѣе, существовало еще достаточно гуситовъ и вальденцевъ, заклятыхъ враговъ Рима, чтобы образовать группу недовольныхъ и поддержать возстаніе, когда появился Лютеръ [2]).

Много указаній предсказывало въ XV в. неизбѣжность близкаго разрыва. Между людьми, смѣло выражавшими презрѣніе къ власти Рима, наибольшею извѣстностью пользовался Григорій Геймбургскій, котораго Ульманъ называетъ «Лютеромъ-гражданиномъ» XV в. Впервые онъ выступилъ на Базельскомъ соборѣ въ качествѣ одного изъ помощниковъ Энея Сильвіо, бывшаго въ то время выдающимся ораторомъ реформаціонной партіи, и онъ всю жизнь оставался вѣренъ принципамъ, которые его господинъ промѣнялъ на папскій пурпуръ. Предшественникъ гуманистовъ, онъ работалъ надъ распространеніемъ классическихъ знаній; въ своемъ преклоненіи передъ древними онъ, подобно Марсилію Падуанскому, усвоилъ императорскую теорію отношеній между Церковью и государствомъ. Словомъ и перомъ онъ до самой своей смерти съ непоколебимой отвагой и неустанной энергіей отстаивалъ права Имперіи и главенство генеральныхъ соборовъ. Онъ училъ, что право вязать было дано всѣмъ апостоламъ вмѣстѣ, а ихъ представляютъ генеральные соборы; соединивъ всю власть въ своихъ рукахъ, папа присвоилъ себѣ чужое. Свобода, съ которой онъ излагалъ свое мнѣніе, должна была неизбѣжно довести его до столкновенія съ своимъ прежнимъ господиномъ; антагонизмъ сдѣлался еще болѣе силенъ, когда Пій II созвалъ въ Мантуѣ собраніе князей, чтобы подготовить новый крестовый походъ. Григорій бывшій въ то время совѣтникомъ князей, смѣло заявилъ, что этотъ крестовый походъ былъ лишь средствомъ для усиленія папской власти и для полученія денегъ со всей Гер-

[1]) Wattenbach, «Sitzungsberichte der Preuss. Akad.», 1886 г., стр. 57—8.

[2]) Hist. Persecut. Eccles. Bohem. 71—2 (s. l. 1648).—Camerarii «Hist. Frat. Orthodox» 116—17 (Heidelbergae, 1605).—Ripoll, III, 577.

Библиотека "Руниверс"

маніи. Когда Николай Кузанскій, столь же мало искренній политикъ, какъ и самъ Пій, былъ назначенъ епископомъ въ Бриксенъ и объявилъ своими имущество и права, которыя Сигизмундъ Австрійскій считалъ принадлежащими ему, то Сигизмундъ по совѣту Григорія арестовалъ епископа. Тогда въ іюнѣ 1460 г. Пій наложилъ интердиктъ на Сигизмунда и побуждалъ швейцарцевъ напасть на него. Григорій составилъ обращеніе къ общему собору; хотя Пій II и запретилъ обращенія подобнаго рода, но Сигизмундъ, тѣмъ не менѣе, скрѣпилъ его. Мало того, Григорій имѣлъ дерзость доказывать на основаніи Св. Писанія, отцовъ Церкви и исторіи, что Церковь подчинена государству; и нечего поэтому удивляться, что дерзкій писатель подвергся отлученію отъ Церкви вмѣстѣ съ Сигизмундомъ. Въ октябрѣ 1460 г. онъ былъ объявленъ еретикомъ. Всѣмъ вѣрнымъ сынамъ Церкви приказывалось взять себѣ его имущество и наказать его. На это онъ отвѣтилъ рядомъ энергичныхъ воззваній и возраженій, составленныхъ въ самыхъ рѣзкихъ и презрительныхъ выраженіяхъ по адресу Пія II и Николая Кузанскаго. Въ октябрѣ 1461 г. папа послалъ монаха Мартина Ротенбургскаго проповѣдывать вѣру и предохранить вѣрныхъ отъ заблужденій, распространяемыхъ Сигизмундомъ и его ересіархомъ Григоріемъ. Пій II любилъ представлять Мартина лицомъ, которому грозитъ опасность, и обѣщалъ индульгенцію на два года и двадцать-четыре дня всякому, кто окажетъ ему въ случаѣ надобности помощь. Кромѣ того, онъ приказалъ городскимъ властямъ Нюрнберга отобрать имущество Григорія и изгнать отлученнаго отъ Церкви или выдать его судьямъ, которые приговорили бы его къ наказанію. Послѣ этого мы находимъ Григорія помогающимъ кельнскому архіепископу Дитеру, враждовавшему въ то время съ Піемъ II изъ-за вопроса папскихъ доходовъ; Святой Престолъ проявлялъ въ этомъ дѣлѣ безпримѣрныя и произвольныя требованія; но Дитеръ отказался отъ борьбы. Сигизмундъ заключилъ миръ со своимъ врагомъ, и Григорій остался одинокимъ съ тяготѣвшимъ на немъ отлученіемъ. Даже Нюрнбергъ отказалъ ему въ покровительствѣ, которое до сихъ поръ оказывалъ ему. Онъ бѣжалъ въ Чехію къ Юрію Подѣбраду, которому онъ оказалъ крупныя услуги, какъ контроверсистъ, такъ что въ 1469 г. Павелъ III объявилъ его самымъ послѣднимъ еретикомъ. Въ 1471 г. Подѣбрадъ умеръ, и Григорій переселился въ Саксонію, гдѣ ему оказалъ покровительство герцогъ Альбертъ, примирившій его съ Сикстомъ IV. На Пасху 1472 г. Григорій получилъ папское прощеніе, а въ августѣ того же года умеръ послѣ 25 лѣтъ непрестанной борьбы съ папствомъ [1]).

Въ Григоріи Геймбургскомъ олицетворяется возстаніе противъ Рима правящихъ классовъ, а Гансъ Никлаусгаузенскій представляетъ собою неутомимый духъ оппозиціи сацердотализму, распространявшійся тогда между низшими классами населенія. Гансъ Бёгеймъ, родомъ изъ Чехіи, былъ барабанщикомъ или флейтистомъ и случайно, переходя съ мѣста на мѣсто, основался въ Никлаусгаузенѣ близъ Вюрцбурга. Несомнѣнно, онъ занесъ въ эту мѣстность революціонныя идеи Гуса и вступилъ въ союзъ съ мѣстнымъ приходскимъ священникомъ и однимъ нищенствующимъ монахомъ или бегардомъ. Сначала онъ получалъ отъ самой Св. Дѣвы откровенія, вполнѣ отвѣчавшія желаніямъ населенія, такъ что вскорѣ народъ сталъ собираться толпами, чтобы послушать его. Св. Дѣва поручила ему объявить своему народу, что Христосъ не можетъ долѣе переносить гордость, алчность и сластолюбіе духовенства, и что міръ погибнетъ благодаря испорченности священниковъ, если они сейчасъ же не изъявятъ готовности исправиться. Десятинный сборъ и всѣ вообще сборы должны быть добровольными; дорожныя и таможенныя пошлины должны быть отмѣнены, и право охоты не должно принадлежать только избраннымъ. Римъ несправедливо желаетъ править Церковью; чистилище—пустая выдумка; онъ самъ, Гансъ

[1]) Ullmann, op. cit., 195—207.—Aen. Sylvii «Epist.» 400 («Opp.» 1571, стр. 932).—Fasciculus Rerum Expetendarum et Fugiendarum, II, 115—28 (изд. 1690 г.)—Freher et Struv. II, 187—266.—Wadding. ann. 1461, № 5.—Ripoll, III, 466.—Chron. Glassberger, ann. 1462.

Библиотека "Руниверс"

Бёгеймъ, можетъ спасать души людей отъ ада и давать индульгенціи своимъ ученикамъ. Слухъ объ этихъ откровеніяхъ распространился далеко, и народъ толпами валилъ изъ рейнскихъ провинцій, Баваріи, Тюрингіи, Саксоніи и Мейссена послушать вдохновленнаго проповѣдника, такъ что иногда ему приходилось говорить предъ двадцатью, тридцатью тысячами людей. Его почитали настолько, что нѣкоторые думали, что одно прикосновеніе къ его одеждѣ уже освящаетъ человѣка; куски одежды его хранились какъ драгоцѣнная святыня, такъ что лишь только онъ показывался, какъ одежду его разрывали на части, и ему нужно было каждый день дѣлать себѣ новое платье. Никто не сомнѣвался въ справедливости упрековъ, сдѣланныхъ Св. Дѣвою по адресу духовенства: настолько мало народъ уважалъ Церковь. Въ сущности же всѣ собиравшіеся въ такомъ огромномъ количествѣ послушать проповѣдника отнюдь не были опасными элементами общества. Это были люди спокойные и враги всякаго безпорядка; мужчины и женщины спали въ окрестныхъ поляхъ, лѣсахъ и пещерахъ, не боясь ни воровства, ни насилія; къ тому же, у нихъ были деньги на расходы; приношенія золотомъ, серебромъ, драгоцѣнными камнями, одеждами, восковыми свѣчами были настолько обильны, что могли даже удовлетворить алчность великихъ міра сего, такъ какъ послѣ паденія Ганса все это было раздѣлено между сюзереномъ Никлаусгаузена, графомъ Вертгеймскимъ, вюрцбургскимъ епископомъ и его главою, майнцскимъ архіепископомъ. Послѣдній свою часть добычи употребилъ на сооруженіе цитадели вблизи Майнца, но вскорѣ это зданіе было уничтожено пожаромъ, который приписали гнѣву Св. Дѣвы.

Вюрцбургскій епископъ много разъ запрещалъ паломничества въ Никлаусгаузенъ, но всѣ эти запрещенія не имѣли никакого дѣйствія, такъ что епископъ былъ вынужденъ прибѣгнуть къ болѣе энергичнымъ мѣрамъ. Большимъ мѣстнымъ праздникомъ былъ день 8 іюля, когда праздновалась память св. Киліана, вюрцбургскаго мученика. Въ воскресенье 6 іюля 1476 г. Гансъ открыто пригласилъ своихъ слушателей явиться вооруженными въ слѣдующую субботу, оставивъ дома женщинъ и дѣтей. Кризисъ былъ неизбѣженъ. Епископъ не сталъ ждать результата попытки и послалъ стражу, которая схватила Ганса и отвела его въ сосѣднюю крѣпость. На другой день шеститысячная толпа его легковѣрныхъ сторонниковъ, состоявшая изъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, явилась безъ всякаго оружія къ замку, ожидая, что стѣны падутъ по ея приказанію. Ихъ попросили разойтись, они отказались, и тогда ихъ безъ труда разсѣялъ небольшой отрядъ вооруженныхъ людей и пушка замка. Многіе изъ нихъ погибли. Гансъ сознался подъ пыткою, что всѣ его откровенія были ложны, и что онъ и его помощники обманомъ, при помощи ложныхъ чудесъ, вызывали и поддерживали возбужденіе въ народѣ. Но сознаніе не спасло его, и онъ былъ приговоренъ къ костру. Участь его была рѣшена чрезвычайно быстро, и 19 іюля трагедія уже окончилась. На мѣстѣ казни ученики Ганса ждали божескаго вмѣшательства. Чтобы предупредить возможное колдовство, палачъ обрилъ осужденнаго съ головы до пятокъ. Гансъ твердо шелъ на костеръ, распѣвая гимнъ, но въ концѣ душевная сила оставила его, и, когда огонь коснулся его, онъ испускалъ громкіе крики отчаянія. Чтобы никто не могъ сохранить его пепла, какъ святыню, его тщательно собрали и бросили въ рѣку. Соучастники Ганса, священникъ и бегардъ, искали спасенія въ бѣгствѣ, но были пойманы и повинились во всемъ, послѣ чего ихъ отпустили безнаказанными. Два крестьянина были обезглавлены: одинъ за то, что предложилъ напасть на замокъ, а другой за то, что ранилъ лошадь одного изъ стражниковъ во время ареста Ганса. Но даже и смерть ересіарха не открыла глаза его ученикамъ. Спустя три мѣсяца майнцскій архіепископъ Дитеръ долженъ былъ наложить интердиктъ на Никлаусгаузенскую церковь, чтобы прекратить паломничества, которыя совершали въ нее цѣлыя толпы вѣрныхъ [1]).

[1]) Trithem. «Chron. Hirsaug.» ann. 1476. — Gudeni. «Cod. Diplom.», IV, 419. — Ullmann, op. cit., I, 377 и слѣд.

Библиотека "Руниверс"

Григорій Геймбургскій и Гансъ Никлаусгаузенскій воплотили въ себѣ ненависть, которую питало противъ Рима все свѣтское населеніе отъ самаго знатнаго до самаго скромнаго изъ гражданъ. Іоганнъ фонъ Рухратъ изъ Везеля свидѣтельствуетъ, что это чувство раздѣляли и многіе члены Церкви. Рухратъ былъ однимъ изъ самыхъ выдающихся богослововъ и проповѣдниковъ, которыми могла въ то время гордиться Германія. Въ школахъ онъ пользовался огромною славою и назывался «Свѣточемъ міра», «Магистромъ прекословій»; это былъ смѣлый и нѣсколько наглый контроверсистъ, который въ своихъ рѣчахъ не стѣснялся выставлять свои мнѣнія въ самой вызывающей формѣ. Подобно Лютеру, истиннымъ предшественникомъ котораго онъ былъ, онъ началъ съ нападокъ на индульгенціи по случаю юбилейнаго 1450 г., когда благочестивая Европа стремилась въ Римъ, чтобы взять приступомъ небо. Шагъ за шагомъ онъ дошелъ до отрицанія за Церковью разныхъ правъ, до отрицанія преданія и отцовъ Церкви и до утвержденія, что сила въ одномъ только Писаніи. Онъ дошелъ до того, что вычеркнулъ изъ Вѣрую слово Filioque; его вѣра въ предназначеніе отнимала у Церкви право распредѣленія сокровищъ загробной жизни. Какъ мало заботился онъ о чувствахъ тѣхъ, на вѣру которыхъ онъ нападалъ, видно изъ слѣдующаго примѣра: онъ утверждалъ, что св. Петръ установилъ, по всей вѣроятности, постъ для того, чтобы лучше сбывать свой уловъ.

Очевидно преслѣдованіе уже сильно ослабло, а свобода слова стала велика, если Іоганнъ Везельскій могъ такъ долго безпрепятственно развивать свои еретическіе взгляды и проповѣдывать въ церквахъ и школахъ такія опасныя мнѣнія, какъ ученія вальденцевъ, виклефитовъ или гуситовъ. Если бы не возникло жестокаго спора между реалистами и номиналистами,—спора, приведшаго въ движеніе весь схоластическій міръ, то, по всей вѣроятности, Іоганнъ Везельскій не подвергся бы гоненію и мирно окончилъ бы дни свои. Но онъ былъ однимъ изъ самыхъ видныхъ номиналистовъ, и доминиканскіе томисты Майнца рѣшили заставить его молчать. Майнцскій архіепископъ Дитеръ Изембургскій, который снова занялъ послѣ смерти Адольфа Нассаускаго покинутую имъ въ 1463 г. архіепископскую каѳедру, не желалъ вступать въ новый конфликтъ съ Римомъ. Онъ уже навлекъ на себя непріятности за то, что публично заявилъ, какъ папство даетъ за деньги архіепископскій pallium; когда въ 1479 г. ему грозили новыя непріятности, если онъ не выдастъ Іоганна Везельскаго, то онъ счелъ болѣе благоразумнымъ уступить.

Въ обширной Майнцской провинціи не было инквизитора; исходъ же дѣла, которое вели епископскіе судьи, былъ всегда сомнителенъ, и поэтому былъ посланъ кельнскій инквизиторъ, доминиканецъ Гергардъ фонъ Эльтенъ. Послѣдній прибылъ въ сопровожденіи бр. Іакова Шпренгера, который еще не былъ инквизиторомъ, но который впослѣдствіи занималъ этотъ постъ и, какъ мы увидимъ ниже, сжегъ много колдуній. Въ то же время прибыли въ Майнцъ богословы гейдельбергскаго и кельнскаго университетовъ, которые должны были участвовать въ качествѣ экспертовъ и засѣдателей; эти лица были выбраны тщательно; одинъ изъ докторовъ гейдельбергскаго университета, составившій дошедшій до насъ отчетъ объ этомъ дѣлѣ, говоритъ, что въ число ихъ попалъ только одинъ номиналистъ. Этотъ богословъ во всемъ этомъ дѣлѣ видитъ только простой эпизодъ борьбы между схоластиками; онъ говоритъ, что обвиняемый былъ бы оправданъ, если бы ему дали защитника, и если бы съ нимъ обращались менѣе грубо.

Все производство было любопытной пародіей инквизиціоннаго метода. Если были позабыты формы, то принципъ строго сохранялся; а именно—на обвиняемаго смотрѣли какъ на виновнаго. Дѣло велось при открытыхъ дверяхъ, въ присутствіи многочисленныхъ слушателей изъ свѣтскихъ и духовныхъ лицъ; среди первыхъ былъ графъ Вертгеймскій, только-что получившій свою часть послѣ Ганса Никлаусгаузенскаго. Послѣ предварительнаго совѣщанія собраніе открыло свои засѣданія 8 февраля 1479 г., подъ предсѣдательствомъ инквизитора Эльтена, помощникомъ котораго былъ архіепископъ Дитеръ. Онъ на-

Библиотека "Руниверс"

чалъ дѣло съ того, что предложилъ, чтобы двое или трое друзей обвиняемаго отправились къ нему и убѣдили его отречься отъ заблужденій и просить прощенія; въ послѣднемъ случаѣ обвиняемый могъ надѣяться на снисхожденіе, иначе ему нечего было ждать пощады. Къ Іоганну были посланы развѣдчики, которые замедлили исполнить порученное имъ дѣло. Инквизиторъ разсердился, началъ горячиться и грозить. Только-что послали одно видное лицо поторопить ихъ, какъ вошелъ самъ Іоаннъ Везельскій, блѣдный, согбенный годами, опирающійся на палку и поддерживаемый двумя францисканцами. Ему велѣли сѣсть на полъ; фонъ Эльтенъ изложилъ ему дѣло. Іоаннъ Везельскій хотѣлъ защищаться, но его прервали, обругали и пригрозили, такъ что онъ, въ концѣ концовъ, просилъ только прощенія. Послѣ этого его подвергли долгому и утомительному допросу, затѣмъ отложили дѣло до другого дня. Особой комиссіи, составленной преимущественно изъ докторовъ Кельна и Гейдельберга, поручили рѣшить судьбу обвиняемаго. На другой день Іоаннъ снова явился и подвергся новому допросу, во время котораго онъ попытался доказать справедливость своихъ теорій. «Если бы всѣ люди—сказалъ онъ—отвергли Христа, то я одинъ буду боготворить Его и останусь христіаниномъ», на что фонъ Эльтенъ замѣтилъ: «Такъ говорятъ всѣ еретики даже тогда, когда стоятъ на кострѣ». Въ концѣ концовъ, было рѣшено поручить тремъ докторамъ отправиться къ нему и убѣдить его отречься отъ заблужденій. Какъ и въ процессѣ Гуса, хотѣли не смерти, а униженія врага.

10 февраля трое избранныхъ приступили къ обращенію заблудшагося. «Если бы Христосъ былъ здѣсь—сказалъ Іоаннъ,—и если бы вы обращались съ Нимъ такъ, какъ обращаетесь со мной, то вы осудили бы Его какъ еретика; но Онъ превзошелъ бы васъ въ преніяхъ». Въ концѣ концовъ, онъ далъ убѣдить себя признать свое ученіе ложнымъ, такъ какъ уполномоченные согласились принять на свою совѣсть отвѣтственность за это отреченіе. Передъ началомъ дѣла онъ долгое время былъ боленъ, но ему отказали въ медицинской помощи; преклонный возрастъ, истощеніе силъ, темная и нездоровая тюрьма, изъ которой онъ напрасно умолялъ перевести его, — все это сломило его упорство, и онъ покорился. Онъ публично отрекся и покаялся; его сочиненія были сожжены въ его присутствіи, а самъ онъ былъ приговоренъ къ пожизненному заключенію въ августинскомъ монастырѣ въ Майнцѣ. Онъ недолго пережилъ свое паденіе и умеръ въ 1481 г. Это дѣло очень сильно заинтересовало всѣхъ студентовъ нѣмецкихъ университетовъ; всѣ были страшно возмущены подобнымъ обращеніемъ съ однимъ изъ выдающихся людей Германіи. Но сочиненія его, впрочемъ, пережили его и имѣли огромное вліяніе на первыхъ реформаторовъ. Меланхтонъ относитъ Іоганна Везельскаго къ числу тѣхъ людей, которые своими трудами поддержали непрерывность христіанской Церкви [1]).

Это дѣло ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что если Инквизиція въ Германіи и не исчезла совсѣмъ, то все же она не проявляла своей дѣятельности; даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ номинально существовалъ трибуналъ Инквизиціи, требовалось особое усиліе, чтобы заставить ее дѣйствовать. Однако, при случаѣ дѣлались назначенія инквизиторовъ, и карьера, сдѣланная Шпренгеромъ, показываетъ, что ихъ рвеніе могло съ успѣхомъ прилагаться къ дѣлу уничтоженія колдуновъ. Дѣйствительно, колдовство сдѣлалось, въ сущности, самой грозной ересью эпохи, и на остальныя религіозныя заблужденія не обращали особаго вниманія. Въ статутахъ, выработанныхъ въ 1491 г. бамбергскимъ синодомъ, глава, посвященная ереси, останавливаясь на мельчайшихъ подробностяхъ колдовства и чародѣйства, упоминаетъ только объ одномъ отступленіи отъ ученія Церкви, а именно—объ ученіи, что таинства, совершенныя нечистыми руками, не имѣютъ никакого значенія. Приказывая считать

---

1) D'Argentré, I, II, 291—8.—Ullmann, op. cit., I, 258—9, 277—94, 356—7.—Trithem. «Cron. Hirsaug.» ann. 1479.—Conr. Ursperg. «Chron. Continuat.» ann. 1479.—Melanchton. «Respons. ad Bavar. Inquis.», Witebergae, 1559, Sig. B. 3.

Библиотека "Руниверс"

виновнымъ въ соучастіи всякаго, кто не выдастъ еретика, синодъ ни словомъ не упоминаетъ объ Инквизиціи. Но одно происшествіе показываетъ, что инквизиторы продолжали существовать, и что иногда они примѣняли свою власть. Ниже мнѣ придется говорить о дѣлѣ Германа Рисвикка, который въ 1499 г. былъ осужденъ и отрекся, затѣмъ бѣжалъ изъ тюрьмы, былъ схваченъ и сожженъ въ 1512 г. въ Гаагѣ какъ еретикъ-рецидивистъ; здѣсь же я только упомяну объ этомъ дѣлѣ какъ о доказательствѣ не прерывавшейся дѣятельности Св. Трибунала [1]).

Преслѣдованіе Іоганна Рейхлина, какъ и преслѣдованіе Іоганна Везельскаго, возникло вслѣдствіе схоластическихъ разногласій. Но весь ходъ этого дѣла показываетъ, насколько за время, протекшее между двумя процессами, власть инквизитора потеряла свою силу. Рейхлинъ былъ ученикъ Іоганна Везеля Гронингенскаго. Какъ глава гуманистовъ и главный представитель новой школы въ Германіи, онъ принялъ участіе въ горячемъ спорѣ съ доминиканцами, которые, будучи ярыми оомистами, готовы были до смерти защищать схоластику. Тонъ грубой насмѣшки, съ которой Себастіанъ Брандтъ подробно разсказываетъ на прекрасномъ латинскомъ языкѣ о пыткѣ и казни четырехъ доминиканцевъ, сожженныхъ въ Бернѣ въ 1509 г. за ложь, допущенную въ спорѣ о безпорочномъ зачатіи, показываетъ, какъ сильна была взаимная ненависть партій. Отголосокъ этихъ чувствъ мы находимъ даже въ неумолимой сатирѣ Эразма и въ Epistolae Obscurorum Virorum. Когда Рейхлинъ выступилъ на защиту евреевъ и ихъ литературы противъ нападокъ ренегата Пфефферкорна, то тотчасъ же ухватились за представившійся случай, чтобы избавиться отъ него. Въ 1513 г. доминиканскій инквизиторъ, пріоръ Іаковъ фонъ Гохштратенъ, переселился изъ Кельна въ Майнцъ съ намѣреніями, подобными тѣмъ, которыя вызвали пріѣздъ его предшественника фонъ Эльтена. Но, въ отличіе отъ Іоганна Везельскаго, Рейхлинъ понялъ, что онъ могъ смѣло обратиться съ жалобой въ Римъ, такъ какъ папа Левъ X былъ человѣкъ просвѣщенный и гуманистъ. Левъ благосклонно принялъ жалобу и поручилъ шпейерскому епископу рѣшить вопросъ. Это былъ страшный ударъ инквизиціонному могуществу: рѣшеніе епископа дышало еще большимъ презрѣніемъ. Съ Рейхлина было снято всякое подозрѣніе въ ереси, преслѣдованіе было признано неосновательнымъ, и издержки по дѣлу были возложены на Гохштратена подъ угрозой отлученія его отъ Церкви въ случаѣ неповиновенія. Этотъ приговоръ былъ утвержденъ Римомъ въ 1515 г.; папа, подъ страхомъ штрафа въ 3000 марокъ, наложилъ молчаніе на обвинителей Рейхлина.

Гуманисты торжествовали побѣду, проявляя дикую радость. Ульрихъ фонъ Гуттенъ опубликовалъ, подъ псевдонимомъ Елевѳерія Бицена (Eleutherius Bizenus), написанный грубыми гекзаметрами пасквиль, приглашавшій всю Германію принять участіе въ торжествѣ Рейхлина; онъ выставляетъ Гохштратена разбойникомъ, который, въ качествѣ обвинителя и судьи, преслѣдуетъ невинныхъ и расхаживаетъ, покрытый цѣпями, съ руками, связанными за спиной, тогда какъ Пфефферкорна съ обрѣзанными носомъ и ушами тащатъ крюкомъ за пятки лицомъ къ землѣ до тѣхъ поръ, пока черты лица его не потеряли всякую человѣческую форму. О доминиканцахъ онъ говоритъ, что они хуже турокъ, и что они болѣе достойны, чѣмъ послѣдніе, пораженія; авторъ смѣло задается вопросомъ: какой несправедливый папа и какой слабый императоръ могли позволить этимъ монахамъ наложить ярмо на страну? Это были хорошія, къ сожалѣнію, преждевременныя слова. Споръ привлекъ къ себѣ вниманіе всей Европы: на скамьѣ подсудимыхъ были доминиканскій орденъ и все, что онъ представлялъ, и они не могли молча потерпѣть пораженія. Гохштратенъ отправился въ Римъ. Доминиканцы кельнскаго университета открыто заявили, что они, если только

[1]) Ripoll, IV, 5.—Synod. Bamberg. ann. 1491, tit. XLIV (Ludewig, «Script. Rer. Germ.» I, 1242—44).—D'Argentré, I, II, 342.

Библиотека "Руниверс"

папа не отмѣнитъ своего рѣшенія, будутъ жаловаться первому же собору, откажутся подчиниться папскому рѣшенію, объявятъ, что Левъ X болѣе не папа, и вызовутъ расколъ или что-либо худшее. Такъ мало могло надѣяться папство на вѣрность своихъ янычаръ! Левъ X смирился передъ грозой, которую самъ же и вызвалъ. Въ 1516 г. онъ издалъ посланіе, отмѣнявшее приговоръ; но духъ неповиновенія усиливался въ Германіи со дня на день, и Францъ фонъ Зиккингенъ отдалъ свое страшное копье на защиту перваго рѣшенія. Между тѣмъ, лютеранское движеніе становилось все болѣе и болѣе грознымъ; съ каждымъ днемъ чувствовалась настоятельнѣе нужда въ поддержкѣ доминиканцевъ, и въ 1520 г. Левъ окончилъ все дѣло, отмѣнивъ рѣшеніе шпейерскаго епископа, наложилъ на Рейхлина молчаніе и возложилъ на него всѣ убытки. Мало того, Гохштратенъ былъ возстановленъ въ своихъ обязанностяхъ [1]).

Но было уже слишкомъ поздно, чтобы эти запоздалыя поправки могли принести какую-нибудь пользу Инквизиціи, въ услугахъ которой Церковь нуждалась теперь болѣе чѣмъ когда-либо прежде. Если бы Св. Трибуналъ могъ работать плодотворно въ Германіи, то карьера Лютера скоро бы окончилась. Когда 31 октября 1517 г. Лютеръ прибилъ къ церковнымъ дверямъ въ Виттенбергѣ свои тезисы относительно индульгенцій и выступилъ съ публичною защитою ихъ, то инквизиторъ, въ родѣ Бернара Ги, сумѣлъ бы заставить его замолчать или принудить его къ публичному отреченію, которое уничтожило бы его вліяніе, или отправилъ его на костеръ, если бы онъ отказался смириться. Сотни смѣлыхъ мыслителей испытали на себѣ подобную участь, и если находились среди нихъ достаточно твердые для того, чтобы оказывать сопротивленіе Инквизиціи, то всѣ они погибли. Къ счастью, какъ мы уже знаемъ, Инквизиція никогда не пускала глубокихъ корней на германской почвѣ; а въ настоящее время она совершенно не пользовалась никакимъ довѣріемъ и была безсильна. У Гохштратена были связаны руки; инквизиторъ Баваріи и Франконіи, докторъ Іоаннъ Эккъ, былъ самъ гуманистомъ, способнымъ спорить и грозить, но не дѣйствовать. Инквизиторъ сѣверной Германіи Тецель сознавалъ свое безсиліе и ограничивался только тѣмъ, что нападалъ на смѣлаго новатора, поносилъ его и называлъ архіеретикомъ, дерзкимъ и мятежнымъ схизматикомъ [2]).

Во Франціи мѣсто какъ бы забытой Инквизиціи занялъ университетъ, который разсматривалъ и преслѣдовалъ всѣ отступленія отъ ученія Церкви; въ то же время централизованная монархія сдѣлала, по крайней мѣрѣ, со времени Конкордата Франциска I, Церковь національною и почти независимою отъ папства. Въ Германіи же не было національной Церкви; духовенство было подчинено Риму, и это подчиненіе съ каждымъ днемъ становилось все болѣе тяжелымъ, благодаря финансовымъ условіямъ; но не было ничего, что могло бы занять мѣсто Инквизиціи, и извѣстная свобода слова стала обычнымъ явленіемъ, и на нее смотрѣли съ нѣкоторою терпимостью, если только не страдали отъ этого доходы св. Петра. Подобное положеніе дѣла объясняетъ, быть-можетъ, тотъ фактъ, что значеніе возстанія Лютера было лучше понято въ Римѣ, чѣмъ на мѣстѣ. Когда генеральный аудиторъ папской канцеляріи объявилъ Лютера оффиціально еретикомъ, то легатъ, кардиналъ Каэтано, по настоянію духовнаго фискала написалъ, что онъ сумѣетъ самъ окончить дѣло, что этотъ вопросъ настолько ничтоженъ, что его нечего представлять папѣ. Онъ не исполнилъ даннаго ему приказанія арестовать Лютера и сказать ему, что съ нимъ будетъ поступлено незаслуженно милостиво, если онъ явится передъ Святымъ Престоломъ. Когда

---

[1]) Pauli Langii «Chron. Citicens.» (Pistorii, «Ker Germ. Script.» I, 1276—7). — Gieseler, «Lehrbuch der Kirchengeschichte», II, IV, 532 и слѣд.—Herzog, «Abriss», II, 397—401.—Spalatini «Annal.» ann. 1515 (Menken. II, 591).—Eleuth. Bizeni «Joannis Reuchlin. Encomion» (Sine nota, sed c. ann. 1516).—H. Corn. Agrippae. «Epist.», II, 54.

[2]) См. Tetzel's «Vorlegung», vol. XX (Gröne, «Tetzel und Luther», 233).

Библиотека "Руниверс"

въ теченіе года дѣло приняло болѣе серьезный оборотъ. Левъ X отправилъ къ Каэтано новое посланіе съ приказаніемъ вызвать доктора Мартина и послѣ тщательнаго допроса или оправдать его, или осудить, согласно съ его поступками. Но было уже слишкомъ поздно. Революціонное движеніе распространилось уже широко, и подготовлялось возстаніе. Раньше, чѣмъ Каэтано получилъ эти новыя предписанія, Лютеръ явился къ нему согласно прежнему вызову, но, заявивъ себя во всемъ покорнымъ сыномъ Церкви, онъ проявилъ грозную независимость и остался безнаказаннымъ. Легатъ болѣе полагался на свои способности контроверсиста, чѣмъ на свою силу; впрочемъ, если бы онъ и захотѣлъ прибѣгнуть къ этому послѣднему средству, то онъ не имѣлъ бы никакой возможности нарушить указы, изданные аугсбургскими магистратами, относительно покровительства Лютеру. Преслѣдованіе было парализовано, и неизбѣжная революція шла своимъ путемъ [1]).

ГЛАВА VII.

Чехія.

Хотя легенда о томъ, что обстоятельства привели Петра Вальдо во время его миссіонерской дѣятельности въ Чехію, гдѣ онъ умеръ, лишена всякаго историческаго основанія, тѣмъ не менѣе, несомнѣнно, что вальденская ересь уже сравнительно рано получила права гражданства среди чеховъ. Чехія составляла часть большой майнцской архіепископіи, и послѣдняя, конечно, имѣла слабое наблюденіе за столь удаленнымъ округомъ. Главенство Рима мало стѣсняло буйныхъ духовныхъ лицъ. Въ послѣднемъ десятилѣтіи XII ст. папскій легатъ, кардиналъ Піетро, прибывъ въ Чехію для сбора десятиннаго налога на завоеваніе Св. Земли, съ ужасомъ увидѣлъ, что бѣлое духовенство совершенно не знало целибата. Онъ не рѣшился ввести его для духовныхъ лицъ, уже посвященныхъ въ санъ, и постарался только, чтобы ставленники давали обѣтъ цѣломудрія; но его старанія въ этомъ направленіи вызвали такое волненіе, что ему пришлось прибѣгнуть къ суровымъ мѣрамъ для его подавленія. Въ такой сравнительно независимой Церкви, быть-можетъ, не было злоупотребленій, вызывавшихъ волненія въ другихъ мѣстахъ, но зато она представляла открытое поле для дѣятельности еретическихъ миссіонеровъ [2]).

Мы уже видѣли, какъ пассаускій инквизиторъ около половины XIII в. описываетъ цвѣтущее положеніе вальденскихъ церквей въ Австріи, вдоль чешской и моравской границы, и то рвеніе, которое проявляли члены этихъ общинъ въ дѣлѣ пропаганды. Кромѣ того, на западѣ еретики были въ ратисбонской епархіи. Въ одинъ прекрасный день ересь должна была роковымъ образомъ выйти за эти предѣлы, такъ какъ ей нечего было бояться ни обнаруженія, ни преслѣдованія со стороны небрежнаго и преданнаго свѣтской жизни духовенства. Первымъ поднялъ тревогу Иннокентій IV: онъ пригласилъ въ 1245 г. венгерскихъ прелатовъ помочь ему, такъ какъ трудно было, повидимому, разсчитывать на духовенство Чехіи, и такъ какъ, очевидно, тамъ не было еще Инквизиціи, услугами которой можно было бы воспользоваться. Иннокентій рисуетъ ересь установившейся столь прочно и распространившейся столь широко, что она охватила не только простой народъ, но также князей и вельможъ; она была прекрасно устроена, и во главѣ ея стояло особое лицо, которое почитали какъ папу. Всѣхъ послѣдователей ереси объявили отлученными

[1]) Ripoll, IV, 378.—Lutheri «Opera», Jenae, 1564, I, 185 слѣд.—Henke, «Neuere Kirchengeschichte», I, 42—6.

[2]) Dubrav. «Hist. Bohem.» lib. 14 (изд. 1587 г., стр. 358—1).

Библиотека "Руниверс"

отъ Церкви; земли ихъ были конфискованы въ пользу перваго пришельца; всякій, кто послѣ отреченія снова впадетъ въ ересь, будетъ, строго согласно съ канонами, выданъ безъ всякаго суда въ руки свѣтской власти [1]).

Не извѣстно, имѣлъ ли этотъ указъ серьезныя послѣдствія, но если и были сдѣланы усилія, то они не уничтожили ереси. Въ 1257 г. король Пржемыслъ Отокаръ II просилъ Александра IV помочь ему подавить ересь, которая все продолжала распространяться; отвѣтомъ на эту просьбу было введеніе Инквизиціи въ Чехіи. Полномочіе инквизиторовъ на Чехію и Моравію получили отъ папы два франциscанца, Ламбертъ Германецъ и Варѳоломей, lector изъ Брюнна. Можно предполагать, что они исполняли свои обязанности, но слѣдовъ ихъ дѣятельности не сохранилось; не извѣстно также, было ли занято ихъ мѣсто послѣ ихъ смерти или ухода? Когда много лѣтъ спустя снова началось преслѣдованіе, то ясно сказалось, что пражскій епископъ, подобно своему майнцскому архіепископу, совершенно не былъ расположенъ поддерживать вторженіе папской власти въ его юрисдикцію. Въ 1301 г. пражскій синодъ жаловался на быстрое распространеніе ереси и всѣмъ приказывалъ доносить обо всѣмъ имъ извѣстномъ епископскимъ инквизиторамъ. Изъ этого сообщенія можно заключить, что еретики были дѣятельны, что до этого времени ихъ мало безпокоили, и что примѣнявшіеся въ другихъ мѣстахъ законы о розыскѣ и наказаніи еретиковъ были въ Чехіи совершенно не извѣстны [2]).

Въ 1318 г. пражскій епископъ Іоаннъ Драшичъ былъ вызванъ Іоанномъ XXII въ Авиньонъ по поводу обвиненій, взведенныхъ на него вышеградскимъ каноникомъ Фридрихомъ Шёнбергскимъ, который выставлялъ этого прелата соумышленникомъ ереси. Въ жалобѣ подтверждалось, что еретики были такъ многочисленны, что у нихъ былъ архіепископъ и семь епископовъ, у каждаго изъ которыхъ было по триста учениковъ. На основаніи того, что говорится объ ихъ вѣрованіяхъ, можно заключить, что они были одновременно вальденцами и луциферіанами. Мы уже видѣли, что въ это время луциферіанизмъ процвѣталъ въ Австріи, куда, какъ говорили, онъ проникъ изъ Чехіи. Несомнѣнно, что двѣ эти ереси протянули другъ другу руку. Ихъ послѣдователи, говорили, считали клятву противною божескому закону; исповѣдь и отпущеніе грѣховъ могъ безразлично совершать мірянинъ или священникъ; допускалось вторичное крещеніе; божеское единство и воскресніе мертвыхъ считались пустою выдумкою; Іисусъ имѣлъ призрачную плоть, и со временемъ наступитъ царство Луцифера. Естественно, мы находимъ также обвиненія въ безобразіяхъ во время ночныхъ собраній въ пещерахъ, откуда ясно только одно, что преслѣдованіе было достаточно сильно, такъ какъ еретики опасались собираться днемъ. Добродушный епископъ разрѣшилъ своимъ инквизиторамъ примѣнять къ этимъ несчастнымъ мѣры строгости только по настоятельному требованію короля Іоанна Люксембургскаго. Четырнадцать изъ обвиняемыхъ были признаны виновными и выданы свѣтской власти, но, къ великому гнѣву короля, вмѣшался епископъ и велѣлъ выпустить ихъ на свободу, за исключеніемъ одного врача, по имени Ричардъ, оставшагося въ тюрьмѣ. Мало того, епископъ лишилъ милости инквизиторовъ, которые, повидимому, были его личными аген-

[1]) Palacky, «Beziehungen der Waldenser», Прага, 1869 г., стр. 10.—Potthast. № 11818.

Палацкій (стр. 7—8) высказываетъ предположеніе, что эти еретики были катарами; но приводимыя имъ основанія недостаточно сильны, чтобы разрушить болѣе правдоподобное мнѣніе, что это были вальденцы. Однако, онъ совершенно справедливо предполагаетъ, что упоминаніе князей и вельможъ можетъ указывать на связь между еретическимъ движеніемъ и заговоромъ, окончившимися въ 1253 г. низложеніемъ короля Венцеслава. Венцеславъ былъ горячимъ сторонникомъ папства и противникомъ Фридриха II; политика враговъ папы и ереси была настолько тѣсно связана, что мы, обладая небольшимъ количествомъ подробностей, не можемъ провести грань между тою и другою.

[2]) Wadding. ann. 1257, № 16.—Potthast, № 16819.—Höfler, «Prager Concilien», Einleitung, XIX.—H. Haupt, «Waldenserthum und Inquisit.», 13.

Библиотека "Руниверс"

тами, а не папскими делегатами. Все это было со стороны прелата огромными преступленіями, и онъ искупилъ свою снисходительность многими годами плѣна въ Авиньонѣ. Быть-можетъ, одной изъ причинъ нападокъ на него было его враждебное отношеніе къ францисканцамъ [1]).

Такимъ образомъ, вниманіе папства было привлечено существованіемъ ереси въ восточной Европѣ и неудовлетворительностью мѣстной организаціи, предназначенной бороться съ ересью. Тотчасъ же были приняты мѣры къ введенію Святого Трибунала. Въ 1318 г. Іоаннъ XXII назначилъ доминиканца Перегрино изъ Оппольца и францисканца Николая Краковскаго инквизиторами краковской и бреславльской епархій; одновременно съ этимъ Чехія и Польша были поручены доминиканцу Кольду и францисканцу Гартману. Какъ обыкновенно, духовнымъ и свѣтскимъ властямъ было приказано помогать имъ по ихъ первому требованію. Польша, несомнѣнно, не менѣе Чехіи нуждалась въ надзорѣ инквизиторовъ, такъ какъ краковскій епископъ Іоаннъ Муската былъ такъ же нерадивъ, какъ и его пражскій коллега, и въ 1319 г. онъ получилъ отъ Іоанна XXII строгій выговоръ за мягкость и небрежность, благодаря которымъ еретики сдѣлались дерзкими въ его епархіи. Но этотъ выговоръ не произвелъ, повидимому, никакого дѣйствія, такъ какъ въ 1327 г. Іоаннъ былъ вынужденъ приказать доминиканскому провинціалу Польши назначить инквизиторовъ, чтобы остановить волну ереси, которая, подвигаясь съ запада, мало-по-малу заливала населеніе. Очевидно, Германія и Чехія высылали миссіонеровъ, труды которыхъ имѣли большой успѣхъ. Королю Владиславу особо предложили помогать инквизиторамъ, и онъ тотчасъ же приказалъ правителямъ своихъ городовъ предоставить свѣтскую власть къ услугамъ Инквизиціи. Энергичная дѣятельность преслѣдователей немедленно увѣнчалась успѣхомъ [2]).

Среди еретиковъ могли находиться Братья Свободнаго Духа, но большинство ихъ составляли, по всей вѣроятности, вальденцы; у послѣднихъ была въ Чехіи прекрасно организованная Церковь, высылавшая развѣдчиковъ въ Моравію, Саксонію, Силезію и Польшу. Главнымъ центромъ ереси они считали Ломбардію, куда отправлялись молодые люди для окончанія своего образованія; туда же направлялись пожертвованія. Все это не могло укрыться отъ бдительности инквизиторовъ, назначенныхъ Іоанномъ XXII, и, несомнѣнно, были приняты энергичныя мѣры къ подавленію ереси; но до насъ дошло только одно дѣло инквизиціоннаго суда, помѣченное 1330 г. Городами, наиболѣе зараженными ересью, называютъ Саазъ и Лонъ. Когда произошелъ разрывъ между папствомъ и Людовикомъ Баварскимъ, то дѣло преслѣдованія стало болѣе труднымъ, несмотря на то, что Чехія подъ владычествомъ Іоанна Люксембургскаго оставалась вѣрною Св. Престолу. Еретики размножались въ Прагѣ и ея окрестностяхъ. Послѣ краткаго періода дѣятельности Инквизиція, повидимому, исчезла. Епископомъ пражскимъ былъ все еще Іоаннъ Драшичъ, вѣротерпимость котораго мы уже знаемъ. Нужно было приложить новыя старанія. И вотъ въ 1335 г. Бенедиктъ XII назначилъ францисканца Петра Нацераца инквизиторомъ въ Ольмюцскую епархію, а доминиканца Галля Нейбургскаго—въ Пражскую. Какъ всегда, всѣмъ прелатамъ было приказано оказывать содѣйствіе, а королю Іоанну напомнили, что если онъ обнажитъ мечъ, то обнажитъ онъ его противъ враговъ вѣры. Подобное воззваніе получилъ и сынъ короля, будущій императоръ Карлъ IV, въ то время управлявшій королевствомъ. Дерзость еретиковъ Нейгауза дошла до того, что они послали публичный вызовъ своему

[1]) Palacky, op. cit., 11—13.—Schrodl, «Passavia Sacra», Пассау, 1879 г., стр. 242.—Дубровскій («Hist. Bohem.» lib. 20) сообщаетъ, что король Іоаннъ сжегъ въ 1315 г. въ Прагѣ четырнадцать дольцинистовъ. По моему мнѣнію, болѣе правдоподобно предположеніе Палацкаго (ubi supra), что эта казнь относится къ дѣлу, о которомъ мы только-что говорили, и что другой не было.

[2]) Wadding. ann. 1318. №№ 2—6.—Ripoll. II, 138—9, 174—6.—Gustav Schmidt, «Päbstliche Urkunden und Regesten», Галле, 1886 г., стр. 105.—Raynald. ann. 1319, № 43.

Библиотека "Руниверс"

сюзерену, небольшому царьку Ульриху, и ихъ возстаніе приняло такую рѣзкую форму, что Ульрихъ отправился въ Авиньонъ и выпросилъ буллу о крестовомъ походѣ для уничтоженія повстанцевъ, причемъ участникамъ похода давались такія же индульгенціи, какъ за походъ въ Св. Землю. Инквизиторъ Галль не былъ бездѣятеленъ: въ 1344 г. онъ имѣлъ въ своихъ рукахъ нѣсколько домовъ, конфискованныхъ въ Прагѣ; около этого же времени на него было сдѣлано нападеніе, и онъ былъ тяжело раненъ, но былъ настолько счастливъ, что остался живъ [1]).

Въ подчиненной провинціи Силезіи ересь и преслѣдованіе развились широко. Епископъ Генрихъ Бреславльскій назначилъ инквизиторами доминиканцевъ и францисканцевъ, усилія которыхъ увѣнчались такимъ успѣхомъ, что въ 1315 г. въ Швейдницѣ было сожжено пятьдесятъ человѣкъ; такъ же были ауто-да-фе въ Бреславлѣ, Нейссѣ и въ другихъ мѣстахъ. Это преслѣдованіе не прекратило враждебнаго отношенія народа къ Церкви, которое немного позднѣе воплотилось въ лицѣ смѣлаго ересіарха Іоанна Пирны. Это былъ, по всей вѣроятности, фратичелло, такъ какъ онъ училъ, что папа—антихристъ, а Римъ — вавилонская блудница и синагога сатаны. Городскія власти и народъ приняли въ Бреславлѣ его ученіе, которое онъ проповѣдывалъ открыто. Въ духовномъ отношеніи Бреславль былъ подчиненъ Польшѣ, и въ 1341 г. туда былъ назначенъ изъ Кракова инквизиторомъ Іоаннъ Швейдницкій, которому было поручено уничтожить увеличивающуюся ересь. Какъ-разъ въ это время бреславльскій епископъ Наукеръ былъ въ страшной ссорѣ съ королемъ Іоанномъ изъ-за замка Миличъ; во время этой распри король, говорятъ, велѣлъ его отравить. Этотъ инцидентъ далъ еретикамъ возможность возбудить населеніе противъ инквизитора; послѣдній скрылся въ пражскую церковь, гдѣ немного спустя и былъ убитъ. За это преступленіе на жителей была наложена унизительная епитимія, а кости Іоанна Пирны были вырыты и сожжены. Небесный гнѣвъ, неудовлетворенный этимъ, покаралъ еще жителей пожаромъ, разрушившимъ почти весь городъ; во время этого пожара одна благочестивая женщина видѣла ангела, вооруженнаго обнаженнымъ мечомъ и кидавшаго на дома горящіе угли. Силезія осталась центромъ ереси, которую смѣнявшіе другъ друга инквизиторы, епископскіе и папскіе, не могли уничтожить [2]).

Такимъ образомъ, Чехія и подвластныя ей провинціи были глубоко заражены ересью, въ особенности вальденскою. Произошли различныя перемѣны, увеличившія могущество королевства и сильно двинувшія впередъ умственную дѣятельность страны. Въ 1344 г. Прага была отдѣлена отъ далекаго Майнца и образовала самостоятельную архіепископію; благочестивый Карлъ, въ то время маркграфъ богемскій, назначилъ архіепископомъ ревностнаго и просвѣщеннаго Арнеста изъ Пардубицъ. Черезъ два года Карлъ былъ избранъ избирателями Трира и Кельна императоромъ священной римской имперіи, въ противовѣсъ Людовику Баварскому, какъ опора папства; мѣсяцъ спустя, когда слѣпой король Іоаннъ нашелъ себѣ смерть отъ руки одного рыцаря въ Креси, Карлъ вступилъ на чешскій тронъ. Въ 1347 г. случилось событіе еще большей важности, имѣвшее огромныя послѣдствія; а именно—въ Прагѣ былъ основанъ университетъ. Расположеніе папы и императора немедленно придало этому учрежденію особый блескъ. Архіепископъ Арнестъ занялъ постъ канцлера, каѳедры были заняты учеными схоластиками; студенты стекались со всѣхъ концовъ Европы, и вскорѣ этотъ университетъ соперничалъ по числу студентовъ и по своей извѣстности съ болѣе старыми университетами Оксфорда, Парижа и Болоньи [3]).

Благодаря всему этому Чехія во вторую половину XIV ст. была однимъ изъ самыхъ

---

[1]) Palacky., op. cit., 15—18.—Flac. Illyr. «Catal. Test. Veritatis», lib. XV, стр. 1505 (изд. 1608 г.).—Raynald. ann. 1335, №№ 61—2.—Wadding. ann. 1335, №№ 3—4.—H. Haupt, op. cit., 31.

[2]) H. Haut, op. cit., 26, 73.—Krasinsky, «Reformation in Poland», Лондонъ, 1838 г., I, 55—6.—Raynald. ann. 1341, № 27.—Bzovii «Annales» ann. 1341, №№ 7, 8.

[3]) Werunsky. «Excerpt. ex Regist. Clement. VI», 28, 47.—Raynald. ann. 1347. № 11.

Библиотека "Руниверс"

цвѣтущихъ королевствъ Европы. Ея рудники давали ей богатство; населеніе деревень, благодаря тому, что было свободнымъ, стояло въ умственномъ и нравственномъ отношеніи неизмѣримо выше рабовъ, населявшихъ другія страны; университетъ широко распространялъ свѣтъ просвѣщенія. Чехія славилась на всю Европу великолѣпіемъ своихъ церквей, болѣе величественныхъ и болѣе многочисленныхъ, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ. Въ Краледворскомъ монастырѣ, гдѣ были похоронены короли Чехіи, на стѣнахъ, окружавшихъ садъ, было выгравировано все Священное Писаніе, начиная отъ Библіи до Апокалипсиса, причемъ буквы увеличивались по мѣрѣ ихъ удаленія отъ земли такъ, чтобы можно было легко читать все. Во время печальныхъ событій послѣдующаго періода о царствованіи Карла вспоминали съ любовью, какъ о золотомъ вѣкѣ Чехіи. Но богатство и утонченная цивилизація вели за собой развратъ, и нигдѣ духовенство не было такъ испорчено и не отличалось болѣе свѣтскимъ характеромъ. Конкубинатъ былъ распространенъ почти повсемѣстно, симонія охватила всѣ ступени духовной іерархіи; таинства продавали, покаяніемъ торговали; процвѣтали всѣ злоупотребленія, которыя только были возможны при неприкосновенности лицъ духовнаго званія. Страна была полна бродягъ, которымъ тонзура давала свободу воровать, учинять драки и предаваться игрѣ и пьянству. О томъ, какія вліянія давали тонъ чешской Церкви, можно судить по слѣдующему факту. Въ 1344 г. Климентъ VI обратился къ Арнесту, въ то время еще только пражскому епископу, съ посланіемъ, въ которомъ онъ обращалъ вниманіе прелата на черезчуръ частые скандалы въ его епархіи: благодаря насилію и симоніи несовершеннолѣтніе получали духовныя бенефиціи. Папа съ ужасомъ говоритъ объ этомъ злоупотребленіи, но въ искренности его можно сомнѣваться, такъ какъ незадолго предъ этимъ онъ самъ далъ пяти членамъ одной французской семьи, имѣвшимъ отъ роду 7, 8, 9, 10 и 11 лѣтъ, разрѣшеніе имѣть каноникаты и другія бенефиціи. Очевидно, чехи не прибѣгали къ обычнымъ средствамъ для того, чтобы получить отъ куріи утвержденіе этихъ каноническихъ нарушеній. Климентъ приказалъ Арнесту низложить всѣхъ возведенныхъ такимъ образомъ и наложить на нихъ заслуженную епитимію. Но въ то же время епископу было предписано совмѣстно съ папскимъ сборщикомъ настоять, чтобы эти несовершеннолѣтнія духовныя лица пришли къ соглашенію съ Св. Престоломъ по поводу доходовъ, незаконно ими полученныхъ; когда же они выполнятъ эти требованія, то Арнестъ долженъ былъ возстановить ихъ въ ихъ бенефиціяхъ [1]).

Эта открытая и наглая продажа духовныхъ мѣстъ не могла очистить чешскую Церковь, ни увеличить уваженія чешскаго духовенства къ Св. Престолу, тѣмъ болѣе, что частые случаи лихоимства папъ дѣлали натянутыми отношенія между Римомъ и нѣмецкими Церквами. Когда въ 1354 г. Иннокентій VI, нуждаясь въ деньгахъ для своихъ итальянскихъ войнъ, потребовалъ вдругъ десятую часть со всѣхъ доходовъ духовенства имперіи, то это требованіе на много лѣтъ вызвало во всемъ нѣмецкомъ духовенствѣ настоящій взрывъ ярости и негодованія. Нѣкоторые прелаты отказались платить и, когда противъ нихъ были возбуждены легатами дѣла, то они подали въ курію жалобы, которыя она съ презрѣніемъ отвергла. Чтобы заставить епископовъ Камина и Бранденбурга уступить, потребовалось пригрозить имъ отлученіемъ отъ Церкви. Другіе прелаты ссылались на свою бѣдность; надъ ними смѣялись и указывали на огромныя суммы, которыя они

---

[1]) Aen. Sylvii «Hist. Bohem.» c. 36.—Naucleri «Chron.» ann. 1360.—Höfler, «Prager Concilien», 2, 3, 5, 7.—Loserth, «Hus und Wiclif», Прага, 1884 г., стр. 261 и слѣд.—Werunsky, «Excerpt. ex Regist. Clement. VI», 1, 2, 3, 13, 25.

Въ одной изъ предшествовавшихъ главъ мы уже видѣли, что разрѣшенія занимать дѣтямъ церковные приходы были весьма старымъ злоупотребленіемъ. Въ 1297 г. Бонифацій VIII разрѣшилъ одному мальчику изъ Флоренціи двѣнадцати лѣтъ отъ роду занять приходъ, связанный съ заботой о душахъ.—Faucon, «Registres de Boniface VIII», № 1761, стр. 666.

Библиотека "Руниверс"

сумѣли выжать у своихъ несчастныхъ подданныхъ; другіе торговались, какъ могли, и имъ удалось обратить эту плату въ видъ займа; другіе же соединились и уговорились сопротивляться до послѣдняго. Ратисбонскій епископъ Фридрихъ имѣлъ смѣлость даже арестовать папскаго сборщика и заключить его въ замокъ. Противъ епископа Кавайонскаго, папскаго нунція, посланнаго собирать деньги, была устроена на дорогѣ засада; и только благодаря энергичному вмѣшательству кельнскаго архіепископа нунцій и его товарищъ льежскій архидіаконъ Генрихъ, остались въ живыхъ. Когда въ 1372 г. Григорій XI сдѣлалъ опять новый налогъ, онъ натолкнулся на такую же оппозицію. Духовенство Майнца торжественно объединилось и постановило не платить, а кельнскій архіепископъ Фридрихъ обѣщалъ своему духовенству поддержку, какую только онъ можетъ оказать ему безъ вреда для себя. Сами по себѣ эти инциденты не имѣютъ большого значенія, но они даютъ намъ понять, какія трудности встрѣчались при сношеніяхъ Св. Престола съ подчиненными ему церквами. Съ одной стороны, былъ суевѣрный страхъ, который, послѣ пятивѣкового безспорнаго владычества, внушалъ представитель Христа, и въ то же время можно было опасаться дурныхъ послѣдствій неудачнаго возстанія; съ другой стороны, приходилось считаться съ неудовольствіемъ, порожденнымъ невыносимымъ гнетомъ, а также съ общимъ усилившимся убѣжденіемъ, что продажная и испорченная римская курія стала очагомъ заразы для всей Европы. Такимъ образомъ, собирался горючій матеріалъ, который легко во всякое время могъ бы воспламениться отъ постоянныхъ столкновеній [1]).

Чехія была страною особенно опасной, глубоко зараженною ересью. Мы не знаемъ, были ли назначаемы папскіе инквизиторы послѣ тѣхъ, которые были уполномочены Бенедиктомъ XII въ 1335 г.; но архіепископъ Арнестъ сейчасъ же послѣ своего избранія приступилъ къ рѣшительному исправленію нравовъ своего духовенства и искорененію ереси. Въ послѣднемъ ему много помогалъ Карлъ IV, этотъ «императоръ поповъ». Арнестъ часто собиралъ синоды и учредилъ институтъ «Корректоровъ», на обязанности которыхъ лежало посѣщать разныя мѣстности провинціи и карать всякаго, отступившаго отъ истинной вѣры; онъ учредилъ также епископскую Инквизицію, назначеніемъ которой было преслѣдованіе и уничтоженіе ереси. Изъ его синодальныхъ актовъ, дошедшихъ до насъ въ отрывкахъ, мы видимъ, что онъ часто и горячо настаивалъ на необходимости преслѣдованія. Его настойчивость показываетъ, какое огромное значеніе придавалъ онъ этой сторонѣ своей дѣятельности, и какъ велико было число отпавшихъ отъ Церкви. На первомъ синодѣ, протоколы котораго дошли до насъ, вопросъ о ереси занимаетъ первое мѣсто; архидіаконамъ было приказано предпринять лично, или черезъ деканові, или черезъ приходскихъ священниковъ тщательное разслѣдованіе въ ихъ епархіяхъ, не возбуждая подозрѣнія виновныхъ; о всякомъ, кто будетъ найденъ виновнымъ или подозрѣваемымъ въ ереси, необходимо сейчасъ же донести архіепископу или инквизитору. Подобныя же инструкціи были снова изданы въ 1353 г.

Послѣ смерти Арнеста въ 1364 г. его преемникъ Іоаннъ Очко проявилъ не меньшую бдительность, какъ это видно изъ бывшихъ при немъ синодовъ въ 1366 и 1371 гг Особенно были заражены окрестности Писка; изъ протоколовъ консисторіи за 1381 г мы узнаемъ, что одинъ священникъ, по имени Іоаннъ, родомъ изъ Писка, не могъ получить посвященіе, такъ какъ отецъ и дѣдъ его были еретиками. Какую ересь исповѣдывали его предки, мы не знаемъ, но можно думать, что они были вальденцы. Въ томъ же 1381 г. епископъ Іоаннъ, въ качествѣ папскаго легата на свою провинцію и на епархіи Ратисбона, Бамберга и Мейссена, предсѣдательствовалъ на соборѣ въ Прагѣ и мрачными красками нарисовалъ картину успѣха вальденцевъ и Sarabites, подъ которыми, по всей

[1]) Werunsky, op. cit., 89, 94, 9 , 99, 102 111. 120. 135, 136, 140, 141. — Gudeni «Cod Diplom.», III 5 9.—Hartzheim «Concil. German.» IV, 510.

Библиотека "Руниверс"

вѣроятности, подразумѣваются бегарды. Онъ рѣзко порицалъ епископовъ, которые по небрежности или по скупости не назначали инквизиторовъ, и грозилъ, что, если прелаты не примутся тотчасъ же за дѣло, то онъ самъ назначитъ инквизиторовъ [1]). Черезъ десять лѣтъ послѣ этого, когда обезпокоенная Церковь проявила энергичную дѣятельность, то бранденбургскіе вальденцы заявили преслѣдователямъ, что ихъ наставники приходили изъ Чехіи.

Необходимо отмѣтить, что во всѣхъ этихъ стараніяхъ уничтожить ересь упоминается только епископская Инквизиція; и дѣйствительно, въ Чехіи не было папской Инквизиціи. Булла, которою въ 1372 г. Григорій XI утверждаетъ назначеніе пяти инквизиторовъ для Германіи, ограничиваетъ ихъ юрисдикцію областями Кельна, Майнца, Утрехта, Магдебурга, Зальцбурга и Бремена; пражская провинція умышленно обойдена молчаніемъ. Но ревность Карла IV, повидимому, должна была обезпечить его наслѣдственному королевству благодѣянія Св. Трибунала [2]). Это неупоминаніе пражской провинціи тѣмъ болѣе любопытно, что умственное движеніе, вызванное пражскимъ университетомъ, порождало много людей, замѣчательныхъ не только по своей эрудиціи и благочестію, но и по той смѣлости, съ которой они нападали на пороки Церкви и подвергали сомнѣнію существенные вопросы догматическаго ученія. Появленіе этихъ предшественниковъ Гуса проливаетъ яркій свѣтъ на направленіе Чехіи того времени и показываетъ, насколько населеніе безсознательно подчинялось вліянію мятежнаго духа вальденскаго ученія.

Первымъ изъ этихъ извѣстныхъ намъ предшественниковъ былъ Конрадъ Вальдгаузенскій, умершій въ 1369 г. Онъ былъ строгій католикъ, но своими рѣчами, въ которыхъ онъ обличалъ пороки духовенства вообще и нищенствующихъ монаховъ въ частности, онъ производилъ глубокое впечатлѣніе. Болѣе крупнымъ во всѣхъ отношеніяхъ былъ Миличъ изъ Кремзира, который въ 1363 г. занялъ должность частнаго секретаря императора, обязанность «Корректора», предоставленную ему архіепископомъ Арнестомъ, и многія другія богатыя бенефиціи, такъ что могъ всецѣло отдаться дѣлу проповѣди. Его латинскія, нѣмецкія и чешскія рѣчи были полны смѣлыхъ нападокъ на преступленія духовенства и народа. Современное ему зло заставляло его даже предсказывать пришествіе антихриста между 1365 и 1367 гг. Въ этомъ послѣднемъ году онъ посѣтилъ Римъ съ намѣреніемъ изложить Урбану V свои мысли о настоящемъ и будущемъ положеніи Церкви. Въ ожиданіи возвращенія Урбана, бывшаго въ то время въ Авиньонѣ, онъ прибилъ на главныхъ дверяхъ собора св. Петра извѣщеніе о томъ, что онъ произнесетъ проповѣдь на эту тему. За этотъ смѣлый поступокъ его заключили въ тюрьму, но въ октябрѣ, когда прибылъ папа, его выпустили на свободу и оказывали ему самыя высшія почести. Вернувшись въ Прагу, онъ сталъ проповѣдывать съ еще большею смѣлостью. Чтобы избавиться отъ этого противника, бѣлое духовенство донесло на него императору и архіепископу; но изъ этого ничего не вышло. Тогда составили противъ него обвинительный актъ изъ двѣнадцати пунктовъ и послали его папѣ, и въ январѣ 1374 г. Григорій XI издалъ буллы, въ которыхъ Миличъ объявлялся закоснѣлымъ ересіархомъ, и ему ставилось въ вину, что онъ наполнилъ своими заблужденія всю Чехію, Польшу и Силезію. По словамъ обвинителей, Миличъ не ограничивался тѣмъ, что проповѣдывалъ, что антихристъ уже пришелъ, что Церковь мертва, и что папы, кардиналы, епископы и прелаты не видятъ истины, но также позволялъ своимъ ученикамъ безудержно предаваться страстямъ. Миличъ не оставилъ своего дѣла, пока противъ него не было возбуждено Инквизиціей преслѣдованія. Тогда онъ подалъ жалобу папѣ. Потомъ въ 1374 г. онъ

---

[1]) Höfler, «Prager Concilien», 2, 5, 12, 14, 26—7.—Loserth, «Hus und Wiclif», 32—38, 37.—W. Preger, «Beiträge», 51.—Flac. Illyr. «Catal. Test. Veritatis», lib. XV, 1506 (изд. 1608 г.).

[2]) Mosheim, «de Beghardis», 381.

Библиотека "Руниверс"

прибылъ въ Авиньонъ, безъ труда доказалъ свою невинность, и 21 мая ему было разрѣшено проповѣдывать среди кардиналовъ. Умеръ онъ 29 іюня до опубликованія окончательнаго рѣшенія. Весьма правдоподобно, что Миличъ былъ Іоахитомъ, что онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые, какъ мы увидимъ ниже, почитали память аббата Іоахима Флорійскаго и вѣрили въ его эсхатологическія пророчества [1]).

Духъ мятежа и волненія не ограничился однимъ разоблаченіемъ злоупотребленій духовенства. Нѣкоторые пошли дальше и стали подвергать сомнѣнію догмы, порождавшія эти злоупотребленія. На синодѣ 1384 г. обсуждался, между прочимъ, вопросъ о томъ, могутъ ли святые знать обращенныя къ нимъ молитвы, и приносятъ ли ихъ ходатайства пользу вѣрующему; ужъ одинъ тотъ фактъ, что могъ быть поднятъ подобный вопросъ, показываетъ, какъ сталъ смѣлъ духъ свободнаго изслѣдованія.

Лучшимъ выразителемъ этого направленія былъ Матвѣй изъ Янова, блестящими дарованіями котораго воспользовался архіепископъ Іоаннъ изъ Іенценштейна, когда пытался произвести реформу духовенства. Матвѣй былъ вынужденъ дойти до причинъ этихъ золъ, и благодаря этому онъ началъ проповѣдывать такія ереси, что его не могло защитить отъ преслѣдованія даже покровительство самого епископа. На синодѣ 1389 г. онъ былъ вынужденъ публично отречься. Заблужденія, отъ которыхъ онъ отказался, состояли въ томъ, что онъ видѣлъ идолопоклонство въ иконахъ Іисуса Христа и святыхъ и утверждалъ, что ихъ слѣдуетъ или выкинуть изъ церкви, или сжечь; кромѣ того, онъ отрицалъ мощи и значеніе предстательства святыхъ. Настаивая на необходимости ежедневнаго причастія для всѣхъ, онъ касался жгучаго вопроса объ евхаристіи, сыгравшаго впослѣдствіи видную роль въ гуситскомъ движеніи. Однако, онъ отдѣлался легкимъ наказаніемъ: ему было запрещено на шесть мѣсяцевъ проповѣдывать и исповѣдывать всюду, кромѣ своей приходской церкви. Ободренный этой снисходительностью, онъ началъ еще болѣе дерзко проповѣдывать свои заблужденія и дошелъ до утвержденія, что міряне должны причащаться подъ двумя видами. Матвѣй не одинъ проповѣдывалъ подобное ложное ученіе; на томъ же синодѣ одинъ священникъ, по имени Андрей, долженъ былъ также отречься отъ еретическаго ученія объ иконахъ; а другому, по имени Іаковъ, на десять лѣтъ запретили проповѣдь за то, что онъ еще болѣе дерзко проповѣдывалъ подобныя же ученія, добавляя, что молитвы за мертвыхъ въ его глазахъ не имѣютъ никакого значенія, что Св. Дѣва не можетъ оказать помощи своимъ почитателямъ, что, слѣдовательно, архіепископъ не въ правѣ былъ давать индульгенціи почитавшимъ образъ Св. Дѣвы, и что, наконецъ, утвержденія святыхъ отцовъ Церкви не заслуживаютъ никакого довѣрія [2]).

Дорогу къ близкому возстанію прокладывали еще и другіе; таковы: Генрихъ Ойта, Ѳома Штитный, Янъ Стекно и Матвѣй Краковскій. Мало-по-малу человѣческая мысль освобождалась, и, когда въ 1393 г. въ Прагѣ проповѣдывали папскую индульгенцію, настоятель церкви св. Мартина въ Альтштадтѣ, Венцеславъ Роль, осмѣлился заявить, что это простой обманъ. Правда, страха ради фарисейскаго онъ распространялъ свои обвиненія изъ-подъ полы. Подобное положеніе вещей было, какъ полагаютъ, весьма благопріятно для развитія вальденской ереси, послѣдователи которой, дѣйствительно, проявили лихорадочную дѣятельность. Это были миссіонеры, пришедшіе изъ Чехіи и основавшіе вальденскія общины въ Бранденбургѣ и Помераніи. Какъ мы уже видѣли, одинъ хорошо освѣдомленный писатель говоритъ въ 1395 г., что этихъ еретиковъ насчитывали тысячами въ Тюрингіи, Мейссенѣ, Чехіи, Моравіи, Австріи и Венгріи, хотя тысячи изъ

---

[1]) Loserth, «Hus und Wiclif», 49, 50—2.—Lechler, «Real-Encyklopädie», X, 1—3.—Raynald. ann. 1374, №№ 10—11.

[2]) Höfler, «Prager Concilien», 33, 37—9.—De Schweinitz, «History of the Unitas Fratrum» (Bethlehem, Pa., 1885, стр. 25—26).

Библиотека "Руниверс"

нихъ была въ теченіе двухъ лѣтъ обращена въ мѣстностяхъ, находившихся между Тюрингіей и Моравіей [1]).

Въ то время, когда Чехія была, такимъ образомъ, театромъ волненія, исходъ котораго никто не могъ предвидѣть, подобное же движеніе, но болѣе ускореннаго темпа, зародилось въ Англіи, и это движеніе оказало рѣшительное вліяніе на конечный результатъ. Со дня установленія при Григоріи VII теократіи никогда іерархіи не грозила бо́льшая опасность, какъ съ выступленіемъ Виклефа. Въ первый разъ смѣлый схоластикъ, одаренный замѣчательно сильнымъ и свѣтлымъ умомъ, великій знатокъ философіи и школьнаго богословія, рѣшился поднять вопросъ о господствѣ Церкви въ земной и загробной жизни ея членовъ. Теперь на противорѣчія между Св. Писаніемъ и оффиціальнымъ ученіемъ Церкви и поведеніемъ духовныхъ лицъ указывалъ уже не бѣдный крестьянинъ или простой работникъ, а человѣкъ, равный по своему образованію и умѣнію аргументировать съ самыми выдающимися схоластиками среднихъ вѣковъ; онъ могъ ссылаться не только на евангеліе и апостоловъ, но и на отцовъ и учителей Церкви, на декреталіи и каноны, на Аристотеля и его комментаторовъ. Онъ могъ сразу охватить всѣ свои идеи, придать имъ діалектическую форму, столь дорогую студентамъ и магистрамъ богословія, и установить философскую систему въ духѣ эпохи.

Правда, Вильгельмъ Оккамъ проявилъ большую смѣлость въ своихъ нападкахъ на все захватывающую папскую организацію; но, убѣжденный сторонникъ Людовика Баварскаго, онъ, подобно Марсильо Падуанскому, заботился только о томъ, чтобы поставить права государства выше правъ Церкви, и, когда имперія подчинилась папству, труды ихъ обоихъ пропали и были забыты. Ученіе аверроистовъ никогда не пускало глубокихъ корней въ народѣ, и Церковь благоразумно относилась къ нему съ снисходительнымъ презрѣніемъ. Тайна вліянія Виклефа въ томъ, что всѣ выводы его были результатомъ горячаго и кропотливаго исканія истины; его теоріи развивались постепенно по мѣрѣ того, какъ отъ одного положенія своего ученія онъ переходилъ къ другому; онъ не щадилъ ни князей, ни прелатовъ; быть-можетъ, онъ болѣе горячо заботился о томъ, чтобы научать бѣдныхъ, чѣмъ дѣйствовать на сильныхъ и великихъ, но всѣ, отъ крестьянина до схоластика, признавали въ немъ своего вождя, стремившагося сдѣлать ихъ болѣе сильными и доблестными въ «борьбѣ противъ Аполліона». Дѣятельность Виклефа продолжалась довольно долгое время; имя его стало извѣстно во всѣхъ школахъ, сдѣлавшись синонимомъ всякаго антисацердотальнаго движенія, и простые вальденцы Испаніи и Германіи стали съ этого времени извѣстны подъ общимъ именемъ виклефитовъ. Но сохранилось его ученіе благодаря его чешскимъ послѣдователямъ, на родинѣ же ересіарха его теоріи, послѣ непродолжительнаго періода быстраго развитія, были уничтожены общими усиліями Церкви и государства.

Ересь Гуса была почти точнымъ воспроизведеніемъ ученія Виклефа, и поэтому, чтобы понять характеръ гуситскаго движенія, необходимо бросить бѣглый взглядъ на идеи англійскаго реформатора. Года черезъ четыре послѣ смерти Виклефа въ 1388 и 1389 гг. было составлено противъ учениковъ покойнаго обвиненіе изъ двадцати-пяти пунктовъ; написанное ими на англійскомъ языкѣ опроверженіе представляетъ краткое изложеніе ученія. Немногіе документы той эпохи рисуютъ столь интересную картину испорченности нравовъ духовенства и рѣзкаго контраста между ученіемъ Христа и жизнью его служителей. Нужно замѣтить, что единственное чисто-умозрительное заблужденіе Виклефа касалось таинства евхаристіи; всѣ же остальные пункты его ученія касались вопросовъ о контролѣ Церкви надъ душами и участью вѣрующихъ и злоупотребленій, проистекавшихъ

---

[1]) Loserth, «Hus und Wiclif», 54, 56–7, 63–4, 68–9.—Montet, «Hist. Lit. des Vaudois», 150.—Pseudo-Pilichdorf, «Tract. contra Waldenses», c. 15 (Mag. Bib. Pat. XIII, 315).

Библиотека "Руниверс"

изъ мірскихъ интересовъ и распущенности духовенства. Это была реформа вполнѣ практическаго характера, внушенная въ значительной степени рѣдкимъ здравымъ смысломъ и почти лишенная преувеличеній, если имѣть въ виду всю тяжесть зла, тяготѣвшаго на христіанскомъ мірѣ.

Вотъ главныя черты ученія Виклефа, какъ оно изложено въ упомянутомъ возраженіи. Современные папы—воплощеніе антихриста; вся іерархія, начиная съ папы и до послѣдняго священника, проклята за свою алчность, симонію, жестокость, жажду власти и дурное поведеніе. Если священники не исправятся, то они «будутъ осуждены болѣе страшно, чѣмъ Іуда Искаріотскій» [1]).

Не нужно повиноваться папѣ; декреталіи не имѣютъ значенія; слѣдуетъ презирать отлученія отъ Церкви, наложенныя папою и епископами. Индульгенціи, столь широко распространяемыя за деньги и за участіе въ крестовыхъ походахъ, гдѣ люди убиваютъ христіанъ, пустой обманъ. Но «власть ключей» признавалась за людьми благочестивыми. «По истинѣ, если священники святой жизни и хорошо знающіе Св. Писаніе держатъ ключи отъ неба и суть намѣстники Іисуса Христа, то, съ другой стороны, священники, не знающіе Св. Писанія, полные гордости и похотливыхъ вожделеній, держатъ ключи отъ ада и суть намѣстники сатаны» [2]).

Исповѣдь передъ священникомъ можетъ принести пользу, но она не необходима, такъ какъ люди должны ввѣрять себя Христу. Поклоненіе иконамъ противорѣчитъ божескому закону; изображенія Св. Троицы запрещены. «Эти приношенія иконъ, повидимому, только новое средство, пущенное въ ходъ антихристомъ и его духовенствомъ для того, чтобы выудить деньги у бѣдныхъ людей... Само собою разумѣется, что эти иконы сами по себѣ не могутъ сдѣлать людямъ ни добра, ни зла, но онѣ могли бы зимою согрѣть тѣло человѣка, если бы ихъ бросить въ огонь» [3]).

Призывать святыхъ безполезно; лучшіе изъ этихъ блаженныхъ могли только повиноваться приказаніямъ Бога, а большинство тѣхъ, кого ежедневно призываютъ, находятся въ аду, такъ какъ теперь грѣшники скорѣе могутъ разсчитывать на канонизацію, чѣмъ святые. То же надо сказать о дняхъ празднованія памяти святыхъ; можно соблюдать праздники апостоловъ и первыхъ святыхъ, но не болѣе. Пѣніе должно быть изгнано изъ богослуженія; молитва одинаково дѣйствительна какъ въ церкви, такъ и во всякомъ другомъ мѣстѣ, такъ какъ церкви не могутъ считаться святыми: «всѣ эти церкви совершенно осквернены и прокляты Богомъ, такъ какъ тамъ торгуютъ совѣстью и даютъ ложныя клятвы надъ Евангеліемъ. Эти церкви—притонъ разбойниковъ и жилище демоновъ» [4]). Духовенство не должно жить пышно и въ роскоши, но въ бѣдности, «давая собою примѣръ святости» [5]).

У Церкви слѣдуетъ отобрать всѣ ея мірскія имущества; члены ея должны имѣть въ общемъ владѣніи все необходимое для ихъ жизни. Не слѣдуетъ давать десятины и дѣлать пожертвованія священникамъ, находящимся въ грѣхѣ; полученіе священникомъ платы за отправляемую имъ духовную службу есть симонія, но духовныя лица могутъ зара-

---

[1]) «Thai schul be depper dampned then Judas Scarioth».

[2]) «Certes, as holy prestis of lyvynge and cunnynge of holy writte han keyes of heven and bene vicaris of Jesus Crist, so viciouse prestis, unkonnynge of holy writte, ful of pride and covetise, han keyes of helle and bene vicaris of Sathanas».

[3]) «Hit semes that this offrynge ymages is a sotile cast of Antichriste and his clerkis for to drawe almes fro pore men... Certis, these ymages of hemselfe may do nouther gode nor yvel to mennis soules, but thai myghtten warme a man's body in colde if thai were sette upon a fire».

[4]) «All suche chirches bene gretely poluted and cursud of God, nomely for sellynge of lecchcrie and fals swering upon bokus. Sithen tho chirches bene dunnus of thefis and habitacionis of fendis».

[5]) «Gyvinge ensaumple of holynes by ther conversacion».

Библиотека "Руниверс"

батывать себѣ на жизнь честнымъ трудомъ, напр., преподаваніемъ или переплетомъ книгъ. Но дѣлать приношенія на обѣдню, однако, не воспрещается при томъ только условіи, чтобы вѣрующій не думалъ получить такимъ путемъ большей части въ жертвоприношеніи. Нужно отставить всѣхъ приходскихъ священниковъ и викаріевъ, которые не отправляютъ своихъ обязанностей, и въ частности тѣхъ, которые не живутъ въ своемъ приходѣ. Затѣмъ, всѣ священники и діаконы должны ревностно проповѣдывать, не нуждаясь для этого въ особыхъ разрѣшеніяхъ и полномочіяхъ.

Виклефиты признавали и весьма энергично отстаивали всѣ ученія, которыя имъ приписывали, и только не хотѣли признать двухъ пунктовъ. Ученіе Виклефа было такъ близко къ ученію вальденцевъ, что католики, весьма естественно, приписывали виклефитамъ два вальденскихъ заблужденія,—одно, считавшее клятву противорѣчащей божескому закону, другое, отрицавшее за священникомъ, находящимся въ состояніи смертнаго грѣха, право совершать богослуженіе. На первое изъ этихъ обвиненій виклефиты отвѣчали, что, запрещая давать клятву безъ нужды, они допускаютъ, что, «если понадобится подтвердить клятвой правду, то люди могутъ поклясться, подобно тому, какъ поклялся самъ Богъ, какъ о томъ говорится въ Ветхомъ Завѣтѣ» [1]).

Что же касается второго обвиненія, то они признаютъ, что таинства, совершаемыя даже и недостойнымъ священникомъ, приносятъ пользу тѣмъ, кто съ благоговѣніемъ принимаетъ ихъ, но самъ священникъ остается осужденнымъ. Виклефитамъ приписывали также вѣрованіе фратичелли, въ то время очень сильныхъ и распространенныхъ, что отреченіе отъ благъ земныхъ является необходимымъ условіемъ для полученія вѣчнаго спасенія. Они отрицали этотъ пунктъ обвиненія, утверждая, что человѣкъ можетъ пользоваться честно нажитыми деньгами, если будетъ дѣлать изъ нихъ хорошее употребленіе [2]).

Всѣ эти антисацердотальныя ученія вытекали изъ теоріи бл. Августина о предопредѣленіи, смѣло доведеннаго Виклефомъ до крайнихъ выводовъ. Это ученіе неизбѣжно уничтожало всякую идею о предстательствѣ человѣка, о молитвахъ святымъ, объ оправданіи добрыми дѣлами, однимъ словомъ, все, что выдвинула Церковь, чтобы взять въ свои руки и продавать вѣчное спасеніе. Въ этомъ пунктѣ, какъ и во всемъ, Гусъ слѣдовалъ Виклефу; однако, между этими принципами и правовѣрными принципами фомистовъ и другихъ схоластиковъ различіе было очень тонко, чтобы Церковь легко могла осудить ихъ [3]).

Единственнымъ серьезнымъ умозрительнымъ заблужденіемъ, въ которомъ упрекали Виклефа, было его стремленіе примирить тайну евхаристіи съ грубымъ фактомъ, что хлѣбъ послѣ освященія оставался хлѣбомъ, а вино—виномъ. Онъ не отрицалъ обращенія хлѣба и вина въ тѣло и кровь Христа и признавалъ ихъ присутствіе въ жертвоприношеніи; но его умъ отказывался допустить пресуществленіе, и онъ представлялъ себѣ, что вещество находилось въ соединеніи съ божескими элементами. Гусъ не послѣдовалъ своему учителю въ этихъ опасныхъ тонкостяхъ, и это единственный пунктъ, въ которомъ не

---

[1]) «If hit be nedeful for to swere for a spedful treuthe men mowe wele swere as God did in the olde lawe».

[2]) Arnold's «English Works of Wiclif», III, 454—96.—Cp. Vae Octuplex (Ibid. II, 380); Of Mynystris in the Chirch (Ibid. II, 394); Vaughan's «Tracts and Treatises», 226; Trialogi III, 6, 7; Trialogi Supplem. c. 2.—Loserth, «Mittheilungen des Vereins für Gesch. der Deutschen in Böhmen», 1886 г., стр. 384 и слѣд.

[3]) Trialogi II, 14; IV, 22.—Joh. Hus, «de Ecclesia», c. 1 (Monument. I, fol. 196—7, изд. 1558 г.).—Wil. Wodford, «adv. Jo. Wiclefum» (Fascic. Rer. Expetend. et Fugiend. I, 250, изд. 1690 г.).—Въ осужденіи, вынесенномъ въ 1412 г. на Пражскомъ соборѣ противъ новыхъ ученій, предопредѣленіе не упоминается среди множества приведенныхъ заблужденій (Höfler, «Prager Concilien»); однако, это заблужденіе упоминается въ окончательномъ процессѣ, веденномъ противъ Гуса на Констанцскомъ соборѣ (P. Mladenowić, «Relatio»; Palacky, «Documenta», стр. 317).

Библиотека "Руниверс"

слѣдовалъ онъ Виклефу; но, какъ мы увидимъ ниже, это еретическое ученіе было главнымъ предлогомъ для преданія его огню.

Мы не знаемъ ни одного ересіарха, кромѣ Виклефа, жизнь котораго была бы такъ счастлива; и этимъ можно объяснить многое, что иначе было бы непонятно, а именно распространеніе его ученія въ Чехіи, терпимость, съ которой относились тамъ къ этому ученію, и чистосердечная искренность, съ которой Гусъ отказывался вѣрить, что его можно считать еретикомъ. Однако, уже въ 1377 г. Григорій XI обезпокоился поддержкой, которую оказывалъ Виклефъ Эдуарду III, заботившемуся въ то время о сокращеніи папскихъ доходовъ, и приказалъ возбудить преслѣдованіе противъ него, какъ противъ еретика. Но, въ силу политическаго положенія страны, всѣ усилія привести въ исполненіе эти распоряженія не имѣли успѣха. Виклефъ не былъ даже ни разу отлученъ отъ Церкви и умеръ спокойно въ своемъ Лёттервортѣ, 31 декабря 1384 г. Римъ не предпринималъ никакихъ новыхъ дѣйствій, пока не возникъ вопросъ о ереси Виклефа въ Прагѣ. Въ 1409 г. папа Александръ V приказалъ архіепископу Збинку запретить распространеніе заблужденій и чтеніе книгъ Виклефа; но, тѣмъ не менѣе, когда въ 1410 г. Іоаннъ XXIII передалъ еретическія сочиненія на разсмотрѣніе комиссіи изъ четырехъ кардиналовъ, а послѣдніе пригласили для этого цѣлое собраніе богослововъ, то большинство высказалось, что архіепископъ Збинекъ, сжегши эти книги, не достигъ ничего. Формальное и рѣшительное осужденіе было произнесено только въ 1413 г. на Римскомъ соборѣ, а затѣмъ на Констанцскомъ соборѣ 1415 г. Виклефъ былъ объявленъ ересіархомъ, было приказано вырыть его останки, и заблужденія его были заклеймены авторитетомъ вселенской Церкви. Гусъ до конца могъ вѣрить въ подлинность ложныхъ граматъ, принесенныхъ въ 1403 г. изъ Праги, въ которыхъ оксфордскій университетъ объявлялъ Виклефа прекраснымъ католикомъ; онъ могъ также вполнѣ чистосердечно утверждать, что книги Виклефа постоянно читали и изучали въ странѣ [1]).

Бракъ Анны Люксембургской, сестры Венцеслава чешскаго, съ Ричардомъ II въ 1382 г. вызвалъ тѣсныя сношенія между двумя королевствами, длившіяся до 1394 г., когда умерла королева англійская. Многіе чехи посѣтили Англію во время умственнаго движенія, вызваннаго спорами Виклефа, и его сочиненія были занесены въ Прагу, гдѣ они нашли хорошій пріемъ. Гусъ говоритъ, что ихъ начали читать въ пражскомъ университетѣ уже съ 1390 г. и съ этого времени продолжали изучать. До этого времени никто изъ чеховъ не пошелъ такъ далеко, какъ смѣлый англичанинъ; однако, многіе слѣдовали по тому же пути, не говоря уже о тѣхъ, кто тайно исповѣдывалъ вальденскую ересь, а также и о массѣ нѣмецкаго населенія, возмущеннаго продажностью духовныхъ мѣстъ и торговлею индульгенціями, которая запятнала послѣдніе дни Бонифація IX. Движеніе, которое съ половины столѣтія шло, все усиливаясь, получило новый толчокъ, когда стали читаться и распространяться въ безчисленныхъ спискахъ сочиненія Виклефа. Съ жадностью разыскивались всѣ писанія англійскаго ересіарха: въ одной рукописи Вѣнской Библіотеки перечислены девяносто его сочиненій, извѣстныхъ въ Чехіи, и остатки многотомныхъ трудовъ Виклефа, большая часть которыхъ была въ Англіи уничтожена, слѣдуетъ искать въ этихъ нѣмецко-славянскихъ земляхъ. Со временемъ Виклефа стали почитать какъ пятаго евангелиста и въ Прагѣ хранили, какъ величайшую святыню, кусокъ его надгробнаго памят-

---

[1]) Raynald. ann. 1337, №№ 4—6.—Lechler's «Life of Wickliff,» перев. Lorimer, II, 288—90, 343—7.—Loserth, «Hus und Wiclif,» 101—2, 121.—Palacky, «Documenta Mag. Johannis Hus», 189, 203, 313, 374—6, 426—8, 467.—Harduin. «Concil.» VIII, 203.—Von der Hardt, III, XII, 168; IV, 153, 328.—Joh. Hus, «Replica contra P. Stokes» (Monumenta, I, 108a).—Höfler, «Prager Concilien», 53.

Библиотека "Руниверс"

ЯНЪ ГУСЪ.
(1369—1415).

Библиотека "Руниверс"

ника. Насколько велико было его прямое вліяніе, это видно изъ той точности, съ какой Гусъ воспроизвелъ до мельчайшихъ подробностей ученіе своего учителя [1]).

Янъ изъ Гусинца, болѣе извѣстный подъ именемъ Гуса, бывшій главнымъ представителемъ и первымъ мученикомъ виклефизма въ Чехіи, родился, какъ полагаютъ, въ 1369 г. и, вслѣдствіе бѣдности своихъ родителей, долженъ былъ рано начать зарабатывать на жизнь. Въ 1393 г. онъ получилъ степень баккалавра свободныхъ наукъ, въ 1394 г. баккалавра богословія, въ 1396 г. степень магистра свободныхъ наукъ; но степени доктора онъ не имѣлъ никогда, хотя уже въ 1398 г. онъ былъ лекторомъ университета. Въ 1401 г. онъ былъ сдѣланъ деканомъ богословскаго факультета, а въ 1402 г.—ректоромъ. Интересно, что Гусъ былъ послѣдователемъ философіи реалистовъ и съ успѣхомъ выступалъ противъ номиналистовъ. Его первые шаги не позволяли думать, что изъ него выйдетъ реформаторъ, и въ 1392 г. онъ истратилъ свои послѣдніе четыре гроша на покупку индульгенціи, не оставивъ себѣ ничего на ѣду, кромѣ черствaго хлѣба. Въ 1400 г. онъ былъ посвященъ въ священники, а черезъ два года назначенъ проповѣдникомъ въ Виѳлеемской часовнѣ, гдѣ благодаря своему краснорѣчію вскорѣ сдѣлался духовнымъ руководителемъ народа. Немного позднѣе онъ началъ изучать сочиненія Виклефа и сильно почувствовалъ пороки испорченной церкви; а когда въ 1403 г. архіепископъ Збинекъ изъ Гасенбурга назначилъ Гуса проповѣдникомъ на ежегодныхъ синодахъ духовенства, то онъ воспользовался случаемъ, чтобы обратиться къ собравшемуся духовенству съ ужасными упреками по поводу его развратной и дурной жизни, вызывавшей къ нему ненависть и презрѣніе всѣхъ людей. Въ 1407 г. послѣ особенно рѣзкихъ нападокъ духовенство пришло въ ярость и пожаловалось на Гуса архіепископу Збинку, и Гусъ лишился мѣста проповѣдника. Въ это время онъ былъ признаннымъ главою партіи, старавшейся очистить Церковь и вернуть ей древнюю простоту. Около него сгруппировались люди ученые и выдающіеся своимъ благочестіемъ, Стефанъ Палечъ, Станиславъ изъ Цнаима, Янъ изъ Есинтца, Іеронимъ Пражскій и др. Гусъ по своимъ умственнымъ дарованіямъ стоялъ ниже нѣкоторыхъ своихъ сотрудниковъ, но его неустрашимый характеръ, несокрушимая прямота, чистота жизни и мягкость характера вызывали къ нему обожаніе народа, идоломъ котораго вскорѣ онъ сдѣлался [2]).

Споры усиливались, и страсти разгорались. Старая расовая вражда и ненависть между нѣмцами и чехами обостряли религіозный споръ, и нельзя было надѣяться на скорое его окончаніе. Благодаря своимъ порокамъ и гнету духовенство не пользовалось уваженіемъ народа; съ жадностью слушали горячія нападки Виѳлеемскаго проповѣдника, и ученіе Виклефа, подрывавшее всѣ основы іерархической системы, принималось какъ непреложная истина и распространялось среди всѣхъ слоевъ общества. Король Венцеславъ готовъ былъ оказать имъ всякую поддержку, на которую была способна его безпечная и эгоистичная натура. Королева Софія была еще болѣе расположена къ нимъ. Хотя Великій Расколъ, ослабившій вліяніе римской куріи, дѣлалъ менѣе дѣйствительнымъ вмѣшательство Св. Престола, тѣмъ не менѣе, духовенство и его друзья не могли спокойно позво-

---

[1]) Loserth, op. cit., 79, 114, 161 и слѣд.—Mittheilungen des Vereines für Gesch. der Deutschen in Böhmen, 1886 г., стр. 395 и слѣд.—Joh. Hus, «Monument.» I, 25a, 108a.—Nider, «Formicar.» lib. III, c. 9, fol. 50a.—Von der Hardt, IV, 328.—Gobelin. «Personae Cosmodrom.» Aetat. VI, c. 86—7 (Meibom. «Rer. German.» I, 310—21).

[2]) Loserth, op. cit., 13, 75—8, 98—100.—Joh. Hus, «Monument.» II, 25—52.

Даже Энеа Сильвіа («Hist. Bohem.», c. 35) говоритъ о Гусѣ какъ о человѣкѣ, извѣстномъ чистотою своего поведенія. Іезуитъ Бальбинъ говоритъ, что строгое поведеніе его, выдержанность и его любовь ко всѣмъ, даже къ самымъ послѣднимъ гражданамъ, снискали ему всеобщее расположеніе. Никто не вѣрилъ, чтобы такой святой человѣкъ могъ обмануть другого или самъ обмануться, такъ что память этого еретика почиталась въ Прагѣ какъ память блаженнаго (Bohuslai Balbini «Epit. Rer. Bohem.» lib. V, 431).

Библиотека "Руниверс"

лить лишить себя привилегій и богатствъ. Проповѣдниковъ, обличавшихъ пороки духовенства, заключили въ тюрьму какъ еретиковъ и изгнали. Противъ сочиненій Виклефа было поднято ожесточенное преслѣдованіе, натолкнувшееся на отчаянное сопротивленіе. Слабой стороной этихъ сочиненій съ богословской точки зрѣнія была замѣна пресуществленія сосуществованіемъ. Хотя Гусъ и его ученики и не приняли этого ученія, но все же оно, до извѣстной степени, оставалось слабымъ мѣстомъ, гдѣ легко было произвести нападеніе. Синодъ 1405 г. самымъ рѣшительнымъ образомъ подтвердилъ ученіе о пресуществленіи; всякій, несогласный съ этимъ, былъ объявленъ еретикомъ, и на него приказано было доносить архіепископу, чтобы онъ наказалъ его. Въ 1406 г. это было снова подтверждено въ еще болѣе угрожающей формѣ, откуда мы въ правѣ заключить, что теоріи Виклефа имѣли упорныхъ защитниковъ; это засвидѣтельствовано также и небольшимъ трудомъ Ѳомы Штитнаго, написаннымъ въ 1400 г. Уже въ 1403 г. университетъ формально осудилъ двадцать-пять положеній, извлеченныхъ изъ сочиненій Виклефа. По поводу этихъ книгъ возникъ ожесточенный споръ. Въ 1408 г. осужденіе было подтверждено; въ 1410 г. архіепископъ Збинекъ торжественно сжегъ во дворѣ своего дворца двѣсти экземпляровъ запрещенныхъ книгъ; тогда народъ сложилъ грубые стихи, которые громко распѣвались на улицахъ и въ которыхъ говорилось, что архіепископъ сжегъ книги, которыхъ не могъ прочитать. И, дѣйствительно, невѣжество его было поразительно: говорятъ, онъ началъ учиться азбукѣ уже послѣ посвященія [1]).

Въ борьбѣ, возникшей между папами соперниками, король Венцеславъ нашелъ болѣе благоразумнымъ остаться нейтральнымъ; въ 1408 г. онъ склонилъ университетъ послать депутацію кардиналамъ, которые отказали въ повиновеніи какъ Бенедикту XIII, такъ и Григорію XII. Среди депутатовъ находились Стефанъ Палечъ и Станиславъ Цнаимскій, но въ Болоньѣ депутація въ полномъ ея составѣ попала въ руки папскаго легата Вальтасара Косса (впослѣдствіи папы Іоанна XXIII), который всѣхъ депутатовъ заключилъ въ тюрьму, какъ подозрѣваемыхъ въ ереси, и только съ большимъ трудомъ удалось добиться ихъ освобожденія. Это непріятное приключеніе охладило рвеніе Стефана и Станислава; они мало-по-малу измѣнили свое мнѣніе и изъ самыхъ горячихъ друзей Гуса сдѣлались, какъ мы увидимъ ниже, его самыми опасными и неумолимыми врагами [2]).

Въ этомъ дѣлѣ университетъ не пошелъ на встрѣчу желаніямъ короля съ тою готовностью, которую ожидалъ послѣдній. Гусъ воспользовался недовольствомъ Венцеслава, чтобы вызвать революцію въ университетѣ, который до этого времени болѣе всѣхъ мѣшалъ его проектамъ реформы. Университетъ, какъ обыкновенно, былъ раздѣленъ на четыре національности, изъ которыхъ каждая имѣла голосъ, и, такимъ образомъ, голоса иностранцевъ всегда подавляли голосъ чеховъ. Было рѣшено поэтому ввести порядокъ парижскаго университета, гдѣ французы располагали тремя голосами, а всѣ иностранцы вмѣстѣ—однимъ. Нерѣшительность Венцеслава затянула рѣшеніе, и король подписалъ указъ только въ январѣ 1409 г. Тогда профессора и студенты-нѣмцы клятвенно постановили или добиться отмѣны этого указа, или покинуть университетъ; всѣ ихъ протесты не привели ни къ чему, и они, покинувъ Прагу, основали свой университетъ въ Лейпцигѣ и распространили по всей Европѣ слухъ, что Чехія—гнѣздо еретиковъ. Плотина была прорвана, волна виклефизма безпрепятственно затопила всю страну. Тщетно Александръ V и

[1]) Palacky, «Documenta», стр. 3, 56.—Berger, «Johannes Hus und König Sigmund», 5.—Loserth, op. cit., 82, 98—100, 103—5, 111—12, 270.—Höfler, «Prager Concilien», 43—46, 51—53, 57, 60, 61—2.—Hist. Persecut. Eccles. Bohem., 29.

Виклефъ всегда оставался самымъ крупнымъ авторитетомъ для гуситовъ. Еще спустя полстолѣтія обратились именно къ нему, чтобы разрѣшить споръ, бывшій между двумя гуситскими партіями. См. отвѣтъ Петра Хельчицкаго Рокицанѣ у Голля (Goll), «Quellen und Untersuchungen zur Geschichte der Böhmischen Brüder», II, 83—4.

[2]) Loserth, op. cit., 105—6.—Palacky, «Documenta», 345—6, 363—4.

Библиотека "Руниверс"

Іоаннъ XXIII приказывалъ Збинку уничтожить ересь; тщетно воинственный прелатъ созывалъ собранія и издавалъ грозные указы. Волна поднималась, унося все съ дороги. Збинекъ, въ концѣ концовъ, отказался въ 1411 г. отъ своей неблагодарной каѳедры и отправился съ жалобой къ брату короля Венцеслава Сигизмунду, только-что избранному императоромъ, но умеръ въ дорогѣ [1]).

Эта смерть устранила послѣднее препятствіе. Новый архіепископъ Альбикъ изъ Уничова, бывшій до этого врачомъ Венцеслава, былъ слабъ и старъ и больше думалъ о деньгахъ, чѣмъ о защитѣ вѣры. Онъ, говорятъ, всегда носилъ при себѣ ключъ отъ погреба, держалъ только одну несчастную старую кухарку и обыкновенно продавалъ получаемые подарки. Совершенно неспособный бороться съ трудными условіями времени, онъ въ 1413 г. отказался отъ своихъ обязанностей. Его преемникъ Конрадъ изъ Вехты послѣ нѣкотораго колебанія связалъ свою судьбу съ судьбою сторонниковъ Гуса. Но во время этихъ волненій въ Прагѣ основалась, повидимому, папская Инквизиція, и, странное дѣло, она въ гуситскомъ движеніи не замѣтила ничего такого, что требовало бы ея вмѣшательства; однако, она была въ состояніи дѣйствовать противъ вальденцевъ и другихъ признанныхъ еретиковъ. Когда въ 1408 г. король Венцеславъ приказалъ архіепископу Збинку произвести тщательный розыскъ ереси, то священникъ церкви Св. Духа въ Прагѣ, Николай изъ Виллемоница, извѣстный подъ именемъ Авраама, былъ судимъ какъ еретикъ инквизиторами Морицемъ и Ярославомъ и заключенъ въ тюрьму за то, что утверждалъ, что онъ можетъ съ разрѣшенія Христа проповѣдывать безъ разрѣшенія епископа. Гусъ вступился за узника, но освобожденіе его было отложено, такъ какъ онъ отказался на евангеліи подтвердить клятву, данную имъ передъ Богомъ.

Однимъ изъ обвиненій, выставленныхъ противъ Гуса въ Констанцѣ, было проявленіе имъ расположенія къ вальденцамъ и другимъ еретикамъ. Однако, предпринимая свое роковое путешествіе въ Констанцъ, Гусъ получилъ отъ папскаго инквизитора, епископа Назаретскаго Николая, оффиціальное удостовѣреніе, скрѣпленное нотаріусомъ; въ этомъ удостовѣреніи говорилось, что инквизиторъ знаетъ Гуса уже давно и очень коротко, что никогда не слыхалъ отъ него ни одного еретическаго слова, и что никто никогда не доносилъ Инквизиціи на него какъ на еретика. Но между ученіемъ Гуса и вальденцевъ было очень много общаго, такъ что Гусъ не могъ не чувствовать нѣкоторой симпатіи къ этимъ еретикамъ. Во время нравственной анархіи этого смутнаго времени вліяніе вальденцевъ должно было сильно возрасти, и еретики должны были сдѣлаться настолько смѣлыми, чтобы показываться открыто [2]).

Такимъ образомъ, все складывалось къ тому, чтобы ускорить революцію. Гусъ, который до этого времени обыкновенно ограничивался нападками на мѣстное духовенство, началъ направлять свои удары противъ папства; богатый матеріалъ давали ему для этого сочиненія Виклефа, которыми онъ широко пользовался. Кромѣ того, онъ пустилъ въ оборотъ ученіе Виклефа при помощи странствующихъ священниковъ, и эта мѣра дала поразительные результаты, такъ какъ чехи любили слушать проповѣди, и уже съ 1371 г. раздаются частыя жалобы на то, что, благодаря небрежности духовенства, проповѣдывали лица, не имѣвшія на то разрѣшенія; а многократность повторенія запрещеній проповѣдывать свидѣтельствуетъ о ихъ недѣйствительности. Готовность, съ которой народъ стремился къ духовному поученію, могла бы съ успѣхомъ быть использована Церковью; но она оставляла все дѣло въ рукахъ агитаторовъ. Народъ толпами сбѣгался слушать проповѣдниковъ, не обращая вниманія на отлученія отъ Церкви; масса населенія—какъ знатные,

[1]) Loserth, op. cit., 106—10, 123—4.—Palacky, «Documenta», 181, 347, 530—562.—Höfler, «Prager Concilien», 64—79.- Raynald. ann. 1409, № 89.

[2]) Aeneae Sylvii «Hist. Bohem.», c. 35.—Loserth, op. cit., 137.—Palacky, «Documenta», 184—5, 342—3.—Palacky, «Beziehungen», 19—20.—Joh. Hus, «Monumenta», I, 2—3.

Библиотека "Руниверс"

такъ и крестьяне—съ жадностью принимала новое ученіе, и всѣ были готовы пожертвовать жизнью, защищая эти идеи [1]).

Быстрыми шагами шли къ открытому разрыву съ Римомъ. Въ 1410 г., на другой день своего избранія, Іоаннъ XXIII передалъ кардиналу Отто Колонна жалобы, поступавшія въ Римъ на Гуса, и 20 сентября Колонна потребовалъ личной явки Гуса. Гусъ послалъ уполномоченныхъ подать папѣ жалобу на это рѣшеніе кардинала; но ихъ заключили въ тюрьму и обошлись съ ними строго; и, когда въ февралѣ 1411 г. Колонна отлучилъ Гуса отъ Церкви, жалоба его не была еще разсмотрѣна. 15 марта отлученіе было объявлено во всѣхъ пражскихъ церквахъ, за исключеніемъ двухъ. Такъ какъ народъ принялъ сторону Гуса, то весь городъ былъ преданъ интердикту, на который никто не обращалъ вниманія, и Гусъ продолжалъ проповѣдывать. Во время этого полнаго опасности положенія новый поводъ вызвалъ вспышку. Враждебное отношеніе Виклефа къ папству въ свое время было вызвано крестовымъ походомъ, который, по приказанію Урбана VI, проповѣдывалъ противъ Франціи норвичскій епископъ, чтобы наказать ее за оказанную ею поддержку его сопернику Клименту VII; позднѣе Лютеръ выступилъ также тогда, когда нуждающійся въ деньгахъ Левъ X началъ продавать индульгенціи черезъ Тецеля. Подобное же событіе вызвало энергичную оппозицію со стороны чеховъ: около конца 1411 г. Іоаннъ XXIII объявилъ крестовый походъ, оплачиваемый индульгенціями, противъ Владислава Неапольскаго, поддерживавшаго притязанія Григорія XII. Стефанъ Палечъ, еще остававшійся другомъ Гуса, былъ въ это время деканомъ богословскаго факультета. Ознакомившись съ Болонской тюрьмой, онъ не рѣшился идти противъ Іоанна XXIII и объявилъ, что никакая власть не можетъ мѣшать распространенію индульгенцій. Болѣе смѣлый Гусъ выступилъ противъ Стефана, и этотъ споръ превратилъ ихъ дружбу во вражду, имѣвшую печальные результаты. 16 іюня 1412 г. Гусъ началъ споръ, въ которомъ онъ смѣло и краснорѣчиво нападалъ на «власть вязать», бывшую основой всей системы папства. Отпущеніе грѣховъ, говорилъ онъ, зависитъ отъ нравственнаго состоянія кающагося; такъ какъ многіе папы, раздававшіе индульгенціи, осуждены, то какимъ же образомъ могутъ имѣть у Бога значеніе ихъ индульгенціи? Продавцы индульгенцій—воры, которые ловкимъ обманомъ отбираютъ то, чего не могутъ взять силою; папы и вся воинствующая Церковь такъ часто ошибаются, что на несправедливое отлученіе отъ Церкви, произнесенное папою, не стоитъ обращать никакого вниманія. За этой духовной бесѣдой послѣдовали пасквили и проповѣди, которыя страшно подняли народный энтузіазмъ. Пассаускій деканъ Венцеславъ Тимъ, уполномоченный проповѣдывать крестовый походъ въ Чехіи, отдавалъ индульгенціи на откупъ, дававшимъ больше; и продажа этихъ индульгенцій народу сопровождалась обычными скандалами, еще болѣе увеличивавшими общее негодованіе [2]).

Черезъ нѣсколько дней послѣ бесѣды Гуса толпа, предводительствуемая Вукомъ изъ Вальдштейна, любимцемъ короля Венцеслава, прибила буллы объ индульгенціи къ позорному столбу, который затѣмъ торжественно сожгли. Очень распространенная легенда приписываетъ видную роль въ этомъ дѣлѣ Іерониму Пражскому; говорятъ, что буллы были привязаны вокругъ шеи публичной женщины, которая, сидя на колесницѣ, возбуждала толпу неприличными жестами. Этотъ поступокъ остался безнаказаннымъ, и Вукъ продолжалъ пользоваться дружбой короля. Пораженіе папы было полное; настроеніе населенія ясно сказалось 12 іюля, когда въ трехъ разныхъ церквахъ три молодыхъ ремесленника, по имени Янъ, Мартинъ и Станиславъ, прервали проповѣдниковъ, объявлявшихъ объ индульгенціяхъ, и заявили, что

---

[1]) Loserth, op. cit., 120, 123—4.—Höfler, «Prager Concilien», 5, 15, 18, 31, 32, 46, 57.

[2]) Loserth, op. cit., 121—3, 130.—Palacky, «Documenta», 19—21, 191, 233.—Mladenowić,; «Relatio» (Palacky, 319).—Joh. Hus, «Disputatio contra Indulgent.» («Monument.», I, 174—89), Ejusdem «contra Bull. PP. Joannis XXIII» (Ibid. I, 189—91); Ejusdem «Serm. XXII de Remissione Peccatorum» (Ibid. II, 74—5).

Библиотека "Руниверс"

индульгенціи—обманъ. Несмотря на вмѣшательство Гуса, они были арестованы и казнены; много другихъ мятежниковъ было заключено въ тюрьму и подвергнуто пыткѣ. Тогда народъ принялъ угрожающій тонъ; трое молодыхъ людей сдѣлались въ глазахъ его мучениками; вспыхнули безпорядки: надо было выпустить узниковъ на свободу. Немного позднѣе одинъ кармелитскій монахъ разложилъ на столѣ для продажи у входа въ свою церковь различныя святыни и въ томъ числѣ индульгенціи. Одинъ изъ учениковъ Гуса заявилъ, что это обманъ, и ногою опрокинулъ столъ; монахи арестовали его, но вооруженная толпа проникла въ домъ и освободила его не безъ пролитія крови [1]).

Іоаннъ XXIII не могъ не принять вызова. Чешское духовенство послало ему жалобу, въ которой указывало, какимъ притѣсненіямъ подвергаются духовныя лица, и говорило, что многія изъ нихъ убиты. Папа отвѣтилъ тотчасъ же. Онъ предалъ Гуса еще болѣе страшному отлученію отъ Церкви, которое должно было быть объявлено въ Прагѣ во всей своей страшной торжественности; Вифлеемскую часовню надо было срыть; сторонники Гуса были отлучены отъ Церкви; всякій, кто въ тридцатидневный срокъ не отречется отъ ереси, долженъ былъ лично явиться передъ римской куріей. Но, несмотря на все это, Гусъ продолжалъ проповѣдывать; когда же была сдѣлана попытка арестовать его на самой каѳедрѣ, то грозное настроеніе слушателей не допустило этого. Гусъ обратился сначала къ собору, а потомъ къ Богу съ жалобой, въ которой въ рѣзкихъ выраженіяхъ доказывалъ, что вынесенное противъ него рѣшеніе не имѣетъ никакой силы. Въ вышедшемъ вскорѣ послѣ этого трактатѣ De Ecclesia Гусъ рѣзко напалъ на папу въ выраженіяхъ, заимствованныхъ, впрочемъ, у Виклефа. Папа, если онъ не подражаетъ Петру, не папа и не истинный преемникъ Петра; алчный папа является намѣстникомъ Іуды Искаріотскаго. То же можно сказать и о кардиналахъ; если они не входятъ дверями Христа, то они простые разбойники и воры. Но духовенство обыкновенно съ радостью повинуется буллѣ объ отлученіи: присутствіе Гуса въ стѣнахъ Праги вызвало прекращеніе всѣхъ духовныхъ службъ и требъ; богослуженіе не отправлялось, новорожденные оставались безъ крещенія, мертвые—безъ погребенія. По просьбѣ короля Гусъ покинулъ тогда Прагу и удалился въ Козій-Городокъ, откуда онъ руководилъ своими сторонниками въ городѣ; здѣсь онъ написалъ много обличительныхъ сочиненій, въ томъ числѣ трактатъ De Ecclesia, который былъ публично прочитанъ въ Вифлеемской часовнѣ 8 іюня 1413 г. [2]).

Тщетно старался король Венцеславъ прекратить безпорядки, во время которыхъ страсти дѣлались все болѣе и болѣе дикими, особенно благодаря племенной ненависти нѣмцевъ и чеховъ. Первая половина 1413 г. прошла въ длинномъ рядѣ споровъ, бесѣдъ, памфлетовъ, которые только возбуждали страсти сторонъ, и успокоеніе казалось болѣе далекимъ, чѣмъ когда-либо прежде. Дѣйствительно, трудно было на чемъ-либо остановиться, трудно было привести ссорящихся къ компромиссу. Уже болѣе не было рѣчи объ исправленіи нравовъ духовенства; относительно этого всѣ были согласны и признавали эту мѣру безполезной. Споръ привелъ къ вопросу о причинахъ испорченности духовенства, которыя, какъ ясно видѣли это Виклефъ, Гусъ и ихъ ученики, были неразрывно связаны съ основными принципами, на которыхъ покоилось все зданіе римской Церкви. Или «власть ключей» была непреложной истиной, отъ которой зависѣло спасеніе человѣческаго рода, или это былъ ловкій и дерзкій обманъ, удовлетворявшій честолюбіе и алчность. Діалектическая тонкость не могла примирить эти два крайнихъ мнѣнія; и доводы только укрѣпляли каждую изъ двухъ сторонъ въ справедливости ея убѣжденія. Одно изъ двухъ

[1]) Loserth, op. cit., 131.—Palacky, «Documenta», 640.—De Schweinitz, «Hist. of the Unitas Fratrum.», 41—2.—Stephani Cartus. «Antihussus», c. 5 (Pez, «Thesaur. Anecd.» IV, II 380, 382).

[2]) Höfler, «Prager Concilien», 73, 110.—Loserth., op. cit., 132—5.—Joh. Hus, «Monument.». I, 17; Ejusdem «de Ecclesia», c. 14 («Monument.» I, 223 Ср. Wicklif «de Ecclesia» c. 18, ap. Loserth, op. cit., 188).—Palacky, «Documenta», 458, 464—66.

Библиотека "Руниверс"

должно было, въ концѣ концовъ, восторжествовать, и только одна сила могла бы разрѣшить споръ.

Венцеславу, наконецъ, прискучило это, и онъ рѣшилъ прекратить все это изгнаніемъ вождей «консервативной» партіи, Стефана Пальча, Станислава и Петра Цнаимскихъ и Яна Илію. Станиславъ отправился въ Моравію, гдѣ вскорѣ, выказавъ себя чрезвычайно плодовитымъ писателемъ-контроверсистомъ, и умеръ, готовясь ѣхать на Констанцскій соборъ. Стефанъ пережилъ его и отомстилъ какъ за себя, такъ и за него [1]).

Гусъ и его единомышленники были хозяевами въ странѣ; хотя ересіархъ и не возвращался въ Прагу, гдѣ онъ былъ до своего отъѣзда въ Констанцъ только одинъ разъ incognito, тѣмъ не менѣе, онъ не преувеличивалъ, когда, обращаясь къ своимъ обвинителямъ, сказалъ на соборѣ: «Я явился сюда по своей доброй волѣ. Если бы я отказался явиться, то ни король, ни императоръ не могли бы заставить меня: такъ много знатныхъ чеховъ, которые любятъ меня и которые поддержали бы меня». Когда же кардиналъ Петръ д'Айльи воскликнулъ съ негодованіемъ: «Посмотрите, до чего безстыденъ этотъ человѣкъ!»—и по всему собранію прошелъ ропотъ, то спокойно всталъ Янъ Хлумскій и объявилъ: «Гусъ сказалъ правду; хотя я и слабъ сравнительно съ другими вельможами Чехіи, но я легко защитилъ бы Гуса въ теченіе цѣлаго года противъ обоихъ могущественныхъ монарховъ. Судите же поэтому, что могутъ сдѣлать тѣ, силы которыхъ больше моей, и замки которыхъ крѣпче моего» [2]).

Въ то время, какъ въ Чехіи защитники стараго порядка были, такимъ образомъ, обречены на молчаніе и мягкими мѣрами старались улучшить нравы духовенства, по всему христіанскому міру распространилась новость, что скоро будетъ созванъ столь долго ожидаемый соборъ, и что онъ положитъ конецъ Великому Расколу, произведетъ реформу Церкви и уничтожитъ ересь. Уже много было сдѣлано попытокъ добиться этого, но политика итальянскихъ папъ, заявившая себя въ Пизѣ, до сихъ поръ только отодвигала окончательное рѣшеніе; однако, необходимость въ соборѣ чувствовалась все болѣе и болѣе, и нельзя было медлить. Въ виду соперничества между намѣстниками Христа, причемъ всякій папа осыпалъ проклятіями сторонниковъ другихъ папъ, духовное положеніе вѣрующихъ было самое критическое, и въ разрѣшеніи этого вопроса настоятельно нуждались тѣ, кто вѣрилъ въ проповѣдуемое цѣлое тысячелѣтіе ученіе римской Церкви. Кромѣ того, эта вражда чрезвычайно осложняла задачи европейской политики; нельзя было надѣяться на водвореніе прочнаго мира, пока существовалъ этотъ раздоръ. Особенно это отражалось на Германіи, гдѣ всякій князь или независимый прелатъ выбиралъ себѣ папу, какого хотѣлъ, что вело къ сильнымъ и непримиримымъ ссорамъ. Кромѣ этого крупнаго затрудненія, еще и другое привлекало вниманіе, а именно вопросъ о реформѣ духовенства, злоупотребленія, испорченность, продажность и распущенность котораго давали себя чувствовать всѣмъ, отъ папской куріи до самой скромной хижины. Третьимъ вопросомъ, требовавшимъ разрѣшенія, была борьба противъ ереси, такъ какъ, если Англія собственными силами могла сломить у себя лоллардовъ, то дѣла въ Чехіи принимали грозный характеръ, и императоръ Сигизмундъ, въ качествѣ наслѣдника своего бездѣтнаго брата Венцеслава, былъ живо заинтересованъ въ успокоеніи королевства. Тщетно пытался Іоаннъ XXIII добиться того, чтобы соборъ состоялся въ Италіи, гдѣ для Св. Престола было бы возможно руководить рѣшеніями; народы настаивали, чтобы было избрано такое мѣсто, гдѣ свободное собраніе представителей христіанскаго міра могло бы спокойно засѣдать и работать. Сигизмундъ выбралъ епископскій городъ Констанцъ. Іоаннъ, тѣснимый Владиславомъ Неаполитанскимъ и изгнанный изъ Рима, былъ вынужденъ уступить и 9 декабря 1413 г. издалъ буллу, созывавшую собра-

[1]) Höfler, «Prager «Concilien», 73—100.—Loserth, op. cit., 142—5.—Palacky, «Documenta», 510.—Mladenowić, «Relatio» (Palacky, «Documenta», 246).

[2]) Von der Hardt, IV, 313.

Библиотека "Руниверс"

піе на 1 ноября слѣдующаго года. На соборъ, кромѣ прелатовъ и духовныхъ, должны были явиться также всѣ князья и независимые владѣтели или прислать своихъ уполномоченныхъ. Булла сопровождалась императорскими указами, подписанными Сигизмундомъ, такъ что можно было быть увѣреннымъ, что государство и Церковь объединятся, чтобы добиться желаннаго всѣми результата [1]).

Уже два столѣтія христіанскій міръ не видалъ подобнаго собранія, не видалъ со времени Латеранскаго собора, бывшаго при Иннокентіи III, стоявшемъ тогда на высотѣ своего могущества. Если на новомъ соборѣ не было столько митръ, сколько было на Латеранскомъ, то зато былъ гораздо богаче представленъ корпусъ политическій. Уже тотъ фактъ, что этотъ соборъ былъ созванъ для того, чтобы разсудить соперничавшихъ папъ, показываетъ, что его считали выше намѣстника Петра. Рѣшеніе его должно быть безапелляціонно; вопросы, предложенные его обсужденію, были гораздо серьезнѣе обсуждавшихся нѣкогда на Латеранскомъ соборѣ. Со всѣхъ концовъ Европы Церковь выслала своихъ самыхъ выдающихся и наиболѣе компетентныхъ представителей, каковы, напр., канцлеръ Герсонъ и кардиналъ Петръ д'Айльи, столь жаждавшіе реформъ и столь же возмущавшіеся пороками духовенства, какъ сами Виклефъ и Гусъ. Университеты послали своихъ самыхъ лучшихъ докторовъ богословія и каноническаго права. Князья и разныя владѣтельныя лица явились лично или прислали своихъ представителей; на соборѣ съѣхались люди, принадлежавшіе ко всевозможнымъ классамъ общества, начиная отъ князя и до жонглера. Такое стеченіе произвело сильное впечатлѣніе на всѣхъ современниковъ; число прибывшихъ опредѣляется самыми невѣроятными цифрами. Одинъ хроникеръ говоритъ, что, кромѣ членовъ собора, было шестьдесятъ тысячъ пятьсотъ лицъ, изъ нихъ шестнадцать тысячъ знатныхъ, рыцарей и князей. Тотъ же авторъ сообщаетъ, что прибыло четыреста пятьдесятъ публичныхъ женщинъ; но оффиціальный отчетъ, тщательно провѣренный соборомъ, доводитъ это число до семисотъ; въ народѣ говорили даже о succubi. Такимъ образомъ, здѣсь, ища облегченія золъ, грозившихъ существованію Церкви, соединились сила и слабость, добродѣтели и пороки XV в. Послѣ многочисленныхъ увертокъ Іоаннъ XXIII выполнилъ свое обѣщаніе присутствовать на засѣданіяхъ, разсчитывая, что ему удастся, благодаря деньгамъ, восторжествовать надъ своими противниками и даже надъ самимъ соборомъ [2]).

Гусъ не могъ не явиться въ Констанцъ. И для Сигизмунда, и для Венцеслава было чрезвычайно важно, чтобы какое-либо окончательное рѣшеніе положило конецъ борьбѣ, разрывавшей чешскую Церковь. Реформаторы всегда выражали желаніе предст авить свои требованія на судъ общаго собора. Самъ Гусъ взывалъ къ такому собору, когда папа отлучилъ его отъ Церкви. Не поѣхать теперь значило отказаться отъ дѣла всей своей жизни, признаться, что не смѣешь выступить противъ собравшихся представителей благочестія и учености Церкви, самому признаться еретикомъ. Цѣлая армія чешскихъ духовныхъ лицъ, его противниковъ, которыхъ воспламенили его горячія нападки, и которые благодаря вызванному имъ движенію потеряли свои бенефиціи, не преминутъ очернить его и представятъ его идеи въ ложномъ свѣтѣ, и если онъ самъ не будетъ защищать своего дѣла, то все будетъ потеряно. Его враги давно уже насмѣхались надъ нимъ, говоря, что онъ не смѣетъ явиться на вызовъ Св. Престола; они считали богохульствомъ

---

[1]) Leonardi Aretini «Comment.» (Muratori «S. R. I.» XIX, 927—8).—Harduin. VIII, 231.—Theod. a Niem, «Vita Joann. XXIII», lib. II, c. 37 (Von der Hardt, II, 384).—Palacky, «Documenta», 512—18.

О смятеніи, произведенномъ въ Германіи Расколомъ, см. Haupt, «Zeitschrift für Kirchengeschichte», 1883 г., стр. 356—8.

[2]) Joh. Fistenport. «Chron.» ann. 1415 (Hahn. «Coll. Monum.» I, 401).—Dacherii «Hist. Mag natum» (Von der Hardt, V, II, 50). — Theod. a Niem, «Vita Joan. XXIII», lib. I, c. 40 (Ibid. II 388).—Nider, «Formicar.» lib. V, c. IX.

Библиотека "Руниверс"

его обращеніе къ Христу по поводу папскаго отлученія отъ Церкви. Не рѣшившись представить свое дѣло на рѣшеніе собора, Гусъ далъ бы своимъ противникамъ огромное преимущество. Кромѣ того, какъ это ни невѣроятно, Гусъ, оспаривая значеніе тяготѣвшаго надъ нимъ отлученія, считалъ себя вполнѣ согласнымъ съ Церковью и воображалъ, что соборъ благосклонно отнесется къ его взглядамъ; онъ надѣялся, что нѣкоторыя рѣчи, которыя онъ разсчитывалъ произнести передъ собравшимися прелатами, склонятъ ихъ на сторону выработанныхъ имъ реформъ. Въ простотѣ своей души онъ не могъ думать, что люди, которые такъ же горячо, какъ и онъ, выступали противъ злоупотребленій и испорченности, но которые не осмѣлились напасть на источникъ всѣхъ этихъ золъ, отступятъ въ испугѣ передъ его смѣлыми уклоненіями отъ ученія Церкви и посмотрятъ на него какъ на еретика, которому по законамъ Инквизиціи предстоитъ выборъ между отреченіемъ и костромъ [1]).

Поэтому, когда Гусу сообщили, что императоръ и король желаютъ видѣть его въ Констанцѣ и обѣщаютъ ему охранный листъ и всякія гарантіи безопасности, онъ охотно согласился явиться. Въ своей поспѣшности увидѣть открытіе собора онъ даже не дождался обѣщаннаго охраннаго листа, который онъ получилъ уже по пріѣздѣ въ Констанцъ. Но опасности, которымъ онъ подвергалъ себя, нѣсколько безпокоили его друзей. Іеронимъ Пражскій во время процесса заявилъ, что онъ убѣждалъ Гуса явиться на соборъ, а Гусъ въ одномъ изъ писемъ, писанныхъ въ тюрьмѣ, упоминаетъ о предупрежденіяхъ, полученныхъ имъ въ свое время. Онъ самъ, повидимому, не былъ вполнѣ увѣренъ въ безопасности. Въ запечатанномъ письмѣ, которое онъ оставилъ своему ученику, магистру Мартину, и которое надлежало вскрыть только по полученіи извѣстія о его смерти, говорится, что онъ подвергся преслѣдованію изъ-за желанія обуздать распущенность нравовъ лицъ духовнаго званія, и что онъ предполагаетъ, что эти преслѣдованія будутъ доведены до крайности. Онъ заранѣе распредѣляетъ свое скудное имущество: сѣрую одежду, бѣлую одежду и шестьдесятъ грошей, составлявшихъ все его богатство; онъ выражаетъ сожалѣніе о потраченномъ даромъ времени до посвященія, когда онъ любилъ играть въ шахматы. Ничего не можетъ быть болѣе трогательнаго, чѣмъ эта простота, чистота и сердечная доброта, о которыхъ свидѣтельствуютъ эти немногія слова, выражающія послѣднюю волю Гуса. Въ написанномъ на народномъ языкѣ письмѣ, адресованномъ къ его ученикамъ, Гусъ выражаетъ также опасеніе, чтобы его враги не постарались на соборѣ погубить его при помощи ложныхъ свидѣтелей. Онъ проситъ своихъ друзей молить Бога дать ему краснорѣчіе, чтобы отстаивать истину, и твердость, чтобы до конца выдержать испытанія. Однако, онъ принялъ нѣкоторыя мѣры предосторожности. Онъ не только взялъ, какъ мы уже видѣли, удостовѣреніе отъ Назаретскаго епископа, инквизитора Николая, но велѣлъ также расклеить по всей Прагѣ составленное на латинскомъ и чешскомъ языкахъ извѣщеніе, что онъ готовъ явиться передъ архіепископомъ, который тогда предсѣдательствовалъ на собраніи чешскаго духовенства; онъ приглашалъ всѣхъ противниковъ своего вѣроученія явиться и выступить противъ него съ обвиненіемъ или предъ прелатомъ, или предъ Констанцскимъ соборомъ, и заявлялъ, что онъ готовъ подвергнуться наказанію за ересь, если будетъ признанъ виновнымъ, съ условіемъ, что обвинители, если не докажутъ своихъ обвиненій, подвергнутся наказанію talio. Когда на другой день его довѣренный, Янъ изъ Есенца, явился къ дверямъ собранія, его не впустили подъ предлогомъ, что въ это время обсуждались

[1]) Stephani Cartus. «Dial. Volatilis», c. 11, 14, 21 (Pez, «Thesaur. Anecd. IV, II, 465, 473, 492).—Три рѣчи, приготовленныя Гусомъ на этотъ случай, были изданы въ собраніи его сочиненій («Monumenta», I, 44—56). Въ первой доказывается, что закона Христа достаточно для управленія Церковью; вторая представляетъ полное изложеніе его ученія; третья посвящена міру; Гусъ видитъ въ ней причину расколовъ и безпорядковъ въ гордости, алчности и порокахъ духовенства.

Библиотека "Руниверс"

національные вопросы, и предложили явиться въ другой разъ. Однако, на собраніи вельможъ Гусъ былъ принятъ архіепископомъ. Послѣдній, бывшій также папскимъ легатомъ, заявилъ, что онъ не знаетъ за Гусомъ ничего такого, что набрасывало бы тѣнь на его вѣрность католичеству, если не считать того, что надъ нимъ всегда тяготѣло отлученіе отъ Церкви. Нотаріально засвидѣтельствованная копія этого акта была передана Гусомъ Сигизмунду; въ то же время онъ далъ знать королю, что, имѣя при себѣ императорскую охранную грамату, онъ готовъ отправиться въ Констанцъ, чтобы публично защищать свою вѣру, за которую, если понадобится, онъ не задумается пожертвовать жизнью [1]).

Гусъ выѣхалъ 11 октября 1414 г. подъ охраной Яна Хлумскаго, Вацлава Дубы и Генриха Лаценбока; это были три его друга, назначенные Сигизмундомъ сопровождать его. Поѣздъ состоялъ изъ двухъ повозокъ и болѣе тридцати лошадей. Впереди него на день пути ѣхалъ Любецкій епископъ, всюду объявлявшій, что везутъ въ Констанцъ Яна Гуса, закованнаго въ цѣпи, и просилъ населеніе не смотрѣть на узника, такъ какъ онъ умѣетъ читать мысли людей. Имя Гуса уже было извѣстно по всей Германіи, и это предупрежденіе сдѣлало только то, что народъ толпами собирался посмотрѣть на слѣдовавшаго ересіарха. Пріемъ, который Гусъ повсюду встрѣчалъ, только укрѣпилъ его въ его роковыхъ заблужденіяхъ. Повсюду, писалъ онъ своимъ друзьямъ, его встрѣчали какъ важнаго гостя, а не какъ отлученнаго; ни одно мѣсто, гдѣ онъ останавливался, не подвергалось интердикту; по дорогѣ онъ вступалъ въ споры съ магистратами и духовенствомъ. Во всѣхъ городахъ онъ прибивалъ къ церковнымъ дверямъ извѣщенія о томъ, что онъ отправляется въ Констанцъ, чтобы защищать свою вѣру, и приглашалъ явиться всѣхъ, желавшихъ опровергнуть его. Прибывъ 19 октября въ Нюрнбергъ, онъ не свернулъ въ сторону, чтобы заѣхать къ императору Сигизмунду и взять у него охранную грамату, а отправился прямо въ Констанцъ, а къ императору поѣхалъ Вацлавъ Дуба, доставившій Гусу подписанную 18 октября грамату уже послѣ его пріѣзда въ Констанцъ [2]).

2 ноября Гусъ прибылъ въ Констанцъ, гдѣ его встрѣтила двѣнадцатитысячная толпа, собравшаяся посмотрѣть опаснаго реформатора. Засѣданія собора еще не начинались. Въ письмѣ, написанномъ 10 ноября однимъ изъ членовъ миссіи, говорится, что не пріѣхалъ еще никто изъ королевскихъ пословъ, и что, хотя Іоаннъ XXIII уже прибылъ со своими кардиналами, ни одинъ представитель папъ-соперниковъ, Григорія XII и Бенедикта XIII, не показывался еще въ городѣ. Вопросъ, какъ поступить съ чешскимъ послѣдователемъ Виклефа, особенно безпокоилъ папу и кардиналовъ. Послѣ непродолжительнаго спора было рѣшено снять съ него отлученіе и разрѣшить ему свободно посѣщать церкви; въ то же время ему предложили не являться на торжественное открытіе собора, опасаясь, чтобы его присутствіе не вызвало безпорядковъ. Съ другой стороны, большое опасеніе вызывала рѣчь, съ которою онъ предполагалъ обратиться къ духовенству. Самъ Гусъ совершенно не сознавалъ серьезности своего положенія. 4 ноября, наканунѣ открытія собора, онъ писалъ своимъ друзьямъ въ Чехію, что ему были сдѣланы нѣкоторыя предложенія съ цѣлью дать всему дѣлу мирный исходъ, но что онъ разсчитываетъ одержать блестящую побѣду въ открытомъ бою. 16-го онъ замѣтилъ, что на папскомъ богослуженіи принимали участіе всѣ, кромѣ него, но онъ объяснилъ это простой небрежностью [3]).

Онъ зналъ, что противники его не сидѣли сложа руки, но онъ не боялся ихъ. Въ Констанцъ прибыли передъ нимъ два его самыхъ ожесточенныхъ врага, Михаилъ Дейчбродъ, прозванный de Causis, и пассаускій деканъ Венцеславъ Тимъ. Черезъ нѣсколько дней

---

[1]) Mladenović, «Relatio» (Palacky, «Documenta», 237).—Von der Hardt, IV, 754.—Joh. Hus, «Monumenta», I, 2—4, 57, 68.—Palacky, «Documenta», 70, 73.

[2]) Richental, «Chronik des Constanzer Concils», 76 (Тюбингенъ, 1882 г.).—Joh. Hus, «Epist., III, VI («Monumenta», I, 57—8).—«Monumenta», I, 4a.

[3]) Richental, «Chronik.», 58. — Joh. Hus, «Epist.», IV, VI, VII («Monumenta», I, 58—9).

Библиотека "Руниверс"

къ нимъ присоединился одинъ изъ самыхъ опасныхъ противниковъ Гуса, Стефанъ Палечъ, привезшій съ собой ловко сдѣланныя выборки изъ наиболѣе крайнихъ сочиненій Гуса. Венцеславъ въ свое время опубликовалъ въ Прагѣ буллу объ индульгенціяхъ за участіе въ крестовомъ походѣ противъ Владислава Неаполитанскаго, и его выгодная торговля погибла благодаря смѣлому реформатору. Михаилъ Дейчбродъ былъ священникомъ церкви св. Адальберта въ Прагѣ; онъ снискалъ довѣріе короля Венцеслава, котораго увѣрилъ въ томъ, что можетъ сдѣлать производительными заброшенныя золотыя копи близъ города Иглавы. Король далъ ему на это предпріятіе крупную сумму денегъ, но онъ, поработавъ нѣсколько дней въ копяхъ, бѣжалъ съ деньгами въ Римъ, гдѣ купилъ себѣ мѣсто прокуратора de causis fidei, откуда и получилъ прозвище de Causis. Въ 1412 г. онъ послалъ въ Римъ обвиненія противъ Гуса, но послѣдній заявилъ, что они ложны. На другой день по пріѣздѣ Гуса въ Констанцъ Михаилъ прибилъ на дверяхъ церквей объявленіе, что онъ будетъ обвинять на соборѣ Гуса, какъ отлученнаго отъ Церкви и подозрѣваемаго въ ереси; но Гусъ легко отнесся къ этимъ угрозамъ и по совѣту своихъ друзей рѣшилъ не обращать на нихъ никакого вниманія до пріѣзда императора, котораго ждали только на Рождество. Между тѣмъ, Гусъ давалъ богатый матеріалъ для дурныхъ о немъ толковъ. Онъ такъ былъ увѣренъ въ своей невинности и безопасности, что не соглашался оставаться въ тѣни. Уже на другой день по пріѣздѣ онъ служилъ обѣдню у себя на дому; на богослуженіе собралась масса народа, и оно послужило поводомъ къ скандалу. Епископъ констанцскій Отто послалъ своего викарія Іоанна Тенгера и своего консисторскаго судью Конрада Гелье сказать Гусу, чтобы онъ прекратилъ богослуженіе, такъ какъ уже давно отлученъ отъ Церкви. Но Гусъ не послушался, заявивъ, что онъ не считаетъ себя отлученнымъ и будетъ служить обѣдни, когда ему вздумается. Несмотря на этотъ отпоръ, епископъ, желая избѣжать безпорядковъ, ограничился тѣмъ, что запретилъ народу присутствовать на богослуженіяхъ Гуса. Черезъ нѣсколько дней Гусъ, взявъ съ собой съѣстныхъ припасовъ, спрятался въ крытой повозкѣ, отправлявшейся на сѣнокосъ. Рыцари, отвѣчавшіе за его жизнь, безуспѣшно повсюду искали его, и тогда Генрихъ Лаценбокъ побѣжалъ къ бургомистру и просилъ произвести розыскъ; весь городъ пришелъ въ страшное волненіе, заперли городскія ворота, конные и пѣшіе были посланы по всѣмъ направленіямъ, и, конечно, дѣло было представлено въ томъ свѣтѣ, будто Гусъ хотѣлъ бѣжать [1]).

Смѣлый чехъ, очевидно, доставлялъ много хлопотъ тѣмъ, кто наблюдалъ за нимъ. Въ глазахъ католиковъ было уже возмутительнымъ фактомъ одно то, что разгуливаетъ на свободѣ священникъ, открыто не обращающій вниманія на отлученіе папы и защищающій уже признанныя заблужденія Виклефа. Кромѣ того, было весьма вѣроятно, что Гусъ выполнитъ свое дерзкое намѣреніе обратиться съ проповѣдью къ духовенству; въ этой рѣчи онъ безжалостно и краснорѣчиво можетъ обрисовать пороки папскаго двора и всего духовенства и доказать на основаніи Св. Писанія, что вся система совершенно не основана на законѣ Христа. Папа и кардиналы, чтобы руководить соборомъ, были бы вынуждены тогда вступить на тернистый путь; между тѣмъ, были не желательны какіе-либо новые поводы къ безпорядку и волненію.

Самымъ вѣрнымъ средствомъ было обезоружить Гуса, предупредить его нападеніе, поступить съ нимъ по существующимъ законамъ, какъ съ еретикомъ и подсудимымъ. Стефанъ Палечъ, Михаилъ de Causis и множество другихъ чешскихъ докторовъ и священниковъ, задѣтыхъ Гусомъ, уже собрали больше обвиненій, чѣмъ было нужно для погибели человѣка. Инквизиціонное судопроизводство, прежде всего, старалось помѣшать обвиняемому бѣжать. Если бы дѣло было изъ тѣхъ, гдѣ можно было бы внести залогъ, то за спиной

[1]) Joh. Hus, «Epist.», V, VI («Monumenta», I, 58).—«Monumenta», I, 4b.—Laur. Byzyn «Diar. Bell. Hussit.» ann. 1414 (Ludewig, «Reliq.» Mss. VI, 124).—Palacky, «Documenta», 170.—Richen. tal, «Chronik.», 76—7.—Mladenović, «Relatio» (Palacky, 247—8).—Naucleri «Chron.» ann. 1414.

Библиотека "Руниверс"

Гуса стояло все чешское королевство, которое внесло бы за него немедленно какой угодно залогъ и безъ сожалѣнія потеряло бы его, а у себя дома, въ безопасности, Гусъ могъ бы смѣяться надъ всѣми заочными рѣшеніями. На основаніи этихъ соображеній кардиналы рѣшили арестовать его, но привели они свой планъ въ исполненіе вѣроломно и изъ-за угла.

28 ноября кардиналы устроили, съ папою во главѣ, засѣданіе и послали къ Гусу аугсбургскаго и тріентскаго епископовъ и констанцскаго бургомистра Генриха Ульмскаго съ вызовомъ явиться передъ ними для защиты своей вѣры. Посланные дружески поздоровались съ Гусомъ, но онъ, равно какъ и Янъ Хлумскій, запротестовалъ, говоря, что этотъ вызовъ является нарушеніемъ охранной граматы, но онъ тотчасъ же согласился отправиться, хотя, какъ заявилъ при этомъ, онъ явился въ Констанцъ для того, чтобы выступить публично передъ соборомъ, а не тайно передъ кардиналами, и добавилъ, что его не могутъ заключить въ тюрьму, такъ какъ у него есть охранная грамата. Янъ Хлумскій и нѣсколько друзей пошли съ нимъ во дворецъ, гдѣ жилъ папа. Когда кардиналы сказали ему, что онъ обвиняется въ распространеніи многихъ еретическихъ ученій, то онъ отвѣтилъ, что скорѣе умретъ, чѣмъ дастъ уличить себя хотя бы въ одной ереси, что онъ смѣло явился въ Констанцъ, готовый отречься, если будетъ признанъ виновнымъ въ заблужденіи. На это кардиналы замѣтили: «Ты ловко отвѣтилъ», и допросъ окончился. Но Іоаннъ XXIII, желавшій изъ политическихъ соображеній поссорить Сигизмунда съ соборомъ, воспользовался этимъ случаемъ и спросилъ Яна Хлумскаго, имѣетъ ли Гусъ охранную грамату отъ императора? «Святой отецъ,—отвѣтилъ Янъ,—вы знаете, что онъ имѣетъ». Папа вторично предложилъ тотъ же вопросъ и вторично получилъ тотъ же отвѣтъ, причемъ никто изъ кардиналовъ не поинтересовался посмотрѣть грамату. По окончаніи утренняго засѣданія Гуса и Яна заключили подъ стражу. Время послѣ полудня прошло въ томительномъ ожиданіи, между тѣмъ какъ у кардиналовъ было опять засѣданіе, на которомъ проявили большую дѣятельность Стефанъ Палечъ и Михаилъ de Causis. Однообразіе ареста было нарушено только посѣщеніемъ дѣтски добродушнаго на видъ франциscанца, который вступилъ съ Гусомъ въ бесѣду и просилъ его объяснить ему пресуществленіе; получивъ нужный отвѣтъ, монахъ предложилъ рядъ вопросовъ о соединеніи въ личности Іисуса Христа божеской и человѣческой природы. Гусъ понялъ, что это не простой любопытный, такъ какъ монахъ предлагалъ ему самыя трудныя богословскія проблемы, и отклонился отъ дальнѣйшаго разговора. Когда францискапецъ ушелъ, Гусъ узналъ отъ своихъ сторожей, что это былъ магистръ Дидако, знаменитый ломбардскій богословъ. Съ наступленіемъ ночи Яну Хлумскому разрѣшили выйти, но Гуса оставили подъ арестомъ. Черезъ нѣсколько минутъ явились Стефанъ и Михаилъ и радостно объявили Гусу, что теперь онъ въ ихъ власти и не ускользнетъ изъ ихъ рукъ, пока не расплатится съ ними за старое. Его подъ стражей отвели по приказанію лозанскаго епископа къ старшему пѣвчему собора, а черезъ восемь дней перевели въ доминиканскій монастырь на берегу Рейна. Здѣсь его заперли въ келью рядомъ съ отхожимъ мѣстомъ, гдѣ онъ схватилъ такую сильную лихорадку, что даже не надѣялись на его выздоровленіе. Но его внезапная смерть была бы непріятнымъ событіемъ, и папа послалъ лѣчить его своихъ собственныхъ врачей. Тщетно друзья Гуса въ Прагѣ получили отъ архіепископа Конрада удостовѣреніе, свидѣтельствовавшее, что прелатъ никогда не видѣлъ, чтобы Гусъ хоть въ чемъ-нибудь уклонялся отъ католической вѣры. Участь реформатора была уже предрѣшена [1]).

---

[1]) Richental, «Chronik», 77.—Joh. Hus, «Monumenta», I, 5b.—Von der Hardt, IV, 22, 32, 212.—Mladenowić, «Relatio» (Palacky, «Documenta», 246—52).

Особая строгость этого заключенія рядомъ съ отхожимъ мѣстомъ была вполнѣ умышленной. Когда въ 1317 г. Іоаннъ XXII отдалъ нѣкоторыхъ францискапцевъ спиритуаловъ подъ охрану ихъ собратьевъ, то монахъ Франциск Санчо велѣлъ ихъ заключить въ тюрьму рядомъ съ отхожимъ мѣстомъ (in quodam carcere juxta latrinas). — Historia Tribulationum («Archiv für Litteratur- und Kirchengeschichte», 1886 г., стр. 146).

Библиотека "Руниверс"

Первою мыслью Яна Хлумскаго, когда онъ вышелъ на свободу, было немедленно отправиться къ папѣ и выяснить ему дѣло. Когда охранная грамата была получена въ Констанцѣ, то Янъ Хлумскій тотчасъ же предъявилъ ее папѣ, и Іоаннъ XXIII, прочтя ее, говорятъ, сказалъ, что если бы Гусъ убилъ его собственнаго брата, то и тогда ему нечего было бы бояться, пока онъ будетъ въ Констанцѣ, насколько дѣло зависитъ лично отъ него, папы. Послѣ ареста Гуса онъ отклонилъ отъ себя всякую отвѣтственность и свалилъ вину на кардиналовъ [1]). Вопросъ объ охранной граматѣ и о нарушеніи даваемой ею гарантіи освѣщаетъ отношеніе Церкви къ еретикамъ, и поэтому мы остановимся на этомъ эпизодѣ.

Охранная грамата, выданная императоромъ Гусу, была составлена въ обычныхъ выраженіяхъ и не заключала въ себѣ никакихъ особыхъ условій или ограниченій. Она была адресована ко всѣмъ князьямъ и подданнымъ имперіи, какъ къ духовнымъ, такъ и къ свѣтскимъ, ко всѣмъ вельможамъ, магистратамъ и чиновникамъ; въ ней говорилось, что Гусъ находится подъ особымъ покровительствомъ императора и государства, что никто не долженъ ему препятствовать въ пути, остановкахъ и при возвращеніи домой, и что всѣ должны оказывать ему помощь, въ которой онъ можетъ нуждаться. Это не было простымъ viaticum гарантировавшимъ ему покровительство во время его пути изъ Чехіи въ Констанцъ. Что эта грамата имѣла значеніе охранной на все время дѣятельности собора и на обратный путь въ Чехію, это, во-первыхъ, видно изъ того, что она была подписана 18 октября, когда Гусъ уже выѣхалъ изъ Праги, а, во-вторыхъ, изъ того, что она была получена Гусомъ уже по пріѣздѣ въ Констанцъ. Заключеніе Гуса въ тюрьму было тотчасъ же признано грубымъ насиліемъ императорскихъ гарантій, какъ это видно изъ протестовъ, расклеенныхъ стараніями Яна Хлумскаго на церковныхъ дверяхъ 15 декабря, когда, повидимому, были получены какія-то извѣстія отъ Сигизмунда, и затѣмъ 24 декабря, наканунѣ его пріѣзда въ Констанцъ. Въ протестѣ говорилось, что Гусъ прибылъ съ охраннымъ листомъ отъ императора для того, чтобы публично возражать всѣмъ, кто сталъ бы сомнѣваться въ его правовѣріи, что въ отсутствіе Сигизмунда, который никогда не допустилъ бы ареста вопреки охранному листу, Гусъ былъ заключенъ въ тюрьму, что императорскіе послы тщетно требовали освобожденія Гуса, но что, когда Сигизмундъ пріѣдетъ, то онъ дастъ всѣмъ почувствовать свое негодованіе по поводу этого нарушенія данныхъ имъ гарантій [2]).

Мысль, что охранная грамата была простымъ паспортомъ и умышленно была составлена такъ, чтобы не могла защищать Гуса, является новымъ открытіемъ, которое не сдѣлало бы чести современной геніальности, если бы его можно было предъявить Констанцскому собору, на которомъ этотъ вопросъ горячо обсуждался. Что подобное утвержденіе ошибочно, ясно изъ того, что тогда оно никому не пришло даже въ голову; а его нельзя было бы опровергнуть, если бы его выставили 13 мая 1415 г., когда присутствовавшіе на соборѣ чехи подали докладную записку о томъ, что поступокъ съ Гусомъ является нарушеніемъ охранной граматы; но соборъ въ своемъ отвѣтѣ не думалъ ссылаться на это. Услуги, оказанныя Сигизмундомъ въ ссорѣ съ Іоанномъ XXIII, были такъ еще свѣжи и такъ цѣнны, что святые отцы нанесли бы оскорбленіе своему союзнику, заявивъ открыто, что они съ полнымъ правомъ отнеслись съ презрѣніемъ къ покровительству, высказанному имъ еретику. И поэтому они прибѣгли ко лжи: хотя всякій въ Констанцѣ зналъ во время ареста о существованіи охранной граматы, тѣмъ не менѣе, они утверждали какъ фактъ, засвидѣтельствованный достойными довѣрія свидѣтелями, что этотъ документъ былъ врученъ Гусу только черезъ двѣ недѣли послѣ его ареста, и, такимъ образомъ, поднятое противъ него дѣло нисколько не нарушало данныхъ ему гарантій. Этотъ доводъ, ложность

---

[1]) Von der Hardt, IV, 11—12, 22.—Mladenowić, «Relatio» (Palacky, 251).

[2]) Palacky, «Documenta», 238.—Von der Hardt, IV, 12, 28.—Richental, «Chronik», 76.—Joh. Hus, «Epist.», LVII («Monumenta», I, 75).—Mladenowić. «Relatio» (Palacky, 253).

Библиотека "Руниверс"

котораго была засвидѣтельствована самимъ Сигизмундомъ на засѣданіи 7 іюня, былъ равносиленъ признанію, что гарантіи были даны, но были незаконно нарушены. Уже этого одного достаточно, чтобы ниспровергнуть всѣ писанія современныхъ защитниковъ [1]).

Въ самомъ началѣ Сигизмундъ вполнѣ оправдалъ довѣріе, которое питали къ нему Гусъ и Янъ Хлумскій; отнюдь не думая отрицать, что своими граматами онъ имѣлъ въ виду защитить Гуса отъ всякаго преслѣдованія, онъ открыто заявилъ, что незаконно нарушена выданная имъ охранная грамата и, узнавъ объ арестѣ Гуса, немедленно приказалъ выпустить его на свободу, грозя въ случаѣ неповиновенія выломать двери тюрьмы. Когда онъ прибылъ на Рождество въ Констанцъ, то его негодованіе не знало предѣловъ и вызвало сильное волненіе въ городѣ. Онъ заявилъ, что покинетъ Констанцъ и, дѣйствительно, сдѣлалъ видъ, что уѣзжаетъ; онъ грозилъ даже лишить соборъ своего покровительства, но кардиналы дали ему понять, что они сами откажутся, если онъ не уступитъ. Весь христіанскій міръ возлагалъ на этотъ соборъ такія большія надежды, что Сигизмундъ не могъ

---

[1]) Von der Hardt, IV, 189, 209.

Собраніе охранныхъ граматъ, сдѣланное съ большимъ тщаніемъ Бергеромъ, и сравненіе ихъ съ документомъ, даннымъ Гусу («Johann Hus und König Sigmund», 180—208), показываетъ только талантъ автора. Гусъ отправлялся въ Констанцъ, какъ отлученный отъ Церкви, чтобы защитить себя и доказать свое католичество. Сигизмундъ, зная это, далъ ему охранную грамату безъ всякаго ограниченія и условія. Единственными современными документами, съ которыми можно бы сравнить этотъ актъ, являются охранныя граматы, выданныя соборомъ и Сигизмундомъ Іоанну XXIII, когда они 2 мая 1415 г. вызвали его на соборъ, и охранную грамату, данную 17 апрѣля соборомъ Іерониму Пражскому. Въ каждомъ изъ этихъ документовъ была ограничивающая его оговорка; въ первомъ: «justitia tamen semper salva»; во второмъ: «in quantum idem dominus rex tenetur sibi dare de jure et servare alios salvos conductus sibi datos»; въ третьемъ: «quantum in nobis est et fides exegit orthodoxa» (Von der Hardt, IV, 119, 143, 145). Какъ бы ни было остроумно доказательство, оно не можетъ разрушить значенія этихъ фактовъ. Намекъ, сдѣланный охранной граматой Сигизмунда на другія граматы, данныя имъ папѣ, указываетъ на тѣ граматы, которыя Іоаннъ просилъ у короля и у города Констанца раньше, чѣмъ рѣшиться предпринять путешествіе (Raynald. ann. 1413, №№ 22—3). Соборъ отвергъ эти гарантіи съ такимъ же цинизмомъ, какъ и охранныя граматы Гуса.

Сигизмундъ не имѣлъ, какъ мы увидимъ ниже, никакого права выдавать охранную грамату еретику; вслѣдствіе этого Бергеръ утверждаетъ, что Сигизмундъ не могъ дать Гусу охранной граматы безъ всякихъ ограниченій (Berger, op. cit., 92—3, 109); но аргументъ этого историка не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ онъ и самъ знаетъ (стр. 85), что Сигизмундъ всегда готовъ брать обязательства, которыхъ, какъ онъ зналъ заранѣе, сдержать онъ не могъ. Негодованіе Сигизмунда показываетъ, что ему были не извѣстны тонкости каноническаго права; но если бы онъ даже зналъ ихъ, то можно бы объяснить выдачу Гусу охранной граматы, какъ это совершенно вѣрно отмѣтилъ Бергеръ (стр. 100—1), тѣмъ обстоятельствомъ, что удостовѣреніе въ вѣрности католичеству, полученное Гусомъ въ августѣ, было предъявлено имъ королю (Palacky, «Documenta», 70). Сигизмундъ могъ даже чистосердечно думать, что его обязательство не должно было доставить ему непріятности. Для него крайне важно было, чтобы Гусъ примирился съ Церковью; человѣкъ, подобный ему, не могъ представить себѣ, что щепетильная совѣсть Гуса должна была, въ концѣ концовъ, сдѣлать неизбѣжной его мученическую смерть.

Гефеле («Conciliengeschichte», VII, 224), слѣдуя Палацкому, говоритъ, что въ запискѣ, посланной 2 сентября 1415 г. чешскими магнатами собору, нѣтъ никакого упрека по поводу нарушенія охранной граматы, и отсюда онъ заключаетъ, что магнаты допускали, что эта охранная грамата не могла защитить Гуса отъ суда за ересь. Но это совершенно не такъ: они умышленно заявляютъ, что Гусъ не былъ еретикомъ. Если они не упоминаютъ объ охранной граматѣ, то, очевидно, потому, что ссылаются на нѣкоторыя докладныя записки, поданныя ими передъ этимъ Сигизмунду и сожженныя по распоряженію собора («Monumenta», I, 78). Все, что они могли бы сказать по этому вопросу, должно было быть сказано въ первыхъ докладныхъ запискахъ, которыя, по всей вѣроятности, вызвали проектъ декрета 23 сентября 1415 г., карающаго какъ покровителя ереси всякаго, кто будетъ унижать Сигизмунда за то, что онъ допустилъ нарушеніе своей охранной граматы.

Библиотека "Руниверс"

рѣшиться на подобный шагъ. Понятно, онъ не отличался нравственными устоями, и только гордость заставляла его настаивать, и разъ были затронуты его личные интересы, то они легко восторжествовали надъ всякими иными соображеніями. Мы имѣемъ много данныхъ, чтобы судить о его характерѣ, и мы видимъ, что были правы его современники, считая его человѣкомъ, недостойнымъ довѣрія. Во время долгихъ переговоровъ, возникшихъ между Базельскимъ соборомъ и гуситами,—переговоровъ, въ которыхъ онъ принималъ участіе, онъ одинаково былъ готовъ обмануть обѣ стороны; онъ торжественно принялъ разныя обязательства, не думая исполнять ихъ, и обѣ стороны считали его человѣкомъ совершенно безчестнымъ. Несчастный на полѣ брани, вѣчно нуждавшійся въ деньгахъ, онъ всегда былъ готовъ на все, лишь бы на минуту выйти изъ затруднительнаго положенія, и не задумывался нарушить слово, если это было ему выгодно [1]).

И поэтому ему не трудно было въ данномъ случаѣ отказаться отъ своихъ словъ. Дѣло было быстро улажено: уже 1 января 1415 г., когда соборъ оффиціально обратился къ нему съ просьбой не вмѣшиваться въ разсмотрѣніе дѣла Гуса, онъ издалъ указъ, въ которомъ признаетъ за соборомъ полную независимость въ вопросахъ вѣры и заявляетъ, что соборъ имѣетъ полное право преслѣдовать всякаго еретика; мало того, онъ взялся помѣшать приведенію въ исполненіе угрозъ, открыто высказанныхъ нѣкоторыми друзьями Гуса, выразившими намѣреніе защищать его отъ всѣхъ случайностей. Однако, споръ тянулся въ теченіе всего января; изъ Богеміи оказывали столь энергичное давленіе на Сигизмунда, что онъ одно время находился въ нерѣшительности; наконецъ, 8 апрѣля онъ отмѣнилъ всѣ граматы объ охранномъ листѣ. Самъ Гусъ прямо утверждалъ, что онъ былъ измѣннически выданъ, и что Сигизмундъ обѣщалъ ему, что онъ вернется здравымъ и невредимымъ въ Богемію; такъ же думали и друзья ересіарха. Въ февралѣ въ Межеричьѣ состоялось собраніе чешскихъ и моравскихъ вельможъ, пославшихъ Сигизмунду адресъ, въ которомъ въ самой рѣзкой формѣ высказывалось, какое тяжелое впечатлѣніе произвело на всѣхъ пренебрежительное отношеніе къ императорскому слову. Когда въ маѣ бѣгство Іоанна XXIII породило новыя надежды, то въ Брюннѣ и Прагѣ состоялось еще два подобныхъ собранія, которыя еще болѣе энергично обратились къ Сигизмунду. Но все было безполезно. Сигизмундъ принялъ окончательное рѣшеніе: онъ искупилъ свою первоначальную нерѣшительность проявленіемъ особаго рвенія. Когда 7 іюня Гусъ вторично былъ выслушанъ соборомъ, то Сигизмундъ благодарилъ прелатовъ за уваженіе, которое они проявили передъ нимъ, выказавъ такую снисходительность къ виновному; и онъ горячо совѣтовалъ Гусу покориться, «такъ какъ ему нечего больше надѣяться на какую-либо человѣческую помощь». «Мы никогда не будемъ покровительствовать тебѣ въ твоихъ заблужденіяхъ и закоснѣлости,—говорилъ Сигизмундъ Гусу.—Поистинѣ, мы скорѣе собственноручно приготовимъ тебѣ костеръ». На послѣднемъ засѣданіи 6 іюля Гусъ заявилъ слѣдующее: «Я явился на соборъ вполнѣ добровольно. Присутствующій здѣсь императоръ обѣщалъ мнѣ, публично поклявшись честью, что я буду свободенъ отъ всякаго насилія, дабы

---

[1]) Martène, «Thesaur.», II, 1611.—Von der Hardt, II, X, 255; IV, 26.—Palacky, «Documenta», 612.—Berger, «Johann Hus und König Sigmund», 133, 136.—Fistenport. «Chron.» ann. 1419 (Hahn, «Collect. Monument.», I, 404).—Aegid. Carlerii «Lib. de Legationibus» (Monument. Conc. General. Saeculi XV, T. I, 531, 536—7, 595—6, 612—13, 672—3, 680—4, 688—93, 695—7).—Thomae Ebendorferi «Diar.» (Ibid., 767).—Joh. de Turonis «Regestr.» (Ibid., 834—5).

Даже во Франціи упрекали Сигизмунда за то, что онъ выдалъ Гуса послѣ того, какъ далъ ему охранную грамату, и обвиняли короля въ томъ, что онъ пренебрегъ другими подобными же обязательствами (Martène, «Ampl. Coll.», II, 1444—45).—Однако, если бы Сигизмундъ твердо держался своего, то онъ осудилъ бы себя на отлученіе отъ Церкви и подвергся бы тяжелымъ наказаніямъ «за помѣху дѣйствіямъ Инквизиціи»; если бы онъ привелъ въ исполненіе свою угрозу освободить Гуса силою, то онъ въ силу буллы «Ad extirpanda» подлежалъ бы пожизненному изгнанію и лишенію всѣхъ своихъ владѣній (Mag. Bull. Rom. изд. 1742 г. Luxemb. I, 92, 149).

Библиотека "Руниверс"

я могъ засвидѣтельствовать мою невинность и разъяснить мою вѣру всякому, кто подвергнетъ ее сомнѣнію». Говоря это, Гусъ въ упоръ смотрѣлъ на Сигизмунда, который весь при этомъ покраснѣлъ. Недобросовѣстность, проявленная этимъ жалкимъ монархомъ, произвела въ Чехіи неизгладимое впечатлѣніе. Когда въ 1433 г. легаты Базельскаго собора старались свалить на лжесвидѣтелей совершенное въ Констанцѣ преступленіе, то Янъ Рокицана поставилъ ихъ въ большое затрудненіе, спросивъ ихъ, какимъ образомъ соборъ, если онъ былъ руководимъ Св. Духомъ, могъ быть введенъ въ заблужденіе клятвопреступниками? Мало того, Рокицана напомнилъ о нарушеніи охранной граматы и напомнилъ въ такихъ выраженіяхъ, что было ясно, что этотъ безчестный поступокъ не былъ ни забытъ, ни прощенъ. Злопамятство чеховъ выразилось уже въ сентябрѣ 1432 г. Такъ какъ Базельскій соборъ горячо желалъ, чтобы на немъ присутствовали депутаты гуситовъ, то чехи раньше, чѣмъ согласились сдѣлать хоть одинъ шагъ, потребовали себѣ гарантій, доведенныхъ прямо-таки до сумасбродства. Имъ были даны три охранныхъ листа: одинъ отъ Сигизму нда одинъ отъ собора и одинъ отъ города Эгера; но они потребовали охранныя граматы еще отъ города Базеля, отъ маркграфа Бранденбургскаго и отъ баварскихъ герцоговъ, графовъ-палатиновъ, одинъ изъ которыхъ былъ протекторомъ Базельскаго собора. Эти охранныя граматы сильно разнились отъ той, которою въ своей простотѣ удовольствовался Гусъ. Такъ, напр., Фридрихъ Бранденбургскій и Іоаннъ Баварскій обязывались доставить сильные отряды, чтобы сопровождать чеховъ въ Базель, охранять ихъ тамъ и доставить обратно во всякій городъ Чехіи по ихъ указанію. Кромѣ того, князья принимали на себя отвѣтственность за охранныя граматы Сигизмунда и собора. Они соглашались лишиться достоинствъ и земель, которыя должны будутъ перейти къ чехамъ въ случаѣ, если не будетъ наказано какое-либо нарушеніе данныхъ ими обязательствъ. Эти предосторожности были излишни, такъ какъ уполномоченные имѣли за собой страшныя чешскія полчища, готовыя силою оружія заставить сдержать обѣщаніе. Даже послѣ того, какъ Сигизмундъ, примирившійся съ чехами, занялъ тронъ своихъ предковъ, на его обѣщанія и гарантіи смотрѣли какъ на не имѣющія никакого значенія. Въ апрѣлѣ 1437 г. онъ понуждалъ Яна Рокицану отправиться на соборъ; когда же послѣдній выказалъ опасеніе, что съ нимъ можетъ случиться то же, что случилось съ Гусомъ въ Констанцѣ, то императоръ, задѣтый заживое, вскричалъ: «Развѣ ты думаешь, что я допущу какой-либо поступокъ, противный чести? Я далъ охранный листъ, то же сдѣлалъ и соборъ»! — Но Рокицана не обратилъ вниманія на это обращеніе къ чести короля, давно уже потерявшаго всякое довѣріе, и упорно отказался ѣхать [1]).

Споръ, возникшій по поводу нарушенія охраннаго листа, объясняется весьма легко. Въ Германіи, особенно въ Чехіи, не знали Инквизиціи и систематическаго преслѣдованія ереси, такъ что примѣненіе въ дѣлѣ Гуса общепризнанныхъ положеній каноническаго права вызвало негодованіе и явилось неожиданностью. Соборъ не могъ дѣйствовать иначе, чѣмъ онъ дѣйствовалъ. Въ глазахъ наиболѣе добросовѣстныхъ юристовъ собора было прямо ни съ чѣмъ несообразно допустить, чтобы такой извѣстный всему христіанскому міру

[1]) Von der Hardt, IV, 32, 311—13, 329.—Martène, «Thesaur.» II, 1611.—Berger, «Johann Hus und König Sigmund», 138.—Palacky, «Documenta», 541, 543, 546—53.—Joh. Hus, «Epist.» XXXIII, LIV, LIX, LX («Monumenta», I, 68—9, 74—77).—Mladenowić, «Relatio» (Palacky, «Documenta», 314—15).—Narr. Hist. de Condemnatione («Monumenta», II, 346a; Von der Hardt, IV, 393).—Aegid. Carlerii «Lib. de Legat.» (Monument. Concil. Gen. Saeculi XV. Tom. I, 435).—Martène, «Ampl. Coll.» VIII, 174—6, 179—83).—Joh. de Turonis «Regestrum» (Monument. Concil. Gen. Saec. XV. T. I, 830).

Современные писатели оспариваютъ подлинность инцидента, который заставилъ бы покраснѣть за Сигизмунда. Вопросъ этотъ не стоитъ спора; но такъ какъ во всемъ дѣлѣ это единственная подробность, говорящая въ пользу императора, то пожелаемъ, чтобы разсказъ этотъ былъ справедливъ.

Библиотека "Руниверс"

ересіархъ, какъ Гусъ, избѣжалъ заслуженнаго имъ наказанія на томъ пустомъ основаніи, что у него былъ охранный листъ. Въ этомъ пунктѣ лучшіе люди, бывшіе на соборѣ, какъ Герсонъ, Петръ д'Айльи, Забарелла, были такъ же несговорчивы какъ самыя худшія креатуры римской куріи. Уже давно, какъ извѣстно, принципъ инквизиціонной практики установилъ, что еретикъ былъ лишенъ всѣхъ правъ, что съ человѣкомъ, обвиненнымъ въ ереси законнымъ числомъ свидѣтелей, слѣдуетъ поступать какъ съ еретикомъ, пока онъ не оправдается, и никому въ голову не приходило, что это правило не можетъ быть примѣнено въ данномъ случаѣ. Когда Сигизмундъ жаловался на то, что заключеніе Гуса въ тюрьму затрагиваетъ его честь, то канонисты собора тотчасъ же убѣдили его, какъ сообщаетъ одинъ современникъ, что не согласно ни съ какимъ закономъ, чтобы еретикъ пользовался охраннымъ листомъ. Конечно, это было равносильно признанію Гуса уже заранѣе виновнымъ; но мы знаемъ, что это былъ обычный пріемъ инквизиціоннаго процесса. Почти тотъ же доводъ привелъ Сигизмундъ, когда на засѣданіи 7 іюня онъ обратился къ Гусу со слѣдующими словами: «Говорятъ, что мы не можемъ по закону оказывать покровительство еретику или человѣку, подозрѣваемому въ ереси». Когда казнь Гуса вызвала по всей Чехіи страшно сильное негодованіе, и были посланы по этому поводу довольно рѣзкія письма на соборъ, то бывшіе тамъ отцы подтвердили свое право декретомъ отъ 23 сентября 1415 г. Никакой охранный листъ, кѣмъ бы онъ ни былъ выданъ, не могъ нанести ущерба католической вѣрѣ или помѣшать надлежащему трибуналу разбирать, судить и присудить еретика или лицо, подозрѣваемое въ ереси, если бы даже это лицо, полагаясь на охранный листъ, явилось на мѣсто суда, куда оно не посмѣло бы явиться безъ этого. Соборъ такъ полно принялъ это ученіе, что, когда въ 1432 г. Эгерскій конвентъ опредѣлилъ основныя условія переговоровъ между гуситами и Базельскимъ соборомъ, онъ нарочно отмѣтилъ, что ни одинъ канонъ, ни одинъ декреталій не можетъ быть примѣненъ съ цѣлью нарушенія или признанія ничтожными охранныхъ граматъ, выданныхъ чехамъ для явки на соборъ [1]).

[1]) Richental, «Chronik», 78.—Von der Hardt, IV, 313, 521—22.—Chron. Glassberger, ann. 1415.—Martène, «Ampl. Coll.», VIII, 131—33.—Ср. оправдываніе декрета 23 сентября со стороны Ноеля Александра («Hist. Eccles.», Парижъ, 1699 г. T. VIII, 496).

Современные католическіе писатели обыкновенно смотрятъ, какъ на клевету протестантовъ, на утвержденіе, что Церковь считаетъ однимъ изъ пунктовъ своего ученія не сохранять слова, даннаго еретикамъ. См., напр., Ванъ Ранста, регента Антверпенской Коллегіи, въ его «Historia Haereticorum» (4-е изд. Венеція, 1759 г., стр. 263); тотъ же историкъ хитросплетенными доказательствами старается оправдать осужденіе Гуса. Я уже выше говорилъ объ этомъ; я показалъ, что основнымъ принципомъ Церкви было—считать не имѣющими никакого значенія клятвы и обязательства въ отношеніи еретиковъ. Мы видѣли также, какъ папамъ удалось внести въ государственное право Европы правило, по которому подозрѣніе въ ереси, тяготѣвшее надъ сеньоромъ, освобождало вассала отъ присяги на вѣрноподданничество, т.-е. отъ самаго строгаго обязательства, извѣстнаго въ средніе вѣка (Lib. V. Extra VII. XIII, § 3). Разъ ересь могла, такимъ образомъ, разрушать основу, на которой зиждился весь общественный строй, то, несомнѣнно, всѣ обязательства меньшаго значенія также признавались ничтожными. Церковь не давала этому правилу придти въ забвеніе. Когда въ 1327 г. Іоаннъ XXII осудилъ, какъ еретика, Людовика Баварскаго, то онъ не ограничился тѣмъ, что освободилъ его вассаловъ отъ вѣрноподданнической присяги; онъ объявилъ также не имѣющими значенія всѣ договоры и условія, заключенныя съ осужденнымъ (Martène, «Thesaur.», II, 702, 775—6, 791). Равнымъ образомъ, когда въ 1463 г. Пій II нашелъ нужнымъ объявить еретикомъ Юрія Подѣбрада, онъ освободилъ отъ вѣрноподданнической присяги общины Бреславля и Намслявля и отлучилъ отъ Церкви всякаго, кто окажетъ помощь или услугу монарху-еретику (Aen. Sylvii «Epist.», 401); а когда Фридрихъ III просилъ Пія II заставить Бреславль подчиниться Юрію, то папа отвѣтилъ, что ересь, совершенно подобно смерти, уничтожала всѣ обязательства (Martène, «Ampl. Coll.», I, 1598—99). Когда въ 1469 г. Павелъ II, въ свою очередь, призналъ Юрія еретикомъ, то онъ объявилъ, что ни одно обязательство, ни одно обѣщаніе, ни одна присяга, данныя этому еретику, не имѣютъ

Библиотека "Руниверс"

Дѣло Гуса вызвало цѣлый потокъ полныхъ негодованія рѣчей. И, дѣйствительно, это самый замѣчательный инквизиціонный процессъ, записанный исторіей. Въ глазахъ людей, незнакомыхъ съ системой судопроизводства, выработаннаго Св. Трибуналомъ, все дѣло было ужаснымъ, преступнымъ нарушеніемъ судебной справедливости; въ то же время величественная и трогательная фигура жертвы, естественно, вызвала къ себѣ самую горячую симпатію. Въ дѣйствительности же, если соборъ отступилъ отъ обычнаго въ подобныхъ

значенія и считаются недѣйствительными, ибо не слѣдуетъ сохранять вѣрность тому, кто самъ не сохраняетъ ея въ отношеніи Бога. Поэтому, когда Юрій освободилъ Венцеслава фонъ Бибершгейна подъ залогъ въ шесть тысячъ флориновъ, внесенный Іоанномъ и Ульрихомъ фонъ Гацембургъ, то папскій легатъ Рудольфъ, дѣйствуя въ силу этого папскаго объявленія, запретилъ поручителямъ освободить обвиняемаго и внести залогъ (Ludewig, «Reliq. Mss.», VI, 77). Это дѣйствіе легата строго согласовалось съ духовной юриспруденціей той эпохи. «Propterea si aliquis promisisset eis haereticis solvere sub poena vel juramento certo die, non tenetur» (Angeli de Clavasio, «Summa Angelica», s. v. «Haereticus», § 15).

Христіанскій міръ, чтобы оправдать это ученіе, серьезно допускалъ, что, такимъ образомъ, играли двоякимъ значеніемъ слова вѣра. Въ апрѣлѣ 1415 г. Фердинандъ Арагонскій писалъ Сигизмунду и горячо упрекалъ его за замедленіе въ осужденіи Гуса; въ письмѣ этомъ онъ выражалъ надежду, что не будетъ дано никакого значенія охранной граматѣ, «quoniam non est frangere fidem in eo qui Deo fidem frangit».—Andreae Ratisponensis «Chron.» ann. 1414 (Pez. «Thesaur. Anecd.», IV, III, 626.—Palacky, «Documenta», 540).

Всѣ статуты и законы, посредственно или непосредственно мѣшавшіе свободной дѣятельности Инквизиціи, признавались ipso jure не имѣющими значенія, какъ мы уже не разъ видѣли это выше (см. также Farinaccii «de Haeresi Quaest.», 182, № 76). Того, чего не могъ бы сдѣлать Сигизмундъ, стоя во главѣ имперскаго сейма, онъ не могъ тѣмъ болѣе сдѣлать простой охранной граматой: ни одно духовное вѣдомство не имѣло право обращать вниманіе на подобную гарантію.

Если Церковь, когда дѣло шло объ еретикахъ, не признавала обязательствъ, данныхъ мірянами, то она мало также заботилась о своихъ собственныхъ обѣщаніяхъ. Даже въ концѣ XVI вѣка булла Пія V «Multiplices inter» уничтожала всѣ граматы отпущенія грѣховъ и всѣ указы оправданія виновныхъ въ ереси, данные инквизиторами, епископами, папами и даже Тріентскимъ соборомъ; отсюда мы видимъ, какъ произвольно дѣйствовали въ подобномъ случаѣ, и до какой степени подозрѣніе въ ереси лишало человѣка всѣхъ правъ (Lib. V. in Septimo III. X).

Однако, оставляя въ сторонѣ этотъ общій принципъ, можно было бы безъ труда успокоить угрызенія совѣсти Сигизмунда, если бы онъ неожиданно проявилъ ихъ. Организація Церкви въ средніе вѣка такъ полно смѣшивала идеи добра и зла, что обычныя понятія морали были уничтожены. Благодаря неограниченному «праву ключей» папа могъ разрѣшить всякаго человѣка отъ обѣта или стѣсняющаго его обѣщанія, какъ бы ни было оно серьезно по формѣ. Это право примѣнялось первоначально только въ случаѣ клятвы, вырванной насиліемъ (Extra, Lib. II, Tit. XXIV, cap. 8), но, когда надо было, оно могло получать значеніе общаго принципа.—«De papa non est dubium, quin ex causa posset remittere vel relaxare juramentum vel ad tempus vel in perpetuum» (Astesani «Summa de Casibus Conscientiae», P. I, lib. I, tit. XVIII). Этотъ принципъ былъ укрѣпленъ утвержденіемъ, что всякая присяга приносилась подъ условіемъ одобренія ея папою (Ibid.). Такъ, напр., когда отецъ Сигизмунда Карлъ былъ еще маргграфомъ Моравіи, онъ былъ въ 1346 г. освобожденъ отъ стѣснявшей его присяги, принесенной имъ (Werunsky, «Excerpt. ex Registr. Clement. VI», 44). Клятвопреступленіе было прегрѣшеніемъ, которое папы обыкновенно прощали, когда прегрѣшеніе это было совершено въ ихъ пользу (Ludewig, op. cit., VI, 14). При заключеніи договоровъ считали разумной мѣрой предосторожности вносить оговорку, что стороны не будутъ стараться освободиться отъ принятыхъ на себя обязательствъ при помощи папскаго разрѣшенія (Hartzheim, IV, 329; Preger, «Der Kirchenpolitische Kampf unter Ludwig dem Baiern», стр. 59). Въ дѣлѣ Гуса Сигизмундъ допустилъ, что его обѣщаніе было признано ничтожнымъ благодаря ереси обвиняемаго, и что отмѣна его была признана излишней; но если бы онъ захотѣлъ, то онъ безъ труда получилъ бы нужную отмѣну. При наличности подобныхъ фактовъ излишне стараться доказательствами и хитросплетеніями оспаривать предательство, жертвою котораго палъ Гусъ; нельзя также обвинять отцовъ Констанцскаго собора, что они сознательно покривили душой: они лишь приняли и примѣнили тѣ принципы, въ которыхъ были воспитаны.

Библиотека "Руниверс"

дѣлахъ метода, то только тѣмъ, что проявилъ снисходительность въ отношеніи обвиненаго: Гусъ не былъ подвергнутъ пыткѣ, какъ того требовало обычное судопроизводство Инквизиціи. По ходатайству Сигизмунда его трижды вызывали передъ всѣмъ собраніемъ и давали ему возможность публично защищаться. И когда мы видимъ, насколько неизбѣжно было его осужденіе, и какъ легко онъ могъ бы спасти свою жизнь клятвопреступленіемъ, то мы можемъ оцѣнить, насколько безчестна была вся инквизиціонная система, и можемъ составить приблизительное понятіе о томъ, какія безчисленныя бѣдствія причинила она тысячамъ неизвѣстныхъ и забытыхъ жертвъ. Съ этой точки зрѣнія дѣло Гуса заслуживаетъ изученія; если оно не даетъ никакихъ новыхъ подробностей судопроизводства, кромѣ уступокъ въ пользу обвиняемаго, то зато оно представляетъ поучительный примѣръ практическаго примѣненія описаннаго нами въ предшествующихъ главахъ инквизиціоннаго судопроизводства.

Дѣло Гуса было почти съ самаго начала испорчено дѣйствіями его друзей, оставшихся въ Чехіи. По всей вѣроятности, немного спустя послѣ прибытія его въ Констанцъ, Якобеллъ изъ Миса, преемникъ Михаила de Causis въ церкви св. Войтѣха, началъ давать мірянамъ причастіе подъ двумя видами и, такимъ образомъ, опредѣлилъ наиболѣе отличительную и долговременную особенность чешской ереси. Преклоненіе передъ таинствомъ евхаристіи было давно уже въ Чехіи выдающейся чертою набожности. Синодъ 1390 г. обѣщалъ сорокадневную индульгенцію всякому, кто преклонитъ колѣни при возношеніи Даровъ. Всѣ тѣ, кого можно поставить въ ряды преслѣдователей Гуса, выказали себя горячими сторонниками частаго употребленія причастія. Матвѣй изъ Янова утверждалъ, что слѣдуетъ давать мірянамъ причастіе подъ обоими видами; но вопросъ объ этомъ никогда не поднимался въ теченіе смутныхъ лѣтъ, когда Гусъ и его друзья защищали ученіе Виклефа. Эней Сильвіо сообщаетъ, что извѣстный Петръ Дрезденскій, пропитанный вальденскою ересью, покинулъ, какъ и многіе другіе нѣмцы, въ 1409 г. Прагу; но, изгнанный изъ родины за свою ересь, онъ снова вернулся въ Прагу, гдѣ жилъ уроками. Онъ-то и вложилъ Якобеллу мысль вернуться къ древней практикѣ Церкви. Еретики съ радостью приняли это ученіе; и, несмотря на противодѣйствіе короля Венцеслава и архіепископа Конрада, грозившихъ свѣтскими и духовными карами, этотъ обычай вошелъ въ употребленіе въ церквахъ св. Михаила и св. Мартина, въ Вифлеемской часовнѣ и въ другихъ церквахъ. Гусъ скоро узналъ объ этомъ и одобрилъ это ученіе; да онъ и не могъ сдѣлать иначе; онъ написалъ въ защиту этой реформы трактатъ, который, будучи переданъ его ученикамъ, далъ новый толчокъ движенію. Тщетно 15 іюня 1415 г. соборъ осудилъ причащеніе мірянъ подъ видомъ хлѣба и вина; тщетно объявилъ онъ еретиками священниковъ, которые будутъ дѣлать это, и приказалъ предавать ихъ въ руки свѣтской власти; тщетно приказывалъ онъ всѣмъ прелатамъ и инквизиторамъ преслѣдовать какъ еретиковъ всѣхъ тѣхъ, кто будетъ отрицать дѣйствительность причастія подъ однимъ видомъ. Въ теченіе цѣлаго столѣтія утраквисты или каликстины, какъ они сами называли себя, были въ Чехіи руководящей партіей. Соборъ чувствовалъ, что онъ не правъ, и тѣмъ болѣе желалъ уничтожить мятежный духъ, представителемъ котораго былъ Гусъ [1]).

---

[1]) Mandata Synodalia, ann. 1390 (Höfler, «Prager Concilien», 40).—Aen. Sylvii «Historia Bohem.», cap. 35.—Laur. Byzyn. «Diar. Bell. Hussit.» ann. 1414 (Ludewig, «Reliq. Mss.» VI, 125, 128—9).—Von der Hardt, III, 335 и слѣд.; IV, 288—91, 334, 342.—Joh. Hus, «Monumenta», I, 42—44, 62, 72.

Постоянное упорство, съ которымъ Церковь въ XV и XVI вѣкахъ отказывала мірянамъ въ причастіи подъ видомъ вина, рискуя даже нарушить единство христіанскаго міра и вызвать безчисленные безпорядки, является, быть-можетъ, самымъ поразительнымъ примѣромъ ослѣпленія духовенства, приносящаго въ жертву существенное второстепенному. Никто не отрицалъ, что въ первое время Церкви вѣрнымъ давалось причастіе подъ обоими видами, какъ это и продолжалось безъ перерыва въ греческой Церкви. Отказъ мірянамъ въ винѣ при при-

Библиотека "Руниверс"

Мы уже видѣли, что Гусъ былъ арестованъ 28 ноября 1414 г. Михаилъ de Causis, Стефанъ Палечъ и другіе враги реформатора выступили противъ него съ формальнымъ обвиненіемъ. Въ составленномъ отъ имени Михаила доносѣ Гусъ обвинялся въ томъ, что онъ утвер-

---

частіи восходитъ къ обычаю манихеевъ, взятому изъ аналогичнаго обряда маздеевъ (обрядъ Izeshne). Такимъ образомъ, причастіе подъ однимъ видомъ сдѣлалось признакомъ ереси и было поэтому осуждено папой Львомъ Великимъ (Leonis PP. I. «Serm.» XLII, cap. 5) около половины пятаго вѣка. Осужденіе было повторено около конца столѣтія Геласіемъ I, декреталій котораго по этому вопросу безъ всякихъ примѣчаній и прекословій внесенъ Граціаномъ въ «Decretum» (P. II, Dist. II, c. 12), откуда ясно, что уже въ XII в. это было еще принятымъ и безспорнымъ закономъ.

Но въ X и XI столѣтіяхъ, когда вѣра въ пресуществленіе стала догматомъ Церкви, крайнее почитаніе Священныхъ Даровъ, неизбѣжно, сдѣлало необходимымъ желаніе заботиться объ употребленіи ихъ съ крайней осторожностью, и стали весьма сильно опасаться, чтобы съ ними не случилось чего-либо. Противъ священниковъ, которые по небрежности роняли крошки тѣла или каплю крови, были опредѣлены всевозможныя наказанія, которымъ, благодаря лже-декреталіямъ, приписаннымъ древнимъ папамъ, присваивали характеръ ложной древности (Decreti III, II, 27.— Instituta Canon. Praemonstratens. Dist. III, cap. IV ap. Martène, «de antiquis Ecclesiae Ritibus», T. III, append.). Понятно, жидкость гораздо легче могла подвергаться всякимъ случайностямъ и порчѣ, чѣмъ хлѣбъ, входившій въ составъ Святыхъ Даровъ; поэтому священники, совершавшіе таинство, должны были особенно заботиться охранять Дары отъ всякаго оскорбленія святыни, чтобы не навлечь на самихъ себя тяжелой отвѣтственности. Около 1240 г. Леридскій соборъ даетъ много мелкихъ указаній относительно того, какъ поступить при разныхъ, могущихъ произойти, случайностяхъ: если на одежду священника упадетъ капля, то нужно вырѣзать это мѣсто изъ одежды и сохранить его какъ святыню; если капля упадетъ на землю, то священникъ долженъ слизать ее языкомъ и т. д. (Villanueva, «Viage Literario», T. XVI, 305). Одно время приняли очень простой способъ—намачивать облатку въ винѣ и водѣ и, такимъ образомъ, давать причастіе сразу подъ двумя видами, что, конечно, было безопасно и легко; но это нововведеніе было осуждено Церковью, которая, къ сожалѣнію, уничтожила его. При Григоріи VII этому запрещенію авторъ трактата «Micrologus» посвятилъ цѣлую главу («Micrologi» cap. 19). Въ 1095 г. большой Клермонскій соборъ запретилъ причастіе въ такомъ видѣ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда этого требуютъ благоразуміе или необходимость для избѣжанія нежелательныхъ случайностей (Conc. Clermont., ann. 1095, c. 28). Лѣтъ двадцать спустя Паскаль II установилъ правило, допускавшее это смѣшеніе при причащеніи дѣтей или больныхъ, которые не могутъ проглотить хлѣбъ (Paschal. PP. II. Epist. 535). Луденскій соборъ издалъ въ 1175 г. новое запрещеніе (Harduin, VI. II. 1638). Однако, въ одномъ чешскомъ документѣ, относящемся къ концу XII вѣка, приказывается священнику, идущему со Святыми Дарами къ больному, погружать хлѣбъ въ вино, чтобы избѣгнуть случайностей и въ то же время дать причастіе подъ двумя видами (Höfler «Prager Concilien», Einleitung, стр. IX). Когда священникамъ было запрещено дѣлать это, а между тѣмъ почитаніе Святыхъ Даровъ, какъ тѣла и крови Христа, усиливалось, то мало-по-малу, вошло въ обычай давать мірянамъ только хлѣбъ, такъ какъ такое причастіе подъ однимъ видомъ было менѣе подвержено случайностямъ; но священники все-таки продолжали причащать подъ двумя видами. Около 1270 г. Ѳома Аквинскій говоритъ, что въ нѣкоторыхъ церквахъ мірянамъ даютъ причастіе только подъ видомъ хлѣба изъ благоразумнаго опасенія не разлить жидкости: со своимъ обычнымъ діалектическимъ талантомъ онъ даже старается доказать, что въ облаткѣ заключаются уже и тѣло и кровь Христа («Summa», III, LXXX, 12). Благодаря своимъ преимуществамъ это нововведеніе распространилось, но оно было предоставлено на усмотрѣніе каждаго священника. Не было издано ни одного указа объ обязательномъ примѣненіи этого обычая, пока споръ съ чехами не вызвалъ вмѣшательства Констанцскаго собора. Обычай сдѣлался уже всеобщимъ, хотя онъ и не былъ санкціонированъ авторитетомъ закона, какъ это видно изъ привилегіи, спеціально предоставленной около 1345 г. Климентомъ VI герцогу Нормандскому Іоанну, сыну Филиппа Валуа, которому было разрѣшено причастіе подъ двумя видами (Martène, «Ampl. Coll.» I, 1456—7). Когда вопросъ этотъ окончательно обсуждался на Базельскомъ соборѣ, то Іоаннъ изъ Рагузы, ораторъ собора, охотно допускалъ, что обычай гуситовъ вполнѣ согласенъ съ традиціей Церкви, но онъ настаивалъ, что его можно было измѣнить, если этого требовали удобство или какія-либо другія соображенія (Harduin. «Concil.» VIII, 1712, 1740). Кардиналъ св. Петра сказалъ вождю чеховъ, барону Вильгельму Косткѣ, что вина не даютъ дѣтямъ и простымъ людямъ только изъ одной предосторожности, и при этомъ добавилъ: «Если

Библиотека "Руниверс"

ждалъ, что вещество оставалось неизмѣннымъ и послѣ освященія, что Таинство въ рукахъ священниковъ, находившихся въ состояніи смертнаго грѣха, не дѣйствительно, что подобные священники не могутъ вязать и разрѣшать, что Церковь не должна имѣть имущества, а также въ томъ, что съ презрѣніемъ смотрѣлъ на отлученіе, давалъ мірянамъ причастіе

вы попросите меня дать причастіе подъ двумя видами, то я дамъ его, но только не небрежнымъ людямъ» (Petri Zatecensis «Liber Diurnus»; Mon. Concil. Gen. Saec. XV. T. I, 315). Въ окончательномъ рѣшеніи Базельскаго собора, вынесенномъ въ декабрѣ 1437 г., признается, что по этому вопросу не существуетъ точнаго предписанія, но говорится, что причастіе мірянъ подъ однимъ только видомъ—похвальный обычай, что это законъ Церкви, и что его не слѣдуетъ измѣнять безъ особаго разрѣшенія (Concil. Basiliens. Sess. XXX; Harduin. VIII, 1234). Церковь понимала, насколько ея положеніе было слабо; тѣмъ не менѣе, она рѣшила удержать его путемъ произвола и деспотизма, какъ свидѣтельствуетъ это инквизиторъ Капистрано въ 1452 г. Узнавъ, что кардиналъ-легатъ Николай Куза былъ намѣренъ принять въ Ратисбонѣ Рокицану и выслушать его аргументы по этому вопросу, Капистрано ясно изложилъ легату свое мнѣніе: «Оправдывая еретиковъ, мы этимъ самымъ обвиняемъ самихъ себя... Я всегда избѣгалъ вступать въ правильные споры съ чехами, такъ какъ они стараются оправдать свою ересь, ссылаясь на Священное Писаніе и на древніе обряды, и такъ какъ они въ совершенствѣ знаютъ дѣйствительно многочисленные тексты, говорящіе за причастіе подъ двумя видами». Затѣмъ Капистрано сдѣлалъ выдержки легату изъ буллъ, полученныхъ имъ отъ Николая V, въ которыхъ чехи выставлялись схизматиками, еретиками и возставшими противъ римской Церкви; при этомъ онъ коварно добавилъ, что ученикъ не бываетъ выше своего учителя, а слуга — выше господина. Въ заключеніе онъ писалъ, что никогда не видѣлъ въ законѣ, что еретиковъ слѣдуетъ награждать; напротивъ, ихъ слѣдуетъ строго наказывать конфискаціями и другими суровыми карами. (Wadding. ann. 1452, № 12). Такимъ образомъ, дошли до осужденія и уничтоженія, какъ еретиковъ, людей, которые признавали и выполняли духовные обряды, примѣнявшіеся до XIII вѣка. Истинною ересью было непослушаніе Риму.

Причащеніе дѣтей было предметомъ спеціальныхъ обсужденій. Древняя Церковь признавала его (Cypriani «de Lapsis», c. 25); св. Иннокентій I и св. Геласій I заявили, что ребенокъ, разъ онъ окрещенъ, нуждается въ причастіи, чтобы не лишиться вѣчной жизни (Innocentii PP. I «Epist.» XXX, c. 5; Gelasii PP. I «Epist.» VII). Согласно съ этими указаніями древній «Ordo Romanus», восходящій, по всей вѣроятности, къ VII или VIII вѣку, предписываетъ, что послѣ крещенія дѣтей не должно ни кормить, ни давать имъ груди раньше, чѣмъ они не получатъ Святыхъ Даровъ. Посланіе Паскаля II, на которое мы ссылались выше, показываетъ, что этотъ обычай соблюдался еще въ XII вѣкѣ; но тѣ же соображенія, на основаніи которыхъ было отказано мірянамъ въ чашѣ, обусловили отказъ дѣтямъ въ причастіи, такъ какъ дѣти безсознательно могутъ осквернить тѣло и кровь Христа. Въ своемъ энтузіазмѣ передъ таинствомъ евхаристіи чехи, естественно, превозносили обычай давать причастіе дѣтямъ, и упорство въ этомъ вопросѣ вызвало безконечные скучные споры на Базельскомъ соборѣ. Послѣ примиренія въ 1436 г. этотъ вопросъ оставался еще спорнымъ. Какое чувство вызывало въ католическомъ духовенствѣ причащеніе дѣтей, видно изъ одного случая, поразившаго ужасомъ констанцскаго епископа, легата Базельскаго собора въ Прагѣ: 28 апрѣля 1437 г. онъ присутствовалъ при причащеніи Рокицаною многихъ дѣтей; одинъ изъ нихъ уронилъ облатку, Рокицана поднялъ ее и снова положилъ въ ротъ ребенку. Этотъ случай послужилъ, конечно, самымъ убѣдительныхъ аргументомъ противъ причастія дѣтей; выраженія, въ которыхъ было донесено о немъ, показываютъ, какой огромный ужасъ вызвало это поруганіе святыни (Joh. de Turonis «Regestrum»; Monument. Concil. Gen. Saec. XV. T. I, 863). Впрочемъ, почитаніе элементовъ причастія доводило до крайности. На Констанцскомъ соборѣ серьезно было заявлено, что если мірянинъ омочитъ свою бороду каплей освященнаго вина, то нужно сжечь бороду и человѣка (!) (Von der Hardt, III, 369). Герсонъ не доходилъ до подобныхъ крайнихъ нелѣпостей; но онъ не задумался, какъ на разумное основаніе, сослаться на высокую цѣну вина и на то, что оно обращается въ уксусъ (Ibid. 771 и слѣд.). Въ 1391 г. Іоаннъ Малькоу, проповѣдуя противъ духовенства, живущаго въ конкубинатѣ, въ пылу своего краснорѣчія заявилъ, что онъ скорѣе съ благоговѣніемъ положитъ облатку на землю, чѣмъ нарушитъ обѣтъ цѣломудрія. Въ процессѣ, начатомъ противъ него страсбургскимъ инквизиторомъ, эти слова послужили основаніемъ обвиненія его въ еретическомъ взглядѣ на таинство евхаристіи (Haupt, «Zeitschrift für Kirchengeschichte», 1883 г., стр. 366—7).

Въ старину Церковь не проявляла такого крайняго почитанія Святыхъ Даровъ. Въ 646 г. папа Ѳеодоръ, отлучая отъ Церкви бѣжавшаго константинопольскаго патріарха Пирра, смѣ-

Библиотека "Руниверс"

подъ видомъ вина, защищалъ, несмотря на ихъ осужденіе, сорокъ-пять положеній Виклефа, возбуждалъ народъ противъ духовенства до такой степени, что если бы ему разрѣшили вернуться въ Прагу, то возвращеніе его было бы сигналомъ къ преслѣдованію, котораго не видѣли со времени Константина. Кромѣ того, Гуса обвиняли еще и въ другихъ заблужденіяхъ и преступленіяхъ. Всего этого было болѣе чѣмъ достаточно, чтобъ оправдать возбужденіе дѣла по обвиненію въ ереси. Дѣло было начато тотчасъ же, и 1 декабря были назначены лица для веденія допроса; въ сущности, это были инквизиторы; соборъ въ своемъ цѣломъ представлялъ собраніе свѣдущихъ лицъ, которому, какъ извѣстно, надлежало утвердить приговоръ. Одинъ, по крайней мѣрѣ, изъ лицъ, назначенныхъ допрашивать Гуса, а именно—епископъ Читта ди Кастелло Бернардо былъ уже въ курсѣ дѣла, такъ какъ менѣе чѣмъ за годъ передъ этимъ онъ, въ качествѣ папскаго нунція въ Польшѣ, способствовалъ изгнанію Іеронима Пражскаго. Кромѣ уликъ, собранныхъ Михаиломъ de Causis, обвиненіе заключало въ себѣ нѣчто въ родѣ требовательнаго акта противъ Гуса, который былъ врученъ комиссарамъ прокураторами и фискалами собора, и въ которомъ говорилось о безпорядкахъ въ Прагѣ, объ отлученіи Гуса отъ Церкви и о проповѣдываніи имъ ереси Виклефа [1]).

Сначала дѣло повели такъ энергично, что можно было ожидать скораго его окончанія. Лишь только Гусъ оправился отъ своего перваго недомоганія, какъ ему предъявили цѣлыхъ сорокъ-два заблужденія, извлеченныхъ изъ его сочиненій Стефаномъ Пальчемъ. На эти обвиненія онъ отвѣтилъ письменно и seriatim, указавъ искаженія, которыя—говорилъ онъ—извратили смыслъ нѣкоторыхъ мѣстъ, такъ какъ одни положенія приводились, а другія умалчивались. Такъ какъ ему было запрещено чтеніе книгъ, и ему не были даны даже тѣ трактаты, откуда были извлечены обвинительные пункты, то его отвѣты показываютъ удивительную силу его памяти, а также быстроту и ясность мысли. Иногда комиссары сами приходили къ нему въ тюрьму для допроса. Одинъ картезіанскій монахъ писалъ изъ Констанца 19 мая, что наканунѣ онъ присутствовалъ на одномъ изъ допросовъ; по его словамъ, онъ никогда не видалъ виновнаго, который былъ бы такъ смѣлъ и умѣлъ бы такъ ловко искажать истину. Съ другой стороны, до насъ дошло сообщеніе самого Гуса объ одной изъ этихъ бесѣдъ-допросовъ. Съ комиссарами являлись и помогали имъ Михаилъ и Стефанъ. Обвиняемому читали каждый пунктъ обвиненія и спрашивали, таково ли его вѣрованіе; отвѣчая, онъ разъяснялъ, какой смыслъ онъ придавалъ мнѣнію, которое ставили ему въ вину. Затѣмъ его спрашивали, желаетъ ли онъ защищать свое толкованіе; онъ отвѣчалъ отрицательно, говоря, что подчинится рѣшенію собора. Трудно было показать себя болѣе послушнымъ и правовѣрнымъ, и всякое другое судопроизводство не могло бы признать его виновнымъ. Но, какъ мы уже видѣли, ересь была преступленіемъ. Разъ преступленіе это было совершено, хотя бы и по незнанію, недостаточно было вернуться къ ученію Церкви; надо было, чтобы обвиняемый сознался свои заблужденія и

шалъ освященное вино съ чернилами, которыми подписалъ свое постановленіе; въ 869 г. такъ же поступилъ Константинопольскій соборъ при осужденіи Фотія.—Chr. Lupi, «Dissert. de Sexta Synodo», c. V (Opp. III, 25).

Само собой разумѣется, что для того, чтобы внушить вѣрнымъ отвращеніе къ чешскимъ нововведеніямъ, были пущены въ обращеніе самые возмутительные разсказы. Говорили, что сектанты освящали вино въ бутылкахъ и бочкахъ; что у нихъ происходили въ погребахъ тайныя собранія, на которыхъ, упившись виномъ до опьянѣнія, они позволяли себѣ всевозможныя половыя гадости (Laur. Byzyn. «Diar. Bell. Hussit.»; Ludewig, VI, 129—130).

[1]) Palacky, «Documenta», 194—204, 506.—Mladenowić, «Relatio» (Palacky, 252).

Самъ соборъ призналъ инквизиціонный характеръ судопроизводства. Въ приговорѣ, вынесенный по дѣлу Іеронима Пражскаго, онъ включилъ слѣдующую фразу: «Haec sancta synodus Constantiensis in causa inquisitionis haereticae pravitatis per eamdem sanctam synodum mota».—Von der Hardt, IV, 766.

Библиотека "Руниверс"

отрекся бы отъ нихъ; только послѣ этого на него можно было смотрѣть какъ на кающагося и замѣнить ему заслуженную имъ смертную казнь пожизненной тюрьмой. Гусъ былъ осужденъ за ереси, которыхъ онъ не проповѣдывалъ, а не за тѣ, въ которыхъ былъ дѣйствительно виновенъ [1]).

Тысячи несчастныхъ были осуждены на основаніи въ десять разъ меньшихъ свидѣтельскихъ показаній, чѣмъ собранныя противъ Гуса улики. Стефанъ Палечъ, пользовавшійся очень большимъ уваженіемъ, клятвенно утверждалъ передъ комиссарами, что со дня рожденія Христа не было болѣе опасныхъ еретиковъ, чѣмъ Виклефъ и Гусъ; всѣ, бывшіе на проповѣдяхъ послѣдняго, вѣрили въ то, что въ евхаристіи хлѣбъ продолжаетъ оставаться хлѣбомъ. Это показаніе Пальча было подтверждено и дополнено многочисленными другими показаніями. Нашлось много свидѣтелей, подтвердившихъ, что Гусъ вѣрилъ въ сохраненіе хлѣба, въ недѣйствительность таинствъ, совершаемыхъ священниками, находящимися въ смертномъ грѣхѣ, въ безполезность индульгенцій, что онъ видѣлъ въ римской Церкви синагогу сатаны, что онъ разсчитывалъ на окончательную побѣду ереси не путемъ насилія, а путемъ убѣжденія, и что онъ считалъ достойнымъ презрѣнія папское отлученіе отъ Церкви. Гусъ съ негодованіемъ отвергалъ, что онъ раздѣлялъ нѣкоторыя изъ этихъ заблужденій; но его отрицанія были тщетны. Тщетно было также изданіе написаннаго имъ въ тюрьмѣ 5 марта 1415 г. трактата De Sacramento Corporis et Sanguinis, въ которомъ онъ доказывалъ, что во время Таинства совершается полное пресуществленіе, что Богъ производитъ это чудо независимо отъ заслугъ священнослужителя, что тѣло и кровь Христа соединены въ хлѣбѣ и винѣ, и что онъ, Гусъ, проповѣдывалъ это ученіе уже съ 1401 г., т.-е. еще до своего посвященія. Тщетно, незадолго до своей казни, онъ выплылъ свое благочестіе въ гимнѣ:

O quam sanctus panis iste,
Tu es solus, Jesu Christe,
Caro, cibus, sacramentum,
Quo non majus est inventum!

Тщетно на публичномъ засѣданіи 8 іюня онъ горячо отстаивалъ свое ученіе. Свидѣтели подъ присягой показали, что онъ училъ противному. Онъ не имѣлъ права выставить свидѣтелей, которые опровергли бы это, онъ могъ только апеллировать къ Богу и къ своей совѣсти. Судьи признали его еретикомъ, и ему не оставалось ничего иного, какъ покаяться и отречься или отправиться на костеръ [2]).

Какъ мы уже показали выше [3]), для своей защиты онъ могъ прибѣгнуть только къ одному средству — отвести свидѣтелей въ виду смертельной вражды, такъ какъ они, дѣйствительно, питали къ нему такую ненависть, что готовы были, во что бы то ни стало, погубить его. Но и этотъ отводъ былъ бы безполезенъ въ виду тѣхъ заблужденій, которыя комиссары ложно, по его мнѣнію, извлекли изъ его сочиненій. Что касается свидѣтелей, то комиссары сдѣлали Гусу совершенно необычную уступку: когда онъ былъ въ декабрѣ мѣсяцѣ боленъ, то они ввели въ его камеру человѣкъ пятнадцать изъ числа свидѣтелей и, такимъ образомъ, позволили ему присутствовать при дачѣ показаній, сдѣланныхъ подъ присягой. Одни изъ свидѣтелей заявили, говорятъ, что они ничего не знаютъ,

---

[1]) Palacky, «Docum.», 204—24.—Mladenowić, «Relatio» (Palacky, 254).—Martène, «Thesaur.», II, 1635.—Joh. Hus, «Epist.» XLVIII («Monumenta», I, 72).

[2]) Joh. Hus, «Epist.» XXXII («Monumenta», I, 68). — Von der Hardt, IV, 420—28.—Joh. Hus, «Monumenta», I, 39—41.—Mladenowić, «Relatio» (Palacky, 276—8, 302, 318).

Уже въ 1411 г. Гусъ горячо отрицалъ передъ Іоанномъ XXII, что онъ вѣритъ въ неизмѣняемость вещества и въ недѣйствительность Таинства, совершаемаго оскверненными грѣхомъ руками (Palacky, 19; ср. 164—5, 170, 174—85).

[3]) Томъ I, стр. 275.

Библиотека "Руниверс"

другіе же проявили страшную ненависть къ обвиняемому. Гусъ, до извѣстной степени, зналъ имена своихъ обвинителей; относительно другихъ онъ зналъ, что они подписались подъ показаніями, собранными въ Прагѣ для Михаила de Causis и случайно попавшими ему въ руки передъ его отъѣздомъ въ Констанцъ. Но въ окончательномъ рѣшеніи 7 іюня не упомянуто ни одного имени; свидѣтели по каждому пункту обвиненія названы просто: одинъ пражскій каноникъ, одинъ литомышльскій священникъ, одинъ магистръ словесности, одинъ докторъ богословія и т. д. Когда же Гусъ спрашивалъ имя кого-либо изъ нихъ, то ему отказывали сообщить его. Это было вполнѣ согласно съ правилами инквизиціоннаго судопроизводства [1]).

Однако, враждебное отношеніе свидѣтелей обвиненія бросалось въ глаза. На мѣстѣ казни Гусъ заявилъ, что онъ былъ осужденъ на основаніи показаній лжесвидѣтелей за заблужденія, которыхъ никогда не проповѣдывалъ. Чехи, бывшіе въ Констанцѣ, въ запискѣ, поданной собору 31 мая 1415 г., заявили, что показанія противъ Гуса были даны его смертельными врагами. Его друзья одно время думали воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобы лишить свидѣтелей довѣрія; Гусъ просилъ комиссаровъ позволить ему обратиться къ адвокату, который составилъ бы возраженія на ихъ показанія. Сначала комиссары согласились, но потомъ отказали, заявивъ, что противозаконно, чтобы кто-нибудь защищалъ человѣка, подозрѣваемаго въ ереси. Это, какъ мы видѣли, было вполнѣ справедливо съ точки зрѣнія инквизиціоннаго судопроизводства; и если это примѣненіе закона можетъ показаться намъ строгимъ, то не забудемъ, что, съ другой стороны, друзьямъ Гуса была дана необыкновенная свобода дѣйствовать въ его пользу. Докладныя записки, которыя они неоднократно подавали на соборъ, и старанія ихъ передъ Сигизмундомъ были уже такими преступленіями, которыя дѣлали ихъ «соумышленниками», и если бы только захотѣли примѣнить къ нимъ законъ, то ихъ можно было бы тотчасъ же заставить молчать и подвергнуть строгимъ наказаніямъ [2]).

Въ короткое время противъ Гуса было собрано показаній болѣе, чѣмъ было нужно для его осужденія, и если бы костеръ былъ конечной цѣлью преслѣдованія, то казнь можно было бы скоро привести въ исполненіе. Но мы знаемъ, что Инквизиція раскаявшагося еретика предпочитала еретику сожженному, а въ данномъ случаѣ болѣе, чѣмъ въ какомъ-либо извѣстномъ намъ дѣлѣ, важно было добиться сознанія и покорности. Если бы Гусъ призналъ себя ересіархомъ, то онъ потерялъ бы всякое довѣріе, и его ученики, по всей вѣроятности, послѣдовали бы его примѣру, но если онъ станетъ мученикомъ, то никто не могъ предсказать, вызоветъ ли это ожесточеніе или страхъ. Поэтому было примѣнено все, что могло смягчить обычное инквизиціонное судопроизводство, чтобы сломить упорство виновнаго медленностью веденія дѣла и тюремнымъ заключеніемъ, способнымъ отнять всякую надежду. Если бы судьи захотѣли показать свою строгость, то они могли бы прибѣгнуть къ пыткѣ, столь обычной въ подобныхъ случаяхъ; могли бы прибѣгнуть также къ мѣрѣ менѣе грубой, но не менѣе дѣйствительной, а именно—могли бы подвергнуть обвиняемаго голоду; его не подвергли также болѣе медленной, но не менѣе мучительной пыткѣ продолжительнаго заключенія. Сначала, до 24 марта, Гуса держали въ доминиканскомъ монастырѣ, и хотя его просьба о разрѣшеніи свиданій съ друзьями не была удовлетворена, тѣмъ не менѣе, послѣднимъ разрѣшили доставить ему все нужное для письма, и онъ посвятилъ свой вынужденный досугъ сочиненію многочисленныхъ трактатовъ, которые, будучи написаны безъ помощи книгъ, свидѣтельствуютъ о его глубокомъ и прекрасномъ

---

[1]) Mladenowić, «Relatio» (Palacky, 252—3).—Palacky, 73, 174, 318, 560.—Von der Hardt, IV, 308, 420—8.

[2]) Mladenowić, «Relatio» (Palacky, 253, 323).—Von der Hardt, IV, 188, 212, 289.—Joh. Hus, «Epist.» XLIX («Monumenta», I, 73a).

Библиотека "Руниверс"

знаніи Св. Писанія и отцовъ Церкви. Его природная кротость внушала любовь къ нему всѣмъ, кто соприкасался съ нимъ. Онъ съ признательностью вспоминаетъ о расположеніи, которое оказывали ему стража и клерки папской канцеляріи; можно приписывать симпатіи, которую онъ внушалъ къ себѣ, столько же, сколько золоту его друзей тотъ фактъ, что онъ могъ, несмотря на строгое запрещеніе, вести переписку со своими друзьями. Письма передавались тайно, иногда ихъ, несмотря на всю бдительность враговъ Гуса, передавали съ пищей. Михаилъ de Causis ходилъ дозоромъ около дверей его камеры, говоря: «Клянусь Богомъ, мы сожжемъ этого еретика, стоившаго мнѣ такъ много флориновъ». Онъ велѣлъ отослать женъ сторожей, которыхъ онъ подозрѣвалъ въ томъ, что онѣ передавали Гусу посылки. Положеніе измѣнилось, когда ссора между папой и соборомъ дошла до крайней степени. 20 марта Іоаннъ XXIII тайно бѣжалъ изъ Констанца; люди, приставленные сторожить Гуса, отдали ключи Сигизмунду, а сами послѣдовали за своимъ господиномъ. Тогда соборъ передалъ Гуса констанцскому епископу, который ночью перевелъ своего плѣнника, закованнаго въ цѣпи, въ замокъ Готлибенъ, находившійся по ту сторону Рейна въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города. Друзья Гуса просили, чтобы онъ былъ помѣщенъ въ камеру съ болѣе чистымъ воздухомъ; эта просьба была удовлетворена съ излишкомъ, такъ какъ Гуса помѣстили въ камеру подъ крышей высокой башни. Хотя на ногахъ у него были оковы, тѣмъ не менѣе, въ теченіе дня онъ могъ свободно двигаться, но вечеромъ его руки приковывали къ цѣпи, вдѣланной въ стѣну. Бѣжать было немыслимо, и поэтому эта мѣра носила характеръ наказанія.

Гусъ былъ совершенно отрѣзанъ отъ людей и предоставленъ своимъ грустнымъ размышленіямъ. Къ суровому тюремному заключенію прибавилась болѣзнь. Отъ грязной кельи доминиканскаго монастыря до открытой всѣмъ вѣтрамъ вышки въ Готлибенѣ онъ перенесъ всевозможныя физическія испытанія. Каменная болѣзнь, приступовъ которой онъ до этого времени не испытывалъ, прибавилась къ его страданіямъ, которыя отягчались страшной зубной и головной болью. Однажды страшный пароксизмъ лихорадки, сопровождавшійся сильной рвотой, довелъ его до такого упадка силъ, что сторожа, думая, что онъ сейчасъ умретъ, вынесли его изъ камеры. Но, несмотря на это, во всѣхъ письмахъ, написанныхъ имъ изъ тюрьмы, сказывается его удивительное терпѣніе. По отношенію къ врагамъ, которые преслѣдуютъ его до смерти, онъ находитъ только слова прощенія, а страданія, которыя Господь нашелъ нужнымъ наслать на него, Своего слугу, онъ принимаетъ съ слѣпою покорностью Провидѣнію. Онъ горячо благодаритъ вѣрныхъ друзей за ихъ любовь и въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ вспоминаетъ о всѣхъ; онъ преподаетъ имъ уроки любви и осторожно указываетъ имъ путь нравственнаго и духовнаго совершенства. Онъ не проявляетъ ни гордости мученика, ни надежды на загробное вознагражденіе; онъ полонъ благочестивой покорности Провидѣнію, любви и смиренія. Послѣ Христа никто не далъ болѣе высокаго примѣра истинной христіанской добродѣтели. Это былъ одинъ изъ тѣхъ избранниковъ, которые возвеличиваютъ человѣчество; въ то же время это былъ человѣкъ, одержавшій надъ собой нравственную побѣду послѣ долгой внутренней борьбы; иногда онъ укрѣплялъ себя мечтами, воображая, что Богъ не дастъ ему погибнуть, и что онъ будетъ спасенъ, подобно Даніилу, Іонѣ и Сусаннѣ, въ тотъ моментъ, когда исчезнетъ всякая надежда на спасеніе [1]).

Лучъ надежды блеснулъ ему, когда произошелъ разрывъ между папой и соборомъ. Лишь только Гусъ узналъ о бѣгствѣ Іоанна XXIII, онъ просилъ своихъ друзей сейчасъ же

---

[1]) Von der Hardt, IV, 47. — Mladenowić, «Relatio» (Palacky, 255). — Palacky, «Docum.» 511.—Joh. Hus, «Monumenta», I, 7, 29—42.—Ejusd. «Epist.» XI, XXVII, XXX, XXXI, XXXII, XXXVI, XLVII, XLXI, LI, LII (Monumenta», I, 60, 65—9, 72—5).—Laur. Byzyn. «Diar. Bell. Hussit.» (Ludewig, «Relig.» Mss. VI, 128—9).

Библиотека "Руниверс"

отправиться къ Сигизмунду и добиться его освобожденія. Отвѣтомъ на это былъ переводъ Гуса въ замокъ Готлибенъ. Когда папа, какъ плѣнникъ, былъ приведенъ въ тотъ же замокъ Готлибенъ, и соборъ приступилъ къ суду надъ намѣстникомъ Христа, который своей симоніей и расточительностью совершенно уронилъ Церковь, и неописуемые пороки котораго были позоромъ для всего христіанскаго міра, то виклефиты, видя, такимъ образомъ, что всѣ ихъ нападки на папство подтвердились, имѣли полное право надѣяться, что Гусъ скоро выйдетъ изъ тюрьмы. Но Іоаннъ XXIII съ ограниченной мудростью дѣтей міра даже и не пытался защищаться: онъ сознался во всемъ, въ чемъ его обвиняли, покорился собору и, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ тюремнаго заключенія, былъ возведенъ Мартиномъ V на видный постъ декана свящ. коллегіи. Гусъ же съ твердостью дѣтей свѣта отказался дать подъ присягой ложное сознаніе и не могъ избѣжать своей участи [1]).

Соборъ былъ созванъ для того, чтобы произвести реформу Церкви, и онъ добросовѣстно, по своему разумѣнію выполнялъ свою задачу; но ничто такъ не останавливало наиболѣе ревностныхъ отцовъ собора, какъ революціонныя реформы Гуса и Виклефа, мечтавшихъ привести Церковь къ нищетѣ апостольскихъ временъ и отнять у нея всякое свѣтское могущество. Кромѣ заблужденій въ ученіи, подтвержденныхъ многочисленными свидѣтелями, въ сочиненіяхъ Гуса было найдено гораздо больше, чѣмъ нужно было, для того, чтобы признать въ немъ опаснаго врага всей іерархической системы. Онъ написалъ книгу «De Ablatione Bonorum», въ защиту того изъ осужденныхъ сочиненій Виклефа, въ которомъ доказывалось, что свѣтскіе сеньоры имѣютъ право, по своему усмотрѣнію, лишить бенефицій духовныхъ лицъ, виновныхъ въ преступленіяхъ противъ общаго права. Его сочиненіе «De Decimis» защищаетъ другое положеніе, по которому человѣкъ, находящійся въ смертномъ грѣхѣ, не можетъ быть ни свѣтскимъ сеньоромъ, ни прелатомъ, ни епископомъ. Одно изъ свѣтилъ собора, канцлеръ парижскаго университета Герсонъ, передъ своимъ отъѣздомъ изъ Констанца составилъ списокъ двадцати подобныхъ заблужденій, извлеченныхъ изъ сочиненія Гуса «De Ecclesia», и призывалъ пражскаго архіепископа Конрада искоренить ересь виклефитовъ, потребовавъ содѣйствія свѣтской власти. Гусъ выводами, извлеченными имъ изъ виклефитскаго ученія о предназначеніи, разрушалъ самыя основанія всей іерархіи. Среди кардиналовъ собора находился Оттоне Колонна, опубликовавшій папское отлученіе отъ Церкви, на которое Гусъ не обратилъ вниманія; дѣятельное участіе въ начатомъ противъ Гуса куріей дѣлѣ принимали Загарелла и Бранкаціо; всѣ эти лица и много другихъ еще были прекрасно знакомы съ его революціонными идеями. Что сдѣлается съ основанной Григоріемъ VII теократіей, если подобныя ученія будутъ оставаться безнаказанными, и если человѣку, исповѣдывавшему ихъ, будетъ разрѣшено защищать ихъ, и онъ будетъ объявленъ еретикомъ только тогда, когда будетъ разбитъ въ схоластическомъ спорѣ? Допустить подобное дѣло значило подкапываться подъ зданіе духовной іерархіи и предать презрѣнію всѣ каноническіе законы. Въ глазахъ отцовъ собора ничто не могло быть болѣе нелѣпымъ. Кромѣ того, Михаилъ de Causis перехватилъ письмо, написанное Гусомъ изъ тюрьмы, въ которомъ онъ говорилъ о руководителяхъ собора какъ о слугахъ антихриста. Когда комиссары предъявили это письмо Гусу, то онъ призналъ его подлинность. Наконецъ, Гусъ въ теченіе многихъ лѣтъ находился подъ отлученіемъ отъ Церкви по подозрѣнію въ ереси; и все это время онъ продолжалъ совершать богослуженіе и называлъ папу антихристомъ, анаѳемы котораго заслуживаютъ презрѣнія. Уже одно это преступленіе, какъ мы видѣли, дѣлало его безспорнымъ еретикомъ [2]).

---

[1]) Joh. Hus, «Epist.» III («Monumenta», I, 75).—Theod. a Niem, «de Vita Joann. XXIII», lib. III, c. 5.—Raynald. ann. 1419, № 5.

[2]) Joh. Hus, «Monumenta», I, 118, 128. — Joh. Hus, «Epist.» XLIII (Ibid. 71a)—Palacky, «Documenta», 60, 185, 523—8.—Mladenowić, «Relatio» (Palacky, 301).

Библиотека "Руниверс"

Было пустою мечтою надѣяться, будто соборъ потому, что осудилъ Іоанна XXIII, выпуститъ на свободу этого мятежнаго еретика, котораго дѣлали еще болѣе опаснымъ сами его добродѣтели. Было неизбѣжно, чтобы инквизиціонный судъ шелъ своимъ порядкомъ. Даже въ самую критическую минуту дебатовъ, раньше, чѣмъ папу снова привезли въ Констанцъ, процессъ шелъ въ строго послѣдовательномъ порядкѣ. 17 апрѣля были назначены четыре новыхъ комиссара на мѣсто прежнихъ, полномочія которыхъ, данныя папою Іоанномъ, были найдены потерявшими силу. Новой комиссіи было дано право вести дѣло до постановки окончательнаго приговора. Единственнымъ сомнѣніемъ, возникшимъ при этомъ, былъ вопросъ, должно ли осужденіе Виклефа, съ которымъ было неразрывно связано дѣло Гуса, быть произнесено отъ имени папы или собора? Остановились на второмъ; вынесенный 4 мая приговоръ показываетъ, что собраніе ни минуты не задумывалось о предстоящей ему обязанности уничтожить заразъ ересь учителя и ересь ученика. Другимъ яркимъ показателемъ направленій собора было принятіе энергичныхъ мѣръ противъ Іеронима Пражскаго. Усилія друзей Гуса, которыя они прилагали, чтобы ускорить окончаніе процесса, показываютъ, какъ мало понимали они дѣйствительное положеніе вещей, и какія несбыточныя надежды внушилъ имъ разрывъ между соборомъ и папой.

Зная политику постоянныхъ отсрочекъ, которую вела всегда Инквизиція, можно думать, что судьи безконечно предоставляли бы Гуса уединеннымъ размышленіямъ въ надеждѣ, что онъ, въ концѣ концовъ, уступитъ, если бы его друзья не старались всѣми силами добиться его освобожденія. 13 мая они подали докладную записку, въ которой они жаловались на дурное обращеніе съ Гусомъ, заключеннымъ въ оковы, умирающимъ отъ голода и жажды и тщетно ожидающимъ разбора дѣла или осужденія. Они также протестовали противъ пущенныхъ во вредъ обвиняемому слуховъ, подобныхъ тому, что по рукамъ чеховъ ходятъ бутылки съ кровью Іисуса Христа, что чеботари принимаютъ исповѣдь и служатъ обѣдни. 16 мая соборъ отвѣтилъ заявленіемъ, что уже въ 1411 г. Гусъ долженъ былъ выступить передъ Святымъ Престоломъ съ защитой своего ученія и былъ отлученъ отъ Церкви, что съ этого времени онъ проявилъ себя не только еретикомъ, но и ересіархомъ, оставаясь подъ отлученіемъ и проповѣдуя запрещенныя ученія повсюду, даже въ самомъ Констанцѣ. Что касается охранной граматы, то, какъ мы уже видѣли, утверждали, что она была дана послѣ арестованія. Этотъ ловкій отвѣтъ долженъ былъ дать понять чехамъ, что дѣло было предрѣшено заранѣе. Однако, 18 мая друзья Гуса представили новое ходатайство о скорѣйшемъ разсмотрѣніи дѣла. Въ Констанцѣ вообще разсчитывали, что засѣданіе по дѣлу осужденія Гуса будетъ 22 мая; но въ это время вниманіе всѣхъ было поглощено процессомъ Іоанна XXIII, низложеніе котораго, совершившееся 29 мая, было помѣчено 31-мъ. Сигизмундъ готовился къ поѣздкѣ въ іюнѣ мѣсяцѣ въ Испанію, и если желали, чтобы судьба Гуса была рѣшена раньше до отъѣзда императора, то нельзя было медлить. Чехи, повидимому, воображали, что Сигизмундъ найдетъ какую-нибудь уловку, чтобы спасти ихъ вождя. Поэтому 31 мая они представили новую докладную записку, въ которой они повторяли свои жалобы на нарушеніе охранной граматы и просили, чтобы ихъ выслушали публично. Сигизмундъ вмѣшался въ это дѣло и энергично дѣйствовалъ въ пользу ходатайства, которое, въ концѣ концовъ, обѣщали удовлетворить. Друзья Гуса сильно настаивали, чтобы обвиняемому было разрѣшено выйти изъ тюрьмы и чтобы ему дали нѣсколько дней на поправку здоровья послѣ такого ужаснаго заключенія. Соборъ выказалъ готовность удовлетворить эту просьбу. Въ тотъ же день Янъ Хлумскій имѣлъ удовольствіе принести въ Готлибенъ указъ о переводѣ Гуса въ Констанцъ. На другой день 1 іюня спеціально посланная соборомъ депутація предъявила Гусу тридцать пунктовъ, въ которыхъ содержались собранныя противъ него улики. Посланные вернулись и сообщили, что Гусъ покоряется собору, но упорно настаиваетъ,

Библиотека "Руниверс"

чтобы были приняты къ разсмотрѣнію только тѣ пункты, въ которыхъ будетъ доказано, что онъ заблуждался. Наконецъ, Гусъ въ цѣпяхъ былъ приведенъ въ Констанцъ и заключенъ въ тюрьму францисканскаго монастыря [1]).

Обычный порядокъ инквизиціоннаго судопроизводства совершенно не требовалъ этихъ новыхъ переговоровъ съ обвиняемымъ. Предъявленныя къ нему обвиненія въ ереси были уже доказаны, и если бы онъ продолжалъ отвергать ихъ, то оставалось одно—отдать его въ руки свѣтской власти. Совершенно не желали допускать публичный диспутъ, какъ нововведеніе, несогласное съ судебной практикой Инквизиціи; но Сигизмундъ предвидѣлъ лучше, чѣмъ соборъ, что отказъ въ этомъ произведетъ страшное впечатлѣніе на общественное мнѣніе въ Чехіи, гдѣ совершенно не были знакомы съ инквизиціоннымъ судопроизводствомъ и подумали бы, что соборъ изъ боязни передъ Гусомъ осудилъ его, не выслушавъ. На дѣлѣ этотъ диспутъ не могъ нисколько повліять на окончательное рѣшеніе, такъ какъ дѣло было уже рѣшено; но друзья Гуса не могли знать этого: пытались, но безуспѣшно, сыграть на ихъ нетерпѣніи, требуя съ нихъ двѣ тысячи флориновъ на покрытіе издержекъ публичнаго судебнаго засѣданія. Поэтому послѣдовавшій затѣмъ публичный разборъ дѣла былъ совершенно не законченъ и не имѣетъ того значенія, какое обыкновенно ему приписывали, и на немъ мы остановимся кратко [2]).

Соборъ собрался 5 іюня въ францисканскомъ монастырѣ. Сначала предполагали вести дѣло обычнымъ инквизиціоннымъ порядкомъ и разсмотрѣть въ отсутствіи Гуса тѣ пункты обвиненія, которые касались ереси. Но Петръ Младеновичъ увѣдомилъ объ этомъ Яна Хлумскаго и Вацлава Дубу, которые поспѣшили обратиться къ королю; послѣдній немедленно послалъ на соборъ графа-палатина Людовика и бургграфа Нюрнбергскаго Фридриха, поручивъ имъ потребовать, чтобы ничего не дѣлалось въ отсутствіи Гуса, и чтобы сочиненія обвиняемаго были предъявлены судьямъ, чтобы можно было провѣрить слова каждаго. Такимъ образомъ, исполнялось горячее желаніе Гуса выступить лицомъ къ лицу съ своими противниками и публично защищать себя. Передъ нимъ положили книги, изъ которыхъ были извлечены пункты обвиненія, а именно—его трактатъ De Ecclesia и его памфлеты противъ Стефана Пальча и Станислава Цнаймскаго. Онъ призналъ эти сочиненія своими. Его просили отвѣчать только словами да или нѣтъ; когда онъ выразилъ желаніе освѣтить одинъ пунктъ, то это произвело неописуемое замѣшательство; когда же онъ попросилъ, чтобы ему выяснили, въ чемъ состоятъ его заблужденія, то ему предложили прежде всего, строго согласно съ закономъ, отречься отъ ересей. Весь день, равно какъ 7-ое и 8-ое число, прошелъ въ словопреніи. При этомъ присутствовалъ Сигизмундъ. Гусъ храбро защищался и проявилъ удивительную гибкость мысли и замѣчательный навыкъ въ діалектическихъ упражненіяхъ; но ничего не было и сходнаго съ тѣми свободными дебатами, на которые разсчитывалъ Гусъ, покидая Прагу. Несмотря на то, что предсѣдательствовавшій кардиналъ Остіи старался показать себя доброжелательнымъ, собраніе иногда превращалось въ безпорядочную толпу, неистово вопившую: «На костеръ его! На костеръ!» Необходимо было дѣлать постоянные перерывы; на обвиняемаго со всѣхъ сторонъ сыпались вопросы, и отвѣты его часто терялись среди криковъ.

Конечно, все это было насмѣшкой надъ правосудіемъ, но отвѣчало планамъ Сигизмунда; а Церковь показывала такимъ образомъ, что она не боится публичнаго диспута съ ересіархомъ. Къ концу третьяго дня эта безпорядочная борьба до того утомила Гуса, что онъ потерялъ сознаніе. Всю предшествующую ночь онъ не спалъ отъ зубной боли,

---

[1]) Von der Hardt, IV, 100, 118, 136, 153, 189, 209, 212—13, 288—90, 296, 306.—Martène, «Thesaur.» II, 1635.—Harduin, VIII, 280.—Mladenowić, «Relatio» (Palacky, 256—72).

[2]) Joh. Hus, «Epist.» XLIII, XLVII («Monumenta», I, 71, 72). — Von der Hardt, IV, 291, 306—7.

Библиотека "Руниверс"

сопровождавшейся сильной лихорадкой; кромѣ того, шестимѣсячное строгое тюремное заключеніе сильно надломило его здоровье. Дебаты окончились усиленными просьбами кардиналовъ, убѣждавшихъ Гуса отречься, причемъ ему обѣщали снисхожденіе, если онъ попроситъ объ этомъ соборъ. Онъ просилъ, чтобы его выслушали еще разъ, и заявилъ, что онъ покорится, если его доводы и основанія будутъ найдены недѣйствительными. На это кардиналъ Петръ д'Айльи возразилъ, что всѣ доктора единогласно рѣшили потребовать, чтобы Гусъ сознался въ томъ, что совершилъ преступленіе, опубликовавъ положенія, которыя поставлены ему въ вину, чтобы онъ поклялся, что никогда болѣе не будетъ вѣрить въ эти ереси и проповѣдывать ихъ, и чтобы онъ принесъ публичное отреченіе. Гусъ во имя любви къ Богу умолялъ соборъ не принуждать его запятнать свою совѣсть, такъ какъ, говорилъ онъ, отреченіе равнялось бы сознанію въ заблужденіи и въ цѣломъ рядѣ ученій, которыя приписывали ему, но которыхъ онъ никогда не проповѣдывалъ. Сигизмундъ спросилъ его, почему онъ отказывался отречься отъ заблужденій, которыя, по его словамъ, приписаны ему на основаніи лжесвидѣтельскихъ показаній; и Гусъ долженъ былъ разъяснить императору точный смыслъ отреченія. Одинъ изъ членовъ собора нашелъ даже предосудительнымъ, что отъ виновнаго требовали отреченія, такъ какъ онъ не заслуживаетъ ни малѣйшаго довѣрія. Но отказать въ отреченіи было дѣломъ совершенно незаконнымъ; даже еретикъ-рецидивистъ имѣлъ право сознаться и отречься, и соборъ не могъ допустить столь явнаго нарушенія правосудія. При подобной толпѣ ожесточенныхъ преслѣдователей было невозможно сохранить строго законныя формы въ дебатахъ, и поэтому было предъявлено много обвиненій разными лицами отъ себя, что вызвало безпорядочный споръ. Въ концѣ концовъ, Гусъ былъ отпущенъ. Яну Хлумскому удалось горячо пожать ему руку и сказать слово сочувствія, и для еретика, всѣми покинутаго и опозореннаго, это пожатіе руки и это дружеское слово были большимъ утѣшеніемъ, подкрѣпившимъ его въ еще болѣе ужасныхъ бѣдствіяхъ, ожидавшихъ его впереди [1]).

Его упорству и нравственной силѣ предстояло еще выдержать послѣднія испытанія. Обстоятельства были самыя благопріятныя для примѣненія обычнаго пріема Инквизиціи, предпочитавшей покаявшагося мученику. Дѣйствительно, хотя Сигизмундъ и соборъ не понимали смысла рвенія и упорства чеховъ, но наиболѣе разумные изъ судей понимали, что если Гусъ сознается въ ереси и будетъ смиренно умолять забыть его преступленія, то это отреченіе сломитъ энергію его учениковъ. Съ другой стороны, никто не могъ поручиться, что казнь Гуса не вызоветъ страшнаго всеобщаго волненія. Поэтому удвоили усилія, чтобы заставить Гуса отречься. Сигизмундъ во время публичнаго судоговоренія объявилъ Гусу, что ему не будетъ оказано ни малѣйшаго снисхожденія, что его упорное отрицаніе доведетъ его до смертной казни. Но онъ ни слова не сказалъ о томъ, что за льстивыми обѣщаніями снисхожденія въ случаѣ изъявленія покорности скрывался приговоръ, въ которомъ высказывалась радость видѣть виновнаго смиренно просящимъ прощенія, и въ то же время объявлялось, что Гусъ нечестивый мятежникъ, присуждаемый къ лишенію духовнаго сана и къ пожизненному духовному заключенію. Соборъ не могъ дѣйствовать иначе. Мы уже видѣли, что такое наказаніе полагалось по канонамъ раскаявшимся еретикамъ. Но, чтобы по достоинству оцѣнить благородную твердость Гуса, надо помнить, что ему, повидимому, ничего не сказали объ этомъ [2]).

[1]) Joh. Hus, «Monumenta», I, 25b.—Von der Hardt, IV, 307, 311—29.—Joh. Hus. «Epist.» XII, XV, XXXVI («Monumenta», I, 60—62, 69).—Palacky, 275, 308—15.

Чтобы отказать Гусу въ неотъемлемой привилегіи отреченія, основались на ложномъ переводѣ одного мѣста изъ его посланія къ своимъ ученикамъ, написаннаго на чешскомъ языкѣ. Въ этомъ мѣстѣ Гусъ будто бы говорилъ, что онъ, если бы его принудили силою отречься, отрекся бы только устами, а не сердцемъ (Palacky, 274, 311). Въ дѣлѣ перевода соборъ, конечно, былъ въ полномъ распоряженіи чешскихъ враговъ Гуса.

[2]) Von der Hardt, IV, 432—33.

Библиотека "Руниверс"

Болѣе всего мѣшало Гусу отречься то обстоятельство, что ему были приписаны ереси, которыхъ онъ не проповѣдывалъ. На основаніи свидѣтельскихъ показаній судьи признали его виновнымъ въ нихъ, но Гусъ отрицалъ тотъ фактъ, что онъ раздѣлялъ или высказывалъ наиболѣе ужасныя изъ нихъ, какъ, напр., сохраненіе вещества въ освященныхъ Дарахъ или недѣйствительность таинствъ въ рукахъ, замаранныхъ грѣхомъ. Онъ оспаривалъ многія заблужденія, извлеченныя изъ его сочиненій, говоря, что цитаты не полны и искажены. Въ глазахъ закона подобное отрицаніе было открытымъ мятежомъ и только отягчало его вину. Первымъ условіемъ возсоединенія съ Церковью было сознаніе подъ присягой во всѣхъ заблужденіяхъ, а затѣмъ отреченіе отъ нихъ. Это значило самымъ торжественнымъ образомъ совершить клятвопреступленіе передъ Богомъ, а для человѣка такой высокой честности, какъ Гусъ, такое преступленіе было хуже смерти. Было невозможно выйти изъ этой дилеммы: съ одной стороны—законная система, несокрушимая въ дьявольской изобрѣтательности всевозможныхъ тонкостей, съ другой—нравственная прямота Гуса, заставлявшая его, не задумываясь, отвергать всѣ уловки, которыми старались его соблазнить [1]).

Борьба тянулась цѣлый мѣсяцъ. Никогда человѣческая душа не проявляла болѣе мужества, болѣе кроткой и смиренной любви къ Богу. Гусъ попросилъ, чтобы ему прислали духовника, и къ нему прислали Стефана Пальча, его заклятаго врага. Палечъ выслушалъ исповѣдь узника и убѣждалъ его отречься, говоря, что не слѣдуетъ бояться униженія. «Осужденіе и костеръ—возразилъ Гусъ—еще болѣе унизительны; такъ развѣ я боюсь униженія? Но скажи мнѣ, что сдѣлалъ бы ты, если бы былъ убѣжденъ, что тебѣ ложно приписаны извѣстныя заблужденія? Отрекся ли бы ты»? Палечъ залился слезами и могъ только пробормотать: «Это трудно». Онъ обливался еще горючими слезами, когда Гусъ попросилъ у него прощеніе за жестокія слова, вырвавшіяся у него въ пылу борьбы, и особенно за то, что назвалъ его поддѣлывателемъ. Послѣ этого къ Гусу послали второго духовника, который благосклонно выслушалъ его и далъ ему отпущеніе грѣховъ, не потребовавъ отъ него предварительнаго отреченія: это была совершенно противозаконная уступка. Многимъ другимъ еще лицамъ было разрѣшено свиданіе съ Гусомъ въ надеждѣ, что они убѣдятъ его сознаться и отречься отъ своихъ заблужденій. Одинъ ученый докторъ, убѣждая его покориться, сказалъ между прочимъ: «Если бы соборъ сказалъ мнѣ, что у меня только одинъ глазъ, то я согласился бы съ этимъ, хотя бы и зналъ, что ихъ два». Но Гусъ не сдавался на подобные доводы. Одинъ англичанинъ привелъ ему въ примѣръ англійскихъ докторовъ богословія, которые всѣ безъ исключенія отреклись по требованію судей отъ ересей Виклефа. Но когда Гусъ предложилъ присягнуть въ томъ, что онъ никогда не раздѣлялъ и не проповѣдывалъ заблужденій, которыя ему были приписаны, и что онъ никогда не будетъ ни раздѣлять, ни проповѣдывать ихъ, то совѣтчики, сбитые съ толку, удалились [2]).

Но самое страшное усиліе носило характеръ оффиціальнаго давленія. Въ послѣднемъ публичномъ засѣданіи 8 іюня кардиналъ Забарелла обѣщалъ Гусу, что отреченіе будетъ составлено въ строго опредѣленныхъ выраженіяхъ; и, чтобы удовлетворить щепетильность реформатора, онъ сдержалъ свое обѣщаніе, предложивъ ему искусно составленную формулу отреченія. Въ ней говорилось, что Гусъ снова заявляетъ, что онъ никогда не раздѣлялъ многихъ заблужденій, приписанныхъ ему, но что, тѣмъ не менѣе, онъ во всемъ покорится

---

[1]) Гусъ былъ не первый, который мучился отъ законной необходимости сознаться въ преступленіи, отрекшись отъ него. Въ процессѣ англійскихъ тампліеровъ Вильямъ де ла Моръ, наставникъ Англіи, и Гумбертъ Бланъ, наставникъ Аквитаніи, отказались отречься, такъ какъ не хотѣли сознаться въ ересяхъ, которыхъ никогда не раздѣляли. — Wilkins, «Concil.» II, 390, 393.

[2]) Joh. Hus, «Epist.» XXX, XXXI, XXXII («Monumenta», I, 67—8). — Von der Hardt, VI, 342—5.

Библиотека "Руниверс"

рѣшенію и приказаніямъ собора, откажется, отречется и отрѣшится отъ заблужденій, которыя поставлены ему въ вину, и приметъ духовное наказаніе, которое, въ своей добротѣ, соборъ найдетъ нужнымъ наложить на него для его же спасенія. Хотя ловкая формулировка и устраняла затрудненіе, но, тѣмъ не менѣе, Гусъ, не задумываясь, отвергъ предложеніе кардинала. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ, говорилъ онъ, подобное заявленіе будетъ противорѣчить истинѣ, а въ другихъ будетъ настоящимъ клятвопреступленіемъ. Лучше умереть, чѣмъ пасть подъ ударами гнѣва Господня за попытку избѣжать временнаго страданія. Другой отецъ собора, по всей вѣроятности кардиналъ Остіи, обратился къ Гусу съ сладкими и убѣдительными словами, называлъ его «своимъ горячо любимымъ и дорогимъ братомъ» и призывалъ его не довѣряться такъ своему собственному сужденію. Если онъ произнесетъ отреченіе, то не онъ, Гусъ, преступитъ истину, а соборъ; что же касается клятвопреступленія, если допустить, что оно существуетъ, то оно падетъ на голову тѣхъ, кто составилъ отреченіе. Но Гуса нельзя было соблазнить подобными словами. Онъ не могъ успокоить своей совѣсти подобной казуистикой. Онъ смѣло избралъ смерть.

Въ ожиданіи со дня на день страшнаго приговора онъ занялся приведеніемъ въ порядокъ своихъ несложныхъ дѣлъ при помощи нотаріуса Петра Младеновича; услуги нотаріуса должны были быть оплачены изъ тѣхъ шестидесяти грошей, которые составляли все богатство Гуса. Нужно было также уплатить нѣкоторые мелкіе долги. Книги, составлявшія, повидимому, все его имущество, Гусъ приказалъ раздѣлить между своими друзьями. Осужденный посылалъ своимъ многочисленнымъ друзьямъ нѣжные подарки на память, просилъ ихъ энергично сохранять то немногое доброе, что онъ могъ удѣлить имъ, и отбросить все, что они могли бы найти въ немъ достойнаго порицанія. Но не нужно думать, чтобы онъ оставался совершенно нечувствительнымъ; онъ въ трогательныхъ выраженіяхъ описываетъ нравственную борьбу и агонію, которую испытываетъ въ тюрьмѣ, ожидая, что не сегодня-завтра поведутъ его на ужасную смерть; но духъ побѣдилъ плоть. Заботясь сохранить уваженіе своихъ учениковъ, Гусъ доставилъ имъ 18 іюня копію положеній, поставленныхъ ему въ вину, а также отчетъ въ своей защитѣ. Онъ не отрицалъ ни одного положенія, извлеченныхъ изъ его сочиненій, но утверждалъ, что многія изъ нихъ были искажены или невѣрны. Что касается показаній свидѣтелей обвиненія, то онъ заявлялъ, что въ большинствѣ они ложны, и кончалъ слѣдующими патетическими словами: «Мнѣ не остается ничего иного, какъ отказаться, отречься и подчиниться ужасной епитиміи или погибнуть въ огнѣ. Да дадутъ мнѣ Богъ Отецъ, Богъ Сынъ и Богъ Духъ Святый духъ мудрости и мужество удержаться до конца и избѣгнуть сѣтей Сатаны!» [1]).

Въ надеждѣ, что его упорство ослабнетъ, казнь была отложена до тѣхъ поръ, пока близкій отъѣздъ Сигизмунда не сдѣлалъ невозможной всякую дальнѣйшую отсрочку; но до самаго послѣдняго дня дѣлались попытки сломить его волю. 1 іюля депутація прелатовъ пыталась убѣдить Гуса, что онъ долженъ отречься; но онъ протянулъ написанное имъ сознаніе, призывая Бога въ свидѣтели, что онъ никогда не проповѣдывалъ многихъ положеній, въ которыхъ его обвинили; если же въ другихъ и заключалось какое-либо заблужденіе, то онъ отвращается отъ этого заблужденія, но отречься не можетъ ни отъ одного изъ своихъ положеній. Выбитые изъ колеи этимъ неожиданнымъ упорствомъ и горячо желая избѣгнуть катастрофы, преслѣдователи рѣшили сдѣлать послѣднюю никогда еще небывалую уступку. 5 іюля Забарелла и Петръ д'Айли вызвали Гуса и предложили ему, что они не будутъ считать его виновнымъ въ ересяхъ, доказанныхъ свидѣтелями, если онъ согласится отречься отъ ученій, извлеченныхъ изъ его сочиненій. Это было по-истинѣ ниспроверженіемъ всего инквизиціоннаго процесса; но Гусъ упорно утверждалъ,

[1]) Mladenowić, «Relatio» (Palacky, 309). — Joh. Hus. «Epist». XXVII, XXIX, XXX, XXXVIII, XXXIX, XL, XLI («Monumenta», I, 63—6, 67, 70). — Von der Hardt, 329—30.— Palacky, 225 - 34.

Библиотека "Руниверс"

что большинство изъ этихъ извлеченій невѣрно, и оставался непреклоннымъ. Вечеромъ того же дня Сигизмундъ прибѣгъ къ послѣднему средству: послалъ друзей Гуса, Яна Хлумскаго и Вацлава Дубу, а также четырехъ епископовъ спросить узника, отречется ли онъ или будетъ упорствовать? Гусъ смѣло повторилъ имъ свой старый отвѣтъ. На дружескія просьбы Яна Хлумскаго онъ со слезами на глазахъ отвѣтилъ, что готовъ отречься отъ всѣхъ положеній, невѣрность которыхъ будетъ доказана. Епископы объявили его закоснѣлымъ въ заблужденіяхъ и покинули [1]).

Такимъ образомъ, пропали всѣ усилія, которыя дѣлалъ соборъ съ цѣлью спасти себя и Гуса. Оставался только неизбѣжный эпилогъ трагедіи. Утро слѣдующаго дня, 6 іюля, было свидѣтелемъ самаго торжественнаго а у т о-д а-ф е, память о которомъ сохранилась въ исторіи. Блестящая толпа наполняла констанцскій каѳедральный соборъ; здѣсь были Сигизмундъ и его дворяне, высшіе сановники имперіи въ своихъ регаліяхъ, прелаты въ парадномъ одѣяніи. Во время совершенія литургіи Гусъ, какъ отлученный, стоялъ подъ надежной охраной у церковныхъ дверей. Затѣмъ его ввели и посадили на возвышеніи около стола, на которомъ стоялъ ящикъ съ священническимъ облаченіемъ. Послѣ разныхъ предварительныхъ формальностей, а именно—послѣ рѣчи, въ которой архіепископъ Лоди провозгласилъ, что событія этого дня покроютъ Сигизмунда безсмертною славою, приступили къ чтенію положеній, на основаніи которыхъ Гусъ былъ признанъ виновнымъ. Тщетно возражалъ онъ, утверждая, что онъ вѣритъ въ пресуществленіе и дѣйствительность таинствъ въ рукахъ, запятнанныхъ грѣхомъ. Ему предложили молчать; а такъ какъ онъ продолжалъ защищаться, то сторожамъ было приказано наложить на него молчаніе; но онъ все же продолжалъ протестовать. Было прочтено рѣшеніе собора, осуждавшее виновнаго какъ за заблужденія, написанныя имъ, такъ и за ереси, доказанныя свидѣтелями; въ этомъ рѣшеніи онъ объявлялся закоренѣлымъ и неисправимымъ еретикомъ, отказавшимся вернуться къ вѣрѣ Церкви, вслѣдствіе чего онъ подлежалъ лишенію священническаго званія и выдачѣ въ руки свѣтской власти. Семь епископовъ сняли съ него священническія одежды и совѣтовали ему отречься, пока есть еще время. Гусъ повернулся въ толпѣ и разбитымъ голосомъ заявилъ, что онъ не можетъ, не сказавъ неправды передъ Богомъ, сознаться въ заблужденіяхъ, которыхъ никогда не раздѣлялъ; но епископы прервали его крикомъ, что они уже и такъ давали ему много отсрочекъ, такъ какъ онъ упорно держался своей ереси. Его лишили сана согласно принятому церемоніалу: съ него сняли священническія одежды и ему остригли ногти; а когда дѣло дошло до уничтоженія тонзуры, то между прелатами возникъ смѣшной, съ нашей точки зрѣнія, споръ, надо ли обрить голову или обстричь; въ концѣ концовъ, рѣшили прибѣгнуть къ ножницамъ и выстригли въ волосахъ крестъ. Затѣмъ на голову ему надѣли коническій бумажный колпакъ вышиною въ локоть, на которомъ были нарисованы черти и написано: «Се ересіархъ». Согласно съ обычаемъ не было надобности ни въ какомъ свѣтскомъ судѣ. Разъ духовный трибуналъ объявлялъ человѣка еретикомъ и выдавалъ его въ руки свѣтской власти, законы, карающіе ересь, дѣйствовали сами собою. Правда, Сигизмундъ могъ отсрочить казнь на шесть дней, но эта мѣра, рѣдко примѣнявшаяся, могла бы вызвать нежелательные комментаріи. Гусу было предоставлено достаточно случаевъ для раскаянія; кромѣ того, обвиняемый могъ всегда раскаяться, пока

---

[1]) Mladenowić, «Relatio» (Palacky, 316—17). — Von der Hardt, IV, 345—6, 386. — Palacky, 560.

Для точной оцѣнки значенія уступокъ, предложенныхъ Гусу, нужно вспомнить, какъ строги и мелочны были формулы отреченія, обыкновенно употребляемыя инквизиторами, внимательно заботившимися о томъ, чтобы не было никакого двусмысленнаго выраженія, которое позволило бы избѣгнуть наказанія въ случаѣ новаго впаденія въ ересь, и чтобы заставить кающагося выдать своихъ единомышленниковъ въ ереси.—См. «Modus Procedendi» (Martène, «Thesaur.» V, 1800—1).—Lib. Sentent. Inq. Tolosan. 215.—Bern. Guidon. «Practica», 92—3 (изд. Douais).

Библиотека "Руниверс"

хворостъ не былъ подожженъ. Близкій отъѣздъ Сигизмунда требовалъ быстраго приведенія приговора въ исполненіе, и поэтому Сигизмундъ приказалъ графу палатину Людовику заняться обвиненнымъ и поступить съ нимъ какъ съ еретикомъ. Людовикъ обратился къ императорскому прево Констанца, Гансу Газену, со слѣдующими словами: «Прево! возьмите этого человѣка, осужденнаго нами обоими, и сожгите его какъ еретика». Гусъ былъ уведенъ, а соборъ вернулся къ своимъ занятіямъ, не подозрѣвая, что онъ допустилъ совершиться самому крупному событію вѣка [1]).

Мѣстомъ казни былъ избранъ лугъ вблизи рѣки. Гусъ былъ отведенъ туда двумя тысячами вооруженныхъ людей, во главѣ которыхъ шелъ графъ палатинъ Людовикъ; за нимъ слѣдовала огромная толпа, среди которой было много вельможъ, прелатовъ и кардиналовъ. Былъ сдѣланъ крюкъ, чтобы провести осужденнаго мимо епископскаго дворца, передъ которымъ сжигали его книги. Это зрѣлище вызвало у него только улыбку. Несчастный не могъ разсчитывать на состраданіе людей и искалъ поддержки у Бога, повторяя: «Господи Іисусе Христе, Сынъ Бога живого, сжалься надо мною!». Когда приблизились къ костру, Гусъ упалъ на колѣни и началъ молиться. Его спросили, не желаетъ ли онъ исповѣдываться; онъ отвѣчалъ, что съ радостью, если ему дадутъ время. Образовали большой кругъ; Ульрихъ Шорандъ, получившій по обычаю уже заранѣе преимущественное право извлечь выгоду изъ послѣдняго упадка душевныхъ силъ жертвы, приблизился къ Гусу со словами: «Дорогой господинъ и наставникъ! если ты желаешь отречься отъ своей ложной и еретической вѣры, за которую ты сейчасъ пострадаешь, то я охотно приму твою исповѣдь; но если ты отказываешься отречься, то ты самъ знаешь, что согласно съ каноническимъ закономъ никто не можетъ дать причастіе еретику». «Это и не нужно,— возразилъ Гусъ:—я не нахожусь въ состояніи смертнаго грѣха». Его бумажный вѣнецъ въ это время упалъ, и онъ улыбнулся, когда стражники опять надѣли его ему на голову. Онъ выразилъ желаніе проститься со своими тюремщиками; онъ благодарилъ ихъ за ихъ доброту, говоря, что они были для него скорѣе братьями, чѣмъ сторожами. Затѣмъ онъ обратился къ толпѣ съ рѣчью на нѣмецкомъ языкѣ, утверждая, что онъ на основаніи показаній свидѣтелей клятвопреступниковъ претерпѣлъ за заблужденія, которымъ не слѣдовалъ, но ему не дали говорить. Когда его привязали къ столбу на кострѣ и обложили двумя возами хвороста и соломы, то графъ палатинъ и прево въ послѣдній разъ заклинали его отречься. Онъ могъ бы еще спасти свою жизнь; но онъ продолжалъ повторять, что его осудили на основаніи лжесвидѣтельскихъ показаній за заблужденія, въ которыхъ онъ никогда не былъ виновенъ. Графъ и прево ударили въ ладони и удалились. Исполнители казни подожгли костеръ. Было слышно, какъ Гусъ три раза воскликнулъ: «Господи Іисусе Христе, Сынъ Бога живого, сжалься надо мною!». Затѣмъ поднялся вѣтеръ, и пахнувшіе ему въ лицо огонь и дымъ заставили его замолчать. Но голова его еще двигалась, и губы шевелились, такъ что онъ могъ два или три раза произнести О т ч е Н а ш ъ. Трагедія окончилась. Душа, столь много выстрадавшая, ускользнула изъ рукъ своихъ палачей. Самые ярые враги реформатора не могли отказать ему въ томъ, что никто изъ философовъ древняго міра не встрѣчалъ смерти съ бо̀льшимъ мужествомъ. Ни малѣйшее дрожаніе голоса не выказало его нравственной борьбы. Графъ палатинъ Людовикъ, увидѣвъ въ рукахъ одного изъ исполнителей казни плащъ Гуса, велѣлъ бросить его въ пламя,

---

[1]) Mladenowić, «Relatio» (Palacky, 318—21). — Von der Hardt, IV, 389—96, 432—40.— Harduin. VIII, 408—10.—Richental, «Chronik», 80.

Рихенталь говоритъ, что Гусъ былъ выданъ свѣтской власти съ обычнымъ воззваніемъ о снисхожденіи; но въ текстѣ приговора, опубликованномъ фонъ деръ Гардтомъ, нѣтъ этой оговорки. Быть-можетъ, эта формальность была опущена по просьбѣ Сигизмунда, боявшагося навлечь на себя большую отвѣтственность; тотъ же пропускъ находимъ мы и въ приговорѣ Іеронима Пражскаго (Von der Hardt, IV, 771).

Библиотека "Руниверс"

ГУСЪ НА ПУТИ КЪ КОСТРУ.
(Съ карт. Гельквиста).

Библиотека "Руниверс"

обѣщавъ вознаградить эту потерю, такъ какъ боялся, чтобы ученики Гуса не сохранили его одежды какъ святыни. Изъ тѣхъ же соображеній тѣло обратили тщательно въ пепелъ, который бросили въ рѣку; даже землю вокругъ костра вырыли и увезли далеко. Но долгое время послѣ этого чехи бродили около этого мѣста и уносили съ собою кусочки глины, которые они почитали какъ святые остатки ихъ мученика. На другой день было совершено благодарственное молебствіе, причемъ въ торжественной процессіи участвовали Сигизмундъ и королева, князья и вельможи, девятнадцать кардиналовъ, два патріарха, семьдесятъ-семь епископовъ и все духовенство, присутствовавшее на соборѣ. А черезъ нѣсколько дней Сигизмундъ, отложившій свой отъѣздъ въ Испанію, чтобы присутствовать при окончаніи дѣла, покинулъ Констанцъ, понявъ, что задача его окончена [1]).

Благодаря тому, что Церковь всегда смотрѣла на упорную ересь какъ на преступленіе, не заслуживающее ни прощенія, ни извиненія, самые умные и лучшіе люди, когда приходилось судить имъ ересь, казалось, лишались разума. Никто не подумалъ о томъ, что причиною возникновенія ереси гуситовъ была испорченность и продажность римской куріи, и что уничтожить ее можно было только путемъ коренной реформы; однако, соборъ не дошелъ до этого единственно вѣрнаго вывода; взгляды его на этотъ вопросъ выражены его историкомъ, который въ словахъ, близкихъ къ богохульству, выводитъ Христа, съ удовольствіемъ вспоминающаго ужасныя подробности казни и возвѣщающаго, что несчастный еретикъ здѣсь на землѣ началъ въ огнѣ испытывать муки, которыя онъ будетъ вѣчно испытывать въ аду. Вообще говоря, процессъ велся строго согласно съ законами, принятыми повсемѣстно въ дѣлахъ ереси; отступленія были сдѣланы только въ пользу обвиняемаго; и если костеръ былъ неизбѣжнымъ исходомъ, то вина въ этомъ падаетъ на всю систему, а не на судей, совѣсть которыхъ могла быть спокойна [2]).

Католики, узнавъ, что въ Прагѣ на это дѣло посмотрѣли не съ такими набожными чувствами, пришли въ страшный гнѣвъ. Нужны были положительныя удостовѣренія очевидцевъ, чтобы католики повѣрили тому невѣроятному факту, что въ Чехіи всѣ единодушно, отъ короля до послѣдняго крестьянина, смотрѣли на осужденнаго и казненнаго преступника какъ на мученика, что по улицамъ распѣвались гимны, въ которыхъ говорилось, что Гусъ пролилъ кровь свою за Христа, и что имя казненнаго внесено въ календарь наряду съ именами святыхъ, причемъ память его праздновалась 6 іюля въ день казни. Однако, отцы собора скоро убѣдились на основаніи неопровержимыхъ доказательствъ, что они жестоко ошиблись въ своемъ сужденіи объ умственномъ настроеніи Чехіи, и что они вмѣсто того, чтобы уничтожить зло, только увеличили его. Какъ только узнали въ Констанцѣ о вызывающемъ настроеніи въ Чехіи, то соборъ немедленно 26 іюля написалъ чешскимъ властямъ и увѣрялъ ихъ, что къ Гусу и къ Іерониму Пражскому отнеслись чрезвычайно снисходительно, что упорная ересь перваго заставила соборъ выдать его въ руки свѣтской власти, и что такъ же будетъ поступлено со всѣми другими еретиками. Соборъ убѣждалъ чеховъ ревностно преслѣдовать еретиковъ, чтобы оправдать доброе мнѣніе, составившееся у него объ ихъ католичествѣ на основаніи отзывовъ лито-

---

[1]) Richental, «Chronik», 80—2. — Von der Hardt, IV, 445—8. — Mladenowić, «Relatio» (Palacky, 321—4). — Aen. Sylvii «Hist. Bohem.», c. 36. — Laur. Byzyn. «Diar. Bell. Hussit.» (Ludewig, VI, 135—6).—Andreae Ratispon. «Chron.» (Pez, «Thes. Anecdot.», IV, III, 627).

[2]) P. d'Ailly (Theod. a Niem), «de Necess. Reform.», c. 28, 29 (Von der Hardt, I, VI, 306—9).—Theodor. Vrie, «Hist. Concil. Constant.» lib. VI, dist. 11; lib. VII, dist. 3 (Ibid. I, 170—71, 181—2).

Только недостаточное знаніе средневѣковой духовной юриспруденціи заставило нѣкоторыхъ историковъ смотрѣть на дѣла Гуса и Іеронима какъ на исключительныя. Даже такой хорошо освѣдомленный авторъ, какъ Лехлеръ, не задумываясь, говоритъ: «Hussens Verbrennung war, mit dem Massstab des damaligen Rechts gemessen, ein warer Justizmord» (Herzog's «Real-Encyklop.», VI, 392).

Библиотека "Руниверс"

мышльскаго епископа. Это доброе мнѣніе было разбито, когда былъ полученъ въ Констанцѣ наскоро составленный баронами Чехіи и Моравіи протестъ по поводу казни Гуса. Соборъ приказалъ сжечь этотъ протестъ. Посланіе, написанное соборомъ 26 іюля, вызвало созывъ народнаго собранія, на которомъ былъ составленъ адресъ, подписанный приблизительно пятью-стами бароновъ, рыцарей и дворянъ. Они подтверждали свою увѣренность въ невинности и католичествѣ Гуса, который былъ, по ихъ словамъ, несправедливо преданъ смерти безъ признаній и законныхъ доказательствъ его виновности. Они предполагали, что та же участь постигла и Іеронима. Они заявляли, что обвиненіе въ ереси, брошенное на всю Чехію, дѣло обманщиковъ, что всякій, кто, за исключеніемъ Сигизмунда, сталъ бы поддерживать это заявленіе, нахально совралъ бы, выказалъ бы себя самымъ низкимъ измѣнникомъ и самымъ худшимъ еретикомъ, и они станутъ преслѣдовать его какъ такового передъ будущимъ папой. Наиболѣе опаснымъ симптомомъ возмущенія было обѣщаніе, подписанное магнатами, которые брали на себя обязательство дозволить всѣмъ священникамъ свободно проповѣдывать истины Священнаго Писанія, не допускать, чтобы кто-либо изъ епископовъ стѣснялъ ихъ въ ихъ миссіи, если только они не будутъ проповѣдывать ереси, и не принимать и не соблюдать никакого отлученія отъ Церкви и никакого интердикта, идущаго изъ-за границы [1]).

Результатомъ этихъ ударовъ, которыми сражающіеся обмѣнялись издали, было лишь то, что страсти обострились. По всей вѣроятности, возраставшее враждебное чувство чеховъ заставило Соборъ принять около этого времени энергичныя мѣры противъ Іеронима Пражскаго, такъ какъ чешскіе вельможи ошибочно думали, что Іеронима постигла участь Гуса.

Іеронимъ Пражскій является исторіи въ такомъ сверхъестественномъ обликѣ, что къ нему надо бы отнестись какъ къ существу полумиѳическому, если бы осязаемые факты, засвидѣтельствованные извѣстными документами, не опредѣляли съ точностью, исключающей всякое сомнѣніе, подробности его жизни и дѣятельности. Родившійся въ Прагѣ, онъ получилъ свое первое образованіе въ эпоху, когда умы въ смятеніи, произведенномъ Великимъ Расколомъ, начинали приходить въ движеніе подъ вліяніемъ сочиненій послѣдователей Виклефа. Около 1400 г. онъ подпалъ подъ вліяніе Гуса и съ этого времени оставался вѣрнымъ сторонникомъ и помощникомъ великаго реформатора въ борьбѣ его противъ испорченности Церкви. Уже въ Парижѣ, Кельнѣ, Гейдельбергѣ и Краковѣ, гдѣ онъ былъ удостоенъ высшихъ университетскихъ степеней, онъ смутилъ философскій покой школъ тонкими умозаключеніями относительно теоріи универсалій. Въ Парижѣ безпорядокъ, вызванный его ученіями, былъ такъ великъ, что канцлеръ университета Герсонъ даже изгналъ его. Быть-можетъ, канцлеръ затаилъ противъ него зло, чѣмъ можно бы объяснить его ревность въ возникшемъ позднѣе преслѣдованіи. Въ тогдашнемъ цивилизованномъ мірѣ не было страны, которой не посѣтилъ бы этотъ труженикъ мысли. Въ Оксфордѣ, увлеченный славою Виклефа, онъ собственноручно переписалъ «Dialogus» и «Trialogus»; онъ принесъ въ Прагу эти мятежныя слова, которыя дали новую пищу пожару, охватывавшему всю Чехію. Во время второго посѣщенія Оксфорда онъ былъ арестованъ какъ еретикъ и освобожденъ только благодаря вмѣшательству пражскаго университета. Въ Палестинѣ онъ попиралъ ногами почву, на которой отпечатались слѣды Спасителя, молился и размышлялъ передъ Святымъ Гробомъ. На Литвѣ онъ старался

---

[1]) Loserth, «Huss und Wiclif», 156.—Joh. Hus, «Epist.» XLI, LXII, LXIV («Monumenta», I, 77–9, 81.—Von der Hardt, IV, 489—90, 494—7.—Palacky, «Documenta», 580—4, 593—4.—Laur. Byzyn. «Diar. Bell. Hussit.» (Ludewig, VI, 136).

За нѣсколько дней передъ казнью Гуса гнѣвъ чеховъ былъ возбужденъ извѣстіемъ, что одинъ пражскій студентъ, по имени Іоаннъ, котораго считали вѣрнымъ слугою Бога, былъ въ теченіе двѣнадцати часовъ арестованъ въ Ольмюцѣ, подвергнутъ пыткѣ, осужденъ и сожженъ.—Palacky, «Documenta», 561.

Библиотека "Руниверс"

ІЕРОНИМЪ ПРАЖСКІЙ (сожженъ въ 1416 г.).

Библиотека "Руниверс"

обратить язычниковъ; въ Россіи онъ пытался вернуть къ истинной вѣрѣ схизматиковъ греческой Церкви. Въ Польшѣ и Венгріи онъ распространялъ ученіе Виклефа и Гуса. Изгнанный въ 1410 г. изъ Венгріи, онъ былъ арестованъ въ Вѣнѣ и заключенъ въ тюрьму по приказанію папскаго инквизитора и консисторскаго судьи за то, что проповѣдывалъ ученіе Гуса и заразилъ этою ересью вѣнскій университетъ. Было начато противъ него дѣло, и былъ назначенъ день для его защитительной рѣчи; до назначеннаго срока его выпустили на свободу, взявъ съ него клятву не выѣзжать изъ города подъ страхомъ отлученія отъ Церкви. Считая клятву, взятую силой, не имѣющею никакого значенія, онъ бѣжалъ и изъ Ольмюца написалъ пассаускому епископу полное иронiи письмо, въ которомъ онъ совѣтовалъ ему послать судей и свидѣтелей закончить процессъ въ Прагѣ. Правда, отлученіе отъ Церкви послѣдовало за нимъ и въ Прагу, но среди волненія, царствовавшаго тогда въ Чехіи, этотъ интердиктъ причинялъ ему мало безпокойствъ. Тѣмъ не менѣе, вѣнскій университетъ далъ знать пражскому университету, что, такъ какъ надъ Іеронимомъ болѣе года тяготѣло отлученіе отъ Церкви, на него падаетъ обвиненіе въ ереси, а, слѣдовательно, онъ подлежитъ осужденію. Въ то же время прозелиты, оставленные Іеронимомъ въ Вѣнѣ, продолжали испытывать трудоспособность Инквизиціи. Университетъ, вмѣшавшійся въ ихъ пользу, навлекъ на себя подозрѣніе въ ереси. Благодаря своему безпокойному и задорному характеру Іеронимъ не могъ не принять участія въ послѣдующихъ крупныхъ событіяхъ. Впечатлѣніе, которое производила на народъ его безумная дерзость, отразилось въ разсказѣ о томъ, что онъ повѣсилъ на шею публичной дѣвушки папскія буллы объ индульгенціяхъ и торжественно довезъ ихъ, такимъ образомъ, на площадь, гдѣ надлежало ихъ сжечь. Въ 1413 г. Іеронимъ вторично посѣтилъ Польшу, гдѣ ему удалось вызвать необычайное волненіе, и его заставили поспѣшно вернуться въ Прагу. Вся жизнь его прошла въ духовныхъ сраженіяхъ, начиная съ философскихъ дебатовъ его юности и до борьбы, которую въ зрѣломъ возрастѣ предпринялъ противъ все подавляющихъ силъ іерархіи. Хотя онъ былъ мірянинъ и не получилъ ни посвященія, ни тонзуры, ни рясы, тѣмъ не менѣе, онъ проповѣдывалъ передъ многочисленными слушателями, внимавшими ему съ восторгомъ, въ Венгріи, Польшѣ и Чехіи. При всемъ этомъ онъ умѣлъ ловко владѣть также оружіемъ. Во время своего процесса онъ однажды поссорился съ монахами одного монастыря, и два монаха напали на него со шпагами въ рукахъ, и онъ побѣдоносно отбилъ нападеніе, быстро вырвавъ шпагу у одного изъ зрителей. Его враги обвиняли его даже въ томъ, что онъ въ другой разъ грозилъ кинжаломъ одному доминиканскому монаху, котораго убилъ бы на смерть, если бы его не удержали силою. Всѣ его современники свидѣтельствуютъ о его чудесныхъ дарованіяхъ. Его внушительный ростъ, его блестящіе глаза, его черные волосы, длинная борода, низкій и чарующій голосъ, его убѣдительная интонація — все производило глубокое вліяніе на всякаго, кто только приближался къ нему. Въ то же время, благодаря своимъ изумительнымъ знаніямъ, своему несравненному умѣнью вести споры и гибкости своего ума, онъ былъ для Церкви почти столь же опасенъ, какъ твердый и безупречный Гусъ [1]).

Іеронимъ съ возрастающимъ безпокойствомъ слѣдилъ изъ Праги за превратностями судьбы своего друга, и, когда разрывъ между папой и соборомъ сулилъ, казалось, безнаказанность врагамъ испорченности духовенства, онъ не могъ не попытаться помочь спасенію Гуса и не присутствовать при томъ, что должно было, повидимому, положить конецъ тѣмъ проявленіямъ зла, противъ которыхъ онъ такъ долго боролся. 4 апрѣля 1415 г. онъ тайно прибылъ въ Констанцъ и не замедлилъ увидѣть, какъ мало основательны были его надежды, какъ опасна была для него атмосфера этого города. Христанъ изъ Прахатицъ,

[1]) Von der Hardt, IV, 634—91, 756.—Palacky, «Documenta», 63, 336—7, 408—9, 417—20, 506, 572. — Loserth, «Mittheilungen des Vereins für Geschichte der Deutschen in Böhmen», 1885 г. стр., 108—9.—Schrodl, «Passavia Sacra», 284—5.

Библиотека "Руниверс"

одинъ изъ главныхъ учениковъ Гуса, только-что прибылъ въ Констанцъ; онъ былъ арестованъ, и противъ него былъ составленъ обвинительный списокъ. Благодаря вмѣшательству чешскихъ пословъ, Христанъ былъ освобожденъ, причемъ съ него была взята клятва, что онъ явится по первому вызову въ судъ; но онъ поторопился нарушить эту клятву, бѣжавъ въ Чехію. Іеронимъ ограничился тѣмъ, что расклеилъ по стѣнамъ объявленіе, въ которомъ подтверждалъ католичество Гуса, послѣ чего тотчасъ же удалился въ Иберлингенъ и попросилъ себѣ охранный листъ. Отвѣтъ, полученный имъ, былъ двусмысленный; но, подобно ночной бабочкѣ, летающей вокругъ огня, онъ вернулся въ Констанцъ и 7 апрѣля прибилъ къ дверямъ церквей другое объявленіе, обращенное къ Сигизмунду и къ собору. Онъ заявлялъ, что онъ добровольно явился отвѣчать на всякое обвиненіе въ ереси; если его признаютъ виновнымъ, онъ готовъ понести заслуженное наказаніе; но онъ просилъ охранной граматы на оба конца пути, и если его заключатъ въ тюрьму или проявятъ въ отношеніи его насиліе во время его пребыванія въ Констанцѣ, то это будетъ со стороны собора несправедливостью, способными на которую онъ не можетъ считать людей образованныхъ и просвѣщенныхъ. Это хвастливое заявленіе, объясняемое смѣлымъ до дерзости характеромъ Іеронима, не помѣшало ему принять мѣры предосторожности для своей безопасности. Вдругъ онъ измѣнилъ свой планъ: 9 апрѣля, получивъ отъ присутствовавшихъ въ Констанцѣ чеховъ удостовѣренія, онъ покинулъ городъ какъ-разъ во-время, такъ какъ духовныя власти разыскивали его жилище, которое они и нашли, спустя нѣсколько дней, въ улицѣ Св. Павла въ кварталѣ Гутьяръ. Въ своемъ поспѣшномъ бѣгствѣ Іеронимъ оставилъ на квартирѣ знаменательную вещь на память о себѣ—шпагу. На этотъ разъ онъ не игралъ больше судьбою, но медленно возвращался въ Чехію. Однако, въ Гирсау его страсть къ борьбѣ вовлекла его въ диспутъ, на которомъ онъ назвалъ соборъ «Синагогой Сатаны». 24 апрѣля онъ былъ арестованъ. При немъ были найдены компрометирующія бумаги; Іоаннъ Баварскій заключилъ его въ тюрьму въ замкѣ Зульцбахъ и сообщилъ Собору о поимкѣ мятежника. Изъ Констанца тотчасъ же пришелъ указъ, въ силу котораго Іеронима немедленно заковали въ цѣпи и отправили въ такомъ видѣ въ Констанцъ [1]).

Между тѣмъ, соборъ 18 апрѣля отвѣтилъ на воззваніе Іеронима вызовомъ его на судъ Инквизиціи. Іеронимъ долженъ былъ явиться въ двухнедѣльный срокъ; въ противномъ случаѣ ему грозило преслѣдованіе за неявку. Ему предлагали охранную грамату съ оговоркой, что эта гарантія подчинена требованіямъ вѣры. Такъ какъ не знали еще объ его арестѣ, то 2 мая былъ сдѣланъ новый вызовъ, и было приказано начать дѣло въ отсутствіи обвиняемаго; 4 мая эта мѣра была повторена. 24 мая Іеронимъ въ цѣпяхъ былъ приведенъ въ Констанцъ людьми, арестовавшими его, и отведенъ въ доминиканскій монастырь, гдѣ его приходъ былъ встрѣченъ шумнымъ собраніемъ членовъ собора. Герсонъ удовлетворилъ свою злобу противъ стараго противника, во всеуслышаніе обвиняя его въ томъ, что онъ проповѣдывалъ заблужденіе въ Парижѣ, Гейдельбергѣ и Кельнѣ. Ректоры двухъ послѣднихъ университетовъ подтвердили обвиненіе ихъ собрата. Отвѣтъ Іеронима былъ коротокъ и рѣзокъ, но онъ затерялся въ ураганѣ другихъ обвиненій, смѣшанныхъ съ криками: «На костеръ! На костеръ!». Отсюда его отвели въ башню, возвышавшуюся на кладбищѣ Св. Павла, гдѣ его, сковавъ ему вмѣстѣ руки и ноги, приковали къ скамьѣ черезчуръ высокой, чтобы онъ могъ сѣсть на нее; въ теченіе двухъ дней его держали на водѣ и хлѣбѣ. Затѣмъ друзья его, узнавъ о мѣстѣ его заключенія, подкупили тюремщика, который согласился доставлять ему лучшую пищу. Вскорѣ Іеронимъ опасно захворалъ и попросилъ духовника; съ этого времени его стали держать не такъ строго скованнымъ. Но изъ тюрьмы онъ вышелъ только на судъ и конечную казнь [2]).

[1]) Von der Hardt, IV, 103—5, 134 bis. — Palacky, «Documenta», 541—2. — Richental, «Chronik», 78.—Laur. Byzyn. «Diar. Bell. Hussit.» ann. 1415 (Ludewig, VI, 132).

[2]) Von der Hardt, IV, 119, 134, 139, 142, 148—9, 216—18.

Библиотека "Руниверс"

Стефанъ Палечъ, Михаилъ de Causis и другіе были готовы дать показанія противъ обвиняемаго. Не было никакого труда собрать свидѣтельства, чтобы уничтожить двадцать такихъ человѣкъ, какъ Іеронимъ. Процессъ начался согласно обычному инквизиціонному судопроизводству. Судьи нашли въ Іеронимѣ противника, гораздо болѣе ученаго и ловкаго, чѣмъ былъ Гусъ. Но, какъ ни была блестяща его защита во время допроса, онъ не могъ, благодаря своему нервному темпераменту, выносить, подобно Гусу, продолжительное мученіе. Иногда съ рѣдкой діалектической тонкостью онъ ставилъ въ смѣшное положеніе своихъ допросчиковъ, а иногда онъ колебался между упорствомъ и подчиненіемъ. Въ концѣ концовъ, онъ склонился подъ гнетомъ судьбы, между тѣмъ какъ, съ другой стороны, угрожающее настроеніе чеховъ требовало отъ собора усиленной энергіи. 11 сентября онъ явился передъ собраніемъ и прочелъ длинное и мелочно-подробное отреченіе. Онъ былъ увлеченъ — говорилъ онъ — прирожденной кротостью Гуса; слушая, съ какимъ жаромъ излагалъ онъ истины Св. Писанія, онъ не могъ допустить мысли, чтобы подобный человѣкъ былъ способенъ проповѣдывать ересь. Онъ не могъ повѣрить, чтобы тридцать положеній, осужденныхъ соборомъ, дѣйствительно принадлежали Гусу, пока не убѣдился въ противномъ, получивъ въ руки книгу, писанную собственной рукой ересіарха. Онъ добровольно и отъ чистаго сердца осуждалъ эти положенія, одни — какъ еретическія, другія—какъ ложныя, третьи—какъ вызывающія соблазнъ. Равнымъ образомъ онъ осудилъ и сорокъ-пять положеній Виклефа. Онъ всецѣло подчинялся собору; онъ отрицалъ то, что отрицали доктора, и просилъ, чтобы на него наложили заслуженное наказаніе. Онъ не остановился даже передъ самымъ глубокимъ униженіемъ: онъ написалъ чехамъ, что Гусъ заслуженно подвергся казни, что онъ самъ, Іеронимъ, узнавъ ясно теперь заблужденія своего друга, не можетъ его защищать [1]).

Это не было въ сущности формальное отреченіе, которое Инквизиція обыкновенно требовала отъ своихъ узниковъ. Чтеніе отреченія происходило въ частномъ засѣданіи собора; надо было добавить публичное униженіе къ этой первой формальности. Поэтому, на общемъ засѣданіи собора, послѣдовавшемъ 23 сентября, Іеронимъ долженъ былъ взойти на трибуну; онъ опять повторилъ свое отреченіе, разъяснилъ выраженіе, которымъ пользовался, добавилъ отреченіе отъ своей теоріи объ универсаліяхъ и кончилъ торжественною клятвою, въ которой призывалъ анаѳему на головы всѣхъ, кто совращалъ его съ пути истинной вѣры, и на самого себя, если совершалъ подобное преступленіе. Ему объявили, что ему невозможно вернуться въ Чехію, но что ему предоставятъ право выбрать себѣ мѣстожительствомъ какой-нибудь монастырь въ Швабіи при условіи, что онъ пошлетъ къ себѣ на родину письмо, собственноручно написанное и скрѣпленное, въ которомъ онъ долженъ подтвердить ложность какъ своего ученія, такъ и ученія Гуса, и убѣждать своихъ соотечественниковъ не настаивать на немъ. Онъ обѣщалъ написать это письмо (говоря по правдѣ, онъ уже написалъ его), но, тѣмъ не менѣе, его отвели обратно въ ту же тюрьму, гдѣ, впрочемъ, съ нимъ обращались немного легче, чѣмъ раньше [2]).

Соборъ проявилъ бы свое благоразуміе, если бы выказалъ снисхожденіе къ Іерониму. Обезчещенный своимъ вѣроотступничествомъ, осужденный потерялъ бы всякое вліяніе; снисходительность была бы проявленіемъ мудрой политики. Однако, каноны предписывали

---

[1]) Richental, «Chronik», 79. — Theod. Vrie, «Hist. Concil. Constant.» lib. VI, dist. 12.—Theod. a Niem, «de Vita Joann. PP. XXIII», lib. III, c. 8.—Palacky, «Documenta», 596—9.

[2]) Von der Hardt, IV, 501—7.—Richental, «Chronik», 79.

Въ обвинительномъ актѣ, составленномъ окончательно противъ Іеронима Promotor'омъ Haereticae Pravitatis, ему ставится въ особую вину отказъ написать письмо, которое онъ обѣщалъ послать въ Чехію; однако, существованіе этого письма, написаннаго 12 сентября, фактически удостовѣрено. Въ послѣдней своей докладной запискѣ, поданной, какъ вызовъ собору, Іеронимъ говорилъ, что онъ написалъ это письмо изъ страха передъ костромъ, и что онъ желаетъ теперь взять его обратно (Von der Hardt, IV, 688. 761).

Библиотека "Руниверс"

строгое тюремное заключеніе для обращенныхъ еретиковъ, раскаяніе которыхъ считалось всегда сомнительнымъ. Собравшіеся отцы были черезчуръ фанатичными, чтобы быть благоразумными; эти ревнители вѣры сдѣлали мученика изъ вѣроотступника. Въ скоромъ времени героическая твердость Іеронима искупила минутную слабость и вернула ему утраченную власть надъ его учениками.

Онъ не замедлилъ проявить угрызенія совѣсти. Стефанъ Палечъ, Михаилъ de Causis и другіе враги Іеронима, которые все еще продолжали бродить около его тюрьмы, скоро узнали о его душевномъ безпокойствѣ. Герсонъ, вражда котораго, казалось, была ненасытимой, охотно вызвался быть ихъ истолкователемъ. Въ ученой диссертаціи о существенныхъ чертахъ отреченій онъ показалъ 29 октября собору все, что было неудовлетворительно въ отреченіи Іеронима. Прибывшіе изъ Праги кармелиты принесли съ собою новыя обвиненія; просили, чтобы отъ Іеронима былъ потребованъ отвѣтъ на эти дополнительныя жалобы. Съ другой стороны, нѣкоторые кардиналы, Забарелла, Петръ д'Айльи, Джордано, Орсини, Антоніо да Аквилея старались добиться отъ собора освобожденія Іеронима. Но, наткнувшись на оппозицію нѣмецкихъ и чешскихъ прелатовъ и будучи обвинены своими противниками въ томъ, что еретики и король Венцеславъ подкупили ихъ, они отказались защищать дѣло, заранѣе проигранное. 24 февраля 1416 г. была назначена новая комиссія, которой поручено было начать новое слѣдствіе противъ Іеронима. Узника снова подвергли допросу по всему дѣлу, начиная съ ересей Виклефа до возстанія, возбужденнаго Іеронимомъ въ Прагѣ, и до отлученія его отъ Церкви въ Вѣнѣ, которое пало на него за неявку на судъ. 27 апрѣля комиссары составили свой докладъ, къ которому Promotor Haereticae Pravitatis, т.-е. чиновникъ, обязанный преслѣдовать ересь, добавилъ длинный обвинительный актъ, въ которомъ перечислялись всѣ преступленія Іеронима. Послѣдній, рѣшившись умереть, проявилъ всю свою отвагу. Онъ не только отвергалъ, вопреки отреченію, что онъ еретикъ, но жаловался на свой незаконный арестъ и требовалъ вознагражденія убытковъ. Очевидно, поразительная діалектическая ловкость Іеронима сбила его судей, мысль которыхъ работала гораздо медленнѣе, и они признали себя неспособными бороться съ нимъ въ логическихъ тонкостяхъ, такъ какъ въ заключеніи своего доклада они просили соборъ сократить режимъ узника, котораго, по ихъ словамъ, кормили черезчуръ сытно, и примѣнить къ нему разумную систему принужденія, примѣняемую ко всѣмъ еретикамъ и состоявшую въ томъ, что голодомъ доводили человѣка до полнаго послушанія. Кромѣ того, они просили предоставленія имъ права задавать вопросы, причемъ на всѣ вопросы, касающіеся его вѣрованій, Іеронимъ былъ обязанъ отвѣчать—да или нѣтъ. Затѣмъ, если мятежный будетъ продолжать упорно отрицать вины, которыя были доказаны или могутъ быть доказаны, то его слѣдуетъ, согласно съ каноническимъ закономъ, выдать въ руки свѣтской власти, какъ упорнаго и неисправимаго еретика. Такимъ образомъ, въ отношеніи Іеронима, какъ и въ отношеніи Гуса, былъ примѣненъ этотъ неизмѣнный принципъ инквизиціоннаго судопроизводства, по которому отрицаніе еретическихъ мнѣній считалось просто обстоятельствомъ, увеличивающимъ вину [1]).

Въ этомъ дѣлѣ болѣе, чѣмъ въ процессѣ Гуса, соборъ принялъ на себя, повидимому, роль инквизиціоннаго трибунала. Комиссары должны были только разслѣдовать дѣло, собравъ свидѣтельскія показанія, быть-можетъ, потому, что Іеронимъ отказался принять ихъ въ качествѣ судей, въ виду ихъ личной вражды къ нему. Мы не знаемъ, согласились ли отцы собора принять на себя ненужный позоръ, примѣнивъ къ узнику пытку или подвергнувъ его голодовкѣ, но комиссарамъ былъ предоставленъ свободный выборъ средствъ для полученія сознанія. 9 мая они представили вторичный докладъ обо всемъ дѣлѣ,

[1]) Von der Hardt, III, IV, 39; IV, 634—91.—Laur. Byzyn. «Diar. Bell. Hussit.» (Ludewig, VI, 137—8).

Библиотека "Руниверс"

чѣмъ только, повидимому, подтвердили свое безсиліе. Поставивъ ихъ, такимъ образомъ, въ невозможность вести споръ, Іеронимъ, въ концѣ концовъ, обѣщалъ дать категорическій отвѣтъ на допросѣ въ соборѣ. Было ли возбуждено любопытство собора, или прецедентъ, имѣвшій мѣсто въ дѣлѣ Гуса, повліялъ на рѣшеніе отцовъ собора, но желаніе Іеронима было удовлетворено. 23 мая онъ явился предъ полнымъ соборомъ, и ему предложили принести присягу. Онъ отказался, заявивъ, что онъ охотно принесъ бы присягу, если бы ему было позволено говорить все свободно, но разъ онъ долженъ ограничиться только словами да и нѣтъ, то онъ не можетъ присягнуть. Тогда были прочтены главные пункты обвиненія. Онъ выслушалъ молча часть обвиненій, призналъ или отвергъ другія, дѣлая при случаѣ оговорки и отвѣчая съ удивительнымъ присутствіемъ духа на крики ропота и замѣчанія, прерывавшія чтеніе и оскорблявшія его со всѣхъ сторонъ. Такъ прошелъ день, послѣ чего окончаніе допроса отложили до 26-го. Повторилась та же сцена, пока не было окончено чтеніе обвинительныхъ пунктовъ. Старшина комиссаровъ, константинопольскій патріархъ Іоаннъ, резюмировалъ тогда обвиненіе, заявивъ, что Іеронимъ признанъ виновнымъ въ четверной ереси, но такъ какъ обвиняемый неоднократно просилъ выслушать его, то слѣдовало дать ему слово, чтобы прекратить этимъ нелѣпые слухи, распространенные въ обществѣ по поводу собора. Кромѣ того, если Іеронимъ сознается въ своихъ заблужденіяхъ и раскается, то его слѣдуетъ простить, но если онъ будетъ упорствовать въ своей закоснѣлости, то дѣло должно идти законнымъ путемъ [1]).

Живая картина послѣдующей сцены сохранилась въ письмѣ, написанномъ къ Леонардо Аретино Поджіо Браччіолини, бывшимъ на соборѣ въ качествѣ папскаго секретаря. На Поджіо уже раньше произвели большое впечатлѣніе живость ума и находчивость человѣка, который въ теченіе трехсотъ сорока дней томился въ ужасной зараженной тюремной башнѣ; теперь же онъ выражаетъ безграничное удивленіе: «Онъ стоялъ предъ соборомъ, безстрашный, неукротимый, не только съ пренебреженіемъ смотрящій на смерть, но добровольно призывающій ее; это какой-то новый Катонъ! О, человѣкъ, достойный вѣчно жить въ памяти людей! Если онъ придерживается ученій, противоположныхъ закону Церкви, то я не стану хвалить его; но я удивлюсь его образованію, его огромной эрудиціи, его краснорѣчію, тонкости его возраженій». Среди этой шумной и неистовой толпы краснорѣчіе Іеронима произвело такой эффектъ, что онъ, несомнѣнно, былъ бы, по словамъ Поджіо, оправданъ, если бы такъ упорно не искалъ самъ смерти [2]).

Рѣчь Іеронима была весьма ловкая защитительная рѣчь; касаясь съ явной небрежностью опасныхъ пунктовъ своей жизни, ибо вся жизнь его была объектомъ обвиненій, онъ давалъ самыя благопріятныя объясненія того, чего нельзя было обойти молчаніемъ, такъ, напр., онъ представлялъ волненія въ Чехіи, какъ вызванныя исключительно политическими разногласіями. Что касается его отреченія, то судьи обѣщали, что съ нимъ поступятъ снисходительно, если онъ отдастъ себя на милость собора. Онъ былъ только человѣкъ и, какъ всякій смертный, боялся ужаснаго конца на кострѣ. Онъ палъ; онъ уступилъ передъ убѣжденіемъ; онъ отрекся; онъ послалъ въ Чехію письмо, которое приказали ему написать; онъ осудилъ ученіе Іоанна Гуса. Въ этотъ моментъ онъ достигъ вершины своего мужественнаго и безстрашнаго краснорѣчія. Гусъ, заявилъ онъ, былъ праведникъ и святой, съ судьбой котораго онъ связалъ бы до конца свою судьбу. Ни одно прегрѣшеніе, совершенное имъ здѣсь на землѣ, не лежитъ такъ тяжело на его совѣсти, какъ позорное отреченіе, принесенное имъ въ этотъ день. Виклефъ въ своихъ сочиненіяхъ высказалъ истину болѣе глубокую, чѣмъ кто-либо до него, и только одна боязнь костра могла заставить его, Іеронима, осудить подобнаго наставника, хотя онъ и отказался при-

---

[1]) Von der Hardt, IV, 690—91, 732—33, 748—56.
[2]) Von der Hardt. III, 64—9.

Библиотека "Руниверс"

нять ученіе Виклефа относительно таинства евхаристіи. Затѣмъ онъ разразился громкими упреками противъ пороковъ духовенства и въ частности римской куріи, пороковъ, которые заставили Виклефа и Гуса выступить въ качествѣ реформаторовъ. Добрые отцы собора должны были на минуту смутиться суровымъ самоотреченіемъ этого человѣка, такъ смѣло отказывавшагося отъ жизни; но скоро они овладѣли собою и спокойно назначили слѣдующую субботу днемъ произнесенія окончательнаго приговора. Хотя Іеронимъ, какъ рецидивистъ, признавшійся въ своемъ возвратѣ къ ереси, не имѣлъ никакого права на снисхожденіе, тѣмъ не менѣе, соборъ съ необычной снисходительностью рѣшилъ ему дать четыре дня на размышленіе и раскаяніе. Но аудиторія, для которой говорилъ Іеронимъ, распространялась далеко за узкія стѣны залы собора. Слова еретика были сѣменами, породившими вскорѣ вооруженныхъ воиновъ [1]).

30 мая были быстро окончены послѣдніе акты этой трагедіи. Соборъ собрался рано утромъ; въ десять часовъ Іеронимъ былъ уже на кострѣ. Послѣ обѣдни епископъ Лоди произнесъ рѣчь. Онъ былъ избранъ для этого же и во время осужденія Гуса. Въ грубости своего торжества надъ несчастнымъ узникомъ, который былъ на этотъ разъ передъ нимъ, онъ превзошелъ свое первое неистовство. Кротость и снисхожденіе, съ которыми обращались съ Іеронимомъ, должны были бы тронуть сердце еретика, если одного уже воспоминанія о его преступленіяхъ не было достаточно для этого. Проповѣдникъ сравнилъ снисхожденіе, проявленное въ отношеніи Іеронима, съ тою строгостью, которая обыкновенно примѣнялась къ лицамъ, заподозрѣннымъ въ ереси. «Тебя не подвергли пыткѣ,—воскликнулъ онъ:—а я очень желалъ бы, чтобы ты испыталъ ее: это заставило бы тебя изрыгнуть всѣ твои заблужденія; подобное обращеніе открыло бы тебѣ глаза, которые ослѣпило преступленіе». Онъ призывалъ присутствовавшихъ вельможъ обратить вниманіе на то, что Гусъ и Іеронимъ, люди низкаго происхожденія, плебеи, не извѣстно откуда появившіеся, осмѣлились колебать достославное чешское королевство; онъ показалъ, какъ много зла породило высокомѣріе этихъ двухъ мужиковъ. Іеронимъ возразилъ нѣсколькими словами, полными достоинства, подтверждая свою правоту и сожалѣя объ обвиненіи, возведенномъ имъ на Виклефа и Гуса. Кардиналъ Забарелла, сказалъ онъ, былъ близокъ убѣдить его, когда перемѣнили судей: передъ этими новыми судьями онъ не сталъ бы защищать свое дѣло. Ему было прочтено его отреченіе. Онъ призналъ его и сказалъ, что только боязнь костра вырвала у него это отреченіе. Послѣ этого Promotor попросилъ приговоръ, вынесенный противъ еретика, и главный комиссаръ, константинопольскій патріархъ Іоаннъ, прочелъ тогда длинный приговоръ, осуждавшій Іеронима какъ сообщника Виклефа и Гуса и объявилъ его еретикомъ-рецидивистомъ, отлученнымъ отъ Церкви и преданнымъ анаѳемѣ, на что соборъ единодушно отвѣтилъ: Placet. Никто не осмѣлился выступить въ пользу Іеронима. Его выдали въ руки свѣтской власти, приказавъ ей исполнить обязанность согласно съ рѣшеніемъ, постановленнымъ соборомъ. Такъ какъ Іеронимъ не былъ посвященъ въ духовный санъ, то не было обряда разстриженія, но принесли большую бумажную корону, украшенную разрисованными чертями. Іеронимъ бросилъ свою шапку въ ряды прелатовъ и надѣлъ себѣ на голову корону со словами: «Господь нашъ, Іисусъ Христосъ, когда шелъ умирать за меня, имѣлъ на главѣ терновый вѣнецъ. Я съ удовольствіемъ надѣваю эту корону изъ любви къ Нему». Когда онъ кончалъ эти слова, его быстро повлекли на казнь. Казненъ онъ былъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ и Гусъ принялъ свою мученическую смерть [2]).

Подробности казни были почти однѣ и тѣ же; впрочемъ, съ Іеронима сняли всѣ его одежды и обернули вокругъ поясницы пеленкой. Онъ громко читалъ «Вѣрую» и литанію.

[1]) Von der Hardt, IV, 754—62.

[2]) Von der Hardt, III, 55 — 60; IV, 763 — 71. — Theod. Vrie, «Hist. Conc. Constant.» lib. VII, dist. 4.

Библиотека "Руниверс"

CONSTANTIA

IOHANN. HUSSI ET HIERONYMI PRAGENSIS

IN CONSTANTIENSI CONCILIO,

ET IN IPSO UTRIUSQVE INCENDIO

ANNO 1415. d. 6 Julii. et ANNO 1416, d 30 Maii.

Библиотека "Руниверс"

Когда среди пламени нельзя было слышать его голоса, то было видно, что губы его двигались, какъ бы читая молитву. Когда борода его сгорѣла, то на ея мѣстѣ всѣ замѣтили большой пузырь въ родѣ яйца, что свидѣтельствовало, что онъ еще былъ живъ. Вслѣдствіе его невѣроятной силы агонія его тянулась чрезвычайно долго. Одинъ свидѣтель-очевидецъ утверждаетъ, что онъ слышалъ страшные крики; но другіе свидѣтели, которыхъ нельзя заподозрить въ пристрастіи къ Іерониму, заявляютъ, что онъ продолжалъ молиться, пока огонь не закрылъ ему уста. Поджіо, присутствовавшій при казни, былъ чрезвычайно тронутъ этимъ радостнымъ мужествомъ до послѣдней минуты жизни. Когда Іеронимъ былъ привязанъ на кострѣ, то исполнитель казни предложилъ зажечь огонь сзади спины осужденнаго, чтобы онъ не видѣлъ пламени. Но еретикъ отказался: «Стань передо мной!—сказалъ онъ, и зажги огонь въ такомъ мѣстѣ, чтобы я могъ видѣть. Если бы я боялся этого зрѣлища, то я не былъ бы здѣсь!» Эней Сильвій сравниваетъ Іеронима съ Гусомъ за его необычайную твердость передъ лицомъ смерти. Когда все было уничтожено огнемъ, то принесли изъ тюрьмы постель, обувь, шапку и одежды казненнаго и, чтобы не оставалось ничего отъ него, все это положили на костеръ. Потомъ пепелъ бросили въ Рейнъ [1]).

Оставалось убѣдиться въ покорности Яна Хлумскаго. Смѣлый защитникъ Гуса не покинулъ Констанца и былъ во власти собора. Мы не знаемъ точно, какія средства были пущены въ ходъ, чтобы одержать надъ ними побѣду; но 1 іюля онъ присягнулъ защищать истинную вѣру, призналъ, что Гусъ и Іеронимъ заслужили наказаніе, и выразилъ желаніе, чтобы его заявленіе было записано съ тѣмъ, чтобы онъ могъ послать его въ Чехію [2]).

ГЛАВА VIII.

Гуситы.

Послѣ восемнадцатимѣсячныхъ усилій Констанцскій соборъ покончилъ дѣло Гуса и Іеронима, примѣнивъ единственный извѣстный Церкви методъ,—единственный, которымъ онъ могъ воспользоваться. Два столѣтія передъ этимъ пороки духовенства были признанною причиной и оправданіемъ альбигойскаго и вальденскаго возстанія; это возстаніе было безжалостно подавлено, но зло, вызвавшее его, не попытались даже уничтожить. Эта страшная испорченность духовенства и во второй разъ породила возстаніе, и снова была допущена та же ошибка. Злоупотребленія, этотъ источникъ доходовъ для Церкви, были оставлены, но покарали людей, которые не могли терпѣть этихъ пороковъ и которые отвергали самые принципы, порождавшіе это зло. Тщетно кардиналъ Петръ д'Айльи заявлялъ отцамъ собора, что невозможно искоренить чешскую ересь, если не будутъ уничтожены злоупотребленія римской куріи [3]). Курія была черезчуръ сильна, чтобы согласиться на подобную операцію. Казалось, что Церковь ничего не забыла, ничему не научилась. Еще лишній разъ грубое насиліе, не сопровождаемое реформами, должно было вызвать войну и сдѣлать неизбѣжнымъ новый крестовый походъ.

---

[1]) Von der Hardt, III, 64—71; IV, 771—2.—Richental, «Chronik», 83.—Theod. Vrie, «Hist. Conc. Constant.» lib. VIII, dist. 3.—Laur. Byzyn. «Diar. Bell. Hussit.» (Ludewig, VI, 141).—Aen. Sylvii «Hist. Bohem.», c. 36.

[2]) Chron. Glassberger, ann. 1416.

[3]) P. de Alliaco, «de Necessitate Reformationis», cap. XXIX (Von der Hardt, I, VII, 308).

Библиотека "Руниверс"

Прелаты и доктора, собравшіеся на Констанцскомъ соборѣ, собственно говоря, не могли сомнѣваться въ томъ, что имъ надлежало дѣлать. Каноническій законъ и инквизиціонное судопроизводство давно уже придерживались того принципа, что единственнымъ средствомъ борьбы противъ ереси была сила, разъ убѣжденіе оказывалось недостаточнымъ; всякое же противорѣчіе признаннымъ Церковью авторитетамъ считалось ересью. Непослушный сынъ Церкви, отказавшійся смириться послѣ строгаго внушенія, подлежалъ исключенію изъ христіанскаго общества въ полномъ смыслѣ этого слова. Роковымъ образомъ соборъ не могъ идти другою дорогою и только раздражилъ негодованіе, вызванное въ Чехіи казнью Гуса и Іеронима, клеймя именемъ ереси вѣру, которую тогда исповѣдывало большинство населенія Чехіи.

Сейчасъ же послѣ казни Гуса соборъ намѣревался примѣнить инквизиціонные методы ко всей Чехіи. Но, по настоянію литомышльскаго епископа Іоанна, онъ сначала обратился 26 іюля 1415 г. съ письменнымъ предувѣдомленіемъ. Мы уже видѣли, что это посланіе только усилило гнѣвъ чеховъ. 31 августа соборъ далъ епископу Іоанну полномочія инквизитора для уничтоженія распространенныхъ въ Чехіи ересей. Если бы выполненіе обязанностей внѣ предѣловъ епархіи оказалось опаснымъ, то ему разрѣшалось вызывать подозрѣваемыхъ въ Литомышль. Венцеславъ, внимательный къ своимъ обязанностямъ, далъ Іоанну охранный листъ; но раздраженные чехи уже опустошали епископскую область, и онъ счелъ болѣе благоразумнымъ не показываться тамъ лично. Ясно, что невозможно было заставить относиться съ уваженіемъ къ канонамъ населеніе, доведенное до отчаянія. Поэтому, 23 сентября, выслушавъ отреченіе Іеронима, соборъ прибѣгъ къ новому средству. Константинопольскій патріархъ Іоаннъ и епископъ Саплиса Іоаннъ были декретомъ назначены комиссарами (или, вѣрнѣе, инквизиторами) для суда надъ всѣми гуситами еретиками. Имъ было дано право вызывать всѣхъ еретиковъ или подозрѣваемыхъ въ ереси къ себѣ въ римскую курію. Эдиктъ должно было вывѣсить въ мѣстахъ, посѣщаемыхъ еретиками, или въ сосѣднихъ мѣстностяхъ, если будетъ опасно обнародовать его на мѣстѣ жительства обвиняемыхъ. Вызовъ могъ быть общій или личный. Эта мѣра строго согласовалась съ инквизиціоннымъ правиломъ. Если хотѣли предать осужденію in absentia всю чешскую націю, то средство было выбрано умно. Но такъ какъ страна была готова къ возстанію, и Гусъ и Іеронимъ почитались тамъ наравнѣ со святыми Петромъ и Павломъ въ Римѣ, то эта мѣра только укрѣпила крайнюю партію. Это ясно изъ адреса, посланнаго 30 декабря 1415 г. собору и подписаннаго четыреста-пятьюдесятью вельможами, которые снова повторяли свои жалобы по поводу казни Гуса и освобождали себя отъ всякаго повиновенія. Этотъ смѣлый вызовъ былъ принятъ. 20 февраля 1416 г. подписавшимъ адресъ и сторонникамъ Гуса и Виклефа было предложено въ теченіе пятидесяти дней явиться на соборъ по дѣлу обвиненія ихъ въ ереси. Если же они не явятся, то будутъ судимы заочно. Такъ какъ было опасно вручить этотъ вызовъ обвиняемымъ, гдѣ бы то ни было въ предѣлахъ Чехіи, то его прибили къ церковнымъ дверямъ въ Констанцѣ, Ратисбонѣ, Вѣнѣ и Пассау. Всѣ законныя формальности были соблюдены. Вызовы были прибиты къ церковнымъ дверямъ; въ Констанцѣ это было исполнено 5 мая, въ Вѣнѣ—10, въ Пассау—3, въ Ратисбонѣ—14, 21 и 24 мая. 3 іюня обвиняемые были объявлены виновными въ неявкѣ, и 4 сентября поручили Іоанну Константинопольскому вести дѣло законнымъ порядкомъ [1]).

На этотъ разъ попытка репрессій, кажется, не увѣнчалась успѣхомъ. Уже давно было извѣстно, что инквизиціонные пріемы были недѣйствительны, если подозрѣваемые составляли большинство населенія. Уже 27 марта 1416 г., не дожидаясь результата этихъ юридическихъ формальностей, соборъ рѣшилъ прибѣгнуть къ силѣ, если въ Чехіи

[1]) Palacky, «Documenta», 566—7, 572—9, 602—3.—Von der Hardt, IV, 528, 609—12, 724, 781—2, 823—40.—Aen. Sylvii «Hist. Bohem.», c. 35.—Theod. a Niem, «Vita Joannis PP. XXIII» lib. III, c. 12.

Библиотека "Руниверс"

найдется достаточно ревностныхъ сторонниковъ католичества, чтобы услышать подобный призывъ. Фанатикъ Іоаннъ Литомышльскій былъ облеченъ полномочіями легата и посланъ къ сеньорамъ Газенбурга, къ Іоанну Михельсбургскому и къ другимъ баронамъ, извѣстнымъ своимъ враждебнымъ отношеніемъ къ народной партіи. Прелатъ повезъ съ собою граматы, въ которыхъ соборъ въ трогательныхъ выраженіяхъ описывалъ терпѣніе и кротость, проявленныя имъ въ дѣлѣ Гуса, который погибъ только благодаря своей преступной закоснѣлости; несмотря на эту кротость, ученики еретика послали собору памфлеты; ересь безостановочно распространялась и заражала своимъ ядомъ всю страну; священники и монахи были ограблены, изгнаны, убиты. Поэтому вельможъ приглашали соединиться съ легатомъ, чтобы изгнать и уничтожить всѣхъ этихъ гонителей вѣры, не взирая на узы дружбы или родства. Но миссія Іоанна не увѣнчалась успѣхомъ, хотя Сигизмундъ 21 и 30 марта письменно благодарилъ католиковъ-вельможъ за ихъ благочестивое расположеніе и предупреждалъ гуситскихъ вельможъ, что, если они будутъ упорствовать въ своемъ заблужденіи, то весь христіанскій міръ соединится противъ нихъ въ крестовомъ походѣ. Пражскій университетъ отвѣтилъ 23 мая публичной декларацією, въ которой подтверждалъ безукоризненное правовѣріе Гуса и его выдающіяся заслуги. Среди наставниковъ университета Гусъ велъ самую безупречную жизнь; его любовь къ Богу и къ ближнимъ и смиреніе равнялись его учености и краснорѣчію; во всѣхъ отношеніяхъ онъ былъ удивительнаго благочестія и старался привести Церковь къ прежней простотѣ и добродѣтели. Думая, повидимому, что Іеронимъ уже казненъ, университетъ расточаетъ ему такія же похвалы за его ученость и строгое правовѣріе, добавляя, что смертью онъ одержалъ блестящую побѣду надъ своими врагами. Въ этомъ отношеніи университетъ умѣренно выражалъ господствовавшее въ то время въ Чехіи мнѣніе. Болѣе горячіе ученики не задумывались утверждать, что съ мученичествомъ Гуса можно сравнить только Страсти Господни [1]).

Ясно, что не было возможности примирить противоположныя мнѣнія, высказываемыя съ такимъ жаромъ. Такъ какъ нельзя было заставить чешскихъ вельможъ начать междоусобную войну, то, естественно, соборъ обратился къ Сигизмунду. Въ декабрѣ 1416 г. было послано Сигизмунду слезное посланіе, въ которомъ жаловались, что казнь Гуса и Іеронима вмѣсто того, чтобы пріостановить ересь, сдѣлала заблужденіе еще болѣе сильнымъ. Два эти еретика почитаются наравнѣ со святыми и мучениками—какъ-будто люди, отданные Церковью сатанѣ, суть избранники Бога; изображенія ихъ благочестиво сохраняются въ церквахъ, имена ихъ призываются во время обѣдни. Священники, оставшіеся вѣрными, изгнаны; судьба ихъ болѣе печальна, чѣмъ судьба евреевъ. Вельможи и дворяне открыто отказываютъ въ повиновеніи указамъ собора и не позволяютъ опубликовывать его рѣшенія. Учатъ, что причастіе подъ обоими видами необходимо для спасенія, и повсюду такъ совершаютъ Таинство. Въ заключеніе соборъ просилъ Сигизмунда выполнить свои обязанности и силою покорить этихъ мятежныхъ еретиковъ.

Сигизмундъ отвѣтилъ, что онъ переслалъ это посланіе къ Венцеславу, и если король не будетъ въ состояніи уничтожить ересь, то онъ всѣми силами поддержитъ его. Сигизмундъ и не думалъ предпринять ничего подобнаго, но, прождавъ шесть мѣсяцевъ, онъ нашелъ случай удобнымъ, чтобы напасть на брата, который былъ совершенно не въ состояніи выдержать грозу. Въ циркулярѣ отъ 3 сентября 1417 г., адресованномъ католикамъ Чехіи, императоръ далъ трогательную картину оскорбленій, нанесенныхъ духовнымъ лицамъ Чехіи, вынужденнымъ нероновскими пытками отречься отъ своей вѣры. Онъ подозрѣвалъ, что братъ его благосклонно относился къ ереси, такъ какъ подобныя

[1]) Epist. LXII, LXV (Joh. Hus, «Monumenta» I, 79—80, 82). — Palacky, «Documenta», 611—14, 621.—Ludewig, «Rel.» Mss. VI, 69.—Stephani Cartus. «Epist. ad Hussitas», P. I, c. 5 (Pez, «Thesaur. Anecdot.» IV, II, 521).

Библиотека "Руниверс"

преступленія никоимъ образомъ не могли бы при столь могущественномъ королѣ совершаться безъ поблажки монарха. Поэтому соборъ постановилъ преслѣдовать Венцеслава, но преслѣдованіе было отложено по просьбѣ Сигизмунда, который въ теченіе трехъ лѣтъ энергично боролся, чтобы отклонить этотъ роковой ходъ. Кончаетъ императоръ призывомъ всѣхъ своихъ подданныхъ не помогать ереси, а прилагать всѣ усилія къ ея уничтоженію [1]).

Немного спустя, 11 ноября 1417 г., Великій Расколъ окончился избраніемъ папы Мартина V. Подъ вліяніемъ этого ловкаго и рѣшительнаго папы, который въ 1411 г., будучи еще кардиналомъ Оттоне Колонна, осудилъ и отлучилъ Гуса отъ Церкви, Церковь, снова объединенная, поторопилась создать неизбѣжный конфликтъ. Въ февралѣ 1418 г. соборъ обнародовалъ нѣчто въ родѣ ультиматума изъ двадцати-четырехъ пунктовъ. Король Венцеславъ долженъ былъ поклясться уничтожить ересь Виклефа и Гуса. Въ подробныхъ инструкціяхъ предписывалось вернуть старое положеніе вещей въ Чехіи; слѣдовало возвратить и вознаградить изгнанныхъ священниковъ и вѣрныхъ католиковъ; слѣдовало возстановить почитаніе иконъ и соблюдать обряды Церкви. Всѣ зараженные ересью должны принести отреченіе. Главные ученые еретики, Янъ изъ Есинца, Яковъ Малый, Симонъ Рокицана и шестеро другихъ, были вызваны на судъ въ Римъ. Относительно причастія подъ обоими видами слѣдуетъ дать особое отреченіе; всякій, раздѣляющій ученіе Виклефа и Гуса, всякій, считающій святыми Гуса и Іеронима, долженъ быть сожженъ какъ еретикъ-рецидивистъ, т.-е. безъ права отреченія и безъ надежды на прощеніе. Наконецъ, всѣхъ гражданъ просили оказывать епископскимъ судьямъ поддержку по ихъ первому требованію подъ угрозой раздѣлить участь соумышленниковъ ереси. Это было только примѣненіе дѣйствующихъ законовъ, примѣненіе, которое мы не разъ уже видѣли, когда дѣло шло о цѣлыхъ народностяхъ. Для приведенія этихъ мѣръ въ исполненіе Сигизмундъ обѣщалъ посѣтить мятежную область съ четырьмя епископами и однимъ инквизиторомъ и сжечь всѣхъ, кто откажется отречься отъ своихъ заблужденій [2]).

За этимъ первымъ актомъ сейчасъ же послѣдовала булла, съ которой Мартинъ V обратился 22 февраля 1418 г. къ прелатамъ и инквизиторамъ Чехіи и Моравіи, а также и сосѣднихъ странъ, Пассау, Зальцбурга, Ратисбоны, Бамберга, Мейссена, Силезіи и Польши. Папа съ грустью и удивленіемъ отмѣчаетъ, что несчастная смерть Гуса и Іеронима не заставила еретиковъ раскаяться, а наоборотъ,—демонъ ввелъ ихъ въ еще большіе грѣхи. Онъ приказываетъ прелатамъ и инквизиторамъ ловить мятежниковъ и отдавать ихъ въ руки свѣтской власти. Всякій, кто проявитъ небрежность въ выполненіи этого дѣла, будетъ лишенъ милости и смѣщенъ. Свѣтскіе князья получили приказаніе арестовывать всѣхъ еретиковъ, держать ихъ въ оковахъ и карать по заслугамъ, разъ только виновность ихъ будетъ установлена. Папа давалъ длинный рядъ указаній относительно суда, наказаній и конфискацій согласно съ установившейся инквизиціонной практикой. Если это вмѣшательство папы имѣло цѣлью помочь Сигизмунду въ обѣщанномъ имъ походѣ, то это было безполезно: императорское обѣщаніе, какъ и всѣ обѣщанія Сигизмунда, было пустыми словами. Въ декабрѣ 1418 г. императоръ удовольствовался тѣмъ, что письменно пригрозилъ Венцеславу крестовымъ походомъ, если онъ не уничтожитъ ереси [3]).

Эти документы даютъ, быть-можетъ, нѣсколько мрачную, но совершенно вѣрную картину состоянія Чехіи въ ту эпоху. Почти все королевство стряхнуло съ себя ярмо Церкви,

---

[1]) Von der Hardt, IV, 1077—82, 1410—13.—Palacky, «Documenta», 652—4.

Несомнѣнно, тѣ изъ духовныхъ, которые остались вѣрными Риму, должны были служить мишенью для грубыхъ притѣсненій. Въ 1417 г. Стефанъ Ольмюцскій жалуется, что ихъ прогоняютъ изъ ихъ бенефицій, что надъ ними проявляютъ насиліе, что ихъ рѣжутъ.—Steph. Cartus. «Epist. ad Hussitas», P. I, c. 3 (Pez, «Thesaur. Anecd.» IV, II, 517).

[2]) Von der Hardt, IV, 1514—18.—Palacky, «Documenta», 676—77.

[3]) Von der Hardt, IV, 1518—31.—Palacky, «Documenta», 684—86.

Библиотека "Руниверс"

хотя въ Кутнѣ-Горѣ уже нѣмецкіе рудокопы работали надъ уничтоженіемъ еретиковъ страны. Доктрины Виклефа, принятыя Гусомъ, торжествовали повсюду. Освободившіеся отъ всякаго стѣсненія со стороны центральной власти жители пользовались этой свободой и довели до крайности ненависть, которую внушало имъ духовенство. Утраквизмъ, или причастіе подъ обоими видами, былъ предметомъ такого бѣшенаго увлеченія, которое теперь кажется почти непонятнымъ. Энтузіазмъ сдѣлался еще сильнѣе благодаря запрещенію, составленному архіепископомъ Конрадомъ 1 ноября 1415 г. и повторенному 1 февраля 1416 г. Въ 1417 г. пражскій университетъ торжественно высказался въ пользу утраквизма и заявилъ, что не имѣетъ никакого значенія ни одно человѣческое рѣшеніе, измѣняющее установленіе самого Христа и практику древней Церкви; съ этого времени этотъ пунктъ ученія сталъ отличительною чертою гуситовъ отъ католиковъ. Въ догму были введены еще новыя положенія, и трудно было уже установить согласіе между смѣлыми и робкими реформаторами. Уже въ 1416 г. Христанъ изъ Прахатицъ упрекалъ Венцеслава Кораду въ томъ, что онъ отрицаетъ чистилище, значеніе молитвъ за мертвыхъ и предстательство Святыхъ, осуждаетъ почитаніе Св. Дѣвы, мощей и иконъ, даетъ причастіе только-что крещенымъ младенцамъ, не признаетъ обряды и низводитъ Церковь къ первоначальной простотѣ. Другіе еретики учили, что можно служить литургію не только въ церкви, но и во всякомъ другомъ мѣстѣ, и что міряне могутъ совершать таинство крещенія въ пруду или въ проточной водѣ. Уже образовалась секта, которая, принимая идеи Виклефа, стала позднѣе извѣстна подъ именемъ таборитовъ. Другая, болѣе умѣренная партія, была партія чашниковъ, или утраквистовъ; они, довольные полученными результатами, старались положить предѣлъ рвенію, угрожавшему всему старому порядку вещей. Партіи начинали выясняться. 25 января 1417 г., по всей вѣроятности, незадолго до своей декларации въ пользу утраквизма, университетъ издалъ записку, въ которой онъ свидѣтельствовалъ, что въ странѣ часто поднимались споры о существованіи чистилища, о благословеніяхъ и о разныхъ церковныхъ обрядахъ. Чтобы положить конецъ этимъ спорамъ, университетъ ставилъ всѣмъ въ обязанность вѣрить въ чистилище, въ пользу предстательства святыхъ, въ значеніе молитвъ, въ милостыню на поминовеніе мертвыхъ, въ иконы Христа и святыхъ, въ употребленіе кадила, кропленія, колоколовъ, въ поцѣлуй мира, освященіе купели, соли, хлѣба, воска, огня, вѣтвей, яицъ, сыра и другихъ съѣстныхъ предметовъ. Не надлежитъ слушать ни одного новатора, проповѣдующаго ученіе, не согласное съ этимъ, пока онъ не докажетъ истины своего ученія передъ университетомъ. Въ сентябрѣ 1418 г. понадобилось подтвердить эту декларацію, добавивъ къ ней осужденіе ученій, запрещавшихъ клятву, казни по приговору суда и таинства, совершаемыя священниками, находящимися въ состояніи смертнаго грѣха— доказательство, что вальденскія теоріи быстро распространялись среди таборитовъ [1]).

Мы видимъ, какіе вопросы занимали тогда умы, и какъ сильно расходились мнѣнія. Убѣжденія были черезчуръ тверды, съ вѣротерпимостью были мало знакомы, такъ что споры не могли носить мирнаго характера. Возбужденіе росло со дня на день, вызывая по временамъ кровавыя столкновенія. Такъ какъ возбужденіе распространялось повсемѣстно, то мужчины и женщины, принадлежавшіе къ наиболѣе крайнимъ сектамъ, начали сбѣгаться съ разныхъ сторонъ королевства и собираться на сосѣдней горѣ Бехинѣ, которой они дали имя горы Таборъ, и гдѣ они получали причастіе подъ двумя видами. Собранія ихъ бывали болѣе многочисленны въ праздничные дни. 22 іюля 1419 г., въ день св. Маріи Магдалины, число собравшихся опредѣлялось въ сорокъ тысячъ человѣкъ. Многочисленность ихъ придавала имъ храбрость. Между ними поднимался даже вопросъ о низложеніи короля Венцеслава и о возведеніи на престолъ Николая, господина Гусинца,

[1]) Palacky, «Documenta», 631—2, 633—8, 654—6, 679.—Laur. Byzyn. «Diar. Bell. Hussit.» (Ludewig, VI, 138—9). — Joh. Hus, «Monumenta», II, 364.— Aegid. Carlerii «Lib. de Legation.» (Monument. Concil. General. Saec. XV. T. I, 385—6).

Библиотека "Руниверс"

популярнаго среди нихъ за сказанную въ ихъ защиту передъ королемъ рѣчь, за которую онъ поплатился изгнаніемъ; но ихъ духовный вождь, священникъ Венцеславъ Коранда, отговорилъ ихъ отъ этого проекта, доказавъ имъ, что перемѣна короля не принесетъ имъ никакой пользы, такъ какъ настоящій король, будучи пьяницей, предоставляетъ имъ полную свободу дѣйствій. Этотъ проектъ былъ оставленъ, но миръ, тѣмъ не менѣе, не былъ возстановленъ. 31 іюля произошли безпорядки на Новомъ-Градѣ въ Прагѣ. По приказанію короля власти попытались остановить шествіе со Святыми Тайнами. Народъ поднялся подъ предводительствомъ Яна Жижки, котораго пылкая ревность, смѣлость и хладнокровіе быстро выдвинули въ первые ряды мятежниковъ, и захватилъ городскую ратушу; всѣхъ находившихся тамъ выбросили въ окно, и они тотчасъ же были перебиты уличной толпой. Это такъ обезпокоило и взволновало короля, что съ нимъ сдѣлался параличъ, отъ котораго онъ и умеръ 15 августа [1]).

Какъ ни была слаба власть короля, тѣмъ не менѣе, она сдерживала враждебныя секты, готовыя каждую минуту вступить въ междоусобную войну. Смерть короля была сигналомъ къ вспышкѣ. Два дня спустя толпа разграбила церкви и монастыри, гдѣ разбила иконы и органы. Народная ярость особенно обрушилась на тѣ церкви, въ которыхъ мірянамъ отказывали въ чашѣ. Въ нѣсколько дней священники и монахи были взяты въ плѣнъ, а монастыри доминиканцевъ и картезіанцевъ были подожжены. Тщетно королева Софія пыталась возстановить порядокъ при помощи оставшихся вѣрными ей бароновъ. Вспыхнула междоусобная война. Наконецъ, 13 ноября королева заключила съ гражданами Праги перемиріе до 23 апрѣля 1420 г. Софія обѣщала соблюдать божескій законъ и причастіе подъ обоими видами. Съ своей стороны, граждане обязывались не разбивать болѣе образовъ и не грабить монастырей. Но раздраженіе съ той и съ другой стороны было настолько сильно, что его нельзя было сдержать. Жижка прибылъ въ Прагу и разрушилъ монастыри какъ въ городѣ, такъ и въ окрестностяхъ. Королева Софія осадила Пильзенъ. Между сосѣдями вспыхнула война, отличавшаяся ужасными жестокостями. Нѣмецкіе рудокопы изъ Каурзима и Кутны-Горы побросали въ заброшенныя копи всѣхъ попавшихъ имъ въ руки чашниковъ. Баварцы, пришедшіе на помощь Рачко изъ Риземберга, привязали къ дереву одного ревностнаго священника чашниковъ Наакваву и сожгли его живымъ. Жижка не уступалъ имъ въ жестокости къ своимъ врагамъ: сжигая монастыри, онъ нерѣдко и монаховъ заставлялъ раздѣлять участь ихъ жилищъ. Обѣ стороны часто обрѣзали плѣнникамъ руки и ноги [2]).

Теперь Сигизмундъ сталъ законнымъ королемъ Чехіи и потребовалъ свое наслѣдство. Первымъ дѣломъ его было послать въ Прагу делегатовъ съ предложеніемъ оставить чашу тѣмъ, кому причастіе подъ этимъ видомъ было разрѣшено при Венцеславѣ, созвать общее народное собраніе и послѣ совѣщанія представить на разсмотрѣніе Св. Престола разные спорные вопросы. Собраніе бароновъ и духовенства рѣшило принять эти условія. Въ день Рождества 1419 г. Сигизмундъ прибылъ въ Брюннъ, куда для принесенія присяги явились толпою вельможи и представители городовъ. Правда, депутаты Праги упорно продолжали употреблять чашу, такъ что на городъ Брюннъ былъ наложенъ интердиктъ на то время, пока они тамъ были; но, когда Сигизмундъ приказалъ имъ снять цѣпи, протянутыя черезъ пражскія улицы, и уничтожить укрѣпленія, возведенныя противъ дворца, то никто не осмѣлился ослушаться его; вернувшись 3 января 1420 г. домой, депутаты приказали выполнить указъ короля. Вскорѣ сказалась обычная недобросовѣстность Сигизмунда. Новый король отстранилъ отъ должностей всѣхъ кастеляновъ и чиновниковъ, расположенныхъ къ

[1]) Laur. Byzyn. «Diar. Bell. Hussit.» (Ludewig, VI, 142—44).—Aen. Sylvii, «Hist. Bohem.» c. 36, 37.

[2]) Laur. Byzyn. «Diar. Bell. Hussit.» (Ludewig, 145—52, 154—56).—Hist. Persecut. Eccles. Bohem, 37—8.—Camerarii «Hist. Frat. Orthod.», 49.

Библиотека "Руниверс"

гуситамъ; бѣжавшіе или изгнанные католики вернулись и начали торжествовать надъ своими противниками. Былъ изданъ императорскій эдиктъ, который, согласно съ декретами Констанцскаго собора, приказывалъ всякому, имѣющему какую-либо власть, искоренять гуситовъ, виклефитовъ и всѣхъ, употребляющихъ чашу. На этотъ разъ не произошло еще правильнаго возстанія, но предусмотрительный Жижка, чувствуя приближеніе грозы, принялся со своими партизанами укрѣплять гору Таборъ. Эта гора, представлявшая природную крѣпость, вскорѣ сдѣлалась совершенно неприступной и въ теченіе цѣлаго поколѣнія была убѣжищемъ для непреклонныхъ сектантовъ, которые стали извѣстны на весь міръ подъ именемъ таборитовъ. Въ большинствѣ это были простые крестьяне, показавшіе рыцарству Европы, на что способны свободные люди, одушевленные религіозною ревностью и расовою ненавистью. Ихъ деревенскія телѣги образовывали оплотъ, котораго боялись самые храбрые вельможи. Эти горячіе защитники своей вѣры, вооруженные иногда цѣпами, обдѣланными въ желѣзо, не задумываясь, бросались на прекрасно вооруженные отряды и поражали ихъ быстротою своего натиска. Дикіе и не дисциплинированные, они часто бывали жестоки; благодаря своей фанатической храбрости они были грозой всей Германіи [1]).

Сначала казалось, что Сигизмундъ намѣренъ мирно вступить во владѣніе своимъ королевствомъ, и это затрудняло на будущее время всякую попытку къ возстанію. Вдругъ одинъ необдуманный и безполезный поступокъ предалъ огню всю Чехію. Безпорядки, вспыхнувшіе въ Силезіи, отозвали Сигизмунда въ Бреславль, гдѣ къ нему присоединился папскій легатъ, которому было поручено отъ имени Мартина V проповѣдывать крестовый походъ, оплачиваемый индульгенціями, какъ за походъ въ Святую Землю. Пражскій купецъ Янъ Краса, случайно попавшій въ этотъ городъ, сказалъ смѣлое слово въ защиту Гуса. Онъ былъ арестованъ, остался непреклоненъ въ своей вѣрѣ и осужденъ легатомъ и прелатами изъ свиты Сигизмунда: его привязали за пятки къ хвосту лошади и протащили, такимъ образомъ, до мѣста казни, гдѣ онъ долженъ былъ быть сожженъ. Пока онъ томился въ тюрьмѣ, къ нему присоединился пражскій студентъ Николай изъ Виѳлеема, посланный городомъ къ Сигизмунду съ порученіемъ узнать отъ короля, согласенъ ли онъ разрѣшить свободное употребленіе чаши. Вмѣсто того, чтобы выслушать предложенія посланнаго, его судили какъ еретика и до окончанія процесса заключили въ тюрьму. Краса ободрялъ Николая оставаться непреклоннымъ; оба они были выведены изъ темницы 15 марта 1420 г. Когда Николая готовились привязать къ хвосту лошади, то мужество оставило его, и онъ отрекся отъ своихъ заблужденій. Краса былъ непоколебимъ. Когда его влачили къ мѣсту казни, за нимъ слѣдовалъ легатъ и убѣждалъ его раскаяться. Полумертвый еретикъ былъ привязанъ къ костру и сожженъ, а черезъ два дня, 17 марта, легатъ объявилъ крестовый походъ. Жребій былъ брошенъ, и, какъ того хотѣла Церковь, новая альбигойская война стала неизбѣжной [2]).

Въ Чехіи болѣе не колебались. Бреславльскія событія вызвали общую коалицію противъ Сигизмунда: ему сохранили вѣрность только нѣкоторые бароны и немногіе нѣмцы, оставшіеся еще въ странѣ. Проповѣдники метали громы противъ императора, котораго они называли Краснымъ Дракономъ Апокалипсиса. 3 апрѣля пражскіе утраквисты въ

---

[1]) Aegid. Carlerii «Lib. de Legation» (Mon. Concil. General. Saec. XV. T. I, 387).—Laur. Byzyn. «Diar. Bell. Hussit.» (Ludewig, VI, 152—4, 157—8, 168, 172).

[2]) Laur. Byzyn. «Diar. Bell. Hussit.» (Ludewig, VI, 159). — Raynald. ann. 1420, № 13.— Hist. Persecut. Eccles. Bohem. 39—40.—Aegid. Carlerii «Lib. de Legation», loc. cit.

Чешская демократическая партія также получила предупрежденіе. Сигизмундъ жестоко отомстилъ гражданамъ Бреславля, принявшимъ участіе въ возстаніи, подобномъ пражскому. 7 марта онъ велѣлъ обезглавить двадцать-трехъ изъ нихъ. — Bezold, «König Sigmund und die Reichskriege gegen die Hussiten», Мюнхенъ, 1872, стр. 37.

Библиотека "Руниверс"

торжественной клятвѣ соединились съ таборитами, чтобы вмѣстѣ до послѣдней капли крови защищаться противъ Сигизмунда, и дѣятельно принялись за приготовленія въ виду возможной осады. Силы Сигизмунда были недостаточны для того, чтобы усмирить королевство, поднявшееся противъ своего короля. Первоначально онъ отправился къ Кутну-Гору, но былъ вынужденъ отступить и ожидать сформированія отрядовъ крестоносцевъ. Организація священной войны была дѣломъ долгимъ, и только въ слѣдующемъ 1421 г. она яростно обрушилась на Чехію. Армія крестоносцевъ была въ состояніи сломить всякое сопротивленіе; въ ея сто-пятидесятитысячной массѣ были представители всѣхъ концовъ Европы: Россіи и Испаніи, Сициліи и Англіи. Церковь объединилась, подняла весь христіанскій міръ, чтобы подавить мятежъ; она щедро раздавала сокровища вѣчнаго спасенія, лишь бы только уничтожить дерзкихъ, утверждавшихъ, что Гусъ и Іеронимъ были невинны, и принимавшихъ причастіе въ томъ видѣ, какъ въ теченіе двѣнадцати вѣковъ его принимали всѣ христіане. Чехи дрались съ энергіей отчаянія. Пять разъ въ теченіе 1421 г. крестоносцы вторгались въ Чехію; пять разъ они потерпѣли пораженіе и были прогнаны. Что касается выгоды, которую война приносила Церкви, то ее трудно было замѣтить, такъ какъ Сигизмундъ грабилъ всѣ драгоцѣнныя церковныя украшенія, не отъ того, какъ говорилъ онъ, что не питаетъ уваженія къ святынямъ, но отъ того, что не желалъ допустить, чтобы эти сокровища попали въ руки гуситовъ. И съ той и съ другой стороны были проявлены жестокости, которыя можно встрѣтить только въ религіозныхъ войнахъ. Во время осады Праги всѣ плѣнные чехи были сожжены какъ еретики, безъ всякаго разслѣдованія того, были ли они утраквисты, или нѣтъ. Съ своей стороны, 19 іюля осажденные попросили магистратовъ выдать имъ шестнадцать плѣнныхъ нѣмцевъ, вывели ихъ за городскія стѣны и сожгли въ бочкахъ на глазахъ у осаждавшей арміи. Мы можемъ составить себѣ представленіе о жестокостяхъ, сопровождавшихъ эту борьбу, по тому, что среди добрыхъ дѣлъ епископа пассаускаго Георгія, бывшаго въ свитѣ Альберта Австрійскаго, фигурируетъ и тотъ фактъ, что своимъ заступничествомъ онъ спасъ жизнь множества чешскихъ плѣнныхъ [1]).

Въ нашу задачу не входитъ подробное разсмотрѣніе этой кровавой борьбы, во время которой гуситы въ теченіе десяти лѣтъ успѣшно отражали всѣ усилія, которыя могли поднять противъ нихъ Мартинъ и Сигизмундъ. Когда прибыли крестоносцы, гуситы представляли хорошо объединенную линію защиты; но вскорѣ они были разорваны несогласіями, тѣмъ болѣе горячими, что ихъ религіозное чувство было крайне экзальтировано. Принявъ вмѣстѣ съ ученіями Виклефа и Гуса право свободнаго разслѣдованія, они не могли уже ограничить эту свободу. Нельзя было также надѣяться, чтобы преслѣдованіе научило преслѣдуемыхъ терпимости; а среди нравственнаго, умственнаго и соціальнаго паденія, жестоко волновавшаго Германію, всякое даже, самое нелѣпое, ученіе находило себѣ сторонниковъ.

Въ 1418 г. сорокъ пикардовъ съ женами и дѣтьми пришли въ Прагу. Королева Софія и другія высокопоставленныя лица радушно приняли ихъ. У нихъ не было священниковъ; одинъ изъ нихъ читалъ мѣста изъ нѣсколькихъ маленькихъ книгъ; они причащались подъ двумя видами. Эта секта исчезла, не оставивъ слѣда. Несомнѣнно, это были бегарды, изгнанные изъ своихъ жилищъ и искавшіе убѣжища отъ своихъ преслѣдователей. Имя ихъ долго сохранялось въ Чехіи и было презрительнымъ названіемъ людей, отрицавшихъ пресуществленіе. Позднѣе болѣе грозную демонстрацію произвели Братья Свободнаго Духа. Одинъ прибывшій изъ Фландріи, какъ говорили, иностранецъ, имя котораго «Pichardus», показываетъ, что это былъ бегардъ, началъ проповѣдывать ученіе Братьевъ.

[1]) Laur. Byzyn. «Diar. Bell. Hussit.» (Ludewig, VI, 161—3, 167—70, 181). — Andreae Ratispon. «Chron.» (Eccard. «Corp. Hist.» I, 2147).—Schrödl. «Passavia Sacra», 289. — Naucleri «Chron.» 933 (изд. 1544 г.).—Hist. Persecut. Eccles. Bohem., 43—44.

Библиотека "Руниверс"

Между прочимъ, онъ проповѣдывалъ, что нагота—существенный признакъ нравственной чистоты; мы уже знаемъ, что это было одной изъ нелѣпостей секты. Подобное ученіе не могло, конечно, найти себѣ мѣста въ благоустроенномъ обществѣ, но въ Чехіи еретикъ безъ труда собралъ вокругъ себя многочисленный кругъ учениковъ обоего пола. Онъ устроился съ ними на одномъ островѣ на Лужницѣ и далъ имъ имя Адамитовъ. Быть-можетъ, эта община жила бы себѣ спокойно, если бы фанатизмъ или вызванная чѣмъ-либо месть не заставили ихъ перебраться на берегъ, гдѣ они убили до двухсотъ крестьянъ, которыхъ называли «Дѣтьми Сатаны». Этимъ они привлекли на себя вниманіе Жижки, который занялъ островъ и уничтожилъ сектантовъ. Пятьдесятъ изъ нихъ, мужчинъ и женщинъ, были сожжены въ Клокотѣ; бѣжавшихъ преслѣдовали, и они раздѣлили, одинъ за другимъ, участь первыхъ. Они встрѣчали казнь поразительно весело и шли на костеръ, смѣясь и танцуя [1]).

Мысль сразу настолько освободилась отъ всякой опеки духовенства, что менѣе уравновѣшенные умы неизбѣжно впали въ самыя крайнія умозрѣнія. Среди ревнителей, образовавшихъ секту таборитовъ, прежде всего сказалось стремленіе объяснять апокалиптическія пророчества примѣнительно ко времени. Прежде всего долженъ наступить періодъ неумолимаго мщенія, во время котораго можно будетъ найти убѣжище только въ пяти городахъ; затѣмъ сойдетъ на землю Христосъ, и наступитъ между избранными царство мира и любви; на землѣ будетъ тогда рай. Сначала полагали, что уничтоженіе злыхъ должно быть дѣломъ Бога, а затѣмъ, когда страсти разгорѣлись, пришли къ мысли, что добродѣтельные люди должны безъ жалости косить преступныхъ. Вождемъ послѣдователей этого вѣрованія хиліастовъ былъ Мартинъ Гуска, прозванный за свое краснорѣчіе Loquis. Среди нихъ было много знаменитыхъ таборитскихъ священниковъ, между прочимъ Коранда. Въ нѣкоторыхъ частностяхъ ихъ ученія видно вліяніе вальденцевъ. Католикамъ они были особенно ненавистны за то, что отрицали пресуществленіе, и поэтому ихъ преслѣдовали безъ всякаго милосердія повсюду, гдѣ только враги ихъ имѣли достаточно вліянія. Одинъ изъ наиболѣе вліятельныхъ ихъ членовъ, пражскій башмачникъ Венцеславъ, былъ сожженъ въ бочкѣ 23 іюля 1421 г. за то, что не всталъ во время Великаго Выхода. Немного позднѣе ту же участь раздѣлили, одинъ за другимъ, три священника, отказавшіеся зажечь свѣчи передъ Святыми Дарами. Самъ Мартинъ Гуска былъ арестованъ въ февралѣ 1421 г. и выпущенъ на свободу по просьбѣ таборитовъ. Тогда онъ въ сопровожденіи одного спутника отправился въ Моравію, чтобы присоединиться къ Прокопу. Но путники были задержаны въ Хрудимѣ и сожжены въ Градищѣ послѣ двухмѣсячныхъ пытокъ, которыя не могли заставить ихъ отречься отъ заблужденій и назвать своихъ соумышленниковъ. Секта хиліастовъ, какъ отдѣльная ересь, исчезла быстро; но члены ея смѣшались съ таборитами, на которыхъ они оказали большое вліяніе. Петръ изъ Затце, бывшій въ 1433 г. представителемъ орфелиновъ въ делегаціи, посланной въ Базель, былъ хиліастъ [2]).

Вообще эти второстепенныя секты прекратили свое существованіе и слились съ другими. Чешскіе реформаторы дѣлились тогда на два лагеря: умѣренныхъ, называвшихся чашниками или утраквистами, и таборитовъ, представителей крайнихъ идей.

Чашники признавали окончательными ученія Гуса и Якобелла изъ Миса. Когда послѣ смерти Венцеслава обстоятельства потребовали формальнаго объявленія основныхъ положеній, то пражскій университетъ 1 августа 1420 г. принялъ единогласно, за исклю-

---

[1]) Palacky, «Beziehungen», 20—1. — Aen. Sylvii «Hist. Bohem.», c. 41. — Dubravii «Hist. Bohem.» lib. 27.

[2]) Laur. Byzyn. «Diar. Bell. Hussit.» (Ludewig), VI, 202—7). - Palacky, «Beziehungen», 31.— J. Goll, «Quellen und Untersuchungen zur Geschichte der Böhmischen Brüder», Прага, 1882 г., II, 10—11, 57—60. — Hist. Persecut. Eccles. Bohem. 46—8. — Palacky, «Praef. in Mon. Concil. Gen. Saec. XV», стр. XX.

Библиотека "Руниверс"

чепіемъ одного голоса, четыре положенія, которыя на протяженіи болѣе столѣтія служили исповѣданіемъ вѣры секты. Въ краткомъ текстѣ, принятомъ университетомъ, эти основныя положенія представляются довольно простыми: 1) свободная проповѣдь слова Божьяго; 2) причащеніе мірянъ подъ двумя видами; 3) секуляризація церковныхъ имуществъ и возвратъ къ евангельской жизни Христа и апостоловъ; 4) наказаніе за всѣ преступленія, совершенныя противъ божескаго закона, не взирая ни на личность, ни на обстоятельства. Эти четыре положенія немедленно были приняты общиной строгихъ утраквистовъ Праги и въ разныхъ выраженіяхъ, развивавшихъ ихъ или разъяснявшихъ ихъ, объявлены всему міру. Всякій, кто не будетъ принимать Символа вѣры апостоловъ, св. Аѳанасія и Никейскаго собора, не будетъ признавать семи таинствъ ея и существованіе чистилища, объявлялся еретикомъ. Преступленія противъ божескаго закона подлежали смертной казни, причемъ наказанію подвергался не только главный виновникъ, но и всѣ его единомышленники. Такими преступленіями для народа считались прелюбодѣяніе, чревоугодіе, воровство, человѣкоубійство, клятвопреступленіе, ложь, суевѣрные обряды, алчность, лихоимство и т. д.; для духовенства же такими преступленіями, кромѣ того, считались святокупство, напр., взиманіе приношеній за совершеніе таинствъ, за проповѣди, за погребеніе, за звонъ въ колокола, за освѣщеніе церквей или алтарей; затѣмъ торговля бенефиціями, конкубинатъ, прелюбодѣяніе, ссоры, неосновательные вызовы въ судъ, обидные и разорительные для народа, незаконное вымогательство денегъ и т. п. [1]).

На основаніи этихъ положеній утраквистская Церковь приступила къ своей организаціи на соборѣ, состоявшемся въ Прагѣ въ 1421 г. Четыре главныхъ доктора: Янъ изъ Пршибрама, Якобеллъ изъ Миса, Прокопъ изъ Пильзена и Янъ изъ Нейбурга получили титулъ «высшихъ руководителей духовенства» для всего королевства съ неограниченнымъ правомъ наказывать виновныхъ. Всякій, желающій проповѣдывать новое ученіе, долженъ былъ представить его раньше на разсмотрѣніе этихъ руководителей или помѣстнаго собора. Пресуществленіе и семь таинствъ были подтверждены особо. Ежедневное присутствіе при таинствѣ евхаристіи было сдѣлано обязательнымъ для всѣхъ, даже для больныхъ и дѣтей. Обѣдня была упрощена и возстановлена въ своемъ первоначальномъ видѣ. Была сдѣлана обязательной исповѣдь передъ священникомъ, а также употребленіе св. мира и освященной воды при крещеніи. Духовныя лица должны были отличаться тонзурой, одеждой и нравами. Всякій священникъ долженъ былъ имѣть экземпляръ Св. Писанія или, по крайней мѣрѣ, Новаго Завѣта. Нравственность духовенства была строго регламентирована, и мірянамъ было строго запрещено оказывать поддержку осужденному священнику [2]).

Такимъ образомъ, утраквисты старались основать свою Церковь по возможности ближе къ традиціямъ древней Церкви. Они принимали всѣ ученія католической Церкви и даже ученіе о правѣ вязать и разрѣшать на таинствѣ исповѣди; они возставали и протестовали только противъ злоупотребленій, порожденныхъ мірскими стремленіями духовенства. Это была пуританская реформа, создавшая пуританскую общину. Вскорѣ послѣ воссоединенія съ Церковью, признаннаго Базельскимъ соборомъ, чехи жаловались въ 1436 г. Сигизмунду, что городъ ихъ — Содомъ, полный игроковъ, пьяницъ и публичныхъ женщинъ. Какъ странны должны были показаться имъ разсужденія христіанскаго прелата, Кутанскаго епископа, легата собора, который доказывалъ имъ, что хорошо исправить пороки людей, но что нужно терпѣть проститутокъ, во избѣжаніе еще худшаго зла [3]).

---

[1]) Aegid. Carlerii «Lib. de Legation.» (Mon. Concil. Gen. Saec. XV. T. I, 389). — Epist. LXVI, LXVII (Joh. Hus, «Monumenta», I, 82—4).—Laur. Byzyn. «Diar.» (Ludewig, VI, 175—81).

[2]) Conciliab. Pragens. ann. 1421 (Hartzheim, V, 199—201). Ср. Johann. de Przibram Profess. Cath. Fidei (Cochlaei «Hist. Hussit.», 501 и слѣд.).

[3]) Joh. de Turonis Regest. («Monum. Concil. Gen. Saec. XV», T. I, 833, 858).

Между тѣмъ, въ папскихъ буллахъ, проповѣдывавшихъ крестовые походы, эти пуритане

Библиотека "Руниверс"

Утраквисты, старавшіеся строго удержаться въ границахъ католичества, считали названіе ихъ еретиками тяжелымъ и незаслуженнымъ оскорбленіемъ; а послѣ ихъ воссоединенія на Базельскомъ соборѣ самымъ частымъ поводомъ къ ихъ жалобамъ было то, что ихъ продолжали клеймить именемъ еретиковъ. Они просили соборъ разослать по всему христіанскому міру граматы, что ихъ нужно считать вѣрными сынами Церкви. Въ 1464 г., когда многіе папы послѣдовательно отказались подтвердить рѣшеніе Базельскаго собора и отлучили, какъ закоснѣлаго еретика, Юрія Подѣбрада и всѣхъ, признававшихъ его королемъ, то Подѣбрадъ послалъ посольство къ французскому королю Людовику XI. Посолъ Костка изъ Постубицъ и его спутники не разъ, къ своему негодованію и удивленію, видѣли, что населеніе городовъ, черезъ которые имъ приходилось проѣзжать, смотрѣло на нихъ какъ на еретиковъ. Положеніе утраквистовъ въ Чехіи было аномаліей, другого примѣра которой мы не находимъ въ исторіи среднихъ вѣковъ [1]).

Было невозможно, чтобы при томъ умственномъ и религіозномъ возбужденіи, которое такъ сильно волновало Чехію, пылкіе люди удовольствовались жизнью, какъ бы на порогѣ реформы. Старые вальденцы, радостно привѣтствовавшіе успѣхъ виклефитскихъ и гуситскихъ ученій, естественно, старались помѣшать господству консервативнаго ученія утраквистовъ. Какъ мы уже видѣли, многіе изъ ревнителей были склонны къ отрицанію священства. Подъ энергичнымъ управленіемъ Жижки, Коранды, Николая Пильграмскаго и другихъ рѣшительныхъ людей наиболѣе передовые элементы населенія быстро образовали могущественную партію, которая, освободившись отъ нѣкоторыхъ нетерпимыхъ энтузіастовъ, выступила съ опредѣленною вѣрою и цѣлью и образовала секту таборитовъ.

Въ послѣднее время возникъ горячій споръ о томъ, были ли вальденцы учителями или учениками таборитовъ? Не отрицая, что дѣятельность послѣднихъ очень сильно содѣйствовала развитію первыхъ, я думаю, что вальденская ересь, тайно существовавшая въ Чехіи, имѣла большое вліяніе на дѣятельность Гуса и на движеніе, вызванное сю. Достовѣрно, что между таборитами и вальденцами существовали тѣсныя и дружескія сношенія, тогда какъ остальными чехами одно уже названіе «вальденецъ» считалось оскорбительнымъ. Съ другой стороны, между ученіями вальденцевъ и виклефитовъ было такъ много общаго, что иначе не могло быть. Я уже упоминалъ о денежной помощи, оказанной въ 1432 г. гуситамъ вальденскими церквами Дофинэ и о возможномъ сліяніи гуситовъ и вальденцевъ въ Германіи. Въ 1433 г. Прокопъ Большой, откликаясь передъ Базельскимъ соборомъ, имѣлъ смѣлость сказать въ своей рѣчи слово въ защиту вальденцевъ, заявивъ, что онъ слышалъ похвалы ихъ цѣломудрію, ихъ скромности и другимъ добродѣтелямъ. Преслѣдованіе 1430 г. такъ разрѣдило ряды вальденцевъ, что у нихъ не осталось ни священниковъ, ни епископа. Таборитскій епископъ Николай Пильграмскій, получившій посвященіе въ римской Церкви и имѣвшій поэтому право передавать апостольское преемство, посвятилъ въ Прагѣ въ 1433 г. въ епископы для вальденцевъ двухъ изъ нихъ, Фридриха Нѣмца и Яна Итальянца. Эней Сильвій, посѣтившій гору Таборъ и составившій въ 1451 г. живое описаніе видѣннаго имъ тамъ, удостовѣряетъ, что всѣ ереси находили себѣ тамъ убѣжище, и что вальденцы пользовались тамъ особымъ почетомъ какъ намѣстники Христа и враги Св. Престола [2]).

изображались не только ниспровергающими весь политическій и соціальный строй, но и осуждающими бракъ и предающимися всевозможнымъ низкимъ и скотскимъ удовольствіямъ. — Martini PP. V Bull. «Permisit Deus», 25 oct. 1427 («Fascic. Rer. Expetendarum et Fugiend.», II, 613).

[1]) Joh. de Turonis «Regestrum» («Mon. Conc. Gen. Saec. XV», T. I, 843, 858, 865). — Wratislaw, «Diary of an Embassy from George of Bohemia», Лондонъ, 1871 г.

[2]) Aeneae Sylvii, «Hist. Bohem.», c. 35; Ejusdem, «Epist.» 130 («Opera», изд. 1571 г., стр. 678).—Pet. Zatecens, «Lib. Diurnus» («Monumenta Conc. Gen. Sacc. XV», T. I, 352).—Concil. Bituricens. ann. 1432 (Harduin. VIII, 1459).—Goll, «Quellen und Untersuchungen zur Geschichte der Böhmischen Brüder», I, 106.

Библиотека "Руниверс"

Когда въ 1421 г. утраквисты окончательно опредѣлили свое ученіе, то и табориты сдѣлали то же. Многія заблужденія вальденцевъ привлекали тогда вниманіе и были очень распространены среди населенія; это показываетъ намъ, какія изъ нихъ оказывали тогда дѣйствіе на общественное мнѣніе; таковы были, между прочимъ, отрицаніе чистилища, вѣра въ недѣйствительность таинствъ въ рукахъ, осквернепныхъ грѣхомъ, рѣшительное запрещеніе смертной казни и клятвы. Направленіе, принятое таборитами, представляло такъ много поразительныхъ аналогій съ вѣрованіями, приписанными въ 1395 г. вальденцамъ Австріи инквизиторомъ Петромъ, что было невозможно не признавать связи между двумя ученіями. Принимая четыре положенія утраквистовъ, табориты стремились вернуть Церкви ея первоначальную простоту. Преданіе рѣшительно отвергалось; иконы слѣдовало сжечь; по внѣшности духовенство ничѣмъ не должно отличаться отъ мірянъ; священникъ носилъ бороду, не имѣлъ тонзуры и одѣвался какъ всѣ; всѣ священники были въ то же время и епископами и могли посвящать другихъ; они крестили въ проточной водѣ, безъ св. муропомазанія, служили обѣдню въ любомъ мѣстѣ, произнося только громко на народномъ языкѣ формулу освященія и молитву Господню, причастіе давали они подъ обоими видами изъ перваго подходящаго для этого сосуда. Всякое освященіе святыхъ сосудовъ, масла и воды было запрещено; отрицали чистилище, существованіе котораго признавалъ Гусъ, и въ доказательство своего презрѣнія къ предстательству святыхъ въ дни постовъ и праздниковъ ѣли больше обыкновеннаго. Смѣялись надъ исповѣдью передъ священникомъ, говоря, что для обыкновеннаго грѣха достаточно исповѣди передъ Богомъ, а въ смертныхъ грѣхахъ слѣдуетъ каяться публично передъ братьями, а священникъ лишь накладываетъ соотвѣтствующее наказаніе. Въ то же время малообразованные табориты смотрѣли на всякое знаніе какъ на ловушку, и готовы были уничтожить сочиненія всѣхъ ученыхъ, за исключеніемъ Библіи; на изучавшихъ свободныя науки они смотрѣли какъ на еретиковъ [1]).

Трудно опредѣлить точно, каковъ былъ ихъ взглядъ на причастіе. Утраквистъ Лаврентій изъ Брѣзова, настроенный противъ нихъ крайне враждебно, передаетъ, что они освящали Дары громкимъ голосомъ и на народномъ языкѣ, дабы вѣрующіе знали, что они получаютъ истинную кровь и истинное тѣло, такъ что, повидимому, они вѣрили въ пресуществленіе. Въ 1431 г. Прокопъ Великій и другіе вожди таборитовъ издали исповѣданіе своей вѣры. Они заявляли, что не вѣрятъ ни въ чистилище, ни въ предстательство Св. Дѣвы и святыхъ, ни въ заупокойныя обѣдни, ни въ индульгенціи и т. д. Но о пресуществленіи не было ни слова. Когда въ 1436 г. легаты Базельскаго собора жаловались на несоблюденіе Compactata, то, между прочимъ, они жаловались на то, что въ Чехіи много еще виклефитовъ, вѣрующихъ въ сосуществованіе въ хлѣбѣ; но болѣе тяжелаго обвиненія, въ полномъ отрицаніи таинства, они не возводили. Съ другой стороны, таборитскій епископъ Николай Пильграмскій рѣшительно утверждалъ, что Христосъ только духовно присутствуетъ въ хлѣбѣ и винѣ, что не слѣдуетъ поклоняться освященнымъ Дарамъ, и что менѣе было идолопоклонства у прежнихъ язычниковъ, почитавшихъ кротовъ и летучихъ мышей, чѣмъ у христіанъ, почитающихъ Дары, такъ какъ, говорилъ онъ, предметы поклоненія язычниковъ были, по крайней мѣрѣ, видимы. Во время переговоровъ въ январѣ 1433 г. легаты собора представили двадцать-восемь положеній, приписываемыхъ чехамъ, и требовали категорическихъ отвѣтовъ: да или нѣтъ. Въ одномъ положеніи было отрицаніе пресуществленія, и на этотъ вопросъ никогда нельзя было добиться отъ чеховъ категориче-

[1]) Goll, «Quellen und Untersuchungen zur Geschichte der Böhmischen Brüder», II, 40—41.—Preger, «Beiträge zur Geschichte der Waldesier», 68—71.—Laur. Byzyn, «Diar. Bell. Huss.» (Ludewig, IV, 183—4, 194—202).—Johann. de Przibram, «Profess. Fidei» (Cochlaei, «Hist. Huss.», 507).—Huss, «Sermo de Exequiis» («Monumenta», II, 50).

См. также нарисованную Энеемъ Сильвіемъ картину тожественности ученій вальденцевъ и гуситовъ («Hist. Bohem.», с. 35).

Библиотека "Руниверс"

ЯНЪ ЖИШКА.

Библиотека "Руниверс"

ского отвѣта. Петръ Хельчицкій упрекаетъ таборитовъ, что они скрываютъ свое вѣрованіе по этому вопросу, и весьма возможно, что не всѣ совершенно одинаково смотрѣли на этотъ вопросъ. Несомнѣнно, крупица ученія хиліастовъ оставила среди нихъ отрицаніе пресуществленія; другіе табориты, по всей вѣроятности, приняли ученіе Виклефа о сосуществованіи, а третьи, быть-можетъ, сохранили ученіе католической Церкви. Всѣ они приходили въ гнѣвъ отъ имени никардовъ, которымъ чехи называли всѣхъ, кто не вѣрилъ въ полное пресуществленіе. Правда, этотъ вопросъ не вызвалъ особыхъ споровъ при переговорахъ съ Базельскимъ соборомъ. Въ описаніи таборитовъ, сдѣланномъ Энеемъ Сильвіемъ въ 1451 г., авторъ просто говоритъ, что нѣкоторые изъ нихъ достаточно безумны, чтобы думать, согласно съ ученіемъ Беранже, что тѣло Христово присутствуетъ въ таинствѣ совершенно абстрактно [1]).

Было невозможно, чтобы между таборитами и утраквистами, раздѣленными столь рѣзкими разногласіями въ религіозныхъ взглядахъ, долгое время сохранялось согласіе. Они ссорились, устраивали совѣщанія, взаимно преслѣдовали другъ друга, но объединялись, когда Европа высылала противъ нихъ различныя арміи. Надежда на возвращеніе прародительскаго престола все болѣе и болѣе удалялась отъ Сигизмунда. Смерть Жижки въ 1424 г. мало измѣнила положеніе. Непосредственные ученики покойнаго образовали, правда, отдѣльную партію подъ именемъ орфелиновъ, но они во всемъ продолжали дѣйствовать совмѣстно съ таборитами. Послѣ смерти Жижки во главѣ секты сталъ воинъ-священникъ Прокопъ Голый или Великій, стратегическій геній котораго долгое время держалъ въ страхѣ всю Европу. Мало того, гуситизмъ распространялся въ сосѣднихъ странахъ, преимущественно на югъ и востокъ. Для уничтоженія его въ Венгріи и дунайскихъ провинціяхъ потребовалось, какъ мы увидимъ ниже, усиліе, поддержанное Инквизиціей. Успѣхъ гуситской проповѣди въ Польшѣ вызвалъ изданіе эдикта, въ которомъ 6 апрѣля 1424 г. король Владиславъ V приказывалъ своимъ подданнымъ помогать дѣлу уничтоженія еретиковъ. Всякій полякъ, возвращающійся на родину изъ Чехіи, долженъ былъ подвергаться допросу инквизиторовъ и епископскихъ служащихъ; всѣ же, кто не возвратится на родину до 1 іюня, будутъ объявлены еретиками, имущество ихъ будетъ конфисковано, а дѣти ихъ ограничены въ правахъ [2]). Церковь совершенно растерялась и не знала, что ей дѣлать. Она одержала побѣду надъ подобнымъ же возстаніемъ въ Лангедокѣ и кровью и огнемъ показала міру, какъ умѣетъ пользоваться своимъ торжествомъ. Но теперь передъ нею вставала новая проблема. Она была безсильна, и ей нужно было найти какую-нибудь ловкую формулу, чтобы поддержать свои притязанія на непогрѣшимость.

Но ей нужно отдать справедливость: она не сдавалась безъ борьбы. Утомившись обороняться противъ нападеній, конца которымъ не предвидѣлось, Прокопъ перешелъ въ 1427 г. къ наступательному образу дѣйствій. Онъ рѣшилъ добиться мира, давъ по-

---

[1]) Laur. Byzyn., loc. cit., 195.—Martène, «Ampl. Coll.» VIII, 19—27, 249—51, 596—99.—Joh. de Turonis «Regestrum» («Mon. Concil. Gen. Saec. XV», T. I, 842—846).—Joh. de Ragusio, «Tractatus» (Ibid., T. I, 272—4, 278, 285). — Goll, «Quellen und Untersuchungen...», II, 17—18, 61—4.—Aen. Sylvii, «Epist.», 130 (изд. 1571 г., стр. 661).

Въ 1436 г. съ великимъ трудомъ удалось заставить самого Рокицану заявить, что онъ не вѣрилъ въ сосуществованіе хлѣба съ тѣломъ Христа. — Joh. de Turonis «Regest.» (loc. cit., 426—7); между тѣмъ, онъ весьма энергично доказывалъ присутствіе тѣла и крови въ своемъ «Tractatus de Septem Sacramentis» (Cochlaei «Hist. Hussit.», 473 — 4). Зная чрезмѣрное и суевѣрное почитаніе утраквистами евхаристіи, мы можемъ смотрѣть, какъ на примѣръ вымышленныхъ разсказовъ, цѣлью которыхъ было возбудить народную ненависть, на утвержденіе кардинала Джуліано, который въ 1431 г. заявилъ, что гуситы для выраженія своего презрѣнія къ Св. Дарамъ имѣли обыкновеніе топтать ногами Св. Дары, смѣшанные съ кровью людей, зарѣзанныхъ ими (Cochlaei, op. cit., 240).

[2]) Herburt. de Fulstin, «Statut. Regni Poloniae», Samoscii, 1597, стр. 191.

Библиотека "Руниверс"

чувствовать сосѣднимъ государствамъ все зло войны; въ цѣломъ рядѣ кровавыхъ нападеній онъ разорилъ до 1432 г. всѣ сосѣднія провинціи. Такъ, напр., во время ужаснаго набѣга въ 1429 г. на Франконію, Саксонію и Фогтландъ онъ захватилъ болѣе ста замковъ и крѣпостей и вывезъ въ Чехію огромную добычу. Мейссенъ, Лузація, Силезія, Баварія, Австрія, Венгрія узнали одна за другой силу гуситскихъ армій. Вторгавшіеся послѣ каждаго набѣга немедленно уходили, показывая этимъ, что цѣлью ихъ было не завоеваніе новыхъ областей, а отмщеніе за полученныя обиды. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго, что тѣ, которымъ приходилось нести на себѣ всѣ тяжести этой борьбы папской власти за главенство, громко вопіяли о мирѣ [1]).

Въ то же время еще и другая проблема тревожила Церковь. Христіанскій міръ требовалъ реформы, обѣщанной ему Констанцскимъ соборомъ. Ловкія отсрочки надоѣли отцамъ Церкви, желавшимъ реформъ. Они согласились на роспускъ собора въ 1418 г., надѣясь, что обѣщанія, данныя въ моментъ избранія Мартина V, будутъ исполнены. Однако, они приняли мѣры для созванія соборовъ на будущее время, которые продолжали бы и довершили бы до конца начатое и не оконченное ими. Выработанный ими относительно этого планъ показываетъ, какъ велико было недовѣріе къ папству. Они постановили, чтобы слѣдующій общій соборъ былъ собранъ черезъ пять лѣтъ, затѣмъ черезъ семь лѣтъ третій, а потомъ, чтобы соборы повторялись каждыя десять лѣтъ; они приняли также благоразумныя мѣры противъ возможныхъ увертокъ со стороны папъ [2]).

Что касается Германіи, то Мартинъ постарался выполнить тѣ двѣ задачи, которыя предъявлены были ему при избраніи—подавленіе ереси и реформа Церкви. Съ этой цѣлью онъ въ 1422 г. послалъ въ Германію, въ качествѣ своего легата, кардинала Бранду. Такъ какъ походъ 1421 г. окончился неудачно, то легату для успѣшнаго выполненія первой половины его задачи было приказано проповѣдывать крестовый походъ. Что касается вопроса о реформѣ, то папское полномочіе и изданный кардиналомъ Бранда, согласно съ папскими инструкціями, декретъ описываютъ пороки германскаго духовенства въ выраженіяхъ столь же рѣзкихъ, какъ и выраженія Гуса и его сторонниковъ, и вполнѣ оправдываютъ чешское возстаніе. Если насъ можетъ что-либо удивлять, такъ это тотъ фактъ, что папа или императоръ могли еще ожидать, чтобы населеніе принимало безъ всякаго сопротивленія служителя тѣхъ людей, которые, выдавая себя одаренными сверхъестественнымъ могуществомъ и говорящими отъ имени Искупителя, глубоко погрязли во всѣхъ порокахъ, хищничествѣ, распутствѣ и сладострастіи. Мѣропріятіе, выработанное Брандой для устраненія этихъ золъ, предписывало только новое примѣненіе тѣхъ самыхъ средствъ, которыя безрезультатно примѣнялись въ теченіе столѣтій. Эта реформа была направлена противъ проявленія зла, а не противъ причинъ, порождавшихъ его, и поэтому она осталась безплодной [3]).

Пять лѣтъ прошло послѣ роспуска Констанцскаго собора, и не было сдѣлано ничего существеннаго ни въ дѣлѣ борьбы съ ересью, ни въ дѣлѣ реформы Церкви, когда въ назначенный срокъ собрался въ 1423 г. Сіенскій соборъ. Можно было надѣяться, что будетъ закончено дѣло, начатое и не конченное Констанцскимъ соборомъ, но собраніе, подъ предсѣдатель-

---

[1]) Balbin, «Epit. Rer. Hung.», 475—6.—Sommersberg, «Silesiac. Rer. Script.», I, 75.—Одна современная народная пѣсня оплакиваетъ эти опустошенія:

Meissen und Sachsen verdarbt,
Schlesien und Laussnitz zerscherbt,
Bayern aussgenehrt,
Oesterreich verhergt,
Mahren verzehrt,
Boheimb umbgekehrt.

(Balbin, 478).

[2]) Conc. Constant., «Decr. Frequens.» (Von der Hardt, IV, 1435).

[3]) Ludewig, «Reliq.» Mss. XI, 385, 409.

Библиотека "Руниверс"

ствомъ четырехъ папскихъ легатовъ, рѣшило, что число явившихся прелатовъ и князей недостаточно для разсмотрѣнія вопроса о реформѣ Церкви, но достаточно для того, чтобы подтвердить сдѣланныя Мартиномъ V обѣщанія отпущенія грѣховъ всѣмъ, кто будетъ содѣйствовать уничтоженію еретиковъ. Всѣмъ христіанскимъ князьямъ было предложено оказать немедленное содѣйствіе выполненію святого дѣла, если только они хотятъ избѣгнуть божескаго мщенія и человѣческаго наказанія, предписываемаго закономъ. Всякія торговыя сношенія съ еретиками были запрещены, въ особенности продажа имъ съѣстныхъ припасовъ, одежд, оружія, пороха и свинца. Если кто-либо будетъ вести съ ними торговыя сношенія, то князь, допустившій это въ своихъ владѣніяхъ, долженъ быть наказанъ согласно съ законами противъ ереси. Чтобы заставить Чехію смириться, надо было изолировать ее и заставить голодать [1]).

Что касается вопроса о реформѣ, то всѣ усилія, направленныя къ этому, были ловко парализованы легатами; и удивляться этому нечего, такъ какъ глава Церкви былъ не менѣе пораженъ, чѣмъ и члены ея. Мало того, для всѣхъ было ясно, что наибольшее зло было наверху. Въ проектѣ, внесенномъ депутатами галликанской Церкви, рѣзко и съ негодованіемъ описывались злоупотребленія куріи: продажа бенефицій и должностей лицамъ, дававшимъ больше и обиравшимъ потомъ населеніе; папскія разрѣшенія, дававшія возможность лицамъ самаго предосудительнаго поведенія соединять въ однѣхъ рукахъ нѣсколько должностей, и всякія другія средства, благодаря которымъ обогащался Римъ въ ущербъ вѣрѣ; централизація всей юридической власти въ Римѣ, разорявшая живущихъ вдали отъ него; папскія декреталіи, уничтожавшія благія мѣропріятія, принятыя соборами. Это послѣднее заявленіе показываетъ всю ничтожность реформаторскихъ постановленій, при помощи которыхъ Мартинъ отбилъ удары Констанцскаго собора. Разочарованіе, вызванное Сіенскимъ соборомъ, разрушившимъ всѣ ихъ надежды, произвело сильное впечатлѣніе на умы отцовъ Церкви. Одинъ французскій монахъ, Гильомъ Жосельмъ, произнесъ рѣчь, въ которой доказывалъ, что папа—слуга, а не хозяинъ Церкви. Легаты объявили его еретикомъ и приказали магистратамъ Сіены арестовать его, но послѣдніе не были похожи на Сигизмунда и отвѣтили, что они выдали охранныя граматы всѣмъ членамъ собора и не могутъ нарушить ихъ. Убѣдившись, наконецъ, что подъ контролемъ папства немыслима никакая реформа, соборъ попытался сократить до двухъ или трехъ лѣтъ семилѣтній срокъ, назначенный для созванія новаго собора. Представители всѣхъ народностей были согласны въ этомъ отношеніи, когда 8 марта 1424 г. легаты неожиданно объявили, что соборъ распускается, несмотря на протестъ, въ которомъ ясно говорилось, что этотъ неожиданный роспускъ помѣшалъ обсужденію вопроса о реформахъ. Былъ также удержанъ семилѣтній срокъ, и слѣдующій соборъ былъ назначенъ въ Базелѣ въ 1431 г. Реформаторы утѣшились тѣмъ, что изъ четырехъ папскихъ легатовъ трое умерли ужасною смертью въ концѣ того же года, ясно наказанные божескимъ мщеніемъ. Мартинъ сдѣлалъ видъ, что продолжаетъ неоконченное дѣло реформы, и поручилъ вести его тремъ кардиналамъ, приказавъ направлять къ нимъ всѣ жалобы и проекты. Это мѣропріятіе дало отрицательный результатъ, какъ того и ожидалъ папа. Не менѣе призрачнымъ было изданное немного позднѣе распоряженіе о принятіи мѣръ противъ тщеславія и страшной роскоши кардиналовъ: имъ было запрещено обращаться къ протекціи князей и владѣтельныхъ особъ, а также просить за кого бы то ни было, кромѣ бѣдныхъ, слугъ и родственниковъ; это увеличивало значеніе папы и умаляло значеніе коллегіи кардиналовъ [2]).

---

[1]) Concil. Senens. ann. 1423 (Harduin. VIII, 1015).

[2]) Joh. de Ragusio, «Init. et. Prosec. Concil. Basil.» («Mon: Conc. Gen. Saec. XV», T. I, 28—30, 32–35, 53—61, 64).—Concil. Senens. (Harduin. VIII, 1025—6).—Act. Conc. Basil. (Harduin. VIII, 1108—10).—Raynald. ann. 1425, №№ 3, 4.

Іоаннъ изъ Рагузы былъ делегатомъ парижскаго университета въ Сіенѣ и игралъ позднѣе видную роль на Базельскомъ соборѣ.

Библиотека "Руниверс"

Срокъ, назначенный для созыва Базельскаго собора (мартъ 1431 г.), быстро приближался, но Мартинъ и не думалъ о его созывѣ. Одно слово «соборъ» вызывало ужасъ въ немъ, который самъ былъ избранъ соборомъ. Наконецъ, 8 ноября 1430 г. на дверяхъ папскаго дворца и на наиболѣе видныхъ мѣстахъ Рима появилась анонимная афиша, написанная будто бы двумя христіанскими королями и настаивавшая на необходимости созвать соборъ согласно съ принятымъ въ Констанцѣ рѣшеніемъ; афиша кончалась угрозой: если папа и кардиналы, говорилось въ ней, будутъ затруднять дѣятельность собора или откажутся содѣйствовать ему, то ихъ нужно считать покровителями ереси; если папа самъ лично или черезъ своихъ представителей не откроетъ засѣданій собора, то собравшіеся члены будутъ вынуждены, въ силу божескаго закона, считать себя свободными передъ нимъ; христіанскій міръ обязанъ будетъ повиноваться имъ; папа и кардиналы должны быть низложены соборомъ, какъ покровители ереси. Было ясно, что христіанскій міръ рѣшилъ добиться собора съ папою или безъ папы; и такимъ образомъ Мартинъ долженъ былъ уступить. 11 января 1431 г. онъ поручилъ кардиналу Джуліано Чезарини, въ качествѣ легата, проповѣдывать противъ гуситовъ крестовый походъ, обѣщая участникамъ полную индульгенцію; кромѣ того, онъ далъ этому прелату полномочіе открыть соборъ и предсѣдательствовать на немъ. Однимъ изъ принявшихся наиболѣе энергично за это дѣло былъ кардиналъ Сіены. Если бы онъ предвидѣлъ будущее, то несомнѣнно умѣрилъ бы свое рвеніе: черезъ три недѣли умеръ Мартинъ, и 3 марта сіенскій кардиналъ былъ избранъ папою подъ именемъ Евгенія IV [1]).

Кардиналъ Джуліано продолжалъ свою двойную миссію и проповѣдывалъ пятый крестовый походъ противъ гуситовъ. Произведенныя чехами опустошенія заставили Германію подумать серьезно объ ихъ уничтоженіи. Вскорѣ прелатъ увидалъ себя во главѣ арміи, которую одни опредѣляли въ восемьдесятъ тысячъ, а другіе въ сто-тридцать тысячъ людей. Чехи попросили у Сигизмунда охранныхъ граматъ для поѣздки на Базельскій соборъ, соглашаясь представить спорные вопросы на обсужденіе собора, который рѣшилъ бы ихъ на основаніи авторитета Св. Писанія. Имъ было отказано и дано понять, что они должны безъ разсужденія принять рѣшенія собора. Они предпочли разрѣшить конфликтъ оружіемъ и выпустили протестъ, въ которомъ, обращаясь ко всему христіанскому міру, они нападали на свѣтскую власть папы и осмѣивали индульгенціи, изданныя съ цѣлью подавленія ихъ возстанія. Этотъ документъ былъ полученъ соборомъ 10 августа, почти въ то самое время, когда въ Таасѣ крестоносцы бѣжали безъ боя при первыхъ звукахъ военнаго гимна страшныхъ гуситскихъ полчищъ. Очевидно, Джуліано былъ неспособенъ руководить военными дѣйствіями и, какъ къ послѣднему средству, прибѣгъ къ мирнымъ мѣрамъ. Изнуренные и разбитые нѣмецкіе князья были готовы вступить въ переговоры со своими непобѣдимыми сосѣдями. Это была печальная необходимость, но другого исхода не было. 15 октября соборъ рѣшилъ пригласить чеховъ на совѣщаніе и дать имъ охранную грамату. Но исполнено это было только 26 ноября [2]).

---

[1]) Joh. de Ragusio, «Init. et Prosec. Conc. Basil.» («Mon. Conc. Gen. Saec. XV». T. I, 66—7).—Cochlaci «Hist. Hussit.», 237—9.

Отвращеніе папъ къ общимъ соборамъ легко можно оправдать. 3 іюня 1435 г. Базельскій соборъ единогласно отмѣнилъ аннаты и постановилъ, что на будущее время раздача духовныхъ мѣстъ и конфирмація каѳедръ и бенефицій не должны сопровождаться никакими расходами, кромѣ вознагражденія нотаріуса. Епископы Отранта и Падуи протестовали противъ этого отъ имени папы; видя, что на ихъ протестъ не обращаютъ никакого вниманія, они покинули соборъ; ихъ примѣру послѣдовали и нѣкоторые другіе прелаты. Оставшіеся выказали радостныя манифестаціи и благодарность.—Aegid. Carlerii «Lib. de Legation.» (op. cit. I, 568).

[2]) Martène, «Ampl. Coll.», VIII, 15—18.—Chron. Concil. Zantfliet. (Ibid. V, 425—7).—Joh. de Ragusio, «Tractatus» («Mon. Conc. Gen. Saec. XV», T. I, 135, 138).

Библиотека "Руниверс"

Въ то же время между папой и соборомъ произошли неизбѣжныя недоразумѣнія. Едва прошло три недѣли послѣ приглашенія чеховъ, какъ 18 декабря Евгеній рѣшился на крайнюю мѣру—распустить соборъ и черезъ восемнадцать мѣсяцевъ созвать новый въ Болоньѣ подъ своимъ личнымъ предсѣдательствомъ. Это рѣшеніе папы поразило Германію. Сигизмундъ энергично протестовалъ, и соборъ, увѣренный въ поддержкѣ императора, отказался повиноваться папѣ. Кардиналъ Джуліано, помощью котораго заручились, явился представителемъ сторонниковъ реформы. Онъ имѣлъ возможность наблюдать настроеніе умовъ къ сѣверу отъ Альповъ; онъ зналъ, какая буря грозила ладьѣ св. Петра. Съ того времени, когда папство сдѣлалось верховною властью въ Церкви, немногіе папы слышали отъ своего подчиненнаго такіе горькіе упреки, какъ Евгеній отъ кардинала Джуліано. Объясняя мотивы своего неповиновенія, прелатъ нарисовалъ замѣчательно яркую картину положенія. Испорченность духовенства, говорилъ онъ, такова въ Германіи, что міряне до послѣдней степени возбуждены противъ Церкви; поэтому можно опасаться, что если не будетъ сдѣлано никакой реформы, то населеніе приведетъ въ исполненіе свои угрозы и поднимется, подобно гуситамъ, противъ духовенства. Это нравственное паденіе священниковъ придало смѣлость гуситамъ и послужило поводомъ къ возникновенію ихъ ереси. Если духовенство не будетъ преобразовано, то на мѣсто уничтоженной сегодня ереси завтра явится другая. Чехи приглашены на соборъ, и ихъ прихода ждутъ. Если же распустятъ соборъ, то что скажутъ еретики? Если Церковь не рѣшится выступить лицомъ къ лицу противъ вызванныхъ ею противниковъ, то не признаетъ ли этимъ она себя побѣжденной? Не увидятъ ли въ этомъ перста Божія? Передъ этими людьми уже бѣжала армія, а теперь передъ ними отступаетъ вся Церковь! Такимъ образомъ, ихъ нельзя побѣдить ни оружіемъ, ни въ преніи. Горе несчастному духовенству! Не скажутъ ли, что оно неисправимо и желаетъ жить въ своей грязи? Сколько за наши дни было собрано соборовъ,—и все еще не сдѣлано никакой реформы! Народы возлагали свои надежды на этотъ послѣдній соборъ. Если его распустятъ, то скажутъ, что мы смѣемся надъ Богомъ и людьми, и такъ какъ будетъ потеряна всякая надежда на наше самоисправленіе, то міряне нападутъ на насъ, какъ сдѣлали это уже гуситы. Уже начинаютъ раздаваться негодующіе голоса; уже гуситы начинаютъ распространять ядъ, который долженъ погубить насъ. Всѣ эти люди будутъ думать, что они приносятъ пріятную Богу жертву, умерщвляя и ограбляя насъ, и мы будемъ отнынѣ ненавистны и Богу и людямъ; мы потеряемъ послѣднее уваженіе тамъ, гдѣ теперь уважаютъ насъ мало. Соборъ до извѣстной степени сдерживалъ нашихъ противниковъ; но, когда они потеряютъ всякую надежду, они будутъ преслѣдовать насъ публично, и отвѣтственность за все зло падетъ на римскую курію, которая распуститъ собраніе, созванное для осуществленія реформы. Вотъ только-что городъ Магдебургъ прогналъ своего архіепископа и все духовенство; граждане выступили въ походъ, имѣя такія же повозки, какъ и чехи; они, говорятъ, просили у гуситовъ вождя и вступили въ союзъ съ другими городами страны. Населеніе Пассау изгнало своего епископа и осадило одинъ изъ его замковъ. Эти два города находятся въ сосѣдствѣ съ Чехіей, и если, чего можно опасаться, они соединятся, то къ нимъ примкнетъ много другихъ городовъ. Въ Бамбергѣ разногласіе между гражданами, съ одной стороны и епископомъ и капитуломъ, съ другой, дошло до ожесточенія, что весьма опасно въ виду близкаго сосѣдства города съ еретиками. Если соборъ будетъ распущенъ, то эти конфликты примутъ болѣе серьезный характеръ, и въ нихъ приметъ участіе много другихъ крупныхъ центровъ [1]).

---

[1]) Harduin. VIII, 1575—8.—Raynald, ann. 1431, № 26.—Epist. Card. Juliani (Aen. Sylvii «Opera», изд. 1571 г., стр. 66—9).

Письмо кардинала Джуліано и комментаріи Энея Сильвія на Базельскій соборъ были позднѣе включены въ «Index Expurgatorius» (Reusch, «Der Index der verbotenen Bücher», I, 40).

Библиотека "Руниверс"

Несомнѣнно, здѣсь есть ораторское преувеличеніе, но въ общемъ картина вѣрна. Гуситскія идеи быстро распространялись по Германіи и находили тамъ для себя благопріятную почву, благодаря глубокому отвращенію, которое внушало къ себѣ неисправно развращенное духовенство. Къ этому времени относятся жалобы Феликса Геммерлина, сѣтующаго, что эмиссары, ежегодно приходящіе въ Бернъ и Золотурнъ, совращаютъ въ ересь огромное число людей. Упоминаютъ отъ этого времени о многочисленныхъ казняхъ еретиковъ во Фландріи, гдѣ уже давно преслѣдованіе было дѣломъ неизвѣстнымъ. Надо полагать, что гуситскіе миссіонеры вели одинаково повсюду съ успѣхомъ энергичную пропаганду. Если бы рушились теперь надежды, возлагавшіяся на соборъ, то Церковь могла бы ожидать всеобщаго возстанія. Единодушно поддержанный всѣмъ христіанскимъ міромъ къ сѣверу отъ Альповъ, соборъ оказалъ рѣшительное сопротивленіе папѣ. Сигизмундъ принялъ сторону собора и въ ноябрѣ 1432 г. объявилъ, что беретъ подъ свою защиту отцовъ собора. Евгеній держался твердо до февраля 1433 г.; наконецъ, онъ согласился предоставить собору свободу дѣйствій. Но въ іюлѣ онъ снова объявилъ роспускъ собранія и въ сентябрѣ подтвердилъ это. Соборъ энергично приступилъ къ суду надъ папой, и въ декабрѣ Евгеній отмѣнилъ свои буллы. Когда же снова вспыхнула ссора, то соборъ въ январѣ 1439 г. отстранилъ папу, а затѣмъ въ іюнѣ низложилъ его, а въ ноябрѣ того же года избралъ на его мѣсто Амедея Савойскаго подъ именемъ Феликса V [1]).

Мы не будемъ входить въ подробности безконечныхъ переговоровъ между соборомъ и гуситами. Послѣдніе добились своего: на совѣщаніи, бывшемъ 18 мая 1432 г. въ Эгерѣ, было установлено, что вопросы будутъ обсуждаться на основаніи авторитета Св. Писанія и твореній древнихъ отцовъ Церкви. Четыре положенія, представлявшія общее основаніе ученій утраквистовъ и таборитовъ, были приняты, какъ резюме ихъ требованій, и легли въ основу споровъ, которые скучно велись въ Базелѣ, въ Прагѣ, въ Бернѣ и Штульвейсенбургѣ вплоть до окончательнаго совѣщанія въ Иглау въ іюлѣ мѣсяцѣ 1436 г. Часто споры принимали горячій и бурный характеръ; нерѣдко отцы собора чувствовали себя неловко, выслушивая свободныя рѣчи чешскихъ депутатовъ. Когда Іоаннъ Рагузскій, говоря о гуситахъ, употребилъ слово е р е т и к и, то Янъ Рокицана, одинъ изъ делегатовъ утраквистовъ, энергично возсталъ противъ этого и потребовалъ, чтобы всякій, кто позволитъ себѣ подобное обвиненіе, былъ обязанъ подтвердить это подъ угрозою talio. Представитель таборитовъ Прокопъ присоединился къ этому протесту и заявилъ, что онъ никогда не пришелъ бы въ Базель, если бы зналъ, что подвергнется подобному оскорбленію. Нужно было выиграть время и ловко успокоить Чехію; Іоаннъ Рагузскій и архіепископъ Ліонскій должны были извиниться. Въ другомъ случаѣ инквизиторъ, доминиканскій докторъ Генрихъ изъ Кобленца, пожаловался, что депутатъ орфелиновъ Ульрихъ Цнаимскій сказалъ, что монахи изобрѣтены демономъ. Ульрихъ изобличилъ ложность этого заявленія и сказалъ, что онъ сдѣлалъ легату только слѣдующее замѣчаніе, что, если епископы исходятъ отъ апостоловъ, а священники отъ семидесяти-двухъ учениковъ, то остальное духовенство можетъ происходить только отъ дьявола. Острота эта вызвала общій смѣхъ; смѣхъ еще усилился, когда Рокицана обратился къ инквизитору со словами: «Докторъ, сдѣлайте Прокопа провинціаломъ вашего ордена!». Эти шутки имѣютъ большое значеніе, если сравнить ихъ съ криками «На костеръ! На костеръ!», раздававшимися въ Констанцѣ по адресу Гуса. Дошли даже до того, что пригласили гуситовъ принять участіе въ соборѣ, но они были достаточно умны, чтобы не попасться въ разставленную ловушку [2]).

---

[1]) Hemmerlin, «Lollardor. Descriptio».—Duverger, «La Vauderie dans les États de Philippe le Bon», Аррасъ, 1885 г., стр. 24.—Harduin. VIII, 1141, 1172–82, 1263, 1280, 1582, 1606.—Martène, «Ampl. Coll.» VIII, 80—2.

[2]) Martène, «Ampl. Coll.», VIII, 131—33.—Pet. Zatecens. «Lib. Diurn.» («Mon. Concil. Gen. Saec. XV». T. I, 304—5, 324, 328–31, 348).—Naucleri «Chron.» ann. 1434.

Библиотека "Руниверс"

Благодаря своей несокрушимой твердости чехи одержали побѣду; они заставили оффиціально признать свои четыре положенія, которыя подъ именемъ Compactata сдѣлались извѣстны въ исторіи и были какъ бы Великой Хартіей чешской Церкви, пока контръреформа не уничтожила ихъ. 26 ноября 1433 г. въ Прагѣ былъ заключенъ договоръ, скрѣпленный взаимнымъ рукопожатіемъ легатовъ собора и депутатовъ трехъ чешскихъ сектъ. Но это соглашеніе не разрѣшало еще всѣхъ затрудненій. Четыре положенія были лишь краткимъ изложеніемъ вѣры и допускали безконечно разнообразныя толкованія. Діалектикамъ собора не трудно было разбить ихъ и лишить всякаго практическаго значенія. Съ другой стороны, гуситы могли легко развивать ихъ такъ, чтобы оправдать свои требованія. Едва только кончился обмѣнъ рукопожатій, какъ чехи (въ силу признанія причастія подъ обоими видами) стали продолжать давать причастіе дѣтямъ и навязывать его подъ обоими видами всѣмъ вѣрнымъ, чего не могъ одобрить соборъ. На этомъ примѣрѣ мы видимъ, какіе вопросы занимали еще посредниковъ въ теченіе долгихъ тридцати мѣсяцевъ. Въ сущности дѣло было такъ мало улажено, что въ апрѣлѣ 1434 г. соборъ обложилъ весь христіанскій міръ половиною десятиннаго сбора для организаціи крестоваго похода противъ гуситовъ [1]).

Весьма возможно, что не пришли бы ни къ чему, если бы не произошло нѣкоторыхъ событій, которыя вначалѣ показались опасными для исхода переговоровъ. Если табориты согласились положить въ основу переговоровъ четыре положенія, мало удовлетворительныя въ ихъ глазахъ, то они сдѣлали это потому, что разсчитывали на практикѣ значительно расширить примѣненіе этихъ положеній. Послѣ заключенія предварительнаго условія 26 ноября толкованіе, данное этимъ положеніямъ легатами собора, заставило ихъ отступить. Дѣло приближалось къ развязкѣ: имъ было необходимо точно знать обязательства, которыя они принимали на себя. Когда въ январѣ 1434 г. легаты покинули Прагу, между таборитами и утраквистами поднялись горячіе споры по поводу послѣдствій переговоровъ. Между обѣими сектами было, кромѣ религіознаго, и политическое различіе. Табориты въ большинствѣ были крестьяне или бѣдные люди. Они не хотѣли принимать въ свои ряды ни бароновъ, ни дворянъ и были, повидимому, проникнуты республиканскими идеями, такъ какъ желали къ четыремъ основнымъ положеніямъ прибавить еще два, чтобы обезпечить Чехіи независимость и вернуть всѣ конфискованныя имущества. Раздраженіе между двумя партіями дошло до крайности, и онѣ прибѣгли къ оружію. Рѣшительная борьба должна была показать, къ какой изъ двухъ партій перейдетъ гегемонія. Уже нѣсколько времени табориты осаждали Пильзенъ, принявшій сторону Сигизмунда, когда пришла вѣсть, что друзья ихъ въ Новомъ-Градѣ въ Прагѣ вырѣзаны безъ разбора пола и возраста въ числѣ, какъ говорили, двадцати-двухъ тысячъ. Они сняли осаду и 9 мая отправились къ Прагѣ, чтобы отмстить городу; но, сдѣлавъ манифестацію подъ стѣнами Праги, они пошли по направленію къ Моравіи. Между тѣмъ, утраквисты заключили союзъ съ католическими баронами, которые, щедро одаренные соборомъ, дали еретикамъ сильное подкрѣпленіе. Столкновеніе произошло въ воскресенье 30 мая около Липанъ. Весь день и всю ночь тянулась ожесточенная битва, кончившаяся только въ три часа утра въ понедѣль-

---

[1]) Aegid. Carlerii «Lib. de Legation.» («Mon. Conc. Gen. Saec. XV»). T. I, 447—71, 495—7.—Martène, «Ampl. Coll.» VIII, 305—40, 356—415, 698—704.—Hartzheim, V, 768—9.—Kukuljewi'ć, «Jura Regni Croatiae», Загребъ, 1862 г., I, 192.—Batthyani, «Leg. Eccles. Hung.» III, 419.

Вопросъ о причастіи дѣтей можетъ служить примѣромъ казуистической хитрости католиковъ. Послѣ возсоединенія съ Церковью, когда въ Прагѣ царствовалъ Сигизмундъ, легатамъ собора было запрещено давать причастіе дѣтямъ подъ тѣмъ предлогомъ, что Compactata предоставляли эту привилегію только тѣмъ, кто имѣлъ обыкновеніе пользоваться ею, и что поэтому она не можетъ распространяться на дѣтей, родившихся послѣ этого.—Joh. de Turonis «Regest.» («Mon. Conc. Gen. Saec. XV». T. I, 865).

Библиотека "Руниверс"

никъ. Прокопъ, Лупусъ и тринадцать тысячъ храбрыхъ таборитовъ остались на полѣ битвы. Рѣзня была настолько ожесточенна, что въ плѣнъ было взято едва сто человѣкъ. Показаніе побѣдителей, что они потеряли убитыми только двѣсти человѣкъ, не заслуживаетъ довѣрія; хотѣлось бы также не вѣрить ихъ хвастливому заявленію, что они сожгли послѣ битвы нѣсколько тысячъ плѣнниковъ. Могущество таборитовъ было окончательно сломлено. Правда, они сохраняли еще за собою гору Таборъ, пока не были совершенно уничтожены Юріемъ Подѣбрадомъ въ 1452 г.; въ своемъ несокрушимомъ энтузіазмѣ они въ декабрѣ, послѣ ужаснаго пораженія подъ Липанами, мечтали о новомъ призывѣ къ оружію; но отнынѣ они безвозвратно потеряли уже всякое политическое значеніе и представляли только безпокойный элементъ. Поздравительныя письма, посланныя нѣкоторыми изъ побѣдителей Сигизмунду, и безпредѣльная радость собора, когда было получено извѣстіе о побѣдѣ, показываютъ, что на эту побѣду смотрѣли, какъ на торжество Церкви [1]).

Но и послѣ почти полнаго уничтоженія таборитовъ оставалось много поводовъ къ ссорѣ. Одно время будущность казалась такою мрачною, что въ августѣ 1434 г. стали готовиться къ новому крестовому походу на счетъ половины десятиннаго сбора, собраннаго незадолго передъ этимъ. Источникомъ постоянныхъ затрудненій было личное честолюбіе Рокицаны. Образованный, даровитый, смѣлый контроверсистъ, ловкій въ дѣлахъ, Рокицана рѣшилъ сдѣлаться пражскимъ архіепископомъ и преслѣдовалъ эту цѣль съ неутомимою настойчивостью. Онъ принялъ дѣятельное участіе въ переговорахъ и обратилъ на себя вниманіе, ловко переходя отъ одной мѣры къ другой, представляя возраженія или устраняя затрудненія, смотря по требованію минуты. Сначала онъ старался ввести оговорку, предоставляющую народу и духовенству право избирать архіепископа, который затѣмъ утверждается императоромъ и папою. Такъ какъ это предложеніе было отклонено, то онъ заключилъ съ Сигизмундомъ тайное соглашеніе: избраніе будетъ произведено, и императоръ воспользуется всѣмъ своимъ могуществомъ, чтобы добиться отъ папы утвержденія безъ расходовъ на pallium и всякихъ другихъ тратъ. Какъ только узнали объ этомъ, то легаты собора заявили протестъ, а соборъ отказался признать это соглашеніе. Тѣмъ не менѣе, Рокицанѣ удалось въ 1435 г. добиться своего избранія народнымъ собраніемъ Чехіи къ великому соблазну католиковъ, которые не безъ основанія опасались этого примѣра возврата къ старымъ методамъ избранія. Сигизмундъ получилъ секретное объ этомъ извѣщеніе, но легаты объявили, что это избраніе не имѣетъ никакой силы и, что его слѣдуетъ отмѣнить какъ противорѣчащее Compactata. Споръ по этому поводу грозилъ прервать всѣ переговоры, и спокойствіе возстановилось только тогда, когда Сигизмундъ и его зять и наслѣдникъ, Альбертъ Австрійскій, обѣщали издать граматы, признающія Рокицану архіепископомъ и повелѣвающія повиноваться новому прелату. Недѣли черезъ двѣ послѣ этого споры окончились, и дѣло было улажено. Среди общей радости 5 іюля 1436 г. Compactata были оффиціально подписаны. Сигизмундъ, утвердившійся на отеческомъ престолѣ, сдѣлалъ видъ, что намѣренъ исполнить свои обѣщанія: онъ написалъ собору, требуя утвержденія Рокицаны, давъ въ то же время понять легатамъ, что онъ желаетъ, чтобы соборъ

1) Martène, «Ampl. «Coll.», VIII, 710—19.—Harduin. VIII, 1604, 1650—2.—Aegid. Carlerii «Liber de Legationibus» («Mon. Conc. Gen. Saec. XV». T. I, 522, 529—39, 544). – Raynald. ann. 1435, №№ 22, 23.—Naucleri «Chron.» ann. 1434.

Демократическій характеръ возстанія таборитовъ сказался въ инцидентѣ, имѣвшемъ мѣсто въ сентябрѣ 1433 г. Прокопъ, желая послать отрядъ войска, чтобы захватить Баварію, назначилъ начальникомъ капитана, по имени Пардусъ. Люди взбунтовались еще до выступленія. Когда вступился Прокопъ, то одинъ изъ нихъ повалилъ его на землю, ударивъ по головѣ скамьею. Совершившій этотъ грубый поступокъ былъ избранъ вождемъ; и подъ его предводительствомъ таборіты потеряли двѣ тысячи своихъ лучшихъ ветерановъ.—Aegid. Carlerii, l. c., 466—7.

Въ обращеніи чешскихъ крестьянъ въ рабство въ 1487 г. можно видѣть результатъ окончательнаго паденія таборитовъ.

Библиотека "Руниверс"

отказалъ, но что самъ онъ не хочетъ очень рѣзко порывать со своими новыми подданными. Понятно, утвержденія никогда не послѣдовало. Хотя Рокицана призывалъ Бога въ свидѣтели, что онъ совершенно не желаетъ pallium, но вся его политика въ теченіе его долгой жизни была направлена только къ этому. Сигизмундъ, какъ всегда, забылъ о своемъ обѣщаніи подтвердить власть Рокицаны, и положеніе послѣдняго вскорѣ сдѣлалось настолько опаснымъ, что 16 іюня 1437 г. онъ тайно бѣжалъ изъ Праги. Онъ прожилъ въ изгнаніи до смерти Сигизмунда и Альберта; вернувшись въ 1440 г., онъ вскорѣ сдѣлался самымъ могущественнымъ человѣкомъ въ Чехіи. До самой смерти своей въ 1471 г. онъ сохранилъ свое высокое положеніе, управлялъ архіепископіей, постоянно добивался отъ папъ своего утвержденія и подчинялъ своему личному интересу внѣшнюю и внутреннюю политику королевства [1]).

Миръ, заключенный при такомъ взаимномъ недовѣріи, миръ, условія котораго подавались прямо противоположнымъ толкованіямъ, не могъ примирить столь глубокія несогласія. Уже на другой день торжественнаго утвержденія Compactata безпорядокъ, грозившій серьезными послѣдствіями, показалъ, насколько примиреніе было поверхностно. Въ присутствіи огромной толпы у главнаго алтаря церкви въ Иглау, въ которой происходили послѣднія совѣщанія, глава соборнаго посольства, епископъ Кутанса, служилъ обѣдню и возносилъ Богу благодарность. По окончаніи обѣдни былъ прочтенъ на чешскомъ языкѣ текстъ договора, который Рокицана къ великой скукѣ легатовъ принялся объяснять на томъ же языкѣ. Онъ служилъ обѣдню въ одномъ изъ боковыхъ алтарей; окончивъ чтеніе, онъ сказалъ: «Если кто желаетъ получить причастіе подъ двумя видами, то пусть идетъ къ этому алтарю». Легаты бросились къ нему и двоекратно запретили ему приводить это предложеніе въ исполненіе, но онъ не обратилъ на нихъ вниманія и спокойно причастилъ восемь или десять человѣкъ. Этотъ случай произвелъ сильное впечатлѣніе на обѣ стороны. Чехи требовали, чтобы на время ихъ пребыванія въ Иглау имъ дали бы церковь, гдѣ они могли бы получать причастіе подъ двумя видами. Хотя король былъ на сторонѣ чеховъ, тѣмъ не менѣе, легаты нашли ихъ просьбу не подлежащей удовлетворенію. Чехи грозили удалиться и были вынуждены согласиться исполнять свои обряды въ частныхъ домахъ, какъ дѣлали это раньше [2]).

Когда Сигизмундъ прочно укрѣпился на престолѣ, столкновенія происходили постоянно. Обряды и церемоніи римской Церкви стали пользоваться уваженіемъ и замѣнили господствовавшую въ теченіе двадцати лѣтъ церковную службу, отрицавшую всякую пышность. Освященія, конфирмаціи, иконы, мощи, освященная вода, благословенія были постепенно возстановлены; даже монашескіе ордены обманнымъ образомъ пробрались на свои мѣста. Возвратились къ католическимъ часословамъ и къ пѣнію. Старались всѣми силами пріучить народъ къ возврату стараго порядка вещей. 30 мая 1437 г., въ день праздника Тѣла Господня, по улицамъ Праги прошла торжественная процессія, неся высоко Святые Дары. Во главѣ процессіи шли легатъ, архіепископъ Калочи и епископъ Сеньи, сопровождаемые императоромъ, императрицей и огромной толпой знати и горожанъ. Въ видѣ нѣмого протеста Рокицана, сопровождаемый только тремя священниками, вышелъ навстрѣчу блестящей процессіи, неся Дары и чашу. Въ глазахъ строгихъ пуританъ, такъ долго боровшихся противъ «Красной Женщины», торжественная католическая церемонія должна была казаться горькой насмѣшкой, такъ какъ императрица Варвара, занимавшая почетное мѣсто въ про-

[1]) Martène, «Ampl. Coll.», VIII, 354—6.—Aegid. Carlerii «Lib. de Legationibus» («Mon. Concil. Gen. Saec. XV». T. I, 368—9, 516—17, 519, 595, 597, 600, 632—4, 662—4, 674—6, 688), Th. Ebendorferi «Diar.» (Ibidem, 767—9, 776—9, 782—3).—Joh. de Turonis «Regest.» (Ibidem, 834—5, 837—8, 848, 868).

[2]) Th. Ebendorferi «Diar.» (loc. cit., 82).—Joh. de Turonis «Regest.» (Ibidem, 821—22).—Naucleri «Chron.» ann. 1436.

Библиотека "Руниверс"

цессіи, была извѣстна своею дурною жизнью, и, кромѣ того, она была атеистка и не вѣрила въ безсмертіе души [1]).

Черезъ три недѣли послѣ этого торжества Рокицана, вынужденный бѣжать, искалъ себѣ убѣжища въ Градцѣ у Юрія Подѣбрада. У него было основаніе бояться, такъ какъ, если вѣрить Энею Сильвію, Сигизмундъ готовился арестовать его и наказать по заслугамъ. Реакція шла быстро. Если бы Сигизмундъ прожилъ дольше, онъ сломилъ бы всякое сопротивленіе и заставилъ бы страну покориться Риму. Могущество императора-короля все увеличивалось. Въ мартѣ сдача таборитской крѣпости Кениггреца погрузила гуситовъ въ глубокую скорбь. Немного спустя осадили Сіонъ, крѣпость Яна Рогача, могущественнаго барона, отказавшагося покориться. Рогачъ былъ взятъ, приведенъ въ Прагу и повѣшенъ въ присутствіи императора вмѣстѣ съ однимъ священникомъ и шестьюдесятью своими сторонниками. Преданіе говоритъ, что въ этотъ день у императора сдѣлалась язва, которая быстро превратилась въ злокачественную. Онъ умеръ въ декабрѣ того же года. Около этого времени вышло рѣшеніе Базельскаго собора по поводу причастія подъ двумя видами. Отцы объявляли, что причастіе подъ однимъ видомъ есть церковный законъ, который не можетъ быть измѣненъ.

Такъ какъ зять и наслѣдникъ Сигизмунда, Альбертъ Австрійскій, былъ ревностный католикъ, то соборъ дѣйствовалъ смѣло и въ январѣ 1438 г. издалъ эдиктъ, въ которомъ напоминалъ, требуя строгаго примѣненія каноновъ, о буллѣ, изданной Мартиномъ V 22 февраля 1418 г. противъ Виклефа, Гуса и Іеронима. Эта мѣра дала понять таборитамъ и другимъ недовольнымъ въ Чехіи, чего можно ожидать отъ Compactata, и придала имъ новую энергію. Послѣ безплоднаго обращенія къ собору они заключили союзъ съ Польшей, молодой король которой Казиміръ былъ соискателемъ на чешскій престолъ. Найдя, такимъ образомъ, себѣ поддержку, гуситы открыто стали въ оппозицію къ Альберту; и послѣдній до самой своей внезапной смерти, 27 октября 1439 г., не былъ повелителемъ всей Чехіи. Черезъ четыре мѣсяца послѣ его смерти родился его сынъ Владиславъ. Благодаря долгому малолѣтству короля, сопровождавшемуся обычными въ такихъ случаяхъ безпорядками, утраквисты взяли главенство какъ надъ таборитами, такъ и надъ католиками. Въ 1441 г. въ Кутнѣ-Горѣ состоялся соборъ, организовавшій національную Церковь на принципахъ утраквистовъ. Было много совѣщаній съ таборитами, и спорные пункты были предложены на разсмотрѣніе народнаго собранія въ 1444 г. Это собраніе рѣшительно высказалось въ пользу ученія утраквистовъ и, такимъ образомъ, нанесло таборитамъ послѣдній ударъ. Города, остававшіеся еще вѣрными этимъ послѣднимъ, отпали отъ нихъ—одинъ за другимъ. Члены общины разсѣялись; большинство ихъ перешло на сторону утраквистовъ. Какъ секта, табориты исчезли, когда въ 1452 г. Юрій Подѣбрадъ занялъ гору Таборъ и разсѣялъ остатки сектантовъ [2]).

Послѣ смерти Альберта то немногое, что оставалось отъ центральной власти, перешло въ руки двухъ правителей, Штачка, представителя утраквистовъ, и Мейнгарда изъ Розенберга, побѣдителя при Липанахъ, представителя католической партіи. Въ октябрѣ 1443 г. императоръ Фридрихъ предполагалъ ѣхать въ Чехію, думая захватить регентство, но надежды

---

[1]) Joh. de Turonis «Regest.» (loc. cit., 862, 865).—Aen. Sylvii «Hist. Bohem.», c. 59.—Naucleri «Chron.» ann. 1437.

[2]) Aen. Sylvii «Epist.» LXXI («Op. ined.» ap. Atti della Accademia dei Lincei, 1883 г., стр. 465).—Joh. de Turonis «Regest.» («Mon. Conc. Gener. Saec. XV». T. I, 855, 857).—Camerarii «Hist. Frat. Orthodox.», 57—8.—Naucleri «Chron.» ann. 1436, 1458.—Concil. Basiliens. Sess. XXX (Harduin. VIII, 1244).—Petitiones Bohemorum («Fascic. Rer. Expetendar. et Fugiend.» I, 319, изд. 1690 г.).—Martène, «Ampl. Coll.», VIII, 942—3.—Aen. Sylvii «Epist.» 101 (изд. 1571 г., стр. 591).—Chron. Cornel. Zantfliet. (Martène, «Ampl. Coll.» V, 445).—De Schweinitz, «Hist. of Unitas Fratrum», 91—2, 94.

Библиотека "Руниверс"

его не осуществились. По смерти Птачка въ 1445 г. преемникомъ его сдѣлался Юрій Подѣбрадъ, могущественный баронъ, который, будучи не старше двадцати-четырехъ лѣтъ, пользовался уже громкою извѣстностью за свой умъ и военные таланты. Подѣбрадъ находился подъ вліяніемъ Рокицаны, благодаря которому онъ былъ, несомнѣнно, выбранъ. Послѣ долгаго перерыва Римъ снова выступилъ на сцену. Вступившій въ 1447 г. на папскій престолъ Николай V послалъ въ 1448 г. въ качествѣ легата въ Прагу кардинала Іоанна изъ С.-Анджело. Чехи энергично насѣли на легата, требуя, чтобы онъ подтвердилъ Compactata и призналъ избраніе Рокицаны архіепископомъ. Онъ обѣщалъ дать отвѣтъ, но, считая положеніе щекотливымъ, тайно бѣжалъ изъ Праги вмѣстѣ съ Мейнгардомъ изъ Розенберга. Народное недовольство позволило Юрію сдѣлаться хозяиномъ Праги, причемъ было пролито немало крови. Мейнгардъ былъ заключенъ въ тюрьму, гдѣ вскорѣ и умеръ. Такимъ образомъ, Юрій сдѣлался неограниченнымъ повелителемъ Чехіи. Въ 1452 г., когда Владиславъ былъ признанъ королемъ, Юрій сдѣлался регентомъ. Юный монархъ умеръ восемнадцати лѣтъ, въ концѣ 1457 г.; а вскорѣ затѣмъ Юрій былъ коронованъ. Во все его царствованіе Рокицана, до самой своей смерти въ 1471 г., сохранялъ почти неограниченное вліяніе [1]).

Какъ страна, принадлежащая къ области латинской Церкви, Чехія находилась тогда въ небываломъ еще въ исторіи положеніи. Послѣ перваго разрыва между Евгеніемъ IV и Базельскимъ соборомъ имя папы не встрѣчается въ переговорахъ, которые велись по вопросу о возстановленіи единства вѣры. Эти переговоры съ обѣихъ сторонъ велись такъ, какъ-будто авторитетъ собора былъ выше авторитета папы, и какъ-будто согласіе и ратификація послѣдняго не имѣли никакого значенія. Но все же папскій легатъ присутствовалъ въ январѣ 1436 г. на совѣщаніи въ Штульвейссенбургѣ, гдѣ было окончательно установлено соглашеніе. Въ то время какъ соборъ, безсильный и лишившійся всякаго довѣрія, печально заканчивалъ свою дѣятельность, торжествующій Евгеній совершенно не былъ расположенъ ни признавать дѣйствительности его актовъ, ни утвердить ихъ безплатно. Чехи утверждали, что папа санкціонировалъ Compactata, но не могли представить этому никакихъ положительныхъ доказательствъ. Въ 1447 г. Евгеній, чтобы добиться подчиненія Германіи, утвердилъ часть актовъ собора, но Compactata онъ не упомянулъ въ своихъ декретахъ. Когда въ 1447 г. на папскій престолъ вступилъ Николай V, чехи послали къ нему депутацію съ выраженіемъ своей покорности. Мы знаемъ, какъ дипломатически осторожно велъ себя посланный въ Прагу Николаемъ легатъ. Правда, 28 іюня 1449 г., чтобы добиться отреченія Феликса V, Николай издалъ буллу, утверждавшую акты собора, и на нее можно было смотрѣть какъ на подтвержденіе Compactata. Но характеръ этой буллы показываетъ, что она, главнымъ образомъ, имѣла въ виду матеріальные интересы, связанные съ бенефиціями и повышеніями по службѣ. Всѣ сомнѣнія, которыя могли еще питать чехи относительно направленія папы, быстро разсѣялись [2]).

Въ сущности, Римъ никогда не думалъ признавать компромисса, выработаннаго соборомъ. Въ то время, какъ отцы собора старались возстановить гуситовъ въ вѣрѣ, Евгеній всюду, гдѣ только могъ примѣнить власть, трудился надъ уничтоженіемъ еретиковъ обыч-

[1]) Aen. Sylvii «Hist. Bohem.», c. 58.—Ejusdem «Epist.» XIX («Op. ined.», 397).—Raynald. ann. 1448, №№ 3—5.

[2]) Aegid. Carlerii «Lib. de Legationibus» («Monument. Conc. Gen. Saec. XV». T. I, 691, 694.—Cochlaei «Hist. Hussit.», lib. XII, ann. 1462.—Wadding. ann. 1452, №№ 1—4.—Raynald. ann. 1446, №№ 3—4; ann. 1447, №№ 5—7.—Harduin. VIII, 1307—9.

Въ 1464 г. Пій II (Эней Сильвій) разъяснилъ, что папа, разрѣшая употребленіе чаши, имѣлъ въ виду предоставить это преимущество только людямъ, уже привыкшимъ причащаться такимъ образомъ до того времени, пока Базельскій соборъ не установитъ окончательнаго ученія. Если бы это ограниченіе соблюдалось, то люди, получившіе эту привилегію, со временемъ вымерли бы, и поэтому предоставленіе причастія подъ двумя видами дѣтямъ и вновь причащающимся было нарушеніемъ договора.—Aen. Sylvii «Epist.» LXXI («Op. ined.», 465).

Библиотека "Руниверс"

нымъ путемъ. Уже издавна между Чехіей и Венгріей были тѣсныя сношенія, и гуситизмъ широко распространился по этой странѣ, равно какъ по расположеннымъ къ югу славянскимъ областямъ. Уже съ 1413 г. раздаются жалобы, что ученія виклефитовъ занесены въ Кроацію студентами пражскаго университета. Такъ какъ Сигизмундъ былъ королемъ Венгріи, то на Compactata смотрѣли какъ на допустимыя для гуситовъ этой страны, и они были изданы какъ по-венгерски, такъ и по-чешски, по-нѣмецки и по-латыни. Мы уже видѣли, какъ Сигизмундъ обманулъ своихъ чешскихъ подданныхъ, венгровъ же онъ прямо выдалъ Риму. Черезъ шесть недѣль послѣ подписанія Compactata въ Иглау, 22 августа 1436 г., Евгеній назначилъ инквизиторомъ на Австрію и Венгрію неутомимаго преслѣдователя бр. Джакомо делла Марка. Назначеніе застало его уже на мѣстѣ его новой дѣятельности: еще въ январѣ того же года онъ присутствовалъ на совѣщаніи въ Штульвейссенбургѣ. Бр. Джакомо не тратилъ даромъ времени. До конца еще года онъ объѣхалъ всю Венгрію, всюду проявляя неумолимую строгость. Архіепископъ Грана (Остригома), капитулъ Калочи, епископъ Вараждина расхваливали дѣятельность этого инквизитора. Ихъ епархіи, говорили они, были такъ полны еретиковъ, что возстаніе, болѣе ужасное, чѣмъ чешскія войны, казалось неизбѣжнымъ, если бы этотъ святой человѣкъ не искоренилъ мятежныхъ. Мы не знаемъ, сколькихъ отправилъ онъ на костеръ, но число ихъ должно быть велико, судя по похваламъ, расточаемымъ инквизитору, и по страху, наводимому имъ; его коллеги говорили, что во время этой поѣздки онъ обратилъ до пятидесяти-пяти тысячъ человѣкъ. Епископъ Вараждина съ энтузіазмомъ говоритъ, что инквизиторъ не могъ бы лучше дѣйствовать, если бы съ нимъ былъ самъ апостолъ Павелъ. Епископы Чанада и Трансильваніи просили инквизитора посѣтить ихъ епархіи, гдѣ было много еретиковъ. Послѣдній изъ этихъ прелатовъ говорилъ, что гуситы пришли изъ Молдавіи и заполонили всю его епархію; отсюда мы въ правѣ заключить, что ересь распространилась по всему юго-востоку Европы [1]).

Дѣятельность бр. Джакомо была внезапно прервана въ 1437 г. Этотъ фанатикъ уничтожилъ фратичелли Италіи, дикихъ катаровъ Босніи, суровыхъ гуситовъ Венгріи; когда же онъ напалъ на католическихъ священниковъ Фюнфкирхена (Печа), жившихъ въ конкубинатѣ, и пожелалъ направить ихъ на путь истины, то они оказались сильнѣе его желѣзной воли и его испытанной энергіи. Несмотря на то, что за него стояли папа и императоръ, несмотря на страшную власть Инквизиціи, священники, затронутые въ ихъ дорогихъ привычкахъ, подняли такую бурю, что Джакомо долженъ была отказаться отъ своего проекта и спасаться бѣгствомъ. Онъ обратился тогда къ папѣ, который отнесся къ Сигизмунду. Императоръ написалъ епископу Фюнфкирхена (Печа) Генриху и рѣшительно приказалъ ему призвать обратно Джакомо и оказать ему содѣйствіе. Въ то же время онъ написалъ Джакомо, обѣщая ему поддержку свѣтской власти. Епископъ приказалъ доставлять инквизитору все необходимое, но послѣдній, тѣмъ не менѣе, долженъ былъ отказаться отъ своего намѣренія внушить священникамъ уваженіе къ обѣту цѣломудрія. Обычнымъ наказаніемъ за это преступленіе въ Венгріи былъ штрафъ въ пять марокъ: на соборахъ въ Гранѣ (Остригомѣ) въ 1450 и 1480 гг. раздавались жалобы, что архидіаконы, не ограничиваясь присвоеніемъ въ свою пользу штрафныхъ денегъ, ободряютъ виновныхъ, чтобы извлекать выгоду изъ ихъ проступковъ. Кромѣ того, въ Венгріи, какъ и во многихъ другихъ мѣстностяхъ, къ нарушенію седьмой заповѣди относились довольно снисходительно, поэтому понятно, отчего вмѣшательство Джакомо вызвало всеобщее негодованіе и не имѣло успѣха [2]).

[1]) Loserth, «Mittheilungen des Vereins für Geschichte der Deutschen in Böhmen», 1885 г., стр. 102—4, 107. — Wadding. ann. 1436, №№ 1—11. — Aegid. Carlerii «Lib. de Legationibus» («Monum. Conc. Gen. Saeculi XV». T. I, 691).

[2]) Wadding. ann. 1437, №№ 6—12.—Synod. Strigonens. ann. 1450, 1480 (Batthyani, «Leg. Eccles. Hung.», III, 481, 557).

Библиотека "Руниверс"

Джакомо, повидимому, пересталъ вмѣшиваться въ частную жизнь католическаго духовенства и отдалъ всю свою энергію на болѣе легкое дѣло — истребленіе еретиковъ. Въ началѣ 1437 г. мы находимъ его къ югу отъ Дуная, гдѣ дѣятельность его заслужила похвалы епископа Срема: предавая смерти всѣхъ, кто отказывался обратиться, онъ спасъ епархію отъ возстанія гуситовъ, въ которомъ было бы вырѣзано все духовенство. Евгеній призналъ его заслуги, назвавъ его «энергичнымъ и неумолимымъ истребителемъ ереси» и предоставивъ ему право назначать себѣ инквизиторовъ-помощниковъ, такъ что самъ онъ являлся какъ бы генералъ-инквизиторомъ огромной порученной ему провинціи. По всей вѣроятности, вслѣдствіе ссоры, вызванной вопросомъ о конкубинатѣ священниковъ, архидіаконъ Фюнфкирхена (Печа), Симонъ Бачка, отлучилъ въ 1438 г. инквизитора отъ Церкви. Но императоръ Альбертъ и архіепископъ Грана (Остригома) скоро заставили архидіакона снять запрещеніе. Труды Джакомо были на время прерваны приглашеніемъ его на Феррарскій соборъ, созванный Евгеніемъ IV въ 1438 г. съ цѣлью противовѣса враждебному ему Базельскому собранію; но Джакомо не замедлилъ вернуться въ Венгрію. Благодаря его стараніямъ бароны и города Польши образовали торжественно лигу для истребленія ереси; она была заключена 25 апрѣля 1438 г., наканунѣ вступленія Польши въ Чехію на защиту гуситовъ отъ императора Альберта. Въ 1439 г. ревности инквизитора Джакомо былъ нанесенъ ударъ. Онъ выдалъ въ Сремѣ въ руки свѣтскихъ властей, какъ еретиковъ, одного священника и трехъ его единомышленниковъ. Друзья осужденныхъ собрались огромной толпой, выбили двери тюрьмы и освободили узниковъ. Не понятно, почему архіепископъ Калочи, къ которому поступила жалоба на дѣйствія инквизитора, принялъ сторону обвиняемыхъ. Тогда Джакомо обратился къ императору, который въ іюнѣ сдѣлалъ строгій выговоръ калочскому архіепископу, а въ августѣ, въ виду безуспѣшности перваго выговора, послалъ ему второй. Чѣмъ кончилось дѣло, не извѣстно. Альбертъ какъ мы знаемъ, умеръ въ октябрѣ, и смерть эта была большою потерею для Церкви. Въ 1440 г. вслѣдствіе разстроеннаго здоровья Джакомо покинулъ Венгрію, и на его мѣсто, повидимому, никто не былъ назначенъ. Во время отсутствія правильнаго преслѣдованія на нивѣ снова выросли плевелы. Въ январѣ 1444 г. Евгеній IV, жалуясь на распространеніе гуситизма по всѣмъ дунайскимъ провинціямъ, назначилъ инквизиторомъ въ Славонію и въ Венгрію викарія обсервантиновъ Фабіана Бача; ему было предоставлено право назначать себѣ помощниковъ, которые пользовались полною независимостью отъ мѣстныхъ епископовъ. Всѣмъ, кто будетъ оказывать имъ помощь, были обѣщаны индульгенціи, какъ за крестовый походъ въ Святую Землю; тѣмъ же, кто откажется помогать, грозило отлученіе отъ Церкви, которое могъ снять только папа или инквизиторъ. Въ іюлѣ 1446 г. Евгеній снова упоминаетъ о цвѣтущемъ состояніи гуситизма въ Венгріи и Молдавіи; въ то же время онъ возвращается къ вопросу, который такъ безпокоилъ Джакомо. Многіе венгерскіе священники, не ограничиваясь тѣмъ, что открыто держали наложницъ, проповѣдывали, что нѣтъ никакого грѣха въ удовлетвореніи своихъ плотскихъ желаній внѣ брака. Былъ посланъ запросъ папѣ, является ли это ересью, подсудною Инквизиціи; папа отвѣтилъ утвердительно и уполномочилъ Фабіана и его помощниковъ дѣйствовать согласно съ этимъ [1]).

Если Римъ даже во время своей ссоры съ отцами Базельскаго собора проявлялъ такую энергію въ дѣлѣ подавленія гуситизма и такое пренебреженіе къ Compactata, то легко понять, что послѣ отреченія Феликса V, когда папское главенство было возстановлено, Николай V совершенно и не думалъ обращать вниманіе на договоръ, подписанный соборомъ, и видѣлъ въ утраквистахъ только простыхъ еретиковъ. Тщетно чехи предлагали

[1]) Wadding. ann. 1437, №№ 13—21; ann. 1438, №№ 12—16; ann. 1439, №№ 41—46; ann. 1440, № 7; ann. 1444, № 44; ann. 1446, № 10.—Herburt. de Fulstin, «Statuta Regni Poloniae», Samoscii, 1597 г., стр. 192. — Raynald. ann. 1446, № 10. — Theiner, «Monumenta Slavorum Meridion.», I, 394.

Библиотека "Руниверс"

покорность, если только будутъ подтверждены Compactata, причемъ, конечно, подразумѣвалось и признаніе папою Рокицаны пражскимъ архіепископомъ. Въ сущности единственнымъ препятствіемъ къ примиренію было употребленіе чаши для причащенія мірянъ и причащеніе дѣтей; за исключеніемъ этого утраквисты въ данное время мало чѣмъ отличались отъ римской Церкви, хотя игралъ нѣкоторое значеніе и вопросъ о секуляризаціи церковныхъ имѣній. Но папство стояло твердо: оно скорѣе залило бы огнемъ и кровью весь христіанскій міръ, чѣмъ признало бы, что Базельскій соборъ имѣлъ право купить миръ уступкою причастія подъ двумя видами. Кромѣ того, оставался еще вопросъ о признаніи Рокицаны. Эней Сильвій передаетъ, что въ 1451 г. онъ убѣдилъ Юрія Подѣбрада въ невозможности этого признанія; ему было обѣщано, что этотъ проектъ будетъ оставленъ, а папа обязался въ случаѣ, если Юрій представитъ списокъ лицъ, достойныхъ занять этотъ постъ, выбрать и утвердить одного изъ нихъ, и, такимъ образомъ, миръ будетъ возстановленъ. Но ни Юрій, ни Рокицана не теряли надежды. Попытка не разъ возобновлялась то передъ папою, то передъ императоромъ Фридрихомъ III, то передъ германскимъ сеймомъ, но всегда безуспѣшно. При случаѣ, когда нужно было что-нибудь выиграть, давали надежды, но затѣмъ снова ихъ отбирали [1]). Папскіе соглядатаи въ своихъ донесеніяхъ въ Римъ изображали Рокицану какъ самаго нечестиваго и вѣроломнаго еретика: признать его значило бы нанести смертельный ударъ тому немногому, что осталось отъ католичества въ Чехіи. И поэтому никогда и не думали его утверждать.

Когда паденіе Мейнгарда изъ Розенберга сосредоточило всю власть въ рукахъ Юрія Подѣбрада, и когда стало невозможнымъ уже надѣяться на католическую партію въ Чехіи, то Николай V вернулся къ старой практикѣ и рѣшилъ посмотрѣть, что можетъ сдѣлать инквизиторъ-миссіонеръ. Въ его распоряженіи былъ человѣкъ, замѣчательно подготовленный для этого дѣла. Викарный генералъ францисканцевъ обсервантиновъ, Джованни да Капистрано, началъ карьеру инквизитора въ 1417 г. Ему было уже шестьдесятъ-шесть лѣтъ, но онъ былъ попрежнему бодръ и непреклоненъ. Небольшого роста, мало внушительнаго вида, изможденный суровыми постами до того, что казалось, будто онъ весь состоялъ изъ кожи, костей и нервовъ, онъ не ѣлъ мяса, спалъ только четыре часа въ сутки и находилъ еще и это недостаточнымъ для своей неутомимой энергіи. Его благочестіе и его полная самоотреченія жизнь дали ему счастливый даръ творить чудеса; его слава, какъ проповѣдника, собирала вокругъ него толпу, жаждавшую услышать его слово. Въ 1451 г. онъ былъ занятъ уничтоженіемъ фратичелли; но по просьбѣ Николая прервалъ это кровавое дѣло, чтобы посвятить свои силы обращенію гуситовъ. Не было упущено изъ

---

[1]) Aen. Sylvii «Epist.», 130, 246—7, 259, 404 (изд. 1571 г., стр. 667, 782—3, 788, 947).—Wadding. ann. 1455, № 2; ann. 1456, №№ 11, 12.

Въ письмѣ къ своему зятю, Матвѣю Корвину, отъ 1468 г. Юрій Подѣбрадъ, жалуясь на отношеніе къ нему Святого Престола, пишетъ слѣдующее: «Правда, раньше въ Чехіи было много заблужденій относительно таинства причастія, церковныхъ облаченій и одежды священниковъ и почитанія святыхъ; но милостью Бога все это теперь измѣнилось до того, что нѣтъ никакой разницы между нашей Церковью и Церковью римской. Сравнивая то, что происходило лѣтъ тридцать или сорокъ тому назадъ съ тѣмъ, что мы видимъ теперь, видишь, что осталось немного сдѣлать сравнительно съ тѣмъ, что уже сдѣлано».—D'Achery, «Spicileg.» III, 831.

Важный шагъ въ этомъ поворотѣ къ прошлому былъ сдѣланъ въ 1454 г. Были изданы эдикты, приказывающіе отъ имени Владислава съ согласія Рокицаны, чтобы посланія апостоловъ и евангеліе за обѣдней читались на языкѣ латинскомъ, а не на народномъ; исповѣдь должна обязательно предшествовать причастію; дѣти не должны получать причастія безъ надлежащей подготовки; кровь евхаристіи, во избѣжаніе разныхъ случайностей, не слѣдуетъ выносить за предѣлы храма; никто не имѣетъ права совершать евхаристіи безъ предъявленія граматы посвященія его въ санъ священника; браку обязательно должно предшествовать оглашеніе во время церковной службы.—Chron. Cornel. Zantflet. ann. 1454 (Martène, «Ampl. Coll.», V, 486—7).

Библиотека "Руниверс"

ради ничего, чтобы придать его миссіи драматическій характеръ. Раньше, чѣмъ приняться за дѣло, онъ испросилъ божескаго соизволенія, отправившись за совѣтомъ къ Святой Дѣвѣ въ Ассизи; небесное сіяніе окружило его, свидѣтельствуя, что апостольская дѣятельность его одобрена Богомъ. Онъ согласился, чтобы его инквизиторская власть была распространена на чешскія области, и выступилъ въ походъ. Всюду, на его пути, люди собирались толпами, чтобы увидѣть и услышать избранника Божьяго. Въ Брешіи онъ говорилъ передъ собраніемъ въ сто-двадцать тысячъ человѣкъ; хотя толпою были сокрушены стѣны и деревья, но никто не былъ раненъ. На берегу Сили, близъ Тревизо, у путешественниковъ, строгихъ обсервантиновъ, не оказалось денегъ, чтобы заплатить за перевозъ, а перевозчикъ отказался перевозить ихъ даромъ. Капистрано спокойно снялъ съ себя плащъ св. Бернардина и бросилъ его въ рѣку, воды которой остановились, и путники по дну перешли рѣку, послѣ чего она потекла, какъ и прежде. Предваряемый своей славой, Капистрано торжественно прослѣдовалъ черезъ Венецію и Вѣну. Чтобы послушать его проповѣдь, люди собирались толпами отъ шестидесяти до ста тысячъ человѣкъ, приходя для этого за сто миль. Въ Вѣнѣ число собравшихся опредѣлялось въ триста тысячъ; къ нему тысячами приносили больныхъ и сотнями считались его чудесныя исцѣленія. Весь выходъ былъ прекрасно обставленъ и произвелъ ожидаемый эффектъ [1]).

Напрасно императоръ просилъ, чтобы Капистрано было разрѣшено посѣтить Прагу; Подѣбрадъ и Рокицана категорически отказали. Капистрано бросилъ на нихъ издали презрительный взглядъ и съ письмами императора къ католическимъ вельможамъ и ихъ главѣ Ульриху Мейнгарду изъ Розенберга отправился въ іюлѣ, въ Моравію, мѣстность болѣе спокойную, гдѣ не такъ сильно было вліяніе Подѣбрада и Рокицаны. Здѣсь можно видѣть, насколько безсознательны были жалобы католиковъ на деспотическую нетерпимость утраквистовъ: и католики, и гуситы прекрасно уживались на чешской почвѣ. Епископомъ въ Ольмюцѣ былъ католикъ, и Капистрано, повидимому, не встрѣтилъ никакихъ препятствій при обращеніи еретиковъ. Изъ регистра, содержащаго имена и даты обращеній, мы узнаемъ, что онъ началъ дѣйствовать въ Брюннѣ 1 августа 1451 г., и что къ маю 1452 г. онъ произвелъ болѣе одиннадцати тысячъ обращеній. Однако, онъ долженъ былъ довольствоваться однимъ только убѣжденіемъ и не имѣлъ права примѣнять инквизиціонные пріемы. Когда обращенія бывали добровольныя, онъ принималъ кающихся, возсоединялъ ихъ съ Церковью, накладывая на нихъ душеспасительныя епитиміи, и оставлялъ за ними имущество и должности. Въ случаѣ же упорства еретиковъ онъ былъ безоруженъ и могъ только прибѣгать къ своему дару творить чудеса. Положеніе было странное и безпримѣрное въ исторіи среднихъ вѣковъ: еретики и католики жили рядомъ; первые, несмотря на то, что были въ лучшемъ положеніи, терпѣли вторыхъ и даже позволяли такому человѣку, какъ Капистрано, свободно разъѣзжать по странѣ, указывать еретиковъ и производить обращенія. Подобное положеніе страшно раздражало Капистрано тѣмъ болѣе, что ему приходилось ограничиваться только искусствомъ убѣжденія, не прибѣгая ни къ тюрьмѣ, ни къ костру. Случай, происшедшій съ нимъ, какъ говорятъ, въ Бреславлѣ, проливаетъ любопытный лучъ свѣта на положеніе вещей. Хотя въ Силезіи былъ католическій епископъ, но она принадлежала Чехіи и въ ней была обычная терпимость. Лѣтомъ 1453 г. Капистрано явился въ эту страну и началъ обращать гуситовъ. Но «Сыны Беліала», чтобы осмѣять даръ инквизитора творить чудеса, положили одного молодого человѣка въ гробъ, принесли его въ мѣсто, гдѣ проповѣдывалъ Капистрано, и попросили его исцѣлить умершаго. Капистрано сурово отвѣтилъ: «Пусть навѣки сохранитъ онъ свое мѣсто среди мертвыхъ!»—и пошелъ своей дорогой. Тогда еретики сказали толпѣ: «Среди насъ есть люди болѣе святые», и одинъ изъ нихъ, приблизившись къ гробу и обращаясь къ молодому

[1]) Wadding. ann. 1451, №№ 1—16; ann. 1452. № 34.

Библиотека "Руниверс"

человѣку, лежавшему въ немъ, воскликнулъ: «Петръ, возстань!», а шопотомъ добавилъ, «Пора вылѣзать!». Но отвѣта не было: молодой человѣкъ дѣйствительно умеръ.

Но даже и въ это время Капистрано могъ безжалостно примѣнять инквизиціонные методы, когда дѣло шло о евреяхъ. Одинъ сельскій священникъ, говорили, продалъ имъ восемь освященныхъ облатокъ для совершенія ими своихъ нечестивыхъ обрядовъ. Капистрано арестовалъ обвиняемыхъ, добился отъ нихъ пыткою сознанія и сжегъ; одна замѣшанная въ дѣло женщина была разорвана накаленными до-красна щипцами. Одна старуха еврейка перешла въ христіанство и была убита немного позднѣе. Въ этомъ убійствѣ, равно какъ и въ убійствѣ одного христіанскаго мальчика, были обвинены евреи. Капистрано снова напалъ на нихъ и на этотъ разъ сжегъ сорокъ одного человѣка. По этимъ примѣрамъ легко судить, какова была бы судьба гуситовъ, если бы инквизиторъ могъ проявить на нихъ свою ярость. Еретики Молдавіи и Польши, куда онъ послалъ трехъ своихъ помощниковъ, по всей вѣроятности, испытали на себѣ всю строгость каноническихъ законовъ [1]).

Однако, вожди утраквистовъ не были совершенно безучастны. Въ началѣ миссіи Капистрано Рокицана въ дружескихъ выраженіяхъ писалъ инквизитору, упрекая его, что онъ осуждаетъ, какъ ересь, причастіе подъ двумя видами, разрѣшенное чехамъ Базельскимъ соборомъ. Возникла переписка, въ которой Капистрано высокомѣрно отстаивалъ «взятіе назадъ чаши» и главенство папы. Были начаты переговоры о конференціи, и одно время была надежда прійти къ соглашенію; но Капистрано сумѣлъ найти разные предлоги, чтобы избѣгнуть спора. Конфиденціальное письмо, адресованное имъ кардиналу-легату Николаю Куза, раскрываетъ намъ истинную причину его уклоненія: онъ зналъ, что на сторонѣ утраквистовъ были авторитетъ и преданіе. Обѣ стороны потеряли терпѣніе и осыпали другъ друга оскорбительными эпитетами. Капистрано, сдѣлавшій, такимъ образомъ, невозможными всякіе дружескіе переговоры, могъ еще смиренно просить у короля въ 1452 г. охранный листъ, чтобы явиться въ Прагу, а когда Подѣбрадъ ему отказалъ, то онъ не задумался потребовать отъ него помощи и покровительства, которыя должны быть оказываемы папскому уполномоченному и инквизитору [2]).

Когда въ 1452 г. нѣмецкіе князья собрались на сеймъ, чехи обратились къ нимъ съ жалобами. Указывая на свое мирное настроеніе и на покорность Св. Престолу, они жаловались, что условія Compactata, запрещающія считать еретиками причащающихся подъ двумя видами, нарушены монахомъ по имени Капистрано. Это лицо, именующее себя папскимъ уполномоченнымъ и инквизиторомъ, объѣзжаетъ чешскія земли, объявляя всѣхъ утраквистовъ еретиками. Это было явнымъ нарушеніемъ договора, стоившаго такъ много крови; и чехи утверждали, что, несмотря на все ихъ миролюбіе, могутъ вспыхнуть старые безпорядки, если будутъ продолжать идти этимъ путемъ. Эти заявленія предвѣщали борьбу, къ которой дѣятельно готовился съ своей стороны Капистрано. Въ письмѣ къ папѣ онъ осуждалъ извѣстныя предложенія примиренія, сдѣланныя кардиналомъ-легатомъ, и заявлялъ, что онъ вполнѣ надѣется на успѣхъ переговоровъ, начатыхъ имъ съ нѣмецкими князьями, по поводу устройства новаго крестоваго похода противъ гуситовъ. Николай Куза, задѣтый упрекомъ въ томъ, что осмѣлился поднять рѣчь о переговорахъ и соглашеніи, поторопился перейти на сторону преслѣдователей. Онъ счелъ умѣстнымъ вызвать новый конфликтъ и въ іюнѣ 1452 г. обратился къ чехамъ съ энцикликой. Въ ней онъ ясно говорилъ имъ, что всякій, кто не съ Церковью, тотъ противъ нея; что слѣдуетъ оставить въ сторонѣ Compactata, такъ какъ это соглашеніе не привело къ единенію, въ цѣляхъ котораго оно было выработано; что вопросъ можетъ быть только о полномъ и простомъ повиновеніи

---

[1]) Wadding. ann. 1451, №№ 17—20; ann. 1452, №№ 18, 26; ann. 1453, №№ 2—8.

[2]) Wadding. ann. 1451, №№ 24—36; ann. 1452, №№ 1, 12.—Sommersberg, «Silesiac. Rer. Script.», I, 84—5.—Cochlaei «Hist. Hussit.», lib. X, ann. 1451.

Библиотека "Руниверс"

Св. Престолу. Чтобы вызвать еще большее возмущеніе, онъ съ удивительнымъ цинизмомъ ручался имъ, что Церковь настолько добрая мать, что не можетъ позволять дѣтямъ своимъ то, что вредно для нихъ [1]).

Сѣмена ненависти, столь энергично посѣянныя Капистрано, уже приносили плоды. Пропасть между Римомъ и Чехіей становилась все шире и шире. Если бы удалось довести рвеніе нѣмецкихъ князей до жара миссіонеровъ, то могли бы возродиться ужасы гуситскихъ войнъ. Конецъ 1452 г. Капистрано посвятилъ объѣзду Германіи, несомнѣнно, съ цѣлью привести въ исполненіе этотъ кроткій планъ. Довольно долгое время провелъ онъ въ Лейпцигѣ, гдѣ привлекъ къ своему ордену шестьдесятъ профессоровъ и студентовъ [2]). Но старанія его поднять крестовый походъ противъ чеховъ остались безуспѣшными вслѣдствіе взятія Константинополя турками въ маѣ 1453 г. Сильное впечатлѣніе, произведенное этимъ паденіемъ на весь христіанскій міръ, всеобщая паника, вызванная успѣхомъ турокъ, необходимость защищать Европу отъ грознаго нашествія отодвинули далеко на второй планъ всѣ второстепенные вопросы. Надобность въ новомъ крестовомъ походѣ ощущалась живо, но нельзя было тратить въ борьбѣ противъ Чехіи и утраквистовъ силы, болѣе нужныя въ другомъ мѣстѣ.

Мы уже видѣли, какъ Капистрано лѣтомъ 1453 г. мирно занималъ свои досуги въ Бреславлѣ тѣмъ, что сжигалъ евреевъ. Оттуда онъ отправился въ Польшу, гдѣ въ Краковѣ заключилъ въ тюрьму медика, магистра Павла, на котораго пало подозрѣніе, что онъ былъ довѣренный Рокицаны. Изъ Польши онъ снова послалъ Подѣбраду просьбу о выдачѣ ему охраннаго листа для проѣзда въ Прагу; ему отвѣтили отказомъ, сославшись на прежній отказъ и указавъ, что король Владиславъ не желаетъ нарушать спокойствія въ своемъ королевствѣ. 15 мая 1454 г. Капистрано покинулъ Краковъ и отправился въ Бреславль и Ольмюцъ, откуда онъ надѣялся какъ-нибудь проникнуть въ Чехію, эту заколдованную страну, куда входъ ему былъ запрещенъ. Въ это время Рокицана полагалъ, что ужасъ, навѣянный турками, и необходимость объединенія христіанскихъ странъ помогутъ осуществленію его мечты и дадутъ ему pallium. Во многихъ спорныхъ вопросахъ, какъ мы уже упоминали выше, онъ сдѣлалъ большія уступки и потратилъ всѣ свои силы передъ императоромъ, стараясь добиться, благодаря его вмѣшательству, папскаго утвержденія. Въ письмѣ отъ 13 іюня Владиславъ просилъ ольмюцскаго епископа наложить молчаніе на Капистрано, который, въ рѣзкихъ выраженіяхъ обличая чеховъ, приносилъ больше вреда, чѣмъ пользы; очевидно, это было направлено въ пользу Рокицаны. Однако, забота о высшихъ интересахъ христіанскаго міра не могла обезпечить Рокицанѣ столь желанное утвержденіе; но эта забота повернула вскорѣ пылкую энергію Капистрано отъ еретиковъ къ невѣрнымъ [3]).

Въ краткомъ, но ясномъ письмѣ, написанномъ къ Капистрано 26 іюля 1454 г., Эней Сильвій совѣтуетъ инквизитору отказаться отъ мысли посѣтить Прагу, а лучше отправиться въ Франкфуртъ, гдѣ онъ можетъ принести пользу. Въ Ратисбонѣ состоялось собраніе князей, рѣшившихъ предпринять крестовый походъ подъ предводительствомъ Филиппа Бургундскаго, и оставалось только, въ октябрѣ во Франкфуртѣ, принять нѣкоторыя окончательныя рѣшенія; Эней Сильвій нуждался въ помощи и пылкой энергіи Капистрано. Переписка, возникшая между ними по этому поводу, показываетъ, насколько Европа боялась вторженія. Повсюду царствовали смятеніе и неизвѣстность, и личныя разногласія грозили парализовать усилія христіанскаго міра. Во Франкфуртѣ опасенія обоихъ духовныхъ лицъ только подтвердились. Пылъ князей охладѣлъ; они открыто думали, что цѣлью папы и

---

[1]) Wadding. ann. 1452, №№ 2—4, 13—14.—Cochlaei «Hist. Hussit.» lib. XI, ann. 1452.

[2]) Chron. Glassberger, ann. 1452.

[3]) Wadding. ann. 1453, №№ 9—10; ann. 1454, №№ 12—13, 17—19.—Chron. Cornel. Zantfliet. (Martène, «Ampl. Coll.», V, 486—7).—Aen. Sylvii «Epist.» 404 (изд. 1571 г., стр. 947).

Библиотека "Руниверс"

императора было не сраженіе съ невѣрными, а полученіе денегъ. Они настаивали, чтобы дѣло было передано общему собору, который въ то же время ограничилъ бы злоупотребленія Святого Престола. Въ сущности обѣ партіи въ своемъ эгоизмѣ старались извлечь себѣ пользу изъ критическаго положенія Европы: папа думалъ о сборѣ денегъ, а князья о возвращеніи своей независимости. Эней и Капистрано могли добиться отъ князей только обѣщанія, что на Пятидесятницу 1455 г. они будутъ имѣть свиданіе съ императоромъ по вопросу о томъ, что слѣдуетъ предпринять. Въ февралѣ и мартѣ 1455 г. князья стали собираться въ Нейбургъ близъ Вѣны, гдѣ Подѣбрадъ еще разъ попытался добиться утвержденія Рокицаны. Что касается вопроса о крестовомъ походѣ, то силы христіанскаго міра казались парализованными мелкимъ соперничествомъ и честолюбіемъ вождей. Наконецъ, благодаря краснорѣчію Энея и Капистрано дѣла, казалось, приняли другой оборотъ, но 22 марта пришло извѣстіе о смерти Николая V. Все рушилось, князья разъѣхались, отложивъ дѣла до будущаго года. Это былъ разительный примѣръ пользы папства, которое одно только могло объединять враждебныя силы и давать имъ общее направленіе [1]).

Порывистая дѣятельность Капистрано была тогда поглощена борьбою противъ турокъ, и гуситы на время были оставлены въ сторонѣ. Къ тому же положеніе было черезчуръ опасно, чтобы заниматься преслѣдованіемъ. Замѣчательное доказательство непреклонной суровости Рима даже при столь тяжелыхъ обстоятельствахъ: предложенія и уступки Подѣбрада и Рокицаны оставались по-старому безуспѣшными.

Каликстъ III былъ избранъ 8 апрѣля съ быстротою, которая показываетъ, какъ боялись тогда оставлять надолго незанятымъ папскій престолъ. Новый папа немедленно послалъ легатовъ проповѣдывать по всей Европѣ крестовый походъ и приступилъ къ постройкѣ на Тибрѣ военныхъ судовъ. Венгры, особенно перепуганные грозящимъ вторженіемъ Мухаммеда II, просили Капистрано прійти и поддержать ихъ силою своего краснорѣчія. Съ разрѣшенія Каликста, подтвердившаго всѣ данныя Николаемъ привилегіи, Капистрано принялся за дѣло, послѣднее въ его жизни. Однако, среди этихъ новыхъ обязанностей, потребовавшихъ отъ него всей его энергіи, Капистрано не терялъ изъ виду ненавистныхъ гуситовъ. Моментъ казался благопріятнымъ для примиренія, котораго требовали всѣ политическія соображенія. Къ тому же Эней Сильвій, котораго чехи считали однимъ изъ своихъ друзей, былъ избранъ кардиналомъ, и чехи надѣялись добиться не только утвержденія Compactata, но и красной шапки для Рокицаны. Узнавъ объ этомъ, Капистрано 24 марта 1456 г. писалъ изъ Будапешта Каликсту, въ сильныхъ выраженіяхъ убѣждая его не сдаваться. Гуситы—говорилъ онъ—суть грязные подонки человѣческаго рода; они не боятся ни Бога, ни людей. Трудно представить себѣ всѣ ихъ заблужденія и всѣ мерзости, которыя они тайно продѣлываютъ. Compactata—ихъ оплотъ; если этотъ актъ получитъ утвержденіе, то гуситы, въ огромномъ числѣ разсѣянные не только въ Чехіи, но и въ Венгріи, Трансильваніи, Молдавіи и сосѣднихъ странахъ, открыто поднимутся. Воззваніе инквизитора было услышано, и всѣ предложенія были отвергнуты [2]).

Неожиданно пришла вѣсть, что Мухаммедъ II двинулся впередъ и осадилъ Бѣлградъ. Владиславъ, бывшій одновременно королемъ Чехіи и Венгріи, находился въ это время въ Будапештѣ. Подъ предлогомъ охоты онъ вмѣстѣ съ своимъ дядею, графомъ Цилли, трусливо бѣжалъ въ Австрію. Регентъ королевства, графъ Трансильванскій Янъ Гуніади, при помощи нѣкоторыхъ нѣмецкихъ крестоносцевъ собралъ венгерскія силы; къ нему же присоединился Капистрано въ качествѣ духовнаго вождя крестоваго похода. Побѣда подъ Бѣлградомъ навсегда останется славной въ лѣтописяхъ Венгріи. 14 іюля 1456 г. Гуніади перепра-

[1]) Wadding. ann. 1254, №№ 7—12; ann. 1255, №№ 2—7.—Aen. Sylvii «Epist.» 405 (стр. 947).—Ejusdem «Epist.» XXXIX—XLIII, XLVI, LVIII, LX («Op. ined.», 415—24, 426—9, 440—1, 48).

[2]) Wadding. ann. 1455, №№ 8—13; ann. 1456, №№ 9—12.

Библиотека "Руниверс"

вился черезъ Дунай и, пробившись черезъ осаждающихъ, проникъ въ городъ. Нападенія и оборона велись съ ожесточеніемъ до 22-го, когда было отбито страшное нападеніе турокъ, и осаждаемые разбили отступившаго въ безпорядкѣ врага; одинъ изъ вражескихъ лагерей былъ сожженъ, многія пушки были заклепаны, а другія увезены въ городъ, гдѣ онѣ проявляли чудеса до самаго конца этого достопамятнаго дня. Ночью турки бѣжали, оставивъ на полѣ битвы двадцать-четыре тысячи человѣкъ и триста пушекъ. Армія Мухаммеда была совершенно разбита. Это пораженіе вмѣстѣ съ геройскимъ сопротивленіемъ, оказаннымъ Скандербегомъ въ Албаніи, остановило турецкое вторженіе и дало Европѣ возможность вздохнуть; но оба героя этой побѣды заплатили жизнью за свое торжество: зараза, распространенная трупами, вызвала среди побѣдоносной арміи эпидемію, жертвою которой 11 августа палъ Янъ Гуніади. Эта смерть помѣшала побѣдителямъ воспользоваться должнымъ образомъ своею побѣдой. Что касается Капистрано, то онъ предался дѣлу со всѣмъ энтузіазмомъ самоотреченія. Его краснорѣчіе вызвало у христіанъ какой-то лихорадочный приступъ религіознаго возбужденія. Крестоносцы повиновались только ему одному, и дѣятельность его была неутомима. Иногда по цѣлымъ днямъ онъ не успѣвалъ ничего съѣсть, иногда по ночамъ ему некогда было уснуть. Въ теченіе семнадцати дней, предшествовавшихъ побѣдѣ, онъ, говорятъ, спалъ всего семь часовъ. Когда былъ нанесенъ невѣрнымъ послѣдній ударъ, то истощенная натура шестидесяти-восьмилѣтнаго старика заявила о себѣ. 6 августа у него появилась лихорадка, которая медленно изнуряла его, и онъ умеръ 23 октября.

Капистрано представляетъ изъ себя, быть-можетъ, самый совершенный образецъ сына Церкви, порожденнаго ею въ ту смутную эпоху: это было существо вполнѣ искусственное, въ которомъ пропадала человѣческая слабость съ ея нѣкоторыми добродѣтелями, въ то время какъ всѣ природныя силы были всецѣло направлены къ безкорыстному самоотверженію. Подобные люди являются орудіемъ въ рукахъ мало разборчивыхъ политиковъ, которые ловко умѣютъ ими пользоваться. Въ теченіе сорока лѣтъ Капистрано, самъ не сознавая того, былъ такимъ образомъ причиною несчастія себѣ подобныхъ. Однако, и въ этомъ человѣкѣ, по мѣткому замѣчанію Энея Сильвія, была своя слабость. Въ письмахъ, въ которыхъ Капистрано и Гуніади доносили о своей побѣдѣ, ни одинъ изъ нихъ не отдалъ должнаго заслугамъ другого. «Капистрано—говоритъ онъ—пренебрегъ земными почестями; для него не существовало мірскихъ удовольствій, онъ не зналъ алчности и сладострастія, но слава для него была всегда дорога» [1]).

Единственнымъ человѣкомъ, достойнымъ занять мѣсто Капистрано, былъ его другъ и соперникъ Джакомо делла Марка; и въ 1457 г. онъ былъ посланъ въ страны, гдѣ за двадцать лѣтъ передъ этимъ онъ проявилъ свою дѣятельность. Ему были даны тѣ же двойныя полномочія инквизитора и крестоносца. Турецкая опасность была еще настолько грозна, что Джакомо не могъ тратить своего времени на преслѣдованіе, и онъ посвятилъ себя всецѣло устройству священной войны противъ ислама, пока силы не оставили его;

---

[1]) Wadding. ann. 1456, №№ 16—67, 83—84.—Aen. Sylvii «Hist. Bohem.» cap. LXV.

Въ разное время было сдѣлано шесть попытокъ добиться канонизаціи Капистрано; но судьба была противъ него. Первыя хлопоты были неудачны благодаря оппозиціи легата Николая Кузы и зависти враждебно настроенныхъ орденовъ доминиканцевъ и францисканцевъ конвентуаловъ. Новыя ходатайства поступили изъ Германіи, но на нихъ не обратили даже вниманія. Въ 1462 г. были написаны въ убѣдительныхъ выраженіяхъ просьбы Фридрихомъ III, маркграфомъ Бранденбургскимъ и огромнымъ множествомъ епископовъ и магистратовъ нѣмецкихъ городовъ отъ Кракова до Ратисбона; эти письма были вручены францисканскому монаху съ порученіемъ отнести ихъ въ Римъ. Посланецъ умеръ по дорогѣ и передалъ свое порученіе одному рыцарю изъ Ассизи. Послѣдній отвезъ просьбы къ себѣ, а самъ отправился въ Германію, гдѣ и умеръ. Его потомки благовѣйно сохраняли чемоданъ съ просьбами; около средины

Библиотека "Руниверс"

тогда онъ вернулся въ Италію, гдѣ, немного спустя, ему пришлось защищаться отъ обвиненія въ ереси, поднятаго противъ него горячими собратьями доминиканцами. Преемниками его были его ученики Джованни да Тальякоцца и Михаилъ да Туссичино, послѣ которыхъ дѣло въ 1461 г. перешло къ брату Габріелю Веронскому. Хотя францисканцы въ теченіе цѣлаго поколѣнія работали надъ обращеніемъ утраквистовъ, однако, успѣха они не имѣли, такъ какъ не могли прибѣгать къ обычнымъ инквизиціоннымъ пріемамъ [1]).

Впрочемъ, надежда привести Чехію къ повиновенію съ каждымъ днемъ становилась все слабѣе. Во время шумнаго волненія гуситскихъ войнъ нашлись могущественные бароны и города, готовые энергично поддерживать папу и императора. Во время междуцарствія сначала было смѣшанное управленіе, одинаково раздѣленное между католиками и утраквистами. При суровомъ владычествѣ Подѣбрада католическіе города были покорены одинъ за другимъ, а въ духовныхъ вопросахъ всемогущимъ сдѣлался Рокицана. Правда, въ ученіи и обрядахъ двухъ Церквей разница была не велика, кромѣ вопроса объ употребленіи чаши; но независимость спасала отъ алчности римской куріи, а слухи, шедшіе изъ Германіи, не могли заставить чеховъ пожертвовать ею. Правда, въ Германіи декреты Базельскаго собора, утвержденные Евгеніемъ, одно время служили охраной; но съ теченіемъ времени ихъ частью забыли, частью они вышли изъ употребленія, и, если вѣрить настойчивымъ жалобамъ населенія, старыя злоупотребленія стали процвѣтать съ новою силою. О выборахъ не радѣли или требовали для ихъ утвержденія съ избранныхъ огромныя деньги; десятинные налоги и продажа индульгенцій истощали страну. Поэтому чехи, защищенные своею обособленностью, могли навлекать на себя недовольство за то, что лишали себя необходимыхъ издержекъ на благословеніе и папское покровительство. Вся надежда Рима была на молодого католика Владислава, приближавшагося къ совершеннолѣтію. Но онъ умеръ въ концѣ 1457 г., наканунѣ брака своего съ дочерью французскаго короля Карла VII, умеръ внезапно, такъ что возникло подозрѣніе въ насильственной смерти. Немного спустя былъ избранъ и коронованъ Юрій Подѣбрадъ, и послѣ этого только на Провидѣніе можно было возлагать надежды на мирное возвращеніе чеховъ въ лоно Церкви [2]).

Однако, вначалѣ соглашеніе казалось возможнымъ. Незадолго до своей смерти Владиславъ предполагалъ послать въ Римъ посольство съ цѣлью добиться примиренія, и Каликстъ III выразилъ горячее желаніе видѣть Рокицану, пользовавшагося въ Римѣ громкой извѣстностью; папа просилъ Подѣбрада удовлетворить это желаніе. Мало того, Подѣбрадъ короновался вполнѣ по римскому обряду; не имѣя у себя епископовъ, онъ пригласилъ для совершенія муропомазанія и своего зятя, Матѳѣя Корвина, епископовъ Рааба и Бача. Въ день

XVII вѣка Ваддингъ случайно увидалъ этотъ чемоданъ и свезъ находившіяся въ немъ просьбы въ Римъ въ надеждѣ, что еще можно добиться ихъ удовлетворенія. О чудесахъ, совершенныхъ чудотворцемъ, было составлено обстоятельное донесеніе при папѣ Львѣ X; было совершено болѣе тридцати воскрешеній; триста семьдесятъ глухихъ получили слухъ; сто двадцать три слѣпыхъ прозрѣли; девятьсотъ двадцать паралитиковъ и подагриковъ получили исцѣленіе. Вслѣдствіе этого Капистрано былъ причисленъ къ лику святыхъ, и поклоненіе ему было разрѣшено францисканцамъ епархіи Капистрано. Въ 1622 г. Григорій XV распространилъ его почитаніе на весь францисканскій орденъ; наконецъ, въ 1690 г. Александръ VIII внесъ его въ календарь святыхъ.—Wadding. ann. 1456, №№ 114—22; ann. 1462, №№ 29—78.—Weizsäcker, ap. Herzog's «Real. Encyklop.» s. v.

[1]) Wadding. ann. 1457, №№ 5, 10; ann. 1461, №№ 1—2; ann. 1465, № 6; ann. 1467, № 5.

[2]) Aen. Sylvii «Epist.» 162, 324, 334—5, 337—40, 356, 369, 387 (изд. 1571 г., стр. 714, 815, 821—22, 825, 831, 837, 840).—Ejusdem «Hist. Bohem.», c. 71—2.

Пій II не задумался распространить по всему христіанскому міру рѣшительное утвержденіе, что Владиславъ былъ отравленъ Юріемъ. Онъ заявилъ, что, несмотря на мракъ, облекавшій эти событія, вѣнскіе придворные врачи приписали смерть принца яду.—Aen. Sylvii «Epist.» LXXI («Op. ined.», 467).

Библиотека "Руниверс"

ГРОБНИЦА ПАПЫ ПАВЛА II.

(Ватиканъ.—Mino da Fiesole и Giovanni Dalmata).

Библиотека "Руниверс"

своего коронованія онъ присягнулъ повиноваться Каликсту и его преемникамъ, возстановить вѣру и преслѣдовать еретиковъ. Онъ писалъ Каликсту, какъ преданный сынъ Церкви, и получилъ отъ папы граматы, въ которыхъ папа признавалъ его королемъ Чехіи. Онъ послалъ въ Римъ пословъ, обѣщавшихъ, что вслѣдъ за ними придетъ Рокицана, который на прочныхъ основаніяхъ обезпечитъ подчиненіе Чехіи. Это были подходы для выясненія положенія. Когда черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого Каликстъ умеръ, и подъ именемъ Пія II сдѣлался папою Эней Сильвій, то явилась надежда на разумное соглашеніе. Съ того времени, когда онъ въ свитѣ кардинала Капраники явился на Базельскій соборъ, онъ почти исключительно занимался дѣлами Германіи и Чехіи и зналъ ихъ лучше, чѣмъ кто-либо другой. Онъ участвовалъ въ переговорахъ, приведшихъ къ Compactata. Человѣкъ осторожный, живого ума и мало разборчивый въ средствахъ, онъ былъ озабоченъ мыслью соединить христіанскій міръ противъ турокъ, и всѣ ожидали, что онъ сознаетъ, насколько важно примиреніе съ Чехіей. Юрій поторопился отправить пословъ съ новымъ изъявленіемъ покорности и съ просьбой объ утвержденіи Compactata. Пій II, не постыдившійся издать буллу, осуждавшую и торжественно отвергавшую мысли, которыя онъ нѣкогда защищалъ передъ соборомъ, былъ готовъ скорѣе порвать съ традиціями своего прошлаго, чѣмъ съ завѣтами своихъ предшественниковъ. Онъ далъ уклончивый отвѣтъ: Юрій можетъ быть признанъ королемъ Чехіи, если уничтожитъ ересь; для этого папа обѣщалъ прислать ему легатовъ. Легаты прибыли; но папа, обращаясь съ Юріемъ, какъ съ королемъ и любимымъ сыномъ, когда требовалась его помощь въ крестовомъ походѣ, вскорѣ принялъ мѣру, которая, онъ зналъ это на основаніи знакомства съ чешскими дѣлами, должна была вызвать неизбѣжный разрывъ.

Не признавая Рокицану, Пій поручилъ управленіе архіепископіей пражскому декану Венцеславу, католику и смертельному врагу Рокицаны. Тотчасъ же произошло всеобщее возстаніе. Венцеславъ добился признанія своихъ правъ, но власть осталась въ рукахъ Рокицаны. Юрій заключилъ въ тюрьму Фантинуса, прокуратора куріи, посланнаго папою въ качествѣ проповѣдника, и продержалъ его въ тюрьмѣ цѣлыхъ три мѣсяца. Юрію только-что удалось освободить Фридриха III отъ осады, которой онъ подвергся въ своемъ вѣнскомъ замкѣ со стороны своихъ возмутившихся подданныхъ. Фридрихъ вмѣшался и на время отклонилъ вспышку папскаго гнѣва. Но, когда онъ обратился съ настойчивой просьбой, чтобы Юрій былъ признанъ королемъ, то Пій категорически отказалъ ему: Юрій, ограниченный, какъ ересикъ, въ правахъ, не можетъ носить корону, и вѣрноподданническая присяга, принесенная его подданными, не имѣетъ никакого значенія. Единственнымъ средствомъ для него получить права королевскаго достоинства это—вернуться въ лоно Церкви. Въ іюнѣ 1464 г. Пій II издалъ буллу, въ которой вспоминались всѣ обиды, нанесенныя Церкви Чехіей; объявлялось, что Compactata, какъ никогда не получившія утвержденія Св. Престола, не имѣютъ никакого значенія; онъ вызвалъ Юрія явиться въ сто-восьмидесятидневный срокъ на судъ римской куріи по обвиненію его въ ереси. Черезъ два мѣсяца Пій II умеръ, но преемникъ его Павелъ II (1464—1471) продолжалъ дѣло, пользуясь старыми инквизиціонными средствами. Въ 1465 г. были назначены три кардинала судить Юрія какъ еретика рецидивиста; въ августѣ они вызвали его, какъ простого смертнаго, явиться въ шестимѣсячный срокъ. Не выжидая окончанія этого срока, папа въ первыхъ числахъ декабря издалъ буллу, освобождавшую всѣхъ подданныхъ Юрія отъ ихъ обязанностей въ отношеніи его; въ оправданіе этой поспѣшной мѣры папа ссылался на то, что въ случаѣ замедленія судъ будетъ болѣе затруднителенъ. Гнѣвъ папы росъ съ упорствомъ мнимаго еретика. Въ 1468 г. Подѣбрада снова не разъ вызывали явиться на судъ кардиналовъ. Въ февралѣ 1469 г. имя гусита Юрія Подѣбрада, с ы н а п о г и б е л и, было вписано съ именами Рокицаны и Георгія Геймбургскаго въ проклятіе Coena Domini, чтобы трижды

Библиотека "Руниверс"

въ годъ во время обѣдни его предавали анаѳемѣ во всѣхъ каѳедральныхъ соборахъ какъ на латинскомъ, такъ и на мѣстномъ языкѣ [1]).

Это не было brutum fulmen. Было нетрудно вызвать возстаніе среди безпокойныхъ подданныхъ и нападенія честолюбивыхъ сосѣдей; несмотря на все мужество и ловкость, Юрію было очень трудно сохранять свое положеніе. Когда въ 1468 г. нѣмецкіе князья заключили перемиріе на пять лѣтъ съ цѣлью собрать свои силы противъ ислама, то Павелъ II вызвалъ раздоръ въ имперіи, пославъ епископа Феррарскаго проповѣдывать крестовый походъ противъ Чехіи съ дарованіемъ за это полнаго прощенія грѣховъ: всякій, кто приметъ участіе, имѣетъ право избрать себѣ исповѣдника и получить отъ него разрѣшеніе грѣховъ и полную индульгенцію. Королевство было отдано королю Венгріи, Матвѣю Корвину, который поднялъ крестъ и во главѣ арміи крестоносцевъ занялъ Моравію. Это было началомъ долгой войны, во время которой Юрій умеръ въ 1471 г., причемъ передъ смертью съ него было снято отлученіе отъ Церкви. Королемъ Чехіи былъ избранъ Владиславъ II, сынъ Казиміра Польскаго. Въ 1475 г. противники заключили соглашеніе: оба они были признаны королями Чехіи; за Матвѣемъ до его смерти оставались Моравія, Силезія и большая часть Лузаціи; тотъ, кто переживетъ другого, получалъ все королевство. Въ 1490 г., по смерти Матвѣя, Владиславъ получилъ три провинціи и вскорѣ прибавилъ къ нимъ Венгрію [2]).

Владиславъ былъ добрый католикъ, и папа Сикстъ IV (1471—1484), содѣйствовавшій его избранію, надѣялся, что, наконецъ, представится случай сломить упорство утраквистовъ. Король сдѣлалъ попытку въ этомъ направленіи, но въ Прагѣ вспыхнули кровавые безпорядки, которые едва не стоили ему жизни: онъ понялъ, что фанатизмъ чаши трудно сломить. Наконецъ, въ 1485 г. на собраніи въ Кутнѣ-Горѣ согласились на взаимную терпимость, и Владиславъ, человѣкъ нрава сговорчиваго, послѣ этого не выступалъ противъ утраквистовъ. Такимъ образомъ, странное положеніе Чехіи, какъ члена римской Церкви, сдѣлалось еще болѣе исключительнымъ. Огромное большинство населенія составляли утраквисты, т.-е. еретики; но Церковь должна была отказаться отъ мысли спасти ихъ вопреки ихъ желанію. Время-отъ-времени назначали инквизиторовъ-миссіонеровъ, но они ограничивались проповѣдями и словопреніями. Въ 1463 г. Пій II счелъ даже нужнымъ предупредить Зегера, викарнаго генерала обсервантиновъ, чтобы братья въ своихъ сношеніяхъ съ еретиками исключительно дѣйствовали мѣрами кротости и убѣжденія. Въ большинствѣ миссіонеры были францисканцы, и это объясняетъ намъ, почему терпимость въ отношеніи католиковъ не могла преодолѣть предубѣжденія населенія къ этому ордену. Въ 1460 г. Юрій Подѣбрадъ позволилъ францисканцамъ вернуться въ Прагу, но нельзя было обуздать ихъ безграничную ревность къ вѣрѣ, и они были изгнаны въ 1468 г. Во время царствованія Владислава они были еще разъ возвращены въ 1482 г.; но во время безпорядковъ слѣдующаго года они были счастливы, что имъ удалось бѣжать цѣлыми и невредимыми. Монастырь ихъ былъ срытъ и былъ возстановленъ только въ 1629 г. Время-отъ-времени основывали францисканскія общины въ Градцѣ, Глацѣ и въ Ниссѣ, но они всегда существовали недолго и скоро падали жертвой народнаго фанатизма. Съ изобрѣтеніемъ книго-

---

[1]) Aen. Silvii «Hist. Bohem.», c. 69.—Ejusdem. «Epist.» LXXI («Op. ined.», 461—70).—Ejusdem «Tractatus» (Ibidem, 566, 581).—Raynald. ann. 1457, № 69; ann. 1458, №№ 20—8; ann. 1459, №№ 18—23; ann. 1463, №№ 96—102.—Cochlaei «Hist. Hussit.» lib. XIII.—Dubravii «Hist. Bohem.», lib. 30.—Wadding. ann. 1462, № 87.—Pii PP. II Bull. «In minoribus».—Sommersberg, «Silesiac. Rer. Script.», II, 1025—6, 1031.—Wadding. ann. 1456, № 12; ann. 1469, №№ 4, 6.—Ludewig, «Reliq.». Mss. VI, 61.—Martène, «Ampl. Coll.», I, 1598—9.—D'Achery, «Spicileg.», III, 830—4.—Ripoll, III, 466.

[2]) Raynald. ann. 1468, №№ 1—14.—Chron. Glassberger, ann. 1468.—Dubravii «Hist. Bohem.» lib. XXX—XXXI.—Cochlaei «Hist. Hussit.» lib. XII, ann. 1471.

Библиотека "Руниверс"

печатанія стало легче вести споры, и полемисты выпустили массу трактатовъ, доказывавшихъ беззаконіе утраквистской ереси; но утраквисты не переходили въ католичество. Когда Левъ X (1513—1521), съ энтузіазмомъ только-что избраннаго, задумалъ поднять всю Европу на крестовый походъ, которымъ онъ предполагалъ руководить лично, онъ поручилъ своему легату Томасу, архіепископу Грана, сдѣлать попытку возсоединенія Чехіи. Мірянамъ была предоставлена чаша согласно съ условіями, выработанными на Базельскомъ соборѣ, но она была запрещена для дѣтей и умалишенныхъ изъ боязни святотатства; право проповѣди было оставлено за духовенствомъ; секуляризованныя церковныя имущества могли остаться за чехами, если они согласятся доставлять епископамъ и священникамъ необходимыя средства къ жизни и если пошлютъ въ крестовый походъ отъ пяти до десяти тысячъ человѣкъ срокомъ, по крайней мѣрѣ, до одного года. Но надо было, чтобы чехи признали за Церковью право пріобрѣтать и передавать недвижимыя имущества. Относительно другихъ спорныхъ пунктовъ нельзя было сдѣлать никакихъ уступокъ. Это была первая со стороны Рима попытка соглашенія; но утраквисты не поддавались соблазну и сохраняли Compactata какъ хартію своей религіозной независимости. Когда въ 1526 г. король Людовикъ погибъ въ несчастномъ сраженіи подъ Могачемъ, и Австрійскій домъ, въ лицѣ своего представителя Фердинанда I, занялъ чешскій престолъ, то новый король, будучи добрымъ католикомъ, все же долженъ былъ обязаться сохранять Compactata [1]).

Не слѣдуетъ думать, что съ вырожденіемъ утраквизма ученія Виклефа и Гуса были совершенно забыты. Истинными наслѣдниками этихъ двухъ реформаторовъ были таборыты. Послѣдніе, правда, выступили въ своемъ безпорядочномъ энтузіазмѣ противъ духа эпохи и исчезли подъ энергичнымъ давленіемъ Подѣбрада; но брошенное ими сѣмя не совершенно погибло. Глубокое религіозное убѣжденіе, одушевлявшее этихъ бѣдныхъ и простыхъ людей, проскальзываетъ въ насмѣшкахъ надъ ними Энея Сильвія, котораго они радушно приняли въ 1451 г. наканунѣ своего истребленія. Будущій Пій II былъ посланъ Фридрихомъ III въ качествѣ миссіонера и путешествовалъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ дворянъ; однажды ночью онъ очутился около горы Таборъ и счелъ болѣе безопаснымъ для себя довѣриться врагамъ своей вѣры, чѣмъ ночевать въ деревнѣ. Въ благодарность за ихъ радушный пріемъ просвѣщенный гуманистъ зло осмѣялъ ихъ бѣдность и вообще предалъ ихъ ѣдкой сатирѣ. Это были почти все крестьяне. Они привѣтствовали его на холодѣ, подъ дождемъ; многіе изъ нихъ были почти голые, имѣя только одну рубашку или баранью шкуру. У одного не было сѣдла, у другого—уздечки, у третьяго—шпоръ; одинъ потерялъ глазъ, другой—руку. Святымъ патрономъ ихъ былъ Жижка, портретъ котораго былъ нарисованъ на городскихъ воротахъ. Хотя они смѣялись надъ освѣщеніемъ Церквей, однако, они очень любили слушать слово Божіе. Если кто-нибудь изъ нихъ былъ занятъ или просто лѣнился идти въ сарай, гдѣ они собирались для проповѣди, то его гнали туда кнутомъ. Они не платили десятиннаго налога, но наполняли дома своихъ священниковъ хлѣбомъ, пивомъ, дровами, овощами, мясомъ и всѣмъ необходимымъ для жизни. Твердо отстаивая свою духовную независимость, они не были нетерпимы, и среди нихъ допускалось самое широкое различіе въ мнѣніяхъ [2]).

Когда подобные люди были изгнаны изъ своего убѣжища и разсѣялись среди населенія, то весьма вѣроятно, что скорѣе они обращали другихъ, чѣмъ обращались сами. Хотя ихъ и потеряли изъ виду, но, несомнѣнно, они оставались вѣрны своимъ убѣжденіямъ.

---

[1]) Wadding. ann. 1460, № 55; ann. 1462, № 87; ann. 1471, № 5; ann. 1475, № 28, 37—9; ann. 1489, № 21; ann. 1491, №№ 8, 78.—Chron. Glassberger, ann. 1463, 1466, 1479, 1483—Dubravii «Hist. Bohem.» lib. XXVI.—De Schwenitz, «Hist. of Unitas Fratrum», 168.—Camerarii «Hist. Frat. Orthod.» 72—3.—Georgisch, «Regest. Chron. Diplom.», III, 158.—Hergenröther, «Leonis X Regesta», № 4597.

[2]) Aen. Sylvii «Epist.» 130 (изд. 1571 г., стр. 661—2).

Библиотека "Руниверс"

Реакціонныя мѣры, въ теченіе долгихъ лѣтъ принимаемыя Рокицаной и Подѣбрадомъ, не могли не посѣять недовольства даже среди болѣе горячихъ утраквистовъ. Было достаточно элементовъ для образованія секты, основанной на ученіяхъ, которыя однимъ поколѣніемъ раньше охватили всю Чехію. Эта секта робко заявляла о своемъ существованіи и благоразумно отрицала всякую связь съ ненавистными и страшными таборитами, но, тѣмъ не менѣе, ясно, что она состояла преимущественно изъ тѣхъ же элементовъ.

Впервые эта секта выступила правильно организованной въ 1457 г. Горячіе и смиренные христіане, они старались примѣнять ученіе Христа и отъ таборитовъ отличались бо́льшимъ сходствомъ съ вальденцами; этимъ сходствомъ они обязаны, несомнѣнно, вліянію Петра Хельчицкаго, который, хотя и не былъ членомъ ихъ общины, былъ въ извѣстной степени ихъ наставникомъ. Подобно вальденцамъ, они запрещали присягу и мечъ: ничто не оправдывало человѣкоубійства. Такимъ образомъ, секта возстановляла вальденское непротивленіе злу. Со времени Константина и Сильвестра римская Церковь направила всѣ свои силы на пріобрѣтеніе богатства и свѣтской власти. Таинства въ рукахъ, осквернепныхъ грѣхомъ, не имѣютъ значенія. Священники могутъ принимать исповѣдь и накладывать епитиміи, но не могутъ отпускать грѣховъ; они могутъ сказать только, что Богъ проститъ. Чистилище—миѳъ, придуманный хитрыми священниками. Въ отношеніи таинства евхаристіи они принимали формулу Петра Хельчицкаго, который избѣгалъ затрудненія тѣмъ, что утверждалъ, будто вѣрующій принимаетъ тѣло и кровь Господню, не стараясь объяснить это и не смѣя спорить объ этомъ. Они смѣялись надъ суевѣріемъ утраквистовъ, которые носили по улицамъ святое причастіе, чтобы вѣрующіе могли покланяться ему, и думали, что тотъ, взоръ котораго упалъ на чашу, былъ на цѣлый день застрахованъ отъ всякаго зла. Иногда сектанты шли на мученія, всенародно обличая фанатизмъ, превратившій евхаристію въ какой-то святой кумиръ. Таковы были принципы, на которыхъ было основано это братство любви и кротости, братство, полное самоотреченія и смиренія, бывшее, быть-можетъ, лучшимъ представленіемъ христіанскаго идеала за цѣлыя тринадцать столѣтій. Крайняя простота ихъ жизни не доводила аскетизма до преувеличенія. Вѣчное блаженство не достигается умерщвленіемъ плоти, а добросовѣстнымъ исполненіемъ обязанностей, наложенныхъ на человѣка Создателемъ, покорностью волѣ Божьей, смиренною вѣрою во Христа. Это было Unitas Fratrum, «Единеніе чешскихъ или моравскихъ Братьевъ», которые безъ борьбы и сопротивленія выдержали жестокія превратности того переходнаго времени и удержались до нашихъ дней, показавъ, что грубая сила не всегда значитъ все въ дѣлахъ этого міра, и что человѣческая природа способна въ своей простотѣ достигнуть высшаго нравственнаго подъема [1]).

Вначалѣ Братья пользовались, повидимому, расположеніемъ Рокицаны. Кромѣ того, они утверждали, что слѣдуютъ его ученію, а его племянникъ Григорій былъ однимъ изъ старѣйшихъ ихъ вождей, вмѣстѣ съ Михаиломъ, священникомъ изъ Замберга. Но политика Рокицаны постоянно мѣнялась, смотря по тому, приближалось или удалялось желанное

---

[1]) J. Goll, «Quellen und Untersuchungen zur Geschichte der Böhmischen Brüder». I, 10, 32—33, 92, 99; II, 72, 87—88, 94.—De Schweinitz, «Hist. of Unitas Fratrum», 111—12, 159, 204—5.—Von Zezschwitz, «Real-Encyklop.», II, 652—3.—Hist. Persecutionum, 58—60, 90.—Palacky, «Die Beziehungen der Waldenser», 32—33.—Camerarii, «Hist. Frat. Orthod.», 59—66.—Относительно ученія утраквистовъ объ евхаристіи см. трактаты Рокицаны и Яна изъ Пршибрама у Cochlaei «Hist. Hussit.», 474, 508; см. также акты обвиненія Яна изъ Пршибрама противъ Петра Пайнъ (Payne) (Ibid., 230).

Когда Братья принимались объяснять свое ученіе относительно евхаристіи, то ихъ иногда бывало трудно понять. Хлѣбъ и вино измѣнялись въ тѣло и кровь Христа; Братья повѣрили бы этому чуду даже въ томъ случаѣ, если бы хлѣбъ былъ изъ камня; тѣмъ не менѣе, существо оставалось, и Христосъ не присутствовалъ «реально» въ Святыхъ Дарахъ.—Fascic. Rer. Expetend. et Fugiend., I, 165, 170, 174, 183, 185.

Библиотека "Руниверс"

Папа Григорій IX публикуетъ декреталію.
(Рафаэль. Фреска въ stanza della Segnatura, Ватиканъ).

Папа Сикстъ IV и его непоты.
(Melozzo da Forli, въ Ватиканской Пинакотекѣ).

Библиотека "Руниверс"

архіепископство; поэтому онъ вскорѣ нашелъ нужнымъ покинуть Братьевъ. Когда они отдѣлились отъ утраквистовъ, то онъ не запрещалъ преслѣдовать ихъ; и тщетно говорили они, что они не вальденцы, не таборіты: первое названіе считалось злымъ упрекомъ, а второе внушало ужасъ. Когда около 1461 г. Григорій тайно пробрался съ нѣсколькими товарищами въ Прагу, то ихъ приняли за таборитскихъ заговорщиковъ и подвергли пыткѣ. Религіозный экстазъ былъ такъ силенъ у нихъ, что Григорій впалъ въ безсознательное состояніе на колесѣ, и ему было видѣніе. Повѣримъ на слово Рокицанѣ, что онъ, увидѣвъ, что племянникъ его не чувствуетъ мукъ пытки, палъ на колѣни и, обливаясь слезами, воскликнулъ: «О, мой Григорій! какъ бы хотѣлъ я быть на твоемъ мѣстѣ!». Немного позднѣе онъ получилъ отъ Подѣбрада разрѣшеніе, чтобы Братья поселились въ Литичѣ. Здѣсь они жили, то наслаждаясь покоемъ, то терпя преслѣдованія, и число ихъ быстро росло [1]).

Сохраняя всѣ таинства, Братья вѣрили въ апостольское преемство въ таинствѣ посвященія. Но такъ какъ таинства теряли всю свою силу въ рукахъ недостойныхъ, то сектанты подвергали сомнѣнію священство своихъ духовныхъ отцовъ, такъ какъ оно исходило отъ римской куріи. Нѣкоторымъ приходила мысль послать миссію къ легендарнымъ христіанамъ Индіи. Но имъ встрѣтились два человѣка, пришедшіе съ востока, и разсказы послѣднихъ убѣдили ихъ, что восточныя Церкви утратили апостольское преданіе. Тогда они подумали о грекахъ, но въ Прагѣ жило много грековъ, и многіе чехи бывали въ Греціи; эти люди сказали имъ, что тамъ къ посвящаемымъ предъявляли извѣстныя права, и, такимъ образомъ, благодаря симоніи таинство теряло всякое значеніе. Мало того, три чеха, получившіе посвященіе безъ справокъ объ ихъ нравственности, показали чехамъ, что посвященія греческой Церкви не имѣютъ значенія. Наконецъ, обратились къ вальденцамъ, многолюдная община которыхъ находилась на австрійской границѣ. Они возводили себя къ первоначальной Церкви; ихъ предки, по ихъ словамъ, покинули Римъ въ то время, когда при Сильвестрѣ папство было секуляризовано Даромъ Константина; они сохранили въ чистотѣ апостольское преемство. Братьямъ оставалось только узнать, угодно ли Богу, чтобы они обратились къ этимъ вальденцамъ. Въ 1467 г. въ Льготкѣ состоялось собраніе приблизительно шестидесяти избранныхъ депутатовъ. Послѣ поста и горячей молитвы они постановили жребіемъ разрѣшить вопросъ, отдѣлиться ли имъ отъ римской Церкви. Отвѣтъ былъ утвердительный. Тогда они избрали девять человѣкъ, изъ которыхъ предоставили Богу избрать трехъ, двухъ, одного или даже ни одного. Взяли двѣнадцать билетиковъ; на трехъ написали: «избранъ», а на девяти: «не избранъ». Затѣмъ перемѣшали билетики и поручили мальчику дать девять изъ нихъ избраннымъ людямъ. Три карточки съ надписью «избранъ» были вынуты, и тогда собраніе возблагодарило Бога за то, что онъ указалъ имъ путь. Михаилъ Замбергскій былъ посланъ къ вальденскому епископу Стефану, который, разспросивъ своего посѣтителя о его вѣрѣ и прошлой жизни, со слезами возблагодарилъ Бога, доставившаго ему передъ смертью радость увидѣть благочестивыхъ людей. Михаилъ былъ посвященъ въ епископа и вернулся домой. Затѣмъ произвели самое строгое разслѣдованіе о прошломъ одного изъ трехъ избранныхъ, по имени Матвѣя, котораго Михаилъ немедленно посвятилъ въ епископы. Послѣ этого Михаилъ отрекся отъ своего вальденскаго епископства и отъ своего католическаго священства и получилъ вторичное посвященіе изъ рукъ Матвѣя [2]).

---

[1]) Camerarii «Hist. Frat. Orthod.», 84—9.—Hist. Persecutionum, 65.—Von Zezschwitz, loc cit., 653—4.

[2]) Wie sich die Menschen u. s. w. (Goll, op. cit., II, 99—100).—Das Buch der Prager Magister (ibidem, 104—5).

Утраквисты испытали такое же безпокойство по вопросу объ апостольской преемственности. Посланіе, написанное въ 1451 г. Константинопольской Церковью, настойчиво требующей уніи и предлагающей прислать духовныхъ пастырей, показываетъ, что съ цѣлью разрѣшить это затрудненіе обращались къ греческой Церкви. Но, очевидно, чехи не были еще готовы порвать

Библиотека "Руниверс"

Такимъ образомъ, одновременно было окончательно порвано съ Римомъ, и были завязаны тѣсныя сношенія Братьевъ съ вальденцами. Взаимныя симпатіи и тожественность вѣры влекли обѣ секты одну къ другой, хотя Братья и упрекали вальденцевъ въ томъ, что они скрываютъ свою вѣру, посѣщая католическую обѣдню, что они собираютъ деньги и не заботятся о бѣдныхъ. Вальденцы кротко выслушивали эти упреки и обѣщали исправиться. Вскорѣ двѣ тѣсно соединенныя секты слились въ одно общество. Оффиціальное имя Unitas Fratrum продолжало существовать, но мало-по-малу было принято старое названіе «вальденцевъ», которымъ стали пользоваться и сами сектанты. Я уже упоминалъ о депутаціи, посланной въ 1498 г. Братьямъ Италіи и Франціи; я говорилъ также о томъ, какъ старыя альпійскія общины изъ этого общенія со своими новыми адептами почерпнули новыя силы и надежду на независимое и непоколебимое существованіе [1]).

Григорій въ основу Церкви Братьевъ положилъ черезчуръ суровыя правила. Правда, отъ неофитовъ не требовали, чтобы они предоставляли въ общее владѣніе все свое имущество, но чаще всего дѣло обстояло именно такъ. Поведеніе всякаго подвергалось самому тщательному надзору. Самое ничтожное преступленіе каралось изгнаніемъ, и изгнаніе это снималось только тогда, когда виновный представлялъ доказательства своего исправленія. Никто не имѣлъ права давать присягу даже передъ судомъ, отправлять служебныя обязанности, содержать заѣзжій домъ, вести торговлю чѣмъ-либо инымъ, кромѣ необходимаго для насущныхъ потребностей. Всякій вельможа, желавшій присоединиться къ Братьямъ, долженъ былъ отречься отъ своего положенія и отъ занимаемыхъ имъ должностей. Въ 1479 г. два барона и нѣсколько рыцарей изъявили желаніе быть принятыми въ секту, и имъ предложили это строгое правило; одни изъ нихъ согласились, а другіе отказались отъ своего желанія. Эта строгость привела къ рѣзкимъ раздорамъ, и собраніе въ Брандейсѣ въ 1490 г. смягчило строгость статутовъ. Партія пуританъ возстала противъ этого и добилась, что слѣдующій соборъ отмѣнилъ эту реформу. Всеобщая неудовлетворенность распространилась между Братьями, пока въ 1495 г. на собраніи въ Рейхенау крайнія партіи не извинились другъ передъ другомъ и не согласились смягчить строгость закона. Но два вождя пуританъ, Яковъ изъ Воднянъ и Амосъ изъ Стекна, отказались принять этотъ компромиссъ и основали секту Амоситовъ, которые въ теченіе сорока-шести лѣтъ жили особо [2]).

Однако, Братья подвергались частымъ и жестокимъ преслѣдованіямъ. Иногда имъ приходилось искать себѣ убѣжища въ горахъ и лѣсахъ, откуда имъ дали имя Ямницы, т.-е. обитатели пещеръ; они насчитывали цѣлый рядъ мучениковъ, которые въ темницахъ и на кострахъ засвидѣтельствовали твердость своихъ убѣжденій. Тѣмъ не менѣе, маленькая община росла безостановочно. Въ 1500 г. нашли нужнымъ увеличить число епископовъ до четырехъ. Въ Чехіи и Моравіи насчитывали отъ трехъ до четырехъ-сотъ церквей съ числомъ прихожанъ до двухъ-сотъ тысячъ. Было мало деревень, и не было почти ни одного города, гдѣ не было бы сектантовъ. У нихъ было много могущественныхъ покровителей среди вельможъ, которые во время порабощенія крестьянъ въ 1487 г. проявили свою независимость и встали на защиту преслѣдуемыхъ. Братья дѣятельно занимались

окончательно съ католичествомъ (Flac. Illyr. «Catal. Test. Veritatis», lib. XIX, 1834—5, изд. 1608 г.). Безпокойство снова проявилось послѣ смерти Рокицаны. Наконецъ, въ 1482 г. прибылъ въ Прагу итальянскій епископъ Агостино Луціано въ поискахъ болѣе чистой религіи и былъ принятъ съ распростертыми объятіями. Онъ отправлялъ духовныя потребности утраквистовъ до своей смерти, послѣдовавшей въ 1493 г. Затѣмъ, въ Прагу прибылъ Филиппъ, епископъ Сидона, но онъ черезъ три года былъ отозванъ папою. Въ 1499 г. было послано посольство въ Арменію, гдѣ многіе утраквисты получили посвященіе.—Hist. Persecutionum, 95—6.

[1]) J. Goll, op. cit., II, 101.—De Schweinitz, op. cit., 156, 200—1.—Edouard Montet, «Histoire litter. des Vaudois», 152, 156.

[2]) De Schweinitz, op. cit., 122—7, 172—5, 180—1.

Библиотека "Руниверс"

ГРОБНИЦА СИКСТА IV.
(Antonio Pollajuolo).

ГРОБНИЦА НИКОЛАЯ V.
(Ватиканъ).

Библиотека "Руниверс"

образованіемъ народа и печатаніемъ книгъ; во всякомъ приходѣ была школа; кромѣ того, были высшія учебныя заведенія, особенно въ Литомышлѣ и въ Юнгбунцлау. Изъ шести чешскихъ типографій имъ принадлежали три; одна принадлежала католикамъ, а двѣ утраквистамъ. Между 1500 и 1510 гг. въ Чехіи было напечатано шестьдесятъ томовъ, и пятьдесятъ изъ нихъ вышло изъ типографій Братьевъ [1]).

Съ этого времени, до смерти Владислава въ 1516 г., Братья подвергались перемежающемуся, но жестокому преслѣдованію, особенно въ Чехіи. Въ своемъ духовномъ завѣщаніи Владиславъ давалъ наставленія относительно ихъ уничтоженія «для спасенія его души и изъ-за любви къ истинной вѣрѣ». Но благодаря малолѣтству его сына Людовика, едва достигшаго десяти лѣтъ, благодаря также возникшимъ волненіямъ и борьбѣ между католиками и утраквистами, Братьевъ оставили въ покоѣ; вернулись изгнанные священники, открылись церкви, и возстановилось публичное богослуженіе. Въ 1515 г. на Латеранскомъ соборѣ Янъ изъ Ласка, гнѣзненскій архіепископъ, делегатъ Сигизмунда отъ Польши, представилъ Льву X ужасное положеніе Церкви повсюду — въ Чехіи, Венгріи и Польшѣ. Ересь настолько могущественна, что многіе приходы остаются безъ священниковъ; было невозможно избѣгнуть сношеній съ еретиками, и интердикты, бывшіе слѣдствіемъ этой вынужденной терпимости, лишили населеніе божественной службы и довели его до религіознаго индифферентизма. Отсюда ясно, насколько гуситизмъ распространился по восточной Европѣ. Можно было опасаться, чтобы эта ересь не восторжествовала благодаря поднявшемуся повсюду недовольству противъ безпорядковъ и тиранніи римской куріи. Папа Левъ понялъ, что положеніе серьезно, и назначилъ комиссію кардиналовъ для разслѣдованія дѣла и принятія необходимыхъ мѣръ. Отмѣтимъ, что результатомъ этого разслѣдованія было изданіе буллы, въ которой ни словомъ не упоминается о преслѣдованіи; папа ограничивается только тѣмъ, что предлагаетъ извѣстныя условія, и доходитъ даже до того, что разрѣшаетъ обѣдню въ присутствіи еретиковъ и схизматиковъ [2]).

Когда возникло лютеранство, чехи вступили въ переговоры съ нѣмецкими протестантами. Но съ этого момента исторія чешскихъ Братьевъ выходитъ изъ рамокъ нашей работы. Припомнимъ, однако, постоянство, съ которымъ они выдерживали нападенія контръреформаціи и сохранили до нашихъ дней ученія Петра Вальдо и Виклефа. Они перенесли по ту сторону Атлантическаго океана свою несокрушимую ревность, соединенную съ самыми дорогими христіанскими добродѣтелями. Въ лѣтописяхъ Пенсильваніи имя Моравовъ стало обозначать самый вѣрный и прочный оплотъ соціальнаго строя. Паркманъ вѣрно показалъ противоположность между просвѣтительнымъ вліяніемъ моравскихъ миссіонеровъ и пріемами іезуитовъ, довольствовавшихся тѣмъ, что ставили крестъ на мѣсто фетишей индѣйцевъ. Энтузіазмъ ихъ, къ счастью, не угасъ до сего времени. Какъ ни мала моравская Церковь, въ 1885 г. она, однако, насчитывала до трехъ-сотъ-девятнадцати миссіонеровъ, разсѣянныхъ по самымъ отдаленнымъ угламъ земного шара, а число обращенныхъ туземцевъ опредѣлялось болѣе чѣмъ въ восемьдесятъ-одну тысячу душъ. Чѣмъ негостепріимнѣе и труднѣе мѣстность ихъ дѣятельности, тѣмъ горячѣе рвеніе добрыхъ Братьевъ. Безъ нихъ суровые берега Гренландіи были бы почти закрыты для вліянія христіанства. Ихъ поистинѣ апостольскій трудъ еще разъ свидѣтельствуетъ намъ, что недаромъ была пролита кровь констанцскихъ мучениковъ [3]).

---

[1]) Hist. Persecut. Eccles. Bohem., 63—66, 73—74.—Ripoll, III, 577.—Camerarii «Hist. Frat. Orthod.», 104—22.—De Schweinitz, op. cit., 170, 225—6.—Von Zezschwitz, «Real-Encyklop.», II, 656—7, 660.

[2]) Hergenröther, «Leonis X Regesta», № 16945.

[3]) Parkman's «Montcalm», II, 141—5.—Статистику моравскихъ миссій мнѣ любезно сообщилъ епископъ Швейницъ.

Библиотека "Руниверс"

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Частные случаи инквизиціонной дѣятельности.

ГЛАВА I.

Францисканцы спиритуалы.

Въ одной изъ предшествующихъ главъ этой работы мы показали, что нищенствующіе монахи принимали дѣятельное участіе въ истребленіи ереси. Теперь мы посмотримъ, какъ францисканцы, въ свою очередь, сдѣлались жертвою того духа преслѣдованія, укрѣпленію котораго они такъ много содѣйствовали.

Миссія обоихъ орденовъ была одинакова: поднять Церковь изъ того глубокаго паденія, до котораго она дошла. Но доминиканцы были особенно подготовлены къ тому, чтобы дѣйствовать въ міру. Они привлекали въ свои ряды преимущественно людей пылкихъ и воинственныхъ. Подобно современнымъ іезуитамъ, они прекрасно приспособлялись къ жизни въ міру. Этотъ «мірской» духъ, связанный съ успѣхами ордена, не вызывалъ большой оппозиціи внутри его. Добровольно были приняты власть и роскошь, и ими наслаждались безъ угрызенія совѣсти. Самъ Ѳома Аквинатъ, послѣ краснорѣчивой защиты противъ Вильгельма де Сентъ-Амуръ заслугъ абсолютной нищеты, допустилъ позднѣе, какъ намъ извѣстно, что эта нищета должна быть сообразна съ задачей, которую орденъ былъ призванъ выполнить [1]).

Иначе обстояло дѣло у францисканцевъ. Мы знаемъ, что основатели ордена, безъ сомнѣнія, предполагали создать нѣчто большее, чѣмъ братство, посвятившее себя созерцательной жизни; но мысль послужить спасенію человѣка, давъ ему мирное убѣжище вдали отъ свѣта и человѣческихъ страстей, занимала въ ихъ умѣ болѣе видное мѣсто, чѣмъ въ умѣ Доминика и его продолжателей [2]). Абсолютная нищета и полное самоотреченіе были основными принципами ордена, неудержимо привлекавшаго къ себѣ души людей, жаждавшихъ найти убѣжище отъ суеты жизни, искавшихъ созерцанія, размышленія и отреченія отъ всѣхъ мірскихъ удовольствій.

---

[1]) Th. Aquin. «Summa» Sec. Sec. Q. CLXXXVIII, art. 7, ad. 1.

[2]) Даже великій францисканскій проповѣдникъ Бертольдъ Ратисбонскій, умершій въ 1272 г., признавалъ только «крупную» заслугу за трудомъ, направленнымъ къ спасенію душъ; но этотъ трудъ легко можетъ быть доведенъ до крайности. У человѣка есть болѣе серьезныя обязанности въ отношеніи самого себя, выполнить которыя онъ можетъ молитвой и благочестіемъ.—Beati Fr. Bertholdi a Ratisbona «Sermones» (Monachii, 1882, стр. 29). Обратите также вниманіе на сравненіе, установленное тѣмъ же Бертольдомъ, между жизнью созерцательной и дѣятельной; первая—Рахиль, Вторая—Лея, и послѣдняя крайне опасна, когда она всецѣло отдается добрымъ дѣламъ (ibidem, 44—5).

Также и знаменитый францисканецъ спиритуалъ Пьеръ-Жанъ Оливи заявляетъ: «Est igitur totius rationis summa, quod contemplatio est ex suo genere perfectior omni alia actione». Однако, онъ допускаетъ, чтобы часть своего времени посвящали дѣлу спасенія ближняго.—Franz Ehrle, «Archiv für Litteratur und Kirchengeschichte», 1887 г., стр. 503

Библиотека "Руниверс"

По мѣрѣ того, какъ орденъ становился богаче и могущественнѣе, внутри его начинали возникать разногласія. Съ одной стороны, развивалась наклонность къ мистицизму, вызванная, несомнѣнно, вліяніемъ серафическаго ордена, на который заявляло права францискапство, но послѣдователи котораго иногда находили нѣсколько тяжелыми цѣпи католичества. Съ другой стороны, люди, продолжавшіе раздѣлять взгляды основателей на необходимость абсолютной нищеты, мучились, видя, какъ росли богатства, и какъ слѣдствіемъ этого было постоянное развитіе роскоши; они съ негодованіемъ отвергали софизмы, которыми старались примирить матеріальное благосостояніе ордена съ отреченіемъ отъ всякаго мірского имущества.

Впрочемъ, изъ трехъ обѣтовъ—нищеты, повиновенія и цѣломудрія—ни одинъ не могъ быть соблюдаемъ строго. Первый былъ несовмѣстимъ съ человѣческими потребностями, а два вторыхъ наталкивались на личныя страсти отдѣльныхъ лицъ. Что касается обѣта цѣломудрія, то вся исторія Церкви показываетъ, насколько примѣненіе этого правила было трудно на практикѣ. Повиновеніе, объясняемое какъ полное отреченіе отъ своей воли, не отвѣчало положенію человѣческихъ дѣлъ; и это сказалось уже съ первыхъ временъ ордена, когда братъ Іаковъ Феверсгамъ ниспровергъ парижскаго провинціала Григорія и, немного спустя, выступилъ противъ генерала Иліи, смѣщенія котораго онъ добился. Что же касается нищеты, то мы увидимъ, какія безвыходныя осложненія вызывалъ этотъ вопросъ, несмотря на усилія, послѣдовательно принимаемыя папами, пока настойчивая воля и здравый смыслъ Іоанна XXII не низвели ордена съ высоты его серафическихъ вершинъ до пониманія практическихъ потребностей жизни. Къ несчастью, вмѣшательство папы породило расколъ. Волненіе увеличилось еще болѣе оттого, что св. Францискъ, предвидя, что будутъ дѣлаемы попытки стряхнуть иго его устава, въ своемъ завѣщаніи строго запретилъ всякое измѣненіе, всякую вставку, всякое толкованіе его и приказалъ читать свои наставленія во всѣхъ капитулахъ ордена. Мало того, францискапская легенда, по мѣрѣ своего развитія, сдѣлала изъ устава своего рода божеское откровеніе, равное по авторитету самому евангелію, такъ что св. Франциска стали вскорѣ прославлять скорѣе какъ божеское существо, чѣмъ какъ человѣка [1]).

Даже раньше смерти основателя, въ 1226 г., мы находимъ одного францисканца, который открыто проповѣдывалъ въ Парижѣ нѣкоторыя ереси, характеръ которыхъ намъ не извѣстенъ, и которыя, по всей вѣроятности, были мистическими бреднями неуравновѣшеннаго ума. Такъ какъ въ это время не существовало еще Инквизиціи, и такъ какъ виновный не былъ подсуденъ суду епископа, то его вызвали къ папскому легату. Въ присутствіи этого судьи онъ высказалъ много мнѣній, противоположныхъ католической вѣрѣ, и былъ приговоренъ къ пожизненному тюремному заключенію. Это было какъ бы симптомомъ того, что предстояло; впрочемъ, проходитъ довольно много времени раньше, чѣмъ мы снова слышимъ что-нибудь подобное [2]).

Прежде всего явились затрудненія въ соблюденіи обѣта нищеты. Вторымъ послѣ св. Франциска въ основанномъ имъ орденѣ былъ Илія. Францискъ раньше, чѣмъ отправиться на обращеніе Судана, послалъ Илію въ качествѣ провинціала въ страны, лежащія за

---

[1]) Thom. de Eccleston, «de Adventu Minorum», Coll. V.—S. Francis. «Testamentum» («Opera», изд. 1849 г., стр. 48).—Nicolai PP. III. Bull. «Exiit qui seminat» (lib. V. Sexto XII. 3).—Lib. Sentent. Inq. Tolosan., 301, 303.

Даже сравнительно въ недавнюю эпоху, въ 1642 г., одинъ ученый францисканецъ выражается слѣдующимъ образомъ: «La Regola Apostolica di S. Francesco non fù dettata nè composta dell'intelletto e prudenza sua humana, ma dell'istesso Christo, ed ogni parola che in quella si contiene fù inspirata dal Spirito Sancto».—Michel Angelo di Bogliasco, «Indulgenza di Portiuncula», Livorno, 1662, стр. 146.

[2]) Chron. Turonens. ann. 1326 (D. Bouquet, XVIII, 319).—Alberici Trium Fontium «Chron.» ann. 1228.

Библиотека "Руниверс"

моремъ. Вернувшись изъ своей миссіи, онъ привезъ съ собою и Илію. На первомъ генеральномъ капитулѣ 1221 г. обязанности оратора исполнялъ Илія, такъ какъ Францискъ былъ слабъ, чтобы предсѣдательствовать. Францискъ, сидя у ногъ своего ученика, дергалъ Илію за рясу всякій разъ, когда хотѣлъ, чтобы послѣдній произнесъ слово. Въ 1223 г. германскій провинціалъ Цезарь прибылъ въ Италію къ «блаженному Франциску или къ брату Иліи». Сдѣлавшись немощнымъ или почувствовавъ себя неспособнымъ поддерживать дисциплину, Францискъ отказался отъ званія генерала, и Илія сдѣлался викарнымъ генераломъ ордена, а Францискъ подчинился этому новому главѣ со смиреніемъ самаго послѣдняго изъ своихъ братьевъ. Когда въ октябрѣ 1226 г. умеръ святой, то Илья первый сообщилъ эту новость братьямъ, разсѣяннымъ по всей Европѣ, и первый открылъ о стигматахъ, которые Францискъ въ своемъ смиреніи всегда скрывалъ. Въ февралѣ 1227 г. былъ избранъ генераломъ Джованни Паренти изъ Флоренціи; но на самомъ дѣлѣ Илія оставался, повидимому, главою ордена. Илія отличался свѣтскимъ и честолюбивымъ характеромъ; онъ считался однимъ изъ самыхъ ловкихъ дѣльцовъ современной ему Италіи. Онъ предвидѣлъ, какое огромное значеніе будетъ связано съ управленіемъ ордена, и, чтобы добиться этой власти, онъ выказалъ себя мало разборчивымъ въ средствахъ. Онъ предпринялъ постройку въ Ассизи богатой церкви, назначенной принять останки смиреннаго Франциска, и для успѣшнаго окончанія этого предпріятія не стѣснялся просить денегъ. Уже одинъ фактъ подобнаго сбора денегъ былъ мерзостью въ глазахъ всѣхъ вѣрныхъ братьевъ; тѣмъ не менѣе, всѣмъ провинціямъ было предложено доставить извѣстную сумму денегъ; передъ фасадомъ зданія былъ поставленъ мраморный сундукъ для сбора пожертвованій. Это было выше всякаго терпѣнія. Братъ Левъ явился въ Перузу посовѣтоваться съ блаженнымъ Эгидіемъ, третьимъ непосредственнымъ ученикомъ св. Франциска. Эгидій заявилъ прямо, что подобныя дѣйствія противорѣчатъ наставленіямъ основателя. «Долженъ ли я въ такомъ случаѣ разбить сундукъ?»—спросилъ Левъ. «Да, отвѣчалъ Эгидій, если ты мертвъ; но если ты живъ еще, оставь ихъ дѣйствовать, такъ какъ тебѣ не выдержать преслѣдованій Иліи». Вопреки этому благому совѣту Левъ отправился въ Ассизи и съ помощью нѣсколькихъ товарищей разбилъ сундукъ. Илія наполнилъ весь городъ раскатами своего гнѣва, и Льву пришлось бѣжать въ пустыню [1]).

Когда въ 1230 г. зданіе достаточно подвинулось впередъ, назначили генеральное собраніе для торжественнаго перенесенія останковъ святого. Илія думалъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы провести себя въ генералы ордена. Для этого онъ созвалъ только тѣхъ братьевъ, поддержка которыхъ была обезпечена; но Джованни узналъ объ этомъ и увеличилъ число приглашеній. Тогда Илія велѣлъ перенести тѣло св. Франциска раньше, чѣмъ собрались братья. Его сторонники попытались предварить дѣйствія капитула, вывели Илію изъ его кельи, выломали двери залы и посадили его на кресло, предназначенное для генерала. Внезапно явился Джованни и послѣ шумнаго спора одержалъ со своими сторонниками побѣду. Сѣятели смуты были разсѣяны по разнымъ провинціямъ. Илья удалился въ скитъ, гдѣ отпустилъ себѣ волосы и бороду. Этимъ внѣшнимъ знакомъ благочестія онъ примирился съ орденомъ, и, наконецъ, на капитулѣ 1232 г. его честолюбіе было удовлетворено: Джованни былъ смѣщенъ, а онъ избранъ генераломъ [2]).

Эти интриги показываютъ, съ какой быстротой образовались внутри ордена партіи. Почти съ самаго начала возникли несогласія по поводу неразрѣшимой задачи, составлив-

---

[1]) Frat. Jordani «Chron.» c. 9, 14, 17, 31, 50 (Analecta Franciscana, Quaracchi, 1885, I, 4—6, 11, 16).—S. Francisci «Testamentum» («Opera», 47); Ejusdem «Epist.» VI, VII, VIII (ibidem, 10—11).—Anoni «Legenda S. Francisci», 106 (Roma, 1880).—Wadding. ann. 1229, № 2.—Chron. Glassberger, ann. 1227 (Analecta Franciscana, II, 45).

[2]) Thomae de Eccleston «Collat.» XII.—Jordani «Chron.», c. 61 (Analecta Franciscana I, 19 —Chron. Anon. (ibid. I, 289).

Библиотека "Руниверс"

шей главный предметъ устава абсолютной нищеты. Въ первой біографіи Франциска, написанной его любимымъ ученикомъ братомъ Леономъ и относящейся по исчисленію Сабатье къ 1227 г., авторъ говоритъ, что Францискъ былъ не удовлетворенъ первымъ уставомъ и выработалъ второй, который пропалъ замѣчательно во-время, причемъ св. Бонавентура въ исчезновеніи его обвиняетъ Илію. Тогда Францискъ снова удалился на гору Альверно вмѣстѣ съ братьями Львомъ и Боницо и составилъ третій уставъ подъ диктовку Христа. Многіе служители ордена, боясь, что нельзя будетъ выдержать строгости устава, явились вмѣстѣ съ Иліей къ святому и просили его, чтобы онъ не связывалъ ихъ своими предписаніями. Воздѣвъ очи къ небу, Францискъ воскликнулъ: «Господи! не говорилъ ли я тебѣ, что они откажутся вѣрить мнѣ»? Но голосъ съ высоты отвѣтилъ ему: «Францискъ! въ этомъ уставѣ нѣтъ ничего твоего; весь онъ исходитъ отъ Меня, и воля Моя, чтобы онъ исполнялся буквально и безъ всякаго спора. Я знаю, что можетъ вынести человѣческая слабость. Пусть тѣ, кто не хочетъ повиноваться, покинутъ орденъ»! Служители ордена удалились, говорятъ, напуганные и пораженные чудомъ; тѣмъ не менѣе, они исключили изъ устава божеское повелѣніе: «Ничего не берите на дорогу: ни посоха, ни сумы, ни хлѣба, и не имѣйте по двѣ одежды» [1]). Если даже допустить, что въ этотъ разсказъ позднѣе былъ введенъ чудесный элементъ, то и тогда исторія показываетъ намъ, какую борьбу долженъ былъ выдерживать Францискъ противъ своихъ непосредственныхъ учениковъ. Мы смѣло можемъ вѣрить разсказамъ его историковъ о тѣхъ трудностяхъ, которыя встрѣтилъ онъ въ своихъ желаніяхъ обязать монаховъ соблюдать правило не имѣть болѣе одной рясы [2]). Партіи, которыя уже обрисовывались, были непримиримы между собою, и ихъ антагонизмъ постоянно сказывался по мѣрѣ того, какъ росъ самъ орденъ.

Свѣтская партія скоро стала стремиться къ освобожденію отъ тяжелаго стѣсненія, налагаемаго на нее правилами основателя. Не прошло еще пяти лѣтъ со дня составленія завѣщанія, какъ уже были нарушены предписанія, которыми основатель устранялъ искусственныя толкованія, прикрывавшія нарушенія устава. Въ 1231 г. капитулъ обратился къ Григорію IX съ вопросомъ, имѣетъ ли въ этомъ отношеніи завѣщаніе обязательную силу для ордена? Папа отвѣтилъ отрицательно, такъ какъ Францискъ не могъ-де связывать своихъ послѣдователей. Братья спросили также, какое имѣетъ значеніе запрещеніе владѣть деньгами или землями? Григорій остроумно приказалъ пользоваться для этого терціаріями, которые должны хранить деньги и платить долги братьевъ; на терціаріевъ въ такомъ случаѣ должно смотрѣть не какъ на агентовъ францисканцевъ, а какъ на агентовъ тѣхъ, которые дали деньги взаймы, или тѣхъ, которымъ слѣдовало получить деньги.

Эти поправки, искажавшія смыслъ устава, были приняты только послѣ энергичной оппозиціи, грозившей вызвать расколъ. Легко можно представить себѣ, съ какою грустью присутствовали побѣжденные члены ордена при этой быстрой порчѣ; чувства эти не смягчились отъ того употребленія, которое дѣлалъ Илія изъ своей власти. Говорятъ, что сластолюбіе и жестокость этого человѣка вносили страшную дезорганизацію въ орденъ. Правленіе его было вполнѣ произвольнымъ: въ теченіе семи лѣтъ, вопреки установившимся правиламъ, онъ не собралъ ни разу капитула. Чтобы докончить огромную постройку въ Ассизи, онъ наложилъ на всѣ провинціи огромныя подати. Людей, оказывавшихъ ему сопротивленіе, онъ отсылалъ въ отдаленныя страны. Еще будучи только викарнымъ, онъ приказалъ до крови бичевать св. Антонія Падуанскаго, пришедшаго въ Ассизи на поклоненіе гробу Фран-

---

[1]) Евангеліе отъ Луки, IX, 3.

[2]) Speculum Perfectionis, cap. 1—10 (изд. Sabbatier, Парижъ, 1898 г. Ср. стр. 249—54).

Чрезвычайно знаменательно, какъ поверхностно Ѳома де Челано касается вопроса о нищетѣ въ своемъ первомъ «Жизнеописаніи святого Франциска», написанномъ въ 1228 г., тогда какъ во второмъ «Жизнеописаніи», составленномъ послѣ паденія Иліи, онъ придаетъ этому вопросу огромное значеніе.

Библиотека "Руниверс"

циска; вмѣсто всякаго протеста Антоній только повторялъ одно: «Да проститъ васъ Богъ, мои братья»! Еще хуже было поступлено съ Цезаремъ изъ Шпейера, котораго въ 1221 г. самъ св. Францискъ назначилъ провинціаломъ Германіи и устроителемъ ордена къ сѣверу отъ Альповъ. Глава недовольныхъ аскетовъ, извѣстныхъ подъ именемъ Caesarienses, Цезарь испыталъ на себѣ всю тяжесть гнѣва Иліи. Заключенный въ тюрьму, онъ просидѣлъ въ оковахъ цѣлыхъ два года; наконецъ, его освободили отъ оковъ, и въ началѣ 1239 г. Цезарь, такъ какъ тюремщикъ оставилъ его дверь открытой, осмѣлился выйти, чтобы расправить подъ лучами зимняго солнца свои онѣмѣвшіе члены. Вернувшійся тюремщикъ подумалъ, что онъ хотѣлъ бѣжать, и, боясь неумолимаго гнѣва Иліи, подбѣжалъ къ узнику и ударилъ его дубиной по головѣ такъ, что онъ тутъ же умеръ. Цезарь былъ первымъ изъ многочисленныхъ мучениковъ, пролившихъ кровь за строгое соблюденіе устава, полнаго любви и милосердія [1]).

Чаша была переполнена. Въ 1237 г. Илія послалъ въ разныя провинціи визиторовъ, поведеніе которыхъ вызвало общее отчаяніе. Саксонскіе братья подали Иліи жалобу на лицо, которому было поручено посѣтить ихъ провинцію; такъ какъ жалоба ихъ осталась безъ отвѣта, то они обратились къ папѣ Григорію. Папа вмѣшался. Въ 1239 г. былъ созванъ генеральный капитулъ. Здѣсь послѣ бурной сцены, при которой присутствовали Григорій и девять кардиналовъ, папа заявилъ Иліи, что онъ готовъ принять его отставку. Этотъ поступокъ былъ вызванъ, быть-можетъ, не только стремленіями поддержать аскетизмъ, но и политическими соображеніями. Но Илія былъ ловкимъ дипломатомъ и заручился расположеніемъ Фридриха II. Императоръ тотчасъ же выразилъ свое недовольство, такъ какъ Илія, какъ говорили, трудился въ это время надъ примиреніемъ папства съ имперіей. Во всякомъ случаѣ фактъ тотъ, что Илія сейчасъ же нашелъ себѣ убѣжище у Фридриха, близкимъ другомъ котораго онъ сдѣлался. Григорій попытался захватить его и пригласилъ съ этой цѣлью на совѣщаніе, но попытка не удалась. Тогда Илію обвинили въ томъ, что онъ безъ разрѣшенія посѣтилъ въ Кортонѣ нѣсколько бѣдныхъ женщинъ, и такъ какъ онъ не явился по вызову, то его отлучили отъ Церкви [2]).

Такимъ образомъ, во францисканскомъ орденѣ образовались двѣ рѣзко различавшіяся партіи, которыя сдѣлались извѣстны подъ именемъ Спиритуаловъ и Конвентуа-

---

[1]) Gregor. PP. IX. Bull. «Quo elongati» (Pet. Rodulphii «Hist. Seraph. Relig.», lib. II, fol. 164—5).—Rodulphii, op. cit., lib. II, fol. 177.—Chron. Glassberger, ann. 1230, 1231 (Analecta, II, 50, 56).—Frat. Jordani «Chron.» c. 18, 19, 61 (Analecta, I, 7, 8, 19).—Franz Ehrle («Archiv für Litteratur- und Kirchengeschichte», 1886 г., стр. 123).—Wadding. ann. 1239, № 5.

Казуистическія тонкости, при помощи которыхъ конвентуалы убѣдили себя, что способъ, найденный Григоріемъ IX, позволялъ имъ обогащаться, не преступая устава, изъяснены въ ихъ защитѣ передъ Климентомъ VI въ 1311 г., какъ ее опубликовалъ Францъ Эрле («Archiv für Litt.- und Kirchengeschichte», 1887 г., стр. 107—8).

[2]) Frat. Jordani «Chron.» c. 62, 63 (Analecta, I, 18—19).—Thomae de Eccleston «Collat.», XII.—Chron. Glassberger, ann. 1239 (Analecta, II, 60—1).—Huillard-Bréholles, «Introd.», стр. DIII (ibid. VI, 69—70).

Иліи удалось еще возбудить безпорядки среди францисканцевъ. Онъ умеръ отлученнымъ отъ Церкви; настоятель францисканскаго монастыря приказалъ вырыть его останки, которые были затѣмъ брошены на живодернѣ. Братъ Салимбенъ даетъ массу подробностей дурного поведенія Иліи и той тиранніи, съ которою примѣнялъ онъ свою власть. Когда онъ бѣжалъ къ Фридриху II, то по всей Италіи раздавалась народная пѣсенка:

Hor attorna fratt Helya,
Ke pres' ha la mala via.
(Salimbene, «Chronica», Parma, 1857, стр. 401—13).

Однако, Аффо утверждаетъ, что съ Иліи на смертномъ ложѣ было снято отлученіе.—«Vita del Beato Gioanni di Parma», Parma, 1777, стр. 31. Ср. Chron. Glassberger, ann. 1243—4.

Библиотека "Руниверс"

ловъ. Первые строго придерживались буквы устава; вторые старались смягчать строгость, ссылаясь на требованія человѣческой природы и на условія мірской жизни. Послѣ паденія Иліи главенство перешло къ спиритуаламъ во время непродолжительныхъ генеральствъ Альберта Пизанскаго и Іакова Феверсгама. А въ 1244 г. конвентуалы одержали побѣду избраніемъ Кресченціо Гриццы изъ Іези, въ бытность котораго генераломъ произошло то, что спиритуалы называли Третьей напастью (Tertia tribulatio); по ихъ апокалиптическимъ умозрѣніямъ они должны были пережить семь напастей раньше, чѣмъ Царство Св. Духа откроетъ новое тысячелѣтіе. Кресченціо велъ дѣло какъ Илія. Въ 1242 г. при Іаковѣ была сдѣлана попытка примирить уставъ и заявленіе Григорія, сдѣланное въ 1231 г. Четыре наиболѣе извѣстныхъ ученыхъ ордена съ Александромъ Гальскимъ во главѣ обнародовали Declaratio Quattuor Magistrorum, но вся ихъ схоластическая тонкость не привела ни къ чему. Орденъ росъ безостановочно; безостановочно росла также его недвижимость, и увеличивались его матеріальныя потребности. Изображеніе того, что происходило по всей Европѣ, мы находимъ въ буллѣ, которою въ 1239 г. Григорій IX разрѣшалъ парижскимъ францисканцамъ купить новый участокъ земли для расширенія ихъ монастыря С.-Жерменъ де Пре. Въ 1244 г. на капитулѣ, на которомъ былъ избранъ Кресченціо, англичанинъ Джонъ Кетени, несмотря на оппозицію почти всего собранія, добился отмѣны опредѣленія Григорія. Но торжество пуританъ было непродолжительно. Кресченціо сошелся съ партіей конвентуаловъ и попросилъ поддержки у Иннокентія III. Въ 1245 г. папа отвѣтилъ заявленіемъ, въ которомъ повторялъ рѣшеніе Григорія IX, разрѣшивъ взносъ денегъ лицамъ, на которыхъ нужно смотрѣть какъ на агентовъ жертвователей и кредиторовъ; кромѣ того, онъ ловко заявилъ, что недвижимость и земельная собственность, обладаніе которой было запрещено ордену, должна считаться принадлежащей Св. Престолу и отданной послѣднимъ въ распоряженіе монаховъ. Но и авторитетъ самого папы не могъ сдѣлать, чтобы эти призрачныя увертки успокоили совѣсть спиритуаловъ.

Возраставшее обмірщеніе ордена вызывало постоянное волненіе. До своего поступленія въ орденъ Кресченціо былъ врачомъ и юристомъ; поэтому жаловались еще, что онъ побуждалъ братьевъ болѣе заниматься пустымъ и безплоднымъ изученіемъ Аристотеля, чѣмъ стараться проникнуться божественной мудростью. По настоянію Симона Ассизскаго, Джакопо Манфредо, Маттео изъ Монте Рубіано и Лучидо, семьдесятъ-два брата, видя, что Кресченціо остается глухъ къ ихъ словамъ, приготовили жалобу Иннокентію; но Кресченціо предупредилъ ихъ и получилъ отъ папы рѣшеніе, въ силу котораго онъ наказалъ упорствующихъ, разославъ ихъ по-двое по разнымъ провинціямъ. Къ счастью, его управленіе было непродолжительно. Прельстившись епископіей Іези, онъ сложилъ съ себя санъ генерала, и преемникомъ ему былъ избранъ въ 1248 г. Джованни Борелли, болѣе извѣстный подъ именемъ Іоанна Пармскаго, который былъ въ это время магистромъ богословія въ парижскомъ университетѣ [1]).

Избраніе Іоанна Пармскаго отмѣтило реакцію въ пользу строгаго соблюденія устава.

---

[1]) Thomae de Eccleston, «Collat.» VIII, XII.—Wadding. ann. 1242, № 2; ann. 1245, № 16.—Potthast, № 10825.—Angeli Clarinens. «Epist. Excusator.» (Fr. Ehrle, «Archiv für Litt. und Kirchengeschichte», 1885 г., стр. 535; 1886 г., стр. 113, 117, 120).—«Hist. Tribulation.» (ibidem, 1886 г., стр. 256 и слѣд.).

«Historia Tribulationum» отражаетъ презрѣніе спиритуаловъ къ человѣческому знанію. Адама, говорится въ ней, понудила къ непослушанію жажда знанія, вернулъ же онъ себѣ милость Божію вѣрою, а не діалектикой, геометріей или астрологіей. Вредоносность искусствъ Аристотеля и развращающая сладость краснорѣчія Платона суть для Церкви новыя язвы египетскія. (ibidem, 264—5). Старинное преданіе ордена говорило, что св. Францискъ предсказалъ его паденіе вслѣдствіе неумѣреннаго стремленія къ знанію (Amoni «Legenda S. Francisci», App. cap. XI).

Карлъ Мюллеръ («Die Anfänge des Minoritenordens», Фрейбургъ, 1885 г., стр. 180) гово

Библиотека "Руниверс"

Новый генералъ былъ одушевленъ благочестивой ревностью къ идеалу св. Франциска. Изгнанные спиритуалы были призваны назадъ, и имъ предоставили право выбора мѣстожительства. Въ теченіе трехъ первыхъ лѣтъ Іоаннъ пѣшкомъ посѣтилъ всѣ монастыри ордена. Сопровождаемый иногда двумя монахами, иногда однимъ, всегда бѣдно одѣтый, онъ часто оставался неузнаннымъ и могъ, такимъ образомъ, провести нѣсколько дней въ монастырѣ, наблюдая направленіе и поведеніе монаховъ; затѣмъ онъ открывалъ свое имя и исправлялъ злоупотребленія. Въ пылу своей ревности онъ не щадилъ ничьихъ чувствъ. Лекторъ Анконской Марки, вернувшись къ себѣ изъ Рима, удивляется крайней рѣзкости рѣчи, произнесенной Іоанномъ, и утверждаетъ, что братья Марки никогда не позволили бы обратиться къ нимъ съ подобными словами постороннему лицу. Когда его спросили, почему же не вступились присутствовавшіе магистры, то онъ сказалъ: «Какъ же могли бы они это сдѣлать? Изъ устъ этого человѣка текъ огненный потокъ». Іоаннъ отмѣнилъ примѣненіе декларацiи Иннокентія IV, пока папа, ознакомившись лучше съ дѣломъ, не выскажетъ своего мнѣнія. Однако, онъ не могъ остановить все возраставшія стремленія къ ослабленію устава; единственнымъ результатомъ его усилій было обостреніе оппозиціи обѣихъ партій. Послѣ совѣщанія нѣсколькихъ вліятельныхъ членовъ ордена было рѣшено представить Александру IV формальныя обвиненія противъ Іоанна и его друзей. Дѣйствительно, вызывающее настроеніе спиритуаловъ давало этому нападенію нѣкоторую долю основанія [1]).

Чтобы понять положеніе спиритуаловъ въ ту эпоху и положеніе, которое они заняли позднѣе, необходимо бросить взглядъ на одно изъ самыхъ замѣчательныхъ движеній мысли, которое зародилось въ XIII в. Въ первыхъ годахъ этого столѣтія умеръ Іоахимъ Флорійскій, бывшій, до извѣстной степени, основателемъ современнаго мистицизма. Происходя изъ богатой и знатной фамиліи, получившій свѣтское образованіе при дворѣ герцога Апулійскаго, норманна Рожера, Іоахимъ въ ранней молодости пожелалъ увидѣть святыя мѣста и, сопровождаемый многолюдной свитой, отправился на Востокъ. Когда онъ прибылъ въ Константинополь, то въ городѣ свирѣпствовала чума. Іоахима такъ поразила бренность и суета этого міра, что онъ, отпустивъ своихъ людей, отправился дальше смиреннымъ пилигримомъ съ однимъ только спутникомъ. Легенда передаетъ, что въ пустынѣ онъ упалъ на землю, измученный жаждою; тогда ему было видѣніе. Ему явился человѣкъ, стоявшій около масляной рѣки, и сказалъ: «Утоли жажду изъ этого ручья!» Іоахимъ пилъ до насыщенія и, когда проснулся, то вдругъ оказалось, что онъ въ совершенствѣ знаетъ Св. Писаніе, хотя до сего времени онъ былъ неграмотенъ. Наступившій постъ онъ провелъ въ старомъ водоемѣ на горѣ Ѳаворѣ. Ночью на день Воскресенія Христова онъ увидалъ себя окруженнымъ лучистымъ сіяніемъ; душа его наполнилась божественнымъ просвѣтленіемъ, такъ что онъ понялъ согласіе между Ветхимъ и Новымъ Завѣтами, и для него исчезли всякое затрудненіе, всякая неясность. Разсказы эти, дошедшіе почти до XVII ст., показываютъ, какое глубокое и долгое впечатлѣніе произвелъ Іоахимъ на умы людей [2]).

ритъ, что избраніе Кресченціо было торжествомъ пуританъ, и что онъ выдавался своею горячею ревностью въ строгомъ соблюденіи устава. Это весьма далеко отъ истины, такъ какъ уже вечеромъ въ день своего избранія Кресченціо сдѣлалъ выговоръ наиболѣе ревностнымъ братьямъ (Th. de Eccleston, «Collat.» XII). Исторія его генеральства подтверждаетъ его портретъ, данный въ «Historia Tribulationum». Аффо («Vita di Gioanni di Parma», 31—32) полагаетъ, что Кресченціо старался сохранить безпартійное положеніе, но что, въ концѣ, концовъ, онъ сталъ преслѣдовать непримиримыхъ противниковъ.

[1]) «Hist. Tribulationum» (loc. cit., 1886 г., стр. 267—8, 274).—Affo, 38—9, 54, 97—8.—Wadding. ann. 1256, № 2.

[2]) Tocco, «L'Eresia nel Medio Evo», Firenze, 1884 г., стр. 265—70.—«Profetie dell'Abate Gioachino», Venezia, 1646 г., стр. 8.

Библиотека "Руниверс"

ВИДѢНІЕ СВ. БЕРНАРА.

Филиппино Липпи.
(Церковь Бадіа во Флоренціи).

Св. Іоакимъ, изгоняемый изъ храма.—Св. Іоакимъ въ пустынѣ.

(Фреска Гадди въ Санта Кроче во Флоренціи).

Библиотека "Руниверс"

Съ этого времени Іоахимъ посвятилъ свою жизнь на служеніе Богу. Вернувшись на родину, онъ покинулъ родительскій домъ и началъ проповѣдывать среди народа. Но проповѣдь была запрещена мірянамъ, и онъ вступилъ въ суровый цистерціанскій орденъ. Назначенный аббатомъ въ Кораццо, онъ бѣжалъ, но его привели силою и заставили исполнять свои обязанности до 1181 г., когда онъ, явившись въ Римъ, получилъ отъ Люція III разрѣшеніе сложить съ себя санъ. Суровая дисциплина не удовлетворяла его жажды аскетизма, и онъ удалился въ скитъ на Пьетралату. Здѣсь слава его святости привлекла къ нему учениковъ. Несмотря на свою любовь къ уединенію, онъ скоро очутился во главѣ новаго ордена, устава котораго, болѣе ранній, чѣмъ уставъ нищенствующихъ, и уже предписывающій нищету, былъ одобренъ Целестиномъ III въ 1196 г. Вскорѣ орденъ распространился за предѣлы своего перваго монастыря св. Джованни in Fiore и основалъ нѣсколько новыхъ монастырей [1]).

На Іоахима смотрѣли какъ на вдохновленнаго. Если онъ въ 1200 г. и представилъ всѣ свои сочиненія Св. Престолу, тѣмъ не менѣе, онъ не задумывался утверждать, что они были написаны по вдохновенію свыше. Въ теченіе всей своей жизни онъ пользовался славой пророка. Когда Ричардъ Англійскій и Филиппъ-Августъ прибыли въ Мессину, они спросили Іоахима объ исходѣ ихъ крестоваго похода; святой человѣкъ возвѣстилъ имъ, что часъ освобожденія Іерусалима не насталъ еще. Передаютъ еще много другихъ его пророчествъ, которыя также исполнились. Мистицизмъ апокалиптическихъ размышленій, оставленныхъ имъ по смерти, помогъ только росту его славы какъ пророка и ясновидца. Въ теченіе столѣтій имя его обыкновенно призывалось всѣми мечтателями и плутами, желавшими привлечь на себя вниманіе людей; народилась цѣлая апокрифическая литература, состоявшая изъ сочиненій, ложно приписанныхъ Іоахиму. Немного позднѣе, чѣмъ черезъ сто лѣтъ послѣ его смерти, доминиканецъ Пипино составилъ длинный каталогъ сочиненій покойнаго, высказывая глубокое уваженіе къ его предсказаніямъ. Въ 1319 г. Бернаръ Делисье выказывалъ безграничную вѣру въ одну пророческую книгу Іоахима, въ которой были портреты всѣхъ будущихъ папъ, снабженные подписями и символами. Бернаръ отмѣчаетъ различныхъ папъ даже своего времени, предсказываетъ судьбу Іоанна XXII и заявляетъ, что за цѣлыя двѣсти лѣтъ никто не получалъ такъ много откровеній, какъ Іоахимъ. Коло ди Рієнци нашелъ въ этихъ лже-пророчествахъ побужденіе сдѣлать свою вторую попытку, чтобы захватить власть въ Римѣ. Францисканскій трактатъ De ultima Aetate Ecclssiae, написанный въ 1356 г. и долгое время приписываемый Виклефу, показываетъ крайнее почитаніе Іоахима, пророчества котораго часто приводятся. Въ Liber conformitatum, написанной въ 1385 г., неоднократно говорится, что Іоахимъ предсказалъ основаніе нищенствующихъ орденовъ, символизированныхъ подъ видомъ Голубки и Вороны, и предрекъ несчастія, какія перенесетъ первая. Немного позднѣе отшельникъ Телесфоръ изъ Козенцы извлекъ изъ того же источника пророчества, касающіяся хода и разрѣшенія Великаго Раскола и цѣлаго ряда будущихъ папъ до прихода Антихриста. Эти пророчества возбудили такой интересъ, что вызвали опроверженіе со стороны Генриха Гессенскаго, одного изъ лучшихъ богослововъ своего времени. Даже въ отдаленной Каталоніи пророчества Іоахима побуждали усилія Іакова противъ Уржеля, чтобы добиться въ 1410 г. арагонской короны послѣ смерти короля Мартина. Кардиналъ Петръ д'Айльи съ уваженіемъ говоритъ о пророчествахъ Іоахима относительно Антихриста и сравниваетъ его съ пророчицей Гильдегардой. Съ другой стороны, раціоналистъ Корнелій Агриппа старается объяснить скрытою силою чиселъ пророчества того же Іоахима. Еще въ 1530 г. ученый Іоганнъ Эккъ находилъ нужнымъ опровергать заблужденіе аббата Іоахима по поводу евангелія отъ Луки и утверждалъ, что не слѣдуетъ ждать новаго евангелія. Уже совсѣмъ въ XVII ст. были

[1]) Tocco, op. cit., 271—8.—Coelestin. PP. III. «Epist.». 279.

Библиотека "Руниверс"

изданы подъ его именемъ пророчества, заключавшія цѣлый рядъ папъ съ символическими фигурами, съ надписями и объясненіями; этотъ трудъ очевидно аналогиченъ съ Vaticinia Pontificum, которыя увлекли Бернара Делисье. Въ томъ же XVII ст. кармелиты издали Oraculum Angelicum Кирилла, снабженный примѣчаніями, приписываемыми Іоахиму, какъ доказательство древности ихъ ордена. Наконецъ, въ 1664 г. аббатъ Лауро издалъ въ Неаполѣ два тома in-folio съ цѣлью установить, что Іоахимъ дѣйствительно имѣлъ пророческій даръ [1]).

Своей огромной и продолжительной славѣ, какъ пророка, Іоахимъ былъ менѣе обязанъ своимъ подлиннымъ сочиненіямъ, чѣмъ апокрифическимъ, ходившимъ подъ его именемъ: Пророчества Кирилла, Пророчества Сибиллы Эритрейской, Комментаріи на Іеремія, Vaticinia Pontificum, трактаты De Oneribus Ecclesia и De septem Temporibus Ecclesiae. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ сочиненій говорится о Фридрихѣ II, такъ что составленіе ихъ можно отнести къ эпохѣ около 1250 г., когда борьба между папствомъ и имперіей особенно обострилась. Широко примѣшивали къ нимъ подъ видомъ примѣчаній пророчества, исходящія отъ Мерлина. Авторами этихъ обмановъ были, безъ сомнѣнія, францисканцы изъ партіи пуританъ; ихъ смѣлость въ обличеніи современныхъ имъ золъ показываетъ, до какой степени возбужденія они дошли. Апокалиптическія пророчества объяснялись свободно, какъ касающіяся преступнаго излишества плотоугодничества, охватившаго всѣ классы Церкви; всѣ отвергнуты, нѣтъ ни одного избраннаго; Римъ есть Вавилонская блудница; римская курія—самая продажная и хищническая изъ всѣхъ; римская Церковь—безплодная смоковница, проклятая Христомъ, предназначенная къ тому, чтобы быть разнесенной на части народами. Авторы этихъ сочиненій доходили даже до того, что считали государство какъ бы божескимъ орудіемъ, предназначеннымъ ниспровергнуть гордость Церкви. Подобныя мятежныя слова возбуждали страшно сильное движеніе, особенно внутри самого ордена. Адамъ де Морискo, самый великій францисканецъ Англіи, посылаетъ другу своему, линкольнскому епископу Гростесту, нѣсколько выдержекъ изъ этихъ сочиненій, только-что принесенныхъ ему изъ Италіи. Онъ говоритъ объ Іоахимѣ какъ о человѣкѣ, дѣйствительно обладавшемъ даромъ пророчества; онъ проситъ вернуть ему эти отрывки, послѣ того какъ съ нихъ будутъ сняты копіи, и совѣтуетъ епископу бояться скорой вспышки Божьяго гнѣва, вызванной безчисленными пороками даннаго времени [2]).

---

[1]) «Lib. Concordiae Praef.» (Venet., 1519). –Fr. Francisci Pipini «Chron.» (Muratori, «S. R. I.», IX, 498—500).—Rog. Hovedens. ann. 1190.—Mss. Bib. Nat. fonds latin, № 4270, fol. 260—2.—Comba, «La Riforma in Italia», I, 388.—Lechler's «Wickliffe», Lorimer's translation, II, 321.—«Lib. Conform.» I, I, 2; IX, 2 (fol. 12, 91).—Telesphori «de magnis Tribulationibus, Proeem.»—Henric. de Hassia, «Contra Vaticin. Telesphori», c. XI (Pez, «Thesaur.» I, II, 521).—Franz. Ehrle («Archiv für Litt.- und Kirchengeschichte», 1886 г., стр. 331).—Documentos ineditos de Aragon, T. X, 453.—P. d'Ailly, «Concord. Astron. Veritat.» c. LIX (August. Vindel. 1490).—H. Cornel. Agripp. «de Occult. Philosoph.» lib. II, c. II.—Joh. Eckii «Homiliarum», t. I, 49.

«Vaticinia Pontificum» псевдо-Іоахима долгое время сохраняли свою популярность. Я нашелъ изданія, сдѣланныя въ Вико де Сорренто въ 1585 г., въ Венеціи въ 1527, 1589, 1600, 1605 и 1646 гг., въ Кельнѣ въ 1570 г., въ Феррарѣ въ 1591 г., во Франкфуртѣ въ 1608 г., въ Падуѣ въ 1625 г. и въ Неаполѣ въ 1660 г.; очевидно, есть много и другихъ изданій.

Данте изображаетъ Бонавентуру опредѣляющимъ ему святыхъ:

Raban è quivi, e lucemi dallato
Il Calavrese abate Giovacchino
Di spirito profetico dotato.

(«Paradiso», XII).

[2]) Pseudo-Joachim, «de Oneribus Ecclesiae», c. III, XV, XVI, XVII, XX, XXI, XXII, XXIII, XXX.—Ejusdem «super Hieremiam», c. I, II, III, etc.—Salimbene, 107.—Monumenta Franciscana, 147 (M. R. Series).

Авторъ Комментарія на Іеремію былъ, по всей вѣроятности, наказанъ за своихъ оз-

Библиотека "Руниверс"

Изъ подлинныхъ сочиненій Іоахима въ свое время былъ, по всей вѣроятности, болѣе всѣхъ замѣченъ трактатъ о Св. Троицѣ, въ которомъ авторъ нападаетъ на опредѣленіе Петра Ломбардскаго и утверждаетъ, что этотъ богословъ приписывалъ Богу «Четверичность». Тонкости богословія были опасны, и Іоахимъ вмѣсто того, чтобы доказать, что Magister Sententiarum былъ еретикъ, самъ еле-еле избѣгъ подобнаго обвиненія. Черезъ тринадцать лѣтъ послѣ его смерти, въ 1215 г., его теорія считалась еще настолько важной, что Латеранскій соборъ осудилъ ее какъ ложную, выработавъ предварительно ея опроверженіе, которое было внесено въ каноническое право. Иннокентій III произнесъ по этому поводу рѣчь въ присутствіи собравшихся отцовъ. Къ счастью, уже въ 1200 г. Іоахимъ представилъ всѣ свои сочиненія на судъ Святого Престола и вполнѣ подтвердилъ свою вѣрность Церкви; поэтому соборъ не осудилъ самого автора и одобрилъ Флорійскій орденъ. Тѣмъ не менѣе, монаховъ клеймили какъ послѣдователей еретика, пока они не получили въ 1220 г. отъ Гонорія III буллы, въ которой Іоахимъ признавался добрымъ католикомъ и запрещалось наносить оскорбленія его ученикамъ [1]).

Но наиболѣе важными трудами Іоахима были комментаріи на Св. Писаніе, которые онъ составилъ по просьбѣ Люція III, Урбана III и Климента III. Всѣхъ этихъ книгъ было три: Concordia, Decachordon или Psalterion decem Cordarum и Expositio in Apocalypsin. Система автора состоитъ въ томъ, что въ каждомъ событіи Ветхаго Завѣта онъ видитъ символическое предзнаменованіе соотвѣтствующаго факта Новаго Завѣта; при подобной точкѣ отправленія игра «параллельныхъ чиселъ» позволяла ему предсказывать будущее. Такъ, напр., согласно его толкованію, человѣчество должно пройти три фазы: періодъ закона Бога Отца до рожденія Христа, затѣмъ періодъ закона Сына Божія и, наконецъ, періодъ закона Святого Духа. При помощи разныхъ апокалиптическихъ умозрѣній онъ пришелъ къ заключенію, что Царство Сына или Царство Новаго Завѣта продлится сорокъ-два поколѣнія, т.-е. 1260 лѣтъ. Дѣйствительно, Іудиѳь оставалась вдовою три съ половиною года, т.-е. сорокъ-два мѣсяца, или тысяча двѣсти-шестьдесятъ дней; послѣдняя цифра представляетъ число лѣтъ, въ теченіе которыхъ надо подчиняться Новому Завѣту, а въ 1260 г. Царство Святого Духа наслѣдуетъ Царству Сына. Въ сорокъ-второмъ поколѣніи произойдетъ очищеніе, которое отдѣлитъ пшеницу отъ соломы; это будутъ такія бѣдствія, какихъ человѣкъ никогда еще не испытывалъ. Къ счастью, испытаніе будетъ непродолжительно; въ противномъ случаѣ погибло бы все живое. Послѣ этого возродится религія; человѣкъ будетъ жить въ мирѣ, справедливости и радости, какъ Богъ въ день покоя послѣ трудовъ творенія. Вся вселенная отъ одного моря до другого, до крайнихъ предѣловъ земли, узнаетъ Бога, и слава Святого Духа будетъ сіять безъ помѣхи. Въ этомъ конечномъ избыткѣ духовной милости соблюденіе обрядовъ религіи не будетъ болѣе необходимо. Какъ пасхальнаго агнца смѣнила Евхаристія, такъ, въ свою очередь, сдѣлается излишней и жертва, приносимая на алтарѣ. Возникнетъ новый монашескій орденъ и обратитъ міръ. Такъ какъ созерцательная жизнь монаха сдѣлается высшимъ выраженіемъ человѣчества, то весь міръ обратится какъ бы въ обширный монастырь [2]).

держныя рѣчи съ каѳедры, такъ какъ (гл. I) онъ называетъ «скотской» эту мнимую свободу слова, которая сковываетъ свободу духа и позволяетъ проповѣднику болтать только о плотскихъ порокахъ.

[1]) Concil. Lateran. IV, c. 2.—Theiner, «Monument. Slavorum Meridional.» I, 63.—Lib. I. Sexto, 1, 2 (Cap. «Damnamus»).—Wadding. ann. 1256, №№ 8, 9.—Salimbene, «Chron.» 103.

Лѣтъ пятьдесятъ спустя Ѳома Аквинатъ полагалъ, что умозрѣнія Іоахима относительно Троицы заслуживаютъ еще подробнаго опроверженія. Около конца XIV столѣтія Эмерикъ воспроизвелъ еще весь споръ.—«Direct. Inquisit.», 4—6, 15—17.

[2]) Joachimi «Concordiae», lib. IV, c. 31, 34, 38; lib. V, c. 58, 63, 65, 67, 68, 74, 78, 89, 118.

Желали видѣть, что Іоахимъ предсказалъ появленіе нищенствующихъ орденовъ (V, 43); но эти пророчества относятся исключительно къ созерцательному монашеству.

Библиотека "Руниверс"

Строя, такимъ образомъ, планы будущаго величія человѣка, Іоахимъ прекрасно видѣлъ бѣдствія и зло своего времени. Онъ выставлялъ Церковь глубоко предавшейся скупости и алчности. Предаваясь безъ всякаго стыда плотскимъ удовольствіямъ, она не обращаетъ вниманія на своихъ дѣтей, которыхъ у нея похищаютъ ревностные еретики. Эта Церковь второго Царства была въ глазахъ пророка похожа на Агарь; Церковь третьяго же Царства будетъ Саррою. Съ чрезмѣрной полнотой онъ излагаетъ прогрессивный характеръ отношеній между Богомъ и человѣкомъ въ теченіе послѣдовательныхъ фазъ человѣчества. Первое Царство, Законъ Бога Отца, было царствомъ обрѣзанія; второе, Законъ Бога Сына,—Царствомъ распятія на крестѣ; третье, Законъ Святого Духа, будетъ Царствомъ мира. Въ первомъ царствѣ существовалъ чинъ супружества, во второмъ существуетъ чинъ священства, въ третьемъ будетъ чинъ монашества, который нашелъ себѣ предвѣстника въ лицѣ св. Бенедикта. Первое Царство было царство Саула; второе—Царство Давида; третье будетъ Царствомъ Соломона, царствомъ полнаго мира. Въ продолженіе перваго Царства человѣкъ былъ подчиненъ закону; во второмъ онъ подчиненъ любви къ ближнему, въ третьемъ онъ будетъ одаренъ вполнѣ этою любовью. Символомъ народовъ перваго Царства является священникъ Захарія, второго — Іоаннъ Креститель, третьяго — Самъ Іисусъ Христосъ. Во время перваго Царства человѣчество имѣло знаніе, во время второго—благочестіе, во время третьяго оно будетъ обладать совершеннымъ знаніемъ. Первое Царство было царствомъ рабства; второе—сыновняго повиновенія; третье будетъ Царствомъ свободы. Первое состояніе было отмѣчено наказаніями, второе—дѣломъ, третье будетъ отмѣчено созерцаніемъ; первое прошло въ страхѣ, второе—въ вѣрѣ, третье будетъ царствомъ любви; первое было эпохой рабовъ, второе—людей свободныхъ, третье будетъ эпохой друзей; первое было эпохой стариковъ, второе—юношей, третье будетъ эпохой дѣтей; первое было сіяніемъ звѣздъ, второе—зарей, третье будетъ яснымъ днемъ; первое было зимой, второе—весной, третье будетъ лѣтомъ; въ первомъ росла крапива, во второмъ—розы, въ третьемъ распустятся лиліи; первое было зеленою почкою, второе—сѣменемъ въ колосѣ, третье будетъ зрѣлой пшеницей; первое было водою, второе—виномъ, третье будетъ елеемъ. Наконецъ, первое принадлежитъ Отцу, второе—Сыну, принявшему нашу смертную плоть, третье будетъ принадлежать Святому Духу [1]).

Довольно интересный фактъ: въ то время, какъ метафизическія тонкости Іоахима по вопросу о Троицѣ были предметомъ торжественнаго осужденія, никто, повидимому, въ эту эпоху не сознавалъ гораздо большей опасности этихъ апокалиптическихъ мечтаній; его сочиненія не только не были сожжены, какъ еретическія, но ихъ высоко почитали папы; Іоахима считали пророкомъ до того времени, пока его смѣлые подражатели не довели до крайностей выводовъ, естественно вытекавшихъ изъ его теорій. Въ нашихъ глазахъ значеніе этихъ теорій заключается въ томъ, что онѣ свидѣтельствуютъ, что самые набожные умы признавали безуспѣшность христіанства на практикѣ. При Новомъ Законѣ человѣчество нисколько не сдѣлалось лучше; пороки и страсти были такъ же обычны, какъ и до прихода Искупителя. Сама Церковь была мірскою и плотскою; вмѣсто того, чтобы поднять человѣка до себя, она сама опустилась до него; она не исполнила своихъ обѣ-

---

[1]) Joachimi «Concordiae», lib. I. Tractat. II, c. 6; IV, 25, 26, 33; V, 2, 21. 60, 65, 66, 84.

Въ 1255 г. комиссія, засѣдавшая въ Ананьи, привела натянутое толкованіе одного мѣста изъ «Concordia» (II, I, 7), чтобы обвинить Іоахима въ томъ, что онъ оправдывалъ схизму грековъ (Denifle, «Archiv für Litt.- und Kirchengesch.», 1885 г., стр. 120). Подобная мысль далека была отъ пророка, который не упускалъ ни одного случая безславить Восточную Церковь, въ частности по поводу женатыхъ священниковъ (e. g., V. 70, 72). Однако, когда онъ утверждалъ, что Антихристъ народился уже въ Римѣ, и когда ему указывали, что мѣстомъ рожденія Антихриста былъ предназначенъ Вавилонъ, то онъ не задумался заявить, что Римъ былъ мистическимъ Вавилономъ.—Rad. de Coggeshall, «Chron.» (Bouquet, XVIII, 76).

Библиотека "Руниверс"

щаній и дала примѣръ зла вмѣсто того, чтобы служить образцомъ добра. Люди, подобные Іоахиму, не могли допустить, чтобы преступленіе и несчастье были послѣднимъ удѣломъ и неизлѣчимымъ условіемъ человѣческаго существованія; отсюда выводъ, что божеская жертва до этого времени мало содѣйствовала приближенію этой жизни къ идеалу; а слѣдовательно, христіанство не должно было быть концомъ земного существованія; это было только переходнымъ состояніемъ, за которымъ послѣдуетъ новая эра; въ Царствѣ Святого Духа законъ любви, который тщетно проповѣдывало Евангеліе, сдѣлается, наконецъ, дѣйствительностью; люди, освободившись отъ плотскихъ страстей, увидятъ, наконецъ, исполненіе обѣщаній, которыми ихъ такъ долго манили. Самъ Іоахимъ, быть-можетъ, избѣгъ бы этихъ смѣлыхъ выводовъ; но другіе не могли не вывести ихъ изъ его первыхъ посылокъ, и не было ничего болѣе опаснаго этого для установившагося строя какъ духовной, такъ и мірской Церкви.

Тѣмъ не менѣе, въ теченіе нѣкотораго времени эти умозрѣнія мало привлекали къ себѣ вниманіе и не вызывали никакого порицанія. Возможно, что осужденіе ученія Іоахима о Троицѣ бросило тѣнь и на другія сочиненія калабрійскаго аббата и задержало ихъ распространеніе. Но они, однако, сохранялись, какъ драгоцѣнность, умами того же направленія; копіи ихъ появились въ разныхъ странахъ, и всюду ихъ заботливо сохраняли. Довольно странно, что первый отголосокъ этихъ писаній мы находимъ у смѣлыхъ еретиковъ, извѣстныхъ подъ именемъ Аморійцевъ, тѣхъ самыхъ, которыхъ, какъ мы видѣли, уничтожили въ Парижѣ въ 1210 г. Среди заблужденій, исповѣдуемыхъ ими, указывали на вѣрованіе въ три эры; это ученіе, ясно, было заимствовано ими у Іоахима съ той только разницей, что для нихъ третья эра уже началась. Власть Отца продолжалась столько же времени, сколько и законъ Моисея; съ пришествіемъ Христа всѣ таинства Ветхаго Завѣта были уничтожены. Царство Христа продолжалось до настоящаго времени, теперь же начинается господство Святого Духа. Таинства Новаго Завѣта—крещеніе, евхаристія, покаяніе и другія—вышли изъ употребленія и не заслуживаютъ никакого вниманія. Господство Святого Духа выразится при посредствѣ существъ, въ которыхъ онъ воплотился. Мы видѣли, что Аморійцы быстро исчезли. Происшедшія отъ нихъ секты Ортлибензовъ и Братьевъ Свободнаго Духа, повидимому, не раздѣляли этой частности ереси аморійской; по крайней мѣрѣ, о ней нѣтъ болѣе рѣчи [1]).

Тѣмъ не менѣе, сочиненія Іоахима понемногу распространялись. Вѣра въ него увеличилась еще болѣе, когда ему были приписаны ложныя пророчества, появившіяся около средины столѣтія. Особенно горячій пріемъ его ученія нашли въ Провансѣ и Лангедокѣ. Эти страны, изнуренныя послѣдовательно крестоносцами и Инквизиціей и далеко еще не примиренныя съ Церковью, доставили многочисленный контингентъ умовъ горячихъ и склонныхъ искать въ мечтаніяхъ Іоахима утѣшеніе въ настоящихъ бѣдствіяхъ. Они нашли даже апостола въ лицѣ одного человѣка, католичество котораго было внѣ всякаго сомнѣнія. Это былъ Гуго изъ Динь (Hugues de Digne), отшельникъ изъ Гіѣра (Hyères), весьма извѣстный своимъ образованіемъ, краснорѣчіемъ и святостью жизни. Онъ былъ раньше францисканскимъ провинціаломъ въ Провансѣ, но отказался отъ этой должности ради удовлетворенія своего стремленія къ аскетизму. Жизнь сестры его, св. Дуцелины, вся проходила въ постоянныхъ экстазахъ, въ которыхъ она возносилась съ земли. Гуго имѣлъ тѣсныя связи съ самыми знаменитыми членами ордена. Среди его близкихъ друзей были Александръ Галесъ, Адамъ Морискo и генералъ ордена, Іоаннъ Пармскій. Между этимъ послѣднимъ и Гуго были особыя причины дружбы, такъ какъ оба они были горячими Іоахитами. Гуго имѣлъ всѣ сочиненія Іоахима, какъ подлинныя, такъ и апокрифическія,

[1]) Rigord. «de Gest. Phil. Aug.» ann. 1210.—Guillel. Nangiac. ann. 1210.—Caesar. Heisterbach. dist. V, cap. XXII.

Библиотека "Руниверс"

и безгранично вѣрилъ въ ихъ пророчества, которыя онъ считалъ откровеніями Бога; онъ много потрудился надъ ихъ распространеніемъ въ массахъ, что для него было тѣмъ легче, что и самъ онъ считался пророкомъ [1]).

Духовная фракція францисканцевъ, или спиритуалы, быстро проникласъ этими идеями. Обѣщанія калабрійскаго аббата, срокъ исполненія которыхъ казался уже столь близкимъ, должны были произвести неотразимое впечатлѣніе на умы, склонные къ мистицизму, полные безпокойства, недовольные, что идеалъ ихъ такъ мало осуществился, и горячо желавшіе его осуществленія. Если эти францисканцы-іоахиты съ новою смѣлостью развили идею своего учителя, то есть много серьезныхъ причинъ, извиняющихъ ихъ дерзкое безразсудство. Они, по ихъ мнѣнію, показывали нравственное пораженіе попытки, отъ которой ожидали возрожденія человѣчества. Они видѣли, какъ святыя поученія Франциска и новое откровеніе, орудіемъ котораго онъ былъ, были, въ цѣляхъ честолюбія и обогащенія, ниспровергнуты людьми мірского направленія; видѣли, какъ орденъ, долженствовавшій быть зародышемъ человѣческаго искупленія, съ каждымъ днемъ все болѣе погружался въ плотскія заботы, и какъ его святые были мучимы своими же товарищами. Если только вселенная не была огромной ошибкой, и если обѣщанія Бога не были ложны, то порча и бѣдствія людей должны были имѣть конецъ. Такъ какъ Евангеліе Христа и уставъ Франциска не могли спасти человѣчество, то необходимо было новое евангеліе. Кромѣ того, Іоахимъ предсказалъ рожденіе новаго монашескаго ордена, предназначеннаго руководить міромъ и Церковью во время блаженной эры Святого Духа. Они не сомнѣвались, что подъ этимъ предсказаніемъ подразумѣвались францисканцы-спиритуалы, старавшіеся въ то время сохранить во всей его строгости уставъ основателя [2]).

Таковы, по всей вѣроятности, были мысли, смущавшія душу пылкихъ спиритуаловъ, когда они размышляли надъ пророчествами Іоахима. При своей ревности нѣкоторые изъ нихъ впадали въ экстазъ, и имъ бывали пророческія видѣнія. Многіе видные члены ордена уже усвоили ученіе Іоахима и примѣняли его пророчества ко всѣмъ случавшимся событіямъ. Въ 1248 г. извѣстный авторъ хроники Салимбенъ, уже принявшій новую вѣру, встрѣтилъ во французскомъ монастырѣ въ Провенсѣ (въ Шампани) двухъ одинаково ревностныхъ своихъ сочениковъ Герардо да Борго Санъ Доннино и Бартоломео Гисколо изъ Пармы. Въ это время св. Людовикъ отправлялся въ свой роковой крестовый походъ въ Египетъ. Іоахиты обратились къ комментаріямъ псевдо-Іоахима на Іеремію и предсказали, что походъ будетъ неудаченъ, что король попадетъ въ плѣнъ, и чума опустошитъ ряды арміи. Это предсказаніе не содѣйствовало расширенію ихъ популярности. Спокойствіе добрыхъ братьевъ было весьма печально нарушено ссорами, и іоахиты сочли нужнымъ покинуть монастырь. Салимбенъ отправился въ Оксеръ, а Гисколо—въ Сансъ. Герардо направился въ Парижъ, гдѣ его знанія открыли ему двери университета, какъ представителю Сициліи, и дали ему каѳедру богословія. Здѣсь онъ проводилъ свои апокалиптическія мечтанія въ теченіе четырехъ лѣтъ [3]).

---

[1]) Salimbene, «Chron.», 97—109, 124, 318—20.—Chron. Glassberger, ann. 1286.—Vie de Douceline (Meyer, «Recueil d'anciens Textes», 142—46).

Перечисляя самыхъ близкихъ друзей Іоанна Парижскаго, Салимбенъ многихъ изъ нихъ называетъ «великими Іоахитами».

[2]) Protocoll. Commiss. Anagniae (Denifle, «Archiv für Litteratur- und Kirchengeschichte», 1885 г., стр. 111—12).

[3]) «Hist. Tribulat.» (ubi supra, 178—79).—Salimbene, 102, 233.

По толкованіямъ Іоахитовъ Фридрихъ II долженъ былъ дожить до семидесяти лѣтъ. Когда въ 1250 г. императоръ умеръ, то Салимбенъ отказался повѣрить слуху объ этой смерти и не вѣрилъ до тѣхъ поръ пока мѣсяцевъ черезъ десять послѣ смерти Фридриха не прибылъ въ Феррару Иннокентій IV, шествовавшій торжественно въ Ліонъ. Салимбенъ присутствовалъ при обмѣнѣ поздравленіями по случаю смерти императора. Братъ Герардино Парижскій, повернувшись къ невѣрующему, сказалъ: «Теперь ты узналъ; оставь своего Іоахима и отдайся мудрости» (ibidem, 107, 227).

Библиотека "Руниверс"

Въ 1254 г. Парижъ былъ пораженъ совершенно неожиданнымъ появленіемъ книги, озаглавленной Вѣчное Евангеліе; это заглавіе было взято изъ апокалипсиса: «И я увидѣлъ другого Ангела, летящаго по срединѣ неба, который имѣлъ Вѣчное Евангеліе, чтобы благовѣствовать его живущимъ на землѣ и всякому племени, и колѣну, и языку, и народу» [1]).

Эта книга состояла изъ трехъ подлинныхъ сочиненій Іоахима, снабженныхъ объяснительными глоссами и длиннымъ введеніемъ, въ которомъ смѣлый авторъ безъ всякой боязни и прямо развивалъ идеи пророка. Эта смѣлая попытка сразу же получила большой успѣхъ среди народа, свидѣтельствуя, насколько всѣ классы общества раздѣляли взгляды, которыми были проникнуты эти сочиненія. Слѣдующіе стихи Мёнга показываютъ, что міряне больше духовенства искали эту книгу, и что женщины въ этомъ отношеніи проявляли столько же ревности, какъ и мужчины.

Ung livre de par le grant diable
Dit l'Evangile pardurable...
A Paris n'eust home ne feme
Au parvis devant Nostre-Dame
Qui lors avoir ne le peüst
A transcrire, s'il li pleüst. [2])

Трудно представить работу болѣе революціоннаго направленія, болѣе опасную для установившагося строя Церкви. Авторъ принималъ счисленія Іоахима и утверждалъ, что черезъ шесть лѣтъ въ 1260 г. окончится Царство Христа, и начнется Царство Святого Духа. Уже съ 1200 г. Ветхій и Новый Завѣты потеряли свой жизненный духъ, чтобы дать мѣсто Вѣчному Евангелію (причемъ подъ этимъ подразумѣвались Concordia, Decachordon и Expositio), этому развитію и одухотворенію всѣхъ прежнихъ откровеній. Какъ Іоахимъ старался установить восходящую прогрессію трехъ эръ, точно такъ же авторъ Введенія давалъ характеристику прогрессивныхъ методовъ трехъ писаній. Ветхій Завѣтъ—первое небо, Новый завѣтъ—второе небо, Вѣчное Евангеліе—третье небо; первый подобенъ свѣту звѣздъ, второй—свѣту луны, третье—свѣту солнца; первый—паперть, второй—святилище, третье—Святая Святыхъ; первый—зеленая скорлупа, второй—орѣхъ, третье—миндаль; первый—земля, второй—вода, третье—огонь; первый—словесный, второй—духовный, третье—законъ, обѣщанный въ 31-ой главѣ Іереміи. Проповѣдываніе и распространеніе этого высшаго и вѣчнаго Божьяго закона поручено босоногимъ орденамъ (францисканцамъ). На порогѣ стараго закона стояли три мужа—Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ, на порогѣ новаго закона стояли три мужа—Захарія, Іоаннъ Креститель и Христосъ, на порогѣ будущей эры такъ же стоятъ три мужа—человѣкъ, одѣтый въ рубище (Іоахимъ), ангелъ съ острымъ серпомъ и ангелъ, носитель стигматовъ Бога живого (Францискъ). Въ блаженствѣ будущаго царства Святого Духа люди будутъ жить въ законѣ любви, тогда какъ въ первую эру они жили въ страхѣ, а во вторую—въ состояніи прощенія. Іоахимъ заявилъ, что будетъ безполезно соблюдать таинства; Герардо смотрѣлъ на нихъ какъ на

[1]) Апокалипсисъ, XIV, 6.

[2]) Renan, «Nouvelles études», 296.

Іоахимъ уже употребилъ выраженіе Вѣчное Евангеліе для обозначенія духовнаго толкованія евангелія, которое должно было отнынѣ руководить міромъ. Его ученикъ, естественно, полагалъ, что комментаріи Іоахима и были этимъ духовнымъ толкованіемъ и составляли Вѣчное Евангеліе, къ которому онъ прибавилъ разъясненіе и введеніе. Францисканцы были, само собою понятно, орденомъ созерцательнымъ, который долженъ былъ разъяснять это произведеніе (см. Denifle, «Archiv für Litteratur», 1885 г., стр. 54—59, 61). Денифле полагаетъ (стр. 67—70), что изданіе Герардо заключалось только въ Введеніи и въ «Concordia». Апокалипсисъ и «Decachordon» должны были появиться вслѣдъ за этимъ; но это смѣлое предпріятіе было прервано.

Библиотека "Руниверс"

символы и загадки, отъ которыхъ человѣкъ освободится въ наступающей эрѣ, ибо любовь замѣнитъ всѣ обряды, основанные на второмъ откровеніи. Подобная теорія разрушала всю сацердотальную систему, которая заслуживала отнынѣ только ссылки въ область прошлаго. Другимъ почти столь же революціоннымъ утвержденіемъ было заявленіе, что Мерзостью Запустѣнія будетъ папа святокупецъ, который вступитъ на престолъ около конца шестого десятка этого вѣка, т.-е. весьма скоро [1]).

Этотъ смѣлый вызовъ, брошенный непогрѣшимой Церкви, долгое время приписывали Іоанну Пармскому; но почти достовѣрно, что онъ былъ произведеніемъ Герардо, плодомъ его изученій и мечтаній въ теченіе четырехъ лѣтъ, проведенныхъ имъ въ парижскомъ университетѣ; но возможно, что Іоаннъ Пармскій принималъ нѣкоторое участіе въ составленіи этого труда. Во всякомъ случаѣ, какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ Токко, Іоаннъ благосклонно смотрѣлъ на это произведеніе, такъ какъ никогда не подвергъ автора наказанію, несмотря на шумъ, вызванный въ орденѣ изданіемъ этой книги. Бернаръ Ги говоритъ, что въ его время это сочиненіе обыкновенно приписывали генералу францисканцевъ. Я уже говорилъ, съ какой радостью Вильгельмъ де Сентъ-Амуръ схватился за это оружіе во время своего спора съ нищенствующими и университетомъ, и какое кратковременное преимущество извлекъ онъ изъ этого. Въ условіяхъ того времени эта книга не могла имѣть тогда ни друзей, ни защитниковъ. Это было черезчуръ дерзкимъ нападеніемъ на всѣ существовавшія учрежденія, какъ свѣтскія, такъ и духовныя. Единственно, что можно было принять противъ нея, это сдѣлать такъ, чтобы она исчезла по возможности безъ всякаго шума. Эту мѣру требовало какъ благоразуміе, такъ и уваженіе, которымъ пользовался францисканскій орденъ; хотя сотни жертвъ были сожжены за менѣе опасныя ереси, надо было остерегаться привлечь неловкимъ поступкомъ вниманіе къ подобной книгѣ. Передъ комиссіей, засѣдавшей въ іюлѣ 1255 г. въ Ананьи по дѣлу осужденія этой книги, была задача, которая не могла вызвать споровъ. Однако, я уже отмѣтилъ контрастъ между осторожностью, которою проникнуто это осужденіе, и крикомъ мщенія, встрѣтившимъ приказъ о сожженіи памфлета С.-Амура противъ нищенствующихъ [2]).

---

[1]) Protocol. Commiss. Anagniae (H. Denifle, «Archiv für Litteratur...» 1885 г., стр. 99—102, 109, 126, 135—6.

Мнѣ кажется, что тщательныя разысканія отца Денифле достаточно доказали, что заблужденія, обыкновенно приписываемыя Вѣчному Евангелію (D'Argentré, I, I, 162—5; Eymeric. «Direct. Inquis.». P. II, Q. 9; Hermann. Korneri «Chron.» ap. Eccard. «Corp. Hist. Med. Aevi», II, 849—51), вызваны пристрастными обвиненіями, посланными Вильгельмомъ де С.-Амуръ въ Римъ (ubi supra, 76—86) и вызвавшими ложное толкованіе, преувеличенное мятежнымъ направленіемъ сочиненія. Тѣмъ не менѣе, отецъ Денифле старается установить, что единственнымъ результатомъ комиссіи, засѣдавшей въ Ананьи въ іюлѣ 1255 г., было осужденіе ученій Герардо, и что сочиненія Іоахима, за исключеніемъ трактата противъ Петра Ломбарда, никогда не были осуждены Церковью. Однако, если оставить въ сторонѣ преувеличенія Вильгельма де С.-Амуръ, то въ сущности имѣется весьма незначительное различіе между принципами Іоахима и Герардо; если первый изъ нихъ не былъ осужденъ, то вина въ этомъ не комиссіи, которая ихъ обоихъ поставила рядомъ; она энергично старалась доказать ересь Іоахима и даже показать, что этотъ еретикъ никогда не отказывался отъ своего заблужденія относительно Троицы (ubi supra, 137—41).

Но если было мало разницы во внѣшнемъ выраженіи, то было различіе въ духѣ между Іоахимомъ и его комментаторомъ. Первый создавалъ, второй разрушалъ въ предѣлахъ существующей Церкви. См. Тоссо, «Archivio Storico Italiano», 1886 г.

[2]) Matt. Paris, ann. 1256 (изд. 1644 г., стр. 632).—Salimbene, 102.—Bern. Guidon. «Vita Alex. PP. IV» (Muratori, «S. R. I.» III, I, 593.—Ср. Amalr. Auger. «Vita Alexandri PP. IV» (ibidem, III, II, 404).

Относительно автора Вѣчнаго Евангелія см. Тоссо, «L'Eresia nel Medio Evo», 473—4, и его же работу о Денифле и Гаунтѣ въ «Archivio Storico Italiano», 1886 г.; Renan, op. cit., 248 и 277; Denifle, ubi supra, 57—58.

Однимъ изъ обвиненій противъ Вильгельма де С.-Амуръ было то, что онъ жаловался на задержку осужденія Вѣчнаго Евангелія. На это обвиненіе онъ отвѣчалъ указаніемъ на вліяніе

Библиотека "Руниверс"

Духовная фракція францисканцевъ была сильно скомпрометирована. Свѣтская партія, съ нетерпѣніемъ переносившая суровый уставъ Іоанна Пармскаго, увидала, что можно теперь одержать верхъ. Подъ давленіемъ Бернарда да Бесса, спутника Бонавентуры, были поданы Александру IV формально составленные пункты обвиненія противъ генерала. Его упрекали въ томъ, что онъ не допускаетъ никакого спора относительно Устава и Завѣщанія, такъ что, повидимому, папскія права и рѣшенія не имѣютъ, по его мнѣнію, никакого значенія въ сравненіи съ наставленіями Франциска. Его не обвиняли въ томъ, что онъ замѣшанъ въ изданіи Вѣчнаго Евангелія, но указывали, что онъ считалъ себя одареннымъ пророческимъ духомъ: онъ предсказывалъ, что внутри ордена произойдетъ расколъ между братьями, принявшими внесенныя папами смягченія Устава и строго державшимися его, и что послѣдніе будутъ блаженствовать подъ сѣнью небесной благодати и божескаго благословенія. Кромѣ того, вѣрность его католической вѣрѣ была сомнительна; онъ защищалъ заблужденія Іоахима по вопросу о Св. Троицѣ; его ближайшіе друзья не стѣснялись въ своихъ рѣчахъ и сочиненіяхъ чрезмѣрно хвалить Іоахима и нападать на главныхъ вождей ордена. Въ этомъ, какъ и въ дальнѣйшемъ ходѣ дѣла, разсмотрѣнное нами молчаніе въ отношеніи Вѣчнаго Евангелія, показываетъ, насколько этотъ вопросъ былъ опасенъ; даже бѣшеныя страсти, вспыхнувшія въ борьбѣ, опасались компрометировать орденъ, допуская, чтобы кто-либо изъ его членовъ былъ отвѣтственъ за эту зажигательную книгу [1]).

Александръ допустилъ легко убѣдить себя; 2 февраля 1257 г. подъ предсѣдательствомъ самого папы собрался общій капитулъ въ Ara Coeli. Іоанну Пармскому посовѣтовали сложить съ себя свои обязанности, что онъ и сдѣлалъ, сославшись на свой возрастъ и на переутомленіе. Для соблюденія приличій сначала отказались принять его отставку, но затѣмъ приняли и просили его назначить себѣ преемника. Онъ избралъ Бонавентуру, который, имѣя едва тридцать-четыре года отъ роду, уже выказалъ себя въ борьбѣ противъ парижскаго университета; орденъ считалъ себя въ правѣ возлагать на него самыя лучшія надежды, тѣмъ болѣе, что онъ не принадлежалъ ни къ одной изъ двухъ партій. Онъ былъ избранъ. Руководители движенія потребовали отъ него преслѣдованіе Іоанна и его сторонниковъ. Сначала Бонавентура колебался, но, въ концѣ концовъ, согласился. Герардо отказался отречься, и Бонавентура вызвалъ его въ Парижъ. Проѣзжая черезъ Модену, Герардо встрѣтилъ Салимбена, склонившагося подъ грозою и отрекшагося отъ ученія Іоахима какъ отъ безумія. Два друга имѣли продолжительное свиданіе, во время котораго Герардо предложилъ доказать, что Антихристъ уже народился въ лицѣ Альфонса Мудраго Кастильскаго. Герардо былъ человѣкомъ образованнымъ, одареннымъ душою чистою, воздержною, простою и любящею; однимъ словомъ, это былъ человѣкъ, достойный удивленія и любви. Но ничто не могло сломить его убѣжденій. Однако, въ теченіе его процесса, какъ обыкновенно, во-

---

тѣхъ людей, которые защищали заблужденія Іоахима.—Dupin, «Bibl. des Auteurs Eccl és.». T. X, ch. VII.

Ѳома Кантимпрейскій утверждаетъ, что В. де С.-Амуръ одержалъ бы побѣду надъ нищенствующими орденами, если бы не выступилъ противъ него ученый и краснорѣчивый Альбертъ Великій.—«Bonum Universale», lib. II, c. IX.

[1]) Wadding. ann. 1256, № 2.—Аффо (lib. II, c. IV) утверждаетъ, что удаленіе Іоанна Пармскаго отъ должности было вполнѣ добровольное, что оно не было вызвано никакимъ обвиненіемъ, и что папа и францисканцы легко дали убѣдить себя, чтобы онъ удалился. Аффо ссылается на Салимбена («Chronica», 137), какъ свидѣтельствующаго, что капитулъ былъ очень противъ того, чтобы принять его отставку; но онъ не упоминаетъ утвержденіе того же автора, что Іоаннъ не нравился Александру и многимъ министрамъ ордена своего черезчуръ горячею вѣрою въ Іоахима (ibidem, 131).

Библиотека "Руниверс"

просъ о Вѣчномъ Евангеліи былъ обойденъ глубокимъ молчаніемъ, и онъ былъ осужденъ только какъ защитникъ умозрѣній Іоахима относительно Троицы. Если бы онъ не былъ францисканцемъ, его сожгли бы; но теперь ему дали весьма сомнительное снисхожденіе, заключивъ его въ оковахъ въ тюрьму на хлѣбъ и воду, гдѣ онъ въ продолженіе восемнадцати лѣтъ томился въ ожиданіи конца своего печальнаго существованія. До самой смерти онъ ни разу не измѣнилъ своей вѣрѣ. Трупъ его зарыли въ углу сада, окружавшаго монастырь, въ которомъ онъ умеръ. Та же участь постигла и друга его Леонарда и другого монаха, по имени Петръ де Нубили, который отказался возстановить книгу Іоанна Парискаго [1]).

Самъ Іоаннъ Парискій былъ вслѣдъ за этимъ судимъ спеціальнымъ судомъ, предсѣдательство въ которомъ Александръ поручилъ кардиналу Каетану, бывшему позднѣе папою подъ именемъ Николая III. Обвиняемый охотно отрекся отъ своей рѣчи въ пользу Іоахима; но его направленіе раздражило судей, и съ согласія Бонавентуры онъ раздѣлилъ бы участь своихъ друзей, если бы не смѣлое вмѣшательство Оттобони, кардинала св. Адріана, позднѣе папы Адріана V. Бонавентура разрѣшилъ Іоанну избрать себѣ мѣсто жительства, и Іоаннъ удалился въ небольшой монастырь близъ Ріети. Здѣсь, говорятъ, велъ онъ въ теченіе тридцати-двухъ лѣтъ евангельскую жизнь, не отрекаясь отъ своей вѣры въ Іоахима. Іоаннъ XXI, питавшій большое расположеніе къ бывшему генералу францисканцевъ, думалъ въ 1277 г. сдѣлать его кардиналомъ, но смерть папы помѣшала осуществленію этого плана. Нѣсколько лѣтъ спустя, Николай III, предсѣдательствовавшій на судѣ, предложилъ Іоанну Парискому кардинальскую шапку, желая воспользоваться его благими совѣтами; но францисканецъ кротко отвѣтилъ: «Я могъ бы дать спасительные совѣты, если бы нашелся кто-нибудь, кто пожелалъ бы меня выслушать; но при римскомъ дворѣ думаютъ только о сраженіяхъ и побѣдахъ, нисколько не заботясь о спасеніи душъ». Однако, въ 1289 г., несмотря на свой преклонный возрастъ, онъ принялъ отъ Николая IV миссію къ греческой Церкви, но онъ умеръ, немного спустя послѣ своего отъѣзда въ Камерино, гдѣ и былъ погребенъ. Вскорѣ онъ сталъ производить чудеса и сдѣлался предметомъ поклоненія, сохранившагося и до нашихъ дней. Въ 1777 г. онъ былъ оффиціально причисленъ къ лику блаженныхъ, несмотря на оппозицію, поднятую по поводу его предполагаемаго участія въ Введеніи къ Вѣчному Евангелію [2]).

Эти перипетіи нисколько не поколебали вѣры іоахитовъ. Вильгельмъ де Сентъ-Амуръ счелъ нужнымъ снова вернуться къ обвиненію, выпустивъ противъ нихъ новый памфлетъ. Онъ раздѣляетъ ихъ вѣру въ неизбѣжную перемѣну; но то, что наступитъ, не будетъ, по его словамъ, ожидаемымъ царствомъ любви Св. Духа; это будетъ царствомъ антихриста, котораго, въ его глазахъ, олицетворяютъ монахи. Онъ говоритъ, что, если преслѣдованіе положило предѣлъ открытому распространенію вредоносныхъ ученій, заключающихся въ Вѣчномъ Евангеліи, то все же въ тайнѣ много людей остается вѣрными этому ученію. Главнымъ притономъ секты былъ югъ Франціи. Епископъ Акры Флорентъ

---

[1]) Wadding. ann. 1256, №№ 3—5.—Salimbene, 102, 233—6.—«Hist. Tribulationum» («Archiv für L.-und Kirchengesch.» 1886 г., стр. 285).—Хотя Салимбенъ благоразумно отказался отъ Іоахима, тѣмъ не менѣе, онъ никогда не терялъ своей вѣры въ пророческую силу Іоахима. Много лѣтъ спустя, судя заподозрѣнныхъ сагарельлистовъ, онъ приводитъ, какъ основаніе своего недовѣрія, что если бы эти люди были вдохновлены Богомъ, то Іоахимъ предузрѣлъ бы ихъ орденъ, какъ онъ предсказалъ ордены монашествующихъ (ibidem, 123—4).

Слѣдуетъ обратить вниманіе на то молчаніе, которымъ «Historia Tribulationum» обходитъ Вѣчное Евангеліе. Съ общаго согласія это опасное сочиненіе, повидимому, игнорировалось всѣми партіями.

[2]) Wadding. ann. 1256, № 6; ann. 1289, № 26.—«Hist. Tribulationum» (loc. cit., 225).—Salimbene, «Chronica», 131—33, 317.—Tocco, op. cit., 476—77.—P. Rodulphii «Hist. Seraph. Relig.», lib. I, fol. 117.—Affò, lib. III, c. X.

Библиотека "Руниверс"

былъ оффиціальнымъ обвинителемъ передъ комиссіей въ Анагьи въ 1255 г.; въ награду за это онъ получилъ въ 1262 г. Арльскую архіепископію и въ 1265 г. собралъ провинціальный синодъ для осужденія іоахитовъ, все еще многочисленныхъ въ его провинціи. Признано было необходимымъ выработать полное опроверженіе заблужденій Вѣчнаго Евангелія. Сожалѣли, что столько образованныхъ людей соблазнялись еще ими, и что книги, содержащія эти ученія, постоянно переходятъ изъ рукъ въ руки. Была опредѣлена анаѳема за эту пропаганду, но, повидимому, не приняли никакой дѣйствительной мѣры преслѣдованія. Мы не видимъ также, чтобы Инквизиція сдѣлала какую-нибудь попытку для истребленія этой ереси. Долго еще сѣмя хранилось въ почвѣ Лангедока и Прованса, и іоахизмъ оказывалъ рѣшающее вліяніе на францисканцевъ спиритуаловъ этихъ странъ. Немного значило, что роковой 1260-ый годъ наступилъ и прошелъ, а пророчество не исполнилось. Горячо вѣрующіе люди всегда умѣютъ находить извиненія этимъ заблужденіямъ въ исчисленіи времени. Время, опредѣленное для пришествія Св. Духа, отодвигалось со дня на день, такъ что всегда поддерживалась упорная надежда на близкое освобожденіе [1]).

Удаленіе Іоанна Пармскаго было побѣдою для конвентуаловъ; но избраніе на его мѣсто Бонавентуры могло, казалось, обѣщать спиритуаламъ продленіе ихъ главенства. Въ своемъ спорѣ съ Вильгельмомъ де Сентъ-Амуръ новый генералъ высказался весьма рѣшительно, отрицая, что Христосъ и апостолы имѣли какую-либо собственность, и отожествляя бѣдность съ совершенствомъ. «Полная нищета похвальна, говорилъ онъ; это положеніе вѣрно само въ себѣ; поэтому болѣе полная нищета еще похвальнѣй, а самая полная нищета похвальнѣе всего. Это—нищета того, кто не имѣетъ ничего собственнаго, ни лично ему принадлежащаго, ни въ совладѣніи съ другими... Отреченіе отъ всякаго имущества, какъ личнаго, такъ и общаго, есть не только достаточное, но и большое христіанское совершенство. Это главный совѣтъ евангельскаго совершенства, въ немъ основной принципъ и сущность»... Кромѣ того, Бонавентура былъ проникнутъ мистицизмомъ. Онъ первый далъ получившее силу опредѣленіе иллюминизма, явившагося въ будущемъ источникомъ столькихъ заботъ для Церкви. Его Mystica Theologia представляетъ живую противоположность сухому схоластическому богословію эпохи, представителемъ которой былъ Ѳома Аквинатъ. Душа является предъ лицомъ Бога; она въ своихъ ночныхъ бдѣніяхъ должна раскаяться въ прегрѣшеніяхъ и собственными силами стремиться къ Богу; она не должна просить у другого ни помощи, ни руководства; разсчитывая только на себя самое, она должна подняться до видѣнія Божества. Путемъ Очищенія она восходитъ на путь Просвѣщенія и подготовляется получить божеское Сіяніе. Въ концѣ концовъ, она достигаетъ третьяго пути, который ведетъ къ соединенію съ Богомъ и къ соучастію въ божественной мудрости. Въ умозрѣніяхъ, которымъ позднѣе предавались Молиносъ и г-жа Гюйонъ, не было ничего болѣе опаснаго, чѣмъ эти. Подобныя ученія сильно возбуждали мистическое направленіе спиритуаловъ [2]).

Борьба, которую вызывалъ внутри ордена вопросъ о собственности и бѣдности, неизбѣжно должна была усилиться. Дѣйствительно, постоянно возникали дѣла, показывавшія невозможность примирить установленные св. Франциском обѣты съ обязанностями ордена, ставшаго однимъ изъ видныхъ факторовъ богатой и мірской Церкви. Въ 1255 г. монахини монастыря св. Елизаветы жаловались Александру IV, что духовныя власти требовали

---

[1]) Lib. de Antichristo, P. I, c. X, XIII, XIV (Martène, «Ampl. Coll.», IX, 1273, 1313, 1325—35.—Thomae Aquinat. «Opusc. contra Impugn. Relig.» c. XXIV, 5, 6.—Concil. Arelatens. ann. 1260 (1265), c. 1 (Harduin. VII, 509—12).—Fisquet, «La France Pontificale, Métropole d'Aix», 577.—Renan, op. cit., 254.

[2]) S. Bonavent. «de Paup. Christi», Art. 1, №№ I, II.—Ejusdem. «Mystica Theologia», cap. I. Partic. 2; cap. II. Part c. 1, 2; cap. III. Partic. 1.

Библиотека "Руниверс"

отъ нихъ соблюденія устава всякій разъ, когда они получали въ даръ или по завѣщанію земли, заставляя ихъ продавать эти земли или жертвовать ихъ въ теченіе одного года. Папа милостиво обѣщалъ прекратить это, что и сдѣлалъ впослѣдствіи. Около же этого времени Іоаннъ Парижскій жаловался, что его монахи, будучи избраны въ епископы, забирали съ собою книги и другіе предметы, которые, строго говоря, находились въ ихъ временномъ пользованіи, такъ какъ имъ было запрещено подъ страхомъ вѣчнаго осужденія владѣть чѣмъ-либо. Александръ отвѣтилъ такъ же милостиво, что братья, избранные епископами, должны возвратить своимъ провинціаламъ все, что взяли. Подобныя трудности представлялись, несомнѣнно, ежедневно, и конфликтъ неизбѣжно долженъ былъ вызвать расколъ. Когда третій ученикъ св. Франциска, блаженный Эгидій, былъ приведенъ въ Ассизи, чтобы взглянуть на пышное зданіе, воздвигнутое въ честь скромнаго святого, ему показали три великолѣпныхъ храма, съ которыми соединялись огромная трапезная, просторная спальня и другіе залы и переходы, украшенные тонкими сводами и широкими порталами. Посѣтитель хранилъ глубокое молчаніе, и тщетно одинъ изъ его путеводителей старался добиться отъ него слова восхищенія. «Братья мои,—сказалъ, наконецъ, Эгидій,—не хватаетъ только вашихъ женъ»! Эти жестокія слова показались необоснованными, но Эгидій объяснилъ, что обѣты бѣдности и цѣломудрія равно обязательны. Такъ какъ пренебрегли первымъ, то легко могутъ нарушить и второй. Салимбенъ передаетъ, что въ монастырѣ въ Пизѣ онъ встрѣтилъ монаха Бонкампаньо изъ Прато, который вмѣсто двухъ новыхъ одеждъ, даваемыхъ ежегодно каждому монаху, хотѣлъ взять только одну, говоря, что онъ съ трудомъ получилъ отъ Бога прощеніе и за то, что беретъ эту единственную рясу. Эта крайняя щепетильность совѣсти должна была быть особенно непріятна свѣтскимъ членамъ ордена, распущенность которыхъ она подчеркивала безъ всякой жалости [1]).

Не теряя ни минуты, конвентуалы постарались воспользоваться своей побѣдой надъ Іоанномъ Парижскимъ. Лишь только узнали они объ уходѣ генерала, и даже раньше, чѣмъ Бонавентура прибылъ въ Парижъ, они заставили папу Александра 20 февраля 1257 г. повторить разъясненіе Иннокентія IV, которымъ онъ разрѣшилъ ордену имѣть деньги и владѣть собственностью подъ прикрытіемъ агентовъ и отъ имени св. Престола. Все это страшно возмущало партію пуританъ. Полное уваженіе, которое требовало къ себѣ папство, не могло помѣшать появленію грознаго ропота и споровъ о предоставленіи папѣ власти вязать и разрѣшать вѣрныхъ. Послѣ провозглашенія, что уставъ св. Франциска былъ откровеніемъ свыше, равнымъ по своему значенію евангелію, имѣли право сомнѣваться, можетъ ли нарушать его даже самъ преемникъ св. Петра. По всей вѣроятности, около этого времени Бертольдъ Ратисбонскій, самый знаменитый францисканскій проповѣдникъ той эпохи, въ проповѣди о монашескомъ состояніи, произнесенной передъ братьями, смѣло заявилъ, что обѣты бѣдности, повиновенія и цѣломудрія *настолько обязательны*, что даже самъ папа не можетъ смягчать или измѣнять ихъ. Около 1290 г. доминиканскій провинціалъ Германіи, Германъ Минденскій, ссылается на нихъ въ своей энцикликѣ какъ на непреложную истину. Менѣе, чѣмъ черезъ двадцать-пять лѣтъ, подобныя заявленія, какъ мы увидимъ, считались ересью и строго наказывались костромъ [2]).

---

[1]) Wadding. «Regest. Alex. PP. IV», №№ 39—41; Annal. ann. 1262, № 36.—Salimbene, «Chron.», 122.

[2]) Wadding. ann. 1256, № 4; «Regest. Alex. PP. IV», № 66.—Bertholdi a Ratispona «Sermones», Monachii, 1882, стр. 68.—H. Denifle, «Archiv für Litt.- und Kirchengeschichte», 1886 г., стр. 649.

Для истинныхъ францисканцевъ уставъ и евангеліе были одно и то же, какъ это прекрасно выражено у Ѳомы изъ Челано: «Il perfetto amatore dell'osservanza del santo vangelio e della professione della nostra regola, che non è altro che perfetta osservanza del vangelio, questo (Francesco) ardentissimamente amava, e quelli che sono e saranno veri amatori, dono a

Библиотека "Руниверс"

Мы уже сказали, что Бонавентура искренно старался удержать усиливающееся нравственное паденіе ордена. Раньше, чѣмъ покинуть Парижъ 23 апрѣля 1257 г., онъ разослалъ провинціаламъ энциклику, обращая вниманіе на господствующіе пороки братьевъ и на то презрѣніе, которое вызывали они ко всему ордену. Какихъ-нибудь десять лѣтъ спустя, по просьбѣ Климента IV, онъ издалъ второе такое же посланіе, въ которомъ онъ живо изображалъ ужасъ, внушаемый ему забвеніемъ устава, что выражалось въ безстыдной алчности стольких монаховъ, въ постоянныхъ процессахъ, вызываемыхъ погонею за завѣщаніями и погребеніями, въ пышности и роскоши зданій. Онъ предлагалъ провинціаламъ прекратить эти безпорядки духовными наказаніями, тюрьмою или изгнаніемъ виновныхъ. Но какъ ни было горячо рвеніе Бонавентуры, какъ ни было велико его полное самоотреченіе, у него не было той пылкой энергіи, которая позволяла Іоанну Пармскому превращать въ дѣло свои внутреннія убѣжденія. Глубокое вырожденіе ордена ясно видно изъ жалобы, поданной Клименту IV въ 1265 г. Во многихъ мѣстностяхъ духовныя власти полагали, что монахи, какъ умершіе для міра, не имѣли право наслѣдовать. Просили папу устранить это зло, и Климентъ издалъ буллу, въ которой объявлялось, что братья имѣютъ право наслѣдовать, причемъ имъ предоставлялась свобода владѣть имуществами, полученными по духовному завѣщанію, или продавать ихъ и употреблять эти имѣнія или доходъ отъ нихъ по своему усмотрѣнію [1]).

Вопросъ о нищетѣ, очевидно, принадлежалъ къ тому ряду вопросовъ, которые не поддаются удовлетворительному разрѣшенію надолго. Неизлѣчимое разногласіе раздѣляло орденъ. Напрасно около 1275 г. обращались къ Григорію X, и тщетно папа приказалъ строгое соблюденіе предписаній устава, запрещавшихъ обладаніе личнымъ или общимъ имуществомъ. Мірская партія продолжала настаивать на невозможности примирить строгое соблюденіе этихъ правилъ съ требованіями человѣческой природы, говоря, что это значитъ испытывать Бога и доводить отдѣльныхъ лицъ до самоубійства. Ссора разгоралась все болѣе и болѣе. Въ 1279 г. Николай III рѣшилъ положить ей конецъ формальнымъ разъясненіемъ. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ онъ тайно работалъ надъ этимъ разъясненіемъ, пригласивъ на совѣтъ двухъ францисканцевъ, кардиналовъ Палестрины и Альбано, генерала ордена Бонагрецію и многихъ провинціаловъ. Затѣмъ результатъ этихъ разслѣдованій былъ переданъ въ комиссію, гдѣ былъ, между прочимъ, и Бенедетто Каетано, впослѣдствіи Бонифацій VIII. Въ заключеніе разъясненіе было прочтено въ полной консисторіи и принято ею. Немногія апостольскія объявленія были составлены столь тщательно и облечены болѣе высокимъ авторитетомъ, чѣмъ булла Exiit qui Semiat, выпущенная тогда къ свѣтъ и предназначенная слѣлаться причиной столь трагическихъ преній [2]).

По словамъ этой буллы, францискансвій уставъ былъ внушенъ Св. Духомъ и переданъ міру св. Франциском. Отреченіе отъ всякой собственности какъ общей, такъ и личной, похвально и свято. Это полное отреченіе подобно тому, которое дѣлали Христосъ и его апостолы, и которое они заповѣдали своимъ ученикамъ. Оно не только похвально и совершенно, но законно и возможно, такъ какъ надо различать пользованіе, которое

essi singular benedizione. Veramente, dicea. questa nostra professione a quelli che la seguitano, esser libro di vita, speranza di salute, arra di gloria, melodia del vangelio, via di croce, stato di perfezione, chiave di paradiso, e patto di eterna pace.»—Amoni «Legenda S. Francisci», App. c. XXIX.

[1]) S. Bonavent. «Opera» I, 485—86 (изд. 1584 г.).—Wadding. ann. 1257, № 9; Ejusd. «Regest. Clement. PP. IV», № 1.

Пьеръ-Жанъ Оливи говоритъ, что онъ самъ лично слышалъ, какъ Бонавентура на капитулѣ, бывшемъ въ Парижѣ, утверждалъ, что онъ согласился бы быть истертымъ въ порошокъ если бы никогда не думалъ привести орденъ въ тотъ видъ, который хотѣлъ придать ему святой Францискъ.—Franz Ehrle, «Archiv für Litt.- und Kirchengesch.», 1887 г., стр. 517.

[2]) Lib. V. Sexto XII, 3.—Wadding. ann. 1279, № 11.

Библиотека "Руниверс"

разрѣшено, отъ обладанія, которое запрещено. Слѣдуя примѣру Иннокентія IV и Александра IV, папа присвоилъ отнынѣ римской церкви и ея первосвященнику обладаніе всѣмъ, чѣмъ пользуются францисканцы; папа могъ предоставить пользованіе также монахамъ. Необходимо заставить съ уваженіемъ относиться къ правилу, запрещающему получать или имѣть деньги. Особенно запрещались займы; однако, въ случаѣ настоятельной нужды можно было производить займы при посредствѣ третьихъ лицъ (терціаріевъ); но братья должны воздерживаться имѣть деньги, опредѣлять ихъ назначеніе или тратить ихъ. Что касается имуществъ по духовнымъ завѣщаніямъ, то ихъ не нужно прямо назначать монахамъ, но только предоставлять имъ въ пользованіе. Мельчайшія рѣшенія опредѣляли обмѣнъ и продажу книгъ и разныхъ предметовъ. Кончалась булла приказаніями, чтобы это папское рѣшеніе читалось и изучалось въ школахъ; но было запрещено всѣмъ, подъ страхомъ отлученія отъ Церкви, влекшаго за собой потерю должностей или бенефицій, прибавлять что бы то ни было къ тексту. Никто не долженъ былъ позволять себѣ толкованій, примѣчаній, спора или опроверженія. Всякія сомнѣнія и вопросы должны быть предъявляемы прямо Св. Престолу. Всякій, кто станетъ оспаривать или комментировать францисканскій уставъ или предписанія буллы, будетъ подлежать отлученію отъ Церкви, снять которое будетъ только во власти папы.

Если бы вопросу было дано окончательное рѣшеніе, то это торжественное заявленіе прекратило бы всѣ споры; но, къ несчастью, человѣческая природа сохраняетъ свои страсти и свои наклонности къ борьбѣ даже и за высокими стѣнами францисканскихъ монастырей. Къ несчастью для дѣла умиротворенія находились также люди съ черезчуръ деликатной совѣстью, которые не могли удовлетвориться хитроумными толкованіями, придуманными съ цѣлью скрыть истину. Если булла Exiit qui seminat дала нѣкоторый отдыхъ папству, утомленному этой непримиримой ссорой, то она не могла положить конецъ внутреннимъ разногласіямъ ордена. Правда, число упорствующихъ было невелико, но они выдавались набожностью и добродѣтельною жизнью. Мало-по-малу они образовали двѣ группы: одну—въ Италіи, другую—въ южной Франціи. Сначала они находились въ полномъ согласіи и въ теченіе нѣкотораго довольно продолжительнаго времени дѣйствовали за одно; но скоро различія въ ихъ взглядахъ стали настолько значительны, что породили двѣ секты; это произошло, главнымъ образомъ, благодаря особенно сильному вліянію, которое производили въ Лангедокѣ и Провансѣ переводы Іоахима и Вѣчнаго Евангелія.

Мы уже видѣли, какъ жажда аскетической нищеты, часто увеличивавшаяся желаніемъ избѣгнуть повседневныхъ заботъ о существованіи, побуждала тысячи людей посвятить себя бродячему нищенству. Съ установленія монашества Sarabiti и Circumcelliones, бродячіе монахи, не связанные никакимъ уставомъ, были одной изъ язвъ Церкви. Въ XIII в. вѣра въ высшую заслугу нищеты придала новый жаръ толпѣ людей, предпочитавшихъ ничего-недѣланіе на улицахъ и въ скитахъ лишеніямъ и трудамъ монашеской жизни. Латеранскій соборъ прекрасно сдѣлалъ, запретивъ образованіе новыхъ и не разрѣшенныхъ орденовъ; поразительный успѣхъ нищенствующихъ вызвалъ многихъ подражателей, которые и не подумали получить папское одобреніе. Это множество благочестивыхъ нищихъ было бременемъ для народа и позоромъ для Церкви. Когда въ 1274 г. Григорій X созвалъ Ліонскій соборъ, то отцамъ собора предстояло, между прочимъ, исцѣлить это зло. Снова обнародовали канонъ Латеранскаго собора, запрещавшій образованіе не разрѣшенныхъ орденовъ. Григорій желалъ полнаго уничтоженія всѣхъ скитскихъ конгрегацій; но, по просьбѣ кардинала Ричарда, согласился оставить до новаго указа кармелитовъ и августиновъ, осудивъ дерзость другихъ обществъ, не получившихъ еще папскаго утвержденія, въ особенности нищенствующихъ, число которыхъ превосходило всякую мѣру. Были разрѣшены только тѣ нищенствующіе ордены, которые получили утвержденіе Латеранскаго собора; но имъ было запрещено принимать новыхъ членовъ, пріобрѣтать дома и продавать

Библиотека "Руниверс"

то, чѣмъ они владѣли безъ разрѣшенія Святого Престола. Церковь, очевидно, понимала, что настало время радикальными средствами остановить поднимавшуюся волну благочестиваго нищенства [1]).

Неясные и неточные слухи по поводу этого суроваго законодательства достигли Италіи, вызвали тамъ вспышку и послужили сигналомъ самаго необычайнаго ряда преслѣдованій, которыя только создавала человѣческая испорченность. Съ одной стороны, мы видимъ у жертвъ чудесную твердость, видимъ, что онѣ съ радостью шли на мученія за идею, почти недоступную уму современнаго человѣка; съ другой стороны, палачи проявили ту, по внѣшности безкорыстную, жестокость, которая преслѣдуетъ изъ удовольствія и которая одна только вмѣстѣ съ соперничествомъ, существовавшимъ въ самомъ орденѣ, можетъ объяснить рѣшеніе добиться, во что бы то ни стало, покорности или исчезновенія несогласныхъ.

Разсказывали, что Ліонскій соборъ указомъ разрѣшилъ нищенствующимъ владѣть имуществомъ. Много братьевъ приняло это извѣстіе довольно легко; но тѣ, которые видѣли въ уставѣ божеское откровеніе, котораго не могла здѣсь на землѣ измѣнить ни одна власть, заявляли, что эта реформа является вѣроотступничествомъ и не имѣетъ никакого значенія. Начались пренія, которыя только укрѣпили каждаго въ его мнѣніи. Особенно сильную вражду вызывалъ отказъ спиритуаловъ принимать участіе въ ежедневномъ собираніи милостыни деньгами, что было весьма распространено во многихъ мѣстностяхъ. Отношенія между соперничающими партіями были настолько натянуты, что тотчасъ же начали преслѣдовать за ересь монаховъ, отказывавшихся просить милостыню. Слухъ оказался ложнымъ; волненіе улеглось; на нѣсколько лѣтъ преслѣдованія затихли; затѣмъ ихъ снова возобновили изъ боязни, что, оставляя безнаказанными эти крайнія мнѣнія, ихъ могутъ понемногу сдѣлать вполнѣ безнаказанными. Либерато да Мачерата, Анджело да Чиньоли (il Clareno), Траймондо, Томмасо да Толлентино и одинъ или два, имена которыхъ не дошли до насъ, были наиболѣе упорны и не хотѣли даже въ теоріи допустить какую-либо уступку. Анджело, авторъ разсказа объ этомъ дѣлѣ, говоритъ, что они были готовы соблюдать полное повиновеніе, что ихъ ни въ чемъ нельзя было уличить, но что, тѣмъ не менѣе, они были осуждены, какъ схизматики и еретики, на пожизненное тюремное заключеніе въ оковахъ. Приговоръ былъ безчеловѣчно строгъ: они должны были быть лишены причастія даже въ предсмертную минуту, такъ что, убивая ихъ тѣло, убивали и ихъ душу; въ теченіе ихъ жизни никто не долженъ былъ съ ними разговаривать; не имѣлъ этого права даже и тюремщикъ, приносившій въ ихъ камеры ежедневную порцію воды и хлѣба и осматривавшій ихъ оковы, чтобы предупредить всякую попытку бѣжать. Кромѣ того, въ видѣ предупрежденія было приказано читать этотъ приговоръ каждую недѣлю во всѣхъ капитулахъ, причемъ никто не смѣлъ критиковать его. И это не было пустой угрозой: монахъ Томмасо изъ Кастельдемилліо, сказавшій, что этотъ арестъ противенъ Богу, былъ также брошенъ въ тюрьму, гдѣ и умеръ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Тираны, которымъ принадлежало управленіе орденомъ, рѣшили, очевидно, внушить уваженіе къ обѣту послушанія [2]).

---

[1]) Concil. Lugdunens. II, c. 23 (Harduin, VII).—Salimbene, «Chron.» 110—11.

[2]) Angel. Clarinens. «Epist. Excusat.» («Archiv fur Litt.- und Kirchengeschichte», 1885 г., стр. 523—4).—«Historia Tribulationum» (ibidem, 1886 г., стр. 302—4).—Ubertini, «Responsio» (ibidem, 1887 г., стр. 68).—Ср. Rodulphii «Hist. Seraph. Relig.», lib. II, fol. 180.

Здѣсь впервые можно съ нѣкоторою точностью изложить развитіе и исторію францисканцевъ спиритуаловъ благодаря Францу Эрле, опубликовавшему наиболѣе важные документы, относящіеся къ расколу въ орденѣ, и освѣтившему ихъ при помощи всѣхъ строго научныхъ средствъ. Многочисленныя ссылки на его труды показываютъ, какъ много они помогли мнѣ въ моей работѣ.

Библиотека "Руниверс"

Узники, повидимому, оставались въ заключеніи до того времени, когда на Пасху 1289 г. былъ избранъ генераломъ Раймундъ Гофриди. Во время своего посѣщенія Анконской Марки, гдѣ были заключены эти несчастные, генералъ произвелъ разслѣдованіе ихъ дѣла, выразилъ суровое порицаніе виновникамъ этой несправедливости и въ 1290 г. выпустилъ мучениковъ на свободу. Вопреки буллѣ Exiit qui seminat орденъ еще менѣе, чѣмъ когда-либо, началъ соблюдать уставъ. Маттео д'Акваспарта, бывшій генераломъ съ 1287 по 1289 г., былъ человѣкъ мягкій и слабый, полный добрыхъ намѣреній, но лишенный всякой энергіи и мало расположенный силою заставить соблюдать уставъ. Уваженіе къ обѣтамъ уменьшалось съ каждымъ днемъ. Въ церквахъ ставили сундуки для сбора пожертвованій; цѣна обѣденъ и отпущенія грѣховъ стала предметомъ торговли; около дверей храмовъ ставили мальчиковъ, которые продавали восковыя свѣчи для полученія представительства святыхъ; монахи имѣли обыкновеніе ходить по улицамъ, выпрашивая деньги, причемъ ихъ сопровождали слуги, получавшіе и передававшіе милостыню; алчно искали привилегій хоронить богатыхъ, что вызывало скандальныя ссоры съ наслѣдниками и бѣлымъ духовенствомъ. Повсюду царили эгоизмъ и желаніе вести праздную и роскошную жизнь. Правда, плотская слабость всегда наказывалась строго; но частые случаи дѣлъ подобнаго рода показываютъ, что въ общемъ братья были распущены. Общая деморализація была такъ велика, что провинціалъ Франціи Николай осмѣлился даже написать трактатъ, въ которомъ онъ спорилъ противъ буллы Exiit qui seminat и изложенія устава, даннаго этой буллою. Такъ какъ это прямо противорѣчило самой же буллѣ, то Акваспарта былъ вынужденъ осудить сочиненіе и наказать автора и его покровителей. Но зло осталось. Въ Анконской Маркѣ и въ другихъ мѣстахъ реакція противъ аскетизма была такъ сильна, что оффиціально приказали сжечь завѣщаніе св. Франциска. Это былъ главный козырь въ рукахъ спиритуаловъ противъ паденія устава. Въ одинъ прекрасный день сожгли копію этого драгоцѣннаго документа на головѣ монаха Николая де Реканате, который, несомнѣнно, сдѣлался ненавистнымъ своей защитой авторитета завѣщанія [1]).

Раймундъ Гофриди горячо желалъ возстановить дисциплину; но распущенность ордена стала неизлѣчимой. Освобожденіе спиритуаловъ, заключенныхъ въ Анконѣ, подняло грозный ропотъ противъ генерала, надъ которымъ смѣялись какъ надъ покровителемъ этихъ людей ума разстроеннаго и суевѣрнаго. Велись постоянныя интриги, пока не удалось смѣстить въ 1295 г. Раймунда. Быть-можетъ, съ цѣлью отвратить это, Раймундъ послалъ Либерато, Анджело, Томмасо и двухъ другихъ монаховъ такого же направленія, Марка и Петра, въ Арменію, гдѣ они убѣдили короля Гайта II вступить во францискансній орденъ. Но и на Востокѣ ненависть къ нимъ ихъ собратьевъ была настолько горячей, что они были вынуждены вернуться въ 1293 г. Когда они прибыли въ Италію, то провинціалъ Мональдо отказался принять ихъ или позволить имъ оставаться въ странѣ, пока они не увѣдомятъ о своемъ возвращеніи Раймунда; онъ заявилъ при этомъ, что охотнѣе приметъ прелюбодѣевъ, чѣмъ ихъ [2]).

---

[1]) «Historia Tribulationum» (loc. cit., 1886 г., стр. 305).—Ubertini «Responsio» (ibidem, 1887 г., стр. 69, 77).—«Articuli Transgressionum» (ibidem, 1887 г., стр. 105—7.—Wadding ann. 1289. №№ 22—3.—Ubertini «Declaratio» («Archiv für Lit.- und Kirchengesch.», 1887 г., стр. 168—9).—Данте противопоставляетъ Акваспарту Убертину де Казале, о которомъ подробнѣе мы скажемъ ниже:

Ma non sia da Casal ne d'Acquasparta
La onde vegnon tali alla Scrittura
Ch'uno la fugge e l'altro la coarta.

(«Paradiso», XII).

[2]) «Historia Tribulationum» (loc. cit., 1886 г., стр. 306—8).—Angel. Clarenus. «Epist.» (ibidem. 1885 г., стр. 524—5).—Wadding. ann. 1292, № 14.

Библиотека "Руниверс"

ПАПА БОНИФАЦІЙ VIII ОСВЯЩАЕТЪ ЮБИЛЕЙНЫЙ 1300 ГОДЪ.

(Соборъ Санъ-Джованни на Латеранѣ въ Римѣ.—Giotto).

Библиотека "Руниверс"

Неистовой ярости преслѣдователей этихъ сторонниковъ нищеты былъ нанесенъ ударъ въ 1294 г., когда конклавъ, какъ послѣднее средство, избралъ отшельника Петра Морроне, который неожиданно для себя былъ перенесенъ изъ своей пещеры на горѣ въ папскій дворецъ въ Римѣ. На престолѣ св. Петра Целестинъ V сохранилъ свою склонность къ уединенію и аскетизму, которая заставила его нѣкогда отдаться жизни отшельника. Раймундъ передалъ въ руки новаго папы судьбу спиритуаловъ, которыхъ онъ самъ не былъ въ состояніи защитить. Целестинъ благосклонно выслушалъ жалобы монаховъ и предложилъ имъ вступить въ основанный имъ орденъ бенедиктиновъ-целестиновъ. Но они показали ему, что ихъ обѣты отличаются отъ обѣтовъ целестиновъ, и раскрыли презрительное отношеніе ихъ братьевъ къ соблюденію устава. Тогда папа на публичномъ пріемѣ приказалъ имъ строго соблюдать уставъ и завѣщаніе Франциска; онъ повелѣлъ имъ отнынѣ повиноваться только ему и Либерато, котораго онъ назначилъ имъ начальникомъ. Кардиналъ Наполеонъ Орсини былъ объявленъ ихъ попечителемъ, а аббату целестиновъ было приказано предоставить имъ скиты. Они были, такимъ образомъ, какъ бы выкинуты изъ ордена и даже не должны были болѣе именоваться миноритами или францисканцами. Нетрудно понять, что ихъ братья были не менѣе счастливы, избавившись отъ этихъ людей, предъявлявшихъ требованіе на высшее благочестіе, чѣмъ и они сами, избѣгнувъ стѣсненій [1]).

Однако, ненависть, порожденная ссорою, была настолько глубока, что не могла отвернуться отъ своихъ жертвъ. Покой, который данъ былъ спиритуаламъ, былъ непродолжителенъ. Первосвященство Целестина внезапно окончилось. Совершенно неспособный выполнять свои обязанности, папа скоро сдѣлался орудіемъ въ рукахъ честолюбивыхъ людей. Сгибаясь подъ тяжестью тіары, онъ далъ убѣдить себя въ необходимости отречься въ декабрѣ 1294 г., менѣе чѣмъ черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ своего избранія. Преемникъ его, Бонифацій VIII, опасаясь, чтобы онъ не отказался отъ отреченія, законность котораго была спорною, тотчасъ же заключилъ его въ тюрьму. Всѣ дѣйствія Целестина, всѣ привилегіи, предоставленныя имъ, были немедленно признаны не имѣющими силы. Всѣ слѣды его дѣятельности были такъ тщательно уничтожены, что потребовалось новымъ указомъ подтвердить всѣ сдѣланныя имъ назначенія до назначенія нотаріуса включительно. Бонифацій настолько презиралъ святой энтузіазмъ аскетовъ, что отъ него нельзя было ожидать исключенія въ пользу спиритуаловъ. Въ его глазахъ францисканскій орденъ былъ только полезнымъ орудіемъ для осуществленія его честолюбивыхъ замысловъ. Мірскія стремленія ордена заслуживали скорѣе поощренія, чѣмъ подавленія. Правда, онъ вписъ въ шестую книгу своихъ Декреталій буллу Exiit qui seminat, но толкованіе, которое онъ давалъ ей, выразилось въ двухъ буллахъ, изданныхъ 17 іюля 1296 г. Одною онъ предоставлялъ парижскимъ францисканцамъ тысячу марокъ съ духовныхъ завѣщаній, сдѣланныхъ на добрыя дѣла; другою онъ отдавалъ имъ триста ливровъ, завѣщанныхъ Адою де Пернъ (Pernes) въ пользу Св. Земли. При подобныхъ предзнаменованіяхъ паденіе ордена могло пойти только быстрѣе. Бонифацій не былъ и года папою, когда онъ рѣшилъ смѣстить францисканскаго генерала Раймунда. 29 октября 1295 г. онъ предложилъ ему архіепископію Павіи. Такъ какъ Раймундъ сослался на то, что не чувствуетъ въ себѣ достаточно силы, чтобы взять это бремя, то Бонифацій объявилъ, что онъ не можетъ нести еще болѣе тяжелое бремя, налагаемое обязанностью генерала ордена, и тотчасъ же смѣстилъ его. Легко понять, до чего дошла тогда наглость конвентуаловъ. Нѣкоторые изъ нихъ отправились навѣстить Целестина въ его тюрьмѣ и грубо глумились надъ нимъ за проявленное имъ расположеніе къ спиритуаламъ. То же настроеніе руково-

[1]) Angel. Clarinens. «Epist.» (op. cit., 1885 г., стр. 526).—«Hist. Tribulationum» (ibidem, 1886 г., стр. 308—9).

Библиотека "Руниверс"

дило, несомнѣнно, преслѣдованіемъ за ересь, которое Бонифацій приказалъ въ мартѣ 1295 г. начать противъ брата Пагано ди Пістра-Санта [1]).

Бонифацій пошелъ дальше. Въ глазахъ этого человѣка, поглощеннаго мірскими интересами и практическими соображеніями, толпы бродячихъ нищенствующихъ монаховъ были невыносимымъ зломъ, независимо отъ того, что имъ руководило при этомъ, аскетизмъ или любовь къ бродячей жизни. Декретъ Ліонскаго собора не уничтожилъ зла. Въ 1296 и 1297 гг. Бонифацій разослалъ всѣмъ епископамъ приказъ заставить бродягъ или отшельниковъ, обыкновенно называемыхъ Bizochi, или снять свою монашескую одежду и измѣнить образъ жизни, или вступить въ какой-нибудь признанный орденъ. Инквизиторамъ было приказано доносить епископамъ на всѣхъ подозрительныхъ лицъ, а въ случаѣ небрежнаго отношенія прелатовъ они должны сообщать объ этомъ Св. Престолу. Особой оговоркой инквизиторамъ предоставлялось право преслѣдовать тѣхъ Bizochi, которые принадлежали даже къ ихъ орденамъ; это показываетъ, что нищенство не считалось ересью, такъ какъ въ противномъ случаѣ не было бы надобности въ этой оговоркѣ [2]).

Въ слѣдующемъ году Бонифацій принялъ болѣе энергичныя мѣры. Онъ поручилъ инквизитору Ассизи, францисканцу Маттео да Кіети, лично посѣтить горныя страны Абруццо и Анконской Марки и выгнать оттуда пріютившихся тамъ отступниковъ разныхъ монашескихъ орденовъ и Bizochi, заражавшихъ всю страну. Очевидно, первыя рѣшенія папы не привели ни къ чему. Весьма возможно также, что онъ счелъ нужнымъ принять болѣе рѣшительныя мѣры благодаря ослушному настроенію спиритуаловъ и осужденныхъ нищенствующихъ. Эти мятежники не удовлетворялись только тѣмъ, что оспаривали папскій авторитетъ, но стали утверждать, что каѳедра св. Петра вакантна. Отказываясь принять буллу Exiit qui seminat, они утверждали, что Богъ лишилъ автора этой буллы Николая III папскихъ обязанностей, и поэтому у него не могло быть никакого законнаго преемника. Всѣ посвященія священниковъ и прелатовъ, произведенныя послѣ этого дня, не имѣютъ никакого значенія; одни только они представляютъ истинную Церковь. Чтобы исправить это бѣдствіе, прибылъ изъ Прованса братъ Матвѣй де Бодиси, принесшій съ собою книги Петра Жана Оливи, и былъ въ церкви св. Петра Римскаго избранъ папою пятью спиритуалами и тринадцатью женщинами. Бонифацій немедленно приказалъ Инквизиціи начать преслѣдованіе этихъ людей; но они бѣжали въ Сицилію, гдѣ, какъ мы увидимъ ниже, образовалась вслѣдствіе этого главная квартира секты [3]).

Монахъ Іорданъ, которому мы обязаны подробнымъ отчетомъ объ этомъ дѣлѣ, полагаетъ, что Либерато и его товарищи были замѣшаны въ это движеніе. Даты и послѣдовательность событій здѣсь перепутаны безнадежно, но скорѣе надо думать, что спиритуалы, сгруппировавшіеся около Либерато, держались въ сторонѣ отъ всѣхъ этихъ революціонныхъ выходокъ. Мученія этихъ людей были дѣйствительны и продолжительны, но они совершили преступленіе, принявъ участіе въ выборѣ антипапы, и имъ не было другого выбора, кромѣ пожизненной тюрьмы и костра. Ихъ обвиняли въ томъ, что они утверждали, что Бонифацій незаконно былъ избранъ папою, что церковный авторитетъ принадлежитъ имъ однимъ, и что греческая Церковь выше Церкви римской. Это было,

---

[1]) «Historia Tribulationum» (loc. cit., 1886 г., стр. 309—10).—Faucon et Thomas, «Registres de Boniface VIII», № 37, 1232, 1233, 1292, 1825.—Wadding. ann. 1295, № 1.

[2]) Franz Ehrle, «Archiv für Litt.- und Kirchengesch.», 1886 г., стр. 157—8.

[3]) Raynald. ann. 1297, № 55.—Fr. Jordani «Chron.» cap. 236, Partic. 3 (Muratori «Antiq.», IX, 766).

Пьеръ-Жанъ Оливи такъ мало принималъ участія въ этомъ мятежномъ движеніи, что даже написалъ сочиненіе, въ которомъ оправдываетъ отреченіе Целестина и вступленіе на папскій престолъ Бонифація (Franz Ehrle, «Archiv f. Litt.- und Kirchengesch.», 1887 г., стр. 525).

Библиотека "Руниверс"

ГРОБНИЦА ІОАННА XXIII.
(Флорент. баптистерій.— Donatello и Michelozzo).

ГРОБНИЦА ИННОКЕНТІЯ VIII.
(Ватиканъ.— A. Pollajuolo).

Библиотека "Руниверс"

въ другихъ выраженіяхъ, ученіе іоахитовъ; но Анджело ясно заявляетъ, что во всемъ этомъ нѣтъ и доли правды. Твердость, съ которой онъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ переносилъ преслѣдованія и самыя тяжелыя испытанія, даетъ ему нѣкоторое право на наше довѣріе. Онъ передаетъ, что послѣ признанія Целестиномъ V онъ и его друзья жили, какъ отшельники, согласно съ предоставленной имъ папою привилегіей. Они жили, какъ нищіе и чужеземцы, всюду, гдѣ находили убѣжище, строго воздерживаясь отъ проповѣдыванія и исповѣдыванія, если только не было особаго приказанія со стороны епископовъ, которымъ они должны были повиноваться. Еще до отреченія Целестина францисканскія власти, раздраженныя, что ихъ жертвы ускользнули изъ ихъ рукъ, не обратили вниманія на папское разрѣшеніе и во главѣ сильной арміи попытались захватить въ плѣнъ этихъ несчастныхъ, которыхъ, по всей вѣроятности, самъ Целестинъ предупредилъ объ опасности. Ревнителя, понявъ, что они не могутъ жить спокойно въ Италіи, рѣшили покинуть родину и поискать уединеннаго мѣста, гдѣ они могли бы удовлетворить свое стремленіе къ аскетизму и, не тревожимые людьми, поклоняться Богу. Они переправились черезъ Адріатическое море и основались на пустынномъ и глухомъ островѣ около береговъ Ахайи. Здѣсь, вдали отъ глазъ всѣхъ людей, они въ теченіе двухъ лѣтъ пользовались спокойствіемъ, и это былъ единственный періодъ спокойствія, который они знали. Въ концѣ концовъ, провѣдали объ ихъ убѣжищѣ. Тотчасъ же были посланы вельможамъ и епископамъ континента граматы, въ которыхъ спиритуалы обвинялись въ катаризмѣ. Въ то же время дали знать Бонифацію, что эти люди не признаютъ его папою и думаютъ, что они одни только представляютъ истинную Церковь. Въ 1299 г. Бонифацій поручилъ константинопольскому патріарху Петру судить спиритуаловъ, которые были осуждены, не будучи выслушаны. Карлъ II Неаполитанскій, сюзеренъ Морей, получилъ приказъ изгнать ихъ и переслалъ его княжнѣ Ахайи, Изабеллѣ Виллегардуинъ. Однако, мѣстныя власти признали обвиненія ложными. Дѣйствительно, бѣглецы ежедневно совершали обѣдню, молились за папу Бонифація и ѣли мясо. Но это не освободило ихъ отъ надзора и хлопотъ. Однимъ изъ главныхъ обвинителей ихъ былъ нѣкто Джеронимо, который принесъ имъ книги Оливи, и котораго они были вынуждены изгнать за безнравственное поведеніе. Съ этого времени онъ сдѣлался ихъ обвинителемъ и былъ вознагражденъ за свою безсовѣстность епископіей [1]).

Давленіе становилось черезчуръ сильнымъ, и маленькая община была вынуждена уступить. Одно время спиритуалы думали присоединиться къ брату Джованни да Монте, отправлявшемуся въ Тартарію; но пришлось отказаться отъ этого проекта вслѣдствіе отлученія отъ Церкви, наложеннаго на нихъ константинопольскимъ патріархомъ. Сначала Либерато послалъ двухъ братьевъ подать жалобу Бонифацію, потомъ еще двухъ; но всѣ они были арестованы и не могли дойти до папы. Тогда Либерато самъ отправился тайно и добрался до Перузы; но внезапная смерть Бонифація, 11 октября 1303 г., разрушила всѣ планы. Другіе спиритуалы вернулись въ разное время; послѣднимъ вернулся въ Италію въ 1305 г. Анджело. Онъ нашелъ своихъ Братьевъ въ непріятномъ положеніи. Они были вызваны инквизиторомъ, доминиканцемъ Томмасо да Аверса, и покорно явились. Сначала результаты были благопріятны для нихъ. Послѣ допроса, тянувшагося нѣсколько дней, Томмасо призналъ ихъ вѣрными католиками и отослалъ ихъ, сказавъ публично: «Братъ Либерато, призываю въ свидѣтели Создателя моего; никогда еще за тѣло бѣднаго человѣка не предлагалось цѣны, которую я могъ бы получить за ваше. Ваши братья выпили бы вашу кровь, если бы это было возможно!» Онъ даже позаботился, чтобы они были проведены здоровыми и невредимыми до ихъ скитовъ. Затѣмъ, видя, что ничто не

[1]) Angel. Clarinens. «Epist.» («Archiv für Litt.- und Kirchengeschichte», 1885 г., стр. 522—3, 527—9).—«Hist. Tribulationum» (ibidem, 1886 г., стр. 314—18).—Franz Ehrle (ibidem, 1886 г., стр. 335).

Францъ Эрле полагаетъ, что убѣжищемъ спиритуаловъ былъ островъ Трикссонія въ Коринѳскомъ заливѣ (ididem, 1886 г., стр. 313—14).

Библиотека "Руниверс"

можетъ смягчить ярости конвентуаловъ, онъ далъ спиритуаламъ совѣтъ покинуть ночью Неаполь и потайными дорогами дойти до самого папы. Если бы они могли принести граматы отъ папы или отъ какого-нибудь кардинала, то онъ самъ бы защищалъ ихъ, пока будетъ инквизиторомъ. Совѣта послушались, и въ тотъ же день вечеромъ Либерато вышелъ изъ Неаполя, но дорогою онъ захворалъ и умеръ послѣ двухлѣтней тяжкой болѣзни. За это время поступки Дольчино, какъ мы увидимъ ниже, вызвали въ Ломбардіи общій ужасъ и вселили подозрѣніе къ не разрѣшеннымъ монашескимъ братствамъ, которыя стали внушать опасеніе. Конвентуалы воспользовались этимъ положеніемъ вещей и заставили брата Томмасо вызвать къ себѣ на судъ всѣхъ, кто носилъ, не имѣя на то права, монашескую одежду. Снова спиритуалы, въ числѣ сорока-двухъ, были вызваны на судъ; на этотъ разъ имъ не удалось такъ легко ускользнуть отъ своихъ враговъ и они были осуждены какъ еретики. Андрей да Сенья, подъ покровительствомъ котораго они жили, вмѣшался въ ихъ защиту; но Томмасо увелъ ихъ въ Тривенто, гдѣ велѣлъ пытать ихъ въ теченіе пяти дней. Такъ какъ эта жестокость возбудила состраданіе епископа и знатныхъ горожанъ, то Томмасо отправился со своими жертвами въ уединенное мѣсто Кастро Майнардо, гдѣ несчастные переносили самыя ужасныя мученія въ продолженіе пяти мѣсяцевъ. Два болѣе молодыхъ брата уступили, взвели обвиненія на самихъ себя и обвинили своихъ товарищей; но лишь только ихъ освободили, они отреклись отъ своихъ показаній. Многіе умерли. Въ концѣ концовъ, Томмасо приказалъ подвергнуть оставшихся въ живыхъ бичеванію по голому тѣлу на улицахъ Неаполя; затѣмъ изгналъ ихъ изъ королевства, хотя въ своемъ приговорѣ не привелъ противъ нихъ никакого спеціальнаго обвиненія въ ереси. Среди всѣхъ этихъ испытаній твердость никогда не покидала маленькой группы. Убѣжденные, что только они одни идутъ по пути спасенія, они не давали себя силою вернуть въ орденъ. Послѣ смерти Либерато они избрали себѣ начальникомъ Анджело и среди преслѣдованій и порицаній образовали въ Анконской Маркѣ конгрегацію такъ называемыхъ Clareni, взявшихъ это имя отъ прозвища своего вождя и имѣвшихъ своимъ покровителемъ кардинала Наполеона Орсини [1]).

Эти люди не одни боролись противъ нарушенія устава, хотя только имъ однимъ удалось стряхнуть иго своихъ противниковъ. Спиритуалы были многочисленны въ самомъ орденѣ; но политика Бонифація требовала помощи конвентуаламъ въ ихъ усиліяхъ держать въ послушаніи партію ригористовъ. Среди этихъ спиритуаловъ самымъ замѣчательнымъ былъ, быть-можетъ, авторъ гимна Stabat Mater, Джакопоне да Тоди, который своими оскорбительными стихами по адресу папы отнюдь не содѣйствовалъ возстановленію согласія. Въ 1298 г. послѣ взятія Палестрины Бонифацій заключилъ его въ мрачную башню, гдѣ поэтъ утѣшался сочиненіемъ гимновъ, полныхъ мистическаго жара и божественной любви. Говорятъ, что Бонифацій, проходя разъ мимо рѣшетки его камеры, обратился къ нему съ слѣдующими насмѣшливыми словами: «Джакопо, когда ты выйдешь отсюда?» «Когда ты войдешь сюда»,—отвѣтилъ Джакопо. Это пророчество отчасти исполнилось, такъ какъ однимъ изъ первыхъ дѣйствій Бенедикта XI, въ декабрѣ 1303 г., было освобожденіе Джакопоне изъ тюрьмы и снятіе съ него отлученія отъ Церкви [2]).

---

[1]) Angel. Clarin. «Epist.» (op. cit., 1885 г., стр. 529—31).—«Hist. Tribulationum» (ibidem, 1886 г., стр. 320—26).—Wadding. ann. 1302, № 8; ann. 1307, №№ 2—4.

[2]) Cantù, «Eretici d'Italia», I, 129. — Comba, «La Riforma in Italia», I, 314. Духъ эпохи сказался въ слѣдующемъ образчикѣ нападокъ Джакопоне на Бонифація:

Ponesti la tua lingua
Contra religione
A dir blasfemia
Senza niun cagione.

O pessima avarizia
Sete induplicata
Bever tanta pecunia
E non esser saziata.

(Comba, op. cit., 312).

Савонарола въ одной своей проповѣди передастъ разсказъ, который, несомнѣнно, имѣлъ

Библиотека "Руниверс"

Другимъ виднымъ членомъ партіи спиритуаловъ былъ блаженный Коррадо да Оффида. Онъ былъ другомъ Іоанна Парменскаго. Въ продолженіе пятидесяти-пяти лѣтъ онъ носилъ одну и ту же одежду, которую постоянно заплатывалъ. Это платье, вмѣстѣ съ веревкой, служившей ему поясомъ, составляло все его имущество. При той мистической экзальтаціи, которая была отличительной чертой секты, онъ былъ подверженъ частымъ видѣніямъ и экстазамъ, которые возносили его съ земли, какъ святыхъ. Преданіе говоритъ, что онъ воскресалъ, по меньшей мѣрѣ, шесть разъ. Когда Либерато и его спутники удалились на островъ въ Ахаѣ, онъ хотѣлъ присоединиться къ нимъ вмѣстѣ съ Джакопо де Монти и многими другими; но неизвѣстная намъ причина помѣшала осуществленію этого плана [1]).

Ни кротость, ни строгость не могли имѣть вліянія на людей, такъ глубоко убѣжденныхъ въ святости своего призванія. Напрасно въ 1302 г. на бывшемъ въ Генуѣ капитулѣ генералъ Джованни ди Мурро издалъ «наставленіе», въ которомъ жаловался, что орденъ отказался отъ святой нищеты, какъ свидѣтельствуетъ это обладаніе землями, фермами, виноградниками и присвоеніе должностей, которыя вовлекали монаховъ въ мірскія заботы, въ споры и въ судебныя тяжбы. Онъ приказывалъ продать всю недвижимость и запрещалъ монахамъ ордена выступать передъ какимъ бы то ни было судомъ. Однако, выказывая себя строгимъ врагомъ собственности, онъ нисколько не выступалъ противъ пользованія и осуждалъ, какъ пагубное, ученіе, по которому обѣтъ нищеты мѣшалъ наслаждаться всѣми земными благами. Впрочемъ, онъ дѣйствительно хотѣлъ прекратить расколъ въ орденѣ, и его вліяніе на Бонифація. было одной изъ причинъ, вызвавшихъ преслѣдованіе спиритуаловъ. Послѣдніе упорно отвергали всѣ попытки примиренія и правильно оцѣнивали эти стремленія ввести реформу. До истеченія года Джованни былъ назначенъ кардиналъ-епископомъ Порто и ему было поручено передать управленіе орденомъ своему викарному. Во многихъ провинціяхъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ реформы были проведены частично, затѣмъ онѣ были забыты, и явились старыя злоупотребленія [2]).

Центральной личностью исторіи спиритуаловъ во Франціи, гдѣ вліяніе Іоахима и Вѣчнаго Евангелія было болѣе продолжительно и сильно, чѣмъ въ Италіи, былъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ людей своего времени—Пьеръ-Жаннъ Оливи. Родившійся въ 1247 г., Оливи вступилъ во францискапскій орденъ двѣнадцати лѣтъ отъ роду и обучался въ парижскомъ университетѣ, гдѣ получилъ степень баккалавра. Его серьезность, смягчаемая большою живостью ума, его безукоризненное поведеніе, его пламенное краснорѣчіе, его обширныя познанія вызывали къ нему всеобщее уваженіе. Въ то же время своимъ благочестіемъ, смиреніемъ, кротостью и рвеніемъ къ нищетѣ онъ пріобрѣлъ славу святого, одареннаго пророческимъ даромъ. Было вполнѣ естественно, что подобный человѣкъ примкнулъ къ спиритуаламъ; не менѣе понятно, что онъ возбудилъ къ себѣ враждебное отношеніе своими постоянными нападками на слабое соблюденіе въ орденѣ устава. Въ своихъ многотомныхъ сочиненіяхъ онъ поучалъ, что полная нищета была источникомъ всякой добродѣтели и всякой святости, что уставъ запрещалъ всякую собственность, какъ личную, такъ и общую, что ихъ обѣтъ обязывалъ членовъ ордена пользоваться предметами

извѣстную долю правды. Однажды Джакопоне былъ приведенъ въ консисторію кардиналовъ, и ему предложили сказать проповѣдь; тогда онъ три раза торжественно воскликнулъ: «Я удивляюсь, какъ за грѣхи ваши не разверзнется земля, чтобы поглотить васъ!»—Villari, «Frà Savonarola», 2-е изд., т. II, стр. 3.

[1]) «Hist. Tribulationum» (loc. cit., 311—13).—Tofi da Bettona, «Trattato dall'Indulgenza Plenaria», Urbino, 1644, стр. 150.

[2]) Wadding. ann. 1302, №№ 1—3, 7; ann. 1310, № 9.—Franz Ehrle, «Archiv für Litt. und Kirchengeschichte», 1886 г., стр. 385.

Библиотека "Руниверс"

самой крайней необходимости въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ, носить самую скромную одежду, обходиться безъ обуви и т. д. Онъ добавлялъ, что папа не имѣлъ никакого права ослаблять или отмѣнять уставъ, и еще менѣе могъ онъ разрѣшать что-либо несогласное съ нимъ. Монастырь въ Безье, въ которомъ былъ Оливи, сдѣлался очагомъ спиритуаловъ. Силу своего характера Оливи проявилъ, когда ему въ первый разъ пришлось отражать нападеніе. Въ 1278 г. нѣкоторыя сочиненія, посвященныя имъ восхваленію Пресвятой Дѣвы, были найдены черезчуръ близкими къ маріанизму. Это было новымъ преступленіемъ для ордена. Обратились съ жалобой къ генералу Джеронимо д'Асколи, бывшему позднѣе папою подъ именемъ Николая IV; послѣдній прочелъ книги и присудилъ Оливи сжечь ихъ собственными руками. Оливи тотчасъ же повиновался, не выказавъ ни малѣйшаго смущенія. Монастырская братья удивлялась, какъ онъ можетъ такъ спокойно переносить подобное самоумерщвленіе, но онъ возразилъ, что совершилъ это жертвоприношеніе совершенно хладнокровно; сочиненіе этихъ книгъ не доставило ему большаго удовольствія, чѣмъ сожженіе ихъ по распоряженію высшаго начальника. Потеря совершенно ничтожна, ибо, если бы понадобилось, онъ могъ бы легко написать ихъ снова и еще гораздо лучше. Этотъ невозмутимый человѣкъ, такъ совершенно владѣвшій собою, не могъ не передать своихъ убѣжденій всѣмъ, окружавшимъ его и приходившимъ съ нимъ въ соприкосновеніе [1]).

Но, каковы были въ дѣйствительности эти убѣжденія, это въ настоящее время трудно рѣшить. Своими горячими нападками, какъ на отдѣльныхъ людей, такъ и на общее паденіе дисциплины въ орденѣ, Оливи навлекъ на себя страшную ненависть, такъ что послѣдніе годы его жизни были непрерывнымъ рядомъ разслѣдованій по подозрѣнію его въ ереси. Въ 1282 г. на генеральномъ капитулѣ въ Страсбургѣ было рѣшено подвергнуть его сочиненія разсмотрѣнію. Въ 1283 г. генералъ ордена Бонаграція ди С.-Джованни прибылъ во Францію, собралъ эти книги и поручилъ ихъ разсмотрѣть семи главнымъ членамъ ордена. Послѣдніе нашли въ нихъ положенія, которымъ дали разную оцѣнку: одни были ложными, другія еретическими, третьи самонадѣянными, четвертыя опасными, и постановили, чтобы сочиненія, содержащія эти положенія, были выданы всѣми, у кого они были. Оливи подписался подъ этимъ рѣшеніемъ въ 1284 г., горько жалуясь, что ему не было разрѣшено явиться лично передъ своими судьями и объяснить подвергшіяся цензурѣ мѣста, которыя были, по его словамъ, неправильно истолкованы. Не безъ труда онъ досталъ себѣ экземпляры осужденныхъ сочиненій и постарался оправдать себя. Кругъ его учениковъ постоянно увеличивался. Эти ученики, пропитанные тайно іоахизмомъ, не ограничивались мирнымъ распространеніемъ своихъ принциповъ, вызывали волненія и мятежи, отвѣтственность за которыя ложилась на Оливи. Въ 1285 г. миланскій капитулъ избралъ министромъ-генераломъ Арлотто ди Прато, одного изъ семи судей, осудившихъ Оливи, и приказалъ разыскать и отобрать всѣ осужденныя сочиненія. Кромѣ того, новый генералъ вызвалъ Оливи въ Парижъ, чтобы онъ подвергся тамъ новому разслѣдованію, которое было поручено двумъ членамъ прежней комиссіи, Ричарду Мидльтону и Джованни ди Мурро. Дѣло тянулось медленно до 1286 г.; въ это время Арлотто умеръ, и оно было прекращено. Новый генералъ Маттео д'Акваспарта подтвердилъ вѣрность Оливи католичеству, назначивъ его профессоромъ главной школы ордена во Флоренціи. Преемникъ Акваспарты, Раймундъ Гофриди, смѣнившій его въ 1290 г., былъ другомъ и поклонникомъ Оливи; но онъ не могъ помѣшать новому возбужденію дѣла, хотя и назначилъ Оливи про-

---

[1]) Wadding. ann. 1278, №№ 27—8.—Franz. Ehrle, «Archiv für Litt.- und Kirchengeschichte», 1887 г., стр. 505—11, 528—9.

Когда Джеронимо д'Асколи былъ избранъ папою, то его заставляли преслѣдовать Оливи, но онъ отказался, выразилъ свое глубочайшее уваженіе къ таланту и благочестію этого человѣка и заявилъ, что, карая его раньше, онъ имѣлъ только намѣреніе предупредить его («Hist. Tribulationum», loc. cit., 1886 г., стр. 289).

Библиотека "Руниверс"

фессоромъ въ Монпелье. Волненіе въ Лангедокѣ приняло такіе размѣры, что Николай IV былъ вынужденъ приказать въ 1290 г. Раймунду наказать виновниковъ смуты. Онъ поручилъ инквизитору Венессенскаго графства, Бертрану де Сиготье, произвести разслѣдованіе и представить донесеніе, чтобы дѣло могло поступить на разсмотрѣніе генеральнаго капитула, который долженъ былъ состояться въ Парижѣ. Вслѣдствіе этого въ 1292 г. Оливи явился на капитулъ, заявилъ, что онъ принимаетъ буллу Exiit qui seminat, подтвердилъ, что онъ никогда сознательно не училъ и не писалъ ничего иного, отрекся и отказался отъ всего, что онъ могъ по недосмотру сказать несогласнаго съ этой буллой. Его отпустили съ миромъ, но двадцать-девять его ревностныхъ послѣдователей, признанныхъ виновными Бертраномъ де Сиготье, были наказаны. Нѣсколько послѣднихъ лѣтъ его жизни прошли, повидимому, сравнительно спокойно. Два письма, написанныхъ имъ въ 1295 г.—одно къ Коррадо да Оффида, а другое къ сыновьямъ Карла II Неаполитанскаго, которые, находясь въ это время въ Каталоніи въ качествѣ заложниковъ, просили его навѣстить ихъ,—показываютъ, что онъ пользовался огромнымъ уваженіемъ, что онъ хотѣлъ смягчить фанатическую ересь непримиримыхъ спиритуаловъ, и что самъ онъ не могъ уберечься отъ апокалиптическихъ умозрѣній. Въ 1298 г. на своемъ смертномъ одрѣ онъ изложилъ свое исповѣданіе вѣры, въ которомъ высказывалъ свое полное подчиненіе римской Церкви и главѣ ея, Бонифацію. Всѣ свои сочиненія онъ отдавалъ на судъ Св. Престола, а по поводу спорныхъ вопросовъ внутри самого ордена онъ высказалъ такіе взгляды, въ которыхъ не было ничего такого, подъ чѣмъ бы не подписался Бонавентура, или что могъ бы осудить Николай III, какъ несогласное съ буллой Exiit, хотя онъ рѣзко осуждалъ паденіе дисциплины въ орденѣ и укоренившійся обычай имѣть деньги [1]).

Онъ былъ погребенъ съ большими почестями въ Нарбоннѣ. Вскорѣ вспыхнули еще болѣе горячіе споры по поводу его памяти. Останки его, несмотря на неоднократныя запрещенія, сдѣлались предметомъ усерднаго поклоненія; многочисленныя чудеса происходили на его гробницѣ, къ которой паломники стекались толпами; его годовщина сдѣлалась однимъ изъ самыхъ торжественныхъ праздниковъ въ году; самого его считали однимъ изъ самыхъ могущественныхъ святыхъ календаря. Все это показываетъ, какъ высоко цѣнилъ народъ заслуги усопшаго и какъ ревностны были люди, считавшіе себя его учениками. Вьеннскій соборъ 1312 г. отнесся къ памяти Оливи съ большимъ уваженіемъ: тогда какъ мистическія крайности Братьевъ Свободнаго Духа были осуждены съ безпощадною строгостью, во всѣхъ многотомныхъ сочиненіяхъ Оливи соборъ нашелъ только четыре заблужденія вполнѣ умозрительнаго характера и такія, подобныя которымъ можно

---

[1]) Wadding. ann. 1282, № 2; ann. 1283, № 1; ann. 1285, № 5; ann. 1290, № 11; ann. 1292, № 13; ann. 1297, №№ 33—4.—Chron. Glassberger, ann. 1283.—«Hist. Tribulat.» (loc. cit.,294—5).—Franz Ehrle, «Archiv für Litt.- und Kirchengeschichte», 1886 г., стр. 383, 389; 1887 г., стр. 417—27, 429, 433, 438, 534.—Raym. de Fronciacho (Archiv f. Lit.- und Kirchengesch.» 1887 г. стр. 15).

Обыкновенно смерть Оливи относятъ къ 1297 г.; но въ «Transitus Sancti Patris», одной изъ наиболѣе любимыхъ книгъ его учениковъ, говорится, что смерть его послѣдовала въ пятницу 14 марта 1297 г. (Bernard. Guidon. «Practica», P. V), а 14 марта приходилось въ пятницу въ 1298 г. Привычка начинать годъ съ Пасхи объясняетъ подстановку 1297-го года вмѣсто 1298-го.

Думаютъ, что кости его были вырыты и сожжены черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ его погребенія по распоряженію генерала Джованни ди Муро (Tocco, op. cit., 503). Ваддингъ утверждаетъ даже, что его вырывали два раза (ann. 1297, № 36). Эмерикъ упоминаетъ преданіе, что останки его были унесены въ Авиньонъ и тамъ почью брошены въ Рейнъ (Eymerici «Direct. Inquis.», 313). Поклоненіе, которое оказывали его останкамъ, показываетъ, что это преданіе не имѣетъ основанія. Бернаръ Ги, высшій авторитетъ, на который можно сослаться въ данномъ случаѣ, комментируя «Transitus», говоритъ, что останки Оливи были перенесены въ 1328 г. и скрыты въ никому неизвѣстномъ мѣстѣ; несомнѣнно, это было сдѣлано учениками, желавшими не допустить осквернения останковъ ихъ учителя вырытіемъ ихъ изъ могилы.

Библиотека "Руниверс"

было часто встрѣтить у схоластиковъ того времени. Кромѣ того, эти заблужденія были отмѣчены, но не только не были приписаны Оливи, но даже не было упомянуто его имени; и его непосредственные ученики отрицали, что онъ раздѣлялъ эти заблужденія. Однако, одно изъ нихъ сдѣлалось одно время какъ бы schibboleth'омъ среди оливистовъ; оно состояло въ утвержденіи, что Христосъ жилъ еще на крестѣ, послѣ того какъ былъ пронзенъ копьемъ. Полагали, что первоначальное сообщеніе объ этомъ у Матвѣя отличалось отъ версіи, данной Іоанномъ, и что текстъ Матвѣя былъ измѣненъ ради соглашенія съ текстомъ Іоанна. Другіе вопросы, касающіеся ученій Оливи, были предметомъ спора передъ отцами собора между обвинителемъ Бонаграціей изъ Бергама и защитникомъ Убертино изъ Казале; затѣмъ соборъ предоставилъ францисканцамъ свободу примкнуть къ той или другой сторонѣ, что, повидимому, казалось ему дѣломъ второстепенной важности. Такимъ образомъ, соборъ не осудилъ ни самого покойнаго, ни его сочиненій.

Въ этомъ увидѣли признаніе вѣрности Оливи католической религіи, какъ это свидѣтельствуетъ энтузіазмъ, которымъ сопровождалось празднованіе его памяти въ Нарбоннѣ въ 1313 г.; по этому поводу въ городъ собралось столько же паломниковъ, какъ въ годовщину индульгенціи Порціункула. Кромѣ того, когда пылъ спора утихъ, то вызванное имъ осужденіе книгъ Оливи папою Іоанномъ XXII было около конца XV в. снято Сикстомъ IV. Отсюда мы въ правѣ заключить, что въ ученіяхъ спиритуала, дѣйствительно, не было ничего революціоннаго. Однако, вскорѣ послѣ его смерти всѣ францисканцы Прованса должны были подписаться подъ отреченіемъ отъ его заблужденій, среди которыхъ было и касающееся раны Христа, но не было упомянуто о болѣе тяжелыхъ погрѣшностяхъ ученія, приписанныхъ ему позднѣе [1]).

Съ другой стороны, несомнѣнно, Оливи, какъ во Франціи, такъ и въ Италіи, былъ дѣйствительно ересіархомъ спиритуаловъ, видѣвшихъ въ немъ прямого преемника Іоахима и Франциска. Historia Tribulationum полагаетъ, что она нашла въ пророчествахъ, приписываемыхъ Іоахиму, предсказаніе всѣхъ событій жизни Оливи. Пылкіе спиритуалы, раздѣлявшіе мятежное ученіе Вѣчнаго Евангелія, утверждали передъ Инквизиціей, что третій періодъ Церкви начался съ Оливи, который, такимъ образомъ, замѣстилъ самого даже Франциска; Оливи былъ вдохновленъ свыше; ученіе его было открыто ему въ Парижѣ, говорили нѣкоторые его послѣдователи, пока онъ мылъ себѣ руки. По мнѣнію другихъ, вдохновеніе осѣнило его въ церкви около третьяго часа дня. Поэтому его сочиненія имѣли такое же значеніе, какъ творенія св. Павла, и Церковь должна строго повиноваться имъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что враги его дѣлали его отвѣтственнымъ за крайности людей, питавшихъ къ нему столь чрезмѣрное поклоненіе и видѣвшихъ въ немъ своего главу и наставника [2]).

Когда Оливи умеръ, его старый судья Джованни ди Мурро былъ генераломъ ордена. Послѣдній, какъ ни были сильны его личныя аскетическія убѣжденія, поторопился окончить дѣло, которое ему не удалось раньше довести до конца. Онъ осудилъ память Оливи какъ еретика и потребовалъ выдачи всѣхъ его сочиненій указомъ, который исполнялся съ неумолимой суровостью, и которому слѣдовалъ его преемникъ, Гонсальво да Бальбоа. Понсъ Ботугати, монахъ замѣчательно благочестивый и краснорѣчивый, отказался выдать запрещенныя

[1]) Wadding. ann. 1291, № 13; ann. 1297, № 35; ann. 1312, № 4.—Lib. Sentent. Inquis. Tolosan. 306, 319.—Coll. Doat, XXVII, fol. 7 и слѣд.—Lib. I. Clement. I, 1.—Tocco, op. cit., 509—10.—Mss. Bib. Nat. fonds latin, № 4270, fol. 168.—Franz Ehrle (ubi supra, 1885 г., стр. 544; 1886 г., стр. 389—98, 402—5; 1887 г., стр. 449, 491).—Raymond de Fronciacho («Archiv», 1887 г., стр. 17).

Застарѣлая ненависть конвентуаловъ была еще достаточно сильна въ 1400 г., чтобы добиться отъ капитула, бывшаго въ Терни, запрещенія подъ страхомъ тюремнаго заключенія членамъ ордена имѣть у себя книги Оливи.—Franz Ehrle (ubi supra, 1887 г., стр. 457—8).

[2]) «Hist. Tribulationum» (loc. cit., 288—89).—Coll. Doat, XXVII, fol. 7 и слѣд.—Lib. Sentent. Inquis. Tolosan., 306, 308.—Bernard. Guidon. «Practica», P. I.

Библиотека "Руниверс"

книги и былъ прикованъ къ стѣнѣ сырой и смрадной башни, куда ему давали понемногу воды и хлѣба; здѣсь онъ гнилъ до самой своей смерти въ нечистотахъ до того, что, когда поспѣшно безъ отпѣванія зарывали его тѣло въ яму, то замѣтили, что мясо мѣстами было источено червями. Много другихъ упорствующихъ было также заключено въ тюрьму, и съ ними обходились почти такъ же безчеловѣчно. На генеральномъ капитулѣ, бывшемъ послѣ этого, было оффиціально запрещено чтеніе сочиненій Оливи; но много зажигательныхъ сочиненій, прямо или косвенно приписываемыхъ покойному, ходило по рукамъ, какъ это видно изъ каталога книгъ оливистовъ, въ которыхъ затрагивались весьма опасные вопросы, какъ, напр., вопросъ о правѣ папы разрѣшать обѣты, о законности требованій безусловнаго повиновенія въ дѣлѣ вѣры и нравственности, и нѣкоторыя другія положенія, проникнутыя духомъ мятежа [1]).

Наиболѣе споровъ и отзывовъ прямо противоположныхъ вызвали комментаріи Оливи на Апокалипсисъ, и изъ этого именно сочиненія были извлечены главныя положенія, послужившія къ его осужденію. Инквизиціонный приговоръ отъ 1318 г. показываетъ, что въ это время сочиненія спиритуала были по распоряженію Іоанна XXII снова подвергнуты просмотру. Ихъ считали источникомъ всѣхъ заблужденій, исповѣдуемыхъ тогда сектантами на кострѣ, а изъ всѣхъ этихъ сочиненій особенно опаснымъ считалось Толкованіе Апокалипсиса. Поэтому до рѣшенія папы никто не имѣлъ права считать Оливи святымъ или даже католикомъ. Когда въ 1319 г. было составлено восемью магистрами богословія донесеніе, клонившееся къ осужденію, то спиритуалы полагали, что оскорбленіе, нанесенное, такимъ образомъ, вѣрѣ, лишало всякой силы таинство евхаристіи. Однако, оффиціальное рѣшеніе было вынесено только 8 февраля 1326 г.: послѣ тщательнаго разсмотрѣнія книги консисторіей Іоаннъ XXII осудилъ Толкованіе Апокалипсиса, а генеральный капитулъ ордена запретилъ читать и имѣть это сочиненіе. Одинъ изъ отзывовъ экспертовъ дошелъ до насъ. Невозможно допустить, чтобы эти люди могли умышленно сочинить выдержки, на которыхъ они основали свои заключенія; эти выдержки ясно показываютъ, что сочиненіе это было отголоскомъ самыхъ опасныхъ ученій Вѣчнаго Евангелія. Пятый періодъ времени приходитъ къ концу: подъ мистической фигурой антихриста скрываются пророчества, касающіяся лже-папы, лже-Мессіи, лже-пророковъ, причемъ они составлены въ такихъ выраженіяхъ, что ясно надо понимать подъ ними римскую іерархію. Лже-папу можно будетъ узнать по его еретическимъ взглядамъ на совершенство евангельской бѣдности (какъ мы увидимъ ниже—это дѣло Іоанна XXII). Пророчества о Фридрихѣ II, приписываемыя Іоахиму, приводятся для того, чтобы показать, какъ будутъ изгнаны прелаты и духовенство, запрещающіе уставъ Франциска. Плотская Церковь—Великая Вавилонская Блудница; она опьяняетъ и развращаетъ народъ своимъ скотскимъ состояніемъ и угнетаетъ рѣдкихъ оставшихся еще праведниковъ, какъ нѣкогда угнетало ихъ языческое идолопоклонство. Черезъ сорокъ поколѣній, послѣ жатвы апостоловъ, наступитъ новая жатва евреевъ и всего міра. Эта жатва будетъ убрана Евангелическимъ Орденомъ, къ которому перейдетъ вся власть. Наступятъ шестой и седьмой періоды, послѣ которыхъ настанетъ день Страшнаго Суда. Высчитать точно этотъ день нельзя, но шестой періодъ начнется въ концѣ XIII вѣка. Церковь плотская, или Вавилонъ, погибнетъ, и начнется торжество Церкви духовной [2]).

[1]) «Hist. Tribulationum» (loc. cit., 300—1).—Tocco, op. cit., 489—91, 503—4.

Ваддингъ (ann. 1297, №№ 33—35) видитъ въ Понсѣ Ботугати святого Понса Карбонелли, славнаго наставника святого Людовика Тулузскаго. Францъ Эрле («Archiv f. Litt.- und Kirchengeschichte», 1886 г., стр. 300) говоритъ, что онъ не могъ найти никакихъ доказательствъ тожественности этихъ двухъ лицъ. Съ другой стороны, авторъ «Historia Tribulat.», давая отчетъ объ этомъ событіи и не пропуская ни одной подробности, не упустилъ бы столь важнаго для него факта.

[2]) Baluz. et Mansi, II, 249—50.—Bernar. Guidon. «Practica» P. V.—Doat, XXVII, fol. 7 и слѣд.—Bern. Guidon. «Vit. Johann. PP. XXII» (Muratori, «S. R. I.» III, II, 491).—Wadding. ann. 1325, № 4.—Alvar. Pelag. «de Planctu Eccles.» lib. II, art. 59.—Baluz. et Mansi, II, 266—70.

Библиотека "Руниверс"

Историки долгое время думали, что это воскресеніе Вѣчнаго Евангелія было дѣломъ Оливи. Но послѣдніе годы его жизни ясно показываютъ, что онъ не могъ выдвинуть подобныхъ зажигательныхъ ученій; это же подверждается молчаніемъ Вьеннскаго собора относительно этого, между тѣмъ какъ соборъ послѣ продолжительныхъ дебатовъ между друзьями и врагами Оливи осудилъ его другія неважныя заблужденія. Впрочемъ, Бонаграція отъ имени конвентуаловъ ожесточенно нападалъ на память Оливи и составилъ длинный списокъ заблужденій, упоминая мимоходомъ о нѣкоторыхъ пророчествахъ Толкованія Апокалипсиса и о названіи Церкви Великою Блудницею. Если бы приведенныя выше мѣста существовали, то обвинитель подробно остановился бы на нихъ, чтобы сдѣлать невозможной всякую защиту. Однако, Убертино, отвѣчая Бонаграціи, заявилъ, что обвиненіе совершенно ложно; Оливи, сказалъ онъ, всегда говорилъ съ величайшимъ уваженіемъ о Церкви и Св. Престолѣ; само Толкованіе кончалось выраженіемъ благоговѣнія передъ владычицей вселенной, римской Церковью, и въ самомъ сочиненіи Св. Престолъ неоднократно называется престоломъ Бога и Христа; тамъ сказано, что Церковь Воинствующая и Церковь Торжествующая суть престолы Бога и будутъ существовать до конца временъ, тогда какъ осужденныя Церкви суть Вавилонъ и Великая Блудница. Нельзя допустить, чтобы Убертино неправильно цитировалъ эти мѣста, такъ какъ Бонаграція весьма легко уличилъ бы его, и Вьеннскій соборъ вынесъ бы совершенно другое рѣшеніе. Изъ достовѣрнаго источника мы знаемъ, что мятежныя ученія, обыкновенно приписываемыя Оливи, раздѣлялись людьми, которые сами себя считали его учениками и были таковыми въ глазахъ другихъ; но можно предполагать, что эти люди, вдохновленные своею ересью въ дурную сторону, дѣлали вставки въ Толкованіе, прикрывая, такимъ образомъ, свои мистическія бредни авторитетомъ имени своего учителя [1]).

Послѣ смерти Оливи францисканскія власти, повидимому, поняли невозможность уничтожить секту, быстро распространявшуюся и принимавшую правильное устройство по всему Лангедоку. Неизвѣстная причина (быть-можетъ, ревность къ доминиканцамъ) помѣшала конвентуаламъ обратиться за помощью къ Инквизиціи. Съ своей стороны, инквизиторы не желали, повидимому, выступать противъ враговъ непріятельскаго ордена. Однако, обратились къ авторитету духовенства, и въ 1299 г. архіепископъ нарбонскій Эгидій собралъ въ Безье провинціальный синодъ, на которомъ были осуждены бегины обоего пола, которые подъ руководствомъ ученыхъ членовъ одного уважаемаго ордена (францисканцевъ) предавались религіознымъ упражненіямъ, не предписаннымъ Церковью, носили отличительныя одежды, накладывали на себя епитиміи и необыкновенныя воздержанія, предписывали обѣты цѣломудрія, иногда умѣренно соблюдавшіеся, устраивали ночныя тайныя сборища, посѣщали еретиковъ, предвѣщали близость конца міра и утверждали, что царство антихриста уже началось. Они уже произвели много соблазновъ; надо было бояться еще бо́льшихъ волненій. Епископамъ было приказано начать, каждому въ своей епархіи, внимательный розыскъ этихъ сектантовъ и уничтожать ихъ. Эти мѣры показываютъ быстрое развитіе новой ереси, основанной на Вѣчномъ Евангеліи, поддерживаемой францисканцами ригористами и широко распространенной среди населенія; для такого распространенія ея въ массѣ терціаріи представляли особыя преимущества. Ниже мы увидимъ, что тѣ, кого вообще

---

[1]) Franz Ehrle («Archiv f. Litt.- und Kirchengesch.», 1886 г., стр. 368—70, 407—9).—Wadding. ann. 1297, №№ 36—47.—Baluz. et Mansi, II, 276.

Tocco («Archivio Storico Italiano», T. XVII, № 2; ср. Franz Ehrle, «Archiv für Litt.- und Kirchengesch.», 1887 г., стр. 493) недавно нашелъ въ Лаврентіанской Библіотекѣ рукопись «Комментаріи на Апокалипсисъ» Оливи. Въ книгѣ содержатся всѣ мѣста, приведенныя въ осужденіи, откуда ясно, что комиссія, которой было поручено разсмотрѣть это сочиненіе, не выдумала отъ себя цитатъ. Но такъ какъ эта рукопись относится къ XV в., то открытіе ея нисколько не ослабляетъ нашей гипотезы относительно вставокъ, сдѣланныхъ учениками послѣ его смерти.

Библиотека "Руниверс"

называли бегинами, были, по большей части, терціаріями, а иногда даже членами ордена. Однако, никакое личное побужденіе не могло заставить епископовъ дѣйствовать строго противъ людей, главнымъ религіознымъ требованіемъ которыхъ было отреченіе отъ земныхъ благъ. Поэтому можно думать, что соборъ не привелъ ни къ чему; единственно, что онъ сдѣлалъ, это то, что онъ оправдалъ преслѣдованіе внутри самого ордена. Мірскіе бегины, несомнѣнно, пользовались на практикѣ неприкосновенностью, тогда какъ монахи спиритуалы продолжали терпѣть со стороны своихъ высшихъ притѣсненія, для которыхъ монастырская жизнь давала массу предлоговъ. Такъ, напр., въ Вильфраншѣ Раймундъ Оріоль и Жанъ Примъ, отказавшіеся признать, что ихъ обѣты позволяютъ свободно пользоваться мірскими вещами, были заключены въ тюрьму, закованы въ цѣпи и лишены пищи; когда же Раймундъ умиралъ, то ему отказали въ причастіи какъ еретику; Жану съ трудомъ удалось выйти живымъ изъ своей темницы [1]).

Такимъ образомъ, окончился этотъ печальный XIII в., видѣвшій такъ много не осуществившихся высокихъ стремленій, такъ много блестящихъ мечтаній, разсѣявшихся какъ видѣніе, такъ много обманутыхъ надеждъ. Разумъ человѣческій проснулся, но совѣсть спала еще, за исключеніемъ весьма немногихъ людей, которые обыкновенно платили своимъ спокойствіемъ или своею жизнью за преждевременныя безпокойства совѣсти. Этотъ странный вѣкъ, окончивъ свое теченіе, оставилъ своему преемнику въ наслѣдство широкій прогрессъ въ умственной дѣятельности, но въ духовной области прогресса не было никакого. Всѣ попытки поднять идеалъ человѣчества кончились печально. Общество было болѣе жестоко и болѣе грубо, болѣе низменно и болѣе привязано къ вещественнымъ благамъ, чѣмъ когда-либо прежде. Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что Инквизиція много содѣйствовала этому своею неутолимой жаждой наказаній, своимъ стремленіемъ водворить всюду чистовнѣшнее правовѣріе, своимъ нерадѣніемъ относительно злоупотребленій Церкви и ея испорченности. Печальное состояніе этого вѣка усилій и страданій какъ бы символизовано въ двухъ папахъ, жившихъ въ началѣ и въ концѣ вѣка, въ лицѣ Иннокентія III и въ лицѣ его извращеннаго изданія, Бонифація VIII. Очень распространенная поговорка того времени гласила о немъ: «онъ пришелъ какъ лисица; царствовалъ какъ левъ; умеръ какъ песъ». По своему умственному развитію и образованію Бонифацій былъ выше своего прототипа; своею высокомѣрною гордостью онъ былъ равенъ ему; по искренности, по преданности, по возвышенности плановъ, однимъ словомъ по всему тому, что облагораживаетъ честолюбіе, онъ былъ гораздо ниже его. Нѣтъ ничего удивительнаго, что апокалиптическія умозрѣнія іоахизма снова овладѣли умами людей, которые не могли примирить нравственную пустыню, въ которой имъ приходилось жить, съ ихъ представленіемъ о божескомъ Провидѣніи. Они находили невозможнымъ, чтобы Богъ допустилъ такъ упорно держаться этой ужасной испорченности, охватившей Церковь, а черезъ Церковь заражавшей все общество. Излѣчить или даже только ослабить эти злоупотребленія было не по силамъ нѣсколькимъ горячимъ ревнителямъ; надо было, чтобы божеское вмѣшательство создало новый міръ, гдѣ жили бы одни только избранные, и было бы царство аскетической нищеты и всеобщей любви.

Однимъ изъ самыхъ энергичныхъ и горячихъ миссіонеровъ этой вѣры былъ Арнольдъ де Виллануэва. Недавно, благодаря разслѣдованіямъ сеньора Пелайо, мы получили возможность близко узнать этого человѣка, бывшаго, быть-можетъ, самой замѣчательной личностью своего времени. Какъ врачъ, онъ не имѣлъ соперника; короли и папы на перебой искали его помощи; его многотомныя работы по медицинѣ и гигіенѣ были шесть разъ перепечатаны въ теченіе XVI в., не говоря уже о многочисленныхъ спеціальныхъ трактатахъ, изданныхъ имъ. Онъ занимался химіей, но не установлено достовѣрно его участіе

[1]) Concil. Biterrens. ann. 1299, c. 4 (Martène, «Thesaur.», IV, 226).—Ubertini «Declaratio» («Archis für Litt.- und Kirchengesch.», 1887 г., стр. 183—84).

Библиотека "Руниверс"

въ нѣсколькихъ полезныхъ открытіяхъ. Онъ былъ алхимикомъ, и говорили, что онъ дѣлалъ золотые слитки при дворѣ Роберта Неаполитанскаго, большого покровителя этой науки. Его трактаты по алхиміи были включены въ собраніе работъ этого рода, перепечатанныхъ даже въ XVIII в. Знакомый съ арабскимъ и еврейскимъ языками, онъ перевелъ сочиненія Косты бенъ Луки о чарованіяхъ, наузахъ и другихъ пріемахъ магіи. Онъ оставилъ сочиненія по астрономіи и снотолкованіямъ, такъ какъ прекрасно зналъ искусство объяснять сны, а также по землемѣрію и винодѣлію. Онъ выработалъ для Фридриха Сицилійскаго законы, которые этотъ дальновидный монархъ опубликовалъ и пустилъ въ дѣйствіе. Арнольдъ показалъ себя добросовѣстнымъ государственнымъ мужемъ въ тѣхъ совѣтахъ, которые онъ далъ Фридриху и брату его Іакову II Арагонскому относительно ихъ обязанностей какъ монарховъ. Однажды Іаковъ попросилъ Арнольда объяснить ему сонъ; Арнольдъ не ограничился этимъ, но началъ представлять ему, что первая обязанность государя оказывать справедливость сначала бѣднымъ, а потомъ богатымъ. Онъ спросилъ Іакова, сколько разъ онъ давалъ аудіенцію бѣднымъ; король сказалъ, что онъ принимаетъ ихъ разъ въ недѣлю и, кромѣ того, выслушиваетъ ихъ жалобы во время своихъ прогулокъ. Тогда Арнольдъ обратился къ нему съ суровыми упреками. Король, говорилъ онъ, стремится къ погибели; богатый имѣетъ доступъ къ нему весь день, утромъ, въ полдень и вечеромъ; бѣдный же рѣдко допускается къ нему; Іаковъ относится къ Богу, какъ свинья св. Антонія, питавшаяся тѣмъ, отъ чего всѣ отказывались. Если онъ хочетъ получить спасеніе, то долженъ посвятить себя бѣднымъ; въ противномъ случаѣ, несмотря на поученія Церкви, ни псалмы, ни обѣдни, ни посты, ни даже милостыни не спасутъ его. Такимъ образомъ, Арнольдъ былъ для Іакова не только врачемъ, но и совѣтникомъ, говорившимъ громко и твердо; не разъ короли Арагоніи и Сициліи давали ему дипломатическія порученія [1]).

Какъ ни были многочисленны его занятія, они поглощали только часть его неутомимой энергіи. Посвящая Роберту Неаполитанскому свою работу по землемѣрію, онъ такъ рисуетъ самого себя:

Yeu, Arnaut de Vilanova...
Doctor en leys et en decrets,
Et en sciensa de stroloinia,
Et en l'art de medicina,
Et en la santa teulogia.

Хотя онъ былъ міряниномъ, женатымъ и отцомъ семейства, излюбленнымъ его предметомъ было богословіе, которое онъ изучилъ у доминиканцевъ въ Монпелье. Въ 1292 г. онъ выступилъ съ своимъ первымъ трудомъ о Tetragrammaton, или таинственномъ имени Іеговѣ, въ которомъ онъ старался найти естественное объясненіе тайны Св. Троицы. Пустившись въ подобныя умозрѣнія, онъ скоро сдѣлался убѣжденнымъ іоахитомъ. Человѣкъ столь высокихъ нравственныхъ стремленій, сердца, такъ широко открытаго для состраданія, долженъ былъ испытывать ужасъ при видѣ испорченности и жестокости своихъ современниковъ, въ особенности преступленій, совершенныхъ лицами духовнаго званія, изъ которыхъ худшими въ его глазахъ были нищенствующіе монахи. Онъ безпощадно бичевалъ ихъ пороки и естественно впадалъ въ умозрѣнія іоахитовъ и предвѣщалъ близкое пришествіе антихриста и дня Страшнаго Суда. Въ многочисленныхъ сочиненіяхъ, написанныхъ на латинскомъ и народномъ языкахъ, онъ объяснялъ книги Іоахима и дошелъ до утвержденія, что откровенія Кирилла дороже всего Св. Писанія. Его великодушный характеръ не могъ не сочувствовать преслѣдуемымъ спиритуаламъ, и онъ смѣло выступилъ

[1]) Pelayo, «Heterodoxos Españoles», I, 450–61, 475, 590—91, 726—27, 772.—M. Flac. Illyr. «Cat. Test. Veritatis», стр. 1732 и слѣд. (изд. 1603 г.).

Библиотека "Руниверс"

на ихъ защиту въ различныхъ трактатахъ. Когда въ 1309 г. Фридрихъ Сицилійскій попросилъ его объяснить ему одинъ сонъ, то онъ воспользовался этимъ, чтобы привлечь сострадание монарха къ гонимымъ монахамъ. Онъ разсказалъ Фридриху, что, когда эти несчастные захотѣли обратиться къ св. Престолу, ихъ собратья начали преслѣдовать ихъ и избивать, и что евангельская нищета считается однимъ изъ самыхъ большихъ преступленій. Онъ также воспользовался своимъ вліяніемъ при Неаполитанскомъ дворѣ, и только благодаря ему гонимые нашли здѣсь себѣ убѣжище [1]).

При своемъ порывистомъ характерѣ онъ не могъ оставаться въ сторонѣ отъ ожесточенной борьбы, свирѣпствовавшей въ это время. До конца еще XIII в. онъ обратился къ доминиканцамъ и францисканцамъ Парижа, къ королямъ Франціи и Арагоніи и даже къ коллегіи кардиналовъ съ письмами, возвѣщая близкій конецъ міра. Испорченные нравственно католики и духовенство въ частности были членами антихриста, приходъ котораго близокъ. Эти заявленія вызвали горячій споръ, во время котораго обѣ партіи относились другъ къ другу безъ всякаго милосердія. Послѣ чернильной войны каталонскіе доминиканцы формально обвинили Арнольда передъ жиронскимъ епископомъ. Арнольдъ заявилъ, что эти монахи не имѣютъ никакого права преслѣдовать его судебнымъ порядкомъ, такъ какъ это еретики и сумасшедшіе, собаки и обманщики. Онъ самъ вызывалъ ихъ на судъ папы на слѣдующій Великій постъ. Несомнѣнно, покровительство короля спасло его отъ костра, покаравшаго много менѣе дерзкихъ контроверсистовъ. Когда въ 1300 г. король Іаковъ послалъ его съ порученіями къ Филиппу Красивому, то смѣлый ересіархъ представилъ парижскому университету свою работу о пришествіи антихриста. Богословы косо посмотрѣли на эту книгу; и наканунѣ своего отъѣзда, несмотря на свою неприкосновенность посла, Арнольдъ былъ по указу Св. Трибунала арестованъ даже безъ предварительнаго извѣщенія. Заступничество Нарбоннскаго архіепископа не привело ни къ чему. Узникъ выпущенъ былъ на волю только тогда, когда представилъ залогъ въ 3000 ливровъ, собранный нарбоннскимъ виконтомъ и другими друзьями. Затѣмъ онъ предсталъ предъ магистрами богословія и подъ страхомъ тюремнаго заключенія долженъ былъ отречься отъ своихъ положеній, причемъ ему не разрѣшили даже защищаться. Онъ сообщаетъ (и мы можемъ смѣло вѣрить ему), что среди самыхъ горячихъ его судей былъ одинъ францисканецъ, ревность котораго, несомнѣнно, воспламенило появленіе новаго Оливи, рожденнаго на этомъ югѣ, столь обильно производившемъ ересіарховъ [2]).

Арнольдъ подалъ оффиціальную жалобу Бонифацію, а затѣмъ лично явился къ папскому двору. Сначала его встрѣтили насмѣшками, но потомъ его упорство вызвало строгости. Какъ рецидивистъ, онъ подлежалъ сожженію, но ограничились тѣмъ, что его заключили въ тюрьму и заставили отречься вторично, что не помѣшало Филиппу Красивому въ 1303 г. на собраніи въ Луврѣ при обвиненіи Бонифація въ ереси поставить папѣ въ вину одобреніе книги Арнольда, сожженной передъ этимъ по приказанію короля и парижскаго университета. На самомъ дѣлѣ Бонифацій настолько уважалъ въ Арнольдѣ врача, что выпустивъ его изъ тюрьмы,даже сдѣлалъ его своимъ придворнымъ медикомъ, но приказалъ ему отнынѣ совершенно прекратить занятія богословіемъ. Нѣкоторое время Арнольдъ сидѣлъ спокойно, но повелѣніе свыше заставило его выступить снова на сцену. Онъ торжественно предупредилъ Бонифація, что его постигнетъ божеское мщеніе, если онъ упорно будетъ пренебрегать своею обязанностью—отвратить неминуемый гнѣвъ Божій проведеніемъ полной реформы Церкви. Вскорѣ послѣ этого предсказанія послѣдовала катастрофа Ананьи, и Арнольдъ, покинувшій папскій дворъ, естественно,

[1]) Pelayo, op. cit., I, 454, 458, 464—66, 468—69, 730—31, 779.—Franz Ehrle, «Archiv für Litt.- und Kirchengeschichte», 1886 г., стр. 327—28.

[2]) Pelayo, op. cit., I 460 464—68, 739—45.

Библиотека "Руниверс"

увидалъ въ этомъ событіи подтвержденіе своего пророчества. Съ этого времени онъ сталъ считать себя посланникомъ Бога. Въ горячемъ изложеніи пороковъ духовенства онъ возобновилъ свое предупрежденіе передъ Бенедиктомъ XI, который отвѣтилъ на это наложеніемъ епитиміи на пророка и арестомъ всѣхъ его апокрифическихъ сочиненій. Приблизительно черезъ мѣсяцъ Бенедиктъ умеръ. Арнольдъ возвѣстилъ, что третье посланіе получитъ преемникъ покойнаго папы. «Мнѣ не открыто,—говорилъ онъ,—кто и когда принесетъ это слово; но я знаю, что если папа исполнитъ его, то Богъ украситъ его самыми блестящими дарами; если же онъ отвергнетъ этотъ совѣтъ, то Богъ покараетъ его такимъ страшнымъ судомъ, что весь міръ будетъ пораженъ удивленіемъ» [1]).

Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ мы теряемъ Арнольда изъ виду; но плодовитое перо его работало съ жаромъ и почти безъ перерыва. Церковь тщетно пыталась уничтожить его сочиненія. Въ 1305 г. инквизиторъ Валенсіи Гильермо отлучилъ отъ Церкви и выгналъ служителя короля Іакова Гамбальдо де Пилисъ, виновнаго въ томъ, что онъ имѣлъ эти сочиненія и распространялъ ихъ. Король потребовалъ отъ инквизитора объясненій причинъ, вызвавшихъ эту мѣру; а такъ какъ инквизиторъ отказался дать какія-либо объясненія, то Іаковъ написалъ гнѣвное письмо генералу доминиканцевъ Эмерику. Король писалъ, что сочиненія Арнольда жадно читаются имъ, королевой, дѣтьми, архіепископами, епископами, духовенствомъ и мірянами. Онъ требовалъ, чтобы приговоръ былъ отмѣненъ, какъ противорѣчащій каноническому закону; въ противномъ случаѣ онъ грозилъ строго наказать Гильермо и предупреждалъ, что его недовольство тяжело отразится на всѣхъ доминиканцахъ въ его владѣніяхъ. По всей вѣроятности, это расположеніе короля спасло Арнольда, когда ему грозилъ костеръ въ С.-Христинѣ, и онъ отдѣлался отъ этой непріятности только простымъ клеймомъ некроманта и чародѣя, еретика и папы еретиковъ [2]).

Когда преслѣдованіе спиритуаловъ въ Провансѣ было въ полномъ разгарѣ, Арнольдъ добился, что Карлъ Хромой Неаполитанскій, графъ Прованса, послалъ письмо къ генералу ордена Геральду, который на нѣкоторое время пріостановилъ или смягчилъ преслѣдованіе. Въ 1309 г. мы находимъ Арнольда въ Авиньонѣ, куда онъ былъ посланъ съ порученіемъ отъ Іакова II Арагонскаго, и гдѣ его хорошо принялъ Климентъ V, высоко цѣнившій его за медицинскія знанія. Арнольдъ ловко воспользовался своимъ положеніемъ, убѣдилъ тайно папу вызвать вождей спиритуаловъ, чтобы узнать отъ нихъ, устно или письменно, что было предметомъ ихъ жалобъ, и какія реформы хотѣли бы они для своего ордена. Въ отношеніи своихъ личныхъ дѣлъ онъ не былъ такъ счастливъ. Въ октябрѣ 1309 г. публично передъ папою и кардиналами онъ предсказалъ, что конецъ міра наступитъ въ теченіе этого столѣтія, и что антихристъ появится въ первыя сорокъ лѣтъ. Онъ подробно остановился на нравственномъ паденіи духовенства и мірянъ и горько жаловался на преслѣдованіе, которому подвергаются люди, желающіе жить въ евангельской нищетѣ. Это ожидали услышать отъ него; но онъ поступилъ невѣроятно нескромно, прочтя при этомъ подробное сообщеніе о сновидѣніяхъ Іакова II и Фридриха Сицилійскаго, причемъ изложилъ сомнѣнія этихъ монарховъ и объясненія и увѣщанія, которыя далъ онъ имъ по этому поводу. Это были вещи такого же тайнаго и святого характера, какъ исповѣдь кающагося. Кардиналъ Наполеонъ Орсини, покровитель спиритуаловъ, написалъ Іакову и благодарилъ его за набожность, которую раскрылъ магистръ Арнольдъ, этотъ мудрый и

---

[1]) Pelayo, op. cit. I, 470—74, 729, 734.—D'Argentré, I, II, 417.—Du Puy, «Histoire du Différend», Pr. 103.

Однимъ изъ обвиненій, предъявленныхъ въ 1319 г. противъ Бернара Делисье, было то, что онъ послалъ Арнольду нѣкоторыя магическія формулы, чтобы навести порчу на папу Бенедикта. Былъ даже найденъ свидѣтель, готовый подъ присягой подтвердить, что этимъ именно была вызвана смерть папы.—Mss. Bib. Nat. fonds latin, № 4270, fol. 12, 50, 51, 61.

[2]) Pelayo, op. cit., I, 481, 772.

Библиотека "Руниверс"

СОЖЖЕНІЕ ЕРЕТИЧЕСКИХЪ КНИГЪ.

Библиотека "Руниверс"

просвѣщенный мужъ, воспламеняемый любовью къ Богу. Но этотъ шагъ не могъ отвратить бури. Кардиналъ де Порто и доминиканскій провинціалъ Арагоніи, Рамонъ Ортизъ, поспѣшили растолковать Іакову, что Арнольдъ представилъ обоихъ монарховъ людьми нетвердыми въ вѣрѣ и вѣрящими въ сны. Они совѣтовали королю Арагоніи не отправлять въ качествѣ своего посланника еретика, подобнаго Арнольду. Гордость Іакова была глубоко поражена. Напрасно самъ Климентъ успокаивалъ его, ручаясь, что онъ не обращаетъ никакого вниманія на слова Арнольда. Король написалъ папѣ, кардиналамъ и своему брату письмо, въ которомъ отрицалъ разсказъ о сновидѣніи и называлъ Арнольда обманщикомъ. Фридрихъ не былъ такимъ щекотливымъ; онъ написалъ Іакову, что разсказъ о сновидѣніи не можетъ нисколько повредить имъ, а что дѣйствительнымъ позоромъ для нихъ будетъ оставить Арнольда въ минуту опасности. Онъ предложилъ убѣжище своему старому совѣтнику, а немного позднѣе снова послалъ его съ порученіями въ Авиньонъ. Арнольдъ умеръ дорогою. Точный день его смерти намъ не извѣстенъ, но достовѣрно, что смерть послѣдовала раньше февраля 1311 г. Климентъ сожалѣлъ о немъ изъ чисто-эгоистическихъ побужденій. Онъ издалъ буллу, въ которой объявлялъ, что Арнольдъ былъ его медикомъ и обѣщалъ ему очень полезную книгу, что авторъ умеръ, не сдержавъ своего обѣщанія, и поэтому, если у кого-либо есть это драгоцѣнное сочиненіе, ему предлагалось передать его папѣ [1]).

Вмѣшательство Арнольда зажгло въ сердцахъ спиритуаловъ надежду на неожиданное освобожденіе. Отъ Лангедока до Венеціи и Флоренціи они терпѣли самое ужасное преслѣдованіе; ихъ бросали въ башни, гдѣ они умирали отъ голода; имъ чинили безчисленныя притѣсненія, къ которымъ монастырская жизнь давала тысячу предлоговъ. Арнольдъ убѣждалъ Климента энергичнымъ усиліемъ прекратить схизму въ орденѣ и заставить умолкнуть обвиненія, которыя конвентуалы возводили на своихъ собратьевъ. Случай къ этому представился. Граждане Нарбонны подали папѣ жалобу, въ которой утверждали, что книги Оливи были осуждены неправильно, что уставъ ордена въ пренебреженіи, и люди, соблюдающіе его, дѣлаются жертвами преслѣдованія. Кромѣ того, они просили, чтобы Св. Престолъ разрѣшилъ почитаніе останковъ Оливи. Комиссіи изъ видныхъ лицъ было поручено разслѣдовать вѣру Анджело да Кларино и его учениковъ, устроившихся недалеко отъ Рима. Всѣ эти люди были признаны хорошими католиками. Знаменитые спиритуалы, какъ бывшій генералъ Раймундъ Гофриди, духовный вождь секты Убертино да Казале, бывшій провинціалъ Арагоніи Раймундъ де Гиніакъ, Ги де Мирпуа, Бартоломео Сикарди и нѣкоторые другіе были вызваны въ Авиньонъ, гдѣ имъ предложили составить списокъ тѣхъ пунктовъ, въ которыхъ, по ихъ мнѣнію, необходима реформа ордена. Чтобы дать имъ возможно спокойно и безопасно окончить эту работу, папа взялъ ихъ подъ свое покровительство. По этому поводу онъ издалъ буллу, мелочныя подробности которой показываютъ, что положеніе тѣхъ, кто стремился привести орденъ къ его первоначальной чистотѣ, было дѣйствительно очень опасно. Несомнѣнно, подъ вліяніемъ этой перемѣны въ отношеніяхъ папы генералъ Гонзальво принялъ въ 1310 г. на капитулѣ въ Падуѣ нѣсколько постановленій, ограничивавшихъ роскошь и злоупотребленія, распространенныя во всемъ орденѣ; но зло пустило глубокіе корни; притомъ этотъ же самый генералъ рѣшилъ заставить спиритуаловъ повиноваться, такъ что вражда между двумя партіями приняла еще болѣе острый характеръ [2]).

---

[1]) «Hist. Tribulationum» («Archiv für Litt.- und Kirchengeschichte», 1886 г., I, стр. 129).— Pelayo, op. cit., I, 481—83, 773, 776. — Wadding. ann. 1312, № 7. — Ср. Trithem. «Chron. Hirsaug.» ann. 1310; P. Langii «Chron. Citicens.» ann. 1320.

[2]) Franz Ehrle («Archiv. für Litt.- und Kirchengesch.», 1886 г., стр. 380—81, 384, 386; 1887 г., стр. 36).—Raym. de Fronciacho (ibidem, 1887 г., стр. 18).—Eymerich, 316.—Angeli Cla-

Библиотека "Руниверс"

Жалобы, перечисленныя въ тридцати-пяти статьяхъ и представленныя спиритуалами Клименту V по его приказанію, представляли ужасный обвинительный актъ противъ паденія и испорченности ордена. Конвентуалы отвѣтили довольно слабой защитой, то отрицая истинность этихъ обвиненій, то стараясь ихъ оправдать мелкими діалектическими доказательствами, что уставъ не имѣлъ значенія, приписываемаго ему спиритуалами, то обвиняя своихъ противниковъ въ ереси. Климентъ поручилъ особой комиссіи изъ кардиналовъ и богослововъ выслушать внимательно обѣ партіи. Въ продолженіе двухъ лѣтъ шелъ горячій споръ. Во время этихъ дебатовъ умерли Раймундъ Гофриди, Ги де Мирпуа и Бартоломео Сикарди, отравленные, по словамъ однихъ, своими противниками, истощенные, по словамъ другихъ, дурнымъ обхожденіемъ и непріятностями. Климентъ предусмотрительно изъялъ делегатовъ спиритуаловъ отъ подсудности ихъ противникамъ. Послѣдніе 1 марта 1311 г. имѣли смѣлость подать формальный протестъ противъ этой мѣры, ссылаясь на то, что спиритуалы были отлученными отъ Церкви еретиками и поэтому не имѣли никакого права на подобное покровительство. Въ этомъ продолжительномъ спорѣ главными противниками были Убертино изъ Казале и Бонаграція (Boncorlese) изъ Бергамо. Первый во время молитвы на горѣ Альверно, гдѣ произошло преображеніе св. Франциска, былъ помазанъ Христомъ и возведенъ до высшей степени духовной жизни. Слѣдующій разсказъ показываетъ, какъ велика была его слава. Въ то время, когда онъ трудился съ большимъ успѣхомъ въ Тосканѣ, онъ былъ вызванъ въ Римъ Бенедиктомъ XI, чтобы отвѣчать на нѣкоторыя возбужденныя противъ него обвиненія. Немного спустя жители Перузы послали къ папѣ торжественное посольство съ двумя просьбами—вернуть имъ Убертино и согласиться перенести резиденцію кардиналовъ и папы въ Перузу. Бенедиктъ съ улыбкой отвѣтилъ: «Я вижу, что вы не особенно любите насъ, такъ какъ брата Убертино вы предпочитаете намъ». Убертино былъ въ то же время іоахитомъ и не задумывался считать отреченіе Целестина «ужаснымъ новшествомъ», а Бонифація «узурпаторомъ». Быть-можетъ, Бонаграція стоялъ выше Убертино по образованію, но онъ не былъ ниже его по вѣрности своимъ убѣжденіямъ, хотя Убертино и называлъ его дѣльцомъ, только изощрившимся въ хитрыхъ тонкостяхъ права. Ниже мы увидимъ, что Убертино былъ готовъ подвергнуться даже преслѣдованію, защищая свой идеалъ бѣдности. Антагонизмъ между этими двумя людьми въ спорныхъ пунктахъ показываетъ самымъ наглядным образомъ, насколько неразрѣшимы были вопросы, возбуждавшіе столь горячую борьбу и пролившіе столь много крови [1]).

Спиритуаламъ не удалось получить указа объ отдѣленіи ихъ ордена, что дало бы имъ возможность жить спокойно; но въ другихъ отношеніяхъ рѣшеніе комиссаровъ было вполнѣ имъ благопріятно, хотя конвентуалы и старались заставить забыть настоящій предметъ тяжбы, обращая вниманіе на мнимыя заблужденія Оливи. Климентъ принялъ рѣшеніе и при полной консисторіи, въ присутствіи обѣихъ партій, приказалъ имъ жить во взаимной любви и дружбѣ, предать прошлое забвенію, перестать оскорблять другъ друга за бывшія разногласія во взглядахъ. Убертино отвѣтилъ на это: «Святой Отецъ,

---

rini «Litt. Excus.» («Archiv. für Litt.- und Kirchengesch.», 1885 г., стр. 531—32). Wadding. ann. 1310, № 6.—Regest. Clement. PP. V. T. V, 379 sq., Romae 1887.

Въ то самое время, какъ генералъ Гонзальво старался подавить алчность монаховъ, послѣднимъ удалось получить отъ императора Генриха VII декретъ, которымъ уничтожался мѣстный нюрнбергскій статутъ, запрещавшій гражданамъ подавать монахамъ сразу больше одной золотой монеты или одной мѣры хлѣба.—Chron. Glassberger, ann. 1310.

[1]) «Archiv für Litt.- und Kirchengeschichte», 1887 г., стр. 93 sq.—«Hist. Tribulationum» (ibidem, 1886 г., стр. 130, 132—4).—Franz Ehrle (ibidem, 1886 г., стр. 366, 380).—Wadding. ann. 1310, №№ 1—5.—Chron. Glassberger, ann. 1310.—Ubertini de Casali «Tractatus de septem statibus Ecclesiae», c. IV.

Библиотека "Руниверс"

эти люди называютъ насъ еретиками и зачинщиками ереси; въ нашемъ архивѣ и въ архивѣ ордена имѣются цѣлыя книги, полныя этихъ упрековъ. Нужно, чтобы они доказали эти обвиненія, и чтобы намъ была предоставлена возможность защищаться, или пусть они отрекутся отъ нихъ. Иначе между ними и нами не можетъ быть мира». На это Климентъ возразилъ: «Мы, какъ папа, объявляемъ, что послѣ того, что было сказано передъ нами тою и другою стороною, никто не долженъ называть васъ еретиками или зачинщиками ереси. Если въ нашихъ архивахъ или еще гдѣ-либо существуетъ по этому дѣлу какой-либо документъ, то мы уничтожаемъ его и объявляемъ, что онъ не имѣетъ никакого значенія противъ васъ». Результатомъ этого разговора было принятіе Вѣнскимъ соборомъ (1311—1312 гг.) канона, извѣстнаго подъ именемъ Exivi de Paradiso, цѣлью котораго было окончательное рѣшеніе спора. Анджело да Кларино говоритъ, что этотъ канонъ былъ всецѣло основанъ на положеніяхъ Убертино, и что онъ свидѣтельствовалъ о торжествѣ спиритуаловъ. Сообщая эту новость своимъ братьямъ, онъ чувствуетъ сердце свое преисполненнымъ радостью. Канонъ, говоритъ онъ, рѣшаетъ двадцать-четыре вопроса, касающихся толкованія устава; отнынѣ тѣ, кто служитъ Господу въ скитахъ, если они послушны своимъ епископамъ, могутъ считать себя въ безопасности отъ всякихъ гоненій. Онъ добавляетъ, что инквизиторы отданы подъ контроль епископамъ, и этой мѣрѣ онъ, повидимому, придавалъ особое значеніе, такъ какъ въ Провансѣ и въ Тосканѣ Инквизиція была францисканская и, слѣдовательно, находилась въ рукахъ конвентуаловъ.

Мы уже видѣли, что Климентъ замедлилъ съ обнародованіемъ декретовъ собора. Послѣ внимательнаго просмотра ихъ онъ былъ уже готовъ опубликовать ихъ, когда смерть унесла его въ 1314 г. Продолжительное междуцарствіе, послѣдовавшее за этимъ, было причиной новой отсрочки. Выбранный въ августѣ 1316 г. Іоаннъ XXII также, съ своей стороны, пожелалъ разсмотрѣть эти декреты, и каноны были обнародованы только въ ноябрѣ 1317 г. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что за этотъ долгій промежутокъ времени каноны подверглись измѣненіямъ. Особенно измѣненъ былъ законъ Exivi de Paradiso. Дошедшій до насъ текстъ его не оправдываетъ, конечно, торжествующаго гимна Анджело. Правда, декретъ настаиваетъ на самомъ строгомъ соблюденіи устава; онъ запрещаетъ помѣщать въ церквахъ сундуки для сбора денегъ, онъ объявляетъ монаховъ не имѣющими права пользоваться духовными завѣщаніями; онъ порицаетъ возведеніе пышныхъ храмовъ и монастырей, очень похожихъ на замки; онъ запрещаетъ пріобрѣтеніе обширныхъ садовъ и большихъ виноградниковъ; онъ не разрѣшаетъ даже собирать хлѣба въ житницы и вина въ погреба всюду, гдѣ братья могутъ жить со дня на день, питаясь подаяніемъ; онъ присваиваетъ римской Церкви обладаніе всѣмъ, что пожертвовано ордену, оставляя за монахами только временное пользованіе, такъ какъ уставомъ не разрѣшена никакая—ни личная, ни общая—собственность. Однимъ словомъ, это было полное оправданіе жалобъ спиритуаловъ и толкованіе устава согласно съ ихъ взглядами. Но декретъ не только не позволялъ спиритуаламъ, какъ говорилъ Анджело, жить спокойно и независимо, но прямо подчинялъ ихъ старшимъ. Это было равносильно отдачѣ ихъ въ рабство, такъ какъ конвентуалы обладали въ орденѣ значительнымъ большинствомъ и, разсерженные вылазкой своихъ противниковъ, боялись, чтобы уставъ не былъ примѣненъ во всей его строгости. Ихъ неблагожелательство еще увеличилось благодаря дѣятельности генерала Гонзальво, который энергично принялся за проведеніе въ жизнь предписанныхъ реформъ. Онъ объѣхалъ разныя провинціи, разрушая пышныя зданія, требуя возвращенія пожертвованій и полученнаго по завѣщаніямъ жертвователямъ или прямымъ наслѣдникамъ. Этимъ онъ вызвалъ страшное негодованіе среди распущенныхъ конвентуаловъ, и его преждевременная смерть въ 1313 г. была приписана преступнымъ дѣяніямъ. Избраніе преемникомъ ему Александра изъ Александріи, одного изъ самыхъ горячихъ конвентуаловъ,

Библиотека "Руниверс"

показываетъ, что большинство францисканцевъ не было расположено смиренно склониться передъ рѣшеніями папы и собора [1]).

Какъ и можно было предвидѣть, борьба между партіями обострилась еще болѣе. Въ 1313 г. Климентъ высказалъ свою склонность къ аскетизму, канонизовавъ папу Целестина V, но, когда спиритуалы просили его защитить ихъ отъ ихъ же собратій, то онъ ограничился тѣмъ, что посовѣтовалъ имъ вернуться въ монастыри, приказавъ при этомъ, чтобы съ ними обращались хорошо. Взаимная вражда была настолько сильна, что болѣе сильные не могли не злоупотреблять своею силою. Климентъ, насколько только могъ, попытался принудить конвентуаловъ къ покорности. Уже въ іюлѣ 1311 г. онъ строго приказалъ Бонаграціи вернуться въ монастырь Валькабреръ въ Комменжѣ и не выходить изъ него иначе, какъ по особому разрѣшенію Св. Престола. Въ то же время онъ вызвалъ къ себѣ провинціала Прованса, Гиро Вальетта, и пятнадцать главныхъ сановниковъ ордена на югѣ Франціи, которыхъ считали вождями партіи, враждебной спиритуаламъ. Въ публичномъ засѣданіи консисторіи онъ повторилъ свои приказанія, упрекнулъ виновныхъ въ ихъ непослушаніи и мятежномъ духѣ, отстранилъ отъ обязанностей тѣхъ, которые занимали должности, и объявилъ, что остальные лишаются права на избраніе. Онъ замѣстилъ устраненныхъ достойными лицами, которымъ умышленно приказалъ наблюдать за сохраненіемъ мира и обходиться мягко съ меньшинствомъ, перенесшимъ большія испытанія. Тѣмъ не менѣе, ссоры и жалобы продолжались, пока генералъ Александръ не предоставилъ спиритуаламъ трехъ монастырей въ Нарбоннѣ, Безье и Каркассонѣ, приказавъ поставить во главѣ ихъ достойныхъ начальниковъ. Это измѣненіе было принято не безъ насилія: на сторонѣ спиритуаловъ стояли симпатіи народа, и монастыри, предоставленные имъ, сдѣлались пріютомъ для недовольныхъ монаховъ и другихъ монастырей. Въ теченіе нѣкотораго времени царило спокойствіе; но со смертью Климента въ 1314 г. ссоры возобновились. Подъ предлогомъ болѣзни Бонаграція оставилъ мѣсто своего изгнанія и горячо раздувалъ нарождавшіеся безпорядки. Опальные сановники снова дали почувствовать свое вліяніе. Спиритуалы жаловались, что ихъ явно и тайно оскорбляли и безчестили, что ихъ забрасывали грязью и камнями, лишали пищи и даже причастія; лишали одежды, разгоняли по отдаленнымъ монастырямъ, а иногда даже бросали въ тюрьмы [1]).

Быть-можетъ, Климентъ нашелъ бы какое-нибудь средство, чтобы возстановить подобіе согласія между этими непримиримыми партіями, если бы итальянскіе спиритуалы не выказали себя черезчуръ упрямыми. Они почти потеряли терпѣніе во время долгихъ совѣщаній, предшествовавшихъ Вьенскому собору. Терпя ежедневно притѣсненія, потерявъ надежду найти спокойствіе въ лонѣ ордена, они жадно слушали совѣты одного мудраго и святого человѣка, каноника Мартина Сіенскаго, который утверждалъ, что они, несмотря на свою немногочисленность, имѣютъ право образовать особую конгрегацію и избрать себѣ своего генерала. Подъ руководствомъ Джакопо изъ С.-Джеминьяно они послѣдовали этому совѣту и образовали независимую общину. Это былъ открытый мятежъ, очень прискорбный для дѣла авиньонскихъ спиритуаловъ. Климентъ не хотѣлъ пойти ни на какія уступки въ отношеніи людей, которые не желали оказывать повиновенія. Онъ тот-

---

[1]) Ubertini «Responsio» («Archiv für Litt.- und Kirchengesch.», 1887 г., стр. 87).—Baluz. et Mansi, II, 278.—Franz Ehrle («Archiv f. Litt.- u. Kirchengesch.», 1885 г., стр. 541—42, 545; 1886 г., стр. 362).—«Hist. Tribulationum» (ibidem, 1886 г., стр. 138—41).—C. 1, Clement. V. 11.—Wadding. ann. 1312, № 9; ann. 1313, № 1.—Chron. Glassberger, ann. 1312.—Alvar. Pelayo, «De Planct. Eccles.», lib. II, art. 67.

[2]) Fr. Jordani «Chron.», c. 326, Partic. III (Muratori, «Antiq.», XI, 767).—«Hist. Tribulationum» («Archiv f. Litt.- und Kirchengesch.», 1886 г., стр. 140—41).—Franz Ehrle (ibidem, 1886 г., стр. 158—64; 1887 г., стр. 33, 40).—Raym. de Fronciacho (ibidem, 1887 г., стр. 27).

Библиотека "Руниверс"

часъ же послалъ уполномоченныхъ произвести надъ ними судъ; итальянскіе спиритуалы были отлучены отъ Церкви какъ «схизматики и мятежники, основатели суевѣрной секты, распространители ложныхъ и вредоносныхъ ученій». Преслѣдованіе ихъ было яростно и отличалось большею силою, чѣмъ предшествующее. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, гдѣ ихъ поддерживали міряне, они изгнали изъ своихъ монастырей конвентуаловъ и защищались оружіемъ вопреки предписаніямъ Церкви. Другіе, хорошо ли, худо ли, проложили дорогу въ Сицилію. Третьи, наконецъ, незадолго до смерти Климента послали папѣ письма, въ которыхъ увѣряли его о своей покорности и послушаніи. Но ихъ друзья боялись скомпрометировать себя и не рѣшились даже передать это посланіе. Послѣ вступленія Іоанна XXII мятежники сдѣлали новую попытку дойти до самого папы; но на этотъ разъ конвентуалы, имѣвшіе въ рукахъ всю власть, бросили посланныхъ въ тюрьму какъ еретиковъ, отлученныхъ отъ Церкви. Тѣ изъ узниковъ, которымъ удалось бѣжать изъ тюрьмы, направились въ Сицилію. Отмѣтимъ, что повсюду эти, такъ называемые, еретики своею добродѣтельною и святою жизнью пріобрѣтали расположеніе народа и, такимъ образомъ, обезпечивали себѣ болѣе или менѣе дѣйствительное покровительство. Особеннымъ покровительствомъ пользовались они въ Сициліи. Король Фридрихъ, помня наставленія Арнольда Виллануэвы, милостиво принялъ этихъ бѣглецовъ и позволилъ имъ основаться на островѣ, несмотря на неоднократныя предостереженія Іоанна XXII. Уже Генрихъ да Чева, котораго мы не разъ встрѣтимъ въ этомъ разсказѣ, искалъ въ этой странѣ убѣжища противъ преслѣдованія, возбужденнаго Бонифаціемъ VIII, и подготовилъ дорогу для будущихъ бѣглецовъ. Подъ 1313 г. хроника упоминаетъ объ одномъ папѣ, по имени Целестинѣ, избранномъ въ Сициліи «бѣдными» и составлявшемъ вмѣстѣ съ коллегіей кардиналовъ единственную истинную Церковь, которая имѣла право на послушаніе вѣрныхъ. Какъ ни незначительнымъ могло казаться современникамъ это движеніе, тѣмъ не менѣе, позднѣе оно породило секту тѣхъ Fraticelli, которые такъ долго и съ такою удивительною твердостью выдерживали неумолимую строгость итальянской Инквизиціи [1]).

Люди, бывшіе въ началѣ вождями итальянскихъ спиритуаловъ, могли не идти по опаснымъ тропинкамъ мятежа. Дѣйствительно, освобожденные отъ всякаго повиновенія конвентуаламъ, они могли согласиться жить въ подчиненіи Риму. Анджело да Кларино писалъ своимъ ученикамъ, что лучше пытка и смерть, чѣмъ разрывъ съ Церковью и ея главою; папа — епископъ епископовъ и раздаетъ всѣ высшія церковныя должности; власть ключей исходитъ отъ Христа, и повиновеніе обязательно, несмотря на преслѣдованія. Однако, рядомъ съ этими благими совѣтами встрѣчаются и другіе, которые показываютъ, какое безвыходное положеніе создала горячая вѣра въ евангельскую миссію св. Франциска и въ высокій авторитетъ его устава. Если короли или прелаты приказываютъ какой-либо поступокъ, противорѣчащій вѣрѣ, нужно повиноваться одному только Богу и съ радостью принять смерть. Францискъ въ свой уставъ внесъ предписаніе, продиктованное ему Христомъ, и нужно скорѣе повиноваться этому уставу, чѣмъ приказаніямъ прелатовъ. Даже послѣ преслѣдованія, перенесеннаго спиритуалами при Іоаннѣ XXII, Анджело приводитъ одно приписываемое Франциску пророчество: «Возстанутъ люди, которые сдѣлаютъ

---

[1]) «Hist. Tribulationum» (loc. cit., 139—40).—Lami, «Antichità Toscane», 596—99.—Franz Ehrle, «Archiv. f. Litt.- und Kirchengesch.», 1885 г., стр. 156—8.—Johann. S. Victor. «Chron.» ann. 1319 (Muratori, «S. R. I.» III, II, 479).—Wadding. ann. 1313, №№ 4—7.—D'Argentré, I, I, 207.—Arch. de l'Inquis. de Carcass. (Doat, XXVII, fol. 7 sq.).—Raym. de Fronciacho (Archiv f. Litt.- und Kirchengesch.», 1887 г., стр. 31).

Братъ Франческо дель Борго Санъ-Сеполькро, котораго въ 1311 г. судила Ассизская Инквизиція за то, что онъ выдавалъ себя обладающимъ даромъ пророчества, былъ, по всей вѣроятности, тосканскимъ іоахитомъ, отказавшимся покориться (Franz Ehrle, «Arch. f. Litt.- und Kirchengesch.», 1887 г., стр. 11).

Библиотека "Руниверс"

орденъ ненавистнымъ и совратятъ всю Церковь; будетъ папа, избраніе котораго будетъ совершено вопреки каноническимъ законамъ и который откажется допустить истинную вѣру въ отношеніи Христа и устава; въ орденѣ произойдетъ расколъ, и гнѣвъ Божій поразитъ людей, которые привяжутся къ заблужденію». Ясно намекая на Іоанна, Анджело заявляетъ, что если папа осуждаетъ, какъ заблужденіе, евангельскую истину, то такого папу должно отдать на судъ Христа и докторовъ; если же этотъ папа считаетъ ересью евангельскую нищету, то онъ самъ отлученъ Богомъ отъ Церкви и въ глазахъ Христа является еретикомъ.

Хотя, такимъ образомъ, вѣра и покорность спиритуаловъ подверглись тяжелымъ испытаніямъ, однако, Анджело и его ученики никогда не пытались вызвать расколъ. Анджело умеръ въ 1337 г., истощенный шестьюдесятью годами страданій и преслѣдованій. У этого человѣка была самая сильная, самая нѣжная душа, стремленія его были самыя святыя; онъ жилъ въ дурное время и потратилъ силы свои въ тщетныхъ усиліяхъ примирить непримиримое. Хотя Іоаннъ XXII разрѣшилъ ему принять одежду и уставъ целестиновъ, тѣмъ не менѣе, онъ долженъ былъ жить въ скрытомъ убѣжищѣ; его жилище было извѣстно только нѣсколькимъ вѣрнымъ друзьямъ и ученикамъ, изъ которыхъ нѣкоторые, какъ говорятъ, выступили въ 1334 г. передъ Инквизиціей какъ Fraticelli. Онъ жилъ въ уединенномъ скиту Santa Maria di Aspro en Basilicate. Дня за три до его смерти разнесся слухъ, что въ этомъ мѣстѣ умираетъ святой; собралась такая огромная толпа, что пришлось поставить стражу и допускать посѣтителей по-двое взглянуть на умирающаго. Усопшій произвелъ поразительныя чудеса и былъ причисленъ къ лику блаженныхъ Церковью, которая въ теченіе двухъ поколѣній не переставала угнетать его. Небольшая конгрегація, основанная имъ, хотя и ускользнула отъ взоровъ въ то время, когда росла смѣлость Fraticelli, продолжала, однако, существовать. Послѣ того какъ обсервантины при благопріятныхъ предзнаменованіяхъ возстановили традиціонное ученіе о самоотреченіи, секта продолжала еще жить, пока ея окончательно не поглотилъ этотъ орденъ въ 1517 г. во время его реорганизаціи, произведенной Львомъ X [1]).

Въ Провансѣ, даже еще раньше смерти Климента V, нашлись горячіе умы, которые, увлекаясь мечтаніями Вѣчнаго Евангелія, не удовлетворялись побѣдой, одержанной на Вьенскомъ соборѣ. Когда въ 1311 г. конвентуалы напали на память Оливи, то, между прочимъ, они обвиняли его въ томъ, что онъ установилъ мятежныя секты Послѣднія думали, что ученіе его было открыто Христомъ, что оно имѣло значеніе, равное съ евангеліемъ, и что съ Николая III папское главенство перешло къ нимъ, и поэтому они выбирали папу только для однихъ себя. Убертино не отрицалъ истинности этихъ обвиненій; онъ говорилъ только, что онъ не знаетъ этого дѣла, но что, если донесенія вѣрно, то нельзя дѣлать Оливи отвѣтственнымъ за заблужденія, совершенно противоположныя его ученію, такъ какъ онъ никогда не сказалъ и не написалъ ни одного слова въ защиту подобныхъ безумій. Однако, несомнѣнно, существовали сектанты, называвшіе себя учениками Оливи, среди которыхъ бродили революціонныя дрожжи, и которые не могли признавать никакого авторитета за испорченной и мірской Церковью. Въ 1313 г. извѣстный братъ Раймундъ Жанъ въ публичной проповѣди, произнесенной въ Монрealѣ, пророчествовалъ, что эти люди претерпятъ преслѣдованіе за свою вѣру. Когда послѣ проповѣди его спросили, что значитъ эти слова, то онъ въ присутствіи нѣсколькихъ лицъ отвѣтилъ: «Враги вѣры скрыты среди насъ. Символомъ Церкви, правящей нами, является Великая Блудница Апокалипсиса, которая преслѣдуетъ бѣдныхъ и слугъ Христа. Вы видите, что мы не смѣемъ

[1]) Franz Ehrle, «Archiv f. Litt.- und Kirchengesch.», 1885 г., стр. 534—39, 553—55, 568—59, 561, 563—64, 566—69; 1887 г., стр. 406).—S. Francisci «Prophet.», XIV («Opera», изд. 1849 г., стр. 270—71).—Chron. Glassberger. ann. 1502, 1506, 1517.

Библиотека "Руниверс"

открыто ходить передъ нашими братьями». Онъ добавлялъ при этомъ, что единственнымъ истиннымъ папою былъ Целестинъ, избранный въ Сицилiи, что единственной истинной Церковью была Церковь, основанная имъ [1]).

Спиритуалы, однако, отнюдь не представляли объединенной партiи. Освободившись отъ ига власти, они имѣли слишкомъ много индивидуальности и пылкаго фанатизма, чтобы всѣ могли остановиться на одинаковыхъ убѣжденiяхъ. Поэтому они и были раздѣлены на небольшiя группы и секты. Это дробленiе нейтрализовало ту незначительную силу, которою они могли воспользоваться, чтобы поставить въ опасность могущественное устройство iерархiи. Однако, всѣ эти ученiя, были ли они такими скромными, какъ ученiя Анджело, или революцiонными, какъ Раймунда Жана, были заражены одинаковымъ духомъ независимости. Всѣ эти люди позволяли имѣть себѣ личныя убѣжденiя по вопросамъ, запрещеннымъ для свободной мысли, и вѣрить въ законъ, стоящiй выше римскихъ декреталiй. Ихъ упорству скоро предстояло испытанiе. Въ 1314 г. умеръ генералъ Александръ, и въ теченiе двадцати мѣсяцевъ постъ генерала оставался свободнымъ, послѣ чего его занялъ Михаилъ Чезенскiй. Нарбоннскiе спиритуалы послали неаполитанскому капитулу, гдѣ былъ избранъ новый генералъ, длинную записку, въ которой перечисляли всѣ бѣдствiя и притѣсненiя, перенесенныя ими послѣ смерти Климента, лишившей ихъ папскаго покровительства. Избранiе Михаила казалось побѣдою надъ конвентуалами. Онъ былъ выдающiйся богословъ, отличался непреклоннымъ характеромъ и былъ склоненъ ввести точное соблюденiе устава. Менѣе чѣмъ черезъ три мѣсяца послѣ своего избранiя онъ издалъ общiй приказъ, требовавшiй строгаго повиновенiя предписанiямъ Франциска. Онъ подробно, до мелочей, описывалъ, какую одежду должны были носить братья; ни одинъ монахъ не имѣлъ права получать денегъ, кромѣ случаевъ крайней нужды; продажа произведенiй земли была запрещена, равно какъ и возведенiе пышныхъ зданiй; за столомъ должна была наблюдаться самая строгая умѣренность; братья не имѣли права путешествовать на лошадяхъ, они не смѣли даже носить обуви безъ письменнаго разрѣшенiя ихъ монастырей. Спиритуалы надѣялись, что, наконецъ, они получили генерала, отвѣчающаго ихъ желанiямъ. Но они уклонились отъ послушанiя, а Михаилъ рѣшилъ, во что бы то ни стало, водворить единство и силою привести заблудившихся въ лоно ордена [2]).

Черезъ пятнадцать дней послѣ изданiя этого указа окончилось продолжительное междупапствiе избранiемъ Iоанна XXII. Немногiе папы воплощали въ себѣ такъ полно, какъ онъ, господствующiя тенденцiи эпохи и столь сильное вліянiе на Церковь, какъ въ хорошемъ, такъ и въ дурномъ. Происхожденiе Iоанна было сравнительно низкое, но, благодаря талантамъ и силѣ характера, онъ постепенно дошелъ до каѳедры св. Петра. Ростомъ онъ былъ небольшого, но отличался желѣзнымъ здоровьемъ; онъ былъ вспыльчивъ, и гнѣвъ его, разъ возбужденный, былъ продолжителенъ. Когда несчастье поражало его враговъ, то на лицѣ его сiяла радость, недостойная пастыря христiанскаго мiра. Упорный и непреклонный, онъ всегда доводилъ все начатое до конца, не обращая вниманiя ни на дружеское, ни на враждебное вмѣшательство. Онъ особенно гордился своими богословскими познанiями, былъ горячимъ контроверсистомъ, но не переносилъ противорѣчiя. Онъ былъ набоженъ въ духѣ своихъ современниковъ; служилъ почти ежедневно обѣдню и почти каждую ночь вставалъ на молитву или на работу. Къ лучшимъ его произведенiямъ относится его поэтическiй разсказъ о Страстяхъ Iисуса Христа, кончающiйся молитвой. Авторъ удовлетворилъ свое тщеславiе, объявивъ многочисленныя индульгенцiи всѣмъ тѣмъ, кто прочтетъ всю эту книгу. Главными недостатками Iоанна XXII были честолюбiе и скупость. Для удовлетворенiя перваго изъ этихъ пороковъ онъ велъ безконечныя войны противъ миланскихъ Ви-

[1]) Franz Ehrle, «Archiv f. Litt.- und Kirchengesch.», 1886 г., стр. 371, 411.—Arch. de l'Inquis. de Carcassonne (Doat, XXVII, fol. 7 sq.).

[2]) Franz Ehrle, ubi supra, 1886 г., стр. 160—64.—Wadding. ann. 1316, № 5.

Библиотека "Руниверс"

скопти, и въ этихъ войнахъ, по словамъ современника, крови было пролито столько, что она могла бы окрасить воды Констанцскаго озера, а изъ труповъ можно бы построить мостъ съ одного берега на другой. Что же касается его скупости, то здѣсь онъ далъ только массу доказательствъ той ловкости, съ которой умѣлъ мѣнять на звонкую монету сокровища вѣчнаго спасенія, ключи отъ которыхъ были у него. Онъ первый установилъ систему «Таксъ Исповѣди», которая предлагала за опредѣленныя цѣны отпущенія за всѣ виды человѣческаго паденія, начиная съ пяти грошей за убійство и кровосмѣшеніе и до тридцати-трехъ грошей за посвященіе въ духовный санъ раньше достиженія законнаго возраста. Не прошло и двухъ лѣтъ послѣ его избранія, какъ онъ присвоилъ себѣ право предоставленія коллегіальныхъ бенефицій, подъ предлогомъ уничтоженія симоніи; а затѣмъ онъ пріобрѣталъ огромныя богатства отъ продажи этихъ должностей. Еще болѣе доходнымъ былъ новый порядокъ назначенія на высшія духовныя должности, придуманный имъ. Вмѣсто того, чтобы назначать на освободившіяся епископскія каѳедры по заслугамъ, онъ установилъ порядокъ передвиженія съ худшей епископской каѳедры на лучшую, а затѣмъ на архіепископскую, такъ что каждая вакансія вызывала цѣлый рядъ передвиженій и можно было брать съ каждаго назначеннаго. Кромѣ этихъ правильныхъ источниковъ безчестныхъ доходовъ, онъ отличался еще изобрѣтательностью и въ другихъ родахъ; такъ, напримѣръ, нуждаясь въ 1326 г. въ деньгахъ на свои ломбардскія войны, онъ, въ виду того, что Германія была закрыта для него вслѣдствіе его ссоры съ Людовикомъ Баварскимъ, обратился къ Карлу Красивому съ просьбой разрѣшить ему собрать субсидію съ церквей Франціи. Сначала Карлъ отказалъ, но потомъ согласился раздѣлить добычу; и король Франціи далъ разрѣшеніе, а папа, со своей стороны, предоставилъ въ его пользу десятинный налогъ за два года. Одинъ современникъ по этому поводу замѣтилъ: et ainsi saincte yglise, quant l'un le tont, l'autre escorche. Съ однихъ прелатовъ онъ получилъ весь десятинный сборъ, съ другихъ половину, а съ третьихъ, наконецъ, взялъ все, что только было можно; всѣ, пользовавшіеся бенефиціями, зависѣвшими отъ папы, должны были уплатить весь свой годовой доходъ. Въ оправданіе своей ненасытной жадности папа говорилъ, что эти деньги предназначены на крестовый походъ. Но такъ какъ онъ дожилъ до девяноста лѣтъ и не привелъ этого проекта въ исполненіе, то одинъ современникъ (Виллани) не безъ справедливаго благоразумія замѣтилъ, что, «онъ, быть-можетъ, дѣйствительно имѣлъ это намѣреніе». Будучи вообще очень аккуратнымъ въ деньгахъ, онъ не жалѣлъ ихъ на поддержку видовъ своего племянника (или сына) кардинала-легата Пойе, старавшагося основать княжество въ сѣверной Италіи. Онъ истратилъ также много денегъ, чтобы сдѣлать изъ Авиньона постоянную резиденцію папства; но онъ оставилъ Бенедикту XII честь пріобрѣсти и расширить огромный папскій дворецъ-крѣпость. Однако, когда послѣ смерти Іоанна составляли опись его имущества, то въ его казначействѣ оказалось 18.000 000 флориновъ золотомъ, а одеждъ и драгоцѣнностей по оцѣнкѣ еще на 7.000.000. Даже въ глазахъ флорентинскихъ купцовъ эта сумма показалась настолько фантастической, что Виллани, братъ котораго былъ въ числѣ экспертовъ-оцѣнщиковъ, счелъ нужнымъ пояснить, что въ каждомъ милліонѣ — тысяча тысячъ. Если мы вспомнимъ бѣдность того времени и рѣдкость дорогихъ металловъ, то мы поймемъ, сколькихъ страшныхъ страданій стоили эти сокровища, собранныя, въ концѣ концовъ, съ несчастныхъ крестьянъ, которыхъ еле кормило несовершенное еще земледѣліе. А кто скажетъ, что эти сокровища были слѣдствіемъ симоніи, правосудія, въ которомъ было отказано, или которое было продано несчастнымъ, освобожденій отъ чистилища, отпущеній грѣховъ, данныхъ множеству вѣрныхъ, просившихъ у Церкви части сокровищъ вѣчнаго спасенія! [1]).

[1]) Villani, «Chronica», lib. XI, c. 20.—Chron. Glassberger, ann. 1334.—Vitodurani «Chron.» (Eccard. «Corp. Hist. Med. Aevi», I, 1806—8).—Friedrich, «Statut. Synod. Wratislav.» Hannoverae, 1827, стр. 37, 38, 41.—Grandes Chroniques, V, 300.—Guillel. Nangiac. Contin. ann. 1326.

Собраніе папскихъ бреве, касающихся Саксоніи, недавно опубликованное Шмидтомъ

Библиотека "Руниверс"

Продолжительность стѣсненнаго положенія, которое было вызвано этой беззастѣнчивой торговлей бенефиціями, и слава, которую оставилъ по себѣ покойный папа, ясно выразились въ сѣтованіяхъ, съ которыми обратились представители галликанскаго духовенства къ Сіенскому собору лѣтъ сто послѣ этого. Они говорятъ, что во время первосвященства Іоанна Церковь сохраняла всѣ бенефиціи для самой себя; милости, надежды на мѣсто и пр. продавались открыто предлагавшему дороже, причемъ о достоинствахъ его не думали, поэтому во Франціи многія бенефиціи пришли въ полнѣйшій упадокъ вслѣдствіе непомѣрныхъ платежей, наложенныхъ на нихъ. И нельзя удивляться благоразумной оговоркѣ, проявленной Святой Дѣвой во второй половинѣ XIV ст., когда Она явилась св. Бригиттѣ. Многіе францисканцы, желая узнать, были ли правильны декреталіи Іоанна относительно нищеты Іисуса Христа, посѣтили святую. Послѣдней было два явленія подъ рядъ, въ которыхъ Св. Дѣва разсѣяла сомнѣнія монаховъ и признала декреталіи чистыми отъ всякихъ заблужденій, но добавила, что Она не можетъ открыть, находится ли душа покойнаго папы на небѣ или въ аду. Таковъ былъ человѣкъ, которому жестокая иронія судьбы довѣрила заботу успокоить сомнѣнія, мучившія деликатную совѣсть спиритуаловъ [1]).

Іоаннъ принималъ дѣятельное участіе въ совѣщаніяхъ Вьенскаго собора и прекрасно зналъ спорный вопросъ. Когда вскорѣ послѣ его вступленія на папскій престолъ онъ получилъ просьбу генерала Михаила о возстановленіи согласія въ орденѣ, раздираемомъ междоусобіями, то онъ далъ волю своему высокомѣрному характеру и тотчасъ же принялъ энергичныя мѣры. Онъ приказалъ Фридриху Сицилійскому арестовать спиритуаловъ, нашедшихъ себѣ пріютъ на островѣ, и выдать ихъ высшимъ, чтобы послѣдніе наказали ихъ плетями. Провинціалу Аквитаніи, Бертрану де-ла-Туръ, было поручено привести къ повиновенію мятежныхъ въ монастыряхъ Безье, Нарбонны и Каркассона. Сначала Бертранъ попытался дѣйствовать убѣжденіемъ. Отличительнымъ признакомъ спиритуаловъ была

(«Päbstliche Urkunden und Regesten», 87—295), показываетъ, какія огромныя суммы были получены Іоанномъ XXII отъ продажи каноникатовъ. Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что половина рескриптовъ, вышедшихъ за время его папства, посвящена подобнымъ назначеніямъ.

Счеты папскаго сборщика въ Венгріи въ 1320 г. показываютъ, какъ настойчиво курія требовала первыхъ доходовъ съ самыхъ бѣдныхъ бенефицій, и какими огромными расходами сопровождалось взысканіе. Сборщикъ вноситъ въ свой активъ 1913 флориновъ золотомъ, которые были получены имъ и изъ которыхъ только 732 были переданы въ папское казначейство (Theiner, «Monumenta Slavorum Meridional.», I, 147).

Современные апологеты старались объяснить при помощи различныхъ и остроумныхъ аргументовъ отпущеніе преступленій и грѣховъ за опредѣленную сумму. Достаточно показать, что, какова бы ни была теорія, практика состояла въ продажѣ безнаказанности, причемъ этотъ торгъ едва покрывался соображеніями, которыя никого не обманывали. Когда сдѣлались черезчуръ настойчивыми голоса, требовавшіе созыва вселенскаго собора, чтобы остановить распространеніе лютеранства, и когда Римъ старался всѣми силами отвратить грозу обѣщаніями реформъ, то Пій III около 1536 г. просилъ совѣта у своихъ кардиналовъ. Въ одномъ изъ поданныхъ ему донесеній признавалось, что установленныя папской канцеляріей таксы сильно соблазняли души благочестивыхъ людей, но въ то же время въ немъ старались оправдать эти таксы тѣмъ, что деньги уплачивались не за отпущеніе грѣха, но какъ «удовлетвореніе» или духовное наказаніе за грѣхъ; нужно, однако, сказать правду, что деньги эти шли на безчисленныя благотворительныя дѣла Св. Престола (Döllinger, «Beiträge zur politischen, kirchlichen und Culturgeschichte», III, 210). Это казуистическое толкованіе не удовлетворило комиссію кардиналовъ, которая въ 1538 г. выработала знаменитое Consilium de emendanda Ecclesia Прелаты громко заявили, что папская канцелярія и папская исповѣдальня являются убѣжищемъ для всякаго, кто на золото покупаетъ безнаказанность, вызывая по всему христіанскому міру неописуемый скандалъ. Церковь, говорили они, не задумывалась сохранять злоупотребленія, которыя привели бы къ паденію любое государство и любую республику (Le Plat, «Monumenta Concil. Trident.», II, 441).

[1]) Joh. de Ragusio, «Init. et Prosecut. Basil. Concil.» (Monumenta Concil. Gen. Saec. XV. T. I, 32).—Revelat. S. Brigittae lib. VII, c. VIII.

Библиотека "Руниверс"

одежда. Ихъ капюшоны были короче, ихъ рясы уже и грубѣе, чѣмъ у конвентуаловъ. Они думали, такимъ образомъ, слѣдовать образцамъ, установленнымъ Франциском. Для нихъ это было догматомъ вѣры одинаково, какъ отсутствіе житницъ и погребовъ и отказъ имѣть на рукахъ деньги. Когда провинціалъ приказалъ имъ снять эти одежды, они отвѣтили, что въ этомъ они не могутъ повиноваться ему. Тогда онъ авторитетнымъ тономъ сослался на папское предписаніе. Съ своей стороны, они подали папѣ просьбу, подписанную сорока-пятью монахами Нарбонны и пятнадцатью Безье, которые просили папу назначить болѣе серьезное разслѣдованіе. Получивъ эту просьбу 27 апрѣля 1317 г., Іоаннъ немедленно приказалъ всѣмъ челобитчикамъ явиться къ нему до истеченія семи дней, подъ угрозой отлученія отъ Церкви. Они отправились въ числѣ семидесяти-четырехъ съ Бернаромъ Делисье во главѣ. Прибывъ въ Авиньонъ, они не рѣшились остановиться въ францисканскомъ монастырѣ, но расположились на ночь на городской площади передъ дверьми папскаго дворца [1]).

Въ нихъ видѣли мятежниковъ гораздо болѣе опасныхъ, чѣмъ итальянскіе спиритуалы. Послѣдніе уже имѣли аудіенцію, на которой Убертино да Казале опровергъ взведенныя на нихъ обвиненія. Убертино, Гоффридъ да Корноне и Филиппъ изъ Ко, выражая свои полныя симпатіи къ Оливи и его ученикамъ и готовность защищать ихъ, дали ясно понять, что они отнюдь не считаютъ себя солидарными съ этими людьми. Такое же различіе въ отношеніи къ нимъ показалъ и Іоаннъ. Анжело да Кларино былъ нѣкоторое время заключенъ въ тюрьму, въ силу стараго осужденія его Бонифаціемъ VIII; но его скоро освободили и разрѣшили принять одежду и уставъ целестинскаго ордена. Убертино былъ предупрежденъ, что если онъ пожелаетъ вернуться на нѣсколько дней въ францисканскій монастырь, то будутъ приняты мѣры къ его безопасному возвращенію. На эти предложенія онъ отвѣтилъ знаменательными словами: «Если я только одинъ день пробуду у монаховъ, то мнѣ уже не понадобятся на этомъ свѣтѣ никакія мѣры, принятыя въ мою пользу вами или кѣмъ-либо другимъ». Тогда ему, равно какъ и многимъ изъ его спутниковъ, разрѣшили вступить въ орденъ бенедиктинцевъ. Однако, онъ пользовался непродолжительнымъ покоемъ; ниже мы увидимъ, что въ 1325 г. ему пришлось искать пріюта у Людовика Баварскаго [2]).

Оливисты не должны были отдѣлаться такъ легко. На другой день по прибытіи они были приняты. Бернаръ Делисье такъ ловко защищалъ ихъ дѣло, что ему не могли отвѣтить ничѣмъ, кромѣ обвиненія его въ томъ, что онъ мѣшалъ дѣятельности Инквизиціи. Іоаннъ велѣлъ арестовать его. Тогда защиту принялъ на себя Франциск Санчо; его тотчасъ же обвинили въ томъ, что онъ публично унижалъ орденъ, и Іоаннъ выдалъ его конвентуаламъ, которые поспѣшили запереть несчастнаго въ одиночную камеру, находившуюся рядомъ съ отхожимъ мѣстомъ. Тогда выступилъ съ защитой оливистовъ Вильгельмъ де С.-Амандъ; но монахи обвинили его въ томъ, что онъ совершилъ растрату и самовольно ушелъ изъ нарбоннскаго монастыря. Іоаннъ и его велѣлъ арестовать. Тогда попыталъ счастья Жофруа; но Іоаннъ прервалъ рѣчь оратора словами: «Мы чрезвычайно поражены, что ты требуешь строгаго соблюденія устава, тогда какъ самъ носишь пять одеждъ».—«Святой Отецъ,—возразилъ Жофруа,—васъ ввели въ заблужденіе, ибо, несмотря на все мое къ вамъ уваженіе, я долженъ сказать, что это неправда, что я не ношу пяти одеждъ».—«Такъ мы времъ»!—закричалъ Іоаннъ, выходя изъ себя, и приказалъ заключить Жофруа въ тюрьму и держать его тамъ до тѣхъ поръ, пока не выяснится, сколько носилъ

[1]) Wadding. ann. 1317, №№ 9—14.— «Hist. Tribulationum» («Archiv. f. Litt.- u. Kirchengesch.», 1886 г., стр. 142).—Johann. S. Victor. «Chron.» ann. 1311, 1316 (Muratori, «S. R. I.» III, II, 460, 478).

[2]) «Hist. Tribulationum» (ubi supra, 142—44, 151—52).—Franz Ehrle, «Arch. f. Litt.- u. Kirchengesch.», 1887 г., стр. 546.

Библиотека "Руниверс"

СПОРЪ О ТАИНСТВѢ ЕВХАРИСТІИ (La Disputa).

(Рафаэль, стѣнная карт. въ Станца-делла-Сеньятура Ватиканскаго дворца).

Библиотека "Руниверс"

онъ одежду. Испуганные братья, видя, что дѣло ихъ уже предрѣшено, пали на колѣни съ крикомъ: «Справедливости, Святой Отецъ! справедливости»! Папа приказалъ имъ всѣмъ отправиться въ францисканскій монастырь, гдѣ они должны были находиться подъ стражей въ ожиданіи его рѣшенія, какъ съ ними поступить. Бернаръ, Вильгельмъ, Жофруа и нѣкоторые другіе были по распоряженію папы закованы въ цѣпи и заключены въ тюрьму. Мы уже видѣли, какова была судьба Бернара; относительно же другихъ было начато слѣдствіе. За исключеніемъ двадцати-пяти мятежныхъ, всѣ покорились. Торжествующіе конвентуалы наложили на нихъ тяжелыя епитиміи [1]).

Двадцать-пять упорствующихъ были выданы Инквизиціи Марселя, такъ какъ были арестованы въ предѣлахъ ея судебнаго округа. Инквизиторомъ былъ братъ Михаилъ Монахъ, одинъ изъ конвентуаловъ, смѣщенныхъ и заключенныхъ въ тюрьму Климентомъ за свое горячее преслѣдованіе спиритуаловъ. Теперь онъ могъ спокойно утолить свое мщеніе. Михаилу была предоставлена полная свобода дѣйствовать по своему усмотрѣнію, такъ какъ папа не сталъ ждать, для осужденія спиритуаловъ, чтобы они представили что-либо въ свою защиту. Уже 17 февраля онъ приказалъ инквизиторамъ Лангедока объявить еретиками всѣхъ, кто именовалъ себя Fraticelli или Fratres de paupere vita. Затѣмъ 13 марта онъ издалъ буллу Quorumdam, въ которой окончательно рѣшалъ два вопроса, ставшихъ теперь самыми жгучими вопросами спора, а именно—о характерѣ одежды, которую должны были носить монахи, и о собираніи въ житницы хлѣба, а вина и масла въ погреба. Онъ передавалъ эти вопросы генералу ордена съ правомъ ихъ безапелляціоннаго рѣшенія. Михаилъ Чезенскій, генералъ ордена, предписалъ министрамъ и гвардіанамъ установить для каждаго монастыря отдѣльно необходимое количество продуктовъ, сколько нужно ихъ готовить въ запасъ, и въ какой мѣрѣ разрѣшается просить милостыню для сбора ихъ. Рѣшенія, которыя будутъ приняты по этому поводу, должны соблюдаться буквально; никто не имѣлъ права думать или говорить, что это является нарушеніемъ устава. Булла кончалась слѣдующими знаменательными словами: «Бѣдность вещь великая, но выше ея невинность, а выше всего полное послушаніе». Грубый здравый умъ, продиктовавшій эти слова, можетъ намъ показаться довольно пошлымъ; однако, именно эти-то слова и рѣшили пораженіе спиритуаловъ и предоставили имъ только одно право выбора между подчиненіемъ и мятежомъ [2]).

Эта булла послужила основаніемъ для инквизиціоннаго процесса, начатаго противъ двадцати-пяти упорствующихъ. Послѣ словъ этого документа дѣло было вполнѣ ясно. Всѣ поступки, совершенные спиритуалами послѣ изданія буллы, были открытымъ возстаніемъ; таковы, напр., были отказъ перемѣнить одежду или обращеніе къ папѣ съ просьбой о назначеніи дополнительнаго слѣдствія. Раньше, чѣмъ упорствующихъ передали въ руки Инквизиціи, ихъ отвели къ Михаилу Чезенскому. Объясненія, данныя ими послѣднему, были прочтены въ консисторіи и найдены еретическими; лица, высказавшія ихъ были объявлены подлежащими наказаніямъ, полагающимся за ересь. Понятно, прежде всего попытались добиться отъ нихъ смиренія, но тщетно; и только 6 ноября 1317 г. Іоаннъ и Михаилъ Чезенскій опубликовали граматы, въ которыхъ повелѣвалось инквизитору Михаилу приступить къ суду. Мы не знаемъ подробностей судопроизводства, но есть полное основаніе думать, что къ обвиняемымъ были примѣнены всѣ мѣры строгости, употреблявшіяся обыкновенно въ подобномъ дѣлѣ, чтобы сломить нравственную силу подсудимаго и довести его до покорности. Прежде всего на это указываетъ медленность дѣла, тянувшагося ровно шесть мѣсяцевъ, такъ какъ приговоръ былъ вынесенъ только 7 мая 1318 г.; а за-

[1]) «Hist. Tribulationum» («Arch. f. Litt.- u. Kirchengesch.», 145—46).—Raymond. de Fronciacho (ibidem, 1887 г., стр. 29).

[2]) Coll. Doat, XXXIV, 147.- Extrav. Joann. XXII. Tit. XIV, cap. 1.

Библиотека "Руниверс"

тѣмъ тотъ фактъ, что большинство обвиненныхъ дало довести себя до отреченія. Только четверо изъ нихъ имѣли достаточно физической и нравственной силы, чтобы устоять до конца. Это были: Жанъ Баррани, Деодатъ Мишель, Гильемъ Сентонъ и Понсъ Роша. Они въ тотъ же день были выданы въ руки свѣтскихъ властей Марселя и, какъ и слѣдовало, сожжены. Пятый, Бернаръ Аспа, который въ тюрьмѣ заявилъ о своемъ раскаяніи, но затѣмъ отказался отречься отъ своихъ заблужденій, былъ милостиво осужденъ на вѣчное тюремное заключеніе, хотя по всѣмъ инквизиціоннымъ законамъ долженъ былъ раздѣлить участь своихъ единомышленниковъ. Остальнымъ пришлось публично отречься и принять епитиміи, наложенныя инквизиторомъ. Кромѣ того, ихъ предупредили, что, если они не принесутъ публичнаго отреченія всюду, гдѣ проповѣдывали свои заблужденія, то будутъ сожжены какъ рецидивисты [1]).

Хотя въ приговорѣ говорится, что ересь этихъ жертвъ происходитъ изъ зараженнаго ядомъ ученія Оливи, и хотя инквизиторъ издалъ граматы, запрещающія всѣмъ чтеніе или храненіе сочиненій Оливи, нѣтъ, однако, упоминанія ни объ одномъ заблужденіи Іоахима. Какъ преступленіе, наказано было простое неповиновеніе буллѣ Quorundam. Виновные считали, что булла противорѣчитъ Евангелію Христа, запрещавшему имъ носить другія одежды, кромѣ присвоенныхъ ими, и собирать запасы хлѣба или вина. Папа не имѣлъ права принудить ихъ къ этому неповиновенію. Отказываясь подчиниться папской власти, они заявили, что готовы настаивать на соблюденіи устава до дня Страшнаго Суда. Хотя пункты тяжбы были безспорно ничтожны, но споръ затрагивалъ болѣе серьезные интересы. Съ одной стороны, это было дѣломъ совѣсти, откуда ожесточеніе спора уже давно изгнало всякое здравое разсужденіе; съ другой стороны, для власти было необходимо добиться послушанія. Если бы позволили отдѣльнымъ лицамъ судить предписанія декреталій, то это было бы для папства вопросомъ какъ нравственной власти, такъ и мірского главенства. Но въ глубинѣ всего этого бродили старыя дрожжи іоахизма, оспаривавшаго духовный авторитетъ римской Церкви и освобождавшаго «избранныхъ» отъ безпрекословнаго повиновенія декретамъ. Когда въ 1319 г. Бернаръ Делисье отправился изъ Авиньона въ Кастельнодари, гдѣ его должны были судить, онъ прекрасно бесѣдовалъ дорогою со своими конвойными и не скрывалъ своего поклоненія передъ Іоахимомъ. Онъ даже сказалъ, что въ своемъ экземплярѣ Decretum онъ уничтожилъ канонъ Латеранскаго собора, осуждавшій ученіе Іоахима о Святой Троицѣ, и что если бы онъ былъ папой, то отмѣнилъ бы этотъ канонъ. Вліяніе Вѣчнаго Евангелія сказалось въ томъ фактѣ, что изъ числа лицъ, принесшихъ отреченіе въ Марселѣ и подвергшихся тюремному заключенію, многія бѣжали къ невѣрнымъ, оставивъ въ рукахъ своихъ преслѣдователей смѣлое изложеніе своей вѣры и заявивъ, что они съ торжествомъ вернутся послѣ смерти Іоанна XXII [2]).

Такимъ образомъ, Іоаннъ раньше, чѣмъ окончился годъ его первосвященства, успѣлъ создать новую ересь, которая для францисканцевъ состояла въ возстаніи противъ ношенія

---

[1]) Baluz. et Mansi, II, 248—51.—«Hist. Tribulationum» (loc. cit., 147).

[2]) Raymond. de Fronciacho («Arch. f. Litt.- u. Kirchengesch.» 1887 г., стр. 31).—Baluz. et Mansi, II, 248—51, 271—72.—Johann. S. Victor. «Chron.» ann. 1319 (Muratori, «S. R. I.» III, II, 178—79).—Mss. Bib. Nat. fonds latin, № 4270, fol. 188, 262.—Однако, въ своемъ допросѣ Бернаръ Ги отрицалъ эти указанія, равно какъ и ученіе Оливи, утверждавшаго, что Христосъ былъ еще живъ, когда его пронзили копьемъ на крестѣ. Тѣмъ не менѣе, онъ заявлялъ, что нѣкоторыя рукописи евангелія св. Марка допускали подобное мнѣніе (fol. 167—68).

Мы не знаемъ, какова была судьба другихъ оливистовъ, судившихся въ Марселѣ. Изъ текста ясно, что, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ нихъ были заключены въ тюрьму; другіе были, по всей вѣроятности, отпущены при условіи легкихъ епитимій, такъ какъ въ 1325 г. одинъ нарбонскій сапожникъ, Блезъ Боэріи, представъ передъ каркассонской Инквизиціей, признался, что разъ онъ посѣтилъ трехъ изъ оливистовъ, а въ другой разъ четырехъ, жившихъ въ Марселѣ, что онъ принималъ ихъ у себя и затѣмъ проводилъ ихъ.—Doat, XXVII, 7 и сл.

Библиотека "Руниверс"

широкой одежды и противъ обладанія житницами или погребами. Человѣческая извращенность проявлялась въ тысячѣ различныхъ формъ; но никогда, быть-можетъ, не принимала она болѣе отвратительнаго и въ то же время болѣе смѣшного проявленія, какъ въ ту эпоху, которую мы разсматриваемъ. Съ трудомъ можно повѣрить, чтобы люди могли сжигать себѣ подобныхъ на основаніи такихъ мотивовъ, и чтобы находились непреклонные люди, готовые пренебречь пламенемъ костра, защищая подобные принципы. Несомнѣнно, Іоаннъ, въ силу характера своего ума и своего образованія, не могъ вѣрить, чтобы люди могли настолько увлекаться святою нищетою, чтобы жертвовать изъ-за нея своею жизнью, и онъ видѣлъ въ нихъ только упрямыхъ мятежниковъ. Ихъ нужно было заставить повиноваться или наложить на нихъ заслуженное наказаніе. Іоаннъ принялъ на себя защиту авторитета Михаила Чезенскаго, и всякое сопротивленіе. активное или пассивное, могло только укрѣпить его въ его планахъ.

Булла Quorumdam произвела сильное волненіе. Сочиненіе, написанное въ защиту этой буллы инквизиторомъ Каркассона и Тулузы (по всей вѣроятности Жаномъ де Бонъ), показываетъ, что новыя постановленія вызвали большое смятеніе въ умахъ людей свѣдущихъ, и что послѣдніе не были убѣждены въ правовѣріи канона, хотя они и не были расположены проявлять открытое сопротивленіе. Говорятъ также, что одинъ священникъ упорно держался заблужденій, осужденныхъ буллою, и былъ выданъ свѣтской власти; но онъ отрекся раньше, чѣмъ хворостъ былъ подоженъ и на него наложили епитемію. Чтобы положить конецъ всякому спору, Іоаннъ собралъ комиссію изъ тринадцати прелатовъ и докторовъ, среди которыхъ былъ и Михаилъ Чезенскій. Послѣ долгаго обсужденія комиссія осудила, какъ еретическія, слова людей, отрицавшихъ за папою право изданія подобной буллы и совѣтовавшихъ не повиноваться прелатамъ, когда послѣдніе будутъ приказывать снять короткія и узкія одежды и предписывать собираніе запасовъ хлѣба и вина.

Всѣ эти мѣры содѣйствовали скорѣйшему появленію раскола. Буллы Sancta Romana 30 декабря 1317 г. и Gloriosam ecclesiam 23 января 1318 г. были направлены противъ людей, которые подъ именемъ Fraticelli, Бегиновъ, Bizochi и Fratres de paupere vita въ Сициліи, Италіи и на югѣ Франціи образовывали независимый орденъ, мечтали о строгомъ соблюденіи устава св. Франциска, набирали сторонниковъ, строили или получали въ даръ дома, просили милостыню и избирали себѣ высшихъ. Всѣ эти сектанты объявлялись отлученными ipso facto; всѣмъ прелатамъ было приказано трудиться надъ немедленнымъ уничтоженіемъ секты [1]).

Среди народа люди, сохранявшіе нѣкоторое хладнокровіе, полагали, что если бы францисканскій обѣтъ признавалъ всякую собственность грѣхомъ, то онъ не былъ бы обѣтомъ святости, ибо въ такихъ предметахъ первой необходимости, какъ хлѣбъ и сыръ, употребленіе превращалось въ собственность. Поэтому всякій, произносившій этотъ обѣтъ, нарушалъ его уже однимъ тѣмъ, что жилъ, и не могъ поэтому быть въ состояніи благодати. Однако, высшая заслуга нищеты проповѣдывалась такъ упорно въ теченіе цѣлаго столѣтія, что огромная часть населенія симпатизировала преслѣдуемымъ спиритуаламъ. Много мірянъ, женатыхъ и холостыхъ, присоединялось къ нимъ подъ именемъ терціаріевъ; даже священники принимали ихъ ученія. Они скоро сдѣлались сектою, не ограничивавшейся одними францисканцами и занявшей дѣятельность Инквизиціи вмѣсто катаровъ, почти совершенно уничтоженныхъ. Началась старая исторія; преслѣдуемые святые имѣли всегда у себя за спиной слугъ Инквизиціи и всегда находили убѣжище или тайный пріютъ у своихъ ревностныхъ защитниковъ.

---

[1]) Baluz. et Mansi, II, 270—71, 274—76.—Extravaganti Joann. XXII. Tit. VII.—Mag. Bull. Roman. I, 193.

Библиотека "Руниверс"

Какъ примѣръ, можно привести исторію священника изъ Безье, Петра Тренкавеля. Имя его часто встрѣчается въ протоколахъ допросовъ Инквизиціи, какъ имя одного изъ главныхъ вождей секты. Онъ, въ концѣ концовъ, допустилъ схватить себя и былъ заключенъ въ тюрьму въ Каркассонѣ. Но ему удалось бѣжать, и на ауто-да-фе онъ былъ осужденъ какъ явный еретикъ. Тогда сектанты собрали деньги, чтобы отправить его на Востокъ. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ отсутствія онъ вернулся и началъ снова свою дѣятельную жизнь, обходя, переодѣтый, весь югъ Франціи, находя всюду покровительство у послѣдователей секты. Мы не знаемъ достовѣрно, каковъ былъ его конецъ. По всей вѣроятности, онъ погибъ на кострѣ какъ еретикъ-рецидивистъ, такъ какъ въ 1327 г. онъ со своей дочерью Андрэ находился въ рукахъ неумолимаго Михаила Марсельскаго. Жанъ дю-Ира, бывшій тогда инквизиторомъ Каркассона, потребовалъ себѣ обвиняемыхъ, отъ которыхъ онъ хотѣлъ исторгнуть имена ихъ учениковъ и ихъ гостей. Михаилъ, конечно, отказался выдать свою добычу, такъ какъ для пересылки арестованныхъ былъ нуженъ особый указъ Іоанна XXII.

Въ 1325 г. Бернаръ Кастильонъ изъ Монпелье сознался, что онъ далъ пріютъ подъ своимъ кровомъ многимъ бегинамъ, а затѣмъ купилъ для нихъ домъ, гдѣ и поселилъ ихъ. Другой обвиняемый признался, что принималъ у себя многихъ бѣглецовъ. Эти несчастные находили повсюду сочувствіе, которое они вполнѣ заслужили искренностью своихъ убѣжденій [1]).

Казнь четырехъ марсельскихъ мучениковъ послужила сигналомъ къ дѣятельному походу Инквизиціи. Св. Трибуналъ принялся, не покладая рукъ, за уничтоженіе новой ереси по всей зараженной странѣ. Такъ какъ до этого времени не было надобности скрывать своихъ мнѣній, то легко было схватить подозрѣваемыхъ. Жатва была поэтому обильна. Строгость, проявленная Инквизиціей, отразилась въ указѣ, изданномъ Іоанномъ XXII въ февралѣ 1322 г.; этимъ указомъ предписывалось вызвать на судъ всѣхъ терціаріевъ подозрѣваемыхъ округовъ и подвергнуть ихъ тщательному допросу. Этотъ указъ произвелъ общую панику. Въ архивахъ Флоренціи находится множество писемъ, написанныхъ римской куріи въ февралѣ 1322 г., въ которыхъ магистраты и прелаты тосканскихъ городовъ выступали въ защиту терціаріевъ и просили какъ милости, чтобы ихъ не смѣшивали съ новою сектою бегиновъ. Несомнѣнно, то же самое происходило и въ другихъ мѣстахъ. Страхъ, охватившій всѣхъ, оправдывался спискомъ мучениковъ, съ каждымъ днемъ становившимся болѣе длиннымъ. Дѣло было простое. Надо было установить, думаетъ ли обвиняемый, что папа имѣетъ право отмѣнять обѣты вообще, въ частности

---

[1]) Guill. Nangiac. «Contin.» ann. 1317.—Coll. Doat, XXVII, 7 и сл., 170; XXXV, 18.—Lib. Sentenc. Inquis. Tolosan. 301, 312, 381.

Дѣло Раймунда Жана даетъ совершенно особое освѣщеніе существованію преслѣдуемыхъ спиритуаловъ. Уже съ 1312 г. этотъ человѣкъ началъ выставлять Церковь Вавилонской Блудницей и пророчествовать о своей собственной судьбѣ. Въ 1317 г. онъ былъ въ числѣ подававшихъ жалобу, которые были посланы въ Авиньонъ, гдѣ и принесли покорность. Отданный подъ надзоръ своего ордена, онъ былъ посланъ своимъ старшимъ въ Андузскій монастырь, гдѣ онъ прожилъ до тѣхъ поръ, пока не узналъ о судьбѣ, постигшей его смѣлыхъ спутниковъ въ Марселѣ. Тогда онъ бѣжалъ съ однимъ собратомъ и прибылъ въ Безье, гдѣ оба они нашли убѣжище въ одномъ домѣ вмѣстѣ со многими женщинами, также возставшими противъ ордена. Въ этомъ убѣжищѣ они жили скрытно въ теченіе трехъ лѣтъ. Затѣмъ, Раймундъ велъ скитальческій образъ жизни и одно время присоединился къ Петру Тренкавелю. Онъ сдѣлалъ путешествіе за море. По возвращеніи онъ присвоилъ себѣ одежду бѣлаго священника и посвятилъ себя дѣлу спасенія душъ сначала въ Гаскони, а потомъ въ Родезѣ или къ востоку отъ Роны. Схваченный, наконецъ, въ 1325 г., онъ предсталъ передъ каркассонской Инквизиціей и подъ давленіемъ продолжительныхъ страданій безропотно согласился отречься. Мы не знаемъ, какое рѣшеніе было вынесено относительно него; по всей вѣроятности, это было пожизненное тюремное заключеніе.—Doat, XXVII, 7 и сл.

Библиотека "Руниверс"

обѣты нищеты и цѣломудрія. Какъ мы знаемъ, отрицаніе этого права было общимъ мѣстомъ, которому учили въ школахъ и которое рѣшительно было установлено Ѳомою Аквинатомъ. Уже въ 1311 г. конвентуалы на диспутѣ, происходившемъ передъ Климентомъ V, признали, что ни одинъ францисканецъ не можетъ владѣть имуществомъ или взять себѣ жену по приказанію папы. Но съ этого времени обстоятельства измѣнились. Отнынѣ слѣдовавшимъ установленному ученію надо было выбирать между отреченіемъ и костромъ. Вполнѣ понятно, что невелико было число обвиняемыхъ, оказывавшихся достаточно твердыми, чтобы до конца устоять передъ тѣми пріемами, съ помощью которыхъ Инквизиція умѣла такъ хорошо обуздывать совѣсть. Если, несмотря на все, число жертвъ было значительно, то это потому, что сектанты были чрезвычайно многочисленны. Документовъ дошло до насъ мало, и они не полны; но мы знаемъ, что въ Нарбоннѣ, гдѣ епископы пытались сначала оказать покровительство несчастнымъ, три жертвы были сожжены въ 1319 г., семнадцать Великимъ постомъ 1321 г., а другіе въ 1322 г. Въ Монпелье преслѣдованіе велось очень энергично въ 1319 г. Въ Люнелѣ было сожжено семнадцать сектантовъ; въ Безье—два въ первый разъ и семь въ другой; въ Пезена (Pézenas) было сожжено нѣсколько, во главѣ которыхъ стоялъ Жанъ Формейронъ; въ Тулузѣ въ 1322 г. было казнено четыре человѣка; были также казни въ Кабестанѣ и Лодевѣ. Въ Каркассонѣ костры пылали въ 1319, 1320 и 1321 гг.; съ 1325 по 1330 гг. тамъ дѣйствовалъ извѣстный Генрихъ де Шамэ. До насъ дошла часть его регистровъ, въ которой находится весьма немного осужденій на костеръ; но Мосгеймъ имѣлъ въ рукахъ списокъ **ста-тринадцати** лицъ, казненныхъ въ Каркассонѣ, какъ спиритуалы, приблизительно съ 1318 по 1350 гг. Всѣ эти дѣла разбирались доминиканскими инквизиторами; но францисканцы проявляли еще большее рвеніе, если вѣрить Вадингу, утверждающему, что въ 1323 г. **сто-четырнадцать несчастныхъ были сожжены одними францисканцами инквизиторами**. Впрочемъ, въ Марселѣ Инквизиція была въ рукахъ францисканцевъ, и ее считали чрезмѣрно строгой въ отношеніи упорствующихъ членовъ ордена. Объ одномъ дѣлѣ, бывшемъ въ 1329 г., гвардіанъ Безье, братъ Гильемъ де Сальвелль, говоритъ, что съ обвиняемыми обходились чрезвычайно грубо, и что ихъ тюремное заключеніе было самое строгое. Несомнѣнно, Анджело да Кларино имѣлъ право сказать, что конвентуалы въ своемъ торжествѣ надъ своими противниками вели себя какъ бѣшеныя собаки и волки, безъ всякаго милосердія пытая, убивая и вымогая деньги. Какъ ни ничтожной кажется намъ причина этого спора, мы не можемъ не отнестись съ уваженіемъ къ проявленной ими ревности, которая столь многихъ заставила скрѣпить своею кровью свои убѣжденія. Многіе изъ нихъ, говорятъ, желали мученической смерти и жадно стремились на костеръ. Бернаръ Леонъ изъ Монпелье былъ сожженъ за то, что утверждалъ, что, разъ онъ далъ обѣтъ нищеты и цѣломудрія, онъ не послушается папы, который прикажетъ ему взять женщину или принять пребенду [1]).

Единственнымъ результатомъ этого жестокаго преслѣдованія было, вполнѣ естественно, то, что гонимые укрѣпились въ своихъ убѣжденіяхъ, и ихъ враждебное отношеніе къ Св. Престолу стало сильнѣе. Что же касается явнаго предмета спора, то Петръ Торъ (Tort), явившійся передъ тулузской Инквизиціей въ 1322 г., заявилъ, что разрѣшено имѣть запасы хлѣба или вина на восемь или пятнадцать дней, а соли и масла на шесть мѣсяцевъ. По вопросу

---

[1]) Raynald. ann. 1322, № 51.—Archivio di Firenze, Prov. del Convento di Santa Croce, Feb. ann. 1322.—S. Th. Aquinat. «Summa» Sec. Sec. Q. LXXXVIII. Art. XI; Q. CLXXXVI. Art. VIII, ad. 3.—Franz Ehrle, «Archiv für Litt.- u. Kirchengeschichte», 1887 г., стр. 156.—Lib. Sententt. Inquis. Tolosan., 300, 313, 381—93.—Coll. Doat, XXVII, XXVIII.—Mosheim, «de Beghardis», 499, 632.—Vaissete, IV, 182–83.—Wadding. ann. 1317, № 45.—«Hist. Tribulationum» (loc. cit., 149).—Arch. de l'Inquis. de Carcassonne (Doat, XXVII, 162).—Johann. S. Victor. «Chron.» ann. 1316—19.

Библиотека "Руниверс"

же объ одеждѣ Михаилъ Чезенскій, пользуясь предоставленной ему буллой Quorumdam властью, издалъ въ 1317 г. «правило», предписывавшее, чтобы одежда дѣлалась изъ грубаго сукна и не покрывала больше половины ноги, а веревка была бы изъ конопли, а не изо льна. Хотя онъ и не коснулся жгучаго вопроса о капюшонѣ, но это правило могло бы успокоить разумныя сомнѣнія совѣсти, если бы здѣсь не была замѣшана совѣсть, не допускавшая никакихъ полумѣръ. Спиритуалы говорили, что они не обязаны, несмотря на приказанія папы и генерала, оставить болѣе короткія и простыя платья, которыя ихъ традиція приписывала еще св. Франциску. Этому ничтожному вопросу придавали чрезвычайное значеніе. Если, говорили они, четыре марсельскихъ мученика были сожжены, то за то только, что носили скромныя одежды, отличавшія спиритуаловъ [1]).

Въ основномъ положеніи спиритуалы были правы. Дѣйствительно, какъ мы уже видѣли, до этого времени повсемѣстно было принято, что папа не могъ разрѣшать обѣты. Когда Оливи развилъ дальше это положеніе и началъ утверждать, что папа не имѣлъ права приказывать что-либо противорѣчащее евангельскому обѣту, то это утвержденіе не было включено въ число заблужденій, осужденныхъ Вьенскимъ соборомъ. Но хотя это мнѣніе и было допущено, какъ теоретическое положеніе, не требующее доказательствъ, однако, когда его захотѣли противопоставить приказаніямъ такого папы, какъ Іоаннъ XXII, оно оказалось ересью, требующей, во что бы то ни стало, уничтоженія. Въ то же время было невозможно, чтобы преслѣдуемые признавали авторитетъ, посылавшій ихъ на костеръ. Люди, которые добровольно отдавали себя пламени, оспаривали право папы давать разрѣшеніе обѣтовъ; люди, которые заявляли, что если бы на свѣтѣ была только одна женщина, и если бы она дала обѣтъ цѣломудрія, то папа не могъ бы снять его, хотя бы и съ цѣлью помѣшать уничтоженію человѣческаго рода; люди, которые упрекали Іоанна XXII въ томъ, что онъ, пытаясь разрѣшить францисканцамъ обладаніе житницами и погребами, согрѣшилъ противъ заповѣди Христа; люди, которые, соглашаясь, что папа имѣетъ власть надъ другими орденами, отрицали въ то же время всякое главенство его надъ орденомъ св. Франциска, такъ какъ уставъ этого ордена былъ божескимъ откровеніемъ, и никто не имѣетъ права измѣнять въ немъ или выкидывать изъ него хотя бы одно слово,—такіе люди могли защищаться противъ папы, только нападая на источникъ его власти. Всѣ спавшія въ глубинѣ душъ идеи іоахизма проснулись и сдѣлались руководящими принципами секты. Когда Іоаннъ XXII издалъ буллу Quorumdam, то онъ олицетворилъ собою мистическаго антихриста, предшественника антихриста дѣйствительнаго. Римская Церковь была Церковью плотскою; спиритуаламъ суждено основать истинную Церковь, которая выступила бы на борьбу съ антихристомъ и которая, направляемая Св. Духомъ, открыла бы новую эру, во время которой любовь будетъ руководить человѣкомъ среди всеобщей бѣдности и самоотреченія.

Одни спиритуалы предсказывали эти событія на 1325 г., другіе — на 1330 г., третьи — на 1335 г. Это было ученіе, проповѣдуемое Вѣчнымъ Евангеліемъ. Было двѣ Церкви: одна была плотская Церковь Рима, Вавилонская Блудница, Синагога Сатаны, опьяненная кровью святыхъ, во главѣ которой хотѣлъ стоять Іоаннъ XXII, хотя онъ и обезчестилъ свой санъ и сдѣлался еретикомъ между еретиками, допустивъ смерть марсельскихъ мучениковъ; другая Церковь была истинная Церковь, Церковь Св. Духа, которая скоро восторжествуетъ благодаря оружію Фридриха Сицилійскаго. Св. Францискъ воскреснетъ во плоти, и начнется тогда третій періодъ, седьмое и послѣднее состояніе человѣчества. Въ чаяніи этого, таинства уже вышли изъ употребленія и сдѣлались безполезными

[1]) Lib. Sentent. Inquis. Tolosan., 320, 325. — Wadding. ann. 1317, № 23. — Coll. Doat, XXVII, 7 и слѣд.

Библиотека "Руниверс"

для спасенія. Несомнѣнно, въ эту именно эпоху дикой экзальтаціи были сдѣланы вставки въ сочиненія Оливи [1]).

Эта новая Церковь имѣла начатки организаціи. Въ процессѣ Напру Бонета, судимомъ въ Каркассонѣ въ 1325 г., имѣется упоминаніе объ одномъ монахѣ Гильемѣ Жиро, котораго Богъ назначилъ папою вмѣсто Іоанна XXII, когда послѣдній, виновный въ грѣхѣ, равномъ грѣху Адама, былъ низложенъ божескою волею. Не было недостатка въ святыхъ, кромѣ Франциска и Оливи; сохраняли, какъ святыню, остатки тѣла и костей тѣхъ, кто погибъ на кострѣ. Собирали даже куски дровъ костра, на которомъ они пострадали за вѣру. Эти останки помѣщались предъ алтарями въ жилищахъ и носились вѣрными какъ амулеты. Четыре марсельскихъ мученика были предметомъ особаго поклоненія. Ихъ молитвы были такъ же могущественны, какъ молитвы св. Лаврентія или св. Викентія. Въ нихъ духовно былъ распятъ Христосъ на четырехъ перекладинахъ креста. Одинъ бѣдный человѣкъ, сожженный въ Тулузѣ въ 1322 г., включилъ въ свои молитвы имена семидесяти замученныхъ спиритуаловъ; онъ призывалъ ихъ вмѣстѣ съ другими святыми, приписывая одинаковую силу ихъ предстательству. Это, несомнѣнно, было явленіемъ обычнымъ и извѣстнымъ. Однако, культъ спиритуаловъ былъ проще культа католической Церкви, такъ какъ приношенія святымъ считались безполезными. Вмѣсто того, чтобы поставить свѣчку передъ какимъ-либо святымъ или Св. Дѣвою, или совершить паломничество въ Компостелло, лучше было дать эти деньги бѣднымъ [2]).

Церковь, которую составляли эти энтузіасты, порвала всякія сношенія съ итальянскими спиритуалами, болѣе упорядоченная ревность которыхъ казалась имъ холодною. Узники, которыхъ судилъ Бернаръ Ги въ 1322 г. въ Тулузѣ, объявили, что францисканскій орденъ былъ раздѣленъ на три части: конвентуалы, желавшіе сохранить свои житницы и погреба; Fraticelli Сициліи, во главѣ которыхъ стоялъ Генрихъ да Чева, и спиритуалы, или бегины, на которыхъ обрушилось тогда все преслѣдованіе. Двѣ первыя изъ этихъ группъ, говорили они, не соблюдали устава и будутъ уничтожены; но ихъ секта будетъ существовать до конца міра. Они даже называли отступникомъ отъ вѣры св. Анджело да Кларино, подвергавшагося долгимъ и жестокимъ испытаніямъ; находились такіе крайніе ревнители, которые видѣли въ немъ мистическаго антихриста. Другіе же склонны были приписать эту сомнительную честь или даже званіе великаго Антихриста Филиппу Майоркскому, брату того Фердинанда, которому, какъ мы видѣли, было предложено господство надъ Каркассономъ. Влекомый жаждою аскетизма, Филиппъ покинулъ дворъ своего брата, чтобы сдѣлаться терціаріемъ францискаскаго ордена. Анджело неоднократно говоритъ о немъ, выражая великое удивленіе передъ нимъ. Онъ ставилъ его наравнѣ съ самыми великими святыми. Въ бурныхъ спорахъ, сопровождавшихъ вступленіе Іоанна на папскій престолъ, Филиппъ выступилъ защитникомъ интересовъ спиритуаловъ, прося, чтобы имъ было разрѣшено основать особый орденъ. Послѣ того, какъ онъ далъ всѣ обѣты, онъ снова возобновилъ эту просьбу въ 1328 г., но получилъ отказъ отъ собранной консисторіи, послѣ чего онъ бродилъ по Европѣ, живя милостынею. Въ 1341 г. при поддержкѣ Роберта Неаполитанскаго онъ сдѣлалъ третью попытку; но Бенедиктъ XII отвергъ ходатайство, сославшись, что Филиппъ былъ помощникомъ и защитникомъ бегиновъ, и эти слова папы онъ оправдалъ, когда послѣ осужденія бегиновъ публично говорилъ лживыя и еретическія рѣчи о Св. Престолѣ. Таковы

---

[1]) Lib. Sentent. Inquis. Tolosan., 208—99, 302—6, 316.—Bern. Guidon. «Practica», P. V.—Coll. Doat, XXVII, 7 сл.—Johann. S. Victor. «Chron.» ann. 1316—19 (Muratori, «S. R. I.», III, II, 478—79).

[2]) Coll. Doat, XXVII, 7 сл.—Lib. Sentent. Inquis. Tolosan. 305, 307, 310, 383—85.—Bern. Guidon. «Practica», P. V.

Библиотека "Руниверс"

были люди, самопожертвованіе которыхъ казалось недостаточнымъ въ глазахъ фанатиковъ, и на которыхъ они возводили хулу! [1])

До чего доводили эти несчастные религіозный восторгъ, прекрасно олицетворилось въ Напру Бонета, которую секта считала вдохновленною пророчицею. Уже въ 1315 г. она попала въ руки Инквизиціи Монпелье и была заключена въ тюрьму, затѣмъ выпущена на свободу. Она и сестра ея Алисетта живо заинтересовались судьбою гонимыхъ спиритуаловъ и дали многимъ бѣглецамъ убѣжище въ своемъ домѣ. По мѣрѣ того, какъ росло преслѣдованіе, росла и экзальтированность Напру. Въ 1320 г. ей стали дѣлаться видѣнія, и она стала впадать въ экстазы и видѣть себя вознесенной на небо, гдѣ бесѣдовала съ Христомъ. Наконецъ, въ Великій Четвергъ 1321 г. Христосъ далъ ей божественнаго Духа въ такой же мѣрѣ, какъ получила его Св. Дѣва, возвѣстивъ ей: «Святая Дѣва Марія родила Сына Божьяго; ты родишь Святого Духа». Такимъ образомъ, наступало исполненіе обѣщаній Вѣчнаго Евангелія. Дѣло третьей эры было близко. Св. Францискъ, говорила она, былъ Ильей, а Оливи—Енохомъ. Власть, данная Богомъ Христу, продолжалась до того дня, когда Богъ далъ Оливи Духа Святого и облекъ его славою, какая нѣкогда дана была человѣческому образу Христа. Папство перестало существовать; таинства алтаря и исповѣди были сокрушены, но таинство брака еще сохранялось. Таинство покаянія существовало всегда, но оно было чисто-внутреннее; горячее сокрушеніе смываетъ грѣхи безъ вмѣшательства священника и безъ всякихъ епитимій. Одно замѣчаніе, случайно брошенное ею передъ судьями, показываетъ, какою любовью и какимъ безграничнымъ милосердіемъ пылали сердца этихъ простыхъ людей. Она заявила, что спиритуалы и прокаженные, обреченные на костеръ, подобны убитымъ Иродомъ Иннокентіямъ: это Сатана заставляетъ сжигать спиритуаловъ и прокаженныхъ. Эти слова намекали на ужасную жестокость, проявленную, какъ извѣстно, противъ прокаженныхъ въ 1321 и 1322 гг., когда всю Францію охватилъ страхъ отъ распространившагося слуха, что эти несчастные, отверженные людьми, отравляли источники. Въ это время спиритуалы проявили настолько здраваго смысла и человѣчности къ этимъ жертвамъ, что открыто порицали избіеніе несчастныхъ больныхъ. Въ концѣ концовъ, Напру была приведена въ 1325 г. къ Генриху де Шамэ, инквизитору Каркассона. Она искренно вѣрила въ божественность своей миссіи, охотно и безбоязненно разсказала всю свою исторію и изложила свое вѣрованіе. Въ своихъ отвѣтахъ на допросахъ она проявила замѣчательную живость ума [2]). Когда ей были прочтены ея показанія, она подтвердила ихъ истинность, а когда ее убѣждали отречься, то она кротко отвѣтила, что желаетъ жить и умереть въ той вѣрѣ, которую считаетъ истинной. Она была выдана свѣтскимъ властямъ и запечатлѣла свои убѣжденія среди пламени.

Подобныя крайности мысли не сопровождались крайностями поведенія. Даже самъ Бернаръ Ги не находитъ ничего заслуживающаго порицанія въ образѣ жизни, усвоенномъ этими еретиками, кромѣ того, что школа Сатаны подражала школѣ Христа, такъ какъ міряне «обезьянили» пастырей Церкви. Всѣ давали обѣты бѣдности и вели жизнь, полную жертвъ; одни занимались ручными работами, другіе просили милостыню по дорогамъ. Въ городахъ и деревняхъ они имѣли небольшія помѣщенія, которыя они называли Домами Нищеты, гдѣ они жили всѣ вмѣстѣ. По воскресеньямъ и праздникамъ ихъ друзья собирались слушать чтенія: правила и символы вѣры, житія святыхъ, благоче-

---

[1]) Lib. Sentent. Inquis. Tolos., 303, 309, 326, 330.—Bern. Guidon. «Practica», P. V.—Franz Ehrle (ubi supra, 1885 г., стр. 540, 543, 557.).—Raymund. de Fronciacho (ibidem, 1887 г., стр. 29).—Guillel. Nangiac. Contin. ann. 1330.—Wadding. ann. 1341, №№ 21, 23.

Подраздѣленіе итальянскихъ фратичелли приняло имя Братья Fray Felipe da Mallorca (Tocco, «Archivio Storico Napolitano», 1887 г., fasc. I).

[2]) Coll. Doat, XXVII, 7 и сл., 95.

Библиотека "Руниверс"

ственныя книги, написанныя самими же сектантами на народномъ языкѣ. Особенно почитали они, какъ откровенія, посланныя Богомъ, сочиненія Оливи и Transitus Sancti Patris, легендарный разсказъ о смерти Оливи. Единственнымъ внѣшнимъ признакомъ, по которому можно было узнать этихъ людей, было, по словамъ Бернара, то, что при встрѣчѣ одинъ съ другимъ, или входя въ домъ, они говорили: «Да будетъ благословенъ Іисусъ Христосъ!» или «Да будетъ благословенно имя Господа Нашего Іисуса Христа!» Молясь въ церквахъ или въ другихъ мѣстахъ, они садились лицомъ къ стѣнѣ, накрывъ голову капюшономъ, не вставая, не становясь на колѣни и не ударяя себя руками, какъ дѣлали это католики. За обѣдомъ, послѣ произнесенія благословенія, одинъ изъ нихъ опускался на колѣни и читалъ Gloria in Excelsis, а послѣ обѣда—Salve Regina. Все это было довольно безобидно; но сектанты отличались еще одной особенностью, которую Бернаръ, въ качествѣ инквизитора, считалъ достойной крайняго порицанія. Предъ судилищемъ они довольно легко соглашались сознаться въ своей вѣрѣ, но ничто не могло заставить ихъ выдать своихъ товарищей. Въ ихъ простотѣ подобная измѣна казалась имъ нарушеніемъ христіанской любви къ ближнему, котораго ничто не могло оправдать. Напрасно инквизиторъ старался доказать имъ, что дать своимъ ближнимъ возможность обратиться было проявленіемъ любви къ себѣ подобнымъ, а не злымъ дѣломъ [1]).

Очевидно, эти бѣдные люди были не особенно опасны, если ихъ оставляли въ покоѣ. Секта, основнымъ принципомъ которой было полное отреченіе отъ всякаго имущества, и которая предавалась апокалиптическимъ мечтаніямъ Вѣчнаго Евангелія, никогда не могла сдѣлаться страшной, хотя она и была непріятной своимъ молчаливымъ, а иногда и рѣзкимъ протестомъ противъ роскоши и свѣтскости Церкви. Если бы на нее не обращали вниманія, то она, по всей вѣроятности, очень скоро исчезла бы сама собой. Возникнувъ въ той странѣ и въ ту эпоху, гдѣ и когда Инквизиція была прекрасно организована, она не имѣла никакого права разсчитывать на жизнь и, дѣйствительно, не замедлила пасть подъ энергичнымъ давленіемъ. Но невозможно опредѣлить точно время ея исчезновенія. До насъ не дошло почти никакихъ документовъ; а тѣ, которыми мы располагаемъ, не различаютъ спиритуаловъ отъ правовѣрныхъ францисканцевъ, которыхъ Іоаннъ XXII, какъ мы увидимъ, довелъ до возстанія вопросомъ о нищетѣ Христа. Этотъ послѣдній пунктъ догмата быстро пріобрѣлъ такое значеніе, что мечтанія спиритуаловъ упустили изъ виду; поэтому весьма возможно, что жертвами послѣднихъ казней были Fraticelli. Однако, до насъ дошли разсказы о нѣсколькихъ преслѣдованіяхъ, возникшихъ въ 1329 г. въ Каркассонѣ противъ людей, бывшихъ несомнѣнно спиритуалами. Среди этихъ обвиняемыхъ былъ Жанъ Роже, священникъ, пользовавшійся огромнымъ уваженіемъ въ Безье. Онъ сопровождалъ Петра Тренкавеля въ его странствованіяхъ; но онъ отдѣлался довольно легкой епитиміей, такъ что можно думать, что жаръ преслѣдованія уже ослабѣвалъ. Однако, говорятъ, что сектанты продолжали хранить, какъ святыню, кости марсельскихъ мучениковъ. Іоаннъ XXII не былъ расположенъ допустить ослабленіе строгости; въ февралѣ 1331 г. онъ снова издалъ буллу Sancta Romana, добавивъ къ ней предисловіе, обращенное къ епископамъ и инквизиторамъ, въ которомъ онъ заявлялъ, что секта процвѣтала попрежнему, и приказывалъ принять болѣе энергичныя мѣры къ ея уничтоженію. Несомнѣнно, это предисловіе послужило поводомъ къ новымъ преслѣдованіямъ, но съ этого времени мы теряемъ секту изъ виду, по крайней мѣрѣ, какъ строго опредѣленную группу [2]).

Въ то время, когда секта жила дѣятельною жизнью, она распространилась за

---

[1]) Bern. Guidon. «Practica», P. V.

[2]) Doat, XXVII, 156, 170, 178, 215; XXXII, 147.

Библиотека "Руниверс"

Пиренеи въ Арагоніи. Еще раньше, чѣмъ соборъ въ Безье въ 1299 г. узналъ оффиціально о народившейся ереси, епископы Арагоніи, собравшись въ 1297 г. въ Таррагонѣ, установили мѣру подавленія бегиновъ, распространявшихъ свои заблужденія по всему королевству; всѣ францисканскіе терціаріи были взяты подъ надзоръ. Особенно боялись ихъ сочиненій на народномъ языкѣ и поэтому потребовали ихъ выдачи. Эти предосторожности не уменьшили зла. Какъ мы уже видѣли, Арнольдъ де Виллануэва выступилъ горячимъ защитникомъ спиритуаловъ; онъ предоставилъ къ ихъ услугамъ свое неутомимое перо; его сочиненія были страшно распространены, а его вліяніе на Іакова II было щитомъ для гонимыхъ. Когда Арнольдъ и Климентъ V умерли, преслѣдованіе началось. На другой день послѣ смерти Климента V, въ 1314 г. инквизиторъ Бернардо де Пуйчерда, одинъ изъ ожесточенныхъ противниковъ Арнольда, принялся уничтожать сектантовъ. Во главѣ ихъ стояли извѣстный Педро Олеръ изъ Майорки и бр. Бонато. Всѣ, за исключеніемъ Бонато, отрекшагося въ то время, когда огонь началъ лизать его, упорно остались при своихъ убѣжденіяхъ и были выданы свѣтскимъ властямъ и сожжены. Покаявшагося выхватили изъ огня полуобгорѣлымъ, вылѣчили и осудили на пожизненное тюремное заключеніе; но черезъ двадцать лѣтъ раскрыли, что онъ тайно оставался спиритуаломъ, и въ 1335 г. его сожгли какъ рецидивиста.

Вступленіе Іоанна XXII придало новую смѣлость преслѣдователямъ. Въ ноябрѣ 1316 г. инквизиторъ Хуанъ де Льотгеръ и прево вакантной Таррагонской каѳедры Хофре де Крульесъ созвали собраніе доминиканцевъ, францисканцевъ и цистерціанцевъ. Это собраніе осудило апокалиптическія и спиритуалистическія сочиненія Арнольда и приказало, чтобы всѣ экземпляры ихъ были выданы не позднѣе десяти дней подъ угрозой отлученія отъ Церкви. Если приговоръ не преувеличиваетъ осужденныхъ заблужденій, то легко понять негодованіе монаховъ при видѣ того, какъ смѣлый писатель такъ долго пользовался покровительствомъ Іакова II. Дѣйствительно, Арнольдъ, какъ говорилось, представляетъ Церковь, отъ самаго высшаго сановника до самаго смиреннаго клирика, какъ бы вовлеченною Сатаною въ вѣроотступничество. Преслѣдованіе продолжалось. Дуранъ де Балдачъ былъ въ 1325 г. сожженъ какъ спиритуалъ вмѣстѣ съ однимъ своимъ ученикомъ. Около этого же времени Іоаннъ XXII издалъ нѣсколько буллъ, приказывавшихъ приступить къ строгому розыску еретиковъ по всей Арагоніи, Валенсіи и на Балеарскихъ островахъ. Спиритуалы были предоставлены суду епископовъ и инквизиторовъ, вопреки всѣмъ привилегіямъ и неприкосновенностямъ, на которыя имъ давала право ихъ принадлежность къ францискапскому ордену. Однако, повидимому, ересь никогда не пускала глубокихъ корней на испанской почвѣ; тѣмъ не менѣе, она проникла до Португаліи, такъ какъ Алваро Пелайо передаетъ, что въ Лиссабонѣ были лже-францисканцы, раздѣлявшіе ученіе, «что Петръ и его преемники не получили той власти, какою Іисусъ обладалъ на землѣ» [1]).

Принципы іоахизма въ нѣсколько измѣненной формѣ встрѣчаются у францисканца Хуана де Пера-Тальяда или Рупесисса, болѣе извѣстнаго, быть-можетъ, подъ именемъ Жана де-ла-Роштальядъ, которое даетъ ему Фруассаръ. Выдающійся проповѣдникъ и миссіонеръ, онъ несъ свое слово отъ своей родины Каталоніи до отдаленной Москвы. Онъ до извѣстной степени предавался тайнымъ наукамъ; ему приписывали различные трактаты по алхиміи, среди которыхъ, по словамъ Пелайо, трудно отличить подлинныя работы отъ

---

[1]) Concil. Tarraconens. ann. 1297, c. 1—4 (Martène, «Ampl. Coll.» VII, 305—6).—Eymeric., 265—66.—Raynald. ann. 1325, № 20.—Mosheim, «de Beghardis», 641.—Pelayo, «Heterodoxos Españoles», I, 777—81, 783.—Villanueva, «Viaje Literario», T. XIX, 321.—Относительно судьбы сочиненій Арнольда Виллануэва въ «Index Expurgatorius» см. Reusch, «Der Index der verbotenen Bücher», I, 33—34.—Два сочиненія, осужденныя въ 1316 г., были найдены въ итальянскомъ переводѣ въ одной рукописи библіотеки Magliabecchi Токко, который далъ ихъ описаніе въ «Archivio Storico Italiano», 1886 г., № 6, и въ «Giornale Storico della Lett. Ital.», VIII, 3.

Библиотека "Руниверс"

сочиненій сомнительныхъ. Онъ не довольствовался слѣдовать Арнольду де Виллануэва въ этой области; онъ бичевалъ, какъ и его предшественникъ, пороки Церкви и такъ же толковалъ пророчества псевдо-Іоахима. Казалось, что ни одинъ человѣкъ изъ этой школы не могъ не отдаться ворожбѣ; Хуанъ пріобрѣлъ большую славу своими оправдавшимися предсказаніями; такъ, напримѣръ, онъ предсказывалъ битву при Пуатье и Великій Расколъ. Быть-можетъ, ему и простили бы его пророчества, если бы онъ также не предсказывалъ, что Церковь будетъ лишена своихъ излишковъ, которыми она такъ позорно злоупотребляла. Часто приводили метафору, авторомъ которой онъ былъ. Церковь, говорилъ онъ, была птицею, родившеюся безъ перьевъ; всѣ остальныя крылатыя дали ей опереніе, которое они потребовали назадъ вслѣдствіе ея гордости и тиранніи. Какъ и спиритуалы, Хуанъ съ любовью переносился мысленно къ первоначальнымъ временамъ святой бѣдности, на которой до Константина покоились основанія вѣры. Повидимому, онъ избѣгъ оффиціальной ереси относительно нищеты Христа. Когда въ 1349 г. онъ явился въ Авиньонъ провозгласить свое ученіе, его не удалось осудить на костеръ, но его поспѣшно заключили въ тюрьму. Онъ былъ **большой клерикъ**, и его обвинители не могли доказать его виновность; но это былъ черезчуръ опасный человѣкъ, чтобы его можно было оставить на свободѣ, и поэтому его берегли подъ запоромъ. Мы не знаемъ точно, какъ онъ былъ освобожденъ; но если вѣрны свѣдѣнія Пелайо, что Хуанъ вернулся къ себѣ домой уже девяностолѣтнимъ старикомъ, то можно думать, что его освобожденію предшествовало очень продолжительное заточеніе [1]).

Внѣшнимъ поводомъ для его наказанія были его іоахическія умозрѣнія относительно антихриста. Однако, много святыхъ людей, какъ замѣчаетъ Ваддингъ, предавались тѣмъ же заблужденіямъ, не навлекая на себя хулы; такъ, напримѣръ, въ 1412 г. св. Викентій Феррерскій, не ограничиваясь предсказаніемъ о скоромъ пришествіи антихриста, утверждалъ, что антихристъ народился и имѣетъ уже девять лѣтъ отъ роду; между тѣмъ, Викентій не только не подвергся преслѣдованію, но даже былъ канонизованъ. Миличъ изъ Кремзира, какъ мы видѣли, подвергся преслѣдованію, но былъ оправданъ. Мечтанія Хуана были однородны съ мечтаніями Вѣчнаго Евангелія, но оставались въ границахъ католичества. Въ ноябрѣ 1349 г. онъ написалъ въ своей тюрьмѣ разсказъ о чудесномъ видѣніи, котораго онъ удостоился въ 1345 г. въ награду за свои постоянныя молитвы и за умерщвленіе плоти. Людовикъ Баварскій былъ антихристомъ, который поработитъ Европу и Африку въ 1336 г., въ Азіи же явится другой тиранъ. Затѣмъ наступитъ расколъ, во время котораго будутъ царить двое папъ. Антихристъ будетъ владычествовать надъ всей землей и явится много еретическихъ сектъ. Послѣ смерти антихриста послѣдуетъ пятидесяти-пятилѣтняя война; евреи будутъ обращены, и съ разрушеніемъ королевства антихриста начнется новое тысячелѣтіе. Власть надъ міромъ перейдетъ тогда къ обращеннымъ евреямъ; всѣ будутъ терціаріями францисканскаго ордена, и францисканцы будутъ образцомъ святости и нищеты. Еретики укроются въ неприступныхъ горахъ и на морскихъ островахъ, откуда они поднимутся въ концѣ тысячелѣтія. Тогда появится второй антихристъ, и съ нимъ наступитъ періодъ долгихъ страданій, который кончится тогда только, когда небесный огонь поразитъ и уничтожитъ его учениковъ. Затѣмъ наступятъ конецъ міра и Страшный Судъ [2]).

Уединенныя размышленія въ тюрьмѣ, повидимому, нѣсколько измѣнили пророческіе взгляды Хуана. Въ 1356 г. онъ написалъ свое Vade mecum in Tribulatione, въ

---

[1]) Pelayo, «Heterodoxos Españoles», I, 500—2.—Joh. de Rupesciss. «Vade mecum» (Fascic. Rer. Expetend. et Fugiend. II, 497).—Froissart, op. cit., Liv. I, P. II, ch. 124; liv. III, ch. 27.—Rolewink, «Fascic. Temp.» ann. 1364.—Mag. Chron. Belgic. (Pistorii III, 336).—Meyeri «Annal. Flandr.» ann. 1359.—Henr. Rebdorff, «Annal.» ann. 1351.—Paul Aemylii «de Reb. Gest. Francor.» (изд. 1569 г., стр. 491—92).—M. Flac. Illyr. «Cat. Test. Veritatis», lib. XVIII, стр. 1786 (изд. 1608 г.).

[2]) Wadding. ann. 1357, № 17.—Pelayo, op. cit., I, 501—2.

Библиотека "Руниверс"

которомъ предвѣщалъ, что пороки духовенства будутъ причиною потери всѣхъ богатствъ Церкви; въ шесть лѣтъ Церковь будетъ доведена до апостольской нищеты, и около 1370 г. она начнетъ возвращать себѣ былое достоинство; все человѣчество будетъ тогда подчинено власти Христа и его представителя на землѣ. Въ промежуткѣ времени самыя ужасныя бѣдствія обрушатся на міръ. Съ 1360 по 1365 г. поднимутся земныя пресмыкающіяся и уничтожатъ всѣхъ животныхъ и птицъ. Буря, потопъ, землетрясенія, голодъ, чума и война выметутъ злыхъ. Въ 1365 г. появится антихристъ, и вѣроотступниковъ будетъ такъ много, что вѣрные будутъ чрезвычайно рѣдки. Царство антихриста будетъ непродолжительно. Въ 1360 г. по 1365 г. папа, избранный согласно съ каноническимъ закономъ, приведетъ человѣчество въ христіанство, послѣ чего всѣ кардиналы будутъ избраны въ греческой Церкви. Во время этихъ бѣдствій францисканцы будутъ почти совершенно уничтожены въ наказаніе за несоблюденіе устава. Но оставшіеся въ живыхъ измѣнятъ свой образъ жизни, и орденъ наполнитъ землю своими учениками, многочисленными, какъ звѣзды небесныя. Впрочемъ, два францисканца самой смиренной нищеты будутъ Иліей и Енохомъ, которые проведутъ Церковь черезъ эти бѣдственныя перемѣны судьбы. До этого же времени Хуанъ совѣтовалъ всѣмъ, кто желаетъ пережить волненія въ природѣ и въ обществѣ, собрать въ горныхъ пещерахъ богатый запасъ бобовъ и меда, соленаго мяса и сушеныхъ фруктовъ. Послѣ смерти антихриста начнется тысячелѣтіе. Въ продолженіе семисотъ лѣтъ, т.-е. приблизительно до 2000-го года христіанской эры, родъ человѣческій будетъ добродѣтеленъ и счастливъ; но затѣмъ начнется паденіе. Современные пороки возродятся особенно въ рядахъ духовенства, подготовляя пришествіе Гога и Магога, за которыми придетъ послѣдній антихристъ. — Римскія іерархія должна была отличаться особою впечатлительностью, чтобы находить подобныя невинныя истерическія бредни достойными подавленія [1]).

Вліяніе Вѣчнаго Евангелія не было еще вполнѣ исчерпано. Я уже упоминалъ о Ѳомѣ Апулійскомъ, который въ 1388 г. вздумалъ проповѣдывать въ Парижѣ, что царство Духа Святого уже началось, и что Богъ поручилъ ему быть вѣстникомъ этого. Миссія его скоро прервалась, такъ какъ его заперли какъ сумасшедшаго. Аналогичной была дѣятельность Николая Бульдесдорфа, и кончилась она почти одинаково. Около 1445 г. онъ заявилъ во всеуслышаніе, что Богъ его извѣстилъ, что время Новаго Завѣта кончилось, какъ нѣкогда кончилось время Ветхаго Завѣта, что наступили третья эра и седьмой періодъ міра, наступило Царство Духа Святого, который возстановитъ человѣка въ его первобытной невинности. Самъ же Николай есть Сынъ Божій, посланный объявить міру добрую вѣсть. Онъ послалъ собору, еще засѣдавшему въ Базелѣ, разные трактаты, посвященные этимъ ученіямъ; въ концѣ концовъ, онъ даже осмѣлился лично предстать передъ отцами собора. Быстро эти сочиненія попали въ огонь, а авторъ — въ тюрьму. Затѣмъ, тщетно всѣми средствами старались довести его до отреченія отъ заблужденій; но отцы Базельскаго собора иначе смотрѣли на сумасшествіе, чѣмъ парижскіе ученые, и Николай погибъ въ 1446 г. на кострѣ [2]).

Однако, продолжали утѣшать себя мыслью, что грѣхъ и бѣдствіе не могли быть предѣломъ человѣческаго существованія, и что испорченная Церковь, мнящая себя представительницей Христа, должна была уступить мѣсто болѣе совершенной организаціи, которая дастъ новое откровеніе. Около 1466 г. два мірянина знатнаго происхожденія, Янко и Ливинъ изъ Вирсберга, начали распространять въ Эгерѣ апокалиптическія пророчества, исходившія, по ихъ словамъ, отъ одного монаха, оставившаго монастырь. По ихъ словамъ, папа былъ антихристомъ, членами котораго были кардиналы и прелаты. Индуль-

[1]) Fascic. Rer. Expetend. et Fugiend. II, 494—508.

[2]) Füesslin, «Neue und unpartheyische Kirchen- und Ketzerhistorie», Франкф., 1772, II, 63—66.

Библиотека "Руниверс"

генціи безполезны; церковныя богослуженія — суета; но близокъ день освобожденія. Уже народился Помазанникъ Христа, который приведетъ всѣхъ вѣрныхъ въ лоно Церкви, причемъ будетъ вырѣзано все духовенство, кромѣ четырехъ нищенствующихъ орденовъ. Предшественникомъ этого новаго спасителя будетъ Іоаннъ съ Востока (по всей вѣроятности, самъ Янко), который явится въ 1467 г. Въ виду нравственнаго возбужденія, предшествовавшаго реформаціи, нетрудно было найти людей, готовыхъ допустить подобныя чаянія. Поэтому ересь быстро распространилась по Эгеру и его окрестностямъ. Юрій Подѣбрадъ сначала принялъ благосклонно сектантовъ, но онъ лишилъ ихъ своего покровительства, когда духовныя власти начали ихъ преслѣдовать. 5 декабря 1466 г. оба брата были вызваны на судъ епископомъ Генрихомъ Ратисбонскимъ, послѣ чего имя Янко болѣе не упоминается въ дѣлѣ; повидимому, онъ или умеръ, или бѣжалъ. Лиininъ не обратилъ вниманія на вызовъ, но весною 1467 г. онъ былъ арестованъ графомъ-палатиномъ Оттономъ. Епископская Инквизиція предложила ему выборъ между отреченіемъ и костромъ. Онъ предпочелъ первое и торжественно принесъ отреченіе въ каѳедральномъ соборѣ. Осужденный на пожизненное тюремное заключеніе, онъ впалъ снова въ свои заблужденія и написалъ изъ тюрьмы епископу письма, въ которыхъ опять подтверждалъ свои еретическія ученія. Противъ него начали новое дѣло, но своевременная смерть спасла его отъ ожидавшаго его костра. Мы больше не встрѣчаемъ упоминаній объ его ученикахъ [1]).

Но міръ не освободился отъ этого рода умозрѣній. Даже наше время не улучшило условій человѣческой жизни настолько, чтобы положить конецъ желанію духовнаго преобразованія общества. Въ 1840 г. подмастерье на одной писчебумажной фабрикѣ близъ Байё (Bayeux), Пьеръ-Митель Вентра, основалъ общество, которое онъ назвалъ Дѣломъ Милосердія, и цѣлью котораго было ускорить пришествіе третьей эры, Царства Духа Святого, во время котораго человѣчество возродится, и земля сдѣлается раемъ. Онъ ловко совратилъ людей набожныхъ, внеся въ свой планъ ученіе о Непорочномъ Зачатіи, еще не принятое Церковью, и возстановленіе безъ вѣсти пропавшаго Людовика XVII. Несмотря на осужденіе, произнесенное 8 ноября 1843 г. Григоріемъ XVI, секта распространилась по всей Франціи; тщетно въ 1849 и 1850 гг. соборы, бывшіе въ Парижѣ, Руанѣ, Турѣ, Авиньонѣ и Альби, громили ее самыми ужасными анаѳемами. Въ 1857 г. ее снова осудилъ Пій IX, какъ отвратительное общество, но и это осужденіе не дало большихъ результатовъ. Къ счастью, Церковь XIX в. не имѣла въ своемъ распоряженіи средствъ, которыя за пятьсотъ лѣтъ передъ этимъ позволили бы ей разсѣять подобныя мечты кровью и огнемъ. Но все же у нея было настолько вліянія, чтобы добиться въ 1843 г. осужденія Вентра на пятилѣтнее тюремное заключеніе и на 1000 фр. штрафа за вымогательство денегъ подъ ложными предлогами. Арестъ былъ произведенъ, несмотря даже на благопріятныя показанія тѣхъ, кто давалъ ему деньги. Поведеніе его въ тюрьмѣ было образцовымъ, срокъ его уже близился къ концу, когда въ 1848 г. февральская революція освободила его. Но клерикализмъ Второй имперіи былъ менѣе либералевъ, и Вентра былъ вынужденъ удалиться въ Лондонъ, а секта мало-по-малу заглохла [2]).

---

[1]) H. Haupt, въ «Deutsche Biographie», s. v. «Wirsberg».—Chron. Glassberger, ann. 1466 («Analecta Franciscana», II, 422—26).

[2]) André, «Affaire Rosette Tamisier», Carpentras, 1851.—Conciliorum Collectio Lacensis. T. IV, 16, 68, 281, 322, 421, 520.—Erdan, «La France Mystique», I, 236 и слѣд.

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА II.

Гиллельма и Дольчино.

Духовная экзальтація, вызвавшая среди францисканцевъ волненія, разсмотрѣнныя нами въ предшествующей главѣ, не ограничилась одними только извѣстными членами ордена. Она проявилась еще болѣе необузданно въ небольшой группѣ Гиллельмитовъ и въ болѣе опасной демонстраціи Дольчинистовъ, или Апостольскихъ Братьевъ.

Около 1260 г. въ Миланъ прибыла одна женщина, по имени Гиллельма; съ ней былъ сынъ; изъ послѣдняго обстоятельства видно, что она вела мірской образъ жизни и испытала превратности судьбы. Ребенокъ, по всей вѣроятности, вскорѣ умеръ, такъ какъ о немъ больше не упоминается. Эта женщина имѣла нѣкоторое состояніе, и ее считали за дочь Констанціи, жены чешскаго короля Оттокара I. Это знатное происхожденіе сомнительно, но вопросъ о ея происхожденіи не настолько важенъ, чтобы на немъ стоило останавливаться[1]).

Гиллельма была замѣчательно набожна и вся отдавалась добрымъ дѣламъ, но она не проявляла при этомъ никакого аскетизма. Мало-по-малу вокругъ нея образовался небольшой кружокъ учениковъ, которымъ, если судить по нѣкоторымъ сохранившимся документамъ, она преподавала спасительные уроки нравственности. Эти ученики присвоили себѣ простую коричневую одежду, похожую на ту, которую носила она, и основали общину, не имѣвшую, повидимому, опредѣленнаго устройства и объединенную только общимъ почитаніемъ благочестивой Гиллельмы[2]).

Въ ту эпоху нелегко было положить границу поклоненію. Чувствовали черезчуръ тѣсную связь между міромъ матеріальнымъ и міромъ духовнымъ; ростъ іоахизма показываетъ, какъ легко принимались ученія, предсказывавшія близкую перемѣну, наступленіе новой эры для человѣчества. Ученики Гиллельмы скоро начали видѣть въ ней святую и чудотворицу. Ей приписывали чудесныя исцѣленія: она, говорили, вылѣчила зрѣніе доктору Джакоббе да Ферно и фистулу Альберто де Новати. Затѣмъ говорили, что она удостоилась стигматовъ. Эти стигматы не были видимы людьми, которые убирали ея трупъ для погребенія; но это, говорили, произошло, потому что они не были достойны. Съ полной увѣренностью утверждали, что она обратитъ евреевъ и сарацинъ и введетъ среди всѣхъ людей единую вѣру. Наконецъ, около 1276 г. поклоненіе нѣкоторыхъ учениковъ дошло

---

[1]) Констанція, дочь Белы III Венгерскаго, была второю женою Оттокара I Чешскаго, умершаго въ 1230 г. восьмидесяти лѣтъ отъ роду. Сама она умерла въ 1240 г., оставивъ трехъ дочерей; одна изъ нихъ, Агнесса, основала въ Прагѣ францисканскій монастырь св. Іануарія и вступила въ него 18 мая 1236 г.; другая, Беатриса, вышла замужъ за Оттона Благочестиваго Бранденбургскаго; послѣдняя, Людмила, вышла замужъ за Людовика I Баварскаго. Трудно думать, чтобы Гиллельма была одною изъ этихъ трехъ дочерей (Art de Vérif. les Dates, VIII, 17). Ея ученикъ, Андреа Сарамита, свидѣтельствуетъ, что послѣ смерти Гиллельмы онъ совершилъ, поѣздку въ Чехію съ цѣлью получить уплату нѣкоторыхъ расходовъ; денегъ онъ не получилъ, но удостовѣрился въ родствѣ Гиллельмы съ чешскимъ королевскимъ домомъ (Andrea Ogniben, «I. Guglielmiti del Secolo XIII», Perugia, 1867 г., 10—11).—Съ другой стороны, современный нѣмецкій составитель хроники утверждаетъ, что она происходила изъ Англіи (Annal. Dominican. Colmariens. ann. 1301.—Urstisii, III, 33).

[2]) Ogniben, op. cit., 56, 73—5, 103—4.

Библиотека "Руниверс"

до того, что они стали потихоньку распространять слухъ, что она женское воплощеніе Третьяго Лица св. Троицы, Св. Духа, совершенно такъ же, какъ Христосъ былъ воплощеніемъ Второго Лица. Она одновременно была Богомъ и Человѣкомъ; и такъ какъ Страсти испытывало тѣло не одного Іисуса Христа, но и Св. Духъ, то и плоть Гиллельмы была также плотью Христа. Распространителями этого страннаго ученія были высокопоставленное лицо Милана, Андрей Сарамита, и Майфреда ди Пировано, монашенка-гуміліатка изъ стариннаго Біассонскаго монастыря, двоюродная сестра Маттео Висконти. Сама Гиллельма, по всей вѣроятности, не поддерживала этихъ нелѣпыхъ розсказней: только одинъ Андрей Сарамита показывалъ на допросѣ, что онъ слышалъ это отъ нея самой; а за нѣсколько дней передъ этимъ онъ показывалъ противное; другіе же непосредственные ученики Гиллельмы утверждали, что она не имѣла никакого притязанія на сверхъестественное могущество. Когда люди, бывало, просили Гиллельму исцѣлить ихъ или избавить отъ болѣзни, то она говорила имъ: «Идите своимъ путемъ; я не Богъ». Когда ей передавали слухи, ходившіе о ней, то она энергично возставала противъ нихъ, утверждая, что она простая, слабая женщина и ничтожный земной червь. Одинъ монахъ изъ Кіаравалле, Маркизіо Секко, показалъ, что у него по этому вопросу возникъ споръ съ Андреемъ, и оба они рѣшили обратиться за разрѣшеніемъ къ самой Гиллельмѣ; она возмутилась и заявила, что имѣетъ такія же кости и тѣло, какъ и всѣ люди, что, какъ всѣмъ извѣстно, она пришла въ Миланъ съ сыномъ, и что, если Секко и Андрей не покаются въ подобномъ богохульствѣ, то они будутъ осуждены на вѣчныя муки. Однако, умы, увлеченные обѣщаніями Вѣчнаго Евангелія, твердо вѣрили, что воплощеніе, подобное Гиллельмѣ, начнетъ эру Св. Духа, и не хотѣли разочаровываться [1]).

Гиллельма умерла 24 августа 1281 г., завѣщавъ все свое имущество большой цистерціанской общинѣ въ Кіаравалле, близъ Милана, въ которой она хотѣла быть погребенной. Въ это время между Миланомъ и Лоди была война, и дороги не были безопасны; поэтому ее временно похоронили въ городѣ, а Андрей и Діонисій Котта отправились къ герцогу Монферратскому просить военный конвой для перевозки тѣла. Послѣднее состоялось въ октябрѣ и было чрезвычайно торжественно. Цистерціанцы обрадовались случаю, который увеличивалъ богатство и доходы ихъ монастыря. Въ ту эпоху извлеченіе выгодъ изъ новыхъ святыхъ было дѣломъ чрезвычайно выгоднымъ, и имъ, не стѣсняясь, злоупотребляли. Салимбенъ горько жалуется на это злоупотребленіе, упоминая о поклоненіи, которымъ въ 1279 г. окружили въ Кремонѣ останки одного пьяницы-виноторговца, по имени Альберто; поклоненіе ему привлекало толпу вѣрныхъ, которые приносили богатыя пожертвованія къ удовольствію всѣхъ заинтересованныхъ. Эти злоупотребленія были постоянны, какъ мы видѣли это на дѣлѣ Арманно Пондзилупо, хотя каноны, по словамъ Салимбена, запрещали поклоненіе новому святому, пока онъ не былъ признанъ оффиціально римскою Церковью. Но Салимбенъ ошибается. Гораздо болѣе авторитетный, чѣмъ онъ, Цангино Уголини утверждаетъ, что не было никакой ереси въ почитаніи не канонизованныхъ святыхъ, если вѣрили, что Богъ по ихъ ходатайству производитъ чудеса; но если полагали, что мощи сами по себѣ безъ помощи Бога производятъ чудеса, то это являлось ересью, за которую Инквизиція могла наказать. Пока святой не былъ канонизованъ, поклоненіе ему зависѣло отъ епископа, который могъ во всякое время запретить это. Одно проявле-

[1]) Ognibeu, op. cit. 12, 20—21, 35—37, 69, 70, 74, 76, 82, 84—86, 101, 104—106, 116.

Докторъ Андреа Огнибенъ, которому мы обязаны изданіемъ отрывочныхъ свѣдѣній, дошедшихъ до насъ, о процессѣ, возбужденномъ противъ Гиллельмитовъ, полагаетъ, что Майфреда ди Пировано по своей матери Анастасіи ди Пировано приходилась двоюродной сестрой Маттео Висконти (op. cit. 23). Продолжатель хроники Вильгельма Нангіакскаго видитъ въ ней сводную сестру Висконти (Guillel. Nangiac. ann. 1317).

Библиотека "Руниверс"

ніе чудесъ еще не было доказательствомъ, такъ какъ къ этому часто прибѣгала нечистая сила, чтобы погубить вѣрующихъ [1]).

Въ данномъ случаѣ архіепископъ Милана не препятствовалъ, и почитаніе Гиллельмы въ скоромъ времени сдѣлалось прочнымъ. Мѣсяцъ спустя послѣ перенесенія тѣла Андрей распорядился вырыть трупъ, перенесъ его въ церковь, обмылъ его виномъ съ водою и одѣлъ въ дорогое вышитое платье. Жидкость была тщательно сохранена, чтобы пользоваться ею, какъ муромъ, при помазаніи больныхъ. Жидкость эту набожно помѣстили на алтарѣ женскаго Біассонскаго монастыря, и Майфреда мазала ею больныя мѣста людей, приходившихъ искать исцѣленія. Въ скоромъ времени надъ могилой Гиллельмы возникла часовня и алтарь. До сихъ поръ еще въ Кіаравалле показываютъ небольшую часовню, гдѣ, по преданію, лежало ея тѣло, и ея изображеніе на стѣнѣ пустой гробницы. Святая изображена стоящею на колѣняхъ передъ св. Дѣвой, къ которой привелъ ее св. Бернаръ, покровитель аббатства. Толпа другихъ лицъ, окружающихъ группу, и все изображеніе показываютъ, что посвятившіе его видѣли въ Гиллельмѣ святую, а не воплощеніе божества. Діонисій Котта помѣстилъ другое изображеніе святой въ церкви Santa Maria fuori di Porta Nuova; двѣ неугасимыя лампады горѣли передъ этимъ изображеніемъ, чтобы склонить Гиллельму къ предстательству за похороненнаго въ этомъ мѣстѣ брата Котты. Другія изображенія украшали церковь св. Евфиміи и женскій Біассонскій монастырь. Во всемъ этомъ дѣятельное участіе принимали монахи изъ Кіаравалле, поддерживавшіе неугасимыя лампады передъ алтаремъ. Въ честь святой было два праздника: одинъ въ день ея смерти, другой въ день перенесенія ея тѣла. Въ эти дни богомольцы собирались въ аббатство; монахи устраивали скромный пиръ за монастырскими стѣнами, такъ какъ цистерціанскій уставъ запрещалъ женщинамъ вступать за ограду монастыря; нѣкоторые изъ нихъ произносили краснорѣчивыя рѣчи о святости Гиллельмы, сравнивая ее съ другими святыми, съ луною и съ звѣздами, и получали приношенія отъ вѣрующихъ. Но этимъ не исчерпывалась вся выгода, получаемая монастыремъ отъ поклоненія Гиллельмѣ. Одинъ изъ ея учениковъ, Джаккобе де Новати, принадлежалъ къ одной изъ знатныхъ фамилій Милана; въ замкѣ его обыкновенно собирались гиллельмиты. Умирая, онъ завѣщалъ все свое состояніе на монастырь; и, конечно, это не единственный случай подобной щедрости, хотя о другихъ до насъ и не дошло свѣдѣній [2]).

Все это было довольно невинно. Но среди поклонниковъ Гиллельмы была небольшая группа посвященныхъ, которые видѣли въ ней воплощеніе Св. Духа. Исторія іоахизма показала намъ направленіе эпохи, видѣвшей въ христіанствѣ только временную фазу вѣры, которую въ непродолжительномъ времени должно смѣнить царство Св. Духа, болѣе совершенное, чѣмъ римская Церковь. Поэтому гиллельмиты могли легко утѣшать себя, что среди нихъ жилъ Духъ Утѣшитель, который скоро явится снова, когда Св. Духъ снизойдетъ въ видѣ огненныхъ языковъ на своихъ учениковъ, когда евреи и язычники будутъ обращены, и когда новая Церковь начнетъ эру любви и блаженства, которыхъ такъ жаждало человѣчество въ теченіе этихъ тяжелыхъ столѣтій.

Главнымъ апостоломъ этого ученія былъ Андрей. Онъ выдавалъ себя за перваго и единственнаго духовнаго сына Гиллельмы, получившаго отъ нея откровеніе, которое онъ разукрасилъ, чтобы оно больше понравилось ученикамъ. Архангелъ Рафаилъ возвѣстилъ блаженной Констанціи, что Духъ Святой воплотится въ ней; черезъ годъ, въ день св. Пятидесятницы, родилась Гиллельма; она избрала себѣ образъ женщины, такъ какъ, если бы она родилась мужчиной, то погибла бы подобно Христу, и съ ней погибъ бы весь міръ.

[1]) Ogniben, op. cit. 30, 44, 115.—Salimbene, «Chronica», 274—76.—Chron. Parmens. ann. 1279, (Muratori, «S. R. I.» IX, 791—2).—Zanchini. «Tract. de Haeret.» c. XXII.

[2]) Ogniben, op. cit. 20—21, 25—26, 31, 36, 49—50, 56—57, 61, 72—73, 74, 93—94, 101, 116.—Tamburini, «Storia dell'Inquisizione», II, 17—18.

Библиотека "Руниверс"

ПАПА УРБАНЪ II.
(1088—1099).
(Съ картины Бенжамена Констана).

Библиотека "Руниверс"

Однажды у себя въ комнатѣ она обратила стулъ въ быка и предложила Андрею удержать, если онъ можетъ, животное; но животное исчезло, когда Андрей хотѣлъ схватить его. Посѣщая гробницу въ Кіаравалле, говорилъ онъ, можно получить такія же отпущенія грѣховъ, какъ за поломничество къ Гробу Господню. Опрѣснокъ, который освящали черезъ возложеніе на гробницу, жадно дѣлили между собою ученики, создавая такимъ образомъ новую форму причастія. Кромѣ двухъ общепризнанныхъ праздниковъ, посвященные праздновали еще особый, умышленно отнесенный на день святой Пятидесятницы, на день, когда ожидали новаго появленія святой. Въ то же время возбуждали поклоненіе вѣрующихъ разсказами, что Гиллельма поддерживаетъ сношеніе со своими учениками, то являясь имъ въ своемъ настоящемъ видѣ, то въ видѣ голубя. Сектанты довольствовались самыми ничтожными доказательствами, какъ это видно изъ одного случая, наполнившаго ихъ радостью, въ 1293 г. Во время пира въ домѣ Джаккобе да Ферно возникъ горячій споръ между еще сомнѣвавшимися и уже убѣжденными. Одна изъ наиболѣе горячихъ почитательницъ Гиллельмы, Карабелла, жена Аминцоне Тоскано, сидѣла на своемъ плащѣ. Когда же она встала, то увидѣла на шнуркахъ три узла, которыхъ раньше не было. Въ этомъ усмотрѣли большое чудо и полное подтвержденіе истины [1]).

Если бы дѣло не кончилось трагедіей, то гиллельмизмъ былъ бы простой шуткой, такъ какъ эта Церковь, мечтавшая ниспровергнуть прочное зданіе латинской Церкви, была довольно странна какъ по своему общему направленію, такъ и по подробностямъ своихъ вѣрованій. Четвероевангеліе должно было уступить мѣсто священнымъ писаніямъ Андрея, нѣкоторыя изъ которыхъ были уже готовы подъ именемъ разныхъ посвященныхъ: «Посланіе Сибиллы къ жителямъ Новарры», «Пророчество пророка Кармео всѣмъ городамъ и народамъ»; было также готово и краткое изложеніе ученія Гиллельмы, начинающееся слѣдующими словами: «Въ то время Духъ Святой сказалъ своимъ ученикамъ...» Майфреда составила также молебствіе Св. Духу и молитвы для церковнаго употребленія. Во время второго пришествія Гиллельмы, когда папство исчезнетъ, Майфреда должна была сдѣлаться папою, намѣстникомъ Св. Духа; она будетъ владѣть ключами отъ неба и ада, окреститъ евреевъ и сарацинъ. Будетъ образована новая коллегія кардиналовъ, въ члены которой было пока избрано одно только лицо, а именно—молодая дѣвушка, по имени Тарія. Послѣдняя, если судить по отвѣтамъ, даннымъ ею передъ Инквизиціей, и по презрительнымъ отзывамъ о ней нѣкоторыхъ сектантовъ, была достаточной представительницей проекта во всей его нелѣпости. Въ ожиданіи своего посвященія въ папы, Майфреда была предметомъ особаго поклоненія: ученики цѣловали ея руки и ноги, и она благословляла ихъ. Когда Бонифацій VIII, провозгласивъ юбилей, привлекъ въ Римъ сотни тысячъ паломниковъ, ожидавшихъ индульгенцій, то вызванное этимъ возбужденіе, по всей вѣроятности, побудило гиллельмитовъ предсказать пришествіе Св. Духа въ день Пятидесятницы 1300 г. Вѣрующіе проявили странный матеріализмъ, приготовивъ для ожидаемаго Бога блестящія одежды, пурпуровый плащъ съ серебряной застежкой, цѣною въ тридцать ливровъ (terzioli), шелковыя одежды, вышитыя золотомъ, и золоченыя туфли. Петръ де Альцате доставилъ сорокъ двѣ дюжины зеренъ жемчуга, а Кателла де Джорджи — цѣлую унцію. Чтобы приготовиться къ своимъ новымъ священнымъ обязанностямъ, Майфреда начала служить обѣдни. Во время пасхальныхъ торжествъ она облачилась въ священническія одежды и освятила дары, а Андрей, надѣвъ стихарь, читалъ евангеліе; затѣмъ она причастила присутствовавшихъ. Въ день воскресенія Гиллельмы ей предстояло служить обѣдню въ церкви св. Маріи, и для этого были приготовлены богатѣйшіе священные сосуды, цѣною болѣе двухсотъ ливровъ [2]).

---

[1]) Ogniben, op. cit. 21, 25, 30, 36, 55, 70, 72, 96, 101.

[2]) Ogniben, op. cit. 17, 20, 22, 23, 30, 34, 37, 40, 42, 47, 54, 62, 72, 80, 90, 94, 96.

Библиотека "Руниверс"

Судя по этимъ крупнымъ суммамъ, надо полагать, что сектанты принадлежали къ богатому классу. Но совершенно непонятно, какъ подобное нелѣпое ученіе могло увлечь людей умныхъ и образованныхъ. Это показываетъ только, насколько силенъ былъ духъ мятежа и готовность принять всякое, даже самое безумное, обѣщаніе облегчить бѣдствія эпохи. Въ Миланѣ было мало фамилій, болѣе извѣстныхъ, чѣмъ Гарбаньяти,—гибеллины, тѣсно связанные съ Висконти. Гаспаро Гарбаньяте занималъ много видныхъ мѣстъ; если имя его не встрѣчается въ спискѣ сектантовъ, то жена его и два сына, Отторино и Франческо, были членами секты, равно какъ и Белла, жена Джаккобе. Франческо былъ выдающійся дипломатъ и юристъ; въ 1309 г. Маттео Висконти послалъ его къ императору Генриху VII; онъ снискалъ себѣ расположеніе всего императорскаго двора и прекрасно выполнилъ свою миссію. Онъ окончилъ свою жизнь профессоромъ права въ знаменитомъ Падуанскомъ университетѣ. И однако, этотъ, несомнѣнно, образованный и мыслящій человѣкъ былъ горячимъ гиллельмитомъ; онъ покупалъ шелковыя матеріи, затканныя золотомъ, ко дню воскресенія Гиллельмы и составлялъ молитвы въ честь ея. Однимъ изъ преступленій, за которое былъ наказанъ въ 1323 г. Маттео Инквизиціей, было то, что онъ держалъ у себя на службѣ Франческо Гарбаньяте, послѣ того, какъ онъ былъ осужденъ на ношеніе крестовъ за принадлежность къ гиллельмитской ереси. Въ 1324 г. Іоаннъ XXII, утверждая приговоръ, добавилъ, что Маттео запугалъ инквизиторовъ, чтобы спасти своего сына Галеаццо, бывшаго также гиллельмитомъ [1]).

Когда ересь была обнаружена, то народная молва, естественно, приписала сектантамъ половыя крайности, которыя безъ разбору приписывали всякому, уклонявшемуся отъ католичества. Преданіе, желая объяснить открытіе секты, разсказываетъ ту же исторію, которая, какъ мы уже видѣли, разсказывалась въ Кельнѣ о Братьяхъ Св. Духа: одинъ супругъ слѣдуетъ за своей женой на ночное свиданіе, и такимъ образомъ узнаетъ ужасные обряды сектантовъ. На этотъ разъ героемъ разсказа является Коррадо Конна, жена котораго Джаккоба была горячей послѣдовательницей ереси [2]).

Число членовъ секты было незначительно. Разсказываютъ, что на обѣдѣ, данномъ въ честь Гиллельмы монахами Кіаравалле, присутствовало сто двадцать девять человѣкъ; но среди нихъ были, несомнѣнно, люди, почитавшіе Гиллельму, только какъ святую. Настоящее число посвященныхъ было, безъ сомнѣнія, гораздо меньше. Число виновныхъ по признаніямъ, полученнымъ Инквизиціей, достигаетъ только тридцати, и можно думать, что оно никогда не превышало скромной цифры тридцати пяти—сорока [3]).

Не надо думать, чтобы эта ересь могла въ теченіе почти двадцати лѣтъ совершенно ускользать отъ бдительности миланскихъ инквизиторовъ. Въ 1284 г., вскорѣ послѣ смерти Гиллельмы, двое изъ ея учениковъ, Аллегранца и Карабелла, открыли необдуманно тайны ихъ вѣры Бельфіоре, матери брата Энрико да Нова, который тотчасъ разсказалъ все инквизитору бр. Манфредо да Донавіа. Немедленно были вызваны Андрей, жена его Рикадона, сестра его Мильіоре и дочь Фіордебеллина; были вызваны также Майфреда, Беллакора де Каренгани, Джаккоба деи Бассани и, по всей вѣроятности, нѣкоторые другіе. Обвиняемые отреклись, и съ ними поступили необыкновенно снисходительно, такъ какъ братъ Манфредо простилъ ихъ и отпустилъ, ударивъ только по плечу прутомъ, что обозначало наказаніе плетьми, котораго они заслуживали. Повидимому, этому дѣлу не придавали особаго значенія и обвиняемыхъ не заставили выдать имена своихъ единомышленниковъ. Новое разслѣдованіе было поднято инквизиторомъ бр. Томмасо да Комо въ 1295

---

[1]) Ogniben, op. cit. 65–67, 83—84, 90—91, 110.—Ughelli, t. IV, 286—93 (изд. 1652 г.).—Raynald. ann. 1324, №№ 7—11.

[2]) Philip. Bergomat. «Supplem. Chron.» ann. 1298.—Bern. Corio, «Hist. Milanese», ann. 1300.

[3]) Ogniben, op. cit. 1, 2, 31, 74, 110.—Tamburini, op. cit. II, 67—68.

Библиотека "Руниверс"

и 1296 г.г.; подробности этого разслѣдованія до насъ не дошли: повидимому, оно не дало крупныхъ результатовъ [1]).

Мы не знаемъ, какимъ образомъ весною 1300 г. секта привлекла къ себѣ вниманіе Инквизиціи. Весьма вѣроятно, что ожиданіе воскресенія Гиллельмы, предсказаннаго на будущую Пятидесятницу, и приготовленія, сдѣланныя въ виду этого, вызвали среди учениковъ движеніе, сопровождавшееся, быть-можетъ, необдуманными разоблаченіями. На Пасху (10 апрѣля) инквизиторы вызвали и подвергли допросу Майфреду, Джаккобу деи Бассани и, безъ сомнѣнія, еще нѣсколько лицъ, но безъ крупнаго результата. Однако, надъ ними учредили надзоръ и собрали тайно обвинительный матеріалъ. 18 іюля нѣкто бр. Гирардо явился къ Лапфранку де Амиццони, раскрылъ ему все дѣло и назвалъ главныхъ участниковъ. Андрей обличилъ измѣнника и старался узнать, что онъ сказалъ; но ему посовѣтовали позаботиться о своемъ собственномъ спасеніи, такъ какъ настроеніе инквизиторовъ было крайне угрожающее. 20-го Андрей былъ вызванъ. Онъ показалъ, что никогда не слыхалъ, чтобы говорили про Гиллельму, что она выше другихъ святыхъ; очевидно, его объясненіями удовлетворились, такъ какъ его отпустили, приказавъ явиться на другой день, а пока хранить все дѣло въ глубокой тайнѣ [2]).

Андрей и Майфреда были страшно напуганы. Боясь, чтобы ихъ ученики не были также вызваны инквизиторами, они заклинали своихъ друзей спасти ихъ обоихъ отъ смерти и ничего не говорить о нихъ. Враждебныя отношенія между двумя монашескими орденами были настолько общеизвѣстны, что первымъ движеніемъ сектантовъ было обратиться за помощью къ францисканцамъ. Лишь только сдѣланы были вызовы, какъ Андрей, въ сопровожденіи доктора Бельтрамо да Ферно, одного изъ самыхъ горячихъ членовъ секты, отправился въ францисканскій монастырь. Здѣсь обвиняемые узнали отъ брата Даніеле да Ферно, что бр. Гидоне де Коккенато и другіе инквизиторы не имѣютъ никакого права дѣйствовать, такъ какъ мандаты ихъ уничтожены папою, и бр. Пагано ди Пьетра Санта получилъ по этому поводу буллу. Несомнѣнно, за этимъ крылась какая-нибудь интрига, которую было бы интересно открыть, такъ какъ здѣсь мы встрѣчаемъ старыхъ знакомыхъ. Бр. Гидоне былъ, безъ сомнѣнія, тотъ самый инквизиторъ, который въ 1279 г. участвовалъ въ судѣ надъ Коррадо да Веноста; что касается бр. Пагано, то мы знаемъ, что въ 1295 г. онъ подвергался преслѣдованію за ересь. Быть-можетъ, воспоминаніе объ этомъ возбуждало его рвеніе противъ инквизиторовъ; поэтому, когда на другой день къ нему явились гиллельмиты, онъ показалъ имъ буллу и просилъ ихъ явиться по вызову; они, такимъ образомъ, дадутъ ему въ руки доказательство, что инквизиторы продолжаютъ отправлять свои обязанности, за что, говорилъ онъ, онъ охотно готовъ заплатить имъ двадцать пять ливровъ. Это можетъ служить намъ прекраснымъ доказательствомъ того, какая глубокая таинственность облекала дѣятельность Св. Трибунала; до сего времени бр. Пагано тщетно старался узнать навѣрное, кто отправлялъ обязанности инквизиторовъ. Незадолго передъ этимъ, когда былъ сожженъ въ Бальсемо одинъ еретикъ, бр. Пагано послалъ своихъ людей разузнать, кто вынесъ приговоръ, но узнать это ему не удалось.

Гиллельмиты обратились къ аббату Кіаравалле и къ одному изъ его монаховъ, Маркизіо ди Ведано, котораго самого подозрѣвали въ гиллельмизмѣ. Эти лица попросили копію буллы, которая и была доставлена имъ засвидѣтельствованная нотаріусомъ. Они отправились съ ней къ миланскому архіепископу, бывшему въ то время въ Кассано, и просили его разрѣшить имъ разслѣдовать это дѣло. Архіепископъ обѣщалъ вмѣшаться; но если онъ и сдержалъ обѣщаніе, то, по всей вѣроятности, узналъ, что обвиняемые сознались въ томъ, что не признаютъ Бонифація VIII папою, а слѣдовательно, и архіс-

[1]) Ogniben, op. cit. 14, 23, 33, 36, 38, 60, 72, 101, 110, 114.
[2]) Ogniben, op. cit. 13, 30, 33, 39.

Библиотека "Руниверс"

пископъ, назначенный этимъ папою, не былъ въ глазахъ ихъ архіепископомъ. По этому ли, или по какой другой причинѣ, рвеніе архіепископа остыло, и онъ не сталъ мѣшать дѣлу идти своимъ путемъ [1]).

У Инквизиціи было много агентовъ на мѣстѣ. Кромѣ бр. Гидоне, который по своему возрасту и опытности былъ, повидимому, главнымъ дѣйствующимъ лицомъ трагедіи, и Ланфранко, также игравшаго видную роль, мы встрѣчаемъ еще третьяго инквизитора, Райнеріо ди Пировано. Во время отсутствія этихъ трехъ лицъ ихъ замѣщали ихъ делегаты Никколо ди Комо, Никколо ди Варенна и Леонардо да Бергамо. Дѣло велось крайне энергично и не забывали прибѣгать частенько къ пыткѣ. Правда, показанія обвиняемыхъ ничего не говорятъ объ этомъ; но это молчаніе еще ничего не доказываетъ, такъ какъ примѣненіе пытки было дѣломъ обычнымъ, и о немъ нечего было упоминать. О примѣненіи ея говорятъ историки этого дѣла, и, кромѣ того, объ этомъ явно свидѣтельствуетъ характеръ допросовъ, которымъ послѣдовательно подвергались главные подсудимые. Сначала они очень смѣло утверждали, что они невиновны и ничего не знаютъ; затѣмъ слѣдуютъ болѣе или менѣе долгіе перерывы и, наконецъ, — полное сознаніе. Особенно это бросается въ глаза въ показаніяхъ тѣхъ лицъ, которые отреклись отъ ереси въ 1284 г., каковы, напр., Андрей, Майфреда и Джаккоба. Они знали, что, будучи рецидивистами, они своимъ сознаніемъ въ ереси сами осуждали себя на костеръ, и сознаніемъ они выигрывали только то, что ихъ не пытали снова [2]).

Дошедшіе до насъ документы крайне неполны, такъ что мы не можемъ установить исторіи процесса и съ увѣренностью сказать о судьбѣ преступниковъ. Въ Лангедокѣ, разъ были бы собраны всѣ свидѣтельскія показанія, было бы назначено собраніе для опредѣленія наказаній, затѣмъ они были бы объявлены въ торжественномъ Sermo, и жертвы отправились бы на костеръ; но въ Миланѣ дѣла велись скорѣе. Единственно извѣстный намъ приговоръ былъ вынесенъ 23 августа собраніемъ, на которомъ архіепископъ засѣдалъ рядомъ съ инквизиторами. Осужденіе касалось только сестры Джаккобы деи Бассани, которая, какъ рецидивистка, была согласно съ законами выдана въ руки свѣтской власти для сожженія на кострѣ. Можно предполагать, что раньше ея подобная участь постигла священника Мирано ди Гарбаньяте, сильно замѣшаннаго въ этомъ дѣлѣ. Андрей и Майфреда были, по всей вѣроятности, казнены между 1 и 9 сентября. Но мы совершенно не можемъ опредѣлить даты другихъ казней; не знаемъ также, когда были вырыты и сожжены кости Гиллельмы. Допросы учениковъ продолжались до половины октября. Здѣсь достойна вниманія еще одна особенность: для наложенія меньшихъ наказаній инквизиторы не пользовались совѣтами экспертовъ и даже не совѣщались съ архіепископомъ. Они дѣйствовали вполнѣ по своему усмотрѣнію. Очевидно, ломбардская Инквизиція не питала особаго уваженія къ епископскому сану даже Амвросіанской церкви [3]).

---

[1]) Ogniben, op. cit. 21, 40, 42, 78—79.

Діонисій де Новати свидѣтельствуетъ (стр. 93), будто Майфреда обыкновенно говорила, что Бонифацій не былъ настоящимъ папой и что былъ избранъ другой папа. Мы видѣли, что францисканцы спиритуалы въ извѣстный моментъ сами избрали новаго папу. Было мало общаго между ними и гиллельмитами; но эта подробность позволяетъ думать, что между двумя сектами существовали какія-то сношенія.

[2]) Сравните первый допросъ Андрея 20 іюля (Ogniben, op. cit. 8—13) и второй 10 августа (ibidem, 56—57) съ смѣлымъ исповѣданіемъ вѣры, которое онъ далъ 13 августа (ibidem, 67—68). Сравните также первый допросъ Майфреды 31 іюля (ibid. 23—26) съ ея сознаніемъ 6 августа и съ разоблаченіемъ именъ ея послѣдователей (ibid. 33—35). Вспомните также отрицаніе Джаккобы деи Бассани отъ ея сознаніи 11 августа (ibid. 39). То же было и съ тѣми, кто не былъ виновенъ во второмъ возвращеніи къ ереси; обратите вниманіе на рѣшительное отрицаніе сестры Агнесы деи Монтанари 3 августа и ея сознаніе 11 августа (ibid. 37—38).

[3]) Ogniben. op. cit. 19—20, 77, 91.

Библиотека "Руниверс"

Однако, Инквизиція проявила замѣчательную снисходительность, въ особенности, если принять во вниманіе революціонный характеръ ереси. Нельзя точно опредѣлить число жертвъ, приговоренныхъ къ костру, но ихъ было не болѣе четырехъ или пяти. Это были оставшіеся въ живыхъ еще изъ тѣхъ, кто принесъ отреченіе въ 1284 г.; какъ закоренѣлые еретики и рецидивисты, они не заслуживали никакого снисхожденія. Остальные же подверглись наказаніямъ чрезвычайно легкимъ. Таково было дѣло Сибиллы Малькольцати, фигурировавшей среди самыхъ горячихъ сектантовъ. На первыхъ допросахъ она была рѣшительно уличена въ клятвопреступленіи, и ее съ трудомъ удалось довести до сознанія въ заблужденіи; тѣмъ не менѣе, когда 6 октября она явилась передъ бр. Райнеріо и смиренно умоляла снять съ нея отлученіе отъ Церкви, то инквизиторъ, тронутый ея просьбами, согласился снять съ нея духовное наказаніе, обязавъ ее, согласно обычаю, подчиниться приказаніямъ Церкви и Инквизиціи и выполнить епитиміи, которыя будутъ на нее наложены. Съ двумя сестрами, Кателлой и Пьетрой Ольдегарди, было поступлено еще болѣе снисходительно; бр. Гидоне разрѣшилъ имъ грѣхи послѣ того, какъ онѣ отреклись отъ ереси, и ограничился только тѣмъ, что предоставилъ ихъ духовникамъ избрать для нихъ епитимію. Самою суровою карою, кромѣ наказанія еретиковъ-рецидивистовъ, было осужденіе на ношеніе крестовъ: мало того, и это наказаніе, наложенное въ сентябрѣ и октябрѣ, было въ январѣ замѣнено штрафомъ въ 25 ливровъ, которые слѣдовало уплатить въ февралѣ, что показываетъ намъ, что имущество осужденныхъ не было конфисковано. Даже Тарія, мечтавшая о кардинальской шапкѣ въ будущей Церкви, подверглась только такому же наказанію, которое также было замѣнено штрафомъ. Но тамъ, гдѣ дѣло шло объ осужденныхъ на смерть, Инквизиція немедленно производила конфискацію имущества. Такъ, напр., на другой уже день послѣ казни Андрея жена его Риккадона должна была доставить опись своего движимаго имущества и винъ своего погреба. До насъ дошелъ также отрывокъ акта допроса, которому 12 февраля 1302 г. подвергся монахъ изъ Кіаравалле, Маркизіо Секко. Изъ этого документа видно, что въ то время Св. Трибуналъ велъ борьбу противъ аббатства съ цѣлью добиться отъ монаховъ выдачи денегъ, завѣщанныхъ Гиллельмой. Инквизиція въ своихъ требованіяхъ опиралась на то, что покойная была еретичкой, и поэтому ея духовное завѣщаніе не дѣйствительно. Чѣмъ кончилось дѣло, мы не знаемъ, но нужно думать, что аббатство было вынуждено уступить. Кромѣ того, между монахами и еретиками была такая явная связь, что удивительно, что въ спискѣ осужденныхъ не встрѣчается ни одного монаха [1]).

Такъ окончилось все это дѣло. Ересь гиллельмитовъ не представляетъ интереса ни по своему возникновенію, ни по своему значенію; но она проливаетъ любопытный свѣтъ на духовныя увлеченія эпохи и на судопроизводство ломбардской Инквизиціи. Кромѣ того, о ней стоитъ упомянуть, какъ о почти единственномъ примѣрѣ снисходительности Св. Трибунала [2]).

---

[1]) Ognibeu, op. cit. 42—44, 63, 67—8, 91—2, 95—6, 97, 100, 110, 113, 115—16.—Проф. Фел. Токко недавно напечаталъ подробный разборъ этого дѣла, а также breve Іоанна XXII 1322 г.), въ которомъ миланскому архіепископу и инквизиторамъ повелѣвалось судить Маттео Висконти, которому особенно ставили въ вину его покровительство гиллельмитамъ («Academia dei Lincei», Римъ, 1901).

[2]) Религіозныя крайности, подобныя ученію гиллельмитовъ, не связаны ни съ какой отдѣльной эпохой, ни съ какимъ-либо опредѣленнымъ состояніемъ цивилизаціи. Кому неизвѣстна исторія Іоанны Саускотъ (Southcott) и основанной ею Церкви, существовавшей въ Лондонѣ до половины XIX столѣтія? Въ іюлѣ 1886 года въ американскихъ газетахъ разсказывалось, что въ Цинциннати была открыта секта, близко родственная гиллельмитамъ и почти столь же многочисленная. Члены этой секты называли себя Perfectionnistes и видѣли въ двухъ замужнихъ сестрахъ божественныя воплощенія: одна, г-жа Мартинъ, воплощала Бога, а другая, г-жа Брукъ,—Христа. Подобно гиллельмитамъ Милана, эти сектанты не принимали только неграмот-

Библиотека "Руниверс"

Въ то время, какъ Гиллельма устраивалась въ Миланѣ, или около этого времени, другое ненормальное развитіе великаго францисканскаго движенія проявилось въ Пармѣ. Успѣхъ нищенствующихъ орденовъ, преувеличеніе неизмѣримыхъ заслугъ бѣдности, взглядъ на нищенство, какъ на самый святой образъ жизни, дали новый толчекъ развитію монашества. Въ многочисленныхъ новыхъ братствахъ, основанныхъ по образцу нищенствующихъ, трудно разграничить, насколько руководило членами ихъ желаніе духовнаго совершенства и насколько играло здѣсь роль стремленіе къ ничего недѣланію и бродяжничеству подъ прекраснымъ небомъ Италіи. Первоначально было невозможно примѣнять запрещеніе, изданное Латеранскимъ соборомъ противъ не утвержденныхъ монашескихъ орденовъ. Всѣ видѣли, что люди собираются группами, болѣе или менѣе однообразными, въ подземельяхъ и пустыняхъ, на улицахъ городовъ, по дорогамъ, въ заброшенныхъ лугахъ и покинутыхъ церквахъ. Послѣ продолжительной борьбы отшельникамъ августинскихъ и кармелитскихъ монаховъ удалось получить признаніе, и они образовали правильные ордены и, такимъ образомъ, увеличили число нищенствующихъ орденовъ до четырехъ. Другіе, пользовавшіеся, быть-можетъ, меньшимъ почетомъ или болѣе дорожившіе своею независимостью, были предметомъ осужденій, а когда отказывались разсѣяться, то на нихъ смотрѣли, какъ на мятежниковъ и еретиковъ. Нравственная атмосфера была настолько напряженна, что легко находились люди, готовые преклоняться и слѣдовать всякому, который проповѣдывалъ и велъ жизнь наиболѣе близкую къ жизни природы. А если этотъ глава секты былъ хоть нѣсколько способенъ къ начальствованію и къ организаторской дѣятельности, то ему было легко создать братство и привлечь къ себѣ одновременно поклоненіе вѣрующихъ и богатыя приношенія.

1260 годъ, по пророчествамъ аббата Іоахима, долженъ былъ начать эру Святого Духа. Религіозное возбужденіе народныхъ массъ проявилось въ неожиданномъ появленіи флагеллантовъ. Сѣверная Италія была покрыта процессіями кающихся, бичевавшихъ себя. Взаимное забвеніе обидъ доставило этой взволнованной междоусобіями странѣ короткій періодъ мира. Когда общее настроеніе ума переживаетъ подобный кризисъ, то заразительный энтузіазмъ охотно слѣдуетъ всему, что отвѣчаетъ настроенію минуты. Поэтому умерщвленіе плоти, которому подвергъ себя одинъ молодой человѣкъ изъ Пармы, по имени Герардо Сегарелли, нашло себѣ многочисленныхъ подражателей. Сегарелли, человѣкъ весьма низкаго происхожденія, совершенно необразованный и неразвитый, тщетно пытался вступить въ орденъ францисканцевъ. Ему въ этомъ было отказано, и онъ проводилъ свое время въ францисканской церкви, гдѣ предавался мечтаніямъ. Блаженное состояніе экстаза, доведенное до полной потери сознанія, не было исключительной привилегіей брахмановъ и буддистовъ. Оно было хорошо извѣстно монахамъ Аѳонской горы,

---

ныхъ; люди интеллигентные и образованные отказывались отъ всякаго мірского занятія въ ожиданіи будущаго тысячелѣтія,—конечной эры, возвѣщенной Вѣчнымъ Евангеліемъ. Недостатокъ средствъ разстроилъ общину; одни члены отпали, другіе, въ томъ числѣ и обѣ сестры, вступили въ методистскую Церковь; однако, они не измѣнили своей вѣры, такъ что въ іюнѣ 1887 года, послѣ разслѣдованія, методистская Церковь изгнала ихъ. Однимъ изъ обвиненій, возбужденныхъ противъ нихъ, было то, что въ существующей Церкви они видѣли Вавилонъ и осквернепіе земли.—Англія также видѣла подобную манифестацію: одна крестьянка, не отличавшаяся особенно нравственной жизнью до самой своей смерти, послѣдовавшей 18-го сентября 1886 года, считалась своими учениками новымъ воплощеніемъ Христа. Сама она давала себѣ слѣдующее опредѣленіе: «Я—второе явленіе и второе воплощеніе Іисуса. Христосъ Божій, Невѣста, Супруга Агнца, Богъ-Мать, Спаситель, Вѣчная жизнь» и т. д. Подписывалась она такъ: «Первый и Послѣдній Іисусъ Mary—Ann Girling». Одно время секта насчитывала сто семьдесятъ пять адептовъ, изъ которыхъ нѣкоторые были настолько богаты, что могли дѣлать крупныя пожертвованія общинѣ; но притѣсненія и придирки, которыя они испытывали со стороны населенія, мало-по-малу свели на нѣтъ это число, и община прекратила свое существованіе.

Библиотека "Руниверс"

которые получили даже названіе Umbilicani, благодаря благочестивому созерцанію своего пупка, и Якопоне да Тоди говоритъ, что эти опасные экстазы были обычны современнымъ ему ханжамъ [1]). Однако, Сегарелли не былъ вполнѣ недоступенъ всѣмъ внѣшнимъ впечатлѣніямъ; по крайней мѣрѣ, онъ обращалъ вниманіе на духовную живопись, украшавшую стѣны церкви. Онъ съ восторгомъ смотрѣлъ на картины, гдѣ были изображены апостолы, облеченные въ одежды, въ которыя нарядило ихъ современное искусство. Мало-по-малу онъ пришелъ къ убѣжденію, что жизнь и одежда апостольскія составляли сущность монашескаго существованія, высшаго даже, чѣмъ бытіе самихъ францисканцевъ. Онъ началъ съ того, что продалъ то немногое, что имѣлъ, затѣмъ, взобравшись на трибуну площади, онъ бросилъ вырученныя отъ этой продажи деньги лѣнтямъ, грѣвшимся на солнцѣ, которые тотчасъ же проиграли эти деньги въ игрѣ не безъ того, чтобы при этомъ произносить клятвы и богохульства. Подражая буквально Христу, Сегарелли подвергъ себя обрѣзанію; затѣмъ онъ велѣлъ запеленать себя, положить въ колыбель и кормить грудью. Выполнивъ это посвященіе, онъ началъ свою апостольскую карьеру; онъ отпустилъ волосы и бороду, одѣлся въ бѣлый плащъ, препоясался веревкой францисканцевъ и надѣлъ на ноги сандаліи. Въ этомъ одѣяніи онъ бродилъ по улицамъ Пармы, крича: «Penitenz agite!», какъ произносилъ онъ традиціонное «Poenitentiam agite!» [2]).

Нѣкоторое время у него не было подражателей. Въ своихъ странствованіяхъ въ поискахъ учениковъ онъ прибылъ въ сосѣднюю съ Пармой деревню Коллекіо; здѣсь, остановившись у края дороги, онъ началъ кричать: «Войдите въ мой виноградникъ!» Прохожіе, знавшіе, что это сумасшедшій, не обращали на него вниманія, но иностранцы приняли этотъ крикъ за приглашеніе нарвать свѣжихъ виноградныхъ гроздей въ сосѣднемъ виноградникѣ, который и былъ ими разграбленъ. Наконецъ, онъ нашелъ себѣ товарища въ лицѣ францисканскаго служителя Роберта. Салимбенъ передаетъ, что этотъ отъявленный лгунъ и лѣнтяй сдѣлался виднымъ членомъ секты подъ именемъ брата Льюто; кончилъ же онъ вѣроотступничествомъ и женитьбой на одной отшельницѣ. Герардо и Льюто въ своихъ бѣлыхъ плащахъ и сандаліяхъ расхаживали по улицамъ Пармы, приглашая людей покаяться. Вокругъ нихъ собирались послѣдователи, и вскорѣ секта насчитывала до трехъ сотъ членовъ. Они пріобрѣли домъ, гдѣ ѣли и спали. У нихъ не было ни въ чемъ недостатка, такъ какъ милостыня стекалась къ нимъ со всѣхъ сторонъ въ еще большемъ количествѣ, чѣмъ къ нищенствующимъ монахамъ. Послѣдніе были поражены этимъ, такъ какъ эти мнимые апостолы ничего не давали взамѣнъ получаемыхъ приношеній; они не могли ни проповѣдывать, ни исповѣдывать, ни служить обѣденъ и даже не молились о спасеніи своихъ благодѣтелей. По большей части это были невѣжественные крестьяне, свинопасы и пастухи, привлеченные бездѣльническою жизнью, которая давала имъ въ то же время избытокъ средствъ къ существованію и народное поклоненіе. Когда они сходились на свои собранія, то мечтательно смотрѣли на Сегарелли и повторяли въ честь его: „Отецъ! Отецъ! Отецъ!“ [3]).

---

[1]) O glorioso stare
In nihil quietato!
Lo'intelletto posato
E l'affetto dormire!
Annichilarsi bene
Non è potere humano
Anzi è virtù divina!
(Comba, «La Riforma in Italia», I, 310).

[2]) Salimbene, op. cit. 112—13.

[3]) Salimbene, op. cit. 114—16.

Библиотека "Руниверс"

Когда въ 1274 г. Ліонскій соборъ сдѣлалъ попытку прекратить эту эпидемію не разрѣшенныхъ нищенствующихъ сообществъ, то онъ не уничтожилъ ихъ, а только запретилъ принимать новыхъ членовъ, разсчитывая, что, такимъ образомъ, эти братства погибнутъ сами собой. Апостолы, или Апостольскіе Братья, сумѣли обойти это рѣшеніе: когда къ нимъ являлся неофитъ, они клали передъ нимъ монашескую одежду и говорили: „Мы не можемъ принять тебя, какъ члена, такъ какъ это запрещено намъ; но тебѣ не запрещено прійти къ намъ. Дѣлай, какъ тебѣ нравится“. Такимъ образомъ, вопреки папской волѣ, орденъ росъ и множился, говорятъ, чрезвычайно быстро. Въ 1284 г. черезъ Модену и Реджіо прошла группа въ 70 человѣкъ, шедшихъ въ Парму къ Сегарелли, чтобы онъ принялъ ихъ въ свою общину; а черезъ нѣсколько дней прибыло 12 молодыхъ дѣвушекъ, одѣтыхъ въ бѣлые плащи и называвшихъ себя Апостольскими Сестрами. Въ подражаніе Доминику и Франциску, Сегарелли послалъ учениковъ по всей Европѣ и за моря проповѣдывать міру простоту евангельской жизни. Эти сектанты распространились по самымъ дальнимъ предѣламъ; уже въ 1287 г. Вюрцбургскій соборъ объявилъ бродягами этихъ странствующихъ апостоловъ и запретилъ давать имъ пищу. Отрекшійся въ 1322 г. передъ тулузской Инквизиціей Педро де Люго заявилъ, что онъ былъ присоединенъ къ сектѣ двадцать лѣтъ тому назадъ нѣкіимъ Ричардомъ, апостоломъ, пришедшимъ изъ Александріи изъ Ломбардіи. Послѣдній энергично распространялъ секту за Компостелло. По всей вѣроятности, присутствіе другихъ учениковъ этого Ричарда въ Каталоніи вызвало мѣры, принятыя въ 1305 г. Таррагонскимъ соборомъ въ цѣляхъ арестованія ихъ и изгнанія [1]).

Несмотря на поклоненіе, которое Братья оказывали Сегарелли, онъ постоянно отказывался принять на себя управленіе орденомъ, говоря, что всякій долженъ нести свою ношу. Если бы онъ былъ хорошимъ организаторомъ, то могъ бы, располагая подобными средствами, сильно поколебать спокойствіе Церкви; но онъ былъ лѣнивъ и не имѣлъ никакого желанія отказаться отъ созерцательной жизни. Онъ нѣсколько раздумывалъ о томъ, какую форму надо было придать обществу, и спросилъ Альберта Пармскаго, одного изъ семи нотаріусовъ Куріи, слѣдуетъ ли избрать старшаго. Альбертъ отправилъ его къ цистерціанскому аббату Фонтанавивы; послѣдній высказалъ пожеланіе, чтобы послѣдователи секты не устраивали монастырей, а продолжали бы бродить въ своихъ бѣлыхъ плащахъ по странѣ: они всегда найдутъ себѣ пріютъ у сострадательныхъ людей. Сегарелли съ радостью былъ готовъ послѣдовать этому совѣту; но Гидоне Путаджи, братъ Болонскаго подесты, принадлежавшій вмѣстѣ съ сестрою своею Тришіей къ сектѣ, былъ болѣе энергиченъ. Видя, что Сегарелли не желаетъ взять на себя управленіе дѣлами, онъ самъ взялъ это и въ теченіе многихъ лѣтъ стоялъ во главѣ общины. Но онъ оскорбилъ чувства Братьевъ, отрекшись отъ нищеты, бывшей основнымъ принципомъ секты. Онъ, говорятъ, велъ блестящій образъ жизни, имѣлъ прекрасно обставленную кюшню и тратилъ деньги, какъ какой-нибудь кардиналъ или легатъ, такъ что, въ концѣ концовъ, онъ надоѣлъ братьямъ, и они избрали на его мѣсто Маттео Анконскаго. Избраніе послѣдняго произвело расколъ. Гидоне захватилъ Сегарелли и увелъ его въ Фаэнцу. Сторонники Маттео преслѣдовали его и пытались отнять у него Сегарелли; обѣ партіи вступили въ борьбу, и анконцы потерпѣли пораженіе. Однако, Гидоне не считалъ себя въ безопасности и, порвавъ съ Апостолами, перешелъ къ тампліерамъ [2]).

Епископъ Пармы Опицо, племянникъ Иннокентія IV, чувствовалъ симпатію къ Сегарелли и поэтому оказывалъ покровительство Апостоламъ, чѣмъ и объясняется безпрерывный

---

[1]) Concil. Lugdun. ann. 1274, c. 23.—Salimbene, 117, 119, 329—30.—Concil. Herbipolens. ann. 1287 (Harduin VII, 1141).—Lib. Sentent. Inquis. Tolosan. 360.—Aguirre, VI, 372.

[2]) Salimbene, 114—116.

Библиотека "Руниверс"

ростъ секты. Однако, въ 1286 г. три Брата совершили въ Болоньѣ крупное преступленіе и были немедленно повѣшены по распоряженію подесты. Этотъ случай привлекъ, несомнѣнно, вниманіе Гонорія IV къ сектантамъ, такъ какъ именно около этого времени папа издалъ буллу, спеціально направленную противъ нихъ. Онъ приказалъ имъ снять свою отличительную одежду и присоединиться къ какому-либо утвержденному ордену; онъ предписывалъ прелатамъ наказывать не повинующихся тюрьмою, а въ случаѣ надобности прибѣгать къ помощи свѣтской власти; наконецъ, онъ запрещалъ вѣрнымъ сынамъ Церкви подавать милостыню мятежнымъ и принимать ихъ. Это было формальное осужденіе ордена. Епископъ Опицо поторопился повиноваться; онъ изгналъ Братьевъ изъ своей епархіи и заковалъ Сегарелли въ цѣпи; затѣмъ онъ смягчился и помѣстилъ его въ своемъ дворцѣ въ качествѣ шута [1]).

Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ о Сегарелли и его ученикахъ не было ничего слышно. Папское осужденіе на время сократило ихъ энергію; но они слабо повиновались ему. Хотя число ихъ уменьшилось, и общественная благотворительность отвернулась отъ нихъ, ихъ все же оставалось порядочно, и они продолжали въ своихъ бѣлыхъ плащахъ просить милостыню по улицамъ и дорогамъ. Неуспѣхъ буллы, изданной Гоноріемъ, виденъ изъ того, что Николай IV счелъ необходимымъ издать ее снова въ 1291 г. Въ это время Апостолы открыто возстали противъ Св. Престола; бывшіе доселѣ мятежными и схизматиками, они угрожали сдѣлаться настоящими еретиками, достойными преслѣдованія. Въ 1294 г. четверо изъ нихъ, двое мужчинъ и двѣ женщины, были сожжены въ Пармѣ, а епископъ Опицо осудилъ въ то же время Сегарелли къ пожизненному тюремному заключенію. Встрѣчается также упоминаніе о горячемъ миссіонерѣ секты, по имени Стефанъ, который былъ опасенъ благодаря своему увлекательному краснорѣчію и былъ сожженъ Инквизиціей. Сегарелли спасъ свою жизнь только отреченіемъ, и быть-можетъ, его выпустили бы черезъ нѣсколько лѣтъ на свободу, если бы онъ не упорствовалъ въ своихъ заблужденіяхъ; Пармскій инквизиторъ, братъ Манфредо, осудилъ его, какъ еретика-рецидивиста, и онъ былъ сожженъ въ Пармѣ въ 1300 г. Эта казнь сопровождалась дѣятельнымъ преслѣдованіемъ его учениковъ. Многіе изъ нихъ были схвачены Инквизиціей, подверглись различнымъ наказаніямъ, и, въ концѣ концовъ, Парма была очищена отъ ереси [2]).

Преслѣдованіе, какъ и всегда, привело къ обычнымъ результатамъ: оно разсѣяло еретиковъ, укрѣпило ихъ въ ихъ вѣрѣ и настроило ихъ крайне враждебно противъ Церкви. Не всѣ ученики Сегарелли были невѣжественными крестьянами. Въ Тоскапѣ распространялъ секту одинъ францисканецъ, извѣстный своею набожностью и образованностью; онъ попытался привлечь на сторону своего ученія даже Убертино да Казале, который сначала привлекъ его, а потомъ выдалъ. Апостолъ былъ вынужденъ назвать имена своихъ учениковъ, такъ что мы можемъ думать, что онъ подвергся правильному инквизиціонному суду. Этотъ случай показываетъ, что между Апостольскими Братьями и францисканцами-раскольниками была связь; причемъ спиритуалы усиленно старались доказать, что у нихъ нѣтъ ничего общаго съ этими еретиками. Апостолы были сильно пропитаны іоахизмомъ; но спиритуалы старались опровергнуть это и приписывали заблужденія сегареллитовъ уже забытому еретику Амори, выдававшему ученіе Іоахима за свое. Но конвентуалы не преминули воспользоваться этимъ въ своей борьбѣ со спиритуалами,

---

[1]) Salimbene, 117, 371.—Mag. Bull. Rom. I, 158.

[2]) Mag. Bull. Rom. I, 158.—Chron. Parmens. ann. 1294 (Muratori, «S. R. I.» IX, 826).—«Hist. Tribulationum» («Archiv für Lit.-und Kirchengeschichte», 1886 г., стр. 130).—Addit. ad. Hist. Frat. Dulcini (Muratori, IX, 450).

Библиотека "Руниверс"

и въ спорѣ, происходившемъ въ присутствіи Климента V, послѣднимъ пришлось доказывать, что у нихъ нѣтъ ничего общаго съ Апостольскими Братьями [1]).

Нѣтъ доказательствъ, чтобы Сегарелли проповѣдывалъ какое-либо особое ученіе. По своему характеру онъ не былъ предрасположенъ къ глубокимъ умозрѣніямъ; съ другой стороны, терпимость, которой онъ пользовался почти до самой своей смерти, помѣшала ему, по всей вѣроятности, создать разрушительныя теоріи. Въ сущности, все ученіе Сегарелли сводилось къ слѣдующему: носить одежду секты, жить въ полной нищетѣ, воздерживаться отъ работы, разсчитывать на общественную благотворительность, не думать о завтрашнемъ днѣ, бродить безъ крова, призывая людей къ покаянію, и сохранять полнѣйшее цѣломудріе; въ этомъ до послѣдняго момента заключался уставъ Апостольскихъ Братьевъ. Соблюденіе этого устава было строгое. Наиболѣе строгіе францисканцы разрѣшали монаху имѣть двѣ одежды. Апостолы же не соглашались и на эту уступку, сдѣланную въ интересахъ здоровья. Никто не имѣлъ права имѣть болѣе одной одежды; и если ее нужно было выстирать, то владѣлецъ долженъ былъ лежать въ постели, пока она не высохнетъ. Подобно катарамъ и вальденцамъ, Апостолы, повидимому, осуждали употребленіе присяги. Какъ всегда, ихъ обвиняли въ безнравственности; этому обвиненію придавало нѣкоторое вѣроятіе то обстоятельство, что мужчины и женщины бродили совмѣстно и, по примѣру первыхъ христіанъ, спали всѣ вмѣстѣ голые. Однако, списокъ ихъ заблужденій, составленный хорошо знавшими ихъ инквизиторами, свидѣтельствуетъ, что эта распущенность не была возведена въ догматъ вѣры. Нельзя, однако, отрицать, чтобы лѣнь и безпечность бродячей жизни не привлекали въ ряды сектантовъ мужчинъ и женщинъ дурного поведенія [2]).

Около времени смерти Герардо преслѣдованіе было уже достаточно сурово и продолжительно, чтобы заставить Апостоловъ отвергнуть авторитетъ Св. Престола и формулировать ученіе, прямо враждебное Церкви. Посланіе, написанное братомъ Дольчино съ мѣсяцъ спустя послѣ казни Сегарелли, свидѣтельствуетъ, что умы болѣе сильные, чѣмъ умъ основателя, старались выработать рядъ принциповъ, приспособленныхъ ко вкусу учениковъ. Послѣдніе съ трудомъ переносили господство испорченной Церкви и искренне желали болѣе возвышеннаго ученія. Іоахимъ обѣщалъ, что эра Святого Духа начнется въ 1260 г. Это пророчество исполнилось въ появленіи Сегарелли, дѣятельность котораго началась въ это время. Принимая это совпаденіе за указаніе, Дольчино описалъ четыре послѣдовательныхъ періода Церкви. Первый длился отъ сотворенія міра до Христа; второй, длившійся отъ Христа до Сильвестра и Константина, былъ періодомъ святости и бѣдности; третій періодъ отъ Сильвестра до Сегарелли былъ періодомъ, во время котораго Церковь, несмотря на реформы, сдѣланныя Бенедиктомъ, Доминикомъ и Францискомъ, дошла до полной потери божескаго расположенія; четвертый періодъ начался съ Сегарелли и будетъ длиться до Страшнаго Суда. Далѣе Дольчино приводитъ пророчества, которыя, повидимому, были внушены ему пророчествами псевдо-Іоахима, автора комментарій на Іеремію. Церковь нынѣ почитаема, богата и развратна и останется такою до того дня, когда все духовенство и монахи погибнутъ жестокою смертью, которая постигнетъ ихъ раньше трехъ лѣтъ. Король Сициліи Фридрихъ, не заключившій еще мира со Св. Престоломъ, былъ въ

---

[1]) «Hist. Tribulationum» (ubi supra).—Ubertini «Responsio» («Archiv für. Litt.-und. Kirchengesch.» 1887 г., стр. 51).

[2]) Salimbene, 113, 117, 121.—Lib. Sentent. Inquis. Tolosan. 360—61.—Muratori, «S. R. I.» IX, 455—7.—Bern. Guidon. «Practica», P. V.—Eymeric. P. II, Q. 11.

Опытъ воздержанія, къ которому инквизиторы чувствовали святой ужасъ, былъ, однако, произведенъ святымъ Альдгельмомъ, и тогда въ немъ видѣли признакъ великой святости (Girald. Cambrens. «Gemm. Eccles.» Dist. II, c. XV). Есть, впрочемъ, любопытная аналогія между опасными проявленіями безумія Апостоловъ и проявленіями безумія христіанъ-ханжей III вѣка, описанными и подтвержденными святымъ Кипріаномъ («Epist. IV ad Pompon.»).

Библиотека "Руниверс"

глазахъ Дольчино обѣщаннымъ мстителемъ, несомнѣнно, вслѣдствіе связи своей съ спиритуалами и расположенія къ нимъ. Посланіе оканчивалось собраніемъ апокалипсическихъ пророчествъ о близкомъ пришествіи антихриста, о торжествѣ святыхъ, о царствѣ бѣдности и о любви подъ правленіемъ благочестиваго папы. Ангелы семи церквей слѣдующіе: для Эфесской церкви—Бенедиктъ; для Пергамской—Сильвестръ; для Сардской—Францискъ; для Лаодикійской—Доминикъ; для Смирнской—Сегарелли; для Тіатирской—самъ Дольчино; для Филадельфійской—имѣющій придти папа. Дольчино заявляетъ, что самъ онъ былъ посланъ Богомъ, чтобы освѣтить писанія и пророчества. Что же касается лицъ духовнаго званія, безразлично бѣлаго и чернаго духовенства, то это—слуги сатаны; нынѣ они преслѣдуютъ, но скоро, когда Дольчино, его ученики и всѣ, кто присоединится къ нимъ, окончательно захватятъ власть, они будутъ уничтожены [1]).

Такимъ образомъ, когда 18 іюля погибъ на кострѣ Сегарелли, то уже въ августѣ явился человѣкъ, который самоувѣренно бралъ на себя опасную роль ересіарха, объявлялъ себя истолкователемъ воли Бога и обѣщалъ своимъ ученикамъ близкую побѣду и возмездіе лишеній, которыя они испытаютъ подъ его управленіемъ. Вѣрилъ ли онъ самъ въ свои пророчества, былъ ли онъ фанатикъ или просто шарлатанъ, утвердительно сказать трудно. Но, повидимому, онъ былъ искренекъ. Можно ли предполагать, чтобы онъ, хотя и одаренный отъ природы даромъ руководить людьми, могъ, если бы не вѣрилъ въ свою миссію, привязать къ себѣ своихъ учениковъ такъ, чтобы они готовы были подвергнуться самымъ жестокимъ мученіямъ? Для того, чтобы рѣшиться на дѣло, на благополучный исходъ котораго было такъ трудно разсчитывать, для того, чтобы почти одному попытаться ниспровергнуть крѣпкое зданіе Церкви и феодализма, мало было одной смѣлости, надо было имѣть еще и глубокое убѣжденіе. Данте призналъ значеніе Дольчино, представивъ его единственнымъ человѣкомъ на землѣ, которому Магометъ, привѣтствуя въ немъ родственнаго себѣ генія, соблаговолилъ отправить посланіе со дна ада. Францисканцы-спиритуалы, терпѣвшіе безъ сопротивленія постоянное преслѣдованіе, не могли объяснить себѣ карьеру ересіарха иначе, какъ тѣмъ, что по ту сторону моря одному служителю Бога было сдѣлано откровеніе, что въ Дольчино вселился злой духъ по имени Фурчіо [2]).

Дольчино былъ сыномъ нѣкоего Джуліо, священника изъ Тронтано въ Валь д'Оссола, или другого Джуліо, отшельника изъ Прато въ Вальсезіи близъ Новары. Привезенный совершенно еще ребенкомъ въ Верчейль, онъ былъ воспитанъ въ приходѣ св. Агнессы однимъ священникомъ, по имени Августъ, который далъ ему тщательное образованіе. Одаренный блестящими способностями, онъ вскорѣ сдѣлался выдающимся ученикомъ; несмотря на свой малый ростъ, онъ отличался пріятною внѣшностью и привлекалъ къ себѣ всеобщую любовь. Позднѣе его краснорѣчіе сдѣлалось настолько убѣдительнымъ, что, говорятъ, никто не могъ устоять противъ его чаръ. Его пребываніе въ Верчейлѣ было неожиданно прервано. У священника пропала крупная сумма денегъ, и онъ заподозрилъ въ кражѣ своего слугу, по имени Патрасъ. Послѣдній схватилъ маленькаго

---

[1]) Muratori, IX, 449—53.—Guill. Nangiac. Contin. ann. 1306.—R. Fran. Pipini, «Chron.» cap. XV (Muratori. IX, 599).—Cf. Lib. Sentent. Inquis. Tolosan. 360.—Pelayo, «Heterodoxos Esñoles», I, 720.

[2]) «Hist. Tribulationum.» (ubi supra).—Dante:

Or di a Frà Dolcin dunque che s'armi.
Tu che forse vedrai il sole in breve,
S'egli non vuel quittosto seguitarmi;
Si di vivanda, che stretta di neve
Non rechi la vittoria al Noarese,
Ch'altrimenti acquistar non saria lieve.

(«Inferno», XXVIII).

Библиотека "Руниверс"

Дольчино и пыткою вырвалъ у него истинное или ложное признаніе. Вмѣшательство священника помѣшало придать дѣлу огласку; но Дольчино, подъ вліяніемъ стыда и страха, тайно бѣжалъ, и мы теряемъ его изъ виду, пока не находимъ его въ Трентѣ во главѣ группы Апостоловъ. Къ сектѣ онъ примкнулъ въ 1291 г. Онъ, несомнѣнно, быстро занялъ въ ней видное мѣсто, такъ какъ признался, что три раза попадалъ въ руки Инквизиціи и три раза отрекался. Поступая такъ, онъ не потерялъ своего положенія въ сектѣ, такъ какъ Апостолы допускали въ принципѣ, что можно было обманывать Св. Трибуналъ и приносить клятву устами, а не сердцемъ, но если смерть была неизбѣжной, то ее слѣдовало встрѣтить съ радостью и признаніемъ, а отнюдь не выдавать своихъ единомышленниковъ [1]).

Въ теченіе трехъ лѣтъ, слѣдовавшихъ за его посланіемъ отъ августа 1300 г., мы мало знаемъ о дѣятельности Дольчино; однако, о немъ говорили въ Миланѣ, Брешіи, Бергамо и Комо. Эти годы, безъ сомнѣнія, были посвящены пропагандѣ и организаціи. Время обѣщаннаго освобожденія наступило и прошло, а Церковь не испытала никакихъ волненій и не исправилась. Однако, арестъ Бонифація VII въ Ананьи въ сентябрѣ 1303 г. и послѣдовавшая смерть этого папы могли показаться началомъ новой эры, обѣщанной пророчествами. Поэтому Дольчино выпустилъ въ декабрѣ 1303 г. новое посланіе, въ которомъ выдавалъ за божественное откровеніе, что съ паденіемъ Бонифація открывался первый годъ несчастій, которыя должна была перенести Церковь. Въ 1304 г. Фридрихъ Сицилійскій сдѣлается императоромъ и велитъ уничтожить кардиналовъ вмѣстѣ съ дурнымъ папою, только что избраннымъ ими; въ 1305 г. императоръ произведетъ чистку среди прелатовъ и духовныхъ, испорченность которыхъ росла со дня на день. Въ это время послѣдователи Дольчино, раньше вынужденные скрываться отъ преслѣдованія, выступятъ открыто, соединятся со спиритуалами другихъ орденовъ, получатъ благодать Св. Духа и основутъ новую Церковь. Въ ожиданіи этого Дольчино провозгласилъ себя главою Апостольской Конгрегаціи, насчитывавшей 4000 человѣкъ, не подчинявшихся никакому внѣшнему повиновенію, а только одному закону Св. Духа. Сто изъ нихъ, женщинъ и мужчинъ, были обязаны наблюдать за своими собратьями; у самого же Дольчино было четыре помощника. Лонджино Каттанео Бергамскій, Федериго Новарскій, Альберто Отрантскій и Вальдериго Брешіанскій. Много выше ихъ ересіархъ поставилъ свою любимую во Христѣ сестру Маргариту ди Транкъ, происходившую, какъ говорили, изъ знатной, богатой семьи. Она отличалась замѣчательной красотой и получила воспитаніе въ Трентѣ, въ монастырѣ св. Екатерины. Дольчино одно время служилъ въ этомъ монастырѣ, гдѣ и познакомился съ Маргаритой. Она увлеклась имъ, бѣжала съ нимъ изъ монастыря и оставалась вѣрной ему до конца. Дольчино постоянно утверждалъ, что отношенія между ними были чисто духовныя; но этому утвержденію, конечно, не придавали особой вѣры. Церковное духовенство увѣряло, что у Маргариты былъ отъ него ребенокъ, рожденіе котораго было представлено вѣрнымъ, какъ дѣло Святого Духа [2]).

Дольчино въ своемъ посланіи, написанномъ въ декабрѣ 1303 г., указывалъ, что сектантамъ необходимо скрываться, но самъ не послѣдовалъ этому благоразумному совѣту. Въ 1304 г. онъ съ нѣсколькими учениками явился на мѣста своего дѣтства и началъ производить обращенія въ окрестностяхъ Гаттинары и Серравалле, двухъ деревень Валь-

---

[1]) Benvenuto da Imola (Muratori, «Antiq.» III, 457—59).—Bescapè, «La Novara Sacra», Novara, 1878, стр. 157.—Baggiolini, «Dolcino e i Patarini», Novara, 1838, стр. 35—6.—Hist. Dulcin. Haeresiarch. (Muratori, «S. R. I.» IX, 436—37).—Addit. ad Hist. (Ibid. 457, 460).

[2]) Corio, «Hist. Milanese», ann. 1307.—Benvenuto da Imola, loc. cit.—Additamentum (Muratori, IX, 454—55, 459).—Baggiolini, op. cit. 36—37.

Два посланія Дольчино были формально осуждены Пармскимъ епископомъ и инквизиторомъ бр. Манфредомъ, откуда видно, что они были распространены не только между сектантами. (Eymeric. «Direct. Inquis.» P. II, Q. 29).

Библиотека "Руниверс"

сезіи, въ нѣсколькихъ миляхъ вверхъ по теченію отъ Верчейля; онъ самъ и ученики его были одѣты въ плащи и въ сандаліи. Инквизиція быстро открыла его слѣдъ и, такъ какъ ей не удалось захватить его, заставила дорого заплатить жителей Серравалле за оказанное ими расположеніе ересіарху. Только страшное недовольство противъ Церкви и феодальныхъ сеньоровъ можетъ объяснить тотъ фактъ, что населеніе, жившее въ предгоріяхъ Альпъ, когда Дольчино поднялъ знамя возстанія, оказало ему поддержку. Въ нѣкоторомъ разстояніи къ сѣверу отъ Серравалле, на лѣвомъ берегу Сезіи въ Новарской епархіи, находится Борго ди Сезіа. Сюда-то былъ приглашенъ Дольчино однимъ богатымъ и уважаемымъ сосѣдями земледѣльцемъ, по имени Милано Сола. Въ этой мѣстности ересіархъ прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ, никѣмъ не безпокоемый, совершалъ обращенія и и наставлялъ учениковъ. Повидимому, въ это время онъ призвалъ съ себѣ сектантовъ, жившихъ вдали, какъ будто бы онъ предполагалъ сдѣлать рѣшительный шагъ, воспользовавшись извѣстностью, которую пріобрѣли его пророчества. Однако, была сдѣлана попытка выжить его изъ его убѣжища. Онъ понялъ, что можетъ чувствовать себя безопаснымъ только въ Альпахъ, и Апостолы, предводимые Милано Сола, поднялись къ истокамъ Сезіи и основались на почти недоступной скалѣ, гдѣ построили себѣ хижины. Такъ прошелъ 1304 г. Число еретиковъ было достаточно велико: ихъ было до тысячи четырехсотъ душъ обоего пола; всѣ они были воспламенены религіознымъ жаромъ и видѣли въ Дольчино пророка, малѣйшее слово котораго принималось за законъ. Уже тѣмъ самымъ, что они соединились такимъ образомъ, вопреки вызову Инквизиціи, они поставили себя въ положеніе открытыхъ мятежниковъ противъ Церкви. Вскорѣ они поссорились и съ государствомъ. Когда въ началѣ 1305 г. истощились скудные запасы ихъ провизіи, они пополнили ихъ грабежами населенія долинъ: это было какъ бы объявленіемъ войны свѣтской власти [1]).

Церковь не могла молча перенести подобный вызовъ, къ тому же вся страна жаловалась на опустошенія и святотатства, совершенныя сектантами. Однако, Дольчино внушалъ такой страхъ, что прибѣгли къ помощи папы и съ благословенія послѣдняго начали проповѣдывать настоящій крестовый походъ, чтобы набрать армію, достаточную для уничтоженія еретиковъ. Изданіе буллъ о крестовомъ походѣ было однимъ изъ первыхъ дѣйствій Климента V на другой же день его избранія, 5 іюня 1305 г.; затѣмъ 24 августа состоялось собраніе, на которомъ была образована лига и всѣми присутствовавшими было подписано обязательство пролить до послѣдней капли кровь на истребленіе Gazzari, которые, изгнанные изъ Сезіи и Біандрате, продолжали мутить страну. Въ силу папскихъ уполномочій Верчейльскій епископъ Райнеріо и инквизиторы собрали значительный отрядъ и выступили противъ горнаго убѣжища Апостольскихъ Братьевъ. Дольчино, понимая всю безполезность борьбы, ночью снялся съ мѣста и основался со своими учениками на отвѣсной вершинѣ. Крестоносцы, полагая, что враги разсѣялись вернулись домой. Положеніе Дольчино было трудное. Вся его надежда на спасеніе заключалась въ сопротивленіи: такъ какъ Церковь желала войны, то еретики должны продать свою жизнь по возможности дорого. Новымъ убѣжищемъ Дольчинистовъ была Parete Calvo (Голая Стѣна), гора, одно имя которой уже указываетъ на ея характеръ. Апостолы укрѣпились на ней, устроили по возможности лучше свои жилища и грабили оттуда сосѣднія долины, добывая себѣ необходимое пропитаніе. Подеста Варалло собралъ населеніе Вальсезіи для того, чтобы выгнать еретиковъ изъ ихъ убѣжища; но Дольчино устроилъ засаду и осыпалъ подесту камнями и всѣмъ, чѣмъ только располагали еретики; врагъ былъ взятъ въ плѣнъ почти со всѣми своими людьми, и Дольчино взялъ съ плѣнныхъ выкупъ, который покрылъ на нѣкоторое время издержки по содержанію еретиковъ.

[1]) Hist. Dulcin. (Muratori, IX, 428—9).—Bescapè, loc. cit.

Библиотека "Руниверс"

Грабежи продолжались, и вскорѣ всѣ окрестности были совершенно опустошены; церкви были ограблены, жители изгнаны [1]).

Зима 1305—6 г. была суровымъ испытаніемъ твердости еретиковъ, нашедшихъ себѣ убѣжище на голой вершинѣ горы. Когда наступилъ великій постъ, то они дошли до того, что ѣли крысъ и другихъ нечистыхъ животныхъ и сѣно, сваренное въ салѣ. Положеніе сдѣлалось невыносимымъ. Ночью на 10-ое марта они покинули Parete Calvo, оставивъ болѣе слабыхъ, которыхъ они вынуждены были покинуть. Они пролагали себѣ путь, гдѣ, казалось, невозможно было двигаться впередъ, черезъ вершины, покрытыя толстымъ слоемъ снѣга. Наконецъ, они остановились на Monte Rubello, высившейся надъ деревней Триверіо въ Верчейльской епархіи. Въ это время ряды ихъ значительно порѣдѣли, благодаря недостатку пищи и истощенію. Ихъ было уже не болѣе тысячи, а провизіи у нихъ было всего нѣсколько кусковъ мяса. Ихъ переселеніе совершилось такъ быстро и таинственно, что населеніе Триверіо узнало о прибытіи страшныхъ еретиковъ только тогда, когда они ночью спустились грабить городъ. Жители, повидимому, не оказали сопротивленія, и никто изъ нихъ не былъ убитъ; но говорятъ, что тридцать четыре еретика были отрѣзаны отъ горы и преданы смерти. Тревога охватила всю страну. Верчейльскій епископъ собралъ новую армію крестоносцевъ, которые храбро выступили противъ Monte Rubello. Дольчино впервые проявилъ здѣсь свои стратегическія способности; онъ сдѣлалъ вылазку, и хотя большинство его воиновъ были вооружены камнями, тѣмъ не менѣе, войска епископа были отбиты и потеряли много плѣнныхъ, которые потомъ были обмѣнены на съѣстные припасы [2]).

Тогда еретики прочно устроили свой лагерь; они возвели укрѣпленія, построили дома и выкопали колодезь. Сдѣлавъ, такимъ образомъ, свою позицію неприступной, еретики считали себя въ безопасности и не боялись никакого нападенія извнѣ. Уединенные на горной вершинѣ, ненавидимые всѣми людьми, они спокойно ждали осуществленія пророчествъ Дольчино. Непосредственная опасность заключалась для нихъ въ голодѣ. Горный хребетъ не давалъ никакихъ средствъ къ жизни, а остатки епископской арміи, занявшіе Моссо, устроили крѣпкую блокаду. Въ началѣ мая Дольчино, чтобы достать съѣстныхъ припасовъ, ловкимъ стратегическимъ движеніемъ вызвалъ нападеніе со стороны осаждавшихъ, завлекъ ихъ въ засаду и захватилъ много плѣнныхъ, которыхъ обмѣнялъ на провизію. Силы епископа были истощены, и онъ снова обратился къ Клименту V, который охотно согласился предать еретиковъ анаѳемѣ и дать полное отпущеніе грѣховъ всѣмъ, кто въ теченіе тридцати дней будетъ служить въ Господней арміи, или кто уплатитъ вмѣсто себя за рекрута. Папскія граматы были оглашены на огромномъ пространствѣ, и верчейльцы горячо помогали своему старому епископу, который самъ принялъ участіе въ крестовомъ походѣ. Было собрано сильное войско, были заняты сосѣднія вершины, и на нихъ поставили машины, метавшія камни на лагерь еретиковъ и разрушавшія ихъ жилища. Борьба за скалу, господствовавшую надъ мѣстностью, была ужасна; воды рѣки Риччьо измѣнили свой цвѣтъ, такъ что съ этого времени она получила новое имя Rio Carnaschio. Это сраженіе произвело такое тяжелое впечатлѣніе на населеніе, что даже въ XVIII ст. путешественникъ-скептикъ поступилъ бы неблагоразумно, если бы сталъ утверждать въ присутствіи горца, что цвѣтъ воды въ рѣкѣ такой же, какъ и въ сосѣднихъ потокахъ [3]).

Третій крестовый походъ не былъ счастливѣе двухъ первыхъ. Нападающіе были отброшены, оттѣснены до Моссо, Триверіо и Кревакоре. Дольчино, пользуясь полученнымъ опытомъ, укрѣпился и занялъ отрядами шесть сосѣднихъ вершинъ, откуда онъ дѣлалъ

---

[1]) Hist. Dulcin. (Muratori, IX, 430—31).—Bescapè, loc. cit.
[2]) Hist. Dulcin. (Muratori, IX, 430—32).
[3]) Hist. Dulcin. (Muratori, IX, 432—34).—Baggiolini. op. cit. 131.

Библиотека "Руниверс"

набѣги на сосѣднюю страну съ цѣлью добычи съѣстныхъ припасовъ для своей арміи. Чтобы положить конецъ этимъ опустошеніямъ, крестоносцы выстроили два форта, въ которыхъ оставили крѣпкій гарнизонъ; но эта предосторожность ничему не помогала. Моссо, Триверіо, Кассато, Флеккія и другія селенія были сожжены; число ограбленныхъ и оскверненныхъ еретиками церквей наглядно свидѣтельствуетъ объ ихъ ненависти къ духовенству. Доведенные до крайности, эти люди отреклись отъ закона любви, бывшаго основою ихъ вѣры, и проявляли жестокость, которой ихъ научали ихъ противники. Чтобы совершенно лишить ихъ съѣстныхъ припасовъ, крестоносцамъ запретили обмѣнивать плѣнниковъ на провизію, и они поэтому безжалостно умерщвляли всѣхъ, попадавшихъ къ нимъ въ руки. По словамъ одного современнаго инквизитора, которому мы обязаны подробнымъ разсказомъ объ этой борьбѣ, никогда, со времени Адама, не было столь гнусной, отвратительной и ужасной секты, которая въ столь короткое время причинила бы такъ много зла. Къ довершенію несчастія Дольчино передалъ своимъ сторонникамъ свою неукротимую энергію. Фанатизмъ дѣлалъ этихъ людей непобѣдимыми. Они наводили такой паническій страхъ, что вѣрные убѣгали передъ этими собаками, небольшая горсть которыхъ могла, говорятъ, привести въ замѣшательство и совершенно уничтожить цѣлую армію. Жители покидали страну, и въ декабрѣ мѣсяцѣ крестоносцы, охваченные паническимъ ужасомъ, очистили одинъ изъ фортовъ. Съ трудомъ удалось сохранить гарнизонъ другого форта, состоявшій изъ семи сотъ человѣкъ. [1]).

Фанатизмъ Дольчино и его стратегическій геній дали ему возможность сохранить господство надъ областью. Но неизлѣчимо-слабой стороной его положенія была невозможность найти необходимое для жизни своихъ сторонниковъ. Верчейльскій епископъ скоро понялъ это и приказалъ воздвигнуть вокругъ укрѣпленій еретиковъ пять новыхъ фортовъ. Если принять во вниманіе, что всѣ дороги и тропинки охранялись, чтобы ни откуда не могла придти помощь осажденнымъ, то надо думать, что у нихъ были друзья среди мѣстнаго населенія, такъ какъ одними грабежами существовать они не могли. Выработанный епископомъ планъ увѣнчался успѣхомъ. Въ теченіе зимы 1306—7 г. страданія Апостоловъ среди снѣга, засыпавшаго горы, были ужасны; голодъ и холодъ дѣлали свое дѣло. Многіе еретики погибли отъ истощенія, другіе съ трудомъ поддерживали свое существованіе травами и листьями. Доходили до того, что ѣли трупы враговъ, павшихъ въ побѣдоносныхъ вылазкахъ, и трупы товарищей, умершихъ отъ голода. Благочестивый лѣтописецъ, сообщая эти ужасы, объясняетъ, что они были вызваны молитвами, возсылаемыми къ небу добрымъ епископомъ и его паствою. [2]).

Развязка была неизбѣжна; даже энергичный геній Дольчино не могъ безконечно отсрочивать ее. Въ концѣ марта, когда эта ужасная зима подходила къ концу, епископъ организовалъ четвертый крестовый походъ. Была собрана армія, достаточная для того, чтобы напасть на оставшихся въ живыхъ и отъ истощенія походившихъ на привидѣнія. На Страстной недѣлѣ завязалась горячая борьба, и въ Чистый Четвергъ (23 марта 1307 г.) были уничтожены послѣдніе окопы. Сопротивленіе было упорно; рѣка Карнаскіо еще разъ окрасилась въ красный цвѣтъ. Пощады не было никому. «Въ этотъ день болѣе тысячи еретиковъ погибло въ пламени, въ рѣкѣ или отъ меча самою ужасною смертью. Такимъ образомъ, тѣ, кто смѣялся надъ Богомъ Отцомъ и надъ католической вѣрой, получили въ день Тайной Вечери отъ голода, меча, огня, чумы и всякихъ бѣдствій поношеніе и ужасную смерть, заслуженныя ими».

Епископъ приказалъ схватить живыми Дольчино и двухъ его главныхъ сторонниковъ

---

[1]) Hist. Dulcin. (Muratori, IX, 434, 437—38).
[2]) Hist. Dulcin. (Muratori, IX, 439—40).

Библиотека "Руниверс"

Маргариту и Лонджино Каттанео. Велика была радость, когда въ слѣдующую субботу эти плѣнники были приведены къ прелату въ замокъ Віелла. [1]).

Дѣло ихъ было совершенно ясно; тѣмъ не менѣе, епископъ счелъ нужнымъ спросить совѣта папы Климента; это была совершенно излишняя формальность, единственнымъ объясненіемъ которой могутъ быть слова Галленги, что епископъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы попросить субсидію своей разоренной епархіи и своему истощенному карману. Климентъ былъ страшно взволнованъ смѣлымъ сопротивленіемъ дольчинійстовъ, какъ это видно изъ торжественнаго тона посланія, которымъ онъ вечеромъ того же дня, когда получилъ извѣстіе, увѣдомлялъ Филиппа Красиваго о счастливой новости. Онъ предоставлялъ епископамъ Верчейля, Новары и Павіи и аббату изъ Лучедіо папскіе доходы отъ всѣхъ бенефицій, которыя освободятся въ ихъ епархіяхъ въ теченіе трехъ послѣдовательныхъ лѣтъ. Кромѣ того, аббатъ на всю свою жизнь былъ освобожденъ отъ всѣхъ поборовъ папскихъ легатовъ и получилъ еще разныя другія привилегіи.

Въ ожиданіи отвѣта папы плѣнники сидѣли въ темницѣ Верчейльской Инквизиціи прикованными къ стѣнѣ за ноги, за руки и за шею. Была устроена особая стража, чтобы предупредить всякую попытку освободить ихъ, такъ что, повидимому, они пользовались горячими симпатіями населенія. Были сдѣланы обычныя попытки добиться отъ виновныхъ сознанія и отреченія; но они мужественно подтверждали свою вѣру и оставались глухи ко всѣмъ предложеніямъ примириться съ Церковью. Дольчино даже продолжалъ упорно утверждать, что черезъ три съ половиною года явится антихристъ, и что въ этотъ моментъ ересіархъ и его ученики будутъ вознесены на небо. Послѣ смерти антихриста, Дольчино вернется на землю и будетъ святымъ папою новой Церкви; всѣ невѣрные будутъ тогда обращены.

Прошло два мѣсяца раньше, чѣмъ пришелъ отъ Климента указъ судить и наказать еретиковъ на самомъ мѣстѣ ихъ преступленія. Въ Верчейль было созвано собраніе экспертовъ. Виновность судимыхъ была внѣ сомнѣнія, и они были выданы въ руки свѣтской власти. Церковь не считала себя отвѣтственной за безполезную жестокость ихъ палачей; она была порождена страхомъ, который охватилъ свѣтскія власти и заставилъ ихъ примѣрной казнью отвратить постоянно грозившую опасность крестьянскихъ мятежей. 1-го іюня 1307 г. узники были выведены изъ ихъ темницы. Красота Маргариты возбудила у всѣхъ сочувствіе къ ней; помогла также молва о ея богатствѣ, и многіе изъ знатныхъ предложили ей вступить съ ними въ бракъ, обѣщая прощеніе, если она согласится отречься. Но, вѣрная своей вѣрѣ и Дольчино, она предпочла пойти на костеръ. Ее сожгли на медленномъ огнѣ на глазахъ ересіарха, а затѣмъ подвергли и его самого еще болѣе медленной пыткѣ. Его подняли на колесницу, на которой были угольи, чтобы орудія пытки были все время горячими; и такимъ образомъ цѣлый лѣтній долгій день его возили по улицамъ и раскаленными до красна щипцами вырывали мясо, кусокъ за кускомъ. Дольчино проявилъ сверхъестественную твердость: до самаго конца мученій палачи не могли замѣтить ни малѣйшаго движенія въ его чертахъ; но когда ему вырвали носъ, то замѣтили, что плечи его слегка вздрогнули, а когда ему сдѣлали еще болѣе мучительное лишеніе, то легкій вздохъ вырвался у него. Въ то время какъ Дольчино погибалъ въ этихъ ужасномедленныхъ мученіяхъ въ Верчейлѣ, Лонджино Каттанео подобнымъ же образомъ обращалъ

---

[1]) Hist. Dulcin. (Muratori, IX, 439).

Птоломей изъ Луккъ, бывшій современникомъ этихъ событій, полагаетъ, что вмѣстѣ съ Дольчино было взято въ плѣнъ до ста пятидесяти Апостоловъ. Число же погибшихъ отъ недостатка провизіи и отъ меча было приблизительно не болѣе трехсотъ.—Hist. Eccles. lib. XXIV (Muratori, IX, 1227).

Библиотека "Руниверс"

ИЗЪ ВРЕМЕНЪ ИНКВИЗИЦІИ.

(Ж.-П. Лорансъ.—Третьяковская галлерея въ Москвѣ).

Библиотека "Руниверс"

народъ на путь истины въ Біеллѣ. Вотъ какимъ образомъ эти фанатики искупили свои грѣховныя мечты о возрожденіи человѣчества [1]).

Пораженіе Дольчино было полное; но характеръ и судьба ересіарха оставили неизгладимое впечатлѣніе въ населеніи. Думали, что его первое горное убѣжище Parete Calvo посѣщается злыми духами, которыхъ онъ оставилъ здѣсь сторожить кладъ, зарытый въ подземельи; эти духи поднимали такую бурю всякій разъ, когда кто-нибудь пробирался въ ихъ владѣнія, что жители Триверіо были вынуждены содержать стражу, чтобы не допускать упорныхъ искателей клада. Еще сильнѣе было вліяніе Дольчино на Monte Rubello, которая стала называться съ этого времени Monte dei Gazzari. Это было проклятое мѣсто, куда священники во время бурь ссылали злыхъ духовъ. Собравшіеся злые духи стали вскорѣ причиной такихъ ужасныхъ грозъ, что всѣ сосѣднія страны были разорены, посѣвы уничтожены, а жители доведены до нищеты. Наконецъ, жители дали обѣтъ Богу и св. Бернарду воздвигнуть на вершинѣ скалы часовню въ честь св. Бернарда, если Провидѣніе прекратитъ ихъ несчастія. Обѣтъ былъ исполненъ, и гора получила тогда свое настоящее названіе Горы св. Бернарда (Monte San Bernardo). Ежегодно 15-го іюня, въ день праздника св. Бернарда, окрестные приходы посылали одного человѣка черезъ «огонь»; вѣрующіе составляли огромную процессію, во главѣ которой шло духовенство; совершалось торжественное богослуженіе въ присутствіи огромной толпы, которую привлекала надежда на прощеніе, обѣщанное папою, и раздача хлѣба, спеціально для этого собиравшагося въ приходахъ Триверіо и Портолы. Этотъ обычай соблюдался до вторженія Наполеона. Возобновленный въ 1815 г., онъ былъ отмѣненъ вслѣдствіе вызываемыхъ имъ безпорядковъ. Возстановленная снова въ 1839 г., церемонія была нарушена ураганомъ, который жители Вальсезіи приписали вмѣшательству ересіарха. Даже и теперь еще крестьяне думаютъ, что на хребтѣ горы въ ночь подъ праздникъ бываетъ видна процессія дольчинистовъ. Населеніе долинъ сохранило о Дольчино память, какъ о великомъ человѣкѣ, погибшемъ за то, что онъ хотѣлъ освободить простой народъ отъ духовной и мірской тираніи. [2]).

Такимъ образомъ, былъ уничтоженъ Дольчино и его непосредственные ученики; но оставались еще тысячи Апостольскихъ Братьевъ, разсѣянныхъ по всей странѣ и тайно привязанныхъ къ его вѣрѣ. Инквизиція въ своемъ коварствѣ увеличила безобидныя крайности Сегарелли и обратила ихъ въ ересь, рѣзко антисацердотальную и враждебную Риму; это совершенно то же, что, какъ мы уже видѣли, случилось относительно крайняго аскетизма Оливистовъ. Обѣ секты имѣли много общихъ теорій, такъ какъ обѣ онѣ вдохновлялись Вѣчнымъ Евангеліемъ. Подобно Оливистамъ, Апостольскіе Братья думали, что Христосъ лишилъ Римскую Церковь своего расположенія вслѣдствіе крайней испорченности духовенства; Римъ былъ Вавилонская блудница, и вся духовная власть была передана Духовной Конгрегаціи, или Ордену Апостоловъ, какъ сами они себя называли. Время проходило, а апокалипсическія предсказанія не исполнялись; Фридрихъ Сицилійскій не

---

[1]) Mariotti (A. Galenga), «Frà Dolcino and his Times», Лондонъ, 1853, стр. 287—88.—«Regest.» Clement. PP. V. T. II, 79—82, 88 (editio Benedictina, Romae, 1886).—Mosheim, «Ketzergeschichte», I, 395.—Ughelli, «Italia Sacra», изд. 1652 г., IV, 1104—8.—Hist. Dulcin. (Muratori, IX, 436, 440)—Benven. da Imola (Muratori, «Antiq.» III, 460).—Bernard. Guidon. «Vit. Clement. PP. V» (Muratori, III, I, 674).—Bescapè, loc. cit.

Наказаніе, наложенное на Дольчино и Лоджино, было вполнѣ обычнымъ. Въ силу миланскаго статута 1393 года всякое тайное покушеніе на жизнь члена семьи, у которой жилъ преступникъ, подлежало такому же точно наказанію, до такой мелочи, что казнь совершалась на колесѣ, къ которому привязывали преступника и оставляли умирать въ медленной агоніи.—Antiqua Ducum Mediolan. Decreta, стр. 187 (Mediolani, 1654).

[2]) A. Artiaco («Rivista Cristiana», 1887, стр. 145—51.—Hist. Dulcin. (Muratori, IX, 441—42).—Baggiolini, op. cit. 165—71.

Библиотека "Руниверс"

бралъ на себя роли освободителя; антихристъ не появлялся. Сектанты, безъ сомнѣнія, отказались отъ своихъ ожиданій или, по крайней мѣрѣ, перестали высказывать ихъ; но они продолжали сохранять убѣжденіе, что они достигли духовнаго совершенства, что они свободны отъ всякаго повиновенія человѣку и что внѣ ихъ общины нѣсть спасенія.

Антисацердотализмъ достигъ, такимъ образомъ, у нихъ наибольшаго развитія. Принятіе неофитовъ совершалось крайне просто или въ церкви передъ алтаремъ, или гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ. Вступающій раздѣвался въ знакъ того, что отрекался отъ всѣхъ благъ и вступалъ въ совершенное состояніе евангельской бѣдности. Онъ не произносилъ никакого обѣта, но въ глубинѣ своего сердца онъ клялся жить отнынѣ въ нищетѣ; послѣ этого онъ никогда не имѣлъ права получать или имѣть при себѣ деньги; онъ долженъ былъ питаться милостыней, добровольно даваемой ему, и никогда не прятать ничего на завтра. Онъ не обѣщалъ повиновенія ни одному человѣку, а только единому Богу, подвластнымъ котораго онъ былъ, какъ апостолы Христа были подчинены своему Господину. Имъ запрещалось поэтому всякое соблюденіе внѣшнихъ обрядовъ религіи. Церкви были безполезны; человѣкъ могъ поклоняться Христу въ лѣсу; молитва, обращенная къ Богу, была одинаково дѣйствительна какъ въ свиномъ хлѣву, такъ и въ освященномъ зданіи. Священники, прелаты и монахи приносили только вредъ вѣрѣ. Единственными людьми, заслуживающими десятины, были тѣ, кто не нуждался въ ней, такъ какъ они добровольно приняли обѣтъ бѣдности. Таинство покаянія не отвергалось, но власть ключей совершенно уничтожалась тѣмъ положеніемъ, что папа не могъ дать разрѣшенія грѣховъ, если онъ не былъ такъ же благочестивъ, какъ апостолъ Петръ, если онъ не жилъ въ полной бѣдности и въ полномъ смиреніи, если онъ не воздерживался отъ войнъ и преслѣдованій и если не запрещалъ всѣмъ вѣрнымъ жить свободно. Такъ какъ со времени Сильвестра всѣ папы за исключеніемъ бр. Петра да-Морроне (Целестина V) были обманщиками и лжеучителями, то индульгенціи и отпуски, столь щедро продаваемые по всему христіанскому міру, не имѣютъ никакого значенія. Кромѣ того, Апостолы раздѣляли еретическое мнѣніе вальденцевъ, запрещавшихъ употребленіе присяги даже передъ судомъ [1]).

По описанію Апостольскихъ Братьевъ, сдѣланному Бернаромъ Ги съ цѣлью помочь своимъ собратьямъ открывать этихъ еретиковъ, можно видѣть, до чего доводили они на практикѣ предписанія своей простой религіи. Они носили особую одежду, сходную съ одеждою монаховъ, и состоявшую, по всей вѣроятности, изъ бѣлаго плаща и веревки, принятой Сегарелли. Съ внѣшней стороны, они проявляли всѣ признаки святости. Они бродили по дорогамъ и тропинкамъ, распѣвая гимны или повторяя молитвы и призывы къ покаянію. Они съ признательностью ѣли все, что имъ предлагали; удовлетворивъ свой голодъ, они вставали и не брали съ собой ни куска. Въ своемъ скромномъ образѣ жизни они, насколько могли полно, подражали апостоламъ Іисуса Христа и доводили нищету до такого отреченія, которому позавидовалъ бы самъ Анджело да Кларино. Бернаръ Ги скорбитъ объ ихъ несговорчивомъ упорствѣ; онъ сообщаетъ, что ему пришлось держать одного изъ нихъ въ тюрьмѣ въ теченіе двухъ лѣтъ и подвергать его частымъ допросамъ, раньше чѣмъ удалось довести до сознанія и раскаянія; причемъ пришлось прибѣгать къ мѣрамъ убѣжденія, кротость которыхъ нетрудно представить себѣ [2]).

Повидимому, это была самая безвредная ересь; но впечатлѣніе, произведенное подвигами Дольчино, было такъ сильно, что на секту стали смотрѣть, какъ на одну изъ самыхъ страшныхъ. Энергія, съ которой сектанты производили обращеніе, представлялась тѣмъ болѣе опасной, что въ своихъ проповѣдяхъ они, главнымъ образомъ, указывали на

---

[1]) Additament. ad Hist Dulcin. (Muratori, IX, 455—57).—Bern. Guidon. «Practica», P. V.
[2]) Bernard. Guidon. «Practica», P. V.

Библиотека "Руниверс"

дурную жизнь духовенства. Когда Братья Свободнаго Духа были осуждены Климентинами, то Бернаръ Ги писалъ Іоанну XXII, настоятельно прося его внести оговорку объ Апостолахъ, которые, говорилъ онъ, множились, какъ сорная трава, и распространялись внѣ Италіи, по Лангедоку и Испаніи. Несомнѣнно, здѣсь обычное въ подобныхъ случаяхъ преувеличеніе, но около этого времени одинъ дольчинистъ, по имени Джакопо да Кверіо, былъ схваченъ и сожженъ въ Авиньонѣ.

Въ 1316 г. Бернаръ Ги нашелъ этихъ еретиковъ въ своемъ округѣ и прогналъ ихъ за Пиренеи. Тогда онъ послалъ письма всѣмъ прелатамъ Испаніи, давалъ имъ приметы еретиковъ и просилъ немедленно уничтожить ихъ. Результатомъ этого былъ, какъ я уже упоминалъ, арестъ въ далекомъ Компостелло пяти еретиковъ, безъ сомнѣнія, послѣднихъ учениковъ апостола Ричарда. Быть-можетъ, это преслѣдованіе заставило нѣкоторыхъ изъ нихъ снова искать себѣ убѣжища во Франціи, такъ какъ на ауто да фе 1322 г. въ Тулузѣ фигурируетъ галиціецъ Педро де-Луго, о которомъ мы уже упоминали и который въ теченіе цѣлаго года подвергался строгому тюремному заключенію. Онъ отрекся и былъ приговоренъ къ пожизненной тюрьмѣ на хлѣбъ и на воду. На этомъ же ауто былъ еще одинъ осужденный, участь котораго показываетъ, какой страхъ и ужасъ внушали ученія дольчинистовъ. Гильомъ Руффи былъ сначала принужденъ отречься, какъ Бегинъ; затѣмъ онъ выдалъ двухъ своихъ старыхъ товарищей, одинъ изъ которыхъ былъ сожженъ, а другой заключенъ въ тюрьму. Казалось бы, что онъ уже достаточно засвидѣтельствовалъ свою ревность къ католичеству; но, къ несчастью, онъ разсказалъ, что въ Италіи есть фратичелли, въ глазахъ которыхъ совершеннымъ считается только тотъ, кто даетъ самое высокое доказательство своего воздержанія; онъ добавилъ, что онъ самъ успѣшно подвергся испытанію и подвергъ ему не одну женщину. Этихъ разоблаченій показалось довольно, и его, безъ долгой судебной процедуры, сожгли, какъ еретика-рецидивиста [1]).

Вопреки преувеличеннымъ опасеніямъ Бернара Ги, секта болѣе не вызывала серьезныхъ безпорядковъ, хотя и продолжала еще существовать нѣкоторое время. Апостолы были извѣстны, повидимому, и въ Германіи, такъ какъ Кельнскій соборъ 1306 г. и Трирскій 1310 г. упоминаютъ о нихъ. Но около 1335 г. хорошо освѣдомленный историкъ Альваро Пелайо, говоря о Дольчино, называетъ его бегардомъ, и поэтому мы вправѣ предположить, что отличительный характеръ секты былъ уже забытъ; между тѣмъ, въ это самое время нѣкто Цоппіо проповѣдывалъ тайно ересь въ Ріети, гдѣ, повидимому, произвелъ много обращеній, въ особенности среди женщинъ. Инквизиторъ Римской провинціи, бр. Симонъ Филипни, поспѣшилъ принять мѣры, арестовалъ Цоппіо и послѣ допроса передалъ его свѣтскимъ властямъ, приказавъ держать его подъ усиленной охраной; когда же инквизиціонный судья хотѣлъ начать разборъ дѣла, то магистраты отказались выдать узника и оскорбили инквизитора. Послѣдній обратился съ жалобой къ Бенедикту XII, который сдѣлалъ строгое замѣчаніе мятежнымъ магистратамъ за то, что они «защищаютъ такую отвратительную ересь, нарисовать даже картину которой не позволяетъ скромность». Папа грозилъ имъ примѣрнымъ наказаніемъ; предполагая же, что они боялись за честь своихъ женъ, Бенедиктъ обѣщалъ приказать поступить съ ними снисходительно и не приговаривать ихъ къ унизительнымъ епитиміямъ, если онѣ выдадутъ имена своихъ соумышленниковъ [2]).

---

[1]) Additament. ad Hist. Dulcin. (Muratori, IX, 458).—Bernard. Guidon. «Practica», P. V.—Bernard. Guidon. «Gravamina» (Doat, XXX, 120—24).—Raym. de Fronciacho («Archiv für Litt.- und Kirchengeschichte», 1887 г., стр. 10).—Lib. Sentent. Inquis. Tolosan. 360—63, 381.

[2]) Concil. Coloniens. ann. 1306, c. 1, 2 (Hartzheim, IV, 100, 102).—Concil. Trevirens. ann. 1310, c. 50 (Martène, «Thesaur.» IV, 250).—Alvar. Pelag. «de Planctu Eccles.» lib. III, art. II (fol. 166, 172, изд. 1517 г.)—Wadding. ann. 1335. №№ 8—9.—Raynald. ann. 1335, № 62.

Библиотека "Руниверс"

Много позднѣе снова заговорили объ Апостолахъ въ Лангедокѣ. Въ 1368 г. Лаворскій соборъ обращаетъ вниманіе на этихъ людей, которые бродятъ по странѣ, несмотря на запрещеніе Св. Престола, и подъ прикрытіемъ показного благочестія распространяютъ ересь. Отцы собора приказывали духовнымъ судамъ арестовывать и наказывать этихъ еретиковъ. Въ 1402 и 1403 г.г. инквизитору Эйларду удалось схватить и казнить въ Любекѣ и Висмарѣ двухъ Апостоловъ; это послѣднее достовѣрное упоминаніе о сектѣ, которая за сто лѣтъ передъ этимъ наводила почти повсюду паническій страхъ [1]).

Ересь, родственная дольчинистамъ и представляющая звено между дольчинистами и нѣмецкой сектой Братьевъ Свободнаго Духа, возникла въ Италіи въ лицѣ еретиковъ, извѣстныхъ подъ именемъ сектантовъ Духа Свободы. Свѣдѣнія наши о нихъ весьма скудны. Они, повидимому, избѣгли пантеизма нѣмецкихъ еретиковъ и не исповѣдывали, что душа возвращается къ своему Создателю; но они усвоили опасное ученіе о совершенствованіи, благодаря которому человѣкъ могъ въ сей жизни сдѣлаться столь же совершеннымъ, какъ и Христосъ. Этого можно достигнуть какъ добродѣтелями, такъ и грѣхами, такъ какъ въ глазахъ Бога, управляющаго всѣмъ и не оставляющаго человѣку свободной воли, и тѣ и другіе одинаковы. Душа очищается грѣхами; чѣмъ больше предается человѣкъ плотскимъ страстямъ, тѣмъ больше онѣ приближаютъ его къ Богу. Вѣчнаго наказанія нѣтъ; души, не очистившіяся въ достаточной степени на этомъ свѣтѣ, подвергаются новому очищенію и затѣмъ уже допускаются на небо [2]).

Впервые эти сектанты были обнаружены среди францисканцевъ Ассизи. Благодаря энергичнымъ мѣрамъ, семь монаховъ сознались, отреклись отъ заблужденія и были осуждены на пожизненное тюремное заключеніе. Когда въ 1309 г. Климентъ V старался примирить спорные пункты, раздѣлявшіе спиритуаловъ и конвентуаловъ, то первымъ изъ четырехъ вопросовъ, который онъ прежде всего предложилъ обѣимъ партіямъ, былъ вопросъ объ отношеніяхъ ордена къ этой ереси, отъ которой обѣ онѣ открещивались. Снова объ этихъ еретикахъ заговорили въ 1311 г.; число ихъ, говорятъ, быстро росло между лицами духовнаго званія и мірянами Сполето. Климентъ послалъ въ этотъ городъ епископа Кремонскаго Раймунда, поручивъ ему уничтожить народившуюся ересь. Миссія эта не имѣла успѣха, такъ какъ въ 1327 г. инквизиторъ братъ Аккурсіо былъ вынужденъ присудить во Флоренціи къ конфискаціи имущества и ношенію крестовъ Донна Лапина, принадлежавшаго къ сектѣ Духа, члены которой считали себя непогрѣшимыми. Два года спустя, въ 1329 г., братъ Бартолино да Перуджіа, возвѣщая о своемъ намѣреніи предпринять общій розыскъ въ Ассизской провинціи, упоминалъ среди еретиковъ, которыхъ онъ намѣревался уничтожить, также и еретиковъ Духа Свободы. Позднѣе случилось болѣе выдающееся дѣло, а именно дѣло Доминика Сави д'Асколи, считавшагося человѣкомъ примѣрнаго благочестія. Въ 1337 г. онъ бросилъ жену и дѣтей, чтобы отдаться жизни отшельника; епископъ приказалъ выстроить для него келью и часовню. Извѣстность его быстро росла и вліяніе его сдѣлалось настолько крупнымъ, что когда онъ началъ распро-

---

[1]) Concil. Vaurens. ann. 1368, c. 24.—Concil. Narbonn. ann. 1374, c. 5 (Harduin. VII, 1818, 1880).—Herman. Corneri «Chron.» ann. 1260, 1402 (Eccard. «Corp. Hist. Med. Aevi», II, 906, 1185).

Я уже вспоминалъ какъ были въ 1315 году преслѣдуемы въ Прагѣ нѣкоторые еретики, которыхъ Дубровскій считаетъ Дольчинистами, но которые, по всей вѣроятности, были вальденцами или люциферіанами.

[2]) Mss. Bibl. Casatraiense A. IV. 49.—Сообщеніемъ этого документа я обязанъ любезности Шарля Молинье.—См. также Amati, «Archivio Storico Italiano», № 38, стр. 14.

Объ отношеніяхъ между этими еретиками и дольчинистами ср. «Archiv für Litt.-und Kirchengeschichte». 1886 г., стр. 131, и 1887 г., стр. 123—4.

Библиотека "Руниверс"

странять ученія Духа Свободы, пуская въ обращеніе рукописные трактаты, то онъ, говорятъ, собралъ десять тысячъ учениковъ. Инквизиція не замедлила обратить на него свое вниманіе. Онъ былъ судимъ и отрекся отъ своихъ заблужденій; сочиненія его были сожжены по приказанію Св. Трибунала. Но его убѣжденія были черезчуръ сильны, чтобы онъ могъ оставаться вѣрнымъ католикомъ. Онъ снова впалъ въ ересь, былъ судимъ вторично, обращался къ папѣ и былъ окончательно осужденъ Св. Престоломъ въ 1344 г., выданъ въ руки свѣтской власти и сожженъ въ Асколи. Такъ какъ мы не знаемъ ничего о судьбѣ его учениковъ, то можно думать, что они отреклись и избѣгли, такимъ образомъ, костра. Обыкновенно этого ересіарха помѣщаютъ среди фратичелли; но заблужденія, въ которыхъ его обвиняли, не имѣютъ ничего общаго съ ученіями послѣднихъ и представляютъ изъ себя ясное преувеличеніе теорій Духа Свободы [1]).

Раньше, чѣмъ перейти къ другому предмету, быть-можетъ, не будетъ лишнимъ бросить бѣглый взглядъ на дѣятельность болѣе новаго пророка. Эта исторія, являясь подтвержденіемъ того, что мы знаемъ о современныхъ гиллельмитахъ, показываетъ, что религіозныя явленія общи всѣмъ временамъ, и что даже въ нашу эпоху раціонализма тайны человѣческой природы не измѣнились.

Дольчино образовалъ движеніе, развитіе котораго началось лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ и которое отвѣчало общему настроенію эпохи. Давидъ Лазаретти изъ Арчидоссо былъ одновременно создателемъ и мученикомъ. Онъ былъ извозчикомъ въ горахъ южной Тосканы и славился на родинѣ своею страшною силою и даромъ слова. Послѣ бурной и богатой приключеніями юности, онъ вдругъ сдѣлался самымъ глубокимъ аскетомъ, поселившимся уединенно на горѣ Лаббро и почитаемымъ за бывшія ему божественныя откровенія. Его строгая жизнь, его видѣнія и его пророчества вскорѣ привлекли къ нему учениковъ, изъ которыхъ многіе послѣдовали его суровому образу жизни. Крестьяне изъ Арчидоссо почитали его, какъ пророка. Онъ мнилъ, что съ 1848 г. на его долю выпалъ трудъ работать надъ возрожденіемъ міра; его неожиданное обращеніе было вызвано явленіемъ ему св. Петра, начертавшаго на лбу молодого человѣка $\sigma+c$, какъ доказательство его избранія. Лазаретти не проявилъ большого постоянства въ послѣдовательныхъ этапахъ своей дѣятельности. Въ 1860 г. онъ былъ добровольцемъ-патріотомъ, а затѣмъ поддерживалъ Церковь противъ нападокъ еретической Германіи; но въ 1876 г. въ своей книгѣ «Моя борьба съ Богомъ» онъ снова заявилъ о своемъ желаніи проповѣдывать новую религію и изобразилъ себя возносившимся на небо, гдѣ онъ бесѣдовалъ съ Богомъ. Однако, онъ думалъ, что остается еще вѣрнымъ Риму и папству. Церковь отвергла помощь, которую предлагалъ ей Лазаретти, и осудила его заблужденія; съ этого момента онъ сдѣлался ересіархомъ. Весною 1878 г. онъ выступилъ противъ безбрачія бѣлаго духовенства, осудилъ посты, началъ давать своимъ ученикамъ причастіе по установленному имъ обряду и составилъ для нихъ символъ вѣры, двадцать четвертый членъ котораго гласилъ: «Вѣрую, что нашъ основатель, помазанникъ Божій, Давидъ Лазаретти, судимый и осужденный римской куріей, есть истинный Христосъ, нашъ учитель и судія». Народъ такъ хорошо принялъ ересіарха, что три воскресенья подрядъ церковь Арчидоссо оставалась безъ молящихся. Давидъ образовалъ «Общество Святой Лиги» или «Христіанское Братство» и возвѣстилъ наступленіе республики или царствія Божія, за которымъ послѣдуетъ распредѣленіе имущества поровну между всѣми. Даже его коммунизмъ не испугалъ мелкихъ собственниковъ, изъ которыхъ состояло большинство его послѣдователей. Недовольство было общимъ,

[1]) «Archiv für Litt.-und Kirchengeschichte», 1887 г. стр. 51,144—45.—Raynald. ann. 1311, №№ 66—70; ann. 1318, № 44.—Archiv. di Firenze, Prov. S. Maria Novella, 1327, ott. 31.—Franz Ehle, «Archiv für Litt.-und Kirchengeschichte», 1885 г., стр. 160.—D'Argentré I, I, 336—37.—Cantù, «Eretici d'Italia», I, 133.

Библиотека "Руниверс"

и вызывалось дурнымъ урожаемъ, съ одной стороны, и ежедневно увеличивающейся тяжестью налоговъ, съ другой. Лазаретти объявилъ, что 14-го августа 1878 г. онъ мирно пойдетъ со своими учениками открывать теократическую республику, и все окрестное населеніе собралось на горѣ Лаббро. Проведя четыре дня въ религіозныхъ подвигахъ, необыкновенные крестоносцы двинулись въ походъ; тамъ были люди обоего пола и всякаго возраста; они были одѣты въ бѣлую и голубую форму, несли хоругви и гирлянды цвѣтовъ и готовились перевернуть весь міръ. Но ихъ побѣдоносное шествіе скоро было остановлено. Въ деревнѣ Арчидоссо ихъ дорогу преградилъ отрядъ изъ девяти карабинеровъ, открывшихъ огонь по беззащитной толпѣ. Тридцать три лазариста пало раненными и убитыми; среди нихъ находился и Давидъ, сраженный пулею въ грудь [1]). Вопросъ о томъ, былъ ли этотъ человѣкъ энтузіастомъ или обманщикомъ, еще не рѣшенъ окончательно. Путешествія и чтеніе дали ему извѣстное образованіе; онъ не былъ грубымъ горцемъ и могъ судить о тѣхъ общественныхъ силахъ, противъ которыхъ поднималъ знамя мятежа. Онъ долженъ былъ понимать, что силы эти могли уступить только передъ истиннымъ посланникомъ Бога. Быть-можетъ, имя его будетъ такъ же долго жить на склонахъ Монте-Аміата, какъ имя Дольчино въ Вальсезіи. Одно только достовѣрно, что ученики его долго ждали его воскресенія.

ГЛАВА III.

Фратичелли.

Мы уже видѣли, какъ Іоаннъ XXII создалъ и уничтожилъ ересь францисканцевъ-спиритуаловъ, и какъ Михаилъ Чезенскій внушилъ ордену уваженіе къ рѣшеніямъ относительно вопроса о владѣніи житницами и погребами и о ношеніи короткихъ и узкихъ одеждъ. Однако, невозможно было окончательно рѣшить эти вопросы путемъ произвольнаго компромисса, въ особенности въ виду нетерпѣливаго догматизма папы, поставившаго цѣлью безъ милосердія сломить всякое несогласное съ нимъ мнѣніе. Когда Іоаннъ XXII рѣшилъ заставить умолкнуть споры, возникшіе по вопросу объ уставѣ бѣдности и вызывавшіе въ продолженіе почти цѣлаго столѣтія такъ много безпорядковъ, то онъ счелъ себя логически вынужденнымъ довести до конечныхъ выводовъ принципы, выраженные имъ въ буллахъ Quorundam, Sancta Romana и Gloriosam Ecclesiam. Съ другой стороны, онъ такъ былъ поглощенъ мірскими интересами, что не могъ предвидѣть, какую грозу наводилъ онъ, такимъ образомъ, на Церковь. Человѣкъ подобнаго ему характера не могъ понять честной непослѣдовательности людей вродѣ Михаила и Бонаграціи, готовыхъ сжечь своихъ братьевъ, отрицавшихъ житницы и погреба и въ то же время готовыхъ взойти на костеръ въ защиту полной нищеты Христа и апостоловъ, ученія, считавшагося столь долгое время основнымъ принципомъ ордена и объявленнаго непреложною истиною въ буллѣ Exiit qui seminat.

---

[1]) Barzelotti, «David Lazzaretti di Arcidosso detto il Santo», Bologna, 1885.

Старый сержантъ итальянской арміи Габріель Донничи имѣлъ подобную же судьбу. Онъ основалъ въ горахъ Калабріи секту, которая величала себя именемъ «Святыхъ». Габріель предсказывалъ пришествіе новаго Мессіи, который долженъ явиться не въ видѣ агнца, а въ видѣ льва, пылающаго мщеніемъ и вооруженнаго окровавленными розгами. Пророкъи братъ его Абель попали подъ судъ за убійство жены послѣдняго, Граціи Фунаро, отказавшейся исполнять непристройные обряды секты. Они были осуждены на каторжныя работы и тюремное заключеніе, затѣмъ, по апелляціонной жалобѣ они были оправданы высшей судебной палатой Козенцы. Другія преступленія, совершенныя этими сектантами, недавно еще привлекали вниманіе итальянскихъ судовъ.—«Rivista Cristiana», 1887 г., стр. 57.

Библиотека "Руниверс"

При папѣ, подобномъ Іоанну, жизнь правовѣрныхъ францисканцевъ должна была быть опасной и стѣсненной. Спиритуалы были сожигаемы, какъ еретики, потому что хотѣли примѣнять на практикѣ свое личное пониманіе устава св. Франциска; разница между ихъ запрещеннымъ ученіемъ и оффиціально признанной нищетой была почти неуловима. Доминиканцы сразу увидѣли критическое положеніе своихъ противниковъ и рѣшили воспользоваться этимъ. Если бы они могли отожествить теорію францисканскаго ордена съ новою ересью, то, быть-можетъ, они одержали бы надъ ними окончательную побѣду. Положеніе было такъ ложно и такъ затруднительно, что катастрофа была неизбѣжной, и всякій пустякъ могъ вызвать ее.

Въ 1321 г., когда яростно преслѣдовали спиритуаловъ, доминиканскій инквизиторъ Жанъ де Бонъ, котораго мы видѣли въ качествѣ товарища Бернара Ги и тюремщика Бернара Делисье, былъ занятъ въ Нарбоннѣ судомъ надъ однимъ изъ членовъ запрещенной секты. Для вынесенія окончательнаго приговора онъ собралъ цѣлое собраніе экспертовъ, на которомъ былъ, между прочимъ, францисканецъ Беранже Талонъ, докторъ изъ Нарбоннскаго монастыря. Одно изъ заблужденій, въ которомъ Инквизиція обвиняла подсудимаго, состояло въ томъ, что онъ вѣрилъ, что Христосъ и апостолы, стремясь къ совершенствованію, не имѣли никакого личнаго или общаго имущества. Такъ какъ это ученіе было обще всѣмъ францисканцамъ, то въ приглашеніи Беранже высказаться по этому поводу надо видѣть вызовъ. Беранже отвѣтилъ, что въ этомъ вѣрованіи нѣтъ ничего еретическаго, такъ какъ булла Exiit признала его правовѣрнымъ. Инквизиторъ вышелъ изъ себя и потребовалъ отъ францисканца немедленнаго отреченія. Положеніе было критическое, и Беранже, чтобы избѣгнуть преслѣдованія, обратился къ папѣ. Онъ поспѣшно отправился въ Авиньонъ, гдѣ нашелъ опередившаго его Жана де Бонъ. Онъ былъ арестованъ. Доминиканцы повсюду поднимали вопросъ о нищетѣ, и папа давалъ ясно понять, что симпатіи его на ихъ сторонѣ. Но спорить по этому вопросу было опасно, такъ какъ булла Exiit предавала анаѳемѣ всякаго, кто осмѣлится толковать или оспаривать ея предписанія. Чтобы дать возможность поднять этотъ вопросъ, Іоаннъ долженъ былъ предварительно выпустить 26 марта 1322 г. спеціальную буллу Quia nonnunquam, въ которой отмѣнялъ духовныя кары, объявленныя буллою Exiit qui seminat. Объявивъ, такимъ образомъ, всему міру, что Церковь ошиблась въ своемъ первомъ опредѣленіи устава, онъ предложилъ своимъ прелатамъ и ученымъ слѣдующій вопросъ: «Есть ли ересь въ утвержденіи, что Христосъ и апостолы не имѣли никакого,—ни личнаго, ни общаго—имущества?» [1]).

Крайности спиритуаловъ принесли свои плоды: безумное увлеченіе нищетою, обратившееся въ фетишизмъ, вызвало реакцію. Для тѣхъ, кто искренне былъ убѣжденъ, что самымъ вѣрнымъ путемъ къ вѣчному спасенію было отреченіе отъ всякаго имущества, наступило время суроваго испытанія. Но безуміе аскетовъ, если и не грозило серьезною опасностью, все же могло вызывать безпокойство; чтобы вернуться къ истинному смыслу евангелія, надо было, чтобы Церковь возвратилась къ временамъ, предшествовавшимъ св. Антонію, св. Гиларію и св. Симеону Столпнику, и признать, что не человѣкъ—для религіи, а религія—для человѣка. Въ трудѣ, составленномъ нѣсколько десятковъ лѣтъ спустя, папскій духовникъ, францисканецъ Альваро Пелайо, подробно разсматриваетъ этотъ вопросъ и, повидимому, высказываетъ мнѣніе, которое раздѣлялъ папа Іоаннъ. Отшельникъ долженъ всецѣло умереть для міра и никогда не покидать своего скита; долженъ быть такимъ, какъ тотъ аббатъ, который отказался открыть дверь своей матери изъ боязни, чтобы взоръ его не упалъ на женщину; долженъ быть такимъ, какъ тотъ

---

[1]) Nicholaus Minorita (Baluz. et Mansi, III, 207).—Chron. Glassberger, ann. 1321.—Wadding. ann. 1321, №№ 16—19; ann. 1322, №№ 49—50.

Библиотека "Руниверс"

монахъ, котораго братъ просилъ выйти и помочь ему освободить вола, и который отвѣтилъ ему: «Отчего не обратишься ты къ брату твоему, живущему въ мірѣ?»—«Онъ умеръ уже пятнадцать лѣтъ тому назадъ».—«А я, возразилъ монахъ, умеръ для міра уже двадцать лѣтъ».—Но, за исключеніемъ этихъ отшельниковъ, совершенно отрекшихся отъ міра, всѣ должны честнымъ трудомъ снискивать себѣ пропитаніе. Завѣтъ апостоловъ: «непрестанно молитесь»—не должно понимать буквально. Апостолы имѣли деньги и покупали съѣстные припасы, а у Іуды былъ денежный ящикъ. Лучше, чѣмъ нищенствомъ, человѣкъ можетъ достигнуть святости честнымъ трудомъ; пусть будетъ онъ свинопасомъ, пастухомъ, волопасомъ, каменщикомъ, кузнецомъ или угольщикомъ, ибо тогда онъ будетъ выполнять предназначенное ему Провидѣніемъ. Человѣку здоровому грѣхъ жить на счетъ общественнаго милосердія и собирать милостыню, которая пошла бы больнымъ, немощнымъ и престарѣлымъ. Все это было какъ бы просвѣтомъ здраваго смысла въ мрачной теологической ночи среднихъ вѣковъ; но что сказали бы Ѳома Аквинатъ или Бонавентура? Не было ли это какъ бы отголоскомъ утвержденія ихъ великаго противника Вильгельма де С.-Амуръ? [1]).

Отвѣты на вопросъ, предложенный папой Іоанномъ, могли быть только противны ученію о нищетѣ Христа и апостоловъ. Повсюду епископовъ считали преемниками послѣднихъ, и нельзя было ожидать, чтобы епископы стали утверждать, что Христосъ запретилъ ихъ предшественникамъ имѣть деньги и имущество. Спиритуалы настаивали на этомъ; Оливи доказывалъ, что не только францисканцы, получившіе епископскій pallium, должны болѣе строго, чѣмъ ихъ братья, соблюдать уставъ, но что вообще всѣ епископы должны жить въ совершеннѣйшей нищетѣ. И когда прелатамъ представился случай оправдать ихъ роскошь и свѣтскій образъ жизни, то, конечно, они воспользовались имъ. Однако, самъ Іоаннъ нѣкоторое время оставался вѣренъ своему взгляду. Во время спора, возникшаго передъ консисторіей, былъ приглашенъ Убертино да Казале, старинный глава правовѣрныхъ спиритуаловъ, чтобы выставить францисканское положеніе объ евангельской нищетѣ въ отвѣтъ доминиканцамъ. Говорятъ, что его аргументація очень понравилась Іоанну. Къ несчастью, на общемъ капитулѣ, бывшемъ въ Перузѣ 30 мая 1322 г., францисканцы обратились ко всему христіанскому міру съ воззваніемъ, въ которомъ утверждали, что ученіе о полной нищетѣ Христа исходитъ отъ церкви и изложено въ буллахъ Exiit и Exivi de Paradiso; они добавляли при этомъ, что и Іоаннъ одобрилъ это ученіе въ своей буллѣ Quorumdam. Другое болѣе общее возваніе было составлено также въ этомъ духѣ и подписано всѣми францисканцами магистрами и бакалаврами богословія во Франціи и

---

[1]) Alvar. Pelag. «de Planctu Ecclesiae», lib. I, art. 51, fol. 165—69.

Защитники нищеты не упускали случая заклеймить своихъ противниковъ именемъ учениковъ Вильгельма де С.-Амуръ. См. Tocco, «Un Codice della Marciana», Venezia, 1887 г., стр. 12, 39 (Ateneo Veneto, 1886—1887).

Рукопись, наиболѣе важныя мѣста которой опубликовалъ профессоръ Токко, снабдивъ ихъ объяснительными примѣчаніями, представляетъ изъ себя собраніе отвѣтовъ на вопросъ, предложенный Іоанномъ XXII по поводу нищеты Христа и апостоловъ. Въ этихъ отвѣтахъ отражается общая реакція противъ догмы, господствовавшей передъ этимъ, и стараніе прелатовъ, которымъ позволили свободно выражать свое мнѣніе, отвергнуть всякое ученіе, осуждавшее обладаніе мірскимъ имуществомъ, которое такъ давно, искони вѣковъ, собирали духовныя лица всѣхъ категорій. Только въ восьми отвѣтахъ подтверждалась нищета Іисуса Христа; всѣ они даны были францисканцами: кардиналами Альбано и С.-Витале, архіепископомъ Салерно, епископами Каффы, Лиссабона, Риги и Бадахоса и однимъ неизвѣстнымъ докторомъ ордена. Среди противниковъ нищеты насчитывалось четырнадцать кардиналовъ, въ томъ числѣ самъ Наполеоне Орсини, протекторъ спиритуаловъ, много архіепископовъ, епископовъ, аббатовъ и докторовъ богословія. Безъ сомнѣнія, боязнь оскорбить папу оказала сильное вліяніе на единодушное заявленіе мнѣнія, и боязнь эта не была лишена основанія, какъ это показала опала тѣхъ, кто высказался за нищету Христа.—Tocco (ubi supra, стр. 35).

Библиотека "Руниверс"

Англіи. Въ спорѣ съ человѣкомъ, подобнымъ Іоанну, этотъ шагъ выказывалъ болѣе ревности къ вѣрѣ, чѣмъ осмотрительности. Гнѣвъ папы сказался немедленно, и онъ началъ обращаться съ францисканцами, какъ съ врагами.

Въ декабрѣ того же года онъ нанесъ имъ страшный ударъ своею буллою Ad conditorem. Напрасно его предшественникъ Иннокентій IV, желая обойти предписанія устава, объяснилъ, что имущество принадлежитъ Св. Престолу, а пользованіе — монахамъ. Эта оговорка не уменьшила жадности монаховъ къ деньгамъ, давъ въ то же время имъ возможность гордиться своею мнимою евангельскою нищетою. Строго логически Іоаннъ доказалъ, что пользованіе и право расходованія, предоставленное монахамъ, равносильно обладанію имуществомъ, и что собственность, которой можно такъ пользоваться, является фактически полною и неограниченною собственностью; нелѣпо утверждать, что Римъ является собственникомъ яйца или куска сыра, даннаго монаху для непосредственнаго потребленія. Мало того, для римской Церкви было унизительно выступать въ качествѣ истицы или отвѣтчицы въ безчисленныхъ тяжбахъ, которыя велъ орденъ; объ уполномоченныхъ, выступавшихъ, такимъ образомъ, отъ имени Церкви, говорили, что они злоупотребляютъ своимъ положеніемъ и сильно обижаютъ людей. Вслѣдствіе всего этого Іоаннъ отмѣнялъ мѣропріятія, изданныя Николаемъ III, и объявлялъ, что впредь римская Церковь не будетъ присваивать себѣ никакого права на обладаніе имуществомъ ордена, и что никто болѣе не будетъ выступать въ качествѣ уполномоченнаго Церкви [1]).

Ударъ былъ нанесенъ ловко, такъ какъ папа, не касаясь вопроса о нищетѣ Іисуса Христа, заставлялъ орденъ отказаться отъ всякихъ увертокъ и допустить на практикѣ, что обладаніе имуществомъ является необходимымъ условіемъ его существованія. Но францисканцы такъ долго поддерживали свою иллюзію, что не могли легко порвать съ нею; въ январѣ 1323 года Бонагратіа въ качествѣ уполномоченнаго, снабженнаго спеціальною довѣренностью для веденія этого дѣла, подалъ папѣ при полной консисторіи письменный протестъ противъ этой мѣры. Если Бонагратіа не могъ привести въ доказательство своего положенія вѣскихъ аргументовъ, то онъ могъ сослаться на многочисленные прецеденты, допущенные длиннымъ рядомъ папъ, начиная отъ Григорія IX до самого Іоанна. Заканчивалъ онъ смѣлымъ обращеніемъ къ св. Отцу, къ св. Матери-Церкви и къ апостоламъ, и хотя онъ укорялъ затѣмъ о своемъ подчиненіи декретамъ Церкви, тѣмъ не менѣе, онъ не могъ избѣгнуть гнѣва папы. Немного лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ подвергся тюремному заключенію по распоряженію Климента V за смѣлую защиту крайностей спиритуаловъ, и взгляды его не измѣнились; но на этотъ разъ, по распоряженію Іоанна, онъ былъ заключенъ въ темную и сырую башню за свое несогласіе со взглядами всего міра. Единственнымъ отвѣтомъ на его протестъ было то, что сняли съ церковныхъ дверей буллу Ad conditorem и замѣнили ее новымъ изданіемъ, еще болѣе строгимъ и категорическимъ, чѣмъ первое [2]).

Такимъ образомъ, Іоаннъ открыто выступилъ противъ францисканцевъ; враги ихъ не упускали ни одного случая поддерживать и возбуждать его гнѣвъ. Онъ рѣшительно отказался выслушать что-либо въ защиту рѣшенія, принятаго капитуломъ Перузы. На собраніи одинъ кардиналъ францисканецъ и нѣсколько епископовъ робко замѣтили, что,

---

[1]) Franz Ehrle, «Archiv für Lit.-und Kirchengesch.» 1887 г., стр. 511—12.—Baluz. et Mansi, II, 279—80.—Nicholaus Minorita (Ibidem, III, 208—13).

Интересно, что Іоаннъ при данныхъ обстоятельствахъ сдѣлалъ именно то, чего такъ желали его противники спиритуалы. Задолго передъ этимъ Оливи указалъ, какой великій соблазнъ производитъ орденъ, давшій обѣтъ нищеты и въ то же время съ ожесточеніемъ отстаивающій права собственности, причемъ папскіе прокуроры, не скрываясь, оказываютъ свое покровительство. «Hist. Tribulationum», въ «Archiv für Lit.-und Kirchengesch.», 1886 г., стр. 298.

[2]) Nicholaus Minorita (Bal. et Mansi, III, 213—24).

Библиотека "Руниверс"

быть-можетъ, въ этомъ рѣшеніи есть что-нибудь и вѣрное; но Іоаннъ рѣзко заставилъ ихъ замолчать: «Вы распространяете еретическія мнѣнія!»—закричалъ онъ и потребовалъ отъ нихъ немедленнаго отреченія. Узнавъ, что самый великій схоластикъ эпохи, францисканецъ Гильомъ Окгемъ, въ одной проповѣди объявилъ еретическимъ мнѣніе, приписывавшее Христу и апостоламъ обладаніе нѣкоторымъ имуществомъ, Іоаннъ немедленно написалъ епископамъ Болоньи и Феррары провѣрить этотъ слухъ, и если онъ окажется справедливымъ, то вызвать Гильома Окгема въ мѣсячный срокъ явиться въ Авиньонъ. Окгемъ повиновался вызову, и ниже мы увидимъ, какія были послѣдствія его явки [1]).

Окончательное рѣшеніе папы по этому важному вопросу было объявлено только 12 ноября 1323 г. въ буллѣ Cum inter nonnullos. Она недопускала никакихъ толкованій, а ясно объявляла, что утвержденіе, будто Христосъ и апостолы не имѣли никакого имущества, основано на ложномъ толкованіи свящ. писанія; и это утвержденіе объявлялось ложнымъ и еретическимъ; смѣлое утвержденіе францисканскаго капитула было формально осуждено. Тѣ, кто вѣрилъ въ высшую святость нищеты, были поражены, увидѣвъ себя отнесенными къ числу еретиковъ за то, что они принимали ученіе, которое въ теченіе многихъ поколѣній считалось непреложною истиною и было самымъ торжественнымъ образомъ санкціонировано Св. Престоломъ. Единственно, что оставалось имъ,—это, подобно папѣ, перемѣнить мнѣніе; въ противномъ случаѣ на этомъ свѣтѣ имъ грозила Инквизиція, а на томъ—сатана [2]).

Неожиданно выступилъ новый факторъ, скоро обратившій этотъ споръ въ крайне важный политическій вопросъ. Постоянный антагонизмъ между папской и императорской властью принялъ незадолго передъ этимъ рѣзкій характеръ, благодаря высокомѣрнымъ поступкамъ Іоанна XXII. Генрихъ VII умеръ въ 1313 г.; въ октябрѣ 1314 г. состоялось избраніе, вызвавшее споры. Людовикъ Баварскій и Фридрихъ Австрійскій предъявляли притязанія на императорскую корону. Съ того времени, когда въ 800 г. Левъ III короновалъ Карла Великаго, начался рядъ римскихъ императоровъ, и на участіе папы въ церемоніи императорскаго коронованія стали смотрѣть, какъ на необходимое условіе; такимъ образомъ Св. Престолу удалось мало-по-малу присвоить себѣ право утвержденія выбора нѣмецкихъ избирателей. Споръ по поводу избранія давалъ прекрасный случай подтвердить эти притязанія. Положеніе осложнилось еще и другими недоразумѣніями. Неаполитанскій король Анжуйскаго дома, папистъ Робертъ Добрый, мечталъ основать въ Италіи большую гвельфскую монархію; Іоаннъ XXII благосклонно смотрѣлъ на это, тѣмъ болѣе что его ссора съ Висконти, гибеллинами Ломбардіи, казалось, должна была затянуться надолго. Мало того, традиціонная вражда между Германіей и Франціей заставляла послѣднюю поддерживать все, клонившееся къ ущербу имперіи, а французское вліяніе въ Авиньонѣ, естественно, было сильно. Въ планъ нашей работы не входитъ разсмотрѣніе дипломатическихъ интригъ, завязавшихся вскорѣ по этому случаю. Союзъ, заключенный съ согласія папы между Робертомъ и Фридрихомъ, повидимому, долженъ былъ обезпечить послѣднему императорскую корону, какъ вдругъ битва при Мюльдорфѣ 28 сентября 1322 г. покончила споръ: Фридрихъ попалъ въ плѣнъ къ своему сопернику. Такимъ образомъ, оружіе показало, кого слѣдуетъ считать законнымъ императоромъ; но изъ этого еще не слѣдовало, что Іоаннъ долженъ согласиться возложить корону на голову Людовика [3]).

---

[1]) Wadding. ann. 1323, №№ 3, 15.

[2]) Nicholaus Minorita (Bal. et Mansi, III. 224).

Булла «Cum inter nonnulos» была внесена въ «Corpus juris» (Extrav. Johann. XXII. Tit. XIV, cap. 4). Въ добавленномъ къ ней толкованіи о папѣ говорится, какъ о самомъ Богѣ. Это легкомысленное сравненіе было немедленно подхвачено первыми реформаторами къ великому неудовольствію католиковъ.—См. Polacchi, «Comment. in Bull. Sancti Anni Jubilaei», 264—5 (Venetiae, 1625).

[3]) Carl Müller, «Der Kampf Ludwigs des Baiern mit der römischen Curie», § 4 - Fellen

Библиотека "Руниверс"

Папа думалъ выступить въ качествѣ третейскаго судьи между двумя соискателями. Людовикъ не подумалъ даже и отвѣчать ему и постарался самъ уладить дѣло, заключивъ договоръ со своимъ плѣнникомъ, котораго послѣ этого выпустилъ на свободу. Мало того, онъ энергично вмѣшался въ дѣла Ломбардіи, поддержалъ Висконти, которымъ лига гвельфовъ грозила конечною гибелью, и разрушилъ проекты кардинала-легата Бертрама де Пуайэ, племянника или сына папы Іоанна, добивавшагося княжества. Всего этого было черезчуръ для того, чтобы вызвать непримиримую ненависть папы, итальянская политика котораго могла разсчитывать на нѣкоторый успѣхъ только тогда, когда Людовикъ будетъ смѣщенъ съ трона и его мѣсто займетъ французскій король Карлъ Красивый. Іоаннъ немедленно вмѣшался, заявивъ, что готовъ пойти на все. 8 октября 1323 г. въ присутствіи громадной толпы была прочтена и прибита къ главнымъ дверямъ каѳедральнаго собора въ Авиньонѣ папская булла; не ограничиваясь заявленіемъ, что никто, не получивъ предварительно утвержденія отъ папы, не можетъ считаться императоромъ священной Римской имперіи, Іоаннъ подтвердилъ положеніе, выставленное уже раньше въ 1317 г., согласно которому до утвержденія императора папою престолъ считается вакантнымъ и управленіе имперіей принадлежитъ Св. Престолу. Всѣ дѣйствія Людовика признавались поэтому не имѣющими никакого значенія; а самому ему было предложено въ трехмѣсячный срокъ отказаться отъ престола и постараться получить папское утвержденіе; присяга на вѣрноподданничество Людовику не имѣла никакой силы; тѣ же, кто будетъ продолжать повиноваться ему, подвергнутся духовному наказанію: прелаты—отрѣшенію отъ должности, а города и государства—отлученію отъ Церкви и интердикту.

Сначала Людовикъ принялъ извѣстіе объ этомъ съ невѣроятнымъ смиреніемъ. 12 ноября онъ послалъ въ Авиньонъ депутатовъ, прибывшихъ только 2 января 1324 г.; имъ было поручено удостовѣриться въ справедливости дошедшихъ до него слуховъ; если они подтвердятся, то посланные должны испросить отсрочку у папы на шесть мѣсяцевъ, чтобы дать возможность Людовику оправдаться. На эту просьбу Іоаннъ отвѣтилъ 7 января, давъ Людовику отсрочку только на два мѣсяца, считая съ этого дня. Но за это время Людовикъ набрался смѣлости. Быть-можетъ, его ободрилъ конфликтъ между папой и францисканцами, такъ какъ вѣрительныя граматы были даны имъ уполномоченнымъ какъ разъ въ тотъ день, когда вышла булла Cum inter nonnullos (12 ноября). 18 декабря Людовикъ выпустилъ Нюрнбергскій протестъ, въ которомъ онъ смѣло защищалъ права нѣмецкаго народа и имперіи противъ новыхъ притязаній папства. Въ этомъ протестѣ онъ требовалъ созыва общаго собора, предъ которымъ могъ бы заставить признать свои права; какъ глава имперіи, онъ обязанъ поддерживать чистоту вѣры противъ папы, выступившаго соумышленникомъ еретиковъ. Впрочемъ, онъ такъ плохо понималъ спорные вопросы, что, для обоснованія послѣдняго упрека, обвинялъ Іоанна въ чрезмѣрномъ покровительствѣ францисканцамъ, которымъ ставили въ вину нарушеніе тайны исповѣди. Очевидно, такъ истолковали Людовику осужденіе, вынесенное папою противъ положенія Іоанна де-Пуайэ, считавшаго недостаточнымъ исповѣди передъ нищенствующимъ монахомъ [1]).

Если первоначально Людовикъ надѣялся воспользоваться враждебнымъ отношеніемъ бѣлаго духовенства къ нищенствующимъ монахамъ, то вскорѣ онъ понялъ, что ему гораздо выгоднѣе стать вмѣстѣ съ францисканцами противъ Іоанна XXII. Двухмѣсячная отсрочка, данная папою, истекла 7 марта, а Людовикъ и не думалъ являться предъ главою Церкви. 25 марта Іоаннъ подвергъ его отлученію отъ Церкви и грозилъ лишеніемъ

«Die Bulle Ne praetereat», Триръ, 1885 г.—Preger, «Die Politik des Pabstes Johann XXII» Мюнхенъ, 1885 г., стр. 44—6.

[1]) Carl Müller, op. cit. § 5.—Prager, «Politik des Pabstes Johann XXII», (Мюнхенъ, 1885 г. стр. 7, 54).—Martène, «Thesaur.» II, 644—51.—Raynald. ann. 1323, №№ 34, 35.

Библиотека "Руниверс"

всѣхъ правъ, если онъ не смирится въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Отвѣтомъ Людовика былъ Саксенгаузенскій Протестъ. Изъ этого документа видно, что съ декабря мѣсяца 1323 г. императоръ успѣлъ вступить въ сношенія съ францисканцами, враждебными Св. Престолу, что онъ заключилъ съ ними союзъ и понялъ, какъ выгодно было ему выступить въ качествѣ защитника вѣры и обвинить папу въ ереси. Въ Протестѣ Людовикъ сначала отмѣчаетъ вмѣшательство Іоанна въ права имперіи, а затѣмъ переходитъ къ вопросу о новыхъ буллахъ, касающихся нищеты Христа и апостоловъ, и подвергаетъ ихъ самому мелочному разбору. Іоаннъ заявилъ передъ францисканцами, занимающими высокое положеніе, что уже сорокъ лѣтъ онъ смотрѣлъ на уставъ св. Франциска, какъ на чистѣйшее безуміе; а такъ какъ уставъ былъ вдохновленъ самимъ Іисусомъ Христомъ, то одно уже это заявленіе подтверждало, что папа—еретикъ. Мало того, такъ какъ Церковь непогрѣшима въ вопросахъ исповѣдуемой ею вѣры, и такъ какъ она неоднократно, устами Гонорія III, Иннокентія IV, Александра IV, Иннокентія V, Николая III и Николая IV, высказывалась за нищету Христа, то Іоаннъ, осуждая это ученіе, свидѣтельствуетъ о своей ереси. Вслѣдствіе этого своими двумя буллами Ad conditorem и Cum inter nonnullos онъ отсѣкъ себя отъ Церкви, какъ явный еретикъ, исповѣдующій осужденное заблужденіе, и сдѣлался недостойнымъ занимать папскій престолъ. Людовикъ обязывался клятвенно подтвердить свои слова передъ общимъ соборомъ, созваннымъ въ какомъ-либо безопасномъ мѣстѣ [1]).

Іоаннъ продолжалъ преслѣдовать Людовика и 11 іюля выпустилъ новое объявленіе, въ которомъ, не обращая никакого вниманія на Саксенгаузенскій Протестъ, объявлялъ, что Людовикъ вслѣдствіе своей неявки потерялъ всякое право на имперію; если же онъ будетъ упорствовать въ своемъ неповиновеніи, то потеряетъ свое наслѣдственное Баварское герцогство и другія свои владѣнія. Въ то же время Людовикъ вызывался на 1 октября, чтобы выслушать окончательное рѣшеніе папы. Однако, Іоаннъ не могъ оставить безъ отвѣта обвиненіе его въ ереси; 10 ноября онъ издалъ буллу Quia quorumdam, въ которой доказывалъ, что нисколько не злоупотреблялъ своимъ правомъ, отмѣнивъ рѣшенія своихъ предшественниковъ; онъ клеймилъ, какъ осужденную ересь, ученіе, что Христосъ и апостолы только пользовались, а не владѣли тѣми предметами, обладаніе которыми имъ формально приписываетъ свящ. писаніе, такъ какъ, если бы это ученіе было истинно, то изъ него вытекало бы, что Христосъ несправедливо удерживалъ чужое имущество; а это равносильно хулѣ. Всякій, кто распространяетъ, пишетъ или проповѣдуетъ подобныя мнѣнія, впадаетъ въ ересь и долженъ быть уничтоженъ, какъ еретикъ [2]).

Такимъ образомъ, вопросъ о нищетѣ становился вопросомъ европейскимъ. Для сужденія объ умственномъ состояніи XIV вѣка интересно отмѣтить, что въ теченіе спора

---

[1]) Martène, «Thesaur.» II, 652—9.—Nichol. Minorita (Bal. et Mansi, III, 224—33).

Дата трактата «Protestation de Sachenhausen» не установлена строго; онъ былъ, по всей вѣроятности, опубликованъ въ апрѣлѣ или въ маѣ 1324 г. (Müller, op. cit. I, 357—58). Авторомъ этого документа Прегеръ считаетъ Франца фонъ Лаутерна, а Эрле показалъ, что доказательства по большей части дословно скопированы изъ сочиненій Оливи («Archiv. für Litt.-und Kirchengeschichte», 1887 г., стр. 540). Во время переговоровъ, начатыхъ въ 1336 году съ цѣлью добиться соглашенія, Людовикъ подписалъ составленное Бенедиктомъ XI заявленіе, въ которомъ его заставляли сказать, что мѣсто, касающееся нищеты Христа, было внесено его нотаріусомъ Ульрихомъ Вильде безъ его вѣдома, чтобы сдѣлать ему непріятность (Raynald. ann. 1336, №№ 31—35); но онъ снабдилъ это унизительное заявленіе тайными инструкціями, совершенно противоположнаго характера (Preger, «Kirchenpolitischer Kampf», 12).

[2]) Martène «Thesaur» II. 660—71.—Nich. Minorita (Bal. et Mansi, III, 233—6).

Булла 11-го іюля, лишавшая Людовика имперіи, была прочитана во всѣхъ церквахъ до самой Ирландіи по-англійски и по-ирландски.—Theiner, «Monument. Hibern. et Scotor», № 456 стр. 230.

Библиотека "Руниверс"

между папствомъ и имперіей, когда были затронуты самыя серьезныя основанія государственнаго права, даже и эти основанія занимали только второстепенное мѣсто въ манифестахъ, изданныхъ тою и другою стороною. Очевидно, хитрые люди, руководившіе споромъ, понимали, что общественое мнѣніе, даже въ вопросѣ столь пошломъ и простомъ, было болѣе чувствительно къ обвиненіямъ въ ереси, чѣмъ къ юридическимъ разсужденіямъ о правахъ Церкви и государства [1]). Однако, когда споръ разросся и сталъ серьезнымъ, то люди, развитые и враждебно относившіеся къ притязаніямъ папства, сгруппировались вокругъ Людовика и спорили о теоріяхъ правленія и правахъ Св. Престола съ неизвѣстной дотолѣ свободой мысли и слова. Ихъ поддержка была, несомнѣнно, очень полезна императору, но противъ нихъ былъ духъ времени. Авторитетъ духовной власти былъ еще настолько силенъ, что сопротивленіе не могло уничтожить его, и когда Людовикъ исчезъ, то осталась только память о смѣлыхъ людяхъ, пытавшихся защитить его.

Изъ этихъ борцовъ наиболѣе смѣлымъ былъ Марсильо Падуанскій. Глубоко пропитанный принципами императорской юриспруденціи, стоявшей за главенство государства и за подчиненіе Церкви, Марсильо увидѣлъ во Франціи, какъ много вліяніе римскаго права способствовало освобожденію гражданской власти; быть-можетъ, онъ слышалъ въ Парижскомъ университетѣ отголоски теорій, которыя проповѣдывалъ Генрихъ Гентскій, знаменитый Doctor Solemnis, утверждавшій, что народамъ принадлежитъ главенство надъ князьями. У Марсильо была идея политической организаціи, которая возстановила бы политическую организацію Рима эпохи христіанскихъ императоровъ, причемъ первымъ источникомъ всякой гражданской власти признавался народъ. При помощи Жана де Жандёна онъ смѣло и ловко развилъ эту идею въ своемъ Defensor Pacis; затѣмъ, когда въ 1326 г. борьба между Іоанномъ и Людовикомъ достигла своего апогея, оба автора покинули Парижъ съ цѣлью представить императору результатъ ихъ трудовъ. Кромѣ того, въ небольшомъ трактатѣ De translatione imperii Марсильо набросалъ очеркъ исторіи возникновенія священной римской имперіи и показалъ древнее подчиненіе Св. Престола императорской власти и неосновательность притязаній папы по вопросу утвержденія императоровъ папами. Іоаннъ XXII немедленно осудилъ смѣлыхъ писателей, какъ еретиковъ покровительство, которое оказалъ имъ Людовикъ, послужило лишнимъ пунктомъ въ обвиненіи императора въ ереси. Не имѣя возможности утолить на нихъ свою жажду мщенія, папа сурово поступалъ со всѣми, на кого могло пасть подозрѣніе въ единомысліи съ ними. Былъ арестованъ и приведенъ въ Авиньонъ старый соученикъ Марсильо по Парижу, нѣкто Франческо изъ Венеціи; его обвинили въ сотрудничествѣ при составленіи вредной книги и въ ссудѣ ересіарха деньгами. Передъ папской канцеляріей обвиняемый энергично утверждалъ, что онъ совершенно не зналъ содержанія трактата Defensor Pacis, что онъ далъ Марсильо взаймы денегъ, какъ это часто практикуется между студентами, и что Марсильо уѣхалъ изъ Парижа, оставшись ему должнымъ 13 парижскихъ су. Жанъ де Жандёнъ умеръ въ 1328 г., а Марсильо значительно позднѣе—въ 1343 г.; ихъ добрая звѣзда пощадила ихъ, и они не дожили до паденія ихъ проектовъ. Эти два писателя были сильными союзниками для Людовика, насколько отвлеченныя умозаключенія имѣли значеніе въ спорѣ. Въ Defensor Pacis въ ясныхъ и убѣдительныхъ разсужденіяхъ оспаривается и отрицается «власть ключей». Только одинъ Богъ имѣетъ право судить, прощать и осуждать. Папа не кто иной, какъ простой священникъ, а рѣшеніе, вынесенное священникомъ, можетъ быть вызвано ненавистью, лицепріятіемъ или несправедливостью, что лишаетъ его всякаго значенія въ глазахъ Бога. Чтобы отлученіе отъ Церкви имѣло силу,

[1]) Въ актахъ второго судопроизводства Іоанна противъ Людовика обвиненія противъ императора постоянно начинаются напоминаніемъ о предполагаемой ереси, заключающейся въ поддержкѣ имъ ученія о нищетѣ Христа.—Martène, «Thesaur.» II, 682 и слѣд. Cf. Guill. Nangiac. Contin. ann. 1328.

Библиотека "Руниверс"

необходимо, чтобы оно исходило не отъ одного лица, а отъ цѣлаго собранія, тщательно обсудившаго все дѣло. Вполнѣ понятно, что французскій переводъ этого труда, появившійся въ Парижѣ въ 1376 г., вызвалъ сильное движеніе. Было назначено большое слѣдствіе, длившееся съ сентября по декабрь, во время котораго всѣ ученые города должны были подъ присягой заявить передъ нотаріусомъ, что они не знаютъ имени переводчика [1]).

Еще болѣе горячимъ и плодовитымъ контроверсистомъ былъ схоластикъ Гильомъ Окгемъ. Во время окончательнаго разрыва между папствомъ и францисканцами-ригористами, Окгемъ находился уже подъ судомъ Инквизиціи. Онъ бѣжалъ изъ Авиньона вмѣстѣ съ своимъ генераломъ Михаиломъ Чезенскимъ и, подобно другимъ, нашелъ убѣжище у Людовика. Онъ оказалъ императору огромную услугу, ловко связавъ вопросъ о нищетѣ Христа съ вопросомъ о германской независимости. Тѣ, кто отказывался принять рѣшеніе папы по какому-либо вопросу вѣры, не могли оправдать своего отказа иначе, какъ доказавъ, что папы не были непогрѣшимы и не имѣли неограниченной власти. Такимъ образомъ, споръ, возникшій изъ простого догмата францисканцевъ, разросся и захватилъ крупные вопросы, колебавшіе спокойствіе Европы со времени Гильдебранда, т.-е. почти три столѣтія. Въ 1324 г. Окгемъ гордо заявилъ, что онъ непоколебимо будетъ бороться противъ заблужденій «псевдо-папы», и утверждалъ, что пока у него будутъ рука, бумага, перья и чернила, до тѣхъ поръ ни оскорбленіе, ни клевета, ни преслѣдованіе, ни убѣжденіе не заставятъ его отказаться отъ борьбы; и онъ буквально сдержалъ свое обѣщаніе: въ теченіе двадцати лѣтъ онъ выпустилъ цѣлую серію работъ по спорнымъ вопросамъ вѣры въ защиту дѣла, которому посвятилъ всю свою жизнь. Не принявъ радикальнаго ученія Марсильо о народномъ происхожденіи политической власти, онъ на практикѣ пришелъ къ тѣмъ же выводамъ. Допуская главенство папы, онъ утверждалъ, что папа можетъ впасть такъ же въ ересь, какъ и вселенскій соборъ и весь христіанскій міръ. Вліяніе Св. Духа не лишаетъ человѣка свободы мысли и не мѣшаетъ ему впасть въ заблужденіе, какое бы положеніе онъ ни занималъ. Нѣтъ ничего вѣрнаго, кромѣ Священнаго Писанія; самый бѣдный и ничтожный крестьянинъ можетъ постигнуть по наитію Бога истину вѣры, тогда какъ папы и соборы могутъ заблуждаться. Вселенскій соборъ является болѣе истиннымъ представителемъ Церкви, чѣмъ папа. Папа, отказывающійся принять жалобу, поданную вселенскому собору, или отказывающійся собрать этотъ соборъ, или присваивающій себѣ власть собора, — еретикъ, и епископы обязаны низложить его; если же епископы не желаютъ выполнить эту обязанность, то сдѣлать это обязанъ императоръ, который всемогущъ на землѣ. Но Окгемъ не ограничился только тѣмъ, что выставилъ общіе принципы: онъ безъ всякой жалости напалъ на заблужденія и непослѣдовательность Іоанна XXII и обвинилъ его въ семидесяти ересяхъ. До несчастнаго исхода спора онъ велъ борьбу съ неослабной энергіей. Одинъ за однимъ умирали его друзья, но онъ одинъ продолжалъ осмѣивать курію и ея креатуръ въ прекрасныхъ діалектическихъ трудахъ. Даже смерть Людовика и окончательное паденіе его дѣла не остановили его неустрашимаго пера. Духовные историки утверждаютъ, что, въ концѣ концовъ, онъ въ 1349 г. примирился съ папствомъ и покорился ему; но это очень сомнительно, такъ какъ Джакомо делла Марка называетъ его, Михаила Чезенскаго и Бонаграціу тремя еретиками, которые умерли отлученными отъ Церкви.

---

[1]) Altmayer, «Les Précurseurs de la Réforme aux Pays-Bas», Брюссель, 1886 г., I, 38.—Guillelm. Nangiac. Contin. ann. 1326.—Fasciculus Rer. Expetendarum et Fugiendarum», II, 55, изд. 1690 г.—D'Argentré, 1, I, 304—11, 397—400.—Baluz et Mansi, II, 280—81.—Martène, «Thesaur.» II, 704—16.—Preger, «Kirchenpolitischer Kampf». 34, 65.—«Defensor Pacis», II, 6.

Отзывъ о «Defensor Pacis» современника страсбургскаго священника Фритше Клозенера показываетъ, какое впечатлѣніе произвела эта книга, и свидѣтельствуетъ, что часть духовенства была не прочь принять ея выводы.—Closeners «Chronik» (Chroniken der deutschen Städte, VIII, 70.—Cf. «Chron.» Jacob von Königshofen, ibid. 473).

Библиотека "Руниверс"

КАНУНЪ ВАРѲОЛОМЕЕВСКОЙ НОЧИ.

(Съ карт. Карла Ѳеодор. Гуна).

Библиотека "Руниверс"

Трудно опредѣлить съ точностью, какое вліяніе произвели эти мощные геніи, которыхъ Англія, Франція и Италія дали, такимъ образомъ, Германіи на защиту ея независимости. Быть-можетъ, они побудили Виклефа подвергнуть сомнѣнію основанія папской власти и главенство Церкви надъ государствомъ и намѣтить, такимъ образомъ, путь, по которому пошли мятежные гуситы. Возможно также, что они породили движеніе общественнаго мнѣнія, которое дало Констанцскому и Базельскому собору силу отстоять свое главенство передъ Св. Престоломъ, подвигло Галликанскую церковь утвердить свои свободы, а Англію выработать враждебное законодательство Statuts des Proviseurs и Proemunire. Если непзлѣчимыя осложненія нѣмецкой политики не дали имъ возможности одержать побѣду на избранномъ ими полѣ битвы, то ихъ ученія, по крайней мѣрѣ, принесли плодъ въ странахъ, болѣе удаленныхъ отъ мѣста борьбы [1]).

Послѣ этого бѣглаго взгляда на главныя направленія ссоры мы можемъ понять перипетіи спора, возникшаго по вопросу о нищетѣ Христа, спора, сыгравшаго видную роль въ борьбѣ. Послѣ изданія буллъ Cum inter nonnullos и Quia quorumdam между Іоанномъ и главными лицами францисканскаго ордена наступило какъ бы перемиріе. Обѣ стороны боялись какимъ-нибудь необдуманнымъ шагомъ ускорить взрывъ, неизбѣжность котораго чувствовалась всѣми; а пока выбирали себѣ положеніе и вступали въ мелкія схватки. Въ 1325 г. Михаилъ созвалъ общій капитулъ, который долженъ былъ засѣдатьвъ Парижѣ; но онъ опасался, чтобы капитулъ не попытался отмѣнить рѣшенія, принятыя въ Перузѣ, и чтобы Іоаннъ не оказалъ на него давленія черезъ короля Карла Краснваго, благодаря многочисленнымъ бенефиціямъ, которыми онъ располагалъ. Поэтому онъ неожиданно перенесъ мѣсто засѣданія въ Ліонъ, гдѣ ему пришлось испытать много непріятностей благодаря интригамъ папской креатуры Герарда Одо, бывшаго позднѣе преемникомъ Михаила. Одо пытался добиться смягченія устава въ отношеніи положенія о нищетѣ; но братія стояла твердо, и попытка Одо не увѣнчалась успѣхомъ; съ другой стороны былъ принятъ статутъ, грозившій тюремнымъ заключеніемъ всякому, кто будетъ непочтительно и легкомысленно отзываться о Іоаннѣ XXII и его декреталіяхъ. Это рѣшеніе показываетъ, какія страсти скрывались подъ спокойной на видъ внѣшностью. Немного спустя было неожиданно возбуждено преслѣдованіе противъ нашего стараго знакомаго Убертино да Казале, котораго не защитила ни его бенедиктинская ряса, ни тихая и безвѣстная жизнь въ Италіи. На него, безъ сомнѣнія, пало подозрѣніе въ томъ, что онъ далъ для Саксенгаузенскаго Протеста доказательства нищеты Христа. 16 сентября 1325 г. былъ полученъ приказъ о его арестѣ; но онъ узналъ объ этомъ раньше и бѣжалъ въ Германію; онъ былъ первый изъ числа знаменитыхъ изгнанниковъ, собравшихся около Людовика Баварскаго. Но кончилъ онъ тѣмъ, что въ 130 г. примирился съ Церковью. Въ концѣ концовъ. Іоанну надоѣло молчаливое неповиновеніе этихъ францисканцевъ, которые, несомнѣнно, не шли открыто противъ его рѣшеній, принятыхъ по вопросу о нищетѣ Христа, но которые тайно, какъ ему хорошо было извѣстно, придерживались осужденнаго ученія. Въ 1325 г. Михаилъ издалъ указъ о томъ, чтобы всѣ сочиненія братьевъ подвергались строгой цензурѣ и чтобы строго соблюдался уставъ, запрещавшій споръ по сомнительнымъ вопросамъ. Такимъ образомъ, онъ налагалъ на орденъ молчаніе, надѣясь этимъ помѣшать разногласіямъ. Но Іоаннъ былъ не такой человѣкъ, который удовлетворился бы молчаніемъ, подъ которымъ скрывалась оппозиція. Въ августѣ 1327 г. онъ открылъ враждебныя дѣйствія. Въ буллѣ Quia nonnunquam, обращенной къ архіепископо-

---

1) Martène, «Thesaur.» II, 749—52.—Tocco, «L'Eresia nel Medio Evo», 532—555.—Preger, «Der Kirchenpolitische Kampf», 8—9.—Carl Müller, op. cit. II, 251—2.—Trithem. «Chron. Hirsaug.» ann. 1323.—Raynald. ann. 1349, №№ 16, 17.—Jac. de Marchia, «Dial.» (Baluz. et Mansi, II, 600).

Библиотека "Руниверс"

намъ и инквизиторамъ, онъ объявилъ, что многіе вѣрятъ еще въ нищету Христа, несмотря на то, что онъ призналъ это вѣрованіе еретическимъ. При этомъ онъ приказывалъ прелатамъ и инквизиторамъ энергично преслѣдовать виновныхъ; не называя францисканцевъ по имени, онъ включилъ въ свой декретъ оговорку, что обвиняемые лишаются всякой папской привилегіи и подлежатъ общему суду; оговорка эта ясно показываетъ, что она имѣла въ виду монаховъ. Весьма возможно, что мѣра эта была вызвана какимъ-либо движеніемъ среди умѣренныхъ спиритуаловъ Италіи. Эти люди, которымъ дали уже имя фратичелли, никогда не доходили до опаснаго энтузіазма оливистовъ, но были готовы претерпѣть мученія, защищая святые принципы нищеты. Отрицая нищету Христа, папа долженъ былъ вызвать среди этихъ людей сильное движеніе, тогда какъ, съ другой стороны, ихъ возбуждало еще то обстоятельство, что весь орденъ принималъ все болѣе и болѣе враждебное отношеніе къ Св. Престолу.

Сицилія уже издавна была убѣжищемъ для наиболѣе горячихъ спиритуаловъ, которыхъ преслѣдованіе изгнало изъ Италіи. Въ это время они начали возвращаться въ Калабрію, и Іоаннъ послалъ министру Калабріи Никколо да Реджіо строгія предписанія уничтожить этихъ сектантовъ. Было приказано составить и прислать папѣ списокъ всѣхъ лицъ, покровительствующихъ спиритуаламъ; королю Роберту было предложено принять участіе въ святомъ дѣлѣ. Хотя Робертъ былъ союзникомъ папы и нуждался въ его расположеніи для достиженія своихъ честолюбивыхъ замысловъ, но, тѣмъ не менѣе, онъ былъ искреннимъ приверженцемъ францисканцевъ. Онъ, повидимому, никогда не забывалъ наставленій Арнольда Виланэва. Слѣдуя примѣру своего отца, Карла Хромого, который выступилъ защитникомъ спиритуаловъ Прованса, Робертъ и жена его всѣми силами старались смягчить гнѣвъ папы. Въ то же время Робертъ ободрялъ орденъ и совѣтовалъ ему твердо отстаивать уставъ. Покровительствуя францисканцамъ, Робертъ не дѣлалъ никакого различія между организованнымъ сопротивленіемъ ордена и безпорядочнымъ непокорствомъ фратичелли, которые находили себѣ въ его владѣніяхъ такое же вѣрное убѣжище, какъ и въ Сициліи; смятеніе же, произведенное рѣшеніями Іоанна, естественно вызвало новый притокъ этихъ бѣглецовъ. Естественно также, что горячіе люди были недовольны тѣмъ, что Михаилъ спокойно отнесся къ новой ереси Іоанна, и увеличили собою ряды фратичелли. Они выбрали себѣ главою Генриха да Чева, бѣжавшаго въ Сицилію во время преслѣдованія, воздвигнутаго Бонифаціемъ VIII; они избрали его генералъ-министромъ и объявили себя независимыми отъ общей организаціи ордена. Позднѣе, когда Іоаннъ одержалъ побѣду надъ орденомъ, въ этой партіи сгруппировались всѣ упорствующіе и образовали секту, которая, какъ мы увидимъ, оказывала въ теченіе полутораста лѣтъ упорное сопротивленіе самому жестокому преслѣдованію [1]).

Михаилъ Чезенскій не осуждалъ этого преслѣдованія, направленнаго противъ непокорныхъ братьевъ; онъ не сомнѣвался, что булла, обнародованная въ августѣ 1327 г., имѣла ихъ въ виду. Онъ попрежнему продолжалъ выражать покорность. Въ іюнѣ мѣсяцѣ папа вызвалъ его изъ Рима въ Авиньонъ, но онъ уклонился отъ поѣздки, сославшись на нездоровье. Посланные Михаила, принесшіе его извиненіе, были приняты весьма благосклонно. Самъ Михаилъ явился къ папѣ только 2-го декабря. Позднѣе папа объявилъ, что онъ требовалъ къ себѣ францискаскаго генерала для того, чтобы онъ снялъ съ себя обвиненіе въ томъ, что тайно поддерживалъ мятежниковъ и еретиковъ; на самомъ же дѣлѣ, вызовъ Михаила объясняется желаніемъ папы захватить его въ свои руки. Принялъ его Іоаннъ весьма

[1]) Wadding. ann. 1317. № 9; ann. 1318, № 8; ann. 1323, № 16; ann. 1325, № 6; ann. 1331, № 3.—Chron. Glassberger, ann. 1325, 1326, 1330.—Raynald. ann. 1325, №№ 20, 27.—Franz Ehrle, («Archiv für Litt.-und Kirchengesch.» 1886 г., стр. 151.—Martène, «Thesaur.» II, 752—3.—Vitodurani, «Chron.» (Eccard. «Corp. Hist.» I, 1799).—D'Argentré, I, I, 297.—Eymeric. «Direct. Inquis.» 291—4.

Библиотека "Руниверс"

благосклонно и заявилъ, что онъ вызвалъ его, чтобы прекратить безпорядки, возникшіе въ Ассизи и Арнагоніи. Всегда послушный, Михаилъ смѣнилъ министровъ этихъ провинцій. До апрѣля 1328 г. онъ оставался при папскомъ дворѣ, поддерживая, повидимому, самыя, лучшія отношенія съ Іоанномъ. [1])

Между тѣмъ, ссора между папствомъ и имперіей медленно разрасталась. Весною 1326 г. Людовикъ неожиданно, безъ серьезныхъ подготовленій, предпринялъ походъ въ Италію, чтобы, по приглашенію гибеллиновъ, короноваться императоромъ. Когда въ апрѣлѣ мѣсяцѣ онъ прибылъ въ Миланъ, чтобы получить тамъ желѣзную корону, то Іоаннъ оффиціально, запретилъ ему идти далѣе; а когда императоръ не исполнилъ этого приказанія, то папа рѣшилъ снова отлучить его отъ Церкви. Тогда начался новый рядъ вызововъ въ судъ и осужденій за ересь. Іоаннъ велѣлъ проповѣдывать противъ не раскаявшагося грѣшника крестовый походъ, обѣщая за него индульгенціи, какъ за походъ въ Св. Землю. Нисколько не обезпокоенный папскимъ гнѣвомъ, Людовикъ медленно подвигался къ Риму, куда онъ вступилъ 7 января 1327 г., и гдѣ онъ, вопреки папскимъ прерогативамъ, приказалъ короновать себя 17-го числа четыремъ избраннымъ народомъ синдикамъ; послѣ этого онъ согласно обычаю, измѣнилъ свой титулъ короля Римлянъ на титулъ Императора. Какъ защитникъ вѣры, онъ выступилъ съ обвиненіемъ противъ папы, виновнаго въ ереси, заключающейся въ отрицаніи нищеты Христа. 14 апрѣля онъ обнародовалъ законъ, разрѣшавшій преслѣдовать и осуждать in absentia всѣхъ, явно считаемыхъ измѣнниками и еретиками; въ этомъ онъ подражалъ несправедливости папы, жертвою которой считалъ самого себя. 17-го апрѣля было торжественно объявлено народу, собравшемуся передъ базиликой св. Петра, рѣшеніе о сверженіи папы. Рѣшеніе это было вынесено по просьбѣ духовенства и населенія Рима; въ немъ вкратцѣ перечислялись преступленія папы, и онъ назывался антихристомъ; въ немъ объявлялось, что Іоаннъ, отрицающій нищету Христа, еретикъ и смѣщается съ папскаго престола; всякому, кто окажетъ помощь или поддержку осужденному, императоръ грозилъ конфискаціей имущества. [2])

Такъ какъ Церковь нуждалась въ папѣ, а между тѣмъ кардиналы коллегіи были отлучены отъ Церкви, какъ соумышленники ереси, то прибѣгли къ первоначальному способу избранія. 12 мая населеніе и духовенство Рима были приглашены на выборы, и міру былъ данъ новый римскій епископъ въ лицѣ Петра ди Корбаріо (Pier di Corbario), уважаемаго францисканца, извѣстнаго своей строгой жизнью и своимъ краснорѣчіемъ. Онъ былъ министромъ Абруцской провинціи и папскимъ духовникомъ. Онъ былъ женатъ, и жена его была еще жива; говорили, что онъ вступилъ въ орденъ безъ ея согласія и былъ поэтому «неправиленъ». Это обстоятельство вызвало большіе скандалы: жена его, до сего времени ни разу не жаловавшаяся на то, что мужъ бросилъ ее, потребовала теперь вознагражденія. Новый папа принялъ имя Николая V; вскорѣ была образована угодная ему коллегія кардиналовъ; онъ назначилъ нунціевъ и легатовъ и замѣнилъ епископовъ гвельфовъ гибеллинами. Полагаютъ, что фратичелли воспользовались замѣшательствомъ, вызваннымъ этими революціонными мѣрами, выступили изъ своихъ потайныхъ убѣжищъ и стали надѣяться на близкое осуществленіе своихъ благихъ мечтаній [3]).

Хотя капитулъ, созванный въ Ананьи францисканскимъ префектомъ римской провинціи, высказался противъ Петра ди Корбаріо и приказалъ узурпатору отказаться отъ

---

[1]) Martène, «Thesaur.» II, 749.—Baluz. et Mansi, III, 315—16.—Nicholaus Minorita (Baluz. et Mansi, III, 238—40).

[2]) Chron. Sanens. (Muratori, «S. R. I.» XV, 77, 79).—Martène, «Thesaur.» II, 684—723.—Nicholaus Minorita (Baluz. et Mansi, III, 240—43).

[3]) Nicholaus Minorita (Baluz. et Mansi, III, 243).—Ptolomaei Lucensis «Hist. Eccles.» cap. 41 (Muratori, «S. R. I.» XI, 1210).—Chron. Sanens. (Muratori, «S. R. I.» XV, 80).—Wadding. ann. 1328, №№ 2—4, 8, 11.

Библиотека "Руниверс"

незаконно присвоеннаго себѣ папскаго достоинства, все же было невозможно, чтобы орденъ избѣжалъ отвѣтственности въ мятежѣ, и весьма вѣроятно, что Михаилъ Чезенскій былъ причастенъ ко всему этому дѣлу. Онъ смирно продолжалъ жить въ Авиньонѣ, и Іоаннъ продолжалъ оказывать ему свое сердечное расположеніе; вдругъ 9 апрѣля папа далъ ему неожиданно аудіенцію и обратился къ нему съ рѣзкими упреками по поводу рѣшенія, принятаго шесть лѣтъ тому назадъ капитуломъ Перузы и утвердившаго ученіе о нищетѣ Христа. Михаилъ энергично отстаивалъ это рѣшеніе, утверждая, что, если это мнѣніе еретическое, то на Николая IV и другихъ папъ, раздѣлявшихъ это ученіе, надо смотрѣть, какъ на еретиковъ. Папа немедленно пришелъ въ ярость. Михаилъ сдѣлался «безумнымъ упрямцемъ, соумышленникомъ еретиковъ, змѣею, согрѣтою Церковью на груди». Когда окончился потокъ бранныхъ словъ, Михаилъ былъ объявленъ плѣнникомъ на честное слово; ему было запрещено покидать Авиньонъ подъ угрозой отлученія отъ Церкви, потери должности и ограниченія правъ въ будущемъ. Черезъ нѣсколько дней, 14 апрѣля, подъ таинственною сѣнью францисканскаго монастыря Михаилъ сбросилъ маску, торжественно составивъ нотаріальный протестъ. Въ присутствіи Вильгельма Оккема, Бонаграціи и другихъ вѣрныхъ друзей онъ заявилъ, что папа или еретикъ, или не папа; ибо или мнѣнія Іоанна еретическія, или Николай IV былъ еретикъ; въ послѣднемъ случаѣ были также еретиками и Бонифацій VIII, и Климентъ V, подтвердившіе буллу Exiit qui seminat, а, слѣдовательно, сдѣланныя ими назначенія кардиналовъ не имѣютъ никакого значенія, и не имѣетъ никакой законной власти конклавъ, избравшій Іоанна. Михаилъ протестовалъ противъ всего, что могло бы послужить къ нарушенію правъ ордена, и заявлялъ, что онъ самъ былъ угнетенъ и подавленъ, такъ что дѣйствія, къ которымъ могли его принудить, не могутъ имѣть никакого значенія и силы. Этотъ документъ является печальнымъ доказательствомъ уловокъ, къ которымъ надо было прибѣгать въ ту эпоху грубыхъ нравовъ [1]).

Михаилъ былъ задержанъ въ Авиньонѣ, между тѣмъ какъ въ Болоньѣ собирался генеральный капитулъ ордена. Іоаннъ послалъ епископа Остіи Бертранда съ порученіемъ вызвать выборъ новаго генерала. Но орденъ заупрямился. Капитулъ отправилъ папѣ нѣсколько вызывающее посланіе и избралъ снова Михаила, прося въ то же время его назначить Парижъ мѣстомъ собранія слѣдующаго капитула, который по уставу долженъ былъ состояться черезъ три года. Михаилъ согласился. Въ виду драмы, разыгрывавшейся въ Римѣ, онъ могъ бояться за свою жизнь или за свою свободу. Были начаты приготовленія къ побѣгу; была послана въ Aigues-Mortes галера; по словамъ Іоанна ее снарядилъ Людовикъ, но болѣе достовѣрные источники говорятъ, что ее доставили генуэзскіе бѣглецы. Михаилъ бѣжалъ въ этотъ портъ 26 мая вмѣстѣ съ Оккемомъ и Бонаграціей. Быстро посланный ему въ догонку, епископъ Порто встрѣтился съ Михаиломъ на мосткахъ галеры, но ему не удалось убѣдить его вернуться. 9 іюня Михаилъ прибылъ въ Пизу, и съ этого времени завязалась безконечная письменная борьба. Отлученный отъ Церкви и лишенный сана, Михаилъ утверждалъ съ своей стороны, что Іоаннъ — еретикъ, обезчестившій папское достоинство. Но оружіемъ франциканца было одно только краснорѣчіе, между тѣмъ какъ Іоаннъ могъ дѣйствовать иначе. Кардиналъ С.-Виталя Бертранъ де ла Туръ былъ назначенъ викарнымъ генераломъ ордена; въ Парижѣ былъ созванъ на іюль 1329 года новый генеральный капитулъ; для этого были сдѣланы особыя приготовленія, а именно — всѣ провинціалы, расположенные къ Михаилу, были смѣщены и замѣнены вѣрными людьми. Изъ тридцати четырехъ членовъ капитула, бывшихъ въ Болоньѣ, въ Парижѣ оказалось только четырнадцать. Михаилъ былъ низложенъ и генераломъ избранъ Герардъ Одо; но оффиціальное давленіе не было достаточно сильно, чтобы добиться отъ капитула рѣшенія, осуждавшаго ученіе о нищетѣ Христа. Большинство членовъ ордена,

[1]) Nicholaus Minorita (Baluz. et Mansi, II, 238—10).

Библиотека "Руниверс"

вынужденныхъ молчать, оставались вѣрными принципамъ низложеннаго генерала, пока произвольныя мѣры папы и ужасный урокъ, данный наказаніемъ мятежниковъ, не заставили монаховъ смириться. Однако, папа не выказалъ никакого желанія смягчить францискапскій уставъ и когда въ 1328 году Герардъ Одо, въ надеждѣ получить кардинальскую шапку, убѣдилъ четырнадцать провинціаловъ присоединиться къ нему и подать папѣ докладную записку о полномъ уничтоженіи обѣта нищеты, то онъ ничего не получилъ отъ папы и коллегіи кардиналовъ, кромѣ насмѣшекъ [1]).

Разрѣшеніе вопроса менѣе зависѣло отъ религіозныхъ соображеній, чѣмъ отъ политическихъ обстоятельствъ. Людовикъ покинулъ Римъ и остановился въ Пизѣ со своимъ папою, со своими кардиналами и со своими францискапцами. Но итальянцы мало-по-малу покидали своего нѣмецкаго императора; и немного принесло ему пользы доставившее ему дѣтское удовлетвореніе торжественное сожженіе въ январѣ 1329 г. изображенія Іоанна XXII; вскорѣ послѣ этого онъ долженъ былъ покинуть городъ и въ концѣ года отправился въ Германію, сопровождаемый людьми, готовыми служить ему своими знаніями; тѣ-же изъ его сторонниковъ, которые не могли слѣдовать за нимъ, были предоставлены своей судьбѣ [2]).

Начатое послѣ этого въ Тоди дѣло показываетъ, съ какой быстротой Инквизиція начала преслѣдовать отступившаго врага и какимъ дорогимъ политическимъ союзникомъ былъ ей св. Престолъ въ дѣлѣ приведенія мятежныхъ къ повиновенію.

Населеніе Тоди принадлежало къ партіи гибеллиновъ. Когда въ 1327 г. Іоаннъ XXII приказалъ сполетскому инквизитору Франциску Даміани энергично преслѣдовать Мучіо Каниграріо изъ Тоди за его возстаніе противъ Церкви, и Мучіо былъ вслѣдствіе этого заключенъ въ тюрьму, то населеніе Тоди возстало, освободило плѣнника и заставило инквизитора искать спасеніе въ бѣгствѣ. Въ августѣ 1328 г. Тоди привѣтствовалъ Людовика императоромъ, а Петра ди Корбаріо—папою и приказалъ нотаріусамъ помѣчать всѣ акты годами царствованія новаго императора. Мало того, граждане напали и взяли гвельфскій городъ Орвіето и изгнали доминиканцевъ, такъ какъ весь муниципалитетъ стоялъ на сторонѣ Людовика. Когда въ августѣ 1329 г. Людовикъ покинулъ своихъ союзниковъ, то стараніями францискапскаго инквизитора бр. Бартолино Перузскаго было начато дѣло противъ города. Инквизиторъ объявилъ, что произведетъ по всему Ассизскому округу строгое разслѣдованіе о всѣхъ патаренахъ (катарахъ) и еретикахъ; о всѣхъ, кто не считаетъ грѣхомъ заблужденія, осужденныя Церковью, или считаетъ это неважнымъ грѣхомъ; о всѣхъ, кто толкуетъ свящ. писаніе иначе, чѣмъ Церковь; о всѣхъ, кто нападаетъ на устройство, обряды и ученія римской Церкви; наконецъ, о всѣхъ тѣхъ, кто поносилъ достоинство, личность и декреты папы. Между тѣмъ, онъ приступилъ къ тщательному разслѣдованію дѣйствій гражданъ во время посѣщенія города Людовикомъ. Малѣйшее

---

[1]) Nicholaus Minorita (Baluz. et Mansi, III, 243—349).—Jac. de Marchia, «Dial.» (Ibid. II, 598).—Chron. Sanens. (Muratori, «S. R. I.» XV, 81).—Vitodurani «Chron.» (Eccard. «Corp. Hist.» I, 1799—1800).— Martène, «Thesaur.» II, 757—60.—Alvar. Pelag. «De Planctu Eccles.» lib. II, art. 67.

Карьера кардинала Бертрана Турскаго показываетъ, какую гибкую совѣсть должны были имѣть слуги Іоанна XXII. Бертранъ Турскій былъ францискапецъ и занималъ въ орденѣ высокое положеніе. Въ качествѣ провинціала Аквитаніи онъ преслѣдовалъ спиритуаловъ. Будучи избранъ кардиналомъ, онъ отвѣтилъ утвердительно на вопросъ Іоанна о нищетѣ Христа. Совмѣстно съ Виталемъ дю Фуръ онъ тайно выработалъ докладъ Перузскаго капитула, столь сильно разсердившій папу. Но когда Іоаннъ рѣшилъ, что Христосъ владѣлъ имуществомъ, то кардиналъ сразу измѣнилъ свое мнѣніе и тотчасъ началъ преслѣдовать сторонниковъ ученія, однимъ изъ распространителей котораго онъ самъ былъ. — Tocco, «Un Codice della Marciana», 40, 43, 45.

[2]) «Chron.» Cornel. Zantfliet. (Martène, «Ampl. Coll.», 187).—Villani, lib. X, c. 126, 144.

Библиотека "Руниверс"

проявленіе почтительности къ императору разсматривалось, какъ преступленіе. Затѣмъ, было начато два ряда преслѣдованій; во-первыхъ, противъ гибеллиновъ города, а во-вторыхъ, противъ «мятежниковъ» францисканцевъ. Послѣднимъ предложили отвѣтить на слѣдующіе пять вопросовъ: «Правда ли, что они оказали довѣріе, благосклонность и привязанность Баварцу и антипапѣ-узурпатору; что они при вступленіи этихъ еретиковъ въ Тоди шли передъ ними въ торжественной процессіи, неся крестъ; что они принесли повиновеніе и вѣрноподданническую присягу Баварцу, какъ императору, и П. да Корбаріо, какъ папѣ; что они исповѣдывали или проповѣдывали, что установленія Іоанна еретическія, какъ и самъ онъ; что послѣ осужденія и низложенія Михаила Чезенскаго за ересь они остались вѣрны ему или его заблужденіямъ?» Изъ этого опроснаго листа видно, какъ ловко перемѣшивали религію съ политикой, и какой общій характеръ носили разслѣдованія Инквизиціи. Дѣло тянулось долго. 1 іюля 1330 г. Іоаннъ осудилъ всѣхъ гражданъ безъ изъятія, какъ еретиковъ и покровителей ереси. 7 іюля онъ передалъ свой приговоръ легату, кардиналу Орсини, приказавъ ему оффиціально вызвать гражданъ и судить ихъ по инквизиціонной формулѣ: «Summarie et de plano et sine strepitu et figura». Эти мѣры окончательно принудили населеніе Тоди покориться. Кардиналъ послалъ къ нимъ брата Бартолино и его товарища, и городъ былъ возсоединенъ съ Церковью подъ условіемъ, что этотъ актъ долженъ получить папское одобреніе. Жители, вынужденные раньше поднести Людовику десять тысячъ флориновъ, были теперь приговорены къ штрафу на эту же сумму; кромѣ того, на сто тридцать четыре гражданина былъ наложенъ штрафъ по сто ливровъ на каждаго. Очевидно, эти условія не удовлетворили Іоанна, такъ какъ въ бреве отъ 20 іюля 1331 г. онъ объявилъ, что подчиненіе гражданъ—простая насмѣшка, и снова наложилъ на городъ интердиктъ. Послѣднимъ документомъ этого дѣла, дошедшимъ до насъ, является списокъ, посланный 1 іюня 1332 г. легатомъ епископу Тоди; въ этомъ спискѣ поименовано сто девяносто семь лицъ, среди которыхъ находятся францисканцы приходскіе священники, настоятели монастырей, знатные и простые граждане. Всѣ эти лица вызывались легатомъ на 15 іюня въ Орвіето, чтобы подвергнуться суду Инквизиціи. Процессъ долженъ былъ вестись энергично, такъ какъ Іоаннъ, когда генералъ Герардъ Одо рѣшилъ отобрать у Бартолино полномочія, вмѣшался и продлилъ ему инквизиторскую власть, чтобы дать ему возможность довести начатое преслѣдованіе до окончательнаго рѣшенія. На этомъ дѣлѣ мы видимъ примѣръ суроваго преслѣдованія, начатаго повсюду, гдѣ гибеллины не были достаточно сильны, чтобы защищаться съ оружіемъ въ рукахъ [1]).

Что касается несчастнаго антипапы, то судьба его была еще болѣе печальна. Людовикъ помѣстилъ его въ Пизѣ подъ охраной графа Фаціо да Донератико, самаго могущественнаго сеньора города, который спряталъ его въ замкѣ въ Маремнѣ. 18 іюня 1329 г. пизанцы возстали и прогнали императорскій гарнизонъ. Въ январѣ слѣдующаго года имъ было разрѣшено возсоединиться съ Церковью; однимъ изъ условій при этомъ было постановлено имъ выдать П. да Корбаріо, съ которымъ Іоаннъ обѣщалъ поступить, какъ добрый отецъ и другъ. Мало того, Фаціо былъ награжденъ за свою измѣну. Антипапа публично въ Пизѣ отрекся отъ своихъ ересей, а затѣмъ, подъ конвоемъ двухъ государственныхъ галеръ, былъ отправленъ въ Ниццу, гдѣ его передали представителямъ папы. Въ каждомъ городѣ по дорогѣ въ Авиньонъ онъ долженъ былъ повторять свое отреченіе и выказывать свое смиреніе. 25 августа 1330 г. онъ съ веревкой на шеѣ предсталъ предъ папой при полной консисторіи. Истощенный, разбитый стыдомъ и страданіями, онъ упалъ

[1]) Franz Ehrle («Archiv für Lit.-und Kirchengesch.» 1885 г., стр. 159—64; 1886 г., 653—69.—Archivio Storico Italiano, 1 Ott. 1865, стр. 10—21.—Ripoll, II, 180.—Wadding. ann. 1326, № 9; ann. 1327, №№ 3, 4; ann. 1331, № 4; ann. 1332, № 5.

Библиотека "Руниверс"

къ ногамъ своего соперника и просилъ милости, отрекаясь отъ ересей и предавая ихъ анаѳемѣ, причемъ особенно было упомянуто заблужденіе относительно нищеты Христа. Затѣмъ, въ болѣе интимномъ собраніи его заставили сознаться въ длинномъ рядѣ преступленій и согласиться на епитимію, которая будетъ наложена на него. Его подвергли всякому униженію, не было упущено ничего, чтобы сдѣлать полнымъ его позорное отреченіе. Предавъ, такимъ образомъ, несчастнаго публичному позору, лишивъ его всякой возможности вредить, Іоаннъ милостиво избавилъ его отъ физической пытки. Его заключили въ одномъ изъ покоевъ папскаго дворца, кормили кушаньями съ папскаго стола и разрѣшили пользоваться книгами; но свиданіе съ нимъ разрѣшалось каждый разъ лично папою. Сверженный антипапа недолго прожилъ въ неволѣ; онъ умеръ въ 1333 г. и былъ похороненъ въ одеждѣ франциcканца. Принимая во вниманіе общую грубость той эпохи, надо согласиться, что Іоаннъ поступилъ съ антипапою сравнительно мягко. Нельзя даже было ожидать отъ Іоанна подобной снисходительности послѣ сказаннаго имъ 20 апрѣля 1329 г. проклятія по адресу своего сраженнаго соперника: «Можетъ ли онъ здѣсь, на землѣ, испытать на себѣ гнѣвъ Петра и Павла, Церковь которыхъ онъ пытался разрушить! Да будетъ пусто его жилище и пусть никто не согласится жить подъ его кровлей! Да будутъ дѣти его сиротами, а жена вдовою! Да будутъ изгнаны они изъ своего дома и осуждены на нищенство! Да расхитятъ ихъ имущество ростовщики, и да разграбятъ его иностранцы! Пусть вся земля поднимется противъ него, пусть всѣ элементы станутъ враждебны ему, пусть заслуги святыхъ, обитающихъ въ селеніяхъ праведныхъ, подавятъ его и отомстятъ ему до гробовой доски!» [1]).

Во время этого дѣла общественное мнѣніе не все было на сторонѣ Іоанна, но Инквизиція энергично подавляла всѣ проявленія враждебныхъ къ нему отношеній. Въ 1328 г. въ Каркассонѣ былъ судимъ Св. Трибуналомъ нѣкто Жерменъ Фревіе. Его обвиняли въ кощунственныхъ отзывахъ о Іоаннѣ и въ томъ, что онъ называлъ запятнаннымъ симоніей избраніе этого папы, обѣщавшаго не вкладывать ноги въ стремя иначе, какъ для поѣздки въ Римъ. Мало того, Жерменъ заявлялъ, что францисканскій папа былъ истиннымъ папою, и что если бы у него были деньги, то онъ отправился бы къ нему и къ Баварцу. Жерменъ не былъ созданъ мученикомъ и началъ отрицать свою вину; затѣмъ, когда ему дали пять мѣсяцевъ для размышленія въ одиночномъ заключеніи, онъ привелъ въ свое оправданіе, что совершилъ проступокъ въ состояніи опьяненія, когда самъ не понималъ, что говорилъ; новая отсрочка дала понять ему всю безполезность упорства, и онъ сознался въ своихъ прегрѣшеніяхъ и умолялъ о прощеніи [2]).

Другое дѣло, случившееся въ 1329 г., раскрываетъ намъ тайныя чувства большинства францисканцевъ и средства, къ которымъ должны были прибѣгать, чтобы заставить ихъ повиноваться. Братъ Бартелеми Брюгьеръ сознался передъ каркассонской Инквизиціей, что, служа обѣдню, онъ, когда дошелъ до молитвы за папу, задался вопросомъ, за какого папу онъ долженъ молить Бога; въ концѣ концовъ, онъ выразилъ пожеланіе, чтобы молитва его вознеслась за того изъ двухъ папъ, который былъ законнымъ главою Церкви. Многіе изъ его братьевъ, говорилъ онъ, просили обыкновенно Бога, чтобы онъ далъ Іоанну такъ много занятій, чтобы онъ забылъ изъ-за нихъ о францисканцахъ, такъ какъ имъ казалось, что папа занятъ только тѣмъ, какъ бы досадить имъ. Кромѣ того, они думали вообще что ихъ генералъ Михаилъ былъ несправедливо низложенъ и отлученъ отъ Церкви. На большомъ собраніи монаховъ Бартелеми сказалъ: «Я хотѣлъ бы, чтобы этотъ антипапа былъ доминиканцемъ или принадлежалъ бы къ какому-нибудь другому ордену». Одинъ изъ

[1]) Villani, lib. X, c. 131, 142, 160.—Guill. Nangiac. Contin. ann. 1330.—Wadding. ann. 1330, № 9.—Martène, «Thesaur.» II, 763—70, 806—15.—«Chron.» Cornel. Zantfliet, ann. 1330 (Martène, «Ampl. Coll.» V, 194—8).

[2]) Archives de l'Inquis. de Carcassonne (Doat. XXVII. 7 и слѣд.).

Библиотека "Руниверс"

присутствовавшихъ отвѣтилъ ему на это: «Я наоборотъ радъ, что онъ францискапецъ, такъ какъ если бы онъ принадлежалъ къ какому-либо другому ордену, то у насъ не было бы ни одного друга; теперь же въ лицѣ этого итальянца у насъ есть другъ». Эти слова вызвали дружныя рукоплесканія. Нѣкоторое время Бартелеми держался твердо, но тюрьма и угроза оковами и постомъ сломили его энергію; онъ предоставилъ себя на благоусмотрѣніе инквизитора Генриха де Шамэ. Снисходительность послѣдняго сказалась въ томъ, что онъ осудилъ Бартелеми на пожизненное тюремное заключеніе въ ножныхъ и ручныхъ оковахъ на хлѣбѣ и водѣ. Весьма возможно, что доминиканецъ съ радостью пожелалъ оповѣстить всѣхъ о своемъ торжествѣ надъ францискапцемъ, такъ какъ онъ разрѣшилъ Бартелеми сохранить свою монашескую одежду. Но Іоаннъ хотѣлъ, чтобы мщеніе его было полно: спустя годъ онъ написалъ Генриху де Шамэ, что, такъ какъ осужденный изгнанъ изъ ордена, то его слѣдуетъ лишить монашеской одежды и отправить ее францискапскимъ властямъ [1]).

Въ Германіи большинство францисканцевъ оставалось вѣрными Михаилу и Людовику, и были для послѣдняго неоцѣненными помощниками въ борьбѣ противъ папы. Эту вѣрность подвергло испытанію соблюденіе интердикта, который въ теченіе столькихъ лѣтъ запрещалъ богослуженіе по всей имперіи и былъ очень оскорбителенъ для вѣрующихъ. Обыкновенно францисканцы не обращали вниманія на интердиктъ. Въ январѣ 1331 г. Іоаннъ издалъ буллу, спеціально направленную противъ нихъ; но булла эта не дала многаго; она лишала привилегій и неприкосновенности всякаго, кто будетъ признавать Людовика императоромъ и отправлять богослуженія въ мѣстностяхъ, на которыхъ наложенъ интердиктъ, и приказывала прелатамъ и инквизиторамъ преслѣдовать мятежныхъ. Съ своей стороны, Людовикъ не упускалъ случая обязывать, путемъ преслѣдованій, къ повиновенію себѣ всюду, гдѣ онъ пользовался нѣкоторою властью. Въ императорскомъ рескриптѣ, изданномъ въ іюнѣ 1330 г. и обращенномъ къ магистратамъ Ахена, имъ приказывается помогать и оказывать покровительство францисканцамъ Зигельберту Ландсбергскому и Іоанну де Ройда и заключать въ тюрьму всѣхъ братьевъ, на которыхъ эти два «истинныхъ наставника» укажутъ, какъ на мятежниковъ противъ имперіи и ордена; конечную судьбу ихъ долженъ будетъ рѣшить генералъ Михаилъ. Изъ этого рескрипта мы видимъ, что даже и въ Германіи орденъ не былъ единомысленъ; однако, достовѣрно, что знаменитый францискапецъ Іоаннъ Винтертурскій выразилъ взглядъ большинства, заявивъ, что читатель будетъ пораженъ ужасомъ и изумленіемъ, узнавъ, какими поступками папа ниспровергнулъ Церковь. Охваченный какимъ-то буйнымъ сумасшествіемъ, Іоаннъ отрицалъ нищету Христа и такъ какъ францисканцы выступили противъ него, то онъ ихъ преслѣдовалъ безъ всякой пощады. Доминиканцы поддерживали его и онъ щедро платилъ имъ за это. Традиціонная вражда между двумя орденами находила въ этомъ полное удовлетвореніе. Чтобы возбудить противъ францисканцевъ общее презрѣніе, доминиканцы показывали картины, на которыхъ Христосъ былъ изображенъ держащимъ кошелекъ, въ который онъ опустилъ руку за деньгами. Мало того, къ великому ужасу вѣрныхъ они прибивали на стѣнахъ своихъ монастырей въ мѣстностяхъ, наиболѣе посѣщаемыхъ, изображенія Христа, распятаго на крестѣ, причемъ одна рука его была прибита гвоздями, а другая опускала деньги въ мѣшокъ, привязанный къ поясу. Однако, злоба и религіозная ревность не совсѣмъ угасили патріотизмъ въ душѣ доминиканцевъ; съ другой стороны, раздраженные осужденіемъ магистра Эккарта за ересь, они дали нѣсколько союзниковъ императору. Быть-можетъ, на этомъ основаніи Людовикъ нашелъ поддержку въ лицѣ Таулера и Маргариты Эбнеръ, состоявшей членомъ секты Друзей Бога и бывшей самою выдающеюся доминиканкой эпохи. Правда, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ много

[1]) Doat, XXVII, 202 3, 229; XXXV. 87.

Библиотека "Руниверс"

доминиканскихъ монастырей было закрыто, а монахи разсѣяны и изгнаны за упорный отказъ совершать богослуженіе; но и оставшіеся противъ воли только подчинились папскимъ указамъ. Въ Ландсгутѣ они прекратили богослуженіе, но когда они узнали о приближеніи императора, то они тайно сговорились съ герцогомъ Теккомъ, чтобы онъ напалъ на ихъ монастырь съ факеломъ въ рукахъ и грозилъ бы поджечь его; тогда они, какъ бы противъ воли, подъ страхомъ этой угрозы возобновятъ богослуженіе. Комедія была разыграна съ успѣхомъ. Въ то же время генеральный капитулъ 1328 г. жаловался, что во многихъ нѣмецкихъ монастыряхъ монахи весьма неаккуратно оглашали папскія буллы, касающіяся Людовика [1]).

Но все это было только отдѣльнымъ эпизодомъ политической борьбы, исходъ которой зависѣлъ отъ соперничества между домами Виттельсбахскимъ, Габсбургскимъ и Люксембургскимъ, а также отъ интригъ Франціи. Людовику мало-по-малу удалось пробудить и сосредоточить на себѣ національный духъ, въ чемъ помогло ему высокомѣрное презрѣніе Іоанна XXII и его преемниковъ къ многократнымъ просьбамъ о примиреніи. Въ 1330 г. Людовикъ на короткое время нашелъ поддержку со стороны короля Чехіи Іоанна Люксембургскаго и герцога Австрійскаго; они выступили въ качествѣ поручителей его вѣрности католической Церкви и заявили, что онъ готовъ сдѣлать все, что отъ него потребуютъ, если только будетъ признана независимость имперіи; но папа Іоаннъ отвѣтилъ, что Людовикъ—еретикъ и, слѣдовательно, лишенъ правъ; это—разбойникъ, воръ, нечестивецъ, соединившійся съ Михаиломъ, Окгемомъ, Бонаграціей и Марсильо; онъ не только не имѣетъ никакого права на императорскій престолъ, но если бы онъ былъ признанъ императоромъ, то весь христіанскій міръ очутился бы въ неописуемо-печальномъ положеніи. Вторичная попытка была сдѣлана въ декабрѣ 1334 г. послѣ смерти Іоанна; но политическіе интересы Чехіи и Франціи требовали продолженія борьбы, и Бенедиктъ XII оказался такъ же не сговорчивъ, какъ и его предшественникъ.

Людовикъ всегда готовъ былъ принести въ жертву своихъ союзниковъ францисканцевъ; но папство присваивало себѣ право рѣшенія вопроса, кому должна принадлежать имперія, такъ что Людовикъ, ловко взывая къ національной гордости, мало-по-малу снискалъ себѣ поддержку государствъ и городовъ, число которыхъ росло съ каждымъ днемъ. Въ 1338 г. конвенція Рензе и Франкфуртскій рейхстагъ объявили, что окончательный характеръ выбора, сдѣланнаго избирателями, составляетъ часть имперскаго закона, и что папство не имѣетъ никакого права утверждать выборы. Въ то же время было приказано не обращать вниманія на интердиктъ во всѣхъ государствахъ, стоящихъ на сторонѣ Людовика; духовнымъ лицамъ было предложено начать богослуженіе до истеченія восемнадцатидневнаго срока подъ угрозой десятилѣтней ссылки. Духовенству не трудно было разрѣшить эту дилемму, такъ какъ въ подобномъ случаѣ римская курія за флоринъ давала отпущеніе грѣховъ [2]).

Во время спора между Людовикомъ и папствомъ огромныя услуги оказала императору небольшая Мюнхенская колонія францисканскихъ-бѣглецовъ; но она существовала не долго. Михаилъ Чезенскій умеръ 29 ноября 1342 г. Послѣднимъ трудомъ его было длинное разсужденіе, доказывавшее, что Іоаннъ умеръ не раскаявшимся еретикомъ, и что преемники покойнаго, защищая тѣ же заблужденія, также еретики; если есть во всемъ

---

[1]) Martène, «Thesaur.» II, 826—8.—Carl Müller, op. cit. I, 239.—Vitodurani «Chron.» (Eccard. «Corp. Hist.» I, 1798, 1800, 1844—45, 1871).—Andreas Ratisponens. «Chron.» ann. 1336 (Ibi I. I, 2103—4).—Preger, «Der Kirchenpolitische Kampf», 42—5.—Denifle, «Arch. für Litt. und Kirchengeschichte», 1886 г., 624.

[2]) Martène, «Thesaur.» II, 800—6.—Raynald. ann. 1336, №№ 31—35.—Vitodurani «Chron.» (Eccard. «Corp. Hist.» I, 1842—5, 1910).—Preger, «Der Kirchenpolitische Kampf», 33.—Hartzheim. op. cit. IV, 323—32.—H. Mutii Germ. «Chron.» ann. 1338 (Pistorii «Germ. Script.» II, 878—81).

Библиотека "Руниверс"

христіанскомъ мірѣ одинъ человѣкъ, обладающій истинной вѣрою, то онъ представляетъ собою Церковь. Диѳирамбическая палинодія, которую выдаютъ за отреченіе, произнесенное имъ на одрѣ смерти, несомнѣнно ложна. До послѣдней минуты Михаилъ оставался вѣренъ своимъ принципамъ. Умирая, онъ передалъ печать ордена Вильгельму Оккему, какъ викарному генералу; еще въ апрѣлѣ 1342 г. Михаилъ назначилъ двухъ гражданъ Мюнхена, Іоанна Шито и Гримольда Тресло, синдиками и прокурорами ордена, и послѣ его смерти Тресло занялъ мѣсто генерала. Бонаграціа умеръ въ іюнѣ 1347 г.; до самаго послѣдняго вздоха этотъ неукротимый человѣкъ утверждалъ, что дѣло Людовика справедливо. Годъ смерти Оккема неизвѣстенъ точно; онъ умеръ между 1347 и 1350 г.г. [1])

Такимъ образомъ сошли со сцены одинъ за другимъ люди, столь энергично защищавшіе ученіе о нищетѣ Христа. Что касается до политическихъ идей, до которыхъ дошли Марсильо и Оккемъ, то онѣ сдѣлали свое дѣло и не могли болѣе оказывать вліяніе на ходъ событій. Когда въ 1342 г. умеръ Бенедиктъ XII, то Людовикъ снова пытался заключить миръ; но этому помѣшали интриги Іоанна Чешскаго, желавшаго обезпечить императорскій тронъ за своимъ домомъ. Единственнымъ результатомъ этой попытки было то, что положеніе Людовика стало болѣе прочнымъ, такъ какъ выяснилась невозможность добиться условій, пріемлемыхъ для имперіи. Однако, чешскій король продолжалъ интриговать: въ іюлѣ 1346 г. три избирателя отъ духовенства Майнца, Трира и Кельна, по наущенію Климента VI, собрались въ Рензе вмѣстѣ съ Рудольфомъ Саксонскимъ и Іоанномъ Чешскимъ и избрали римскимъ королемъ сына Іоанна, маркграфа Моравіи Карла. Но это движеніе не нашло поддержки въ народѣ, и когда Людовикъ явился въ Рейнскія провинціи, то всѣ города и почти всѣ князья и знатные изъявили ему покорность. Если бы избраніе было отсрочено на нѣсколько недѣль, то оно не могло бы состояться, такъ какъ въ слѣдующемъ мѣсяцѣ храбрый Іоаннъ Чешскій погибъ рыцарской смертью въ битвѣ у Креси, а вновь избранный король Карлъ искалъ спасенія въ бѣгствѣ. Вліяніе Франціи немедленно прекратилось. При подобныхъ неблагопріятныхъ предзнаменованіяхъ царствованіе Карла IV казалось не могло быть продолжительнымъ; но въ октябрѣ 1347 г., когда Людовикъ отправлялся на охоту, которую онъ очень любилъ, съ нимъ сдѣлался ударъ, и онъ упалъ мертвымъ съ лошади. Въ этомъ увидѣли перстъ Божій, устранившій всѣхъ враговъ Св. Престола, и Карлу нечего было теперь бояться никакой оппозиціи [2]).

Климентъ VI поторопился извлечь все возможное изъ этого неожиданно счастливаго случая. Онъ уполномочилъ Пражскаго архіепископа и Бамбергскаго епископа «воссоединить съ Церковью» всѣ общины и всѣхъ, кто подвергся отлученію отъ Церкви за оказаніе помощи Баварцу. Формулой разрѣшенія кающимся предписывалось присягнуть, что они считали ересью низложеніе папы императоромъ, и обѣщать, что впредь они никогда не будутъ повиноваться императору раньше, чѣмъ онъ не будетъ утвержденъ папою. Эта формула присяги вызвала сильное недовольство, и во многихъ мѣстностяхъ ее не удалось примѣнить. Ученія Марсильо и Оккема вызвали, по крайней мѣрѣ, презрительное и отрицательное отношеніе къ притязаніямъ Св. Престола на верховный контроль надъ Имперіей. Возникшее отсюда направленіе общественнаго мнѣнія въ Германіи ясно отразилось на событіяхъ, разыгравшихся въ Базелѣ. Этотъ городъ отнесся съ уваженіемъ къ интердикту и неуклонно просилъ о снятіи его. Когда Карлъ и Бамбергскій епископъ явились къ воротамъ Базеля, то они были встрѣчены муниципальными властями и огромной толпой гражданъ.

---

[1]) Vitoduranі «Chron.» (Eccard. I, 1844).—«Sächsische Weltchronik», dritte bairische Fortsetzung № 9 (Pertz, II, 346).—Baluz. et Mansi, III, 349—55.—Muratori, «S. R. I.» III, 513—27—Jac. de Marchia, «Dial.» (Baluz. et Mansi, II, 600).— Preger, op. cit. 35—6.—Carl Müller, op. cit. I, 370—72.—Chron. Glassberger, ann. 1342, 1347.

[2]) Schmidt, «Päbstliche Urkunden und Regesten», 362.—Henr. Rebdorff. «Annal.» ann. 1346—7 (Freher et Struv. I, 626—8).

Библиотека "Руниверс"

Бургомистръ Конрадъ фонъ Баренфельсъ привѣтствовалъ епископа рѣчью: «Ваше Преосвященство, сказалъ онъ ему, необходимо, чтобы вы знали, что мы не вѣримъ и никогда не признаемъ, что нашъ покойный повелитель императоръ Людовикъ, былъ еретикъ. Всякаго, кто будетъ избранъ избирателями или большинствомъ ихъ римскимъ королемъ, мы признаемъ таковымъ, будетъ ли онъ просить или нѣтъ утвержденія папы; однимъ словомъ, мы не сдѣлаемъ ничего, что шло бы противъ правъ Имперіи. Но если Вы приходите отъ имени папы съ намѣреніемъ снять наши грѣхи, то пусть будетъ такъ». Затѣмъ, обернувшись къ народу, онъ воскликнулъ: «Уполномочиваете ли вы вашего бургомистра и Конрада Мюнха испросить отпущеніе вашихъ грѣховъ»? Толпа громкимъ крикомъ выразила свое согласіе, послѣ чего два Конрада принесли присягу, богослуженіе было возстановлено, и король съ епископомъ вступили въ городъ [1]).

Между тѣмъ, вопросъ о нищетѣ Христа, который Іоаннъ и Людовикъ хотѣли сдѣлать предметомъ возникшей между ними ссоры и который такъ сильно интересовалъ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ францисканцевъ, совершенно замолкъ къ сѣверу отъ Альпъ, когда умеръ Людовикъ и прекратила свое существованіе Мюнхенская колонія бѣглецовъ. Въ Германіи были свои признанные и непризнанные нищенствующіе, это—бегины и бегарды, которые, повидимому, немного задумывались надъ чисто умозрительными затрудненіями. Безъ сомнѣнія, при случаѣ упоминаются жившіе въ этихъ странахъ фратичелли; но вѣрнѣе, что составители хроникъ употребляли названіе фратичелли скорѣе для удобства разсказа, чѣмъ для обозначенія особой секты.

Иначе обстояло дѣло на югѣ, особенно въ Италіи. Италія была родиной францискантства, центромъ исключительныхъ тенденцій, которыя опредѣлили замѣчательное развитіе аскетизма въ лонѣ ордена. Тамъ всегда были сильны убѣжденія, давшія первымъ спиритуаламъ силу перенести до самаго конца преслѣдованіе за то, что полную нищету они считали святостью. Во время Бонифація и Климента, а также въ началѣ папства Іоанна исповѣдывавшіе осужденное ученіе скрывались или искали убѣжища въ Сициліи. Они снова неожиданно появились и умножились благодаря замѣшательству, вызванному францискапскимъ расколомъ. Паденіе антипапы и торжество Іоанна вызвали новое противъ нихъ преслѣдованіе. Въ спорѣ, возникшемъ по поводу вопроса о нищетѣ Христа, это ученіе, естественно, сдѣлалось отличительнымъ признакомъ сектантовъ; когда Іоаннъ осудилъ это ученіе, то сторонники нищеты роковымъ образомъ были доведены до отрицанія папскаго авторитета и до обвиненія Св. Престола въ ереси. Но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что даже и въ оставшейся вѣрною части ордена встрѣчались монахи строгой жизни, которые, принимая рѣшенія папы, чувствовали глубокую симпатію къ своимъ отпавшимъ братьямъ. Когда попытка оказать сопротивленіе высокомѣрной волѣ Іоанна окончилась неудачей, то изъ монастыря въ монастырь переходила масса разсказовъ о видѣніяхъ и чудесахъ, свидѣтельствовавшихъ, что гнѣвъ Бога и св. Франциска обрушился на монаховъ, измѣнившихъ святому обѣту нищеты. Liber Conformitatum ясно толкуетъ стремленія желавшихъ примѣненія устава во всей его строгости, какъ непосредственнаго откровенія Св. Духа. Эти люди чувствовали, что направленіе ихъ осужденныхъ братьевъ было вѣрно и логически-правильно, и они не могли примирить декреты Николая III съ указами Іоанна XXII. Одинъ изъ нихъ, о которомъ говорятъ, что онъ пользовался особой любовью Бога, прислалъ св. Бригитту разрѣшить его сомнѣнія. По этому поводу святой было два видѣнія. Св. Дѣва повелѣвала ей осудить всѣхъ, кто думаетъ, что папа не былъ истиннымъ папой, и что священники не освящали дѣйствительно святыхъ даровъ во время

[1]) Henr. Rebdorff «Annal.» ann. 1347 (Freher et Struv. I, 628).—Matthiae Neuburg. (Albert. Argentinens.) «Chronik» ann. 1348 (Urstisii, II, 142—3).—Preger, «Der Kirchenpolitische Kampf», 56—60.

Библиотека "Руниверс"

обѣдни; она приказывала ей сказать этимъ людямъ, что они еретики, полные діавольской кривды. Все это показываетъ въ отношеніи къ фратичелли тайное сильное расположеніе, которое распространялось не только между монахами, но иногда и между прелатами, и объясняетъ, какъ могли они, несмотря на почти постоянное преслѣдованіе Св. Трибунала, пережить цѣлый рядъ поколѣній [1]).

Одной изъ первыхъ заботъ Бенедикта XII въ 1335 г. на другой же день его избранія было обрушиться на этихъ Fratres de paupere Vita, какъ сами они себя называли. Во многихъ мѣстностяхъ эти сектанты продолжали наглядно показывать свое несогласіе съ Церковью, странствуя въ короткихъ и узкихъ одеждахъ спиритуаловъ. Они продолжали считать своимъ генераломъ Михаила, оскорбляли память Іоанна XXII и ревностно и успѣшно занимались обращеніемъ. Мало того, ихъ открыто поддерживали люди могущественные и высокопоставленные. Всѣмъ инквизиторамъ отъ Тревизо и Ломбардіи до самой Сициліи было приказано дѣйствовать энергично, чтобы очистить Церковь отъ этихъ нечестивыхъ святошъ; прелатамъ же было предложено оказывать инквизиторамъ дѣятельную помощь. Среди послѣднихъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые не повиновались этому указу, такъ какъ въ 1336 г. епископъ Камерино Франческо и епископъ Фирмо Джакопо были обвинены въ оказаніи покровительства этимъ еретикамъ и въ разрѣшеніи имъ жить въ ихъ епархіяхъ. Впрочемъ, весь орденъ былъ зараженъ этими опасными ученіями и его нельзя было заставить смотрѣть на этихъ отщепенцевъ съ ужасомъ, котораго они заслуживали. Бенедиктъ жаловался, что въ Неаполитанскомъ королевствѣ многіе францисканскіе монастыри давали убѣжище нечестивымъ братьямъ; въ томъ же году въ буллѣ, опредѣлявшей порядокъ организаціи ордена, онъ упоминаетъ о тѣхъ монахахъ, которые носятъ особыя одежды и подъ внѣшнимъ видомъ святости придерживаются осужденныхъ Церковью ересей; слѣдуетъ заключать виновныхъ и ихъ покровителей въ тюрьмы, пока они не раскаются. Примѣнять эти указы не всегда было легко. Епископъ Камерино былъ упоренъ, но въ слѣдующемъ 1337 г. инквизиторъ Анконской Марки, бр. Джованни да Борго, получилъ приказъ строго повести дѣло, какъ противъ этого прелата, такъ равно и противъ другихъ покровителей еретиковъ. Своею вызывающею дѣятельностью бр. Джованни возбудилъ противъ себя вельможъ округа, которые добивались отъ генерала ордена Герарда Одо замѣны инквизитора его товарищемъ Джакомо, а затѣмъ Симономъ Анконскимъ. Но въ дѣло вмѣшался кардиналъ-легатъ Бертранъ; Бенедиктъ возстановилъ Джованни въ должности инквизитора и громко превознесъ его заслуги. Весьма вѣроятно, что немногіе изъ преслѣдуемыхъ имъ чувствовали въ себѣ силу принять мученическій вѣнецъ, и что большинство ихъ принесло отреченіе; но наказаніямъ за ересь подверглись всѣ тѣ, кто упорно настаивалъ на нищетѣ Христа, несмотря на разъясненія, данныя Іоанномъ XXII; и это не была единственная жертва [2]).

Мы уже говорили, что пробнымъ камнемъ ереси было утвержденіе, что Христосъ и апостолы не имѣли никакого имущества. Это ясно, между прочимъ, изъ отреченія, произнесеннаго въ 1344 г. братомъ Франческо д'Асколи, который отрекается отъ этого вѣрованія и заявляетъ, что считаетъ его еретическимъ согласно съ буллами Іоанна XXII. Эта формула была обычной, какъ это видно изъ Эмерика, который предлагаетъ инквизиторамъ требовать отъ кающагося слѣдующую клятву: «Клянусь, что я вѣрую въ своей

[1]) Wadding. ann. 1330, №№ 14, 15.—Alvar. Pelag. «de Planctu Eccles.» lib. II, art. 51 (fol. 169a).—Lib. Conformitatum, lib. I, fruct. IX, стр. II.—Revel. S. Brigittae, lib. VII, c. 8.

[2]) Wadding. ann. 1335, №№ 10, 11; ann. 1336, № 1; ann. 1337, № 1; ann. 1339, № 1.—Raynald. ann. 1335, № 63; ann. 1336, №№ 63, 64, 66, 67; ann. 1337, № 30; ann. 1375, № 64.—Comba, «La Riforma in Italia» I, 328.—Vit. Prima Benedicti XII, ann. 1337 (Muratori, «S. R. I.» III, II, 531).

Библиотека "Руниверс"

ВАРѲОЛОМЕЕВСКАЯ НОЧЬ (часть картины).

Библиотека "Руниверс"

ВАРѲОЛОМЕЕВСКАЯ НОЧЬ (часть картины).

Библиотека "Руниверс"

душѣ и совѣсти и исповѣдую, что Іисусъ Христосъ и апостолы во время ихъ земной жизни владѣли имуществомъ, которое приписываетъ имъ Священное Писаніе, и что они имѣли право это имущество отдавать, продавать и отчуждать» [1]).

Однако, ересь была вполнѣ искусственна и выдумана въ угоду Св. Престолу, и это объясняетъ тѣ симпатіи, которыя возбуждали къ себѣ эти аскеты, жившіе въ нищетѣ и въ самоотреченіи и отличавшіеся тѣми внѣшними знаками, которые Церковь въ теченіе столѣтія считала выраженіемъ высшей святости. Камерино продолжало служить убѣжищемъ. Въ 1343 г. Климентъ VI приказалъ епископамъ Анконы и Осимо вызвать явиться къ нему до истеченія трехмѣсячнаго срока сеньора Камерино Джентиле, чтобы дать отвѣтъ за разныя преступленія, особенно за покровительство фратичелли; за препятствіе свободному отправленію инквизиторами ихъ обязанностей и за проявляемое имъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ презрительное отношеніе къ наложенному на него инквизиторами отлученію отъ Церкви. Но сами инквизиторы, въ особенности во францисканскихъ округахъ, не всегда горячо относились къ дѣлу, несомнѣнно, потому что не могли разсчитывать получить выгоду отъ конфискацій у тѣхъ лицъ, которыя обладаніе имуществомъ считали грѣхомъ. Въ 1346 г. Климентъ былъ вынужденъ сдѣлать строгое замѣчаніе этимъ черезчуръ вялымъ преслѣдователямъ. Въ этихъ спокойныхъ округахъ фратичелли скрывались мало. Когда въ 1348 г. Коло ди Ріенцо бѣжалъ изъ Рима послѣ своего перваго трибунства, то онъ нашелъ убѣжище у фратичелли горы Маіеллы, прельстился ихъ святостью и нищетою, вступилъ въ качествѣ терціарія въ орденъ и высказывалъ сожалѣніе, что папа и Инквизиція преслѣдуютъ людей примѣрной добродѣтели. Тоскана была полна фратичелли. Тщетно около этого времени Флоренція приняла противъ нихъ суровые законы, осудивъ ихъ на изгнаніе изъ города, предоставивъ всякому гражданину право арестовывать ихъ и выдавать Св. Трибуналу и наложивъ штрафъ въ пятьсотъ ливровъ на всякаго чиновника, который, несмотря на приказаніе инквизиторовъ, откажется помочь имъ при арестѣ сектантовъ. Уже тотъ фактъ, что надо было издавать подобные законы, показываетъ, какъ трудно было заставить населеніе помогать инквизиторамъ. Но даже и эти мѣры были недѣйствительны. До насъ дошло письмо Джованни делле Челле де Валломброза къ флорентинскому фратичелло Томассо де Нери; въ письмѣ этомъ Джованни порицаетъ суетность, заставившую фратичелли сдѣлать себѣ изъ нищеты идола. Письмо это вызвало отвѣтъ, и затѣмъ завязалась полемика, которая, повидимому, велась открыто [2]).

Какъ ни просто на видъ происхожденіе спора, но невозможно, чтобы людей изгоняли изъ Церкви, если они не проповѣдывали принциповъ, враждебныхъ всей церковной организаціи. Они не могли оправдать свое направленіе иначе, какъ утверждая, что они одни представляютъ истинную Церковь, что папы—еретики, что они потеряли всякое право на повиновеніе вѣрныхъ и что они не могутъ вести христіанскій міръ по пути спасенія. Направленіе общественнаго мнѣнія въ Италіи интереснымъ образомъ сказалось въ томъ фактѣ, что, несмотря на совершенное устройство преслѣдованія, сторонники подобныхъ ученій могли распространять свои идеи почти публично и совершать многочисленныя обращенія. Около средины столѣтія они распространили по всей Италіи документъ, писанный на народномъ языкѣ, «дабы всякій могъ понять его»; въ немъ они объясняли причины разрыва ихъ съ папою и прелатами. Этотъ документъ отличается умѣренностью выраженій и логическимъ изложеніемъ. Вся аргументація строго основана на священномъ писаніи и на предписаніяхъ самой Церкви; здѣсь нѣтъ ни апокалипсиче-

---

[1]) D'Argentré, I, I, 345.—Eymeric. 486.

[2]) Werunsky, «Excerpt. ex Regist. Clement. [illegible] VI», 23—24.—Raynald. ann. 1346, № 70.—Comba, «La Riforma», I, 326—7, 387.—Lami, «Antichità Toscane», 528, 595.

Библиотека "Руниверс"

ского бреда, ни ожиданія антихриста или новыхъ эръ, нѣтъ вообще ничего мистическаго. Въ немъ не упоминается даже ни о св. Францискѣ, ни о ненарушимости, приписываемой нѣкоторыми его уставу. Тѣмъ не менѣе, вся іерархія Рима заклеймена, какъ еретическая, и вѣрные приглашаются совершенно отдѣлиться отъ нея. Основаній къ этому разрыву три: ересь, симонія, прелюбодѣяніе. Что касается вопроса о ереси, то Іоаннъ XXII самъ показалъ себя еретикомъ, когда обнародовалъ буллы, объявляющія еретическимъ ученіе, что Христосъ и апостолы не имѣли никакого имущества. Доказательства этой ереси дать легко при помощи разъясненій, обнародованныхъ предшествовавшими ему папами и утвержденныхъ Вѣнскимъ соборомъ. Неизбѣжнымъ выводомъ изъ этого положенія является ересь всѣхъ преемниковъ Іоанна и ихъ кардиналовъ. Что касается симоніи, то она явствуетъ изъ каноновъ Decretum и утвержденія ученыхъ, которые отожествляютъ ее съ ересью. Что касается прелюбодѣянія, то легко привести каноны, устанавливающіе, согласно съ ученіемъ Гильдебранда, что таинства не должны быть принимаемы изъ рукъ священниковъ прелюбодѣевъ. Несомнѣнно, много есть священниковъ не прелюбодѣевъ, но нѣтъ ни одного невиновнаго въ симоніи, т. е. такого, который не давалъ бы или не получалъ бы денегъ въ обмѣнъ на таинства. Допустимъ даже, что найдется одинъ, который будетъ чистъ отъ всѣхъ этихъ преступленій, но еще нужно, чтобы онъ отдѣлился отъ другихъ священниковъ; ибо, какъ говоритъ Раймундъ де Пеннафорте въ своей Summa, всякій, принимающій таинства, совершенныя еретиками, виновенъ въ смертномъ грѣхѣ и идолопоклонствѣ. Поэтому фратичелли были вынуждены отдѣлиться отъ еретической Церкви; они выпускаютъ настоящее заявленіе, чтобы показать свое направленіе. Если положенія ихъ въ чемъ-либо ложны, то они просятъ указать имъ допущенную ошибку; но если ученіе ихъ правильно, то всѣ вѣрные должны принять его; ибо, разъ факты извѣстны всѣмъ, то всѣ тѣ, кто пойдетъ вмѣстѣ съ прелатами и духовенствомъ, такимъ образомъ, еретическимъ и отлученнымъ отъ Церкви, будутъ причастны ереси [1]).

Но фратичелли не были всѣ согласны между собою во всѣхъ пунктахъ. Въ разсмотрѣнномъ нами документѣ имѣется важный аргументъ, основанный на недѣйствительности таинствъ въ рукахъ, запятнанныхъ грѣхомъ, ученіе опасное, которое постоянно безпокоило преемниковъ Гильдебранда. Этотъ аргументъ не встрѣчается въ другихъ извѣстныхъ декларацiяхъ, опубликованныхъ сектантами. Впрочемъ, свидѣтельствуютъ, что въ 1362 г. секта раздѣлилась на двѣ фракціи. Одна признавала своимъ главою бывшаго Аквинскаго епископа Томассо; она утверждала, что Іоаннъ XXII и его преемники были еретики и что посвященіе, исходящее отъ нихъ, не имѣетъ никакого значенія, и она требовала новаго посвященія всѣхъ духовныхъ лицъ при вступленіи ихъ въ секту. Другая фракція, получившая свое имя отъ Филиппа Майоркскаго, не имѣла правильной организаціи, управлялась генералъ-министромъ и, считая, подобно первой фракціи, папъ еретиками, признавала посвященіе установленной Церкви. Но обѣ вѣтви секты находили себѣ полное оправданіе въ продажности и испорченности Церкви, что, несомнѣнно, въ глазахъ народа было самымъ убѣдительнымъ аргументомъ. До насъ дошло письмо, написанное на народномъ языкѣ однимъ фратичелло къ двумъ женщинамъ, членамъ общины, въ которомъ доказывается, что онѣ должны порвать всякое сношеніе съ еретической Церковью. Церковь эта—звѣрь о семи рогахъ; рога эти слѣдующіе: крайняя гордость, крайняя жестокость, крайнее безуміе или ярость, крайній обманъ или неподражаемая лживость, крайнее скотство или похотливость, крайняя жадность или скупость, крайняя ненависть къ правдѣ или нечестіе. Служители этой Церкви не стыдятся открыто держать наложницъ и продавать Христа за деньги въ таинствахъ. Это письмо показываетъ, что фратичелли были прямыми потомками спиритуаловъ, такъ какъ въ немъ приводится

[1]) Comba, «La Riforma», I, 568—71.

Библиотека "Руниверс"

выдержка изъ Іоахима, доказывающая, что св. Францискъ—Ной, и что среди его дѣтей рѣдкіе вѣрные—тѣ, кто вмѣстѣ съ нимъ спасся въ ковчегѣ отъ потопа [1]).

Въ выраженіяхъ буллы, обнародованной Урбаномъ V въ 1365 г., мы находимъ доказательство еще болѣе тѣснаго родства между Іоахитами и фратичелли. Папа призываетъ инквизиторовъ энергично уничтожать еретиковъ и даетъ имъ описаніе различныхъ ересей. Онъ изображаетъ фратичелли людьми, преданными, подъ внѣшнимъ покровомъ самой строгой святости, обжорству и роскоши, выдающими себя за францисканскихъ терціаріевъ и публично просящими милостыню или живущими въ частныхъ домахъ. Однако, весьма вѣроятно, что описаніе собраній, въ которыхъ они читаютъ Комментаріи на Апокалипсисъ и другія произведенія Оливи, скорѣе заимствовано изъ донесенія Бернара Ги о спиритуалахъ Лангедока, чѣмъ представляетъ вѣрную картину обычаевъ, усвоенныхъ въ эту эпоху фратичелли [2]).

Инквизиторъ Джакомо делла Марка, бывшій безжалостнымъ искоренителемъ ереси, сообщаетъ намъ свѣдѣнія, достойныя вѣры, о той формѣ, которую приняло окончательно ученіе фратичелли. Въ своемъ Діалогѣ съ фратичелло, написанномъ около 1450 г., онъ ни слова не говоритъ о крайностяхъ, свойственныхъ спиритуаламъ, и не напоминаетъ ни о какомъ постороннемъ ученіи. Все сводится къ вопросу о нищетѣ Христа и о еретическомъ характерѣ Іоанна. Фратичелли клеймятъ католиковъ именемъ Іоаннитовъ, а себя называютъ Михаелитами, откуда ясно, что въ это время забыли уже о заблужденіяхъ спиритуаловъ и что еретиковъ возводили къ схизматикамъ-франциканцамъ, группировавшимся нѣкогда вокругъ Михаила Чезенскаго. Распущенность и безнравственность духовенства всегда давали имъ самые вѣскіе аргументы при совращеніи вѣрныхъ. Джакомо жалуется, что они обманываютъ невѣжественную толпу, выставляя священниковъ виновными въ симоніи и конкубинатѣ; простой народъ, отравленный этимъ ядомъ, теряетъ всякое довѣріе къ духовенству, отказывается исповѣдываться у священниковъ, присутствовать на совершаемыхъ ими богослуженіяхъ, получать таинства изъ ихъ рукъ и платить десятину; такимъ образомъ, они, воображая себя дѣтьми Бога, являются еретиками, язычниками, дѣтьми Демона [3]).

Фратичелли образовывали нѣсколько различныхъ сектъ, изъ которыхъ каждая считала себя единственно истинною Церковью. Неполнота документовъ, которыми располагаетъ исторія, не позволяетъ намъ въ подробностяхъ прослѣдить измѣненія этихъ различныхъ фракцій; можно только вообще утверждать, что еретическая Церковь не состояла изъ однихъ только анахоретовъ и монаховъ, но что у нея было свое духовенство, свои вѣрные міряне и свои епископы, во главѣ которыхъ стоялъ верховный вождь или папа, извѣстный подъ именемъ епископа Филадельфіи (Филадельфія было мистическое имя общины). Въ 1357 г. этотъ постъ занималъ бывшій Аквинскій епископъ Томассо; въ 1374 г. случайно открыли другого папу въ Перузѣ; въ 1429 г. въ это достоинство былъ возведенъ извѣстный Райнальдо, а немного позднѣе оно перешло къ одному брату, по имени Гавріилъ. Есть даже вопросъ о главѣ мірянъ, который назывался Императоромъ Христіанъ! [4]).

---

[1]) Tocco, «Archivio Storio Napoletano», 1887 г., Fasc. I.—Comba, «La Riforma», I, 321—4.

[2]) Martini, «Append. ad Mosheim de Beghardis», 505.

[3]) Jac. de Marchia, «Dial.» (Baluz. et Mansi, II, 595 и слѣд.).

[4]) Raynald. ann. 1344, № 8; ann. 1357, № 12; ann. 1374, № 14.—Jac. de Marchia, «Dial.» (loc. cit. 599, 608—9).

Современные сторонники папской непогрѣшимости, я думаю, удивятся, узнавъ, что такой высоко религіозный и столь ученый инквизиторъ, какъ Джакомо делла Марка, допускаетъ существованіе папъ еретиковъ, папъ упорствовавшихъ и умершихъ въ ереси; впрочемъ, Джакомо утѣшается замѣчаніемъ, что преемниками этихъ папъ еретиковъ были всегда папы католики (loc. cit. 599).

Библиотека "Руниверс"

Напрасно разные папы приказывали Инквизиціи принимать самыя энергичныя мѣры съ цѣлью уничтоженія секты. Впрочемъ, иногда они получали удовлетвореніе. Напр., во время папства Урбана V въ Витербо было сожжено девять жертвъ, а въ 1389 г. та же участь постигла во Флоренціи бр. Михаила Берти де Кальчи. Послѣднее дѣло раскрываетъ горячую симпатію народа, которая благопріятствовала стараніямъ фратичелли. Братъ Михаилъ былъ посланъ миссіонеромъ во Флоренцію группою сектантовъ, собиравшихся въ одной пещерѣ въ Анконской Маркѣ. Онъ проповѣдывалъ во Флоренціи и совершилъ много обращеній; онъ уже готовился покинуть городъ, когда 19 апрѣля былъ выданъ пятью женщинами, которыя, подъ предлогомъ обращенія, пригласили его къ себѣ. Дѣло его было проведено замѣчательно быстро. Одинъ изъ его товарищей отрекся и избѣжалъ костра, но Михаилъ стоялъ твердо. Когда онъ явился на судъ и съ него хотѣли снять санъ священника, то онъ отказался преклонить колѣни предъ епископомъ, заявивъ, что никто не долженъ становиться на колѣни передъ еретикомъ. Когда его вели на мѣсто казни, то масса простого народа привѣтствовала его, что вызвало большой безпорядокъ. Когда его привязали къ костру въ нарочно устроенномъ для этого балаганѣ, который должны были поджечь, то многіе просовывали голову въ слуховое окно и умоляли его отречься. Нѣсколько разъ, чтобы запугать его, наполняли балаганъ дымомъ, но Михаилъ не уступилъ. Когда онъ былъ сожженъ, то многіе, говорятъ, признавали въ немъ святого [1]).

Подобныя казни не могли уменьшить расположеніе народа къ фратичелли. Дѣ Сициліи оставались попрежнему глубоко зараженными ересью. Когда въ 1362 г. Луиджи ди Дураццо сдѣлалъ свою неудачную попытку возстанія, то популярность фратичелли казалась ему столь цѣнной поддержкой, что онъ публично заявилъ свои симпатіи къ нимъ, собралъ ихъ вокругъ себя и попросилъ Томассо Аквинскаго отслужить для него обѣдню. По всей вѣроятности, по этому поводу прибылъ въ Неаполь кардиналъ Альборнозъ, чтобы возстановить колеблющуюся власть королевы Іоанны; онъ, говорятъ, арестовалъ фратичелли, которыхъ было много въ этомъ городѣ, и сжегъ ихъ цѣлую массу на огромномъ кострѣ [2]). Салернскій архидіаконъ Франческо Маркизіо былъ фратичелло, тѣмъ не менѣе въ 1362 г. онъ получилъ епископскую каѳедру въ Тривенто, которую занималъ до самой своей смерти, послѣдовавшей лѣтъ двадцать спустя. Въ 1372 г. Григорій XI съ ужасомъ узналъ, что въ Сициліи останки умершихъ фратичелли почитаются, какъ мощи, что въ честь ихъ воздвигаются часовни и церкви и что въ годовщину ихъ смерти населеніе сбѣгается толпами со свѣчами. Папа приказалъ инквизиторамъ положить конецъ этимъ неподходящимъ манифестаціямъ. Но весьма правдоподобно, что папскіе указы не были исполнены. Въ 1368 г. въ Перузѣ магистратовъ убѣдили заключить фратичелли въ тюрьму. Но эта мѣра строгости не имѣла успѣха: народъ продолжалъ считать фратичелли истинными дѣтьми Св. Франциска и давалъ имъ убѣжище, между тѣмъ какъ съ презрѣніемъ смотрѣлъ на францисканцевъ, вслѣдствіе не соблюденія ими монашескаго обѣта, ихъ роскошныхъ жилищъ, богатства ихъ одеждъ и пышности ихъ стола. Надъ монахами смѣялись и оскорбляли ихъ на улицахъ, и дошло даже до того, что они боялись выходить. Если кто-нибудь изъ нихъ случайно выпускалъ воротникъ рубашки поверхъ рясы, то какой-нибудь грубый шутникъ вытаскивалъ рубашку за воротникъ и спрашивалъ у насмѣшливой толпы, въ этомъ ли состоитъ предписанная Св. Франциской строгость. Какъ послѣднее средство, францисканцы пригласили въ 1374 г. Паулуччьо де Фолиньо и вступили съ фратичелли въ публичный диспутъ. Паулуччьо направилъ въ другую сторону народныя симпатіи, доказавъ, что повиновеніе папы стоитъ

[1]) Werunsky, «Excerpt. ex Regist. Clem. VI et Innocent. VI», 91.—Raynald. ann. 1354. № 31; ann. 1368, № 16.—Wadding. ann. 1354, №№ 6, 7; ann. 1368, №№ 4—6.—Comba, «La Riforma», I, 327, 329—37.—Cantù, «Eretici d'Italia», I, 133—4.—Eymeric. 328.

[2]) Joann. Gines. Sepulvedae «Rer. Gestar. Aegid. Albornot.» lib. III.

Библиотека "Руниверс"

выше повиновенія уставу, и фратичелли были изгнаны изъ города. Однако, и послѣ этой побѣды Инквизиція не осмѣливалась ихъ преслѣдовать. [1])

Фратичелли не ограничивались обращеніями въ Италіи. Полагая, что они являются представителями истинной Церкви, они считали своей обязанностью принести спасеніе всему міру. Среди нихъ встрѣчались энергичные люди, готовые соперничать съ католиками въ дѣлѣ распространенія евангелія между невѣрными и варварами. Уже въ 1344 г. Климентъ VI былъ вынужденъ обратиться съ воззваніемъ къ архіепископамъ, епископамъ и всѣмъ вѣрнымъ Арменіи, Персіи и Востока, чтобы они остерегались этихъ посланниковъ Сатаны, старающихся сѣять между добрыми христіанами заблужденіе и расколъ. Не имѣя въ этихъ странахъ инквизиторовъ, къ которымъ онъ могъ бы обратиться, папа приказывалъ прелатамъ разыскивать и наказывать этихъ еретиковъ и, являя поразительное отсутствіе проницательности, уполномачивалъ ихъ въ случаѣ надобности прибѣгать къ помощи свѣтской власти. Фратичелли сдѣлали, по крайней мѣрѣ, одно крупное обращеніе, такъ какъ въ 1346 г. Климентъ VI долженъ былъ вызвать къ себѣ въ четырехмѣсячный срокъ самого Селевкійскаго архіепископа. Этотъ прелатъ, зараженный заблужденіями псевдо-миноритовъ, составилъ на армянскомъ языкѣ и распространялъ по всей Азіи толкованія на евангеліе отъ Іоанна, въ которомъ поддерживалъ запрещенное ученіе о нищетѣ Христа. Въ 1354 г. Иннокентій VI узналъ, что фратичелли ведутъ дѣятельную миссію среди крымскихъ хазаръ, и тотчасъ же приказалъ епископу Каффы вступить съ ними въ борьбу при помощи инквизиціонныхъ пріемовъ. Въ 1375 г. Григорій XI, въ свою очередь, узналъ, что фратичелли ведутъ пропаганду въ Египтѣ, въ Сиріи и въ Азіи; онъ поспѣшно приказалъ францисканскому провинціалу этихъ странъ примѣнить къ еретикамъ всю строгость законовъ. Одинъ изъ нихъ, по имени Лоренцо Карбонелло, пробрался въ Тунисъ и заразилъ своею ересью христіанъ королевства; Григорій приказалъ капитанамъ христіанскихъ войскъ, бывшихъ на службѣ у Тунисскаго бея, Джакомо Патани и Гильену де Риполи, арестовать фратичелло, заковать его въ цѣпи и прислать или къ архіепископу Неаполя, или къ архіепископу Пизы. Если это приказаніе было исполнено, то, навѣрное, мусульмане должны были благодарить Аллаха, не допустившагося ихъ сдѣлаться христіанами [2]).

Строгость, съ которой уничтожали спиритуаловъ въ Лангедокѣ и Провансѣ, повидимому, способствовала обузданію фратичелли; тѣмъ не менѣе, существованіе секты засвидѣтельствовано нѣсколькими дѣлами, память о которыхъ сохранилась. Въ 1336 г. въ папскія темницы Авиньона было заключено довольно большое число еретиковъ, среди которыхъ находился папскій капелланъ. Судья духовнаго суда Гильомъ Ломбардъ получилъ приказъ дѣйствовать по всей строгости законовъ. Въ 1354 г. въ Монпелье были арестованы два тосканскихъ фратичелли, Джованни да Кастильоне и Франческо д'Арквата, утверждавшіе, что Іоаннъ XXII обезчестилъ свой авторитетъ, отмѣнивъ рѣшенія буллы Exiit, и что его преемники не представляютъ собою истинной Церкви. Иннокентій VI приказалъ привести обвиняемыхъ, но вырвать отъ нихъ отреченія не удалось, и они спокойно, распѣвая, Gloria in excelsis, вошли на костеръ; многіе изъ ихъ собратьевъ почитали ихъ, какъ святыхъ. Немного ранѣе та же участь постигла въ Авиньонѣ Іоанна Нарбоннскаго и Мориса.

[1]) Tocco, «Archivio Storico Napoletano», 1887 г., fasc. 1.—Raynald. ann. 1368, № 16; ann. 1372 № 36.—Wadding. ann. 1374, №№ 19—23.—Pet. Rodulphii «Hist. Seraph. Relig.» lib. II, fol. 154a

Перуза была въ то время центромъ религіозной агитаціи. Нѣкто Пьеръ Гаригъ, имѣвшій повидимому, нѣкоторыя сношенія съ фратичелли, выдалъ себя за Сына Божія, а учениковъ своихъ назвалъ апостолами. Въ краткомъ очеркѣ его жизни, дошедшемъ до насъ, сказано, что онъ нашелъ десять апостоловъ и что онъ отыскиваетъ одиннадцатаго. Дальнѣйшая судьба его намъ неизвѣстна.—Processus contra Valdenses («Archivio Storico Italiano», 1865 г., № 39, стр. 50).

[2]) Raynald. ann. 1344, № 8; ann. 1346 № 70; ann. 1354, № 31; ann. 1375, № 27.

Библиотека "Руниверс"

Извѣстій о существованіи ереси въ сѣверной Франціи до насъ не дошло, и, повидимому, ея тамъ не было. Имѣется упоминаніе только объ одномъ дѣлѣ, а именно о дѣлѣ профессора Парижскаго университета Дениса Сульша (Soulechat), который въ 1363 г. училъ, что законъ божеской любви уничтоженъ обладаніемъ земными благами, и что Христосъ и апостолы не имѣли ничего. Вызванный инквизиторомъ Гильомомъ Рошеномъ, онъ отрекся передъ факультетомъ, а затѣмъ обратился къ папѣ. Когда онъ старался оправдаться передъ собраніемъ богослововъ въ Авиньонѣ, то только прибавилъ новыя заблужденія къ своей ереси; его отправили къ кардиналу Бове и въ Сорбонну, которымъ было приказано добиться отъ него отреченія и наказать его по заслугамъ, посовѣтовавшись съ инквизиторомъ. Въ 1368 г. онъ былъ долженъ принести публичное отреченіе. [1]).

Нѣкоторыя дѣла, имѣвшія мѣсто въ Испаніи, показываютъ, что ересь въ это время перешла уже за Пиренеи. Въ Валенсіи были арестованы делегатомъ инквизитора братъ Іаковъ Хусти и терціаріи Гильермо Гелабертъ и Марти Петри; они обратились къ папѣ Клименту VI, который приказалъ епископу Валенсіи выпустить ихъ на свободу подъ залогъ, запретивъ имъ выѣзжать изъ города, пока дѣло ихъ не будетъ разсмотрѣно въ Авиньонѣ. Повидимому, они имѣли богатыхъ ученикоьъ, такъ какъ они могли внести за нихъ огромный залогъ въ 30000 су, послѣ чего двери тюрьмы открылись передъ ними. Папскій трибуналъ не торопился съ разрѣшеніемъ дѣла. Дѣло было, повидимому, забыто, когда въ 1353 г. папа Климентъ узналъ, что терціаріи умерли, а Хусти свободно выходитъ изъ города и распространяетъ свое ученіе среди народа; папа приказалъ епископу Валенсіи Гуго и инквизитору Николаю Розелли немедленно возбудить преслѣдованіе. Несомнѣнно Хусти отрекся, такъ какъ былъ осужденъ только къ пожизненному тюремному заключенію; кости же обоихъ терціаріевъ были вырыты и сожжены. Еще болѣе закоснѣлымъ фратичелло былъ бр. Арнальдо Мутанеръ, заражавшій въ теченіе девятнадцати лѣтъ ядомъ своей ереси Ургель и Пуйсерду. Будучи вызванъ для отреченія, онъ не явился и, такимъ образомъ, сдѣлался виновнымъ въ уклоненіи отъ суда. Посовѣтовавшись предварительно съ Григоріемъ XI, Ургельскій епископъ Беренгеръ Дарили осудилъ мятежнаго при участіи Эмерика. Преслѣдованіе, по всей вѣроятности, было страшное, такъ какъ фратичелло бѣжалъ на Востокъ. Въ послѣдній разъ о немъ упоминается въ 1373 г.: въ этомъ году Григорій приказалъ своему викарію, францисканцу Арнольду, арестовать еретика, заковать въ цѣпи и выслать въ папскій трибуналъ; удалась ли эта попытка, намъ неизвѣстно. Обнародованная Мартиномъ V въ 1426 г. булла свидѣтельствуетъ, что фратичелли существовали еще въ Арагоніи и Каталоніи, и что нужно было прибѣгать къ самымъ энергичнымъ мѣрамъ для ихъ уничтоженія [2]).

По всей вѣроятности, такого же характера была ересь, открытая въ 1442 г. въ Дуранго въ Бискайѣ. Во главѣ еретиковъ стоялъ францисканецъ Алонзо де Мелья, бр. кардинала-епископа Заморы; сектанты были извѣстны подъ именемъ Cercercas. Говорили, что Алонзо проповѣдывалъ своимъ ученикамъ всевозможныя половыя излишества; но это, несомнѣнно, обычное преувеличеніе со стороны католиковъ. Король Іоаннъ II, въ виду отсутствія Инквизиціи, послалъ францисканца Франциско де Сорія и аббата Алкалы ла Реаль Хуана Алонзо Черино, приказавъ имъ произвести тщательное разслѣдованіе; ихъ сопровождали два алгвазила и довольно сильный отрядъ вооруженныхъ людей. Еретики были схвачены; одни изъ нихъ были приведены въ Вальядолидъ, другіе въ С.-Доминго де ла Кальсада, гдѣ пытка у многихъ изъ нихъ вырвала признаніе; многіе не раскаявшіеся

[1]) Raynald. ann. 1336, № 64; ann. 1351, № 31; ann. 1368, №№ 16, 17.—Archives de l'Inquis. de Carcass. (Doat, XXXV, 13).—Mosheims «Ketzergeschichte», I, 387.—Henr. Rebdorff. «Annal.» ann. 1353 (Freher. et Struv. I, 632).—Eymeric. 354.—D'Argentré, I, I, 383—6.

[2]) Ripoll, II, 245.—Eymeric. 266—7.—Raynald. ann. 1373, № 19; ann. 1426, № 18.—Wadding. ann. 1371, №№ 26—30.

Библиотека "Руниверс"

еретики были сожжены. Однако, брату Алонзо удалось ускользнуть и бѣжать въ Гренаду со многими, какъ говорятъ, ученицами; но онъ не избѣгъ своей участи, такъ какъ былъ медленно забитъ маврами палками до смерти (acañaverеado). Это дѣло произвело на народъ, повидимому, глубокое впечатлѣніе: до нашего времени сосѣдніе жители упрекали жителей Дуранго въ auto брата Алонзо. Въ 1828 г. черезчуръ ревностный алкадъ, желая уничтожить всякое воспоминаніе объ этомъ событіи, сжегъ подлинные документы процесса, мирно хранившіеся въ архивѣ приходской церкви [1]).

Энергичной дѣятельности Іоанна XXII, которому подражали его преемники, удалось на время подавить духовный аскетизмъ францисканцевъ. Однако, это направленіе, составлявшее характерную особенность той эпохи, было настолько живо въ орденѣ, гдѣ оно сдѣлалось традиціоннымъ, что его нельзя было уничтожить совсѣмъ. Воспоминаніе о былomъ аскетизмѣ сказывалось въ той благосклонности, которую францисканцы проявляли въ отношеніи фратичелли всякій разъ, когда это можно было сдѣлать безъ особаго риска. Несомнѣнно, многіе монахи желали подражать основателю ордена, но въ то же время не смѣли нарушить обѣта послушанія. Эти люди не могли безъ слезъ и скорби смотрѣть на возраставшее развитіе мірского направленія въ лонѣ ордена подъ вліяніемъ новыхъ правилъ, данныхъ Іоанномъ. Правда, когда Тосканскому провинціалу удалось скопить подаяніями, собранными братьями, 500 флориновъ и когда онъ далъ ихъ взаймы изъ десяти годовыхъ процентовъ больницѣ С.-Маріи въ Сіеннѣ, то это нарушеніе обѣтовъ и каноновъ, осуждавшихъ ростовщичество, повлекло его низложеніе; но потребовалось божеское вмѣшательство, чтобы его товарищи поняли весь ужасъ его прегрѣшенія: онъ умеръ въ 1373 г. безъ причастія въ страшныхъ страданіяхъ. Въ то же время были другія проявленія, показывавшія степень распространенія зла и невозможность уничтожить его человѣческими силами. При Бонифаціи IX францисканцы, говорятъ, имѣли обыкновеніе просить разрѣшенія на бенефиціи и даже на нѣсколько сразу; папа издалъ распоряженіе, что всякій нищенствующій монахъ, желающій перейти въ не нищенствующій орденъ, долженъ предварительно уплатить въ папскую канцелярію сто флориновъ. При подобномъ порядкѣ вещей нельзя было и думать сохранить святую нищету, бывшую идеаломъ Франциска и его учениковъ [2]).

Однако, горячее стремленіе къ нищетѣ и вѣра, что единственнымъ путемъ къ спасенію является отреченіе отъ всякаго имущества, были настолько широко распространены, что ихъ нельзя было уничтожить давленіемъ. Одинъ богатый и честолюбивый гражданинъ Сіенны Джованни Коломбини вдругъ почувствовалъ себя вознесеннымъ на небо. Карьера этого энтузіаста поразительно похожа на карьеру Петра Вальдо. Единственная разница въ томъ, что Церковь, сдѣлавшаяся болѣе благоразумной, воспользовалась ревностью фанатика вмѣсто того, чтобы смирить его. Основанный Коломбини орденъ Іезуатовъ былъ одобренъ Урбаномъ V въ 1367 г. Это былъ орденъ братьевъ-мірянъ, соблюдавшихъ Августинскій уставъ; подобно Целлитамъ и Алексіанамъ рейнскихъ провинцій іезуаты давали обѣтъ бѣдности и посвящали себя уходу за больными [3]).

Было неизбѣжно, что францисканцы, наиболѣе стремившіеся къ аскетизму, были недовольны новымъ направленіемъ ордена, и наиболѣе ревностные изъ нихъ искали средствъ, какъ бы выйти изъ этого, не впадая въ ересь. Въ 1350 г. Джентиле Сполет-

[1]) Garibay, «Comp. Historial de España», lib. XVI, c. 31.—La Fuente, «Epit. de la Crónica de Juan II», lib. IV, c. I.—Pelayo, «Heterodoxos Españoles», I, 546—7.—Mariana, lib. XXI, c. 18.—Rodrigo, «Inquisicion», II, 11—12.—Paramo, 131.

[2]) Wadding. ann. 1383. № 2.—Gobelinae Personae «Cosmodrom.» Aet. V, c. 84 (Meibom. «Rer. German.» I, 317.

[3]) Baluz. et Mansi, IV, 566 и слѣд. Въ 1606 году Павелъ V разрѣшилъ іезуатамъ получать посвященіе.

Библиотека "Руниверс"

скій получилъ отъ Клемента VI признаніе нѣсколькихъ монастырей съ болѣе строгимъ образомъ жизни. Тотчасъ же возобновились раздоры, которые нѣкогда были вызваны попытками Анджело и Либерато. Конвентуалы воспылали гнѣвомъ. Новаторовъ обвинили въ томъ, что они присвоили себѣ короткія и узкія одежды, бывшія отличительнымъ признакомъ страшныхъ оливистовъ. На генеральномъ капитулѣ въ 1353 г. генералу Фариньяно было предложено уничтожить мятежныхъ, примѣнивъ мѣры, давшія такіе хорошіе результаты въ Лангедокѣ. Онъ отказался примѣнить насиліе; но онъ пустилъ въ ходъ шпіоновъ, съ цѣлью собрать показанія противъ учениковъ Джентиле и вскорѣ ему удалось обвинить ихъ въ томъ, что они давали убѣжище фратичелли. Они сознались, но объяснили, что они надѣялись, такимъ образомъ, обратить своихъ гостей еретиковъ и что они изгоняли упорно державшихся ереси; но во всякомъ случаѣ они не выдавали ихъ Инквизиціи, какъ того требовалъ долгъ. Вооруженный этими данными, Фариньяно представилъ Иннокентію VI, какую огромную опасность представляетъ это новшество, и добился отмѣны папскаго разрѣшенія. Братья были разсѣяны; Джентиле и двое изъ его товарищей были заключены въ тюрьму въ Орвіето; его коадъюторъ, братъ Мартинъ, человѣкъ выдающейся добродѣтели, проявившій послѣ смерти много чудесъ, умеръ въ слѣдующемъ году. Остальные братья были приведены къ повиновенію. Послѣ долгаго заключенія Джентиле былъ выпущенъ на свободу и умеръ въ 1362 г., истощенный своими безплодными усиліями установить порядокъ въ орденѣ [1]).

Болѣе счастливая судьба выпала на долю его ученика Паулуччіо да Тринчи изъ Фолиньо. Паулуччіо, простой и мало образованный монахъ, получилъ отъ своего родственника Уголино, сеньора Фолиньо, башню, гдѣ онъ могъ удовлетворить свое стремленіе къ аскетизму. Хотя ему и было разрѣшено его высшими отдаться подвигамъ аскетизма, но ему пришлось вынести много вражды со стороны своихъ менѣе строгихъ товарищей; за то онъ снискалъ себѣ почитаніе въ народѣ и сдѣлалъ много обращеній. Въ 1368 г. генералъ Фариньяно присутствовалъ на провинціальномъ капитулѣ, бывшемъ въ Фолиньо: его убѣдили попросить у Уголино мѣстность, называемую Брулліано, расположенную въ горахъ, отдѣлявшихъ Фолиньо отъ Камерино, чтобы Паулуччіо и его сторонники могли устроиться тамъ уединенно. Когда Уголино согласился на просьбу, то генералъ испугался, чтобы въ орденѣ не произошло раскола, и хотѣлъ взять обратно свое рѣшеніе; но Уголино заставилъ его исполнить первоначальный проектъ. Брулліано было мѣсто дикое, скалистое, болотистое, нездоровое, полное змѣй и почти необитаемое. Туда-то Паулуччіо повелъ своихъ собратьевъ; они должны были одѣть деревянные башмаки, которые сдѣлались отличительною обувью ихъ ордена. Слава о нихъ мало-по-малу распространилась; къ нимъ стали стекаться неофиты; пришлось увеличить жилища; во многихъ мѣстахъ возникли филіи. Таково было зарожденіе обсервантиновъ или францисканцевъ строгой монашеской жизни. Въ исторіи Церкви это событіе по своему значенію уступаетъ только первому основанію нищенствующихъ орденовъ [2]).

Когда въ 1390 г. Паулуччіо умеръ, то члены его ордена признали его провинціаломъ, и послѣ короткаго перерыва преемникомъ ему былъ назначенъ его коадъюторъ Джованни Стронкони. Въ 1405 г. началась чудесная карьера св. Бернардина Сіенскаго, истиннаго основателя обсервантиновъ. Послѣдніе назывались просто Братьями Скитовъ, и только Констанцскій соборъ обратилъ ихъ въ конгрегацію, вполнѣ независимую отъ конвентуаловъ. Съ этого времени они получили имя, подъ которымъ позднѣе сдѣлались извѣстными. Они распространились повсюду; возникли новые монастыри; иногда имъ

[1]) Wadding. ann. 1350, № 15; ann. 1354, №№ 1, 2; ann. 1362, № 4.—Chron. Glassberger ann. 1352, 1354, 1355.

[2]) Wadding. ann, 1368, №№ 10—13.

Библиотека "Руниверс"

уступались монастыри конвентуаловъ. Такимъ именно образомъ, они проникли въ 1425 г. въ Страсбургскую провинцію, благодаря вмѣшательству Матильды Савойской, супруги графа-палатина Людовика Бородатаго. Знакомая съ дѣтства съ заслугами обсервантиновъ, Матильда, будучи въ Гейдельбергѣ, обратила однажды вниманіе своего мужа на францисканцевъ, которые въ саду своего монастыря, подъ самыми окнами дворца, предавались буйнымъ забавамъ. Слѣдствіемъ этого пустого случая была реформа всѣхъ монастырей во владѣніяхъ Людовика и введеніе правила обсервантиновъ; конечно, эта перемѣна не прошла безъ серьезныхъ волненій. Въ 1453 г. Николай Куза, въ качествѣ легата, подъ угрозой лишенія привилегій заставилъ всѣ монастыри Бамбергской епархіи принять обсервантинскій уставъ. Въ 1431 г. святой монастырь Монтъ-Альверно, Мекка францисканцевъ, былъ отданъ обсервантинамъ; въ 1434 г. имъ была дана кустолія Святыхъ Мѣстъ въ Іерусалимѣ. Въ 1460 г. мы встрѣчаемъ ихъ даже въ Ирландіи.

Не нужно думать, чтобы конвентуалы мирно перенесли вторженіе аскетовъ, которыхъ они побѣдоносно преслѣдовали въ теченіе полутораста лѣтъ. Постоянно происходили раздоры, болѣе грубые и бурные, чѣмъ борьба противъ доминиканцевъ; даже власть папъ не могла утишить порывовъ гнѣва. Попытка къ примиренію съ нѣкоторой надеждой на успѣхъ была предпринята, съ благословенія Мартина V, Капистрано въ 1430 г.; но неисправимая распущенность конвентуаловъ и начавшаяся между двумя партіями война свели ее на нѣтъ. Въ 1435 г. борьба эта настолько обострилась во Франціи, что Карлъ VII былъ вынужденъ обратиться къ Базельскому собору, который отвѣтилъ декретомъ въ пользу обсервантиновъ. Сопротивленіе конвентуаловъ было безнадежно. Ихъ испорченность была настолько общеизвѣстна, что даже Пій II прямо заявляетъ, что они—превосходные богословы, но большинство изъ нихъ нисколько не думаетъ о добродѣтели. Напротивъ того новый орденъ своимъ благочестіемъ привлекалъ къ себѣ всеобщее уваженіе, а своимъ пылкимъ рвеніемъ служить Св. Престолу снискалъ себѣ расположеніе папъ, какъ нищенствующіе ордены XIII вѣка. Представлявшіе сначала простую вѣтвь францисканцевъ, обсервантины получили затѣмъ своего викарнаго генерала независимо отъ конвентуаловъ; наконецъ, Левъ X, послѣ тщетныхъ попытокъ возстановить согласіе, далъ обсервантинамъ генералъ-министра и низвелъ конвентуаловъ въ подчиненное положеніе подъ управленіемъ генералъ-министра [1]).

---

[1]) Wadding. ann. 1375, № 44; ann. 1390, №№ 1—10; ann. 1403, № 1, ann. 1405, № 3; ann. 1415, №№ 6, 7; ann. 1431, № 8; ann. 1434, № 7; ann. 1435, №№ 12, 13; ann. 1453, №№ 18—26; ann. 1451, №№ 22, 23; ann. 1455, №№ 43—47; ann. 1456, № 129; ann. 1498, №№ 7, 8, ann. 1499, №№ 18—20.—Chron. Glassberger, ann. 1426, 1430, 1501, 1517.—Theiner, «Monument. Hibern. et Scotor.» № 801, стр. 425; № 844, стр. 460.—Aen. Sylvii. «Op. ined.» («Atti della Accademia dei Lincei», 1883 г., стр. 546).—Chron. Anon. (Analecta Franciscana, I, 291—2).

Насколько ожесточенна была борьба между двумя вѣтвями ордена, видно изъ слѣдующаго факта: въ 1480 г. молнія ударила въ францисканскую церковь на островѣ Майоркѣ и сильно повредила ее; въ такомъ полуразрушенномъ состояніи церковь эта оставалась почти цѣлое столѣтіе и была возстановлена только тогда, когда во владѣніе ею вступили францисканцы обсервантины.—Dameto, Pro y Bover, «Hist. de Mallorca», II, 1064—65 (Palma, 1841). Говорятъ, что, когда Сикстъ IV, бывшій раньше францисканцемъ конвентуаломъ, задумалъ въ 1477 году подчинить обсервантиновъ ихъ соперникамъ, то блаженный Джакомо делла Марка пригрозилъ папѣ несчастною смертью, и Сикстъ IV отказался отъ своего проекта. (Chron. Glassberger, ann. 1477).

Крайняя распущенность конвентуаловъ засвидѣтельствована письмами францисканскаго генерала Антонія де Перрето въ 1421 г. къ брату Либгардту Горшаммеръ; въ этихъ письмахъ Антоній разрѣшалъ ему помѣстить у надежнаго друга всѣ подаянія, собранныя имъ, и расходовать эти суммы по своему усмотрѣнію на собственныя нужды или на орденъ; кромѣ того, монахъ обязанъ былъ исповѣдываться только четыре раза въ годъ (Chron. Glassberger, ann. 1416). Генеральный капитулъ, бывшій въ Форси въ 1421 году, былъ вынужденъ запретить братьямъ торговлю и ростовщичество подъ угрозой тюремнаго заключенія и конфискаціи (Ibidem, ann. 1421). Изъ рѣшеній капитула, бывшаго въ Юберлингенѣ въ 1426 году, видно, что во францисканскихъ

Библиотека "Руниверс"

Это религіозное воззрѣніе породило въ рядахъ Инквизиціи людей, подобныхъ Петру Мученику и Гильому Арно. Въ виду непреклонной энергіи этихъ преслѣдователей фратичелли были осуждены на смерть. Благодаря Великому Расколу они процвѣтали, никѣмъ не тѣснимые; но когда Церковь залѣчила свои раны въ Констанцѣ и начала новую жизнь, то горячо принялись за искорененіе заблужденія. Мартинъ V, только что успѣвъ вернуться изъ Констанца, выпустилъ 14 ноября 1418 г. въ Мантуѣ буллу, въ которой оплакивалъ ростъ этой ужасной секты, заражающей тысячи странъ и особенно римскую провинцію. Сильные протекціей свѣтскихъ сеньоровъ, эти мятежники оскорбляютъ епископовъ и инквизиторовъ, старающихся образумить ихъ, и грозятъ имъ. Поэтому папа приглашаетъ епископовъ и инквизиторовъ энергично преслѣдовать ихъ, не обращая вниманія на границы ихъ юрисдикціи, и выступить также противъ покровителей этихъ еретиковъ, хотя бы они были епископами или князьями; послѣднее замѣчаніе позволяетъ намъ думать, что фратичелли находили себѣ радушный пріемъ даже у высшихъ сановниковъ Церкви и государства. Это вмѣшательство папы не имѣло большого успѣха, такъ какъ въ 1421 г. Мартинъ въ другой буллѣ упоминаетъ о постоянномъ ростѣ ереси и рѣшается прибѣгнуть къ новой попыткѣ, предоставивъ спеціальныя полномочія кардиналамъ Альбано и Порто. Но и кардиналы имѣли не больше успѣха, чѣмъ ихъ предшественники. Въ 1423 г. Сіенскій соборъ съ ужасомъ подтвердилъ, что въ Пенисколѣ былъ еретическій папа, окруженый коллегіей кардиналовъ, которые не думали даже скрываться. Уполномоченные галликанской Церкви тщетно пытались заставить соборъ принять мѣры противъ свѣтскихъ властей, расположеніе которыхъ поддерживало этотъ соблазнъ и злоупотребленія. Дѣло трехъ фратичелли, Бартоломмео ди Маттео, Джованни ди Марино изъ Лукки и Бартоломмео ди Піетро изъ Пизы, открытыхъ въ это время во Флоренціи, показываетъ, на сколько испорченъ былъ механизмъ преслѣдованія. Мартинъ V, не довѣряя, очевидно, францисканской Инквизиціи Флоренціи, спеціально поручилъ дѣло своимъ легатамъ, предсѣдательствовавшимъ въ то время на Сіенскомъ соборѣ. Послѣ внезапнаго роспуска собора легаты вернулись въ Римъ. Во Флоренцію отправился одинъ доминиканскій генералъ Леонардо Флорентійскій; и 24 апрѣля 1424 г. Мартинъ послалъ ему приказъ окончить дѣло, при чемъ умышленно запретилъ инквизитору Флоренціи вмѣшиваться въ это дѣло. Въ сентябрѣ того же года Мартинъ уполномочилъ Пьеро, аббата изъ Розачьо, папскаго ректора Анконской Марки, уничтожить фратичелли въ этой странѣ; папа самъ понималъ, какъ трудно это дѣло, и съ необыкновенной кротостью уполномачивалъ Пьеро возсоединить съ Церковью даже еретиковъ виновныхъ въ повторномъ паденіи [1]).

Очевидно, нужно было найти что-либо другое. Было много законовъ относительно истребленія ереси; была прекрасная организація для примѣненія этихъ законовъ; но казалось, что вся система была какъ бы парализована, и Св. Престолъ тщетно старался пустить ее въ ходъ. Мартинъ разрѣшилъ задачу въ 1426 г., когда, смѣло пренебрегая Инквизиціей, назначилъ инквизиторами двухъ обсервантиновъ, не ограничивъ ихъ извѣстною территоріей, и предоставилъ имъ право выбрать себѣ делегатовъ, что давало имъ высшую власть надъ всею Италіей. Онъ довѣрилъ это дѣло людямъ, которыхъ мы часто встрѣчали тамъ, гдѣ нужно было уничтожить ересь; это были—святой Іоаннъ де Капистрано и блаженный Джакомо да Монтепрандоне, болѣе извѣстный подъ именемъ делла Марка. Полные рвенія и энергіи, они заслужили одинъ—канонизацію, другой—беатификацію. Правда

монастыряхъ вошло въ обычай платить опредѣленное жалованье монахамъ за взносъ извѣстной суммы денегъ (Ibidem, ann. 1426). Впрочемъ, предпринятыя въ это время попытки реформы, вызванныя соревнованіемъ съ обсервантинами, показываютъ, до какой степени орденъ забылъ всѣ предписанія устава.

[1]) Raynald. ann. 1418, № 11; ann. 1121, № 4; ann. 1424, № 7.—Joh. de Ragusio, «de Init. Basil. Concil.» (Mon. Conc. Gen. Saec. XV, T. I. 30—31, 40, 55.—Ripoll, II, 645.

Библиотека "Руниверс"

брату Джакомо были даны полномочія простого миссіонера, которому было поручено проповѣдывать еретикамъ слово истины и возсоединять ихъ съ Церковью, но на практикѣ это ограниченіе не особенно стѣсняло Джакомо: лѣтъ двадцать пять спустя, вспоминая свою дѣятельность въ молодые годы, онъ съ гордостью разсказывалъ, какъ еретики боялись встрѣчи съ нимъ, покидали свои укрѣпленныя мѣста и оставляли свою паству на его благоусмотрѣніе. Главной квартирой секты была, повидимому, Анконская Марка, особенно епархіи Фабріано и Іези. Здѣсь то и напали на нихъ смѣло новые инквизиторы, не встрѣчая нигдѣ сопротивленія. Сектанты искали спасенія въ бѣгствѣ; о судьбѣ же тѣхъ, которые были схвачены, можно догадываться по инструкціямъ, даннымъ Мартиномъ въ 1428 г. Анконскому епископу Асторджіо. Дѣло шло о деревнѣ Маньялата. Это старинное пристанище еретиковъ должно быть разрушено и срыто навсегда; съ закоренѣлыми еретиками должно поступить строго по закону, т. е. ихъ должно сжечь, чему, по словамъ Джакомо, подверглись многіе изъ нихъ. Раскаивающихся можно возсоединить съ Церковью, главарей же секты надо подвергнуть пожизненному тюремному заключенію и пыткѣ, чтобы вырвать у нихъ имена ихъ соумышленниковъ. Простые люди, совращенные этими сектантами, должны быть разселены по сосѣднимъ деревнямъ, гдѣ они должны заняться земледѣліемъ; въ возмѣщеніе расходовъ по переселенію между ними должны быть раздѣлены имущества, конфискованныя у другихъ. Дѣти еретиковъ должны быть отобраны у родителей и отосланы куда-либо далеко, гдѣ ихъ воспитали бы въ истинной вѣрѣ. Сочиненія еретиковъ должны быть тщательно разыскиваемы по всей провинціи. Наконецъ, магистраты и общины должны быть предупреждены, что малѣйшее расположеніе или покровительство, проявленное ими къ еретикамъ, повлечетъ за собой потерю муниципальныхъ правъ [1]).

Подобныя мѣры, несомнѣнно, были дѣйствительны, какъ и труды Капистрано, который, изгнавъ фратичелли изъ Масаччьо и Палестрины, основалъ въ этихъ городахъ обсервантинскіе монастыри, какъ цитадели вѣры. Но еретики было упорны и терпѣливо переносили всѣ испытанія. Сдѣлавшись папой, Евгеній IV въ 1432 г. возобновилъ полномочіе Капистрано, какъ главнаго инквизитора противъ фратичелли. До насъ не дошло подробностей о дѣятельности преслѣдователя за это время; но онъ былъ, несомнѣнно, поглощенъ работой, хотя ему болѣе не помогалъ уже Джакомо, занятый до 1440 г., какъ мы видѣли, борьбою съ катарами въ Босніи и съ гуситами въ Венгріи. Анконскіе фратичелли оставались по прежнему опаснымъ врагомъ, такъ какъ Джакомо въ 1441 г., по своемъ возвращеніи изъ Азіи, былъ посланъ въ Марку, въ качествѣ инквизитора спеціально для ихъ уничтоженія. Когда въ 1447 г. на папскій престолъ вступилъ Николай V, онъ позаботился возобновить мандатъ Капистрано, и въ 1449 г. противъ еретиковъ Марки была начата всесторонняя атака. Это нападеніе было, быть-можетъ, вызвано арестомъ при всемъ папскомъ дворѣ епископа фратичелло, по имени Маттео, переодѣвшагося во францисканскую одежду. Николай лично явился въ Фабріано, между тѣмъ Капистрано и Джакомо дѣйствовали въ странѣ. Маньялата, вопреки папскому запрещенію, возникла изъ развалинъ; она, равно какъ селенія Мильоротта, Поджіо и Меруло, была возвращена къ истинной вѣрѣ средствами, которыя легко представить себѣ. Джакомо утверждаетъ, что еретики дали пятьсотъ дукатовъ одному браво, чтобы онъ убилъ Капистрано, и добавляетъ, что за его собственную голову было разъ предложено сто пятьдесятъ, а другой разъ двѣсти дукатовъ; но всякій разъ наемными убійцами овладѣвали угрызенія совѣсти, и они раскрывали свой замыселъ. Такимъ образомъ, инквизиторы пользовались особымъ покровительствомъ Неба. Легенда о Капистрано передаетъ, что однажды

[1]) Wadding. ann. 1426, №№ 1—44.—Raynald. ann. 1428, № 7.—Jac. de Marchia, «Dial.» (Baluz. et Mansi, II, 597, 609).

Библиотека "Руниверс"

еретики поджидали его въ засадѣ. Спутники его прошли безопасно; когда же показался онъ одинъ, погруженный въ размышленія и молитву, то внезапная буря съ проливнымъ дождемъ удержала заговорщиковъ въ ихъ засадѣ и спасла инквизитора. Подобнымъ же образомъ, благодаря божескому вмѣшательству спасся и Джакомо. Въ Мателикѣ одинъ еретикъ спрятался въ часовнѣ Богоматери, чтобы поразить его, когда онъ будетъ проходить мимо; но св. Дѣва явилась убійцѣ и обратилась къ нему съ такими ужасными угрозами, что онъ упалъ на землю и оставался безъ чувствъ, пока сосѣди не пришли и не отнесли его въ больницу. Прошло три мѣсяца раньше, чѣмъ онъ сдѣлался въ состояніи явиться къ Джакомо въ Фермо и принести покаяніе [1]).

Несчастные узники, приведенные къ Николаю въ Фабріано, были сожжены; Джакомо передаетъ, что ужасный запахъ отъ жженаго мяса чувствовался цѣлыхъ три дня и доходилъ даже до монастыря, въ которомъ онъ жилъ. Онъ старался спасти души рецидивистовъ, тѣла которыхъ были осуждены на гибель, и ему удавалось это всегда, кромѣ одного случая. Закоснѣлый еретикъ, выказавшій передъ нимъ такое упорство, былъ казначеемъ секты, и носилъ имя Кіусо. Онъ отказался отречься отъ своего заблужденія, не желалъ призвать на помощь себѣ ни Бога, ни св. Дѣву, ни святыхъ и только твердилъ: «Огонь не сожжетъ меня». Его упорство подвергли жестокому испытанію: въ теченіе трехъ дней его жгли понемногу, кусокъ за кускомъ; но упорство его не ослабѣвало, и онъ умеръ не раскаявшимся, несмотря на всѣ благія попытки заставить его попасть на небо [2]).

Это энергичное преслѣдованіе не уничтожило упорной вѣры фратичелли. Слѣды ереси мы находимъ въ Маркѣ въ 1466 г. Павелъ II послалъ туда, въ качествѣ инквизитора, Бертольда да Каллепіо. Онъ вернулся въ Римъ съ большимъ числомъ плѣнниковъ, которыхъ судила особая комиссія, въ составъ которой вошли архіепископъ Милана, Родриго, епископъ Заморы, Николай, епископъ Фаро и Джакопо Егидій, наставникъ коллегіи кардиналовъ; это показываетъ, какъ оттѣснена была Инквизиція даже отъ своихъ прямыхъ обязанностей. Изъ сознанія, вырваннаго у одного изъ узниковъ, оказалось, что лѣтъ сорокъ тому назадъ между фратичелли произошелъ расколъ, такъ какъ ихъ генералъ-министръ отказался сложить съ себя должность по истеченіи трехъ лѣтъ. Съ этого времени они раздѣлились на двѣ вѣтви, которыя, имѣя одну и ту же вѣру, были обѣ самостоятельны. Кающійся добавилъ, что самъ онъ вступилъ въ секту въ Греціи, гдѣ со временъ Іоанна XXII была полная Церковь съ папою, кардиналами и цвѣтущими монастырями. По возвращеніи въ Италію, онъ былъ министромъ въ Поли, гдѣ половина жителей принадлежала къ сектѣ, въ томъ числѣ и сеньоръ города Стефано де Конти. Изъ всѣхъ этихъ еретиковъ одинъ только проявилъ упорство, но повторное примѣненіе пытки обратило и его. Вообще во время этихъ процессовъ пытка примѣнялась въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, и послѣ нѣкоторыхъ затрудненій удалось получить единогласныя показанія, подтверждавшія существованіе ночныхъ собраній, на которыхъ, когда гасились свѣчи, присутствовавшіе предавались гнусному разврату, что называлось Barilotto; разсказывали также, что еретики дѣлали священный порошокъ изъ пепла дѣтей, которыхъ убивали, перебрасывая изъ рукъ въ руки. Возсоединеніе сектантовъ съ Церковью было совершено публично и весьма торжественно. Восемь мужчинъ и шесть женщинъ въ бумажныхъ митрахъ на головѣ были выставлены на поруганіе толпы на эшафотѣ, воздвигнутомъ въ Аракели, въ то время какъ папскій викарій и пять епископовъ говорили проповѣди, чтобы обратить ихъ на путь истины. Ихъ присудили къ тюремному заключенію въ Кампидольо

[1]) Wadding. ann. 1426, №№ 15, 16; «Regest.» Mart. V, № 162; ann. 1432, №№ 8—9; ann. 1441, №№ 37—38; ann. 1447, № 10; ann. 1456, № 108; ann. 1476, №№ 24, 25.—Raynald. ann. 1432, № 24.—Jac. de Marchia, «Dial.» (Baluz. et Mansi, II, 610).

[2]) Jac. de Marchia, loc. cit.

Библиотека "Руниверс"

и къ ношенію длинной одежды съ бѣлымъ крестомъ на спинѣ и груди. Кости ихъ умершихъ собратьевъ были вырыты и сожжены; домъ въ Поли, гдѣ происходили ихъ тайныя собранія, былъ срытъ. Но этимъ, повидимому, не кончилось преслѣдованіе, такъ какъ до насъ дошелъ помѣченный 6 іюля 1467 г. счетъ расходовъ по покупкѣ одежды, дровъ и т. п. для двѣнадцати еретиковъ, откуда мы вправѣ заключить, что въ это время было новое а у т о-д а-ф е, на которомъ пылали многочисленные костры. Быть-можетъ, по этому поводу епископъ Родриго написалъ трактатъ о нищетѣ Христа въ доказательство того, что духовенство, пользуясь всѣми земными благами, вело евангельскую жизнь. Въ 1471 г. братъ Томасо ди Скарлино былъ посланъ въ Піомбино и на побережье Тосканы, чтобы изгнать открытыхъ въ этихъ мѣстностяхъ ф р а т и ч е л л и. И это послѣдній извѣстный намъ случай упоминанія о ф р а т и ч е л л и. Когда въ 1487 г. испанская Инквизиція преслѣдовала различныхъ обсервантиновъ, Иннокентій VIII издалъ общій указъ, предписывавшій выдать францисканцевъ, заключенныхъ въ тюрьму доминиканскими инквизиторами, ихъ старшимъ, на обязанности которыхъ лежало судить ихъ и впредь не поднимать подобныхъ преслѣдованій. Отсюда можно заключать, что болѣе не существовало ф р а т и ч е л л и и что о нихъ уже почти позабыли [1]).

Честь истребленія ф р а т и ч е л л и должна быть приписана обсервантинскому движенію и не столько по тому, что оно дало рвеніе и людей, нужныхъ для дѣла, сколько по тому, что организація обсервантиновъ дала удовлетвореніе аскетическимъ стремленіямъ и привлекла къ себѣ народное почитаніе, столь долгое время охранявшее еретиковъ. Вспомнимъ только, какое поклоненіе окружало Капистрано. Говорятъ, что въ 1451 г. власти Виченцы должны были запереть городскія ворота, чтобы остановить безостановочно растущую волну толпы, и что Капистрано ходилъ по улицамъ подъ конвоемъ братьевъ, на обязанности которыхъ лежало охранять его отъ толпы, желавшей прикоснуться къ нему палками или оторвать, какъ святыню, кусокъ его одежды. Во Флоренціи въ 1456 г. понадобилась вооруженная стража, чтобы его не задавили. Все это даетъ понять намъ, какимъ огромнымъ вліяніемъ обладали эти люди, чтобы направить въ другую сторону общественное мнѣніе и привлечь народное расположеніе къ Церкви, представителями которой они были. Какъ нищенствующіе XIII вѣка, они вернули Церкви значительную часть того уваженія, которое она утратила, хотя, если вѣрить Поджіо, многіе изъ нихъ скоро уже сдѣлались изнѣженными и распущенными [2]).

Равнымъ образомъ обсервантины дали убѣжище экзальтированнымъ людямъ, стремившимся къ сверхчеловѣческому аскетизму. Церковь признала, наконецъ, необходимость найти выходъ для подобныхъ людей, а когда старые ф р а т и ч е л л и умерли или были сожжены, то не нашлось никого, кто занялъ бы ихъ мѣсто; секта исчезла, не оставивъ слѣда. Нужно было исключительно сильное стремленіе къ аскетизму, чтобы не удовлетвориться жизнью, подобной жизни Лоренцо да Фермо, который умеръ въ 1481 г. ста десяти лѣтъ отъ роду, изъ которыхъ девяносто провелъ у обсервантиновъ; изъ этихъ девяноста лѣтъ сорокъ провелъ онъ на Монтъ-Альверно, гдѣ онъ переносилъ самые ужасные холода съ непокрытой головой, босой и въ самой легкой рясѣ. Если находились люди,

[1]) Dressel, «Vier Documente aus römischen Archiven», Berlin, 1872 г., стр. 1–48.—Pastor, «Geschichte der Päpste», II, 361.—Steph. Infessurae «Diar. Urb. Rom.» ann. 1467 (Eccard. «Corp. Hist.» II, 1893).—Platinae «Vita Pauli II» (изд. 1574 г., стр. 308).—Rod. Santii «Hist. Hispan.» P. III, c. 40 (R. Beli «Rer. Hist. Script.» I, 433).—Wadding. ann. 1371, № 14.—Ripoll, IV, 22.

Лѣтъ сто спустя ученый Хуанъ Гинесъ Сепулведа («Rer. Gest. Aegid. Albornot.» lib. III) воспроизвелъ съ нѣкоторыми прикрасами исторію Барилотто.

[2]) Barbarano de'Mironi, «Hist. di Vicenza», II, 164–5.—Poggii Bracciol. «Dial. contra Hypocrisim.»

Библиотека "Руниверс"

искавшіе еще болѣе строгой жизни, то Церковь научилась употреблять ихъ на свои услуги или обуздывать ихъ. Такимъ образомъ, образовался орденъ строгихъ обсервантиновъ, болѣе извѣстный подъ именемъ Ордена Recollecti. Графъ Сотомайоръ, одинъ изъ самыхъ родовитыхъ испанцевъ, вступилъ во францискансkій орденъ и, недовольный слабостью дисциплины, добился отъ Иннокентія VIII въ 1487 г. разрѣшенія основать преобразованную конгрегацію въ глухомъ мѣстѣ Сіерры Морены. Несмотря на ожесточенную оппозицію и конвентуаловъ и обсервантиновъ, попытка удалась, и орденъ распространился по всей Франціи и Италіи. Подобная же попытка, предпринятая немного позднѣе Маттео, котораго стремленіе къ аскетизму заставило вмѣстѣ приблизительно съ 80 другими монахами начать отшельническую жизнь, окончилась печально. Совращенные Сатаною, явившимся Маттео въ образѣ Христа, они совершенно перестали повиноваться ордену. Маттео былъ арестованъ и заключенъ въ тюрьму; онъ началъ было сомнѣваться въ дѣйствительности своего апостольскаго назначенія, когда новое видѣніе укрѣпило его въ вѣрѣ. Ему удалось бѣжать вмѣстѣ съ однимъ товарищемъ и онъ жилъ въ пещерахъ среди горъ, окруженный многочисленными учениками, просвѣщенный Богомъ и одаренный даромъ творить чудеса. Онъ образовалъ независимый орденъ со своимъ генераломъ, съ своими провинціалами и настоятелями; но Церкви удалось въ 1495 г. уничтожить эту конгрегацію. Маттео вернулся къ конвентуаламъ, большинство же его учениковъ вступило въ орденъ обсервантиновъ [1]).

Изучая исторію этихъ болѣзненныхъ отклоненій, въ которыхъ искали себѣ удовлетвореніе люди столь возвышенные, нельзя не признать, что Церковь много потеряла отъ учительскаго высокомѣрія и закоснѣлой злобы Іоанна XXII, нельзя не оплакивать безполезныя страданія, отвѣтственность за которыя падаетъ на этого папу. Съ небольшимъ количествомъ такта и умѣнья дѣйствовать сообразно съ обстоятельствами можно было бы извлечь пользу изъ рвенія фратичелли, какъ позднѣе это случилось съ обсервантинами. Постоянныя ссоры, возникавшія между этими послѣдними и конвентуалами, объясняются преслѣдованіями, которымъ подвергались и спиритуалы и фратичелли. Паулучьо посчастливилось встрѣтить на своемъ пути очень высоко поставленныхъ лицъ, которыя были настолько разумны, что поддержали его нарождающуюся организацію до того времени, когда она проявила свою полезность и стала достаточно сильной, чтобы защищать сама себя; тѣмъ не менѣе, даже и тогда, когда эта организація сдѣлалась самымъ драгоцѣннымъ оружіемъ въ рукахъ Св. Престола, конвентуалы продолжали обращаться съ обсервантинами съ такой же жестокостью и съ такимъ же ожесточеніемъ, какъ съ послѣдователями Анджело, Оливи и Михаила Чезенскаго.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Политическая ересь и Церковь.

Отожествленіе интересовъ Церкви и Государства не было новостью. Гораздо раньше, чѣмъ были выработаны законы противъ ереси и организована Инквизиція для уничтоженія заблужденій, было понято, насколько важно объявлять еретикомъ всякаго, кто откажется повиноваться требованіямъ прелатовъ или папъ. Во время спора между императорами и папствомъ по поводу инвеституръ Латеранскій соборъ 1102 года потребовалъ отъ всѣхъ

[1]) Wadding. ann. 1181, № 9; ann. 1487, №№ 3—5; ann. 1495, № 12.—Addis and Arnold's «Catholic Dictionary» s. v. «Recollects».

Библиотека "Руниверс"

бывшихъ на соборѣ епископовъ скрѣпить заявленіе, предававшее анаѳемѣ новую ересь, заключавшуюся въ томъ, что презирали папскую анаѳему; и хотя Церковь не установила еще смертной казни противъ ереси, но она не задумалась поразить сторонниковъ императорской власти, виновныхъ въ томъ, что традиціонныя права Имперіи они противопоставили новымъ притязаніямъ Св. Престола. Въ томъ же году монахъ Зигебертъ, бывшій только простымъ сторонникомъ антипапы Альберта, былъ возмущенъ дикою жестокостью, проявленною Паскалемъ II, убѣждавшимъ своихъ сторонниковъ перебить всѣхъ подданныхъ Генриха IV. Робертъ Іерусалимскій, графъ Фландрскій, вернувшись съ перваго крестоваго похода, поднялъ оружіе противъ Генриха IV и доказалъ свою набожность опустошеніемъ окрестностей Камбрэ; Паскаль тотчасъ же написалъ ему, поздравляя его съ этимъ добрымъ дѣломъ и убѣждая продолжать его, такъ какъ, говорилъ онъ, его подвиги не менѣе цѣнны, чѣмъ его труды по завоеванію Св. Гроба. Папа обѣщалъ отпущенія грѣховъ самому Роберту и всѣмъ грубымъ солдафонамъ, которыхъ онъ велъ съ собою. Въ свою очередь Паскаль сдѣлался еретикомъ, когда въ 1111 г., уступая насилію Генриха V, предоставилъ императору право назначать епископовъ и аббатовъ; но когда Бруно, епископъ Сегни и аббатъ Монте Казино, упрекнулъ его въ ереси, то онъ лишилъ деракаго говоруна аббатства и отправилъ его въ его епархію. Заключая договоръ съ Генрихомъ, папа разломалъ на двѣ части освященную облатку и, взявъ одну половину себѣ, а другую давъ Генриху, торжественно произнесъ слѣдующія слова: «Какъ тѣло Христа раздѣлено здѣсь, такъ да будетъ отрѣзанъ отъ царствія Христова тотъ изъ насъ, который сдѣлаетъ попытку нарушить договоръ». Но онъ не могъ оставаться подъ обвиненіемъ въ ереси; въ 1112 г. онъ предсѣдательствовалъ на Латеранскомъ соборѣ, который объявилъ не имѣющими значенія клятву и буллы папы. Когда Генрихъ жаловался, что Паскаль нарушилъ свою клятву, то папа спокойно отвѣтилъ, что онъ обѣщалъ самъ не отлучать императора отъ Церкви, но не обѣщалъ мѣшать въ этомъ другимъ. Если Паскаль не былъ вынужденъ формально отречься отъ ереси, то онъ все же отрекся отъ нея нравственно и укрѣпился въ томъ принципѣ, что даже папа не могъ передавать право, споръ о которомъ былъ приравненъ къ ереси. Когда немного позднѣе отъ нѣмецкихъ прелатовъ, передъ посвященіемъ, требовали отреченія отъ всякой ереси и въ частности отъ генрихіанской, то здѣсь упоминалось не о заблужденіяхъ Генриха Лозанскаго, но о заблужденіяхъ императора, старавшагося не допустить вмѣшательства Св. Престола въ свѣтскую власть [1]).

Когда развилась ересь въ собственномъ смыслѣ этого слова и стала принимать все болѣе и болѣе грозные размѣры, когда борьба, предпринятая въ цѣляхъ уничтоженія ея, стала болѣе жестокой и приняла правильную форму, когда примѣненіе системы индульгенцій дало Церкви почти безплатное войско, готовое выступить въ походъ во всякое время, лишь только папа объявитъ вѣру въ опасности,—то Св. Престолъ, естественно, попытался обратиться къ фанатизму христіанскаго міра, чтобы онъ защитилъ его мірскіе интересы или помогъ имъ. Альбигойскіе крестовые походы были оправдываемы, насколько можетъ быть оправдано примѣненіе насилія, дѣйствительнымъ религіознымъ антагонизмомъ, грозившимъ расколомъ христіанскому міру; успѣхъ этихъ походовъ побудилъ побѣдителей примѣнять тѣ же методы и тогда, когда не было и тѣни подобнаго предлога. Однимъ изъ самыхъ первыхъ дѣлъ этого рода и однимъ изъ наиболѣе характеристическихъ было преслѣдованіе Штединговъ.

Штединги было смѣшанное населеніе, занявшее по нижнему теченію Везера земли, которыя упорнымъ трудомъ удалось имъ отвоевать отъ разливовъ рѣки и моря. Территорія

[1]) Concil. Lateran. ann. 1102 (Harduin. VI, II, 1861—2).—Epist. Sigebert. (Martène, «Ampl. Coll.» I, 587—94.—Chron. Cassiniens. IV, 42, 44 (Cf. Martène, «Ampl. Coll.» I, 627),—Hartzheim, III, 258—65.—Martène, «Ampl. Coll.» I, 659.

Библиотека "Руниверс"

ихъ къ югу тянулась почти до Бремена. Люди грубые и, несомнѣнно, полудикіе, они были смѣлыми пастухами и рыболовами и, быть-можетъ, не прочь были при случаѣ заняться пиратствомъ подъ вліяніемъ пѣсенъ о подвигахъ викинговъ Іомсбурга. По свободному соглашенію, своими духовными руководителями они признавали Бременскихъ архіепископовъ, которые получали отъ нихъ десятину. Вопросъ о десятинѣ былъ источникомъ недоразумѣній съ незапамятныхъ временъ, съ того самаго дня, когда слабый лучъ христіанства проникъ въ эти страны. Въ XI в. Адамъ Бременскій передаетъ, что по всей архіепископіи епископы продавали свои благословенія, и что народъ, недовольный ихъ роскошью и обжорствомъ, отказывался платить десятину. Штединги управлялись своими выборными судьями по своимъ собственнымъ законамъ до тѣхъ поръ, пока около 1187 г. не возникло волненій благодаря графамъ Ольденбургскимъ. Эти сеньоры пытались распространить свои владѣнія на болота и заселенные острова и съ этой цѣлью построили одинъ или два замка, чтобы держать населеніе въ страхѣ. Церквей было мало, и такъ какъ приходы были обширны, то женщины обыкновенно своихъ дочерей возили къ обѣднѣ въ повозкахъ. Солдаты гарнизоновъ начали дѣлать вылазки и хватать этихъ женщинъ, чтобы услаждать свое одиночество, такъ что, въ концѣ концовъ, населеніе возстало, захватило оба замка, вырѣзало гарнизоны и отрѣзало перешеекъ, по которому можно было проникнуть въ ихъ область, оставивъ только одинъ узкій входъ. Графъ Іоаннъ Ольденбургскій вернулъ эти замки, но послѣ его смерти штединги снова сдѣлалися независимыми. Однимъ изъ своихъ основныхъ правъ они считали право не платить десятиннаго налога и они съ презрѣніемъ обращались со священниками, которымъ поручено было привести ихъ въ повиновеніе. Они укрѣпили свои оборонительныя работы и освободившись отъ всякой феодальной и духовной тиранніи, стали принимать къ себѣ бѣглецовъ со всѣхъ окрестныхъ странъ. Говорятъ, что Бременскій архіепископъ Гартвигъ, отправляясь въ 1197 г. въ Св. Землю, просилъ Целестина III проповѣдывать крестовый походъ противъ этихъ еретиковъ; но разсказъ этотъ явно вымышленъ, такъ какъ въ то время альбигойскіе крестовые походы не надоумили еще примѣнять эту мѣру въ христіанской странѣ. Положеніе осложнилось, когда были преданы мученической смерти монахи рѣшившіеся проповѣдывать крестьянамъ обязанность платить десятинный налогъ. Еще болѣе осложнилось дѣло благодаря слѣдующему случаю. Одинъ священникъ, разсерженный тѣмъ, что одна высокопоставленная женщина мало пожертвовала на Пасху въ церковь, въ насмѣшку вмѣсто св. облатки вложилъ въ ротъ кающейся женщинѣ монету. Не будучи въ состояніи проглотить это новаго рода причастіе и не зная, что это—монета, женщина, боясь совершить кощунство, держала ее во рту, пока не вернулась домой, гдѣ она выплюнула ее въ чистую простыню и раскрыла, такимъ образомъ, продѣлку священника. Взбѣшенный этимъ оскорбленіемъ мужъ этой женщины убилъ священника, и это убійство усилило всеобщее броженіе. Когда въ 1207 г. прибылъ Гартвигъ, то онъ попытался смирить возставшихъ, но ему удалось только собрать нѣсколько денегъ [1]).

Однако, съ штедингами обращались, какъ съ истинными католиками, когда понадобилась ихъ помощь въ ожесточенной борьбѣ, которую съ 1208 по 1217 г.г. вели между собою соперничавшіе бременскіе архіепископы, сначала Вальдемаръ и Бурхардъ, а потомъ Вальдемаръ и Гергардъ. Первоначально штединги стали на сторону Вальдемара, но когда Фридрихъ II одержалъ побѣду надъ Оттономъ, они присоединились къ Гергарду, и послѣдній выигралъ благодаря имъ дѣло. Въ 1217 г. Гергардъ занялъ свою архіепископскую каѳедру и до самой своей смерти, послѣдовавшей въ 1219 г., великодушно покровительствовалъ

[1]) Schumacher, «Die Stedinger», Bremen, 1865 стр. 26—8.—Adam. Bremens. «Gest. Pontif. Hammaburg.» c. 203.—Chron. Erfordiens. ann. 1230 (Schannat, «Vindem. Lit.» I, 93).—Chron. Rastedens. (Meibom. «Rer. Germ.» II, 101).—Albert. Stadens. «Chron.» ann. 1207 (Schilt. «S. R. German.» I, 299).—Joann. Otton. «Cat. Archiepisc. Bremens» ann. 1207 Menken. «S. R. German.» II, 791).

Библиотека "Руниверс"

ОСНОВАНІЕ ОРДЕНА ІЕЗУИТОВЪ.

(В. Линденшмидтъ).

Библиотека "Руниверс"

своимъ союзникамъ. Преемникомъ ему былъ воинственный прелатъ Гергардъ II изъ дома Липпе; онъ желалъ уничтожить вольности Бремена и обложить пошлиной всю торговлю по Везеру. Вопросъ о десятинномъ сборѣ со штединговъ не могъ ускользнуть отъ его вниманія. Различныя заботы, а именно—война противъ короля Даніи и борьба съ упорствующими гражданами Бремена—помѣшали ему немедленно попытаться смирить штединговъ; но, въ концѣ концовъ, у него развязались руки. Братъ его, графъ Германъ Липпе, примирился съ другими сеньорами; независимость крестьянъ Везера представляла серьезную непріятность для сосѣднихъ феодальныхъ сеньоровъ. Чтобы воспользоваться зимнимъ путемъ въ этой болотистой странѣ, они выступили въ походъ въ декабрѣ мѣсяцѣ 1229 г. подъ предводительствомъ графа и архіепископа. Штединги оказали мужественное сопротивленіе. Въ день Рождества Христова произошло сраженіе; графъ Германъ былъ убитъ, а крестоносцы обратились въ бѣгство. Чтобы ознаменовать это торжество, побѣдители въ насмѣшку назначили вымышленныхъ сановниковъ, которыхъ назвали: одного императоромъ, одного папою, а другихъ архіепископами и епископами и они посылали граматы, подписанныя этими титулами. Это шутка обошлась, однако, имъ дорого, такъ какъ ложно истолкованная сильными міра, она сдѣлала ихъ мятежниками противъ всѣхъ свѣтскихъ и духовныхъ властей [1]).

Очевидно, нужно было найти какое-нибудь болѣе дѣйствительное средство, чтобы сломить этихъ непокорныхъ крестьянъ. Почерпнули вдохновеніе изъ успѣха крестоваго похода 1230 г., который проповѣдывалъ утрехтскій епископъ Вильбрандъ противъ свободныхъ фризовъ, виновныхъ въ убійствѣ предшественника епископа, брата архіепископа Гергарда, Оттона, и въ заключеніи въ тюрьму, послѣ побѣды надъ Кёворденомъ, другого брата Гергарда, Дитриха, прево Девентера. Было невозможно не послѣдовать этому примѣру. И вотъ, на синодѣ, бывшемъ въ Бременѣ въ 1230 г., штединги были извергнуты изъ христіанскаго міра, какъ самые гнусные еретики; ихъ обвиняли въ томъ, что они съ невыразимымъ презрѣніемъ относились къ евхаристіи, что обращались за совѣтами къ колдуньямъ, что дѣлали изображенія изъ воска и предавались разнымъ другимъ святотатственнымъ дѣйствіямъ [2]).

Несомнѣнно, въ Штедингіи, какъ вообще во многихъ странахъ того времени, сохранялись остатки суевѣрія. Этотъ остатокъ язычества послужилъ основаніемъ для обвиненій; но на самомъ дѣлѣ вопросъ здѣсь шелъ не о религіозныхъ принципахъ, а исключительно о политическихъ интересахъ, какъ это видно изъ письма, въ которомъ Фридрихъ II 14 іюня 1230 г. хвалитъ штединговъ за оказанную ими поддержку одному монастырю тевтонскихъ рыцарей и призываетъ ихъ оказывать и впредь поддержку рыцарямъ. Кромѣ того, мы знаемъ, что повсюду крестьяне открыто выказывали имъ свое расположеніе и при всякомъ удобномъ случаѣ присоединялись къ нимъ. Это былъ просто эпизодъ въ исторіи развитія феодализма и сацердотализма: надо было уничтожить то немногое, что оставалось отъ независимости древнихъ тевтонскихъ племенъ и для этого обратились съ воззваніемъ къ соединеннымъ силамъ Церкви и Государства. Мы уже видѣли на трудахъ Конрада Марбургскаго и на вымышленныхъ разсказахъ, которые онъ распространялъ по поводу тайныхъ обрядовъ луциферіанъ, какъ легко было заставить довѣрчивую толпу вѣрить этимъ обвиненіямъ. Однако, приготовленія къ крестовому походу шли медленно. Въ 1231 и 1232 г.г. архіепископъ Гергардъ, насколько могъ, сопротивлялся нападеніямъ крестьянъ, которые два раза взяли и разрушили до основанія замокъ Шлюттеръ, выстроенный имъ

[1]) Albert. Stadens. «Chron.» ann. 1208—17, 1230.—Joan. Otton. «Cat. Archiepisc. Bremens.» ann. 1211—20.—Anon. Saxon. «Hist. Imp.» ann. 1229 (Menken. III, 125).—Chron. Raskedens. (Meibom. loc. cit. II, 101).

Между писателями царитъ по поводу этихъ событій полное несогласіе. Я слѣдовалъ шагъ за шагомъ тщательнымъ разслѣдованіямъ Шумахера, стр. 219 23.

[2]) Emonis «Chron.» ann. 1227, 1230 (Matthaei Analecta, III, 128, 132).—Schumacher, 81.

Библиотека "Руниверс"

для защиты своихъ земель отъ ихъ вторженій. Онъ попросилъ поддержки у Рима, и въ октябрѣ 1232 г. Григорій IX, поручивъ предварительно епископамъ Любека, Рацебурга и Миндена произвести разслѣдованіе по поводу этой ереси, пришелъ на помощь архіепископу Гергарду, выпустивъ буллы, приказывающія епископамъ Миндена, Любека и Вердена проповѣдывать крестовый походъ противъ мятежниковъ. Въ этихъ буллахъ ни слова не упоминается о десятинномъ налогѣ, но штединги рисуются самыми худшими еретиками, отрицающими существованіе Бога, поклоняющимися демонамъ, вопрошающими колдуній, оскверняющими таинства, наводящими порчу на своихъ враговъ, оказывающими самыя позорныя насилія въ отношеніи духовенства, прибивающими къ стѣнамъ священниковъ гвоздями въ насмѣшку надъ Распятымъ. Продолжительное папство Григорія IX было посвящено двумъ главнымъ задачамъ: низверженію Фридриха II и уничтоженію ереси. Одно уже слово «еретикъ» приводило, повидимому, этого папу въ ярость, помрачавшую его разумъ; поэтому онъ принялъ такое же горячее участіе въ борьбѣ, поднятой противъ несчастныхъ крестьянъ Везера, какъ и въ борьбѣ, начатой Конрадомъ Марбургскимъ противъ Сатаны въ рейнскихъ провинціяхъ. Въ январѣ 1233 г. онъ писалъ епископамъ Падерборна, Гильдесгейма, Вердена, Мюнстера и Оснабрюка, приказывая имъ присоединиться къ епископамъ Рацебурга, Миндена и Любека, которыхъ онъ уполномочилъ проповѣдывать, съ обѣщаніемъ полной индульгенціи, крестовый походъ противъ еретиковъ, называемыхъ штедингами, которые разоряютъ вѣрныхъ въ странѣ. Однако, всего только собрали войско, которому въ теченіе всей зимы не удалось сломить энергичнаго упорства крестьянъ и которое разсѣялось, лишь только кончился короткій срокъ службы. Въ папскомъ посланіи отъ 17 іюня 1233 г., адресованномъ епископамъ Миндена, Любека и Рацебурга, этотъ неуспѣхъ приписанъ заблужденію крестоносцевъ: они, не зная, что получаютъ такія же индульгенціи, какъ за походъ въ Св. Землю, удалились, одержавъ нѣкоторыя относительныя побѣды. Вслѣдствіе этого епископамъ было предложено проповѣдывать новый крестовый походъ и озаботиться, чтобы не было никакихъ недоразумѣній по вопросу о преимуществахъ, которыя будутъ предоставлены участникамъ похода, если только за это время штединги не покорятся своему архіепископу и не оставятъ своихъ ересей. Между тѣмъ, образовалась уже другая армія крестоносцевъ, которая въ концѣ іюня 1233 г. проникла въ восточную часть Штедингіи, на правый берегъ Везера. До этого времени эта область не принимала никакого участія въ борьбѣ и не имѣла никакихъ средствъ къ защитѣ. Крестоносцы разорили землю огнемъ и мечемъ, убивая людей безъ различія пола и возраста и проявляя все свое религіозное рвеніе въ томъ, что сжигали живыми всѣхъ плѣнныхъ; тѣмъ не менѣе, конецъ крестоваго похода былъ не особенно славенъ. Воодушевленный этимъ легкимъ успѣхомъ, графъ Бургардъ Ольденбургъ, вождь крестоносцевъ, рѣшилъ напасть на укрѣпленную область на лѣвомъ берегу рѣки и былъ убитъ съ 200 своихъ воиновъ. Остальные съ трудомъ спаслись бѣгствомъ [1]).

Положеніе осложнялось. Успѣхи штединговъ въ борьбѣ за независимость пробудили нѣкоторое нравственное броженіе среди населенія; феодальные бароны не менѣе прелатовъ были заинтересованы въ подавленіи этого возстанія, которое грозило принять огромные и опасные размѣры. Поэтому третій крестовый походъ стали проповѣдывать съ еще большей энергіей и обратились съ воззваніемъ принять участіе въ святомъ дѣлѣ къ землямъ, къ которымъ прежде не обращались; и въ 1234 г. приступили къ приготовленіямъ къ походу который сломилъ бы всякое сопротивленіе. Доминиканцы, какъ тучи, покрыли всю Голландію, Фландрію, Брабантъ, Вестфалію и Рейнскія провинціи, призывая вѣрныхъ на

[1]) Hist. Diplom. Frid. II. T. IV, 497.—Albert, Stadens. «Chron.» ann. 1232, 1234.—Raynald. ann. 1232. № 8.—Hartzheim, III, 553.—Joan. Ottonis «Cat. Archiep. Bremens.» ann. 1234.—Anon. Saxon. «Hist. Imperator.» ann. 1229.—«Chron.» Cornel. Zantfliet, ann. 1233.—Epist. Select. Saec XIII. T. I, № 539 (Pertz).

Библиотека "Руниверс"

защиту вѣры. Во Фландріи они не имѣли большого успѣха; населеніе симпатизировало своимъ сосѣдямъ свободнымъ фризамъ и враждебно относилось къ проповѣдникамъ. Но въ другихъ странахъ труды ихъ увѣнчались успѣхомъ. Буллы 11 февраля объявляютъ находящимися подъ покровительствомъ папы области Генриха Распа Тюрингенскаго и Оттона Брауншвейгскаго, такъ какъ оба эти князя вступили въ ряды крестоносцевъ. Правда, Оттономъ болѣе руководили личныя соображенія, такъ какъ онъ былъ во враждебныхъ отношеніяхъ съ архіепископомъ Гергардомъ. Болѣе всего прибыло крестоносцевъ съ запада подъ предводительствомъ герцога Брабантскаго Генриха; насчитывалось, говорятъ, сорокъ тысячъ человѣкъ, во главѣ которыхъ, кромѣ рыцаря-богатыря Флорента, стояли графъ Голландскій Тьерри, графъ Клеве Арнольдъ Уденардъ, Рассо Гаврскій, Тьерри Диксмундскій, Гильбертъ Зоттенгемскій и другіе знатные, жаждавшіе обрѣсти спасеніе и отстоять свои сеньоріальныя права. Триста кораблей, пришедшихъ изъ Голландіи, обезпечивали крестоносцевъ съ моря. Въ послѣднюю минуту Григорій, образумленный, повидимому, печальнымъ результатомъ своего участія въ трудахъ Конрада Марбургскаго, почувствовалъ нѣкоторую боязнь, такъ какъ въ мартѣ 1234 г. онъ послалъ приказъ своему легату сѣверной Германіи, епископу Вильгельму, постараться мирнымъ образомъ окончить дѣло съ крестьянами и возсоединить ихъ съ Церковью; но было уже поздно.

Въ апрѣлѣ отряды крестоносцевъ уже соединились, и прелатъ не сдѣлалъ ничего и, безъ сомнѣнія, не могъ ничего сдѣлать для предотвращенія рокового удара. Какъ ни была велика и страшна армія крестоносцевъ, но горсть крестьянъ не испугалась ея. 27 мая штединги укрѣпились въ Альтенешѣ и храбро выдержали страшное нападеніе Генриха Брабантскаго и Флорента Голландскаго; но, благодаря превосходству въ численности, Тьерри Клевскій могъ со свѣжими силами напасть съ фланга, разсѣять крестьянъ и вырѣзать ихъ безъ всякой жалости. На полѣ битвы осталось шесть тысячъ человѣкъ штединговъ, и много ихъ, кромѣ того, потонуло въ Везерѣ во время бѣгства. Божеское покровительство сказалось наглядньимъ образомъ въ томъ, что, если вѣрить современникамъ, крестоносцевъ погибло только семь человѣкъ. Теперь воинамъ Господнимъ былъ открытъ свободный доступъ въ беззащитную страну, и они ознаменовали свою побѣду тѣмъ, что вся и всѣхъ, не щадя ни женщинъ, ни дѣтей, ни стариковъ, предавали мечу и огню. Черезъ шестьсотъ лѣтъ, 27 мая 1834 г., на полѣ битвы въ Альтенешѣ былъ торжественно воздвигнутъ памятникъ въ честь героевъ, павшихъ въ безнадежной защитѣ своей страны и свободы [1]).

Какъ ни былъ незначителенъ поводъ къ этой ужасной трагедіи, Церковь приняла на себя всю отвѣтственность и до самаго конца поддерживала свою благочестивую ложь. Когда окончились рѣзня и опустошеніе, то началась комедія возсоединенія еретиковъ съ Церковью. Такъ какъ страна была долгое время независима, то покойниковъ хоронили всѣхъ безъ различія на католическихъ кладбищахъ. 28 ноября 1234 г. папа Григорій далъ знать, что онъ отказывается отъ вырытія труповъ еретиковъ, такъ какъ ихъ невозможно отличить отъ труповъ католиковъ; но необходимо вновь освятить всѣ кладбища, чтобы смыть съ нихъ осквернепіе, нанесенное погребеніемъ на нихъ еретиковъ. На упорядоченіе всѣхъ этихъ мелочей было потрачено немало времени, такъ какъ только въ августѣ 1236 г. папа послалъ епископу полномочіе возсоединить съ Церковью покорившихся еретиковъ. Такъ какъ штединги прекратили мятежъ и смиренно умоляли, чтобы

[1]) Emonis «Chron.» ann. 1234 (Matthaei «Analecta», III, 139 и слѣд.).—Potthast, №№ 9399, 9400.—Epist. Select. Saecul. XIII. T. I, № 572.—Meyeri «Annal. Flandriae», lib. VIII, ann. 1233.—«Chron.» Cornel. Zantfliet, ann. 1234.—Schumacher, 116—17.—Chron. Erfordiens. ann. 1232.—Sächsische Weltchronik, №№ 376—8.—H. Wolteri «Chron. Bremens» (Meibom. «Rer. Germ.» II, 58—9) —Chron. Rastedens. (Ibidem, II, 101).—Joan, Ottonis «Cat. Archiep. Bremens.» ann. 1234.—Albert. Stadens. ann. 1234.—Anon. Saxon. «Hist. Imperator.» ann. 1229.

Библиотека "Руниверс"

ихъ приняли въ лоно Церкви, то прелату нетрудно было выполнить ихъ просьбу, тѣмъ болѣе, что они давали вѣрныя ручательства своего повиновенія въ будущемъ и своего раскаянія въ прошедшемъ. Отмѣтимъ, что въ этомъ актѣ, завершившемъ кровавую драму, не упоминается ни о какой особой ереси, которая послужила бы поводомъ къ уничтоженію крестьянъ. Быть-можетъ, неудача Конрада Марбургскаго показала ложность обвиненій, возведенныхъ на нихъ; какъ бы то ни было, но всѣ эти обвиненія имѣли въ виду только возбудить противъ нихъ народную ненависть. Неповиновеніе Церкви само по себѣ было достаточнымъ преступленіемъ, а сопротивленіе требованіямъ Церкви было ересью, которая и на этомъ и на томъ свѣтѣ должна быть безжалостно караема мірскимъ и духовнымъ мечемъ [1]).

Не нужно думать, чтобы Григорій не постарался извлечь лично для себя пользы изъ нравственныхъ и физическихъ силъ, которыя онъ предоставилъ въ распоряженіе Гергарда Бременскаго. Когда въ 1238 г. онъ вмѣшался въ ссору жителей Витербо съ ихъ главою Альдобрандини, то онъ освободилъ подесту Сполето отъ даннаго имъ обѣта послужить святому дѣлу въ Палестинѣ и потребовалъ отъ него взамѣнъ этого службу противъ Витербо; въ то же время онъ щедро раздавалъ индульгенціи, какъ за походъ въ Св. Землю всѣмъ, кто становился подъ его знамя. Въ 1241 г. онъ прямо заявилъ, что интересы Церкви стоятъ выше интересовъ Палестины; это было какъ разъ въ то время, когда вслѣдствіе недостатка денегъ на продолженіе борьбы противъ Фридриха II онъ предписалъ предлагать крестоносцамъ или замѣнять ихъ обѣтъ деньгами, причемъ полныя индульгенціи сохранили свою силу, или обратить свое оружіе противъ Фридриха и принять участіе въ томъ крестовомъ походѣ, который Григорій велѣлъ проповѣдывать противъ императора. Иннокентій IV слѣдовалъ той же политикѣ, когда онъ въ лицѣ Вильгельма Голландскаго выдвинулъ соперника императору и велѣлъ въ 1248 г. проповѣдывать крестовый походъ, цѣлью котораго было захватить Аахенъ, обладаніе которымъ необходимо было для коронованія новаго императора; при этомъ случаѣ выкупали обѣты совершить походъ въ Палестину, а деньги отъ этой коммерческой операціи шли въ казну папы. Послѣ смерти Фридриха та же политика продолжалась и въ отношеніи его сына Конрада IV; всякій, кто выступалъ съ оружіемъ въ защиту его противъ Вильгельма Голландскаго, подвергался папской анаѳемѣ. Люди, защищая итальянскіе интересы папства, убивали другъ друга въ святыхъ войнахъ съ одного конца Европы до другого. Несчастный Арагонскій походъ, стоившій въ 1284 г. жизни Филиппу Смѣлому, былъ крестовымъ походомъ, который проповѣдывался по приказанію Мартина IV, чтобы поддержать Карла Анжуйскаго и наказать Петра III, виновнаго въ захватѣ Сициліи послѣ Сицилійской Вечерни [2]).

Когда были приведены въ систему законы противъ ереси и организована Инквизиція, то дѣла подобнаго рода, особенно въ Италіи, приняли болѣе правильную форму. Особенно значительную пользу извлекали папы изъ Св. Трибунала въ качествѣ итальянскихъ князей. Фридрихъ II долженъ былъ заплатить за свое коронованіе не только изданіемъ эдикта о преслѣдованіи, но и подтвержденіемъ дара графини Матильды. Папское честолюбіе, возбужденное такимъ образомъ, мечтало о господствѣ надъ цѣлой Италіей; путь къ этому, казалось, ему открылся смертью Фридриха въ 1250 г. и Конрада въ 1254 г. Когда исчезли ненавистные швабы, то можно было надѣяться на близкое объединеніе Италіи подъ тройной короною, и Иннокентій IV, передъ смертью въ декабрѣ 1254 г.,

[1]) Potthast, № 9777.—Hartzheim, III, 554.

Передавая объ этомъ дѣлѣ, одинъ современникъ, аббатъ Эмо Виттеверумъ, говорилъ: «Principalior causa fuit inobedientia, quae scelere idolatriae non est inferior» (Matthaei «Analecta» III, 142).

[2]) Epist. Select. Saec. XIII. T. I, №№ 720, 801.—Berger, «Registres d'Innocent IV», №№ 4181, 4265, 4269.—Ripoll, I, 219, 225.—Vaissete, IV, 46.

Библиотека "Руниверс"

имѣлъ высшее удовольствіе видѣть себя въ роли потентата Неаполя и считать себя самымъ могущественнымъ папою, когда-либо занимавшимъ престолъ св. Петра. Но сеньоры и общины не болѣе хотѣли подчиняться Иннокентіямъ и Александрамъ, чѣмъ Фридрихамъ, и буйныя партіи гвельфовъ и гибеллиновъ продолжали вести гражданскую войну въ самыхъ незначительныхъ мѣстностяхъ сѣверной и средней Италіи. Папская политика нашла неоцѣнимое преимущество въ возможности назначать во всякій сколько-нибудь крупный городъ инквизитора, преданность котораго Риму была внѣ сомнѣнія, личность котораго была неприкосновенна и который могъ всегда потребовать покорной помощи свѣтской власти, пустивъ въ ходъ въ случаѣ недостаточнаго повиновенія угрозу преслѣдованія за ересь. Подобный агентъ могъ бороться противъ подесты или епископа, и самое безпокойное и распущенное населеніе рѣдко рѣшалось навлечь на себя непріятности даже кратковременнымъ проявленіемъ насилія. Какъ мы уже знаемъ, статуты республикъ, подъ предлогомъ облегченія дѣла уничтоженія ереси, были измѣнены и приспособлены къ процвѣтанію новой организаціи, такъ что Святой Трибуналъ сдѣлался высшимъ выраженіемъ преданности нищенствующихъ орденовъ Святому Престолу. Послѣ всего сказаннаго легко понять значеніе буллъ Ad extirpanda, разсмотрѣнныхъ нами въ одной изъ предшествующихъ главъ.

Быть-можетъ, въ цѣляхъ использовать такимъ образомъ энергію обоихъ орденовъ, раздѣлили между ними Инквизицію на сѣверѣ и въ центрѣ Италіи, указавъ каждому изъ нихъ мѣсто дѣятельности; при этомъ, быть-можетъ, умышленно, доминиканцамъ, которыхъ обыкновенно считали болѣе строгими, чѣмъ ихъ противниковъ, дана была Ломбардія, которая была не только разсадницей ереси, но также сохраняла нѣкоторыя воспоминанія о былой независимости Амвросіанской Церкви и особенно легко поддавалась вліянію Германіи. Вскорѣ поняли, что для пораженія политическаго противника легче всего было обвинить его въ ереси; возбудить это обвиненіе было легче всего, снять же его было труднѣе всего: дѣйствительно, разъ трибуналъ желалъ осудить кого-нибудь, то совершенно невозможно было, каково бы ни было дѣло, снять съ себя обвиненіе. Когда судопроизводство примѣнялось, какъ политическое оружіе, то обвиняемому ничего не оставалось, какъ смириться или сопротивляться съ оружіемъ въ рукахъ. Кромѣ того, ни одно преступленіе по законамъ того времени не навлекало столь строгаго наказанія на потентата, поставленнаго внѣ всякаго другого закона. Наконецъ, судопроизводство Инквизиціи требовало, чтобы всякій, вызванный ею по подозрѣнію въ ереси, прежде всего смиренно поклялся повиноваться приказаніямъ Церкви и выполнить всякую епитимію, какую она найдетъ нужнымъ наложить на него, если ему не удастся снять съ себя всякое подозрѣніе. Такимъ образомъ, уже одинъ вызовъ политическаго врага на судъ Инквизиціи представлялъ ту огромную выгоду, что противникъ заранѣе обязывался подчиниться всему, что ему будетъ предписано. Если онъ отказывался явиться, то онъ подвергалъ себя обвиненію въ уклоненіи отъ суда и всѣмъ ужаснымъ послѣдствіямъ, какія влекло за собой это обвиненіе.

Были ли основанія къ обвиненію въ ереси серьезны или нѣтъ,—объ этомъ мало заботились. Среди сложныхъ интригъ и борьбы партій, которыя происходили и кипѣли во всякомъ итальянскомъ городѣ, легко можно было найти извиненія примѣненію инквизиціоннаго метода всякій разъ, когда это представлялось выгоднымъ. Благодаря теократической организаціи, основанной Гильдебрандомъ, еретическій характеръ простого неповиновенія, который до этого времени допускался скорѣе по смыслу, чѣмъ былъ формально выраженъ, былъ въ скоромъ времени строго формулированъ. Ѳома Аквинскій доказалъ, что сопротивленіе римской Церкви является ересью. Внося въ каноническій законъ буллу Unam Sanctam, Церковь приняла опредѣленіе Бонифація VIII: тотъ, кто сопротивляется власти, данной Богомъ Церкви, тотъ сопротивляется Богу, если только онъ не раздѣляетъ вѣрованія манихеевъ въ существованіе двухъ началъ, и этого достаточно для того, чтобы считать его еретикомъ. Если высшая духовная власть ошибается, то только одинъ Богъ

Библиотека "Руниверс"

можетъ судить ее; аппелировать на его рѣшенія на этомъ свѣтѣ некому. «Мы говоримъ, объявляемъ, провозглашаемъ и рѣшаемъ, что для спасенія всякаго человѣка необходимо подчиненіе римскому первосвященнику». Поэтому инквизиторы имѣли полное право установить, какъ законный принципъ, что неповиновеніе какому бы то ни было приказанію Св. Престола было ересью, равно какъ и всякая попытка отказать римской Церкви въ какой-нибудь привилегіи, какую она найдетъ нужнымъ потребовать. Выводомъ изъ этого принципа было признаніе за инквизиторами права начинать войну противъ еретиковъ и придавать ей характеръ крестоваго похода, предлагая участникамъ индульгенціи, какъ за освобожденіе Св. Земли. Вооруженная подобными прерогативами Инквизиція представляла изъ себя политическое оружіе, въ значеніи котораго нельзя сомнѣваться [1]).

Мы уже упоминали, при случаѣ, о примѣненіи этихъ методовъ противъ Эццелино да Романо и Уберто Паллавичино; мы уже видѣли, насколько оказались они дѣйствительными въ ту смутную эпоху анархіи, чтобы уничтожить этихъ страшныхъ вождей. Когда на сѣверѣ Европы проповѣдывали крестовый походъ противъ Эццелина, то его представляли народу, какъ могущественнаго еретика, преслѣдующаго вѣру. Но еще болѣе замѣчательнымъ примѣненіемъ этого принципа отмѣчена большая борьба, отъ которой зависѣло все будущее и которая на самомъ дѣлѣ должна была рѣшить судьбу всего полуострова. Гибель Манфреда была необходима для успѣха папской политики; въ теченіе многихъ лѣтъ Церковь искала по всей Европѣ борца за вѣру, котораго могло бы соблазнить обѣщаніе короны на землѣ и райскаго блаженства на томъ свѣтѣ. Въ 1255 г. Александръ IV уполномочилъ своего легата Рустана, епископа Болоньи, освободить Генриха III Англійскаго отъ обѣта совершить крестовый походъ, если онъ согласится направить свое оружіе противъ Манфреда; тронъ же Сициліи былъ предложенъ сыну Генриха, Эдмунду Ланкастерскому. Когда Рустанъ проповѣдывалъ крестовый походъ и предложилъ за участіе въ немъ тѣ же индульгенціи, какъ за походъ въ Св. Землю, то невѣжественные островитяне были чрезвычайно удивлены, узнавъ, что можно получить тѣ же отпущенія грѣховъ за пролитіе христіанской крови, какъ и за избіеніе невѣрныхъ. Они не понимали, что Манфредъ, врагъ папы, былъ уже тѣмъ самымъ еретикъ, и что гораздо важнѣе, какъ немного позднѣе объявилъ это Александръ Райнеріо Сакконе, защищать вѣру въ своей странѣ, чѣмъ сражаться за нее гдѣ-либо вдали. Когда въ 1264 г. Альфонсъ де Пуатье предполагалъ предпринять крестовый походъ, то Урбанъ IV убѣждалъ его измѣнить свое намѣреніе и напасть на Манфреда. Наконецъ, когда удалось вовлечь Карла Анжуйскаго въ борьбу за этотъ завидный призъ, то Церковь пустила въ ходъ всѣ пружины, чтобы доставить претенденту армію, и щедро расточалась сокровищница вѣчнаго спасенія. Тонкій законникъ Климентъ IV придалъ законную форму воззванію къ оружію въ дѣлѣ ереси. Въ тотъ самый моментъ, когда крестовый походъ уже начинался, онъ вызвалъ Манфреда на судъ, какъ подозрѣваемаго въ ереси. Отсрочка, данная обвиняемому, истекала 2 февраля 1266 г. Манфредъ былъ въ это время поглощенъ неотложными заботами и послалъ уполномоченныхъ, которые очистили бы его отъ этого обвиненія. Такъ какъ обвиняемый не явился лично, то Климентъ 21 февраля созвалъ консисторію, чтобы осудить Манфреда, какъ мятежнаго еретика, такъ какъ оправданіе, принесенное черезъ уполномоченныхъ, не имѣетъ силы; обвиняемый, говорили, ссылался на то, что врагъ былъ у дверей его, тогда какъ для того, чтобы отвратить нападеніе,

---

[1]) Th. Aquinat. «Sec. Sec.» Q. 11, №№ 2—3.—C. 1, Extrav. Commun. I, 8.—Zanchini «Tract. de Haeret.» c. II, XXXVII.

Полученіе Инквизиціей суда надъ поддѣлывателями папскихъ буллъ было, по всей вѣроятности, какъ бы исхожденіемъ святой власти Апостольской Каѳедры. Мы знаемъ, что этотъ промыселъ былъ однимъ изъ неизбѣжныхъ слѣдствій римской автократіи. Amati опубликовалъ въ «Archivio Storico Italiano» (№ 38, стр. 6) граматы отъ 1297 года, предоставляющія полномочіе бр. Гримальдо да Прато, инквизитору Тосканы, дѣйствовать въ подобномъ случаѣ.

Библиотека "Руниверс"

ему достаточно было покинуть свое королевство! Такъ какъ черезъ пять дней, 26 февраля, Манфредъ погибъ въ несчастной битвѣ подъ Беневентомъ, то законное дѣлопроизводство не имѣло никакого вліянія на конечный результатъ; но оно ясно показываетъ, съ какою ревностью Римъ примѣнялъ къ своимъ политическимъ противникамъ законы, изданные имъ противъ ереси [1]).

Императорская власть совершенно упала въ Италіи. Когда Анжуйскій домъ занялъ Неаполитанскій престолъ и Великое Междуцарствіе и его послѣдствія довели имперію до полнаго безсилія, папы могли свободно примѣнять наказанія, карающія ересь, для удовлетворенія своей личной ненависти или для расширенія своихъ владѣній. Какъ они пользовались этимъ оружіемъ для достиженія перваго, прекрасно видно на ссорѣ Бонифація VIII съ Колоннами: онъ осудилъ ихъ, какъ еретиковъ, изгналъ изъ Италіи весь ихъ родъ, дворцы котораго разрушилъ, а имущество захватилъ въ свои руки. Правда, когда Шіарра Колонна доказалъ свою вѣрность католичеству, арестовавъ Бонифація въ Ананьи и сдѣлавшись причиною его смерти, то Бенедиктъ XI поторопился отмѣнить приговоръ, сохранивъ, впрочемъ, въ силѣ конфискацію [2]). Что касается способа примѣненія этого принципа для увеличенія свѣтской власти папы, то прекрасный примѣръ этого даетъ намъ попытка Климента V захватить Феррару. Въ 1308 г. умеръ маркизъ Аццо д'Эсте, не оставивъ прямыхъ наслѣдниковъ. Епископомъ Феррары былъ братъ Гвидо Мальтраверсо, который нѣкогда сжегъ, въ качествѣ инквизитора, кости Арманно Пондживуно. Этотъ прелатъ тотчасъ началъ интриговать, чтобы обезпечить обладаніе этимъ городомъ за Св. Престоломъ, который предъявилъ какія-то неопредѣленныя притязанія, основанныя на пожертвованіяхъ Карла Великаго. Климентъ V жадно ухватился за представившійся случай. Онъ объявилъ, что права Церкви не подлежатъ спору; онъ сожалѣлъ, что феррарцы такъ долго не знали кроткаго церковнаго правленія и были подчинены людямъ, разорившимъ ихъ. Было два претендента: Франчиско, братъ Аццо, и незаконный сынъ покойнаго маркиза Фриско. Феррарцы не желали ни того, ни другого; они проявили также глубокое презрѣніе къ благодѣяніямъ, обѣщаннымъ Климентомъ, и объявили республику. Фриско обратился за помощью къ венеціанцамъ, а Франчиско искалъ поддержки у Церкви. Фриско захватилъ правленіе, но бѣжалъ, когда прибылъ Франчиско, сопровождаемый папскимъ легатомъ Арнольдомъ ди Пелагруа, вступившимъ въ управленіе городомъ. Франчиско, по замѣчанію современнаго лѣтописца, нечего было удивляться этому, такъ какъ хищническія наклонности духовенства были извѣстны всѣмъ; но Фриско при помощи венеціанцевъ вернулъ свою власть, и въ декабрѣ 1308 г. былъ заключенъ миръ. Для несчастныхъ гражданъ это было только начало борьбы. Въ 1309 г. Климентъ объявилъ крестовый походъ противъ венеціанцевъ. 7 марта онъ издалъ буллу, предававшую Венецію интердикту, а всѣ ея имущества конфискаціи; дожъ, сенатъ и всѣ синьоры республики были отлучены отъ Церкви, а венеціанцы по всему свѣту отдавались въ рабство. Такъ какъ суда республики посѣщали всѣ торговые города, то по всему христіанскому міру много венеціанскихъ куп-

---

[1]) Th. Cantimpratens. «Bonum universale», lib. II, c. 2.—Matt. Paris, ann. 1255, (стр. 614).—Ripoll, I, 326.—Raynald. ann. 1264, № 14.—Arch. de l'Inquis. de Carcassonne (Doat, XXXII, 27).

Климентъ IV (Гюи. Фукуа) считался однимъ изъ лучшихъ юристовъ своего времени, но въ своемъ суровомъ примѣненіи закона противъ Манфреда онъ не встрѣтилъ единодушной поддержки кардиналовъ. 20-го февраля онъ писалъ кардиналу Св. Мартина, своему легату въ Анконской Маркѣ, спрашивая его мнѣнія по этому вопросу. Манфредъ и Гумбертъ Палавичино были оба вызваны на судъ по обвиненію въ ереси. Манфредъ послалъ своихъ уполномоченныхъ, которые сняли бы съ него это обвиненіе; но Гумбертъ, не обратившій никакого вниманія на вызовъ, былъ мятежнымъ еретикомъ. Поэтому никто не выступилъ противъ обвиненія послѣдняго; но нѣкоторые кардиналы считали благоразумнымъ оправдать Манфреда, допустившаго врага до своихъ воротъ, хотя онъ могъ бы, уступивъ все, отвратить нападеніе.—Clement. PP. IV Epist. 232 (Martène, «Thesaur.» II, 279).

[2]) C. 1, Sexto V, 3.—C. 1. Extravag. Commun. V, 4.

Библиотека "Руниверс"

цовъ было обращено въ рабство. Легатъ усиленно проповѣдывалъ крестовый походъ, и епископы со всей страны собрались въ Болоньѣ со всѣми войсками, которыя удалось имъ поднять. Чтобы получить индульгенцію, вѣрные толпами вступали въ ряды крестоносцевъ. Одна Болонья доставила 8000 человѣкъ, такъ что легатъ оказался во главѣ значительной арміи. Послѣ ожесточенной битвы венеціанцы потерпѣли пораженіе; рѣзня была такова, что для избѣжанія чумы легатъ предложилъ индульгенцію всякому, кто предастъ землѣ трупъ; въ По потонуло такъ много бѣглецовъ, что вода испортилась и ее нельзя было пить. Легатъ велѣлъ выколоть глаза всѣмъ плѣнникамъ и отправилъ ихъ въ Венецію; при вступленіи въ городъ онъ приказалъ повѣсить множество сторонниковъ Фриско. Онъ назначилъ отъ имени Церкви правителя, вернулся въ Авиньонъ и былъ щедро награжденъ за услуги, оказанныя имъ святому дѣлу; феррарцевъ же Климентъ, посылая имъ помазаніе Божіе, поздравлялъ съ возвращеніемъ въ кроткое лоно Церкви и заявлялъ, что никто не могъ представить себѣ безъ скорби и слезъ ихъ несчастнаго и печальнаго положенія подъ властью ихъ наслѣдственныхъ повелителей. Однако, этотъ неблагодарный народъ, не терпящій иноземнаго господства, поднялся въ 1310 г. и вырѣзалъ сторонниковъ папы; тогда легатъ снова пришелъ съ арміей болонцевъ, снова захватилъ городъ и повѣсилъ мятежниковъ за исключеніемъ одного, откупившагося золотомъ. Снова вспыхнули безпорядки, сопровождавшіеся кровавымъ усмиреніемъ и страшными жестокостями съ обѣихъ сторонъ, пока наконецъ въ 1314 г. Климентъ, утомленный побѣдою, не уступилъ города Санчѣ, супругѣ Роберта Неаполитанскаго. Гасконскій гарнизонъ возбудилъ противъ себя ненависть населенія, которое въ 1317 г. призвало на помощь себѣ сына Франчиско, Аццо. Послѣ безнадежной защиты гасконцы сдались на условіи, что имъ будетъ оставлена жизнь; но нельзя было сдержать ярость населенія, и всѣ они до послѣдняго были перебиты. Этотъ краткій эпизодъ изъ исторіи итальянскаго города даетъ намъ поучительный примѣръ папскаго честолюбія, пользовавшагося возможностью обвинять противниковъ, какъ еретиковъ, и поднимать по своему желанію цѣлыя арміи на защиту вѣры [1]).

Іоаннъ XXII былъ не такимъ человѣкомъ, который упустилъ бы случай примѣнить духовное оружіе; мы уже видѣли, какъ воспользовался онъ обвиненіемъ въ ереси въ своей смертельной борьбѣ съ Людовикомъ Баварскимъ. Еще болѣе характерно отношеніе его къ миланскимъ Висконти. Первою мыслью его по восшествіи въ августѣ 1316 г. на папскій престолъ было захватить въ свои руки верховное господство надъ всей Италіей и отодвинуть Имперію по ту сторону Альпъ. Споръ по поводу избранія между Людовикомъ Баварскимъ и Фридрихомъ Австрійскимъ давалъ ему, повидимому, прекрасный случай добиться осуществленія своихъ завѣтныхъ мечтаній. Въ первыхъ числахъ декабря онъ послалъ Тулузскаго инквизитора Бернара Ги и францисканскаго инквизитора Аквитаніи Бертрана въ качествѣ своихъ нунціевъ; но ни гвельфы, ни гибеллины не были располо-

---

[1]) Barbarano de'Mironi, «Hist. Eccles. di Vicenza», II, 153—4.—Regest. Clement. PP. V. T. III, 354 и слѣд.; T. IV, 426 и слѣд., 459 и слѣд.; T. V, 412 (edit. Benedictina, Romae, 1886—7).—Chron. Estense, ann. 1309—17 (Muratori, «S. R. I.» XV, 364—82).—Ferreti Vincentini «Hist.» lib. III (Ibidem, IX, 1037—71).—Cronica di Bologna, ann. 1309, 1310 (Ibid. XVIII, 320—21).—Campi, «Dell'Histor. Eccles. di Ferrara», P. III, 40.

Даже благочестивый и мудрый Муратори не можетъ удержаться, чтобы не отозваться о буллѣ Климента противъ венеціанъ, какъ о «la pia terribile ed ingiusta bolla che si sia mai udita» («Annal.» ann. 1309). Мы уже видѣли, по поводу Флоренціи, какую власть давали эти мѣры папству надъ торговыми республиками Италіи. Когда въ 1281 году Мартинъ IV поссорился съ городомъ Форли и отлучилъ его отъ Церкви, онъ приказалъ, подъ страхомъ отлученія отъ Церкви, не снимаемаго даже вслѣдствіе смерти, чтобы всякій, кто долженъ деньги гражданамъ, заявилъ объ этомъ и уплатилъ долгъ его представителямъ. Такимъ образомъ онъ собралъ нѣсколько тысячъ ливровъ, принадлежавшихъ его врагамъ.—Chron. Parmens. ann. 1281 (Muratori «S. R. I.» IX, 797).

Библиотека "Руниверс"

жены идти навстрѣчу желаніямъ папы; безпорядки въ Феррарѣ, еще не совсѣмъ окончившіеся, угрожали спокойствію въ будущемъ. Среди наиболѣе упорствующихъ были три вождя ломбардскихъ гибеллиновъ: Маттео Висконти, называемый Великимъ, управлявшій большею частью страны и сохранявшій еще данный ему Генрихомъ VII вице-императорскій титулъ, Кане делла Скала, сеньоръ Вероны, и Пассеринo, сиьоръ Мантуи. Всѣ эти сиьоры приняли посланныхъ святого отца со всѣми почестями, которыя имъ полагались, но нашли отговорки, чтобы уклониться отъ исполненія папскихъ указовъ. Въ мартѣ 1317 г. Іоаннъ издалъ буллу, въ которой объявлялъ, что послѣ смерти Генриха всѣ императорскія назначенія потеряли силу, что до тѣхъ поръ, пока преемникъ покойнаго императора не получитъ папскаго утвержденія, управленіе имперіей переходитъ къ Св. Престолу и всякій, кто будетъ пользоваться своею властью безъ его согласія, становится виновнымъ въ измѣнѣ Церкви. Разрывъ между высокомѣрнымъ папою и неуступчивыми гибеллинами былъ неизбѣженъ. Въ планъ нашей работы не входитъ подробное разсмотрѣніе политической интриги и хода кампаніи, которая открылась вслѣдъ за этимъ, и успѣхъ въ которой явно былъ на сторонѣ гибеллиновъ. 6 апрѣля 1318 г. вышла булла, объявлявшая объ отлученіи отъ Церкви Маттео, Кане, Пассеринo и всякаго, кто не будетъ повиноваться. Эта мѣра сопровождалась формальными предостереженіями и вызовами въ судъ по обвиненію въ ереси; главнымъ образомъ преслѣдованіе было направлено противъ Маттео и его сыновей. Не трудно было найти нужныя данныя, чтобы создать обвиненія; данныя эти были доставлены Бонифаціемъ ди Фарра, Лоренцо Галлини и другими миланскими перебѣжчиками, явившимися къ папскому двору. Висконти были обвинены въ отступленіяхъ отъ вѣры, въ частности въ вопросѣ о воскресеніи; они, говорили, обожаютъ діавола, съ которымъ заключили договоръ; они покровительствовали Гильельмѣ; они покровительствуютъ еретикамъ и мѣшаютъ Инквизиціи; они грабили Церкви и насиловали монахинь и убивали священниковъ. Висконти не явились на судъ и были осуждены заочно, какъ еретики. Маттео созвалъ на совѣщаніе гибеллинскихъ вождей въ Сончино; на этомъ сосѣщаніи поступокъ папы былъ признанъ попыткой поддержать умирающее дѣло гвельфовъ. Была образована лига гибеллиновъ, начальникомъ войскъ которой былъ сдѣланъ Кане Гранде делла Скала. Въ отвѣтъ на это Іоаннъ пригласилъ себѣ на помощь Францію, назначилъ Филиппа Валуа вице-императоромъ и вызвалъ, оставшееся безрезультатнымъ, французское вторженіе. Тогда онъ послалъ своего сына или племянника кардинала Бертранда де Пуайе, въ качествѣ легата, съ титуломъ «умиротворителя», во главѣ арміи крестоносцевъ, собранной благодаря щедрой раздачѣ индульгенцій. По выраженію Петрарки, онъ напалъ на Миланъ, какъ будто это былъ городъ невѣрныхъ, Мемфисъ или Дамаскъ, и жестокій Пуайе, достойный сынъ Іоанна, явился тамъ не какъ апостолъ, а какъ разбойникъ. Послѣдовала опустошительная война; армія папы не имѣла большого успѣха; но мечъ духовный былъ болѣе счастливъ. 26 мая 1321 г. осужденіе было торжественно провозглашено въ церкви св. Стефана въ Басеньяно, а 14 марта 1322 г. повторено инквизиторами въ Валенцѣ [1]).

Какъ ни странно это можетъ показаться, но эта процедура имѣла рѣшительное вліяніе на общественное мнѣніе. Правда, когда въ XVII в. Паоло Сарпи, упоминая объ этихъ событіяхъ, заявилъ, что единственнымъ преступленіемъ Маттео была его вѣрность

---

[1]) Preger, «Die Politik des Pabstes Johann XXII», Мюнхенъ, 1885, стр. 6—10, 21.—Petrarchi «Lib. Sive Titulo» Epist. XVIII.—Raynald. ann. 1317, № 27; ann. 1320, №№ 10—14; ann. 1322, №№ 6—8, 11.—Bernard. Corio, «Hist. Milanese», ann. 1318, 1320, 1321, 1322.

Булла Іоанна XXII отъ 28-го января 1322 г., приказывая продажу индульгенцій въ пользу крестоваго похода кардинала Бертана, какъ на поводъ къ нападенію, ссылается на ересь Висконти и на его отказъ повиноваться вызовамъ въ судъ.—Regest. Clem. PP. V, Romae, 1885, T. I. Prolegom. стр. CXCVIII.

Библиотека "Руниверс"

Людовику Баварскому, то кардиналъ Альбиціо, признавая это, подтвердилъ, что всякій, кто держалъ сторону императора схизматика или еретика, или не обращалъ вниманія на духовныя наказанія Церкви, становился подозрѣваемымъ въ ереси и формально дѣлался еретикомъ. Но въ ту эпоху, которою мы занимаемся, думали иначе, и Іоаннъ понималъ, что нужно что-либо болѣе серьезное, чѣмъ чисто формальное обвиненіе въ ереси. Продолжатель Нангіанской хроники, вѣрно отражающій народный взглядъ, смотритъ на грѣхи Маттео и его сыновей, какъ они перечислены въ приговорѣ папы, какъ на новую, только что народившуюся въ Ломбардіи, ересь; въ его глазахъ военный походъ, предпринятый папою, былъ настоящимъ крестовымъ походомъ, цѣлью котораго было уничтоженіе этой ереси. Хотя это мнѣніе высказано французомъ, но оно не было исключительно французскимъ. Въ Ломбардіи друзья Маттео пали духомъ, а враги его подняли голову. Вскорѣ въ Миланѣ образовалась партія сторонниковъ мира; открыто задавались вопросомъ, слѣдуетъ ли принести въ жертву цѣлую страну ради спасенія одного человѣка. Хотя Маттео удалось привлечь на свою сторону Фридриха Австрійскаго, на поддержку котораго деньгами и оружіемъ разсчитывалъ Іоаннъ, положеніе становилось невыносимымъ даже и для такого твердаго человѣка, какъ Висконти. Здѣсь, быть можетъ, не лишнее замѣтить, что старый гиллельмитъ Франческо Гарбаньяте, сношенія котораго съ Маттео послужили однимъ изъ доказательствъ ереси послѣдняго, много содѣйствовалъ подавленію возстанія, такъ какъ Маттео отказалъ ему въ должности начальника Миланской милиціи. Маттео послалъ спросить легата объ его условіяхъ; отвѣтомъ было требованіе полнаго отреченія. Онъ обратился за совѣтомъ къ гражданамъ, и всѣ дали понять ему, что Миланъ ради него не намѣренъ подвергнуться разрушенію. Онъ уступилъ; быть можетъ, его упорство ослабло съ годами, такъ какъ ему было въ это время уже 72 года; онъ отрекся отъ власти и передалъ ее своему сыну Галеаццо, съ которымъ былъ въ ссорѣ, сожалѣя, что его несогласіе съ Церковью вооружило противъ него его согражданъ. Съ этого времени онъ посвятилъ свой досугъ хожденію по церквамъ. Въ Кіессѣ Маджіоре онъ собралъ духовенство, громко прочелъ Символъ Вѣры, заявилъ, что вѣра его всегда была такова, и что всякое противное утвержденіе—клевета; затѣмъ велѣлъ записать и обнародовать это свое заявленіе, а самъ какъ сумасшедшій побѣжалъ въ Монцу въ церковь Іоанна Крестителя, гдѣ съ нимъ сдѣлалось дурно. Перенесенный въ монастырь Кресконзаго, онъ умеръ черезъ три дня, 27 іюня, и былъ брошенъ въ не освященную могилу. Церковь могла гордиться, что разбила душу самаго великаго итальянца своего времени [1])!

Висконти второго поколѣнія, Галеаццо, Луккино, Марко, Джованни и Стефано, были менѣе впечатлительны и быстро собрали гибеллиновъ, которые, казалось, уже разсѣялись. Чтобы нанести имъ послѣдній ударъ, папа 23 декабря 1322 г. приказалъ Миланскому архіепископу Айкардо и Инквизиціи напасть на память Маттео. 13 января 1323 г. Айкардо и три инквизитора, Паче да Ведано, Джордано да Монтекуччо и Гонесто да Павія, сидя въ безопасности въ Асти, послали Маттео вызовъ явиться 25 февраля въ церковь Св. Маріи въ Борго, близъ Алессандріи, чтобы быть допрошеннымъ и судимымъ лично или заочно; вызовъ былъ прибитъ къ входнымъ дверямъ церкви Св. Маріи и каѳедральнаго собора въ Алессандріи. Въ назначенный день судьи явились; но ихъ напугала военная демонстрація Марко Висконти, нанесшая большой ущербъ вѣрѣ и создавшая препятствія Инквизиціи. Инквизиторы перебрались въ болѣе спокойный округъ Валенцы, выслушали свидѣтелей, собрали показанія и 14 марта осудили Маттео, какъ мятежнаго и закоснѣлаго еретика. Онъ обкладывалъ церкви налогами и силою взыскивалъ ихъ; онъ силою поставлялъ своихъ любимцевъ во главѣ монастырей, а своихъ наложницъ дѣлалъ настоятельницами женскихъ

[1]) Sarpi, «Discorso», 25 (изд. Helmstadt).—Albizio, «Risposto al P. Paolo Sarpi», 75.—Continuat. Guill. Nangiac. ann. 1317.—Bern. Corio, ann. 1322.—Regest. Johann. PP. XXII, №№ 89 93, 94, 9› (Harduin, VII, 1432).

Библиотека "Руниверс"

общинъ; онъ заключалъ въ тюрьму и подвергалъ пыткѣ лицъ духовнаго званія, одни изъ которыхъ умерли въ тюрьмѣ, между тѣмъ какъ другіе продолжаютъ еще тамъ томиться; онъ изгонялъ прелатовъ и захватывалъ ихъ земли; онъ захватывалъ деньги, пересылавшіяся въ папскую канцелярію, и даже суммы, собранныя для Св. Земли; онъ перехватывалъ и вскрывалъ переписку папы съ легатами; онъ напалъ на крестоносцевъ, собравшихся въ Миланѣ для похода въ Св. Землю, и перебилъ ихъ; онъ съ пренебреженіемъ смотрѣлъ на отлученіе отъ Церкви, показывая этимъ свои заблужденія въ вѣрѣ по вопросу о таинствахъ и власти ключей; онъ выступилъ противъ соблюденія интердикта, которому подвергся Миланъ; онъ мѣшалъ прелатамъ имѣть собранія и посѣщать епархіи, покровительствуя такимъ образомъ ереси и соблазну; его огромныя преступленія показывали, что онъ былъ еретическимъ отпрыскомъ, такъ какъ предки его были подозрѣваемы въ ереси и нѣкоторые изъ нихъ были даже сожжены; его агентами и довѣренными были такіе еретики, какъ Франческо Гарбаньяте, осужденный на ношеніе крестовъ; онъ изгналъ Инквизицію изъ Флоренціи и въ теченіе многихъ лѣтъ мѣшалъ ея дѣятельности; онъ выступалъ защитникомъ Майфреды, которая была сожжена; онъ призывалъ демоновъ и спрашивалъ у нихъ совѣтовъ и предсказаній; онъ отрицалъ воскресеніе плоти; онъ болѣе трехъ лѣтъ оставался подъ папскимъ отлученіемъ отъ Церкви, а когда его вызвали для разслѣдованія его вѣры, то онъ не явился. Въ виду всего этого онъ былъ осужденъ, какъ мятежный еретикъ; всѣ земли его были объявлены подлежащими конфискаціи; самъ онъ онъ былъ лишенъ всѣхъ почестей, должностей, званій и признанъ заслуживающимъ наказаній, полагающихся за ересь; онъ самъ подлежалъ аресту, а дѣти и внуки обычному ограниченію въ правахъ [1]).

Эта любопытная цѣпь обвиненій стоила того, чтобы воспроизвести ее, такъ какъ она показываетъ, что считали ересью у противника свѣтской власти папства. Самыя простыя оборонительныя дѣйствія противъ дѣйствительнаго врага разсматривались какъ серьезныя проявленія ереси и влекли за собой примѣненіе ужасныхъ наказаній, предписанныхъ за отступленія отъ вѣры. Однако, этотъ страшный приговоръ не имѣлъ никакихъ политическихъ результатовъ. Галеаццо продолжалъ кампанію и въ февралѣ 1324 г. нанесъ папскимъ войскамъ полное пораженіе: кардиналъ-легатъ съ великимъ трудомъ спасся бѣгствомъ, а его генералъ Раймундъ ди Кардона былъ приведенъ плѣнникомъ въ Миланъ Надо было новыми средствами возбудить ревность вѣрныхъ; 23 марта Іоаннъ издалъ буллу, осуждавшую Маттео и его пять сыновей и повторявшую большую часть преступленій, приведенныхъ въ инквизиціонномъ приговорѣ. Однако, всѣ эти обвиненія были такъ мало основательны, что папа выпустилъ одно изъ самыхъ крупныхъ—почитаніе демона—и поставилъ въ вину Маттео не то, что онъ защищалъ Майфреду, а то, что онъ вступился за Галеаццо, который былъ признанъ старымъ гильельмитомъ. Кончается булла обѣщаніемъ индульгенцій, какъ за походъ въ Св. Землю, всѣмъ, кто выступитъ противъ Висконти. 12 апрѣля вышла другая булла, напоминавшая, что сыновья Маттео были законнымъ образомъ признаны еретиками и, какъ таковые, осуждены компетентными судьями; несмотря на это клеймо, упомянутые еретики нашли себѣ подержку противъ арміи вѣрныхъ католиковъ у Бертольда Ниффенскаго, называвшагося вице-императоромъ Ломбардіи, и у разныхъ другихъ представителей Людовика Баварскаго. Этимъ лицамъ было предложено въ двухмѣсячный срокъ сложить съ себя обязанности и выказать повиновеніе, а до этого времени они, какъ покровители еретиковъ, были признаны подлежащими отлученію отъ Церкви и всѣмъ наказаніямъ какъ духовнымъ, такъ и свѣтскимъ, связаннымъ съ этимъ преступленіемъ [2]).

Нѣтъ надобности слѣдить подробно за этой позабытой ссорой; но слѣдуетъ отмѣтить, что дѣло Висконти не представляетъ изъ себя ничего исключительнаго, такъ какъ Іоаннъ

[1]) Ughelli, «Italia Sacra», V, 286—93 (изд. 1652 г.).

[2]) Raynald. ann. 1324, №№ 7—12.—Martène, «Thesaur.» II, 754—6.

Библиотека "Руниверс"

пользовался этими же средствами въ борьбѣ со всѣми противниками его честолюбивыхъ замысловъ. Инквизиторъ Флоренціи Аккурсіо подобнымъ же образомъ преслѣдовалъ Каструччьо Луккскаго, признаннаго покровителемъ еретиковъ; инквизиторы Анконской Марки осудили епископа Ареццо Гвидона Маланьери и еще другихъ гибеллиновъ за то, что они служили Людовику Баварскому. Инквизитору Романіи, брату Ламберто дель Кордильо, было приказано употребить всѣ свои усилія, чтобы наказать находящихся въ его области враговъ Церкви. Въ своемъ воззваніи отъ 1324 г. Людовикъ Баварскій заявляетъ, что подобныя же преслѣдованія были начаты и были произнесены осужденія за ересь въ отношеніи Кане делла Скала, Пассерино, маркизовъ Монферрата, Салючій, Чева и другихъ, въ отношеніи жителей Генуи и Лукки, въ отношеніи городовъ Милана, Комо, Бергама, Кремоны, Верчейля, Трино, Вайлате, Піаченцы, Пармы, Брешіи, Алессандріи, Тортоны, Альбенги, Пизы, Аретино и др. Образцомъ трудовъ бр. Ламберто можетъ служить приговоръ, вынесенный имъ 28 февраля 1328 г. противъ Бернардино, графа Коны. Онъ предъ этимъ осудилъ, какъ еретика Райнальдо и Оппицо д'Эсте; несмотря на это, Бернардино посѣтилъ обоихъ осужденныхъ въ Феррарѣ, ѣлъ и пилъ въ ихъ обществѣ и даже, говорили, заключилъ съ ними соглашеніе. Вызванный Ламберто явиться предъ Инквизиціей, чтобы дать отвѣтъ въ своихъ преступленіяхъ, Бернардино покорно явился, признался въ посѣщеніи отлученныхъ и въ ѣдѣ съ ними, но отрицалъ фактъ заключенія союза. Ламберто занялся собираніемъ свидѣтельскихъ показаній, созвалъ собраніе экспертовъ и въ законной формѣ объявилъ Бернардино покровителемъ еретиковъ, присудилъ его, какъ такового, къ лишенію поста и званія рыцаря и призналъ его не имѣющимъ права занимать какую бы то ни было должность; имущество его было конфисковано въ пользу Церкви; а самого его слѣдовало арестовать и выдать или кардиналу-легату Бертрану, или Инквизиціи; его потомки въ двухъ поколѣніяхъ лишались права на занятіе какой бы то ни было должности или бенефиціи. Это преслѣдованіе, само собой разумѣется, было предпринято ad majorem Dei gloriam, и если въ 1326 г. Іоаннъ просилъ духовенство Ирландіи прислать ему денегъ, то это дѣлалось, по его словамъ, для того, чтобы защищать вѣру отъ еретиковъ въ Италіи. Однако, Святой престолъ нисколько не задумывался, если представлялся благопріятный случай, признавать, что, отправляя такимъ образомъ враговъ своихъ въ адъ, онъ только безчестилъ власть, которая, въ случаѣ надобности, позволяла ему открывать имъ путь въ небо. Когда Висконти примирился съ папствомъ, то Луккино, желавшій похоронить своего отца по христіанскому обряду, просилъ въ 1337 г. Бенедикта XII возобновить процессъ. Вслѣдствіе этого въ февралѣ мѣсяцѣ того же года Бенедиктъ написалъ Паче да Ведано, получившему за свою плодотворную дѣятельность противъ гражданъ Милана, Новары, Бергамо, Кремоны, Комо, Верчейля и другихъ мѣстностей епископскую каѳедру въ Тріестѣ, и просилъ его къ Троицыному дню сообщить ему всѣ документы этого дѣла. Благодаря политическимъ превратностямъ эпохи дѣло затянулось; наконецъ, въ маѣ 1341 г. Бенедиктъ объявилъ, нисколько не краснѣя, что все дѣлопроизводство велось неправильно и несправедливо, а потому оно не имѣетъ никакого значенія. Тѣмъ не менѣе, тотъ же пріемъ былъ употребленъ противъ Бернабо Висконти; послѣдній былъ вызванъ Иннокентіемъ VI явиться 1 марта 1363 г. въ Авиньонъ, чтобы дать отвѣтъ по обвиненію въ ереси, но онъ послалъ вмѣсто себя уполномоченнаго. Тотчасъ Урбанъ V осудилъ его 3 марта и велѣлъ проповѣдывать противъ него крестовый походъ. Въ 1364 г. съ мятежникомъ былъ заключенъ миръ; но безконечная ссора снова вспыхнула въ 1372 г.; Бернабо былъ отлученъ отъ Церкви Григоріемъ XI и вызванъ въ январѣ 1373 г. выступить 28марта въ новомъ дѣлѣ по обвиненію въ ереси [1]).

[1]) Martène, «Thesaur.» II, 743—45.—Wadding. ann. 1324, № 28; ann. 1326, № 8; ann. 1327, № 2.—Ripoll, II, 172; VII, 60.—Regest. Clement. PP. V. Romae 1885, T. I. Prolegom. стр. CCXIII.—Theiner, «Monumenta Hibern. et Scotor.», № 462, стр. 234.—C. 4, Septimo V, 3.—Mag. Bull.

Библиотека "Руниверс"

Легче всего было обвинить въ ереси и Кола ди Ріенцо, когда онъ не пощадилъ даже верховнаго владычества папы надъ Римомъ. Такъ какъ онъ не послушался вызововъ на судъ, то его отлучили отъ Церкви, какъ мятежника; епископъ Сполето, легатъ Джованни, началъ розыскъ о немъ, и въ 1350 г. Ріенцо былъ оффиціально объявленъ еретикомъ. Приговоръ этотъ былъ пересланъ Карлу IV, который нѣкоторое время держалъ осужденнаго въ Прагѣ въ качествѣ плѣнника, а затѣмъ, какъ и слѣдовало, отослалъ его въ Авиньонъ. Уже послѣ перваго допроса Ріенцо былъ осужденъ на смерть; но онъ былъ воссоединенъ съ Церковью: увидѣли, что изъ его упрямства можно извлечь пользу и поэтому его, въ концѣ концовъ, объявили добрымъ католикомъ и отправили въ Римъ въ сопровожденіи легата [1]).

Исторія фамиліи Маффреди изъ Фаенцы весьма похожа на исторію семейства Висконти. Въ 1345 г. они пользовались полнымъ расположеніемъ папы Климента VI. Затѣмъ, въ 1350 г. они помѣшали политикѣ папы, который стремился увеличить свое могущество въ Романіи. Они были вызваны на судъ по обвиненію въ ереси, не явились и были за это въ іюлѣ 1352 г. заочно отлучены отъ Церкви. Въ іюнѣ 1354 г. Иннокентій VI, напоминая объ ихъ упорномъ пренебреженіи къ отлученію отъ Церкви, назначилъ имъ 10 октября послѣднимъ срокомъ явки. Въ назначенный день онъ осудилъ ихъ, какъ мятежныхъ еретиковъ, объявляя ихъ лишенными всѣхъ земель и почестей и подлежащими каноническимъ и гражданскимъ наказаніямъ, полагающимся за ересь. Но легче было произнести приговоръ, чѣмъ привести его въ исполненіе, и въ 1356 г. Иннокентій прибѣгъ къ помощи короля Венгріи Людовика, проявившаго свое рвеніе къ католической вѣрѣ въ борьбѣ противъ катаровъ Босніи. Папа предложилъ Людовику десятинный налогъ за три года со всѣхъ церквей Венгріи, если онъ согласится стереть съ лица земли этихъ дѣтей мрака Маффреди, осужденныхъ, какъ еретики, и другихъ противниковъ Церкви, а именно, Орделаффи Фріульскихъ. Кромѣ того, патріарху Градо Фонтанеріо было поручено проповѣдывать крестовый походъ противъ виновныхъ и ему удалось собрать войско, во главѣ котораго сталъ Малатеста де Римини. Появленіе сорока тысячъ венгровъ въ предѣлахъ Тревизанской Марки повергло въ ужасъ всю Италію. Маффреди не устояли, и въ томъ же году Иннокентій приказалъ простить ихъ и воссоединить съ Церковью. Впрочемъ, не одинъ только папа пользовался обвиненіемъ въ ереси, какъ могущественнымъ оружіемъ противъ своихъ политическихъ соперниковъ. Въ 1349 г. Гильельмо III, епископъ Кіети, осудилъ, какъ еретика, одного изъ своихъ вассаловъ Франческо ди Торре, поднявшаго противъ него войну и прогнавшаго его съ епископской каѳедры [2]).

Rom. I, 201.—Baluz. et Mansi, III, 227.—Ughelli, IV, 294—5, 314.—Raynald ann. 1362, № 13; ann. 1363, №№ 2, 4; ann. 1372, № 1; ann. 1373, №№ 10, 12.

Несмотря на рѣшеніе Бенедикта, Маттео и его сыновья, Галеаццо, Марко и Стефано, не были еще погребены по христіанскому обряду въ 1353 году, послѣдній изъ сыновей Джованни попытался тогда еще одинъ разъ добиться для нихъ погребенія на освященной землѣ.—Raynald. ann. 1353, № 28.

[1]) Raynald. ann. 1348, № 14; ann. 1350, № 5.—Muratori, «Antiq.» VII, 884, 928—32.

[2]) Werunsky, «Excerpta ex Regist. Clement. VI et Innoc. VI» 37, 74, 87, 101.—Wadding. ann. 1356, №№ 7, 20.—Raynald. ann. 1356, № 33.—Ughelli, «Italia Sacra», VI, 925 (изд. 1659 г).

Это злоупотребленіе—заставлять духовную власть служить цѣлямъ расширенія территоріи—не ускользнуло отъ ѣдкой сатиры Эразма. Онъ рисуетъ «эту ужасную громовую стрѣлу, которая, по мановенію главы господина, посылаетъ въ нѣдра ада души смертныхъ, и которую намѣстники Христа съ особой яростью мечутъ на тѣхъ, кто, по наущенію демона, старается оторвать кусочки отъ Области св. Петра. Этимъ именно называютъ они земли и доходы, на защиту которыхъ они ведутъ борьбу огнемъ и мечемъ и проливаютъ такъ много христіанской крови, думая, что подобно апостоламъ защищаютъ Церковь, невѣсту Христову; они обращаютъ при этомъ въ бѣгство тѣхъ, кого клеймятъ именемъ ея враговъ, тогда какъ у нея не можетъ

Библиотека "Руниверс"

Можно было бы увеличить примѣры до безконечности, но и приведеннаго нами достаточно, чтобы видѣть, какъ Церковь обращала ересь въ политическое оружіе и находила въ Инквизиціи орудіе, готовое служить ея честолюбивымъ замысламъ. Когда наступилъ Великій Расколъ, то папы-соперники, естественно, прибѣгали къ этому пріему, чтобы поносить другъ друга. Въ 1382 г. Карлъ III Неаполитанскій конфисковалъ имущество епископа Тривенто, умершаго не задолго предъ этимъ, подъ предлогомъ, что покойный, будучи сторонникомъ Климента VII, тѣмъ самымъ сдѣлался еретикомъ. Въ актѣ, которымъ въ 1409 г. Александръ V назначаетъ инквизиторомъ Прованса Понса де Феужейронъ, среди еретиковъ, которыхъ нужно уничтожить, упоминаются сторонники Григорія XII и Бенедикта XIII. Инквизиторъ Тулузы, братъ Стефанъ Комбскій, принадлежалъ къ партіи Бенедикта XIII; въ видѣ репрессій онъ заключилъ въ тюрьму много доминиканцевъ и францисканцевъ, въ томъ числѣ провинціала Тулузы и пріора Каркассона, вся вина которыхъ была въ томъ, что они принадлежали къ враждебной партіи. Поэтому провинціалъ, лишь только явилась возможность, отстранилъ его отъ должности; но назначеніе ему преемника вызвало огромные безпорядки [1]).

Роль Инквизиціи въ борьбѣ между враждебными церковными партіями прекрасно обрисовалась въ приключеніяхъ Іоанна Малькоу изъ Страсбурга въ Пруссіи (Бродницъ). Это былъ священникъ и магистръ богословія, человѣкъ высоко образованный, тонкій контроверсистъ, замѣчательно краснорѣчивый и смѣлый до безумія. Онъ со всѣмъ пыломъ своей горячей натуры сталъ на сторону римскихъ папъ противъ ихъ Авиньонскихъ соперниковъ и въ 1390 г. явился въ Рейнскія провинціи, гдѣ его рѣчи возбудили умы и оказали большое вліяніе на ходъ борьбы. Проведя нѣсколько дурныхъ дней въ Майнцѣ въ рукахъ своихъ противниковъ, онъ предпринялъ паломничество въ Римъ, но задержался въ Страсбургѣ, гдѣ нашелъ благопріятную для себя почву. Городъ принялъ сторону Урбана VI и его преемниковъ; но епископъ Фридрихъ Блакенгеймъ подъ вліяніемъ посторонняго давленія отдѣлился отъ части своего духовенства. Во время своей ссоры онъ отлучилъ мятежныхъ отъ Церкви; они аппелировали въ Римъ, и отлученіе было съ нихъ снято. Тогда епископы и его сторонники перешли на сторону Авиньонскаго антипапы Климента VII, что вызвало безысходное недоразумѣніе. Это положеніе вполнѣ соотвѣтствовало вкусамъ Малькоу; онъ вмѣшался, и вскорѣ благодаря увлекательному краснорѣчію, ему удалось подорвать значеніе противниковъ Рима. Если вѣрить ему, то онъ сразу же убѣдилъ до шестнадцати тысячъ схизматиковъ и индифферентныхъ; и дѣйствительно, если судить по выраженіямъ дошедшей до насъ его рѣчи, то онъ умѣлъ дѣйствовать на страсти. Климентъ VII, говорилъ онъ, былъ менѣе чѣмъ человѣкъ, хуже чѣмъ демонъ; мѣсто его около антихриста; что касается его сторонниковъ, то это все схизматики или еретики; относившіеся индифферентно были, по его словамъ, послѣдними изъ людей и лишенными всѣхъ таинствъ. Въ то же время онъ столь же безжалостно нападалъ на испорченность страсбургскаго, какъ чернаго такъ и бѣлаго духовенства, такъ что черезъ нѣсколько недѣль онъ возбудилъ противъ себя всеобщую вражду. Былъ составленъ заговоръ съ цѣлью донести о немъ въ Римъ, какъ о еретикѣ, чтобы по прибытіи его

быть худшихъ враговъ, чѣмъ нечестивые первосвященники».—«Epist. Moriae», II, 379 (Лейпцигъ, изд. 1829 г.).

Въ 1376 году чезенская рѣзня показала, что эти папскія войны не измѣнили своего характера послѣ феррарскихъ ужасовъ. Папскій легатъ кардиналъ Женевы Робертъ перерѣзалъ всѣхъ жителей безъ различія возраста и пола, хотя эти несчастные, раньше чѣмъ впустить въ свой городъ разбойниковъ и ихъ вождя, получили отъ нихъ торжественную клятву, что надъ ними не будетъ сдѣлано никакого насилія. Было, говорятъ, до пяти тысячъ жертвъ.—Poggii «Hist. Florentin. lib. II, ann. 1376.

[1]) Mss. Chioccarello, T. VIII.—Wadding. ann. 1409, № 12.—Ripoll, II, 510, 522, 566.

Библиотека "Руниверс"

въ Вѣчный Городъ онъ былъ схваченъ Инквизиціей и сожженъ; его чудесное знаніе, говорили, можно было пріобрѣсти только путемъ некромантіи; его обвиняли въ томъ, что онъ бѣглый священникъ, и его хотѣли арестовать какъ такового, но народъ видѣлъ въ немъ вдохновеннаго пророка, и пришлось оставить его въ покоѣ.

Послѣ четырехъ недѣль этого безпорядочнаго волненія онъ продолжалъ свое паломничество; онъ останавливался въ Базелѣ и Цюрихѣ, чтобы выполнить тамъ свою апостольскую миссію, и наконецъ, прибылъ въ Римъ. На обратномъ пути, при переходѣ черезъ С.-Бернарскій перевалъ онъ по несчастію потерялъ свои бумаги. Слухъ объ этомъ ниспосланномъ Провидѣніемъ происшествіи достигъ Базеля, и когда Малькоу прибылъ въ этотъ городъ, то нищенствующіе, которымъ онъ былъ особенно ненавистенъ, обратились къ епископу Имеру съ просьбой арестовать его, какъ путешествующаго безъ разрѣшенія. Хотя епископъ и былъ подчиненъ Риму, тѣмъ не менѣе, онъ уступилъ этой просьбѣ; немного спустя онъ освободилъ Малькоу, и дружески пригласилъ его къ себѣ въ домъ. Вскорѣ воинственный духъ Малькоу потянулъ его снова въ Страсбургъ, гдѣ онъ началъ проповѣдывать подъ покровительствомъ бургомистра Бока. Уже во время его перваго пребыванія въ Страсбургѣ инквизиторъ, доминиканецъ Бёкелеръ, тотъ самый, который въ 1400 г. преслѣдовалъ Винкелеровъ, угрожалъ ему арестомъ; теперь уже рѣшили дѣйствовать строже. Едва успѣлъ онъ произнести три рѣчи, какъ безъ всякаго вызова въ судъ онъ былъ арестованъ служителями инквизитора; его заключили въ тюрьму, гдѣ тотчасъ же заковали въ цѣпи, и отвели, такимъ образомъ, въ епископскій замокъ Бенфельдъ, гдѣ у него отобрали книги и отказали дать чернила и бумагу. Во время длинныхъ допросовъ ему устраивали такія хитрыя ловушки, что, несмотря на всю свою ловкость, онъ съ трудомъ не попалъ въ нихъ.

Наконецъ, 31 марта 1391 г. Бёкелеръ созвалъ собраніе, состоявшее главнымъ образомъ изъ нищенствующихъ монаховъ. Малькоу былъ обвиненъ въ разныхъ преступленіяхъ, и изъ его дѣла мы видимъ, какъ легко было нагромоздить обвиненія противъ человѣка, котораго хотѣли погубить. Дѣйствительнымъ его преступленіемъ было только то, что онъ нападалъ на схизматиковъ и клеймилъ распущенность духовенства; но объ этомъ обвинители молчали. Его обвиняли въ томъ, что онъ покинулъ свою епархію безъ разрѣшенія епископа, что дѣлало изъ него лолларда; что онъ отправлялъ богослуженія безъ надлежащаго разрѣшенія, какъ это дѣлаютъ вальденцы; а такъ какъ его почитатели ѣли кушанья, отъ которыхъ онъ предварительно отвѣдывалъ, то ясно, что онъ былъ Братомъ Свободнаго Духа; такъ какъ онъ не позволялъ спорить о томъ, жилъ ли Христосъ послѣ того, какъ былъ пронзенъ копьемъ, то отсюда заключали, что онъ раздѣляетъ это ученіе и что онъ оливистъ. Этого было больше, чѣмъ требовалось для того, чтобы отправить его на костеръ, если онъ упорно откажется отречься; но, очевидно, понимали, что городскія власти откажутся привести въ исполненіе подобный приговоръ, и собраніе ограничилось тѣмъ, что переслало все дѣло епископу съ просьбой изгнать виновнаго изъ епархіи. Болѣе мы ничего не знаемъ объ этомъ дѣлѣ, но такъ какъ въ 1392 г. Малькоу просилъ занести его въ списки студентовъ Кельнскаго университета, то надо думать, что епископъ исполнилъ просьбу собранія. Затѣмъ мы теряемъ Малькоу изъ виду до 1414 г., когда встрѣчаемъ его снова въ Кельнѣ. Онъ оставался вѣрнымъ римскимъ папамъ, но и въ Римѣ надо было сдѣлать выборъ между Григоріемъ XII и Іоанномъ XXIII. Поддерживая перваго, Малькоу такъ же безжалостно нападалъ на папу-соперника, какъ нѣкогда на Авиньонскихъ антипапъ; въ глазахъ его іоанниты были еретиками, достойными костра. Смѣлый полемистъ нашелъ въ Кельнѣ такую же благопріятную почву, какъ за двадцать пять лѣтъ передъ этимъ въ Страсбургѣ. Pallium оспаривался двумя соперниками, поднявшими кровавую междоусобную войну; одинъ былъ сторонникомъ Григорія, другой — Іоанна. Малькоу вскорѣ проявилъ себя ораторомъ, краснорѣчіе котораго было крайне опасно среди столь возбужденнаго населенія. Инквизиція снова объявила его еретикомъ.

Библиотека "Руниверс"

Доминиканецъ и профессоръ университета, инквизиторъ Яковъ Сустъ, отнесся къ Малькоу необыкновенно снисходительно; во время предварительнаго слѣдствія подсудимому было разрѣшено на честное слово жить въ кварталѣ Св. Урсулы. Малькоу не сдержалъ слова и перебрался въ Бахарахъ, гдѣ подъ покровительствомъ Трирскаго архіепископа и графа палатина Людовика III, двухъ сторонниковъ Григорія, онъ началъ борьбу со своей обычной энергіей и ловкостью; онъ не ограничивался только тѣмъ, что въ рѣчахъ своихъ нападалъ на инквизитора и іоаннитовъ, онъ вызвалъ среди нихъ негодованіе и безпокойство цѣлой массой памфлетовъ. Когда кардиналъ Іоаннъ Рагузскій, легатъ папы Григорія на Констанцскомъ соборѣ, прибылъ въ Германію, то Малькоу легко получилъ отъ него снятіе наложеннаго инквизиторомъ отлученія отъ Церкви и былъ признанъ невиновнымъ въ томъ, что стоялъ во главѣ ереси; мѣры эти были подтверждены въ іюлѣ 1415 г., когда соборъ, положивъ конецъ Расколу, призналъ не имѣющими значенія всѣ вызванныя имъ преслѣдованія и осужденія. Но Малькоу глубоко затронулъ гордость инквизитора и Кельнскаго университета; враги его отказались сложить оружіе и въ теченіе цѣлаго года старались добиться осужденія Малькоу соборомъ. Однако, ихъ уполномоченные убѣдили ихъ, что преслѣдованіе затянется надолго, будетъ трудно и обойдется дорого, такъ что они приняли очень благоразумное, хотя и не совсѣмъ логичное, рѣшеніе: пока Малькоу будетъ держаться вдали отъ Кельна, то рѣшеніе кардинала Рагузскаго будетъ считаться въ силѣ; но если смѣлый проповѣдникъ вернется въ городъ, то это рѣшеніе теряетъ силу. Упрямое желаніе Бенедикта XIII и Климента VIII сохранить свое положеніе, несмотря на постановленія Констанцскаго собора, продолжило борьбу на юго-западѣ Европы; еще въ 1428 году сохранившіеся въ Лангедокѣ ихъ сторонники преслѣдовались, какъ еретики, спеціальнымъ папскимъ комиссаромъ [1]).

Когда Расколъ былъ забытъ, то Инквизиція оставалась покорнымъ орудіемъ репрессіи. Одинъ Бретонскій кармелитъ Ѳома Коннектъ напоминалъ характеромъ своимъ Іоанна Малькоу. Въ 1428 г. онъ началъ проповѣдывать во Фландріи, Артуа, Пикардіи и въ сосѣднихъ провинціяхъ; проповѣдывалъ онъ предъ толпою въ 15—20 тысячъ человѣкъ и бичевалъ главные пороки эпохи. Гнѣвъ его особенно былъ направленъ противъ hennins, высокой прически знатныхъ дамъ; онъ давалъ нѣсколько дней прощенія грѣховъ уличнымъ мальчишкамъ съ условіемъ, чтобы они преслѣдовали дамъ съ такой прической криками: au hennin! или незамѣтно срывали бы ее. Подъ вліяніемъ его увлекательныхъ рѣчей сносили въ кучи и сожигали игральные кости и столы, шахматныя доски, карты, кегли шиньоны и вообще всѣ предметы порока и роскоши. Но особенно привлекалъ онъ къ себѣ массы тѣмъ, что бичевалъ общее нравственное паденіе духовенства и, въ частности, позорный конкубинатъ священниковъ. Эти нападки вызывали шумныя одобренія поклонявшейся ему толпы. Повидимому, въ концѣ концовъ, онъ пришелъ къ заключенію, что единственнымъ средствомъ исправить духовенство было возстановленіе брака для священниковъ. Въ 1432 г. онъ присоединился къ венеціанскому посольству и явился въ Римъ, чтобы клеймить пороки Куріи. Обыкновенно къ подобнаго рода нападкамъ относились съ презрительной терпимостью и съ индифферентнымъ терпѣніемъ; но на этотъ разъ время было выбрано неудачно. Гуситская ересь начала съ подобныхъ заявленій, и упорство чеховъ было настолько серьезнымъ предупрежденіемъ, что на него нельзя было не обратить вниманія. Кромѣ того, Евгеній IV велъ въ это время неравную борьбу противъ Базельскаго собора, стремившагося реформировать Курію, согласно съ желаніемъ всего христіанскаго міра; послы Сигизмунда болѣе энергично, чѣмъ любезно, давали понять Евгенію, къ какимъ опаснымъ результатамъ могутъ повести его старанія отсрочить соборъ. Такимъ образомъ,

[1]) H. Haupt, «Zeitschrift für Kirchengeschichte», 1883, стр. 323 слѣд.—Vaissete, изд. Privat, X. Pr. 2089.

Библиотека "Руниверс"

ДЖИРОЛАМО САВОНАРОЛА (сожженъ въ 1498 г.).
(Фра Бартоломмео).

Библиотека "Руниверс"

Коннектъ являлся какъ бы посланникомъ отцовъ Базельскаго собора; но во всякомъ случаѣ одно уже его краснорѣчіе представляло опасность при данномъ безпокойномъ состояніи общественнаго мнѣнія. Два раза Евгеній вызывалъ его къ себѣ, но онъ не являлся подъ предлогомъ болѣзни; тогда папскому казначею поручили найти его. Увидавъ этого посланца. Ѳома выпрыгнулъ въ окно и пытался спастись бѣгствомъ, но былъ тутъ же арестованъ и приведенъ къ Евгенію, который поручилъ кардиналамъ Руана и Наварры допросить его. Прелаты признали Коннекта подозрѣваемымъ въ ереси. Было начато правильное дѣло; Коннектъ былъ осужденъ, какъ еретикъ, и нашелъ себѣ успокоеніе на кострѣ [1]).

Есть много общаго между Ѳомою Коннектомъ и Джироламо Савонаролой; но итальянецъ стоялъ несравненно выше бретонца по своимъ умственнымъ и духовнымъ дарованіямъ, Убѣжденный не менѣе его, онъ имѣлъ болѣе возвышенные и грозные проекты и мечты, которые толкнули его въ политику, печальный исходъ которой былъ ясенъ уже съ самаго начала.

Въ Италіи Возрожденіе наукъ, поднявъ умственный уровень, повлекло за собою сильное нравственное и религіозное паденіе; не уничтоживъ суевѣрій, оно породило скептицизмъ и ослабило авторитетъ религіи, не давъ для нравственности другого основанія. Быть-можетъ, никогда міръ не видалъ такую массу духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, нагло презиравшихъ всякій божескій и человѣческій законъ, какъ во время папства Сикста IV, Иннокентія VIII и Александра IV. Казалось, что ростъ культуры и богатства повлекъ за собою увеличеніе роскоши и порока. Всѣ граждане, отъ самаго знатнаго и до самаго ничтожнаго, цинически предавались своимъ страстямъ, не думая даже скрывать своей безнравственности подъ маской лицемѣрія. Горячо вѣрующіе люди имѣли полное право надѣяться, что гнѣвъ Божій не можетъ долго сдерживаться, что неминуемая катастрофа сотретъ злыхъ съ лица земли и вернетъ Церкви и человѣчеству чистоту первыхъ вѣковъ. Въ теченіе столѣтій пророки дѣйствовали безпрерывно. Іоахимъ Флорійскій, Св. Екатерина Сіенская, св. Бригитта Шведская, Друзья Бога, Томасино да Фолиньо, монахъ Телесфоръ были встрѣчаемы съ энтузіазмомъ. Но время шло, и испорченность людская съ каждымъ днемъ становилась ужаснѣй: казалось, нужно было, чтобы Богъ послалъ новаго пророка, который еще разъ направилъ бы на путь истины его заблудшихся дѣтей.

Безпристрастное изученіе исторіи Савонаролы не можетъ оставить никакого сомнѣнія въ томъ, что онъ искренне вѣрилъ въ свое призваніе для подобной пророческой дѣятельности. Подобное убѣжденіе было вполнѣ естественно у человѣка такого склада ума, какъ онъ; кромѣ того, его укрѣпляли въ немъ живое чувство царившихъ вокругъ бѣдствій и его вѣра въ вмѣшательство Бога, который совершитъ необходимыя измѣненія, что сдѣлать для человѣка было непосильно; ко всему этому присоединялось его увлекательное краснорѣчіе, его привычка къ уединенію и къ глубокому размышленію и частые экстазы, которымъ подвергался онъ и которые сопровождались видѣніями. Къ тому же традиціи Церкви допускали возможность для всякаго человѣка быть облеченнымъ подобной миссіей. За пять лѣтъ до перваго выступленія Савонаролы во Флоренціи, этотъ городъ посѣтилъ одинъ молодой отшельникъ, проповѣдывавшій и предсказывавшій скорое проявленіе гнѣва Божія; этому пророку явились св. Іоаннъ и архангелъ Рафаилъ и велѣли ему передать это мятежнымъ людямъ. По словамъ современнаго лѣтописца, это было въ то время явленіемъ повседневнымъ. Въ 1491 г. Римъ былъ взволнованъ появленіемъ таинственнаго пророка, возвѣщавшаго о весьма скоромъ наступленіи ужасныхъ бѣдствій. Подобныхъ энтузіастовъ было весьма много, но они частью не пользовались такимъ вліяніемъ, какъ Савонарола,

[1]) Monstrelet. II, 53, 127.—Martène, «Ampl. Coll.» VIII.—Altmeyer, «Précurseurs de la Réforme aux Pays-Bas», I, 237.

Библиотека "Руниверс"

частью судьба ихъ не представляла ничего замѣчательнаго, такъ что въ исторіи не сохранилось памяти о нихъ [1]).

Когда въ 1481 г. Савонарола, имѣвшій уже тридцать лѣтъ отъ роду, прибылъ во Флоренцію, то онъ былъ уже всецѣло поглощенъ своею реформаторскою миссіей. Онъ горячо пользовался всякимъ представлявшимся случаемъ, чтобы высказывать свои убѣжденія съ высоты каѳедры; но рѣчи его не производили большого впечатлѣнія на населеніе, погрязшее въ развратѣ. Постомъ 1486 г. онъ былъ посланъ въ Ломбардію. Три года проповѣдывалъ онъ по городамъ Ломбардіи, пріобрѣтая мало-по-малу способность трогать сердца и совѣсть своихъ слушателей, и когда въ 1489 году онъ былъ, по настоянію Лаврентія Медичи, приглашенъ во Флоренцію, то онъ пользовался уже славою крупнаго оратора. Дѣйствіе его краснорѣчія увеличивалось еще строгостью жизни. Менѣе чѣмъ черезъ годъ онъ былъ назначенъ пріоромъ монастыря св. Марка, принадлежавшаго доминиканцамъ обсервантинамъ, въ орденѣ которыхъ онъ былъ. Въ 1494 г. ему удалось возстановить древнее дѣленіе доминиканскихъ провинцій Тосканы и Ломбардіи, и когда онъ былъ сдѣланъ вице-генераломъ послѣдней провинціи, то былъ подчиненъ контролю одного только генерала, Джоваккино Торріани, который былъ очень расположенъ къ нему [2]).

Онъ утверждалъ, что имъ непосредственно руководитъ божеское вдохновеніе, которое внушало ему, что дѣлать и что говорить, и открывало будущее; и этому вѣрила не только простая масса флорентинцевъ, но и самые сильные и образованные умы эпохи, каковы, напр., Пико дела Мирандола и Филиппъ Комминъ; увлекся имъ также и платоникъ Марсиліо Фичино, который въ 1494 г. утверждалъ даже, что только святость Савонаролы въ теченіе четырехъ лѣтъ отвращала отъ развращенной Флоренціи божеское мщеніе. Нарди разсказываетъ, что въ 1495 г., когда Петръ Медичи дѣлалъ враждебную демонстрацію противъ Флоренціи, онъ самъ лично слышалъ, какъ Савонарола предсказалъ, что осаждающіе подойдутъ подъ самыя городскія ворота и уйдутъ безъ успѣха; предсказаніе это, дѣйствительно, оправдалось. Исполнялись и другія пророчества, напр., о смерти Лаврентія Медичи, о смерти Карла VIII, о голодѣ въ 1497 г. Такимъ образомъ, слава проповѣдника распространилась по всей Италіи, а во Флоренціи онъ пользовался какъ бы верховнымъ авторитетомъ. На каждой его проповѣди присутствовало отъ 12 до 15 тысячъ слушателей. Въ большомъ каѳедральномъ соборѣ Маріи дель Фіоре пришлось выстроить эстрады для тѣснившейся толпы, готовой по одному слову его броситься въ огонь. Особое вниманіе обращалъ онъ на дѣтей; онъ такъ заинтересовалъ ихъ своимъ дѣломъ, что ихъ, казалось, нельзя было удержать въ кровати, когда Савонарола утромъ говорилъ проповѣдь: такъ они торопились придти въ церковь раньше родителей. Въ процессіяхъ, которыя онъ устраивалъ, часто участвовало по 5000—6000 мальчиковъ-подростковъ; они были неоцѣнимы для его задачи проведенія нравственной реформы, которую онъ предпринялъ въ этомъ развращенномъ городѣ, преданномъ позорнымъ удовольствіямъ. Они врывались въ трактиры и игорные дома, прерывали оргіи и игры въ кости и карты; ни одна женщина не осмѣливалась показываться на улицѣ иначе, какъ прилично и скромно одѣтая. Крикъ «Вотъ питомцы Брата»! наводилъ страхъ на самыхъ закоренѣлыхъ злодѣевъ, такъ какъ сопротивленіе имъ легко могло стоить жизни. Были даже отмѣнены происходившіе ежегодно въ

---

[1]) Burlamacchi, «Vita di Savonarola» (Baluz. et Mansi, I, 533—542).—Luca Landucci, «Diario Fiorentino», Firenze, 1883, стр. 30.—Steph. Infessurae «Diar.» (Eccard. «Corp. Hist. Med. Aevi», II, 2000).

Виллари устанавливаетъ («La Storia di Gir. Savonarola», Firenze, 1887 г., I, стр. VIII—XI), что приписываемая Бурламакки біографія представляетъ изъ себя r i f a c i m e n t o рукописной біографіи, написанной на латинскомъ языкѣ ученикомъ Савонаролы.

[2]) Processo autentico (Baluz. et Mansi, IV, 529, 551).—Burlamacchi («Baluz. et Mansi, I, 531—5, 541—2).—Villari, op. cit. lib. I, c. 5, 9.

Библиотека "Руниверс"

Санто-Барнабо конскіе бѣга. Когда въ 1497 г. члены синьоріи возстановили эти бѣга, сказавъ: «Развѣ мы всѣ должны сдѣлаться монахами?», то въ этомъ можно видѣть признакъ начала паденія вліянія Савонаролы. Флоренція, бывшая раньше самымъ веселымъ и распущеннымъ городомъ, стала теперь самымъ благоразумнымъ и нравственнымъ городомъ; и долго послѣ этого благочестивые люди жалѣли о святой эпохѣ, когда правилъ въ ней Савонарола, и горячо благодарили Бога, позволившаго имъ жить въ эти счастливые дни [1]).

Съ извѣстной точки зрѣнія можно жалѣть о пуританизмѣ Савонаролы и о безразсудномъ рвеніи его питомцевъ. Въ 1498 г. онъ замѣнилъ нечестивые маскарады карнавала костромъ радости, на который сносились всѣ вещи, считаемыя имъ нескромными или неблагопристойными. Добровольныя приношенія на это сожженіе значительно увеличились благодаря энергіи мальчиковъ, которые входили въ дома и дворцы и уносили все, что, по ихъ мнѣнію, надлежало сжечь. Драгоцѣнныя раскрашенныя рукописи, статуи, картины, рѣдкіе обои, безцѣнныя произведенія искусства были перемѣшаны съ бездѣлушками и ничтожными украшеніями дамской прически, съ зеркалами, съ музыкальными инструментами, съ книгами по гаданію, по астрологіи, по магіи. Были сожжены даже экземпляры Боккаччіо; но Петрарка заслужилъ снисхожденіе даже въ глазахъ строгаго и добродѣтельнаго Савонаролы. Стоимость предметовъ, обреченныхъ на это безжалостное ауто-да-фе, была такъ велика, что одинъ венеціанскій купецъ предложилъ за нихъ двадцать тысячъ скуди; вмѣсто отвѣта взяли портретъ этого любителя и поставили на самомъ верху костра. Нечего удивляться тому, что ночью пришлось охранять эту кучу драгоцѣнныхъ предметовъ съ помощью вооруженныхъ людей изъ боязни, чтобы tiepidi не украли чего-либо [2]).

Если бы Савонарола дѣйствовалъ среди суровыхъ феодальныхъ установленій, то его вліяніе на нравственныя и религіозныя идеи его времени было бы, по всей вѣроятности, продолжительнѣе; но въ республикѣ, подобной Флоренціи, невозможно было удержаться, чтобы не вмѣшаться въ политику. Нѣтъ ничего удивительнаго, что онъ жадно ухватился за удобный случай или за то, что показалось ему таковымъ, чтобы возродить могущественное государство и получить, такимъ образомъ, господствующее вліяніе во всей Италіи для того, чтобы провести реформу всего христіанскаго міра. Слышимый имъ пророческій голосъ убѣждалъ его, что тогда послѣдуетъ обращеніе невѣрныхъ, и христіанская любовь и кротость будутъ царить во всемъ мірѣ.

Сбитый съ пути этими увлекательными иллюзіями, онъ не задумался использовать въ практическихъ цѣляхъ почти неограниченную власть, которую онъ пріобрѣлъ надъ населеніемъ Флоренціи. Его совѣты вызвали въ 1494 г. революцію и изгнаніе Медичи, и только благодаря его вліянію это возстаніе не сопровождалось, какъ обыкновенно въ итальянскихъ городахъ, пролитіемъ крови. Во время похода Карла VIII въ 1494 году противъ Неаполя, онъ дѣятельно старался укрѣпить союзъ республики съ этимъ монархомъ, въ которомъ онъ видѣлъ орудіе Бога для проведенія реформы Италіи. Въ этомъ самомъ году, когда возстановлена была республика, онъ болѣе, чѣмъ кто-либо другой, занимался какъ устройствомъ правленія, такъ и выработкой законовъ; когда онъ заставилъ населеніе провозгласить королемъ Флоренціи Іисуса Христа, то, вѣроятно, онъ самъ не отдавалъ себѣ отчета, что въ качествѣ толкователя воли Бога онъ необходимо долженъ былъ сдѣлаться диктаторомъ. Онъ не только поучалъ съ высоты каѳедры слушателей гражданскимъ обязанностямъ и давалъ свободу своему пророческому вдохновенію, но вожди народной партіи имѣли кромѣ этого, обыкновеніе постоянно спрашивать его мнѣнія и слѣдовать его совѣ-

---

[1]) Landucci, op. cit. 72, 88, 94, 103, 108, 109, 123—8, 154. – «Mémoires de Commines», liv. VIII, c. 19.—Marsili Ficini «Opera», I, 963 (изд. 1561 г.).—Nardi, «Histoire Florentine», lib. II, стр. 58, 60 (изд. 1574 г.).—Perrens, «Jérome Savonarole», 342.—Burlamacchi, op. cit. 544—6, 552—3, 556—7.

[2]) Landucci, 163.—Burlamacchi, 558—9.—Nardi, lib. II, 56—7.

Библиотека "Руниверс"

тамъ. Но чаще всего онъ оставался въ самомъ строгомъ уединеніи и предоставлялъ заботы о подробностяхъ двумъ довѣреннымъ лицамъ, выбраннымъ имъ среди монаховъ монастыря Св. Марка; одинъ изъ нихъ, Доминикъ да Пешіа, былъ человѣкъ горячій, весь отдававшійся первому движенію; другой, Сальвестро Маруффи, былъ мечтатель, ясновидящій. Итакъ, Савонарола, котораго считали пророкомъ Бога, спустился до положенія вождя партіи, которую народъ презрительно называлъ Piagnoni, или Плаксы; и ему пришлось основать всѣ свои надежды на прочномъ главенствѣ этой партіи, такъ какъ всякій малѣйшій ущербъ его политическимъ предначертаніямъ неизбѣжно дѣлался роковымъ для его широкихъ и благородныхъ плановъ, основанныхъ на этой политикѣ. Мало того, его упорное отстаиваніе союза съ Карломъ VIII привело къ тому, что исчезновеніе его сдѣлалось необходимымъ для успѣха проектовъ Александра VI, мечтавшаго объединить всѣ итальянскія государства, чтобы предотвратить опасность новаго французскаго вторженія [1]).

Судьба какъ будто хотѣла сдѣлать его паденіе неизбѣжнымъ: еще въ XIII в. былъ изданъ законъ, требовавшій, чтобы синьорія каждыя два мѣсяца мѣняла начальниковъ республики, такъ чтобы она отражала бы всѣ мимолетные проблески народныхъ страстей. Когда наступилъ критическій моментъ такой смѣны, то вѣтеръ подулъ противъ Савонаролы. Союзъ съ Франціей, на которомъ было основано довѣріе къ нему, какъ къ государственному мужу и пророку, имѣлъ печальныя послѣдствія. Карлу VIII съ великимъ трудомъ удалось пробиться во Францію съ жалкими остатками арміи, и онъ никогда уже болѣе не возвращался въ Италію, несмотря на то, что Савонарола не разъ грозилъ ему гнѣвомъ Божьимъ; и король не только оставилъ Флоренцію одну передъ лицомъ лиги Испаніи, папства, Венеціи и Милана, но обманулъ самое горячее желаніе флорентинцевъ, не исполнивъ своего обѣщанія вернуть имъ Пизу. Когда 1 января 1496 г. извѣстіе объ этомъ было получено во Флоренціи, то возбужденное населеніе свалило всю отвѣтственность за это на Савонаролу; вечеромъ толпа окружила монастырь Св. Марка и громко грозила сжечь «этого свинью Брата». Зло увеличивалось еще ужасною нищетою, вызванною паденіемъ промышленности и торговли за время гражданскихъ войнъ, выдачей крупныхъ субсидій Карлу VIII и расходами по войнѣ противъ Пизы; значительныя контрибуціи обременяли городъ долгами; государственный кредитъ былъ подорванъ. Ко всему этому прибавился ужасный голодъ 1497 г. и сопровождавшая его чума. Всѣ эти бѣдствія, обрушившіяся одно за другимъ, возбудили невѣжественныя массы, которыя и произвели революцію.

Arrabiati, или партія оппозиціи, не замедлили воспользоваться реакціей; они нашли себѣ поддержку у праздношатающихся и у всѣхъ гражданъ, недовольныхъ строгою реформой. Образовалось общество подъ именемъ Compagnacci. Среди нихъ были знатные молодые люди, наглые и распущенные, со своими кліентами; во главѣ ихъ стоялъ Доффо Спини, и ихъ поддерживалъ вліятельный домъ Альтовити. Ихъ конечною цѣлью было сверженіе Савонаролы, и они готовы были, если представится удобный случай, рѣшиться на крайнія мѣры [2]).

Этотъ случай скоро представился. Если бы Савонарола ограничивался только нападками на испорченность Церкви и Куріи, то его, несомнѣнно, оставили бы въ покоѣ высказывать свое негодованіе, какъ это было со Св. Бригиттой, съ канцлеромъ Парижскаго университета Герсономъ, съ кардиналомъ д'Айльи, съ Николаемъ де Клеманжи и со многими другими высоко почитаемыми духовными лицами. Папа и кардиналы привыкли къ поношенію и относились къ нему весьма снисходительно, лишь бы только не касались прибыльныхъ злоупотребленій. Но Савонарола сдѣлался крупною политическою личностью;

[1]) Villari, lib. II, cap. IV, V; T. II, App. стр. CCXX.—Landucci, 92—4, 112.—Processo autentico (Baluze et Mansi, IV, 531, 554, 558).

[2]) Landucci, 110, 112, 122.—Villari, I, 473.—«Mémoires de Comines», liv. VIII, ch. 19.—Processo autentico (loc. cit. 524, 541).—Perrens, 342.

Библиотека "Руниверс"

ПАПА АЛЕКСАНДРЪ VI.
(1492—1503).

Библиотека "Руниверс"

его вліяніе во Флоренціи было враждебно планамъ Борджіа; тѣмъ не менѣе, Александръ VI относился къ нему съ насмѣшливымъ индифферентизмомъ, который иногда сильно напоминалъ презрѣніе. Когда же наконецъ поняли, насколько серьезна опасность, то папа постарался привлечь Савонаролу на свою сторону, предложивъ ему архіепископскую каѳедру во Флоренціи и кардинальскую шапку. Предложеніе это было отвергнуто съ пророческимъ негодованіемъ: «Я хочу только вѣнецъ мученика, окрашенный моею собственною кровью». Враждебное отношеніе къ Савонаролѣ обнаружилось только 21 іюля 1495 г., послѣ того, какъ Карлъ VIII навсегда покинулъ Италію и оставилъ флорентинцевъ однихъ въ жертву лиги, душою которой былъ папа. Но и тутъ еще ограничились только тѣмъ, что дружески пригласили его въ Римъ дать отчетъ въ своихъ откровеніяхъ и пророчествахъ, вдохновленныхъ ему Богомъ. Онъ отвѣтилъ 31 іюля и отклонилъ приглашеніе подъ предлогомъ сильной лихорадки и дизентеріи; кромѣ того, онъ добавлялъ, что республика не позволитъ ему пуститься за флорентинскіе предѣлы изъ страха передъ врагами, преслѣдующими его; его уже покушались отравить и убить, такъ что онъ никогда не выходитъ изъ монастыря безъ охраны; а затѣмъ его присутствіе во Флоренціи необходимо въ виду того, что начатыя реформы города еще не окончены. Онъ обѣщалъ прибыть въ Римъ при первой возможности, а до этого времени папа можетъ найти все, что интересуетъ его, въ книгѣ, которая находится еще въ печати и въ которой собраны пророчества касающіяся обновленія Церкви и преобразованія Италіи; экземпляръ этой книги немедленно по отпечатаніи ея будетъ доставленъ Святому Отцу [1]).

Хотя Савонарола говорилъ, что не придастъ никакого значенія этому дѣлу, тѣмъ не менѣе, онъ обратилъ на него вниманіе и прекратилъ на время проповѣдь. Неожиданно 8 сентября Александръ вернулся къ этому дѣлу и послалъ монахамъ-соперникамъ, францисканцамъ монастыря Св. Креста, буллу, въ которой приказывалъ присоединить Тосканскую конгрегацію къ провинціи Ломбардіи; дѣло Савонаролы было поручено викарному генералу этой провинціи Себастьяну де Мадіисъ. Доминику да Пешіа и Сальвестро Маруффи было приказано въ недѣльный срокъ перебраться въ Болонью, а Савонаролѣ было запрещено проповѣдывать до тѣхъ поръ, пока онъ не явится въ Римъ. 29 сентября Савонарола послалъ подробно мотивированное оправданіе; онъ отводилъ Себастьяна, какъ судью, въ виду того, что онъ былъ предупрежденъ противъ него, а въ заключеніе просилъ папу сообщить ему, какія заблужденія его ученія ставятся ему въ вину, и заявлялъ, что онъ готовъ отречься отъ нихъ; кромѣ того, онъ представлялъ на судъ Св. Престола все, что могъ сказать или написать. Почти тотчасъ же послѣ этого шага походъ Петра Медичи противъ Флоренціи заставилъ Савонаролу нарушить наложенное на него молчаніе: 2 октября, не дожидаясь папскаго отвѣта, онъ взошелъ на каѳедру и горячо убѣждалъ народъ соединиться противъ тирана. Несмотря на это явное неповиновеніе, Александръ принялъ выраженіе видимаго смиренія Савонаролы и 16 октября отвѣтилъ ему, запретивъ ему только всякую проповѣдь, пока онъ не явится въ Римъ, или пока не будетъ послано во Флоренцію лицо, уполномоченное рѣшить это дѣло; если Савонарола подчинится этому приказанію, то будутъ отмѣнены всѣ папскія бреве. Для Александра все это дѣло было чисто политическимъ вопросомъ; подъ вліяніемъ Савонаролы Флоренція враждебно относилась къ планамъ Св. Престола; папа не хотѣлъ многаго, ему достаточно было подорвать авторитетъ монаха и заставить его молчать [2]).

Но голосъ проповѣдника былъ настолько важнымъ факторомъ въ жизни города, что друзья Савонаролы, стоявшіе у власти, не могли согласиться на его вынужденное молча-

---

[1]) Guicciardini, lib. III, c. 6.—Burlamacchi, 551.—Villari, T. I, стр. CIV—CVII.—Landucci, 106.

[2]) Villari, I, 402—7.—Landucci, 120.—«Diar.» Johann. Burchardi (Eccard. «Corp. Hist.», II, 2151—9.

Библиотека "Руниверс"

ніе. Много крупныхъ усилій было положено на то, чтобы папа разрѣшилъ ему проповѣдывать во время наступающаго поста, и Александръ уступилъ этой просьбѣ. Тогда Савонарола произнесъ рядъ рѣчей на слова пророка Амоса, и рѣчи эти были таковы, что не могли смягчить Курію; мало того, что онъ съ ужасной силой бичевалъ пороки папскаго двора, онъ старался также доказать, что послушаніе его приказаніямъ папы должно имѣть извѣстныя границы. Эти рѣчи произвели сильное впечатлѣніе не только во Флоренціи, но и по всей Италіи; въ воскресенье на Пасху, 3 апрѣля 1496 г., Александръ призвалъ четырнадцать доминиканцевъ докторовъ богословія и объявилъ ихъ собрата еретикомъ, схизматикомъ, непослушнымъ и суевѣрнымъ. Его сдѣлали отвѣтственнымъ въ несчастіяхъ Петра Медичи, и всѣ, кромѣ одного, подали голосъ за то, что нужно найти средство заставить его молчать [1]).

Однако, онъ продолжалъ время отъ времени свободно проповѣдывать до 2 ноября. Даже и тогда авторитетъ его былъ такъ силенъ, что Александръ, чтобы добраться до него, долженъ былъ прибѣгнуть къ окольнымъ путямъ. 7 ноября 1496 г. папское бреве установило конгрегацію Рима и Тосканы подъ управленіемъ викарнаго генерала, назначаемаго на два года и избираемаго вновь послѣ опредѣленнаго времени отдыха. Правда, первымъ лицомъ, облеченнымъ этой должностью, былъ другъ Савонаролы, Джакомо Сицилійскій; но были приняты хитро придуманныя мѣры, чтобы лишить его независимости; его въ любое время могли перемѣстить изъ Флоренціи въ другое мѣсто. Савонарола отвѣтилъ публичнымъ вызовомъ. Онъ велѣлъ напечатать Apologia della Congregazione di San Marco, въ которой заявлялъ, что двѣсти пятьдесятъ монаховъ его монастыря будутъ до самой смерти, не обращая вниманія ни на какія угрозы и на отлученіе отъ Церкви, бороться противъ мѣры, которая можетъ повести только къ гибели ихъ душъ. Это было настоящее объявленіе войны. 26 ноября Савонарола смѣло сталъ проповѣдывать. Въ теченіе поста 1497 г. онъ произнесъ цѣлый рядъ рѣчей на тексты изъ пророка Іезекіиля, изъ которыхъ видно, что онъ отказался отъ всякой надежды примириться съ Римомъ. Церковь хуже дикаго звѣря; это отвратительное чудовище, которое служители Бога должны очистить и реформировать; тѣ, кто возьметъ на себя эту задачу, должны съ радостью принять даже отлученіе отъ Церкви. Съ другой стороны, его рѣчи въ значительной степени носили характеръ политическій; съ высоты каѳедры Савонарола управлялъ городскими дѣлами Флоренціи.

Городъ въ своей неравной борьбѣ противъ Пизы, Милана, Венеціи и папства дошелъ почти до отчаянія; но нѣкоторыя неожиданныя удачи въ концѣ 1496 г. оправдали возлагавшіяся на Бога надежды, къ чему обязывалъ Савонарола своихъ послѣдователей. Одновременно съ тѣмъ, какъ въ республикѣ воскресали надежды, укрѣплялся авторитетъ Брата [2]).

Гнѣвъ Александра росъ съ каждымъ днемъ; однако, онъ избѣгалъ полнаго разрыва и рѣзкаго конфликта. Онъ попытался использовать противъ Савонаролы традиціонную вражду францисканцевъ. Центромъ дѣйствій былъ избранъ обсервантинскій монастырь св. Миніато; въ немъ собрались самые знаменитые ораторы ордена: Доминикъ да Поза, Михаилъ д'Аквисъ, Джованни Тедеско, Джакопо Брешіанекій и Франческо делла Пулья. Правда, Piagnoni; сильные своими недавними успѣхами на полѣ сраженія, избрали 1-го января 1497 г. гонфалоньеромъ Франческо Валори, который попытался запретить францисканцамъ проповѣдь, запретилъ имъ просить хлѣбъ, вино и другіе необходимые предметы и хвалился, что заставитъ ихъ умереть съ голоду; одинъ изъ нихъ былъ даже изгнанъ изъ города, но другіе упорствовали и объявили постомъ съ каѳедры Церкви Св. Духа Савонаролу наглымъ

[1]) Villari, I, 417, 441—5.—Landucci, 125—9.—Perrens, 361.
[2]) Villari, I, 489, 492—4, 496, 499, CXLII; II, 4—6.

Библиотека "Руниверс"

обманщикомъ. Но его сторонники мало безпокоились; къ нему собиралось слушателей больше, чѣмъ когда-либо, и настроены они были крайне восторженно. Одна монахиня изъ монастыря св. Маріи ди Казиньяно прибыла во Флоренцію испытать свои силы въ подобной же кампаніи, но также не имѣла успѣха [1]).

Въ это время былъ страшный голодъ, и угрожала чума. Синьорія, состоявшая тогда изъ Arrabiati, воспользовалась этимъ предлогомъ, чтобы положить конецъ этой войнѣ проповѣдей, которая, дѣйствительно угрожала спокойствію города. 3 мая были запрещены всѣ проповѣди, начиная съ Вознесенія (4 мая), подъ предлогомъ, что съ приближеніемъ лѣта собраніе людей въ многолюдныя толпы могло содѣйствовать распространенію эпидеміи. Непримиримое возбужденіе умовъ сказалось на другой день, когда Савонарола произносилъ въ соборѣ свою прощальную проповѣдь. Двери были выбиты раньше часа проповѣди, и его каѳедра была вымазана нечистотами. Compagnacci почти открыто дѣлали приготовленія къ тому, чтобы убить своего врага; они собрались въ огромномъ числѣ и криками прервали оратора; друзья Савонаролы обнажили шпаги, сгруппировались вокругъ него и только подъ ихъ охраной ему удалось выйти невредимымъ [2]).

Эта дерзкая выходка произвела сильное впечатлѣніе по всей Италіи; синьорія показала, на чьей сторонѣ ея симпатіи, такъ какъ виновные остались безнаказанны. Очевидная слабость Piagnoni ободрила Александра. 13 мая онъ послалъ францисканцамъ буллу, приказывая имъ объявить, что Савонарола, какъ подозрѣваемый въ ереси, отлученъ отъ Церкви и что съ нимъ запрещены всякія сношенія. Папскій посланный, которому было поручено объявить эту буллу, испугался и отсрочилъ ея обнародованіе до 18 іюня 22-го мая, когда еще о существованіи буллы было неизвѣстно, Савонарола написалъ папѣ письмо, въ которомъ соглашался подчиниться суду Церкви; но два дня послѣ обнародованія отлученія онъ отвѣтилъ на это апологіей, въ которой доказывалъ недѣйствительность этого рѣшенія; 25-го іюня онъ осмѣлился даже послать Александру письмо съ выраженіемъ сожалѣнія по поводу убійства его сына, герцога Гандіа. Къ счастью для него, въ городской политикѣ произошли перемѣны: 1-го іюля власть снова перешла къ его друзьямъ, и до конца года выборы были благопріятны для его партіи; и хотя согласно съ приказаніями, данными ранѣе синьоріей, не произносилось проповѣдей, тѣмъ не менѣе, Савонарола продолжалъ совершать таинства. Здѣсь нелишне будетъ вспомнить, что въ эту эпоху всюду царилъ духъ неповиновенія, и на папскія наказанія смотрѣли безъ особаго уваженія. Мы уже видѣли выше, [2]) что въ 1502 г. все галликанское духовенство, повинуясь рѣшенію Парижскаго университета, публично пренебрегло отлученіемъ отъ Церкви, наложеннымъ на него Александромъ VI. То же въ это время дѣлалось и во Флоренціи. Piagnoni такъ мало обращали вниманія на отлученіе, что 17 сентября подали синьоріи петицію дѣтей Флоренціи, просившихъ, чтобы было разрѣшено проповѣдывать ихъ горячо любимому брату Савонаролѣ; 1-го октября одинъ кармелитскій монахъ произнесъ проповѣдь въ защиту Савонаролы и заявилъ, что Богъ въ видѣніи сказалъ ему, что Савонарола — святой человѣкъ, что у всѣхъ враговъ его будетъ вырванъ языкъ, и сами они будутъ отданы собакамъ.

Это было открытое возстаніе противъ Св. Престола; однако, кармелитъ остался безнаказанъ, и епископскіе судьи запретили ему только проповѣдывать. Съ своей стороны, синьорія начала дѣятельныя, но безуспѣшныя попытки добиться отмѣны духовнаго наказанія. Савонарола съ негодованіемъ отвергъ предложеніе услугъ Сіенскаго кардинала, будущаго Пія III, уплатить его кредитору 5000 скуди. Но Савонарола, несмотря на то, что не признавалъ наложенныхъ папой наказаній, считалъ себя покорнымъ сыномъ

[1]) Processo autentico, 533—4.—Perrens, 189—90.—Landucci, 144—6.
[2]) Landucci, 148.—Villari, II, 18—25.

Библиотека "Руниверс"

Церкви. Онъ употребилъ свой вынужденный досугъ этого лѣта на написаніе книги Trionfo della Croce, въ которой доказывалъ, что папство есть верховная власть, и что всякій, кто отдѣляется отъ единства съ Римской Церковью и отъ ея ученія, самъ отсѣкаетъ себя отъ Церкви Христа [1]).

Въ январѣ 1498 г. правленіе перешло въ руки синьоріи, состоявшей изъ горячихъ сторонниковъ Савонаролы, которые всѣ были страшно недовольны, что на него было наложено молчаніе. Старый обычай требовалъ, чтобы въ день св. Епифанія, годовой праздникъ Церкви, синьорія in corpore отправлялась въ соборъ; наступилъ этотъ день, и граждане всѣхъ партій были поражены, увидѣвъ, что Савонарола, все еще отлученный, отправлялъ торжественное богослуженіе, и что должностныя лица смиренно цѣлуютъ у него руки. Пошли еще дальше въ дѣлѣ открытаго мятежа и рѣшили, чтобы онъ снова началъ проповѣдывать. Выборы новой синьоріи предстояли въ мартѣ; народъ началъ менѣе повиноваться Савонаролѣ, и необходимо было, чтобы его краснорѣчіе обезпечило ему безопасность и сохранило власть въ рукахъ Piagnoni. Вслѣдствіе этого 11 февраля онъ снова явился въ каѳедральномъ соборѣ, гдѣ поставили на старыя мѣста лавки и эстрады для публики; но много богобоязненныхъ Piagnoni не явилось слушать проповѣдь отлученнаго отъ Церкви подъ предлогомъ, что нужно съ уваженіемъ относиться ко всякому, какъ справедливому, такъ и несправедливому, приговору Церкви [2]).

Проповѣди Савонаролы на тексты изъ Исхода—его послѣднія проповѣди—были болѣе рѣзки, чѣмъ всѣ прежнія. Онъ могъ опровергнуть свое настоящее положеніе, только доказавъ, что анаѳема, произнесенная папою, не имѣетъ значенія; и онъ доказывалъ это въ такихъ выраженіяхъ, которыя вызвали въ Римѣ самое сильное негодованіе. 26 февраля поспѣшно было послано синьоріи breve, въ которомъ приказывалось подъ угрозой интердикта арестовать Савонаролу и выслать его въ Римъ. Это посланіе осталось мертвою буквою; но одновременно каноникамъ собора было предписано не допускать Савонаролу въ Церковь. 1-го марта Савонарола явился въ соборъ и объявилъ, что онъ будетъ проповѣдывать въ церкви св. Марка, куда за нимъ послѣдовала толпа слушателей. Но въ этотъ самый день судьба рѣшила его паденіе: власть перешла къ синьоріи, состоявшей въ большинствѣ изъ Arrabiati, во главѣ которыхъ, въ качествѣ гонфалоньера, стоялъ одинъ изъ самыхъ ожесточенныхъ его враговъ, Петръ Пополески. Однако, Савонарола пользовался еще такимъ авторитетомъ среди народа, что на него не осмѣлились напасть открыто и ждали случая, чтобы сломить его [3]).

Первымъ дѣломъ новаго правительства было обращеніе къ папѣ: 4 марта синьорія просила папу извинить ея неповиновеніе его указамъ и призывала милость Св. Отца на Савонаролу, труды котораго были такъ полезны и въ которомъ населеніе Флоренціи видѣло высшее существо. Быть можетъ, въ этомъ крылся коварный замыселъ воспламенить гнѣвъ папы; во всякомъ случаѣ изъ отвѣта Александра видно, что онъ прекрасно понималъ выгоды новаго положенія. Савонарола—это «жалкій червь земли», который въ недавно изданной проповѣди заклиналъ Бога послать его въ адъ, если онъ попроситъ когда-либо прощенія. Папа не замедлитъ послать граматы, но онъ ждетъ теперь отъ синьоріи не словъ, а дѣла. Если городскія власти Флоренціи желаютъ избѣгнуть интердикта, который будетъ снятъ только тогда, когда онѣ совершенно покорятся, то нужно, чтобы онѣ послали въ Римъ своего чудовищнаго идола или чтобы лишили его всякаго сношенія съ людьми.

---

[1]) Villari, II, 25—8, 35—6, 79; App. XXXIX.—Processo autentico, 535.—Landucci, 152—3, 157.
[2]) Landucci, 161—2.—Machiavelli, «Frammenti istorici» («Opere», II, 58, изд. 1782 г.).
[3]) Landucci, 164.—Perrens, 231.—Villari, II, App. LXVI.

Библиотека "Руниверс"

САВОНАРОЛА ПРОПОВѢДУЕТЪ ПРОТИВЪ РОСКОШИ.
(Langenmantel).

Библиотека "Руниверс"

Но Савонарола не былъ осужденъ на вѣчное молчаніе; когда онъ смирится какъ слѣдуетъ, то ему будетъ разрѣшено проповѣдывать [1]).

Это посланіе было получено во Флоренціи 13 марта и вызвало горячіе споры. Мы уже видѣли, что интердиктъ, наложенный папой, могъ повлечь за собой не только утрату духовныхъ привилегій, но также изгнаніе отовсюду отлученнаго и конфискацію его имущества. Для людей коммерческихъ это грозило полнымъ разореніемъ. Купцы и банкиры Флоренціи получали отъ своихъ корреспондентовъ изъ Рима очень тревожныя вѣсти: папа въ своемъ гнѣвѣ рѣшилъ предоставить ихъ имущество на разграбленіе. Ужасъ охватилъ городъ; мало-по-малу распространился слухъ, что страшный интердикъ уже наложенъ. Но вліяніе Савонаролы было еще настолько сильно, что, послѣ горячихъ споровъ по поводу разныхъ проектовъ, синьорія только 17 марта рѣшила послать къ нему ночью пять гражданъ умолять его перестать нѣкоторое время проповѣдывать. Говоря, что онъ отказывается повиноваться приказаніямъ папы, Савонарола обѣщалъ уважать желанія свѣтской власти; но когда ему была передана просьба синьоріи, то онъ отвѣтилъ, что прежде всего онъ обязанъ слѣдовать волѣ Того, который послалъ его проповѣдывать; а на другой день съ высоты каѳедры церкви св. Марка онъ такъ формулировалъ свой отвѣтъ: «Внимайте, ибо такъ говоритъ Господь: прося Брата отказаться отъ проповѣди, обращаются съ подобной просьбой ко Мнѣ, а не къ нему, ибо это Я проповѣдую; это Я уступаю вашей просьбѣ и въ то же время отвергаю ее. Господь согласенъ, насколько дѣло касается проповѣди, но не насколько оно касается вашего спасенія» [2]).

Невозможно было уступить болѣе неудачно, выказавъ въ то же время вполнѣ свою гордость; враги Савонаролы почерпнули изъ этихъ словъ новую смѣлость. Францисканцы побѣдоносно громили его съ высоты каѳедръ, которыми располагали; друзья безпорядка, которымъ надоѣло господство добродѣтели, начали дѣйствовать въ пользу распущенности, возврата которой они настоятельно требовали. Злые насмѣшники среди бѣлаго дня издѣвались надъ Савонаролой; черезъ недѣлю послѣ этого на стѣнахъ были расклеены объявленія, приглашавшія народъ сжечь дворцы Франческо Валори и Паоло Антоніо Содерини, двухъ главныхъ сторонниковъ Савонаролы. Агенты Миланскаго герцога немного ошибались, когда радостно писали своему повелителю, что паденіе Брата, законнымъ или незаконнымъ путемъ, совершится скоро [2]).

Въ это время Савонарола прибѣгъ къ послѣднему средству, которымъ могъ располагать. 13-го марта Савонарола открыто пригласилъ Александра получше беречься, такъ какъ отнынѣ между ними миръ невозможенъ; послѣ этого онъ обратился ко всѣмъ властителямъ христіанскаго міра съ граматами, которыя, какъ говорилъ онъ, были написаны по особому приказанію и отъ имени Бога; въ нихъ онъ побуждалъ князей созвать вселенскій соборъ, который далъ бы Церкви реформу. Она глубоко поражена, начиная отъ самаго высшаго и до самаго низшаго своего члена; она такъ сильно поражена, что Богъ не допустилъ, чтобы она имѣла законнаго главу. Александръ VI—не папа и не можетъ быть избранъ въ папы, во-первыхъ, въ виду симоніи, цѣною которой онъ купилъ тіару, и въ виду своей испорченности, которая, если бы ее разоблачить, возбудила бы всеобщее негодованіе; а во-вторыхъ, потому что онъ не христіанинъ и не вѣритъ въ Бога. Все это Савонарола предлагалъ доказать фактами, а также чудесами, которыя Богъ произведетъ, чтобы убѣдить невѣрующихъ. Это грозное посланіе было адресовано съ нѣкоторыми незначительными измѣненіями Императору и королямъ Франціи, Испаніи, Англіи и Венгріи.

---

[1]) Perrens, 232—5, 365 - 92. Cf. Villari, II, 145.

Святотатственное воззваніе къ Богу было дѣйствительно сдѣлано Савонаролой въ проповѣди 11-го февраля (Villari, II, 88).

[2]) Perrens, 237, 238.—Landucci, 164—66.

[3]) Landucci, 166.—Villari, II. App. стр. LVIII—LXII.

Библиотека "Руниверс"

Одинъ экземпляръ этого письма, посланный предварительно Доминикомъ Маззинги посланнику Флоренціи при французскомъ дворѣ Джованни Гуаскони, случайно попалъ въ руки миланскаго герцога, который, будучи врагомъ Савонаролы, поторопился переслать его папѣ [1]).

Можно легко представить себѣ гнѣвъ Александра. Особенно разсердило его не обиліе личныхъ обвиненій, на которыя онъ смотрѣлъ съ циничнымъ презрѣніемъ, но призывъ къ созыву собора, котораго послѣ соборовъ Констанца и Базеля всегда желали реформаторы и боялось папство. Общее недовольство христіанскаго міра дѣлало созывъ собора чрезвычайно опаснымъ. Незадолго передъ этимъ, въ 1482 г., нѣсколько помѣшанный архіепископъ Краинскій Андрей смутилъ всю Европу тѣмъ, что на свою собственную отвѣтственность созвалъ изъ Базеля соборъ и въ теченіе шести мѣсяцевъ, благодаря покровительству магистратовъ, не обращалъ вниманія на усилія Сикста IV и на анаѳемы инквизитора Генриха Институрисъ, пока Фридрихъ III, послѣ нѣкоторыхъ безуспѣшныхъ увертокъ, не посадилъ его въ тюрьму. Въ томъ же самомъ 1482 г. Фердинандъ и Изабелла, грозя созывомъ собора, заставили Сикста IV отказаться отъ своего высокомѣрнаго плана назначить на каѳедры Испаніи своихъ креатуръ. Въ 1495 г. повсюду распространился слухъ, что императоръ намѣренъ вызвать папу на соборъ, который состоится во Флоренціи. Нѣсколько лѣтъ передъ этимъ мятежный кардиналъ Джуліано делла Ровере, бѣжавшій во Францію, неустанно побуждалъ Карла VIII созвать вселенскій соборъ; въ 1497 г. Карлъ передалъ этотъ вопросъ на обсужденіе Парижскаго университета, который высказался за соборъ. Несомнѣнно, мысль, что Савонарола совершенно одинъ могъ заставить князей созвать соборъ, была нелѣпа, но онъ направилъ свой ударъ въ самое чувствительное мѣсто папства, и завязалась безпощадная борьба [2]).

Неизбѣжный впрочемъ конецъ наступилъ раньше и былъ болѣе трагическій, чѣмъ могли предполагать самые тонкіе наблюдатели. Среди противорѣчивыхъ сообщеній друзей и враговъ невозможно точно установить, какимъ образомъ дошли до странной мысли Sperimento del Fuoco, повлекшаго къ немедленной развязкѣ. Вотъ какъ, по всей вѣроятности, происходило дѣло. Такъ какъ братъ Савонарола былъ осужденъ на молчаніе, то его замѣнилъ Доминикъ да Пешіа. Положеніе съ каждымъ днемъ осложнялось, и Доминикъ въ своемъ безтолковомъ рвеніи предложилъ выяснить истину, защищаемую его наставникомъ, тѣмъ, что онъ или бросится внизъ головой съ крыши дворца Синьоріи, или бросится въ рѣку, или пройдетъ черезъ огонь. По всей вѣроятности, это была только реторическая фигура, но францисканецъ Франческо делла Пулья, съ успѣхомъ проповѣдывавшій въ церкви Св. Креста, принялъ вызовъ и вызвался выступить вмѣстѣ съ бр. Савонаролой на судъ Божій. Но послѣдній отказался подвергнуться испытанію, если не будутъ присутствовать на немъ папскій легатъ и представители всѣхъ христіанскихъ князей, чтобы это испытаніе могло сдѣлаться началомъ общей реформы Церкви. Тогда бр. Доминикъ

---

[1]) Villari, II, 129, 132—5; App. LXVIII—LXXI, CLXXI.—Baluz. et Mansi, I, 584—5.—Perrens, 373—5.—Burlamacchi, 551.—Въ своемъ сознаніи 21 мая Савонарола заявилъ, что мысль о соборѣ явилась у него въ умѣ только за три мѣсяца передъ этимъ (Villari, II. App. CXCII).

[2]) Landucci, 113.—Chron. Glassberger, ann. 1482.—Raynald. ann. 1492, № 25.—Pulgar, «Crónica de los Reyes Católicos», II, CIV.—Comba, «La Riforma in Italia», I, 491.—Nardi, lib. II, 79.

Современникъ этихъ событій Глассбергеръ говоритъ о попыткѣ Андрея Краинскаго слѣдующее: «Nisi enim auctoritas imperatoris intervenisset, maximum in ecclesia schisma suborlum fuisset. Omnes enim aemuli domini papae ad domini imperatoris consensum respiciebant pro concilio celebrando». Тюремное заключеніе въ оковахъ въ теченіе года сломило мужество Андрея, составившаго торжественное отреченіе отъ своихъ нападокъ на Св. Престолъ. Этотъ документъ съ просьбой о помилованіи былъ отправленъ къ Сиксту IV, давшему прощеніе; но до возвращенія пословъ несчастный реформаторъ повѣсился въ своей кельѣ (ubi supra, ann. 1483).

Библиотека "Руниверс"

принялъ вызовъ и 27 или 28-го марта велѣлъ прибить на главныхъ входныхъ дверяхъ церкви Св. Креста объявленіе, что онъ предлагаетъ подтвердить доказательствами или чудомъ слѣдующія положенія: 1) Церковь Господня нуждается въ реформѣ; 2) Церковь должна понести наказаніе; 3) Церковь будетъ реформирована; 4) Послѣ наказанія во Флоренціи будутъ произведены реформы и она будетъ благоденствовать; 5) Невѣрные будутъ обращены; 6) Отлученіе бр. Джироламо не имѣетъ значенія; 7) Не грѣшно не обращать вниманія на отлученіе. Бр. Франческо не безъ основанія говорилъ, что большинство этихъ положеній не стоитъ спора, но что онъ, такъ какъ необходима демонстрація, согласенъ пройти черезъ огонь вмѣстѣ съ бр. Доминикомъ. Хотя онъ былъ увѣренъ, что сгоритъ, но соглашался на эту жертву, чтобы освободить флорентинцевъ отъ ихъ ложнаго идола [1]).

Страсти разгорѣлись съ обѣихъ сторонъ; буйныя партіи волновали городъ. Чтобы помѣшать вспышкѣ, синьорія вызвала обоихъ противниковъ и заставила ихъ 30 марта подписать письменное обязательство подвергнуться странному испытанію. Триста лѣтъ передъ этимъ подобное безуміе могло бы показаться разумнымъ; но Латеранскій соборъ 1215 г. запретилъ всякія подобныя ордаліи и рѣшительно исключилъ ихъ изъ церковной практики.

Бр. Франческо объявилъ, что у него нѣтъ никакого спора съ Доминикомъ, что если Савонарола согласенъ подвергнуться испытанію, то онъ готовъ сопровождать его, но если вопросъ идетъ о комъ-либо другомъ, то онъ выставитъ замѣстителя; послѣдняго легко было найти въ лицѣ знатнаго флорентинца, монаха его ордена, бр. Джуліано Рондинелли. Съ другой стороны, всѣ монахи монастыря св. Марка, въ числѣ около трехсотъ, подписались подъ обязательствомъ принять участіе въ ордаліи, а Савонарола заявилъ, что въ данномъ случаѣ первый встрѣчный можетъ рискнуть, ничего не боясь. Энтузіазмъ былъ такъ великъ, что наканунѣ дня испытанія, когда Савонарола говорилъ по этому поводу проповѣдь въ церкви св. Марка, всѣ присутствовавшіе поднялись, какъ одинъ человѣкъ, и каждый предложилъ заступить мѣсто Доминика, чтобы отстоять истину.

Въ условіяхъ, предложенныхъ синьоріей, говорилось, что если представитель доминиканцевъ погибнетъ одинъ или вмѣстѣ съ своимъ противникомъ, то Савонарола долженъ покинуть городъ, пока его не призовутъ обратно; если падетъ одинъ только францисканецъ, то бр. Франческо подвергнется изгнанію; то же наказаніе было опредѣлено той изъ двухъ партій, которая въ послѣднюю минуту уклонится отъ ордаліи [2]).

Синьорія назначила десять гражданъ предсѣдательствовать на испытаніи, которое было назначено на 6 апрѣля, а затѣмъ отложено на одинъ день въ надеждѣ, что отъ папы, къ которому обратились за разрѣшеніемъ, будетъ полученъ отрицательный отвѣтъ. Отвѣтъ этотъ, дѣйствительно, пришелъ но онъ былъ полученъ слишкомъ поздно; быть-можетъ, это было сдѣлано умышленно. 7 апрѣля приступили къ окончанію приготовленій. На Piazza de Signori воздвигли огромный костеръ изъ сухихъ дровъ; онъ достигалъ высоты глазъ, а посреди его была оставлена дорожка для борцовъ. Не пожалѣли ни пороха, ни масла, ни сѣры, ни спирта, чтобы быть спокойнымъ, что пламя сразу охватитъ костеръ; зажечь костеръ должны были съ одной стороны, съ другой же должны были войти борцы, сзади которыхъ немедленно должны были поджечь вязанки хвороста, чтобы отрѣзать имъ отступленіе. Огромная толпа зрителей наполнила площадь; окна и крыши домовъ были черны отъ народа. Сторонники Савонаролы были въ большинствѣ, и францисканцы были терроризованы, пока не прибыли на своихъ боевыхъ коняхъ Compagnaccі, молодые люди знатныхъ фамилій, вооруженные съ ногъ до головы и сопрово-

---

[1]) Burlamacchi, 559.—Landucci, 166—7.—Processo autentico, 535—7.—Villari, II, App. LXXI слѣд.

[2]) Landucci, 167—8.—Processo autentico, 536—8.—Villari, II, App. XCI—XCIII.

Библиотека "Руниверс"

ждаемые каждый восемью или десятью сторонниками; всего ихъ было до пятисотъ, и во главѣ ихъ шествовалъ Доффо Спини [1]).

Францисканцы прибыли первыми на мѣсто испытанія и были страшно безпокойны и взволнованы. Затѣмъ показалась процессія доминиканцевъ; они шли числомъ до двухсотъ человѣкъ, распѣвая псалмы. Объ партіи представились синьоріи, и францисканцы, подъ предлогомъ, что они опасаются какого-нибудь колдовства, просили, чтобы Доминикъ переодѣлся. Согласіе было дано безъ всякаго труда, и оба состязателя тутъ же переодѣлись; но было потрачено безконечно много времени на разныя мелочи. Доминиканцы требовали, чтобы Доминику было разрѣшено нести въ правой рукѣ крестъ съ распятіемъ, а въ лѣвой—освященную облатку. Были сдѣланы возраженія противъ распятія, и Доминикъ согласился уступить; но его нисколько не поколебалъ крикъ ужаса, вызванный вопросомъ о святой облаткѣ. Савонарола держался твердо. Богъ открылъ брату Сальвестро, что св. дары необходимы; вопросъ этотъ горячо обсуждался до мелочей; въ это время синьорія объявила, что ордаліи не будетъ, и францисканцы удалились, а за ними пошли и доминиканцы. Толпа, терпѣливо ожидавшая подъ проливнымъ дождемъ и подъ страшной грозой, пришла въ ярость, что обѣщанное зрѣлище не состоялось. Потребовался сильный конвой, чтобы довести доминиканцевъ живыми и здоровыми до ихъ монастыря св. Марка. Если бы въ этомъ дѣлѣ люди дѣйствовали сознательно, то нужно было бы удивляться, что жители увидѣли въ этомъ торжество францисканцевъ; но Савонарола обѣщалъ чудо; его сторонники непреклонно вѣрили въ его предсказаніе, такъ что это нерѣшенное испытаніе было въ ихъ глазахъ пораженіемъ; это было знаменіе, что Савонарола не могъ разсчитывать на вмѣшательство Бога. Вѣра учениковъ въ ихъ пророка поколебалась. Compagnacci, внѣ себя отъ радости, поносили его, а Piagnoni не знали, что сказать въ его защиту [2]).

Враги его торопились воспользоваться благопріятнымъ для нихъ положеніемъ. На другой день было Вербное Воскресеніе. Улицы наполнились торжествующими Arrabiati; Piagnoni, которые осмѣливались показаться на улицахъ, были ошиканы и осыпаны камнями Во время вечерни доминиканецъ Маріано де Уги хотѣлъ произнести проповѣдь въ каѳедральномъ соборѣ, гдѣ было много народу; но Compagnacci, бывшіе въ большинствѣ, прервали проповѣдника, а слушателямъ приказали расходиться; кто не исполнилъ этого приказанія, на тѣхъ напали и многихъ ранили. Затѣмъ кто-то закричалъ: «Къ св. Марку»!—и вся толпа бросилась туда. Уже входныя двери доминиканской церкви осаждались уличными мальчишками, крики которыхъ мѣшали совершавшемуся внутри богослуженію; когда же ихъ попросили замолчать, то они пустили градъ камней, и пришлось запереть входныя двери. Когда прибыла толпа изъ собора, то молящіеся съ трудомъ спаслись монастырскими переходами. Франческо Валори и Паоло Антоніо Содерини въ это время совѣщались съ Савонаролой. Содерини удалось бѣжать изъ города, а Валори былъ схваченъ у городскихъ стѣнъ и его притащили къ его замку, который Compagnacci уже начали осаждать. На его глазахъ была убита его жена, которая черезъ окно вступила въ переговоры съ осаждающими; одинъ изъ его дѣтей и одна служанка были ранены; дворецъ разграбили и сожгли; самому Валори враги его, Торнабуони и Рудольфи, нанесли ударъ сзади и убили его. Два другихъ дома, принадлежавшихъ сторонникамъ Савонаролы, были также разграблены и сожжены [3]).

---

[1]) Perrens, 379—81.—Burlamacchi, 560, 562.—Landucci, 168.—Processo autentico, 540—41.

[2]) Landucci, 168—9.—Processo autentico, 542.—Burlamacchi, 563.—Villari, II. App. стр. LXXV—LXXX, LXXXIII—XC.—Guicciardini, lib. III, c. 6.

Флорентинцы не упустили случая указать, что внезапная смерть Карла VII 7 апрѣля была послана королю въ наказаніе за то, что онъ покинулъ Савонаролу и республику. Nardi, lib. II, 80.

[3]) Landucci, 170.—Processo autentico, 534, 543.—Burlamacchi, 564.

Библиотека "Руниверс"

Комната въ б. монастырѣ св. Марка, гдѣ жилъ и проповѣдывалъ Савонарола.

Библиотека "Руниверс"

Среди этого волненія синьорія выпустила одно за другимъ четыре объявленія; въ нихъ приказывалось Савонаролѣ до истеченія двѣнадцати часовъ покинуть флорентинскую область, а всѣмъ міранамъ, не позже чѣмъ черезъ часъ, очистить церковь св. Марка. Хотя другія, вышедшія послѣ этого, объявленія грозили смертью всякому, кто войдетъ въ церковь, но всѣ эти мѣры лишь признавали законность мятежа и раскрывали тайну происхожденія возстанія. Нападеніе на монастырь св. Марка перешло въ правильную осаду. Положеніе уже нѣсколько времени раньше казалось настолько обостреннымъ, что монахи благоразумно запаслись оружіемъ; и, несмотря на строгое запрещеніе Савонаролы, они и ихъ друзья мужественно воспользовались имъ теперь; произошла стычка, въ которой съ двухъ сторонъ было болѣе ста раненыхъ и убитыхъ. Наконецъ, синьорія послала стражу схватить Савонаролу и его главныхъ сотрудниковъ, Доминика и Сальвестро, съ обѣщаніемъ, что имъ не будетъ сдѣлано ничего дурного. Сопротивленіе прекратилось; Савонарола и Доминикъ были найдены въ монастырской библіотекѣ, но Сальвестро спрятался и былъ арестованъ только на другой день. Плѣнникамъ надѣли цѣпи на руки и на ноги и повели въ такомъ видѣ по улицамъ, и ихъ тѣлохранители не могли защитить ихъ отъ ударовъ ногами и кулаками разъяренной толпы [1]).

Слѣдующій день прошелъ сравнительно спокойно. Объединеніе аристократіи съ отбросами населенія вызвало полную революцію. Piagnoni были совершенно терроризованы. Побѣдители не щадили бранныхъ словъ по адресу Савонаролы, а всякій, пытавшійся заступиться за него, рисковалъ заплатить жизнью. Но чтобы торжество это было продолжительно, надо было прежде всего дискредитировать побѣжденнаго въ глазахъ народа, а затѣмъ, безъ замедленія, казнить его. Лихорадочно работали, чтобы придать юридическое оправданіе заранѣе предрѣшенному убійству. Въ тотъ же день назначили особый трибуналъ изъ семнадцати членовъ, набранныхъ среди главныхъ враговъ Савонаролы; въ числѣ ихъ былъ и Доффо Спини. Этотъ трибуналъ принялся за дѣло уже 10 апрѣля, хотя актъ назначенія, заключавшій разрѣшеніе примѣнять пытку, былъ опубликованъ только 11 апрѣля. У папы было испрошено разрѣшеніе нарушить неприкосновенность узниковъ, какъ лицъ духовнаго званія; но дѣло начали, не дождавшись отвѣта, который, конечно, былъ благопріятенъ. Къ членамъ трибунала было присоединено два папскихъ комиссара. Савонарола и его спутники, все еще въ цѣпяхъ, были приведены въ Барджелло. Въ оффиціальномъ отчетѣ говорится, что сначала Савонаролу допрашивали кротко, но такъ какъ онъ не сознавался, то ему пригрозили пыткой; угроза эта не произвела дѣйствія, и его подвергли тремъ съ половиной tratti di fune. Это былъ обычный видъ пытки, соотвѣтствующій дыбѣ: узнику завязывали руки за спиной, затѣмъ, при помощи веревки, привязанной къ кистямъ рукъ, его поднимали кверху и сейчасъ же опускали, причемъ рѣзко останавливали его паденіе раньше, чѣмъ ноги его коснутся пола. Иногда, чтобы сдѣлать пытку болѣе мучительной, къ ногамъ пытаемаго привязывали грузъ. Въ оффиціальномъ отчетѣ говорится, что уже первое примѣненіе пытки вырвало у Савонаролы полное признаніе; но современники думали, что пытка была повторяема нѣсколько разъ съ крайней жестокостью [2]).

---

[1]) Landucci, 171.—Processo autentico, 544, 549.—Burlamacchi, 564.—Nardi, lib. II, 78.—Villari, II, 173—77; App. стр. XCIV, CXXV, CXXXIII.

[2]) Landucci, 171—2.—Villari, II, 178; App. стр. CLXV.—Processo autentico, 550—51.

Віоли говоритъ (Villari, II. App. CXVI—VII), что пытка примѣнялась много разъ, что въ одинъ вечеръ Савонаролу поднимали на дыбы до самаго потолка четырнадцать разъ, и что руки его были такъ изуродованы, что онъ не могъ самъ ѣсть. Но это, несомнѣнно, преувеличено, такъ какъ Савонарола написалъ въ тюрьмѣ нѣсколько трактатовъ о милосердіи. Бурламакки говоритъ, что его нѣсколько разъ пытали веревкой и огнемъ (стр. 566, 568). Папскій протонотарій Бурхардъ утверждаетъ, что его пытали семь разъ, а Бурхардъ не могъ не знать

Библиотека "Руниверс"

Какъ бы то ни было, но нервная система Савонаролы была черезчуръ чувствительна, чтобы онъ могъ долго выносить мученія, которыя, какъ онъ зналъ, будутъ повторяемы безконечно людьми, рѣшившимися добиться своего; и онъ просилъ прекратить пытку, обѣщая сказать все, что зналъ. Допросъ его длился до 18 апрѣля; но, какова бы ни была его добрая воля, его сознаніе надо было выправить раньше, чѣмъ обнародовать. Для этого безчестнаго дѣла былъ найденъ усердный работникъ въ лицѣ Серъ Чекконе. Старый сторонникъ Медичи, спасенный отъ смерти Савонаролой, давшимъ ему убѣжище въ монастырѣ св. Марка, онъ отблагодарилъ своего благодѣтеля чернымъ убійствомъ. Какъ нотаріусъ, онъ прекрасно зналъ подобнаго рода дѣла; въ его ловкихъ рукахъ отрывистые отвѣты Савонаролы приняли форму самаго отвратительнаго разсказа, въ которомъ обвиняемый выдавалъ всѣхъ друзей [1]).

Съ самаго начала онъ признавалъ себя обманщикомъ, человѣкомъ недостойнымъ вѣры, единственною цѣлью котораго было добиться могущества путемъ обмана народа. Если бы его проектъ созыва собора окончился избраніемъ его въ папы, то онъ не отказался бы отъ этого званія; но если бы этого и не случилось, то онъ все равно сдѣлался бы самымъ могущественнымъ человѣкомъ на землѣ. Для достиженія своихъ плановъ онъ вооружалъ однихъ гражданъ противъ другихъ и вызвалъ разрывъ между городомъ и Св. Престоломъ, стараясь образовать правленія по образцу Венеціанской республики, при чемъ пожизненнымъ дожемъ долженъ былъ быть Франческо Валори. Характеръ процесса ясно сказался въ томъ, какъ мало обращали вниманія на духовныя заблужденія Савонаролы,—между тѣмъ это было единственно, въ чемъ его можно было уличить, и въ томъ, съ какою излишнею подробностью были собраны данныя о его политической дѣятельности и о его сношеніяхъ съ гражданами, которыхъ хотѣли погубить вмѣстѣ съ нимъ. Если хотѣли соблюсти общія юридическія формы, то его чрезмѣрное смиреніе превзошло намѣренія его враговъ. Вынудивъ у него сознаніе въ томъ, что онъ не былъ пророкомъ и что втайнѣ онъ вѣрилъ въ дѣйствительность папскаго отлученія, его избавили тѣмъ самымъ отъ обвиненія въ упорной ереси и законнымъ образомъ его могли приговорить только къ епитиміи. Но нисколько не заботились о томъ, чтобы остаться въ рамкахъ закона; прежде всего было существенно важно дискредитировать его въ глазахъ народа, а затѣмъ уже можно было безнаказанно совершить законное убійство [2]).

дѣла и не имѣлъ основанія преувеличивать (Burch. «Diar. ap.» Preuves des Mémoires de Commines, Брюссель, 1706, стр. 424). Комминъ, историкъ хорошо освѣдомленный, говоритъ: le gesnèrent à merveilles («Mémoires» lib. VIII, гл. 19). Но самое достовѣрное свидѣтельство дано сеньоріей, которая, отвѣчая на упреки папы Александра въ медленномъ веденіи дѣла, заявила, что ей пришлось имѣть дѣло съ человѣкомъ, на рѣдкость упорнымъ; его неустанно пытали въ теченіе нѣсколькихъ дней, чтобы вырвать немного признаній: «Multa et assidua quaestione, multis diebus, per vim vix pauca extorsimus, quae nunc celare animus erat donec omnia nobis paterent sui animi involucra». (Villari, II, 197).

[1]) Landucci, 172.—Processo autentico, 550.—Perrens, 267—8.—Burlamacchi, 566—7.—Villari, II, 188, 193; App. CXVIII—XXI.

Въ легендѣ о Савонаролѣ говорится, что онъ предсказалъ Серъ Чекконе, что онъ умретъ въ теченіе года, если не велитъ вычеркнуть изъ сознанія нѣкоторыхъ вставокъ; и предсказаніе это, добавляютъ, исполнилось, такъ какъ Чекконе умеръ въ назначенный срокъ безъ послѣдняго причастія, отказавшись, въ своемъ отчаяніи, отъ помощи религіи (Burlamacchi, 575.—Violi ap. Villari, II. App. CXXVII).

Чекконе продѣлалъ то же и съ сознаніемъ бр. Доминика (Villari, II. App. Doc. XXVII).

[2]) Processo autentico, 551—64, 567.—Villari, II. App. CXLVII и слѣд.

Віоли сообщаетъ, что признаніе, исправленное Чекконе, было отпечатано и пущено въ обращеніе сиьоріей, думавшей такимъ способомъ оправдать свое поведеніе; но это опубликованіе признанія имѣло такъ мало успѣха въ народѣ, что черезъ нѣсколько уже дней было приказано вернуть всѣ экземпляры (Villari, II. App. CXIV).

Библиотека "Руниверс"

Первое удалось чудесно. 19 апрѣля публично въ присутствіи всѣхъ, пожелавшихъ прійти, было прочтено въ большой залѣ совѣта признаніе Савонаролы. Впечатлѣніе, произведенное этимъ чтеніемъ, описано намъ добродушнымъ Лукою Ландуччи, который былъ искреннимъ и преданнымъ, хотя и робкимъ сторонникомъ Савонаролы, и которому горько было видѣть, какъ пала его иллюзія, какъ разсѣялись его чудныя мечты, которыя раздѣляли всѣ ученики Савонаролы. Глубока была грусть его, когда онъ услышалъ признаніе человѣка, «котораго мы считали пророкомъ, и который теперь сознался, что онъ не былъ пророкомъ и что пророчества его не были открыты ему Богомъ. Я былъ пораженъ, вся душа моя наполнилась печалью при видѣ паденія зданія, которое рухнуло, потому что было построено на лжи. Я надѣялся, что Флоренція сдѣлается новымъ Іерусалимомъ, откуда будутъ исходить законы, блескъ и примѣръ святой жизни; я надѣялся увидѣть обновленную Церковь, невѣрныхъ обращенными и добрыхъ исполненными радости. Все это пало въ моихъ глазахъ, и я долженъ испить эту горькую чашу!» (Метафора довольно естественная, такъ какъ Ландуччи былъ аптекаремъ [1]).

Однако, синьорія не была удовлетворена. 21-го апрѣля началось новое дѣло; Савонаролу снова подвергли пыткѣ и у него вырвали самыя полныя признанія относительно его политическихъ дѣйствій [2]). Въ то же время арестовали массу людей, скомпрометированныхъ его сознаніемъ, а также признаніями Доминика и Сальвестро. Страхъ былъ такъ великъ, что многіе изъ его сторонниковъ бѣжали изъ города. 27-го арестованные были отведены въ Барджелло, гдѣ ихъ подвергли столь жестокой пыткѣ, что послѣ полудня проходившіе мимо слышали все время ихъ крики; но не удалось вырвать у нихъ ни одного показанія противъ Савонаролы. У стоявшихъ у власти магистратовъ оставалось мало времени для окончанія дѣла, такъ какъ власть ихъ прекращалась съ концомъ мѣсяца; правда, незаконными и произвольными мѣрами они обезпечили свои мѣста людямъ своего лагеря. Послѣднимъ оффиціальнымъ ихъ актомъ было изгнаніе 30 апрѣля десяти обвиненныхъ гражданъ и наложеніе на двадцать три другихъ разныхъ штрафовъ, въ общемъ на сумму въ 12000 флориновъ [3]).

Новая синьорія, вступившая въ управленіе 1-го мая, тотчасъ же освободила изъ тюрьмы всѣхъ заключенныхъ гражданъ, кромѣ Савонаролы и его товарищей. Послѣдніе, какъ доминиканцы, не подлежали суду свѣтской власти; но синьорія немедленно обратилась къ папѣ Александру съ просьбой разрѣшить осудить и казнить ихъ. Папа отказалъ и повелѣлъ передать ихъ на его судъ; этимъ онъ подтвердилъ свое прежнее приказаніе, данное имъ, когда онъ узналъ объ арестѣ Савонаролы. Республика представила нѣкоторыя возраженія на папское распоряженіе, несомнѣнно, въ силу того, конфиденціально сообщеннаго посланнику, соображенія, что Савонарола зналъ черезчуръ много тайнъ государства, чтобы его можно было выдать римской куріи. Но предложили, чтобы папа прислалъ во Флоренцію комиссаровъ, которымъ было бы поручено вести дѣло отъ его имени. Александръ согласился на это и особымъ бреве отъ 11-го мая предложилъ суффрагану архіепископа Флоренціи, епископу Везона, снять санъ съ подсудимыхъ, принадлежащихъ къ святымъ орденамъ, по ходатайству комиссаровъ, которымъ было поручено вести допросъ и все дѣло до выясненія окончательнаго приговора. Объ Инквизиціи въ этомъ папскомъ бреве не упоминается ни слова. Дѣйствительно, Святой Трибуналъ настолько палъ въ глазахъ населенія, что ему нельзя было поручить столь важнаго дѣла; кромѣ того, въ Тосканѣ Инквизиція была францисканская и поэтому дать особое полномочіе бывшему въ то время

---

[1]) Landucci, 173.—Burlamacchi, 567.

[2]) Это признаніе не было никогда обнародовано. Виллари, открывшій рукопись, напечаталъ ее въ своемъ Appendice, CLXXV.

[3]) Landucci, 174.—Processo autentico, 563.—Villari, 210. 217.—Nardi, lib. II, 79.

Библиотека "Руниверс"

инквизиторомъ брату Франческо да Монтальчино было бы неблагоразумно, такъ какъ это дѣлало бы францисканцевъ участниками въ гибели Савонаролы. Александръ въ данномъ случаѣ показалъ свою обычную хитрость; онъ избралъ для этого позорнаго дѣла генерала доминиканцевъ Джовакино Торріани, который пользовался славою человѣка кроткаго и снисходительнаго, а на самомъ дѣлѣ былъ человѣкъ безъ всякой воли; за спиной его скрывался дѣйствительный актеръ, его товарищъ Франческо Ромолино, клерикъ изъ Лериды, ревность котораго въ этомъ дѣлѣ была награждена кардинальской шапкой и архіепископской каѳедрой въ Палермо. Эти люди скорѣе были исполнителями, чѣмъ судьями: дѣло было уже раньше рѣшено въ Римѣ. Ромолино, не стѣсняясь, говорилъ всѣмъ громко: «У насъ будетъ хорошій костеръ, такъ какъ приговоръ у меня въ карманѣ» [1]).

Комиссары прибыли во Флоренцію 19 мая и приступили къ дѣлу, не теряя времени. Единственнымъ послѣдствіемъ папскаго вмѣшательства было то, что жертвы подверглись новымъ страданіямъ и новому безчестію. Уваженіе къ формѣ требовало, чтобы судьи, присланные папою, вмѣсто того, чтобы взять готовое дѣло, подвергли Савонаролу третьему суду. Приведенный 20-го мая передъ Ромолино, Савонарола отрекся отъ признанія, вырваннаго у него пыткою, и утверждалъ, что онъ посланъ Богомъ. Согласно съ инквизиціонными правилами подобное отреченіе дѣлало его еретикомъ рецедивистомъ, котораго можно было сжечь прямо; но его судьи, слѣдуя желаніямъ Александра, еще нѣсколько разъ подвергали несчастнаго пыткѣ на дыбѣ, и онъ взялъ назадъ свое отреченіе. Вопросъ о томъ, участвовалъ ли кардиналъ Неаполя въ проектѣ созыва вселенскаго собора, былъ предметомъ спеціальныхъ допросовъ; 21-го мая подъ вліяніемъ повторной пытки Савонарола призналъ этотъ фактъ, но 22-го мая онъ отрекся. Все признаніе, хотя и было ловко выправлено Серъ Чекконе, такъ походило на первое, что его никогда не обнародовывали. Да это и не было важно, такъ какъ все это дѣло было не что иное, какъ наглая пародія на судъ. По какой-то странной забывчивости имени Доминика да Пешіи не было въ папскомъ приказѣ. Самъ по себѣ онъ не имѣлъ никакого значенія, но ревностные флорентинцы убѣдили Ромолино, что будетъ опасно пощадить этого человѣка, на что комиссаръ небрежно отвѣтилъ: «Однимъ frataccio больше или меньше не составляетъ большой разницы», и вписалъ въ приговоръ имя несчастнаго. Доминикъ былъ не раскаявшимся еретикомъ, такъ какъ героически перенесъ самыя ужасныя пытки и не отрекся отъ своей вѣры въ горячо любимаго пророка [2]).

Обвиняемыхъ, по крайней мѣрѣ, не подвергли мукамъ ожиданія. Приговоръ былъ объявленъ 22 мая. Они были осуждены, какъ еретики, схизматики, мятежники противъ Церкви, сѣятели плевелъ, нарушители тайны исповѣди, и подлежали выдачѣ свѣтской власти. Чтобы «освобожденіе» носило законный характеръ, требовалось, чтобы еретикъ былъ рецедивистомъ или не раскаявшимся; но Савонарола не былъ ни тѣмъ, ни другимъ. Онъ всегда выражалъ готовность отречься отъ всякаго слова, которое Римъ признаетъ несогласнымъ съ ученіемъ Церкви; онъ сознался во всемъ, что отъ него потребовали, и его отреченіе послѣ прекращенія пытки не было признано «новымъ впаденіемъ въ грѣхъ»,

---

[1]) Landucci, 174.—Nardi, lib. II, 79.—Wadding. ann. 1496, № 7.—Perrens, 399.—Processo autentico, 522.—Burlamacchi, 568.—Brev. Hist. Ord. Praedicat. (Martène, «Ampl. Coll.» VI, 393).

Кардиналъ Ромолино умеръ въ 1518 году, обремененный годами и почестями.—Paridis de Grassis «Diariu». Romae, 1884, стр. 61.

[2]) Landucci, 176.—Nardi, lib. II, 80—81.—Burlamacchi, 568—Violi (Villari, II. App. CXXV).—Villari. II, 206—8, 229—33; App. CLXXXIV, CXCIV, CXCVII.

Допросъ Савонаролы въ присутствіи Ромолино представляетъ особенность, которой я нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не встрѣчалъ. 21-го мая Савонарола подвергся новой пыткѣ раньше, чѣмъ отъ него потребовали подтвержденія показаній, только что сдѣланныхъ имъ подъ давленіемъ повторныхъ пытокъ (Villari, II. App. CXCVI).

Библиотека "Руниверс"

Площадь Синьоріи во Флоренціи, на которой были сожжены Савонарола и его приверженцы.
(Флоренція, Музей св. Марка).

Библиотека "Руниверс"

такъ какъ онъ и его товарищи были допущены передъ казнью до причастія безъ соблюденія предварительной формальности отреченія; и это показываетъ, что на нихъ не смотрѣли какъ на еретиковъ или отлученныхъ отъ Церкви. Мало того, какъ будто для того, чтобы еще больше увеличить число погрѣшностей въ процессѣ, Савонаролѣ утромъ, въ день самой казни, позволили служить обѣдню и совершить таинство. Но какое значеніе имѣли юридическія правила въ глазахъ Борджіа, жаждавшаго мщенія? Наканунѣ вечеромъ на Piazza былъ воздвигнутъ огромный костеръ. Утромъ 23-го мая состоялось публичное снятіе сана съ осужденныхъ, послѣ чего они были выданы свѣтскимъ властямъ. Изъ-за ханжества ли, изъ-за угрызенія ли совѣсти, но Ромолино въ эту минуту отъ имени папы Александра далъ жертвамъ полное отпущеніе грѣховъ. Ко всѣмъ неправильностямъ синьорія прибавила новую, видоизмѣнивъ обычное наказаніе: осужденные сначала были повѣшены, а потомъ сожжены и, такимъ образомъ, молча перенесли наказаніе [1]).

Было обращено особое вниманіе на то, чтобы тѣла ихъ были совершенно уничтожены огнемъ; тщательно собрали весь пепелъ и бросили его въ Арно, чтобы помѣшать ученикамъ хранить его, какъ святыню. Однако, нѣкоторымъ вѣрующимъ удалось съ опасностью для жизни тайно взять нѣсколько угольковъ, плывшихъ по рѣкѣ, и нѣсколько лоскутковъ одежды, которые сохранялись, какъ сокровище, и почитались, какъ святыня, до послѣдняго времени. Если многіе ученики, подобно добродушному Ландуччи, разочаровались, то другіе сохранили въ него вѣру и долгое время ждали ежедневно прихода Савонаролы, который, какъ новый Мессія, возстановитъ христіанство и обратитъ невѣрныхъ. Ужасная участь Савонаролы произвела столь глубокое и сильное впечатлѣніе, что въ теченіе болѣе двухъ столѣтій, до 1703 г. мѣсто казни ежегодно, ночью въ годовой день, 23-го мая тайно усыпалось цвѣтами [2]).

Папскіе комиссары хорошо поживились, вызывая въ Римъ сторонниковъ Савонаролы и пользуясь страхомъ этихъ людей, чтобы за деньги дать имъ неприкосновенность. Флоренція уже не замедлила проявить свою реакцію противъ строгости нравовъ, которую наложилъ Савонарола на гражданъ. Снова улицы наполнились наглыми шелопаями; ссоры и убійства сдѣлались обычнымъ явленіемъ; страсть къ игрѣ вспыхнула съ новой силой; повсюду царила распущенность. «Казалось, говоритъ Нарди, что скромность и добродѣтель были запрещены закономъ». Всѣ вообще говорили, что со временъ Магомета никогда еще Церкви Бога не наносился подобный позоръ. «Можно было подумать, сообщаетъ Ландуччи, что адъ сошелъ на землю». Какъ бы нарочно для того, чтобы показать Церкви, что за люди были ея союзники, съ помощью которыхъ она подавила ненавистную реформу, наканунѣ Рождества того же года въ каѳедральный соборъ ввели лошадь, которую замучили до смерти, въ церковь св. Марка напустили козъ, а по всѣмъ другимъ церквамъ наложили assa foetida въ кадила; однако, мы не видимъ, чтобы эти святотатцы понесли какое-либо наказаніе. Церковь, чтобы дойти до желаннаго предѣла, пользовалась услугами людей нечестивыхъ; и она не могла жаловаться, что они такъ отплатили ей за позорную поддержку, которую она имъ оказала [3]).

Савонарола воздвигъ свое зданіе на пескѣ, и все было снесено потокомъ. Однако, хотя онъ и былъ наказанъ, какъ еретикъ, Церковь молчаливо созналась въ своемъ преступленіи, признавъ, что казненный былъ не еретикъ, а скорѣе святой. Лучшимъ сред-

---

[1]) Landucci, 176—7. - Processo autentico, 546.—Villari, II, 239; App. CXCVIII.—Cantù, «Eretici d'Italia», I, 229.—Burlamacchi, 569—70.—Nardi, lib. II, 82.

[2]) Landucci, 178.—Perrens, 281.—Processo autentico, 547.—Nardi, lib. II, 82.—Villari, II, 251

Бурламакки сообщаетъ (570—71), что для почитанія вѣрныхъ сохранили руку, кисть руки и сердце Савонаролы, но это, очевидно, легенда, придуманная для подтвержденія подлинности останковъ.

[3]) Nardi, lib. II, 82—83.—Landucci, 190—91.

Библиотека "Руниверс"

ствомъ снять съ себя всякую отвѣтственность было, какъ сдѣлалъ это Ваддингъ, передать все дѣло на таинственный судъ Бога. Послѣ того, какъ Савонарола былъ сожженъ, Торріани и Ромолино приказали 27-го мая, подъ страхомъ отлученія отъ Церкви, доставить имъ всѣ его сочиненія; но они не могли найти въ нихъ ни одного еретическаго мнѣнія и должны были ихъ вернуть владѣльцамъ, не измѣнивъ въ нихъ ни слова. Быть-можетъ, подобное разслѣдованіе было бы лучше сдѣлать до осужденія несчастнаго! Павелъ III заявилъ, что онъ будетъ считать еретикомъ всякаго, кто будетъ затрагивать память Савонаролы; затѣмъ Павелъ IV приказалъ особой комиссіи тщательно разсмотрѣть сочиненія Савонаролы, и она подтвердила, что въ нихъ нѣтъ ничего еретическаго. Пятнадцать рѣчей, въ которыхъ Савонарола обличалъ злоупотребленія духовенства, равно какъ его трактатъ De Veritate Prophetica, были внесены въ индексъ donec corrigantur, не какъ еретическія, а какъ не подходящія для чтенія общей массѣ вѣрующихъ. Бенедиктъ XIV въ своей серьезной работѣ De servorum Dei beatificatione вноситъ имя Савонаролы въ списокъ святыхъ и людей, прославившихся святостью. Была разрѣшена публичная продажа образовъ, на которыхъ Савонарола изображался въ ореолѣ славы; св. Филиппъ Нерійскій всегда носилъ у себя на груди такой образъ. Св. Францискъ де Поль признавалъ Савонаролу святымъ; св. Екатерина Риччи часто призывала его въ своихъ молитвахъ, вѣря въ силу его предстательства. Когда канонизовали Екатерину, то этотъ ея обычай былъ подвергнутъ критикѣ и обстоятельно разсмотрѣнъ консисторіей. Просперо Ламбертини, будущій Бенедиктъ XIV, былъ въ то время Promotor Fidei; онъ очень тщательно разслѣдовалъ этотъ вопросъ и пришелъ къ заключенію, что это нисколько не умаляетъ заслугъ Екатерины. Бенедиктъ XIII также очень основательно изучилъ этотъ вопросъ и, боясь, чтобы снова не вспыхнулъ старый споръ о законности осужденія Савонаролы, запретилъ совершенно его обсужденіе; это было косвенно признаніемъ святости мученика. Въ церквахъ Santa Maria Novella и св. Марка Савонарола былъ представленъ, какъ святой, а Рафаэль изобразилъ его на фрескахъ въ Ватиканѣ среди докторовъ Церкви. Доминиканцы долгое время почитали его память и охотно видѣли въ немъ дѣйствительнаго пророка и неканонизованнаго святого. Когда въ 1598 г. Климентъ VIII старался захватить Феррару, то онъ, говорятъ, далъ обѣтъ въ случаѣ успѣха канонизовать Савонаролу; надежда доминиканцевъ была въ это время такъ горяча, что они уже заранѣе составили молебны въ честь новаго святого. Мало того, во многихъ доминиканскихъ монастыряхъ въ теченіе XVI ст. совершали богослуженія въ честь мученика въ годовой день его казни. Такимъ образомъ, чудесная исторія Савонаролы представляетъ собою прямую противоположность исторіи его соотечественника феррарца Арманно Понджилупо: послѣднему поклонялись, какъ святому, а потомъ сожгли его, какъ еретика; Савонаролу же сожгли, какъ еретика, а затѣмъ ему стали поклоняться, какъ святому [1]).

---

[1]) Wadding. ann. 1498, № 23.—Landucci, 178.—Perrens, 296—7.—Processo autentico, 524, 528.—Cantù, «Eretici d'Italia», I, 234—5.—Benedicti PP. XIV «De servorum Dei Beatificatione», lib. III, c. XXV, §§ 17—20.—Brev. Hist. Ord. Praedic. (Martène, «Ampl. Coll.» VI, 394).—Reusch, «Der Index der verbotenen Bücher», I, 3 8.

Burlamacchi и Bottonio (Baluz. et Mansi, I, 571—83) набожно составили каталогъ чудесъ, совершившихся благодаря предстательству Савонаролы.

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Политическая ересь и государство.

Свѣтскіе князья неизбѣжно должны были слѣдовать примѣру Церкви и пользоваться такимъ дѣйствительнымъ оружіемъ, какъ обвиненіе въ ереси, всякій разъ, когда они могли заставить духовенство дѣйствовать по ихъ волѣ.

Такимъ именно образомъ послѣ смерти Иннокентія VII въ 1406 г., когда въ Римѣ царила анархія, Колонны и Савелли нашли, что лучшимъ средствомъ избавиться отъ ихъ врага Базиліо Орделаффи обратиться къ посредничеству Св. Трибунала. По ихъ настоянію Инквизиція схватила Орделаффи и двухъ его сторонниковъ Маттео и Меренду. Орделаффи благодаря помощи дочери удалось бѣжать и онъ былъ осужденъ заочно. Другіе сознались (конечно, послѣ пытки) въ ересяхъ, которыя имъ приписывали, были выданы свѣтской власти и достодолжнымъ образомъ сожжены. Дома ихъ были снесены, и на ихъ мѣстѣ позднѣе возникли два новыхъ, въ одномъ изъ которыхъ жилъ Микеланджело, а въ другомъ—Сальваторъ Роза [1]).

Но свѣтскіе князья гораздо раньше XV вѣка оцѣнили помощь, которую давали имъ ересь и Инквизиція въ дѣлѣ осуществленія ихъ плановъ. Уже за сто лѣтъ передъ этимъ инквизиціонные методы внушили Филиппу Красивому идею самаго крупнаго преступленія, запятнавшаго средніе вѣка, идею уничтоженія ордена Тампліеровъ.

Въ 1119 г. Гуго де Пэнъ (Payen), Жоффруа де С.-Адемаръ и ихъ семь товарищей посвятили себя благочестивой задачѣ очистить дорогу въ Іерусалимъ отъ наводнявшихъ ее разбойниковъ и дать такимъ образомъ паломникамъ возможность путешествовать безопасно, и около этого же времени Раймундъ дю Пюи основалъ общину Бѣдныхъ Братьевъ Госпиталя Святого Іоанна; все это открыло неотразимо привлекательное поле дѣятельности для воинственно-пылкихъ и религіозно-изступленныхъ ихъ современниковъ. Странное соединеніе монашеской жизни съ рыцарствомъ такъ полно отвѣчало христіанскому идеалу той эпохи, что основанные на этомъ принципѣ воинствующіе ордены скоро заняли видное мѣсто въ Европѣ. На соборѣ въ Труа въ 1128 г. Гуго и его товарищамъ былъ данъ уставъ, выработанный, говорятъ, святымъ Бернаромъ, и они получили названіе Бѣдныхъ Воиновъ Храма. Имъ была присвоена бѣлая одежда, символъ чистоты, къ которой папа Евгеній III прибавилъ красный крестъ; ихъ знамя, Bauséant, составленное изъ двухъ равныхъ полотнищъ-бѣлаго и чернаго съ девизомъ Non nobis Domine, вскорѣ сдѣлалось символомъ объединенія христіанскихъ рыцарей. Уставъ, основанный на правилѣ строгаго цистерціанскаго ордена, былъ чрезвычайно суровъ. Члены были объединены тремя монашескими обѣтами: послушанія, бѣдности и цѣломудрія; статуты ордена весьма строго требовали неуклоннаго исполненія этихъ обѣтовъ. Вступающій долженъ испрашивать разрѣшенія сдѣлаться навсегда слугою и рабомъ «Дома» и его предупреждали, что съ этого дня онъ безповоротно лишался свободы. Ему обѣщали хлѣбъ, воду и бѣдныя одежды ордена; если послѣ его смерти у него находили золото или серебро, то тѣло его надлежало зарыть въ не освященную яму; а если онъ былъ уже погребенъ, то его слѣдовало вырыть. Цѣломудріе предписывалось не менѣе строго: запрещено было даже дать поцѣлуй матери [2]).

[1]) Ripoll, II, 566.—Wadding. ann. 1409, № 12.—Tamburini, «Storia Gen. dell'Inquis». II, 437—9.

[2]) Jac. de Vitriaco, «Hist. Hierosol.» cap. 65 (Bongars, II, 1083—4).—Rolewinck. «Fascic. Tempor.» (Pistorii «R. Germ. Script.» II, 546).—Regula Pauperum Commilitonum Templi, c. 72.

Библиотека "Руниверс"

Слава ордена быстро распространилась по всей Европѣ; самые знатные рыцари, герцоги и князья отрекались отъ міра, чтобы послужить въ его рядахъ; на состоявшемся вскорѣ общемъ капитулѣ собралось триста рыцарей, не считая братьевъ-служителей. Ихъ владѣнія росли безпрерывно. Въ ихъ распоряженіе отдавали города, деревни, церкви и дома; доходы отъ всей этой недвижимости, равно какъ и сборы отъ правильно организованнаго прошенія милостыни по всему христіанскому міру, поступали гроссмейстеру ордена, жившему въ Іерусалимѣ. Орденъ едва только былъ организованъ, когда въ 1133 г. могущественный и воинственный король Арагоніи, Альфонсъ I, прозванный el Batallador, а также el Emperador, такъ какъ власть его распространялась на Наварру и на большую часть Кастиліи, умеръ бездѣтнымъ, оставивъ свои владѣнія поровну и нераздѣльно Св. Гробу, Рыцарямъ Храма и Рыцарямъ Госпиталя. Воля покойнаго не была исполнена, но преемникъ его Рамиро эль Монхе обѣщалъ рыцарямъ соотвѣтствующее вознагражденіе, которое и было имъ выдано. Филиппъ-Августъ выказалъ болѣе благоразумную щедрость; въ 1222 г. онъ оставилъ каждому изъ двухъ орденовъ безъ всякаго условія по двѣ тысячи марокъ; кромѣ того, имъ должна была быть выплачена огромная сумма въ пятьдесятъ тысячъ марокъ, если они въ теченіе трехъ лѣтъ будутъ содержать на службѣ въ Св. Землѣ триста рыцарей. Понятно поэтому, что тампліеры могли въ 1191 г. купить у Ричарда Англійскаго за двадцать пять тысячъ марокъ серебромъ островъ Кипръ, который въ слѣдующемъ году они продали за ту же цѣну королю Іерусалимскому Ги. Можно также представить, что это страшное развитіе богатства должно было породить къ нимъ чувство боязни и вражды. Въ 1179 г. на Латеранскомъ соборѣ между прелатами и воинствующими орденами возникла горячая ссора, результатомъ которой было изданіе декрета, требовавшаго отъ тампліеровъ возвращенія всѣхъ церквей и десятинныхъ сборовъ, полученныхъ ими за послѣднее время; въ 1186 г. Урбанъ III опредѣлилъ предѣлы этого декрета, признавъ за орденомъ право на владѣніе всѣмъ, полученнымъ въ теченіе десяти лѣтъ, предшествовавшихъ собору [1]).

Мы видимъ, что прелаты начали уже завидовать новому институту, и тотъ антагонизмъ между нищенствующими орденами и бѣлымъ духовенствомъ, о проявленіяхъ котораго въ XIII в. мы упоминали, былъ на самомъ дѣлѣ только повтореніемъ враждебнаго чувства, долго питаемаго къ воинствующимъ орденамъ. Уже съ самаго начала они сдѣлались любимцами Св. Престола, политика котораго стремилась сдѣлать изъ рыцарей войско, зависящее только отъ Рима, послушное орудіе для распространенія папскаго вліянія и для порабощенія мѣстныхъ Церквей. Поэтому они были широко награждены привилегіями и неприкосновенностями; ихъ избавили отъ пошлинъ на съѣстные припасы, отъ десятинъ и отъ всякихъ налоговъ; ихъ церквамъ и домамъ было предоставлено право убѣжища; сами они пользовались неприкосновенностью личности наравнѣ съ лицами духовнаго званія; они были освобождены отъ всякихъ феодальныхъ обязанностей и присягъ и были подсудны только одному Риму; епископамъ было запрещено отлучать ихъ отъ Церкви и было даже приказано сообщать римской куріи всѣ безконечные вопросы, возникавшіе изъ мѣстныхъ

(Harduin. VI. II. 1146).—«La Règle du Temple», опубликованное для Société de l'Histoire de France Генрихомъ Курзономъ (Парижъ, 1886), §§ 329—32, 657—77.

[1]) Jac. de Vitriaco, loc. cit.—Roberti de Monte Contin. Sigeb. Gembl. (Pistorii, op. cit. I, 875).—Zurita, «Añales de Aragon», lib. I, c. 52—3.—«Art. de Vérifier les Dates», V, 337.—Teulet, «Layettes», I, 550, № 1517.—Grandes Chroniques, IV, 86.—Gualt. Mapes, «de Nugis Curialium», Dist. I, c. XXIII.—Hans. Prutz, «Malteser Urkunden», Мюнхенъ, 1883, стр. 43.

Важное значеніе, пріобрѣтенное тампліерами въ соціальной организаціи эпохи, сказалось въ 1191 году, когда ихъ назначили блюстителями божьяго мира, который обязывалъ дворянъ и прелатовъ Лангедока щадить во время войны животныхъ, инструменты и сѣмена, нужныя въ сельскомъ хозяйствѣ. За ихъ труды тампліеры должны были получать четверикъ ржи съ пашни.—Prutz, op. cit. 44—5.

Библиотека "Руниверс"

ссоръ. Послѣ несчастнаго крестоваго похода Людовика Святого въ 1255 г., было объявлено что милостыни, подаваемыя ихъ сборщикамъ, даютъ жертвователямъ индульгенціи, какъ за походъ въ Св. Землю. Однимъ словомъ, папы не упускали ничего, чтобы помочь развитію ордена и прочно привязать его къ каѳедрѣ св. Петра [1]).

Рано или поздно раздоръ между свѣтской іерархіей и воинствующими орденами былъ неизбѣженъ. Тампліеры жаловались, что прелаты старались ихъ притѣснять, что они разными хитростями старались вернуть себѣ юрисдикцію надъ ними, которой папа лишилъ ихъ; нарушали ихъ право убѣжища; священники мѣшали ихъ агентамъ собирать милостыню, удерживали и перехватывали благочестивыя духовныя завѣщанія, сдѣланныя въ пользу ордена. Много ссоръ вспыхивало по поводу погребеній, такъ какъ до появленія нищенствующихъ орденовъ и даже позднѣе знатные часто просили, чтобы отпѣваніе ихъ тѣла происходило у тампліеровъ или госпитальеровъ. Папы всегда внимательно выслушивали эти жалобы, и благосклонность, которую они проявляли всегда къ тампліерамъ, лишь усиливала ненависть къ нимъ побѣжденныхъ прелатовъ. Но въ 1264 г. долженъ былъ произойти разрывъ между папствомъ и тампліерами. Урбанъ IV рѣшилъ непремѣнно смѣстить Стефана де Сисси, маршала ордена и наставника Апуліи, по всей вѣроятности, за то, что онъ отказался помочь крестовому походу, предпринятому противъ Манфреда. Получивъ извѣщеніе, приглашавшее его сложить свои полномочія, Сисси смѣло отвѣтилъ Урбану, что ни одинъ еще папа не вмѣшивался во внутреннія дѣла ордена, и что онъ не сложитъ своихъ обязанностей иначе, какъ по приказанію гросмейстера, отъ котораго получилъ ихъ. Урбанъ отлучилъ дерзкаго; но Сисси нашелъ поддержку въ орденѣ, который былъ раздраженъ, что деньги, собранныя на войну въ Св. Землѣ, пошли на кампанію папы противъ Манфреда. Въ слѣдующемъ году новый папа Климентъ IV снялъ отлученіе, но рѣзко упрекнулъ рыцарей въ неблагодарности, давъ имъ понять, что только одно папство можетъ ихъ защитить противъ враждебнаго отношенія епископовъ и князей; повидимому, эта вражда была дѣломъ общеизвѣстнымъ. Однако, орденъ стоялъ упорно и вмѣстѣ съ госпитальерами и цистерціанцами отказался платить десятинный налогъ Карлу Анжуйскому, что не помѣшало Клименту выпустить много буллъ, подтверждавшихъ или расширявшихъ прерогативы тампліеровъ [2]).

Этотъ антагонизмъ между свѣтскими и духовными властями былъ вполнѣ справедливъ. Если, какъ мы уже видѣли, нищенствующіе ордены быстро утратили энтузіазмъ

---

[1]) Rymer, «Foedera», I, 30.—Can. 10, 11, Extra III. 30.—Prutz, op. cit. 38, 46, 48, 49, 51, 52, 53, 56—61, 64, 76, 78—9.

[2]) Prutz, op. cit. 38—41, 43, 45, 47—8, 57, 64—9, 75—80.—J. Delaville Le Roulx, «Documents concernant les Templier», Парижъ, 1882, стр. 39.—Bini, «Dei Tempieri in Toscana», Lucca 1845, стр. 453—55.—Raynald. ann. 1265, №№ 75—6.—Martène, «Thesaur.», II, 111, 118.

Организованное нищенство тампліеровъ должно было быть особенно ненавистно какъ бѣлому духовенству, такъ и нищенствующимъ орденамъ. Монсиньоръ Бини издалъ одинъ документъ 1244 года, въ которомъ наставникъ Лукки даетъ Альбертино ди Понтремоли полномочіе просить милостыню отъ имени ордена. Альбертино пользуется услугами нѣкоего Аліотто, который проситъ милостыню съ іюня до слѣдующаго карнавала и въ видѣ платы получаетъ право просить милостыню лично для себя съ карнавала до пасхальной недѣли (op. cit. 401—2, 439—40). Относительно безобразныхъ споровъ, возникшихъ между бѣлымъ духовенствомъ и воинствующими орденами по поводу этого привилегированнаго нищенства, см. Faucon, «Registres de Boniface VIII». № 1950, стр. 746.

Въ 1198 г.ліонскій архіепископъ жаловался Иннокентію III на дерзкое поведеніе нѣкоторыхъ q u a e s t u a r i i, ходившихъ отъ госпитальеровъ. Эти собиратели подаяній, будучи неграмотными міранами, женатыми и ведущими безпорядочный образъ жизни, пользовались привилегіями и неприкосновенностью духовенства, не будучи въ то же время отвѣтственными передъ духовными властями. Они въ кровь избили викарія одной церкви; затѣмъ, когда епископъ запретилъ имъ присутствовать при богослуженіи, пока они не очистятся, они силою заставили его отслу-

Библиотека "Руниверс"

самоотреченія Доминика и Франциска, то нельзя было надѣяться, чтобы тампліеры, бывшіе честолюбивыми и воинственными рыцарями, сохраняли долго аскетическіе обѣты своихъ основателей. Уже въ 1152 г. гросмейстеръ Бернардъ де Тремеле своимъ эгоистическимъ стараніемъ обезпечить за собой добычу отъ разграбленія Аскалона помѣшалъ взятію этого города; затѣмъ въ 1172 г. дикая жестокость Эвда де С.-Амандъ, бывшаго тогда гросмейстеромъ ордена, помѣшала обращенію короля Ассассиновъ и всего его народа и ускорила такимъ образомъ паденіе Іерусалимскаго королевства. Готье Мапъ имѣетъ нѣкоторое основаніе, когда, говоря объ этомъ, приписываетъ несчастія христіанъ на Востокѣ испорченности воинствующихъ орденовъ.—Мы уже видѣли изъ словъ, сказанныхъ королемъ Ричардомъ Фульку де Нейльи, что въ концѣ столѣтія съ однимъ именемъ тампліеровъ соединяли уже упрекъ въ гордости. Въ 1207 г. Иннокентій III рѣзко отозвался объ орденѣ въ посланіи, полномъ укоровъ. Очень часто, говорилъ онъ, его апостольскій слухъ возмущался жалобами на поступки рыцарей. Нарушая божескій законъ, позоря Церковь, эти люди съ вызывающею надменностью злоупотребляютъ огромными привилегіями, которыя предоставлены имъ. Они даютъ свой крестъ всякому бродягѣ, который соглашается платить имъ ежегодно два или три денье, и думаютъ, что подобные служители могутъ выполнять обязанности духовенства и имѣютъ право на христіанское погребеніе даже тогда, когда надъ ними тяготѣетъ отлученіе отъ Церкви. Совращенные такимъ образомъ демономъ, они, въ свою очередь, совращаютъ души вѣрныхъ. Папа не желаетъ долѣе останавливаться на этихъ безобразіяхъ и на другихъ, за которыя виновные заслуживаютъ лишенія привилегій; онъ предпочитаетъ надѣяться, что они сами исправятся.

Сила этихъ папскихъ нападокъ объясняется, быть можетъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что тампліеры проявляли недостаточно уваженія къ папскимъ делегатамъ, вина, о которой упоминается въ концѣ посланія. Но среди обвиненій упоминается злоупотребленіе, относительно котораго мы имѣемъ и другія достовѣрныя показанія. Хотя статуты ордена устанавливали, что прямая или косвенная покупка права вступленія въ орденъ представляла преступленіе симоніи, влекшее за собой исключеніе соблазнителя и лишеніе сана для наставника, участвовавшаго въ этомъ, тѣмъ не менѣе, несомнѣнно, что много подозрительныхъ людей проникло такимъ образомъ въ орденъ. Кромѣ того, тампліеры злоупотребляли папскими граматами и такъ широко даваемыми имъ привилегіями, чтобы угнетать и тѣснить людей, съ которыми они приходили въ соприкосновеніе. Въ дѣйствительности, такъ какъ они были подсудны исключительно римской куріи во всѣхъ дѣлахъ, кромѣ обвиненія въ ереси, то они были внѣ преслѣдованій со стороны всѣхъ тѣхъ, кто не могъ предпринять долгаго пути и дорогого и сомнительнаго процесса. Бѣдствія, вызываемыя этими злоупотребленіями, еще много увеличились, когда былъ установленъ разрядъ братьевъ-служителей, которые обрабатывали огромныя имѣнія ордена и управляли ими безъ всякой платы за труды. Всевозможные крестьяне: землепѣльцы, пастухи, свинопасы, ремесленники, домашняя прислуга—были, такимъ образомъ, приняты въ орденъ и, въ концѣ концовъ, составляли въ немъ девять десятыхъ; правда, они отличались отъ рыцарей тѣмъ, что носили коричневую одежду вмѣсто бѣлой, и жаловались, что ихъ знатные братья относятся къ нимъ съ презрѣніемъ и притѣсняютъ ихъ, но въ своихъ сношеніяхъ съ внѣшнимъ міромъ они были настоящими

жить обѣдню. И еще въ другихъ случаяхъ они выказывали явное пренебреженіе къ епископской власти. (Innocent. PP. III. «Regest.» lib. I. Ep. 450). Ордены, прерогативы которыхъ давали мѣсто подобнымъ злоупотребленіямъ, естественно навлекали на себя ненависть, вызванную ихъ нахальными агентами.

См. также жалобы Арльскаго собора 1265 года по поводу неприкосновенностей, которыхъ требовали себѣ люди, не носившіе даже одежды тампліеровъ.—Conc. Arelatens. ann. 1260 (1265) cap. 12 (Harduin. VII, 514).

Библиотека "Руниверс"

членами ордена, облеченными неприкосновенностью и пользующимися всѣми привилегіями, что, конечно, дѣлало ихъ столь же ненавистными въ глазахъ окружающихъ [1]).

Такимъ образомъ, рыцари давали много поводовъ къ внѣшней враждѣ и къ внутреннему волненію, хотя, повидимому, должно отвергнуть, какъ лишенное всякаго основанія, обвиненіе ихъ въ томъ, что они въ 1229 г. предали Фридриха II невѣрнымъ, а въ 1250 г.— Людовика Святого египетскому султану. Однако, несомнѣнно, Фридрихъ имѣлъ нѣкоторое основаніе быть недовольнымъ ихъ поведеніемъ во время крестоваго похода, и онъ отомстилъ за себя тѣмъ, что изгналъ ихъ въ 1229 г. изъ Сициліи и конфисковалъ ихъ владѣнія; когда немного спустя онъ призвалъ ихъ обратно и согласился вернуть имъ ихъ имущество, онъ все же удержалъ значительную часть его. Тѣмъ не менѣе, благочестивыя пожертвованія продолжали увеличивать богатства ордена, хотя владѣнія христіанъ на Востокѣ все болѣе и болѣе уменьшались, и населеніе стало приписывать свои постоянныя несчастія враждѣ и зависти между соперничающими орденами тампліеровъ и госпитальеровъ.

Дѣйствительно, это страшное соперничество довело въ 1243 г. до открытой войны въ Палестинѣ къ великой радости невѣрныхъ. Чтобы устранить зло, попытались слить во-едино эти два ордена и Тевтонскихъ рыцарей. На Ліонскомъ соборѣ 1274 г. Григорій X тщетно старался добиться этого сліянія трехъ орденовъ; противоположныя вліянія плюсъ, какъ говорили, золото тампліеровъ были черезчуръ могущественны, чтобы не одержать побѣды.

Упреки, которые дѣлались воинствующимъ орденамъ, быть можетъ, не были ими вполнѣ заслужены; правда, ихъ постоянныя ссоры и вообще своеволіе христіанъ Палестины значительно содѣйствовали паденію Іерусалимскаго королевства, но истинная отвѣтственность за эти неудачи должна скорѣе падать на папство.

Дѣлая тысячи еретиковъ, въ видѣ наказанія, участниками крестовыхъ походовъ, роковымъ образомъ омрачали блескъ этихъ походовъ. Рвеніе христіанскаго міра къ борьбѣ съ невѣрными значительно охладѣло, когда увидѣли, что папство тратитъ собранныя деньги въ интересахъ своей итальянской политики, а также обращаетъ въ ея пользу обѣты,

---

[1]) Guillel. Tyrii «Hist.» lib. XVII, c. 27; lib. XX, c. 31—2.—Gualt. Mapes, «de Nugis Curialium», Dist. I, c. XX.—Innoc. PP. III. «Regest.» X, 121; cf. XV, 131.—«Règle» §§ 224, 246, 598.—Michelet, «Procès des Templiers», I, 39; II, 9, 83, 140, 186—87, 406—7 (Collection des Documents inedits», Paris, 1841—51). См. также жалобы Арльскаго собора 1265 года по вопросу о неприкосновенностяхъ, которыя были потребованы даже для людей, не носившихъ одежды ордена (Harduin, VII, 514).

Въ 1307 году въ Бокерѣ было арестовано шестьдесятъ тампліеровъ; среди нихъ было пять рыцарей и одинъ священникъ, остальные пятьдесятъ четыре были братья-служители; изъ арестованныхъ въ 1310 году въ замкѣ Ала тридцати трехъ лицъ было четыре рыцаря, одинъ священникъ и двадцать восемь братьевъ-служителей (Vaissete, IV, 141). Въ процессахъ, отчеты о которыхъ дошли до насъ, относительное число рыцарей еще болѣе незначительно. Братья-служители иногда достигали положенія наставника; но эта обязанность не имѣла большого значенія, такъ какъ на одномъ допросѣ, бывшемъ въ іюнѣ 1310 года, братъ-служитель Джованни ди Неритоне, наставникъ Кастелло Виллари, говоритъ о себѣ, какъ о человѣкѣ simplex et rusticus (Schottmüller, «Der Ausgang des Templer-Ordens», Берлинъ, 1887, II, 125, 130).

Дворянская гордость ордена ясно видна изъ правила, допускавшаго въ качествѣ рыцарей только людей благороднаго происхожденія. Въ статутахъ приводится слѣдующій случай: одинъ рыцарь былъ принятъ, какъ потомокъ рыцарей; но его земляки заявили, что онъ не былъ сыномъ рыцаря; его вызвали изъ Антіохіи на капитулъ, гдѣ была установлена истинность этого заявленія; съ него сняли бѣлый плащъ и надѣли на него коричневый. Наставникъ, принявшій его, былъ въ это время въ Европѣ; когда онъ вернулся въ Сирію, отъ него потребовали отчета въ этомъ дѣлѣ; онъ объяснилъ, что дѣйствовалъ согласно съ приказаніями, полученными имъ отъ своего командора изъ Пуату. Въ виду того, что дѣло дѣйствительно было такъ и что онъ былъ хорошимъ рыцаремъ (proudons), его оправдали, а въ противномъ случаѣ и онъ лишился бы бѣлой одежды («Règle», § 586).

Библиотека "Руниверс"

данные на покореніе Св. Земли; особенно же охладѣло оно, когда громко на весь міръ было провозглашено ученіе, что частные интересы Св. Престола стоятъ выше освобожденія Гроба Господня. Разъ можно было во всякое время получить спасеніе, благодаря непродолжительной службѣ въ папскихъ войскахъ, къ тому же въ странахъ не особенно удаленныхъ—или на Везерѣ, или въ Ломбардіи,—то благочестіе, увлекавшее тысячи христіанъ въ пустыни Сиріи, находило для себя болѣе легкій и вѣрный путь въ рай. Отсюда легко понять, почему въ смутное политическое время XIII вѣка недоставало солдатъ и денегъ для защиты завоеваній Готфрида Бульонскаго противъ несмѣтныхъ татарскихъ полчищъ. Мало того, изъ Св. Земли сдѣлали какое-то мѣсто ссылки, куда ссылали всѣхъ злодѣевъ Европы, такъ что латинская колонія состояла почти исключительно изъ отбросовъ, преступленія и безчинства которыхъ взывали къ мщенію неба и заслуживали его [1]).

Въ 1291 г. паденіе Акры окончательно изгнало христіанъ съ береговъ Сиріи и вызвало по всей Европѣ взрывъ горести и негодованія. Во время этой печальной осады, вызванной измѣной крестоносцевъ, отказавшихся сохранить миръ, госпитальеры снискали больше славы, чѣмъ тампліеры. Однако, гросмейстеръ послѣднихъ, Вильгельмъ де Божё, руководившій защитой, палъ, храбро отстаивая крестъ. Послѣ капитуляціи и рѣзни его преемникъ монахъ Години отплылъ въ Кипръ съ десятью рыцарями, единственными оставшимися въ живыхъ изъ пятисотъ тампліеровъ, которые выдерживали осаду до послѣдней минуты. И на этотъ разъ, опять не безъ основанія, разнесся слухъ, что причиной пораженія были ссоры между воинствующими орденами. Николай IV спѣшно послалъ граматы королямъ и прелатамъ христіанскаго міра и спрашивалъ ихъ мнѣніе по вопросу о сліяніи этихъ орденовъ, пользуясь тѣмъ, что въ 1293 г. въ день св. Іоанна должны были отправиться крестоносцы подъ предводительствомъ Эдуарда I Англійскаго. Одинъ, по крайней мѣрѣ, благопріятный отвѣтъ былъ полученъ отъ Зальцбургскаго провинціальнаго собора, но Николай умеръ раньше, чѣмъ отвѣтъ этотъ дошелъ до Рима. Продолжительное междупарствіе, послѣдовавшее за избраніемъ отшельника Петра Морроне, отсрочило исполненіе

---

[1]) Matt. Paris, ann. 1228, 1243 (изд. 1644 г., стр. 240, 420).—Mansuet le Jeune, «Hist. des Templiers», Парижъ, 1789, I, 340—41.—Prutz, op. cit, 60—61.—Mag. Chron. Belgic. ann. 1274.—Faucon, «Registres de Boniface VIII», №№ 1691—2, 1697.—Marin. Sanuti, «Secret. Fidei.», lib. III, P. IX, c. 1, 2 (Bongars. II, 188—9).

Госпитальеры были предметомъ такихъ же упрековъ, какъ и тампліеры. Въ 1238 году Григорій IX энергично напалъ на рыцарей св. Іоанна за тѣ злоупотребленія, которыя они дѣлали изъ своихъ привилегій; онъ порицалъ отсутствіе у нихъ цѣломудрія и ихъ измѣну дѣлу Божьему въ Палестинѣ; онъ даже утверждалъ, что среди нихъ былъ не одинъ еретикъ.—Raynald. ann. 1238, №№ 31, 32.

Въ сатирической пѣснѣ, составленной однимъ тампліеромъ, очевидно, на другой день паденія Акры, съ горечью говорится, что Св. Престолъ предалъ Св. Землю своему честолюбію и своей алчности.

«Lo papa fa de perdon gran largueza
Contr'Alamans ab Arles e Frances;
E sai mest nos mostram gran cobeeza,
Quar nostras crotz van per crotz de tornes;
E qui vol camjar Romania
Per la guerra de Lombardia?
Nostres legatz, don yeu vos dic per ver
Qu'els vendon Dieu el perdon per aver.»
(Meyer, «Recueil d'anciens Textes», 96).

Даже печальная потеря Акры не остановила честолюбивой политики папства. Завоеваніе Палестины было хорошимъ предлогомъ для сбора десятины съ церквей христіанскаго міра: въ 1298 году Бонифацій VIII употребилъ часть денегъ, собранныхъ такимъ путемъ, на расходы по своей личной ссорѣ съ Колоннами.—«Registres de Boniface VIII», № 2643 (T. II, стр. 168).

Библиотека "Руниверс"

проекта; затѣмъ его снова поднялъ Бонифацій VIII; но потомъ, несомнѣнно, вслѣдствіе ссоры между папой и Филиппомъ Красивымъ, поглотившей всѣ силы папы, проектъ этотъ былъ совершенно заброшенъ. Общественное мнѣніе эпохи, вѣроятно, точно отразилось въ одномъ трактатѣ о завоеваніи Св. Земли, посвященномъ Эдуарду I. Авторъ предлагаетъ, чтобы два ордена, своими позорными ссорами вызвавшіе къ себѣ презрѣніе всего христіанскаго міра, были объединены въ одинъ и ограничены своими владѣніями на Востокѣ, которыхъ хватитъ на ихъ содержаніе; что же касается до ихъ владѣній на Западѣ, которыя въ общемъ даютъ до восьмисотъ тысячъ турскихъ ливровъ, то ихъ слѣдуетъ употребить на крестовый походъ. Очевидно, идея, что можно захватать имущество орденовъ и использовать его лучше, чѣмъ они сами, быстро распространялась по христіанскому міру [1]).

Орденъ нѣсколько дискредитировалъ себя въ глазахъ общества, когда, послѣ сильной оппозиціи со стороны приверженцевъ Гуго де Перо, былъ избранъ въ 1297 г. гросмейстеромъ Жакъ де Молэ. Нѣсколько лѣтъ упорной войны за возвращеніе Палестины истощили энергію и средства ордена. Тампліеры удалились на островъ Кипръ и вышли изъ своей бездѣятельности только для того, чтобы принять участіе въ новыхъ ссорахъ, вспыхнувшихъ на островѣ, за что Бонифацій VIII упрекалъ Молэ. Папа рѣшительно утверждалъ, что эти раздоры были причиной потери Палестины, и что крестъ, если имъ не будетъ положенъ конецъ, потеряетъ свое послѣднее убѣжище на Востокѣ. Поступокъ, совершенный послѣ этого орденомъ, хотя и не носилъ оффиціальнаго характера, былъ таковъ, что не могъ снискать ему симпатій общества. Карлъ Валуа, злой геній своего брата Филиппа Краснваго и своихъ племянниковъ, женился въ 1300 г. на внучкѣ Балдуина II Константинопольскаго, Екатеринѣ, носившей почетный титулъ императрицы. Въ 1306 г. онъ рѣшилъ добиться признанія правъ своей жены на императорскій тронъ и нашелъ вѣрнаго помощника въ лицѣ Климента V, который надѣялся, что эта попытка не только не ослабитъ христіанства на Востокѣ, но еще позволитъ, если не вернуть Палестину, то, по крайней мѣрѣ, привести къ повиновенію греческую Церковь. Папа постарался поэтому объединить республики и князей Италіи для этого крестоваго похода противъ христіанъ. Карлъ II Неаполитанскій предпринялъ походъ совмѣстно съ тамплiерами. Былъ снаряженъ флотъ подъ командой тамплiера Роже, извѣстнаго своею храбростью и ловкостью. Этотъ флотъ захватилъ Салоники; вмѣсто того, чтобы дѣятельно преслѣдовать Андроника II, тамплiеры обратили свое оружіе противъ латинскихъ князей Греціи, жестоко разграбили берега Ѳракіи и Морей и вернулись съ несмѣтной добычей, возбудивъ противъ себя ненависть, которая помогла ихъ паденію. Напротивъ, госпитальеры снова прославили себя, какъ борцы за Христа, мужественно покоривъ послѣ четырехлѣтней войны островъ Родосъ, гдѣ имъ пришлось такъ долго поддерживать знамя христіанства на Востокѣ. Въ 1306 г. Климентъ V вызвалъ Молэ и гросмейстера госпитальеровъ Гильома де Вилларе для совѣщанія о новомъ крестовомъ походѣ и о проектѣ соединенія орденовъ, который такъ часто поднимался и всегда откладывался. Онъ просилъ ихъ ѣхать, соблюдая какъ можно большую тайну. Госпитальеръ, занятый приготовленіями къ осадѣ Родоса, извинился, что не можетъ пріѣхать, а Молэ отправился съ большою помпою, со свитою изъ шестидесяти тамплiеровъ, и не проявлялъ никакого желанія вернуться въ свои восточныя владѣнія. Это настроеніе позволяло опасаться, чтобы тамплiеры не бросили своего традиціоннаго дѣла; если это подозрѣніе не лишено основанія, то какіе честолюбивые замыслы заставляли ихъ перенести во Францію свою главную квартиру? Тевтонскіе рыцари покинули Востокъ, чтобы основать

[1]) Mansuet, op. cit. II, 101, 133.—«De Excidio Urbis Acconis» (Martène, «Ampl. Coll.» V, 757).—Raynald. ann. 1291, №№ 30, 31.—Archives Nat. de France, J. 431, № 40.—«Chron. Salisburg.» ann. 1291 (Canisii et Basnage, III, II, 489).—Annal. Eberhard. Altahens. (Ibid. IV, 229).—«De Recuperatione Terrae Sanctae» (Bongars, II, 320–21).

Библиотека "Руниверс"

свое государство среди язычниковъ на сѣверо-востокѣ Европы. Были ли подобные замыслы и у тампліеровъ и не думали ли они основаться поближе къ Риму? [1]).

Подобныя подозрѣнія не должны были быть основательны для того, чтобы зародиться. Современные историки потратили напрасно трудъ, чтобы приписать тампліерамъ проектъ захватить югъ Франціи и основать тамъ независимое королевство. Орденъ очень рано развился въ провинціяхъ между Гаронной и Роной; говорили, что онъ глубоко зараженъ катаризмомъ и поддерживаетъ сношенія съ еретиками, скрывающимися въ странѣ; но это пустыя выдумки, лишенныя всякаго основанія. Въ орденѣ не было никакихъ слѣдовъ катаризма [2]); къ тому же мы видѣли, что въ эту эпоху катары Лангедока были окончательно уничтожены, и что Инквизиція подчинила эту страну монархіи и французскому духу. Подобный союзъ не только не укрѣпилъ бы ордена, но былъ бы для него источникомъ слабости, такъ какъ тогда противъ рыцарей поднялась бы вся вооруженная Европа, и если бы на нихъ падала въ этомъ отношеніи хотя бы малѣйшая тѣнь, то Филиппъ Красивый не преминулъ бы извлечь изъ нея выгоды. Нельзя также допустить, чтобы тампліеры завязали интригу съ недовольными среди католическаго населенія Юга; никогда бы Бернаръ Делисье и каркассонцы не прибѣгли къ слабому Феррану Майоркскому, если бы могли призвать на помощь могущественный орденъ тампліеровъ. Но этотъ орденъ, какъ бы ни было велико число его членовъ, былъ совершенно не въ состояніи выполнить честолюбивые замыслы, которые приписывали ему, такъ какъ онъ былъ разрозненъ и разсѣянъ по всей Европѣ; невозможность собрать свои силы, будь то для нападенія или для защиты, сказалась, когда рыцари сдались почти безъ сопротивленія одинъ за другимъ въ разныхъ странахъ, гдѣ они жили.

Много также преувеличеннаго во всѣхъ разсказахъ о его многочисленности и богатствахъ. Трагическія обстоятельства, сопровождавшія паденіе ордена, воспламенили во-

---

[1]) «Registres de Boniface VIII», № 2438. Cf. № 2550 (T. II, 38, 103).—Raynald. ann. 1306, №№ 3—5, 12.—Regest. Clement. PP. V (editio Benedictina, T. I, 40—46, T. II, 55, 58, Romae, 1885—6). Mansuet, op. cit. II, 132.—Raynouard, «Monuments historiques relatifs à la Condamnation des Chevaliers du Temple», Парижъ, 1813, стр. 17, 46.

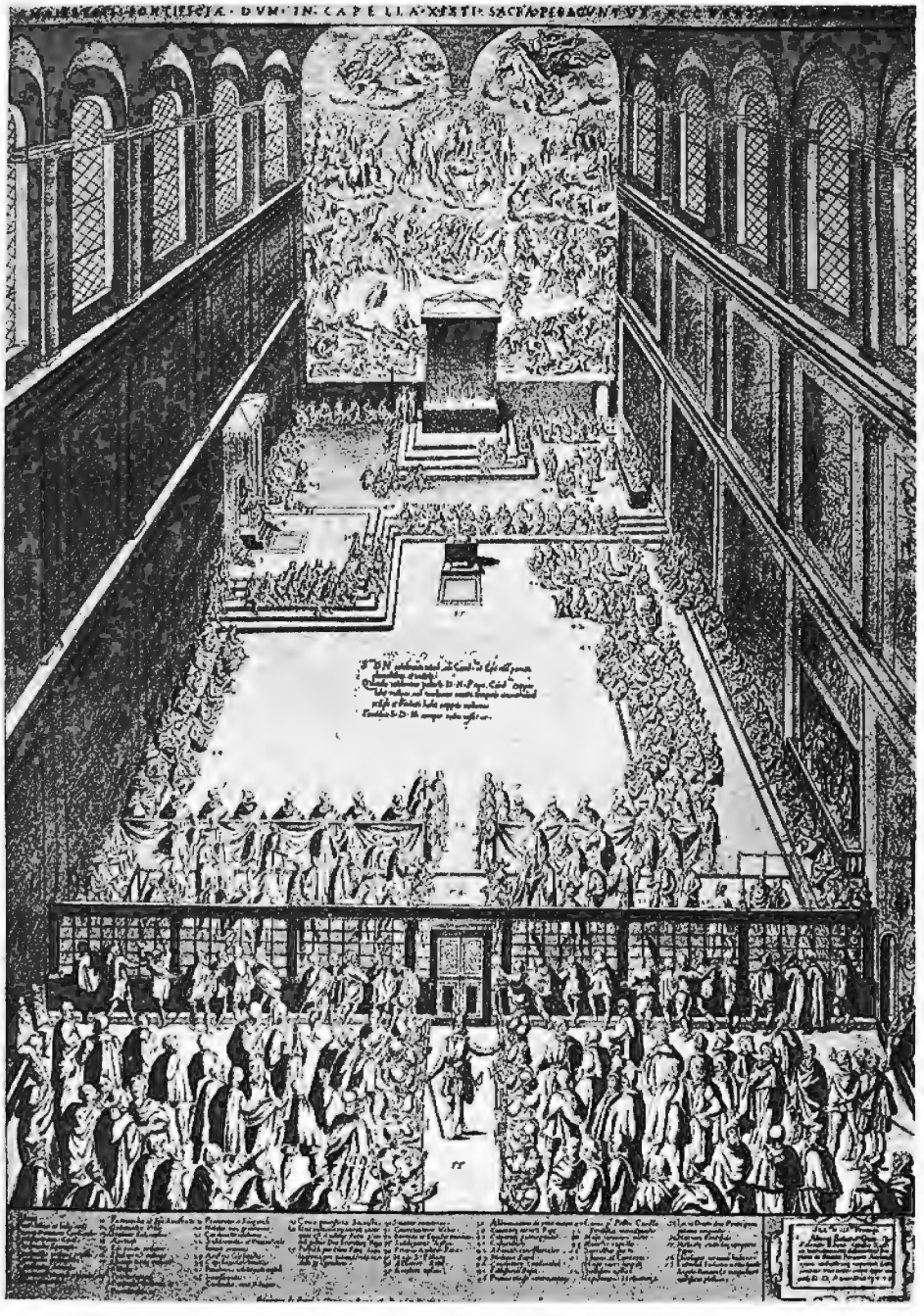
Приглашеніе, посланное гросмейстеру госпитальеровъ, помѣчено 6-мъ іюля 1306 г. (Regest. Clement. PP. V. T. I, 190). Одновременно, вѣроятно, былъ вызванъ и Моле. Судя по нѣкоторымъ бреве, изданнымъ Климентомъ 13-го іюня 1306 г. въ пользу Гумберта Блана, наставника Оверна, весьма возможно, что послѣдній былъ втянутъ въ какой-то крестовый походъ (Ibid. 191—2), по всей вѣроятности, въ связи съ предпріятіемъ Карла Валуа. Однако, когда Гуго де Перо и другіе вожди ордена готовились въ ноябрѣ сѣсть на корабль, то Климентъ ихъ удержалъ (Ibid. T. II, 5).

Историки обыкновенно думаютъ, что Моле перенесъ главную квартиру ордена съ острова Кипра въ Парижъ. Однако, когда изданный папою указъ объ арестѣ былъ полученъ 27-го мая 1308 г. на Кипрѣ, то маршалъ, знаменоносецъ и казначей ордена сдались вмѣстѣ съ другими, откуда ясно, что совершенно и не думали переносить административный центръ ордена. (Dupuy, «Traitez concernant l'Histoire de France», изд. 1700 г., стр. 63, 132).—Наставникъ Кипра Рембо де Каронъ, сопровождавшій, повидимому, Моле, былъ арестованъ вмѣстѣ съ нимъ въ Парижѣ (Procès des Templiers», II, 374); за исключеніемъ его одного, всѣ главные арестованные рыцари были просто мѣстныя должностныя лица ордена.

Равнымъ образомъ я думаю, что Шотмюллеръ удовлетворительно доказалъ («Der Untergang des Templer-Ordens», Берлинъ, 1887 г., I, 66, 69; II, 38), какъ мало вѣры заслуживаетъ исторія объ огромномъ богатствѣ, принесенномъ во Францію Моле. Кромѣ того, онъ отмѣчаетъ (I, 98), что существованіе архива ордена на островѣ Мальтѣ показываетъ, что его, очевидно, не переносили во Францію, ибо онъ былъ бы уничтоженъ.

[2]) Наиболѣе подробное и достойное вѣры сообщеніе современниковъ о паденіи тампліеровъ принадлежитъ, быть можетъ, Бернару Ги («Flor. Chronic.» ap. Bouquet, XXI, 716 слѣд.); если бы Бернаръ Ги нашелъ въ орденѣ малѣйшіе признаки катаризма, онъ не пропустилъ бы ихъ, а отмѣтилъ бы.

Библиотека "Руниверс"

МОЛИТВА ВЪ СИКСТИНСКОЙ КАПЕЛЛѢ.
(Steimann, Sixtinische Kapelle).

Библиотека "Руниверс"

ображеніе современныхъ историковъ, которые естественнымъ образомъ склонны были преувеличивать контрастъ между его вчерашнимъ процвѣтаніемъ и сегодняшнимъ паденіемъ. Одинъ анонимный современникъ говоритъ, что тампліеры были настолько богаты и могущественны, что только тайное и внезапное нападеніе Филиппа Краснваго могло достигнуть цѣли. Другой современникъ, Виллани, передаетъ, что могущество ихъ и ихъ богатства были неисчислимы. Позднѣе оцѣнки эти еще увеличились. Аббатъ Іоганнъ Триттенгеймъ категорически заявляетъ, что орденъ тампліеровъ былъ самый богатый изъ всѣхъ монашескихъ орденовъ не только деньгами, но и землями, городами и замками по всѣмъ странамъ Европы. Современные историки въ своемъ стараніи опредѣлить эти цифры пошли еще дальше. Мальаръ де Шамбюръ полагаетъ, что въ моментъ ихъ уничтоженія ихъ было до тридцати тысячъ, и что они пользовались доходами въ восемь милліоновъ турскихъ ливровъ. Вилькъ въ переводѣ на современныя деньги опредѣляетъ ихъ доходъ въ двадцать милліоновъ талеровъ и утверждаетъ, что въ одной Франціи они могли выставить армію въ пятнадцать тысячъ всадниковъ. Цёклеръ опредѣляетъ ихъ доходъ въ пятьдесятъ четыре милліона франковъ и насчитываетъ двадцать тысячъ рыцарей. Даже мелочноточный Гавеманнъ невольно принимаетъ невѣроятную легенду, согласно которой рыцари по своему могуществу и богатству могли соперничать со всѣми князьями христіанскаго міра. Наконецъ, Шотмюллеръ говоритъ, что въ одной Франціи насчитывалось до пятнадцати тысячъ братьевъ, а во всемъ орденѣ ихъ было болѣе двадцати тысячъ [1]).

Строгая тайна, облекавшая всѣ дѣла ордена, низводитъ всѣ эти цифры до степени простыхъ догадокъ. Что касается числа рыцарей, то историки не приняли во вниманіе, что огромное большинство членовъ состояло изъ братьевъ-служителей, которые не были воинами, а пастухами, землепашцами, слугами, обрабатывавшими земли и работавшими въ домахъ рыцарей, причемъ дѣйствительная сила ордена не увеличивалась нисколько отъ ихъ присутствія. Сами тампліеры ставили себѣ въ заслугу, что въ теченіе ста восьмидесяти лѣтъ они потеряли въ Палестинѣ двадцать тысячъ своихъ братьевъ, и мы въ правѣ отсюда заключить, что никогда, въ отдѣльный моментъ времени, общее число рыцарей не превышало нѣсколькихъ тысячъ. Когда на Вьеннскомъ соборѣ было объявлено распущеніе ордена, то основывались на томъ, что было собрано болѣе двухъ тысячъ свидѣтельскихъ показаній; такъ какъ показанія эти исходили отъ заключенныхъ, допрошенныхъ во Франціи, Англіи, Испаніи, Италіи и Германіи, то ясно, что общее число тампліеровъ должно быть незначительно сравнительно съ цифрами, обыкновенно выставляемыми. Послѣ паденія Акры Кипръ былъ главной квартирой ордена; однако, во время массоваго ареста на островѣ оказалось только сто восемнадцать членовъ всѣхъ степеней. Незначительное число подсудимыхъ, выступившихъ въ разныхъ странахъ, чрезвычайно мало въ сравненіи съ огромной общей цифрой, приводимой обыкновенно хроникерами. Одинъ современникъ, горячій сторонникъ папства, выражаетъ горесть, которую причиняютъ ему справедливо наложенныя наказанія на пятнадцать тысячъ борцовъ за Христа, и это можно считать приблизительнымъ числомъ всѣхъ членовъ; если въ этомъ числѣ мы сочтемъ пятнадцать сотъ рыцарей, то мы вѣроятнѣе всего увеличимъ, а не уменьшимъ истину.

Что касается средствъ ордена, то, по счастью, до насъ дошло нѣсколько свидѣтельствъ, откуда ясно, что богатства ихъ были страшно преувеличены. Матье Пари установилъ, что въ 1244 г. орденъ по всему христіанскому міру имѣлъ девять тысячъ замковъ, тогда

[1]) Wilcke, «Geschichte des Ordens der Tempelherren», 2 изд. 1860, II, 51, 103—4, 183.—Chron. Anonyme (Bouquet, XXI, 149).—Villani «Chron.» VIII, 92.—Mag. Chron. Belgic. (Pistorii, III, 155).—Trithem. «Chron. Hirsaug.» ann. 1307.—«Règle et Statuts secrets des Templiers», 64 (Парижъ, 1840).—Real-Encyklop. XV, 305.—Havemann, «Geschichte des Ausgangs des Tempelherrenordens», Штутгартъ, 1846, стр. 165.—Schottmüller, op. cit. I, 236, 695.

Библиотека "Руниверс"

какъ у госпитальеровъ ихъ было девятнадцать тысячъ. Особенно тампліеры процвѣтали въ Аквитаніи; около 1300 г. въ одномъ счетѣ десятиннаго сбора въ пользу Филиппа Краснваго на тампліеровъ записано шесть тысячъ ливровъ, столько же на госпитальеровъ, а на цистерціанцевъ двѣнадцать тысячъ ливровъ. Въ регистрахъ королевскаго сборщика отъ 1293 г. упоминается въ Оверни четырнадцать наставничествъ тампліеровъ, платившихъ въ общемъ триста девяносто два ливра, тогда какъ наставничества госпитальеровъ, числомъ двадцать четыре, платили триста шестьдесятъ четыре ливра. Когда въ 1298 г. Бонифацій VIII попросилъ помощи воюющихъ орденовъ для своей войны, имѣвшей цѣлью истребленіе фамиліи Колоннъ, онъ опредѣлилъ контрибуцію съ тампліеровъ и госпитальеровъ по десяти тысячъ флориновъ съ каждаго ордена, между тѣмъ, какъ Тевтонскіе рыцари должны были уплатить только тысячу марокъ [1]). Припомнимъ, что современный историкъ опредѣляетъ общій ежегодный доходъ обоихъ главныхъ орденовъ въ восемьсотъ тысячъ ливровъ, большая часть которыхъ, по всей вѣроятности, принадлежала госпитальерамъ.

Но благосостояніе ордена было болѣе чѣмъ достаточно для того, чтобы возбудить алчность королевскихъ хищниковъ; его могущество и его привилегіи были достаточно велики, чтобы возбудить недовѣріе въ умѣ даже менѣе подозрительнаго деспота, чѣмъ Филиппъ Красивый. Было выставлено много хитрыхъ теорій, чтобы объяснить поступокъ Филиппа; но это равносильно тому, чтобы ставить себѣ ненужную задачу. Во время ссоры съ Бонифаціемъ VIII тампліеры, хотя ихъ и обвиняли въ томъ, что они тайно, несмотря на королевскія запрещенія, посылали въ Римъ деньги, все же поддержали дѣло Филиппа и подписали актъ, одобрявшій и подтверждавшій Луврскій соборъ, на которомъ въ іюнѣ 1303 г. Бонифацій былъ открыто обвиненъ въ ереси, и одновременно былъ сдѣланъ призывъ созвать новый соборъ, который рѣшилъ бы вопросъ. Отношенія между королемъ и тампліерами были, между прочимъ, настолько дружескія, что королевскія граматы отъ 10 іюля 1303 г. показываютъ, что сборъ всѣхъ королевскихъ доходовъ по всей Франціи былъ порученъ тампліеру Гуго де Перо, который впослѣдствіи былъ избранъ гроссмейстеромъ ордена. Въ іюнѣ 1304 г. Филиппъ подтвердилъ всѣ привилегіи тампліеровъ, а въ октябрѣ издалъ указъ, которымъ предоставлялись имъ новыя прерогативы и въ горячихъ выраженіяхъ восхвалялись ихъ заслуги. Въ 1299 г. они дали ему огромную сумму въ пятьсотъ тысячъ ливровъ, какъ вдовью часть его сестры. Когда въ 1306 г. Гюго де Перо потерялъ двѣ тысячи марокъ серебромъ вслѣдствіе мошенническаго исчезновенія флорентинскихъ банкировъ Томассо и Ванно Моцци, Филиппъ быстро вмѣшался въ дѣло и заставилъ аббата монастыря Св. Антонія Эмона, бывшаго поручителемъ банкировъ, уплатить деньги. Когда въ своихъ стѣсненныхъ финансовыхъ обстоятельствахъ король выпустилъ низкопробную монету и вызвалъ этимъ волненіе въ Парижѣ, то онъ скрылся у тампліеровъ, и тампліеры защитили его отъ разъяренной толпы. Но сами эти одолженія должны были непріятно отзываться на монархѣ, жаждавшемъ неограниченной власти и враждебно

---

[1]) «Procès des Templiers», I, 144.—Raynald. ann. 1307, № 12; ann. 1311, № 53.—Schottmüller, op. cit. I, 495.—Ferreti Vicentini «Hist.» (Muratori, «S. R. I.» IX, 1018).—Matt. Paris, ann. 1244 (стр. 417).—Dom Bouquet, XXI, 545.—Chassaing, «Spicilegium Brivatense», 212—13.—«Registres de Boniface VIII», №№ 2426—30 (T. II, 33—4).

Примѣромъ преувеличеній, ходившихъ по поводу тампліеровъ, можетъ служить смѣлое утвержденіе, что орденъ владѣлъ половиною земли въ Руссильонѣ и Серданьѣ; на самомъ дѣлѣ, изъ разсмотрѣнія собранія его монастырскихъ граматъ видно, что орденъ владѣлъ только четырьмя сеньоріальными феодами, съ нѣкоторыми частичными правами на арендныя деньги, десятину или барщину въ другихъ семидесяти мѣстностяхъ. А единственное аббатство св. Михаила изъ Куксы имѣло, съ своей стороны, тридцать сеньоріальныхъ феодовъ и соотвѣтствующія права въ другихъ двухстахъ мѣстностяхъ; каждое изъ двухъ аббатствъ Арля и Корнелли де Конфлентъ было богаче тампліеровъ.—Allart, «Bulletin de la Société Agricole, Scientifique et Littéraire des Pyrénées-Orientales», T. XV, 107—8.

Библиотека "Руниверс"

пастроенномъ въ отношеніи феодальныхъ учрежденій, которыя онъ старался конфисковать въ свою пользу. Несомнѣнно, тампліеры не были настолько сильны, чтобы отнять у монархіи нѣкоторыя провинціи и обратить ихъ въ независимое владѣніе, но они могли во всякое время создать серьезную опасность въ ходѣ борьбы, предпринятой противъ крупныхъ феодаловъ, которыхъ общіе интересы и симпатіи связывали съ рыцарями.

Филиппъ стремился привести своихъ сеньоровъ къ повиновенію путемъ расширенія королевской юрисдикціи, а тампліеры были подсудны только Св. Престолу; они не были подданными короля; они не были обязаны ему ни повиновеніемъ, ни вѣрноподданничествомъ; Филиппъ не могъ потребовать отъ нихъ военной службы, какъ требовалъ этого отъ епископовъ; они же, наоборотъ, имѣли право объявлять войну и заключать миръ на свой собственный рискъ, не навлекая ни на кого отвѣтственности; они пользовались полной личной неприкосновенностью лицъ духовнаго званія, и король не имѣлъ никакихъ средствъ принудить ихъ, какъ могъ это сдѣлать въ отношеніи галликанскаго духовенства. Они были освобождены отъ всѣхъ пошлинъ, податей и налоговъ; король могъ получить отъ папы только уступку десятиннаго сбора. Будучи, такимъ образомъ, совершенно независимы отъ свѣтской власти, рыцари, согласно своимъ уставамъ, находились въ полномъ и слѣпомъ подчиненіи своимъ старшимъ. Приказаніе гросмейстера было приказаніемъ Бога; ни одинъ изъ членовъ не имѣлъ права запереть на замокъ ящикъ или сундукъ, выкупаться или пустить себѣ кровь и даже вскрыть письмо изъ дому безъ разрѣшенія коммандора; всякое малѣйшее неповиновеніе влекло за собой потерю одежды и тюремное заключеніе въ цѣпяхъ со всѣми ограниченіями, связанными съ этимъ наказаніемъ. Правда, въ 1295 г. въ орденѣ проявились симптомы неповиновенія, и Бонифацію VIII пришлось вмѣшаться, чтобы заставить братьевъ подчиняться ихъ магистру; но эти волненія улеглись. Среди рыцарей повиновеніе было серьезной обязанностью, еще болѣе строгою, чѣмъ подчиненіе вассала сюзерену. Эта конгрегація воиновъ была аномаліей среди феодальнаго строя; поэтому, когда тампліеры отказались, повидимому, отъ своей воинствующей роли на Востокѣ, то Филиппъ, принявъ во вниманіе ихъ богатство и число ихъ членовъ во Франціи, долженъ былъ усмотрѣть въ нихъ существенное препятствіе къ осуществленію своихъ абсолютическихъ замысловъ и озаботиться объ избавленіи отъ нихъ при первомъ удобномъ случаѣ. Въ началѣ своего царствованія онъ стремился положить конецъ постояннымъ пріобрѣтеніямъ монашескихъ орденовъ и тампліеровъ, къ которымъ переходило въ собственность постоянно увеличивавшееся число недвижимыхъ имѣній Церкви; одинъ уже неуспѣхъ его стараній въ этомъ отношеніи долженъ былъ укрѣпить въ немъ чувство опасности, происходящей отсюда. На вопросъ, почему онъ напалъ именно на тампліеровъ, а не на госпитальеровъ, можно отвѣтить тѣмъ, что, по всей вѣроятности, причиной этого было то, что тампліеры были слабѣе, а, кромѣ того, таинственность, которой они окружали свои обряды, давно уже сдѣлала ихъ подозрительными и вредными въ глазахъ народа [1]).

Вальзингамъ предполагаетъ, что Филиппъ, нападая на тампліеровъ, имѣлъ въ виду добиться для одного изъ своихъ младшихъ сыновей званія іерусалимскаго короля, причемъ въ удѣлъ ему должны были пойти владѣнія тампліеровъ. Подобный проектъ прекрасно отвѣчалъ идеямъ времени, и результатомъ его было бы новое вторженіе Европы

---

[1]) Du Puy, «Hist. du Différend», Preuves, 136—7.—Baudouin, «Lettres inédites de Philippe le Bel», 163.—Maillard de Chambure, 61.—Grandes Chroniques, V, 173.—Raynouard, op. cit. 14, 21.—Rymer, I, 30.—Regest. Clement. PP. V. T. I, 192 (ed. Benedictina, Romae 1885).—Prutz, op. cit. 23, 31, 38, 46, 49, 51—2, 59, 76, 78, 79, 80.—«Règle», §§ 39, 43, 313, 587.—Thomas, «Registres de Boniface VIII». T. I, № 490.—Baudouin, op cit. 212.

Шотмюллеръ («Der Untergang des Templer-Ordens», Берлинъ, 1887, I, 65) думаетъ, что заемъ пятисотъ тысячъ ливровъ Филиппу, по всей вѣроятности, народная легенда, порожденная тѣмъ, что тампліеры выступили въ качествѣ банкировъ при уплатѣ вдовьей части сестры короля.

Библиотека "Руниверс"

въ Сирію. Быть можетъ, это было дѣйствительно главнымъ поводомъ, такъ какъ кандидатура Филиппа Длиннаго на званіе іерусалимскаго короля была выставлена и обсуждаема на Вьеннскомъ соборѣ; но было ясно, что ни одинъ иностранный государь не позволилъ бы, чтобы владѣнія тампліеровъ въ его земляхъ перешли въ руки одного изъ членовъ честолюбиваго Капетингскаго дома [1]).

Для объясненія поступковъ Филиппа врядъ ли стоитъ, впрочемъ, искать другихъ основаній, кромѣ финансовыхъ. Король вѣчно сильно нуждался въ деньгахъ для покрытія своихъ постоянныхъ и огромныхъ расходовъ по продолжительной войнѣ противъ фламандцевъ. Онъ наложилъ такія тяжелыя подати, что одни изъ его подданныхъ возстали, а другіе были близки къ этому. Онъ выпустилъ такую низкопробную монету, что заслужилъ прозвище Фальшивомонетчика. Ему оставалось мало источниковъ для отысканія средствъ, и еще меньше могъ онъ стѣсняться въ этомъ. Потокъ конфискацій въ Лангедокѣ началъ уже изсякать; съ другой стороны, огромныя суммы, доставляемыя этими конфискаціями въ королевскую казну въ теченіе болѣе полустолѣтія, показали, какую пользу можно извлечь изъ ловкой кампаніи противъ ереси. Филиппъ только что окончилъ благополучно финансовую операцію подобную той, которую онъ намѣревался продѣлать съ тампліерами: онъ арестовалъ всѣхъ евреевъ въ королевствѣ, отобралъ у нихъ все имущество, а потомъ подъ страхомъ смерти изгналъ ихъ изъ королевства. Записка, касающаяся разсматриваемыхъ нами проектовъ и сохранившаяся до сего времени въ архивѣ граматъ, показываетъ, что онъ разсчитывалъ также воспользоваться конфискованными имѣніями тампліеровъ. Къ несчастію для него, какъ мы увидимъ ниже, онъ не принялъ во вниманіе, что эти имущества, какъ собственность духовенства, были подчинены неотъемлемымъ правамъ Церкви [2]).

Исторія о тампліерѣ-отступникѣ Скинѣ де Флоріанъ и о зломъ флорентинцѣ Ноффо Деи, которые, будучи осуждены на смерть, спасли свою жизнь тѣмъ, что возвели обвиненія на тампліеровъ, по всей вѣроятности, есть плодъ досужей фантазіи современнаго лѣтописца, повторенный безъ всякой критики многими другими [3]). Подобное вмѣшательство было, впрочемъ, совершенно излишне; странная таинственность, которой тампліеры облекали свои внѣшнія сношенія, естественно, возбуждала любопытство и подозрительность народа. Изъ всѣхъ монашескихъ орденовъ одни только тампліеры совершали пріемъ поступавшихъ въ орденъ въ самой глубокой тайнѣ; капитулы происходили на разсвѣтѣ дня въ залѣ, двери которой строго охранялись; никто изъ участвовавшихъ въ церемоніи не имѣлъ права говорить о томъ, что происходило въ залѣ, даже и тампліеру, не члену капитула, подъ угрозой подвергнуться изгнанію. Эти обычаи, неизбѣжно, должны были породить розсказни и разныя выдумки, объяснившія эту таинственность тѣмъ, что на этихъ церемоніяхъ совершались такія безчестныя дѣянія, что ихъ нельзя было отправлять днемъ. Тампліеры много страдали отъ этихъ подозрѣній. Когда судьи спросили наставника Оверни,

---

[1]) D'Argentré, I, I, 280.—Wilcke, op. cit. II, 304—6.—Langlois, «De Recuperatione Terrae Sanctae», 131 (Парижъ, 1891).

[2]) Guill. Nangiac. «Contin.» ann. 1306.—Vaissete, IV, 135.—Raynouard, op. cit. 24.

[3]) Villani «Chron.», VIII, 92.—Amalr. Augerii «Vita Clement. V» (Muratori, «S. R. I.» III, II, 443—44).—S. Antonini «Hist.» (d'Argentré, I, I, 281).—Trithem. «Chron. Hirsaug.» ann. 1307, № 12. Наиболѣе хорошо освѣдомленные современники: Бернаръ Ги, продолжатель Нангіакской хроники, Жанъ де С.-Викторъ, «Grandes Chroniques» не упоминаютъ объ этой исторіи.

Однако, Ноффо Деи—личность историческая; быть можетъ, Гильомъ де Ногаре прибѣгалъ къ нему для собранія и изготовленія свидѣтельскихъ показаній. Подобную же роль игралъ онъ въ то же время въ преслѣдованіи, возбужденномъ противъ епископа Труа Гишара, преслѣдованіи, чрезвычайно похожемъ на дѣло тампліеровъ. Въ 1313 году онъ былъ повѣшенъ, получивъ такимъ образомъ должное воздаяніе за свои преступленія.—Rigault, «Le Procès de Guichard, évêque de Troyes», 23, 30, 41, 49, 99—101, 219, 297.

Библиотека "Руниверс"

Гумберта Блана, зачѣмъ братья, если имъ нечего было скрывать, все облекали такою таинственностью, онъ могъ отвѣтить только одно—«по глупости». Такъ, напр., общераспространенное мнѣніе было, что неофитъ долженъ былъ цѣловать заднюю часть своего наставника, и госпитальеры особенно охотно распространяли эту басню. Послѣ этого легко понять, что тамплiерамъ приписывали содомскій грѣхъ; впрочемъ, этотъ грѣхъ былъ очень распространенъ въ средніе вѣка, и особенно предавались ему въ монастыряхъ. За нѣсколько времени передъ этимъ, въ 1292 г., скандалъ, происшедшій на подобной почвѣ, вызвалъ изгнаніе многихъ профессоровъ и богослововъ Парижскаго университета. Самые смутные слухи ходили объ антихристіанскихъ обрядахъ, введенныхъ въ орденъ гросмейстеромъ, который, попавъ въ плѣнъ къ Вавилонскому султану, получилъ свободу подъ условіемъ, что сдѣлаетъ эти обряды обязательными. Разсказывали еще слѣдующую легенду: въ первыя времена ордена два тамплiера ѣздили верхомъ на одной и той же лошади въ битвѣ по ту сторону моря; сидѣвшій спереди поручилъ себя Христу и былъ тяжело раненъ; другой поручилъ себя тому, кто лучше поможетъ ему, и остался невредимъ. Этотъ второй былъ, говорили, демономъ, принявшимъ человѣческій образъ; онъ сказалъ своему раненому товарищу, что если бы онъ захотѣлъ увѣровать въ него, то могущество и богатство ордена увеличились бы. Тамплiеръ далъ себя совратить, и съ этого дня нечестіе и заблужденіе водворились въ орденѣ. Мы уже видѣли, какъ легко подобныя исторіи принимались на вѣру не знавшимъ критики средневѣковымъ обществомъ, какъ онѣ росли и украшались самыми фантастическими подробностями. Настроеніе ума общества было подготовлено повѣрить всему, что бы ни стали разсказывать о тамплiерахъ: достаточно было искры, чтобы вспыхнулъ пожаръ [1]).

Министры и агенты Филиппа, Гильомъ де Ногарэ, Гильомъ де Плезіанъ, Рено де Руа и Энгерранъ де Мариньи, были очень пригодны къ тому, чтобы оцѣнить представлявшійся случай обогатить королевскую казну; имъ не трудно было собрать свидѣтельскія показанія, на основаніи которыхъ можно было бы составить внушительный спи-

---

[1]) Règle, §§ 225, 252, 573.—Wilkins, «Concilia», II, 338.—Concil. Toletan. XVI ann. 693—«Procès des Tampliers», I, 186—7, 454; II, 139, 153, 195—6, 223, 440, 445, 471.—S. Damiani «Lib. Gomorrhian.»—Guill. Nangiac. ann. 1120.—Alani. de Insulis, «Lib. de Planctu Naturae».—Gualt. Mapes, «De Nugis Curialium», I, XXIV.—«Prediche» del B. Frà Giordano da Rivolto, Firenze, 1831, I, 230.—Regest. Clement. PP. V. T. V, 259 (edit. Benedictina, Romae, 1887).—Alvar. Pelag., «de Planctu Ecclesiae», lib. II, art. II, fol. LXXXIII.—«Mémoires» de Jacques Du Clercq., liv. III, ch. 42; liv. IV, ch. 3.—Rogeri Bacon, «Compend. Studii Philosophiae», cap. II (M. R. Series I. 412).

Преступленіе содоміи судилось духовными судами; виноватый сжигался живымъ (Très Ancien Cout. de Bretagne, art. 112, 142 ap. Bourdot de Richebourg, IV, 227, 232.—Statuta Criminalia Mediolani e tenebris in lucem edita, cap. 51, Bergomi, 1594). Примѣръ наложенія наказанія свѣтскимъ судомъ имѣлъ мѣсто въ Буржѣ въ 1445 году (Jean. Chartier, «Hist. de Charles VII», изд. Годфруа, стр. 72) и еще въ Цюрихѣ въ 1482 г. (V. Anshelm, «Die Berner Chronik», Bern, 1884, I, 221), хотя Николай V въ 1451 году подчинилъ это преступленіе суду Инквизиціи (Ripoll. III, 301). D'Argentré говоритъ: «Haec poena toto regno et vulgo statutis Italiae indicitur per civitates, sed pene irritis legibus» (Comment. Consuetud. Duc. Britann., стр. 1810). Въ Англіи это преступленіе было подсудно свѣтскому суду и влекло костеръ (Horne, «Myror of Justice», cap. IV, § 14); въ Испаніи оно каралось кастраціей и побиваніемъ камнями («El Fuaro real de España», lib. IV. Tit. IX. l. 2).

Невѣроятныя исторіи, доложенныя Антоніемъ Сиччи изъ Верчелли папской комиссіи въ мартѣ 1311 года по поводу фактовъ, свидѣтелемъ которыхъ онъ былъ въ Сиріи и Италіи, показываютъ, что народъ вѣрилъ въ существованіе страшной тайны, открыть которую не смѣлъ никто изъ членовъ ордена (Procès, I, 644—5).

Можно отмѣтить, какъ совпаденіе, обвиненія въ ереси, возбужденныя противъ Тевтонскаго ордена въ 1307 году архіепископомъ Риги. Гросмейстеръ Карлъ Беффартъ былъ вызванъ на судъ Климента и не безъ труда отстранилъ отъ своего ордена судьбу тамплiеровъ.—Wilcke, II. 118.

Библиотека "Руниверс"

сокъ преступленій, такъ какъ мы уже знаемъ, какъ легко было при помощи свидѣтелей обставить дѣло такъ, что Бонифацій VIII оказался виновнымъ въ преступленіяхъ не менѣе ужасныхъ. Въ данномъ случаѣ задача была еще легче. Тампліеры не могли избѣжать общей деморализаціи, которая охватила всѣ монашескіе ордены; среди нихъ неизбѣжно было немало людей безсовѣстныхъ, искателей приключеній, готовыхъ на всякое преступленіе, которое сулило имъ какую-нибудь выгоду. Кромѣ того, было много старыхъ членовъ ордена, изгнанныхъ за дурное поведеніе, которые ничего не теряли, удовлетворяя свое мщеніе. Было также много отступниковъ, изгнаніе которыхъ было вопросомъ времени, и которые, если бы ихъ схватили, заслуживали бы тюрьмы; было, наконецъ, очень много гнусныхъ развратниковъ, всегда готовыхъ, по первому предложенію королевскихъ агентовъ, дать свидѣтельскія показанія, какія угодно и о чемъ угодно. Эти показанія втихомолку были собраны Гильомомъ де Ногарэ и въ самомъ строгомъ секретѣ хранились въ Корбейлѣ подъ охраной доминиканца Гумберта. Важнѣе всего и интереснѣе всего было, конечно, установить обвиненіе въ ереси. Въ этомъ дѣлѣ, чтобы добиться желательнаго обвиненія, необходимо было обратиться за помощью Инквизиціи. Общественнаго мнѣнія, чѣмъ бы оно ни объяснялось, было достаточно, чтобы оправдать арестъ и назначеніе суда, а разъ начиналось дѣло, то весьма рѣдко случалось, чтобы инквизиціонное судопроизводство не добивалось, въ концѣ концовъ, доказательствъ виновности своихъ жертвъ. Разъ наверху дѣло было рѣшено, то роковой исходъ его былъ внѣ сомнѣнія: осужденіе обвиняемыхъ было неизбѣжно [1]).

Но исходъ предпріятія зависѣлъ отъ доброй воли Климента V; на дѣлѣ, трибуналы Инквизиціи, будетъ ли это Святой Трибуналъ или епископская Инквизиція, находились подъ контролемъ папы; съ другой стороны, общественное мнѣніе настоятельно заявляло, что французскіе тампліеры не были одни виновны, и что иностранные члены ордена подлежали также наказанію за свои преступленія. Чтобы Филиппъ могъ воспользоваться конфискаціями, которыя онъ намѣтилъ во Франціи, нужно было, чтобы подобныя же мѣры были приняты во всей Европѣ, а для этого необходимо было содѣйствіе Св. Престола. Позднѣе Климентъ объявилъ, что Филиппъ сообщалъ ему свой проектъ во всѣхъ его подробностяхъ до своего коронованія въ Лионѣ 14 ноября 1305 г. [2]); но папскія буллы, касающіяся этого вопроса, такъ полны лжи, что совершенно нельзя основываться на нихъ. По всей вѣроятности, дурные и позорящіе слухи, ходившіе объ орденѣ, могли быть предметомъ нѣкоторыхъ переговоровъ; но врядъ ли Климентъ заслуживаетъ сдѣланнаго ему нѣкоторыми историками упрека, что онъ просто хотѣлъ заманить Молэ и Вилларе, когда призвалъ ихъ къ себѣ въ 1306 г. Мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ допустить, что въ данномъ случаѣ онъ дѣйствовалъ чистосердечно, и что самъ Молэ своимъ неблагоразуміемъ далъ ему понять, что онъ намѣренъ навсегда устроиться во Франціи, и этимъ возбудилъ подозрѣніе и алчность короля, обративъ такимъ образомъ въ окончательное рѣшеніе то, что до того времени было только неяснымъ проектомъ [3]).

[1]) «Procès des Templiers», I, 36, 168.—Chron. Anonyme (Bouquet, XXI, 137).—Joann. de S. Victor. (Bouquet, XXI, 649—50).

[2]) Bull, «Pastoralis praeminentiae» (Mag. Bull. Rom. Supplem. IX, 126).—Bull, «Faciens misericordiam» (Ibid. 136).—Путевыя записки Филиппа и донесеніе о пасторскихъ посѣщеніяхъ Бертрана де Готъ (Климента V) въ достаточной степени могутъ оправдать пущенную въ ходъ Виллани легенду, что по этому вопросу между Филиппомъ и Климентомъ состоялось предварительное соглашеніе въ С.-Жанъ д'Анжели (см. Van Os, «de Abolitione Ordinis Templariorum», Herbipoli 1874, стр. 14—15). Не менѣе вѣрно также, что фактически Климентъ слѣдовалъ распоряженіямъ Филиппа Красиваго.

[3]) Предположеніе Шотмюллера («Der Untergang des Templer-Ordens», I, 91), что Климентъ созвалъ вождей обоихъ воинствующихъ орденовъ, чтобы заручиться ихъ помощью противъ Филиппа, кажется мнѣ лишеннымъ всякаго правдоподобія.

Библиотека "Руниверс"

Если предположеніе это вѣрно, то Филиппъ не долго носилъ свой планъ, и агенты его дѣятельно и быстро собрали обвиненія. Во время своего свиданія съ Климентомъ въ Пуатье весною 1307 г. Филиппъ безуспѣшно пытался добиться отъ него осужденія памяти Бонифація VIII; не успѣвъ въ этомъ, онъ на время оставилъ это дѣло и выдвинулъ обвиненія противъ тампліеровъ, но также безъ непосредственнаго результата. Климентъ вызвалъ Молэ, который явился въ сопровожденіи трехъ высшихъ сановниковъ ордена, бывшихъ тогда во Франціи: наставника Кипра, Рембо де Каронъ, наставника Аквитаніи и Пуату, Жофруа де Жонвилль и визитора Франціи, Гуго де Перо. Имъ были сообщены обвиненія во всей ихъ грязной наготѣ. Климентъ имѣлъ послѣ этого смѣлость заявить передъ лицомъ всей Европы, что Молэ передъ своимъ арестомъ въ присутствіи своихъ подчиненныхъ рыцарей и разныхъ мірянъ и духовныхъ лицъ сознался ему въ справедливости этихъ обвиненій; но это—возмутительная ложь. Тампліеры вернулись въ Парижъ, повидимому, совершенно успокоенные и убѣжденные, что они вполнѣ оправдались. Наканунѣ своего ареста, 12 октября, Молэ имѣлъ даже честь на погребеніи жены Карла Валуа, Екатерины, держать шнурокъ балдахина; по всей вѣроятности, честь эта ему была оказана, чтобы усыпить всякое подозрѣніе съ его стороны. Мало того, 24 августа Климентъ писалъ Филиппу, убѣждая его заключить миръ съ Англіей; въ своемъ письмѣ онъ упоминаетъ объ обвиненіяхъ, выставленныхъ королемъ противъ тампліеровъ во время ихъ свиданій въ Ліонѣ и Пуатье, и о представленіяхъ, сдѣланныхъ по этому поводу агентами короля. Жалобы эти, писалъ онъ, показались ему невѣроятными и невозможными; но Молэ и высшіе сановники ордена жаловались на эти несправедливыя обвиненія, многократно просили разслѣдованія и соглашались подвергнуться самымъ суровымъ наказаніямъ, если будетъ признана ихъ виновность; вслѣдствіе этого Климентъ, по настоянію своихъ кардиналовъ, предполагалъ, по возвращеніи въ Пуатье, начать это разслѣдованіе, почему и просилъ короля переслать ему находившіеся въ его рукахъ документы [1]).

Очевидно, что до этого времени Климентъ мало заботился объ этомъ дѣлѣ и старался, насколько это было возможно, заглушить его; но у Филиппа въ рукахъ были всѣ необходимыя средства для достиженія цѣли, и онъ былъ увѣренъ, что если Церковь будетъ вовлечена въ это дѣло, то Климентъ не будетъ болѣе въ состояніи отказать въ помощи. Инквизиторъ Франціи, Гильомъ Парижскій, былъ въ то же время капелланомъ короля, и поэтому на него можно было разсчитывать. Въ силу своего служебнаго положенія онъ обязанъ былъ знакомиться со всякимъ обвиненіемъ въ ереси и обращаться къ содѣйствію свѣтской власти; съ другой стороны, его страшный авторитетъ ставилъ его выше всякихъ спеціальныхъ привилегій и личной неприкосновенности членовъ ордена. Достойныя вѣры свидѣтельскія показанія объявляли тампліеровъ еретиками; и братъ Гильомъ только слѣдовалъ строго закону, когда приказалъ Филиппу арестовать рыцарей, находившихся на его территоріи, и представить ихъ на судъ Инквизиціи.

Необходимыми условіями успѣха были тайна и единство дѣйствія. Когда Филиппъ увидѣлъ изъ письма Климента, что не можетъ разсчитывать на непосредственное сотрудничество папы, то началъ дѣйствовать единолично, не теряя ни минуты. Онъ старался всегда, чтобы всѣ рѣшенія дѣлались по приказанію инквизитора, а чтобы оправдать свою поспѣшность, выдумалъ, что рыцари собирали свои сокровища и готовились бѣжать. 14 сентября были посланы къ различнымъ представителямъ короля на всемъ протяженіи Франціи королевскія граматы съ приказаніемъ арестовать по просьбѣ брата Гильома одновременно

[1]) Villani, «Chron.», VIII, 91—2.—Raynald. 1311, № 26.—Ptol. Lucens., «Hist. Eccles.», lib. XXIV (Muratori, «S. R. I.», XI, 1228).—Contin. Guill. Nangiac. ann. 1307.—Raynouard, op. cit. 18, 19.—Von Os «de Abol. Ord. Templar.» 43.—«Procès des Templiers», II, 400.—Mag. Bull, Rom., IX, 131.—«Procès», I, 95.—Du Puy, «Traités concernant l'Histoire de France», Paris, 1700. 10, 117.

Библиотека "Руниверс"

13 октября всѣхъ членовъ ордена и наложить секвестръ на всѣ ихъ имущества. 20 сентября братъ Гильомъ разослалъ инквизиторамъ, доминиканскимъ пріорамъ, субъ-пріорамъ и лекторамъ циркуляръ съ приказаніемъ дѣйствовать и перечислялъ преступленія тампліеровъ, которыхъ, по его мнѣнію, было достаточно, чтобы потрясти землю и разрушить всѣ элементы. Онъ говорилъ, что разсмотрѣлъ всѣ свидѣтельскія показанія и истребовалъ содѣйствія короля, при этомъ онъ ловко добавлялъ, что папа былъ освѣдомленъ объ обвиненіяхъ, выставленныхъ противъ рыцарей. Въ королевскихъ инструкціяхъ приказывалось держать арестованныхъ тампліеровъ въ строгомъ одиночномъ заключеніи; они должны были являться передъ комиссарами Инквизиціи по-одиночкѣ, одинъ за другимъ; имъ должна быть прочтена сущность обвиненія; имъ должно быть обѣщано прощеніе, если они согласятся признаться и вернуться въ лоно Церкви; ихъ должно предупредить, что въ случаѣ упорства они будутъ преданы смерти и что будетъ примѣнена пытка, чтобы добиться отъ нихъ сознанія. Собранныя такимъ путемъ показанія, скрѣпленныя печатью инквизиторовъ, должны быть немедленно доставлены королю. Всѣ имущества тампліеровъ должны быть немедленно секвестрованы и тщательно переписаны. Приступая къ дѣлу, которое должно было вызвать сильное волненіе, нужно было прежде всего быть въ состояніи оправдать его ссылкой на первыя признанія обвиняемыхъ, и въ этомъ отношеніи, чтобы добиться желательнаго результата, не было упущено ничего: ни обѣщаній, ни угрозъ, ни насилій [1]).

Все это строго согласовалось съ инквизиціонной практикой, и результаты оправдали ожиданія короля. Благодаря ловкости Ногарэ, которому было поручено веденіе всего этого дѣла, аресты были произведены по всему королевству 13 октября на восходѣ солнца; немногимъ тампліерамъ удалось бѣжать. Ногарэ лично захватилъ Парижскій Тампль, гдѣ было арестовано около ста сорока тампліеровъ, въ томъ числѣ Молэ и высшіе сановники ордена. Богатства ордена перешли въ руки короля. Много указаній предвѣщало эту катастрофу, но тампліеры плохо знали смѣлость Филиппа и не сдѣлали ничего для предотвращенія удара. Отнынѣ они, безоружные, находились во власти безжалостнаго трибунала, который сумѣетъ вырвать у нихъ по своему желанію сознаніе въ виновности и предать ихъ на презрѣніе и проклятіе всего человѣчества [2]).

Первой заботой Филиппа было обезпечить себѣ поддержку общественнаго мнѣнія и успокоить волненіе, вызванное этимъ неожиданнымъ событіемъ. На другой день, въ субботу 14 октября, магистры университета и каноники каѳедральнаго собора были приглашены въ соборъ Парижской Богоматери, гдѣ Гильомъ Ногарэ, парижскій прево и другіе сановники представили изложеніе преступленій, въ которыхъ были обвинены тампліеры.

---

[1]) Du Puy, op. cit. 18–19, 86.—Stemler, «Contingent zur Geschichte der Templer», Лейпцигъ, 1783, стр. 36–50.—Pissot, «Procès et condamnation des Templiers», Парижъ, 1805, стр. 39—43.

Въ своихъ письмахъ отъ 21-го ноября къ Эдуарду Англійскому и отъ 22-го ноября къ Роберту, герцогу Калабрійскому, Климентъ говоритъ, что Филиппъ дѣйствовалъ по приказанію Инквизиціи и отдалъ узниковъ на судъ Церкви (Rymer, III, 30; Mss. Chioccarello. T. VIII). Святой Трибуналъ въ это время считался отвѣтственнымъ за всякое дѣло. («Chron.» Franc. Pipini c. 49 ap. Muratori, «S. R. I.», IX, 749—50). Булла «Faciens misericordiam» 12-го августа 1308 года приказываетъ всѣмъ европейскимъ инквизиторамъ принять участіе въ послѣднемъ процессѣ (Mag. Bull. Rom., IX, 136).

Впрочемъ, все дѣло было дѣйствіемъ строго инквизиціоннымъ и интересная вещь — повсюду, гдѣ, какъ во Франціи и Италіи, Инквизиція была въ полномъ ходу, не было никакого труда собрать нужныя свидѣтельскія показанія. Наоборотъ, въ Кастиліи и Арагоніи это не удалось; ниже мы увидимъ, что въ Англіи также не могли ничего сдѣлать, пока не установили временную Инквизицію ad hoc.

[2]) Dom Bouquet, XXI, 448.—Vaissete, IV, 139.—Chron. Anon. (Bouquet, XXI, 137, 149).—Contin. Guillel. Nangiac. ann. 1307.—Joann. de S. Victor. (Bouquet, XXI, 649).—«Procès des Templiers», I, 458; II, 373.

Библиотека "Руниверс"

На слѣдующій день, въ воскресенье 15-го, народъ былъ созванъ собраться въ саду королевскаго дворца, гдѣ доминиканцы и королевскіе ораторы разъяснили ему дѣло; подобныя же мѣры были приняты по всему королевству. Въ понедѣльникъ 16-го были посланы королевскія письма ко всѣмъ князьямъ христіанскаго міра; въ нихъ извѣщалось объ открытіи ереси тампліеровъ, и князья побуждались прійти королю на помощь въ дѣлѣ защиты вѣры, слѣдуя его примѣру. Тотчасъ же послѣ этого Инквизиція усердно принялась за дѣло. Съ 19 октября по 24 ноября братъ Гильомъ и его помощники отобрали и записали признанія ста тридцати восьми узниковъ, арестованныхъ въ Парижскомъ Тамплѣ; пріемы, примѣнявшіеся ими, были настолько дѣйствительны, что всѣ, за исключеніемъ трехъ, сознались, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ предъявленныхъ имъ обвиненіяхъ. Каковы были эти пріемы, объ этомъ, конечно, въ протоколахъ не говорится, ибо мы знаемъ, что оффиціально сознаніе всегда составлялось по выходѣ изъ комнаты пытокъ, и жертва обязана была принести клятву, что она сознавалась свободно и безъ принужденія, не отъ страха или насилія, хотя несчастный зналъ, что если онъ откажется отъ того, что сказалъ или что обѣщалъ сказать на колесѣ, то его ждала новая пытка или костеръ, какъ еретика-рецидивиста. Тѣ же сцены происходили и по всей Франціи, гдѣ уполномоченные брата Гильома, а иногда и онъ самъ лично, при содѣйствіи королевскихъ чиновниковъ, прекрасно вели это же дѣло. Кромѣ того, покладистый Гильомъ, за недостаткомъ помощниковъ, пригодныхъ для этого серьезнаго дѣла, иногда уполномачивалъ дѣйствовать вмѣсто себя королевскихъ чиновниковъ. Сохранилось нѣсколько протоколовъ допросовъ, бывшихъ въ Шампаньи, Нормандіи, Керси, Бигоррѣ, Бокерѣ и Лангедокѣ; эти документы иногда упоминаютъ о пыткѣ, такъ что ясно, что къ ней прибѣгали въ случаѣ надобности. Но она не всегда была необходима: обѣщаніе прощенія и угроза костромъ, соединенныя съ лишеніемъ пищи и строгимъ тюремнымъ арестомъ, часто развязывали языки и безъ пытки. Инквизиціонное судопроизводство было примѣнено во всей строгости, какъ это видно изъ большого числа упоминаемыхъ въ регистрахъ случаевъ смерти и самоубійства. Въ одномъ только Парижѣ, по свидѣтельству Понсара де Жизіакъ, тридцать шесть тамплiеровъ умерли отъ пытки; въ Сансѣ, по словамъ Жака де Сорсіакъ, двадцать пять умерло отъ ранъ и страданій; въ другихъ мѣстностяхъ смертность была также значительна. Когда позднѣе нѣкоторые тамплiеры повторили свои признанія передъ папой и кардиналами въ консисторіи, то заявили о томъ, что ихъ жестоко подвергали чрезмѣрнымъ пыткамъ; но это не помѣшало Клименту въ разсказѣ объ этомъ дѣлѣ утверждать, что ихъ признанія были даны свободно и добровольно. Какъ полагаютъ, Молэ также не избѣгъ пытки; его скоро довели до покорности. Его сознаніе, данное 24 октября, конечно, очень коротко и заключаетъ въ себѣ лишь часть заблужденій, въ которыхъ его обвиняли; но отъ него добились подписи письма, адресованнаго къ братьямъ; въ немъ онъ увѣдомлялъ ихъ, что онъ сознался, и совѣтовалъ имъ послѣдовать его примѣру, такъ какъ и они были вовлечены въ тѣ же заблужденія. Лишь только Молэ и другія высшія лица ордена были, такимъ образомъ, скомпрометированы, то магистровъ и студентовъ всѣхъ факультетовъ университета пригласили собраться въ Тамплѣ; несчастныя жертвы явились передъ этой аудиторіей и должны были повторить свои признанія, что и было ими исполнено; при этомъ они добавили, что заблужденія, въ которыхъ ихъ обвиняли, господствовали въ орденѣ уже болѣе тридцати лѣтъ [1]).

---

[1]) Joann. de S. Victor. (Bouquet, XXI, 649—50).—Contin. Guill. Nangiac. ann. 1307.—Chron. Anon. (Bouquet, XXI, 137).—Schottmüller, op. cit. I, 131—33.—Zurita, «Añales de Aragon», lib. V, c. 73.—«Procès des Templiers», II, 6, 375, 386, 394.—Du Puy, op. cit. 25—6, 88—91, 101—6.—Raynouard, op. cit. 39—40, 164, 235—8, 240—5.—«Procès des Templiers», I, 36, 69, 203, 301; II, 305—6.—Ptol. Lucens. «Hist. Ecclesiae», lib. XXIV (Muratori, «S. R. I.» XI, 1230).—Trithem. «Chron. Hirsaug.» ann. 1307.—Chron. Anon. (Bouquet, XXI, 149).

Библиотека "Руниверс"

Имъ были поставлены въ вину слѣдующія пять заблужденій: 1) Когда вступалъ неофитъ, то наставникъ велъ его за алтарь, или въ сакристію, или въ другое какое-нибудь уединенное мѣсто, показывалъ ему распятіе, заставлялъ три раза отречься отъ Спасителя и плюнуть на крестъ. 2) Неофита раздѣвали до-нага, и наставникъ три раза цѣловалъ его въ заднюю часть, въ пупокъ и въ уста. 3) Затѣмъ неофиту говорили, что содомскій грѣхъ достоинъ похвалы, и, дѣйствительно, этотъ порокъ былъ во всеобщемъ употребленіи въ орденѣ. 4) Веревка, которую тампліеры днемъ и ночью носили поверхъ сорочки, какъ символъ цѣломудрія, освящалось тѣмъ, что ее обвивали вокругъ идола, имѣвшаго форму человѣческой головы съ длинной бородой, и эта голова, хотя ее знали только гросмейстеръ и самые старые члены ордена, почиталась капитулами. 5) Священники ордена при совершеніи богослуженія не освящали Святыхъ Даровъ. Когда въ августѣ 1308 г. Климентъ разослалъ по всей Европѣ списки вопросовъ, которые слѣдуетъ предлагать обвиняемымъ (списки эти были составлены для него Филиппомъ и заключали, согласно принятому образцу, отъ восьмидесяти семи до ста двадцати семи вопросовъ), то были включены во всѣ списки эти пять обвиненій, болѣе или менѣе измѣненныя и дополненныя, сообразно съ огромнымъ числомъ сознаній, собранныхъ въ промежуткѣ времени. Добавляли, что безстыдные поцѣлуи были взаимны и ими обмѣнивались рыцарь, совершавшій пріемъ, и неофитъ; что тампліеры не вѣрили въ Таинство Евхаристіи; что на капитулахъ появлялась кошка, которой братья оказывали поклоненіе; что гросмейстеръ или наставникъ, предсѣдательствовавшій на капитулѣ, имѣлъ право отпустить всякій грѣхъ; что братьевъ поучали пріобрѣтать имущества для ордена всѣми законными и незаконными средствами. Эти преступленія не были, говорили, временными заблужденіями; это были строго опредѣленныя и неизмѣнныя правила, установленныя въ орденѣ въ такую отдаленную эпоху, что ни одинъ изъ членовъ не помнилъ ихъ происхожденія. Кромѣ этого, въ упрекъ ордену ставили таинственность, которою онъ облекалъ свои обряды, и небрежность въ распредѣленіи милостыни. Но всѣ эти обвиненія не удовлетворяли еще народнаго воображенія; самыя нелѣпыя выдумки, какъ это часто случалось въ дѣлахъ ереси, находили себѣ вѣру у довѣрчивыхъ людей. Тампліеры, говорили, согласились выдать Людовика Святого и крѣпость Акру; они заключили договоръ съ вавилонскимъ султаномъ, такъ что, въ случаѣ новаго крестоваго похода, всѣ христіане были бы проданы невѣрному султану. Они присвоили себѣ часть королевской казны, нанеся, такимъ образомъ, большой ущербъ королевству. Веревка цѣломудрія обратилась въ кожаный поясъ, носимый на голомъ тѣлѣ; mahommerie этого пояса было столь могущественно, что тамплієръ, пока носилъ его, не могъ отречься отъ своихъ заблужденій. Иногда сжигали тамплієра, умершаго въ ереси, и изъ его пепла дѣлали порошокъ, который утверждалъ неофитовъ въ ихъ невѣріи. Когда рождался ребенокъ у дѣвушки, соблазненной тамплієромъ, его изжаривали, и жиръ его шелъ на выдѣлку мази; ею обмазывали идоловъ, которымъ поклонялись въ капитулахъ и которымъ, по утвержденію нѣкоторыхъ, приносили человѣческія жертвы. Таковы были басни, которыя, переходя изъ устъ въ уста, должны были вызвать ужасъ у населенія къ жертвамъ короля [1]).

Здѣсь не будетъ излишнимъ разсмотрѣть вѣчно спорный вопросъ о томъ, былъ ли орденъ виновенъ или нѣтъ. Критики на разныхъ основаніяхъ пришли къ тому, что стали приписывать тамплієрамъ заблужденія манихеевъ и гностиковъ, а также каббалистическія, что до извѣстной степени оправдало бы ихъ печальную участь. Гаммеръ-Пургсталь хвалился тѣмъ, что открылъ и установилъ до тридцати идоловъ, которымъ поклонялись там-

[1]) Pissot, op. cit. 41—2.—«Procès des Templiers», I, 89 слѣд.—Mag. Bull. Roman. IX, 129 слѣд.—Raynouard, op. cit. 50.—Grandes Chroniques, V, 188—90.—Chron. Anon. (Bouquet, XXI, 137).—Naucleri «Chron.» ann. 1306.

Библиотека "Руниверс"

пліеры, хотя Инквизиціи, которой помогали клевреты Филиппа, не удалось захватить ни одного идола во время ихъ внезапнаго ареста. Единственнымъ предметомъ, походившимъ на идолъ, былъ небольшой металлическій ковчежецъ, въ формѣ женской головы, найденный въ Парижскомъ Тамплѣ; въ немъ нашли сохраняемый, какъ святыня, черепъ, который считали принадлежащимъ одной изъ одиннадцати тысячъ дѣвъ [1]).

Одного этого факта достаточно, чтобы отвергнуть самое тяжелое обвиненіе, такъ какъ, если вѣрить показаніямъ нѣкоторыхъ обвиняемыхъ, то эти идолы сохранялись въ командорствѣ и ихъ употребляли при всѣхъ пріемахъ вновь вступавшихъ въ члены. Что касается другихъ обвиненій, которыя не допускаютъ подобнаго матеріальнаго доказательства, то замѣтимъ, что современные теоретики много настаивали на томъ фактѣ, что правила и статуты ордена были предназначены исключительно для главныхъ членовъ, чтобы отсюда сдѣлать выводъ, что они должны были содержать изъясненіе сокровенныхъ тайнъ ереси. Однако, въ дѣлопроизводствѣ нѣтъ на это ни одного намека; обвинители никогда не прибѣгали къ тексту статутовъ, хотя они должны были захватить большое число экземпляровъ во время внезапнаго ареста тамплiеровъ. Молчаніе обвиненія въ этомъ отношеніи

---

[1]) Wilcke, II, 424.—«Procès des Templiers», II, 218.—Бѣдность доказательствъ, которыми удовлетворяются нѣкоторые археологи, видна на безполезномъ трудѣ Миньяра, который вообразилъ, что онъ открылъ въ ларцѣ изъ рѣзного камня, найденномъ въ Эссаруа въ 1789 г., всѣ тайны гностическаго манихеизма, и тотчасъ заключилъ отсюда, что этотъ ларецъ принадлежалъ тамплiерамъ, такъ какъ ихъ коммандорство находилось въ восьми или десяти миляхъ отъ этого мѣста; а ларецъ этотъ долженъ быть ракой, въ которую они заключали свой идолъ Бафометъ (Mignard, «Monographie du coffret de M. le duc de Blacas», Парижъ, 1852.—Продолженіе 1853 г.).

Оригиналъ этого ларца утраченъ; имѣется его модель въ Дижонскомъ музеѣ. Cf. E. Pfeiffer, «Zwei vermeintliche Templerdenkmale» въ «Zeitschrift für Kulturgeschichte», t. IV (1897 г.), стр. 385—419.

Невозможно не относиться съ уваженіемъ къ авторитету профессора Ганса Прутца, на изслѣдованія котораго въ архивѣ Валетты я часто ссылался; но невольно пожалѣешь, когда столь заслуженный ученый тратитъ силы на то, чтобы собрать противорѣчивыя показанія, вырванныя пыткою у свидѣтелей, чтобы установить существованіе еретическаго дуализма, смѣшаннаго изъ ученій катаровъ и луциферіанъ, подтвердить который должны были даже несчастные штедингги. («Geheimlehre und Geheimstatuten des Tempelherren-Ordens», Берлинъ, 1879, стр. 62, 86, 100). Чтобы помѣшать ученымъ на будущее время тратить такъ безплодно свои силы, достаточно указать, что, если бы орденъ имѣлъ достаточно охоты и убѣжденія для того, чтобы организовать и распространять новую ересь, то, несомнѣнно, въ немъ нашлось бы по крайней мѣрѣ нѣсколько мучениковъ, какъ это было во всѣхъ еретическихъ сектахъ; между тѣмъ, ни одинъ тамплiеръ не сознался въ вѣрованіи, которое приписывали ему, ни одинъ не захотѣлъ упорно отстаивать его. Всѣ, у кого страданія вырвали сознаніе, одинъ передъ другимъ, спѣшили отречься отъ заблужденій, въ которыхъ ихъ обвиняли, и просили отпущенія грѣховъ. Одинъ случай упорства былъ бы для Филиппа и Климента дороже всякаго другого свидѣтельства и сталъ бы гвоздемъ всего процесса; но случая такого не было. Всѣ тамплiеры, шедшіе на костеръ, были мучениками иного рода; это были люди, у которыхъ пытка вырвала сознанія, отъ которыхъ они затѣмъ отказались, и предпочли смерть на кострѣ позорному отстаиванію вырванныхъ муками признаній. Тонкіе историки, которые задались цѣлью возсоздать тайныя ученія тамплiеровъ, повидимому, не подумали, что имъ пришлось выдумать ересь, послѣдователи которой вмѣсто того, чтобы страдать, защищая свою вѣру, соглашаются десятками идти на костеръ, лишь бы имъ не приписывали ея. Простого разсказа о дѣлѣ достаточно, чтобы показать романическій характеръ всѣхъ гипотезъ, построенныхъ такъ старательно, и въ частности гипотезы Миньяра, доказывающаго, что тамплiеры были катарами, еретиками, особенно прославившимися своею жаждою мученичества!

Я не имѣлъ времени ознакомиться съ книгою Лъазелѣра «La Doctrine Secrète des Templiers» (Орлеанъ, 1872), но по приводимому изъ нея Прутцемъ я предполагаю, что эта работа основана на такомъ же зыбкомъ фундаментѣ и можетъ быть такъ же легко опровергнута. Умозрѣнія Вильке настолько грубо нелѣпы, что ихъ не стоитъ даже опровергать.

Библиотека "Руниверс"

весьма убѣдительно. Кромѣ того, несмотря на все тщаніе, съ которымъ уничтожали экземпляры статутовъ тампліеровъ, два или три экземпляра сохранились и были опубликованы въ наше время. Они дышатъ самымъ аскетическимъ благочестіемъ, самой абсолютной преданностью Церкви; многочисленные факты, приведенные на основаніи ихъ предписаній, показываютъ, что до времени, непосредственно предшествовавшаго разрушенію ордена, дѣлались постоянныя попытки ввести соблюденіе строгаго устава, выработаннаго св. Бернаромъ и опубликованнаго соборомъ въ Труа въ 1128 г. Противъ ордена не имѣется ни одного матеріальнаго свидѣтельства, ни одного внѣшняго доказательства; все обвиненіе основывается исключительно на признаніяхъ, вырванныхъ обѣщаніемъ прощенія и угрозой костра, пыткою, страхомъ пытки или пыткою косвенною, т.-е. строгимъ тюремнымъ заключеніемъ и лишеніемъ пищи, пріемами, которыми умѣла такъ хорошо пользоваться Инквизиція—какъ папская, такъ и епископская. Въ дальнѣйшемъ разсказѣ мы увидимъ, что всякій разъ, когда не прибѣгали къ этимъ пріемамъ, не могли добиться никакого сознанія въ виновности [1]). Ни одинъ человѣкъ, хоть нѣсколько знакомый съ уголовной юрисдикціей среднихъ вѣковъ, не станетъ придавать какого-либо значенія признаніямъ, добытымъ при помощи подобныхъ средствъ. Дѣло штединговъ показываетъ, какъ легко придавали правдоподобность наименѣе обоснованнымъ обвиненіямъ. Дѣятельность Конрада Марбургскаго показала, какъ страхъ смерти и обѣщаніе отпущенія грѣховъ прекрасно доводили людей самаго благороднаго происхожденія до признанія въ самыхъ гнусныхъ преступленіяхъ. Когда будемъ изучать преслѣдованіе колдуній, то увидимъ, какъ легко колесо и дыба вырывали у обвиняемыхъ всѣхъ классовъ общества признаніе, что они принимали участіе въ шабашѣ, имѣли половыя сношенія съ демонами, наводили порчу, вызывали градъ, чтобы погубить жатву, и убивали при помощи чародѣйства людей и животныхъ. Ѣзда вѣдьмъ по воздуху верхомъ на палкѣ метлы, сношенія съ злыми духами того и другого пола,—всѣ эти фантастическія обвиненія покоятся на свидѣтельскихъ показаніяхъ такого же достоинства, но гораздо большаго вѣса, чѣмъ доказательства, на основаніи которыхъ осудили тампліеровъ: колдунья была увѣрена, что, если она сознается, то ее сожгутъ, и могла разсчитывать избѣгнуть костра, если выдержитъ пытку, тогда какъ тампліеру грозила смерть, если онъ продолжалъ отрицать свою вину, а сознаніе обѣщало ему безнаказанность. Если мы примемъ эти яко-бы доказательства вины тампліеровъ, то, оставаясь добросовѣстными и послѣдовательными, не можемъ отвергнуть доказательствъ вины колдуній.

---

[1]) Историки, мало знакомые съ юридическими пріемами эпохи, были обмануты обыкновенною формулой, утверждавшей, что подтвержденіе сознанія не было получено ни насиліемъ, ни угрозой пытки. См. Raynald. ann. 1307, № 12, и Bini «Dei Templieri in Toscana», 428. Вильке положительно утверждаетъ (op. cit. II, 318), что Молэ никогда не подвергался пыткѣ. Это, безъ сомнѣнія, возможно (Amalr. Auger. «Vita Clement. V» ap. Muratori, III, II, 461); но онъ видѣлъ, какъ пытали всѣхъ его товарищей, и если онъ уступилъ до колесованія или послѣ этого, то это только вопросъ о силѣ нервной системы. Прутцъ доходитъ даже до утвержденія, что въ Англіи не примѣняли ни пытки, ни запугиванія («Geheimlehre...», 104); ниже мы увидимъ, что это ошибка. Ванъ Осъ («De Abol. Ord. Templ.» 107, 109) идетъ еще дальше и заявляетъ, что признаніе, подтвержденное послѣ пытки, настолько же убѣдительно, какъ если бы пытка не была примѣняема. Однако, онъ умышленно забываетъ отмѣтить, что отреченіе считалось вторичнымъ впаденіемъ въ ересь и влекло за собой костеръ.

О томъ, какъ велся вообще допросъ, можно судить по допросу наставника Кипра Рембо де Карона 10 го ноября 1307 года у инквизитора Гильома. На первомъ допросѣ обвиняемый сознался только въ томъ, что ему, въ присутствіи его дяди епископа изъ Карпантра, сказали, что для того, чтобы быть принятымъ, онъ долженъ отречься отъ Христа. Вопросъ этотъ былъ тогда оставленъ; а затѣмъ поднятъ снова. Тогда память его стала свѣжѣе, и онъ показалъ, что при пріемѣ долженъ былъ отречься отъ Христа и плюнуть на крестъ; затѣмъ его надоумили, что разрѣшался содомскій грѣхъ. И это сознаніе, ясно вырванное пыткою, кончается обыкновенной формулой: подсудимый клянется, что онъ сознался безъ насилія и безъ страха передъ тюрьмою или пыткою.—«Procès», II, 374—5.

Библиотека "Руниверс"

Такъ какъ всѣ вмѣстѣ взятыя свидѣтельскія показанія не имѣютъ, такимъ образомъ, никакой внутренней цѣнности, то единственнымъ пріемомъ для научнаго изученія дѣла является просѣять всю массу показаній и опредѣлить степень ихъ достовѣрности по характеру фактовъ, ими подтверждаемыхъ. До насъ дошло нѣсколько сотъ показаній, собранныхъ во Франціи, Англіи и Италіи. Чаще всего они говорятъ противъ обвиняемыхъ, такъ какъ подтвержденія невиновности обыкновенно опускались и придавалось больше значенія болѣе тяжкимъ свидѣтельскимъ показаніямъ. Число этихъ документовъ довольно велико и даетъ достаточно матеріала, чтобы мы могли оцѣнить по достоинству улики, на основаніи которыхъ были осуждены тампліеры; прибавимъ къ этимъ даннымъ критеріумъ здраваго смысла и мы можемъ быть увѣрены, что будемъ близки къ истинѣ.

Прежде всего мы сталкиваемся съ несообразностью, вытекающей уже изъ характера самого ордена: такое богатое и честолюбивое сообщество, какимъ были тампліеры, не могло тайно посвятить себя опасному дѣлу пропаганды новой религіи. Если бы имъ удалось вытѣснить христіанство, то этотъ успѣхъ не далъ бы имъ ничего положительнаго, тогда какъ въ случаѣ раскрытія, что было болѣе чѣмъ вѣроятно, гибель ихъ была несомнѣнна. Допустить же, что тампліеры были послѣдователями частной ереси, равносильно тому, чтобы приписать имъ духовную экзальтацію и готовность погибнуть мученической смертью; этого можно было ожидать отъ такихъ аскетовъ, какъ катары или дольчинисты, но только не отъ ордена, порочная распущенность котораго преобладала на дѣлѣ надъ всѣми остальными интересами. Во-вторыхъ, если бы тампліеры занимались распространеніемъ новой вѣры на глазахъ у Инквизиціи, то они болѣе осмотрительно принимали-бы въ свой орденъ посторонниxъ, они проявили бы крайнюю осторожность въ пріемѣ членовъ и открывали бы имъ тайны только понемногу, по мѣрѣ того какъ убѣждались бы, что неофиты достойны довѣрія и готовы принять мученическій вѣнецъ. Во-третьихъ, если бы какая-нибудь новая догма проповѣдывалась тайно, какъ нераздѣльная часть правила, то ученія ея были бы точно опредѣлены, и обрядовая сторона строго исполнялась бы; вслѣдствіе этого свидѣтели, которые разсказывали о своемъ вступленіи въ орденъ, разсказывали бы одно и то же и представили бы однѣ и тѣ же подробности.

Чтобы отвѣтить на возраженіе, основанное на самомъ характерѣ ордена, нужно было бы имѣть совершенно категорическія и согласныя между собой свидѣтельскія показанія; мы же имѣемъ только признанія, вырванныя страхомъ пытки, и нѣтъ ни одного изъ этихъ мнимыхъ еретиковъ, который упорствовалъ бы въ вѣрованіи, приписанномъ ему. Далѣе мы знаемъ достовѣрно изъ этихъ же свидѣтельскихъ показаній, что при пріемѣ неофитовъ не принималось никакихъ мѣръ предосторожности. Ни одинъ свидѣтель не упоминаетъ о срокѣ предварительнаго испытанія, хотя многіе даютъ понять, что имъ разрѣшено было вступленіе въ орденъ, при условіи полной передачи ордену всего своего имущества [1]). Кромѣ того, однимъ изъ обвиненій, на которыя ссылались, было именно отсутствіе предварительнаго искуса, тотъ фактъ, что кандидаты становились de plano дѣйствительными членами; это, по объясненію одного рыцаря изъ Масъ-Дё, происходило оттого, что отъ нихъ требовали немедленной службы противъ сарацинъ [2]). Принимали совершенно молодыхъ людей и даже, вопреки статутамъ ордена, дѣтей десяти—одиннадцатилѣтняго возраста [3]). Рыцари благороднаго происхожденія, священники, земледѣльцы, сельскіе рабочіе, домашняя прислуга и ремесленники вступали такимъ образомъ въ орденъ, и если вѣрить извѣстнымъ свидѣтельскимъ показаніямъ, то всѣ эти люди безъ всякаго различія должны были, подъ страхомъ смертной казни или пожизненнаго тюремнаго заключенія, подвергаться са-

[1]) «Procès», II, 188, 407.

[2]) «Procès», II, 451.

[3]) «Procès», I, 241, 412, 415, 602, 611; II, 7, 295, 298, 354, 359, 382, 394.—«Règle», § 7, стр. 211.

Библиотека "Руниверс"

мымъ ужаснымъ личнымъ униженіямъ и выполнить отвратительную церемонію, состоявшую въ томъ, чтобы наплевать на крестъ или еще хуже оскорбить эту эмблему, предметъ ихъ поклоненія и символъ ихъ вѣры! Подобная манера распространять ересь силою въ Европѣ, гдѣ дѣйствовала Инквизиція, и довѣрять такія страшныя тайны дѣтямъ и людямъ всякаго званія—такая дѣтская и нелѣпая мысль, что она должна совершенно подрывать довѣріе къ признаніямъ, въ которыхъ мы ее находимъ.

Достовѣрность свидѣтельскихъ показаній не менѣе сильно подрывается многочисленными противорѣчіями въ подробностяхъ. Обвиняемаго допрашивали по цѣлому ряду старательно нагроможденныхъ обвиненій; его послѣдовательно просили отвѣчать на каждый пунктъ обвиненія, такъ что главная сущность этихъ, такъ называемыхъ, признаній была всегда намѣчена заранѣе. Если бы обвиненія были обоснованы, то отвѣты были бы болѣе или менѣе однообразны; но вмѣсто строго опредѣленной вѣры и выработаннаго обряда, мы имѣемъ передъ собой разнообразіе, которое могли только выдумать свидѣтели, старавшіеся придумать исторіи, способныя удовлетворить ихъ палачей. Одни говорили, что имъ внушали деизмъ; внушали, что нужно поклоняться только одному Богу неба [1]); другіе утверждали, что ихъ заставляли отречься отъ Бога [2]). Обыкновенно упоминаемая формула состояла въ отреченіи отъ Христа или Іисуса; но другіе говорили, что имъ предлагали отречься отъ Господа, или отъ Profeta, или отъ Христа, отъ Дѣвы Маріи и святыхъ [3]). Нѣкоторые показывали, что они не могутъ припомнить, отрекались ли они отъ Бога или отъ Христа [4]). Иногда допрашиваемые говорили, что ихъ поучали, что не слѣдуетъ вѣрить въ Христа, что это былъ ложный пророкъ, пострадавшій за свои грѣхи; но чаще всего ссылались, что таковъ былъ уставъ ордена [5]). То же противорѣчіе встрѣчаемъ мы и относительно идола, надъ которымъ такъ много потрудилось воображеніе комментаторовъ. Одни свидѣтели клятвенно подтверждали, что этотъ идолъ показывали всякій разъ, когда принимали неофита, и что поклоненіе идолу составляло часть церемоніала пріема; другіе показывали, что его вынимали и поклонялись ему только на тайныхъ собраніяхъ капитуловъ; большинство же показывало, что оно никогда не видало его и никогда ничего о немъ не слыхало. Среди тѣхъ, которые говорили, что видѣли его, съ трудомъ можно найти двухъ, которые описывали бы его совершенно одинаково—и то благодаря даннымъ обвиненія, представлявшимъ его въ видѣ головы. Иногда голова эта—бѣлаго цвѣта, иногда она—черная, то у нея черные волосы, то съ просѣдью, а то вдругъ у нея является длинная сѣдая борода. Одни свидѣтели видѣли ея шею и ея плечи, покрытыя золотомъ; одинъ показывалъ, что это былъ злой духъ (Maufé), на котораго нельзя было смотрѣть безъ содроганія; другой говорилъ, что у нея было нѣчто въ родѣ глазъ изъ карбункуловъ, освѣщавшихъ всю залу; одинъ свидѣтельствовалъ, что у нея было два лица, а другой, что—три; одинъ показывалъ, что у нея было четыре ноги: двѣ сзади и двѣ спереди, а другой говорилъ, что его была статуя о трехъ головахъ. То идолъ этотъ представляется въ видѣ картины, то въ видѣ раскрашенной металлической бляхи, то въ видѣ небольшой женской статуи, которую наставникъ держалъ спрятанной у себя подъ одеждой и показывалъ только вѣрующимъ; иногда это—статуя юноши, высотою въ локоть, тщательно сохраняемая среди сокровищъ наставничества. А одинъ свидѣтель показалъ, что идолъ этотъ не имѣлъ человѣческой формы, а изображалъ быка. Иногда его называютъ Спасителемъ, иногда Ва-

---

[1]) «Procès». I, 213, 332; II, 388. 404.—Въ этомъ примѣчаніи и въ слѣдующихъ я даю только нѣкоторыя ссылки, въ видѣ примѣровъ. Чтобы привести подробности, понадобилось бы составить аналитическій указатель огромной массы свидѣтельскихъ показаній.

[2]) «Procès», I, 206, 242, 302, 378, 386 и слѣд.; II, 5, 27 и слѣд.

[3]) «Procès», I, 254, 417; II 24, 62, 104.—Bini «Dei Tempieri in Toscana», 463, 470, 478.

[4]) «Procès», II, 42, 44, 59.

[5]) «Procès», I, 206–7, 294, 411, 426, 464, 533; II, 31, 128, 242, 366.

Библиотека "Руниверс"

fomet или Maguineth — испорченное Магометъ, — и ему поклоняются подъ именемъ Аллаха. Иногда это — Богъ, создатель всего міра, заставляющій цвѣсти деревья и прозябать растенія; иногда же это другъ Бога, который можетъ ходатайствовать предъ нимъ за молящагося. Иногда идолъ пророчествуетъ; иногда его сопровождаетъ или замѣняетъ злой духъ, принимающій форму черной или сѣрой кошки или ворона и отвѣчающій на предлагаемые ему вопросы; церемонія оканчивалась, какъ и шабашъ вѣдьмъ, приходомъ демоновъ подъ видомъ невыразимо прекрасныхъ женщинъ [1]).

Подобныя же противорѣчія встрѣчаемъ мы и въ свидѣтельскихъ показаніяхъ, относящихся до обрядовъ пріема въ члены ордена. Подробности, принятыя уставомъ, описаны

[1]) «Procès», I, 190, 207, 399, 502, 597; II, 103, 203, 212, 279, 300, 313, 345, 363, 364.—Du Puy, op. cit. 105—6.—Raynouard, 246—8, 279—83, 293.—Bini, op. cit. 465, 474, 482, 487, 488.—Wilkins, «Concilia», II, 358.—Schottmüller, op. cit, II, 29, 50, 68, 70, 127, 410, 411.—Vaissete, IV, 141.—Stemler, 124—5.

Докторъ Вильке (II, 131—2) видитъ въ этомъ многообразномъ и воображаемомъ существѣ то образъ святого Іоанна Крестителя, то троичный Makroprosopus Каббалы.

Среди немногихъ свидѣтелей, непричастныхъ къ ордену, выступившихъ передъ папской комиссіей въ 1310—11 г.г., находился Антоніо Сиччи изъ Верчейли, императорскій и папскій нотаріусъ, ведшій въ теченіе сорока лѣтъ дѣла тампліеровъ въ Сиріи; парижская Инквизиція только что воспользовалась его свѣдѣніями. Среди другихъ воспоминаній о своемъ пребываніи на Востокѣ онъ серьезно разсказываетъ слѣдующую исторію, ходившую по Сидону. Нѣкогда сеньоръ этого города безнадежно и безуспѣшно любилъ знатную молодую дѣвушку армянку; она умерла, и въ первую ночь послѣ погребенія сеньоръ, подражая Періандру Коринѳскому, открылъ гробницу и изнасиловалъ мертвую; таинственный голосъ сказалъ ему при этомъ: «Вернись черезъ девять мѣсяцевъ и ты найдешь здѣсь голову, это будетъ твой сынъ!» Въ назначенный день онъ пришелъ и дѣйствительно нашелъ въ гробницѣ человѣческую голову: «Сохрани эту голову, и она принесетъ тебѣ богатство и счастье»! Въ то время, когда свидѣтель слышалъ эту исторію, наставникомъ Сидона былъ Матвѣй Дикій изъ Пикардіи (Matthieu le Sauvage), заключившій союзъ съ Вавилонскимъ султаномъ, причемъ каждый изъ нихъ выпилъ крови другого. Затѣмъ членомъ ордена сталъ извѣстный Юліанъ, вступившій во владѣніе Сидономъ и знаменитой головой; онъ отдалъ ордену городъ и всѣ свои богатства. Позднѣе онъ былъ изгнанъ и вступилъ въ орденъ госпитальеровъ, которыхъ оставилъ, удалившись къ премонстрантамъ («Procès», I, 645—6). Эта довольно несвязная исторія такъ сильно заинтересовала комиссаровъ, что они велѣли самому Антонію записать ее и послѣ этого никогда не упускали случая спрашивать у всѣхъ свидѣтелей, живавшихъ въ Сиріи, свѣдѣній о Сидонской головѣ. Немного позднѣе Жанъ Сенанди, жившій въ теченіе пяти лѣтъ въ Сидонѣ, сообщилъ имъ, что тампліеры купили городъ, и что Юліанъ, бывшій однимъ изъ сеньоровъ города, вступилъ въ орденъ, затѣмъ отпалъ отъ него и умеръ въ нищетѣ. Объ одномъ изъ его предковъ говорили, что онъ любилъ молодую дѣвушку и изнасиловалъ ея трупъ; но разсказчикъ никогда не слыхалъ ничего о головѣ (Ibid. II, 140). Петръ Нобильякъ жилъ долгіе годы за моремъ, но ничего не слышалъ о головѣ (Ibid. II, 215). Наконецъ, любопытство инквизиторовъ было удовлетворено: Гуго де Форъ подтвердилъ, что Сидонъ былъ купленъ гросмейстеромъ Ѳомою Берардомъ (1257—1273 г.г.); онъ добавилъ, что послѣ паденія Акры онъ слышалъ на Кипрѣ разсказъ о томъ, что одинъ вельможа любилъ наслѣдницу Мараклеи въ Триполи, онъ похоронилъ трупъ молодой дѣвушки, изнасиловалъ его и отрѣзалъ у него голову; голосъ приказалъ ему тщательно хранить эту голову, такъ какъ она можетъ уничтожить всякаго, кто взглянетъ на нее. Онъ завернулъ голову и сохранялъ ее въ ларцѣ; позднѣе на Кипрѣ, если ему хотѣлось разрушить городъ или разбить грековъ, онъ вынималъ голову и достигалъ такимъ образомъ своей цѣли. Желая разрушить Константинополь, онъ поплылъ къ этому городу, захвативъ съ собою голову; но старая его кормилица, сгорая желаніемъ узнать, что заключается въ столь тщательно оберегаемомъ имъ ларцѣ, открыла его, и тотчасъ же внезапная буря обрушилась на корабль и потопила его со всѣмъ экипажемъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ матросовъ, оставшихся въ живыхъ, чтобы разсказать эту исторію. Съ этого дня въ этомъ мѣстѣ моря рыбы совершенно перестали ловиться (Ibid. 223—24). Гильомъ Авриль семь лѣтъ жилъ за моремъ, но ничего не слыхалъ о головѣ; но ему говорили, что во время бури въ Сеталіи иногда показывалась голова, и тогда погибали всѣ суда съ людьми и грузомъ (Ibid. 238). Всѣ эти нелѣпые разсказы были представлены на Вьенскій соборъ, какъ часть собранныхъ противъ ордена свидѣтельскихъ показаній.

Библиотека "Руниверс"

точно и безъ всякихъ противорѣчій; но когда свидѣтели доходятъ до святотатственныхъ обрядовъ, которые приписывали ордену, они теряются въ самыхъ разнообразныхъ фантастическихъ выдумкахъ и даютъ волю своему воображенію. Обыкновенно сразу требуютъ, чтобы неофитъ отрекся отъ Христа и плюнулъ на крестъ; но часто достаточно было какой-либо одной изъ этихъ формальностей [1]). Иногда одного плеванія на крестъ было недостаточно, надо было еще топтать его ногами или обмочить уриной; нѣкоторые, черезчуръ ревностные, свидѣтели показывали, что тамплiеры ежегодно собирались и исполняли эту церемонію; другіе же, вполнѣ подтверждая святотатство обрядовъ пріема, говорили, что ежегодное поклоненіе кресту въ Великую Пятницу соблюдалось весьма набожно, согласно предписаніямъ устава [2]). Обыкновенно показывали, что предметомъ поруганія былъ совершенно простой крестъ; но иногда упоминаютъ распятіе или изображеніе распятія въ требникѣ; также обыкновенно служилъ для этой цѣли крестъ, нашитый на плащѣ наставника; впрочемъ, довольно было начертить на землѣ крестообразныя линіи. Часто отъ неофита требовали только плюнуть на землю три раза, ничего не говоря и не объясняя, что это является выраженіемъ презрѣнія къ Христу [3]). Многіе свидѣтели показывали, что это святотатство совершалось на глазахъ у всѣхъ собравшихся для этого братьевъ; другіе же показывали, что неофита отводили въ темный уголъ, или за алтарь, или въ какую-нибудь со всѣхъ сторонъ запертую комнату; иногда церемонія происходила въ полѣ, иногда въ ригѣ, иногда въ лавкѣ бочара, иногда въ комнатѣ, гдѣ изготовляли обувь [4]). Обыкновенно говорили, что выполнить это святотатство неофита заставлялъ наставникъ; но часто это поручалось одному или нѣсколькимъ братьямъ-служителямъ; а одинъ разъ лицо, совершавшее это, скрыло свою голову подъ капюшономъ [5]). Почти всегда этотъ обрядъ составлялъ часть церемоніи пріема; иногда даже онъ предшествовалъ принесенію обѣтовъ или облаченію въ орденскую одежду; но обыкновенно онъ происходилъ въ концѣ церемоніи, когда неофитъ былъ уже совершенно подготовленъ. Иногда, однако, при случаѣ, эта формальность откладывалась до другого времени, или до другого дня, или еще дальше; два или три раза она была отложена даже на нѣсколько мѣсяцевъ или на нѣсколько лѣтъ [6]). Нѣкоторые свидѣтели показывали, что этотъ обрядъ составлялъ часть всякаго принятія новыхъ членовъ; другіе показывали, что имъ самимъ было предложено исполнять это, но что объ этомъ не поднимали вопроса на тѣхъ пріемахъ, на которыхъ они присутствовали. Въ общемъ они клятвенно утверждали, что это было однимъ изъ правилъ ордена; но, по словамъ нѣкоторыхъ другихъ, имъ объяснили, что это была только шутка; третьи говорили, что имъ приказывали сдѣлать это устами, а не сердцемъ. Одинъ изъ свидѣтелей показалъ, что ему предоставили на выборъ или отречься отъ Христа, или наплевать на крестъ, или

---

[1]) «Procès», I, 233, 242, 250, 414, 423, 429, 533, 546 и далѣе.

[2]) «Procès», I, 233; II, 219, 232, 237, 264.—Raynouard, op. cit. 274—5, 279—80.—Bini, op. cit. 463, 497.

На праздникъ Святого Креста въ маѣ и въ сентябрѣ и на Великую Пятницу тамплiеры собирались во множествѣ и, снявъ съ себя обувь, головной уборъ и шпаги, поклонялись кресту, и пѣли слѣдующій гимнъ:

Ador te Crist et benesesc te Crist
Qui per la sancta tua crou nos resemist.

(«Procès», II. 474, 491, 503).

[3]) «Procès», I, 233, 250, 536, 539, 541, 546, 606; II, 226, 232, 336, 360, 369.—Raynouard, op. cit. 275.

[4]) «Procès», I, 530, 533, 536, 539, 544, 549, 565, 572, 622; II, 24, 27, 29, 31, 120, 280, 362, 546, 579.—Schottmüller, op. cit. II, 413,

[5]) «Procès», I, 386, 536, 539, 565, 572, 592.

[6]) «Procès», I, 413, 434, 441, 469, 501, 559, 562; II, 75, 99, 113, 123, 205.—Raynouard, op. cit. 280.—Schottmüller, op. cit. II, 132, 410.

Библиотека "Руниверс"

обмѣняться неприличнымъ поцѣлуемъ, и они предпочли второе [1]). Впрочемъ, свидѣтельскія показанія относительно обязательства совершить святотатство также чрезвычайно противорѣчивы. Во многихъ случаяхъ неофитъ освобождался отъ этого, если только проявлялъ легкое упорство; но иногда его заключали въ темную тюрьму, пока онъ не уступалъ. Наставникъ аббатства Святого Джеминьяно во Флоренціи, Эгидій сообщилъ, что онъ видѣлъ, какъ провели въ Римъ закованными въ цѣпи двухъ упорствующихъ неофитовъ, которые и погибли тамъ въ тюрьмѣ; наставникъ аббатства Гроссето, Николай Реджино показалъ, что неофитовъ въ случаѣ отказа убивали или ссылали на всю жизнь куда-нибудь далеко, напримѣръ, въ Сардинію. Наставникъ Нормандіи, Жофруа де Шарней подъ присягой показалъ, что онъ заставилъ исполнить это перваго неофита, котораго ему пришлось принять, но что впослѣдствіи онъ рѣшительно отказался отъ этого; почти то же самое показалъ Ги Дофинъ, одинъ изъ высшихъ сановниковъ ордена; наставникъ же Реймса, Гоше де Ліанкуръ подтвердилъ, что онъ лично всегда требовалъ выполненія этого обряда; если бы онъ дѣйствовалъ иначе, то подвергся бы пожизненному тюремному заключенію. Визиторъ Франціи, Гуго де Перо заявилъ, что въ его глазахъ это было обязательнымъ [2]).

Стоитъ остановиться еще на другомъ обвиненіи, такъ какъ оно даетъ намъ новое доказательство бѣдности уликъ, собранныхъ съ цѣлью погубить орденъ. Мы говоримъ о правѣ, которое присвоилъ себѣ наставникъ,—отпускать на еженедѣльныхъ капитулахъ грѣхи всѣмъ собравшимся братьямъ, и, такимъ образомъ, онъ, будучи міряниномъ, присваивалъ себѣ право священника совершать таинства. Капитулы были религіозными собраніями, на которыхъ присутствующіе каялись въ своихъ грѣхахъ и получали эпитимію и разрѣшеніе; это было настолько общераспространено, что одинъ писатель конца XIII ст. упрекаетъ три ордена—тампліеровъ, госпитальеровъ и тевтонскихъ рыцарей—въ томъ, что они такимъ образомъ присваиваютъ себѣ священническія обязанности [3]). Вопросъ о томъ, имѣетъ ли значеніе подобное отпущеніе грѣховъ, былъ уже поднятъ въ первой половинѣ столѣтія Раймундомъ де Пеннафорте, но остался не рѣшеннымъ [4]). Обычай этотъ легко объяснить.

---

[1]) «Procès», I, 407, 418, 435, 462, 572, 588; II, 27, 38, 67, 174, 185, 214.

[2]) «Procès», I, 404; II, 260, 281, 284, 295, 299, 338, 354, 356, 363, 389, 390, 395, 407.—Bini, op. cit. 468, 488.

Трудно понять разсужденіе Мишле («Procès», II, VII—VIII), который полагаетъ, что однообразіе отрицаній въ рядѣ показаній, собранныхъ епископомъ Эльна, позволяетъ думать, что эти показанія были согласованы заранѣе, тогда какъ разногласіе, существующее между словами тѣхъ, кто призналъ себя виновнымъ, служитъ, по его мнѣнію, доказательствомъ ихъ правдивости. Если тампліеры были невинны, то отрицаніе обвиненій, выставленныхъ противъ нихъ, необходимо должно было быть тожественно; если же они были виновны, то должны бы быть тожественными признанія. Такимъ образомъ, тожественность показаній одного рода и разногласіе показаній другого рода ниспровергаютъ все обвиненіе.

[3]) Collectio de Scandalis Ecclesiae (Döllinger, «Beiträge zur politischen, kirchlichen und Culturgeschichte», III, 196).

Позднѣе госпитальеры избѣгли этого обряда, на который съ этого времени стали смотрѣть, какъ на противузаконный, потребовавъ, чтобы пріоры были посвящены въ священники—Joh. Friburgens. «Summae Confessorum», lib. III, tit. XXXIII. Q. 47.

Только послѣ буллы «Omne datum optimum», изданной много разъ между 1162 и 1181 г.г., тампліеры получили право принимать священниковъ въ орденъ. (Prutz, «Entwicklung und Untergang des Tempelherrenordens», 260.—Rymer, «Foedera», I, 30, 54). Правомъ этимъ пользовались осторожно, и число священниковъ было ограничено. Для члена-міранина получать святыя таинства было однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ преступленій, караемыхъ самымъ строгимъ образомъ—изгнаніемъ.—«Règle», Art. 450.

Уставъ Тевтонскихъ рыцарей былъ основанъ на уставѣ тампліеровъ; отпущеніе грѣховъ давалось лицомъ, предсѣдательствовавшимъ на капитулахъ.—Perlbach, «Die Statuten des deutschen Ordens», 77 (Hallea. S. 1890).

[4]) Joh. Friburgens., loc. cit.

Библиотека "Руниверс"

Орденъ былъ основанъ раньше, чѣмъ покаяніе было признано таинствомъ и поручено священникамъ; въ то время исповѣдь передъ другимъ лицомъ не была еще сдѣлана обязательной. Тампліеры были монашескимъ орденомъ, а всѣ монашескіе ордены обыкновенно имѣли ежедневные или еженедѣльные капитулы, на которыхъ братья каялись въ своихъ грѣхахъ; тутъ на нихъ накладывали эпитимію (обыкновенно ихъ тутъ же бичевали), и они получали отпущеніе грѣховъ изъ рукъ предсѣдательствовавшаго на капитулѣ, несмотря на то, былъ ли онъ, или нѣтъ посвященъ въ духовный санъ. Въ эпоху св. Ѳомы Аквината это отпущеніе грѣховъ считалось имѣющимъ значеніе даже и тогда, когда оно давалось мірянином. Въ 1317 г. Астесанъ принимаетъ это ученіе, которое позднѣе оспаривалось различными богословами [1]). Впрочемъ, старое мнѣніе, что въ случаѣ отсутствія священника или вслѣдствіе его недостойности всякій мірянинъ могъ выслушать исповѣдь и дать отпущеніе грѣховъ, не было еще совершенно уничтожено [2]). Даже и послѣ признанія покаянія таинствомъ Ѳома Аквинатъ объяснялъ, что въ подобномъ случаѣ Богъ невидимо замѣняетъ священника: отпущеніе грѣховъ было въ извѣстной степени таинственно и давало прощеніе Бога, но не примиряло кающагося съ Церковью [3]).

Уставъ тампліеровъ былъ основанъ на уставѣ цистерціанцевъ. Въ его первоначальной простотѣ, какъ онъ былъ формулированъ на соборѣ въ Труа въ 1127 г., обязанность выслушивать исповѣдь и налагать эпитиміи была всецѣло возложена на магистра [4]). Въ новой и болѣе полной редакціи, восходящей къ половинѣ XIII в., предписывается имѣть капитулы всякій разъ, когда соберутся вмѣстѣ болѣе четырехъ братьевъ, наканунѣ Рождества, Пасхи, Пятидесятницы и во всѣ воскресные дни, кромѣ тѣхъ, на которые пришлись бы эти три праздника. Эти капитулы должны быть посвящены исповѣди и покаянію. Въ сущности капитулы были исповѣдальней, и всякій братъ раньше, чѣмъ войти, долженъ былъ испытать свою совѣсть и подумать, не сдѣлано ли имъ какого-нибудь нарушенія устава, въ которомъ надо покаяться. Такъ же, какъ и на монастырскихъ капитулахъ, его могли осуждать за грѣхи, въ которыхъ онъ не покаялся. Какъ бы ни было велико преступленіе и какое бы тяжелое наказаніе не влекло оно, какъ, напр., тюремное заключеніе или изгнаніе, наказаніе опредѣлялъ только самъ капитулъ; обыкновенно приговаривали къ бичеванію по голой спинѣ; всѣ присутствовавшіе должны были молить Бога простить кающагося, которому предлагали съ радостью подвергнуться наказанію; грѣха, а не наказанія онъ долженъ былъ стыдиться [5]).

Въ теченіе XIII вѣка этотъ обычай исповѣди передъ капитуломъ мало-по-малу вышелъ изъ употребленія въ монашескихъ орденахъ, между тѣмъ какъ входила во всеобщую практику тайная исповѣдь передъ священникомъ. Виновный избѣгалъ, такимъ образомъ, стыда раскрывать свои грѣхи передъ своими братьями, а также имѣлъ то преимущество, что предоставлялъ себя на волю исповѣдника, который могъ отпустить ему грѣхи, наложивъ очень легкую эпитимію.

Такъ какъ сущностью таинства покаянія былъ его добровольный характеръ, то нужно было сообразоваться съ желаніемъ кающагося по вопросу наложенія на него наказанія; онъ могъ пожелать отбыть наказаніе за свою вину въ чистилищѣ, и вскорѣ между богословами стало общимъ мѣстомъ, что исповѣдникъ могъ дать отпущеніе грѣховъ, если

---

[1]) S. Th. Aquin. «in IV. Sent.» Dist. XX. Q. 4 ad 2; «Summae Supplem.» Q. XXVIII. Art. 2 ad 2.—Astesani «Summae» lib. V. Tit. 11.—«Summa Rosella», s. v. «Indulgentia», § 7.

[2]) B. Lanfranci «Lib. de Celanda Confessione».—Pseudo Augustin. «Lib. de vera et falsa Poenitentia», cap. X.—Gratiani Decreti cap. I. Caus. XXXIII. Q. III. Dist. 6.—P. Lombard. «Sententiae», lib. IV, dist. XVII, § 5.—S. Raymundi «Summae» lib. III, tit. XXXIV, § 4.

[3]) S. Th. Aquin. «Summae Suppl.» Q. VIII. Art. 2. Cf. Hostiensis «Aureae Summae», lib. V. «De Poen. et Remis.» § 7.

[4]) Harduin. «Concil.» VI. II, 1146.

[5]) «Règle», art. 389, 394, 415, 494, 503, 526, 533, 538.

Библиотека "Руниверс"

только заставилъ грѣшника вмѣсто покаянія прочесть всего одинъ разъ Отче Нашъ [1]). Это было гораздо привлекательнѣй суровой дисциплины капитула; такимъ образомъ, тампліеры слѣдовали примѣру другихъ монашескихъ орденовъ, и обычай исповѣди передъ капитуломъ, повидимому, почти вышелъ изъ употребленія. Разрѣшеніе, даваемое наставникомъ, сдѣлалось формулой, которая предоставляла отпущеніе грѣховъ, которые братья скрывали изъ стыда или изъ боязни духовнаго наказанія [2]). Три исповѣди передъ священникомъ въ годъ замѣнили еженедѣльныя сознанія въ грѣхахъ передъ капитуломъ, и ихъ могъ слышать только капелланъ ордена [3]). Въ этомъ фактѣ мы можемъ видѣть одновременно одну изъ причинъ и одно изъ слѣдствій все возраставшей деморализаціи ордена; поэтому этотъ новый обычай былъ неблагосклонно принятъ сторонниками строгаго соблюденія устава. Около 1300 г. визиторъ Франціи, Жиро де Вилье, упрекалъ брата Іоанна де Кальмота въ томъ, что онъ черезчуръ легко даетъ разрѣшеніе грѣховъ виновнымъ братьямъ, но эту вину этотъ священникъ раздѣлялъ, впрочемъ, съ другими капелланами. Привилегіи ордена, говоритъ визиторъ, позволяютъ наставникамъ давать разрѣшеніе грѣховъ въ капитулахъ, и если бы этотъ обычай удержался, то не было бы въ орденѣ лихоимства и разныхъ другихъ преступленій; теперь же, наоборотъ, священники продаютъ разрѣшеніе грѣховъ и принимаютъ участіе въ лихоимствахъ, ведущихъ орденъ къ гибели [4]). Такимъ образомъ, хотя право отпущенія грѣховъ наставниками на практикѣ вышло изъ употребленія, тѣмъ не менѣе наставники всегда старались вернуть его; по всей вѣроятности, на какое-либо подобнаго рода заявленіе дѣлаетъ намекъ Климентъ V въ буллѣ Faciens misericordiam, когда говоритъ, что Молэ передъ тѣмъ, какъ его арестовали, въ присутствіи многихъ высокопоставленныхъ лицъ подтвердилъ это право [5]). Невозможно, чтобы Климентъ и ученые доктора Куріи не знали, что обычай исповѣди передъ капитуломъ былъ традиціоннымъ въ монашескихъ и воинствующихъ орденахъ, и что такіе богословы, какъ Ѳома Аквинскій, въ подобныхъ случаяхъ признавали дѣйствительнымъ разрѣшеніе грѣховъ, данное свѣтскими лицами. Стараясь убѣдить христіанскій міръ, что это была ересь, исключительно свойственная тамплiерамъ, преслѣдователи показали, что они понимали, какъ шатко было ихъ дѣло, и были готовы, чтобы добиться своей цѣли прибѣгать ко всякимъ безчестнымъ средствамъ.

Излишне продолжать этотъ разборъ относительно другихъ обвиненій, каковы, напр., веревка цѣломудрія, непристойные поцѣлуи, разрѣшеніе предаваться содомскому грѣху, искаженіе каноновъ обѣдни [6]). Относительно всѣхъ этихъ пунктовъ мы встрѣчаемъ непримиримое разногласіе, которое видѣли уже по вопросу объ отреченіи отъ Христа. Такъ какъ свидѣтели вступили въ орденъ въ различное время, одни пятьдесятъ—шестьдесятъ лѣтъ передъ преслѣдованіемъ, а другіе едва за нѣсколько мѣсяцевъ передъ этимъ, и при томъ вступили въ мѣстностяхъ, расположенныхъ на такихъ крайнихъ пунктахъ, какъ Англія и Палестина, то можно было бы думать, что разнорѣчія въ свидѣтельскихъ показаніяхъ могутъ быть объяснены мѣстными обычаями или эволюціей ученія и обряда. Но

---

[1]) S. Raymundi «Summae» lib. III. Tit. XXXIV, § 4.—Hostiensis «Aureae Summae» lib. V. «De Poen. et Remis.» § 58.—Bonaventurae «Confessionale», cap. IV. Partic. 3.—Caetani «Opusc.» Tract. V «De Confessione», Q. 3.

[2]) См. признаніе Жиро де Ко, Рауля Джизи, Рено де Трамблэ, Петра Блуасскаго и Гильома де Масейа (Masayas) («Procès», I, 390, 398, 425, 517; II, 126.

[3]) «Règle», art. 269.—«Procès», I, 398; II, 458.

[4]) «Procès», I, 448.

[5]) «Procès», I, 90.—Mag. Bull. Roman. IX, 129.

[6]) Неоспоримое доказательство, что священники тамплiеровъ не искажали формулы освященія мессы, было представлено въ процессѣ, который вели на Кипрѣ, священниками, жившими много лѣтъ съ тамплiерами Востока.—Processus Cypricus (Schottmüller, op. cit. II, 379 382, 383).

Библиотека "Руниверс"

разсмотрѣніе сознаній показываетъ, что подобное объясненіе неудовлетворительно; невозможно распредѣлить показанія на группы по времени или мѣсту церемоніи пріема; но можно установить весьма поучительную классификацію, если принять во вниманіе трибуналъ, передъ которыми выступали обвиняемые. Этотъ фактъ часто даетъ себя чувствовать въ показаніяхъ двухсотъ двадцати пяти подсудимыхъ, присланныхъ изъ различныхъ мѣстностей Франціи въ папскую комиссію и допрошенныхъ въ 1310 и 1311 гг. Обыкновенно они старались, чтобы ихъ показанія были согласны съ тѣми, которыя они дали передъ епископской Инквизиціей, и можно думать, что они, насколько позволяла имъ память, оставались вѣрны своимъ первоначальнымъ показаніямъ; и мы можемъ легко установить, что болѣе или менѣе суровое примѣненіе строгихъ мѣръ или согласіе между узниками, заключенными въ одной и той же тюрьмѣ, породили разсказы, составленные такъ, чтобы удовлетворить судей. Такъ, сознанія, собранныя епископскимъ судьей въ Пуатье, отличаются отъ сознаній, которыя сумѣлъ вырвать епископъ Клермона; можно образовать разныя группы изъ принесшихъ покаяніе епископу Монса, архіепископу Санса, архіепископу Тура, епископамъ Амьена, Родеза, Макона; однимъ словомъ, можно образовать столько же группъ, сколько было прелатовъ, участниковъ этой ужасной трагедіи [1]).

Еще дѣлаетъ подозрительными всѣ свидѣтельскія показанія та особенность, что чрезчуръ велико число свидѣтелей, которые показали подъ присягой, что они исповѣдывались въ совершенномъ ими святотатствѣ передъ священниками и монахами всѣхъ орденовъ, передъ епископами и даже передъ папскими духовниками и получили отъ нихъ отпущеніе грѣха послѣ наложенія, обыкновенно легкой, эпитиміи, въ родѣ поста по пятницамъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ или цѣлаго года [2]).

Въ дѣйствительности же ни одинъ исповѣдникъ не могъ отпустить прегрѣшенія въ ереси; грѣхъ этотъ былъ только подсуденъ папскому или епископскому инквизитору. Исповѣдникъ могъ сдѣлать только одно — отослать кающагося къ какому-нибудь духовному лицу, имѣющему право разрѣшить ему грѣхъ, и разрѣшеніе въ подобномъ случаѣ сопровождалось бы тяжелымъ духовнымъ наказаніемъ, которое повлекло бы за собою исключеніе изъ ордена. Предположеніе же, чтобы въ теченіе пятидесяти или ста лѣтъ тысячи людей могли быть замѣшаны въ подобную ересь и чтобы фактъ этотъ оставался неизвѣстнымъ, настолько неосновательно, что лишаетъ всякаго правдоподобія даже и эти такъ называемыя сознанія.

Такимъ образомъ, чѣмъ внимательнѣе мы изучаемъ огромную массу свидѣтельскихъ показаній, тѣмъ болѣе приходимъ мы къ убѣжденію, что они не имѣютъ значенія, и впечатлѣніе это усиливается тѣмъ фактомъ, что обвиненіе никогда не могло получить серьезныхъ показаній, не прибѣгнувъ къ инквизиціоннымъ методамъ. Если бы тысячи людей должны были противъ своей воли отречься отъ своей вѣры и подъ давленіемъ страха хранить страшный секретъ, то арестъ явился бы для нихъ освобожденіемъ; всѣ они были бы вынуждены облегчить свою совѣсть и испросить воссоединеніе съ Церковью; и можно было бы въ такомъ случаѣ, не прибѣгая къ пыткѣ, получить всѣ нужныя свидѣтельскія показанія.

Такимъ образомъ, малое правдоподобіе обвиненія, средства, къ которымъ приходилось прибѣгать, чтобы подтвердить показанія, и разнорѣчіе въ показаніяхъ, добытыхъ такимъ

---

[1]) «Procès», I, 230—1, 264—74, 296—307, 331—67, 477—93, 602—19, 621—41; II, 1—3, 56—85, 91—114, 122—52, 154—77, 184—91, 234—56, 263—7.

[2]) «Procès», I, 298, 305, 319, 336, 372, 401, 405, 427, 436 и далѣе.

Трудно понять обязательство поститься пятницу, наложенное, какъ эпитимія, на одного тампліера, такъ какъ строгія правила ордена и безъ того требовали самыхъ строгихъ постовъ. Мясо разрѣшалось только три раза въ недѣлю, и другой постъ соблюдался съ воскресенья, предшествовавшаго дню св. Мартина, до Рождества («Règle», §§ 26, 76).

Библиотека "Руниверс"

путемъ, позволяютъ намъ сказать, что ни одинъ здравомыслящій человѣкъ, зная всѣ подробности, ни минуты не задумается надъ заключеніемъ; и всякій историкъ по совѣсти долженъ вынести не «сомнительное» рѣшеніе, а прямо оправдательный приговоръ. Предположеніе же, что въ орденѣ существовали тайныя степени, и что въ нихъ возводились только люди безусловно надежные, не выдерживаетъ никакой критики. Мало того, оно является чистой догадкой, такъ какъ не основано ни на какихъ доказательствахъ; кромѣ того, достаточно вспомнить, что почти всѣ кающіеся, земледѣльцы и рыцари, упоминаютъ святотатства въ числѣ формальностей обряда ихъ пріема; допуская, что свидѣтели обвиненія заслуживаютъ вѣры, мы должны на основаніи ихъ показаній придти къ выводу, что весь орденъ поголовно былъ зараженъ ересью.

Однако, возможно, что есть нѣкоторая доля правды въ разсказахъ о непристойныхъ поцѣлуяхъ. Мы знаемъ, что на дѣлѣ огромное большинство ордена составляли братья-служители, къ которымъ рыцари относились съ крайнимъ презрѣніемъ. Грубые нравы той эпохи могли допустить, чтобы какой-нибудь наглый рыцарь, поднимая плебея до чисто теоретическаго братства и равенства съ собою, приказалъ нѣчто подобное съ цѣлью подкрѣпить принципъ полнаго повиновенія. Съ другой стороны, кто рѣшится утверждать, что отдѣльные члены ордена, разочарованные своимъ въ немъ пребываніемъ, плохо исполняли безвозвратные обѣты, которые связывали ихъ, что они подъ вліяніемъ восточной распущенности, быть можетъ, совершенно утратили всякія религіозныя убѣжденія и поэтому при случаѣ позволяли себѣ подвергать испытанію покорность неофита и заставляли его плевать на крестъ одежды, которая сдѣлалась имъ ненавистной [1])?

Всякій, кто знаетъ безконечно разнообразную испорченность человѣческой природы; всякій, кто знаетъ, каковы были въ ту эпоху условія монашеской жизни, допуститъ возможность подобныхъ поступковъ, подобныхъ грубыхъ шутокъ и презрительное подчеркиваніе

---

[1]) Это предположеніе становится заслуживающимъ довѣрія, если принять во вниманіе сознаніе брата-служителя, Жана д'Омонъ, который показалъ, что во время пріема его въ орденъ его наставникъ удалилъ изъ часовни всѣхъ другихъ братьевъ и послѣ нѣкоторыхъ затрудненій заставилъ его плюнуть на крестъ; а послѣ этого наставникъ сказалъ ему: «Пойди, дуракъ, исповѣдуйся!» Жанъ немедленно отправился на исповѣдь къ одному францисканцу, который въ видѣ эпитиміи приказалъ ему поститься три пятницы, сказавъ, что цѣлью всей этой церемоніи было убѣдиться въ непреклонности вѣры неофита на случай, если онъ попадетъ въ плѣнъ къ сарацинамъ, («Procès», I, 588—91). Другой братъ-служитель, Пьеръ де Шеррю, показалъ, что, когда его заставили отречься отъ Бога, то его наставникъ посмотрѣлъ на него съ пренебрежительной улыбкой, какъ бы желая выразить свое презрѣніе къ низкому ренегату (Ibid. I, 531).

Не менѣе интересенъ разсказъ брата-служителя, Эвда де Бюръ, имѣвшаго въ то время двадцать лѣтъ отъ роду. Послѣ его пріема два брата увели его въ другую комнату и заставляли его отречься отъ Христа. Онъ отказывался; тогда одинъ изъ братьевъ сказалъ ему, что въ его странѣ люди по-сто разъ отрекаются отъ Бога изъ самыхъ ничтожныхъ пустяковъ; это, конечно, было преувеличеніе, но фраза: «Отрекаюсь отъ Бога!» была очень обычнымъ восклицаніемъ. Когда наставникъ услышалъ, что неофитъ плачетъ, онъ приказалъ братьямъ перестать мучить его, такъ какъ иначе онъ можетъ сойти съ ума. Затѣмъ онъ сказалъ Эвду, что все это было простою шуткою (Ibid. II, 100—2).

Какая была дѣйствительная цѣна этихъ инцидентовъ, можно видѣть изъ разсказа одного свидѣтеля во время разслѣдованія, веденнаго на Кипрѣ въ маѣ 1310 года. Онъ слышалъ, какъ одинъ генуэзецъ, по имени Маттео Заккарія, бывшій долгое время плѣнникомъ въ Каирѣ, говорилъ, что Египетскій султанъ, узнавъ о преслѣдованіяхъ, возбужденныхъ противъ ордена, велѣлъ вывести изъ тюрьмы около сорока тампліеровъ, взятыхъ имъ въ плѣнъ десять лѣтъ передъ этимъ на островѣ Тортозѣ, и обѣщалъ имъ богатство, если они согласятся отречься отъ своей вѣры. Пораженный и разсерженный ихъ отказомъ, онъ снова заперъ ихъ въ тюрьму и лишилъ ихъ пищи и питья; и всѣ они, такимъ образомъ, предпочли мученическую смерть вѣроотступничеству. Schottmüller, op. cit. II, 150.

Библиотека "Руниверс"

своего превосходства. Но наше заключеніе отъ этого не измѣнится: орденъ, павшій жертвой этой ужасной трагедіи, былъ неповиненъ въ преступленіяхъ, за которыя пострадалъ [1]).

Въ то время, какъ Филиппъ хваталъ свою добычу, Климентъ, бывшій тогда въ Пуатье, трудился надъ дѣломъ не менѣе прибыльнымъ: онъ посылалъ по всей Германіи сборщиковъ, уполномоченныхъ собирать со всѣхъ доходовъ духовенства десятую часть на освобожденіе Св. Земли. Извѣстіе объ этой рѣшительной и безповоротной мѣрѣ, принятой Филиппомъ, подъ покровомъ авторитета инквизитора брата Гильома, въ дѣлѣ, находившемся еще въ его разсмотрѣніи, взволновало папу; прежде всего была задѣта его гордость, и онъ почувствовалъ страшное недовольство, которое, быть-можетъ, увеличивалось еще отъ страха, что онъ не получитъ своей части въ добычѣ. Однако, онъ не смѣлъ еще отклонить отъ себя всю отвѣтственность, такъ какъ никто не могъ предвидѣть, каково будетъ настроеніе внѣ Франціи. Колеблясь, такимъ образомъ, между чувствомъ злобы и благоразуміемъ, онъ написалъ 27 октября 1307 г. Филиппу письмо, въ которомъ жаловался, что король взялся за дѣло, которое въ силу бреве отъ 24 августа было передано на разсмотрѣніе папы. Благоразумно умалчивая о вмѣшательствѣ Св. Трибунала, которое придавало характеръ законности всему дѣлопроизводству, Климентъ нашелъ другой поводъ къ возбужденію встрѣчной жалобы: онъ замѣтилъ королю, что тампліеры подлежали не суду короля, а суду Св. Престола, и поэтому Филиппъ совершилъ тяжелое неповиновеніе, арестовавъ ихъ и захвативъ ихъ имущества, которыя онъ немедленно долженъ передать кардиналамъ, посланнымъ по этому дѣлу. Это были Беранже де Фредоль, кардиналъ С.-Нереи и Ахилеи, и Стефанъ де Сюиси, кардиналъ С.-Киріако, оба француза и оба креатуры Филиппа, попавшіе въ кардиналы только благодаря его вліянію; поэтому Филиппу удалось легко прійти съ ними къ соглашенію. Хотя дѣло и пытки продолжались безъ всякаго перерыва, Климентъ письмомъ отъ 1-го декабря выражалъ королю радость, что онъ передалъ дѣло въ руки Св. Престола; затѣмъ, въ письмѣ отъ 23 декабря Филиппъ заявилъ, что онъ не имѣлъ ни малѣйшаго намѣренія вторгаться въ права Церкви, но въ то же время не желаетъ отказываться отъ своихъ. Онъ говорилъ, что передалъ тампліеровъ кардиналамъ; что же касается имущества арестованныхъ, то имъ будутъ управлять отдѣльно, и оно не будетъ смѣшано съ имуществомъ Короны. Злоба Климента была такъ хорошо смягчена, что 22 ноября, еще до окончанія судебныхъ дѣлъ въ Парижѣ, онъ издалъ буллу Pastoralis praeeminentiae, обращенную ко всѣмъ князьямъ Европы; въ ней папа говорилъ, какъ дѣйствовалъ Филиппъ по просьбѣ инквизитора Франціи, чтобы предать тампліеровъ суду Церкви; какъ высшія лица ордена сознались въ преступленіяхъ, въ которыхъ ихъ обвиняли; какъ онъ самъ, Климентъ, допрашивалъ одного изъ нихъ, бывшаго у него на службѣ, причемъ онъ всѣ обвиненія признавалъ правильными. Въ заключеніе Климентъ приказывалъ всѣмъ государямъ слѣдовать примѣру Филиппа, держать арестованныхъ въ тюрьмѣ и секвестровать ихъ имущества отъ имени папы и подъ условіемъ его рѣшенія. Если орденъ будетъ признанъ невиннымъ, то его имущества будутъ возвра-

[1]) Въ самое послѣднее время было издано нѣсколько работъ по поводу вопроса о виновности или невиновности тампліеровъ. Профессоръ Гансъ Прутцъ въ своей книгѣ «Entwicklung und Untergang des Tempelherrenordens» (Берлинъ, 1888) даетъ прекрасный очеркъ исторіи и паденія ордена, основанный на документахъ, частью новыхъ, онъ нѣсколько измѣнилъ свое мнѣніе по вопросу о виновности, John Y. A. Morehead въ «The Templars'Trials» (подъ псевдонимомъ J. Shallow, Лондонъ, 1888) энергично отстаиваетъ справедливость обвиненій. Докт. Юліусъ Гмелинъ издалъ «Schuld oder Unschuld des Templarordens» (Штутгартъ, 1893), гдѣ онъ горячо становится на сторону невиновности тампліеровъ и располагаетъ всѣ сохранившіяся признанія такъ, чтобы значительно облегчить всякое послѣдующее разслѣдованіе. Самое новое резюме современнаго положенія спора представлено въ статьѣ докт. Карла Венка въ журналѣ «Göttingische gelehrte Anzeigen», № 7, 1896 г.

Библиотека "Руниверс"

ФИЛИППЪ IV КРАСИВЫЙ, король Франціи.
(1285—1314).

Библиотека "Руниверс"

щены ему, въ противномъ же случаѣ они будутъ употреблены на освобожденіе Св. Земли [1]). Это былъ безповоротный актъ, предрѣшавшій судьбу тампліеровъ, какъ мы увидимъ это ниже при изученіи роли въ этомъ дѣлѣ князей христіанскаго міра внѣ Франціи.

Такимъ образомъ, Филиппъ принудилъ Климента принять участіе въ этомъ дѣлѣ. Папа долженъ былъ начать разслѣдованіе, и эта миссія, порученная имъ старанію Инквизиціи, могла привести только къ паденію ордена.

Обезпечивъ себя съ этой стороны, король велѣлъ дѣятельно начать допросы арестованныхъ на всемъ протяженіи своего королевства. Онъ пользовался услугами чрезвычайно энергичныхъ агентовъ, какъ это видно изъ случая съ двумя нѣмецкими тамплiерами, которые были арестованы, когда возвращались къ себѣ на родину и были выданы инквизитору Меца, Тура и Вердена. Одинъ изъ нихъ былъ священникъ, другой — братъ-служитель; инквизиторъ въ своемъ отчетѣ сообщаетъ Филиппу, что онъ не допрашивалъ брата-служителя, такъ какъ послѣдній былъ очень боленъ; оба они показали, что все, происходившее въ орденѣ, было чисто и свято.

Допросы тянулись въ теченіе всей зимы 1308 г., когда Климентъ совершенно неожиданно прервалъ ихъ. Относительно повода къ этому вмѣшательству выставлено не мало предположеній; быть-можетъ, онъ думалъ, что обѣщанія, данныя Филиппомъ относительно имуществъ тамплiеровъ, не будутъ, повидимому, исполнены, и что Святому Престолу слѣдовало снова подтвердить свой авторитетъ. Каковы бы ни были его соображенія, онъ прекратилъ власть инквизиторовъ и епископовъ Франціи и присвоилъ себѣ все дѣло, ссылаясь на то, что неожиданность ареста, произведеннаго безъ его вѣдома, хотя онъ былъ такъ близко и его такъ легко было спросить, возбуждаетъ въ немъ серьезныя подозрѣнія; эти подозрѣнія не были уничтожены допросами, протоколы которыхъ доставлены ему и которые могутъ только возбудить къ себѣ недовѣріе. Папа позабылъ, что онъ самъ въ ноябрѣ передъ лицомъ всего христіанскаго міра заявилъ о своей вѣрѣ въ справедливость обвиненія. Все дѣлопроизводство было такъ хорошо налажено въ рукахъ Инквизиціи, что неожиданное вмѣшательство папы грубо остановило его.

Филиппъ не могъ сдержать своей ярости; онъ написалъ папѣ полное негодованія письмо. Папа, писалъ онъ, совершилъ великій грѣхъ; даже сами папы, замѣчаетъ онъ, могутъ впадать въ ересь. Климентъ виноватъ передъ всѣми прелатами и инквизиторами Франціи; онъ далъ тамплiерамъ такія надежды, что они отказываются отъ своихъ сознаній; таково въ частности дѣло Гуго де Перо, имѣвшаго честь обѣдать вмѣстѣ съ кардиналами-делегатами.

Очевидно, завязывалась какая-то интрига. Климентъ колебался, не зная, куда выгоднѣе примкнуть; но былъ счастливъ явиться въ глазахъ Филиппа въ роли необходимаго помощника. Король прежде всего выказалъ желаніе укрѣпить свою независимость и отстоять свою юрисдикцію; онъ запросилъ мнѣніе университета, представивъ на его обсужденіе семь вопросовъ, редактированныхъ такъ хитро, что можно было надѣяться, что его планы будутъ одобрены. Но богословскій факультетъ далъ 25 марта 1308 г. единственный отвѣтъ, какой онъ могъ дать. Свѣтскій судъ имѣетъ право разсматривать преступленіе ереси только по просьбѣ Церкви и только послѣ того, какъ она выдала ему

---

[1]) Regest. Clement. PP. V. T. II, 95.—Du Puy, op. cit., 117—18, 124, 134.—Schottmüller, op. cit. I, 94.—Rymer, «Foedera», III, 30.—Mss. Chioccarello, T. VIII.—Mag. Bull. Roman. IX, 126, 131.—Zurita op. cit. lib. V. c. 73.

Очевидно, повсюду признали, что госпитальеры раздѣлятъ участь тамплiеровъ, и даже было замѣтно желаніе ограбить ихъ, такъ какъ Климентъ былъ вынужденъ выпустить 21 декабря 1307 года буллу, подтверждавшую всѣ привилегіи и неприкосновенности госпитальеровъ; онъ разослалъ даже по всей Европѣ граматы, повелѣвавшія защищать госпитальеровъ противъ всякаго враждебнаго выпада (Regest. Clement. PP. V. T. III, 14, 17—18, 20—21, 273; T. IV, 418).

Библиотека "Руниверс"

еретика; въ случаѣ надобности, свѣтская власть имѣетъ право арестовать еретика, но только для того, чтобы выдать его духовному суду; тампліеры, хотя и воины, были, тѣмъ не менѣе, монахами и, какъ таковые, не были подсудны свѣтскому суду; если нѣкоторые изъ нихъ не произнесли еще формально обѣтовъ, то, дѣйствительно, они еще не монахи, но установить это можетъ только одна Церковь; подозрѣній, которыя породили свидѣтельскія показанія противъ всей конгрегаціи, достаточно, чтобы оправдать слѣдствіе надъ орденомъ; такъ какъ противъ всѣхъ членовъ имѣлись серьезныя подозрѣнія, то слѣдуетъ принять мѣры, чтобы братья, не доведенные еще до сознанія, не могли совратить другихъ; наконецъ, слѣдуетъ хранить имущество тампліеровъ, чтобы употребить его на тѣ цѣли, для которыхъ оно дано ордену. Что касается способа управленія этимъ имуществомъ, то слѣдуетъ принять тотъ способъ, который лучше будетъ отвѣчать этимъ цѣлямъ [1]).

Потерпѣвъ съ этой стороны пораженіе, Филиппъ рѣшилъ оказать другимъ образомъ еще болѣе сильное давленіе на Климента. Онъ обратился съ воззваніемъ къ послушнымъ ему епископамъ и созвалъ народное собраніе, которое должно было состояться въ Турѣ 15-го апрѣля и рѣшить совмѣстно съ нимъ вопросъ о тампліерахъ. Уже въ 1302 г. на Парижскомъ собраніи онъ далъ мѣсто третьему сословію; въ теченіе своей ссоры съ Бонифаціемъ VIII онъ узналъ, какъ дорого стоитъ поддержка буржуазіи; поэтому онъ и теперь пригласилъ городскія общины, положивъ, такимъ образомъ, основаніе Генеральнымъ штатамъ. Послѣ нѣкотораго промедленія собраніе состоялось въ маѣ. Въ пригласительныхъ граматахъ Филиппъ перечислилъ преступленія тампліеровъ, какъ фактъ уже установленный; для ихъ подавленія должны выступить не только оружіе и законъ, но и дикіе звѣри и всѣ четыре стихіи. Онъ высказалъ пожеланіе, чтобы его подданные совмѣстно трудились въ этомъ благочестивомъ дѣлѣ, и приказалъ каждому городу выбрать двухъ ревностныхъ въ вѣрѣ депутатовъ. Хотя дворяне питали тайныя симпатіи къ осужденному ордену, тѣмъ не менѣе, было нетрудно добиться отъ собранія, созваннаго при подобныхъ условіяхъ, почти единодушнаго мнѣнія, что тампліеры заслуживаютъ смерти. Въ видѣ другой подготовительной мѣры 25-го мая вызвали Молэ и другихъ четырехъ главныхъ лицъ ордена явиться предъ собраніемъ, въ которомъ засѣдали инквизиторъ Гильомъ Парижскій, ректоръ университета, канцлеръ и оффиціалъ Парижской Церкви, шесть магистровъ богословія и разные другіе духовные сановники. Молэ отъ имени своихъ товарищей повторилъ признаніе относительно обычая отрекаться отъ Христа и плевать на крестъ; тогда его заставили подписать и скрѣпить своей печатью письмо, адресованное всѣмъ тампліерамъ Франціи; онъ освобождалъ ихъ отъ обязанности сохранять тайну и приказывалъ имъ, въ силу обѣта послушанія, сказать всю правду инквизитору или епископскимъ судьямъ.

Послѣ этого, по словамъ протокола этого собранія, Молэ просилъ отпущенія грѣховъ, прощенія и снисхожденія для себя и для своихъ товарищей, обѣщая подчиниться всякому духовному наказанію, которое наложатъ на него, и повиноваться всѣмъ приказаніямъ Церкви [2]).

Укрѣпивъ себя, такимъ образомъ, со всѣхъ сторонъ, Филиппъ въ концѣ мая выѣхалъ изъ Тура и отправился къ Клименту въ Пуатье, сопровождаемый большой свитой, среди которой были его братья, его сыновья и его совѣтники. Переговоры по поводу дѣла были долгіе и горячіе. Филиппъ черезъ своего оратора, Гильома де Плезіанъ, утверждалъ, что тампліеры были признаны виновными и что ихъ необходимо тотчасъ же наказать; Климентъ припомнилъ свои старыя обиды и жаловался, что столь серьезное дѣло, занимающее

[1]) Denifle «Chartularium Univ. Parisiensis», II, I, 125.—Du Puy, op. cit. 12—13. 84—85, 89, 109, 111—12, 134.—D'Achery, «Spicil.» II, 199.—Raynouard, op. cit. 238, 306.

[2]) Archives Administratives de Reims, T. II, 65, 66.—Chassaing, «Spicilegium Brivatense», (274—5.—Du Puy, op. cit. 38—9, 85, 113, 116.—Contin. Nangiac. ann. 1308.—Joann. de S. Victor. Bouquet, XXI, 650—1).—Raynouard, op. cit. 42.—Denifle, op. cit. II, I, 129.

Библиотека "Руниверс"

исключительно отъ Св. Престола, было начато не по его иниціативѣ. Конгрегація, подобная ордену тампліеровъ, имѣла повсюду въ Европѣ могущественныхъ друзей, вліяніе которыхъ въ Куріи было очень сильно; поэтому папа находился подъ вліяніемъ многихъ и различныхъ недоразумѣній сообразно съ тѣмъ, какая партія брала перевѣсъ. Но въ глазахъ всей Европы онъ безповоротно связалъ себя буллою отъ 22-го ноября; единственнымъ вопросомъ былъ вопросъ объ условіяхъ, на которыхъ онъ предоставитъ дѣлу идти своимъ порядкомъ во Франціи, возвративъ Инквизиціи отнятую отъ нея власть.

Переговоры велись очень рѣзко; тѣмъ не менѣе, удалось прійти къ заключенію. Такъ какъ Климентъ сохранилъ за собою право окончательнаго приговора, то надо было сдѣлать подобіе разслѣдованія. Изъ тюремъ Парижа было извлечено семьдесятъ два тамплiера, чтобы подвергнуться допросу самого папы и коллегіи кардиналовъ, чтобы старѣйшины Церкви могли утверждать, что они лично признали обвиняемыхъ виновными. Правда, Климентъ могъ бояться очной ставки съ Молэ и главными сановниками ордена, которыхъ онъ лично предалъ; съ другой стороны, нельзя было произвольно пренебречь подобными людьми. Поэтому подъ предлогомъ болѣзни ихъ оставили въ Шинонѣ близъ Тура, между тѣмъ, какъ остальные обвиняемые продолжали свое путешествіе въ Пуатье. Съ 28 іюня по 1-ое іюля они подверглись торжественному допросу пяти кардиналовъ, друзей Филиппа, назначенныхъ вести это дѣло. Оффиціальный отчетъ этихъ допросовъ показываетъ, какъ тщательно были выбраны люди, предназначенные судьбой сыграть роль въ этомъ позорномъ эпизодѣ трагедіи. Одни изъ свидѣтелей явились добровольно изъ числа лицъ, выступившихъ изъ ордена или желавшихъ уйти изъ него; другіе же, чувствуя надъ собой страшную угрозу наказанія за отреченіе отъ своихъ первоначальныхъ словъ, подтвердили показанія, данныя ими передъ Инквизиціей и вырванныя зачастую пыткою. Затѣмъ 2-го іюля они были представлены передъ полной консисторіей, гдѣ передъ папой повторилась та же сцена.

Такимъ образомъ, папская юрисдикція была признана, и въ своихъ послѣдующихъ буллахъ Климентъ могъ представляться, что онъ знаетъ дѣло, и утверждать, что обвиняемые добровольно и безъ всякаго принужденія сознались въ своихъ заблужденіяхъ и смиренно просили отпущенія грѣховъ и возсоединенія съ Церковью [1]).

Вотъ условія договора, заключеннаго между Климентомъ и Филиппомъ: тамплiеры должны быть выданы папѣ, но отъ имени послѣдняго ихъ долженъ держать подъ стражей король; дѣло ихъ должно быть разсмотрѣно епископами разныхъ епархій, къ которымъ по особой и настоятельной просьбѣ короля будутъ присоединены инквизиторы; но Молэ и наставники Востока, Нормандіи, Пуату и Прованса будутъ предоставлены суду папы; конфискованныя имущества должны быть выданы комиссарамъ, назначеннымъ папою и епископами; къ этимъ комиссарамъ король тайно добавитъ избранныхъ имъ уполномоченныхъ; но Филиппъ долженъ дать письменное удостовѣреніе, что употребитъ эти имущества исключительно на нужды Св. Земли. Климентъ объявилъ, что осужденіе ордена, какъ духовной конгрегаціи, является настолько серьезнымъ вопросомъ, что рѣшить его невозможно безъ участія вселенскаго собора; соборъ этотъ рѣшено было созвать въ октябрѣ 1310 г. Представителемъ папы былъ назначенъ кардиналъ Палестрины которому были поручены тамплiеры, но онъ вскорѣ избавился отъ этого, передавъ своихъ плѣнниковъ королю при условіи, что ихъ будутъ держать по указанію Церкви. Климентъ выполнилъ роль, предназначенную ему заключеннымъ условіемъ, и 5-го іюля вернулъ инквизиторамъ и епископамъ отнятыя права и предоставилъ имъ судъ въ этомъ дѣлѣ. Въ то же время

[1]) Piol. Lucens. «Hist. Ecclesiae», lib. XXIV (Muratori, «S. R. I.» XI, 1229—3`).—Joann. de S. Victor. (Bouquet, XXI, 650).—Raynonard, op. cit. 44—5, 245—52.—Du Puy, op. cit. 13—14.—Schottmüller, op. cit. II, 13, слѣд.—Bull. «Faciens misericordiam», 12 aug. 1308 (Rymer, II, 101.—Mag. Bull. Roman. IX, 136).

Библиотека "Руниверс"

каждому епископу Франціи было приказано взять себѣ въ помощь двухъ членовъ каѳедральнаго капитула, двухъ доминиканцевъ и двухъ францисканцевъ и начать дѣла разныхъ тампліеровъ епархіи; причемъ инквизиторамъ было позволено принять, если они захотятъ, участіе въ дѣлѣ; но было запрещено предпринимать какія-либо мѣры противъ ордена въ его цѣломъ; всѣмъ гражданамъ было приказано подъ страхомъ отлученія отъ Церкви арестовывать тампліеровъ и выдавать ихъ инквизиторамъ или епископскимъ чиновникамъ; Филиппъ предоставилъ двадцать экземпляровъ королевскихъ граматъ съ приказаніемъ выдать королевскимъ делегатамъ всѣ движимыя и недвижимыя имущества ордена [1]).

Хотя Климентъ въ своихъ буллахъ, обращенныхъ ко всей Европѣ, и заявлялъ, что Филиппъ выказалъ свое безкорыстіе, вернувъ всѣ имущества тампліеровъ, однако, по этому поводу возникла долгая борьба, которую и та, и другая сторона вела съ одинаковой ловкостью. Дѣло это не заслуживаетъ подробнаго изученія; мы увидимъ, какъ хитростью Филиппъ, въ концѣ концовъ, выигралъ и сохранилъ за собой права, отъ которыхъ онъ притворно отказался [2]).

Когда соперничавшія власти пришли, такимъ образомъ, къ соглашенію относительно своихъ жертвъ, то преслѣдованіе поднялось съ новой энергіей. Молэ и высшія лица ордена, очутившіяся съ нимъ въ Шинонѣ, были задержаны тамъ до половины августа, когда прибыли для снятія съ нихъ допроса кардиналы С.-Нереи и Ахилеи, С.-Кріако и С.-Анджело. 20-го августа три прелата увѣдомили Филиппа, что 17-го и въ послѣдующіе дни они допросили гросмейстера, магистра Кипра, визитора Франціи и наставниковъ Нормандіи и Пуату. Обвиняемые подтвердили свои прежнія показанія и смиренно просили отпущенія грѣховъ и возсоединенія съ Церковью, которое и было дано имъ: къ королю обратились съ просьбой простить ихъ.

Отмѣтимъ здѣсь два пункта, которые проливаютъ свѣтъ на возмутительную двойственность всего этого дѣла. 12 августа за пять дней передъ тѣмъ, какъ началъ былъ допросъ, папскія буллы пространно излагали уже его результатъ, утверждая, что сознанія были даны свободно и добровольно! Мало того, когда въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1309 г. папская комиссія прочла эту буллу Молэ, то онъ былъ пораженъ, услышавъ, какое приписывали ему сознаніе, и, перекрестившись два раза, выразилъ пожеланіе, чтобы Господь Богъ позволилъ примѣнить къ такимъ вѣроломнымъ людямъ обычай сарацинъ и татаръ, ибо народы эти обезглавливали или разрубали на двое всякаго, кто такъ искажалъ истину. Онъ добавилъ бы еще нѣсколько словъ, если бы креатура Филиппа, Гильомъ де Плезіанъ, притворявшійся другомъ тампліеровъ, не представилъ ему, какимъ опасностямъ подвергалъ

---

[1]) Du Puy, op. cit. 15—17, 20, 39, 86, 107—8, 118—19, 121—22, 125.—Contin. Nangiac. ann. 1308.—Raynouard, op. cit. 46, 49.—Joann. de S. Victor. (Bouquet, XXI, 651).—D'Argentré, «Spicileg.» II, 200.

Гильомъ де Плезіанъ, бывшій главнымъ орудіемъ Филиппа во время переговоровъ объ этой мировой сдѣлкѣ, получилъ особые знаки расположенія Климента въ бреве, помѣченныхъ 5-мъ августомъ (Regest. Clement. PP. V. T. III, 216, 227).

[2]) Bull. «Faciens misericordiam».—Raynald. ann. 1309, № 3.—Du Puy, op. cit. 64—5, 86—8, 127, 207—9.—«Procès des Templiers», I, 50—2.—Raynouard, op. cit. 47.—Regest. Clement. PP. V. T. IV, 433—4.

Климентъ назначилъ во Франціи шесть кураторовъ, которымъ было поручено наблюдать за имуществомъ Св. Престола. Въ граматахъ отъ 5-го января 1309 года онъ предоставлялъ каждому изъ нихъ изъ имущества тампліеровъ, премію въ сорокъ су p a r i s i s ходячей монеты за каждую ночь, которую имъ придется провести внѣ дома; въ то же время онъ предлагалъ имъ не оставлять своихъ жилищъ безъ особой надобности (Regest. T. IV, 439). Бреве отъ 28 января 1310 года передавало наблюденіе за нѣсколькими конфискованными у тампліеровъ домами отъ епископа Везона канонику Жерарду де Бюсси; это показываетъ, что Клименту удалось вступить во владѣніе частью имущества (Ibid. T. V, 56).

Библиотека "Руниверс"

онъ себя, отрекаясь, такимъ образомъ, отъ своего сознанія. Молэ ограничился только тѣмъ, что попросилъ дать ему время собраться съ мыслями [1]).

12-го августа Климентъ выпустилъ цѣлую серію буллъ, устанавливавшихъ характеръ судопроизводства, которое слѣдовало примѣнить въ данномъ случаѣ, и свидѣтельствовавшихъ, что онъ былъ вполнѣ готовъ выполнить обязательства, принятыя имъ на себя при заключеніи условія съ Филиппомъ. Булла Faciens misericordiam, обращенная къ прелатамъ христіанскаго міра, подробно излагала наказъ, которому слѣдовали до этого времени относительно обвиняемыхъ, и добровольное сознаніе ихъ въ своихъ преступленіяхъ; прелатамъ повелѣвалось присоединиться къ инквизиторскимъ комиссарамъ, назначеннымъ папою, вызвать къ себѣ тампліеровъ и начать розыскъ противъ этихъ подсудимыхъ. Затѣмъ, должны быть созваны провинціальные соборы, гдѣ должна быть установлена личная виновность или невиновность отдѣльныхъ рыцарей, причемъ мѣстные инквизиторы имѣютъ право участвовать во всемъ дѣлопроизводствѣ. Мало того, результатъ розысковъ долженъ быть поспѣшно пересланъ папѣ. Къ этой буллѣ было присоединено длинное и мелочное перечисленіе пунктовъ, относительно которыхъ слѣдовало допрашивать обвиняемыхъ; перечень этотъ былъ выработанъ въ Парижѣ королевскими чиновниками. Все это должно было быть обнародовано на народныхъ языкахъ въ приходскихъ церквахъ. Булла Regnans in coelis, обращенная къ князьямъ и прелатамъ, воспроизводила повѣствовательную часть предшествующей буллы и оканчивалась созывомъ вселенскаго собора, который долженъ собраться въ Вьеннѣ 1-го октября 1310 г., онъ долженъ рѣшить участь ордена, обсудить вопросъ объ освобожденіи Св. Земли и принять необходимыя мѣры для реформы Церкви. Во второй буллѣ Faciens misericordiam, помѣченной 8-мъ августа, папа обращался къ тамплiерамъ, ко всѣмъ вмѣстѣ и къ каждому въ отдѣльности, формально вызывая ихъ явиться на соборъ лично или выслать своихъ довѣренныхъ, чтобы дать отвѣтъ по поводу обвиненій, возведенныхъ на орденъ; кардиналу Палестрины, которому поручено было наблюдать за ними, было приказано привести на соборъ Молэ и наставниковъ Франціи, Нормандіи, Пуату, Аквитаніи и Прованса, чтобы они лично услышали рѣшеніе. Это показывало строгое соблюденіе требованій законнаго судопроизводства, и способъ, которымъ позднѣе сумѣли отъ него отдѣлаться, является однимъ изъ самыхъ противныхъ моментовъ всего этого дѣла. Наконецъ, были еще и другія буллы, въ которыхъ выражалась забота о вознагражденіи папскихъ комиссаровъ и инквизиторовъ и приказывалось подвергнуть общему секвестру всѣ имущества тамплiеровъ до окончанія процесса, чтобы въ случаѣ обвиненія сохранить эти имущества для Св. Земли. Значительная часть этихъ имуществъ, говорилъ папа, была уже захвачена и присвоена незаконнымъ образомъ, и всѣмъ владѣльцамъ было предложено вернуть эти имущества подъ угрозой отлученія отъ Церкви. Всѣ должники ордена должны расплатиться; всякій, кто зналъ о подобныхъ долгахъ или скрытыхъ имуществахъ, обязанъ былъ сообщить объ этомъ. Эта серія буллъ была дополнена 30-го декабря еще новой, которую надлежало прочесть во всѣхъ церквахъ; въ ней папа объявлялъ тамплiеровъ подозрѣваемыми въ ереси, приказывалъ поэтому арестовывать ихъ и передавать епископскимъ судьямъ, запрещалъ князьямъ и прелатамъ давать имъ убѣжище и оказывать имъ помощь или покровительство подъ угрозой отлученія отъ Церкви и интердикта. Въ то же время была издана другая булла къ князьямъ христіанскаго міра, приказывавшая имъ схватить всѣхъ еще не арестованныхъ тамплiеровъ [2]).

---

[1]) Du Puy, op. cit., 33—4, 133.- Bull. «Faciens misericordiam.»—«Procès», I, 31—5.

[2]) Rymer, «Foedera», III, 101.—Mag. Bull. Rom. IX, 134, 136.—Harduin. VII, 1283, 1289, 1321, 1353.—Schmidt, «Päbstliche Urkunden und Regesten», Галле, 1880, стр. 71—2.—Raynald. ann. 1308, № 8.—Contin. Guill. Nangiac. ann. 1308.—Raynouard, op. cit. 50.—Regest. Clement. PP. V. T. III, 281 слѣд., 363 слѣд., 386 слѣд.; T. IV, 3, 276 слѣд., 479—82.

Папа оставлялъ за собою судъ надъ магистромъ Англіи и магистромъ Германіи. Булла

Библиотека "Руниверс"

Такимъ образомъ, по всей Европѣ было предпринято преслѣдованіе тампліеровъ; не были забыты даже такія отдаленныя страны, какъ Ахайя, Корсика и Сардинія. Большое число спеціальныхъ инквизиторовъ, которыхъ потребовалось назначить, вызвало нѣкоторую потерю времени; изъ переписки по этому вопросу между Филиппомъ и Климентомъ мы видимъ, что эти инквизиторы въ сущности были избраны королемъ. Во Франціи дѣло было быстро поставлено на ноги: послѣ какихъ-нибудь шести мѣсяцевъ отсрочки тампліеры оказались переведенными изъ инквизиторскихъ судовъ, импровизированныхъ братомъ Гильомомъ, въ епископскіе суды, организованные Климентомъ. Вскорѣ во всѣхъ епархіяхъ епископы проявили полную дѣятельность. Довольно любопытный фактъ, что нѣкоторые изъ нихъ не знали навѣрное, имѣли ли они право примѣнять пытку; они просили указаній у Климента, который отвѣтилъ, что они должны руководствоваться писаннымъ закономъ, и, такимъ образомъ, разрѣшилъ ихъ сомнѣнія. Въ папскихъ инструкціяхъ говорится, что это дѣлопроизводство касается только тѣхъ тампліеровъ, которые не прошли черезъ руки брата Гильома и его комиссаровъ; но, повидимому, это различіе соблюдалось не строго. Климентъ торопилъ дѣло, не заботясь особенно о формѣ и уполномочилъ епископовъ дѣйствовать внѣ предѣловъ ихъ епархій, не обращая особаго вниманія на то, откуда родомъ обвиняемые. Ясно, что единственной цѣлью, которая имѣлась при этомъ въ виду, было вырвать отъ обвиняемыхъ сознанія, достаточныя для того, чтобы подготовить почву для провинціальныхъ соборовъ, которые надлежало созвать для произнесенія окончательныхъ рѣшеній. Тѣмъ, которые уже сознались, не было, конечно, основанія отрекаться. Въ 1310 г. Жанъ де Кошіакъ предъявилъ тампліерамъ передъ папской комиссіей письмо, написанное Филиппомъ де Вохэ и Жаномъ де Жамвиль, которымъ папа и король поручили стеречь узниковъ; эти тамплеры были заключены въ Сансѣ въ то время, когда епископъ Орлеанскій отправился въ этотъ городъ, чтобы допросить ихъ, такъ какъ Санская архіепископія была тогда вакантна; сторожа предупреждали обвиняемыхъ, что тотъ, кто отречется отъ сознаній, принесенныхъ передъ los quizitor, будетъ сожженъ, какъ еретикъ-рецидивистъ. Вохэ, вызванный комиссіей, призналъ печать своею, но не призналъ себя авторомъ письма; комиссія благоразумно остановилась на этомъ. Большинство обвиняемыхъ, приведенныхъ въ комиссію, весьма открыто старалось согласовать свои показанія со сдѣланными ими ранѣе передъ епископами, и отсюда ясно, что они прекрасно знали, какой опасности подвергали они себя въ случаѣ разногласія въ показаніяхъ [1]).

Съ тѣми, кто отказался сознаться, было поступлено по усмотрѣнію епископовъ и ихъ помощниковъ. Реестры этихъ судовъ погибли, и мы вынуждены основываться почти исключительно на словахъ нѣкоторыхъ свидѣтелей, которые случайно упомянули предъ папской комиссіей о своихъ прежнихъ испытаніяхъ. Но дѣло, которое велось Клермонскимъ епископомъ, позволяетъ думать, что съ ними не всегда поступали черезчуръ грубо. Епископъ допросилъ 69 тампліеровъ; изъ нихъ сорокъ сознались, а остальные двадцать девять отказались признать существованіе въ орденѣ какого-либо порока. Тогда прелатъ собралъ ихъ всѣхъ и раздѣлилъ на двѣ группы. Упорствующіе заявили, что они настаиваютъ на своихъ словахъ, и умоляли, если они позднѣе сознаются подъ страхомъ пытки или тюрьмы, или другого какого-либо наказанія, не вѣрить ихъ показаніямъ и не обвинять ихъ въ этомъ; и мы нигдѣ не видимъ, чтобы послѣ этого ихъ вынуждали сознаться.

«Faciens misericordiam» въ томъ видѣ, какъ она была послана въ Германію, не приказывала созыва провинціальныхъ соборовъ (Harduin. VII, 1353).

Несмотря на все происшедшее, эта булла была, повидимому, большой неожиданностью внѣ Франціи. Вальтеръ Гемингфордъ называетъ ее «bullam horribilem contra Templarios» (Chron., изд. 1849 г., II, 279).

[1]) Du Puy, op. cit. 110, 125.—Raynouard, op. cit. 130—Regest. Clement. PP. V. T. IV, 453—55, 457—58.—«Procès», I, 71—2, 128, 132, 135, 463, 511, 540 и слѣд.

Библиотека "Руниверс"

Что же касается другихъ, то ихъ спросили, имѣютъ ли они сказать что-либо въ свою защиту или готовы выслушать приговоръ по ихъ дѣлу; они единогласно отвѣтили, что не хотятъ защищаться и не желаютъ слушать приговора, но предаютъ себя милосердію Церкви. Каково было это милосердіе, мы увидимъ ниже. Не всѣ, конечно, епископы были такъ кротки, какъ епископъ Клермонскій; но дошедшіе до насъ отрывки показаній, сдѣланныхъ предъ комиссіей, не позволяютъ намъ всегда различить дѣйствіе епископскихъ судовъ отъ дѣйствія судовъ инквизиторовъ, уполномоченныхъ братомъ Гильомомъ. Нѣсколькихъ примѣровъ будетъ достаточно, чтобы показать, какъ во время этихъ судопроизводствъ добивались показаній противъ ордена.

Земледѣлецъ Жанъ де Ромпрей заявилъ, что онъ не знаетъ ничего дурного, что происходило бы въ орденѣ, хотя и сознался въ противномъ передъ Орлеанскимъ епископомъ послѣ троекратнаго примѣненія пытки. Братъ-служитель Робертъ Вижье также отрицалъ обвиненія послѣ того, какъ признанъ ихъ справедливыми въ Парижѣ передъ епископомъ Невера подъ вліяніемъ жестокой пытки, отъ которой, какъ сказали ему, умерло трое его товарищей, Готье, Генрихъ и Шантелупъ. Священникъ Бернаръ де Вадо подвергся пыткѣ огнемъ; ему такъ сильно прижигали подошвы ногъ, что черезъ нѣсколько дней у него выпали пяточныя кости; въ доказательство онъ представилъ ихъ обломки. Девятнадцать братьевъ родомъ изъ Перигора сознались передъ епископомъ Перигё послѣ пытки и лишенія пищи; одного изъ нихъ въ теченіе шести мѣсяцевъ держали на хлѣбѣ и водѣ, безъ обуви и только въ одной рубашкѣ. Гильомъ д'Эрре, явившись по вызову Сентскаго (Saintes) епископа, отвергъ всѣ обвиненія; но послѣ того, какъ его посадили на хлѣбъ и на воду и пригрозили пыткой, онъ подтвердилъ, что у тампліеровъ былъ обычай отрицать Христа и плевать на крестъ; передъ комиссіей онъ отрекся отъ этихъ своихъ показаній. Ѳома Пампелунскій, подъ вліяніемъ много разъ повторявшейся пытки, которой онъ подвергся въ С. Жанъ д'Анжели, подтвердилъ сознаніе Молэ; затѣмъ, посаженный на хлѣбъ и на воду, онъ сознался передъ епископомъ Сента (Saintes) въ томъ, что обычай плевать на крестъ дѣйствительно существовалъ, и вообще далъ показанія, отъ которыхъ отрекся передъ комиссіей. Можно привести еще много показаній, данныхъ нѣкоторыми обвиняемыми, которые имѣли мужество пойти на мученическую смерть, грозившую тѣмъ, кто отрекался отъ своихъ первоначальныхъ словъ. Зная, какой страхъ испытывали эти несчастные, лишенные друзей и защиты, мы не можемъ строго порицать тѣхъ, кто уступилъ; но тѣмъ болѣе должны мы удивляться твердости тѣхъ, которые устояли передъ пыткой и не боялись костра, защищая орденъ. Чувство, которое вообще испытывали эти бѣдные люди, высказалъ Аймонъ де Барбара, котораго три раза пытали и который девять недѣль просидѣлъ на хлѣбѣ и водѣ. Онъ съ грустью заявилъ о томъ, что выстрадалъ онъ физически и духовно; но добавилъ, что, сидя въ тюрьмѣ, онъ все же не хотѣлъ отречься отъ своего показанія. Какія тяжелыя нравственныя муки испытывали эти несчастные, видно изъ дѣла наставника Мойсака Жана де Кормель: приведенный въ комиссію, онъ колебался и не хотѣлъ описать церемоніи своего собственнаго пріема въ орденъ, заявивъ, что онъ не видѣлъ ничего дурного въ обрядѣ пріема братьевъ; но воспоминаніе о пыткахъ, которымъ онъ подвергся въ Парижѣ, пыткахъ, стоившихъ ему четырехъ зубовъ, лишило его мужества, и онъ просилъ дать ему время собраться съ мыслями. Ему дали отсрочку до другого дня; когда онъ явился вторично, то сила духа его сломилась, и онъ сознался во всѣхъ странныхъ преступленіяхъ, въ которыхъ обвиняли орденъ. Ему задали вопросъ, совѣтовался ли онъ съ кѣмъ-нибудь; онъ отвѣтилъ отрицательно и сказалъ, что просилъ священника отслужить для него обѣдню Святому Духу, чтобы Господь открылъ ему, что онъ долженъ дѣлать [1]).

[1]) Raynouard, op. cit. 52—3.—«Procès», I, 40, 75, 230, 506—9, 511—14, 520—21, 527—8; II, 13, 18.

Библиотека "Руниверс"

Эти немногіе примѣры проливаютъ свѣтъ на задачу, надъ которой работали всѣ французскіе епископы въ теченіе конца 1308 г. и въ 1309 и 1310 г.г. Все это дѣло имѣло, впрочемъ, въ виду только личность членовъ ордена; участь имущества тампліеровъ должна была зависѣть отъ рѣшенія, которое будетъ вынесено надъ орденомъ, какъ надъ цѣлой конгрегаціей; для этого Климентъ назначилъ день, когда орденъ долженъ былъ явиться предъ Вьеннскимъ соборомъ въ лицѣ своихъ старшинъ и представителей, чтобы защитить себя и выставить мотивы противъ его уничтоженія. Такъ какъ члены ордена и рыцари были разсѣяны по разнымъ тюрьмамъ Европы, то это было дѣломъ совершенно невозможнымъ; нужно было найти какой-нибудь исходъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, теоретически они были представлены, хотя бы и для того, чтобы выслушать уже готовый приговоръ. Вслѣдствіе этого буллою отъ 12-го августа 1308 г. папа образовалъ подъ предсѣдательствомъ Нарбоннскаго архіепископа комиссію, которой было поручено вызвать къ себѣ всѣхъ тампліеровъ Франціи и переслать протоколы ихъ допросовъ къ нему въ Римъ Затѣмъ другія буллы, изданныя въ маѣ 1309 г., приказывали комиссіи приступить къ занятіямъ и сообщить о положеніи дѣла Филиппу. 8-го августу 1309 г. комиссары собрались въ аббатствѣ св. Женевьевы и циркулярами, адресованными къ архіепископамъ королевства, вызвали всѣхъ тампліеровъ явиться предъ ними въ первый присутственный день послѣ св. Мартина; самъ орденъ долженъ былъ явиться на Вьеннскій соборъ черезъ своихъ старшинъ и уполномоченныхъ, чтобы выслушать приговоръ, который будетъ угоденъ Богу.

Въ назначенный день, 12-го ноября, комиссары собрались снова, но ни одинъ тампліеръ не явился. Въ теченіе цѣлой недѣли они ежедневно засѣдали; они соблюдали форму, объявляя черезъ сторожа, что, если кто-нибудь пожелаетъ явиться отъ имени ордена или отдѣльныхъ его членовъ, то комиссія готова благосклонно выслушать его; но этотъ вызовъ остался безъ отклика. При разсмотрѣніи отвѣтовъ прелатовъ нашли, что они плохо выполнили свою миссію. Очевидно, Филиппъ съ пренебреженіемъ относился ко всему этому дѣлу и не былъ расположенъ поддерживать его. 18-го ноября епископу Парижа было послано нѣсколько рѣшительное мнѣніе, объявлявшее ему, что комиссары должны дѣйствовать не противъ отдѣльныхъ личностей, а противъ всего ордена, что не слѣдуетъ никого принуждать являться, но надо предоставить это желающимъ. Тогда епископъ 22 ноября явился въ комиссію, и произошелъ обмѣнъ взаимными извиненіями и объясненіями; особая бумага, посланная Филиппу де Вохэ и Жану де Жамвиль, назначеннымъ папой и королемъ охранять узниковъ, предписывала этимъ чиновникамъ соблюдать строгое послушаніе. Однако, задача представляла еще большія затрудненія. 22-го комиссары были тайно увѣдомлены, что въ Парижъ прибыло нѣсколько лицъ, одѣтыхъ въ свѣтское платье, съ цѣлью защищать орденъ, и что они заключены въ тюрьму. Они тотчасъ запросили Жана де Плюблаве (Plublaveh), прево Шателе, который заявилъ, что онъ арестовалъ по приказанію короля семь человѣкъ, которыхъ приняли за переодѣтыхъ тампліеровъ; но подвергнувъ двухъ изъ нихъ пыткѣ, прево убѣдился, что здѣсь произошла ошибка. Хотя это дѣло не имѣетъ большого значенія, но показываетъ намъ, какому строгому контролю король рѣшилъ подвергать дѣйствія комиссіи [1]).

Однако, комиссіи удалось добиться явки на судъ Якова де Молэ, Гуго де Перо и еще нѣсколькихъ братьевъ, арестованныхъ въ Парижѣ. Молэ заявилъ, что онъ недостаточно развитъ и образованъ, чтобы быть хорошимъ защитникомъ ордена, но что онъ будетъ презирать себя, если не попытается сдѣлать этого. Онъ въ тюрьмѣ и безъ денегъ; весь наличный капиталъ его равняется четыремъ денье, и единственный совѣтникъ его это простой братъ-служитель; онъ просилъ, какъ милости, чтобы ему дали помощника и

[1]) Joann. de S. Victor. (Bouquet, XXI, 654).— «Procès», I, 1—31.

Библиотека "Руниверс"

совѣтника, дабы онъ могъ выполнить свое дѣло защиты ордена. Комиссары напомнили ему, что дѣла о ереси не подчиняются законнымъ формамъ и что въ нихъ не допускается адвокатовъ, и предупредили его, какимъ опасностямъ онъ подвергаетъ себя, выступая въ защиту ордена послѣ признанія справедливости обвиненій. Они были настолько милостивы, что прочли ему его сознаніе въ томъ видѣ, въ какомъ представили его кардиналы, допрашивавшіе его въ Шинонѣ; когда онъ выразилъ свое негодованіе и удивленіе, то Гильомъ де Плезіанъ, которому, повидимому, было поручено королемъ слѣдить за ходомъ дѣла, далъ ему, какъ извѣстно, дружескій совѣтъ, который сковалъ молчаніемъ уста тампліера. Молэ попросилъ время на размышленіе; когда онъ явился снова, то очутился передъ лицомъ Гильома де Ногарэ, который былъ готовъ воспользоваться всякимъ промахомъ. Изъ папскихъ граматъ, съ содержаніемъ которыхъ его ознакомили, Молэ узналъ, что папа оставилъ за собой право лично самому судить его и другихъ высшихъ лицъ ордена, и поэтому просилъ, чтобы ему позволили безъ всякихъ проволочекъ предстать предъ судомъ папы. Такимъ образомъ, раскрылось все вѣроломство этой коварной комбинаціи: высшія лица ордена были отдѣлены отъ остальныхъ обвиняемыхъ, такъ что Молэ, Гуго де Перо и Жофруа де Гонвиль, обольщенные надеждой, что будутъ судимы особымъ судомъ, подло бросили своихъ учениковъ. Что касается отвѣтовъ братьевъ передъ комиссіей, то всѣ они по существу были тожественны съ заявленіемъ Жеро изъ Ко, который сказалъ, что онъ былъ простымъ рыцаремъ, не имѣлъ ни лошади, ни оружія, ни земель, что онъ не знаетъ, какъ защищать орденъ, и поэтому не можетъ взять на себя этой задачи [1]).

Въ это время Филиппъ, безъ сомнѣнія, убѣдился, что дѣйствія комиссіи не представляютъ никакой опасности; онъ пересталъ противодѣйствовать ей и любезно предложилъ ей свое содѣйствіе. 28 ноября епископамъ было послано новое срочное предписаніе, которое грозило имъ папскимъ гнѣвомъ, если они будутъ продолжать небрежно относиться къ своимъ обязанностямъ. Дѣйствіе этой угрозы увеличивалось еще приказомъ, даннымъ Филиппомъ тюремщикамъ, допускать епископскихъ судей къ заключеннымъ тамплiерамъ; одновременно съ этимъ бальи получили приказаніе отправить подъ сильнымъ конвоемъ тѣхъ тамплiеровъ, которые пожелаютъ защищать свой орденъ [2]).

Новый вызовъ былъ сдѣланъ на 5-ое февраля 1310 г. Около 5-го начали стекаться тамплiеры, почти всѣ сгорая отъ нетерпѣнія выступить на защиту ордена. Число ихъ было такъ велико, что комиссія не знала даже, куда ихъ размѣстить; наконецъ, 28-го марта сто пятьдесятъ шесть защитниковъ ордена было собрано въ саду епископскаго дворца, гдѣ комиссары объяснили имъ, зачѣмъ ихъ созвали, и посовѣтывали имъ выбрать изъ своей среды шесть, восемь или десять лицъ, которые дѣйствовали бы въ качествѣ уполномоченныхъ; болѣе ихъ не будутъ собирать, и комиссія начнетъ свои работы 31-го; но уполномоченнымъ, избраннымъ тамплiерами, будутъ разрѣшены свиданія со всѣми заключенными въ разныхъ тюрьмахъ и, такимъ образомъ, они будутъ въ состояніи сговориться съ обвиняемыми относительно способовъ защиты.

Невозможно было, чтобы эта смѣшанная толпа людей могла придти къ рѣшенію, толпа, лишенная своихъ вождей, собранная неожиданно и не имѣвшая возможности, вслѣдствіе разнообразія языковъ и нарѣчій, сговориться между собой. Многіе изъ нихъ не рѣшались дѣйствовать безъ приказаній гросмейстера, такъ какъ уставъ ордена строго запрещалъ подчиненнымъ всякую личную инициативу. Комиссары, казалось, повидимому, искренно желали вести дѣло правильнымъ путемъ; 31-го они, наконецъ, приказали своимъ нотаріусамъ посѣтить тамплiеровъ въ домахъ заключенія и сообщить комиссіи о желаніяхъ и

[1]) «Procès», I, 28, 29, 41—5, 88.
[2]) «Procès», I, 47—5.3

Библиотека "Руниверс"

рѣшеніяхъ обвиняемыхъ. На эту формальность ушло много времени; донесенія нотаріусовъ, послѣ ихъ ежедневнаго обхода тюремъ, довольно печальны. Несчастные узники въ отчаяніи отъ невозможности принять участіе въ дѣлѣ. Огромнѣйшее большинство ихъ заявило, что орденъ былъ чистъ и святъ, но не знало, что дѣлать въ отсутствіе старшихъ членовъ ордена. Всѣ умоляли, часто бросаясь даже въ ноги посѣтителямъ, чтобы ихъ снова допустили до причастія. Многіе просили, чтобы имъ дали возможность умереть въ Св. Землѣ; другіе изъявляли желаніе пригласить капеллана на тѣ скудные гроши, которые отпускались имъ; нѣкоторые просили увеличенія даваемаго имъ содержанія, нѣкоторые просили одежды, чтобы прикрыть свою наготу. Они горячо просили о невозможномъ, ходатайствуя, чтобы имъ прислали опытныхъ и свѣдущихъ людей, которые могли бы дать имъ совѣтъ и явились бы отъ ихъ имени на судъ, такъ какъ сами они люди простые, неграмотные, заключенные въ тюрьму и неспособные дѣйствовать; они просили также, чтобы была гарантирована безопасность свидѣтелямъ, такъ какъ всѣмъ тѣмъ, кто уже сознался, пригрозили костромъ, если они откажутся отъ своихъ первоначальныхъ показаній. Докладная записка, поданная 4-го апрѣля заключенными у аббата Тирона, освѣщаетъ намъ, какъ дурно обходились съ ними. Они подтверждаютъ, что орденъ былъ чистъ, и заявляютъ, что готовы защищать его, насколько это возможно для людей, закованныхъ въ цѣпи и проводящихъ ночи въ темныхъ могилахъ. Они жаловались на недостатокъ отпускаемыхъ имъ денегъ; изъ двѣнадцати денье, получаемыхъ ими въ сутки, они должны платить три денье за кровать; за пользованіе кухней, столовымъ и носильнымъ бѣльемъ два су шесть денье въ недѣлю; два су за то, что съ нихъ снимаютъ и опять надѣваютъ оковы, когда они являются въ судъ; восемнадцать денье въ двѣ недѣли за стирку бѣлья; четыре денье въ день за дрова и свѣчи; наконецъ, шестнадцать денье на соборъ Богоматери. Очевидно, что тюремщики безъ всякой совѣсти эксплоатировали этихъ несчастныхъ [1]).

Результатомъ всего этого было то, что 7-го апрѣля девять делегатовъ представили отъ имени всѣхъ записку, въ которой говорилось, что заключенные не могутъ выбрать уполномоченныхъ безъ разрѣшенія гросмейстера и конвента; во всякомъ случаѣ, они готовы, каждый порознь и всѣ вмѣстѣ, защищать орденъ и просили разрѣшенія присутствовать на соборѣ или разборѣ дѣла, гдѣ бы оно ни было назначено. Они заявляли, что обвиненія—ужасная и неправдоподобная ложь, выдуманная отступниками и бѣглецами, которыхъ пришлось исключить изъ ордена за ихъ преступленія; все это сплетеніе лжи скрѣплено пытками тѣхъ, кто отстаивалъ истину, и поощреніемъ клеветниковъ обѣщаніями или наградами. Удивительно, говорили они, видѣть, какъ оказывается довѣріе людямъ, совращеннымъ мірскими благами, и въ то же время въ немъ отказываютъ людямъ, которые приняли мученическій вѣнецъ, или тѣмъ, которые живы еще и, вѣрные дѣлу своей совѣсти, вытерпѣли и ежедневно терпятъ въ своихъ темницахъ такъ много мукъ, скорби и несчастій. Принимая во вниманіе страхъ, охватившій всѣхъ, они просили, чтобы на допросы братьевъ не допускался ни одинъ міряннинъ или вліятельный человѣкъ и чтобы имъ было гарантировано покровительство, такъ какъ принесшимъ сознаніе ежедневно грозили костромъ въ случаѣ отреченія. Въ своемъ отвѣтѣ комиссары слагали съ себя всякую отвѣтственность за дурное содержаніе и обхожденіе и обѣщали похлопотать, чтобы съ узниками обращались хорошо, строго слѣдуя указамъ кардинала Палестрины, даннымъ папою стражѣ тампліеровъ. Гросмейстеру, добавляли они, было предложено защищать орденъ,

---

[1]) «Procès», I, 103—51.—Вспомнимъ, что назначенная сумма была уплачиваема весьма низкопробной монетой вслѣдствіе обмана Филиппа Красиваго. По свидѣтельству одного документа 1318 года турскій ливръ былъ ниже нормальнаго ливра въ отношеніи 1 къ 4½. («Olim», III, 1279).

Другіе тампліеры явились позднѣе на защиту ордена, такъ что 2-го мая число этихъ защитниковъ достигло пятисотъ семидесяти трехъ.

Библиотека "Руниверс"

но онъ отказался принять на себя эту задачу, ссылаясь на то, что право суда надъ нимъ сохранилъ за собой самъ папа [1]).

Давъ, такимъ образомъ, тампліерамъ призрачную возможность защищаться, комиссары принялись собирать свидѣтельскія показанія. Они назначили четырехъ уполномоченныхъ тампліеровъ, Рено де Провенсъ (Provins), наставника Орлеана, Петра Булонскаго, прокурора ордена передъ римской куріей, и рыцарей Жофруа де Шамбонне и Бертрана де Сартижъ, присутствовать при принесеніи свидѣтелями присяги и дѣйствовать, смотря по обстоятельствамъ дѣла; однако, эти лица не были оффиціально допущены въ качествѣ адвокатовъ ордена. 13-го апрѣля четыре депутата подали новую докладную записку, въ которой, упомянувъ предварительно о пыткахъ, при помощи которыхъ были вырваны у подсудимыхъ сознанія, они подтвердили, какъ общеизвѣстную вещь, что для полученія свидѣтельскихъ показаній тампліерамъ были представлены скрѣпленныя королевской печатью граматы, въ которыхъ имъ обѣщалась свобода и пожизненная пенсія и сообщалось объ окончательномъ уничтоженіи ордена. Этотъ протестъ, очевидно, имѣлъ въ виду подготовить почву къ тому, чтобы подорвать довѣріе къ свидѣтелямъ обвиненія,—единственное средство, которымъ, какъ извѣстно, располагала защита въ инквизиціонномъ процессѣ; съ этой же цѣлью четверо уполномоченныхъ просили также сообщить имъ имена всѣхъ свидѣтелей. Они не смѣли требовать копіи свидѣтельскихъ показаній, но горячо настаивали на сохраненіи ихъ въ тайнѣ, чтобы предотвратить опасность, которой могло бы подвергнуть свидѣтелей ихъ опубликованіе. Послѣ вынужденнаго перерыва на праздникъ Пасхи продолжали до 9-го мая собирать свидѣтельскія показанія, въ общемъ враждебныя ордену и исходившія отъ свидѣтелей, безъ сомнѣнія, тщательно выбранныхъ. Въ воскресенье 10-го мая комиссары были неожиданно собраны по просьбѣ Рено де Провенсъ и его товарищей, пожелавшихъ сообщить имъ поразительную новость. Санскій соборъ, поспѣшно собранный въ Парижѣ, постановилъ преслѣдовать всѣхъ тампліеровъ, выступившихъ на защиту ордена. Многіе изъ этихъ защитниковъ раньше уже сознались, и они геройски поставили на карту свою жизнь въ тотъ день, когда, заявивъ категорически о чистотѣ ордена, отреклись отъ своихъ показаній. Поэтому четыре тампліера обратились къ комиссарамъ съ просьбой оказать имъ покровительство, такъ какъ рѣшеніе собора должно было роковымъ образомъ отразиться на ходѣ дѣла. Они требовали apostoli и просили, чтобы ихъ личности, ихъ права и ихъ орденъ были переданы контролю Св. Престола и чтобы имъ даны были время и деньги, необходимыя для поддержки аппеляціи. Кромѣ того, они просили комиссаровъ предложить санскому архіепископу не предпринимать никакихъ мѣръ, пока не будетъ окончено производимое разслѣдованіе. Они выражали также желаніе, чтобы ихъ отправили съ однимъ или двумя нотаріусами заявить свой протестъ прелату, такъ какъ они не могутъ найти ни одного легиста, который написалъ бы имъ подобное заявленіе. Комиссары, поставленные въ страшное затрудненіе, совѣщались до поздняго вечера, затѣмъ призвали тампліеровъ и сказали, что они всѣмъ сердцемъ сочувствуютъ имъ, но что у нихъ связаны руки, такъ какъ епископъ и соборъ дѣйствуютъ въ силу полномочій, данныхъ имъ папою [2]).

Въ разсчеты Филиппа не входило, чтобы орденъ могъ заставить выслушать своихъ защитниковъ. Это неожиданное собраніе приблизительно шестисотъ членовъ ордена, послѣ того какъ озаботились отдѣлить отъ нихъ ихъ старшинъ, и подготовительныя работы по защитѣ, выработанныя наканунѣ собора, показывали сопротивленіе, которое король рѣшилъ уничтожить въ зародышѣ со своей обычной, ничѣмъ не стѣсняющейся, энергіей. Моментъ былъ благопріятный, такъ какъ послѣ долгихъ усилій ему удалось добиться отъ Климента предоставленія архіепископской каѳедры въ Сансѣ (Парижъ былъ санскимъ ви-

[1]) «Procès», I, 165—72.
[2]) «Procès», I, 173—201, 204, 259—64.

Библиотека "Руниверс"

каріатомъ) брату министра Энгеррана, Филиппу де Мариньи, человѣку, безусловно преданнаго ему. Новое назначеніе вступило въ силу 5-го апрѣля. Буллою Faciens misericordiam предписывалось, чтобы немедленно по окончаніи епископскихъ разслѣдованій были созваны провинціальные соборы для суда надъ братьями по своему усмотрѣнію. Король, благодаря своимъ архіепископамъ, былъ хозяиномъ положенія. Провинціальные соборы были сразу созваны: Санскій въ Парижѣ, Реймскій въ Санлисѣ, Нормандскій въ Понъ де л'Аркъ, Нарбоннскій въ Каркассонѣ, и устроили внушительную демонстрацію, которая должна была разомъ и навсегда прекратить всякія попытки идти противъ воли короля. Не стали терять времени на то, чтобы придать дѣлу законный характеръ, такъ какъ по каноническому закону еретики-рецидивисты осуждались, не будучи выслушанными. 11-го Санскій соборъ открылся въ Парижѣ; и уже 12-го комиссары, когда они еще были заняты собираніемъ свидѣтельскихъ показаній, получили приказаніе сжечь въ тотъ же день пятьдесятъ четыре человѣка изъ числа тѣхъ, кто выступилъ на защиту ордена. Они были осуждены, какъ еретики-рецидивисты за то, что отреклись отъ своихъ первоначальныхъ признаній. Комиссары тотчасъ же послали на соборъ папскаго стража тампліеровъ Филиппа де Вохэ и орлеанскаго архидіакона Амп просить отсрочки. Вохэ и много другихъ лицъ, говорили комиссары, утверждаютъ, что тампліеры, умершіе въ тюрьмѣ, подъ клятвой вѣчной гибели своей души подтвердили передъ смертью, что обвиненія, возведенныя на тампліеровъ, ложны. Далѣе комиссары говорили, что Рено де Провенсъ и его товарищи обратились къ нимъ съ жалобой на соборъ; приведеніе въ исполненіе предположенныхъ казней серьезно помѣшаетъ отправленію комиссарами своихъ обязанностей, такъ какъ со вчерашняго дня свидѣтели отъ страха лишились разсудка и не въ состояніи давать показаній. Посланные вбѣжали въ залу засѣданій собора, гдѣ ихъ приняли съ презрѣніемъ; имъ отвѣтили, что невозможно, чтобы комиссія дала имъ подобное порученіе. Пятьдесятъ четыре мученика были посажены на телѣги и отвезены на поле, сосѣднее съ монастыремъ Св. Антонія, гдѣ ихъ предали мучительной смерти на медленномъ огнѣ. Отказавшись отъ всѣхъ предложеній прощенія за новыя сознанія, они мужественно встрѣтили смерть и этимъ, по словамъ современника, подвергли свои души большой опасности быть осужденными на вѣчную гибель, такъ какъ зрѣлище это дало народу ложную вѣру въ ихъ невинность. Соборъ продолжалъ свои работы и черезъ нѣсколько дней послѣ этого сжегъ еще четырехъ тампліеровъ, чтобы всѣ, если найдутся еще желающіе защищать орденъ, знали, какая участь ихъ ожидаетъ. Соборъ велѣлъ вырыть и сжечь кости бывшаго казначея ордена Жана де Турнъ; сознавшіеся и подтвердившіе свои признанія были возсоединены съ Церковью и выпущены на свободу, а тѣ, кто упорно отказывался сознаться, были осуждены на пожизненное тюремное заключеніе; мѣры эти были болѣе человѣчны, чѣмъ обычныя въ инквизиціонномъ судопроизводствѣ; но эта снисходительность была въ интересахъ королевской политики. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого Реймскій соборъ въ Санлисѣ сжегъ девять другихъ жертвъ; въ Понъ де л'Аркъ сожгли троихъ; другіе были казнены въ Каркассонѣ [1]).

---

[1]) Fisquet, «La France Pontificale», Sens, стр. 68.—«Procès», I, 274—5, 281.—Contin. Chron. G. de Fracheto (Bouquet, XXI, 33).—Chron. Anon. (Bouquet, XXI, 440).—Amalr. Auger. «Hist. Pontif.» (Eccard, II, 1810).—Trithem. «Chron. Hirsaug.» ann. 1307.—Bern. Guidon. «Flor. Chron. (Bouquet, XXI, 749).—Joann. de S. Victor. (Bouquet, XXI, 651—55).—Contin. Guill. Nangiac. ann. 1310—Grandes Chroniques, V, 187.—Chron. Cornel. Zantfliet, ann. 1310 (Martène, «Ampl. Coll.» V, 158).—Bessin, «Concil. Rotomagens.» стр. III.—Raynouard, op. cit. 118—20.

Не всѣ епископы были согласны принять инквизиціонное ученіе, приравнивавшее отреченіе отъ сознанія вторичному впаденію въ ересь. Вопросъ этотъ обсуждался на Нарбоннскомъ соборѣ и былъ рѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ.—Raynouard, 106.

Отказавшіеся сознаться составляли значительное меньшинство. Въ нѣкоторыхъ докумен-

Библиотека "Руниверс"

Смерть (въ 1485 г.) инквизитора Петра АРБУЭСА, причисленнаго въ 1867 г. къ лику святыхъ.

Библиотека "Руниверс"

Эти жестокія мѣры дали ожидаемый результатъ. Когда на другой день парижскихъ казней, 13-го мая, комиссія открыла свое засѣданіе, то первый свидѣтель, котораго ввели, Эмери де Виллье, бросился блѣдный отъ страха на колѣни и, ударяя себя въ грудь и протягивая руки къ алтарю, призывалъ смерть и вѣчныя муки на свое тѣло и душу, если не скажетъ правды; затѣмъ онъ заявилъ, что обвиненія, возведенныя на орденъ, ложны, хотя подъ пыткой онъ и призналъ часть ихъ истинными. Наканунѣ онъ видѣлъ, какъ проѣхали его пятьдесятъ четыре товарища въ позорныхъ колесницахъ къ костру, и тогда онъ почувствовалъ, что не можетъ болѣе выносить этого испытанія и что онъ готовъ сознаться передъ комиссарами или передъ всякимъ другимъ во всемъ, что только потребуютъ отъ него, даже и въ томъ, что онъ убилъ Господа Іисуса Христа. Въ заключеніе онъ заклиналъ комиссаровъ и нотаріусовъ не сообщать только что сказаннаго имъ тюремщикамъ или королевскимъ чиновникамъ, такъ какъ тогда его сожгутъ, какъ тѣхъ пятьдесятъ четырехъ. Затѣмъ другой свидѣтель, допрошенный раньше, Жанъ Бертранъ, умолялъ комиссію сохранить въ тайнѣ его показанія въ виду опасности, угрожавшей ему. При видѣ подобныхъ картинъ комиссія сочла болѣе благоразумнымъ временно прекратить свои засѣданія, пока не пройдетъ этотъ охватившій всѣхъ страхъ. Она собралась снова только 18-го для того, чтобы напрасно потребовать отъ санскаго архіепископа освобожденія Рено де Провенсъ, выступившаго предъ судомъ собора. Петръ Булонскій былъ также схваченъ по приказанію собора, и комиссія больше не видала его. Много тампліеровъ, пожелавшихъ выступить защитниками ордена, поторопились отступить; была оставлена по необходимости всякая попытка заставить Вьеннскій соборъ выслушать тампліеровъ. Принималъ-ли Климентъ какое-либо участіе въ этомъ вмѣшательствѣ, положившемъ конецъ работамъ его комиссіи, мы съ увѣренностью сказать не можемъ; скорѣе можно сомнѣваться въ этомъ; но достовѣрно, что онъ не сдѣлалъ ничего, чтобы вернуть своимъ комиссарамъ ихъ власть; его индифферентное отношеніе дѣлаетъ его участникомъ въ преступленіи, которое выдало на ужасную смерть несчастныхъ, взятыхъ имъ подъ свою защиту [1]).

4-го апрѣля буллою Alma Mater Климентъ отложилъ Вьеннскій соборъ съ октября 1310 г. на октябрь 1311 г., такъ какъ дѣло о тамплiерахъ потребовало больше времени, чѣмъ разсчитывали. Комиссіи, слѣдовательно, нечего было торопиться, и она пріостановила свои засѣданія до 3-го ноября. Члены ея запоздали собраться, и засѣданія ея возобновились только 17-го декабря. Тогда явились Гильомъ де Шамбоннэ и Бертранъ де Сартижъ и заявили, что они не могутъ дѣйствовать отъ имени ордена безъ помощи Рено де Провенсъ и Петра Булонскаго. Комиссія сообщила имъ, что оба ихъ товарища торжественно отказались защищать орденъ, вернулись къ своимъ первоначальнымъ признаніямъ и осуждены Санскимъ соборомъ на пожизненное тюремное заключеніе. Петру, впрочемъ, удалось бѣжать. Комиссія предложила тогда этимъ двумъ рыцарямъ, что она разрѣшитъ имъ присутствовать при принесеніи свидѣтелями присяги и дѣлать возраженія; но они заявили, что не имѣютъ права на это и удалились. Такимъ образомъ, ордену было отказано во всякой защитѣ; дальнѣйшія дѣйствія комиссіи по этому дѣлу состояли въ собираніи ex parte свидѣтельскихъ показаній обвиненія. Комиссары засѣдали до іюня, выслушивая внимательнѣйшимъ образомъ всѣхъ свидѣтелей, которыхъ приводили къ нимъ; но такъ какъ эти свидѣтели выбирались Филиппомъ де Вохэ и Жаномъ де Жамвиль, то, очевидно, было предусмотрѣно, чтобы показанія ихъ могли убѣдить судей. Впрочемъ, большинство свидѣтелей было воссоединено съ Церковью послѣ сознанія, отреченія и отпущенія грѣховъ, такъ что они не

тахъ, касающихся расхода по содержанію тамплiеровъ въ Санли, засвидѣтельствовано, что шестьдесятъ пять тамплiеровъ не были воссоединены съ Церковью, т. е. другими словами, они не принесли сознанія.—Ibid. 107.

[1]) «Procès», I, 275—83.

Библиотека "Руниверс"

принадлежали болѣе къ ордену, который они предоставили его судьбѣ. Изъ большого числа тампліеровъ, отказавшихся сознаться, весьма немногіе были допущены въ комиссію; и тѣ, которые были выслушаны ею, попали только случайно. Нѣкоторые обвиняемые также имѣли мужество отказаться отъ показаній данныхъ ими передъ епископами; но за изъятіемъ этихъ рѣдкихъ исключеній всѣ показанія были враждебны ордену. Съ другой стороны, часто бывало, что свидѣтели, допущенные до принесенія присяги, никогда не выступали для дачи показаній, и это не было простой случайностью, такъ какъ въ этомъ числѣ былъ и Рено де Провенсъ. Наконецъ, 5-го іюля комиссія закончила свои работы и безъ всякихъ замѣчаній переслала свои протоколы Клименту [1]), какъ документы для тѣхъ матеріаловъ, которые должны были освѣтить рѣшеніе Церкви, собранной на соборъ въ Вьеннѣ.

Раньше, чѣмъ приступить къ послѣднему акту трагедіи, разыгравшемуся въ Вьеннѣ, слѣдуетъ вкратцѣ упомянуть о мѣрахъ, принятыхъ противъ тампліеровъ за предѣлами Франціи. На увѣдомленіе, посланное Филиппомъ 16-го октября, англійскій король Эдуардъ II отвѣтилъ 30-го октября; король и его совѣтъ относились къ этому дѣлу чрезвычайно внимательно; они были крайне удивлены; все дѣло было такъ возмутительно гнусно, что съ трудомъ можно было вѣрить ему, и поэтому король, чтобы получить болѣе точныя свѣдѣнія, послалъ своего сенешаля въ Ажанъ. Убѣжденія Эдуарда были такъ тверды и его желаніе оказать поддержку ордену такъ горячо, что онъ писалъ 4-го декабря королямъ Португаліи, Кастиліи, Арагоніи и Неаполя, что источникомъ обвиненій должны быть алчность и зависть; онъ просилъ этихъ монарховъ не слушать клеветы и не предпринимать ничего безъ зрѣлаго размышленія изъ опасенія, чтобы орденъ, извѣстный своею чистотою и благородствомъ, не подвергся притѣсненіямъ раньше, чѣмъ законнымъ порядкомъ не будетъ доказана его виновность. Онъ пошелъ еще дальше и отвѣтилъ 10-го Клименту, что слава чистоты и вѣрности ученію Церкви, которою пользовались англійскіе тампліеры, не позволяетъ ему безъ новыхъ доказательствъ повѣрить враждебнымъ имъ слухамъ; онъ совѣтовалъ папѣ выступить противъ клеветы, распространяемой людьми завистливыми и злыми. Однако, черезъ нѣсколько дней послѣ этого онъ получилъ буллу, изданную Климентомъ 22-го ноября, и уже не могъ болѣе сомнѣваться въ фактахъ, подтвержденныхъ папою предъ лицомъ всего христіанскаго міра. Онъ поторопился повиноваться предписаніямъ буллы. Уже 15-го декабря были выработаны и разосланы всѣмъ шерифамъ Англіи подробныя приказанія объ арестѣ всѣхъ тампліеровъ 10-го января 1308 г., причемъ была приложена инструкція о секвестраціи и администраціи конфискованныхъ имѣній. 20-го такіе же указы были посланы всѣмъ англійскимъ властямъ въ Ирландіи, Шотландіи и Валлисѣ. Быть-можетъ, на этотъ неожиданный поворотъ оказала вліяніе предполагавшаяся поѣздка Эдуарда въ Булонь, гдѣ онъ долженъ былъ жениться на дочери Филиппа Краснваго, Изабеллѣ [2]).

Согласно распоряженію короля аресты были произведены, но тампліеры не были заключены въ тюрьмы, а сдѣланы плѣнниками на честное слово въ ожиданіи вмѣшательства Св. Престола. Повидимому, ни Церковь, ни Государство не были расположены взять на

[1]) Harduin. VII, 1334.—«Procès», I, 286—7: II, 3—4, 269—73.—Raynouard, op. cit. 254—6.—Нотаріальное удостовѣреніе свидѣтельствуетъ, что эти многотомные регистры заключали въ себѣ 219 листовъ по сорокъ строкъ на страницѣ, въ общемъ 17520 строкъ. За свидѣтелями внимательно наблюдали, какъ это видно изъ случая, бывшаго съ тремя изъ нихъ, съ Мартиномъ де Монъ Ришаръ, съ Жаномъ Дюранъ и съ Жаномъ де Руанъ. 22-го марта они подтвердили, что никогда не видѣли въ орденѣ ничего дурного. Черезъ два дня ихъ вызвали снова, и они заявили, что они по глупости соврали. Передъ епископами они признались въ существованіи обычая отрицаться отъ Христа и плевать на крестъ, и тогда они показывали правду. Кто можетъ сомнѣваться въ томъ, къ какимъ мѣрамъ убѣжденія прибѣгли за этотъ промежутокъ времени?—«Procès», II, 88—96, 107—9.

[2]) Rymer, «Foedera», III, 18. 31—7, 43—6.

Библиотека "Руниверс"

себя починъ преслѣдованій. Отсрочка затянулась, такъ какъ папскіе инквизиторы Сикаръ де Лаворъ и аббатъ де Ланьи, хотя и получили папскіе указы 12-го августа 1308 г., выѣхали только въ сентябрѣ 1309 г.; охранныя граматы, скрѣпленныя по ихъ желанію королемъ 13-го сентября, свидѣтельствуютъ, что они только что прибыли въ Англію. Тогда повсюду былъ посланъ указъ арестовать еще не арестованныхъ тампліеровъ и собрать ихъ въ Лондонъ, Линкольнъ и Іоркъ, гдѣ они будутъ допрошены; епископы этихъ каѳедръ должны были присутствовать при выполненіи всѣхъ формальностей. Подобные же указы были посланы въ Ирландію и Шотландію, куда для веденія дѣла инквизиторы назначили своихъ делегатовъ. Очевидно, нелегко было заставить чиновниковъ исполнить свой долгъ, такъ какъ 14-го декабря пришлось приказать всѣмъ шерифамъ схватить тампліеровъ, которые разъѣзжали по странѣ въ свѣтскихъ одеждахъ; кромѣ того, въ мартѣ слѣдующаго года и еще въ январѣ 1311 г. шерифъ Іорка получилъ замѣчаніе за то, что выпустилъ на свободу обвиняемыхъ, порученныхъ его караулу. Очевидно, обвиняемые пользовались расположеніемъ народа [1]).

Наконецъ, 20-го октября 1309 г. папскіе инквизиторы и лондонскій епископъ собрались въ епископскомъ дворцѣ, чтобы начать допросъ тампліеровъ, собранныхъ въ Лондонѣ. Всѣ подсудимые, допрошенные по очереди относительно каждаго пункта многочисленныхъ обвиненій, подтвердили невиновность ордена; тогда были введены свидѣтели, не принадлежащіе къ ордену, и въ огромномъ большинствѣ заявили, что они также убѣждены въ невинности ордена; нѣкоторые, впрочемъ, повторили неясные слухи и сплетни, которые были распространены въ народѣ, благодаря таинственности внутреннихъ обрядовъ ордена. Инквизиторы были поставлены въ страшное затрудненіе: они находились въ странѣ, гдѣ законъ не допускалъ примѣненія пытки, а безъ ея помощи они были не въ состояніи довести до конца дѣло, вызвавшее ихъ пріѣздъ. Не зная, что дѣлать, они обратились, наконецъ, къ королю и добились отъ него приказа на имя стражи арестованныхъ позволять инквизиторамъ и епископскимъ судьямъ обращаться съ личностями заключенныхъ, какъ они найдутъ нужнымъ, «согласно съ церковнымъ закономъ». Ужасная испорченность этой эпохи дала имя церковнаго закона позорнымъ злоупотребленіямъ, передъ которыми еще отступалъ законъ гражданскій!

Повидимому, были сдѣланы затрудненія или со стороны тюремщиковъ, или со стороны епископскихъ судей, такъ какъ указъ былъ повторенъ 1-го марта 1310 г., а затѣмъ 8-го марта; на этотъ разъ потребовали отъ упрямыхъ чиновниковъ объясненія причинъ ихъ неповиновенія указу. Однако, до 24-го мая не было получено ни одного серьезнаго показанія, которое вознаградило бы затраченныя усилія, хотя допросы продолжались всю зиму и всю весну. 24-го же трое арестованныхъ бѣглецовъ были доведены средствами, которыя легко себѣ представить, до признанія во всемъ, чего отъ нихъ хотѣли; и, конечно, изъ этихъ показаній было извлечено все возможное. Наконецъ, Клименту надоѣло видѣть, что дѣло тянется такъ долго. 6-го августа онъ написалъ Эдуарду; онъ узналъ, писалъ онъ, что король запретилъ примѣненіе пытки, какъ противорѣчащее законамъ королевства, и что, такимъ образомъ, инквизиторы, лишенные оружія, не могли добиться признаній. Никакой законъ, никакой обычай не должны ограничивать каноны, касающіеся дѣлъ этого рода; совѣтники и чиновники Эдуарда, виновные въ томъ, что помѣшали такимъ образомъ дѣйствіямъ Инквизиціи, подлежатъ наказанію, полагающемуся за такое великое преступленіе. Королю же папа совѣтовалъ подумать, отвѣчаетъ ли его настоящее направленіе его достоинству и его интересамъ. Ему было обѣщано отпущеніе грѣховъ, если онъ согласится измѣнить свое направленіе. Это, по всей вѣроятности, самая курьезная продажа

[1]) Regest. Clement. PP. V. III, 316, 477.—Rymer, «Foedera», III, 168—9, 173, 179—80, 182, 195, 203—4, 244.

Библиотека "Руниверс"

индульгенцій, о которой исторія сохранила намъ воспоминаніе! Одновременно съ этимъ подобныя же граматы были посланы всѣмъ англійскимъ епископамъ, которымъ папа дѣлалъ выговоръ за то, что они не устранили препятствій, какъ обязаны были это сдѣлать. Послѣ этого Эдуардъ снова 26-го августа подтвердилъ указомъ, что епископамъ и инквизиторамъ предоставляется право примѣнять церковный законъ; это распоряженіе подтверждалось 6-го и 23-го октября, 22-го ноября и 28-го апрѣля 1311 года. Въ послѣднихъ предписаніяхъ короля слово пытка было уже прямо произнесено; но монархъ озаботился отмѣтить, что онъ дѣйствуетъ такъ изъ уваженія къ Святому Престолу. 18-го августа 1311 г. такія же предписанія были посланы шерифу Іорка [1]).

Такимъ образомъ Инквизиціи удалось на этотъ разъ основаться въ Англіи; но, очевидно, инквизиціонные методы были черезчуръ противоположны духу націи и не могли дать обильныхъ плодовъ. Несмотря на слѣдствіе, тянувшееся болѣе 18 мѣсяцевъ, не удалось установить виновности тампліеровъ. Удалось добиться только одного, что на провинціальныхъ соборахъ, бывшихъ въ Лондонѣ и Іоркѣ весною и лѣтомъ 1311 г., обвиняемые сознались, что на нихъ падало настолько «тяжелое» подозрѣніе въ ереси, что они не могутъ оправдаться при помощи законной purgatio; поэтому они просили прощенія, обѣщая подчиниться всякой эпитиміи, которая будетъ на нихъ наложена. Нѣкоторые изъ нихъ соглашались также на извѣстное отреченіе. Соборы постановили, чтобы эти тампліеры были разсѣяны по различнымъ монастырямъ, гдѣ они должны были выполнить наложенныя на нихъ эпитиміи, въ ожиданіи пока Св. Престолъ не рѣшитъ судьбы ордена. Таково было окончательное рѣшеніе относительно тампліеровъ, принятое въ Англіи. Имъ великодушно назначили по четыре денье въ сутки на жизнь; магистру Англіи, Вильгельму де ла Моръ, назначили два шиллинга; послѣ его смерти эта пенсія перешла къ наставнику Оверни, Гумберту Бланъ, который во время арестовъ былъ, къ счастію для себя, въ Англіи. Все это показываетъ, что рыцарей не считали преступниками; Вальзингемъ, впрочемъ, свидѣтельствуетъ, что тампліеры въ монастыряхъ, куда ихъ разослали, подавали примѣръ набожности и строгой жизни. Въ Ирландіи и Шотландіи розыскъ не далъ никакихъ уликъ противъ ордена; ограничились только тѣмъ, что тщательно собрали всѣ слухи и басни, сообщаемые посторонними свидѣтелями [2]).

Какъ только извѣстіе объ арестахъ, произведенныхъ во Франціи, достигло до Лотарингіи, наставникъ де Вилленкуръ приказалъ братьямъ сбрить бороду и снять свою одежду, освободивъ, такимъ образомъ, ихъ неофиціально отъ обѣта послушанія. Герцогъ Тибо съ успѣхомъ слѣдовалъ политикѣ уничтоженія, принятой Филиппомъ. Много тампліеровъ было сожжено, и герцогъ присвоилъ себѣ большую часть ихъ имущества [3]).

Относительно того, что произошло въ Германіи, до насъ дошли лишь отрывочныя свѣдѣнія. Тевтонскій орденъ являлся мѣстомъ, гдѣ могли находить себѣ удовлетвореніе рыцарскіе инстинкты нѣмецкихъ сеньоровъ, такъ что число тампліеровъ этой страны было значительно ниже числа тампліеровъ Франціи. Судьба ихъ была менѣе трагична и сравнительно мало обратила на себя вниманіе составителей хроникъ. Одинъ лѣтописецъ сообщаетъ, что они были уничтожены съ согласія императора Генриха въ наказаніе за ихъ дружескія

---

[1]) Wilkins. «Concil. Mag. Brit.» II, 329—92.—Rymer, op. cit. III, 195, 202—3, 224—5, 227—32, 260, 274.—Regest. Clement. PP. V. T. V, 455—57.

[2]) Wilkins, op. cit. II, 314, 373—83, 394—400.—Rymer, op. cit. III, 295, 327, 334, 349, 472—3.—«Procès des Templiers», II, 130.—D'Argentré, I, I, 280.

Въ отношеніи тампліеровъ, дѣйствительно, были щедры, какъ это видно изъ содержанія, назначеннаго архіепископу Глазго, который въ 1312 г. былъ заключенъ въ тюрьму въ замкѣ Порчестеръ. Онъ получалъ ежедневно 6 денье, его лакей—3 денье, его капелланъ $1^1/_2$ денье, лакей его $1^1/_2$ денье. (Rymer, III, 363). Жалованье привратника Тампля въ Лондонѣ было опредѣлено въ 2 денье особой граматой Эдуарда II въ 1314 году (Wilcke, op. cit. 498).

[3]) «Procès», II, 267.—Calmet, «Hist. Gén. de Lorraine», II, 436.

Библиотека "Руниверс"

сношенія съ сарацинами въ Палестинѣ и въ Египтѣ и за приготовленія, которыя они дѣлали съ цѣлью основать свое государство среди христіанъ.

Ихъ мнимая ересь произвела весьма умѣренное впечатлѣніе на общественное мнѣніе. Впрочемъ, мѣры, принятыя противъ нихъ, чаще всего зависѣли отъ личныхъ отношеній къ нимъ князей-прелатовъ, управлявшихъ огромными архіепископіями. Первымъ выступилъ противъ нихъ Бурхардъ III Марбургскій. Послѣ одной поѣздки къ римскому двору, вызванной въ 1307 г. желаніемъ получить pallium, онъ вернулся въ маѣ 1308 г. съ приказаніемъ арестовать всѣхъ тампліеровъ своей провинціи; такъ какъ онъ раньше уже былъ дурно расположенъ къ нимъ, то онъ охотно повиновался. Въ его провинціи было только четыре монастыря тампліеровъ; онъ наложилъ свою руку на нихъ и на ихъ обитателей, что вызвало длинный рядъ довольно темныхъ ссоръ, во время которыхъ епископъ гальберштадскій отлучилъ его отъ Церкви; но отлученіе это было немедленно снято Климентомъ; мало того, онъ поднялъ цѣлую войну тѣмъ, что сжегъ наиболѣе упорныхъ тампліеровъ, и родственники погибшихъ жертвъ причинили ему, въ свою очередь, немало непріятностей. Еще въ 1318 г. госпитальеры жаловались Іоанну XXII, что тампліеры продолжаютъ владѣть большею частью своихъ имуществъ [1]).

Согласно съ политикой, которой слѣдовалъ Климентъ во всемъ этомъ дѣлѣ, булла Faciens misericordiam, изданная въ августѣ 1309 г. и посланная нѣмецкимъ прелатамъ, сохраняла за папой судъ надъ великимъ наставникомъ Германіи. Повсюду, кромѣ Магдебурга, на настоятельныя приказанія буллы обратили мало вниманія. 30-го декабря того же года Климентъ писалъ, безъ большого, впрочемъ, успѣха герцогу Австрійскому, приказывая ему арестовать всѣхъ тампліеровъ, жившихъ въ его владѣніяхъ; въ то же время онъ далъ епископамъ Майнца, Трира, Кельна, Магдебурга, Страсбурга и Констанца спеціальное инквизиторское полномочіе, чтобы они вели преслѣдованія каждый въ своей епархіи, между тѣмъ, какъ аббата изъ Крудачьо послалъ дѣйствовать въ качествѣ инквизитора въ остальной части Германіи, приказавъ прелатамъ выдавать ему на содержаніе ежедневно по пяти флориновъ золотомъ. Крупные архіепископы рѣшили приступить къ дѣлу только въ 1310 г.; но результаты ихъ трудовъ были не велики. Впрочемъ, въ 1310 г. трирскій и кельнскій архіепископы уступили свои инквизиторскія полномочія Бурхарду Марбургскому за обладаніе имуществомъ и землями тампліеровъ; Климентъ утвердилъ эту передачу, предписавъ Бурхарду дѣйствовать, какъ можно, энергичнѣе. Относительно же лично самихъ тампліеровъ началось слѣдствіе въ Трирѣ: было допущено семнадцать свидѣтелей, въ томъ числѣ три тампліера; дѣло кончилось оправданіемъ подсудимыхъ. Майнцскій архіепископъ Петръ, навлекшій на себя недовольство Климента тѣмъ, что передалъ своимъ суффраганамъ папское полномочіе относительно имуществъ тампліеровъ, былъ, въ концѣ концовъ, вынужденъ созвать 11-го мая 1310 г. провинціальный соборъ. Неожиданно явился безъ всякаго приглашенія коммандоръ Грумбаха вильдграфъ-рингграфъ Гуго Сальмъ въ сопровожденіи двадцати вооруженныхъ рыцарей. Сначала испугались какой-нибудь бурной стычки. Архіепископъ спросилъ у Гуго, какое заявленіе ему желательно сдѣлать; тампліеръ подтвердилъ невиновность ордена: братья, преданные огню, упорно отвергали обвиненія, и истина ихъ отрицаній была засвидѣтельствована тѣмъ фактомъ, что огонь пощадилъ крестъ ихъ плащей; вѣра въ это чудо имѣла огромное вліяніе на общественное мнѣніе. Въ заключеніе тампліеръ обращался съ жалобой къ будущему папѣ и всей Церкви, и архіепископъ во избѣжаніе безпорядковъ принялъ этотъ протестъ. Узнавъ объ этихъ событіяхъ,

---

[1]) Gassari «Annal. Augsburgens.» ann. 1312 (Menken, «Script.» I, 1473).—Torquati «Series Pontif. Magdeburg.» ann. 1307—8 (Menken, III, 390).—Raynald. ann. 1310, № 40.—Chron. Episc. Magdeburgens. c. XXVII, § 3 (Ludewig, IV, 408).—Bothonis «Chron.» ann. 1311 (Leibnitz, III, 374).—Wilcke, II, 242, 246, 324—5.—Regest. Clement. PP. V. T. V, 271.—Schmidt, «Päbstliche Urkunden und Regesten», Галле, 1886, стр. 77.—Havemann, 333.

Библиотека "Руниверс"

Климентъ приказалъ снова собраться собору и исполнить свой долгъ. Приказаніе папы было исполнено. Вильдграфъ Фридрихъ Сальмъ, братъ Гуго Сальма и магистръ рейнской провинціи, предложилъ подвергнуться испытанію раскаленнымъ докрасна желѣзомъ, но это было найдено безполезнымъ. Было допрошено 49 свидѣтелей, въ томъ числѣ тридцать семь тампліеровъ; всѣ они подтвердили подъ присягой невиновность ордена. Двѣнадцать свидѣтелей, не принадлежавшихъ къ ордену тампліеровъ, были знатные люди, и всѣ они краснорѣчиво показали въ пользу ордена. Почтенный священникъ Іоаннъ показалъ, что во время голода, когда цѣна мѣры пшеницы поднялась съ трехъ су до тридцати трехъ, тампліерскій монастырь въ Мостерѣ ежедневно кормилъ тысячу людей. Результатомъ былъ оправдательный приговоръ. Папа, весьма недовольный этимъ, приказалъ Бурхарду Марбургскому взять это дѣло въ свои руки. Весьма вѣроятно, что Бурхардъ охотно повиновался этому, но мы не знаемъ, какой успѣхъ имѣлъ онъ. Архіепископъ Петръ продолжалъ прилагать старанія окончить дѣло миромъ; и когда на другой день Вьеннскаго собора онъ долженъ былъ выдать госпитальерамъ имущество тампліеровъ, то потребовалъ отъ новыхъ собственниковъ подтвержденія условія, въ силу котораго обитель Топфштадта, если папа возстановитъ орденъ, должна быть возвращена ея старымъ хозяевамъ [1]).

Въ Италіи тампліеры были немногочисленны, и папа могъ тамъ легче руководить дѣломъ ихъ уничтоженія. Въ Неаполѣ воззваніе Эдуарда II осталось безъ отклика. Анжуйская династія была настолько тѣсно связана съ папствомъ, что не задумываясь послѣдовала приказаніямъ папы, и когда экземпляръ буллы Pastoralis praeeminentiae, изданной 21-го ноября 1307 г., былъ полученъ Робертомъ, герцогомъ Калабрійскимъ, сыномъ Карла II, то онъ немедленно приступилъ къ дѣлу. Указъ арестовать тампліеровъ и секвестровать ихъ имущество былъ тотчасъ же разосланъ по всѣмъ провинціямъ, подчиненнымъ неаполитанской коронѣ. Филиппу, младшему сыну Карла, герцогу Ахаіи и Румыніи, было тотчасъ же предложено строго выполнить во всѣхъ владѣніяхъ Леванта папскія предписанія. 3-го января 1308 г. должностныя лица Прованса и Форкалькье получили приказъ произвести аресты 13-го числа того же мѣсяца. Въ этихъ округахъ орденъ насчитывалъ много членовъ, но, по всей вѣроятности, большинство ихъ бѣжало, такъ какъ арестовано было только сорокъ восемь, которые, какъ думаютъ, были судимы и казнены, хотя изъ одного документа мы видимъ, что Альбертъ де Блака, наставникъ Эи С.-Мориса, заключенный въ тюрьму въ 1308 г., занималъ еще въ 1318 г. съ согласія госпитальеровъ командорство въ С.-Морисѣ. Движимое имущество тампліеровъ было раздѣлено между папой и королемъ; земли же были отданы госпитальерамъ. Въ собственно Неаполитанскомъ королевствѣ инквизиторы, какъ можно было предполагать, не встрѣтили помѣхи и могли, благодаря своимъ обычнымъ пріемамъ, собрать желанныя свидѣтельскія показанія; это видно, по крайней мѣрѣ, изъ нѣсколькихъ отрывочныхъ документовъ, относящихся къ папской комиссіи, посланной въ 1310 г. собрать улики противъ ордена вообще и въ частности противъ Одо де Вальдрикъ, великаго наставника Апуліи. То же можно сказать и о Сициліи, гдѣ, какъ мы уже видѣли, Фридрихъ Арагонскій ввелъ Инквизицію въ 1304 г. [2]).

Для Папской Области мы имѣемъ нѣсколько болѣе полныя свѣдѣнія о концѣ дѣла; но мы не знаемъ ничего о томъ, что происходило во время арестовъ: несомнѣнно, что въ

---

[1]) Harduin. VII, 1353.—Regest. Clement. PP. V. T. IV, 3—4; T. V, 272.—Du Puy, op. cit. 62—3, 130—1.—Schmidt, «Päbstliche Urkunden», 77.—Raynald. ann. 1310, № 40.—Raynouard, op. cit. 127, 170.—Joh. Latomi «Cat. Archiep. Mogunt.» (Menken. III, 529).—H. Mutii «Chron.» lib. XXII, ann. 1311.—Wilke, op. cit. II, 243, 246, 325, 339.—Schottmüller, op. cit. I, 445—6.

Даже самъ Райнальдъ, какъ на доказательство невиновности тампліеровъ, указываетъ на тотъ фактъ, что кресты ихъ одеждъ не были сожжены (ann. 1308, № 12).

[2]) Mag. Bull. Roman. IX, 131—2.—Archivio di Napoli, Mss. Chioccarello. T. VIII.—Du Puy, op. cit. 63—4, 87, 222—6.—Raynouard, op. cit. 200, 279—84.—Schottmüller, op. cit. II, 108 и слѣд.

Библиотека "Руниверс"

областяхъ, непосредственно подчиненныхъ Клименту, приказанія буллы 22-го ноября 1307 г. были исполнены буквально, что всѣ члены ордена были арестованы и что были примѣнены извѣстныя мѣры, чтобы вырвать у нихъ признанія. Когда была послана въ Парижъ папская комиссія, чтобы дать ордену время подготовиться къ защитѣ въ виду Вьеннскаго собора, то поторопились послать въ другія мѣста подобныя же комиссіи, вооруженныя инквизиторскими полномочіями. До насъ дошелъ отрывокъ донесенія, составленнаго епископомъ Сутри, Джакомо и магистромъ Пандольфо ди Сабелло, которые получили инквизиторскія полномочія на всю Папскую Область; хотя документъ этотъ, къ сожалѣнію, не полонъ, тѣмъ не менѣе, онъ даетъ намъ возможность увидѣть, какая дѣйствительная цѣль скрывалась подъ показнымъ дѣломъ этихъ комиссій. Въ октябрѣ 1309 г. инквизиторы начали свои работы въ Римѣ; никто не явился передъ ними, хотя они вызывали не только всѣхъ членовъ ордена, но и всѣхъ, кто могъ бы пролить свѣтъ на это дѣло. Въ декабрѣ они явились въ Витербо, гдѣ сидѣло въ тюрьмѣ пять тампліеровъ, отказавшихся выступить на защиту своего ордена. Въ январѣ 1310 г. мы видимъ ихъ въ Сполето, гдѣ они не нашли ни тампліеровъ, ни свидѣтелей. Въ февралѣ они перебрались въ Ассизи и приняли новыя мѣры; они приказывали приводить къ нимъ всѣхъ тампліеровъ и ихъ покровителей; то же продѣлали они въ мартѣ въ Губбіо, но новая мѣра и здѣсь не имѣла успѣха. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ они вызвали въ Аквилѣ свидѣтелей, чтобы только узнать, владѣютъ ли тампліеры какой-нибудь церковью въ Абруццо; но даже самъ наставникъ госпитальеровъ не могъ дать имъ по этому вопросу никакихъ указаній. Тогда собрали всѣхъ мѣстныхъ францисканцевъ, но они не могли сказать ничего дурного объ орденѣ. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого инквизиторы придумали въ Пеннѣ новый порядокъ: они пригласили явиться передъ ними всякаго тампліера или постороннаго, кто только пожелаетъ защищать орденъ. На этотъ разъ открыли двухъ тампліеровъ, которыхъ неоднократно вызывали явиться лично и которые отказались выступить въ защиту ордена. Одного изъ нихъ, Готье Неаполитанскаго, простили, такъ какъ не были вполнѣ увѣрены, принадлежалъ ли онъ къ ордену тампліеровъ; что касается второго, по имени Чекко, то его привели къ инквизиторамъ, и онъ разсказалъ имъ объ идолѣ, сохранявшемся для поклоненія вѣрныхъ въ одномъ изъ наставничествъ Апуліи. Въ маѣ комиссіи удалось захватить въ Кіети еще одного тампліера, сознавшагося въ отрицаніи отъ Христа, въ почитаніи идоловъ и въ другихъ преступленіяхъ.

Около 23-го мая они возвращались въ Римъ и разсылали новые вызовы съ такимъ же успѣхомъ, какъ и въ первый разъ. На слѣдующей недѣлѣ они снова были въ Витербо; они рѣшили добиться показаній отъ пяти заключенныхъ въ тюрьмѣ въ этомъ городѣ; но послѣдніе еще разъ велѣли сообщить имъ, что никто изъ нихъ не желаетъ явиться передъ инквизиторами или взять на себя защиту ордена. Имъ было послано пять вызововъ, на которые было получено столько же отказовъ; но съ инквизиторами шутки были плохи. Они приказали привести къ себѣ четырехъ изъ арестованныхъ и средствами, о которыхъ нетрудно догадаться, развязали имъ языки. Съ 7-го по 19-ое іюня они заняты были отбираніемъ показаній отъ своихъ жертвъ, которыя сознались въ томъ, что они отрекались отъ Христа, плевали на крестъ и т. д. и вообще показали **свободно и безъ принужденія** все, что надобно. 3-го іюля инквизиторы были уже въ Альбано и по обыкновенію послали вызовы, но 8-го ихъ посланный вернулся и сказалъ, что не могъ найти ни одного тампліера ни въ Кампаніи, ни въ Приморской области; столь же безплоднымъ было засѣданіе въ Веллетри 16-го числа. На другой день они вызвали другихъ свидѣтелей; явилось восемь духовныхъ лицъ, но они не могли ничего сказать. Послѣ этого въ Сеньи комиссары допросили пять свидѣтей, которые не показали ничего противъ тампліеровъ. Та же неудача сопровождала ихъ въ Кастель Фаджоле и въ Тиволи; но 27-го числа къ нимъ былъ приведенъ въ Паломбару изъ Пенны Готье Неаполитанскій; разумѣется, болѣе

Библиотека "Руниверс"

уже не могло быть сомнѣній въ его принадлежности къ ордену. На этотъ разъ упорство инквизиторовъ было вознаграждено разоблаченіемъ многихъ подробностей относительно еретическихъ обрядовъ. На этомъ кончается отчетъ. Это энергичное разслѣдованіе, веденное въ теченіе девяти мѣсяцевъ на такомъ обширномъ пространствѣ, кончилось только открытіемъ восьми тампліеровъ и семи свидѣтелей, показавшихъ противъ ордена [1])! Если мы допустимъ даже, что нѣкоторымъ тампліерамъ удалось остаться не замѣченными, то и тогда этотъ документъ свидѣтельствуетъ, какъ и дальнѣйшее дѣлопроизводство въ Италіи, что число тампліеровъ на полуостровѣ было весьма незначительно.

Въ другихъ мѣстахъ полуострова булла, обнародованная Климентомъ въ 1307 г. и приказывавшая архіепископамъ начать разслѣдованіе, повидимому, исполнялась не особенно строго.

Первой мѣрой, о которой мы находимъ упоминаніе, былъ приказъ, данный въ 1308 г. инквизиторомъ Ломбардіи, братомъ Оттономъ, о выдачѣ трехъ тампліеровъ подестѣ Казале. Надо было, несомнѣнно, дать новый толчекъ преслѣдованію. Въ 1309 г. архіепископъ Пизы, Джованни, былъ назначенъ папскимъ нунціемъ съ полномочіемъ вести дѣло въ Тосканѣ, Ломбардіи, Далмаціи и Истріи съ жалованіемъ по восемь флориновъ въ день, которые слѣдовало взыскивать съ имущества тампліеровъ. Въ Анконѣ Фанскій епископъ допросилъ одного тампліера, который ни въ чемъ не сознался, и девятнадцать другихъ свидѣтелей, показанія которыхъ не могли дать матеріала для обвиненія; въ Чезенѣ въ Романіи архіепископъ равеннскій и епископъ Римини допросили двухъ тампліеровъ, которые подтвердили невинность ордена. Архіепископъ, бывшій папскимъ инквизиторомъ по дѣлу тампліеровъ Ломбардіи, Тосканы, Тревизанской Марки и Истріи, распространилъ свои розыски на большую часть Ломбардіи; но, повидимому, большого успѣха не имѣлъ. По всей Италіи были разосланы папскія граматы, въ которыхъ инквизиторамъ вмѣнялось въ обязанность разыскивать имущества тампліеровъ; архіепископы Равенны и Пизы были назначены администраторами этихъ имуществъ, которыя были сданы въ аренду и доходы съ которыхъ должны были поступить Клименту. Райнальдо Равеннскій симпатизировалъ тампліерамъ и отъ него нельзя было ждать достаточно энергичныхъ дѣйствій. Въ 1309 г. онъ созвалъ въ Болоньѣ синодъ, на которомъ сдѣлали видъ, что принялись за дѣло, но безъ всякаго результата; когда въ 1310 г. прибылъ въ Равенну съ папскими буллами его викарій Бонинконтро, то Райнальдо не скрылъ своего расположенія къ обвиняемымъ; но, въ концѣ концовъ, ему все же пришлось начать дѣйствовать. 25-го ноября 1310 г. онъ выпустилъ объявленіе, возвѣщавшее, что папа приказалъ собраться провинціальнымъ соборамъ для допроса тампліеровъ и суда надъ ними. Согласно съ этимъ предписаніемъ архіепископъ созывалъ провинціальный соборъ, который долженъ былъ собраться въ Равеннѣ въ январѣ 1311 г., и онъ предлагалъ инквизиторамъ представить свидѣтельскія показанія, собранныя при помощи пытки. Соборъ собрался и обсуждалъ дѣло, не придя ни къ какому заключенію. Другой соборъ былъ созванъ на 1-ое іюня въ Болоньѣ, но затѣмъ его перенесли въ Равенну и отложили до 18-го іюня. На этотъ разъ епископамъ было приказано привести подъ надежной стражей всѣхъ тампліеровъ ихъ епархій, такъ что 19-го іюня передъ соборомъ предстало семь тампліеровъ. Соборъ предложилъ имъ принести присягу, допросилъ ихъ seriatim относительно всѣхъ обвиненій, перечисленныхъ папою, и получилъ единодушное отрицаніе вины. Тогда епросили соборъ, слѣдуетъ ли подвергнуть обвиняемыхъ пыткѣ; отвѣтъ, несмотря на протесты двухъ участвовавшихъ въ засѣданіи доминиканцевъ, былъ отрицательный. Было рѣшено, что въ виду близости Вьеннскаго собора виновные не будутъ отосланы къ папѣ, а подвергнутся purgatio. Собравшись, однако, на другой день, соборъ пересмотрѣлъ свое первое рѣшеніе и единогласно постановилъ

[1]) Schottmüller, op. cit. II, 406—10.

Библиотека "Руниверс"

простить невиновныхъ и наказать виновныхъ; къ числу невиновныхъ онъ отнесъ тѣхъ, которые, сознавшись подъ страхомъ пытки, отреклись потомъ отъ своихъ признаній, а также тѣхъ, которые отреклись бы отъ своихъ словъ, если бы могли не бояться новаго примѣненія пытки. Что касается ордена въ его цѣломъ, то соборъ высказался въ томъ смыслѣ, чтобы его пощадили, если невиновные окажутся въ немъ въ большинствѣ, а виновные будутъ вынуждены отречься и понести наказаніе въ самомъ орденѣ. Кромѣ семи рыцарей, среди обвиняемыхъ было еще пять братьевъ; имъ приказали оправдаться 1-го августа присягою семи соприсяжниковъ въ присутствіи болонскаго епископа Уберто. До насъ дошли двѣ изъ этихъ purgationes; по всей вѣроятности, всѣмъ подсудимымъ удалось выполнить эту формальность. Неудивительно, что Климентъ пришелъ въ негодованіе отъ этого нарушенія всѣхъ инквизиціонныхъ обычаевъ и приказалъ отправить рецедивистовъ на костеръ. Повидимому, это приказаніе не было исполнено, такъ какъ епископъ Бини утверждаетъ, что въ Италіи не былъ сожженъ ни одинъ тампліеръ. Мало того, соборъ, назначая делегатовъ на Вьеннскій соборъ, велѣлъ имъ стоять противъ уничтоженія ордена, если не будетъ установлена его общая испорченность.

Для Тосканы и Ломбардіи Климентъ далъ особое полномочіе инквизиторовъ архіепископу Пизы, Джованни, епископу Флоренціи, Антонію и канонику Вероны, Петру Джудичи. Имъ было приказано начать розыски какъ относительно отдѣльныхъ братьевъ, такъ и относительно всего ордена. Они собрали во Флоренціи соборъ въ сентябрѣ 1310 г., а затѣмъ по настоянію папы въ сентябрѣ и октябрѣ 1311 г. Они не остановились ни передъ чѣмъ, широко примѣнили пытку и такимъ образомъ собрали, какъ мы увидимъ ниже, извѣстное число свидѣтельскихъ показаній, благопріятныхъ обвиненію, которыя поторопились переслать Клименту. Венеція отсрочила великодушно неизбѣжное уничтоженіе ордена, и когда наступилъ этотъ роковой день, тамъ не произошло никакихъ безполезныхъ жестокостей [1]).

Кипръ было главною квартирой ордена; здѣсь была резиденція маршала Аймa д'Озилье, главы тампліеровъ, въ отсутствіи гросмейстера. Здѣсь также собирался Конвентъ или рѣшающее собраніе. Папская булла, въ которой приказывалось арестовать тампліеровъ, была получена на островѣ только въ маѣ 1308 г., и нечего было думать произвести арестъ тайно и внезапно, такъ какъ тампліеры знали уже о томъ, что произошло во Франціи. Число враговъ ихъ было велико вслѣдствіе участія, которое они приняли въ политическихъ распряхъ эпохи; только черезъ нихъ регентъ Амори Тирскій могъ добиться власти. Онъ поторопился повиноваться предписаніямъ, полученнымъ изъ Рима, однако, не безъ нѣкотораго страха, такъ какъ тампліеры сначала приняли оборонительное положеніе. Но сопротивленіе для нихъ было невозможно, и черезъ нѣсколько недѣль они покорились; имущество ихъ было секвестровано, сами они были арестованы на честное слово; въ таинствахъ имъ отказано не было. Подобное положеніе продолжалось два года; затѣмъ въ апрѣлѣ 1310 г. аббату изъ Алэ и старшему священнику изъ Ріети Томассо, въ качествѣ папскихъ инквизиторовъ, было поручено начать разслѣдованіе, какъ относительно отдѣльныхъ братьевъ, такъ и всего ордена вообще, при помощи епископовъ Лиммессо и Фамагосты. Слѣдствіе началось 1-го мая и тянулось до 15-го іюня, когда дѣло было сразу оставлено, несомнѣнно, вслѣдствіе волненія, вызваннаго убійствомъ регента Амори. Всѣ тампліеры острова, числомъ семьдесятъ пять, и пятьдесятъ шесть другихъ свидѣтелей были

[1]) Regest. Clement. PP. V. T. IV, 301.—Bini, op. cit. 420—1, 424, 427—8.—Raynald. ann. 1309, № 3.—Raynouard, op. cit. 273—77.—Chron. Parmens. ann. 1309 (Muratori «S. R. I.» IX, 880).—Du Puy, op. cit. 57—8.—Rubei «Hist. Ravennat.» изд. 1589 г., стр. 517, 521, 522, 524, 525, 526.—Campi, «Dell'Hist. Eccles. di Piacenza», P. III, 41.—Barbarano dei Mironi, «Hist Eccles. di Vicenza», II, 157—8.—Bzovii «Annal.» ann. 1308, № 3.—Anton, «Versuch einer Geschichte des Tempelherrenordens», Лейпцигъ, 1779 г., стр. 139.

Библиотека "Руниверс"

надлежащимъ образомъ допрошены по всѣмъ многочисленнымъ пунктамъ обвиненія. Единодушное отрицаніе виновности, выказанное всѣми тамплiерами, и ихъ смѣлое утвержденіе чистоты ордена показываютъ, что пытка не была примѣнена. Но еще болѣе ясно выступаетъ ихъ невинность изъ показаній, данныхъ посторонними свидѣтелями, духовными лицами всѣхъ степеней, вельможами и горожанами; хотя многіе изъ нихъ были политическими врагами обвиняемыхъ, тѣмъ не менѣе всѣ они рѣшительно показали въ пользу ордена. По словамъ нѣкоторыхъ изъ этихъ свидѣтелей, имъ были извѣстны только факты, дѣлавшіе честь ордену. Всѣ подробно говорили о милостивой щедрости ордена; нѣкоторые остановились на горячей ревности, съ которой тамплiеры выполняли свои религіозныя обязанности. Одинъ или два свидѣтеля упомянули о подозрѣніяхъ, возбужденныхъ въ народѣ таинственностью, окружающей засѣданія капитуловъ и пріемъ неофитовъ; доминиканскій пріоръ Никозіи повторилъ слухи, принесенные его собратьями изъ Франціи послѣ арестовъ тамплiеровъ, а пріоръ госпитальеровъ Симонъ де Сарезаріисъ сказалъ, что онъ получилъ отъ своихъ корреспондентовъ подобныя же свѣдѣнія; но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что на Кипрѣ, гдѣ тамплiеровъ знали лучше, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, къ нимъ чувствовали симпатію не только друзья, но и враги, и особенно всѣ тѣ, кто долгое время былъ съ ними въ близкихъ отношеніяхъ; никто не поставилъ въ вину ордену никакого преступленія, пока виновность его не была такъ безпричинно подтверждена буллами папы.

Когда всѣ эти данныя были. сообщены Клименту, онъ былъ крайне недоволенъ; въ августѣ 1311 г., видя приближеніе Вьеннскаго собора, онъ спѣшно послалъ строгія приказанія подвергнуть тамплiеровъ пыткѣ и получить отъ нихъ нужныя сознанія. Чѣмъ окончилась эта попытка, намъ не говоритъ ни одинъ документъ [1]).

Письмо, посланное Филиппомъ королю Арагонскому, Якову II, 16-го октября 1307 г., сопровождалось письмомъ доминиканца бр. Ромео де Бругера, который писалъ, что онъ лично присутствовалъ при сознаніи Іакова Молэ и многихъ другихъ обвиняемыхъ. Тѣмъ не менѣе, Яковъ, подобно Эдуарду II, отвѣтилъ 17-го ноября горячей похвалой тамплiеровъ своего королевства и отказался арестовать ихъ, пока не получитъ положительныхъ уликъ ихъ виновности или приказаній, исходящихъ отъ самого папы. Черезъ два дня онъ писалъ Клименту, спрашивая его совѣта и прося его указаній; но Климентъ отвѣтилъ только 3-го января 1308 г. Онъ указывалъ Якову на предписанія отъ 22-го ноября и обѣщалъ ему, если онъ послѣдуетъ имъ, вѣчное блаженство. Но Яковъ началъ дѣйствовать раньше полученія этого отвѣта; когда онъ получилъ 1-го декабря 1307 г. посланную съ нарочнымъ буллу 22-го ноября, то сразу пересталъ колебаться. Епископъ Валенсіи Рамонъ и епископъ Сарагоссы Хименесъ де Луна находились въ это время какъ разъ при дворѣ, и король приказалъ имъ произвести тщательное разслѣдованіе о тамплiерахъ каждому въ своей епархіи. Одновременно съ этимъ инквизитору Арагоніи брату Хуану Льотгеру было предложено уничтожить ересь. Такъ какъ ожидали нѣкотораго сопротивленія, то 3-го декабря были разосланы королевскія граматы, въ которыхъ приказывалось немедленно арестовать всѣхъ членовъ ордена и секвестровать ихъ имущество. Инквизиторъ издалъ указы, вызывавшіе тамплiеровъ явиться на судъ предъ его трибуналомъ въ доминиканскомъ монастырѣ въ Валенсіи, чтобы изложить свою вѣру; всѣмъ мѣстнымъ чиновникамъ запрещалось при этомъ оказывать помощь обвиняемымъ. Равнымъ образомъ Яковъ созвалъ на 6-ое января 1308 г. соборъ прелатовъ для обсужденія дѣла совмѣстно съ инквизиторомъ. Но даже и это рвеніе не удовлетворило нетерпѣнія Климента; въ граматѣ отъ 22-го января папа говоритъ, что врагъ рода человѣческаго ослабилъ рвеніе короля въ послушаніи приказаніямъ св. Престола, и приказываетъ ему, не колеблясь, дѣлать свое дѣло. Настойчивость Климента вызывалась скорѣй его нетерпѣніемъ, чѣмъ мягкостью Якова. Было

[1]) Schottmüller, op. cit. I, 457—69, 494; II, 147—400.—Du Puy, op. cit 63, 106—7. — Raynouard, op. cit. 285.

Библиотека "Руниверс"

произведено много арестовъ; нѣкоторые изъ братьевъ сбрили себѣ бороды, сняли свои одежды и успѣли скрыться; другіе пытались бѣжать моремъ, захвативъ съ собою бо́льшую часть своего богатства, но буря выбросила ихъ на берегъ, и они были арестованы. Но большинство рыцарей заперлось въ своихъ замкахъ. Рамонъ Са Гвардіа, наставникъ изъ Масъ Дё въ Руссильонѣ, дѣйствуя въ качествѣ намѣстника командора въ Арагоніи, укрѣпился въ Мираветѣ; другіе заняли крѣпости Асконъ, Монтсо, Кантавіеха, Вилель, Кастельотъ и Чаламера. 20-го января 1308 г. они были вызваны явиться на Таррагонскій соборъ; они отказались, и Яковъ обѣщалъ прелатамъ употребить всѣ силы государства, чтобы привести этихъ мятежниковъ. Но задача оказалась далеко не изъ легкихъ. Всѣ свѣтскіе сеньоры, за исключеніемъ графа Ургельскаго, виконта Рокаберти и епископа Гирона, обѣщали свое содѣйствіе; но тамплiеры пользовались симпатіями всего населенія. Много молодыхъ людей хорошихъ фамилій стало на ихъ сторону и присоединилось къ нимъ въ ихъ замкахъ; что же касается массы населенія, то оно безъ всякой охоты повиновалось приказанію поднять оружіе противъ нихъ. Рыцари защищались мужественно. Первою сдалась на капитуляцію крѣпость Кастельотъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ; немного спустя Са Гвардіа, запертый въ Мираветѣ, получилъ отъ короля и не принялъ ультиматумъ, которымъ тамплiерамъ разрѣшалось выйти изъ крѣпости съ оружіемъ и удалиться группами по-двое и по-трое въ назначенныя для нихъ мѣста; они не имѣютъ права удаляться со своихъ мѣстъ жительства на разстояніе, въ три раза большее полета стрѣлы изъ лука, и будутъ получать на свою жизнь щедрое содержаніе; король же, съ своей стороны, попроситъ папу, чтобы онъ приказалъ епископамъ и инквизиторамъ ускорить дѣло. 18-го октября Са Гвардіа обратился съ воззваніемъ къ папскому вице-канцлеру Арнольду Фонфруа, а 22-го октября къ самому Клименту. Онъ выставлялъ заслуги ордена передъ вѣрой; много рыцарей, плѣненныхъ сарацинами, томилось въ темницахъ въ теченіе двадцати или тридцати лѣтъ, тогда какъ отреченіе отъ вѣры сразу дало бы имъ свободу и богатство; даже въ данную минуту 70 тамплiеровъ терпятъ это тяжелое испытаніе. Сами по себѣ они готовы явиться на судъ папы или защищать свою вѣру противъ обвинителей съ оружіемъ въ рукахъ, какъ это подобаетъ рыцарямъ, но у нихъ нѣтъ ни прелатовъ, ни адвокатовъ, чтобы защищать ихъ дѣло въ судѣ; это дѣло папы.

Мираветъ былъ уже вынужденъ сдаться на капитуляцію, когда Климентъ 5-го января 1309 г. рѣшилъ отвѣтить на воззваніе Са Гвардіи; онъ ловко заявлялъ, что, такъ какъ тамплiеры передали себя и свое имущество въ его руки, то онъ послалъ, въ качествѣ спеціальнаго комиссара для пріема всего этого Бертрана, пріора монастыря св. Кассіана въ Безье. Остальныя крѣпости тамплiеровъ скоро должны были уступить; только крѣпости Монтсо и Чаламера держались твердо до іюля. Миссія Бертрана не была удачна. Ему было приказано передать въ руки короля самихъ обвиняемыхъ и ихъ имущество, а взамѣнъ этого онъ долженъ былъ получить отъ короля росписки, достодолжнымъ образомъ скрѣпленныя королевской печатью; но Яковъ не былъ расположенъ отказываться отъ своихъ правъ на захваченное имущество. Онъ сослался на то, что большая часть этого имущества происходила отъ короны, и что ему очень дорого стоили осады; онъ соглашался обѣщать только одно, что въ случаѣ, если соборъ уничтожитъ орденъ, онъ возвратитъ имущество, сохранивъ право короны на вознагражденіе. Что касалось самихъ тамплiеровъ, то здѣсь король былъ болѣе сговорчивъ: 14-го іюля онъ послалъ своимъ вигье приказъ выдать узниковъ инквизиторамъ и епископамъ по ихъ первому требованію.

Въ 1310 г. Климентъ послалъ въ Арагонію, какъ и въ другія мѣста, папскихъ инквизиторовъ, спеціально уполномоченныхъ вести дѣло. Эти лица встрѣтили тѣ же затрудненія, что и ихъ товарищи въ Англіи, такъ какъ въ Арагоніи законъ не признавалъ пытки. Въ 1325 г. кортесы протестовали противъ примѣненія этого метода и противъ инквизиціоннаго судопроизводства, какъ нарушающихъ установленныя свободы

Библиотека "Руниверс"

страны; король принялъ протестъ и обѣщалъ, что пытка будетъ примѣняема только къ фальшивомонетчикамъ и то только въ томъ случаѣ, если послѣдніе будутъ иностранцами или бродягами. Однако, противъ тампліеровъ инквизиторы дѣйствовали, какъ только могли. По ихъ просьбѣ король 5-го іюля 1310 г. приказалъ своимъ бальи заковать узниковъ въ цѣпи и обращаться съ ними болѣе строго. Тогда вмѣшался Таррагонскій соборъ и потребовалъ, чтобы обвиняемыхъ держали подъ строгимъ карауломъ, но чтобы не заставляли ихъ страдать, такъ какъ виновность ихъ еще ничѣмъ не доказана, и дѣло ихъ не рѣшено еще окончательно. Вслѣдствіе этого король 20-го октября приказалъ предоставить имъ полную свободу внутри замковъ, въ которыхъ они были заключены, взявъ съ нихъ обѣщаніе, что они не убѣгутъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ будутъ признаны еретиками. Этотъ пріемъ не могъ доставить инквизиторамъ необходимыя свидѣтельскія показанія, и Климентъ 18-го марта 1311 г. потребовалъ, чтобы обвиняемые были выданы «монаху-пытателю», который подвергнетъ ихъ пыткамъ, согласно съ канонами; онъ предложилъ Якову оказать ему серьезное содѣйствіе, такъ какъ до сего дня дѣло доведено только до «тяжелаго подозрѣнія».

Сначала это жестокое приказаніе не было исполнено. Въ маѣ тампліеры умоляли короля понудить архіепископа Таррагоны разсмотрѣть ихъ дѣло на имѣющемся открыться соборѣ; Яковъ обратился по этому поводу къ архіепископу, но безъ всякаго результата. Въ августѣ онъ приказалъ заключить ихъ въ оковы и подвергнуть строгому тюремному заключенію. Очевидно, представители папы теряли терпѣніе: приближалось время открытія Вьеннскаго собора, а все еще не были удовлетворены желанія папы, требовавшаго свидѣтельскихъ показаній противъ обвиняемыхъ. Наконецъ, наканунѣ открытія собора король уступилъ папѣ. 29-го сентября онъ издалъ указъ, предписывавшій Гумберту де Кандепонтъ, одному изъ королевскихъ судей, присутствовать на судѣ; приговоръ должны были вынести Педро де Монтклюсъ и Хуанъ де Слотгеръ вмѣстѣ съ епископами Лериды и Вича, спеціально назначенными для этого папой. До насъ не дошло никакихъ подробностей о слѣдствіи; но, очевидно, не поскупились на пытку, такъ какъ королевская грамата отъ 3-го декабря приказываетъ приготовить лѣкарства для тѣхъ тампліеровъ, которымъ понадобится оно послѣ примѣненія пытки или вслѣдствіе болѣзни. Наконецъ, въ мартѣ 1312 г. таррагонскій архіепископъ потребовалъ, чтобы представили обвиняемыхъ на его провинціальный соборъ, который вотъ-вотъ долженъ былъ собраться; король согласился, но не пришли ни къ какому заключенію, несомнѣнно, потому, что продолжались еще засѣданія Вьеннскаго собора. Когда было объявлено Климентомъ уничтоженіе ордена, и судьба членовъ его была предоставлена рѣшенію помѣстныхъ соборовъ, то 18-го октября 1312 г. состоялся въ Таррагонѣ соборъ, чтобы рѣшить этотъ давно ожидавшій рѣшенія вопросъ. Тампліеры явились на соборъ и подверглись строгому допросу. 4-го ноября состоялось публичное объявленіе приговора; онъ былъ оправдательный; несмотря на всѣ заблужденія, преступленія и клеветы, возведенныя на подсудимыхъ, они были объявлены внѣ всякаго подозрѣнія; никто не смѣлъ нападать на ихъ честное имя. Въ виду уничтоженія ордена совершенно не знали, что дѣлать съ этими людьми; послѣ долгаго обсужденія постановили, чтобы они жили въ тѣхъ епархіяхъ, гдѣ находились ихъ владѣнія, и получали содержаніе, соотвѣтственно доходамъ съ ихъ конфискованныхъ земель. Это рѣшеніе было приведено въ исполненіе. Когда имущество тампліеровъ перешло въ руки госпитальеровъ, то на нихъ перешло и это обязательство. Роспись денегъ, выдаваемыхъ въ силу этого постановленія госпитальерами тампліерамъ въ 1319 г., позволяетъ заключать, что къ тампліерамъ относились щедро, и что они получали все, что имъ слѣдовало [1]).

[1]) Allart, «Bulletin de la Société des Pyrénées Orientales», 1867, T. XV, 37—42, 67—9, 72, 76—8, 94—6.— Villanueva, «Viage Literario», V, 183; XIII, 195; XIX, 197.— Benavides, «Memorias de Fernando IV. Coleccion Diplomatico», T. II, 593, 595, 615, 617, 629—31, 788.—

Библиотека "Руниверс"

Яковъ I Майоркскій не могъ противиться давленію, которое производили на него Филиппъ Красивый и Климентъ. Его маленькое королевство состояло изъ Балеарскихъ острововъ, графствъ Руссильона и Серданьи, сеньоріи Монпелье и нѣкоторыхъ другихъ разбросанныхъ владѣній, которыми онъ пользовался по милости своего могущественнаго сосѣда. Поэтому онъ тотчасъ же повиновался папскимъ буллamъ отъ 22-го ноября 1307 г. Въ концѣ того же мѣсяца всѣ тамплiеры, находившіеся въ его владѣніяхъ, были арестованы и заключены въ тюрьмы. Единственное наставничество Руссильона находилось въ Масъ Дё, одной изъ самыхъ сильныхъ крѣпостей страны; здѣсь заперлись вмѣстѣ всѣ тамплiеры, числомъ двадцать пять человѣкъ; среди нихъ находился и наставникъ Рамонъ Са Гвардіа, храбрый защитникъ Миравета, который послѣ своей капитуляціи былъ вытребованъ королемъ Майорки и добровольно явился присоединиться къ своимъ братьямъ. О томъ, что произошло на островахъ, мы ничего не знаемъ, кромѣ простого факта ареста; но за тѣмъ что происходило на континентѣ, мы можемъ прослѣдить довольно точно.

Руссильонъ входилъ въ составъ епархіи Эльна, викарной нарбоннской архіепископіи. 5-го мая 1309 г. архіепископъ послалъ епископу Эльна, Рамону Коста, списокъ главныхъ пунктовъ обвиненія, а также папскую буллу, въ которой приказывалось произвести розыскъ. Добродушный епископъ, повидимому, не выразилъ большой готовности повиноваться; ссылаясь на свое нездоровье, онъ отложилъ дѣло до января 1310 г., когда, согласно полученнымъ предписаніямъ, онъ пригласилъ двухъ францисканцевъ и двухъ доминиканцевъ и совмѣстно съ ними и двумя изъ своихъ епископскихъ капониковъ приступилъ къ допросу арестованныхъ. Повидимому, пытка не была примѣнена, такъ какъ всѣ обвиняемые за все долгое время допросовъ единогласно въ существенномъ подтвердили чистоту и благочестіе ордена; ихъ капелланъ въ доказательство представилъ требникъ пріема въ орденъ, написанный на народномъ языкѣ и начинавшійся словами: Quan alcun proom requer la compaya de la Mayso. Съ гордымъ негодованіемъ они отказались вѣрить, что гросмейстеръ и высшая братія ордена признали истинность обвиненій; но если это дѣйствительный фактъ, то эти измѣнники нагло соврали и были, по выраженію одного изъ нихъ, демонами въ образѣ человѣка. Что касается пояса цѣломудрія, то одинъ братъ-служитель, скромный крестьянинъ, объяснилъ, что братья не только доставали его всюду, гдѣ это казалось имъ удобнымъ, но что, если случайно при полевыхъ работахъ онъ разрывался, то его тотчасъ же замѣняли сплетеннымъ тростникомъ. Всѣ показанія, дополненныя краткимъ замѣчаніемъ, подтверждавшимъ точность протокола, были препровождены 31-го августа 1310 г. епископомъ Рамономъ папѣ. Этотъ результатъ никоимъ образомъ не могъ удовлетворить Климента. Въ мартѣ 1311 г. папа послалъ строгіе приказы о примѣненіи пытки, которые, несомнѣнно, были выполнены, такъ какъ ризничій Майорки, Жанъ Бургундскій, былъ назначенъ Климентомъ инквизиторомъ противъ тамплiеровъ Арагоніи, Наварры и Майорки. Несомнѣнно, въ этихъ трехъ государствахъ были примѣнены однѣ и тѣ же мѣры. Послѣ Вьеннскаго собора довольно любопытный споръ возникъ по этому поводу между архіепископами Таррагоны и Нарбонны. Первый изъ этихъ прелатовъ былъ такъ же, какъ и епископъ Валенсіи, папскимъ хранителемъ имуществъ тамплiеровъ въ Арагоніи, Майоркѣ и Наваррѣ. Онъ, повидимому, думалъ распространить, пользуясь случаемъ, свою юрисдикцію и на тамплiеровъ Руссильона, и 15-го октября 1313 г. объявилъ Рамона Са Гвардіа прощеннымъ и невиннымъ, приказалъ ему жить такъ же, какъ и его собратьямъ, въ Масъ Дё на пенсію въ триста пятьдесятъ ливровъ и на доходъ отъ садовъ и виноградниковъ; другимъ тамплiерамъ были назначены разныя пенсіи отъ тридцати до ста ливровъ, а въ сентябрѣ 1315 г. архіепископъ нарбоннскій Бернаръ приказалъ Гильену, преемнику епископа

Zurita, «Añales de Aragon», lib. V, c. 72; lib. VI, c. 61.—Regest. Clement PP. V. T. IV, 435 и слѣд.—La Fuente, «Hist. Eccles. de España», II, 369–70.—Ptol. Lucens. «Hist. Eccles.», lib. XXIV (Muratori, «S. R. I.» XI, 1228).—Concil. Tarraconens. ann. 1312. (Aguirre, VI, 233—4).

Библиотека "Руниверс"

Рамона, привести на созванный имъ провинціальный соборъ всѣхъ тампліеровъ, содержащихся въ тюрьмахъ таррагонской епархіи, и одновременно съ этимъ представить документы, относящіеся до дѣлъ этихъ тампліеровъ, чтобы можно было рѣшить участь обвиненныхъ. Король Іаковъ I умеръ въ 1311 г., но его сынъ и наслѣдникъ Санче вмѣшался въ это дѣло и заявилъ, что Климентъ поручилъ ему охрану тампліеровъ, и что онъ не выпуститъ ихъ изъ своихъ рукъ безъ приказанія папы. Папскій престолъ былъ тогда свободенъ, и на избраніе новаго папы въ скоромъ времени разсчитывать нельзя было. Король добавлялъ, что, если тампліеровъ надо будетъ наказать, то только онъ можетъ ихъ судить на своемъ судѣ и, чтобы защитить свою юрисдикцію, обратился съ воззваніемъ къ будущему папѣ и къ ближайшему собору. Мѣра эта имѣла полный успѣхъ: тампліеровъ оставили въ покоѣ. Изъ списка пенсій, выплаченныхъ въ 1319 г., мы видимъ, что изъ двадцати пяти тампліеровъ, допрошенныхъ въ 1310 г. въ Масъ Дё, десять уже умерло; остальные вмѣстѣ съ однимъ братомъ, присоединеннымъ къ нимъ позднѣе, получали въ общемъ девятьсотъ пятьдесятъ ливровъ въ годъ. Равнымъ образомъ, король Санче получилъ отъ Климента бреве, которымъ тампліеры Балеарскихъ острововъ отдавались подъ контроль епископа Майорки, Гильена де Вилланова, склоннаго, повидимому, обращаться съ ними милостиво. Въ спискѣ пенсій за 1319 г. упоминаются еще девять тампліеровъ, получавшихъ въ общемъ въ годъ триста шестьдесятъ два ливра десять су. Въ 1329 г. оставалось въ живыхъ еще девять тампліеровъ, получавшихъ пенсіонъ изъ доходовъ наставничества въ Масъ Дё, хотя большинство изъ нихъ удалилось къ себѣ домой: повидимому, ихъ не заставляли жить строго въ опредѣленномъ мѣстѣ. Въ это время имя неукротимаго Рамона Са Гвардіа уже не встрѣчается. Тампліеры угасали одинъ за другимъ, и въ 1350 г. оставался только одинъ—Беренжеръ десъ Коль [1]).

Въ Кастиліи, повидимому, не было принято никакихъ мѣръ до тѣхъ поръ, пока не была послана прелатамъ изданная 12 августа 1308 г. булла Faciens misericordiam; она приказывала дѣйствовать прелатамъ совмѣстно съ доминиканцемъ Эмерикомъ де Навасъ, имѣвшимъ инквизиторскія полномочія. Фердинандъ IV потребовалъ отъ магистра Кастиліи Родриго Яньеса выдачи всѣхъ замковъ, принадлежащихъ тампліерамъ. Но Яньесъ вмѣсто того, чтобы исполнить это приказаніе, отправился къ вдовствующей королевѣ Маріи де Молина и предложилъ ей эти замки. Она посовѣтовалась съ Фердинандомъ и съ его согласія приняла предложеніе Яньеса. Но за это время Яньесъ вступилъ въ переговоры съ братомъ короля, инфантомъ Филиппомъ, находившимся тогда въ Галисіи и готовымъ поднять возстаніе. Тампліеръ отдалъ ему четыре замка подъ условіемъ, что онъ предложитъ королю отъ имени тампліеровъ слѣдующее: если будетъ начатъ противъ тампліеровъ судъ передъ епископами, то всѣ замки будутъ до истеченія двухъ недѣль отданы королю; если же король не согласится устроить судъ надъ тампліерами, то Филиппъ и орденъ соединятся вмѣстѣ для самозащиты. Королевская власть въ Кастиліи пала очень глубоко вслѣдствіе безпорядковъ во время малолѣтства Фердинанда; возстанія и мятежи были постоянны, и тампліеры, отдавъ себя подъ защиту принца крови, могли, по крайней мѣрѣ, разсчитывать на почетныя условія. Послѣ нѣкотораго промедленія донья Марія прибыла въ Леонъ, гдѣ къ ней присоединился Филиппъ; она показала ему папскія граматы, въ которыхъ приказывалось заключить тампліеровъ въ тюрьму, а имущество ихъ конфиско-

[1]) Allart, op. cit. 31, 42, 66, 69, 72—4, 79, 81—4, 86, 93—8, 105.—«Procès», II, 424—515.—Vaissete, IV, 153.—Villanueva, «Viage Literario», XXI, 169.

Я не нашелъ никакихъ подробностей касательно судьбы тампліеровъ Наварры; но такъ какъ въ 1307 году это королевство перешло къ сыну Филиппа Красиваго, Людовику Сварливому, то, естественно, французскіе пріемы получили тамъ преобладаніе, и папскій инквизиторъ Жанъ Бургонскій могъ свободно получать свидѣтельскія показанія способомъ, какой казался ему наиболѣе дѣйствительнымъ.

Библиотека "Руниверс"

вать, и дала ему понять, что онъ совершаетъ преступленіе, беря на себя защиту людей, отлученныхъ отъ Церкви и обвиненныхъ въ ереси. Въ то же время она обѣщала, что Фердинандъ дастъ имъ аудіенцію передъ прелатами королевства, и Филиппъ уступилъ передъ этими доводами. Яньесъ былъ вызванъ и, увидя, что Филиппъ оставилъ его, позволилъ ему передать королю четыре замка и обязался передать и остальные. За отсутствіемъ Инквизиціи тампліеры были судимы надлежащимъ образомъ епископами. Однако, съ дѣломъ нисколько не торопились; только 15-го апрѣля 1310 г. архіепископъ толедскій Гонзало и епископъ лиссабонскій Хуанъ, въ качествѣ инквизиторовъ, назначенныхъ Климентомъ, вызвали тампліеровъ явиться на судъ 27-го мая въ Медину дель Кампо. Въ вызовѣ были поименованы только восемьдесятъ шесть лицъ, остальные же тампліеры были вызваны всѣ вмѣстѣ, безъ указанія ихъ именъ; но въ Мединѣ допросили тридцать тампліеровъ и трехъ посторонннихъ свидѣтелей, показанія которыхъ были благопріятны для ордена. Одинъ священникъ подъ присягой показалъ, что онъ исповѣдывалъ многихъ тампліеровъ передъ смертью, а также братьевъ, смертельно раненныхъ невѣрными, и всѣ они были вполнѣ хорошими католиками. Розыски, произведенные лиссабонскимъ епископомъ въ Мединѣ Сели и въ Оренсо, также не дали ничего особеннаго. До насъ дошло только одно судебное рѣшеніе—приговоръ, объявленный Саламанкскимъ соборомъ въ отношеніи провинціи Компостелло: всѣ тампліеры были единогласно оправданы; строгіе указы, изданные Климентомъ въ слѣдующемъ году, повелѣвавшіе примѣнять пытку къ обвиняемымъ, повидимому, не были исполнены. Когда орденъ былъ закрытъ, то большинство тампліеровъ продолжало вести примѣрную жизнь. Многіе изъ нихъ удалились въ горы и окончили дни свои, какъ строгіе отшельники; послѣ ихъ смерти тѣла не поддавались тлѣнію, свидѣтельствуя, такимъ образомъ, о святости ихъ жизни [1]).

Португалія въ церковномъ отношеніи принадлежала къ провинціи Компостелло, и лиссабонскій епископъ, которому было поручено произвести слѣдствіе по дѣлу ордена, не могъ найти никакихъ уликъ противъ нихъ. Участь португальскихъ тампліеровъ была исключительно счастливая, такъ какъ король Динисъ, въ благодарность за услуги, оказанныя ими во время войны его съ сарацинами, основалъ новый орденъ Іисуса Христа или de Avis, который былъ по его просьбѣ утвержденъ Іоанномъ XXII въ 1318 г. Тампліеры и ихъ орденъ укрылись въ этомъ вѣрномъ убѣжищѣ; командоръ и много наставниковъ сохранили свое положеніе, и новый орденъ былъ простымъ продолженіемъ стараго [2]).

Однако, Климентъ видѣлъ, что приближался день открытія засѣданій Вьеннскаго собора. До этого времени не удалось получить противъ тампліеровъ ни одной серьезной улики за предѣлами Франціи, гдѣ епископы и инквизиторы были орудіемъ безжалостной воли Филиппа. Быть можетъ, въ началѣ Климентъ былъ невольнымъ соучастникомъ ко-

---

[1]) Regest. Clement. PP. V. T. III, 289, 299.—Crónica de Fernando IV, cap. XV, XVI.—Benavides, «Memorias de Fernando IV», T. II, 738.—Mariana, lib XV, c. 10 (изд. 1789 г., стр. 390, примѣч.).—Raynouard, op. cit., 128, 265—66.—Aguirre, VI, 230.—La Fuente, «Hist. Eccles.» II, 368—70.

Мнѣ кажется, что вкралась какая-то ошибка въ дату королевской граматы отъ 20-го іюля 1308 г., въ которой—ибо папа издалъ рѣшеніе, конмъ уничтожался орденъ тампліеровъ,—Фердинандъ возвѣщаетъ, что онъ предоставляетъ ордену Сантьяго derecho de Luctuosa (Loytosa), которымъ раньше пользовались тампліеры. Эта прерогатива состояла въ томъ, что въ случаѣ смерти вассала, если у него была лошадь, то ее наслѣдовалъ сюзеренъ, если у него было нѣсколько лошадей, то сюзеренъ выбиралъ лучшую изъ нихъ, если же у покойника не было лошадей, то сюзерену должны были уплатить 600 мараведи. — «Memorias de Fernando», T. II, 607.

[2]) Raynouard, op. cit. 204, 267.—Raynald. ann. 1317, № 40.—Campomanes, «Dissert. hist. del Orden de los Templarios», 134.—Zurita, lib. VI, c. 26.—La Fuente, op. cit. II, 872.

Библиотека "Руниверс"

роля; но дѣло зашло уже такъ далеко, что онъ не могъ отступить. Для насъ совершенно не важно, получилъ ли онъ часть добычи, какъ это думали многіе изъ его современниковъ; онъ самъ связалъ себя въ глазахъ всей Европы буллою 22-го ноября 1307 г., въ которой подтверждалъ виновность тампліеровъ; онъ громко повторилъ эти утвержденія въ въ своихъ послѣдующихъ прокламаціяхъ, въ которыя внесъ массу подробностей, не допускавшихъ ни отреченія, ни разсужденія; такимъ образомъ, онъ самъ являлся предъ судомъ всего христіанскаго міра одновременно со своими жертвами; если соборъ оправдаетъ тампліеровъ, то это будетъ осужденіемъ папы. Климентъ былъ не судьей, а стороною, и инстинктъ самосохраненія заставлялъ его уничтожить своихъ враговъ, не стѣсняясь при этомъ никакими средствами. Тѣмъ не менѣе, по мѣрѣ приближенія дня собора безпокойство его росло, и онъ отовсюду старался собрать свидѣтельскія показанія, которыя оправдали бы его, подтвердивъ ересь ордена. Мы уже видѣли, какъ заставилъ онъ Эдуарда II ввести пытку въ суды Англіи, до того времени не имѣвшіе на себѣ этого грязнаго пятна, и какъ удалось ему подвергнуть пыткѣ обвиняемыхъ въ Арагоніи, вопреки свободамъ страны. Это были образчики цѣлаго ряда буллъ, быть можетъ, самыхъ гнусныхъ изъ всѣхъ, когда-либо исходившихъ отъ представителя Бога. Отъ Кипра до Португаліи князья и прелаты получили приказанія вырвать сознанія пыткой; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, говорилъ Климентъ, эта формальность была неблагоразумно упущена и не примѣнена; слѣдовало исправить эту ошибку! Каноны требовали, чтобы въ подобныхъ случаяхъ лица, отказывавшіяся сознаться, были переданы въ руки «монаха-пытателя» и чтобы ихъ заставили съ уваженіемъ относиться къ истинѣ. Въ своемъ рвеніи онъ писалъ даже своему легату въ Родосѣ, приказывая ему отправиться на Кипръ и лично убѣдиться въ полученныхъ результатахъ. Собранныя такимъ путемъ показанія слѣдовало безъ всякой проволочки отправить въ Римъ [1]).

Мы никогда не узнаемъ, сколько мученій вызвали эти безчеловѣчные указы. Палачи не довольствовались тѣмъ, что пытали обвиняемыхъ, еще не подвергавшихся пыткѣ; въ своемъ слѣпомъ рвеніи увеличить число показаній они вытаскивали изъ темницъ тѣхъ, кто уже подвергался пыткѣ, и снова пытали ихъ съ удвоенной жестокостью, чтобы получить отъ нихъ новыя, еще болѣе нелѣпыя сознанія. Такъ были допрошены въ 1310 г. тринадцать тампліеровъ во Флоренціи и нѣкоторые изъ нихъ сознались. Повинуясь новымъ приказаніямъ папы, инквизиторы собрались вторично въ сентябрѣ 1311 г. и начали новый рядъ допросовъ. Шесть обвиняемыхъ не выдержали и дали совершенно удовлетворительныя показанія относительно поклоненія идоламъ, кошкамъ и т. п.; но семь другихъ упорно утверждали, что орденъ невиновенъ. Инквизиторы показали, что они прекрасно поняли желанія Климента, и представили ему только шесть признаній. Что же касается семи другихъ братьевъ, то они сказали, что эти люди были допрошены достодолжнымъ образомъ, но не показали ничего, заслуживающаго вниманія, такъ какъ это были братья-служители или члены, только что принятые въ орденъ; однако, въ другихъ мѣстахъ братья-служители дали самыя тяжелыя и самыя цѣнныя показанія. Очевидно, Климентъ зналъ, кого онъ выбиралъ, когда поручилъ епископу Низы руководить этимъ разслѣдованіемъ. До насъ дошелъ еще другой примѣръ результатовъ той ярости, съ которой Климентъ, во что бы то ни стало, старался собрать вѣскія показанія для собора. Нимскій епископъ держалъ заключенными въ замкѣ Алэ тридцать трехъ тампліеровъ, которые были уже допрошены, причемъ нѣкоторые дали сознанія, отъ которыхъ потомъ отказались. Когда Климентъ приказалъ повторить пытку, то четверо изъ этихъ обвиняемыхъ уже умерли, а двадцать девять, оставшихся въ живыхъ, были въ августѣ 1311 г. извлечены изъ своихъ темницъ. Нѣкоторые уже подверглись пыткѣ три года тому назадъ, тѣмъ не менѣе допрошены были

[1]) Raynald. ann. 1311, № 53.—Raynouard, op. cit. 166—7.—Schottmüller, op. cit. I, 395.

Библиотека "Руниверс"

снова всѣ, и отъ нихъ получили такія именно показанія, которыя были нужны, особенно признаніе въ поклоненіи демону [1]).

Несмотря на всю эту гнусность, папа и король должны были пустить въ ходъ все свое вліяніе, чтобы добиться отъ упрямаго собора одобренія того, что весь христіанскій міръ открыто считалъ самымъ высшимъ беззаконіемъ. Знаменательный фактъ: акты этого собора будто бы выкрадены изъ папскаго архива; и историку приходится возстановлять работы этого собора по нѣкоторымъ упоминаніямъ современныхъ составителей хроникъ и по папскимъ буллamъ, въ которыхъ приводятся рѣшенія. Католики оспаривали даже право на признаніе этого собора вселенскимъ; на немъ, однако, засѣдало тристa епископовъ, прибывшихъ изъ всѣхъ государствъ Европы; предсѣдательствовалъ самъ папа и на немъ, неизвѣстно какъ, былъ принятъ сводъ каноническихъ законовъ [2]).

Первымъ вопросомъ, предложеннымъ обсужденію собравшихся отцовъ, была просьба Климента, настаивавшаго на осужденіи ордена безъ выслушанія его членовъ. Какъ мы уже видѣли, папа торжественно вызвалъ орденъ явиться на соборъ въ лицѣ своихъ старшихъ членовъ и представителей; онъ приказалъ кардиналу Палестринѣ, которому было поручено надзирать за ними, привести ихъ для этого; онъ образовалъ спеціальную комиссію, которая должна была выслушать пожелавшихъ взять на себя защиту ордена и согласиться съ обвиняемыми относительно выбора делегатовъ; но онъ ничѣмъ не выразилъ своего протеста, когда Филиппъ грубо и нагло прервалъ дѣйствія комиссаровъ. Теперь засѣданія собора открылись, и высшія лица ордена не были приведены на него. Вопросъ этотъ былъ черезчуръ щекотливъ, чтобы его можно было подвергнуть разсмотрѣнію всѣхъ собравшихся отцовъ; поэтому устроили частное собраніе, на которое были приглашены прелаты, избранные среди народностей, пославшихъ своихъ представителей,—Испаніи, Франціи, Италіи, Венгріи, Англіи, Ирландіи и Шотландіи, чтобы обсудить вопросъ съ папою и кардиналами. Въ одинъ ноябрьскій день, когда это собраніе слушало чтеніе донесеній, присланныхъ инквизиторами, неожиданно явились семь тампліеровъ и выразили желаніе выступить въ защиту ордена отъ имени тысячи пятисотъ или двухъ тысячъ братьевъ-изгнанниковъ, скитавшихся въ горахъ Ліонской провинціи. Вмѣсто того, чтобы принять и выслушать ихъ, Климентъ велѣлъ немедленно заключить ихъ въ тюрьму. Климента особенно

---

[1]) Bini, op. cit. 501.—Raynouard, op. cit. 233—5, 303.—Vaissete, IV, 140—1.

[2]) Hefele, «Conciliengeschichte», I, 66.—Franz Ehrle, «Archiv für Lit. und Kirchengeschichte», 1886, стр. 353.—Рукопись Ватикана, которую приводитъ Райнальдъ (ann. 1314, № 54), показываетъ, насколько находили нужнымъ, говоря о мѣрахъ, принятыхъ соборомъ въ отношеніи тамплiеровъ, подыскивать апологетическія выраженія.

Отъ огромной массы документовъ, относящихся къ тамплiерамъ, остались теперь только фрагменты. Несомнѣнно, нѣкоторые документы должны были затеряться во время переѣздовъ съ мѣста на мѣсто Климента V (Franz. Ehrle, «Archiv für Lit. und Kirchengeschichte», 1885, стр. 7); другіе были утеряны во время Раскола, когда Бенедиктъ XIII перенесъ часть архива въ Пенисколу (Schottmüller, op. cit. I, 705); третьи—во время переноса бумагъ куріи изъ Авиньона въ Римъ. Когда въ 1810 г. Наполеонъ приказалъ перенести папскій архивъ въ Парижъ, гдѣ онъ оставался до 1815 года, первою заботою генерала Радэ, французскаго генералъ-инспектора въ Римѣ, было захватить бумаги, касающіяся процесса тамплiеровъ и Галилея. (Regest. Clement. PP. V. Romae, 1885, T. I, Prolegom. стр. CCXXIX). Во время нахожденія архива въ Парижѣ, Рейнуаръ много почерпнулъ изъ него для составленія своей работы, на которую мы такъ часто ссылались выше; но и въ то уже время онъ могъ имѣть въ рукахъ только небольшое число документовъ, часть которыхъ находится въ настоящее время среди рукописей Ватикана. Однако, Шотмюллеръ, дѣлавшій позднѣе другихъ разслѣдованія по этому вопросу, выражаетъ надежду, что современемъ найдутъ недостающіе документы (op. cit. I, 713). Въ Парижъ было послано 3239 ящиковъ, и папскіе архиваріусы жаловались, что много документовъ не было возвращено. Французскія власти утверждали, что папскіе чиновники, которымъ были переданы документы, очень много продали изъ нихъ бакалейнымъ торговцамъ (Reg. Clement. V, Proleg. CCXCIII—CCXCVIII).

Библиотека "Руниверс"

безпокоило опасеніе, чтобы эти несчастные, доведенные до отчаянія, не сдѣлали какого-либо покушенія даже на его жизнь, такъ что онъ принялъ соотвѣтственныя мѣры предосторожности и посовѣтовалъ сдѣлать то же Филиппу. Подобное отношеніе не могло уменьшить тотъ стыдъ, который испытывали прелаты, видя, что́ требовали отъ нихъ подъ предлогомъ, что промедленіе, вызванное спорами, вредно отзовется на интересахъ Св. Земли; когда приступили къ голосованію, то оказалось, что только одинъ итальянскій епископъ и три французскихъ прелата (архіепископы Санса, Реймса и Руана, сжегшіе на кострѣ тампліеровъ-рецидивистовъ) рѣшились подписаться подъ позорнымъ осужденіемъ ордена, не выслушавъ его представителей. Соборъ имѣлъ полное право колебаться. Въ Германіи, Италіи и въ Испаніи провинціальные соборы торжественно заявили, что они не нашли ничего преступнаго ни въ орденѣ, ни среди отдѣльныхъ его членовъ. Въ Англіи тампліеры сознались только въ томъ, что ихъ обвиняли въ ереси. Франція была единственная страна, гдѣ удалось собрать полныя признанія виновности. Если допустить даже, что нѣкоторыя отдѣльныя лица были дѣйствительно виновны, то они уже понесли заслуженное наказаніе, и ничто поэтому не давало собору права осудить безъ правильнаго суда такой славный членъ воинствующей Церкви, какъ великій орденъ тампліеровъ [1]).

Тщетно Климентъ увеличилъ старанія привлечь соборъ на свою сторону. Ему удалось только протянуть споры до февраля 1312 г.; въ это время Филиппъ, созвавшій собраніе трехъ государствъ въ Ліонѣ, недалеко отъ Вьенны, прибылъ на соборъ въ сопровожденіи Карла Валуа, трехъ своихъ сыновей и свиты достаточно большой для того, чтобы внушить прелатамъ уваженіе къ королевской власти. До послѣдней минуты Филиппъ оставался вѣренъ своей политикѣ, освященной въ Турѣ и состоявшей въ запугиваніи Церкви угнетеніемъ ея со стороны свѣтскихъ властей, какъ это видно изъ королевскаго указа, посланнаго 14-го марта сенешалю Тулузы; указъ этотъ предлагалъ сенешалю собрать спеціальную подать на уплату издержекъ делегатовъ, посланныхъ этимъ городомъ послѣдовательно въ Туръ, Пуатье, Ліонъ и Вьенну «по дѣламъ вѣры или тампліеровъ». Поднялись горячіе споры. Филиппъ ловко выдвинулъ впередъ вопросъ объ осужденіи за ересь Бонифація VIII, дѣло, которое въ предшествовавшемъ году онъ обѣщалъ оставить. Невозможно было принять къ разсмотрѣнію эту просьбу короля, не затронувъ вопроса о законности кардиналовъ, назначенныхъ Бонифаціемъ, и въ томъ числѣ о законности назначенія самого Климента. Давленіе, оказанное королемъ, и папой, сломило, въ концѣ концовъ, упорство, и отцы собора рѣшительно разрубили Гордіевъ узелъ. 22-го марта Климентъ представилъ тайной консисторіи, составленной изъ кардиналовъ и прелатовъ, буллу Vox in excelso, въ которой онъ признавалъ, что собранныя улики не оправдывали съ канонической точки зрѣнія окончательнаго осужденія ордена, но объявлялъ, что орденъ запятналъ себя такимъ скандаломъ, что ни одинъ честный и порядочный человѣкъ не можетъ уже вступить въ него. Кромѣ того, добавлялъ онъ, всякое промедленіе повлечетъ за собой лишь расхищеніе земель тампліеровъ, и этимъ самымъ будетъ нанесенъ ущербъ интересамъ Св. Земли; вслѣдствіе всего этого Св. Престолъ долженъ былъ объявить предвари-

---

[1]) Bull. «Vox in excelso» (Van Os, op. cit. 72—4).—Du Puy, op. cit. 177—8.—Ptol. Lucens. «Hist. Eccles.» lib. XXIV (Muratori, «S. R. I.», XI, 1236.—Raynouard, op. cit. 187.—Cf. Raynald. ann. 1311, № 55.

Если Шотмюллеръ правъ, предполагая, что «Deminutio laboris examinantium processus contra ordinem Templi in Anglia», изданное по одной хранящейся въ Ватиканѣ рукописи (op. cit. II, 78 слѣд.), было составлено для представленія комиссіи Вьеннскаго собора, то этотъ документъ показываетъ беззастѣнчивый способъ, съ которымъ искажали показанія, чтобы сбить съ пути людей, призванныхъ вынести окончательное рѣшеніе. Всѣ благопріятныя свидѣтельскія показанія устранены, тогда какъ самые нелѣпые разсказы женщинъ и монаховъ изложены серьезно, какъ неоспоримыя улики.

Библиотека "Руниверс"

тельно уничтоженіе ордена. 3-го апрѣля открылась вторая сессія собора, и булла была публично объявлена на немъ. Климентъ защищалъ ее, доказывая, что она необходима, чтобы умилостивить «его дорогого сына, короля Франціи». Общественное мнѣніе не ошибалось, думая, что несправедливое рѣшеніе было принято по приказанію Филиппа. Такимъ образомъ, орденъ послѣ столькихъ жестокостей и страданій, перенесенныхъ имъ, былъ уничтоженъ, хотя его и не признали виновнымъ. Почти несомнѣнно, что соборъ благодушно принялъ это разрѣшеніе затрудненія. Члены ордена, какъ таковые, были естественно освобождены отъ всякой отвѣтственности. Они поняли, что съ орденомъ было поступлено черезчуръ некрасиво, чтобы интересы папской политики не потребовали доведенія несправедливости до конца [1]).

Немедленно послѣ этого возникъ вопросъ объ имуществѣ тампліеровъ. Вопросъ этотъ вызвалъ долгій и довольно горячій споръ. Сначала было предложено много разныхъ проектовъ; но, въ концѣ концовъ, Клименту удалось добиться передачи этого имущества госпитальерамъ. Быть-можетъ, и неправда, что послѣдніе щедро оплатили свое вмѣшательство, но таково было господствующее мнѣніе той эпохи, и оно прекрасно показываетъ, какое уваженіе питали къ нимъ современники. Вышедшая 2-го мая булла Ad providam объявляла, что хотя до сего дня дѣлопроизводство и не позволило законнымъ образомъ уничтожить орденъ, но онъ безповоротно уничтоженъ папскимъ распоряженіемъ и преданъ «вѣчному запрещенію»; всякій, кто пожелаетъ вступить въ него или приметъ его одежду, ipso facto подвергается отлученію отъ Церкви. Св. Престолъ вступитъ во владѣніе имуществами ордена и передастъ ихъ госпитальерамъ Св. Іоанна въ Іерусалимѣ, за исключеніемъ имуществъ, находящихся въ Кастиліи, Арагоніи, Майоркѣ и Португаліи. Уже съ августа 1310 г. Іаковъ Арагонскій старался повліять на своихъ братьевъ-королей, чтобы

[1]) Joh. Hocsemii «Gest. Episc. Leodiens.» (Chapeaville, II, 345).—Beaudoin in «Lettres inédites de Philippe le Bel», 179.—Chron. Cornel. Zantfliet, ann. 1307 (Martène, «Ampl. Coll.» V, 154).—Bull. «Vox in excelso» (Van Os, 75 77).—Bern. Guidon. «Flor. Chron.» (Bouquet, XXI, 721).—Wilcke, op. cit. II, 307.—Gürtleri «Hist. Templarior.» Amstel. 1703, стр. 365.—Vertot, «Hist. des Chevaliers de Malte», изд. 1755 г., II, 136.—Contin. Guill. Nangiac. ann. 1311—12.—Martin. Polon. Contin. (Eccard. I, 1438).—Trithem. «Chron. Hirsaug.» ann. 1307.

Когда въ 1773 году Климентъ XIV хотѣлъ уничтожить орденъ іезуитовъ при помощи произвольнаго примѣненія папскаго авторитета, онъ не преминулъ сослаться, какъ на прецедентъ, на уничтоженіе тампліеровъ Климентомъ V. Въ своей буллѣ 22-го іюня 1773 г. онъ говорилъ: «Etiamsi concilium generale Viennense, cui negotium examinandum commiserat, a formali et definitiva sententia ferenda censuerit se abstinere...».—Bullar. Roman. Contin. V. 620.

Лучшіе умы эпохи не упустили случая, чтобы не выразить своего отношенія къ дѣйствующимъ лицамъ этой трагедіи. Бернаръ Ги приводитъ, какъ общераспространенный въ то время, слѣдующій леонинскій стихъ: «Res est exempli destructa superbia Templi». Гоксемій приводитъ слѣдующую хронограмму, составленную П. Авансомъ и намекающую, быть можетъ, на богатства, собранныя Филиппомъ:

Excidium Templi nimia pinguedine rempli
Ad LILIUM duo C consocianda doce.

Для людей, иначе настроенныхъ, много предзнаменованій предвѣщало гнѣвъ неба; одни ожидали гнѣва Божьяго за преступленія ордена, другіе—за преступленія истребителей тампліеровъ. Таковы были затменія солнца и луны, ложныя солнца, ложныя луны, огненные языки, подымавшіеся отъ земли къ небу, удары грома при ясномъ небѣ. Близъ Падуи одна кобыла ожеребилась жеребенкомъ о девяти ногахъ; въ Ломбардіи пролетѣли невѣдомыя птицы; во всей падуанской области за дождливой зимой наступило сухое лѣто съ градовыми бурями, такъ что всѣ хлѣба погибли. Ни одинъ этрусскій гаруспекъ, ни одинъ римскій авгуръ не могъ бы пожелать болѣе ясныхъ предзнаменованій; казалось, что читаешь страницу изъ Тита Ливія.—Albertini Mussati «Hist. August.» Rubr. X, XI (Muratori, «S. R. I.» X, 377—79).—Cf. Ptol. Lucens. «Hist. Eccles.» lib. XXIX (Ibid. XI, 1233); Fr. Jordan. «Chron.» ann. 1314 (Muratori, «Antiq.» XI, 789).

Библиотека "Руниверс"

они соединились съ нимъ для совмѣстной защиты ихъ правъ предъ папскимъ дворомъ; и хотя онъ и уклонился отъ поѣздки на соборъ, куда приглашалъ его Климентъ, чтобы онъ лично представилъ свои основанія, тѣмъ не менѣе три короля позаботились о томъ, чтобы мнѣнія ихъ были энергично поддержаны предъ отцами собора. Въ другихъ мѣстахъ всѣмъ, кто захватилъ и держалъ имущества, принадлежавшія раньше тампліерамъ, было приказано, несмотря на ихъ общественное положеніе, до истеченія мѣсячнаго срока передать ихъ госпитальерамъ подъ угрозой отлученія отъ Церкви. Эта булла была послана всѣмъ князьямъ и прелатамъ; послѣднимъ, кромѣ того, было приказано энергично требовать возвращенія имуществъ, примѣняя въ случаѣ надобности отлученіе и интердиктъ [1]).

Жгучій вопросъ объ имуществѣ тампліеровъ былъ, такимъ образомъ, рѣшенъ; второстепенное затрудненіе, касавшееся вопроса о судьбѣ самихъ обвиняемыхъ, обошли тѣмъ, что отправили тампліеровъ на ихъ провинціальные соборы, за исключеніемъ высшихъ членовъ ордена, судъ надъ которыми Св. Престолъ оставилъ за собой. Всѣмъ бѣглецамъ было предложено явиться до истеченія года къ ихъ епископамъ, которые должны допросить и судить ихъ; всякое уклоненіе отъ суда ipso facto повлечетъ за собой отлученіе отъ Церкви, а кто въ теченіе года будетъ находиться подъ отлученіемъ и не испроситъ разрѣшенія, того будутъ считать еретикомъ. Общія указанія предписывали поступать съ нераскаявшимися и рецидивистами со всею строгостью закона. Дѣло тѣхъ, кто даже подъ пыткой отказался сознаться въ своихъ заблужденіяхъ, представляло такую задачу, которую не могла разрѣшить вся мудрость собора; ихъ передали провинціальнымъ соборамъ, чтобы они поступили съ ними согласно съ канонами. Въ отношеніи тѣхъ, кто сознался, строгость законовъ должна быть смягчена великодушными мѣрами кротости; они будутъ размѣщены по старымъ домамъ ордена или по монастырямъ, причемъ слѣдовало строго наблюдать, чтобы число ихъ подъ одной кровлей не было велико; имъ будутъ выдавать приличную пенсію изъ доходовъ отъ имуществъ ордена. Но уничтожался весь интересъ къ дѣлу, разъ отчуждались земли ордена. Повидимому, за исключеніемъ соборовъ Тэррагоны и Нарбонны, о которыхъ мы уже говорили, немногіе соборы занялись судомъ тампліеровъ. Много ихъ умерло въ тюрьмахъ въ самомъ ужасномъ положеніи; нѣкоторые изъ такъ называемыхъ рецидивистовъ были сожжены; другіе, какъ нищіе, бродили по Европѣ; третьи, наконецъ, едва-едва снискивали себѣ дневное пропитаніе ручнымъ трудомъ. Въ Неаполѣ Іоаннъ XXII (любопытная вещь) приказалъ въ 1318 г. поддерживать ихъ доминиканцамъ и францисканцамъ. Когда нѣкоторые изъ нихъ захотѣли жениться, то Іоаннъ XXII объявилъ, что ихъ обѣты связываютъ ихъ навсегда, и что всякій бракъ будетъ незаконнымъ, и, такимъ образомъ, онъ призналъ, что принятіе ихъ въ орденъ было совершено правильно и законно. Онъ призналъ ихъ вѣрными католиками также тѣмъ, что разрѣшилъ имъ вступать въ другіе ордены. Такъ поступило много тампліеровъ, особенно въ Германіи, гдѣ участь ихъ была менѣе тяжела, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, и гдѣ ихъ приняли къ себѣ госпитальеры, согласно постановленію, принятому на конференціи во Франкфуртѣ на Майнѣ въ 1317 г. Послѣдній наставникъ Бранденбурга, Фридрихъ фонъ Альфенслебенъ, вступилъ въ орденъ госпитальеровъ, сохранивъ свое званіе. Мало того, симпатіи германскаго населенія обезпечили тампліерамъ столь крупный доходъ, что госпитальеры находили для себя тяжелой его уплату. Въ 1318 г. Іоаннъ XXII запретилъ давать бывшимъ

---

[1]) Contin. Guill. Nangiac., ann. 1312.—Raynald, ann. 1312, № 5.—Hocsemii. «Gest. Episcop. Leod.» (Chapeaville, II, 346).—Chron. Fr. Pipini, c. 49 (Muratori, «S. R. I.» IX, 750).—Chron. Astens. c. 27 (Ibid. XI, 194).—Chron. Cornel. Zantfliet, ann. 1310 (Martène, «Ampl. Coll.» V, 160).—Walsingham (D'Argentré, I, I, 280).—Raynouard, op. cit. 197—8.—Bull. «Ad providam» (Rymer, III, 523).—Mag. Bull. Roman. IX, 149.—Harduin, VII, 1341—48.—Bull. «Nuper in generali» (Rymer, III, 326).—Mag. Bull. Roman. IX, 150.—Zurita, op. cit. lib. V, c. 99.—Allart, op. cit. 71—2.—Schmidt, «Päbstliche Urkunden», 81.

Библиотека "Руниверс"

тамплiерамъ такую пенсію, которая позволяла бы имъ копить деньги или жить роскошно; они должны были получать только самое необходимое продовольствіе и одежды, полагавшіяся монахамъ. [1])

Оставалось рѣшить судьбу Молэ и другихъ высшихъ членовъ ордена, судъ надъ которыми Климентъ оставилъ за собой лично; мы знаемъ, что такимъ пріемомъ ему удалось вдохнуть имъ эгоистическія надежды и добиться того, что они оставили своихъ братьевъ. Достигнувъ этой цѣли, папа, повидимому, забылъ о томившихся въ ужасномъ заточеніи; только 22-го декабря 1313 г. назначилъ онъ комиссію изъ трехъ кардиналовъ, Арно де С. Сабина, Николая де С. Евсевія и Арнальдо де С. Приска, разсмотрѣть ихъ дѣло и вынести или осужденіе, или наложеніе эпитиміи, сообразной съ ихъ преступленіями, а также назначить имъ изъ доходовъ ордена такую пенсію, которую эти прелаты найдутъ соотвѣтствующей. Кардиналы отложили свой судъ до 19-го марта 1314 г.; въ этотъ день на эшафотѣ, выстроенномъ передъ соборомъ Богоматери, заняли мѣста Молэ, магистръ Нормандіи Жофруа де Шарнэ, визиторъ Франціи Гуго де Перо и магистръ Аквитаніи Годфруа де Гонвиль, извлеченные изъ темницъ, гдѣ они томились почти цѣлыхъ семь лѣтъ, чтобы выслушать приговоръ, вынесенный кардиналами совмѣстно съ санскимъ архіепископомъ и разными прелатами. Сообразно съ тѣми преступленіями, въ которыхъ сознались обвиняемые, на нихъ строго, согласно съ законами, была наложена эпитимія въ видѣ пожизненнаго тюремнаго заключенія.

Дѣло считали уже оконченнымъ, когда вдругъ, къ великому неудовольствію прелатовъ и къ великому удивленію толпы, поднялись Молэ и Жофруа де Шарнэ и заявили, что они совершили не тѣ преступленія, въ которыхъ ихъ обвиняли, а позорную измѣну своему ордену, чтобы спасти свои собственныя головы. Орденъ былъ чистъ и святъ; обвиненія, возведенныя на него—ложь, ихъ признанія также ложны. Не медля ни минуты, кардиналы выдали обоихъ дерзкихъ Парижскому прево и пошли совѣщаться. Затрудненіе ихъ продолжалось недолго. Узнавъ объ этомъ, Филиппъ пришелъ въ страшную ярость. Короткое совѣщаніе его совѣта рѣшило дѣло. Каноны предписывали сжигать еретиковъ-рецидивистовъ безъ всякаго процесса; рецидивъ былъ ясенъ, и поэтому нечего было ждать, чтобы папская комиссія вынесла формальный приговоръ. Въ тотъ же день на закатѣ солнца воздвигли костеръ на одномъ маленькомъ островѣ на Сенѣ, Островѣ Евреевъ, близъ дворцоваго сада. Тамъ на медленномъ огнѣ были сожжены Молэ и Шарнэ, до самаго послѣдняго момента отказывавшіеся отъ всѣхъ предложеній милости въ обмѣнъ на отреченіе. Они съ такой силой духа перенесли казнь, что заслужили у народа славу мучениковъ; ихъ пепелъ былъ съ благоговѣніемъ собранъ, какъ святыня; и только современный апологистъ Церкви заявилъ, что ихъ мужественная покорность Провидѣнію вполнѣ свидѣтельствовала о томъ, что они были борцами Сатаны. Смертью своей они одержали побѣду надъ своимъ гонителемъ и оправдали себя передъ исторіей въ томъ малодушіи, съ которымъ покинули на произволъ судьбы несчастныхъ, довѣрившихся ихъ охранѣ. Гуго де Перо и магистръ Аквитаніи не были настолько мужественны, чтобы послѣдовать ихъ примѣру; они подчинились эпитиміи и умерли медленной смертью въ своихъ темницахъ. Наставника Кипра Рембо де Карона, по всей вѣроятности, избавила отъ костра смерть [2]).

---

[1]) Bernard. Guidon. «Flor. Chron.» (Bouquet, XXI, 722).—Godefroy de Paris, vers 6028—29.—Ferreti Vicentin. «Hist.» (Muratori, «S. R. I.» IX, 1047).—Le Roulx, «Documents» etc. 51.—Havemann, «Geschichte des Ausgangs», 290.— Fr. Pipini «Chron». c. 49. (Muratori, «S. R. I.» IX, 750)—Joann. de S. Victor. (Bouquet, XXI, 658).—Vaissete, IV, 141.—Stemler, «Contingent zur Geschichte der Templer», 20—21. Raynouard, op. cit. 213—14, 233—35.—Wilcke, op. cit. II, 236, 240.—Anthon, «Versuch», 142.

[2]) Raynald, ann. 1313, № 39. — Raynouard, op. cit. 205—10.—Contin. Guill. Nangiac. ann. 1313—Joann. de S. Victor. (Bouquet, XXI, 658).—Chron. Anon. (Bouquet, XXI, 143).—Godefroy

Библиотека "Руниверс"

Такъ какъ черезъ мѣсяцъ съ небольшимъ послѣ этого умеръ Климентъ въ страданіяхъ отъ ужасной болѣзни (lupus), а черезъ восемь мѣсяцевъ погибъ отъ несчастнаго случая на охотѣ и Филиппъ, имѣвшій отъ роду всего сорокъ шесть лѣтъ, то, естественно, эти два событія породили легенду, что Моле позвалъ папу и короля на судъ Божій. Подобнаго рода разсказы были очень распространены въ народѣ, чувство справедливости котораго было оскорблено всѣмъ этимъ дѣломъ. Даже далеко, въ Германіи, въ смерти Филиппа видѣли справедливое наказаніе за уничтоженіе тампліеровъ; разсказывали, что Климентъ проливалъ на своемъ смертномъ ложѣ слезы, вызванныя угрызеніями совѣсти за три великихъ преступленія, совершенныя имъ: отравленіе Генриха VI, уничтоженіе тампліеровъ и осужденіе бегиновъ и бегинокъ. Одинъ современный итальянскій историкъ, благосклонно расположенный къ папѣ, извиняется, повторяя разсказъ объ одномъ осужденномъ и скитавшемся тампліерѣ, который, будучи приведенъ въ Неаполь къ Клименту, смѣло высказалъ ему многое въ лицо, былъ осужденъ на костеръ и въ пламени вызвалъ Климента и Филиппа явиться до истеченія года на судъ Бога; и это предсказаніе сбылось чуднымъ образомъ. Всѣ подобные разсказы показываютъ настроеніе народа и его глубокую симпатію къ мученикамъ [1]).

Впрочемъ, если во Франціи по причинамъ, которыя легко понять, общественное мнѣніе высказывалось сдержанно, то повсюду въ другихъ мѣстахъ всѣ открыто приписывали уничтоженіе тампліеровъ ненасытной жадности Филиппа и Климента. Даже и въ самой Франціи общественное мнѣніе склонялось въ пользу жертвъ. Годфруа Парижскій доходитъ, конечно, до крайнихъ предѣловъ храбрости, когда пишетъ:

«Dyversement de ce l'en parle,
Et au monde en est grant bataille—
— L'en puet bien décevoir l'yglise
Mès l'en ne puet en nule guise
Diex décevoir. Je n'en dis plus:
Qui voudra dira le' seurplus».

Доминиканецъ Петръ де ла Палю, одинъ изъ самыхъ выдающихся богослововъ своего времени, проявилъ исключительное мужество, подкрѣпленное высокимъ чувствомъ долга, когда въ самый разгаръ преслѣдованія онъ явился передъ папской комиссіей, засѣ-

---

de Paris, vers 6033—6129.—Villani «Chron.», VIII, 92.—Chron. Cornel. Zantfliet, ann. 1310 (Martène, «Ampl Coll.» V, 160).—Trithem. «Chron. Hirsaug.» ann. 1307.—Pali Aemilii «de Reb. Gest. Franc». изд. 1569 г., стр. 421.—Van Os, op. cit. 111.

Въ своей поспѣшности Филиппъ не сталъ разбирать, имѣетъ ли онъ права на Островъ Евреевъ. Оказалось, что haute et basse justice на этомъ островѣ принадлежала монахамъ монастыря С.-Жерменъ де Пре, которые жаловались на то, что ихъ права были нарушены казнью. Филиппъ опубликовалъ граматы, удостовѣрявшія, что это нарушеніе ихъ привилегій не причинитъ въ будущемъ никакого имъ ущерба (Olim, II, 599).

[1]) Pauli Langii «Chron. Citicens.» ann. 1314 (Pistorii I, 1201).—Chron. Sampetrini Erfurtens ann. 1315 (Menken, III, 325).—Naucleri, «Chron.» ann. 13 6.—Ferreti Vicentin. «Hist.» (Muratori «S. R. I.», IX, 1018).

Климентъ пользовался такой скверной славой, что еще и другія легенды ходили по поводу его смерти. Вотъ, напримѣръ, одна изъ нихъ. Будучи еще архіепископомъ въ Бордо, онъ сильно поссорился съ благочестивымъ францисканцемъ Готье изъ Брюгге, которому Николай III силою навязалъ епископскую каѳедру въ Пуатье. Избранный папою, Климентъ удовлетворилъ свою старинную злобу, низложилъ Готье и сослалъ его въ монастырь. Готье не сталъ вступать ни въ какія пререканія; но на своемъ смертномъ одрѣ онъ обратился къ суду Бога и умеръ, держа въ рукѣ бумагу, въ которой онъ вызывалъ папу-притѣснителя явиться въ назначенный день на Божескій судъ. Нельзя было вынуть эту бумагу у него изъ руки и пришлось похоронить его съ нею вмѣстѣ. На слѣдующій годъ Климентъ случайно проѣзжалъ черезъ это мѣсто, приказалъ открыть гробницу, нашелъ трупъ превосходно сохранившимся и велѣлъ подать себѣ

Библиотека "Руниверс"

давшей въ Парижѣ, и заявилъ, что онъ присутствовалъ при многихъ допросахъ, во время которыхъ нѣкоторые обвиняемые сознались въ возведенныхъ на нихъ обвиненіяхъ, тогда какъ другіе отрицали ихъ; онъ подтвердилъ, что въ его глазахъ отрицанія заслуживаютъ больше вѣры, чѣмъ сознанія [1]).

Со временемъ убѣжденіе въ ихъ невинности окрѣпло. Боккачіо принялъ ихъ сторону. Св. Антонинъ Флорентинскій, историческія работы котораго имѣли большое вліяніе на общественное мнѣніе XV в., полагалъ, что уничтоженіе тампліеровъ было вызвано завистью къ ихъ богатствамъ; народные писатели вообще приняли эту точку зрѣнія. Даже самъ Райнальдъ колеблется и придаетъ равное значеніе доказательствамъ обѣихъ сторонъ; Кампи ручается, что въ Италіи въ XVII ст. очень многіе считали тампліеровъ святыми и мучениками. Наконецъ, около половины XVIII в. извѣстный ученый Дю Пюи предпринялъ реабилитацію Филиппа Краснваго въ работѣ, которая по богатству собраннаго въ

бумагу; чтеніе ея чрезвычайно напугало его, и въ назначенный день онъ долженъ былъ явиться по вызову.—Wadding. ann. 1279, № 13.—Chron. Glassberger, ann. 1307.

Гильомъ Ногарэ, бывшій главнымъ орудіемъ Филиппа, также является героемъ подобной же исторіи. Одинъ тампліеръ, идя на костеръ, замѣтилъ его и вызвалъ на судъ до истеченія восьми дней: на восьмой день Ногарэ умеръ.—«Chron». Astens., c. 27 (Muratori, «S. R. I.» IX, 194).

О разныхъ версіяхъ по поводу смерти Филиппа см. Годфруа Парижскаго, стихи 6687—6757.

[1]) Godefroi de Paris, vers 6131—4[illegible].—Cf. 3876—81, 3951—2.—«Procès des Templiers» II, 195.

Укажемъ нѣсколько современниковъ, которые за предѣлами Франціи, приписали все дѣло алчности Филиппа и Климента: Matt. Neoburg. (Albert. Argentines.) «Chron.» ann. 1346, (Urstisii II, 137).—Sächsische Weltchronik, erste bairische Fortsetzung, ann. 1312 (Mon. Germ, II, 334).—Stalwegii «Chron». ann. 1305 (Leibnitz, III, 274).—Bothonis «Chron» ann. 1311 (Leibnitz, III, 374.—Chron. Comitum Schawenburg. (Meibom. I, 499).—Joh. Hocsemii «Gest. Episcop. Leodiens.» (Chapeaville, II, 345—6).—Chron. Astens. c. 27 (Muratori, «S. R. I.» XI, 192—4).—Istorie Pistolesi (Ibid. XI, 518).—Villani, «Chron». VIII, 92.

Знаменательна осторожность, которую проявляетъ около конца столѣтія кардиналъ Николай Росельи; резюмируя дѣло, онъ даетъ понять, что были тайныя причины и что все это было дѣломъ Филиппа: «Causa dictae cassationis et annulationis paucis fuit nota, licet multa fuerint diversi modi promulgata, dictam autem cassationem fieri fecit Philippus rex Franciae».—Nicolaus Card. Arag. «de Factis summor. Pontif.» (Baluz. et Mansi, «Miscell.» I, 443.—Данте не задумывается указывать на Филиппа:

«Veggio'l nuovo Pilato si crudele
Che cio no'l sazia, ma senza decreto
Porta nel Tempio [illegible]e crudele vele».

(«Purgator.» XX).

Виновность тампліеровъ утверждали слѣдующіе писатели: Ferreti Vicentini «Hist.» (Muratori, «S. R. I.» IX, 1017—18).—Chron. Parmens. ann. 1309 (Ibid. IX, 880).—Albertin. Mussat. «Hist. August.» Rubr. X (Ibid. X, 377).—Chron. Guillel. Scoti (Bouquet, XXI, 205).—Hermanni Corneri «Chron.» ann. 1309. (Eccard. II, 971—2). Старое нѣмецкое слово Tempelhaus обозначало публичный домъ, и это указываетъ на то, что народъ приписывалъ ордену распущенность нравовъ (Trithem. «Chron Hirsaug.» ann. 1307).

Генрихъ Мартенъ полагаетъ, что преданія сѣверной Франціи враждебны тампліерамъ, тогда какъ преданія южной Франціи имъ благопріятны. Какъ примѣръ, онъ приводитъ бретонскую балладу, въ которой «красные монахи», т.-е. тампліеры, представляются грубыми развратниками, похищающими молодыхъ женщинъ и губящими какъ ихъ, такъ и плодъ ихъ грѣшной любви. Съ другой стороны, въ Гаварни (Бигоръ) почитаютъ семь человѣческихъ головъ, которыя считаются головами замученныхъ тампліеровъ, и народное вѣрованіе думаетъ, что ночью въ годовщину уничтоженія ордена на кладбищѣ появляется привидѣніе, вооруженное съ ногъ до головы и одѣтое въ бѣлый плащъ съ краснымъ крестомъ, и три раза громко кричитъ: «Кто хочетъ защищать святой Храмъ? кто хочетъ освободить гробъ Господень»? и семь головъ на эти три воззванія отвѣчаютъ: «Никто, никто! Храмъ разрушенъ!» -«Histoire de France», T. IV, 496—7 (изд. 1855 г.).

Библиотека "Руниверс"

ней матеріала необходима и для современнаго историка. Послѣ него Гюртлеръ въ своей «Исторіи Тампліеровъ» оказался не въ состояніи придти къ положительному выводу. Затѣмъ вопросъ этотъ разсматривался съ разныхъ сторонъ съ горячностью, которой, повидимому, суждено оставить эту юридическую драму въ числѣ постоянно спорныхъ тайнъ исторіи [1]).

Какъ бы то ни было, Филиппъ добился того, чего желалъ. Съ конца 1307 г. финансовыя затрудненія его замѣтно уменьшились. Во-первыхъ, онъ освободился отъ обязанности платить по займу пятьсотъ тысячъ ливровъ, сдѣланному имъ у тампліеровъ; затѣмъ, въ его руки попали огромныя имущества и всевозможныя цѣнности, въ которыхъ онъ никогда не отдавалъ отчета. Онъ потребовалъ уплаты всѣхъ долговъ, сдѣланныхъ ордену, и до 1322 г. его преемники занимались еще взысканіемъ ихъ. Тампліеры организовали крупный денежный обмѣнъ между Востокомъ и Западомъ, и надо думать, что Филиппъ зналъ, какъ слѣдуетъ примѣнять законъ объ уплатѣ долговъ, сдѣланныхъ осужденными еретиками. Хотя онъ и сдѣлалъ видъ, что желаетъ отдать папѣ земли тампліеровъ, однако, онъ сохранилъ ихъ за собой до самой своей смерти и собралъ впередъ всѣ доходы съ нихъ. Онъ захватилъ даже, несмотря на всѣ протесты Эдуарда, земли Гіени, принадлежавшія англійской коронѣ, и потребовалъ выдачи замковъ, построенныхъ на англійской территоріи, пока Климентъ не добился отъ него отреченія отъ нихъ. Онъ даже наложилъ свою руку на большой монастырь тампліеровъ въ Парижѣ, полу-дворецъ, полу-крѣпость, одно изъ лучшихъ зданій эпохи въ архитектурномъ отношеніи, и только смерть вырвала изъ его рукъ эту добычу. Когда въ 1312 г. Вьеннскій соборъ съ согласія Филиппа присудилъ имущества тампліеровъ госпитальерамъ, причемъ въ августѣ самъ Филиппъ формально утвердилъ это рѣшеніе, то Климентъ послалъ ему въ декабрѣ нѣсколько писемъ, прося его помочь найти имущество, расхищенное отдѣльными лицами; король долженъ былъ обѣщать свое содѣйствіе; однако, въ іюнѣ 1313 г. Климентъ упрекалъ его въ томъ, что онъ отказалъ предоставить великому наставнику госпитальеровъ Альберту де Шатоневъ право управлять имѣніями какъ своего ордена, так. и французскихъ тампліеровъ. Въ 1314 г. общій капитулъ госпитальеровъ далъ полное право Леонардо и Франческо де Тибертисъ вступить во владѣніе всѣми имѣніями тампліеровъ, обѣщанными ордену госпитальеровъ. Изъ состоявшагося въ апрѣлѣ постановленія парламента видно, что эти имѣнія были переданы госпитальерамъ по особому ходатайству Филиппа, и что король поручилъ ихъ Леонардо де Тибертисъ; но была сдѣлана ограничительная оговорка, что эти имѣнія обложены податями на содержаніе тампліеровъ, заключенныхъ въ тюрьму, и на расходъ по веденію дѣлъ. Это рѣшеніе было растяжимо какъ въ отношеніи размѣра суммъ, такъ и срока, назначеннаго для уплаты. Если бы Филиппъ прожилъ дольше, то, по всей вѣроятности, не пришли бы къ окончательному сведенію счетовъ. Но госпитальеры были счастливы окончить, наконецъ, въ 1317 г., это дѣло, передавъ Филиппу Длинному всѣ права на доходъ отъ недвижимости, которыя корона держала въ своихъ рукахъ десять лѣтъ; что же касается движимости, то было заключено соглашеніе, по которому она оставалась въ рукахъ короля. Госпитальеры приняли также на себя обязанность уплачивать всѣ расходы, связанные съ содержаніемъ заключенныхъ въ тюрьмахъ тампліеровъ, отчего имъ приходилось терпѣть всевозможное лихоимство и вымогательство со стороны королевскихъ чиновниковъ [2]).

---

[1]) Raynald., ann. 1307, № 12.—D'Argentré, I, I, 281.—Campi, «Dell' Hist. Eccles. di Piacenza», P. III, 43, Piacenza, 1651.—Feyjoo, «Cartas», I, XXVIII.

[2]) Ferreti Vicentini loc. cit.—Raynald., ann. 1307, № 12.—Havemann, 334.—Wilcke, op. cit. II, 327, 329—30.—Raynouard, op. cit. 25—6.—Vaissete, IV, 141.—Du Puy, op. cit. 75, 78, 88, 125—31, 216—17.—Prutz, op. cit. 16.—Olim, III, 580—2.—Lavocat, «Procès des Frères et de l'Ordre du Temple», chap. XLIII. (Парижъ, 1888 г.).

Вплоть до 1337 года въ счетахъ Тулузскаго сенешальства имѣется спеціальная глава,

Библиотека "Руниверс"

Впрочемъ, это не было еще окончательное сведеніе счетовъ; Карлъ Красивый и послѣ этого требовалъ еще уплаты. Мало того, дядя короля Карлъ Валуа выставилъ требованія, которыя слѣдовало удовлетворить; старанія вернуть земли и имущество, захваченныя частными лицами, продолжались еще долго.

Обыкновенно всѣ согласны, что этотъ великодушный даръ земель тампліеровъ скорѣе разорилъ госпитальеровъ, чѣмъ обогатилъ. Была какая-то невѣроятная сатурналія грабежа. Всякій—король, вельможа или прелатъ, который только могъ наложить свою руку на какую-либо часть этихъ беззащитныхъ имѣній, не упускалъ сдѣлать это; поэтому, чтобы вернуть эти захваченныя незаконно имѣнія, надо было уплатить крупныя суммы или владѣльцу, или его сюзерену. Въ 1286 г. въ орденъ тампліеровъ вступилъ маркграфъ Отто Бранденбургскій и обогатилъ его несмѣтными земельными владѣніями. Маркграфъ Вальдемаръ захватилъ эти земли и вернулъ ихъ только въ 1322 г., да еще передача ихъ госпитальерамъ была скрѣплена только въ 1350 г., когда они согласились уплатить пятьсотъ серебряныхъ марокъ. Въ Чехіи много вельможъ взяли и сохраняли имѣнія, принадлежавшія ордену; рыцарственный король Іоаннъ владѣлъ, говорятъ, болѣе чѣмъ двадцатью замками, и отдѣльнымъ тампліерамъ удалось сохранить нѣкоторые изъ нихъ, которые они даже завѣщали своимъ наслѣдникамъ. Монашескіе ордены не отставали и захватывали себѣ свою часть добычи; доминиканцы, картезіанцы, августины, целестины—всѣ фигурируютъ среди наслѣдниковъ разграбленнаго имущества. Даже благочестивый Робертъ Неаполитанскій заслужилъ, чтобы Климентъ напомнилъ ему объ отлученіи отъ Церкви, которое онъ навлекъ на себя за то, что не вернулъ имѣній тампліеровъ въ Провансѣ. Впрочемъ, Робертъ послалъ тайно приказъ своему сенешалю отнюдь не отдавать этихъ имѣній архіепископамъ Арля и Эмбрена, присланнымъ для этого папой, и раньше чѣмъ согласиться окончательно на принудительную выдачу этихъ имѣній, онъ извлекъ изъ нихъ все, что могъ. Быть можетъ, госпитальеры были болѣе счастливы на Кипрѣ, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, такъ какъ когда папскій нунцій, родосскій епископъ Петръ, обнародовалъ буллу 7-го ноября 1313 г., то владѣнія тампліеровъ были, повидимому, уступлены ордену безъ всякаго спора. Даже слабый Эдуардъ II англійскій робко пытался сохранить имѣнія тампліеровъ. 25-го февраля 1309 г. Климентъ велѣлъ ему передать ихъ папскимъ комиссарамъ, посланнымъ для этого; но Эдуардъ, кажется, не обратилъ большого вниманія на этотъ приказъ. Мы видимъ, какъ послѣ Вьеннскаго собора, 12-го августа 1312 г., онъ выражалъ свое удивленіе пріору госпитальеровъ, утверждая, что онъ старается въ силу мнимыхъ папскихъ граматъ захватить эти имѣнія къ явному ущербу достоинства короны. Значительная часть ихъ была отдана въ аренду или передана недостойнымъ любимцамъ Эдуарда, и поэтому король, насколько могъ, отказывался отъ всякаго ихъ возвращенія. Когда пришлось уступить, онъ проявилъ крайнюю низость, приказавъ 24-го ноября составить нотаріальный актъ, въ которомъ онъ протестовалъ противъ этой мѣры и заявлялъ, что онъ согласился единственно изъ боязни непріятностей, которыя отказъ могъ навлечь на монарха и королевство. Онъ приказалъ обложить эти земли крупными налогами на содержаніе оставшихся въ живыхъ тампліеровъ; но сомнительно, чтобы приказъ этотъ строго соблюдался; ему, однако, удалось получить съ госпитальеровъ сумму въ сто ливровъ за лондонскій монастырь тампліеровъ. Въ 1317 г. пришлось вмѣшаться Іоанну XXII, чтобы заставить силою вернуть захваченныя имѣнія людей, которые продолжали еще владѣть нѣкоторыми изъ нихъ [1]).

посвященная суммамъ, собранныхъ съ имущества тампліеровъ; правда, что въ 1337 году дохода не было.—Vaissète, изд. Privat, X. Pr. 735.

Относительно денежныхъ оборотовъ тампліеровъ см. Schottmüller, op. cit. I, 64.

[1]) Contin. Guill. Nangiac. ann. 1312.—Villani «Chron.» VIII, 92.—Matt. Neoburg. (Albertin Argentin.) «Chron.» ann. 1346 (Urstisii, II, 137).—H. Mutii «Chron.» lib. XII, ann. 1311.—Chron

Библиотека "Руниверс"

На Пиренейскій полуостровъ не распространялись постановленія буллы, предписывавшей передачу госпитальерамъ имѣній тампліеровъ, и дѣло осталось на благоусмотрѣніе Климента. Что касается королевства Майорки, то папа выразилъ свою волю въ 1313 г., передавъ королю Санчо II владѣніе движимостью и приказавъ ему уступить недвижимое имущество госпитальерамъ подъ условіемъ, что этотъ орденъ приметъ на себя миссію, прежде лежавшую на тампліерахъ. Но это вмѣшательство папы не избавило госпитальеровъ отъ необходимости вступить въ торгъ съ королемъ Санчо. Владѣнія тампліеровъ на островѣ Майоркѣ были переданы имъ только въ февралѣ 1314 г., причемъ они обѣщали ежегодно вносить въ казну одиннадцать тысячъ су и уплачивать содержаніе въ размѣрѣ 22500 су изъ побочныхъ доходовъ, вычисленныхъ съ того дня, когда была сдѣлана передача. Всѣ доходы, полученные до этого времени, оставались въ пользу короны. До насъ не дошло ни одного документа, по которому мы могли бы судить о томъ, что произошло на континентѣ; несомнѣнно, и тамъ было что-либо подобное. Кромѣ того, пенсіи, назначенныя тампліерамъ, въ теченіе долгаго времени ложились тяжелымъ бременемъ на земельную собственность [1].

Въ Арагоніи были менѣе расположены выполнить желанія папства. Постоянныя войны противъ сарацинъ сохранили воспоминанія объ услугахъ, оказанныхъ тампліерами, и тамъ болѣе ясно понимали, какую пользу можно было извлечь изъ какого-нибудь новаго ордена, преданнаго народнымъ интересамъ; а госпитальеры не отвѣчали этому, такъ какъ они всецѣло были преданы Св. Престолу. Тампліеры принимали большое участіе въ всѣхъ походахъ, которые раздвинули границы королевства. Они были вѣрными помощниками монархіи какъ въ совѣтѣ, такъ и на полѣ брани; когда Яковъ I попалъ во власть Монфора, то своимъ освобожденіемъ онъ былъ обязанъ только имъ; они занимали первые ряды въ славныхъ походахъ, которые дали этому королю имя Conquistador.

Петръ III и Яковъ II имѣли такъ много основаній быть имъ благодарными, и Яковъ, послѣ того какъ принесъ ихъ въ жертву, естественно пожелалъ употребить ихъ имѣнія на основаніе какого-нибудь новаго ордена, отъ котораго онъ могъ бы ожидать такихъ же выгодъ; но Климентъ хлопоталъ о госпитальерахъ и оставался глухъ къ неоднократнымъ ходатайствамъ короля. Но со вступленіемъ Іоанна XXII дѣла приняли болѣе благопріятный оборотъ; въ 1317 г. уполномоченному короля Видалю де Вилланово удалось получить отъ папы буллу, разрѣшавшую учрежденіе ордена Nuestra Señora de Montesa, присоединеннаго къ ордену Калатравы, откуда были взяты его первые члены. Цѣлью новаго ордена должна была быть защита береговъ и границъ Валенсіи отъ пиратовъ и мавровъ; земли тампліеровъ въ Арагоніи и Каталоніи перешли къ госпитальерамъ, но новый орденъ получалъ въ Валенсіи всѣ владѣнія какъ тампліеровъ, такъ и госпитальеровъ, за исключеніемъ недвижимости въ предѣлахъ самого города и на милю отъ него по радіусу. Въ 1319 г. были окончены всѣ подготовительныя работы: новый орденъ былъ организованъ и гросмейстеромъ былъ избранъ Гильенъ де Эриль [2].

Fr. Pipini c. 49 (Muratori, «S. R. I.» IX, 750).—Havemann, 338.—Vertot, op. cit. II, 154.—Nocsemii «Gest. Episc. Leodiens.» (Chapeaville, II, 346).—Trithem. «Chron. Hirsaug.» ann. 1307.—Naucleri «Chron.» ann. 1306.—Raynald. ann. 1312, № 7; ann. 1313, № 18.—Van Os, op. cit. 81.—Wilcke, op. cit. II, 340–41, 497.—Gassari «Annal. Augstburg.» ann. 1312 (Menken, I, 1473).—Schottmüller, op. cit. I, 496; II, 427—9.—Regest. Clement. PP. V. T. IV, 452.—Rymer, «Foedera», III, 133—4, 292—4, 321, 337, 404, 409—10, 451—2, 472—3.—Le Roulx, «Documents...», 50.

23-го февраля 1310 года Климентъ далъ отпущеніе грѣховъ Бернару Бейюлю (Bayulli), канонику и канцлеру аббатства Корнельи въ Руссильонѣ; на него пало отлученіе отъ Церкви за присвоеніе лошади, мула и разныхъ предметовъ, общей стоимостью въ шестьдесятъ турскихъ ливровъ, изъ наставничества Гарднн въ Лериской епархіи.—Regest. Clement. PP. V. T. V, 41.

[1]) Raynald. ann. 1313, № 37.—Allart. loc. cit. 87, 89.

[2]) Bofarull y Broca, «Hist. de Cataluña», III, 97.—Zurita, lib. II, c. 60; lib. III, c. 9; lib.

Библиотека "Руниверс"

Въ Кастиліи хищеніе началось рано. За два съ половиною года до осужденія ордена, 15-го іюля 1309 г., королевскія граматы объявляютъ, что Фердинандъ IV продалъ ордену Алькантары за сто тридцать тысячъ мараведи замокъ тампліеровъ и мѣстечко Капича, а также Альморчонъ и Гарлитасъ, съ условіемъ, что, если орденъ тампліеровъ будетъ возстановленъ или папа не пожелаетъ передать имущество королю, то онъ при возвращеніи имѣній вернетъ полученныя имъ деньги. Это, по всей вѣроятности, образчикъ многочисленныхъ сдѣлокъ, воспоминанія о которыхъ не сохранилось, такъ какъ мы знаемъ другой фактъ, который еще болѣе ярко освѣщаетъ хищность монарха. Изъ одного документа отъ 13-го февраля 1312 г., также предшествовавшаго окончательному рѣшенію Вьеннскаго собора, мы видимъ, что Васко Фернандесъ, магистръ тампліеровъ въ Португаліи, купилъ у магистра Алькантары Гонзало Переса домъ въ Вальетасѣ въ Португаліи за пятьдесятъ тысячъ турскихъ ливровъ. Фердинанду удалось захватить Васко и заставить Переса уплатить ему пятьдесятъ тысячъ ливровъ, въ полученіи которыхъ онъ далъ ему росписку по формѣ, обѣщавъ ему, что его не будутъ безпокоить по этому дѣлу. Не прошло еще года, какъ король Фердинандъ умеръ, оставивъ послѣ себя наслѣдникомъ своего двухлѣтняго сына Альфонса XI. Во время анархіи, сопровождавшей регентство, мало думали объ исполненіи папскихъ указовъ, и корона сохранила большую часть земель, конфискованныхъ у тампліеровъ, между тѣмъ какъ вельможамъ и городамъ удалось удержать свою часть вдоль всей границы. Нѣкоторыя владѣнія были отданы орденамъ Сантьяго и Калатравы; госпитальеры же получили весьма немного. Послѣ полувѣкового перерыва была сдѣлана новая попытка: въ 1366 г. Урбанъ V приказалъ, чтобы до истеченія двухмѣсячнаго срока всѣ имѣнія тампліеровъ были переданы госпитальерамъ; но можно думать, что на это приказаніе не было обращено большого вниманія. Однако, авиньонскій антипапа Климентъ VII утвердилъ въ 1387 г. нѣкоторые обмѣны имѣній, перешедшихъ отъ тампліеровъ, обмѣны между орденомъ госпитальеровъ, съ одной стороны, и Сантьяго и Калатравы, съ другой [1]). Мы знаемъ, что Кастилія всегда особенно была независима отъ папства. Въ Португаліи, какъ мы видѣли выше, всѣ вообще имѣнія были переданы ордену Іисуса Христа.

Въ Морею, гдѣ владѣнія тампліеровъ были значительны, Климентъ уже 11-го ноября 1310 г. заявилъ свои права на владѣніе ими, приказавъ своимъ администраторамъ, патріарху Константинополя и архіепископу Патраса, дать взаймы герцогу Аѳинскому Готье де Бріенъ всѣ собранныя суммы и всѣ имѣющія поступить въ слѣдующемъ году [2]).

Такимъ образомъ безъ всякой борьбы была уничтожена Конгрегація, которая считалась самой гордой, самой счастливой и самой сильной въ Европѣ. Никто не осмѣлился бы напасть на нее, если бы инквизиціонное судопроизводство не дало въ руки людей, ловкихъ и мало стѣснявшихся, необходимыя средства, чтобы облечь въ законную форму простой грабежъ. Если я удѣлилъ сравнительно очень много мѣста разсказу объ этой трагедіи, то въ свое извиненіе я могу сослаться на то, что она прекрасно показываетъ, какъ ненадежно было положеніе всякаго, какъ бы ни было высоко его положеніе, когда

VI, c. 26.—Mariana, V, 290 (изд. 1789 г.).—La Fuente, «Hist. Eccles.» II, 370–71.—Ilescas («Hist. Pontifical», lib. VI, c. 2) удостовѣряетъ, что во второй половинѣ XVI вѣка было четырнадцать магистровъ Монтезы и что ни одинъ изъ нихъ не былъ женатъ, кромѣ бывшаго въ то время магистромъ Цезаря Борджіи.

[1]) «Memorias de Fernando IV. Coleccion Diplomática», t. II, 447, 828.—Barrantes, «Ilustraciones de la Casa de Niebla», Part, V, cap. XXX (Memorial Histórico Español).—Mariana, V, 290.—Garibay, «Compendio Historial», lib. XIII, cap. 33.—Zurita, lib. VI, c. 26.—Le Roulx, «Documents...», 52.

Въ 1343 году Альфонсъ XI далъ дону Алонзо Фернандесу Коронелю замки Капилья и Бургильосъ, раньше принадлежавшіе тампліерамъ.—Barrantes, op. cit. P. III, cap XXXI; P. IV, cap. II.

[2]) Regest. Clement. PP. V. T. V, 235 (Romae, 1887).

Библиотека "Руниверс"

противъ него возбуждали обвиненіе въ ереси, и обвиненіе это поддерживалъ могущественный Святой Трибуналъ.

Дѣло ученаго богослова Жана Пти не представляетъ особаго историческаго интереса; но о немъ слѣдуетъ упомянуть, какъ о примѣрѣ обвиненія въ ереси, служившемъ оружіемъ въ политической борьбѣ и бывшемъ настолько растяжимымъ, что оно позволяло называть ересями преступленія, которыя трудно было подвести подъ обыкновенный судъ.

Въ царствованіе Карла VI королевская власть во Франціи была лишь слабой тѣнью власти. Частые приступы безумія дѣлали короля неспособнымъ управлять, а ссоры принцевъ крови, мятежныхъ и честолюбивыхъ, вызывали въ королевствѣ настоящую анархію. Особенно сильное соперничество существовало между братомъ короля, герцогомъ Орлеанскимъ, Людовикомъ и его двоюроднымъ братомъ Іоанномъ Безстрашнымъ Бургундскимъ. Общество той эпохи привыкло уже ко всякому проявленію насилія, тѣмъ не менѣе оно было очень взволновано, когда по приказанію Іоанна Безстрашнаго герцогъ Орлеанскій былъ убитъ на одной изъ парижскихъ улицъ,—убійство это было отомщено только въ 1419 г., когда топоръ Таннеги дю Шатель расплатился за старую ненависть на мосту Монтеро. Самъ Іоаннъ Безстрашный считалъ нужнымъ найти какое-нибудь оправданіе своему кровавому поступку; онъ обратился за помощью къ Жану Пти, который прочелъ предъ королевскимъ дворомъ разсужденіе подъ заглавіемъ Justificatio Ducis Burgundiae, въ которомъ онъ доказывалъ, что Іоаннъ дѣйствовалъ правильно и заслуживаетъ признательности короля и народа. Составленный въ условномъ схоластическомъ стилѣ трактатъ этотъ не былъ простымъ памфлетомъ, а заключалъ въ себѣ доказательства, построенныя на общихъ принципахъ. По любопытному совпаденію лѣтъ около трехъ сотъ передъ этимъ другой Іоаннъ Малый (Johannes Parvus), извѣстный болѣе подъ именемъ Іоанна Салюсберійскаго, самый выдающійся представитель цивилизаціи своей эпохи, въ одной чисто отвлеченной работѣ доказывалъ, что тиранна слѣдуетъ убить безъ всякой жалости. По словамъ нашего Жана Пти, «всякій подданный или вассалъ можетъ и долженъ совершенно справедливо убить тиранна, какимъ бы то ни было способомъ, въ частности хитростью, несмотря ни на какую присягу или договоръ, не ожидая рѣшенія или приказа суда». Кончалось это смѣлое положеніе опредѣленіемъ понятія тиранна: тиранномъ называется тотъ, кто старается обманомъ, магіей или коварствомъ лишить короля его верховной власти. Что же касается подданнаго или вассала, то это человѣкъ, вдохновленный привязанностью къ своему королю, котораго монархъ долженъ любить и вознаграждать. Нетрудно было найти въ свящ. Писаніи примѣры въ подтвержденіе этого положенія; таково убійство Зимри Финеасомъ или убійство Олоферна Юдиѳью; но Жанъ Пти пустился въ спорную область, заявивъ, что св. Михаилъ не дожидался приказаній Бога и былъ вдохновленъ только своей природной любовью къ Нему, когда поразилъ Сатану вѣчною смертью, за что получилъ самую высшую признательность на Небѣ [1]).

Это не была простая защитительная рѣчь адвоката, такъ какъ трактатъ былъ изданъ на народномъ языкѣ и пущенъ въ продажу. Іоаннъ Безстрашный долженъ былъ сильно содѣйствовать распространенію этого трактата, который, несомнѣнно, укрѣпилъ и безъ того уже убѣжденныхъ людей. Эта книга погибла бы во мракѣ забвенія, если бы лѣтъ черезъ шесть послѣ этого партія арманьяковъ, вернувшись къ власти, не отыскала трактата Жана Пти, чтобы сдѣлать изъ него оружіе противъ бургундцевъ. Самъ авторъ за нѣсколько лѣтъ передъ этимъ умеръ и, такимъ образомъ, избѣжалъ суда по обвиненію въ ереси; тѣмъ не менѣе, въ ноябрѣ 1413 г. въ Парижѣ собралось національное

[1]) Johann. Saresberiens. «Polycrat.» VIII, 17.—D'Argentré, I, II, 180—5.—Monstrelet, «Chroniques», I, 39, 119.

Библиотека "Руниверс"

собраніе для разсмотрѣнія девяти положеній, извлеченныхъ изъ трактата. Епископъ Парижскій Жераръ и инквизиторъ бр. Жанъ Поле просили магистровъ богословія университета высказать свое мнѣніе; посовѣтовавшись, ученые торжественно осудили положенія. Соборъ съ неутомимой мелочностью разбиралъ этотъ вопросъ въ теченіе двадцати восьми засѣданій; наконецъ, 23-го февраля 1414 г., вынесъ рѣшеніе, осуждавшее на сожженіе эти девять положеній, какъ грѣшащія противъ вѣры и нравственности и явно соблазнительныя. Рѣшеніе это черезъ два дня было достодолжнымъ образомъ приведено въ исполненіе на эшафотѣ передъ соборомъ Богоматери въ присутствіи большой толпы, въ назиданіе которой Бенуа Женсьенъ подробно изложилъ, какъ велика была осужденная ересь. Іоаннъ Безстрашный принесъ жалобу на это рѣшеніе Св. Престолу, и Іоаннъ XXII поручилъ тремъ кардиналамъ—Орсини, Аквилеи и Флоренціи—разсмотрѣть дѣло и составить допесеніе. Такимъ образомъ, дѣло Жана Пти сдѣлалось вопросомъ европейскимъ; но несмотря на вмѣшательство папы, королевскій указъ отъ 17-го марта приказывалъ всѣмъ епископамъ королевства сжечь осужденныя положенія; такое же точно приказаніе издалъ 18-го марта университетъ; 4-го іюня другимъ королевскимъ указомъ повелѣвалось обнародованье рѣшенія; 4-го декабря университетъ явился къ королевскому двору и произнесъ рѣчь по этому поводу; наконецъ, 27-го декабря Карлъ VI послалъ письмо на Констанцскій соборъ, прося отцовъ собора присоединиться къ осужденію. Очевидно, изъ дѣла старались извлечь все, что возможно. Когда 4-го января 1415 г. въ соборѣ Парижской Богоматери состоялось такъ надолго отложенное торжественное погребеніе герцога Орлеанскаго, канцлеръ Герсонъ произнесъ передъ королемъ и дворомъ рѣчь, смѣлость которой возбудила всеобщіе толки. Если вѣрить ей, то правленіе герцога Орлеанскаго много лучше правленія всѣхъ, слѣдовавшихъ за нимъ; само собой разумѣется, проповѣдникъ не требовалъ смерти герцога Бургундскаго, но онъ просилъ униженія и смиренія Іоанна Безстрашнаго; было основаніе сжечь положенія Жана Пти; но были еще мѣры, которыя слѣдовало принять, и Герсонъ бралси поддержать это положеніе противъ всякаго желающаго [1]).

Таково было настроеніе ума Герсона, когда онъ прибылъ на Констанцскій соборъ въ качествѣ представителя галликанской Церкви. Въ своей первой рѣчи, произнесенной имъ на соборѣ 23-го марта 1415 г., онъ настойчиво требовалъ осужденія девяти положеній. Дѣло Іоанна XXII, осужденіе Виклефа, причастіе подъ обоими видами и обсужденіе дѣла Яна Гуса поглотили на долгое время вниманіе собора, и въ отношеніи девяти положеній мѣры были приняты только 15-го іюня. За это время Герсонъ нашелъ себѣ союзника въ лицѣ знатнаго поляка. Іоаннъ фонъ Фалькенбергъ написалъ памфлетъ, въ которомъ онъ примѣнялъ доказательства Жана Пти къ убійству польскихъ князей; архіепископъ Гнѣзненскій безъ труда добился отъ Парижскаго университета осужденія этого труда, а польскій посланникъ присоединилъ свои усилія къ усиліямъ Герсона, чтобы добиться осужденія обѣихъ книгъ. 15-го іюня епископъ Познанскій Андрей Ласкарисъ предложилъ избрать комиссію, которая произвела бы разслѣдованіе по поводу новыхъ ересей. Имени Жана Пти не было произнесено, но всѣ поняли, что вопросъ шелъ объ осужденіи положеній французскаго богослова, такъ какъ противъ былъ поданъ только одинъ голосъ, а именно Мартиномъ, епископомъ Арраса и посломъ Іоанна Безстрашнаго. Этотъ прелатъ заявилъ, что единственной цѣлью обвинителей было напасть на герцога, его повелителя; кромѣ того, онъ возражалъ противъ назначенія кардинала Петра д'Айльи, который участвовалъ въ комиссіи кардиналовъ Орсини, Аквилеи и Флоренціи, между тѣмъ какъ итальянское правительство избирало двухъ представителей, а духовенство Франціи, Англіи и Германіи каждое назначало по четыре комиссара. 6-го іюня послѣ объявленія своего рѣ-

[1]) D'Argentré, I, II, 184—6.—Religieux de S. Denis, «Histoire de Charles VI», lib. XXXIII, c. 28.—Juvénal des Ursins, ann. 1413. Gersoni «Opera», изд. 1494 г., 14, B, C.—Von der Hardt, T. III, Prolegom. 10—13.—Monstrelet, op. cit. I, 139.

Библиотека "Руниверс"

шенія по дѣлу Гуса соборъ осудилъ, какъ еретическое и соблазнительное, положеніе Quilibet tyrannus, которое было въ сущности первымъ изъ девяти положеній, осужденныхъ въ Парижѣ. Но это не удовлетворило французовъ, желавшихъ полнаго подтвержденія приговора Парижскаго университета.

Въ теченіе тридцати мѣсяцевъ засѣданій Герсонъ непрестанно старался добиться желаннаго подтвержденія. Онъ утверждалъ, что ереси Жана Пти были болѣе тяжелыя, чѣмъ ереси Гуса и Іеронима, и горько порицалъ соборъ за то, что онъ не довелъ до конца своего благочестиваго дѣла. Борьба и споръ велись безконечно по поводу обращеній, шедшихъ, съ одной стороны, отъ Карла VI и университета, съ другой—отъ герцога Бургундскаго. Іоаннъ фонъ Фалькенбергъ былъ заключенъ въ тюрьму; но нельзя было добиться, чтобы соборъ пошелъ дальше этого; въ концѣ концовъ, дѣло угасло само собой. Въ настоящее время трудно понять, почему этотъ споръ принялъ въ глазахъ современниковъ такое значеніе. Позднѣе Герсону приходилось выслушивать насмѣшки и упреки за то, что онъ внесъ подобный вопросъ на обсужденіе такого собранія, какъ Констанцскій соборъ; онъ оправдывался, ссылаясь на то, что онъ дѣйствовалъ согласно инструкціямъ короля, университета и галликанской Церкви, въ лицѣ ея представителей отъ Санской провинціи. Кромѣ того, онъ увѣрялъ, что, видя рвеніе, проявленное соборомъ въ осужденіи ученій виклефитовъ и въ сожженіи Гуса и Іеронима, онъ былъ настолько легкомысленъ и неправъ, что предполагалъ, что отцы собора должны проявить себя столь же ревностными въ осужденіи еще болѣе опасныхъ ересей Жана Пти. Для насъ интереснѣе всего, какое вліяніе оказало все это дѣло на судьбу самого Герсона. Послѣ роспуска собора канцлеръ не посмѣлъ, вернувшись во Францію, выдать себя мщенію герцога Бургундскаго; онъ съ радостью принялъ предложеніе герцога Австрійскаго Эрнеста, пригласившаго его къ себѣ, и выразилъ свою признательность въ хвалебной поэмѣ. Въ свое же отечество онъ никогда не проникалъ далѣе Ліона, гдѣ одинъ изъ его братьевъ былъ монахомъ въ целестинскомъ монастырѣ, и гдѣ онъ зарабатывалъ себѣ на жизнь въ качествѣ школьнаго учителя до самой своей смерти, послѣдовавшей 14-го іюля 1429 г. [1]).

Историческая критика давно бы уже доказала миѳическій характеръ мимолетнаго явленія Жанны Даркъ [2]), если бы показанія друзей и враговъ, подкрѣпленныя подлинными документами, не дали намъ возможности освободить ея чудесную исторію отъ легендарныхъ подробностей, въ которыя ее облекли. Для насъ исторія Жанны Даркъ представляетъ тотъ спеціальный интересъ, что она лишній разъ показываетъ намъ, какъ легко можно было примѣнить инквизиціонное судопроизводство въ политическихъ цѣляхъ.

Въ 1429 г. французская монархія, казалось, была безповоротно осуждена на гибель. Въ поколѣніи, выросшемъ среди ужасныхъ раздоровъ во время царствованія полупомѣшаннаго короля Карла VI, партійный духъ замѣнилъ вѣрность трону или отечеству; вѣрноподданные были извѣстны подъ именемъ арманьяковъ, а не подъ именемъ сторонниковъ Карла VII, а бургундцы предпочитали господство иностранца владычеству своего наслѣдственнаго монарха. Парижъ, несмотря на ужасныя потери и бѣдствія, причиненныя войной, съ радостью подчинился англичанамъ изъ расположенія къ герцогу Бургундскому, союзнику завоевателей. Жанна Даркъ показывала, что въ ея родной деревнѣ Домреми на границѣ Лотарингіи былъ только одинъ бургундецъ и что она хотѣла бы, чтобы ему срубили голову; но Домреми и Вокулеръ былъ единственнымъ центромъ арманьяковъ въ сѣверо-

[1]) Von der Hardt, III, Prolegom. 13; IV, 335—6, 440, 451, 718—22, 724—28, 1087—88, 1092, 1192, 1513, 1531—32.—D'Argentré, I, II, 187—92.—Gersoni «Opera», III, 56, Q—S, 57 B.

[2]) Прежняя транскрипція д'Аркъ нынѣ признается неправильной. *Ред.*

Библиотека "Руниверс"

ЖАННА Д'АРКЪ.

(Скульптура Франсуа Рюда, Луврскій музей въ Парижѣ).

Библиотека "Руниверс"

восточной Франціи, и дѣти часто вступали съ молодыми бургундцами изъ Марэ въ битвы, съ которыхъ они возвращались домой ранеными и въ крови [1]).

Даже смерть побѣдоноснаго Генриха V, послѣдовавшая въ 1423 г., не остановила, повидимому, успѣховъ Англіи. При ловкомъ регентствѣ герцога Бедфордскаго, брата покойнаго короля, поддерживаемаго такими военачальниками, какъ Салисбюри, Тальботъ, Скельсъ и Фальстольфъ, молодому Генриху VI, казалось, было предназначено судьбою занять французскій престолъ своего дѣда Карла VI согласно съ договоромъ, заключеннымъ въ Труа. Битва при Вернёйлѣ въ 1424 г. была новымъ Азанкуромъ. Одна только провинція Дофинэ потеряла на полѣ брани триста рыцарей, и если бы не вѣрность земель, присоединенныхъ послѣ альбигойскихъ крестовыхъ походовъ, то Карлъ VII былъ бы съ этой минуты королемъ безъ королевства. Отброшенный къ югу отъ Луары, онъ получилъ насмѣшливое прозвище Roi de Bourges. Непостоянный и нерѣшительный, управляемый недостойными любимцами, онъ не зналъ, отступать ли ему къ югу и основаться ли ему окончательно въ горахъ Дофинэ, или искать себѣ убѣжища въ Испаніи или Шотландіи. Его послѣдней оборонительной линіи на Луарѣ въ 1429 г. грозила серьезная опасность отъ осады Орлеана. Онъ былъ не въ состояніи освободить осажденныхъ; въ теченіе пяти мѣсяцевъ городъ геройски сопротивлялся, а затѣмъ граждане, доведенные до отчаянія, послали славнаго рыцаря Потона де Ксентрайль принести имъ вѣрноподданичество герцогу Бургундскому. Герцогъ охотно принялъ бы это предложеніе, но ему нужно было испросить согласіе на это своего англійскаго союзника, а Бедфордъ съ презрѣніемъ отказалъ, не желая, какъ сказалъ онъ, рубить кустарникъ, чтобы другой поймалъ птицу. Осада продолжалась еще два мѣсяца; весною 1429 г. всякое дальнѣйшее сопротивленіе казалось безполезнымъ; Карлу не оставалось ничего иного, какъ позорно отступить и отправиться въ ссылку [2]).

Таково было безнадежное положеніе французской монархіи, когда энтузіазмъ Жанны Даркъ воспламенилъ мужество, которое погасилъ безпрерывный рядъ неудачъ, пробудилъ вѣрность въ подданныхъ короля, заглушенную партійнымъ духомъ, сдѣлалъ изъ религіи средство возбужденія патріотизма и замѣнилъ отчаяніе довѣріемъ. Конечно, очень рѣдко появляются въ исторіи люди, которымъ дано вліять на судьбу цѣлаго народа; быть можетъ, этотъ счастливый удѣлъ никогда еще не выпадалъ на долю души болѣе смиренной и, повидимому, менѣе слабой выполнить его [3]).

Жанна родилась 6-го января 1412 г. въ маленькой хижинѣ въ Домреми на границѣ Лотарингіи и Шампани; ей не исполнилось еще семнадцати лѣтъ, когда она смѣло взяла на себя роль освободительницы своего отечества [4]). Ея родители, честные крестьяне, дали ей воспитаніе сообразно съ ея общественнымъ положеніемъ; само собой разумѣется, она не умѣла ни читать, ни писать, но знала наизустъ Отче Нашъ, Богородицу и Вѣрую; она пасла коровъ и хорошо шила; во время своего процесса она хвасталась, что ни одна руанская женщина или дѣвушка не шила лучше ея. Благодаря своимъ сельскимъ занятіямъ она была дѣвушкой рослой и сильной, энергичной и настойчивой. Впослѣдствіи

[1]) Journal d'un Bourgeois de Paris, ann. 1431.—Epist. de Bonlavillar (Pez, «Thesaur. Anecd.» VI, III, 237).—Procès de Jeanne d'Arc, 474. (примѣчанія, которыя не имѣютъ особаго упоминанія и относятся къ этому документу и къ другимъ доказательствамъ, касающимся Жанны Даркъ, взяты изъ Бюшона (Buchon), «Choix de Chroniques et Mémoires», Парижъ, 1838 г.).

[2]) Thomassin, «Registre Delphinal» (Buchon, op. cit. 536, 540). – Görres, «Vie de Jeanne d'Arc», перев. Борé, Парижъ, 1886, стр. 108.—Chronique de la Pucelle (Buchon, op. cit. 454).

[3]) Хотя англичане всегда называли ее Jean of Arc, но настоящая фамилія Жанны была Darc.—Vallet de Viriville, «Charles du Lis», стр. XII—XIII.

[4]) Родина Жанны находилась такъ близко отъ границы, что новое разграниченіе, произведенное въ 1571 году отнесло къ Лотарингіи группу домовъ, въ томъ числѣ и домъ Дарковъ, тогда какъ сосѣдніе дома остались во Франціи.—Vallet de Viriville, ubi supra, 24 –5.

Библиотека "Руниверс"

разсказывали, что она могла въ теченіе шести дней и шести ночей не снимать латъ, и передавали чудесныя исторіи о томъ, какъ легко она обходилась безъ пищи, перенося въ битвахъ и нападеніяхъ самые изнурительные труды. Такимъ образомъ, надъ ея сильнымъ тѣлосложеніемъ господствовала еще болѣе энергичная нервная система, которая къ тому же легко приходила въ возбужденіе. Ея рѣшительная самоувѣренность сказалась въ тотъ день, когда одинъ честный гражданинъ Туля задумалъ жениться на ней, причемъ родители дѣвушки были на его сторонѣ. Получивъ отказъ, влюбленный прибѣгъ къ закону, по всей вѣроятности, съ согласія стариковъ Даркъ, и вызвалъ Жанну на судъ въ Тулѣ, чтобы заставить ее выполнить обѣщаніе, которое она, по его словамъ, дала ему. Жанна безстрашно явилась на судъ, присягнула, что не давала никакого обѣщанія и была освобождена отъ своего безразсуднаго искателя. Въ тринадцать лѣтъ она стала впадать въ экстазъ, и ей стали являться видѣнія. Прежде всего ей явился архангелъ Михаилъ въ сопровожденіи св. Екатерины и св. Маргариты, нарочно посланныхъ Богомъ, чтобы охранять Жанну и печись о ней. Иногда являлся къ ней архангелъ Гавріилъ и давалъ ей совѣты. Жанна считала себя орудіемъ божеской воли, и движенія своей собственной пылкой души принимала за велѣнія свыше. Она дошла до того, что по собственному желанію призывала божественныхъ совѣтниковъ и получала отъ нихъ наставленія во всякую трудную минуту. Ея судьи усиленно настаивали на старомъ букѣ, росшемъ около Домреми и извѣстномъ подъ именемъ Дерева Дамъ или Дерева Фей; около него журчалъ ручей, славившійся своей чудодѣйственной силой. Пережитокъ поклоненія деревьямъ и источникамъ оставался еще въ годовыхъ праздникахъ, когда деревенскія молодыя дѣвушки собирались вокругъ бука, танцовали, пѣли и вѣшали вѣнки на его вѣтви; но Жанна, всегда бывшая съ дѣвушками, обыкновенно сохраняла свои вѣнки, чтобы убрать ими алтарь Богоматери въ сосѣдней Церкви. Со дня перваго появленія ей небесныхъ посланниковъ Жанна дала обѣтъ дѣвства. Она вѣрила, что она избрана и предназначена для какой-либо божеской миссіи, для чего нужно было пожертвовать всѣми земными привязанностями. Разсказывая своимъ судьямъ, что ея родители сошли почти съ ума отъ горя послѣ ея ухода, она добавила, что если бы у нея было сто отцовъ и матерей, то она всѣхъ бы ихъ оставила, чтобы выполнить свою миссію. Это внутреннее сосредоточенье, по всей вѣроятности, отражалось и на лицѣ ея, такъ какъ многіе лѣтописцы сообщаютъ, что ни одинъ человѣкъ не могъ взглянуть на нее похотливымъ окомъ [1]).

Вначалѣ ея небесные руководители приказывали ей только вести себя хорошо и принадлежать къ Церкви; но когда она начала понимать безнадежное положеніе государства и стала раздѣлять горячія желанія эпохи, то, естественно, наставленія чисто нравственнаго характера измѣнились, и голоса стали приказывать ей принести освобожденіе доведенному до отчаянія народу. Въ своихъ экстазахъ она чувствовала себя избраннымъ орудіемъ; наконецъ, Голоса, какъ она обыкновенно называла ихъ, стали слышаться ей по нѣсколько разъ въ недѣлю и побуждали ее пойти во Францію снять осаду Орлеана. Она боялась открыть свою миссію родителямъ; но они знали, повидимому, о ея намѣреніи, такъ какъ за два года до ухода Жанны отецъ ея, Жакъ Даркъ, видѣлъ во снѣ, что она ушла съ солдатами, и сказалъ своимъ сыновьямъ, что если бы онъ предполагалъ, что сонъ его можетъ сбыться, то онъ предпочелъ бы, чтобы они утопили Жанну или самъ утопилъ бы ее. Съ этого дня за ней стали внимательно слѣдить; но настоянія ея небесныхъ совѣтниковъ обратились въ упреки; они находили, что она медлитъ послѣдовать ихъ наставленіямъ, и она не могла болѣе откладывать. Она выпросила себѣ разрѣшеніе пойти повидать дядю своего Дени Лаксаръ и убѣдила его тайно завязать ей сношенія съ Робер-

[1]) Procès, 469, 470, 471, 473, 475, 476, 477, 483, 485, 487, 499.—Chron. de la Pucelle, ann. 1429, стр. 428, 435—36, 443. L'Averdy (Académie des Inscriptions, Notice des Mss. III, 373).

Библиотека "Руниверс"

ВИДѢНІЕ ЖАННЫ Д'АРКЪ

(Лепепве.—Пантеонъ въ Парижѣ).

Библиотека "Руниверс"

томъ де Бодрикуръ, который занималъ отъ имени короля замокъ Вокулеръ, расположенный по сосѣдству. Ея Голоса предсказали ей, что она получитъ два отказа, но что третья попытка увѣнчается успѣхомъ; и предсказаніе это исполнилось. Храбрый рыцарь сначала посовѣтовалъ дядѣ наказать молодую дѣвушку, но, въ концѣ концовъ, далъ убѣдить себя и обѣщалъ исходатайствовать у короля разрѣшеніе послать Жанну ко двору. По всей вѣроятности, она въ это время получила славу вдохновенной пророчицы, такъ какъ, пока ожидали отвѣта короля, герцогъ Лотарингскій, бывшій тогда больнымъ, призвалъ къ себѣ Жанну, и она объявила ему, что, если онъ желаетъ выздоровѣть, то долженъ примириться со своею супругою. Разрѣшеніе короля пришло; Бодрикуръ далъ Жаннѣ костюмъ и шпагу, доставилъ ей скромный конвой изъ одного рыцаря и пяти вооруженныхъ людей и умылъ себѣ руки [1]).

Эта маленькая группа людей пустилась въ путь 13-го февраля 1429 года; путешествіе было долгое и опасное; надо было въ суровую зиму проѣхать сто пятьдесятъ миль по враждебной странѣ. Уже одинъ тотъ фактъ, что Жаннѣ и ея спутникамъ удалось достигнуть цѣли поѣздки въ одиннадцать дней, былъ въ глазахъ народа своего рода чудомъ, въ которомъ ясно сказалось божеское покровительство. 24-го февраля они прибыли въ Шинонъ, гдѣ находился Карлъ со своимъ дворомъ; здѣсь Жанна должна была встрѣтить новыя препятствія. Правда, нѣкоторые разсудительные люди видѣли въ ней, говорятъ, осуществленіе пророчества Мерлина: Descendet virgo dorsum sagittarii et flores virgineos obscurabit; другіе утверждали, что приходъ ея былъ предсказанъ Сивиллой и преподобнымъ Бедой; третьи же спрашивали у нея, нѣтъ ли въ ея странѣ лѣса, называемаго le Bois-Chênu, такъ какъ старинное пророчество предсказывало, что изъ этого лѣса Bois-Chênu должна выйти молодая дѣвушка, одаренная чудесною силою. Она наполнила ихъ радостью, сказавъ имъ, что этотъ лѣсъ находился только въ одной милѣ отъ дома ея родителей. Но люди, полагавшіеся только на одно человѣческое знаніе, покачивали головами и считали безумiемъ ея мнимую миссію. Однако, дѣло короля было настолько безнадежно, что намѣренія Жанны были найдены достаточно серьезными, чтобы подвергнуть ихъ разсмотрѣнію. Прелаты и доктора богословія, юристы и государственные люди въ теченіе цѣлаго мѣсяца допрашивали молодую дѣвушку; всѣ они одинъ за другимъ были плѣнены ея простотою, ея жаромъ, ея убѣжденностью и тонкостью ея отвѣтовъ. Но всего этого было еще мало. Въ Пуатье засѣдалъ парламентъ Карла, а также университетъ, представленный нѣсколькими богословами, бѣжавшими изъ Парижскаго университета, перешедшаго на сторону англичанъ. Жанна была отправлена въ этотъ городъ, гдѣ ее въ теченіе трехъ недѣль мучили безконечнымъ допросомъ. Въ то же время производили тщательное разслѣдованіе о ея прошлой жизни; всѣ эти розыски установили, что добрая слава ея вполнѣ справедлива, и что она достойна довѣрія. Предложили Карлу, чтобы онъ попросилъ ее подтвердить какимъ-либо знаменіемъ, что она дѣйствительно посланница Бога; но она отвергла это, объявивъ, что небесная воля желаетъ, чтобы знаменіе это явилось подъ Орлеаномъ, а не гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ. Въ концѣ концовъ, въ оффиціальномъ заключеніи, составленномъ крайне благоразумно, говорилось, что въ виду ея честной жизни и достойнаго похвалы поведенія, въ виду также ея обѣщанія подтвердить знаменіемъ подъ Орлеаномъ свою миссію, король не долженъ ей мѣшать отправиться туда; надлежало отвести Жанну въ Орлеанъ подъ надежной охраной, такъ какъ отвергать предложеніе молодой дѣвушки, не имѣющее въ себѣ ничего дурного, было бы оскорбленіемъ Св. Духа и могло бы лишить милости и помощи Бога [2]).

[1]) Procès, 471, 485.—Chronique, 454.—L'Averdy (ubi supra, III, 301).

[2]) Procès, 471, 475, 478, 482, 485.—Chronique, 428, 454.—Görres, op. cit. 37—9.—Thomassin, op. cit. 537, 538.—Christine de Piffisan (Buchon, op. cit. 541).—Monstrelet, op. cit. liv. II, ch. 57.—Dynteii «Chron. Duc. Brabant.» lib. VI, c. 234.

Хроники упоминаютъ много чудесъ, при помощи которыхъ Жанна устранила сомнѣнія

Библиотека "Руниверс"

Два мѣсяца прошло въ этихъ предварительныхъ работахъ; кончался апрѣль, и не было еще принято никакого рѣшенія. Приготовляли обозъ для доставки въ Орлеанъ съѣстныхъ припасовъ, и Жаннѣ было поручено сопровождать этотъ обозъ. Согласно повелѣніямъ Голосовъ, Жанна приказала сдѣлать себѣ знамя, на которомъ на бѣломъ фонѣ былъ изображенъ между двухъ ангеловъ Христосъ, поддерживающій міръ; это знамя, бывшее всегда во время битвы въ первомъ ряду и считавшееся залогомъ побѣды, въ концѣ концовъ, заподозрили въ томъ, что оно было дѣломъ колдовства. Жаннѣ былъ назначенъ эскортъ, стража, но, повидимому, она никогда не принимала на себя оффиціальнаго начальства; однако, она предполагала вступить въ кампанію, какъ посланная Богомъ, и сочла нужнымъ сначала послать вызовъ врагу. 18-го апрѣля она послала четыре письма—одно Генриху VI и три другихъ—регенту Бедфорду, начальникамъ войскъ, собранныхъ подъ Орлеаномъ, и англійскимъ солдатамъ этой арміи; она требовала возвращенія ключей отъ всѣхъ городовъ, занятыхъ во Франціи врагомъ; она изъявляла готовность заключить миръ, если англичане оставятъ страну и уплатятъ вознагражденіе за бѣдствія, принесенныя ихъ вторженіемъ; въ противномъ же случаѣ она, въ силу повелѣнія, полученнаго ею отъ Бога, выгонитъ ихъ изъ Франціи послѣ вооруженнаго нападенія на нихъ, подобнаго которому міръ не видалъ тысячу лѣтъ. Эти посланія страшно удивили всѣхъ въ англійскомъ лагерѣ. Слухъ о прибытіи Жанны распространился; о ней говорили, какъ о колдуньѣ; всѣ, кто вѣрилъ въ нее, считались еретиками; Тальботъ громко говорилъ, что если она попадетъ къ нему въ руки, то онъ сожжетъ ее живою, и люди, принесшіе ея письма, избѣгли подобной участи только благодаря Дюнуа, командовавшему въ то время Орлеаномъ и пригрозившему мщеніемъ [1]).

Карла; разсказывали, что она узнала его съ перваго взгляда, хотя онъ и былъ одѣтъ просто и скрылся среди блестящихъ придворныхъ; говорили также, что она открыла королю тайну, которая была извѣстна только Богу и ему, что она сказала ему, какія молитвы и просьбы возсылалъ онъ къ Богу въ своей молельнѣ въ Loches (Chronique. 429, 455; Jean. Chartier. «Hist. de Charles VII» изд. Годфруа, стр. 19; Görres, op. cit. 105—9). Быть можетъ, какое-нибудь случайно произнесенное Жанною слово поразило слабый умъ Карла и произвело на него глубокое впечатлѣніе; но легенда такъ быстро составилась вокругъ Дѣвственницы, что въ нее сразу же внесли новыя чудеса. Жанна сказала своимъ судьямъ, что Карлъ и многіе королевскіе совѣтники, въ томъ числѣ герцогъ Бурбонскій, видѣли ея ангеловъ хранителей и слышали ея Голоса, и что самъ король получилъ важныя откровенія (Procès, 472). Она сказала также, что вещественное знаменіе подтвердило божественность ея миссіи. Подъ вліяніемъ ловкаго допроса судей это знаменіе, бывшее вначалѣ тайною, которую она открыла одному только королю (стр. 477), измѣнилось въ исторію, изъ ряда вонъ выходящую: святой Михаилъ, сопровождаемый св. Екатериной, св. Маргаритой и множествомъ ангеловъ, пришелъ за нею въ ея жилище, провожалъ ее до дворца короля, взошелъ на лѣстницу и открылъ двери; онъ далъ Реймскому архіепископу золотую корону неописуемой цѣнности, такую, подобную которой не могъ бы сдѣлать ни одинъ золотыхъ дѣлъ мастеръ въ мірѣ. Архіепископъ передалъ эту корону королю, въ то время какъ архангелъ возвѣщалъ Карлу, что съ помощью Бога и Жанны, Божьяго воина, онъ вернетъ себѣ всю Францію; но, если онъ не воспользуется помощью Дѣвственницы, то его коронованіе будетъ отсрочено. Все это, утверждала она, видѣли и слышали архіепископъ Алансона и разные прелаты, Карлъ Бурбонскій, герцогъ Алансонскій, Ла-Тремуйль и триста другихъ свидѣтелей. Это именно чудо избавило ее отъ скучныхъ допросовъ духовныхъ лицъ. Когда ее спрашивали, предоставляетъ ли она это рѣшеніе свидѣтельству архіепископа, то она отвѣчала: «Вызовите его и позвольте мнѣ объясниться съ нимъ, онъ не осмѣлится сказать противоположное тому, что сказала вамъ я». Предложеніе это было безопасно, такъ какъ процессъ имѣлъ мѣсто въ Руанѣ, на англійской землѣ, а архіепископъ былъ канцлеромъ Франціи (Procès, 482—6, 495, 502). Впрочемъ, показаніе прелата, если бы даже можно было его получить, по всей вѣроятности, не было бы благопріятно обвиняемой, такъ какъ архіепископъ принадлежалъ къ партіи фаворита Ла-Тремуйля, который всегда былъ врагомъ Дѣвственницы.

[1]) Monstrelet, op. cit. II, 57.—Procès, 478.—Thomassin, op. cit. 538.—Chronique, 430—33. Письма Жанны въ томъ видѣ, въ какомъ они были воспроизведены въ ея процессѣ были,

Библиотека "Руниверс"

Взятіе французами Орлеана подъ предводительствомъ Жанны Д'Аркъ.
(Ленепве.—Пантеонъ въ Парижѣ).

Библиотека "Руниверс"

Черезъ двѣнадцать дней обозъ отправился подъ начальствомъ Жиля де Рэ и маршала С.-Северъ. Жанна обѣщала, что по дорогѣ не будетъ встрѣчено никакого сопротивленія, и вѣра въ нее значительно увеличилась, когда исполнилось это предсказаніе. Хотя обозъ слѣдовалъ отъ англійской линіи осады на разстояніи одного или двухъ полетовъ стрѣлы, и было потрачено много времени на переправу черезъ Луару стадъ и съѣстныхъ припасовъ, предназначенныхъ для города, тѣмъ не менѣе врагъ не сдѣлалъ ни одного нападенія. То же было, когда 4-го мая прибылъ въ Орлеанъ другой обозъ къ великому удивленію французовъ и негодованію парижанъ, которые издали слѣдили за событіями и не могли понять онѣмѣнія, охватившаго, повидимому, англійскія войска. Жанна съ нетерпѣніемъ ждала подкрѣпленій и настаивала на томъ, чтобы немедленно были приняты наступательныя дѣйствія противъ осаждающихъ. Не посовѣтовавшись съ ней, въ тотъ день сдѣлали атаку на передовое укрѣпленіе англичанъ на другомъ берегу Луары. Преданіе разсказываетъ, что Жанна, спавшая въ это время, вскочила съ крикомъ, что рѣжутъ ея людей, и, не застегнувъ даже, какъ слѣдуетъ, своей брони, вскочила на лошадь и галопомъ пронеслась черезъ ворота, ведущія къ полю битвы. Атака была начата плохо; но лишь только прибыла Жанна, ни одинъ англичанинъ не могъ болѣе нанести раны французу, и укрѣпленіе пало. На другой день происходили горячія схватки. 6-го Жанна была ранена въ ногу камнемъ, а 7-го—въ плечо стрѣлою; но послѣ ожесточеннаго сопротивленія всѣ англійскія укрѣпленія на лѣвомъ берегу Луары были взяты, а гарнизонъ ихъ перебитъ или плѣненъ. Англійскія потери опредѣлялись цыфрою въ шесть или восемь тысячъ человѣкъ, тогда какъ французы потеряли не болѣе сотни. 8-го англичане сняли осаду и такъ быстро перешли въ отступленіе, что бросили больныхъ и раненыхъ, артиллерію и запасы. Французы, возбужденные побѣдой, горѣли желаніемъ преслѣдовать англичанъ, но Жанна воспротивилась этому. «Оставьте ихъ бѣжать, говорила она; нѣтъ на то воли Господа, чтобы они были разбиты сегодня; вы встрѣтитесь съ ними въ другой разъ». Ея нравственное вліяніе было въ это время настолько сильно, что ее послушались. Настроеніе духа враговъ измѣнилось столь чудесно, что, если до прихода Жанны двѣсти англичанъ, говорили, обращали въ бѣгство пятьсотъ французовъ, то теперь двѣсти французовъ могли разбить пятьсотъ англичанъ. Самъ Монстрле, хотя и мало расположенный къ Дѣвѣ, признавался, что послѣ освобожденія Орлеана ни о комъ не говорили такъ много, какъ о Жаннѣ, хотя она и была окружена такими славными рыцарями, какъ Дюнуа, Ла Гиръ и Потонъ де Ксентрайль. Регентъ Бедфродъ въ своемъ донесеніи англійскому совѣту видѣлъ въ этой катастрофѣ только проявленіе божескаго гнѣва, ниспосланнаго въ наказаніе солдатамъ за тотъ постыдный страхъ, который внушала имъ «ученица и порожденіе демона, называемая Дѣвою, которая пользовалась чародѣйствомъ и колдовствомъ»—caused of unlyefulle doubte that thei hadde ofa Desciple and Lyme of the Feende called the Pucelle that used fals Enchauntements and Sorcerie. Не только, доносилъ онъ, англійскія войска потерпѣли значительный уронъ и пали духомъ, но и врагъ ободрился и собираетъ сильное войско [1]).

При томъ хроническомъ истощеніи, въ которомъ находилась тогда королевская казна, для Карла было нелегко извлечь выгоду изъ этого неожиданнаго успѣха; но народный энтузіазмъ былъ возбужденъ, и можно было найти войско для продолженія кампаніи. Д'Алансонъ былъ посланъ съ арміей прогнать врага изъ долины Луары; онъ взялъ съ собою Жанну. Суффолькъ укрѣпился въ Жаржо, но крѣпость была взята, и англійскій военачальникъ попалъ въ плѣнъ со всѣми своими людьми, не погибшими въ сраженіи.

по крайней мѣрѣ по словамъ обвиняемой, фальсифицированы.—Le Brun de Charmettes, «Histoire de Jeanne d'Arc», III, 348.

[1]) Monstrelet, op. cit. II, 57—61.—Thomassin, op. cit. 538.—Chronique, 430—37.—Jean Chartier, 22—4.—Journal d'un Bourgeois de Paris, ann. 1429.—Rymer, «Foedera», X, 408.

Библиотека "Руниверс"

Недостатокъ въ деньгахъ заставилъ вернуться въ Туръ, гдѣ Жанна энергично настаивала, чтобы Карлъ отправился короноваться въ Реймсъ. Она постоянно утверждала, что миссія ея состояла въ томъ, чтобы освободить Орлеанъ и доставить королю корону; она заявляла что дни ея сочтены и что не слѣдуетъ пренебрегать совѣтами ея Голосовъ. Но благоразуміе взяло верхъ; поняли, что прежде всего необходимо уничтожить англійское владѣніе въ центральныхъ провинціяхъ. Былъ предпринятъ новый походъ. Былъ осажденъ и взятъ Божанси, а 18-го іюня битва при Патэ до извѣстной степени вознаградила за пораженія при Азанкурѣ и Вернёйлѣ. Послѣ слабаго сопротивленія англичане обратились въ бѣгство. Двѣ тысячи пятьсотъ изъ нихъ осталось на полѣ битвы, много попало въ плѣнъ, въ томъ числѣ Тальботъ, Скельсъ и другія видныя лица. Такимъ образомъ, не много болѣе чѣмъ въ шесть недѣль, всѣ выдающіеся англійскіе военачальники были убиты или взяты въ плѣнъ, за исключеніемъ Фальстольфа, котораго Бедфордъ наказалъ за бѣгство въ битвѣ при Патэ тѣмъ, что лишилъ Ордена Подвязки. Войска враговъ были разсѣяны и пали духомъ, ореолъ ихъ былъ уничтоженъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что во всѣхъ этихъ событіяхъ одна изъ партій видѣла руку Бога, другая—руку демона. Даже нормандскій лѣтописецъ II. Кошонъ говоритъ, что англичане оставили бы французскую землю, если бы регентъ согласился на это, и что они были разбиты настолько, что одинъ французъ могъ обратить въ бѣгство трехъ англичанъ [1]).

Письмо, посланное герцогу Миланскому однимъ изъ придворныхъ Карла VII черезъ три дня послѣ торжества при Патэ, описываетъ чудеса предшествующихъ недѣль и показываетъ, какова была слава Жанны, съ какой быстротою легенда о ней облекалась плотью. Во время рожденія Дѣвственницы, говорится въ письмѣ, жители деревни были преисполнены радости, сами не зная почему; пѣтухи въ продолженіе двухъ часовъ били крыльями и пѣли не похоже на обычный пѣтушиный крикъ. Затѣмъ въ письмѣ описывались въ преувеличенныхъ выраженіяхъ видѣнія Жанны, ея личныя доблести и ея выносливость. Ей было приписано все: освобожденіе Орлеана, взятіе Жаржо, Мегуна на Луарѣ, Божанси и невѣроятная удача при Патэ; ей принадлежала инициатива, она вела армію, она одержала всѣ побѣды; въ письмѣ нѣтъ упоминанія ни объ одномъ военачальникѣ. Мало того, говорили, что она предсказывала уже освобожденіе Карла Орлеанскаго, находившагося въ плѣну у англичанъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ, и что она послала врагу предложеніе выдать плѣнника [2]).

Отнынѣ нельзя было болѣе сомнѣваться, что Жанною руководило непосредственное вдохновеніе Бога. 25-го іюня въ Гіенѣ обсуждался вопросъ о томъ, что предпринять; и хотя совѣтники Карла стояли за то, чтобы взять Шаритэ и изгнать врага изъ Берри и Орлеанской провинціи, король уступилъ настояніямъ Жанны, и было рѣшено идти на Реймсъ. Предпріятіе это казалось сумасшедшимъ; городъ Реймсъ находился во враждебной странѣ; дорога преграждалась крѣпостями, а у короля не было достаточно средствъ, чтобы набрать и содержать армію или пріобрѣсти осадныя орудія. Но энтузіазмъ обратился въ горячку; человѣческое благоразуміе считалось недостаткомъ вѣры. Лишь только распространился слухъ о намѣреніяхъ короля, отовсюду стали стекаться добровольцы; нѣкоторые дворяне, не имѣвшіе средствъ купить вооруженіе и лошадь, съ радостью шли въ ряды простыхъ солдатъ и лучниковъ. Любимецъ короля Ла-Тремуйль, боясь потерять расположеніе Карла, настоялъ на томъ, что отказались отъ помощи толпы добровольцевъ; безъ него, по словамъ современниковъ, можно бы было легко собрать армію, достаточную для того, чтобы прогнать англичанъ изъ французской земли. Эти полчища, плохо организованныя, отправились въ путь. Оксеръ, хотя въ немъ и не было гарнизона, отказался открыть свои во-

[1]) Chronique, 438—41.—Jean Chartier, 26—7.—Chron. de P. Cochon (изд. Vallet de Viriville, 456).

[2]) Epist. P. de Bonlavillar (Pez, «Thes. Anecd.» VI, III, 237).

Библиотека "Руниверс"

КОРОНАЦІЯ КАРЛА VII ВЪ РЕЙМСѢ ВЪ ПРИСУТСТВІИ ЖАННЫ Д'АРКЪ.

(Ленепве.—Парижскій Пантеонъ).

Библиотека "Руниверс"

рота, но доставилъ провіантъ. Жанна хотѣла осадить городъ, но король продолжалъ свое движеніе къ Реймсу по настоянію, какъ говорятъ, Ла Тремуйля, получившаго отъ города взятку въ двѣ тысячи ливровъ. Труа былъ занятъ сильнымъ отрядомъ англичанъ и бургундцевъ; нельзя было оставить позади себя подобную грозную крѣпость, и армія въ теченіе пяти или шести дней стояла лагеремъ подъ стѣнами, которыхъ не могла разрушить за недостаткомъ артиллеріи. У солдатъ не было ни денегъ, ни съѣстныхъ припасовъ; всю пищу ихъ составляли хлѣбные колосья и бобы, собранные въ поляхъ. Положеніе было отчаянное; военный совѣтъ, по предложенію реймскаго архіепископа канцлера Рено де Шартръ, предложилъ отступленіе. Призвали Жанну, которая заявила, что городъ сдастся до истеченія двухъ дней. Эта отсрочка была дана ей, и она тотчасъ же принялась собирать матеріалъ для устройства траншей и велѣла навести нѣсколько маленькихъ кулевринъ. Городъ, охваченный внезапнымъ ужасомъ, изъявилъ желаніе сдаться; гарнизону разрѣшили выйти, и городъ покорился [1]).

Когда Жанна вступила въ Труа, къ ней явился одинъ монахъ, по имени Ричардъ, которому населеніе поручило допросить ее. Достойный монахъ, не зная навѣрное, была ли она послана небомъ или адомъ, приближался къ ней съ осторожностью, прыская вокругъ себя святою водою и усиленно осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ; наконецъ, Жанна засмѣялась и попросила его идти безбоязненно, такъ какъ она не намѣрена улетѣть. Этотъ братъ Ричардъ былъ извѣстнымъ доминиканскимъ проповѣдникомъ, недавно вернувшимся изъ путешествія въ Іерусалимъ; въ апрѣлѣ онъ своимъ краснорѣчіемъ произвелъ сильное впечатлѣніе въ Парижѣ. Съ 16-го по 26-ое апрѣля онъ ежедневно проповѣдывалъ передъ толпой отъ пяти до шести тысячъ слушателей, и рѣчи его произвели столь сильное впечатлѣніе, что въ одинъ прекрасный день на улицахъ была зажжена цѣлая сотня костровъ, въ которые мужчины бросали карты, кости и игральные столы, а женщины свои украшенія и бездѣлушки. Жанна пріобрѣла такое безграничное вліяніе надъ этимъ монахомъ, что онъ посвятилъ себя на служеніе ей и слѣдовалъ за ней во всѣхъ ея походахъ, употребляя все свое краснорѣчіе на то, чтобы уничтожать въ людяхъ не грѣхи, а невѣрность Карлу. Когда парижане узнали объ этомъ, то снова вернулись къ картамъ и игральнымъ костямъ на зло монаху. Они даже промѣняли на красный крестъ Бургундіи небольшія свинцовыя медали съ именемъ Іисуса, которыя роздалъ имъ Ричардъ. Среди страстей той эпохи религія обѣимъ партіямъ служила лишь средствомъ для выраженія ихъ партійнаго духа [2]).

Походъ на Реймсъ былъ рядомъ послѣдовательныхъ тріумфальныхъ этаповъ. Шалонъ на Марнѣ выслалъ на разстояніе полдня пути отъ города депутатовъ, которые изъявили покорность города и принесли присягу на вѣрность. Изъ Сесо (Sept-saux) гарнизонъ бѣжалъ, а населеніе съ восторгомъ приняло своего короля, между тѣмъ какъ герцоги Лотарингіи и Бара присоединились къ нему съ довольно сильными отрядами. Въ Реймсѣ отъ имени герцога Бургундскаго начальствовалъ сеньоръ Савёзъ, одинъ изъ самыхъ храбрыхъ рыцарей своего времени; но граждане были напуганы приближеніемъ Дѣвственницы, слухъ о чудесахъ которой дошелъ до нихъ и поразилъ ихъ воображеніе. Они высказались за Карла, и Савёзъ долженъ былъ бѣжать. Карлъ вступилъ въ городъ 16-го іюля и былъ принятъ съ радостью. На другой день, въ воскресенье 17-го іюля, онъ былъ коронованъ королемъ Франціи. Во время церемоніи Жанна стояла около алтаря держа въ рукахъ свое знамя. Позднѣе, ея судьи высказали увѣренность, что она держала знамя въ соборѣ для того, чтобы оно произвело тайное вліяніе, которымъ оно было одарено, и они съ любопытствомъ разспрашивали ее объ этомъ. Она на это отвѣтила просто: «Оно несло бремя, оно заслужило и честь» [3]).

---

[1]) Chronique, 442—5.—Jean Chartier, 29—31.—Jacques de Bouvier (Godefroy, 378).
[2]) Procès, 479.—Journal d'un Bourgeois de Paris, ann. 1429, 1431.
[3]) Chronique, 446.—Monstrelet, op. cit. II, 64.—Buchon, op. cit. 524.—Procès, 494.

Библиотека "Руниверс"

Жанна имѣла полное право утверждать, что ея миссія окончилась. Немного болѣе чѣмъ въ три мѣсяца она сдѣлала королемъ человѣка, готовившагося бѣжать изъ Шинона; теперь льстецы ему давали уже имя Побѣдоносца. Еще нѣсколько мѣсяцевъ подобныхъ успѣховъ, и Карлъ будетъ прочно возстановленъ на своемъ престолѣ. Никто не сомнѣвался, что пріобрѣтенные результаты были залогомъ цѣлаго ряда послѣдовательныхъ побѣдъ. Вступили въ переговоры съ герцогомъ Бургундскимъ съ цѣлью убѣдить его бросить англичанъ. За нѣсколько недѣль передъ этимъ Жанна писала ему, умоляя его присутствовать при коронованіи; въ день церемоніи она послала ему другое письмо, призывая его вернуться въ вѣрноподданничество. Въ нѣсколько дней Бовэ, Санлисъ, Ланъ, Суассонъ, Шато-Тьерри, Провенсъ, Компьень и другія мѣста признали Карла королемъ и приняли королевскіе гарнизоны. Повсюду было ликованіе; населеніе возвращалось къ своему повелителю съ порывами заразительной восторженности. Когда Карлъ проходилъ, то крестьяне собирались толпами и со слезами на глазахъ благословляли его и благодарили Бога, что наконецъ-то засіяла заря мира. Всѣ видѣли въ этой перемѣнѣ счастья дѣло рукъ Жанны. Кристинъ Пизанскій, писатель той эпохи, сравниваетъ ее съ Эсѳирью, Юдиѳью, Деборой, Гедеономъ и Іосіей; Моисей не выше Жанны. Въ составленномъ въ это время молебствіи имѣется молитва, въ которой говорится, что Богъ освободилъ Францію рукою Дѣвственницы. Одинъ Бургундскій лѣтописецъ передаетъ, что всѣ французскіе солдаты видѣли въ ней Божьяго посла, чтобы изгнать англичанъ. Даже позднѣе, когда энтузіазмъ улегся, Томассинъ, передающій оффиціально голые факты въ работѣ, посвященной Людовику XI, не задумываясь, говоритъ, что изъ всѣхъ знаменій, въ которыхъ Богъ проявлялъ свою любовь къ Франціи, не было никогда болѣе великаго и болѣе чудеснаго, чѣмъ появленіе Дѣвственницы. Своимъ возстановленіемъ королевство было обязано только Жаннѣ, и не явись освободительница, оно могло бы погибнуть: такъ низко пало оно. Ее считали и по другимъ вопросамъ оракуломъ Бога. Графъ Арманьякъ обратился къ ней за разрѣшеніемъ вопроса, котораго изъ трехъ папъ надо признать; она отвѣтила, что разрѣшитъ съ помощью Царя всего міра сомнѣнія графа, когда освободится отъ треволненій и заботъ войны. Если нельзя не сознаться, что ея исключительная судьба помутила ей разумъ до того, что она писала грозныя посланія гуситамъ, то не забудемъ, съ другой стороны, что она всегда оставалась милостивой и доброй въ отношеніи бѣдныхъ и униженныхъ. Она охраняла ихъ, насколько могла, отъ ужасовъ войны, укрѣпляла ихъ и поддерживала, и они проявляли свое поклоненіе передъ ней и признательность къ ней, цѣлуя ея руки, ноги и одежду, что немного позднѣе ея безжалостные судьи не постыдились поставить ей въ вину [1]).

---

[1]) Buchon, op. cit. 539, 545.—Bernier, «Monuments inédits de France», Senlis, 1833, стр. 18.—Journal d'un Bourgeois de Paris, ann. 1429.—Chronique, 446—7.—Mémoires de Saint-Remy, ch. 152.—Thomassin, op. cit. 540.—Nider, «Formicar.» V, VIII.—Procès, 479.

Christine de Pisan такъ говоритъ о Жаннѣ:

Que peut-il d'autre estre dit plus
Ne des grands faits du temps passé:
Moysès en qui Dieu afflus
Mit graces et vertus assez;
Il tira sans être lassez
Le peuple Israël hors d'Egypte;
Par miracle ainsi repassez
Nous as de mal, pucelle eslite.

(Buchon, op. cit. 542).

Графа д'Арманьякъ безпокоила только послѣдняя судорога Великаго Раскола. Бенедиктъ XIII, такъ и не подчинившійся Констанцскому собору, умеръ въ 1424 году; между его кардиналами возникли споры, и они избрали двухъ исправляющихъ обязанность этого химерическа-

Библиотека "Руниверс"

Но, повидимому, Жанна не занимала въ королевской арміи опредѣленнаго положенія и не начальствовала. Правда, Кристинъ говоритъ о ней, какъ объ извѣстномъ начальникѣ:

«Et de non gens preux et habiles
Est principale chevetaine».

Но надо думать, что положеніе ея среди солдатъ было основано исключительно на нравственномъ вліяніи, которое ей доставили ея чудесные подвиги и вѣра въ божественность ея миссіи. Карлъ выразилъ ей признательность щедрыми дарами. Жанна была одѣта великолѣпно; къ услугамъ ея были даны знатныя дѣвушки, дворецкій, пажи, лакеи. У нея было пять боевыхъ коней и семь или восемь рабочихъ лошадей, и когда она была взята въ плѣнъ, то у нея было десять или двѣнадцать тысячъ франковъ, сумма, какъ она сказала своимъ судьямъ, достаточно ничтожная, чтобы ее можно было носить съ собой на войнѣ. На другой день послѣ коронованія Карлъ, по просьбѣ Жанны, предоставилъ Домреми и Грё особую привилегію, освободивъ ихъ отъ всякихъ налоговъ, и этой милостью они пользовались до самой революціи; затѣмъ въ декабрѣ 1429 г. онъ безъ всякой просьбы возвелъ въ дворянское достоинство семью Даркъ и ея потомство, давъ ей гербъ—двѣ лиліи, пересѣченныя мечемъ на лазуревомъ фонѣ, и предоставилъ потомкамъ право именоваться Du Lis. Все это было лишь слабымъ вознагражденіемъ за услуги, совершенныя Жанною; тѣмъ не менѣе, судьи возвели это въ особую вину своей жертвѣ [1]).

Вся Европа была приведена въ движеніе этимъ чудеснымъ явленіемъ. Не только государственные и военные люди съ удивленіемъ слѣдили за странными превратностями войны, но и ученые и богословы раздѣлились во взглядѣ, была ли Жанна орудіемъ силъ небесныхъ или адскихъ духовъ; повсюду спорили и писали въ защиту того и другого мнѣнія. Въ Англіи, само собой разумѣется, всѣ единогласно раздѣляли народное вѣрованіе, которое Шекспиръ вложилъ въ уста Тальбота, приписывая побѣды «колдуньи» страху который внушала она, а не силѣ ея оружія:

«A witch by fear, not force, like Hannibal,
Drives back our troops and conquers as she lists».

Дѣйствительно, Жанна наводила на враговъ такой паническій страхъ, что когда въ маѣ 1430 г. былъ поднятъ вопросъ объ отправленіи Генриха VI въ Парижъ для полученія короны, то офицеры и солдаты, назначенные сопровождать его, дезертировали и скрылись; въ декабрѣ, когда уже Жанна сидѣла въ руанскомъ замкѣ и когда было предпринято путешествіе, произошли тѣ же безпорядки; понадобилось издать новый указъ шерифамъ, повелѣвавшій имъ арестовывать людей, которые дезертировали ежедневно, подвергая, такимъ образомъ, великой опасности личность короля и существованіе французскаго королевства. Впрочемъ, вопросъ не считали окончательно рѣшеннымъ и его подкрѣпляли, прибѣгая къ помощи схоластической логики. До насъ дошло нѣсколько сочиненій подобнаго рода, приписываемыхъ Герсону, и по нимъ мы можемъ судить о характерѣ со-

---

го папства; но въ это время графъ Арманьякъ могъ еще воображать, что по этому вопросу желательно бы знать божеское мнѣніе.

[1]) Görres, op. cit. 241—2, 273.– Procès, 482.—Buchon, op. cit. 513—4.—Dynteri «Chron. Duc. Brabant.» lib. VI, ch. 235.

Каждый годъ въ росписи налоговъ противъ Домреми и Грё писали: Néant, la Pucelle Въ силу исключительной привилегіи дворянское достоинство, данное семейству Жанны, переходило къ потомкамъ не только мужской, но и женской линіи; всѣ они были освобождены отъ податей. Такъ какъ многочисленные брачные союзы распространили это дворянское достоинство на членовъ богатой буржуазіи, то освобожденіе отъ податей приняло такіе размѣры, что въ 1614 году пришлось ограничить эту привилегію потомками по мужской линіи. (Vallet de Viriville, «Charles du Lis», 24, 88).

Библиотека "Руниверс"

мнѣній, смущавшихъ ученыхъ того времени. Была ли Жанна женщиной или призракомъ? Слѣдуетъ ли смотрѣть на ея дѣйствія, какъ на божественныя или какъ на «фитоническія» и призрачныя? Если дѣйствія эти являются результатомъ сверхъестественныхъ причинъ, то происходятъ ли они отъ добрыхъ духовъ или отъ злыхъ? Самымъ серьезнымъ затрудненіемъ для защитниковъ Жанны было то, что она носила мужскую одежду и коротко остриженные волосы; это было несомнѣнной уликой противъ нея, послужившей однимъ изъ мотивовъ къ ея осужденію. Чтобы выйти изъ затрудненія, нужно было признать, что Ветхій Завѣтъ запретилъ женщинамъ носить мужской костюмъ, но что это запрещеніе, вполнѣ правильное, не имѣло безусловнаго значенія при Новомъ Завѣтѣ; причиной этого затрудненія было единовременное желаніе оградить нравы и благопристойность; надо было принимать во вниманіе обстоятельства и намѣренія и приходили къ заключенію, что божескій законъ не могъ запретить мужскую одежду и вооруженіе воина Жаннѣ, женщинѣ мужественной и воинственной. Подобнымъ же образомъ оправдывали и ношеніе ею короткихъ волосъ, хотя это и было запрещено апостоломъ Павломъ [1]).

Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, слѣдовавшихъ за коронованіемъ, Жанна была въ апогеѣ своей славы. Безпрерывный рядъ успѣховъ показалъ, что она дѣйствительно была послана Богомъ. Она спасла государство; никто не сомнѣвался, что завоеватель въ самомъ непродолжительномъ времени будетъ прогнанъ изъ Франціи. Весьма возможно, что она объявляла, какъ говорили о ней, что задача ея исполнена, и что она хотѣла бы вернуться къ своимъ роднымъ, чтобы пасти ихъ стада, какъ она это дѣлала раньше. Въ виду послѣдующихъ событій лѣтописцы должны были создать или принять этотъ разсказъ, чтобы поддержать теорію о божественномъ вдохновеніи Жанны. Во время своихъ неудачъ подъ Парижемъ и Шартэ Жанна естественно должна была придти къ убѣжденію, что попытки эти не удались, потому что онѣ были предприняты противъ воли Голосовъ, тѣмъ не менѣе, все свидѣтельствуетъ, что и въ это время она вѣрила въ свой успѣхъ. Такъ, напр., въ письмѣ, писанномъ изъ Реймса въ день коронованія, лицомъ, повидимому хорошо освѣдомленнымъ, говорится, что армія готовилась на другой день выступить въ Парижъ, и что Дѣвственница не сомнѣвалась въ томъ, что приведетъ городъ къ повиновенію. Она отнюдь не могла считать свою миссію оконченной, такъ какъ она уже въ самомъ началѣ объявила о своемъ намѣреніи освободить Карла Орлеанскаго и такъ какъ передъ своими судьями она заявила, что у нея было намѣреніе вторгнуться въ Англію, чтобы освободить плѣнника или самой захватить достаточно плѣнныхъ, чтобы заставить врага согласиться на обмѣнъ. Ея Голоса обѣщали ей успѣхъ, и если бы она не попалась въ плѣнъ, то она окончила бы эту задачу въ три года [2]).

---

[1]) Nider, «Formicar», V, VIII; Ejusdem, «de Visionibus» lib. V, cap. VIII.—Rymer, «Foedera», X, 459, 472.—Gersoni «Opera», III, T—Z, изд. 1488 г.—Лаверди приводитъ въ краткомъ изложеніи другіе споры относительно Жанны (ubi supra, III, 212—17).

Около 1310 года Іоаннъ Фрибургскій имѣлъ случай разсматривать вопросъ о ношеніи женщинами мужской одежды. Онъ допускаетъ, что ношеніе ея запрещено Второзаконіемъ (XXII, 5), но добавляетъ, что можно безъ грѣха носить ее въ случаѣ необходимости, напр., чтобы избѣгнуть врага, или за неимѣніемъ другой одежды, или по какой-либо другой подобной причинѣ.—Joh. Friburgens. «Summae Confessorum». lib. III, tit. XXXIV, Q. 286.

[2]) Chronique, 447.—Buchon, op. cit. 524.—Petz, «Thesaur. Anecd.» VI, III, 237.—Procès, 484.—L'Averdy, op. cit. III, 338.

Народъ объяснялъ блестящую карьеру Жанны тѣмъ, что она обладала шпагою, клинокъ которой былъ отмѣченъ пятью крестами. Жанна открыла эту шпагу въ церкви святой Екатерины въ Фьербуа и никогда не выпускала ее изъ рукъ. Во время похода на Реймсъ, видя, что данный ею приказъ изгнать изъ арміи публичныхъ женщинъ не исполняется, она ударила плашмя этой шпагой нѣсколькихъ падшихъ женщинъ, и клинокъ сломался. Не нашлось ни одного оружейника, который могъ бы сковать обломки, такъ что Жанна была вынуждена носить другую шпагу, и съ тѣхъ поръ ее оставило ея прежнее счастье.—Jean Chartier, op. cit. 20, 29, 42.

Библиотека "Руниверс"

Какъ бы то ни было, но съ этого дня ее оставило удивительное счастье, сопровождавшее ея первые шаги. Смѣны успѣха и пораженія показываютъ, что либо французы утратили первый пылъ своего энтузіазма, либо англичане, освободившись отъ паническаго страха, рѣшились, во что бы то ни стало, сломить адскія силы. Бедфорду удалось выставить внушительную армію при помощи кардинала Бофора, уступившаго ему (какъ говорятъ, за крупную сумму) четыре тысячи крестоносцевъ, набранныхъ въ Англіи противъ гуситовъ. Англичане загородили дорогу къ Парижу; три раза обѣ арміи, почти равныя по численности, сталкивались лицомъ къ лицу, но Бедфордъ умѣлъ каждый разъ ловко выбирать укрѣпленную позицію, на которую Карлъ не осмѣливался напасть, такъ какъ человѣческое благоразуміе явно смѣнило смѣлую увѣренность, которой отмѣченъ походъ къ Реймсу. Интриги партій, окружавшихъ Карла VII, сказались въ попыткѣ отступить къ Луарѣ, оказавшейся излишней послѣ паденія Брэ на Сенѣ; когда придворные потерпѣли неудачу въ своемъ нападеніи на англичанъ, охранявшихъ переправу черезъ рѣку, то эта неудача вызвала радость у Жанны, у герцоговъ Бурбонскаго и Алансонскаго и у партіи, враждебной Ла-Тремуйлю. Карлъ принужденъ былъ остаться на сѣверѣ отъ Луары. Около конца августа Бедфордъ, опасаясь вторженія въ Нормандію, отправился въ эту провинцію, оставивъ, такимъ образомъ, открытой дорогу къ Парижу. Карлъ прошелъ до С.-Дени, который взялъ безъ всякаго сопротивленія 25-го августа.

7-го сентября сдѣлана была попытка захватить врасплохъ Парижъ при помощи друзей, находившихся въ немъ; такъ какъ эта попытка не имѣла успѣха, то 8-го сентября атаковали всѣми силами ворота С.-Гонорэ, но вода внутренняго рва оказалась глубокой, а крѣпостная артиллерія дѣлала свое дѣло; послѣ пяти или шести часовъ ожесточенной битвы осаждающіе были отброшены, потерявъ пятьсотъ человѣкъ убитыми и тысячу ранеными. Какъ всегда, Жанна сражалась въ первомъ ряду, пока не упала, раненная въ ногу стрѣлой; рядомъ съ ней былъ убитъ ея знаменоносецъ. Позднѣе она говорила, что ея Голоса не совѣтовали ей предпринимать эту попытку, но что она увлеклась рыцарскимъ духомъ арміи; это утвержденіе выдумано современными ей свидѣтелями. Въ письмѣ своемъ къ графу Арманьяку Жанна обѣщаетъ ему отвѣтить на его вопросъ, когда у нея будетъ свободное время въ Парижѣ; отсюда ясно, что она надѣялась взять городъ [1]).

Съ этого времени Жанна познала превратности судьбы, причемъ злая судьба все болѣе и болѣе брала перевѣсъ надъ счастливой. Въ С.-Пьеръ-ле-Мустье былой энтузіазмъ придалъ волонтерамъ силу, и они пошли на приступъ такъ легко, какъ будто они взбирались по лѣстницѣ; но это было лишь первымъ актомъ осады Шаритэ, кончившейся полной неудачей. На этотъ разъ Жанна опять объяснила неудачу тѣмъ, что дѣло было начато безъ приказанія Голосовъ. Открыто говорили, что Ла-Тремуйль послалъ ее испытать счастье съ недостаточными силами и отказалъ ей въ необходимомъ подкрѣпленіи. Во время зимы она находилась въ Ланьи, гдѣ произошло небольшое событіе, послужившее позднѣе основаніемъ обвиненія ея въ колдовствѣ. Одна женщина родила ребенка, который казался мертвымъ; родители, боясь, что новорожденный будетъ погребенъ безъ крещенія, отнесли его въ церковь, гдѣ онъ находился три дня, не подавая никакихъ признаковъ жизни. Городскія дѣвушки собрались въ церковь для молитвы, и Жанна присоединилась къ нимъ. Вдругъ ребенокъ, казалось, ожилъ, вздохнулъ три раза, былъ на-скоро окрещенъ, а затѣмъ умеръ и былъ похороненъ на кладбищѣ. Чудо это было приписано Жаннѣ, а позднѣе оно послужило обвиненіемъ противъ нея. По всей вѣроятности, къ этому же времени относится и разсказъ о лошади епископа Санлиса. Жанна взяла ее для личнаго

[1]) Chronique, 446—50.—Jean. Chartier, op. cit. 33—36.—Görres, op. cit. 215.—Monstrelet, op. cit. II, 66—70.—Journal d'un Bourgeois de Paris, ann. 1429.—Procès, 486, 490—Mémoires de Saint-Remy, ch. 152.—Buchon, op. cit. 524, 539.

Библиотека "Руниверс"

пользованія; затѣмъ, видя, что лошадь не годится ей, она отослала ее обратно епископу и, кромѣ того, велѣла отдать ему двѣсти золотыхъ салю (золотой салю равнялся двадцати двумъ парижскимъ су). Во время процесса изъ этого вывели тяжелое обвиненіе; это показываетъ намъ, съ какой жадностью собирали и употребляли противъ нея самые незначительные случаи изъ ея военнаго прошлаго [1]).

Въ началѣ весны 1430 г. герцогъ Бургундскій пришелъ на помощь своимъ англійскимъ союзникамъ, поднявъ сильную армію, чтобы взять обратно Компьень. Дѣятельность Жанны не ослабѣвала. Во время пасхальной недѣли, около половины апрѣля, она находилась въ траншеяхъ Мелена, гдѣ ея Голоса возвѣстили ей, что она будетъ взята въ плѣнъ до Иванова дня, но больше ничего не сказали. Въ концѣ мѣсяца она напала на бургундцевъ во время ихъ похода при Понъ-л'Эвекѣ вмѣстѣ со своимъ старымъ товарищемъ по оружію Потономъ де Ксентрайль; она потерпѣла пораженіе. Тогда она вступила въ отчаянную борьбу со сторонникомъ бургундцевъ Франкетомъ Аррасскимъ, который попался въ плѣнъ со всею своею шайкою; этотъ начальникъ шайки былъ весьма извѣстный разбойникъ. Городскія власти Ланьи потребовали его на судъ и послѣ двухнедѣльнаго разслѣдованія казнили его, какъ вора и убійцу. На Жанну взвели отвѣтственность въ этой смерти, и это было однимъ изъ самыхъ сильныхъ обвиненій, выставленныхъ противъ нея. Около 1-го мая Компьень былъ обложенъ. Эта осада должна была быть рѣшительнымъ событіемъ всей кампаніи, и поэтому Жанна поспѣшила на выручку. 5-го, до разсвѣта, ей удалось войти въ городъ съ подкрѣпленіемъ. Было рѣшено сдѣлать послѣ полудня того же числа вылазку, которою начальствовала Жанна, какъ обыкновенно, вмѣстѣ съ Потономъ и разными другими офицерами. Она напала на лагерь знаменитаго рыцаря де-ла-Туазонъ д'Оръ, Болдона де Нуаелль, который, несмотря на неожиданность нападенія, оказалъ мужественное сопротивленіе. Съ сосѣднихъ линій пришли на помощь Болдону другія войска, и исходъ битвы нѣкоторое время былъ неопредѣленъ. Отрядъ въ тысячу англичанъ, остановившійся на пути къ Парижу, чтобы помочь Филиппу Бургундскому, бросился между французами и городомъ въ тылъ арміи Жанны. Дѣвственница отступила и старалась вывести своихъ людей невредимыми; но въ то время какъ она прикрывала отступленіе, она не могла отнять обратно укрѣпленій и была взята въ плѣнъ Батардомъ Вандомскимъ, офицеромъ Іоанна Люксембургскаго, графомъ де Линьи. Естественно, говорили объ измѣнѣ, но мнѣніе это не обосновано. Потонъ былъ также взятъ; просто эта была одна изъ случайностей войны [2]).

Велика была радость въ англійскомъ лагерѣ, когда узнали, что страшная Дѣвственница попалась въ плѣнъ. Англичане и бургундцы предались ликованію; по свидѣтельству очевидца бургундца Монстреле, плѣненіе Жанны казалось болѣе цѣннымъ, чѣмъ подкрѣпленіе въ пятьсотъ вооруженныхъ людей, такъ какъ не было ни одного офицера, ни одного военачальника, который внушалъ бы такой страхъ, какъ она. Солдаты толпами окружали помѣщеніе Дѣвственницы въ Мариньи; самъ герцогъ Бургундскій навѣстилъ ее и имѣлъ съ нею короткое свиданіе. Тотчасъ же поднялся вопросъ, кому должна принадлежать плѣнница. Какъ военноплѣнная, она принадлежала Іоанну Люксембургскому; въ ту эпоху, когда за плѣнныхъ давали выкупъ, плѣнные представляли богатство. Согласно обычаямъ того времени Генрихъ VI, какъ глава лиги, имѣлъ право потребовать себѣ выдачи всякаго главнокомандующаго и всякаго князя, уплативъ взявшему его въ плѣнъ десять тысячъ ливровъ. Это была весьма важная прерогатива, такъ какъ во время войнъ Эдуарда III Бертранъ дю Геслекленъ былъ выкупленъ за сто тысячъ ливровъ; коннетабль

---

[1]) Görres, op. cit. 292—5.—Jean Chartier, op cit. 39—40.—Jean le Bouvier, op. cit. 381.—Martial d'Auvergne, «Vigiles de Charles VII»—Buchon, op. cit. 544.—Procès, 480, 488, 490.

[2]) Procès, 481, 482, 488.—Mémoires de Saint-Remy, ch. 158.—Monstrelet, op. cit. II, 84—86.—Chronique, 456.—Jean Chartier, op. cit. 42.

Библиотека "Руниверс"

де Клиссонъ освободился за такую же сумму, а въ 1429 г. герцогъ Алансонскій купилъ себѣ свободу за двѣсти тысячъ кронъ. Но французское казначейство находилось въ столь печальномъ состояніи, что нелегко было собрать сумму въ десять тысячъ ливровъ. Тѣмъ не менѣе, англичанамъ было безусловно необходимо забрать въ свои руки Жанну не только для того, чтобы помѣшать французамъ выкупить ее, но и для того, чтобы уничтожить ея колдовство, осудивъ ее духовнымъ судомъ. Для этого совершенно подходящимъ орудіемъ была Инквизиція. Жанна открыто считалась колдуньей; а какъ таковая, она была подсудна Инквизиціи, которая имѣла право пожелать познакомиться съ ея преступленіями. Вслѣдствіе этого, черезъ нѣсколько дней послѣ ея плѣненія, викарный инквизиторъ Франціи Мартинъ Бильонъ оффиціально потребовалъ освобожденія плѣнницы, а Парижскій университетъ написалъ герцогу Бургундскому два письма, совѣтуя ему предать Жанну скорому суду и наказанію изъ боязни, чтобы врагамъ герцога не удалось освободить ее. Мы уже видѣли, какъ низко пала въ эту эпоху французская Инквизиція въ сравненіи съ своимъ былымъ значеніемъ. Іоаннъ Люксембургскій не имѣлъ никакого желанія выдать безвозмездно свою драгоцѣнную добычу. Тогда прибѣгли къ другому средству. Компьень, гдѣ Жанна была взята въ плѣнъ, принадлежалъ къ епархіи Бовэ. Графъ-епископъ Бовэ Пьеръ Кошонъ, хотя былъ родомъ французъ изъ Ремуа, былъ горячимъ сторонникомъ англичанъ, а его, ни на что не обращавшая вниманія, жестокость, возбудила противъ него позднѣе страшную ненависть даже его партіи. Онъ былъ прогнанъ со своей каѳедры годъ тому назадъ, когда населеніе принесло присягу на вѣрность Карлу подъ вліяніемъ успѣховъ Жанны; поэтому можно было заранѣе предвидѣть, что онъ не питалъ особаго расположенія къ Дѣвственницѣ. Ему предложили потребовать къ себѣ плѣнную, чтобы судить ее въ силу епископской юрисдикціи; но даже и онъ отступилъ передъ этимъ позорнымъ дѣломъ и отказался дѣйствовать, пока, по крайней мѣрѣ, ему не будетъ доказано, что онъ обязанъ сдѣлать это. Быть можетъ, обѣщаніе епископіи Лизьё, которая была дана ему впослѣдствіи и вознаградила его услуги, помогло убѣдить его; между тѣмъ, старались смягчить его сомнѣнія, обратившись къ авторитету Парижскаго университета. 14-го іюля университетъ послалъ письма Іоанну Люксембургскому, напоминая ему, что онъ рыцарской присягой обязался защищать честь Бога, католическую вѣру и святую Церковь. По дѣлу Жанны по всей Франціи распространялись слухи о ея идолопоклонствѣ, о ея заблужденіяхъ, лжеученіяхъ и безчисленныхъ дурныхъ поступкахъ; дѣло не терпѣло отлагательствъ. Инквизиція формально предъявила свои права на судъ надъ плѣнницей, и выдачи Жанны настойчиво требовалъ епископъ Бовэ, также предъявившій на нее права; всѣ прелаты-инквизиторы были судьями въ вопросахъ вѣры, и всѣ христіане, каково бы ни было ихъ общественное положеніе, должны были повиноваться этимъ судьямъ подъ страхомъ испытать на себѣ всю строгость законовъ; наоборотъ, выказавъ немедленно полное послушаніе, Жанна могла снискать себѣ милость и любовь Бога и способствовать возбужденію вѣры. Заручившись такими данными, Пьеръ Кошонъ не терялъ болѣе ни минуты. Онъ тотчасъ же выѣхалъ изъ Парижа въ сопровожденіи нотаріуса и представителя университета, и 16-го представилъ свое порученіе герцогу Бургундскому, стоявшему лагеремъ подъ Компьенемъ; онъ также послалъ лично отъ себя повѣстки герцогу, Іоанну Люксембургскому и Батарду Вандомскому, требуя отъ нихъ выдачи Жанны, чтобы онъ могъ судить ее по обвиненію въ колдовствѣ, идолопоклонничествѣ, въ призываніи демона и другихъ преступленіяхъ противъ вѣры. Онъ выражалъ готовность немедленно начать дѣло совмѣстно съ инквизиторомъ и докторами богословія для поднятія вѣры и назиданія тѣхъ, кого совлекла эта женщина. Онъ предлагалъ, кромѣ того, выкупъ въ шесть тысячъ и пенсію Батарду Вандомскому отъ двухъ до трехъ сотъ ливровъ; если эта сумма будетъ найдена недостаточной, то она будетъ увеличена до десяти тысячъ ливровъ, хотя Жанна и не была такой крупной особой, чтобы король имѣлъ право дать за нее такой большой выкупъ; если

Библиотека "Руниверс"

князья потребуютъ того, то уплата будетъ обезпечена извѣстными гарантіями. Герцогъ переслалъ эти письма Іоанну Люксембургскому, который согласился продать свою плѣнницу за предложенную сумму. Бедфордъ долженъ былъ созвать штаты Нормандіи и назначить особый налогъ, чтобы собрать нужную сумму. Наконецъ, 20-го сентября деньги за Жанну были внесены, и она освободилась изъ плѣна [1]).

Во время всѣхъ этихъ проволочекъ Карлъ VII къ своему вѣчному стыду не сдѣлалъ ничего, чтобы спасти женщину, которой онъ былъ обязанъ короной. Въ теченіе долгаго дѣла, возникшаго послѣ этого, онъ даже не просилъ Евгенія IV или Базельскій соборъ перенести дѣло на ихъ судъ, между тѣмъ какъ въ столь серьезномъ дѣлѣ было бы трудно отказать ему. Несомнѣнно, послѣднія услуги Жанны не были столь блестящи, какъ первыя; быть можетъ, Карлъ призналъ, что она была только простая женщина; быть можетъ, также онъ успокоилъ свою совѣсть тѣмъ, что если Жанна была дѣйствительно посланницей Бога, то можно было положиться на Бога, который выведетъ ее изъ этого испытанія. Кромѣ того, партія мира при дворѣ, имѣвшая во главѣ своей любимца короля Ла-Тремуйля, отнюдь не желала, чтобы героиня получила свободу, и слабый, и себялюбивый монархъ предоставилъ Жанну ея судьбѣ, какъ двадцать лѣтъ спустя онъ бросилъ Жака Кёръ.

Между тѣмъ, Жанна подъ сильной охраной—изъ боязни, чтобы она не ускользнула при помощи какого-либо чародѣйства, была переведена изъ Мариньи въ замокъ Больё, а отсюда въ замокъ Боревуаръ. Въ этой послѣдней тюрьмѣ Жанна возбудила къ себѣ состраданіе владѣлицы Боревуара и фрейлины Люксембургской, тетки Іоанна. Послѣдняя написала своему племяннику письмо, полное горькихъ упрековъ, когда узнала, какой договоръ заключилъ онъ съ англичанами. Обѣ дамы попытались убѣдить Жанну надѣть женское платье. Очевидно, ихъ доброе отношеніе произвело на нее довольно сильное впечатлѣніе, такъ какъ впослѣдствіи она заявила, что она перемѣнила бы платье изъ любви къ этимъ дамамъ скорѣе, чѣмъ ради какой-либо другой женщины во Франціи. Но ея мятежную энергію раздражало это долгое тюремное заключеніе; два раза она пыталась бѣжать. Разъ ей удалось запереть въ свою камеру своихъ стражниковъ, и она убѣжала бы, если бы тюремщикъ не замѣтилъ ее и не схватилъ. Затѣмъ, когда она узнала, что будетъ выдана англичанамъ, то съ отчаянья бросилась съ высоты своей башни въ ровъ. Ея Голоса запретили ей это, но она заявила, что предпочитала смерть плѣну въ рукахъ англичанъ; впослѣдствіи ей поставили въ вину эту попытку на самоубійство. Ее подняли въ безсознательномъ состояніи, но она не умерла; ее ожидала болѣе ужасная судьба, и она быстро оправилась. Она имѣла полное право оплакивать свое выздоровленіе, когда ее везли въ Руанъ закованную въ цѣпи и заключенную въ тѣсную темницу, гдѣ грубые стражники наблюдали за ней день и ночь. Говорятъ даже, что она съ оковами на запястьяхъ рукъ, на таліи и на лодыжкахъ ногъ была заключена въ желѣзную клѣтку, нарочно для этого сдѣланную. Она была выдана Церкви, а не свѣтскимъ властямъ, и ее должны были запереть въ церковную тюрьму, но англичане купили свою добычу и оставались глухи ко всѣмъ требованіямъ. Охрана плѣнницы была поручена Варвику, и онъ не хотѣлъ никому довѣрить ее [2]).

Пьеръ Кошонъ не торопился начать свое безславное дѣло. Прошелъ цѣлый мѣсяцъ; въ Парижѣ были недовольны этою медленностью. Столица, всецѣло стоявшая на сторонѣ англичанъ, питала противъ Жанны особую ненависть не только за то, что Дѣвственница обѣщала своимъ солдатамъ во время осады разрушить городъ и перебить жителей, но и

[1]) Monstrelet. op. cit. II, 86.—Jean Chartier, op. cit. 25.—Journal d'un Bourgeois de Paris, ann. 1435.—L'Averdy (ubi supra, III, 8).—Chronique et Procès, 462—4.

[2]) Monstrelet, op. cit. II, 86.—Chronique, 462.—Procès, 478, 480—1, 486, 487, 488, 489.—Le Brun de Charmettes. «Histoire de Jeanne d'Arc», III. 182—3.

Библиотека "Руниверс"

за то, что успѣхи Жанны вызвали, въ ожиданіи господства короля, нѣчто въ родѣ блокады, отъ которой парижане много страдали. Эта ненависть сказалась устами докторовъ университета, которые уже съ самаго начала преслѣдовали Жанну съ неутомимой жестокостью. Недовольные тѣмъ, что благодаря ихъ вмѣшательству плѣнница была выдана англичанамъ, они послали 21-го ноября П. Кошону письма, въ которыхъ упрекали его за ту медленность, съ которой онъ приступалъ къ дѣлу; въ то же время они писали англійскому королю, прося его, чтобы дѣло разбиралось въ Парижѣ, гдѣ легко можно бы было найти много ученыхъ богослововъ. Однако, Кошонъ еще колебался. Быть можетъ, ознакомившись съ данными, на которыхъ ему приходилось основывать преслѣдованіе, онъ увидалъ ихъ слабость, чего не могли замѣтить люди, ослѣпленные духомъ партіи. Быть можетъ, онъ былъ занятъ собираніемъ свѣдѣній о всѣхъ мелочахъ изъ жизни Жанны, какъ это видно изъ его допросовъ, свидѣтельствующихъ о поразительномъ знакомствѣ съ мельчайшими фактами, на которыхъ можно было основать обвиненіе. Кромѣ того, надо было соблюсти нѣкоторыя предварительныя формальности. Юрисдикція Кошона имѣла силу, такъ какъ обвиняемая была взята въ плѣнъ въ епархіи Бовэ; но прелатъ въ то время былъ изгнанъ изъ своей епархіи, и, мало того, отъ него требовали, чтобы онъ велъ дѣло не только въ другой епархіи, но даже въ другой провинціи. Архіепископство Руанское было вакантно, и Кошонъ прибѣгъ къ слѣдующему средству: онъ обратился къ членамъ капитула съ просьбой разрѣшить ему устроить засѣданія духовнаго суда въ предѣлахъ ихъ судебнаго округа. Просьба была любезно удовлетворена, и епископъ выбралъ собраніе экспертовъ, которые бы приняли участіе въ дѣлѣ въ качествѣ асессоровъ. Университетъ послалъ ему большое число такихъ экспертовъ, причемъ всѣ расходы приняло на себя англійское правительство; но труднѣе было найти соучастниковъ среди прелатовъ и докторовъ самого Руана. На одномъ изъ первыхъ засѣданій Николай Гуппеландъ прямо заявилъ, что ни Кошонъ, ни другіе судьи, принадлежащіе къ партіи, враждебной Жаннѣ, не имѣютъ права засѣдать, тѣмъ болѣе, что обвиняемая была уже допрошена архіепископомъ Реймса, которому подчинена была епархія Бовэ.

Эти слова обошлись Николаю дорого: его заключили въ руанскій замокъ и грозили изгнаніемъ въ Англію и потопленіемъ. Его друзьямъ удалось, въ концѣ концовъ, добиться его освобожденія. Всѣ приглашенные принять участіе въ судилищѣ скоро убѣдились, что малѣйшее проявленіе расположенія къ обвиняемой навлекало на нихъ мщеніе англичанъ; нашли нужнымъ подвергать штрафу всякаго, кто пропуститъ засѣданіе. Въ концѣ концовъ, было собрано достаточно богослововъ и юристовъ; насчитывалось отъ пятидесяти до шестидесяти членовъ, среди которыхъ были такіе люди, какъ аббаты Фекампа, Жумьежа, С.-Катерины, Кормейля, Прео, пріоръ Лонгвилля, архидіаконъ и казначей Руана и другія видныя лица. 3-го января 1431 г. были изданы королемъ граматы, повелѣвавшія выдавать Жанну Кошону всякій разъ, когда явка ея будетъ необходима; всѣмъ королевскимъ чиновникамъ было приказано помогать епископу по первому его требованію. Какъ будто виновность Жанны была уже установлена, и въ граматахъ перечислялись ереси и злодѣянія обвиняемой, а въ заключеніе многознаменательно говорилось, что если Жанна будетъ оправдана, то ее не слѣдуетъ выпускать на свободу, но надо отдать подъ охрану короля.

Однако, Кошонъ только 9-го собралъ своихъ экспертовъ, въ этотъ моментъ въ числѣ только восьми, и представилъ имъ все, сдѣланное имъ по дѣлу до сего времени. Судьи рѣшили, что собранныхъ уликъ недостаточно и что надо произвести дополнительное слѣдствіе; они протестовали также, но безуспѣшно, противъ содержанія Жанны въ гражданской тюрьмѣ. Немедленно были приняты мѣры для производства новыхъ разслѣдованій. Николая Байльи уполномочили отправиться собрать подробности относительно дѣтства Жанны; онъ привезъ свѣдѣнія, вполнѣ благопріятныя для обвиняемой; Кошонъ уничтожилъ его допе-

Библиотека "Руниверс"

сеніе и отказался уплатить расходы по поѣздкѣ. Приняли инквизиціонную систему, состоявшую въ томъ, чтобы заставить самое обвиняемую выдать себя. Одинъ изъ членовъ судилища, Николай д'Уазелеръ, переодѣлся въ свѣтское платье и былъ допущенъ въ камеру Жанны. Онъ притворился лотарингцемъ, заключеннымъ въ тюрьму за вѣрность Карлу VII и, такимъ образомъ, снискалъ себѣ довѣріе плѣнницы, которая привыкла съ нимъ говорить совершенно откровенно. Затѣмъ, Варвикъ и Кошонъ, сопровождаемые двумя нотаріусами спрятались въ сосѣдней камерѣ, перегородка которой была проскерлена, между тѣмъ какъ Уазелеръ заставлялъ Жанну говорить о своихъ видѣніяхъ. Но хитрость не удалась; одинъ изъ нотаріусовъ, мало знакомый съ инквизиціоннымъ дѣлопроизводствомъ, заявилъ, что подобный пріемъ незаконенъ, и смѣло отказался участвовать въ немъ. Тогда каноникъ Бовэ, Жанъ Эстиве, исполнявшій обязанности обвинителя, испробовалъ то же средство, но также безуспѣшно [1]).

Только 19-го февраля были готовы обвинительные пункты, и ихъ можно было представить членамъ судилища, но тогда возникло новое затрудненіе. До сего дня среди членовъ трибунала не было представителя Инквизиціи; было признано, что это дѣлаетъ недѣйствительнымъ все дѣлопроизводство. Инквизиторомъ Франціи былъ братъ Жанъ Граверанъ; онъ въ 1424 г. назначилъ своимъ викарнымъ въ Руанъ брата Жана ле-Метръ. Очевидно ле Метръ не сочувствовалъ дѣлу и держался въ сторонѣ; но безъ него обойтись нельзя было, и на засѣданія 19 февраля было рѣшено позвать его вмѣстѣ съ двумя нотаріусами принять участіе въ дебатахъ и выслушать чтеніе обвиненій и свидѣтельскихъ показаній. Говорятъ, прибѣгли даже къ угрозамъ, и ле-Метръ преодолѣлъ свое отвращеніе. Послѣ полудня состоялось другое засѣданіе, на которомъ онъ уже присутствовалъ; и когда ему предложили дѣйствовать, то онъ изъявилъ свою полную готовность, если только его полномочія признаются достаточными. Сомнѣніе, представленное имъ, было замѣчательно остроумно. Ле-Метръ былъ, правда, инквизиторомъ Руана; но Кошонъ, въ качествѣ епископа епархіи, входившей въ составъ другой провинціи, принялъ юрисдикцію Бовэ въ «чужой провинціи»; ле-Метръ не зналъ, имѣетъ ли онъ право принять участіе въ дѣлѣ. Его сомнѣнія были разрѣшены только 22-го; а въ ожиданіи этого времени, когда Граверанъ пришлетъ ему болѣе широкое полномочіе, онъ согласился присутствовать на засѣданіяхъ для успокоенія своей совѣсти и для того, чтобы все дѣлопроизводство не оказалось недѣйствительнымъ, какъ это легко бы могло быть въ глазахъ всѣхъ, если бы дѣло велось безъ участія Инквизиціи. Наконецъ, 12-го марта онъ получилъ отъ Граверана, извинявшагося, что онъ не можетъ явиться лично, особое полномочіе, позволявшее ему предсѣдательствовать вмѣстѣ съ Кошономъ въ трибуналѣ. Приговоръ былъ вынесенъ отъ имени ихъ обоихъ,—и услуги ле-Метра были достодолжнымъ образомъ оплачены англичанами [2]).

21-го февраля обвинитель Жанъ Эстиве потребовалъ явки и допроса плѣнницы. Раньше, чѣмъ ввели Жанну, Кошонъ объяснилъ собранію, что она настойчиво все время просила у него разрѣшенія выслушать обѣдню, но что онъ, принимая во вниманіе пре-

[1]) Journal d'un Bourgeois de Paris, ann. 1429.—Le Brun de Charmettes, op. cit. III, 201—7, 210—12, 215, 224—6.—Procès, 465—7, 477.—L'Averdy, 391, 475, 499.

Среди членовъ суда, по крайней мѣрѣ одинъ, Томасъ де Курсель былъ человѣкъ высокаго образованія и возвышеннаго характера. Вслѣдъ за процессомъ Жанны онъ игралъ видную роль на Базельскомъ соборѣ, выступивъ противъ требованій папства. Эней Сильвій отзывается о немъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Inter sacrarum litterarum doctores insignis, quo nemo plura ex decretis sacri concilii dictavit, vir juxta doctrinam mirabilis et amabilis, sed modesta quadam verecundia semper intuens terram» (Aen. Sylvii «Comment. de Gestis Concilii Basil.» lib. I, стр. 7, изд. 1571 г.).—Томасъ де Курсель умеръ деканомъ собора Богоматери въ 1469 году. (Le Brun de Charmettes, op. cit. III, 235).

[2]) Ripoll, III, 8.—Procès, 467—8, 470, 509.—Le Brun de Charmettes, op. cit., III, 188, 192, 219, 407—8.—L'Averdy, op. cit. 391.

Библиотека "Руниверс"

ступленія, въ которыхъ она обвинялась, и мужское платье, которое она носила, отказалъ ей въ удовлетвореніи ея просьбы. Судьи одобрили этотъ пріемъ судить о дѣлѣ уже наперед, и Жанна была введена въ залу суда въ ножныхъ оковахъ. Она горько жаловалась на эту жестокость. Мы уже видѣли, что даже тампліеровъ расковывали, когда водили на допросъ. Но Жанна только номинально находилась во власти трибунала, и Кошонъ принялъ на себя отвѣтственность за эту крайнюю мѣру, примѣненіе которой, по его словамъ, оправдывалось ея неоднократными попытками бѣжать. Жанна замѣтила, что она имѣла право искать возможности бѣжать, такъ какъ не связала себя честнымъ словомъ. Тогда Кошонъ позвалъ англійскихъ солдатъ, сопровождавшихъ плѣнную, и доставилъ себѣ удовольствіе, заставивъ ихъ поклясться, что они будутъ караулить ее; несомнѣнно, это было сдѣлано только изъ пустого тщеславія, чтобы показать свою власть надъ ними [1]).

Излишне разбирать во всѣхъ подробностяхъ допросы, которымъ подвергали Жанну; допросы эти тянулись въ теченіе трехъ мѣсяцевъ; перерывъ былъ сдѣланъ только съ 18-го апрѣля по 11-ое мая въ виду тяжкой болѣзни обвиняемой. Невѣжественная крестьянка, ослабленная муками жестокаго тюремнаго заключенія и вынужденная ежедневно отвѣчать на ловкіе коварные вопросы, придуманные отборными судьями, никогда не теряла ни присутствія духа, ни чудесной ясности ума. Ей разставляли ловушки, которыя она угадывала вѣрнымъ инстинктомъ. На нее дождемъ сыпались вопросы, которые затруднили бы школьныхъ богослововъ; съ полдюжины ожесточенныхъ спорщиковъ нападали на нее одновременно и прерывали ея отвѣты; безпорядокъ по временамъ достигалъ такихъ размѣровъ, что нотаріусы заявляли, что они не въ состояніи ничего понять. Отвѣты Жанны тщательно разсматривались, а затѣмъ послѣ полудня ей снова предлагали ихъ въ другой формѣ; но всегда обвинители обманывались въ разсчетахъ. Въ теченіе всего ряда этихъ допросовъ она проявила удивительное соединеніе простоты, ловкости, хладнокровія и твердости,—однимъ словомъ, такія качества, которыя сдѣлали бы честь старому профессіональному дипломату. Она отказалась принести присягу, отвѣчать безъ оговорокъ на всѣ вопросы, которые будутъ ей предлагаемы, и откровенно заявила: «Я не знаю, о чемъ вы будете меня допрашивать; быть можетъ, вы будете допрашивать меня о такихъ вещахъ, о которыхъ я не желаю говорить». Она соглашалась отвѣчать на всякій вопросъ, касающійся ея вѣры и обвиненій, вызвавшихъ преданіе ея суду, но на все другое она отвѣчать не будетъ. Когда озлобленіе Кошона выходило изъ границъ, то она оборачивалась къ нему и кротко говорила: «Вы называетесь моимъ судьей; я не знаю, судья ли вы мой въ дѣйствительности; побеpегитесь судить несправедливо, такъ какъ вы подвергаете себя большимъ опасностямъ; я васъ предупредила, такъ что если Господь Богъ накажетъ васъ, то я, по крайней мѣрѣ, исполнила свой долгъ». На вопросъ, былъ ли голымъ святой Михаилъ, когда являлся ей, она отвѣчала: «Неужели вы думаете, что у Бога нечѣмъ одѣть своихъ ангеловъ?» Когда она разсказывала о своей бесѣдѣ съ св. Екатериной о результатѣ осады Компьеня, у нея вырвалось одно выраженіе, которое дало ея судьѣ надежду поймать ее впросакъ; онъ перебилъ ее вопросомъ, сказала ли она: «Допуститъ ли Богъ такъ зло погибнуть жителямъ Компьеня»? Но она спокойно поправила судью, повторивъ: «Что? Допуститъ ли Богъ погибнуть добрымъ жителямъ Компьеня, которые выказали себя такими вѣрными въ отношеніи своего повелителя»? Она не могла знать, что всякая попытка освободиться отъ духовнаго суда была самымъ чернымъ грѣхомъ; однако, когда, испытывая ее, ей предложили слѣдующій коварный вопросъ: «Убѣжитъ ли она, если къ этому представится удобный случай», — она отвѣтила, что если бы дверь была открыта, она ушла бы, хотя бы для того только, чтобы убѣдиться, угодно ли Господу, чтобы она бѣжала. Когда ей предательски предложили устроить торжественную процессію, чтобы умолить Бога

[1]) Procès, 468—9.

Библиотека "Руниверс"

лучше направить умъ ея, она кротко отвѣтила, что желала бы, чтобы всѣ добрые католики молились за нее. Когда ей угрожали пыткой и предупредили, что палачъ уже готовъ, она просто сказала: «Если вы пыткой вырвете у меня признанія, то я заявлю, что они получены насиліемъ». Такимъ образомъ, перенося ужасъ своей темницы и крики залы допросовъ, гдѣ иногда цѣлая дюжина бѣшеныхъ судей сразу нападала на нее, она ни разу въ теченіе этихъ долгихъ и печальныхъ недѣль не пала духомъ [1]).

Жанну поддерживало ея состояніе постояннаго экстаза, которое само подкрѣплялось видѣніями, являвшимися ей днемъ и ночью, непреклоннымъ убѣжденіемъ, что она избрана Богомъ и дѣйствуетъ по вдохновенію свыше, и покорностью, съ которой она впередъ принимала волю Господню. Повидимому, въ тюрьмѣ порывы экстаза стали случаться съ ней чаще, чѣмъ прежде. Ея небесные посѣтители приходили къ ней по ея зову и разрѣшали ей опасные вопросы. Часто она отказывалась отвѣчать на допросѣ раньше, чѣмъ спроситъ у своихъ Голосовъ, можетъ ли она раскрыть то, что отъ нея требовали; а затѣмъ на слѣдующемъ засѣданіи она объявляла, что ей разрѣшено говорить. Отвѣты Голосовъ явно мѣнялись согласно съ ея нравственнымъ настроеніемъ. Иногда ей казалось, что она слышала о своемъ скоромъ торжественномъ освобожденіи; иногда же Голоса совѣтовали ей не бояться мученической смерти, такъ какъ она приведетъ ее въ рай. Когда она сообщила своимъ судьямъ объ этомъ послѣднемъ откровеніи, то ей былъ предложенъ коварный вопросъ, увѣрена ли она въ своемъ личномъ спасеніи; она отвѣтила, что она такъ увѣрена, что попадетъ на небо, какъ будто уже находится тамъ. Тогда ее спросили, считаетъ ли она себя неспособной совершить грѣхъ. Инстинктивно она оставила эту опасную почву: «Я не знаю ничего объ этомъ; я имѣю вѣру въ Бога» [2]).

Наконецъ, въ одномъ важномъ пунктѣ, судьямъ удалось поставить ее въ затрудненіе. Ее предупредили, что, если она совершила какой-либо поступокъ, противный вѣрѣ, то она должна подчиниться рѣшенію Церкви. Для нея Церковь была представлена Кошономъ и его судилищемъ; покориться этимъ людямъ значило признать, что вся жизнь ея была обманомъ, что ея сношенія съ святыми и ангелами были посѣщеніемъ демоновъ, что сама она—колдунья, достойная костра, избавить отъ котораго ее можетъ только снисходительность ея преслѣдователей. Она изъявила желаніе подчиниться Богу и святымъ, но это, сказали ей,—Церковь торжествующая и небесная, она же должна подчиниться Церкви воинствующей и земной, въ противномъ случаѣ она является еретичкой, и ее слѣдуетъ выдать свѣтскимъ властямъ для сожженія. Пользуясь ея невѣжествомъ, судьи поставили вопросъ въ болѣе ясной формѣ. Когда ее спросили, не хочетъ ли она подчиниться папѣ, она могла сказать только одно: «Отведите меня къ нему, и я отвѣчу ему». Наконецъ, ее довели до того, что она согласилась повиноваться Церкви, если только Церковь не прикажетъ ей сдѣлать что-либо невозможное; когда же ей предложили опредѣлить это «невозможное», она сказала, что это значитъ отказаться исполнить то, что повелѣлъ ей Богъ, и отрицать истинность того, что она подтвердила о своихъ видѣніяхъ. Объ этомъ она не хотѣла отвѣчать никому, кромѣ Бога [3]).

---

[1]) Procès, 468, 472, 473, 476, 486, 489, 501.—L'Averdy, op. cit. 107, 395.

[2]) Procès, 487.

[3]) Procès, 489, 491, 494, 495, 499, 500, 501.

Когда въ 1456 году реабилитировали память Жанны и отмѣнили обвинительный приговоръ, то, естественно, необходимо было доказать, что она не отказывалась подчиниться Церкви. Были найдены свидѣтельскія показанія, устанавливавшія, что Николай Уазелеръ, которому она продолжала довѣрять, тайно предупредилъ ее, что она погубитъ себя, если покорится Церкви, но Жанъ де-ла-Фонтенъ, другой членъ суда, вмѣстѣ съ двумя доминиканцами, Изамбаромъ де ла Пьеръ и Мартиномъ Ладвеню, посѣтилъ Жанну въ тюрьмѣ и объяснилъ ей, что на Базельскомъ соборѣ, въ то время засѣдавшемъ, у нея было много друзей и враговъ; на слѣдующемъ засѣданіи 30-го марта братъ Изамбаръ де-ла-Пьеръ публично повторилъ этотъ совѣтъ, такъ что

Библиотека "Руниверс"

До 27-го марта вопросы носили вполнѣ подготовительный характеръ. Послѣ этого начался настоящій процессъ: Жаннѣ прочли длинный списокъ обвиненій, основанныхъ на данныхъ, собранныхъ разслѣдованіемъ. Между экспертами возникъ довольно горячій споръ, но, въ концѣ концовъ, рѣшили, что она должна отвѣчать на обвиненія seriatim и немедленно, что она и сдѣлала съ обычными ей ясностью и неустрашимостью, отказавшись отъ адвоката, котораго предлагалъ дать ей Кошонъ. Послѣдовали разные допросы; затѣмъ болѣзнь Жанны прервала дебаты; когда она выздоровѣла, то 12-го мая двѣнадцать членовъ трибунала собрались у Кошона, чтобы рѣшить, слѣдуетъ ли ее подвергнуть пыткѣ. По счастью, этотъ позоръ не коснулся ея. Одинъ изъ судей стоялъ за примѣненіе пытки для того, чтобы посмотрѣть, какъ говорилъ онъ, возможно ли привести ее въ подчиненіе Церкви; другой судья, шпіонъ Николай Уазелеръ, милостиво совѣтовалъ пытку, какъ спасительное лѣкарство для обвиняемой; остальные девять полагали, что пытка не нужна, такъ какъ дѣло и безъ того ясно; Кошонъ, повидимому, воздержался отъ голосованія. Въ это время тайный комитетъ, выбранный Кошономъ, свелъ всѣ пункты обвиненія къ двѣнадцати. Эти двѣнадцать обвиненій, хотя и грубо противорѣчившихъ истинѣ, были признаны вполнѣ доказанными и подтвержденными сознаніемъ; они легли въ основаніе послѣдующихъ рѣшеній и окончательнаго приговора. Мы уже видѣли на дѣлѣ Маргариты ла Поретъ, какъ парижская Инквизиція вмѣсто того, чтобы созвать собраніе экспертовъ, представила университету письменное донесеніе касательно, такъ сказать доказанныхъ, обвиненій; университетъ высказалъ свое мнѣніе условно, съ оговоркой, если донесеніе было точно; но это постановленіе, какъ мы знаемъ, равнялось приговору. Въ настоящемъ дѣлѣ сослались на этотъ прецедентъ; копію пунктовъ обвиненія послали пятидесяти восьми ученымъ экспертамъ, а также руанскому капитулу и Парижскому университету, съ просьбою высказать свое мнѣніе въ опредѣленный день. Изъ всѣхъ, къ кому обратились за совѣтомъ, выше всего стоялъ авторитетъ университета, и письма королевскаго совѣта и епископа Бовэ были доставлены ему особой делегаціей. Зная направленіе университета, мы можемъ смѣло считать эту предосторожность излишней, но тотъ фактъ, что прибѣгли къ ней, показываетъ, какъ слабо было обосновано все обвиненіе. Университетъ ради формы тщательно обсудилъ дѣло и поручилъ богословскому и юридическому факультетамъ выработать рѣшеніе, которое было одобрено 14-го мая и отправлено въ Руанъ [1]).

19-го мая члены суда собрались, чтобы выслушать отвѣтъ университета; затѣмъ приступили къ голосованію. Нѣкоторые высказались за немедленную выдачу Жанны свѣтской власти, что было строго согласно съ формальнымъ инквизиціоннымъ судопроизводствомъ; но другіе члены трибунала, несомнѣнно, находили чрезмѣрной смѣлую претензію считать пункты обвиненія за проступки, въ которыхъ Жанна созналась. Болѣе гуманное предложеніе одержало верхъ; было рѣшено еще разъ выслушать Жанну; было постановлено прочесть ей пункты обвиненія и рѣшеніе университета и вынести окончательный приговоръ, сообразно съ тѣмъ, что она скажетъ въ свою защиту. Поэтому 23-го мая она снова была приведена на судъ. Краткое резюме документа, прочтенное ей, пошлостью многихъ пунктовъ обвиненія и преступнымъ характеромъ, который имъ приданали, показываетъ, что виновность Жанны была предрѣшена заранѣе. Университетъ, какъ это онъ дѣлалъ

Жанна согласилась подчиниться собору, а также просила, чтобы ее отвели къ папѣ. Кошонъ запретилъ упоминать объ этомъ въ судебномъ протоколѣ, и если бы не вмѣшался инквизиторъ Жанъ ле-Метръ, то трое совѣтниковъ Жанны подверглись бы большой смертельной опасности. (L'Averdy, op. cit. 476—77.—Le Brun de Charmettes, op. cit. IV, 8—13.—Buchon, op. cit. 518—19). Процесъ реабилитаціи внушаетъ такія же подозрѣнія, какъ и процессъ осужденія; всякому хотѣлось тогда доставить новыя данныя и доказать, что съ Жанной поступили нехорошо. До девятнадцатаго допроса 27-го марта 1431 года, Жанъ де ла Фонтенъ былъ однимъ изъ тѣхъ, кто стоялъ за примѣненіе къ Жаннѣ самыхъ строгихъ мѣръ. (Procès, 495).

[1]) Procès, 496—8, 502.—L'Averdy, 33, 50.—Le Brun de Charmettes, IV, 62—3, 94—5.

Библиотека "Руниверс"

всегда, предусмотрительно добавилъ, что рѣшеніе его должно имѣть силу только въ томъ случаѣ, если пункты обвиненія доказаны должнымъ образомъ; но на эту оговорку не обратили никакого вниманія, и на Жанну смотрѣли такъ, какъ если бы она признала обвиненія справедливыми и уже подверглась формальному осужденію.

1. Видѣнія ангеловъ и святыхъ.—Эти видѣнія были признаны суевѣрными, исходящими отъ злыхъ духовъ и діавола.

2. Чудесное знаменіе, данное ею Карлу; корона, принесенная Св. Михаиломъ.—Установивъ противорѣчія между разными показаніями Жанны по этому поводу, признали, что вся исторія эта—пустая выдумка, что это дѣло тщеславное, лживое, гибельное и посягающее на достоинство ангельской Церкви.

3. Утвержденіе, что она узнавала святыхъ и ангеловъ по тѣмъ наставленіямъ и ободреніямъ, которыя они давали ей; вѣра въ эти явленія, какъ въ вѣру Христову.—Основанія, приведенныя обвиняемой, недостаточны, а ея вѣра безразсудна; сравнивать упованіе на эти явленія съ упованіемъ на Іисуса Христа есть заблужденіе въ вѣрѣ.

4. Предсказаніе будущихъ событій; утвержденіе, что она могла при посредствѣ Голосовъ узнавать незнакомыхъ людей.—Суевѣріе и чародѣйство, тщеславное утвержденіе и пустое хвастовство.

5. Ношеніе мужской одежды и короткихъ волосъ; принятіе святыхъ тайнъ въ такомъ видѣ подъ предлогомъ, что такъ приказываетъ Богъ.—Богохульство, оскорбленіе таинствъ, нарушеніе божескаго закона, священнаго писанія и каноническихъ постановленій; и поэтому Жаннѣ сказали: «Ты запятнана преступленіемъ противъ вѣры, ты виновна въ простомъ хвастовствѣ и подозрѣваешься въ идолопоклонствѣ; ты сама осуждаешь себя, не соглашаясь носить одежды твоего пола и слѣдуя обычаямъ язычниковъ и сарацинъ».

6. Выставленіе на своихъ письмахъ имени Іисуса, имени Маріи и знака креста; угроза, если не послушаются ея писемъ, показать въ битвѣ, на чьей сторонѣ дѣйствительное право.—«Ты убійца и безчеловѣчная, ты ищешь пролитія крови; ты мятежница и ведешь къ тиранніи; ты хулишь Бога, Его повелѣнія и откровенія».

7. Самовольный уходъ изъ дома, доведшій ея отца и мать почти до сумасшествія отъ горя; обѣщаніе, данное Карлу, возстановить его королевство, и все это по повелѣнію Бога.—«Ты была зла къ своимъ родителямъ, ты нарушила повелѣнія Бога, приказывающаго почитать родителей. Ты произвела соблазнъ, ты возвела хулу на Бога, ты погрѣшила въ вѣрѣ и дала своему королю обѣщаніе безразсудное и тщеславное».

8. Прыжокъ съ башни Боревуаръ въ ровъ и предпочтеніе смерти плѣну въ рукахъ англичанъ, несмотря на запрещеніе Голосовъ.—Малодушіе, отчаяніе и стремленіе къ самоубійству; говоря, что Богъ простилъ эту вину, «ты допустила заблужденіе въ вопросѣ о свободной волѣ человѣка».

9. Заявленіе, что Св. Екатерина и Св. Маргарита обѣщали ей рай, если она сохранитъ свое дѣвство; увѣренность въ этомъ и утвержденіе, что, если бы она была въ состояніи смертнаго грѣха, то эти святыя не являлись бы ей.—«Ты заражена заблужденіемъ, затрагивающимъ христіанскую вѣру».

10. Утвержденіе, что Св. Екатерина и Св. Маргарита говорили по-французски, а не по-англійски, такъ какъ онѣ не принадлежали къ партіи англичанъ; заявленіе, что, узнавъ о томъ, что Голоса расположены къ Карлу, она перестала лю-

Библиотека "Руниверс"

СМЕРТЬ ЖАННЫ Д'АРКЪ.

(Съ картины Ленепве.—Парижскій Пантеонъ)

Библиотека "Руниверс"

бить бургундцевъ.—Безразсудное богохульство на этихъ святыхъ, нарушеніе повелѣнія Бога, сказавшаго: «Люби своего ближняго».

11. Почитаніе небесныхъ посѣтителей и вѣра въ то, что они посланы Богомъ, не посовѣтовавшись по этому вопросу съ лицомъ духовнымъ; такая же увѣренность въ этомъ, какъ вѣра въ Христа и въ Его Страсти; отказъ открыть безъ повелѣнія Бога, какое чудесное знаменіе было дано Карлу.—«Ты идолопоклонница, ты призывала демоновъ, ты заблуждаешься въ вѣрѣ; ты безразсудно дала запрещенную клятву».

12. Отказъ повиноваться приказаніямъ Церкви, если приказанія эти противорѣчатъ мнимому повелѣнію Бога, и отрицаніе суда воинствующей Церкви.—«Ты схизматичка, ты придерживаешься мнѣній, несогласныхъ съ истиной и авторитетомъ Церкви и до настоящаго дня гибельно заблуждаешься въ вѣрѣ Бога» [1]).

Магистръ Пьеръ Морисъ, прочтя этотъ необыкновенный документъ, принялся уговаривать Жанну съ возмутительнымъ выраженіемъ расположенія къ ней, называя ее: «Жанна, дорогой другъ мой», и горячо настаивая при помощи логическихъ доказательствъ, чтобы она подчинилась суду Церкви; въ противномъ случаѣ душа ея, несомнѣнно, будетъ осуждена, а тѣлу ея грозитъ большая опасность смерти. Она съ твердостью отвѣтила, что если даже костеръ зажженъ и палачъ готовъ бросить ее въ пламя, то она все равно не измѣнитъ ни одного слова изъ своихъ прежнихъ показаній. Ничего не оставалось другого, какъ велѣть ей явиться на другой день, чтобы выслушать окончательное рѣшеніе [2]).

24-го на кладбищѣ С.-Уана были закончены приготовленія къ ауто-де-фе. Костеръ былъ готовъ получить свою добычу; на двухъ помостахъ находились кардиналъ Бофоръ и разныя высокопоставленныя лица; на третьемъ помостѣ помѣстился Петръ Кошонъ, Жанъ ле-Метръ, Жанна и магистръ Гильомъ Эраръ, который произнесъ обычную рѣчь. Въ порывѣ своего краснорѣчія ораторъ воскликнулъ, что Карлъ VII—извѣстный еретикъ и схизматикъ, но Жанна прервала его: «Говорите обо мнѣ, а не о королѣ; онъ—добрый христіанинъ!» Она оставалась твердой до чтенія приговора объ ея «освобожденіи», въ эту же минуту она уступила безконечнымъ увѣщаніямъ, смѣшаннымъ съ угрозами и обѣщаніями, которыми надоѣдали ей съ вечера предшествовавшаго дня, и заявила, что готова покориться. Ей дали прочесть формулу отреченія и, послѣ нѣкоторыхъ препирательствъ, она позволила водить ея рукой, чтобы вывести изображеніе креста, замѣнявшее ея подпись. Затѣмъ произнесли другой, заготовленный заранѣе приговоръ, которымъ на нее налагалось обычное наказаніе — пожизненное тюремное заключеніе на хлѣбъ и воду. Тщетно умоляла она, чтобы ее отправили въ церковную тюрьму. Если бы даже Кошонъ и пожелалъ исполнить эту просьбу, то не имѣлъ бы на это права; и онъ приказалъ солдатамъ отвести ее въ ея камеру [3]).

---

[1]) Procès, 503—5.—L'Averdy, op. cit. 56—97.

[2]) Le Brun de Charmettes, op. cit. IV, 102—4, 106.—Procès, 506.

При изученіи приговора университета и Инквизиціи не нужно упускать изъ виду, что видѣнія Спасителя, Св. Дѣвы и святыхъ были явленіемъ почти ежедневнымъ и что Церковь допускала ихъ и относилась къ нимъ съ почтеніемъ. Духовная экзальтированность среднихъ вѣковъ ставила сверхъестественный міръ въ тѣсныя сношенія съ міромъ реальнымъ. Цѣлый рядъ подобныхъ исторій мы найдемъ въ «Діалогахъ» Цезаря Гейстербахскаго. Кромѣ того, какъ подробность церковнаго права, видѣнія Жанны были уже разслѣдованы и признаны прелатами и докторами Шинона и Пуатье, и въ частности Реймскимъ архіепископомъ Рено, которому подчиненъ былъ Кошонъ.

[3]) Procès, 508—9.—Journal d'un Bourgeois de Paris, ann. 1431.—Le Brun de Charmettes, op. cit. IV, 110—41.

Имѣются двѣ формулы отреченія, которыя, какъ говорятъ, были скрѣплены Жанной: одна

Библиотека "Руниверс"

Англичане естественно были взбѣшены, увидѣвъ, что добыча ускользнула отъ нихъ. Они могли судить Жанну короткимъ свѣтскимъ судомъ за колдовство и сжечь ее безъ всякихъ проволочекъ; но чтобы получить въ свои руки плѣнную, имъ нужно было обратиться къ духовнымъ властямъ и Инквизиціи, а они очень мало знакомы были съ судопроизводствомъ по дѣламъ ереси и не знали, что инквизиціонное судопроизводство было основано на желаніи спасти душу, а не погубить тѣло. Когда они увидѣли, какой оборотъ принимало дѣло, то весьма сильно были взволнованы тѣмъ, что казалось имъ насмѣшкой надъ ними. Смерть Жанны была въ ихъ глазахъ политической необходимостью, и вотъ жертва, бывшая въ ихъ власти, ускользнула отъ нихъ. Духовные, несмотря на всю проявленную ими рабскую покорность, были осыпаны угрозами, даже были вынуты шпаги изъ ноженъ, и судьямъ съ большимъ трудомъ удалось живыми и невредимыми выбраться съ кладбища С.-Уана [1]).

Послѣ полудня Жанъ ле-Метръ и многіе члены трибунала навѣстили Жанну въ ея камерѣ, объяснили узницѣ кротость Церкви и признательность, съ которой слѣдовало принимать ея приговоръ; они совѣтовали ей отречься отъ своихъ откровеній и безумія, такъ какъ, если она снова впадетъ въ заблужденіе, то нельзя будетъ разсчитывать на какое-либо снисхожденіе. Она смирилась; когда члены трибунала стали настаивать, чтобы она надѣла женское платье, то она согласилась; платье было принесено, и она переодѣлась; мужская же одежда была уложена въ мѣшокъ и оставлена въ камерѣ [2]).

Что произошло послѣ этого, не было никогда хорошо освѣщено. Разсказы мало правдоподобны и противорѣчивы; несомнѣнно, все это чистая выдумка, и истина погребена въ руанской тюрьмѣ. Само собой разумѣется, ея жестокіе стражники, взбѣшенные, что она не попала на костеръ, должны были обращаться съ ней отвратительно грубо; быть можетъ, какъ говорили, они доходили даже до того, что били ее, таскали за волосы и грозили изнасилованіемъ, такъ что, въ концѣ концовъ, она поняла, что только мужская одежда могла защитить ее. Быть можетъ также, какъ сообщаютъ другіе разсказы, ея Голоса упрекали ее въ трусости, такъ что она, въ концѣ концовъ, рѣшилась опять надѣть свое старое платье. Быть можетъ, наконецъ, Варвикъ, съ цѣлью заставить ее впасть вторично въ преступленіе, приказалъ ночью украсть у нея женское платье и такимъ образомъ заставилъ ее опять надѣть мужской костюмъ. Тотъ фактъ, что мужскую одежду оставили у нея подъ руками, а не унесли изъ камеры, показываетъ, по крайней мѣрѣ, желаніе заставить Жанну надѣть ее снова. Какъ бы то ни было, но дня черезъ два или три послѣ того, какъ она надѣла женское платье, ея судьямъ сообщили, что она опять впала въ грѣхъ и сняла одежды своего пола. 28-го мая судьи поспѣшили въ тюрьму, чтобы провѣрить фактъ. Несвязность ея отвѣтовъ на ихъ вопросы показываетъ, какъ сильно подѣйствовали на нее ужасныя испытанія, перенесенныя ею. Вначалѣ она просто признала, что она снова надѣла свое старое платье; затѣмъ она сказала, что это платье для нея удобнѣе, такъ какъ приходится жить среди мужчинъ; никто не заставлялъ ее совершить это, но она отрицала, что клятвенно обѣщала не надѣвать своей обычной одежды. Послѣ этого она говорила, что надѣла мужскую одежду потому, что не сдержали даннаго ей слова:

краткая и простая, другая подробная (Procès, 508.—Le Brun de Charmettes, op. cit. IV, 135—7). Кошону ставили въ упрекъ, что онъ прочелъ Жаннѣ болѣе краткую формулу и подложилъ другую, когда ей нужно было подписаться. Жанна жаловалась позднѣе, говоря, что она никогда не обѣщала бросить свои мужскія одежды; обѣщаніе это имѣется въ подробной формулѣ отреченія, но въ краткой его нѣтъ. На этомъ фактѣ сильно настаивали, но безъ особаго основанія. Болѣе краткое отреченіе представляетъ сознаніе sine conditione въ заблужденіяхъ, отверженіе ихъ и подчиненіе Церкви; оно было такъ же обязательно и рѣшительно, какъ и другое.

[1]) Le Brun de Charmettes, op. cit. IV, 141.

[2]) Procès, 508—9.—Le Brun de Charmettes, op. cit. IV, 147.

Библиотека "Руниверс"

ей обѣщали, что она выслушаетъ обѣдню, получитъ св. тайнъ и будетъ освобождена отъ оковъ. Она предпочитаетъ смерть жизни въ цѣпяхъ. Если бы она была допущена къ обѣднѣ и если бы съ нея сняли оковы, то она во всемъ повиновалась бы приказаніямъ Церкви. Она слышала свои Голоса послѣ отреченія; ея святыя сказали ей, что она подвергла себя осужденію своимъ отреченіемъ ради спасенія жизни, такъ какъ отреклась только изъ-за боязни огня. Голоса были голосами Св. Екатерины и Св. Маргариты, которыхъ Богъ посылалъ къ ней; отъ этого она никогда не отрекалась, а если отрекалась, то соврала. Она предпочтетъ смерть вѣчному плѣну; но если судьямъ ея угодно, то она опять надѣнетъ женское платье; что касается остального, то она не знала ничего [1]).

Эти безсвязныя противорѣчія, эти вопли угрызенія совѣсти и отчаянія, столь отличные отъ ея былой неустрашимой увѣренности, показываютъ, что тюремщики сдѣлали свое дѣло, что душа и тѣло несчастной выстрадали больше, чѣмъ могли вынести. Судьи вполнѣ удовлетворились. Жанна была сознававшаяся рецидивистка; Церкви не оставалось ничего болѣе, какъ выдать ее свѣтской власти. Поэтому на другой день, 29-го мая, Кошонъ собралъ всѣхъ наличныхъ членовъ суда, объявилъ имъ, что Жанна снова впала въ заблужденія, надѣвъ опять свой мужской костюмъ и утверждая, по внушенію демона, что ея Голоса снова вернулись. Вопроса объ ея участи не могло и быть. Она была рецидивистка, и возникъ только споръ о слѣдующей подробности процедуры: слѣдуетъ ли прочесть ей ея отреченіе раньше, чѣмъ выдать ее въ руки свѣтской власти. Большинство высказалось за соблюденіе этой формальности; но Кошонъ и ле-Метръ находили ее лишней [2]).

На другой день, 30-го мая, на восходѣ солнца были посланы въ тюрьму братъ Мартинъ л'Адвеню и разныя другія духовныя лица, чтобы сообщить Жаннѣ, что она будетъ сожжена въ этотъ же день утромъ. Несчастная такъ перепугалась, что бросилась на полъ, рвала себѣ волосы и испускала потрясающіе крики; затѣмъ, нѣсколько успокоившись, она сказала, что этого никогда не случилось бы, если бы она была помѣщена въ церковную тюрьму, показавъ, такимъ образомъ, что жестокость тюремнаго заключенія заставила ее снова вернуться къ своему отреченію. Она исповѣдывалась предъ л'Адвеню и выразила желаніе причаститься. Не зная, что дѣлать, онъ послалъ спросить совѣта у Кошона, который разрѣшилъ удовлетворить просьбу Жанны; Св. Дары были принесены въ тюрьму съ обычной торжественностью. Ошибочно полагали, что это означало признаніе невиновности осужденной; въ дѣйствительности же, законъ предписывалъ никогда не отказывать въ причастіи рецидивисту, просившему его въ послѣднюю минуту; уже тотъ фактъ, что осужденный, предварительно исповѣдавшись, просилъ причастія, свидѣтельствовалъ о раскаяніи виновнаго и его желаніи вернуться въ лоно Церкви [3]).

Помостъ для проповѣдника и костеръ были устроены на площади Стараго Рынка. Жанну везли среди волнующейся толпы, заполнявшей улицы; говорятъ, что въ это время жалкій шпіонъ Николай Уазелеръ пробился черезъ толпу и ряды стражи и вспрыгнулъ въ колесницу, чтобы испросить прощенія у Жанны, но раньше, чѣмъ она успѣла простить его, англичане сбросили его съ колесницы и убили бы его, если бы Варвикъ не подоспѣлъ къ нему на помощь и не спасъ ему жизнь, давъ ему возможность покинуть городъ. Николай Миди произнесъ съ помоста свою рѣчь, прочли приговоръ объ «осво-

---

[1]) Procès, 508.—Le Brun de Charmettes, op. cit. IV, 166—70.—L'Averdy, op. cit. 506.

[2]) Procès, 509.—Le Brun de Charmettes, op. cit. IV, 175—8.

[3]) Le Brun de Charmettes, op. cit. IV, 180—84.— L'Averdy, op. cit. 483, 488 и слѣд.

Черезъ недѣлю послѣ казни Жанны семь духовныхъ, бывшихъ въ ея камерѣ, подали докладную записку, что она призналась въ томъ, что Голоса обманули ее, и умоляла англичанъ и бургундцевъ простить ей все зло, которое она имъ причинила. Но это, очевидно, показаніе, сфабрикованное по заказу; впрочемъ, актъ этотъ не удостовѣренъ даже нотаріальнымъ образомъ.—Le Brun de Charmettes, op. cit. IV, 220—5.

Библиотека "Руниверс"

божденіи», и Жанна была передана въ руки свѣтской власти. Кошонъ, ле-Метръ и другія духовныя лица сошли съ помоста; бальи Руана принялъ осужденную изъ ихъ рукъ и велѣлъ отвести ее на мѣсто казни и сжечь. Говорили, что отсутствіе приговора свѣтскаго суда было нарушеніемъ закона; но на дѣлѣ, мы знаемъ, эта формальность была излишней, въ особенности когда дѣло шло о рецидивистѣ. На голову Жанны надѣли бумажную митру со словами: Еретичка, Рецидивистка, Вѣроотступница, Идолопоклонница, и ее повели на костеръ. По однимъ разсказамъ, она испускала крики и вопли, такъ что тронутая толпа проливала слезы; по другимъ, она была полна покорности Провидѣнію, совершенно спокойна, и ея послѣднее дыханіе отлетѣло въ молитвѣ. Когда огонь уничтожилъ ея одежды, то раздвинули охваченный пламенемъ хворостъ, чтобы толпа могла видѣть обгорѣлый трупъ и, такимъ образомъ, убѣдиться, что Жанна была женщиной. Удовлетворивъ любопытство зрителей, обратили тѣло въ пепелъ, который бросили въ Сену [1]).

Теперь тѣмъ, кто игралъ роль въ этой трагедіи, оставалось только оправдать себя, очернивъ свою жертву и распустивъ ложные слухи по поводу процесса. Судьи, очевидно, понимали, что хотя они и прикрылись Парижскимъ университетомъ, тѣмъ не менѣе на нихъ падаетъ огромная отвѣтственность, такъ какъ они получили отъ короля письма, вполнѣ защищавшія ихъ поведеніе; государь обязывался лично принять участіе во всякомъ преслѣдованіи, которое только возникнетъ противъ нихъ передъ папою или вселенскимъ соборомъ. Регентство прекрасно понимало, что ему нужно оправдаться въ глазахъ всей Европы, и имъ были разосланы отъ имени Генриха VI ко всѣмъ государямъ и епископамъ письма, въ которыхъ разсказывалось, какія безчеловѣчныя жестокости совершала Жанна до того дня, когда Богъ, сжалившись надъ страданіями народа, не позволилъ взять ее въ плѣнъ; хотя она за свои преступленія могла быть наказана и свѣтскимъ судомъ, тѣмъ не менѣе ее выдали Церкви, которая поступила съ ней кротко и благосклонно, и послѣ ея сознанія милостиво наложила на нее эпитимію въ видѣ тюремнаго заключенія; но гордость ея рѣзко сказалась; она снова впала въ свои заблужденія и въ свое безуміе; тогда она была выдана въ руки свѣтской власти и, чувствуя приближеніе конца, созналась, что духи, которыхъ она призывала, были ложь и обманъ, что ея демоны обманули и осмѣяли ее; въ концѣ концовъ, она была сожжена въ присутствіи народа.

Эта оффиціальная ложь ничего, однако, не стоитъ въ сравненіи съ слухами, которые вѣроломно распространяли о Жаннѣ. Честный парижскій буржуа, сообщая о казни Жанны въ своемъ Дневникѣ (Journal), перечисляетъ преступленія, вызвавшія обвиненія, примѣшивая къ дѣйствительнымъ пунктамъ обвиненія другіе, бывшіе отголоскомъ ложныхъ выдумокъ, которыя легко пускались въ довѣрчивый народъ. Если вѣрить ему, Жанна имѣла привычку, разъѣзжая верхомъ, размахивать палкою, которою она жестоко била людей, не нравившихся ей; во многихъ странахъ она безжалостно убивала мужчинъ и женщинъ, не оказывавшихъ ей повиновенія; однажды, когда ей грозило оскорбленіе, она бросилась съ высоты башни и не ушиблась; она хвасталась, что можетъ, если захочетъ, вызвать громъ и произвести разныя другія чудеса. Однако буржуа признавалъ, что даже

[1]) Le Brun de Charmettes, op. cit. IV, 188—210.—Procès, 509—10.—Journal d'un Bourgeois de Paris, ann. 1431.

Когда успокоилось возбужденіе, вызванное осужденіемъ Жанны, и когда увидали всю безполезность этого преступленія, была сдѣлана попытка взвалить отвѣтственность съ духовныхъ властей на власти свѣтскія; было заявлено, что допустили неправильность, подвергнувъ ее казни безъ формальнаго постановленія свѣтскаго суда. Два года спустя Людовикъ Люксембургскій, бывшій тогда архіепископомъ Руана, и Гильомъ Дюваль, викарій инквизитора, осудили за ересь нѣкоего Жоржа Соленфанъ и, передавая осужденнаго въ руки бальи Руана, рекомендовали ему не предавать его смерти, какъ Жанну, безъ окончательнаго приговора, вслѣдствіе чего для проформы было вынесено новое рѣшеніе.—L'Averdy, op. cit. 498.

Библиотека "Руниверс"

въ Руанѣ многіе воздавали ей честь за то, что она приняла мученическую смерть за своего законнаго повелителя [1]). Очевидно, понимали, что своею ужасной смертью она достойно увѣнчала свою миссію и что симпатія къ ней, возбужденная ея испытаніями, продолжала свое дѣло, пробуждая народное сознаніе.

Спустя слишкомъ мѣсяцъ, 4-го іюля, въ Парижѣ была сдѣлана попытка подавить это движеніе растущей симпатіи: заставили одного доминиканскаго инквизитора, по всей вѣроятности Жана ле-Метра, произнести слово. Проповѣдникъ долго распространялся о злыхъ дѣлахъ Жанны и о милосердіи въ отношеніи къ ней ея судей. Уже съ четырнадцатилѣтняго возраста она носила мужскую одежду, и ея родители убили бы ее, если бы не боялись грѣха. Увлекаемая демономъ, она покинула ихъ, и съ этого дня она жила рѣзнею христіанъ, упиваясь кровью и огнемъ, пока надъ ней не совершилась казнь. Она отреклась отъ своихъ заблужденій; на нее тогда наложили въ видѣ эпитиміи четырехлѣтнее заключеніе въ тюрьму на хлѣбѣ и водѣ; но она не могла снести это и одинъ день, такъ какъ въ своей тюрьмѣ она заставляла служить себѣ, какъ важной дамѣ. Здѣсь явился ей діаволъ съ двумя демонами и, боясь потерять ее, сказалъ ей: «Нечестивое созданіе, изъ страха снявшее мужскую одежду, ободрись, мы защитимъ тебя отъ всѣхъ людей!» Она тотчасъ же раздѣлась и надѣла опять свой мужской костюмъ, который она предварительно спрятала въ соломенномъ тюфякѣ своей постели; она такъ сильно вѣрила въ сатану, что заявила, будто раскаивается въ томъ, что сняла свою обычную одежду. Убѣдившись, что она упорно остается въ своемъ заблужденіи, магистры университета выдали ее въ руки свѣтской власти для сожженія; когда она увидала, что ей угрожаетъ смерть, то позвала себѣ на помощь демоновъ; но, какъ осужденная, она никакими заклинаніями не могла вызвать ихъ къ себѣ. Тогда она начала понимать свое преступленіе, но было уже слишкомъ поздно. Почтенный проповѣдникъ добавилъ, что было четыре зловредныхъ созданія подобнаго рода. Трехъ уже схватили; это—Дѣвственница, Перонна и подруга послѣдней; четвертая находилась въ партіи арманьяковъ; она называлась Екатериной де ла Рошелль и говорила, что она, разъ св. дары освящены, распознавала самыя сокровенныя тайны Господа [2]).

Эти послѣднія слова намекаютъ на разныхъ подражательницъ Жанны. Впечатлѣніе, произведенное Дѣвственницей на народъ, должно было неизбѣжно заставить нѣкоторыхъ женщинъ, изъ обмана ли, изъ доброй ли воли, начать подражать ей. Перонна была уже старая женщина, родомъ изъ Бретани. 30-го марта 1430 г. она вмѣстѣ съ своей подругой была взята въ плѣнъ при Корбейлѣ и приведена въ Парижъ. Не ограничиваясь утвержденіемъ, что Жанна была вдохновленной свыше, она клялась, что Богъ часто является и ей самой, является Онъ въ человѣческомъ образѣ, одѣтый въ бѣлое платье и красный плащъ, и приказалъ ей помочь Жаннѣ; она созналась, что получила причастіе два раза въ одинъ день, и далъ ей его братъ Ричардъ въ Жаржо. Обѣ женщины были судимы университетомъ; младшая отреклась, но Перонна держалась твердо и была сожжена 3-го сентября. Екатерина де ла Рошелль также была одной изъ покровительствуемыхъ бр. Ричардомъ; она была очень сердита на Жанну, которая отказалась помочь ей. Она пришла къ Дѣвственницѣ сначала въ Жаржо, а затѣмъ въ Монфоконъ въ Берри, говоря, что ей каждую ночь являлась бѣлая женщина, одѣтая въ золотую парчу; видѣніе сказало ей, что король дастъ

---

[1]) Journal d'un Bourgeois de Paris, ann. 1431.

8-го августа 1431 года одинъ монахъ, по имени Жанъ де-ла-Пьеръ, былъ приведенъ къ Кошону и ле-Метру по обвиненію въ порицаніи процесса Жанны. Это было крупнымъ преступленіемъ, когда была замѣшана Инквизиція. Монахъ просилъ прощенія на колѣняхъ и въ свое оправданіе ссылался на то, что въ тотъ день когда сказалъ преступныя слова, выпилъ до потери разума. Съ нимъ поступили милостиво, заключивъ на хлѣбъ и воду въ доминиканскій монастырь до слѣдующей Пасхи.—L'Averdy, op. cit. 141.

[2]) Le Brun de Charmettes, op. cit. IV, 238—40.—L'Averdy, op. cit. 269.—Monstrelet, op. cit. II, 105.—Journal d'un Bourgeois de Paris, ann. 1431.

Библиотека "Руниверс"

ей лошадей и трубачей, и чтобы она отправилась по всѣмъ городамъ, объявляя, чтобы всякій, кто имѣетъ деньги или сокровища, сносилъ свои богатства, чтобы уплатить солдатамъ Жанны. У Жанны было достаточно здраваго смысла, чтобы не согласиться на подобное предложеніе. Она посовѣтовала Екатеринѣ вернуться домой къ мужу и дѣтямъ и спросила совѣта у своихъ Голосовъ, которые открыли ей, что вся эта исторія безуміе и ложь. Однако Дѣвственница написала королю, сообщая ему объ этомъ, и согласилась на предложеніе Екатерины, обѣщавшей ей показать свою ночную посѣтительницу. Въ первую ночь Жанна заснула, а проснувшись узнала, что видѣніе являлось во время ея сна; тогда она выспалась днемъ; однако, хотя она и бодрствовала всю ночь, Бѣлая Дама ей не являлась. Въ дѣлѣ Екатерины было, вѣроятно, болѣе обмана, чѣмъ дѣйствительнаго энтузіазма; тѣмъ не менѣе, она, повидимому, ускользнула отъ Инквизиціи [1]).

Во время заключенія Жанны въ тюрьмѣ, ея мѣсто было занято крестьяниномъ, называемымъ то Пастурелемъ, то Гильомомъ Берже (Пастухъ). Этотъ человѣкъ утверждалъ, что божескія откровенія приказали ему вооружиться, чтобы поддержать дѣло короля. Онъ доказывалъ истинность своей миссіи, показывая стигматы, которые были у него, какъ у св. Франциска, на рукѣ, на боку и на ногѣ, и снискалъ себѣ, такимъ образомъ, довѣріе. Потонъ де Ксентрайль, старый товарищъ Жанны по оружію, вѣрилъ ему и бралъ его съ собою въ своихъ смѣлыхъ походахъ. Но карьера Гильома была непродолжительна. Онъ участвовалъ въ походѣ, предпринятомъ въ Нормандію подъ предводительствомъ маршала де Буссакъ и Потона, когда отрядъ былъ захваченъ врасплохъ и разсѣянъ Варвикомъ. Потонъ и Берже были взяты въ плѣнъ и торжественно отведены въ Руанъ. На процессѣ Жанны англичане познали медленность инквизиціоннаго дѣлопроизводства и поэтому предпочли болѣе короткій способъ. Несчастнаго пророка вывезли на Сену и утопили безъ всякаго суда. Его вліяніе распространялось на очень небольшой кругъ, чтобы стоило дѣлать изъ него примѣръ другимъ [2]).

Такъ погибла Жанна Даркъ; но настроеніе умовъ, созданное ею, было недоступно нападеніямъ епископовъ и инквизиторовъ. Мало того, это убійство на законномъ основаніи оказалось безполезнымъ преступленіемъ. Въ 1435 г. Аррасскій договоръ отдѣлилъ Бургундію отъ англійскаго союза, и завоеванія Генриха V, одно за другимъ, вырывались изъ слабой руки его сына. Когда въ 1449 г. Карлъ VII вступилъ во владѣніе Руаномъ, то приказалъ тотчасъ же начать разслѣдованіе объ обстоятельствахъ процесса, такъ какъ съ достоинствомъ короля Франціи было несовмѣстимо, что онъ былъ обязанъ престоломъ осужденной и сожженной Церковью колдуньѣ. Но не насталъ еще тотъ день, когда свѣтская власть могла бы отмѣнить инквизиціонное рѣшеніе, и попытка была оставлена. Въ 1452 г. была предпринята другая попытка руанскимъ архіепископомъ д'Эстутвиллемъ; но хотя онъ и былъ кардиналомъ и папскимъ легатомъ и хотя онъ соединился съ французскимъ инквизиторомъ Жаномъ Брегалемъ, онъ могъ только собрать нѣсколько свидѣтельскихъ показаній. Необходимо было вмѣшательство папы для пересмотра дѣла о ереси, разсмотрѣннаго Инквизиціей. Чтобы добиться этого вмѣшательства, мать и два брата Жанны обратились съ апелляціей въ Римъ, въ качествѣ прямыхъ жертъ обвиненія. Наконецъ, въ 1455 г. Каликстъ III назначилъ комиссарами, чтобы принять и разсмотрѣть ихъ жалобы, архіепископа руанскаго, епископовъ Парижа и Кутанса и инквизитора Жана Брегаля. Изабелла Даркъ и ея сыновья выступили съ жалобами на Кошона и ле-Метра, и дѣло было ведено на ихъ счетъ. Кошонъ уже умеръ, а ле-Метръ не явился на судъ; по всей вѣроятности, онъ нашелъ убѣжище у своихъ доминиканскихъ братьевъ, такъ какъ его не могли найти. Хотя Парижскій университетъ не былъ участникомъ въ дѣлѣ, тѣмъ не менѣе были

[1]) Journal d'un Bourgeois de Paris, ann. 1430.—Nider, «Formicar.» V, VIII.—Procès, 480.

[2]) Monstrelet, op. cit. II, 101.—Journal d'un Bourgeois de Paris, ann. 1431.—Mémoires de Saint-Remy, ch. 172.—Abrégé de l'Hist. de Charles VII (Godefroy. 334).

Библиотека "Руниверс"

приняты тысячи предосторожностей, чтобы пощадить его, и постоянно напирали на лживый характеръ двѣнадцати пунктовъ обвиненія, представленныхъ на его заключеніе; въ окончательномъ рѣшеніи озаботились подтвердить ложность этихъ пунктовъ и приказали уничтожить ихъ юридической власти. Въ сущности, можно спросить, были ли эти пункты болѣе ложны, чѣмъ всѣ донесенія, которыя обыкновенно инквизиторы представляли на рѣшеніе экспертовъ? Наконецъ, 7-го іюля 1456 г. было вынесено рѣшеніе, благопріятное челобитчикамъ; было объявлено, что на нихъ не падаетъ никакого безчестія, и что весь процессъ признается не имѣющимъ значенія; было приказано обнародовать это рѣшеніе въ Руанѣ и во всѣхъ городахъ королевства; должны были состояться торжественныя процессіи на мѣста отреченія и казни; на послѣднемъ мѣстѣ долженъ былъ быть воздвигнутъ крестъ, чтобы увѣковѣчить память о мученической смерти Жанны. Крестъ этотъ, реставрированный въ наши дни, высится еще на этой руанской площади, какъ свидѣтельство дѣйствительности Инквизиціи въ качествѣ орудія самыхъ худшихъ замысловъ политики [1]).

ГЛАВА VI.

Магія и оккультныя науки.

Немногія убѣжденія отличаются такою устойчивостью, какъ всевозможныя суевѣрія, питающія людское легковѣріе; они переходятъ отъ одного народа къ другому; они передаются отъ поколѣнія къ поколѣнію; они приспособляются послѣдовательно ко всѣмъ религіознымъ формамъ; какъ бы сильно ни было преслѣдованіе, оно не въ состояніи уничтожить суевѣрій: подавленныя въ своихъ внѣшнихъ проявленіяхъ, они продолжаютъ жить и даже становятся еще болѣе дорогими, такъ какъ теперь приходится ихъ скрывать. Когда одна религія смѣняетъ другую, то обряды павшей религіи переходятъ въ новую религію въ качествѣ чародѣйства; павшіе боги становятся теперь злыми духами. Такимъ путемъ Devas, или ведійскія божества, превратились въ Daevas, или демоновъ Авесты; такъ же и культъ быка у первобытныхъ евреевъ превратился въ идолопоклонство во времена пророковъ, а боги Греціи и Рима стали въ глазахъ отцовъ Церкви демонами и злыми геніями.

Европа, къ своему несчастію, получила въ наслѣдство цѣлую массу вѣками накопившихся суевѣрій. Эти суевѣрія получили особую силу, когда родилось могущественное представленіе о маздейскомъ Ариманѣ, олицетворившемъ въ себѣ разрушительныя силы природы и дурныя страсти человѣка. Прошедшее черезъ іудейскую религію и изукрашенное фантазіями Haggadah, это представленіе получило начало настоящаго догмата вѣры. Князь отпавшихъ ангеловъ, Сатана, увлекъ за собою половину безчисленнаго воинства ангеловъ и посвятилъ отнынѣ на духовную и тѣлесную гибель людей все свое могущество, выше котораго было только могущество одного Бога. Вездѣсущій, почти всемогущій и всевѣдущій, Сатана, какъ и его демоны, всегда и повсюду стремился при помощи всякихъ козней заполучить въ свои руки управленіе душъ человѣческихъ, старался портить ихъ судьбу и мучить ихъ тѣло. Страданіе осужденныхъ было пищей для этихъ проклятыхъ существъ, спасеніе человѣка причиняло имъ муки. Чтобы достигнуть цѣли, они нуждались въ содѣйствіи людей, и Сатана всегда былъ готовъ удѣлить часть своей силы или предоставить содѣйствіе подчиненнаго ему демона всякому, кто выразилъ бы желаніе служить

[1]) Le Brun de Charmettes, op. cit., liv. XV.

Библиотека "Руниверс"

ему. Такимъ образомъ зародился дуализмъ, который, менѣе ободряя и менѣе утѣшая, чѣмъ дуализмъ Заратустры Спитамы, набросилъ тѣнь на кроткое ученіе Христа, выдвинувъ впередъ Злое Начало, всегда сущее и всегда дѣйствующее. Были даже люди, которые вѣровали, что дѣлами руководятъ демоны, и мнѣніе это было настолько распространенно, что Св. Іоаннъ Златоустъ счелъ нужнымъ выступить съ опроверженіемъ его. Онъ допускалъ, что демоны одушевлены дикой и неумолимой ненавистью по отношенію къ человѣку, но онъ доказывалъ, что зло на землѣ было справедливымъ наказаніемъ, посланнымъ Богомъ [1]).

Такимъ образомъ, человѣкъ жилъ, окруженный безчисленными добрыми и злыми духами, которые постоянно были на-сторожѣ и стремились спасти или погубить его, удержать на правомъ пути или совратить его. Такъ объяснялась вѣчная проблема происхожденія зла, которая заинтересовала умъ человѣка, лишь только онъ началъ мыслить; такъ создалась чрезвычайно подробно разработанная демонологія, которая вскорѣ сдѣлалась составною и нераздѣльною частью вѣры. Почти всѣ народы раздѣляли вѣрованіе, что злые духи были сверхъестественнаго происхожденія, какъ думали маздейцы и ассирійцы, или что это были души осужденныхъ, ищущія удовлетворенія своего мщенія, какъ думали буддисты и египтяне. Правда, Греція и Римъ не знали этой особой категоріи сверхъестественныхъ существъ, но они населяли міръ безконечнымъ числомъ геніевъ и божествъ низшаго порядка, которые въ глазахъ христіанъ получили значеніе слугъ Сатаны. Когда богословіе, ставъ наукой, опредѣлило самымъ точнымъ образомъ отношенія между Богомъ и человѣкомъ, то явилась необходимость точно опредѣлить и природу и функціи міра духовъ. Смѣлые умы, положившіе основаніе огромному зданію церковности, не остановились передъ этой задачей. Многочисленныя упоминанія древней духовной литературы о характерѣ и объ аттрибутахъ демоновъ показываютъ, какъ сильно занималъ этотъ вопросъ умы людей, и какъ беззавѣтно вѣровали они въ эти опасныя бредни [2]).

Оригенъ учитъ насъ, что всякій человѣкъ окруженъ безчисленнымъ множествомъ духовъ, стремящихся помочь или повредить ему. Его добродѣтели и хорошіе поступки должны быть приписываемы вліянію добрыхъ ангеловъ; его грѣхи и преступленія суть дѣло духовъ гордости, роскоши, гнѣва и вообще всякихъ страстей и пороковъ. Какъ ни могущественны эти демоны, душа человѣческая все же выше ихъ и можетъ уничтожить ихъ злую и тлетворную силу; если святой человѣкъ посрамитъ духа роскоши, овладѣвшаго имъ, то побѣжденный демонъ низвергается въ преисподнюю или въ пропасть и навсегда теряетъ свое могущество. Въ теченіе среднихъ вѣковъ это мнѣніе принималось, какъ ученіе Церкви. Григорій Великій разсказываетъ, какъ одна монахиня, прогуливаясь по своему монастырскому саду, съѣла листикъ латука, забывъ осѣнить себя крестнымъ знаменіемъ, и въ нее тотчасъ вселился злой духъ. Св. Еввицій мучилъ его заклинаніями, пока несчастный злой духъ не закричалъ: «Да что же я сдѣлалъ такого? я просто сидѣлъ на листикѣ, и женщина проглотила меня!» Но Еввицій не хотѣлъ принимать никакихъ извиненій и заставилъ демона удалиться.

Цезарь Гейстербахскій приводитъ длинный рядъ случаевъ, свидѣтельствующихъ о постоянномъ вмѣшательствѣ демоновъ въ дѣла людей; но онъ признаетъ доказаннымъ фактомъ, что Сатана увлекъ за собою лишь одну десятую часть небеснаго воинства, и пытается, ссылаясь на авторитетъ Григорія Великаго, доказать, что въ день Страшнаго

---

[1]) Minuc. Felicis «Octavius» (Mag. Bib. Pat. III, 7, 8, изд. 1618 г.).—Tertull. «de Idolat.» X.—Lactant. «Divin. Instit.» II, 9.—Augustin. «de Vera Religione», c. 13, c. 40, № 75; «de Genesi ad Lit.» XI, 13, 17, 22, 27; «Sermon.» Append. № 278 (Edit. Benedictina).—Gregor. PP. I «Moral. in Job», IV, 13, 17, 32.—Chrysostom. «de Imbecillitate Diaboli Homil.» I, № 6.

[2]) Minuc. Felicis, loc. cit.—Tertull. «Apol. adv. Gentes», c. 22.—Lactant. «Divin. Institut.» V, 22.—«Testam. XII Patriarch.» I, 2—3.—Augustin. «de Divin. Daemon.» c. 3, 4, 5, 6; «de Civit. Dei», XV, 23; XXI, 10; «Enarrat. in Psalm.». 61, 63.—Isidor. Hispalens. «Lib. de Ord. Creatur.» c. 8.

Библиотека "Руниверс"

Суда избранныхъ будетъ въ девять разъ болѣе, чѣмъ демоновъ, а осужденныхъ будетъ, понятно, еще гораздо болѣе. Однако, у смертнаго ложа одного монаха изъ Гемменрода собралось пятнадцать тысячъ демоновъ, а къ изголовью одной бенедиктинской аббатисы демоновъ налетѣло больше, чѣмъ листьевъ въ лѣсу Коттингольда. Ѳома Кэнтембрійскій, хотя и не приводитъ такъ много примѣровъ, однако не менѣе положительно утверждаетъ, что человѣкъ окруженъ злыми духами, не упускающими ни одного случая уловить его, соблазнить, совратить и мучить. Блаженный Рейхельмъ, бывшій около 1270 г. аббатомъ въ Шёнгау, получилъ отъ Бога даръ видѣть газообразныя тѣла этихъ духовъ; часто онъ видалъ ихъ столь многочисленными, какъ пылинки или какъ атомы въ лучѣ солнца, или какъ мелкій дождь. «Число ихъ столь велико, говоритъ онъ, что вся атмосфера наполнена ими; всѣ звуки природы, паденіе воды, трескъ камней, вой вѣтра—все это лишь голоса духовъ». Иногда они принимали видъ женщины, чтобы соблазнить благочестиваго аббата, или, желая испугать его, они являлись ему въ образѣ огромной кошки или медвѣдя; но главнымъ образомъ они старались заставить его забыть о священныхъ обязанностяхъ и возбудить въ немъ низменныя страсти; выполнять эту задачу для нихъ было тѣмъ легче, что при каждомъ человѣкѣ находилась безчисленная армія злыхъ духовъ. Эти враги рода человѣческаго были всегда на-сторожѣ, всегда были готовы воспользоваться малѣйшей погрѣшностью мысли и дѣла. Шпренгеръ говоритъ, что если мужъ въ минуту нетерпѣнія скажетъ своей беременной женѣ: «Чортъ тебя возьми!», то ребенокъ будетъ отданъ во власть Сатаны. «Часто, говоритъ онъ, можно видѣть подобныхъ дѣтей; пять кормилицъ не въ состояніи удовлетворить голодъ одного такого грудного младенца, и все же онъ остается ужасно худымъ, несмотря на огромную физическую силу». Такимъ образомъ, человѣкъ во всякую минуту являлся мишенью для сверхъестественныхъ враговъ, стремящихся навести его на грѣхъ, измучить тѣло его болѣзнью или сокрушить его матеріальными потерями. Мы не поймемъ, какія побудительныя причины руководили поступками нашихъ предковъ, если не примемъ въ разсчетъ, какъ должно было отражаться на ихъ умственномъ настроеніи вѣрованіе въ эту личную борьбу съ Сатаною и его демонами, борьбу, не прекращавшуюся ни на минуту ни днемъ, ни ночью [1]).

Правда, не всѣ демоны были одинаково зловредны. Варвары, захватившіе Европу, не могли вполнѣ отречься отъ своей вѣры въ существованіе добрыхъ геніевъ-помощниковъ, а такъ какъ христіанство причисляло этихъ геніевъ къ демонамъ, то нужно было найти точку соглашенія. Было допущено, что характеръ ихъ видоизмѣнялся сообразно съ силою гордости и зависти, которую питали они къ Богу до своего паденія; тѣ, кто только слѣпо послѣдовалъ за своими товарищами и кто раскаялся, не всегда были такими злыми. Цезарь Гейстербахскій разсказываетъ, что одинъ изъ этихъ духовъ долго и вѣрно служилъ одному рыцарю, защищалъ его отъ враговъ и излѣчилъ его жену отъ смертельной болѣзни, отправившись въ Аравію за молокомъ львицы, которымъ онъ помазалъ тѣло больной. Это исцѣленіе возбудило подозрѣнія рыцаря, и демонъ сознался, добавивъ, что для него было огромнымъ утѣшеніемъ жить среди людей. Не смѣя держать при себѣ подобнаго слугу, рыцарь уволилъ его, предложивъ ему въ награду половину своего состоянія, но демонъ взялъ только пять су, которыя тотчасъ же вернулъ, прося рыцаря ку-

[1]) Origen. «sup. Jesu Nave Homil.» XV. 5, 6.—Ivon. Carnotens. «Decret.» XI, 106.—Pselli «de Operat. Daemon. Dial.».—Gregor. PP. I «Dial.» I, 4.—Caesar. Heisterb. «Dial.» Dist. IV, V, XI, 17; XII, 5.—B. Richalmi «Lib. de Insid. Daemon.» (Pez, «Thesaur. Anecdot.» I, II, 376).—S. Hildegardae «Epist.» 67 (Martène, «Ampl. Col.» II, 1100).—«Mall. Maleficar.» P. II, Q. 1, c. 3.

Не у всѣхъ было спокойное мужество Св. Франциска, который, когда ему угрожали злые духи, принялъ ихъ спокойно, заявивъ, что его тѣло—его худшій врагъ, и что онъ предоставляетъ имъ полную свободу дѣлать съ его тѣломъ все, что позволитъ Іисусъ Христосъ. Подобный взглядъ на дѣло такъ поразилъ злыхъ духовъ, что они тотчасъ же удалились вспять.—Amoni «Legenda S. Francisci», Append. c. IV.

Библиотека "Руниверс"

пить на нихъ колоколъ и повѣсить его въ одной заброшенной церкви, чтобы можно было сзывать по воскресеньямъ вѣрныхъ къ божественной службѣ. Извѣстенъ также разсказъ Фруассара о демонѣ Ортонѣ, который изъ искренней привязанности служилъ сеньору де Корассъ; каждую ночь сообщалъ онъ ему о томъ, что случилось на земномъ шарѣ, и покинулъ его, когда онъ неблагоразумно пожелалъ увидѣть своего ночного посѣтителя. Фруассаръ самъ лично былъ въ 1385 г. въ Ортэ, когда графъ де Фуа чудеснымъ образомъ узналъ о несчастной битвѣ при Алхубаротѣ въ Португаліи на другой же день пораженія; придворные объяснили, что графъ узналъ объ этомъ черезъ посредство сеньора де Корасса. Такимъ образомъ какъ въ дурномъ, такъ и въ хорошемъ, грань между міромъ вещественнымъ и міромъ духовнымъ была незначительна; сношенія между этими двумя мірами были настолько часты, что не оставалось мѣста невѣрію [1]).

Легкость этихъ сношеній неизбѣжно должна была укрѣпить вѣру въ инкубовъ и суккубовъ, духовъ въ видѣ мужчинъ и женщинъ, посѣщавшихъ людей и игравшихъ столь видную роль въ средневѣковомъ колдовствѣ. У аккадійцевъ были свои Гелаль и Киль-Гелаль; у ассиріанъ—Лиль и Лилитъ; у галловъ Дусіи, сладострастные духи обоего пола, удовлетворявшіе свою страсть и съ мужчинами, и съ женщинами; средневѣковыя галльскія легенды свидѣтельствуютъ о живучести этого вѣрованія у кельтскихъ племенъ. Египтяне допускали только однихъ духовъ мужскаго пола. Евреи вѣровали, что упоминаніе въ Священномъ писаніи о сыновьяхъ Божіихъ и дочеряхъ человѣческихъ подтверждало [2]), что половыя сношенія возможны между людьми и существами духовными; они сохранили легенду о злomъ духѣ Лилитѣ, первой женѣ Адама, которая произвела отъ него безчисленное множество демоновъ. Антропоморфическая миѳологія и культъ героевъ въ Греціи также содержатъ подобныя заблужденія, и имя Сатира получило оттуда то значеніе, въ которомъ мы его употребляемъ еще и теперь. Латинскій пантеонъ, болѣе простой и болѣе цѣломудренный, имѣлъ все же своихъ сильвановъ и фавновъ, которые, по словамъ Св. Августина, «обыкновенно называются инкубами». Тщетно медицина объясняла это вѣрованіе кошмаромъ и высказывалась за предпочтеніе белладоны заклинаніямъ. Св. Августинъ, благодаря которому много языческихъ суевѣрій перешло въ послѣдующіе вѣка, сильно колеблется допустить дѣйствительность подобнаго средства по отношенію къ безтѣлеснымъ существамъ; однако, онъ не рѣшается отрицать ее, и если Св. Іоаннъ Златоустъ поднялъ это вѣрованіе на смѣхъ, то другіе авторитеты приняли его, какъ вещь вполнѣ естественную; средніе же вѣка, не задумываясь, приняли народное мнѣніе. Въ 1249 г. въ галльскихъ маркахъ родился отъ инкуба ребенокъ, который въ шесть мѣсяцевъ имѣлъ уже всѣ зубы и былъ ростомъ съ семнадцатилѣтняго юношу; но мать угасла и скоро умерла. Это вѣрованіе укрѣпилось еще сильнѣе, когда судьямъ при судебныхъ разборахъ удалось вырвать у своихъ жертвъ всѣ желательныя признанія; такъ, напр., въ 1275 г. въ Тулузской провинціи Анжела де ла Бартъ призналась, что она имѣла постоянныя сношенія съ Сатаной и что семь лѣтъ тому назадъ, когда ей было пятьдесятъ три года, она имѣла отъ него сына; ребенокъ этотъ былъ уродъ—съ головой волка и съ хвостомъ змѣи; въ теченіе двухъ лѣтъ она кормила его мясомъ годовалыхъ дѣтей, которыхъ она воровала по ночамъ; послѣ этого ребенокъ-чудо исчезъ. Также точно въ 1460 г. колдуньи Арраса были вынуждены сознаться, что демоны имѣли съ ними любовныя сношенія подъ видомъ зайцевъ, лисицъ и быковъ. Иннокентій VIII самымъ положительнымъ образомъ подтверждаетъ непреложность подобныхъ сношеній, а Сильвестръ Маццолини заявляетъ, что отрицать это—безуміе, противорѣчащее какъ католичеству, такъ и философіи [3]).

---

[1]) Caesar. Heisterb. III, 26; V, 9, 10, 35, 36.—Froissart, III, 22.

[2]) Книга Бытія, VI, 1.

[3]) Fr. Lenormant, «La Magie chez les Chaldéens», стр. 36.—Plutarch. «Vit. Numae» IV.—Joseph. «Antiq. Jud.» I, 3.—Augustin. «De Civ. Dei», III, 5; XV, 23.—Gualt. Mapes, «de Nugis

Библиотека "Руниверс"

Иногда подобнаго рода связи тянулись тридцать или сорокъ лѣтъ при безупречной вѣрности съ обѣихъ сторонъ. Связь, которая, такимъ образомъ, устанавливалась между злымъ духомъ и его женой (или мужемъ), не поддавалась обычнымъ средствамъ заклинанія. Альваро Пелайо передаетъ, что въ одномъ женскомъ монастырѣ, которымъ онъ управлялъ, этотъ обычай распространился между монахинями, и онъ былъ совершенно не въ силахъ положить ему конецъ. Такъ какъ это встрѣчалось особенно часто въ монастыряхъ, то этому особому преступленію канонисты и богословы дали и особое имя—Daemonialitas. Шпренгеръ, авторитетъ котораго въ этомъ вопросѣ стоитъ очень высоко, утверждаетъ, что страшное развитіе колдовства въ XV в. обусловливалось привлекательностью этого порока. Нѣкоторые, какъ, напр., Ульрихъ Молиторъ, вполнѣ признавая существованіе инкубовъ, отрицали, чтобы они были способны къ оплодотворенію, но всѣ эти скептики должны были замолчать передъ авторитетомъ Ѳомы Аквината. Ѳома совершенно ясно разъяснилъ, какъ демонъ, являясь то въ видѣ инкуба (мужчины), то въ видѣ суккуба (женщины), могъ достигнуть своей цѣли; въ подтвержденіе онъ приводитъ несомнѣнные факты: гунны произошли отъ демоновъ; одинъ египетскій островъ, а по другимъ—Кипръ, былъ весь населенъ потомками инкубовъ, и всѣмъ извѣстно, что отцомъ пророка и волшебника Мерлина былъ демонъ. Мы не станемъ останавливаться на подробностяхъ физіологическихъ соображеній, при помощи которыхъ старались доказать возможность зачатія отъ демоновъ: во всей литературѣ нѣтъ ничего болѣе отвратительнаго, чѣмъ всѣ разсказы и примѣры, которые приводятся въ подтвержденіе этой теоріи [1]).

Такъ какъ главнымъ стремленіемъ Сатаны въ его борьбѣ противъ Бога было совратить души людей отъ ихъ вѣрности Господу, то онъ всегда прибѣгалъ къ соблазнамъ, которые обѣщали болѣе вѣрный успѣхъ его происканъ; однихъ онъ соблазнялъ удовлетвореніемъ плоти, о которомъ мы говорили; другимъ давалъ способность предсказывать будущее, находить скрытыя вещи, удовлетворять свою месть, пріобрѣтать богатства то при помощи нечестиваго искусства, то при помощи демона-слуги. Такъ какъ неофитъ при крещеніи отрекался отъ демона, его великолѣпія и его ангеловъ [2]), то христіанинъ, желающій обезпечить себѣ помощь Сатаны, долженъ былъ отречься отъ Бога. Мало того, такъ какъ Сатана, чтобы соблазнить Христа, предлагалъ ему земныя царства, лишь бы онъ поклонился ему [3]), то вполнѣ естественно вообразили, что для снисканія его помощи необходимо оказывать почтеніе Князю ада. Отсюда родилась идея, столь плодотворная въ развитіи колдовства, что колдуны и колдуньи заключали съ Сатаной договоры, которые обращали ихъ въ его рабовъ, обязывавшихся дѣлать какъ можно болѣе зла и совращать

Curialium», Dist. II, c. XI, XII, XIII.—Paul. Aeginet. «Instit. Med.» III, 15.—Chrysostom. «Homil. in Genesim», XXII, № 2.—Clem. Alexandr. «Stromat.» lib. III, V (Ed. Sylburg., стр. 450, 550).—Tertull. «Apol. adv. Gentes», c. XXII; «de Carne Christi» c. VI, XIV.—Hincmar. «de Divort. Lothar. Interrog» XV.—Guibert. Noviogent. «de Vita sua», lib. III, c. 19.—Caesar. Heisterb. III, 8, 11, 13.—Gervas. Tilberien. «Otia Imp. Decis.» III, c. 86.—Matt. Paris. ann. 1249 (стр. 514).—Chron. Bardin. (Vaissette, IV, Pr. 5).—«Mémoires» de Jacques du Clercq, lib. IV, c. 8.—Innoc. PP. VIII. Bull. «Summis desiderantes», 2 dec. 1484.—Silv. Prieriat. «de Strigimagar.» lib. I, c. 2; lib. II, c. 3.

[1]) Gianfrancesco Pico della Mirandola, «La Strega», Milano, 1864, стр. 80.—Thomae Cantimpratens. «Bonum universale», lib. II, c. 55.—Alvar. Pelag. «de Planct. Eccles.» lib. II, art. XIV, № 102.—Prieriatis «de Strigimagar.» II, III, XI.—Sinistrari «de Daemonialitate», № 1—3.—«Mall. Maleficar.» P. II, Q. I, c. 4—8; P. II, Q. II, c. 1.—Ulric. Molitor. «Dial. de Python. Mulieribus», Conclus. V.—Th. Aquin, «Summ.» I, LI, art. III, № 6.—Nider, «Formicar.» lib. V, c. IX, X.—Guill. Arvern. Episc. Paris. «de Universo» (Wright, «Procdilings against Dame Alice Kyteler», Camden Soc. стр. XXXVIII).—Villemarqué, «Myrdhinn, ou l'Enchanteur Merlin», 11.—Alonso de Spina, «Fortalicium Fidei», изд. 1494 г., fol. 282.

[2]) Tertull. «de Corona», c. III.

[3]) «Если Ты поклонишься мнѣ, то все будетъ Твое» (Лука, IV, 7).

Библиотека "Руниверс"

какъ можно больше вѣрныхъ. Такимъ образомъ, колдунъ или колдунья были не только врагами Бога, но и всего рода человѣческаго, были самыми дорогими слугами ада въ его постоянной борьбѣ съ небомъ. Уничтоженіе этого врага всѣми доступными средствами было прямою обязанностью каждаго христіанина.

Такова была теорія, посредствомъ которой языческія суевѣрія, это наслѣдіе прошедшаго, были усвоены христіанскимъ ученіемъ и сдѣлались догматомъ вѣры. Съ самой глубокой древности всегда существовали люди, которые занимались чародѣйствомъ, и которымъ приписывалась способность повелѣвать міромъ духовъ, угадывать будущее и оказывать вліяніе на обычный ходъ вещей въ природѣ. Когда все это совершалось при помощи обрядовъ господствующей Церкви, то это было достойно похвалы, какъ напр. гаданія авгуровъ и прорицанія оракуловъ въ классическую эпоху или позднѣе заклинаніе демоновъ, заговоръ гусеницъ, чудесныя врачеванія, происходящія отъ мощей или отъ паломничества къ извѣстнымъ святынямъ; если же въ этихъ случаяхъ обращались къ враждебнымъ божествамъ или прибѣгали къ помощи павшей религіи, то дѣло представлялось достойнымъ порицанія и запретнымъ. Ятудгана, ведійскій волшебникъ, несомнѣнно, искалъ успѣха въ призываніи Ракшасовъ и другихъ низверженныхъ божествъ покореннаго Дасью. Его силы были почти тожественны съ силами средневѣкового колдуна; yatu, или чародѣйство, позволяло ему насылать смерть на своихъ враговъ, уничтожать ихъ посѣвы и ихъ стада; k r i t y a, или изображенія и другіе предметы, облеченные чарами, имѣли дурное вліяніе, которое можно было преодолѣть только снявъ съ нихъ чары и отбросивъ ихъ далеко отъ себя, совершенно какъ въ Европѣ XV ст.; съ другой стороны, расколдованія и проклинанія, употреблявшіяся противъ этихъ колдуновъ, показываютъ, что не было существенной разницы между дозволеннымъ чародѣйствомъ и черной магіей [1]). Таковъ же былъ характеръ еврейской традиціи, допускавшей, что чудеса могли совершаться при посредствѣ E l o h i m A c h e r i m или «другихъ боговъ», какъ это видно изъ соперничества между Моисеемъ и C h a k a m'ами, или египетскими мудрецами. Талмудисты разсказываютъ, что когда Моисей превратилъ свою палку въ змія, то фараонъ, смѣясь, упрекнулъ его въ томъ, что онъ тщеславится подобными шутками въ странѣ, полной чародѣевъ, и призвалъ маленькихъ дѣтей, которыя безъ труда продѣлали то же; но Яннесъ и Ямбресъ не могли состязаться съ евреемъ, когда онъ навелъ мошекъ, такъ какъ ихъ искусство не позволяло имъ производить существа меньше ячменнаго зерна. Связь между ихъ чародѣйствомъ и культомъ ложныхъ боговъ выступаетъ въ легендѣ, по которой Яннесъ и Ямбресъ сдѣлали для Аарона золотого тельца. Аналогичное указаніе находимъ мы въ самаритянскомъ преданіи; евреи, говорится въ немъ, измѣнили своей старой вѣрѣ подъ вліяніемъ чародѣйственныхъ хитростей Иліи и Самуила; послѣдніе, благодаря изученію книгъ Валаама, пріобрѣли богатства и могущество и отвлекли народъ отъ поклоненія Іеговѣ [2]).

Какое сильное впечатлѣніе произвело на сосѣднія страны могущество египетскихъ C h a k a m i m, видно изъ позднѣйшаго преданія евреевъ, которые, хотя и были хорошо знакомы съ тайнами персовъ и халдеевъ, утверждали, однако, что изъ десяти частей магіи,

---

[1]) Rig Veda, V, VIII, IV, 15, 16, 24 (Ludwig's «Rig Veda», Прага, 1876—8 г.г.; II, 379; III, 345).—Atharva Veda, II, 27; III, 6; IV, 14; VI, 37, 75 (Grill, «Hundert Lieder des Atharva Veda», Тюбингенъ, 1879 г.).

[2]) Polano, «Selections from the Talmud», 174, 176.—Augustin «de Trinitate», lib. III, c. 8, 9.—Targum de Palestine, sur «Exod.» I; VII, 11; «Nomb.» XXII, 22.—Fabricii «Cod. Pseudepig. Vet. Testam.» I, 813; II, 106.—Chron. Samaritan. XLI, XLIII.

Довольно интересная вещь, что слава Моисея, какъ чародѣя, и слава его противниковъ слились и сохранились вмѣстѣ; Плиній («Hist. Natur.» XXX, 2) приписываетъ основаніе «второй школы магіи» Моисею, Яннесу и Лотапесу.

Библиотека "Руниверс"

пожалованныхъ землѣ, девять пришлось на долю Египта. Поэтому вполнѣ понятно, что эта страна дала намъ самый древній образецъ суда за чернокнижіе, бывшаго за 1300 лѣтъ до Р. Хр. Само по себѣ чародѣйство не считалось чѣмъ-либо преступнымъ, но оно являлось таковымъ, если къ нему прибѣгало съ преступными цѣлями лицо, не посвященное. Судебный процессъ передаетъ, что нѣкто Пенгайбенъ, старшій надсмотрщикъ надъ стадами быковъ, проходя случайно мимо Кена, залы дворца фараоновъ, гдѣ хранились рукописи мистическихъ сочиненій, былъ охваченъ желаніемъ овладѣть тайною, чтобы извлекать изъ нея личныя выгоды. Онъ прибѣгъ къ помощи каменотеса, по имени Атирма, проникъ въ священные тайники Кена и захватилъ сборникъ опасныхъ заклинаній, принадлежавшій самому его повелителю Рамзесу III. Скоро онъ научился пользоваться этими заклинаніями и сталъ въ состояніи дѣлать все, какъ ученый чародѣй. Онъ составилъ чары, которыя, будучи помѣщены во дворцѣ фараона, соблазнили всѣхъ его наложницъ; онъ породилъ вражду между мужчинами, околдовалъ ихъ и измучилъ, парализовалъ ихъ члены, однимъ словомъ, говоритъ судебное донесеніе, «онъ искалъ и нашелъ вѣрное средство, чтобы совершать всякія мерзости и злодѣянія, которыя подсказывало ему его сердце, и онъ выполнилъ все это, равно какъ и другія великія преступленія, которыя вызываютъ ужасъ у всѣхъ боговъ и богинь. За все это онъ, какъ и слѣдовало, подвергся страшному наказанію до смерти включительно, которое онъ заслужилъ по показанію божескихъ писаній» [1]).

Вѣрованіе евреевъ, послужившее естественно образцомъ для христіанства, позаимствовало изъ этихъ различныхъ источниковъ богатую номенклатуру. Здѣсь мы видимъ At, или чародѣя; Asshaph, Kasshaph, Mekassheph, волшебника или колдуна; Kosem, гадателя; Ob, Shoel Ob, Baal Ob, имѣющаго сношенія съ злыми духами и вызывателя мертвыхъ; (волшебница Андора была Baalath Ob); Chober Chober, насылавшаго порчу и безсиліе; Doresh el Hammathim, имѣвшаго сношенія съ мертвыми; Meonen, гадателя, предсказывавшаго будущее по движенію облаковъ и голосу птицъ,— библейскій «предсказатель погоды»; Menachesh, гадатель, насылавшій чары; Jiddoni, колдунъ; Chakam, мудрецъ; Chartom, священнописецъ; Mahgim, шепчущіе таинственныя слова; позднѣе появились Istaginen, астрологъ; Charori, гадатель; Magush, Amgosh, волшебникъ; Raten, магъ; Negida, вызыватель мертвыхъ, и Pithom, насылавшій злыхъ духовъ. Вотъ та огромная область, въ которой сужлено было вращаться христіанскому суевѣрію.

Внесла свою долю и Греція, хотя goëtia (призываніе злыхъ духовъ или употребленіе недозволенныхъ средствъ съ злымъ умысломъ) и не имѣла большого смысла въ религіи грековъ, гдѣ всѣмъ божествамъ, и малымъ и великимъ, были свойственны всѣ человѣческія слабости; всѣ они готовы были обрушить на людей цѣлую массу бѣдствій, чтобы удовлетворить свою любовь, свою зависть, свою прихоть, и въ то же время легко было ихъ привлечь молитвою или жертвою и направить въ ту или иную сторону ихъ всемогущество, мало считавшееся съ праведливостью или нравственностью. Въ подобной религіи священнослужитель исполняетъ обязанности, которыя въ болѣе возвышенныхъ религіяхъ предоставляютъ колдуну. Однако достаточно вспомнить имена Цета и Амфіона, Орфея и Пивагора, Эпименида, Эмпедокла и Аполлонія Тіанскаго, чтобы видѣть, что традиція и исторія свидѣтельствуютъ о существованіи и могуществѣ тауматургіи и теургіи и у грековъ [2]). Теургія достигла высшей степени совершенства въ чудесахъ, приписывае-

[1]) Talmud Babli. «Kiddushin», fol. 49 b. (Wagenseilii «Sota», 502—3).—Thonissen, «Droit criminel des Anciens», II, 222 sq.

[2]) Hesiod. «Frag.» 202.—Pherecyd. «Frag.» 102, 102a.—Pausan. VI, XX; IX, XVIII, XXX.—Apollodor. I, IX, 25.—Plut. «de Defectu Orac.» 13; «de Pythiae Orac.» 12.—Diog. Laërt. VIII, II, 4. VIII, 20.—Iambl. «Vit. Pythag.» 134—5, 222.—Philost. «Vita Apollon.» passim.—Ael. Lamprid. «Alex; Sever.» XXIX.—Flav. Vopisc. «Aurelian.» XXIV.—Cedren. «Hist. Compend. sub Claud. et Domit.».

Библиотека "Руниверс"

мыхъ неоплатоникамъ, и оказала, такимъ образомъ, непосредственное вліяніе на христіанскую мысль, которая, естественно, приписала эти чудеса призыванію демоновъ [1]). Съ другой стороны, нельзя не признавать значенія чародѣйства гоетовъ въ томъ видѣ, въ какомъ мы узнаемъ его изъ легендъ, относящихся до Дактилей или Куретовъ Крита, до Тельхинъ, до Медеи и Цирцеи [2]).

Эта наука, говорятъ, получила могущественный толчекъ со времени мидійскихъ войнъ, когда магъ Осоанесъ, сопровождавшій Ксеркса, распространилъ по Греціи сѣмена нечестивой науки. Платонъ въ энергичныхъ выраженіяхъ доказываетъ продажность этихъ колдуновъ, которые за небольшую плату нанимаются къ каждому, кто желаетъ погубить своихъ враговъ при помощи чародѣйства и колдовства или при помощи восковыхъ фигурокъ, къ которымъ уже тогда охотнѣй всего прибѣгало чародѣйство съ цѣлью причинить вредъ. Въ Греціи полагали, что они вызываютъ смерть, если ихъ помѣстить на перекресткѣ дорогъ или прибить на двери жертвы или на гробницѣ ея предковъ. Напитки, возбуждавшіе или охлаждавшіе любовь, также были обычнымъ дѣломъ чародѣевъ; даже сама тройная Геката была подчинена ихъ чарамъ; они могли остановить естественное теченіе природы и свести луну на землю [3]). Какіе ужасные обряды приписывали этимъ колдунамъ видно изъ одного обвиненія, возбужденнаго противъ Аполлонія Тіанскаго передъ Домиціаномъ: ему приписывали принесеніе въ жертву ребенка [4]).

Въ Римѣ боги подземнаго міра образовывали связь между религіозными священными церемоніями жреца и заклинаніями колдуна, такъ какъ эти боги, составляя всецѣло предметъ культа для людей благочестивыхъ, являлись въ то же время обычными подателями чародѣйственной силы. Страшной волшебницѣ Эрихто, о которой говоритъ Луканъ, покровительствовалъ Эребъ; она бродитъ между гробницами, откуда выводитъ тѣни умершихъ; она наводитъ свои чары при посредствѣ похоронныхъ факеловъ, костей и пепла мертвыхъ; въ своихъ заклинаніяхъ она обращается къ Стиксу; прижимаясь губами къ губамъ трупа, она передаетъ въ подземный міръ свои ужасныя порученія. Канидія и Сагана Горація черпаютъ свою силу изъ того же источника, и описаніе ихъ ужасныхъ дѣйствій чрезвычайно похоже на многочисленные пріемы, которые шестнадцать столѣтій спустя занимали половину судовъ христіанскаго міра. Повсюду въ текстахъ, касающихся чародѣйства у римлянъ, призываются божества подземнаго царства, поклоненіе которымъ происходило по ночамъ [5]). Мы видимъ поразительное тожество между пріемами прошлаго и магіей настоящаго. Когда Цезарь Германикъ, идолъ Имперіи, былъ осужденъ тайною завистью Тиберія, когда его замѣстителю на Востокѣ Кнею Пизону было поручено устранить его, и когда Германикъ палъ, пораженный смертельной болѣзнью, кажется, что мы читаемъ страницу изъ Грилландуса или Дельріо; историкъ выводитъ передъ нами друзей покойнаго, подозрѣвающихъ ненависть Пизона, вынимающихъ изъ-подъ пола и изъ стѣнъ дома усопшаго предметы, положенные тамъ на погибель Германика, остатки человѣческихъ тѣлъ, мясо на половину съѣденное и тронутое разложеніемъ, свинцовыя пластинки съ именемъ Германика, чары и другія волшебства, при помощи которыхъ, говоритъ Тацитъ, думаютъ, что души обрекаются подземнымъ богамъ.

---

[1]) Porphyr. «de Abstinent.» II, 41, 52—3.—Marini. «Vita Procli», 23, 26—8.—Damescii «Vita Isidori» 107, 116, 126.—Porphyr. «Vita Plotini», 10, 11.

[2]) Apollon. Rhod. «Argonaut.» I, 1128—31.—Pherecyd. «Frag.» 7.—Diod.Sicul. V 55—6.—Ovid. «Metam.» VII, 365—7.—Suidas, s. v. Τελχῖνες.—Strabon. X.—Odyss. X, 211—396.

[3]) См. статью «Magia» Генриха Губерта въ «Dict. des Antiquités» Saglio.

[4]) Plin. «Hist. Nat.» XXX, II.—Platon. «de Repub.» II; «de Legibus» I; IX (изд. Ast. IV, 80; VI, 68, 348—50).—Luciani «Philopseud.» 14.—Philost. «Vita Apollon.» VIII, 5.

[5]) Ovid. «Fast.» II, 571—82.—Lucan. «Pharsal.» VI, 507—28, 534—7, 567—9, 766.—Apul. «de Magia», стр. 37, 62—4 (изд. Bipont.).—Horat. «Sat.» I, VIII; «Epod.» V.—Petron. «Satyr.»—Pauli, «Sent. Recept.» V, XXXIII, 15.

Библиотека "Руниверс"

Обычныя дѣйствія колдуньи были болѣе легко выполнимы. Простое заклинаніе губило жатву или изсушало ручей, уничтожало желуди на дубу и недозрѣлые плоды на вѣтвяхъ. Восковая фигурка, изображавшая врага, котораго хотѣли покарать, извѣстная индусамъ, египтянамъ и грекамъ, получила въ Римѣ ту форму, въ которой мы находимъ ее въ Средніе Вѣка. Иногда имя жертвы выводилось на ней буквами изъ краснаго воска. Если хотѣли наслать смертельную болѣзнь на какой-либо отдѣльный членъ, то втыкали булавку въ соотвѣтствующую часть фигурки; если желали наслать на врага неизлѣчимую болѣзнь, то распускали его изображеніе на огнѣ, произнося при этомъ заклинанія. Мало того, можно было обратить жертву въ животное, чудо, которое св. Августинъ пытается объяснить дьявольскимъ навожденіемъ [1]). Нужно замѣтить, что ужасною чародѣйкою является всегда старая женщина, saga, strix или volatica, «мудрая», ночная птица, существо, летающее по ночамъ; она послужила прототипомъ мегеры, которая въ средневѣковой Европѣ имѣла почти исключительное право на чародѣйство. Колдунъ, какъ и его современный преемникъ, могъ обращаться въ волка; онъ является, такимъ образомъ, прототипомъ оборотня, который образуетъ столь яркую черту въ исторіи колдовства [2]).

Порча съ цѣлью возбудить желаніе или помѣшать его удовлетворенію, или, наконецъ, вызвать ненависть, эти наговоренные напитки, эти чары, это насыланіе безсилья—все то, что мы на каждомъ шагу находимъ въ современномъ чародѣйствѣ, занимало не менѣе видное мѣсто и въ вѣрованіяхъ Рима. Когда Калигулой овладѣло нѣчто въ родѣ умопомѣшательства, то это объяснили тѣмъ, что извѣстная Цезонія, на которой онъ женился послѣ смерти своей сестры и наложницы Друзиллы, дала ему выпить особыя травы въ любовномъ напиткѣ. Въ этомъ всѣ были [настолько увѣрены, что, когда императоръ былъ убитъ, то убили вмѣстѣ съ нимъ и Цезонію, чтобы наказать ее за то, что своими чарами она наслала на республику величайшія бѣдствія. Даже самъ Маркъ Аврелій не избѣгъ обвиненія въ томъ, что заставилъ свою жену Фаустину, передъ тѣмъ какъ раздѣлить съ нею императорское ложе, выкупаться въ крови любимаго ею гладіатора; эта исторія, выдуманная, повидимому, для того, чтобы объяснить характеръ сына Марка Аврелія Коммода, показываетъ, какъ глубоко вѣрили въ силу этихъ чаръ. Апулей испыталъ это на себѣ, когда рисковалъ потерять жизнь въ процессѣ, возбужденномъ противъ него по обвиненію въ томъ, что волшебствомъ и чародѣйствомъ онъ вызвалъ къ себѣ любовь Пудентиллы, женщины пожилыхъ лѣтъ, которая до выхода за него замужъ была вдовою въ теченіе четырнадцати лѣтъ. Если бы судъ имѣлъ, какъ средневѣковые суды, въ своемъ распоряженіи непогрѣшимый источникъ пытокъ, то Апулея легко можно было бы заставить сознаться и приговорить къ смерти; но такъ какъ противъ него не было составлено обвиненія въ государственной измѣнѣ, то онъ могъ свободно оправдаться на основаніи свидѣтельскихъ показаній и, такимъ образомъ, спасти свою жизнь [3]).

Но на дѣлѣ традиція требовала, чтобы въ процессѣ по обвиненію въ чародѣйствѣ примѣнялись самые строгіе законы. Фрагменты закона децемвировъ показываютъ, что этотъ взглядъ идетъ отъ первыхъ временъ республики. По мѣрѣ распространенія римскаго владычества греческая восточная культура перенесла въ Римъ чародѣйство народовъ Востока, чародѣйство болѣе тонкое, чѣмъ простые пріемы Италіи, и оно вызвало опасеніе и

---

[1]) Taciti «Annal.» II, 69; III, 13.—Sueton. «Calig.» 3.—Ovid. «Amor.» III, 7, 29—34; «Heroid.» VI, 90—2.—Horat. «Sat.» I, 8, 29—32, 42—3.—August. «de Civitate Dei», XVIII, 18.

[2]) Festus, s. v. «Strigae».—Virgil. «Eclog.» VIII, 97.—August. «de Civitate Dei», XVIII, 17.—Paul. Aeginet. «Instit. Medic.» III, 16.—Gervas. Tilberiens. «Otia Imperial. Decis» III, c. 120.—Cf. Volsunga Saga, V, VIII.

[3]) Propert. IV, V, 18.—Virgil. «Aeneid.» IV, 512—16.—Plin. «Hist. Nat.» VIII, 56 - Livii XXXIX, 11.—Joseph. «Antiq. Jud.» XIX, 12.—Tibull. I, 8, 5 - 6.—Ovid. «Amor.» III, 7, 27—35.—Petron. «Satyr.»—Jul. Capitolin. «Marc. Aurel.» 19.—Apul. «de Magia».

Библиотека "Руниверс"

самое горячее негодованіе. Въ 184 г. до Р. Хр. преторъ Л. Невій былъ вынужденъ отложить на четыре мѣсяца отъѣздъ въ свою провинцію Сардинію, пока не довелъ до конца возложеннаго на него дѣла о чародѣяхъ. Въ различныхъ мѣстностяхъ, сосѣднихъ съ Римомъ, возникла масса подобныхъ дѣлъ. Виновныхъ судили быстро; Невій проявилъ быстроту, которой могли бы позавидовать Петръ Селла и Бернаръ изъ Ко, если вѣрить разсказу, что онъ осудилъ не менѣе двухъ тысячъ колдуновъ. Во времена императоровъ часто издавались декреты противъ чародѣевъ, астрологовъ и гадателей. Изъ того, что въ чародѣйствѣ обвиняли людей высокопоставленныхъ, мы можемъ заключить, что подобное обвиненіе и тогда, какъ въ XIV и XV ст., легко было возбудить, но не легко было снять, и что къ нему прибѣгали изъ личныхъ интригъ или политическихъ соображеній. Неронъ съ такою жестокостью преслѣдовалъ чародѣевъ, что причислилъ къ нимъ и многихъ извѣстныхъ философовъ; было достаточно греческаго плаща или отличительной одежды философа, чтобы привести человѣка на судъ. Вавилонянинъ Мусоній, почти равнявшійся Аполлонію Тіанскому въ знаніяхъ и могуществѣ, былъ заключенъ въ тюрьму и погибъ бы, какъ надѣялись его палачи, если бы его исключительная сила не помогла ему перенести мученій тюрьмы. Каракалла пошелъ еще дальше и наказывалъ людей только за то, что они носили на шеѣ амулеты, предохранявшіе ихъ отъ лихорадки. Болѣе темные пріемы карались съ неумолимой жестокостью. Гадать или заставить другого гадать ночью, чтобы околдовать кого-нибудь, считалось преступленіемъ, за которое налагались самыя жестокія наказанія, извѣстныя римскому закону—распятіе или растерзаніе звѣрями; а за убійство человѣка или за человѣческое жертвоприношеніе наказывали только простою смертью или отдавали на растерзаніе звѣрямъ, смотря по положенію виновнаго. Сообщники чародѣевъ предавались распятію или звѣрямъ, а сами чародѣи сжигались. Изученіе науки колдовства было запрещено такъ же строго, какъ и само колдовство; всѣ книги, трактующія о колдовствѣ, подлежали сожженію, а читающіе ихъ подвергались изгнанію или смерти, смотря по ихъ общественному положенію. Когда крестъ сталъ символомъ искупленія, то, понятно, къ нему перестали прибѣгать, какъ къ орудію казни; съ прекращеніемъ игръ въ циркахъ исчезли и звѣри; но хворостъ и костеръ удержались и въ теченіе столѣтій служили средствомъ для наказанія болѣе или менѣе безобидныхъ обманщиковъ [1]).

Съ торжествомъ христіанства область запрещенныхъ обрядовъ еще болѣе увеличилась. Родилась новая теургія, которая вытѣснила и осудила, какъ колдовство и почитаніе демона, множество обрядовъ и вѣрованій, которыя, сдѣлавшись частью народной жизни, казались вначалѣ неискоренимыми. Борьба между соперницами тауматургіями выступаетъ уже въ сѣтованіяхъ Тертулліана, который жалуется на то, что объяснили жертвоприношеніями Юпитеру дождь, пошедшій благодаря молитвамъ къ Богу и постамъ христіанъ. Карѳагенскій священникъ бросаетъ язычникамъ слѣдующій вызовъ: онъ приведетъ на ихъ судилище одержимаго бѣсомъ, и христіанинъ заставитъ духа признать себя демономъ. Побѣда новаго порядка была освящена встрѣчею Св. Петра и Симона Волхва, когда молитвы христіанина остановили полетъ языческаго теурга, парившаго въ воздухѣ, и заставили его съ трескомъ упасть на землю, причемъ въ своемъ паденіи побѣжденный сломалъ себѣ грудную кость и обѣ пятки. Если, какъ думаютъ нѣкоторые современные критики, Симонъ Волхвъ есть названіе, вымышленное Св. Петромъ, для обозначенія Св. Павла, то, тѣмъ не менѣе, сторонники Петра не преминули отпраздновать побѣду своего вождя надъ древними тауматургами; ибо, когда онъ совершалъ чудеса въ Эфесѣ, и когда колдуны-евреи были посрамлены, то «множество тѣхъ, кто занимался тайными науками, собрало свои книги и

[1]) Leg. XII. Tabul. VIII.—Senecae «Quaest. Natural.» lib. IV, c. 7.—Plin. «Hist. Nat.» XXVIII, 4.—Livii XXXIX, 41.—Tacit. «Annal.» II, 32; IV, 22, 52; XVI, 28—31.—Philost. «Vita Apollon.» IV, 35.—Spartian. «Anton. Caracall.» 5.—Lib. XLVII. Dig. VIII, 14.—Pauli «Sentent. Recept.», XXIII, 14—18.

Библиотека "Руниверс"

сожгло ихъ на глазахъ у всѣхъ; потомъ они сочли ихъ цѣну, достигавшую до пятидесяти тысячъ серебряныхъ монетъ» [1]).

Еще болѣе поразительный случай произошелъ передъ глазами Марка Аврелія во время войны его противъ Маркомановъ. Въ области Квадовъ онъ оказался въ совершенно безводной мѣстности, такъ что войско его погибало отъ жажды. Хотя онъ и преслѣдовалъ христіанъ, тѣмъ не менѣе онъ прибѣгъ къ посредничеству Христа; внезапная гроза дала римлянамъ въ изобиліи воду, тогда какъ молнія поразила и разсѣяла враговъ, которые были легко разбиты. Наконецъ, когда старая и новая вѣра вступили въ смертельную борьбу, Евсевій разсказываетъ намъ, какъ Константинъ готовился къ войнѣ, какъ онъ окружилъ себя самыми святыми священниками и выступилъ подъ сѣнью Лабарума; Лициній же, съ своей стороны, собралъ гадателей, пророковъ и египетскихъ чародѣевъ; послѣдніе принесли жертвы и пытались узнать у своихъ боговъ исходъ войны. Всѣ оракулы пророчили побѣду; гаданія по жертвеннымъ животнымъ были благопріятны, толкователи снова предсказывали успѣхъ. Наканунѣ первой битвы Лициній собралъ всѣхъ военачальниковъ въ священной рощѣ, гдѣ стояли различные идолы, и разъяснилъ имъ, что предстоящая битва будетъ рѣшительной борьбой между богами ихъ предковъ и неизвѣстными божествами варваровъ; что если его армія будетъ разбита, то это будетъ равносильно низверженію боговъ. Въ наступившемъ затѣмъ сраженіи крестъ побѣдилъ все передъ собою; язычники при видѣ его обращались въ бѣгство; въ виду этого Константинъ посылалъ Лабарумъ, какъ символъ побѣды, во всѣ тѣ мѣста поля битвы, гдѣ воины ослабѣвали. Пораженіе только озлобило сердце Лицинія; онъ снова прибѣгъ къ своимъ чародѣямъ; между тѣмъ Константинъ выстроилъ у себя въ лагерѣ часовню, куда и удалился передъ битвой со служителями Бога на молитву; затѣмъ, явившись среди солдатъ, далъ знакъ нападенія, и его воины перебили всѣхъ враговъ, которые не обратились передъ ними въ бѣгство. Вѣра въ дѣйствительность призыванія Бога сдѣлалась столь непоколебимой, что горячіе христіане увѣряли, будто христіанинъ въ опасности не долженъ полагаться на мудрость и прозорливость человѣческую. Св. Нилъ утверждаетъ, что въ случаѣ болѣзни нужно скорѣе прибѣгать къ молитвѣ, чѣмъ къ лѣкарствамъ и врачамъ; Св. Августинъ, перечисляя исцѣленія, которыхъ не можетъ произвести наука, признаетъ, что обращенія къ Богу и святымъ гораздо надежнѣе, чѣмъ всякая медицина [2]).

Было неизбѣжно, что теургія побѣдительница принялась съ ничѣмъ не стѣсняемой суровостью за дѣло искорененія своей побѣжденной соперницы, лишь только она стала

---

[1]) Tertull. «Apol.» 23, 40.—Constit. Apostol. VI, 9.—Arnob. «adv. Gentes», II, 12.—Hippol. «Refut. omn. Haeres.» lib. VI.—Дѣянія Апостоловъ, XIX, 19.

[2]) Pauli Diac. «Hist. Miscel.» X, XI.—Euseb. «Vita Constant.» II, 4—7, 11—12.—S. Nili «Capita paraenetica», № 61.—S. August. «de Civitate Dei», XXII, 8.—Cf. Evodii «de Miracul. S. Stephani».

Лабарумъ Константина былъ греческій крестъ о четырехъ одинаковыхъ частяхъ, символъ, который часто встрѣчается на халдейскихъ или ассирійскихъ цилиндрахъ. Опперъ полагалъ, что онъ нашелъ въ этомъ словѣ семитскій корень L. B. R., и такимъ образомъ объяснилъ слово Лабарумъ, происхожденіе котораго было темно. (Oppert и Ménant, «Documents juridiques de l'Assyrie», 1877 г., стр. 209). Слѣпое поклоненіе кресту родилось, по всей вѣроятности, изъ Лабарума. Говорятъ, что Максенцій былъ горячимъ послѣдователемъ магіи и разсчитывалъ при ея помощи побѣдить Константина; послѣдній былъ чрезвычайно обезпокоенъ, пока не ободрило его видѣніе креста съ сіяющей подписью «In hoc vince» (Euseb., «H. E.» IX, 9; «Vita Constant.» I, 28—31, 36.—Pauli Diac. «Hist. Miscel.» lib. XI.—Zonarae «Annal.» III). Смѣшеніе языческихъ суевѣрій и христіанскихъ вѣрованій видно изъ того факта, что въ сраженіи при Мильвійскомъ Мостѣ, гдѣ Константинъ разбилъ Максенція, предъ ними шествовалъ всадникъ, несущій крестъ, а въ сраженіи при Адріанополѣ видѣли двухъ молодыхъ людей, поражавшихъ полчища Лицинія (Zonarae «Annal.» III). Христіанскіе лѣтописцы не задумались увидѣть въ этихъ людяхъ двухъ небесныхъ ангеловъ, но въ глазахъ язычниковъ они были бы Кастеромъ и Поллуксомъ.

Библиотека "Руниверс"

достаточна могучей, чтобы располагать силами государства. Въ самомъ началѣ менѣе нападали на поклоненія языческимъ божествамъ и на ихъ умилостивленіе, чѣмъ на тысячи способовъ гаданія и на пріемы для отвращенія несчастій, что тѣсно сплеталось съ повседневною жизнью. Дѣйствіе этихъ обрядовъ было обязано изъ вмѣшательству Сатаны, упорно стремящагося обмануть и совратить людей. Всякая попытка предсказать будущее была чародѣйствомъ, а всякое чародѣйство было дѣломъ діавола; то же было и въ отношеніи амулетовъ и чаръ, въ отношеніи наблюденія счастливыхъ и несчастливыхъ дней и многочисленныхъ суевѣрій, которыя загромождали народное воображеніе. Ревность, съ которой принялись за истребленіе всѣхъ проявленій чародѣйства, обусловливалась не только убѣжденіемъ, что это было однимъ изъ способовъ борьбы противъ Сатаны, но и наставленіями Бога, данными Моисею. Страшное изреченіе: «Ты не оставишь въ живыхъ ни одной колдуньи» (Mekassepha)—въ теченіе вѣковъ оправдывало больше судебныхъ казней, чѣмъ какое-либо другое положеніе кодекса законовъ. Раввинскій іудаизмъ безъ жалости примѣнялъ это повелѣніе, несмотря на природную доброту рабби и на ихъ крайнее отвращеніе къ пролитію крови. Одной изъ первыхъ реформъ фарисеевъ, когда они получили въ свои руки власть послѣ преслѣдованія Александра Іанная, была отмѣна уголовнаго кодекса Моисея, замѣненнаго законами болѣе человѣческими. Защитникомъ революціи былъ Симонъ бенъ Шетахъ, который учредилъ Синедріонъ, отказался отъ предсѣдательства и поручилъ его Іудѣ бенъ Таббаи. Случилось, что послѣдній осудилъ человѣка за лжесвидѣтельство на основаніи показаній одного лица, тогда какъ законъ требовалъ двухъ свидѣтелей; Симонъ упрекнулъ его за юридическій промахъ, и Іуда отказался отъ своихъ обязанностей. Однако, этотъ человѣкъ, такъ мелочно защищавшій человѣческую жизнь, не задумался повѣсить въ Аскалонѣ въ одинъ день восемьдесятъ колдуній. Согласно Мишнѣ надо избивать каменьями Питома и Jiddoni и вѣшать лже-гадателей и предсказателей будущаго отъ имени идоловъ; Талмудъ добавляетъ, что всякій, кто узнаетъ отъ чародѣя хотя бы одинъ заговоръ, долженъ быть преданъ смерти. Христіанство заимствовало также у іудаизма убѣжденіе, что, уничтожая всякую чужую тауматургію, оно слѣдуетъ точному повелѣнію Бога [1]).

Церковь пустила въ ходъ всѣ средства, чтобы возбудить вѣрныхъ бороться противъ непростительнаго и, повидимому, столь трудно искоренимаго зла. Уже съ перваго собора, на которомъ собрались епископы, христіанская Церковь начала издавать законы для искорененія чародѣйства [2]). Когда же она стала достаточно сильной, чтобы вліять на рѣшенія главы государства, она добилась отъ него изданія цѣлаго ряда жестокихъ указовъ, цѣлью которыхъ было окончательное искорененіе сохранившихся пережитковъ язычества, а также уничтоженіе менѣе невинныхъ дѣяній, столь ненавистныхъ въ глазахъ христіанъ. Не трудно было выступить прежде всего противъ освященныхъ временемъ пріемовъ гаданія, хотя они и играли извѣстную роль въ государственномъ строѣ. Дѣйствительно, съ того момента, когда государство какъ бы централизовалось въ лицѣ своего главы, стараніе узнать политическое будущее стало тожественнымъ съ желаніемъ узнать судьбу монарха; и естественно поэтому, что ни одно преступленіе не преслѣдовалось столь энергично и не каралось столь быстро, какъ это. Даже такой горячій поклонникъ стараго строя, какъ Катонъ Старшій, еще задолго до этого совѣтовалъ главѣ дома (pater familias) запрещать завѣдующему его землями (villicus) обращаться къ гаруспексамъ и авгурамъ: эти люди

[1]) Cohen, «Les Pharisiens», I, 311.—Lightfooti «Horae Hebraicae», Matt. XXIV, 24.—Mishna, «Sanhedrin», VII, 7; X, 16.—Talmud Babli, «Shabbath», 75a (Buxtorfi «Lexicon», стр. 1170).

[2]) Minuc. Felic. «Octavius» (Bib. Mag. Pat. III, 7—8).—Tertul. «Apol.» 35; «de Anima», 57.—Acta S. Justin. et S. Cyprian. (Martène, «Thesaur.» II, 1629).—Constit. Apostol. II, 66.—Lactant. «Divin. Inst.» II, 17—Concil. Ancyrens. ann. 314, c. 24.—Concil. Laodicens. ann. 320, c. 36.—Concil. Eliberitan. circa 324, c. 6.

Библиотека "Руниверс"

КЛИКУШИ.

(P. Breughel, изъ книги „Aberglaube“, Fischer).

Библиотека "Руниверс"

имѣли особую способность возбуждать безпорядки, а когда рабы были чрезмѣрно любопытны или черезчуръ освѣдомлены, то это не предвѣщало ничего добраго ихъ хозяину. На томъ же основаніи Тиберій запретилъ тайное вопрошеніе гаруспексовъ. Константинъ же преслѣдовалъ двойную цѣль, когда онъ грозилъ въ 319 году костромъ гаруспексу, который осмѣлится переступить порогъ иностранца, хотя бы подъ предлогомъ дружескихъ сношеній; человѣку, который призоветъ къ себѣ гаруспекса, грозило изгнаніе и конфискація; доносчикъ же получалъ награду. Жрецы и авгуры должны были отправлять свои обряды только публично. Это послѣднее мѣропріятіе было отмѣнено въ 357 г. Констанціемъ; всякое обращеніе къ гадателямъ каралось смертью; люди же, которые отдавались занятіямъ чародѣйствомъ или профессіи авгура или истолкователя, могли подвергаться пыткамъ во все время процесса, имѣвшаго цѣлью вырвать у нихъ признанія [1]).

Въ силу этихъ предписаній Констанція возбудилъ строгое преслѣдованіе во всей Восточной Имперіи; множество несчастныхъ было предано смерти по самымъ ничтожнымъ поводамъ; провести ночь среди гробницъ считалось доказательствомъ некромантіи; повѣсить себѣ на шею амулетъ противъ лихорадки считалось запрещеннымъ волхвованіемъ. Въ этомъ мы можемъ видѣть прототипъ и какъ бы образецъ процессовъ противъ вѣдьмъ въ новое время. Въ царствованіе Юліана проявилась реакція, и въ 364 г. Валентиніанъ и Валентъ провозгласили свободу совѣсти; въ 371 г. они распространили эту свободу на старинные пріемы гаданія и оставили смертную казнь только за чародѣйство; но преслѣдованіе на Востокѣ въ 374 г. въ царствованіе Валента и заговоръ Теодоры уничтожили эти различія. Преслѣдованіе, предпринятое противъ чародѣевъ, немедленно обрушилось и на всѣхъ образованныхъ людей и философовъ. Терроръ охватилъ весь Востокъ; всякій, имѣвшій библіотеку, торопился сжечь ее. Тюрьмы не вмѣщали арестованныхъ; во многихъ городахъ, говорятъ, было меньше людей на свободѣ, чѣмъ подъ арестомъ. Множество обвиняемыхъ было предано смерти, другіе лишились имущества. Въ Западной Имперіи въ царствованіе Валентиніана преслѣдованіе не отличалось столь жестокимъ характеромъ; но все же, по крайней мѣрѣ въ Римѣ, законъ примѣняли достаточно энергично для того, чтобы значительно сократить число колдуновъ. По закону Гонорія 409 г. въ дѣлѣ принимали участіе епископы, откуда мы видимъ, что Церковь вступила въ союзъ съ государствомъ въ борьбѣ противъ преступленій этого рода [2]). Однако, трудно было помѣшать даже самимъ вѣрующимъ прибѣгать къ запрещеннымъ обрядамъ, какъ свидѣтельствуютъ объ этомъ горячія увѣщанія духовенства, обращенныя къ паствѣ, и та тщательность, съ которой собирались доказательства въ подтвержденіе того, что всѣ эти проявленія сверхъестественной силы были дѣломъ демоновъ [3]).

Восточная Имперія сохранила за собой свое жестокое законодательство и продолжала съ большими или меньшими успѣхами подавлять неутолимую жажду къ запрещеннымъ

[1]) Cato, «Rei Rust.» 5.—Sueton. «Tiber.» 63.—Lib. IX. Cod. Theod. XVI, 1—6.—Относительно того, какъ старательно уничтожали римляне недозволенное чародѣйство, см. Тита Ливія, XXXIX, 16, и Pauli «Sentent. Recept.» V. XXI, 1, 2, 3.

[2]) Ammian. Marcellin. XIX. XII, 14; XXVI. II, 1; XXIX. I, 5—4, II, 1—5.—Zozimi IV, 14.—Lib. IX. Cod. Theod. XVI, 7—12.

Однако фаворитизмъ заставилъ Валента простить военнаго трибуна Полленціана, сознавшагося, что онъ, желая узнать судьбу императора, вскрылъ животъ живой женщины и вынулъ изъ него зародышъ, чтобы совершить обрядъ некромантіи (Amm. Marcellin, XXIX, II, 17). Въ наукѣ авгуровъ, въ которую вкралось много восточныхъ пріемовъ, самыя крупныя и важныя предсказанія извлекали изъ гаданія по внутренностямъ человѣческихъ жертвъ и въ особенности по внутренностямъ плода. (Ael. Lamprid. «Elagabal.» 8.—Euseb. «H. E.» VII, 10; VIII, 14.—Paul. Diac. «Hist. Miscel.» XI).

[3]) Augustin. «de Civit. Dei», X, 9; XXI, 6; «de Genesi ad Litteram», XI; «de Divinat. Daemon.» V; «de Doctrin. Christ.» II, 20—4; «Sermones», 278.—Concil. Carthag. IV. ann. 398, c. 89.—Dracont. «de Deo», II, 324—7.—Leon. PP. I. «Serm.» XXVII, c. 3.

Библиотека "Руниверс"

наукамъ. Изъ нѣсколькихъ дѣлъ, бывшихъ въ царствованіе Мануила и Андроника Комнена, во второй половинѣ XII в., мы видимъ, что виновнымъ обыкновенно выкалывали глаза, что классическія формы науки авгуровъ исчезли, и ихъ мѣсто заняла некромантія, и что, наконецъ, подобнаго рода обвиненія были цѣннымъ орудіемъ для избавленія отъ безпокойныхъ враговъ [1]).

На Западѣ господство варваровъ ввело новый элементъ. Остготы, занявшіе Италію подъ предводительствомъ Теодорика, были, правда, такъ сильно романизованы, что всѣ они, несмотря на то, что были аріане, приняли и усвоили законы противъ чародѣйства. Волхвованіе было приравнено къ язычеству и наказуемо смертью. Около 500 г. преслѣдованіе изгнало всѣхъ колдуновъ изъ Рима; Василій, главный тауматургъ, сначала убѣжавшій, рискнулъ вернуться и былъ сожженъ. Когда Италія перешла въ руки восточныхъ императоровъ, то забота о преслѣдованіи этихъ преступленій была, повидимому, поручена Церкви, территоріальныя владѣнія которой безпрерывно росли, и которая приняла въ нихъ свою юрисдикцію и вліяніе [2]).

Вестготы, овладѣвшіе Аквитаніей и Испаніей, хотя и были грубѣе своихъ восточныхъ братьевъ, однако глубоко были пропитаны римскимъ законодательствомъ; ихъ князья издавали неоднократно указы, направленные противъ тайныхъ наукъ; но нужно отмѣтить, что эти варвары сравнительно высоко ставили жизнь человѣка: наказанія ихъ были гораздо менѣе жестоки, чѣмъ соотвѣтствующія въ римскихъ эдиктахъ. Законъ Рекареда признаетъ чародѣевъ, волхвовъ и людей, обращающихся къ ихъ помощи, не имѣющими права выступать въ качествѣ свидѣтелей; другой законъ, выработанный Эгизой, приравниваетъ эти преступленія къ тѣмъ, за которыя можно было подвергнуть пыткѣ раба вмѣсто хозяина; наконецъ, нѣсколько указовъ Киндасвинда устанавливаютъ, что всѣ тѣ, кто призываетъ демоновъ, наводитъ градъ на виноградники, насылаетъ безсиліе или прибѣгаетъ къ чарамъ, чтобы причинять вредъ людямъ, животнымъ и полямъ, должны быть наказаны двумя стами плетей, обриты и выставлены на публичный позоръ, послѣ чего ихъ слѣдуетъ заключить въ тюрьму. Тѣмъ же, кто будетъ обращаться къ гадателямъ по поводу здоровья короля или другихъ людей, грозило бичеваніе и обращеніе въ рабство фиску; если же дѣти ихъ будутъ участниками ихъ преступленія, то грозила и конфискація имущества; тѣмъ же наказаніямъ подвергаются судьи, которые будутъ прибѣгать къ гаданію для выясненія сомнительнаго дѣла; за простое созерцаніе гаданій полагалось 50 ударовъ кнута. Эти постановленія, вошедшія почти безъ всякаго измѣненія въ Fuero Juzgo, сохраняли силу закона на Пиренейскомъ полуостровѣ до начала Среднихъ Вѣковъ; они показываютъ, что невозможно было уничтожить съ корнемъ старыя суевѣрія, и что языческіе обряды и волхвованіе процвѣтали во всѣхъ классахъ общества; съ другой стороны, это подтверждается разоблаченіями испанскихъ соборовъ и духовныхъ писателей. Эти постановленія интересны еще и потому, что они устанавливаютъ среднюю мѣру между жестокостью Рима и снисходительностью другихъ варварскихъ народовъ [3]).

Послѣдніе были грубѣе и менѣе подчинялись римскому вліянію; ихъ обращеніемъ Церковь принесла большую услугу человѣчеству; но она не смѣла очень круто вмѣшиваться въ привычки и предразсудки своихъ пылкихъ неофитовъ. Наоборотъ, она сама, насколько могла, примѣнялась къ ихъ вкусамъ и подверглась, такимъ образомъ, значительнымъ

---

[1]) Lib. IX, Cod. XVIII, 2—6.—Basilicon. lib. LX. Tit. XXXIX, 3, 28—32.—Photii «Nomocanon.» Tit. IX, cap. 25.—Nicet. Choniat. «Man. Comnen.» lib. IV; «Andron.» lib. II.

[2]) Edict. Theodorici, c. 108.—Gregor. PP. I. «Dial.» lib. I, c. 4.—Cassiodor. «Variar.» IV, 22, 23; IX, 18.—Gregor. PP. I. «Epist.» XI, 53.

[3]) Leg. Wisigoth. II. IV, 1; VI. I, 4; VI. II, 1, 3, 4, 5.—Fuero Juzgo, II. IV, 1; VI, II, 1, 3, 5.—Concil. Bracarens. II. ann. 572, c. 71.—Concil. Toletan. IV. ann. 633, c. 28.—Isidor. Hispalens. «Etymol.» VIII, 9; «de Ord. Creatur.» VIII.—S. Pirmiani «de Lib. Canon. Scarapsus.».

Библиотека "Руниверс"

измѣненіямъ; примѣръ этому мы можемъ видѣть въ инструкціяхъ, посланныхъ Григоріемъ Великимъ его англійскому миссіонеру Августину; надо, пишетъ онъ, превратить языческіе храмы въ церкви, окропивъ ихъ святою водою, дабы вновь обращенные привыкали къ новой вѣрѣ, молясь въ своихъ старыхъ святилищахъ; жертвоприношенія демонамъ должны быть замѣнены процессіями въ честь какого-либо святого или мученика; и быки должны быть закалываемы не для снисканія милости идоловъ, а во славу Бога. При такомъ приспособленіи христіанства къ язычеству неудивительно, что король восточной Англіи Редвальдъ, обратившись въ христіанство, воздвигъ въ своемъ храмѣ два алтаря, чтобы передъ однимъ поклоняться истинному Богу, а передъ другимъ приносить жертвы демонамъ [1]). Усвоеніе христіанской магіей элементовъ, заимствованныхъ у низверженныхъ религій, ясно видно въ гимнѣ или скорѣе заклинаніи, извѣстномъ подъ именемъ Lorica de saint Patrick, гдѣ одинаково призываются и силы природы и христіанское Божество. Въ одной рукописи VII вѣка утверждается, что «всякій, кто поетъ ежедневно этотъ гимнъ, обращая всѣ свои мысли къ Богу, никогда не увидитъ ни одного демона. Это пѣніе предохранитъ его отъ внезапной смерти, защититъ его отъ яда и ненависти, послужитъ къ спасенію души его послѣ смерти. Патрикъ пѣлъ этотъ гимнъ, когда Лоегеръ разставилъ ему западни, и бывшимъ въ засадѣ казалось, что за ними гонятся по пятамъ дикіе звѣри и ихъ дѣтеныши» [2]).

Варвары приносили свои собственныя суевѣрія, изъ которыхъ одни были вынесны изъ доисторической родины, а другія они пріобрѣли во время своихъ странствій; они легко присоединяли къ своимъ вѣрованіямъ всѣ тѣ, которыя были распространены между ихъ многочисленными подданными, не задумываясь надъ тѣмъ, запрещены они Церковью

---

[1]) Haddan and Stubbs, «Concil.» III, 37.—Bedae, «H. E.» II, 15.

[2]) Haddan and Stubbs, II, 320—3.—Три строфы изъ одиннадцати, составляющихъ гимнъ, дадутъ намъ представленіе о характерѣ заклинанія, которымъ онъ отличается.

1.

I bind to myself to-day
The strong power of an invocation of the Trinity,
The faith of the Trinity in Unity,
The Creator of the elements.

4.

I bind to myself to-day
The power of Heaven,
The light of the Sun,
The whiteness of Snow,
The force of Fire,
The flashing of Lightning,
The velocity of Wind,
The stability of Earth,
The hardness of Rocks.

6.

I have set around me all these powers,
Against every hostile savage power,
Directed against my body and my soul,
Against the incantations of false prophets,
Against the black laws of heathenism,
Against the false laws of heresy,
Against the deceits of idolatry,
Against the spells of women and smiths and druids,
Against all knowledge which blinds the soul of man.

Библиотека "Руниверс"

или нѣтъ. Они отдѣлились отъ своихъ предковъ въ Азіи еще раньше, чѣмъ Зороастръ провозгласилъ религіозную революцію, выдвинувъ въ Ариманѣ и Гормуздѣ идею дуализма; въ ихъ религіи не было ничего, что напоминало бы олицетвореніе принципа зла. Локи, тотъ изъ ихъ боговъ, который ближе подходитъ къ этому, скорѣе злобный, чѣмъ неисправимо злой духъ. Несомнѣнно, были злыя существа, каковы, напр., Гримтурсары, Тролли или Іотуны, драконъ Фафниръ, волкъ Фенриръ, Грендаль Беовульфа и еще другіе, но никто изъ нихъ не подобенъ Ариману маздейцевъ или Сатанѣ христіанъ. Когда тевтонскія племена приняли послѣдняго, то они представляли его себѣ скорѣе какъ неловкаго Іотуна, чѣмъ какъ врага рода человѣческаго, какъ это совершенно вѣрно замѣтилъ Гриммъ. Изъ отвѣтовъ ученаго аббата Іоанна Триттенгеймскаго на вопросы, предложенные Максиміліаномъ I, видно, до какого поздняго времени представленія предковъ продолжали держаться въ Германіи [1]).

Тевтонскія племена немногое могли заимствовать у покоренныхъ ими народовъ изъ обширной области магіи. Быть можетъ, ни у одного народа сверхъестественное не охватывало столь много въ повседневной жизни и не играло такой господствующей роли какъ въ мірѣ видимомъ, такъ и въ мірѣ духовномъ. Гаданіе повсемѣстно повторялось во всѣхъ своихъ видахъ. Люди, одаренные особыми свойствами, menn forspair, могли предсказывать будущее или посредствомъ прозорливости, или посредствомъ заклинаній, или при помощи толкованія сновъ. Еще болѣе боялись и еще болѣе почитали пророчицу Vala, которой поклонялись, какъ существу сверхъестественному, и которую считали, какъ бы воплощеніемъ Норнъ или Паркъ, второстепенныхъ божествъ. Таковы были Веледа, Ауринія и другія жрицы, которыя, по свидѣтельству Тацита, считались богинями; въ Volüspa vala ставится даже наравнѣ съ самимъ Одиномъ [2]). Тѣ, кто не обладалъ этими особыми дарами, могли предвидѣть будущее при помощи цѣлой массы средствъ. Наиболѣе употребительной была некромантія: иногда на языкъ трупа клали кусокъ дерева, на которомъ были вырѣзаны руны, или вызывали тѣни умершихъ, подобно Андорѣ, вызвавшей тѣнь Самуила, или подобно римскимъ колдунамъ [3]). Часто также прибѣгали къ метанію жребія, чтобы узнать волю Бога, какъ дѣлали Urim и Thummim евреевъ, или раскрыть будущее при помощи связки палочекъ, по всей вѣроятности, аналогичныхъ триграммамъ, гексаграммамъ китайцевъ [4]). Часто подобно тому, какъ это дѣлалось въ Греціи и Римѣ, богамъ приносили жертвы въ надеждѣ получить отъ нихъ отвѣтъ; гадали по полету птицъ не менѣе тщательно, чѣмъ римскіе авгуры; но вмѣсто священныхъ куръ были бѣлые кони, посвященные богамъ; ихъ запрягали въ священную колесницу и внимательно наблюдали за ихъ движеніями и дѣйствіями [5]). За исключеніемъ этрусскихъ гаруспицій и гаданій по внутренностямъ жертвъ, гаданія римлянъ и грековъ очень мало отличались отъ гаданій тевтоновъ.

Что касается магіи, то невозможно опредѣлить границы могущества колдуна. Ни одна литература не удѣляетъ такого виднаго мѣста колдовству, нигдѣ не придается такой вѣры въ дѣла колдуновъ и колдуній, какъ въ дошедшихъ до насъ разсказахъ скандинавскихъ сагъ. Главнымъ очагомъ и разсадникомъ колдуновъ считались земли, расположенныя вокругъ Балтійскаго моря; туда за совѣтомъ и помощью стекались люди со всѣхъ концовъ

---

[1]) Grimm's «Theutonic. Mithol.» Trad. Stallybrass, III, 1028.—Trithem. «Lib. Quaest.» Q. VI.

[2]) Volsunga Saga, XXIV, XXV, XXXII,—Gripispa.—Keyser's «Religion of the Northmen», trad. Pennock, 191, 285—7.—Tacit. «Histor.» IV, 61, 65; «German.» VIII.—Volüspa, 2, 21, 22.

[3]) Saxon. Grammat. lib. I.—Havamal, 159.—Grougaldr, 1.—Vegtamskvida, 9.

[4]) Caesar, «de Bello Gall.» 1, 53.—Remberti «Vita S. Anscharii», c. 16, 23, 24, 27.—Tacit. «German.» X.—Ammian. Marcellin. XXXI, 2.—Carolomanni «Capit. II ad Liptinas».—Carol. Mag. Capit. «de Partibus Saxon.» c, 23.

[5]) Taciti «German.» IX. X.

Библиотека "Руниверс"

земли, даже изъ Греціи и Испаніи. Въ Churland'ѣ Адама Бременскаго самый маленькій домъ полонъ гадателей и некромантовъ; жители сѣверной Норвегіи могли сказать, кто что дѣлаетъ на всемъ земномъ шарѣ; они знали всѣ волшебства, приписываемыя Свящ. писаніемъ колдунамъ.

Какъ ни расходятся между собою Саксъ Грамматикъ и Снорри Стурлезонъ относительно происхожденія Асовъ, или боговъ, они единогласно утверждаютъ, что основатели норвежскаго царства обязаны своимъ обожествленіемъ своему искусству въ магіи; благодаря ихъ сверхъестественной силѣ ихъ подданные и ихъ потомки почитали ихъ за существа божественнаго происхожденія [1]).

Скандинавская магія была двухъ родовъ: магія разрѣшенная, или galder, и магія злая, или seid. Къ первой относилось безграничное могущество рунъ, которыя пѣлись при заклинаніяхъ или вырѣзывались на талисманахъ и амулетахъ. Изобрѣтеніе этихъ рунъ приписывалось древнимъ Hrimthursar или Jotuns; только благодаря глубокому знанію этой магіи удалось Одину утвердить свое главенство. Руны направляли движеніе солнца и поддерживали порядокъ въ природѣ. Всѣ руны находились въ священномъ напиткѣ Асовъ, источникѣ ихъ сверхъестественнаго положенія; нѣкоторые изъ этихъ формулъ были сообщены людямъ, которые распредѣляли ихъ и тщательно ихъ изучили [2]). Къ этимъ рунамъ прибавлялась seidstaf, или палочка, необходимая чародѣямъ всѣхъ странъ. Исландская vala, Тордисъ, имѣла одну такую палочку, извѣстную подъ именемъ Hangnud, которая, если ею коснуться правой щеки человѣка, лишала его памяти и возвращала память при прикосновеніи къ лѣвой щекѣ. Наговоренное питье и любовный напитокъ, внушавшій желаніе, равнодушіе или ненависть, обычно являются въ скандинавскомъ чародѣйствѣ. Уколъ снотворной иглой навлекалъ чудесный сонъ, который могъ длиться безконечно. Чародѣи могли также погружаться сами въ полное оцѣпенѣніе, тогда какъ духъ ихъ блуждалъ внѣ, принявъ какой-либо иной видъ; женщины, прибѣгавшія къ этому, назывались Hamleypur; если ham, или принятый такой женщиной видъ, получалъ какую-нибудь рану, то рану эту получало и настоящее тѣло—вѣрованье общее почти всѣмъ народамъ [3]). Мало того, посвященный могъ по своему усмотрѣнію пре-

---

[1]) Adam. Bremens. IV, 16, 31.—Saxon. Grammatic. lib. I.—Ynglinga Saga 6, 7 (Laing's «Heimskringla»).

Финны были столь же сильны въ чарованіяхъ и заклинаніяхъ, какъ и ихъ сосѣди. Въ «Калевалѣ» Лоухи похищаетъ солнце и луну, которыя спустились съ неба послушать пѣсни Вейнемейнена; она прячетъ ихъ въ горѣ, но вынуждена вернуть имъ свободу изъ опасенія враждебныхъ чаръ. Могущество чародѣйственныхъ пѣсенъ ясно отмѣчено въ разсказѣ о послѣдней борьбѣ между Вейнемейненомъ и Юкагайненомъ.

См. «Калевала», пер. Л. Бѣльскаго. М. 1888. Руны 47 и 49.

[2]) Havamal, 142, 150—63.—Harbardsliod, 20.—Sigrdrifumal, 6—13, 15—18.—Skirnismal 86.—Rigsmal, 40, 41.—Grougaldr, 6—14.

[3]) Harbardsliod, 20.—Skirnismal, 26—34.—Keyser, op. cit. 270, 293.—Hyndluliod. 43.—Lays of Sigurd and Brynhild.—Gudrunarkvida, II, 21.—Sigrdrifumal, 4.

Къ концѣ XV вѣка Шпренгеръ сообщаетъ («Mal. Maleficar.» P. II. Q. I, c. 9) о происшествіи, случившемся незадолго передъ этимъ въ одномъ городѣ Страсбургской епархіи. На одного работника, рубившаго дрова въ лѣсу, напали три громадныхъ кошки, которыхъ ему удалось обратить въ бѣгство ударами палки послѣ ожесточенной борьбы. Часъ спустя его арестовали и заключили въ башню за то, что онъ сильно избилъ и ранилъ трехъ дамъ, принадлежавшихъ къ лучшимъ семействамъ города. Съ большимъ трудомъ удалось дровосѣку оправдаться; его выпустили на свободу, приказавъ строго хранить втайнѣ это происшествіе. Уже въ началѣ XIII столѣтія Жерве де Тильбюри упоминалъ, какъ непреложную истину, подобныя басни («Otia Imp.» Decis. III, c. 93).

Подобное же вѣрованіе было въ ходу и у славянъ. Еще до обращенія Чехіи, во время междоусобной войны въ царствованіе Неклы, мачеха одного молодого новобранца была колдуньей; она предсказала своему пасынку, что онъ погибнетъ, и посовѣтовала ему, если онъ хочетъ спа-

Библиотека "Руниверс"

нимать ту или иную форму; разсказываютъ, какъ объ историческомъ фактѣ, объ одномъ чародѣѣ, который подъ видомъ кита приплылъ въ Исландію, въ качествѣ шпіона Гарольда Гормссона Датскаго, когда послѣдній готовился въ походъ противъ острова. Можно было двумъ лицамъ обмѣняться своимъ внѣшнимъ видомъ; подобный обмѣнъ произошелъ между Сигни и одною колдуньей, а также между Сигурдомъ и Гуннаромъ, когда послѣдній, благодаря этой хитрости, женился на Брингильдѣ [1]). Заговоренные мечи, передъ которыми ничто не могло устоять, заколдованныя одежды, которыхъ не могло пробить никакое оружіе, шапки-невидимки, которыя, подобно шлему Плутона, дѣлали невидимыми тѣхъ, кто одѣвалъ ихъ,—все это часто встрѣчается въ «историческихъ» легендахъ скандинавовъ.

Это было колдовство болѣе или менѣе дозволенное. Наоборотъ, черная магія, извѣстная подъ именемъ seid или trolldom, основывалась на знаніи злыхъ тайнъ природы или на призываніи злыхъ духовъ, въ родѣ Іотуновъ и ихъ женъ [2]).

Слово seid, повидимому, происходитъ отъ sjoda, «кипѣть», «клокотать», что указываетъ на то, что чары приготовлялись посредствомъ варки въ котлѣ адскаго напитка, подобно тому, какъ это дѣлали вѣдьмы Макбета. Это считалось безчестнымъ и недостойнымъ мужчинъ и было обыкновенно удѣломъ женщинъ, называвшихся seid konur или женщины-seid'ы, а также «ѣздящими верхомъ по ночамъ». Въ древнѣйшемъ текстѣ салическаго закона, гдѣ не видно никакого вліянія христіанства, единственнымъ намекомъ на чароѣйство является опредѣленіе, карающее штрафомъ всякаго, назвавшаго женщину колдуньей и обезчестившаго мужчину обвиненіемъ въ томъ, что онъ несъ котелъ вѣдьмы [3]). Могущество этихъ чародѣевъ не имѣло почти никакихъ границъ. Однимъ изъ самыхъ обычныхъ ихъ дѣйствій было, по желанію, поднимать и укрощать бури; ихъ искусство доходило до того, что они могли, какъ хозяева, подобно греческому Эолу, заключать бурю или тихую погоду въ мѣшки, какъ онъ сдѣлалъ это для Одиссея. Когда распространилось христіанство, это могущество вызвало ожесточенную борьбу между новой и старой религіей, борьбу, подобную той, которая кончилась побѣдой Константина надъ Лициніемъ. Первая поѣздка Св. Олафа въ Финляндію не увѣнчалась успѣхомъ также, благодаря бурѣ, поднятой финскими чародѣями. Олафъ Тригвессонъ былъ болѣе счастливъ въ одномъ изъ своихъ воинскихъ походовъ: онъ низвергъ Ранда Сильнаго и заставилъ его скрыться въ крѣпости на островѣ Годо въ фьордѣ Сальтенъ, представлявшемъ изъ себя морской заливъ, пучины котораго были страшнѣе самого мальстрема. Тщетно дѣлались многочисленныя попытки къ преслѣдованію бѣглеца; какъ бы ни было тихо море, Рандъ поднималъ въ фьордѣ такую бурю, что ни одинъ корабль не могъ ей противостоять. Наконецъ, Олафъ прибѣгъ къ помощи епископа Сигурда, который обѣщалъ умолить Бога о низложеніи демона. Злые духи не могли устоять передъ восковыми свѣчами, передъ священными облаченіями, святою водой и священными текстами; и въ то время какъ повсюду вокругъ волны были такъ высоки, что могли скрыть горы, корабли короля, вступивъ въ фьордъ, плыли по зеркальной поверхности водъ. Рандъ былъ взятъ, и такъ какъ онъ упорно отказывался креститься, то Олафъ подвергъ его самой мучительной смерти, какую могъ только придумать [4]).

сти свою жизнь, убить перваго, попавшагося ему навстрѣчу врага, отрѣзать у трупа уши и положить ихъ къ себѣ въ карманъ. Молодой человѣкъ послушался и вернулся домой живымъ и здоровымъ; но дома онъ нашелъ свою жену мертвою; грудь у ней была пронжена мечемъ, и были отрѣзаны оба уха; уши эти лежали у него въ карманѣ!—Aen. Sylv. «Hist. Bohem.» с. 10.

[1]) Olaf Tryggvesson's Saga, 37 (Laing's, «Heimskringla»).—Volsunga Saga, VII, XXVII.—Sigurdtharkvida Fafnisbana, I, 37, 38.

[2]) Olaf Haraldsson's Saga, 204, 240 (Laing's, «Heimskringla»).—Volsunga Saga, III, 15.—Keyser, op. cit. 294.

[3]) Havamal, 157.—Harbardsliod, 20.—L. Salic. tit. LXIV. (Первый текстъ Пардессю).

[4]) Grougaldr.—Olaf Haraldsson's Saga, 8.—Olaf Tryggvesson's Saga, 85—7 (Laing's «Heimskringla»).

Библиотека "Руниверс"

Чародѣй имѣлъ также неограниченную власть вызывать ложныя видѣнія; осажденный, онъ могъ придать стаду барановъ видъ арміи воиновъ, спѣшащихъ ему на помощь. Однако эта способность кажется даже излишней, такъ какъ однимъ взглядомъ колдунъ могъ все разрушить и убить своего врага. Гунгильда, которая вышла замужъ за короля Эрика Кровавый Топоръ, разсказываетъ о двухъ лапландскихъ чародѣйкахъ, которыя показывали ей свое искусство: «Когда онѣ разгнѣваны, то даже земля отступаетъ въ страхѣ, и все живое, на что упадетъ ихъ взоръ, падаетъ мертвымъ». Когда она измѣнила имъ, чтобы выдать ихъ Эрику, то она навела на нихъ глубокій сонъ и накинула имъ на голову мѣшки изъ тюленьей кожи, чтобы Эрикъ и его воины могли безопасно убить ихъ. Точно такъ же Олафъ Па, заставъ спящаго чародѣя Стиганди, набросилъ на голову ему шкуру. Въ шкурѣ была небольшая дырка, черезъ которую взоръ Стиганди упалъ на зеленый склонъ сосѣдней горы; тотчасъ же это мѣсто было разрушено ураганомъ и на немъ больше никогда не росло ни одной травинки [1]).

Самой ужасной чертой, которую приписывали вѣдьмамъ было людоѣдство, и это вѣрованіе было обще тевтонамъ и римлянамъ. Есть много указаній на это въ текстахъ салическаго закона и въ законодательствѣ Карла Великаго; насколько глубока была народная вѣра видно изъ разсказа о томъ, какъ посланникъ Св. Олафа Тороддъ видѣлъ, какъ вѣдьма раздѣлила на куски одиннадцать человѣкъ и бросила ихъ въ огонь; она начала уже пожирать ихъ, какъ вынуждена была обратиться въ бѣгство [2]).

Trolla—thing, или ночное собраніе вѣдьмъ, на которомъ онѣ танцовали, пѣли и варили въ котлѣ адскую похлебку, было обычнымъ ихъ занятіемъ, особенно 1-го мая (Вальпургіева ночь), въ день, считавшійся большимъ праздникомъ въ языческомъ мірѣ [3]). Ниже мы увидимъ, къ какимъ ужаснымъ послѣдствіямъ повело это вѣрованіе въ шабаши вѣдьмъ. Вѣрованіе это было обще многимъ племенамъ, хотя и нельзя указать достовѣрно, откуда оно пошло.

Мы видѣли, что занятіе черной магіей считалось безчестнымъ, и что салическій законъ каралъ штрафомъ въ всемьдесятъ су всякаго, кто назоветъ вѣдьмой свободную женщину и не докажетъ истины своихъ словъ; тѣмъ не менѣе, въ эпоху язычества простое обвиненіе въ колдовствѣ не считалось преступленіемъ и не влекло за собой наказанія, если оно не причиняло никому вреда или матеріальнаго ущерба. Въ исключительныхъ случаяхъ, когда колдовство насылало смерть, самъ народъ, повидимому, каралъ виновнаго, побивая камнями; такова была, послѣ доказанной виновности, судьба трехъ знаменитыхъ колдуновъ—Катлы, Коткеля и Гримы. Однако, писанные законы варваровъ никогда не предписывали смертной казни; штрафы были обычнымъ искупленіемъ преступленія; въ позднѣйшемъ текстѣ салическаго закона на вѣдьму, сожравшую человѣка, налагался штрафъ въ двѣсти су. Но можно встрѣтить случаи личнаго преслѣдованія, подобные тому, которое предпринялъ Гаральдъ Гарфагеръ. Испытанія первыхъ его лѣтъ вселили въ сердце этого вождя непримиримую ненависть ко всякому чародѣйству. Одинъ изъ его сыновей Рёгнвальдъ Реттильбейнъ получилъ отъ него въ управленіе Гаделандъ, выучился тамъ магіи и получилъ извѣстность, какъ чародѣй. Когда Гаральдъ приказалъ Витгейру, извѣстному

[1]) Keyser, op. cit. 268, 271—2.—Harald Harfaager's Saga, 34 (Laing's, «Heimskringla»).—Всѣ эти басни очень напоминаютъ то могущество, которое въ 1437 году папа Евгеній IV приписывалъ современнымъ ему колдуньямъ: однимъ простымъ словомъ, однимъ прикосновеніемъ, даже однимъ движеніемъ пальца онѣ управляли воздушными теченіями и околдовывали всякаго, кого хотѣли (Raynald. ann. 1437 № 27).

[2]) L. Salic. Text. Herold, tit. LXVII (см. также третій текстъ Пардессю и Lex Emendata tit. LXVII; упоминаніе встрѣчается только въ этихъ трехъ текстахъ).—«Capit.» Carol. Magnis «de Partibus Saxoniae», ann. 794, c. VI.—Olaf Haraldsson's Saga, 151 (Laing's, «Heimskringla»).—Cf. Horatius, *Ars poëtica*: «Neu pransae Lamiae vivum puerum extrahat alvo».

[3]) Grimm, op. cit. III, 1044, 1050—1.

Библиотека "Руниверс"

чародѣю Горделанда бросить свое преступное занятіе, то послѣдній не задумался отвѣтить, что скромный чародѣй не можетъ быть очень опаснымъ, когда сынъ короля самъ открыто занимается чародѣйствомъ въ Гаделандѣ. Узнавъ изъ этого заявленія о преступленіи Рёгнвальда, Гаральдъ поспѣшно послалъ туда своего сына отъ другой жены Эрика Кровавый Топоръ; послѣдній неожиданно поджогъ домъ, гдѣ находился его единокровный братъ съ восемьюдесятью другими чародѣями; и этотъ актъ карательнаго суда былъ принятъ, говорятъ, всѣмъ міромъ съ восторгомъ [1]).

Таковы были вѣрованія и обряды племенъ, среди которыхъ Церкви пришлось уничтожать язычество и магію. Въ этомъ отношеніи не было никакого различія между древними провинціями Имперіи и тѣми, гдѣ христіанство появилось впервые, такъ какъ мы уже видѣли и побѣдители, и побѣжденные были пропитаны почти одинаковыми суевѣріями. Когда императорскій законъ занялъ мѣсто закона варваровъ, то эта перемѣна въ отношеніи къ чародѣйству имѣла тѣ же результаты, какъ перемѣна въ отношеніяхъ преслѣдованія ереси; но не слѣдуетъ забывать, что въ то время, какъ ересь почти совершенно пропадала среди умственнаго застоя эпохи, магія, наоборотъ, развивалась все болѣе и болѣе; и на практикѣ отказались даже искоренить ее. Какъ мы видѣли выше, первоначальный текстъ салическаго закона не даетъ общаго наказанія за чародѣйство. Въ позднѣйшихъ редакціяхъ, кромѣ штрафа за каннибализмъ, различныя рукописи содержатъ статьи, налагающія штрафы на тѣхъ, кто околдуетъ человѣка чарами или погубитъ его заклинаніями; виновный въ послѣднемъ преступленіи могъ быть даже сожженъ живымъ. Но эти статьи отсутствуютъ въ Lex Emendata Карла Великаго, быть можетъ, въ силу законодательства Capitularia, о которомъ мы будемъ говорить ниже. Кодексъ Ripuarius разсматриваетъ убійство, причиненное чародѣйствомъ, какъ обыкновенное убійство; онъ даетъ, какъ удовлетвореніе, обычное «Wergeld», т.-е. цѣну крови; что касается вреда, причиненнаго волшебствомъ, то за это полагался штрафъ въ сто су, который можно было избѣжать посредствомъ оправданія, представивъ шесть соприсягателей. Другіе кодексы обходятъ это молчаніемъ [2]).

Во время господства франковъ законы были личными, а не территоріальными; поэтому галло-римское населеніе продолжало подчиняться римскому праву; но нисколько не заботились о томъ, чтобы рѣшенія были съ ними согласованы. Григорій Турскій приводитъ массу чудесъ, имѣющихъ цѣлью доказать превосходство христіанской магіи—мощи и призываніе святыхъ—надъ народной; отсюда можно заключить, что въ случаѣ несчастія или внезапной болѣзни народъ прежде всего обращался къ ближайшему ariolus, или лицу, посвященному въ тайныя науки. Очевидно, нѣкоторые люди открыто дѣйствовали въ этомъ направленіи, не боясь наказанія и пренебрегая повторными обвиненіями, исходившими отъ соборовъ. И дѣйствительно, не было серьезныхъ основаній бояться, какъ это видно изъ исторіи одной женщины изъ Вердёна, которая выдавала себя за знающую будущее и за умѣющую находить украденныя вещи. Она пользовалась такимъ успѣхомъ, что добывала большія деньги и даже откупилась на волю. Въ концѣ концовъ, она была приведена къ епископу Агерику, который ограничился тѣмъ, что изгналъ изъ нея бѣсовъ заклинаніемъ и помазаніемъ св. масломъ и отпустилъ ее безнаказанно [3]).

---

[1]) L. Salic. «Premier texte», tit. LXIV, § 2; «Text. Herold», tit. LXVII; «Troisième texte», tit. LXIV.—Blackwell's, «Mallet», изд. Bohn'a, стр. 524.—Keyser, op. cit. 266—7.—Harald Harfaager's Saga, 25, 36 (Laing's «Heimskringla»).

[2]) L. Salic. Text. Herold. tit. XXII; Ms. Guelferbit. tit. XIX.—L. Ripuar. tit. XXXIII.

[3]) Gregor. Turon., «de Mirac.» lib, II, c. 45; «de Mirac. S. Martini», lib. I, c. 26.—Concil. Venetic. ann. 465, c. 16.—Concil. Agathens. ann. 506, c. 42, 68.—C. Aurelianens. I, ann. 511, c. 30.—Concil. Autissiodor. ann. 578, c. 4.—Concil. Narbonnens. ann. 589, c. 14.—Conc. Remens. ann. 630, c. 14.—Concil. Rotomagens. ann. 650, c. 4.—Greg. Turon. «Hist. Francor.» VII, 44.

Враждебное отношеніе христіанской магіи къ своей противницѣ распространилось даже и на раціональную медицину. Григорій Турскій распространяетъ ученіе Св. Нила, представляя

Библиотека "Руниверс"

Правда, иногда случалось, что разнузданныя страсти Меровинговъ прорывались съ дикой жестокостью противъ тѣхъ, кто навлекалъ на себя ихъ гнѣвъ; но это были исключительные случаи, не носившіе характера закона. Когда Фредегонда потеряла отъ чумы своихъ двухъ дѣтей, ея пасынокъ Кловисъ былъ обвиненъ въ томъ, что навлекъ на нихъ смерть чародѣйствомъ. Одна женщина, на которую указали, какъ на сообщницу, была пытаема, пока не созналась въ преступленіи, и она была сожжена несмотря на то, что отреклась отъ своихъ показаній; послѣ этого Хильперикъ выдалъ своего сына Кловиса Фредегондѣ, приказавшей его убить. Позднѣе, въ 584 г., когда умеръ другой сынъ королевы, Тьерри, она обвинила ненавистнаго ей любимца короля Муммола въ томъ, что онъ погубилъ ея сына волшебствомъ. Она велѣла схватить въ Парижѣ многихъ женщинъ, и бичеваніемъ и пытками ихъ довели до сознанія въ томъ, что онѣ колдуньи и что онѣ причинили многимъ смерть, въ томъ числѣ и Тьерри, душа котораго была взята взамѣнъ души Муммола. Одинъ изъ этихъ несчастныхъ былъ просто умерщвленъ, другія сожжены, а третьи колесованы по приказанію Фредегонды. Тогда Хильперикъ тотчасъ же велѣлъ подвергнуть пыткѣ Муммола; ему связали руки за спиною и повѣсили на столбѣ; но онъ признался только въ томъ, что по его просьбѣ женщины давали ему наговоренное питье и мазь, чтобы снискать любовь короля и королевы. Къ своему несчастію Муммолъ, когда его отвязали отъ столба, сказалъ палачу: «Скажи королю, что я совсѣмъ не чувствую пытки, которой подвергли меня». Лишь только передали это Хильперику, какъ онъ воскрикнулъ: «ну, развѣ онъ на самомъ дѣлѣ не колдунъ, разъ не чувствуетъ боли пытокъ?!» Послѣ этого онъ велѣлъ его поднять на колесо и бить кожаными ремнями, пока палачи не придутъ въ изнеможеніе. Въ концѣ концовъ, Муммолъ выпросилъ у Фредегонды милости остаться въ живыхъ; его лишили всего имущества и отправили на телѣгѣ въ родной городъ Бордо, гдѣ онъ и умеръ по пріѣздѣ. Подобнаго рода дѣла проливаютъ свѣтъ на вѣрованія эпохи, но совершенно не освѣщаютъ юридическихъ обычаевъ [1]).

Въ Италіи лангобарды сильнѣе подверглись римскому вліянію и въ послѣднее время своего владычества приняли общіе, довольно суровые, законы противъ чародѣйства, не принимая во вниманіе причиненнаго имъ вреда. Чародѣй долженъ быть проданъ въ рабство за предѣлы провинціи; продажная цѣна дѣлилась между судьей и другими чиновниками, сообразно съ участіемъ каждаго въ преслѣдованіи; если изъ корысти или изъ жалости судья отказывался обвинить его, на судью накладывался штрафъ, равный его полному Wergeld'y, т. е. цѣнѣ крови; штрафъ въ двое меньшій каралъ судью, если по его небрежности чародѣя открывалъ не онъ, а другой чиновникъ. За обращеніе къ чародѣю или за недонесеніе на него, или за пользованіе заклинаніями штрафъ равнялся половинѣ Wergeld'a виновнаго. Въ то же время законъ отвергалъ черезчуръ грубыя суевѣрія: Ротарисъ запретилъ предавать смерти колдуній, которымъ народное вѣрованіе приписывало ужасную привычку пожирать человѣческія внутренности [2]).

примѣры, показывающіе, что онъ совершилъ грѣхъ, прибѣгнувъ къ естественнымъ средствамъ врачеванія, подобнымъ кровопусканію, вмѣсто того, чтобы всецѣло довѣриться предстательству святыхъ.—«Hist. Francor.» VII, 44.

Невозможно было, чтобы Церкви удалось осудить гоетію, разъ она сама поддерживала вѣрованія, на которыхъ было основано это суевѣріе, поощряя теургію. Напримѣръ, было совершенно безполезно стремиться уничтожить амулеты и талисманы, разъ наставляли вѣрныхъ носить Agnus Dei, восковую медаль, изображающую агнца, ладонку съ останками пасхальныхъ свѣчей и освященную папою. Въ 1471 году Павелъ II, запрещая украшать и продавать эти амулеты, пространно излагаетъ, насколько дѣйствительны они, чтобы сохранить вѣрныхъ отъ огня и кораблекрушенія, чтобы отвратить бури, молніи и градъ и помочь женщинамъ въ работѣ.—Raynald. ann. 1471, № 58.

[1]) Gregor. Turon. «Hist. Franc.» V, 40; VII, 35.

[2]) L. Longobard. II. XXXVIII, 1, 2. (Liutprand).—I. II, 9 (Rotharis).

Библиотека "Руниверс"

Во время продолжительной анархіи, отмѣтившей паденіе Меровинговъ, франкскія государства почти совершенно утратили уваженіе къ Церкви и къ ея предписаніямъ. Въ теченіе медленнаго возстановленія, когда мало-по-малу росло значеніе династіи Карла Великаго и когда Св. Бонифацій подъ покровительствомъ папы пытался поднять Церковь, однимъ изъ самыхъ выдающихся дѣлъ было паденіе епископа Адальберта, который вызывалъ ангеловъ Уріила, Рагуила, Тубуила, Иніаса, Тубуаса, Сапаока и Симіила. Адальбертъ почитался святымъ, обрѣзки его ногтей и волосъ считались цѣнными святынями. Неоднократныя обвиненія, произнесенныя въ самой странѣ, не имѣли никакого дѣйствія на этотъ ложный культъ ангеловъ; въ 745 г. папа Захарій на соборѣ въ Римѣ призналъ этотъ культъ поклоненіемъ демонамъ, такъ какъ единственными ангелами, имена которыхъ извѣстны, являются Михаилъ, Гавріилъ и Рафаилъ. Тѣмъ не менѣе, это вѣрованіе такъ крѣпко засѣло въ народное сознаніе, что только послѣ продолжительныхъ усилій его удалось искоренить. Повидимому, намекъ на это вѣрованіе встрѣчается еще у Атто изъ Верчейля въ X в. [1]). Церковь тогда находилась въ такомъ плачевномъ состояніи, что нельзя было и думать о подавленіи магіи.

Среди многочисленныхъ предписаній, полученныхъ Бонифаціемъ и его спутниками, видное мѣсто занимаетъ искорененіе языческихъ обрядовъ, въ томъ числѣ волшебства, чародѣйства и тому подобныхъ суевѣрій. Когда Церковь снова начала проявлять признаки жизни, то въ 742 и 743 г.г. были созваны соборы, на которыхъ Церковь и государство согласились бороться противъ этого; тѣмъ не менѣе, единственной мѣрой была угроза довольно легкимъ штрафомъ; но учредили нѣчто вродѣ духовнаго суда, поручивъ епископамъ ежегодно производить разслѣдованія въ своихъ епархіяхъ съ цѣлью уничтоженія язычества и запрещенныхъ наукъ. Однако, Бонифацій жаловался папѣ Захарію, что франки и германцы, посѣщавшіе Римъ, видѣли тамъ тѣ обряды и суевѣрія, которые старались уничтожить у нихъ. 1-ое января, напр., праздновалось языческими танцами; женщины носили амулеты и чары, чтобы помѣшать брачному союзу, и открыто продавали ихъ. На это папа отвѣтилъ, что все это давно уже запрещено Церковью; но что все это снова появилось и снова было запрещено имъ, повидимому, безъ всякаго успѣха [2]).

Послѣ реформы, произведенной Каловингской династіей, были предприняты нѣкоторыя усилія къ уничтоженію всѣхъ суевѣрныхъ наукъ и ихъ преслѣдовали съ возрастающей суровостью, хотя мѣры, предпринимаемыя противъ нихъ, и отличались еще сравнительной мягкостью. Наиболѣе энергичнымъ указомъ былъ эдиктъ Карла Великаго отъ 805 г., которымъ онъ передавалъ это дѣло въ вѣдѣніе Церкви и предписывалъ каждому протоіерею всякой епархіи производить разслѣдованіе относительно людей, обвиненныхъ въ колдовствѣ и волшебствѣ; повидимому, Карлъ Великій разрѣшалъ умѣренное примѣненіе пытки для полученія сознаній и предварительное заключеніе виновныхъ въ тюрьмѣ. Во время продолжительныхъ и энергичныхъ усилій по обращенію въ христіанство саксовъ Карлъ Великій наказывалъ смертью тѣхъ, кто сжигалъ и поѣдалъ колдуній, воображая, что онѣ пожирали людей, каковое вѣрованіе было чрезвычайно распространено; но въ то же время онъ выдалъ Церкви, какъ рабовъ, всѣхъ гадателей и чародѣевъ. Въ эту эпоху и въ теченіе двухъ слѣдующихъ столѣтій узаконеніе Церкви относительно этого, налагая духовныя наказанія, было особенно мягко; но различные карательные каноны настолько не-

---

[1]) Concil. Suessoniens. ann. 744.—Zachar. PP. «Epist.» 9, 10.—Bonifacii «Epist.» LVII.—Synod. Roman. ann. 745 (Bonifacii «Opera» III, 10).—Carol. Magn. «Capit. Aquisgr.» ann. 789, c. 16.—«Capit.» Herardi Archiep. Turon. ann. 838, c. 3. (Baluz. «Capitular.» I, 677).—Atton. Vercell. «Capitular.» c. 48.

[2]) Gregor. PP. II. «Capit. data legatis in Bavariam», c. 8, 9.—Concil. German. I. (Caroloman. «Capit.» I, Baluz. I, 104—5).—Concil. Liptinens. ann. 743 (Caroloman. «Capit.» II, Baluz. I, 106—8).—Bonifac. «Epist.» 49, 63.—Zachar. PP. «Epist.» II, c. 6.

Библиотека "Руниверс"

сходны между собою, что ихъ невозможно привести въ систему. Узаконеніе, приписываемое Ѳомѣ Брабантскому, пользовавшееся всеобщимъ признаніемъ, караетъ за волшебство эпитиміей отъ сорока дней до одного года, а если виновнымъ являлось духовное лицо, то до трехъ лѣтъ; но тотъ, кто помѣститъ больного лихорадкой ребенка на крышѣ или посадитъ его въ печь, наказывался эпитиміей на семь лѣтъ; канонъ же Эгберта Іоркскаго каралъ за это пятилѣтней эпитиміей. Очевидно, не было еще строго установленныхъ законовъ. Наиболѣе систематическимъ является кодексъ епископа Льежскаго Гербальда отъ 800 г.; этотъ кодексъ предписываетъ, чтобы виновные были представлены на его судъ и опредѣляетъ слѣдующія наказанія: семь лѣтъ эпитиміи и большія раздачи милостыни за убійство, произведенное средствами чародѣянія; семь лѣтъ эпитиміи безъ раздачи милостыни за насланіе умопомѣшательства на жертву; пять лѣтъ и раздача милостыни за обращеніе за совѣтомъ къ гадателямъ и за прибѣганіе къ гаданію по полету птицъ; семь лѣтъ для чародѣевъ за вызываніе бури; три года и раздача милостыни за оказаніе почестей чародѣю; годъ за возбужденіе чувства любви, посредствомъ волшебныхъ средствъ, если преступленіе не повело за собой смерти жертвы; если же виновнымъ являлся монахъ, то наказаніе увеличивалось до пяти лѣтъ. Другой современный уголовный канонъ предписываетъ эпитимію отъ сорока дней до одного года за чародѣяніе или заклинаніе діавола; но наказаніе увеличивается до семи лѣтъ, если одна женщина пригрозитъ другой порчей; если виновная бѣдна, то наказаніе сокращается до четырехъ лѣтъ. Въ 829 г. Парижскій соборъ приписываетъ несчастія Имперіи распространенности преступленій и въ особенности чародѣйству; онъ приводитъ жестокія постановленія закона Моисея и пространно перечисляетъ злодѣянія виновныхъ,—какъ на людей насылаютъ безуміе посредствомъ наговоренныхъ напитковъ и любовныхъ зелій, какъ вызываютъ бури и градъ, какъ отнимаютъ у законныхъ собственниковъ жатву, молоко и плоды, и какъ предсказываютъ будущее; но кодексъ этотъ не опредѣляетъ наказаній, а лишь призываетъ свѣтскія власти строго карать за эти преступленія. Турскій архіепископъ Эрардъ въ 838 г. также издалъ общее запрещеніе; но угрожая виновнымъ простою публичной эпитиміей, онъ не опредѣляетъ подробностей этой эпитиміи. Изъ этого неопредѣленнаго доказательства, изъ сборниковъ извѣстныхъ подъ именемъ Capitularia и изъ споровъ Рабана Мавра и Гинкмара Реймскаго можно заключить только то, что всѣ виды римской и тевтонской магіи были повсемѣстно распространены, что въ этомъ искусствѣ видѣли прямое участіе Сатаны, что Церковь не имѣла средствъ бороться съ нимъ, что свѣтское законодательство накладывало только легкія наказанія, и что чаще всего наказанія эти даже и не исполнялись [1]).

Но рядомъ съ организованнымъ судомъ Церкви и Государства дѣйствовалъ судъ народный и жестокій, нѣчто въ родѣ закона Линча, который каралъ виновныхъ безъ всякихъ дальнѣйшихъ околичностей. Отъ этой эпохи сохранилось извѣстіе о Гербергѣ, которую императоръ Лотаръ приказалъ утопить въ Аарѣ, «что было обычной участью чародѣевъ»; этотъ фактъ показываетъ намъ, что недостаточныя постановленія Капитулярій охотно добавлялись. Другимъ интереснымъ въ этомъ отношеніи документомъ является сви-

---

[1]) Carol. Magn. «Capit. Aquisgr.» ann. 789, c. 18, 63; «Capit.» II, ann. 806, c. 25; «Capit. de Partibus Saxon.» ann. 789, c. 6, 23.—S. Gregor. PP. III. «de Crimin. et Remed.» 16.—Theodori «Poenitent.» lib. I, c. XV (Haddan and Stubbs, III, 190).—Egberti «Poenitent.» VIII, 1 (ibidem, 424).—Burchardi «Decret.» X, 8, 24, 28, 31.—Ghaerbaldi «Instruct. Pastoral.» c. X; «Judic. Socerdotal.» c. X, XI, XX, XXIV, XXV, XXXI, XXXVI (Martène, «Ampl. Coll.» VII 25—33).—Libell. de Remed. Peccat. c. 9 (ibidem, 44).—Concil. Paris. ann. 829, lib. III, c. 2 (Harduin, IV, 1352).—Herardi Turon. «Capit.» III ann. 838 (Baluz. I, 1285).—«Capitul.» I, 21, 63; V, 69; VI, 215; «Addit.» II, c. 21. — Rabani Mauri «de Magicis Artibus». — Hincmar. «de Divort. Lothar.» Interrog. XV.

Библиотека "Руниверс"

дѣтельство Ліонскаго архіепископа Св. Агобарда, который тщетно боролся противъ многихъ, процвѣтавшихъ тогда суевѣрій. Однимъ изъ такихъ суевѣрій было вѣрованіе въ возможность вызыванія бури чарами; это вѣрованіе Церковь уже съ перваго времени клеймила, какъ еретическое, такъ какъ оно вводило дуалистическую теорію Манеса, признавая владычество Сатаны надъ видимымъ міромъ. Уже въ 563 г. первый соборъ въ Брагѣ спеціально предалъ анаѳемѣ это суевѣріе, какъ присцилліановское заблужденіе; но оно было настолько повсемѣстно распространено, что его невозможно было уничтожить теоретическимъ осужденіемъ. Въ концѣ концовъ, оно было принято Церковью, какъ ортодоксальное, наряду со многими другими народными баснями, и Св. Ѳома Аквинатъ доказывалъ, что съ разрѣшенія Бога демоны могли вызывать атмосферическія потрясенія. Агобардъ сообщаетъ, что это вѣрованіе было въ его провинціи повсемѣстно распространено между всѣми классами общества; въ этой провинціи была область, извѣстная подъ именемъ Магонія, откуда среди тучъ появлялись корабли, тотчасъ возвращавшіеся назадъ нагруженными жатвою, уничтоженною градомъ; это производили Tempestarii, или чародѣи, напускавшіе бурю, которымъ за это платили жители Магоніи. Когда слышали удары грома, то говорили, что шумъ этотъ предвѣщаетъ наступленіе насланнаго чародѣями урагана. Эти Tempestarii совершали свое нечестивое дѣло втайнѣ; но были особые извѣстные чародѣи, которые якобы могли удерживать ихъ. Ихъ награждали за вмѣшательство предоставленіемъ въ ихъ пользу части жатвы, которую называли съ того времени pars canonica. Люди, не платившіе десятины и не раздававшіе никакой милостыни, аккуратно уплачивали часть, слѣдуемую этимъ обманщикамъ. Однажды захватили трехъ мужчинъ и одну женщину, которыхъ обвинили въ томъ, что они были жителями Магоніи, упавшими съ одного изъ своихъ воздушныхъ кораблей. Было созвано народное собраніе, предъ которое были приведены плѣнники, закованные въ цѣпи, и тутъ же немедленно ихъ осудили на смерть посредствомъ побиванія камнями; но Агобардъ явился самолично и послѣ долгой рѣчи добился ихъ освобожденія. Подобные, не основанные на законахъ, процессы происходили и по другимъ поводамъ. Стада подвергались жестокому падежу; народная молва приписала это бѣдствіе Гримоальду, герцогу Беневентскому, который изъ-за ненависти къ Карлу Великому послалъ людей разсыпать волшебный порошокъ по горамъ, полямъ и рѣкамъ. Въ дѣйствительности, говоритъ Агобардъ, если бы были собраны всѣ жители Беневента и если бы каждый изъ нихъ явился съ тремя телѣгами, то и они не были бы въ состояніи отравить столь обширную площадь, какая была поражена заразой; но несмотря на все это, огромное число несчастныхъ было схвачено и предано смерти по обвиненію въ этомъ злодѣяніи. Агобардъ добавляетъ, что эти люди (удивительная вещь!) сознались во взводимомъ на нихъ преступленіи, и что онъ не могъ удержать ихъ отъ лже-свидѣтельствъ, которыя они взводили на самихъ себя частью подъ вліяніемъ бичеванія или пытки, частью изъ страха смерти. Этотъ примѣръ ранней и незаконной пытки является какъ бы провозвѣстникомъ той эпохи, въ которую средствами не менѣе дѣйствительными вырывали сознанія въ самыхъ невѣроятныхъ по нелѣпости своей подробностяхъ относительно шабаша вѣдьмъ, сознанія, отъ которыхъ жертвы не отрекались даже и на кострѣ. Эти разсказы, кромѣ того, свидѣтельствуютъ о томъ, какая атмосфера суевѣрнаго страха окружала тогда жизнь всей Европы [1]).

---

[1]) Nithardi «Hist.» lib. I, c. 5, ann. 834.—Concil. Bracarens. I, ann. 563, c. 8.—Burchard. «Decret.» X, 8.—Ivon. «Decret.» XI, 36.—Bernardi Comens. «de Strigiis», c. 14.—Ghaerbald. «Judic. Sacerd.» 20—Herardi Turon. «Capit.» III.—Conc. Paris. ann. 829, lib. III, c. 2.—S. Agobardi «Lib. de Grandine»; c. 1, 2, 15, 16.

Уже въ XI вѣкѣ епископъ Бурхардъ предписываетъ эпитимію за вѣрованіе, что колдуны могутъ измѣнить состояніе атмосферы или возбудить у людей любовь или ненависть (Decret. XIX, 5). Не прошло и двухъ съ половиной столѣтій, какъ Ѳома Брабантскій доказы-

Библиотека "Руниверс"

Карловингская цивилизація была лишь мимолетной молніей, прорѣзавшей мракъ этихъ печальныхъ вѣковъ. Въ неурядицахъ, сопровождавшихъ рожденіе Имперіи, устройство феодальной системы и образованіе европейскихъ монархій, Церковь, безъ шума занимаясь тѣми изъ своихъ судебныхъ обязанностей, на которыхъ позднѣе она основала свои притязанія на главенство, не предпринимала ни одной дѣйствительной мѣры къ уничтоженію царства Сатаны; однако, слуги демона, гадатели и чародѣи, были всегда одинаково многочисленны. Въ 850 г. соборъ въ Павіи ограничился назначеніемъ пожизненной эпитиміи чародѣйкамъ, которыя возбуждали любовь или ненависть и губили, такимъ образомъ, множество людей. Быть можетъ, по временамъ проявлялась народная жестокость, какъ объ этомъ можно заключить по краткому упоминанію одной подозрительной рукописи, относящейся къ наказанію извѣстнаго числа чародѣевъ, сожженныхъ въ Саксоніи въ 914 г.; но на дѣлѣ Церковь честно выступала противъ подобныхъ грубыхъ пріемовъ. Около половины X вѣка епископъ Верчейльскій Атто счелъ полезнымъ снова опубликовать забытый канонъ 4-го Толедскаго собора, угрожавшій лишеніемъ сана или вѣчной эпитиміей въ монастырѣ всякому епископу, священнику, діакону или другому духовному лицу, если оно обратится за совѣтомъ къ чародѣю, колдуну или авгуру. Но нужно замѣтить, что Атто былъ своего рода пуританиномъ, пытавшимся дѣйствовать противъ общей деморализаціи своей эпохи. Обыкновенно отреченныя науки внушали такъ мало страха, что репутація великаго некроманта, принесенная Гербертомъ Аурильякомъ изъ Испаніи, не помѣшала ему быть избраннымъ въ архіепископы Реймса и Равенны и, наконецъ, сдѣлаться папой; съ другой стороны, въ 1170 г. архіепископъ Безансона прибѣгъ къ помощи духовныхъ, свѣдущихъ въ некромантіи, чтобы открыть нѣкоторыхъ еретиковъ [1]).

Впрочемъ, Церковь въ этомъ отношеніи не отличалась особой послѣдовательностью. Иногда она проявляла здравое сужденіе и признавала эти вѣрованія за суевѣрія, лишенныя всякаго основанія; такъ, напр., поступилъ Ирландскій соборъ IX в., предавшій анаѳемѣ всякаго христіанина, который будетъ вѣрить въ существованіе вѣдьмъ, и требовавшій отъ отлученнаго отреченія раньше, чѣмъ допустить его до возсоединенія съ Церковью. Равнымъ образомъ въ 1080 г. Григорій VII въ своемъ посланіи къ Гарольду Простому Датскому сурово порицалъ обычай приписывать священникамъ и женщинамъ всѣ бури, болѣзни и другія матеріальныя бѣдствія; всѣ эти несчастія насылаются Богомъ; мстить за это невиннымъ значитъ еще больше навлекать на себя божескій гнѣвъ. Но гораздо чаще Церковь допускала истину этихъ вѣрованій и пыталась, сначала не особенно энергично, уничтожить грѣховныя дѣянія при помощи духовныхъ наказаній. Это не установившееся отношеніе выразилось въ канонахъ Вормскаго епископа Бурхарда, опубликованныхъ въ первой половинѣ XI в.; въ нихъ то налагается эпитимія за вѣрованіе въ существованіе чародѣйства, то наказаніе направляется противъ чародѣянія. Съ другой

ваетъ, что нисколько не противорѣчитъ католичеству мнѣнію, что бури производятся нечистой силой («Bonum Universale» lib. II, c. 56).—Да иначе и не могло быть, если принять во вниманіе, что скандинавская магія приписывала чародѣямъ безграничное господство надъ состояніемъ атмосферы, и что эти языческія суевѣрія были приняты средневѣковымъ христіанствомъ.

[1]) Concil. Ticinens. ann. 850, c. 25.—Annal. Corbeiens. ann. 914 (Leibnitz, «S. R. Brunsvic.» II, 299).—Atton. Vercell. «Capit.» c. 48.—Sigebert. Gemblacens. ann. 995.—Alberic. Trium Font. ann. 998, 999, 1002.—Caesar. Heisterbach. Dist. V, c. 18.

Относительно учености Герберта Аурильяка см. Richeri «Hist.» lib. II, c. XLIII sq. Человѣкъ, сумѣвшій въ X вѣкѣ сдѣлать шаръ, изображавшій землю и имѣвшій полярный кругъ и тропикъ Рака, легко могъ прослыть за чародѣя, хотя шарообразность земли и не была уже тайной для арабскихъ философовъ (Avicenna, «de Coelo et Mundo», c. X). Дурная слава Герберта держалась такъ долго, что разсказы о немъ встрѣчаются еще въ исторіяхъ среднихъ вѣковъ до временъ Платины (Piol. Lucens. «Hist. Eccles.» lib. XVIII, c. VI—VIII.—Platinae «Vitae Pontific.» s. v. «Silvestr. II).

Библиотека "Руниверс"

стороны, если бы проповѣдники слѣдовали указаніямъ Бурхарда и спрашивали кающихся обо всѣхъ подробностяхъ различныхъ чародѣйственныхъ пріемовъ, къ которымъ они могли прибѣгать, то единственнымъ результатомъ подобной исповѣди было бы самое дѣйствительное распространеніе запрещенныхъ наукъ. Въ то же время Бурхардъ, подобно канонистамъ Регино Прумскому и Ивону Шартрскому, опубликовалъ цѣлое собраніе запретительныхъ каноновъ, извлеченныхъ изъ трудовъ первыхъ соборовъ и твореній Отцовъ Церкви, свидѣтельствующихъ о полномъ признаніи существованія магіи и о томъ, что на Церкви лежитъ обязанность бороться противъ нея. Это вѣрованіе въ силу волшебства было настолько твердо установившимся, что Церковь разрѣшила даже расторженіе таинства брака, если сонтію между новобрачными препятствовали козни чародѣя, а чары и заклинанія, молитвы, милостыня и другія духовныя средства оказывались въ теченіе трехъ лѣтъ безсильными противъ могущества Сатаны. Гиберъ изъ Ножана разсказываетъ, что подобная порча была напущена одною злою женщиною на его мать и отца, когда они только что поженились; но мать его, хотя порча и продолжалась семь лѣтъ, несмотря на всѣ совѣты, не пожелала развода; наконецъ, чары были разбиты, но не молитвами священника, а контръчарами старой колдуньи. Филиппъ-Августъ прибѣгъ къ тому же поводу, чтобы развестись съ своей женой Ингебургой Датской, въ день своей свадьбы, а епископъ Дюранъ въ своемъ Speculum Juris говоритъ, что случай этотъ былъ обыденнымъ явленіемъ. Даже такой просвѣщенный человѣкъ, какъ Іоаннъ Салисбюрійскій, пускаетъ въ ходъ все свое широкое образованіе, чтобы описать все разнообразіе чародѣйства и старается установить, что если чародѣи убиваютъ людей силою своихъ чаръ, то они дѣйствуютъ съ соизволенія Божьяго. Съ своей стороны, Петръ Блуасскій, если не раздѣляетъ народной вѣры въ колдовство, то все же допускаетъ возможность вмѣшательства Сатаны въ пріемы черной магіи [1]).

Въ то время, когда вѣра въ колдовство и въ его адское происхожденіе была такимъ образомъ распространена повсемѣстно, совершенно не думали, повидимому, примѣнять къ ней всю строгость законовъ. Около 1030 г. архіепископъ Трирскій Поппо послалъ одной монахинѣ кусокъ своего плаща, чтобы она сдѣлала ему пару туфель, которыя онъ носилъ бы во время богослуженія. Монахиня такъ ловко околдовала туфли, что едва только архіепископъ надѣлъ ихъ, какъ страстно влюбился въ нее. Борясь противъ своей страсти, онъ отдалъ туфли одному изъ старшихъ своихъ духовныхъ, и тотъ сейчасъ же почувствовалъ ту же страсть. Опытъ съ одинаковымъ успѣхомъ былъ повторенъ на всѣхъ высшихъ членахъ соборнаго духовенства; когда доказательство колдовства стало неоспоримымъ, то виновную осудили покинуть монастырь; что же касается Поппо, то онъ искупилъ свою однодневную страсть путешествіемъ въ Св. Землю. Однако, было рѣшено, что монастырскіе нравы очень ослабли, и монахинямъ предоставили выборъ между принятіемъ новаго болѣе суроваго устава или выходомъ изъ монастыря; онѣ избрали послѣднее, и ихъ мѣсто заняла мужская община. Когда вспыхнувшее въ 1074 г. возстаніе въ Кельнѣ принудило

---

[1]) Synod. Patricii c. 16 (Haddan. and Stubbs, II, 329).—Gregor. PP. VII «Regist.» VII, 21.—Reginon. «de Discip. Eccles.» II, 347 sq.—Burchardi «Decret.» lib. X, lib. XIX, c. 5.—Ivon. «Decreti» P. XI.—Ivon. «Panorm.» VI. 117; VIII, 61 sq. P. II. «Decret.» caus. XXXIII, Q. 1, c. 4.—«Mall. Maleficar.» P. I, Q. 8.—Guibert. Noviogent. «de Vita sua», I, 12.—Rigord. «de Gest. Phil. Aug.» ann. 9193.—Durandii «Specul. Juris», lib. IV, Partic. IV, Rubr. «de Frigidis», etc.—Johann. Saresberiens. «Polycrat.» II, 9—12.—Pet. Blesens. «Epist.» 65.

Вѣрованіе въ наузы—одно изъ самыхъ старыхъ и самыхъ распространенныхъ суевѣрій. Геродотъ (II, 181) разсказываетъ, какъ испыталъ подобное чародѣйство Амазисъ, царствовавшій въ Египтѣ около половины VI вѣка до Р. Хр., когда женился на киренейской царицѣ Ладикѣ. Несмотря на то, что бракъ этотъ имѣлъ огромное политическое значеніе, Амазисъ обвинилъ Ладику въ томъ, что она примѣнила чары, и грозилъ ей смертью. Не зная, что дѣлать, молодая женщина дала въ храмѣ Венеры обѣтъ послать статую этой богини въ Кирену. Молитва ея была услышана, и ей была оставлена жизнь.

Библиотека "Руниверс"

епископа обратиться въ бѣгство, то между дѣйствіями торжествующихъ мятежниковъ упоминаютъ, что они убили, сбросивъ со стѣны, одну женщину по подозрѣнію въ томъ, что она чародѣйствомъ навела безуміе на многихъ мужчинъ. Триста лѣтъ передъ этимъ подобный проступокъ, считавшійся теперь преступнымъ, былъ бы сочтенъ за достойное хвалы проявленіе ревности. Около этого же времени Чешскій соборъ совѣтуетъ вѣрнымъ не обращаться въ затруднительныхъ случаяхъ за совѣтомъ къ чародѣйкамъ; но наказаніемъ за это полагается только покаяніе, исповѣдь и воздержаніе отъ повторенія проступка. Въ Венгріи по законамъ Св. Ладислава колдуньи просто приравнивались къ проституткамъ и карались одними съ ними законами; преемникъ Ладислава Коломанъ касается этого вопроса мелькомъ, замѣчая, что незачѣмъ принимать постановленій противъ колдуній, такъ какъ ихъ и не существуетъ [1]).

Однако, прекрасно понимали, насколько тяжело было обвиненіе въ чародѣйствѣ, а такъ какъ отъ этого обвиненія, которое легко было возбудить, нелегко было оправдаться, то его нерѣдко возбуждали безъ всякихъ основаній. Не удовлетворились тѣмъ, что заставили Беренже Турскаго отречься отъ своего ученія о пресуществленіи, но его еще заклеймили, какъ одного изъ самыхъ опасныхъ некромантовъ. Когда во время ожесточенной борьбы Григорія VII противъ Имперіи Брешіанскій синодъ низложилъ въ 1080 г. папу и избралъ антипапою Виберто Равеннскаго, то однимъ изъ поводовъ къ этому низложенію было то, что Григорій былъ явный некромантъ; думали, что онъ научился этому въ Толедо. Примѣненіе этого обвиненія въ партійныхъ ссорахъ прекрасно видно изъ различныхъ разсказовъ о Ліутгардѣ, племянницѣ Эгильберта, бывшаго тогда Трирскимъ архіепископомъ. Эгильбертъ былъ горячимъ сторонникомъ императора; получивъ отъ Виберто pallium, онъ сдѣлалъ Ліутгарду настоятельницей одного монастыря своей епархіи. Исторія его епископства дошла до насъ въ разсказѣ его современника; одинъ манускриптъ, безъ сомнѣнія единственно подлинный, рисуетъ Ліутгарду женщиной образованной и добродѣтельной, которая въ теченіе сорока лѣтъ управляла своимъ монастыремъ во славу Бога и оставила по себѣ прекрасную память; другая рукопись той же самой хроники представляетъ ее колдуньей, богохульницей и чародѣйкой и добавляетъ, что при ея управленіи монастырь пришелъ въ полный упадокъ. Несомнѣнно, конечное торжество Церкви надъ Государствомъ обусловливало эту позднѣйшую вставку [2]).

Тогда какъ на материкѣ древніе законы, направленные противъ чародѣйства, приходили въ забвеніе, англо-саксонское законодательство въ Англіи показываетъ, что lyblac, или колдовство, обращало на себя огромное вниманіе. Около 900 г. законы Эдуарда и Гутрума приравниваютъ вѣдьмъ и гадателей къ клятвопреступникамъ, убійцамъ и публичнымъ женщинамъ; всѣ виновные въ этомъ должны быть изгнаны изъ страны; въ противномъ случаѣ имъ предоставлялся выборъ между исправленіемъ, наказаніемъ или уплатой крупнаго штрафа, каковое постановленіе преемственно подтверждалось разными государями до эпохи Канута. Немного позднѣе Ательстанъ постановилъ, что если будетъ причинена кому-нибудь смерть посредствомъ колдовства (lyblac), то виновный долженъ уплатить своею жизнью за свое чародѣйство; если онъ станетъ отрицать свою виновность, то онъ подлежитъ тройной ордаліи, и если онъ не выйдетъ побѣдителемъ изъ этого тройного испытанія, то его надлежало заключить на четыре мѣсяца въ тюрьму; послѣ этого наказанія родственники могли выкупить его, уплативъ Wergeld умершаго, внеся въ пользу короля штрафъ въ сто двадцать шиллинговъ и представивъ ручательство, что впредь

[1]) Gest. Treviror. Archiep. c. 19.—Lambert. Hersfeld. «Annal.» ann. 1074.—Höfler, «Prager] Concilien.», стр. XVI.—Batthyany, «Leges Eccles. Hungar.» II, 102.—«Decret. sub Colomanno Rege», cap. 20 (Ibidem I, 455): «De Strigis vero, quae non sunt, nulla quaestio fiat.».

[2]) Chron. Turon. ann. 1061.—Chron. Halberstadiens. (Leibnitz, «S. R. Brunsvic.» II, 127—8).—Gest. Treviror. Archiep. c. 38 (Martène, «Ampl. Coll.» IV, 181—2).

Библиотека "Руниверс"

осужденный будетъ вести себя безупречно. Около половины X вѣка Эдуардъ Древній предписалъ вѣчное отлученіе отъ Церкви всякому причастному къ колдовству (lyblac), который не раскается. По компиляціи, извѣстной подъ именемъ Законовъ Генриха I, убійство при посредствѣ чародѣйства лишало виновнаго права откупиться при помощи Wergeld; виновнаго выдавали родственникамъ жертвы, которые могли поступить съ нимъ по своему усмотрѣнію. За менѣе тяжелые убытки, принесенные чародѣйствомъ, вознагражденіе допускалось на общемъ основаніи. Если обвиненный отрицалъ свою виновность, то его отдавали на судъ епископа, и признаніе его виновности зависѣло отъ духовнаго суда. Эти законы, повидимому, соблюдались еще въ эпоху вторженія норманновъ. Когда Вильгельмъ Завоеватель осаждалъ островъ Эли, то онъ во главѣ своихъ войскъ помѣстилъ, по совѣту Ивеса Тайльбуа, чародѣйку, заклинанія которой должны были, какъ думали, парализовать защиту осажденныхъ. По несчастному случаю, проектъ не оправдался: Геревардъ Бургскій напалъ съ фланга на завоевателей и, подложивъ огонь подъ хворостъ, сжегъ чародѣйку и всѣхъ окружавшихъ ее солдатъ [1]).

Когда въ началѣ XI в. Олафъ Тригвессонъ предпринялъ обращеніе Норвегіи въ христіанство, то онъ считалъ чародѣевъ самыми опасными врагами вѣры и поступалъ съ ними безъ всякой жалости. На собраніи, или Thing, бывшемъ въ Викенѣ, онъ объявилъ, что подвергнетъ изгнанію всякаго, кто окажется виновнымъ въ томъ, что обращался къ злымъ духамъ или къ чародѣйству; эта угроза сопровождалась весьма строгими мѣрами. Олафъ предпринялъ разслѣдованіе по всему округу; собралъ всѣхъ колдуновъ и задалъ имъ большой пиръ, на которомъ напитки лились въ изобиліи; когда же они опьянѣли, то домъ подожгли. Погибли всѣ, кромѣ Эйвинда Келлда, внука Гаральда Гарфагера, особенно опаснаго чародѣя, которому удалось черезъ дымовую трубу выскочить на крышу. Весною, когда Олафъ праздновалъ Пасху на островѣ Коритѣ, неожиданно явился Эйвиндъ на длинномъ кораблѣ, полномъ чародѣевъ. Они подошли къ берегу, надѣли шапки-невидимки и окружили себя густымъ туманомъ; но когда они достигли Аугвальднесса, гдѣ находился король Олафъ, былъ уже бѣлый день; всѣхъ ихъ поразила слѣпота, и они блуждали ощупью, пока ихъ не схватили люди Олафа и не привели къ нему; послѣдній приказалъ связать чародѣевъ на скалѣ, которая открывалась лишь во время отлива и которая до времени Снорри Стурлессона сохранила имя Скалы Криковъ. Другой благочестивый подвигъ, приписываемый Олафу, даетъ примѣръ тѣхъ пріемовъ, къ которымъ приходилось прибѣгать при распространеніи евангельскихъ истинъ среди дикихъ героевъ Норвегіи, и показываетъ въ то же время, какое значеніе христіане часто приписывали чародѣямъ. Олафъ захватилъ извѣстнаго чародѣя Эйвинда Кинрифа и тщетно старался обратить его въ христіанство. Наконецъ, поставили на животъ упорствующему сковороду съ горячими углями, но это наказаніе несчастный перенесъ мужественно, попросивъ пощады лишь только тогда, когда огонь раздѣлилъ тѣло его на два куска. Усмотрѣвъ въ этой запоздалой просьбѣ признакъ тѣлесной слабости, Олафъ спросилъ: «Эйвиндъ! хочешь ли ты теперь увѣровать въ Христа?» — «Нѣтъ, отвѣтилъ Эйвиндъ, я не могу принять таинства крещенія, такъ какъ я злой духъ, заключенный въ человѣческомъ тѣлѣ благодари искусству лапландской магіи, безъ помощи которой мои родители не могли имѣть ребенка», и съ этими словами онъ испустилъ духъ. Однако, въ древнѣйшемъ исландскомъ кодексѣ Grágás, составленномъ, по всей вѣроятности, въ 1118 г., не упоминается о чародѣйствѣ, которое, повидимому, предоставлялось вѣдѣнію духовныхъ судовъ; съ другой стороны, въ сборникѣ канонического права, относящемся къ той же эпохѣ, за чародѣйство полагалось

---

[1]) Laws of Edward and Guthrum, 11.—Laws of Ethelred, V, 7.—Cnut Secular. 4 (Изд. Kolderup Rosenvinge, стр. 36).—Athelstan's Dooms, I, 6.—Laws of Edward the Elder, 6.—Leges Henrici LXXI. § 1.—Ingulph's «Chron. Contin.» (изд. Bohn'a, стр. 258).

Библиотека "Руниверс"

лишь трехлѣтнее изгнаніе; но если чарами было вызвано пораненіе или убійство человѣка или животнаго, то ссылка была вѣчною. Въ обоихъ случаяхъ обвиненный имѣлъ право быть судимымъ двѣнадцатью лицами, извѣстными своими добрыми нравами и твердостью въ вѣрѣ [1]).

Во всѣхъ остальныхъ странахъ Европы къ концу XII в. и свѣтскія, и духовныя власти, повидимому, почти совсѣмъ отказались уничтожить чародѣйство; однако, не надо думать, что чародѣйству была дана свобода дѣйствія и его признали законнымъ. Въ 1149 году аббатъ Вибальдъ Корвейскій обвинилъ одного изъ своихъ монаховъ, по имени Вальтеръ, въ томъ, что онъ прибѣгалъ къ заклинаніямъ нечистой силы. Если въ 1181 году Александръ III предоставилъ св. Престолу исключительное право канонизаціи святыхъ, то это было вызвано тѣмъ, что монахи нормандскаго аббатства Гристана были преданы чародѣйству и старались этимъ путемъ снискать себѣ славу тауматурговъ. Однажды, когда аббатъ уѣхалъ въ Англію, пріоръ во время обѣда напился пьянымъ и ударилъ столовымъ ножомъ двухъ монаховъ, которые, усмиряя его, побили его такъ, что онъ умеръ, не причастившись святыхъ тайнъ; однако, при помощи чародѣяній монахи вызвали со стороны народа поклоненіе умершему, какъ святому, пока епископъ Лизьё Арнольдъ не открылъ папѣ Александру всей правды. Подобные проступки легко получали прощеніе: такъ, напр., одинъ священникъ, желая найти похищенную у него изъ церкви вещь, обратился къ чародѣю и смотрѣлъ въ астролябію; папа Александръ лишь на годъ, въ наказаніе, отлучилъ его отъ должности—рѣшеніе, которое было внесено Григоріемъ VII въ каноническое право, какъ юридическій прецедентъ. Этотъ способъ гаданія состоялъ въ призываніи злыхъ духовъ и былъ поэтому совершенно недопустимъ, однако къ нему прибѣгали, не стѣсняясь. Іоаннъ Салисбюрійскій, умершій въ 1181 г., разсказываетъ, что въ дѣтствѣ онъ былъ отданъ священнику, чтобы тотъ научилъ его псалмамъ; его учитель присоединялъ къ своимъ священнымъ обязанностямъ еще и гаданіе въ зеркало, и въ одинъ прекрасный день, произнеся необходимыя заклинанія, возливъ на голову ему и другому болѣе старшему ученику святое мyро, онъ позвалъ ихъ посмотрѣть въ мѣдный полированный тазъ. Іоаннъ ничего не могъ увидать и былъ съ этихъ поръ освобожденъ отъ этихъ занятій, но его товарищъ увидалъ какія-то неясныя формы и оказался «субъектомъ» болѣе понятливымъ. Такимъ образомъ, тайныя искусства процвѣтали, не встрѣчая энергичнаго отпора, и въ эту эпоху видимой терпимости причиняли мало зла, за исключеніемъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ случаевъ отравленія волшебнымъ любовнымъ напиткомъ [2]).

Казалось бы, что эта терпимость должна была прекратиться съ первыми пробужденіями человѣческаго ума, когда людская пытливость въ своихъ первыхъ попыткахъ принялась съ удвоеннымъ рвеніемъ за изгнаніе тайныхъ наукъ, когда схоластическое богословіе приняло форму извѣстной системы и старалось выработать теорію міра, когда ученіе

---

[1]) Olaf Tryggvesson's Saga, 69, 70, 83 (Laing's «Heimskringla»).—Kristinrettr Thor'aks oc Ketils, c. XVI.

Относительно внутренней связи между магіей и злыми духами см. «Priscae Vet. Boreal. Mythologiae Lexicon», Финна Магнусена, подъ словомъ «Tröll», стр. 474 sq.

[2]) Wibaldi «Epist.» 157 (Martène, «Ampl. Coll.» II, 352).—Baron. «Annal.» ann. 1181, №№ 6—10.—C. 1 Extra. XLV. 3.—C. 2 Extra. V. 21.—Johann. Saresberiens. «Polycrat.» c. XXVIII.

Гаданіе посредствомъ зеркала было традиціоннымъ съ классическихъ временъ. Во время своего столь короткаго царствованія Дидій Юліанъ успѣлъ получить извѣстіе о своемъ паденіи и о восшествіи Септимія Севера; чтобы получить это откровеніе, заставили мальчика смотрѣть въ зеркало, завязавъ предварительно ему глаза и произнеся надъ его головой спеціальныя заклинанія (Ael. Spartiani «Didius Julianus», 7). Гипполитъ де Порто приводитъ массу подробностей относительно ловкихъ обмановъ, при помощи которыхъ совершали это гаданіе и другія, подобныя ему («Refut. omn. Haeres.» IV, 15, 28—40).

Библиотека "Руниверс"

римскаго права ознакомило съ императорскими эдиктами противъ чародѣйства, и духовные суды были направлены къ примѣненію этихъ указовъ. Однако, развитіе преслѣдованія шло довольно медленно. Церкви приходилось бороться съ врагомъ болѣе страшнымъ, съ ересью, успѣхи которой начинали принимать угрожающіе размѣры; она не могла обращать вниманіе на преступленіе, которое не грозило ни имуществу, ни привилегіямъ іерархіи. Иногда случалось, что соборы, какъ это было на Руанскомъ соборѣ 1189 года и на Парижскомъ 1212 г., упоминали сторонниковъ магіи; но противъ нихъ не устанавливалось никакого наказанія и ограничивались угрозой отлученія ихъ отъ Церкви. Тѣмъ не менѣе думали, что и за это преступленіе, какъ и за ересь, слѣдовало виновныхъ подвергать сожженію на кострѣ. Въ эту самую эпоху одинъ молодой клирикъ изъ Сеста, по имени Германъ, обвиненный въ чародѣйствѣ одной распутной женщиной, предложенія которой онъ отвергъ, былъ осужденъ и сожженъ; среди пламени онъ пѣлъ Ave Maria, пока одинъ изъ родственниковъ обвинительницы не заставилъ его замолчать, всунувъ ему въ ротъ горящій прутъ; но невинность жертвы выразилась въ чудесахъ, которыя стали твориться надъ его гробницей, и надъ его останками воздвигли часовню [1]).

Цезарь Гейстербахскій, сообщившій намъ объ этомъ, приводитъ огромное число чудесъ, свидѣтельствующихъ, что суевѣріе держалось еще твердо, что люди старались извлечь всевозможное изъ своихъ сношеній съ Сатаною, и что обыкновенно это оставалось безнаказаннымъ. Онъ передаетъ, что одинъ духовный, по имени Филиппъ, умеръ незадолго передъ этимъ, не подвергшись преслѣдованію ни со стороны Церкви, ни со стороны государства, хотя и былъ извѣстнымъ некромантомъ. Одинъ рыцарь, Генрихъ фонъ Фалькенштейнъ, не вѣровавшій въ демоновъ, просилъ Филиппа разсѣять его сомнѣнія; послѣдній охотно согласился, очертилъ шпагой кругъ на перекресткѣ и произнесъ заклинанія; тотчасъ же въ шумѣ, подобномъ шуму полой воды и вою бури, явился черный демонъ ужаснаго вида, ростомъ больше дерева. Рыцарь стоялъ внутри магическаго круга и избѣгъ непосредственной опасности, но лицо его поблѣднѣло, и до самой своей смерти онъ остался блѣднымъ. Это захотѣлъ испытать и одинъ священникъ, но подъ вліяніемъ страха онъ вышелъ за кругъ и былъ такъ тяжело раненъ, что умеръ черезъ три дня. Валеранъ Люксембургскій благочестиво конфисковалъ домъ покойнаго, что свидѣтельствуетъ о томъ, что неприкосновенность имущества духовныхъ лицъ не всегда соблюдалась свято [2]).

Равнымъ образомъ были часты случаи заключенія договоровъ съ Сатаной. Было обнаружено, что еретики, сожженные въ 1180 г. въ Безансонѣ, спрятали у себя подъ мышкой маленькіе свертки пергамента, на которыхъ были написаны подобные договоры. Трудно найти историческій фактъ, относящійся къ той эпохѣ и основанный на болѣе вѣрномъ авторитетѣ, чѣмъ исторія Эверваха, бывшаго еще монахомъ монастыря Св. Николая въ Сталумѣ, когда Цезарь разсказалъ о его приключеніяхъ, которыхъ былъ очевидцемъ. Эвервахъ былъ управителемъ Утрехтскаго епископа Теодорика и вѣрно служилъ своему господину. Обвиненный въ лихоимствѣ, онъ обнаружилъ пропажу нѣсколькихъ своихъ счетныхъ книгъ и въ отчаяніи призвалъ діавола. «Господинъ! сказалъ онъ, если ты придешь ко мнѣ на помощь въ этомъ крайнемъ несчастіи, то я буду почитать тебя и во всемъ буду служить тебѣ!» Діаволъ явился; Эвервахъ принялъ условія адскаго договора: отреченіе отъ Христа и Дѣвы Маріи и изъявленіе почтительной покорности Сатанѣ; послѣ этого онъ безъ труда могъ установить въ точности свои счета. Съ этого дня Эвервахъ началъ открыто говорить: «Тѣ, кто служитъ Богу, несчастны и бѣдны; тѣ же, кто служитъ діаволу, полны счастія», и онъ посвятилъ себя изученію магіи. Въ то время на

[1]) Concil. Rotomagens. ann. 1189, c. 29 (Bessin, «Concil. Rotomagens.» 1, 97).—Concil. Paris. ann. 1212, P. V (Marène, «Ampl. Coll.» VII, 105).—Caesar. Heisterbach. IV, 99.

[2]) Caesar. Heisterb. V, 2, 3.

Библиотека "Руниверс"

магію смотрѣли такъ снисходительно, что, въ своемъ рвеніи о Сатанѣ, онъ рѣзко противорѣчилъ Кельнскому Scholasticus магистру Оливье, проповѣдывавшему въ Утрехтѣ крестовый походъ; очерненный проповѣдникомъ, онъ пытался убить его и не привелъ въ исполненіе своего преступнаго замысла только благодаря болѣзни, сведшей его въ могилу; онъ былъ низвергнутъ въ адъ и былъ подвергнутъ неописуемымъ мукамъ осужденныхъ; но Господь сжалился надъ нимъ, онъ ожилъ на похоронныхъ носилкахъ въ самый день своихъ похоронъ. Послѣ этого онъ сдѣлался другимъ человѣкомъ. Вмѣстѣ съ епископомъ Отто Утрехтскимъ онъ совершилъ паломничество къ Гробу Господню, подвергъ себя всевозможнымъ умерщвленіямъ плоти и на обратномъ пути отдалъ свое имущество Церкви и удалился въ монастырь Салума. Цезарь разсказываетъ еще исторію объ одномъ рыцарѣ изъ окрестностей Льежа, который, растративъ въ кутежахъ свое состояніе, получилъ отъ одного изъ своихъ крестьянъ совѣтъ обратиться къ Сатанѣ. Подъ вліяніемъ обѣщанія богатства и почестей онъ отрекся отъ Бога и принесъ Сатанѣ присягу въ феодальной вѣрности; однако діаволъ требовалъ, чтобы его послѣдователь отрекся также и отъ Св. Дѣвы, но послѣдній не согласился на это; такимъ образомъ, вслѣдствіе своего раскаянія онъ получилъ прощеніе, благодаря предстательству Божіей Матери [1]).

Этихъ примѣровъ, число которыхъ можно было бы легко увеличить, достаточно для освѣщенія направленія мысли и вѣрованій народа въ эту эпоху. Безъ сомнѣнія, Роджеръ Бэконъ, стоявшій во многихъ отношеніяхъ значительно впереди своего времени, полагалъ, что добрая половина магіи не что иное, какъ простой обманъ, что приписывать человѣку способность вызывать или отпускать по своему желанію злыхъ духовъ заблужденіе, и что было бы гораздо проще прямо молиться Богу, такъ какъ демоны не могутъ имѣть вліянія на дѣла людей безъ соизволенія на то Бога. Однако, самъ Бэконъ, утверждая безполезность чаръ и колдованій, основываетъ свое положеніе на томъ, что дѣйствительность этихъ магическихъ дѣйствій зависитъ отъ примѣненія ихъ при извѣстномъ состояніи небесъ, дать которому точное опредѣленіе крайне трудно. Относительная недовѣрчивость Бэкона позволяетъ намъ заключить изъ сравненія его съ его современниками, какъ велико должно было быть вліяніе этого суевѣрія на менѣе критическіе умы. Можно удивляться, что Церковь, допуская ту энергію, съ которой Сатана находилъ себѣ адептовъ и слугъ среди людей, и ту легкость, съ которой люди могли признавать его и соединяться съ нимъ, проявляла такъ много мягкости въ дѣлѣ подавленія столь большихъ преступленій. Страшное волненіе, вызванное преслѣдованіемъ штединговъ и луциферіанъ, открытыхъ Конрадомъ Марбургскимъ, должно было, несомнѣнно, дать новый толчекъ вѣрованію въ адскихъ посредниковъ. Ѳома Брабантскій разсказываетъ, что онъ узналъ отъ доминиканскаго провинціала Конрада хорошо извѣстную исторію одного изъ луциферіанъ Конрада Марбургскаго. Этотъ человѣкъ, пытаясь совратить одного монаха, привелъ его въ большой дворецъ, гдѣ Св. Дѣва сидѣла на престолѣ среди неописуемаго блеска, окруженная безчисленнымъ сонмомъ святыхъ; но у монаха была дароносица со святой облаткой, которую онъ предложилъ Св. Дѣвѣ, прося Ее преклониться предъ своимъ Сыномъ; но тотчасъ все ложное видѣніе разсѣялось. Однако за возбужденіемъ послѣдовала реакція; умы стали до

---

[1]) Caesar. Heisterb. II, 12; V, 18; XII, 23.

Несмотря на то, что подробности этихъ разсказовъ вполнѣ отвѣчаютъ нравамъ эпохи, онѣ, очевидно, заимствованы изъ разсказа о Ѳеофилѣ Киликійскомъ, пользовавшемся особой извѣстностью въ средніе вѣка. Ѳеофилъ былъ архидіакономъ; однажды, уволенный своимъ епископомъ, онъ съ отчаянія прибѣгъ къ помощи Сатаны, которому онъ вручилъ письменный договоръ, соглашаясь вѣчно терпѣть муки ада. Тотчасъ же онъ вернулъ свою должность и пользовался общимъ уваженіемъ до тѣхъ поръ, пока, мучимый угрызеніями совѣсти, онъ не обратился къ Святой Дѣвѣ. Суровой эпитиміей онъ снискалъ покровительство Божьей Матери, которая велѣла вернуть ему его договоръ.—Hroswithae «de Lapsu et Convers. Theophili».

Библиотека "Руниверс"

извѣстной степени враждебно относиться ко всякому новому преслѣдованію. Петръ де Кольмьё, бывшій позднѣе кардиналомъ Альбано, будучи еще архіепископомъ въ Руанѣ въ 1235 г., ограничился тѣмъ, что отнесъ призываніе демоновъ, жертвоприношенія злымъ духамъ и употребленіе таинствъ при совершеніи магическихъ обрядовъ къ дѣяніямъ, отпущеніе которыхъ могутъ дать только одни епископы; бѣглое упоминаніе объ этомъ, дѣлаемое епископомъ Дюрандомъ въ его Speculum Juris, показываетъ, что черезъ полстолѣтіе подобныя дѣла мало обращали на себя вниманіе духовныхъ судовъ. Въ 1294 г. синодъ въ Анжу постановилъ, что, согласно съ канономъ, священники должны изгонять изъ своихъ приходовъ всѣхъ гадателей, чародѣевъ, колдуновъ и другихъ подобныхъ имъ людей, и сѣтуетъ, что позволяютъ подобному исчадію плодиться безмѣрно; чтобы избавиться отъ зла, было приказано всякому, кто зналъ людей, занимающихся подобными дѣлами, доносить о нихъ епископскому суду [1]).

Но безразличное отношеніе юристовъ и свѣтскихъ законодателей сдѣлалось еще болѣе значительнымъ въ XIII в., когда юриспруденція въ Европѣ начала развиваться и принимать опредѣленную форму. Странно послѣ дѣятельности, проявленной въ Англіи въ продолженіе англо-саксонскаго періода, отмѣтить молчаніе, которымъ обходятъ все, касающееся магіи, Глэнвиль, Брэктонъ, Де Флета и Бриттонъ. Послѣдній въ своихъ инструкціяхъ шерифамъ подробнѣйшимъ образомъ перечисляетъ преступниковъ, которыхъ должны преслѣдовать эти чиновники при своихъ объѣздахъ, а именно: вѣроотступниковъ и маловѣровъ; но онъ ничего не говоритъ о послѣдователяхъ магіи; также нѣтъ ничего о нихъ и въ подробныхъ инструкціяхъ, данныхъ шерифамъ Эдуардомъ I въ статутѣ въ 1283 — 84 гг.; однако въ 1287 г. Эксетерскій епископъ Петръ въ своихъ совѣтахъ исповѣдникамъ упоминаетъ чародѣевъ и поклонниковъ демоновъ, какъ преступниковъ, на которыхъ нужно накладывать эпитимію. Правда, Горнъ въ Myrror of Justice соединяетъ чародѣйство и ересь въ главѣ Majestas, или измѣна въ отношеніи Небеснаго Короля; можно предполагать, что за оба преступленія налагалось одно и то же наказаніе, но ни то, ни другое не преслѣдовалось энергично. То же можно сказать и относительно шотландскихъ законовъ, собранныхъ Скиномъ: Iter Camerarii заключаетъ подробныя наставленія о разслѣдованіяхъ, которыя долженъ производить королевскій камергеръ при своихъ инспекторскихъ объѣздахъ; но среди длиннаго перечня преступленій, которыя онъ долженъ преслѣдовать, не упоминается ни чародѣйства, ни волхованія [2]).

То же безразличное отношеніе находимъ мы и во французской юриспруденціи. Conseil Петра де Фонтена и, такъ называемые, Établissements de Saint-Louis не упоминаютъ о чародѣйствѣ. Livres de Jostice et de Plet, хотя и основаны на римскомъ правѣ, также не упоминаютъ чародѣйства въ длинномъ перечнѣ преступленій и наказаній, перечисленныхъ въ нихъ; тѣмъ не менѣе, случайно сказано, что государственный законъ примѣняется и къ тѣмъ, кто причиняетъ смерть отравленіемъ или чарами. Мало того, Бомануаръ, который, повидимому, знаетъ только о примѣненіи чародѣйства въ цѣляхъ возбужденія любви, говоритъ, что это преступленіе всецѣло подсудно церковному суду; виновные въ этомъ заблуждаются въ вѣрѣ и поэтому подсудны Церкви, которая призываетъ ихъ отказаться отъ заблужденій и въ случаѣ упорства осуждаетъ ихъ, какъ маловѣровъ; послѣ этого осужденные передаются свѣтской власти, которая предаетъ

---

[1]) Rogeri Bacon. «Epist. de Secretis Operibus Artis», c. I, II (M. R. Series, 523 — 7). — Th. Cantimprat. «Bonum universale», lib. II, c. 56.—Praecept. Antiq. Rotomagens. c. 109 (Bessin, «Concil. Rotomagens.» II, 67, 76).—Durandi «Specul. Juris», lib. IV, Partic. IV. Rubr. «de Sortilegiis».—Synod. Andegavens. ann. 1294, c. 2 (D'Achery, I, 737).

[2]) Britton, c. 29.—Owen's «Laws and Institutes of Wales» II, 910—2.—P. Exon. «Summula exigendi Confess.» (Harduin, VII. 1126).—Myrror of Justice, c. I, § 4; c. II, § 22; c. III, § 14.—«Regiam Majest. Scotiae» Edinburgi, 1609, fol. 163—7.

Библиотека "Руниверс"

ихъ смертной казни, если выяснится, что ихъ чародѣйства могутъ вызвать смерть мужчины или женщины; если нѣтъ основаній къ подобному опасенію, то виновныхъ заключаютъ въ тюрьму до исправленія. Такимъ образомъ, чародѣйство есть только ересь, подлежащая вѣдѣнію одной только Церкви, и наказаніемъ за которую, послѣ отреченія, является одна простая эпитимія; если же не раскаявшійся чародѣй передавался въ руки свѣтской власти, то свѣтскій судъ не сжигалъ его, какъ вальденца, отказавшагося дать клятву, а изслѣдовалъ и обсуждалъ характеръ ереси, и если она не влекла за собой смерти другого лица, то виновнаго заключали въ тюрьму только до того времени, пока онъ не отрекался отъ своихъ заблужденій. Итакъ, на чародѣйство смотрѣли, какъ на одну изъ наименѣе опасныхъ формъ ереси.

Юрисдикція, присвоенная Боманоаромъ духовному суду, была утверждена рѣшеніемъ Парижскаго парламента въ 1282 г. Дѣло шло по поводу нѣсколькихъ женщинъ, арестованныхъ въ Санлисѣ, какъ чародѣйки, и судимыхъ меромъ и эшевенами (старшинами). Епископъ Санлиса требовалъ ихъ себѣ, какъ виновныхъ въ преступленіи, подсудномъ ему; городскія власти заявили свои судебныя права на нихъ въ виду того, что было нанесеніе ранъ и пролитіе крови; обсудивъ внимательно дѣло, парламентъ рѣшилъ, чтобы женщины были переданы духовнымъ властямъ. Однако, законъ этотъ недолго примѣнялся. При старыхъ порядкахъ уголовнаго слѣдствія, когда осужденіе или оправданіе зависѣли отъ ордалій, отъ судебнаго поединка или отъ компургаціи, свѣтскіе суды не были вполнѣ въ состояніи опредѣлить виновность въ столь неясномъ преступленіи, и они охотно уступали подобныя дѣла судамъ духовнымъ. Но когда мало-по-малу распространилось примѣненіе пытки, то свѣтскія власти стали не менѣе духовныхъ искусны въ умѣньѣ исторгать сознанія и, такимъ образомъ, быстро присвоили себѣ право разбирать дѣла этого рода. На югѣ Инквизиція уже пріучила гражданскій судъ къ примѣненію пытокъ, и въ Тулузѣ королевскіе чиновники ведутъ уже въ 1274 и 1275 г.г. процессы вѣдьмъ и колдуновъ и предаютъ виновныхъ смертной казни. Въ сѣверной Франціи процессы тампліеровъ пріучили общественное мнѣніе къ пыткѣ и настолько хорошо показали ея дѣйствительность, что свѣтскіе суды скоро, не задумываясь, стали судить за чародѣйство. Въ 1314 г. въ Парижѣ была казнена по обвиненію въ чародѣйствѣ Петронилла де Валетъ. Она выдала одного торговца изъ Пуатье Петра и его племянника Перро; ихъ немедленно подвергли изгнанію, а ихъ имущество было секвестровано; но на мѣстѣ казни Петронилла отказалась отъ возведеннаго ею на нихъ обвиненія и поклялась вѣчною гибелью своей души, что оба они невинны. Петръ и Перро явились въ Парижъ и оправдались. 8-го мая 1314 г. парламентъ приказалъ сенешалю Пуату прекратить преслѣдованіе и снять секвестръ. Въ это время чародѣйство начинали уже преслѣдовать энергично, и вскорѣ оно стало преступленіемъ, подсуднымъ одновременно и духовнымъ и свѣтскимъ судамъ [1]).

Особенно сильно была заражена Испанія, такъ какъ сарацины при своихъ фаталистическихъ воззрѣніяхъ естественно увлекались искусствомъ волхованія; у нихъ, болѣе чѣмъ у остальныхъ народовъ Европы, изучались тайныя науки, и ихъ считали самыми искусными теоретиками и практиками чародѣйства. Въ Кордовской школѣ было два профессора астрологіи, три—некромантіи, пиромантіи и геомантіи, и одинъ—Artis Notoriae, и всѣ они ежедневно читали свои лекціи. Арабскіе библіографы насчитываютъ семь тысячъ семьсотъ авторовъ, изучавшихъ толкованіе сновъ, и столько же извѣстныхъ своимъ знаніемъ магіи; однако, въ это время среди испанскихъ мавровъ колдовство наказывалось смертью. Сношенія съ сарацинами вызвали и у христіанъ жажду къ запрещен-

[1]) Livres de Jostice et de Plet, 177—83, 284 (Dig. XLVIII. VIII, 3, Marcianus).—Beaumanoir, «Coutumes du Beauvoisis», cap. XI, §§ 25, 26.—Olim, II, 205, 619.—Vaissete, IV, 17—18; Chron. Bardin, ibidem, IV, Pr. 5.

Библиотека "Руниверс"

ному знанію, и когда христіанскій міръ вернулъ утраченныя земли, то въ покоренныхъ областяхъ было многочисленное населеніе, которому позволили сохранить свою религію и проповѣдывать вѣрованія, которыя производили на умы неотразимое дѣйствіе; и безрезультатно сжегъ Рамиро I Астурійскій въ 845 г. огромное число чародѣевъ и среди нихъ нѣсколькихъ евреевъ-астрологовъ. Эти проявленія строгости были скоропреходящи, и зло продолжало оставаться такъ же распространеннымъ, какъ будто противъ него не принималось никакихъ дѣйствительныхъ мѣръ, если судить по указаніямъ, которыя дѣлались относительно суевѣрій созываемыми время отъ времени соборами. Королева Уррака Кастильская въ началѣ XII вѣка говоритъ, что ея покойный супругъ Альфонсъ el Batallador Арагонскій страстно увлекался гаданіемъ и наблюденіемъ за полетомъ птицъ, что вообще было крайне распространено среди народа; около 1220 г. архіепископъ Сантъ-Яго Педро Муньосъ пріобрѣлъ такую громкую славу некроманта, что былъ, по распоряженію Гонорія III, заключенъ въ пустынь Св. Лаврентія. Древнее вестготское право, или Fuero Juzgo, было на время утеряно изъ виду среди многочисленныхъ мѣстныхъ fueros, дѣйствовавшихъ въ то время, пока въ XI в. оно не было возстановлено Фердинандомъ I Кастильскимъ. Въ XIII в. въ Арагоніи Яковъ I el Conquistador, передѣлавъ Fuero Арагоніи и обнародовавъ Fuero Валенсіи, ввелъ въ эти законы наказанія за чародѣйство, сходныя съ наказаніями, предписываемыми Fuero Juzgo [1]). Такимъ образомъ, вестготское законодательство вошло въ практику. Около половины XIII в. ученый юристъ Яковъ де Ласъ Лейесъ въ своихъ Flores de las Leyes, посвященныхъ Альфонсу Мудрому Кастильскому, отнесъ къ числу самыхъ тяжкихъ преступниковъ тѣхъ, кто колдовствомъ убиваетъ людей. Кодексъ, извѣстный подъ именемъ Las Siete Partidas, составленный Альфонсомъ Мудрымъ около 1260 г., но утвержденный кортесами лишь въ 1348 г., разсматриваетъ всѣ отрасли чародѣйства, какъ всецѣло подлежащія суду свѣтской власти, и разбираетъ этотъ вопросъ съ интересной раціоналистической точки зрѣнія. Кодексъ не усматриваетъ въ тайныхъ наукахъ ни малѣйшаго намека на ересь или преступленіе противъ вѣры; онъ признаетъ, что надо поощрять или преслѣдовать это искусство, смотря по тому, съ добрыми или злыми цѣлями оно употребляется. Астрологія признается одной изъ семи свободныхъ наукъ, такъ какъ заключенія свои она дѣлаетъ на основаніи теченія звѣздъ, какъ оно изложено Птолемеемъ и другими учеными: если астрологъ, спрошенный о нахожденіи какой-либо утерянной или украденной вещи, указываетъ, гдѣ ее можно найти, то потерпѣвшая сторона не можетъ предъявлять къ нему никакихъ требованій за понесенный ею ущербъ, такъ какъ ученый только отвѣтилъ согласно правиламъ своего искусства. Но если дѣло идетъ о какомъ-нибудь обманщикѣ, который притворялся, что онъ знаетъ то, чего на самомъ дѣлѣ не зналъ, то жалобщикъ можетъ требовать наказанія его, какъ простого чародѣя. Тѣ чародѣи и гадатели, которые утверждаютъ, что они могутъ узнать будущее и неизвѣстное благодаря предвѣщаніямъ, костямъ, гидромантіи, кристалломантіи или разсмотрѣнію головы умершаго или руки дѣвушки, всѣ они—пустые обманщики. Таковы же некроманты, вызывающіе злыхъ духовъ; ихъ дѣйствія противны Богу и гибельны человѣку. Наговоренное питье, любовные напитки, разныя изображенія, умѣнье возбуждать любовь или отвращеніе также осуждаются, такъ какъ часто вызываютъ смерть или неизлѣчимыя болѣзни; всякій, кто будетъ предаваться этому вводящему людей въ обманъ искусству, будетъ немедленно отданъ подъ судъ и, если виновность его будетъ доказана, преданъ смерти; всѣ же, кото-

[1]) José Amador de los Rios («Rivista de España», t. XVII, 382, 384—5, 388, 392—3; t. XVIII, 6).—Leyes de las Moras, tit. CLXXX («Tratadas de Legislacion Muhamedana», Мадридъ, 1853 г., стр. 143).—Concil. Legionens. ann. 1012, c. 19.—Concil. Compostellan. ann. 1301, c. 6.—Concil. Coyacens. ann. 1050, c. 4.—Concil. Compostellan. ann. 1056, c. 6 (Aguirre, IV, 388, 396, 405, 414).—Histor. Compostellan. lib. I, c. LXIV.—Pelayo, «Heterodoxos Españoles», I, 590.

Библиотека "Руниверс"

рые дадутъ виновному пріютъ, подвергнутся изгнанію. Но тѣ, кто прибѣгаетъ къ волхованію съ похвальными цѣлями, какъ напр., изгнаніе демоновъ изъ бѣсноватаго, снятіе чаръ, разлучающихъ супруговъ, отвращеніе градовой тучи или тумана, грозящаго гибелью жатвѣ, уничтоженіе гусеницъ или саранчи, тѣ не только не заслуживаютъ наказанія, а скорѣе благодарности [1]).

Наиболѣе древнее средневѣковое законодательство относительно этого было составлено въ Италіи. Въ первой половинѣ XII в. норманскій король Обѣихъ Сицилій Рожеръ грозилъ наказаніемъ всякому, кто составитъ любовный напитокъ, хотя бы онъ не причинилъ жертвѣ никакого вреда. Затѣмъ, въ древнѣйшихъ дошедшихъ до насъ статутахъ Венеціи, обработанныхъ въ 1181 г. дожемъ Орло Малипьери, мы также находимъ постановленія относительно отравленія и чародѣйства. Противники Фридриха II изъ духовенства обвиняли его въ томъ, что онъ окружаетъ себя астрологами и сарацинскими гадателями, которые даютъ ему совѣты и въ угоду ему гадаютъ по полету птицъ и по внутренностямъ жертвъ. Безъ сомнѣнія, Фридрихъ, раздѣляя общее мнѣніе своихъ современниковъ, держалъ при себѣ цѣлую фалангу астрологовъ, во главѣ которыхъ стоялъ извѣстный Ѳеодоръ, и даже самъ онъ занимался физіогномоніей; но онъ былъ чересчуръ большимъ скептикомъ, чтобы вѣрить въ народную магію. Онъ просто раздѣлялъ дурную славу покровительствуемаго имъ Михаила Скота, переведшаго для него философскіе трактаты Аверроеса и Авиценны. Кромѣ того, въ изданныхъ имъ законахъ, извѣстныхъ подъ именемъ Constitutiones Sicularienses, онъ подтверждалъ только упомянутый намп законъ Рожера и внесъ въ него оговорку, въ силу которой составляющіе любовные напитки или вредныя, запрещенныя и наговоренныя кушанья должны предаваться смертной казни, если жертва лишится жизни или разсудка; если же чары не причинятъ никакого зла, то чародѣй долженъ подвергнуться конфискаціи имущества и тюремному заключенію на одинъ годъ; но это было только уступкою духу времени. Фридрихъ позаботился снабдить эти постановленія примѣчаніемъ, гдѣ онъ прямо заявлялъ, что приписыванія извѣстнымъ напиткамъ или кушаньямъ способности вліять на любовь или гнѣвъ— пустая басня; въ своемъ кодексѣ онъ не упоминалъ ни о какомъ видѣ магіи. Въ латинскихъ королевствахъ Востока Assises Іерусалима и Assises Антіохіи ничего не говорятъ объ этомъ, если только не стараться найти намекъ на магію въ общей оговоркѣ, по которой Антіохійскія Assises повелѣваютъ наказывать смертью всѣхъ злодѣевъ. Однако, въ Италіи повсюду за чародѣйство полагались извѣстныя наказанія, и оно относилось къ компетенціи свѣтскихъ судовъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ одно мѣсто буллы Ad extirpanda, изданной въ 1252 г. Иннокентіемъ IV, приказывающее всѣмъ князьямъ поступать съ еретиками, какъ съ колдунами, и ставить ихъ внѣ закона въ общественномъ собраніи [2]).

---

[1]) Memorial Histórico Español, II, 243.—Partidas, P. VII, tit. IX, I, 17; tit. XXIII, I, 1, 2, 3.

[2]) Constit. Sicular. III, XIII, 1 3.—Cechetti, «La Repubblica di Venezia e la Corte di Roma», I, 15.—Chron. Senoniens. lib. IV, c. 4 (D'Achery, II, 631).—Huillard-Bréholles, «Introd.», стр. DXXV, DXXX.—Assises de Jérusalem, Baisse Court, c. 271 (Изд. Каузлера, Штутгардтъ, 1839 г.).—Mag. Bull. Rom. I, 91.

Мнѣніе о Фридрихѣ выразилось въ слѣдующихъ стихахъ:

«Amisit astrologos et magos et vates.
Beelzebub et Astaroth, proprios penates
Tenebrarum consulens per quos potestates
Spreverat Ecclesiam et mundi magnates.».

(Huillard-Bréholles, l. c).

Что касается Михаила Скота, то послѣдующія поколѣнія видѣли въ немъ не философа, а чародѣя:

«Michele Scotto fu, che veramente
Delle magiche frode seppe il giuoco.».

(Inferno, XX).

Библиотека "Руниверс"

Въ германскомъ законодательствѣ впервые упоминается о магіи въ Treuga Henrici, выработанномъ около 1224 г.; чародѣйство здѣсь приравнивается къ ереси, наказаніе за которую предоставлялось на усмотрѣніе судьи; но Kayser-Recht, Sachsische Weichbild и Richstich Landrecht ни слова не говорятъ о чародѣйствѣ. Въ Sachsenspiegel чародѣйство коротко поставлено рядомъ съ ересью и отравленіемъ, какъ преступленіе, за которое полагается костеръ. Та же мѣра предписывается и въ Schwabenspiegel; но въ позднѣйшей редакціи послѣдняго кодекса есть оговорка, предписывающая сжигать или предавать еще болѣе жестокой смерти всякаго—безразлично мужчину или женщину,—кто будетъ заниматься магіей или вызывать діавола особыми заклинаніями или какими-либо другими хитростями, такъ какъ, говорится тамъ, «люди эти отреклись отъ Христа и предались Сатанѣ». Это постановленіе, очевидно, предусматриваетъ только преступленіе противъ вѣры, не разбирая, былъ ли злой умыселъ совершенъ или только задуманъ. Дѣла эти, повидимому, были подсудны свѣтскимъ судамъ. Древнѣйшій кодексъ Прусскихъ Марокъ, около 1310 г., опредѣляетъ, какъ наказаніе для чародѣевъ, отрѣзаніе уха, клейменіе щеки раскаленнымъ желѣзомъ, изгнаніе или крупные штрафы; но о смертной казни упоминанія нѣтъ. У скандинавовъ законодательства, относящіяся къ этому преступленію, находятся въ сборникѣ Jarnsida, собранномъ въ 1258 г. Гакономъ Гаконсеномъ по желанію его подданныхъ, и въ почти тожественномъ кодексѣ Leges Gulathingenses, опубликованномъ въ 1271 г. сыномъ этого короля Магнусомъ Гаконсеномъ и въ теченіе 500 лѣтъ остававшемся общимъ правомъ въ Норвегіи. Волхвованіе, гаданіе и вызываніе умершихъ признаются преступленіями, за которыя не можетъ быть прощенія, и караются они смертью и конфискаціей имущества; но обвиняемый можетъ оправдаться, выставивъ соприсягателей, число которыхъ кодексомъ Jarnsida опредѣляется въ двѣнадцать и кодексомъ Гулы въ шесть, откуда видно, что это преступленіе было подсудно свѣтскимъ судамъ [1]).

Въ Швеціи мы не находимъ упоминанія о чародѣйствѣ въ законахъ, кодифицированныхъ въ XIII в. Андреемъ, архіепископомъ Лундена, но въ законахъ, опубликованныхъ королемъ Христоформъ въ 1441 г., полагается одинаковое наказаніе за покушеніе на жизнь человѣка ядомъ или чародѣйствомъ: колесованіе для мужчинъ и побиваніе камнями для женщинъ; обвиняемыхъ судилъ Noemd, нѣчто въ родѣ постояннаго суда, двѣнадцать членовъ котораго избирались отъ каждаго округа. Въ Даніи законы, дѣйствовавшіе до XVI в., были особенно легки. Обвиняемый имѣлъ право защищаться при посредствѣ избранныхъ имъ соприсягателей; наказаніемъ за первую вину была «notatio infamiae» и лишеніе причастія; въ случаѣ повторнаго преступленія—тюрьма; и, наконецъ, смертная казнь за преступное упорство. Древній кодексъ Шлезвига отъ XIII в. не даетъ никакихъ постановленій противъ чародѣйства, а также не даетъ ихъ и кодексъ свободныхъ фризовъ отъ XIV в. Эта снисходительность не обусловливалась исчезно-

---

Чудеса, произведенныя имъ, вспоминаются у Вальтеръ-Скотта въ «Lay of the Last Minstrel»:

«In these fair climes in was my lot
To meet the wondrous Michael Scott,
A wizard of such dreaded fame
That when in Salamanca's cave
Him listed his magic wend to wave,
The bells would ring in Notre-Dame.».

[1]) Treuga Henrici, № 21 (Böhlau, «Nove Constit. Dom. Alberti», Веймаръ, 1858 г., стр. 78).—Sachsenspiegel, lib. II, c. 13.—Schwabenspiegel, c. CXVI, § 12 (Изд. Senckenberg'a).—Cod. Uffenbach, c. CCLXXI, § 6.—Lilienthal, «Die Hexenprocesse der beiden Städten Braunsberg», Кенигсбергъ, 1861 г., стр. 70.—Jarnsida, Mannhelge, c. VI, XXV (изд. Hafniae, 1847 г., стр. 22, 46).—Leg. Gulathingens. Mannhelge-Bolkr, c. IV, XXV (изд. Hafniae. 1817, стр. 137, 197).

Библиотека "Руниверс"

ИНКВИЗИЦІОННЫЙ ТРИБУНАЛЪ.

(Les hommes du Saint-Office).

(Съ картины Жанъ-Поль Лоранса.—Люксембургскій музей въ Парижѣ).

Библиотека "Руниверс"

вѣніемъ старыхъ суевѣрій, такъ какъ Олафъ Великій всѣ сѣверныя страны опредѣлялъ, какъ «истинное мѣстопребываніе Сатаны» [1]). Въ смѣшанной массѣ этого законодательства можно замѣтить, что послѣ XIII в. появляется тенденція къ увеличенію строгости.

Одинъ фактъ показываетъ намъ, какъ мало еще въ XIII в. Церковь обращала вниманія на чародѣйство. Когда была устроена Инквизиція, то этотъ разрядъ преступленій долгое время оставался внѣ ея юрисдикціи. Соборъ 1248 г. въ Валенсіи, поручая инквизиторамъ преслѣдованіе еретиковъ, предписалъ выдавать чародѣевъ епископамъ, которые будутъ ихъ заключать въ тюрьму или наказывать какъ-нибудь иначе. Затѣмъ, въ теченіе шестидесяти лѣтъ, вопросъ поднимался на различныхъ соборахъ и сталъ предметомъ все возрастающаго вниманія; но единственнымъ наказаніемъ, грозившимъ виновнымъ, было отлученіе отъ Церкви. Трирскій соборъ 1310 г., весьма тщательно перечисляющій запрещенныя науки, очень ясно предписываетъ приходскимъ священникамъ не допускать преступныхъ дѣяній; но въ случаѣ неповиновенія онъ опредѣляетъ наказаніемъ только отказъ въ причастіи, сопровождаемый при упорствѣ отлученіемъ отъ Церкви и другими законными карами, которыми располагали епископскіе судьи. Это, по-истинѣ, почти необъяснимая снисходительность. Впрочемъ, Церковь старалась проявить себя болѣе разсудительной, чѣмъ простой народъ, какъ это видно изъ случая, имѣвшаго мѣсто въ 1279 г. въ Руффахъ въ Эльзасѣ. Одна доминиканка была обвинена въ томъ, что окрестила восковую фигурку съ соблюденіемъ пріемовъ чародѣекъ, желающихъ погубить врага или привлечь сердце] возлюбленнаго. Крестьяне вытащили ее въ поле и сожгли бы живою, если бы монахи не успѣли освободить ее [2]).

Постановленія Церкви отъ этой эпохи засвидѣтельствованы Астесаномъ д'Асти, самымъ выдающимся законовѣдомъ своего времени, писавшимъ въ 1317 г. Перечисливъ жестокія наказанія, предписываемыя государственными законами, онъ добавляетъ, что каноны, насколько вопросъ касается чародѣйства, налагаютъ сорокадневную эпитимію; если грѣшникъ отказывается подчиняться этой эпитиміи, то его слѣдуетъ отлучить отъ Церкви, если онъ мірянинъ, и заточить въ монастырь, если онъ духовный. Въ случаѣ упорства въ заблужденіи онъ долженъ быть подвергнутъ бичеванію, если онъ рабъ, и заключенъ въ тюрьму, если онъ свободный человѣкъ. Епископы должны изгонять изъ своихъ епархій всѣхъ тѣхъ, кто предается чародѣйству; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ эта мѣра сопровождается похвальнымъ обычаемъ коротко обрѣзать одежду и волосы виновнымъ. Вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли признавать не имѣющими право отправлять свои духовныя обязанности священниковъ, которые примѣняютъ при чародѣйственныхъ обрядахъ евхаристію, св. муро, св. воду или которые крестятъ куклы, остается еще не разрѣшеннымъ, и относительно его доктора высказываютъ различныя мнѣнія; въ случаѣ сомнѣнія Астесанъ полагаетъ, что вѣрнѣе по отношенію этихъ духовныхъ отрѣшать ихъ временно отъ должности [3]).

Такимъ образомъ, до самой середины XIV в. Церковь выказывала себя склонной относиться чрезвычайно снисходительно къ простонароднымъ пріемамъ колдовства и чаро-

---

[1]) «Leges Scaniae Prov.» Andreae Simonis Archiepisc. Lunden. (Thorsen, «Skanske Lov», Копенгагенъ 1853 г.).— Ragnald. Ingermund. «Leges Suecor.» lib. X, c. 5 (Stockholmiae, 1614).— Canut Episc. Vibergens. «Exposit. Legum Juciae», lib. III, c. LXIX (Hafniae, 1508). — Ancher, Farrago Legum Antiq. Daniae» (Hafniae, 1776). — Leges Opstalbomicae, ann. 1323 (Gaertner, «Saxonum Leges Tres», Лейпцигъ. 1730).— Olai Magni «de Gent. Septentrion.» lib. III, c. 22.

[2]) Concil. Valentin. ann. 1248, c. 12 (Harduin, VII, 427).—Concil. Cenomanens. ann. 1248 (Martène, «Ampl. Coll.» VII, 1377).—Concil. Mogunt. ann. 1261, c. 30 (Hartzheim, III, 604).— Concil. Nugaroliens. ann. 1290, c. 4 (Harduin, VII, 1161).—Concil. Baiocens. ann. 1300, c. 63 (Ibidem, VII, 1234).—Concil. Treverens. ann. 1310, c. 79—84 (Martène, «Thesaur.», IV, 257—8).— Concil. Palentin. ann. 1322, c. 24 (Harduin, VII, 1480).— Concil. Salmanticens. ann. 1335, c. 15 (Ibidem, VII, 1973—4).—Annal. Domin. Colmariens. ann. 1279 (Urstisii II, 16).

[3]) Astesani «Summae de Casibus Conscientiae», P. I, lib. I, tit. XIV.

Библиотека "Руниверс"

дѣянія. Въ это же время направленіе Церкви измѣнилось, и конечнымъ результатомъ этой перемѣны была ужасная эпидемія колдовства, къ которой мы вернемся ниже. Первоначальная отвѣтственность за эти несчастія падаетъ на Инквизицію. Святой Трибуналъ, закончивъ свое внутреннее устройство и начавъ мало-по-малу сознавать свою силу, естественно стремился расширить сферу своей дѣятельности; въ 1257 г. онъ обратился къ Александру IV съ вопросомъ, слѣдуетъ ли ему принять въ свое вѣдѣніе преступленія гаданія и чародѣйства. Въ отвѣтъ на это Александръ выпустилъ буллу Quod super nonnullis, которую неоднократно повторяли его преемники; Александръ въ своей буллѣ говоритъ, что инквизиторы не должны отвлекаться отъ своихъ прямыхъ обязанностей посторонними дѣлами; преступленія, о которыхъ идетъ рѣчь, должны оставаться въ вѣдѣніи прежнихъ судей, если только они не связаны съ ересью. Въ концѣ вѣка это правило было внесено Бонифаціемъ VIII въ каноническое право. Инквизиціи удалось добиться своего; и она не замедлила распространить свою юрисдикцію и на это. Въ 1270 г., когда благочестивый Альфонсъ Тулузскій и его жена Іоанна, передъ отъѣздомъ въ крестовый походъ въ Тунисъ, издали въ Эгъ-Мортъ (Aigues-Mortes) дипломы, предоставляющіе Инквизиціи исключительное право судить всѣхъ тѣхъ ихъ слугъ, которые отрекутся отъ вѣры, впадутъ въ ересь, предадутся магіи, колдовству и клятвопреступленію, то декретъ этотъ сдѣлалъ могущество Инквизиціи безграничнымъ. Несомнѣнно, этимъ расширеніемъ юрисдикціи Инквизиціи слѣдуетъ объяснить то обстоятельство, что съ этого времени преслѣдованіе магіи стало производиться съ возрастающей жестокостью [1]).

Постановленіе Александра IV оставляло не рѣшеннымъ и открытымъ цѣлый рядъ трудныхъ вопросовъ относительно того, какова степень ереси въ примѣненіи тайныхъ наукъ; но съ теченіемъ времени во всѣхъ этихъ пунктахъ пришли къ соглашенію «въ пользу вѣры». Тонкая казуистика инквизиторовъ не ограничилась тѣмъ, что признала еретическимъ призываніе демоновъ и договоры съ Сатаной. Чтобы изображеніе получило силу, его надо было окрестить, а это обличало еретическое ученіе о таинствѣ крещенія; также было оскверняемо таинство евхаристіи, такъ какъ къ нему прибѣгали при различныхъ обрядахъ суевѣрія. Было почти невозможно сдѣлать что-либо изъ того, что совершалъ чародѣй, чтобы открыть будущее или найти украденныя вещи, чтобы не быть обвиненнымъ въ томъ, что инквизиторы называли, хотя бы и молчаливымъ, призываніемъ демоновъ. Въ этомъ инквизиторы могли ссылаться на авторитетъ Іоанна Салисберійскаго, который уже въ XII в. утверждалъ, что всякое гаданіе есть не что иное, какъ призываніе демоновъ, такъ какъ, если чародѣй не совершаетъ дѣйствительныхъ жертвоприношеній, то онъ, тѣмъ не менѣе, приноситъ въ жертву себя самого, совершая магическіе обряды. Эти хитросплетенія не примѣнялись на практикѣ, но мало-по-малу дошли до слѣдующей геніальной дилеммы: человѣкъ, призывающій демона и думающій, что онъ не совершаетъ при этомъ грѣха, является безспорнымъ еретикомъ; если онъ знаетъ, что онъ совершаетъ грѣхъ, то онъ не еретикъ, но заслуживаетъ причисленія его къ еретикамъ, такъ какъ надежда, что демонъ можетъ сказать правду, есть уже признакъ ереси. Вопрошать демона, даже и не поклоняясь ему, о томъ, что зависитъ отъ воли Бога, или отъ воли человѣка, или отъ будущаго, есть доказательство еретическихъ мнѣній, признающихъ могущество демоновъ. Однимъ словомъ, какъ выразился Сильвестръ Маццолини изъ Пріеріо, нѣтъ надобности отыскивать побужденія тѣхъ, кто призываетъ демоновъ; они всегда еретики, дѣйствительные или предполагаемые. Согласно подобному толкованію признавались еретическими любовные напитки и приворотныя зелья, равно какъ талисманы и чары для врачеванія болѣзней, простое колѣнопреклоненіе, оборачиваніе лицомъ къ востоку при

[1]) Raynald. ann. 1258, № 23.—Potthast, №№ 17745, 18396.—Eymeric. 133.—C. 8, § 4, Sexto V. 2.—Chron. Bardin. ann. 1270 (Vaissete, IV. Pr. 5).

Библиотека "Руниверс"

чтеніи Отче Нашъ, однимъ словомъ, всѣ хитрости, къ которымъ прибѣгали обманъ и суевѣріе, чтобы снискать довѣріе толпы. Алхимія считалась одной изъ семи демоническихъ наукъ, такъ какъ для превращенія металловъ было необходимо вмѣшательство Сатаны, а философскій камень можно было найти только путемъ чаръ и колдовства; однако, Роджеръ Бэконъ въ своемъ рвеніи къ практическимъ знаніямъ утверждаетъ, что можно достигнуть въ этомъ хорошихъ результатовъ чисто-естественными средствами и добиться, такимъ образомъ, возможности продлить человѣческую жизнь на нѣсколько столѣтій [1]). Въ 1328 г. Каркассонская Инквизиція осудила Art de saint Georges, научавшее разыскивать зарытые въ землѣ клады: наливали масла на ноготь, произнося извѣстныя заклинанія, затѣмъ приводили мальчика и приказывали ему смотрѣть, какое отраженіе видитъ онъ въ маслѣ. Была еще Ars notoria, открытая Богомъ Соломону и переданная послѣдующимъ поколѣніямъ Аполлоніемъ Тіанскимъ: это искусство объясняло силу Именъ и Словъ Бога и дѣйствовало при помощи молитвъ и формулъ, заключавшихся въ таинственныхъ и многосложныхъ словахъ, при посредствѣ которыхъ въ теченіе одного мѣсяца можно было получить знаніе, память, краснорѣчіе и добродѣтель. Въ этой безобидной фантазіи Роджеръ Бэконъ видитъ одно изъ пустыхъ измышленій чародѣевъ; но Ѳома Аквинатъ и Сируело утверждаютъ, что вмѣшательство демона необходимо для достиженія въ этомъ своей цѣли. Въ 1323 г. былъ арестованъ въ Парижѣ монахъ за то, что у него нашли книгу, посвященную этимъ вопросамъ; книга была сожжена, монахъ же избѣжалъ подобной участи благодаря тому, что отрекся и подчинился эпитиміи. Мѣсто, удѣляемое для Ars notoria Астесаномъ, и усилія, которыя онъ употребляетъ, чтобы доказать разомъ и тщетность ея и беззаконность, показываютъ, что въ его эпоху это искусство пользовалось большимъ распространеніемъ; въ концѣ XV Анджело да Кивассо въ своихъ наставленіяхъ исповѣдникамъ упоминаетъ объ этомъ въ числѣ грѣховъ, о которыхъ всегда долженъ спрашивать священникъ; онъ добавляетъ, что люди, предающіеся этому искусству, обыкновенно теряютъ разсудокъ [2]).

Наиболѣе распространенной и наиболѣе привлекавшей вниманіе законодателей изъ скрытыхъ наукъ была астрологія. Знаніе чисто-восточное, неизвѣстное первымъ арійцамъ

---

[1]) Archives de l'Inquis de Carcass. (Doat, XXVII, 7).—Bern. Guidon. «Practica», P. III, c. 42, 43.—Th. Aquin. «Summ. Sec. Sec.» XC, 2; XCV, 4.—Johann. Saresberiens. «Polycrat.» c. XXVIII.—Bern. Basin, «de Artibus Magiae», conclus. III—IX.—Prieriat. «de Strigimagar.» lib. III, c. 1.—Eymeric. 342, 443.—Alonso de Spina, «Fortalic. Fidei», fol. 51, 284.—«Revelat.» Si Brigittae lib. VII, c. 28.—Archidiac. «Gloss.» super c. «accusatus», § sane (Eymeric. 202).—Rogeri. Bacon. «Op. Tert.» c. XII; «Epist. de Secret. Operibus Artis», c. VI, VII, IX—XI.

Въ 1473 году кармелиты Болоньи выступили съ утвержденіемъ, что спрашивать предсказанія у демоновъ не есть преступленіе ереси; Сикстъ IV немедленно приказалъ произвести разслѣдованіе, результаты котораго велѣлъ переслать себѣ запечатанными.—Pegnae «Append. ad Eymeric.» 82.

Бернардъ Комскій выставляетъ слѣдующую странную теорію, что нѣтъ ничего еретическаго въ призываніи демона съ цѣлью добиться запрещенной любви женщины, такъ какъ роль искусителя составляетъ одно изъ свойствъ Сатаны.—Bernardi Comensis «Lucerna Inquisit.» s. v. «Daemones», № 2.

Въ 1471 г. францисканцы-обсервантины приравнивали книгопечатаніе къ алхиміи, считая его достойнымъ порицанія искусствомъ, примѣненіе котораго было запрещено подъ угрозой опалы и изгнанія. Братъ Іоаннъ Нейзеезеръ преступилъ это правило и вѣроотступнически примкнулъ къ партіи конвентуаловъ, предъявлявшихъ менѣе строгія требованія.—Chron. Glassberger, ann. 1471.

[2]) Doat, XXVII, 7; XXX, 185.—Rogeri Bacon. «Epist. de Secretis operibus Artis», c. III.—Th. Aquin. «Summa Sec. Sec.» XCVI. I.—Ciruelo, «Reprovacion de las Superstitiones», P. III, c. 1.—Grandes Chroniques, V, 272.—Guill. Nangiac Contin. ann. 1323.—Savonarola, «Contra l'Astrologia», Vinegia, 1536, fol. 33.—«Ars Notoria», ap. Cornell. Agrippae «Opera», Ed. Lugduni, I, 606.—«The Notoryart of Solomon», translated by Robert Turner, London 1657.—Astesani «Summae», I, LXV.—Angeli de Clavasio «Summa Angelica» s. v. «Interrogationes», «Superstitio § 3.

Библиотека "Руниверс"

отъ Индостана до Скандинавіи, астрологія зародилась въ равнинахъ Халдейской земли и въ долинѣ Нила. Когда римское господство распространилось за предѣлы Италіи, то это искусство было однимъ изъ крупныхъ факторовъ, занесенныхъ съ Востока и измѣнившихъ характеръ римскаго общества. Послѣ короткой борьбы астрологія упрочилась въ Римѣ, замѣнивъ собою въ значительной степени мѣстное знаніе авгуровъ и гаруспексовъ. Въ началѣ императорской эпохи извѣстное знаніе вліянія звѣздъ обыкновенно входило въ курсъ обученія свободнымъ наукамъ. Основанія, вызвавшія запрещеніе искусства гаруспексовъ, именно стремленіе опредѣлить годъ смерти императора, повлекли цѣлый рядъ суровыхъ эдиктовъ противъ халдеевъ или астрологовъ; причемъ эдикты эти издавались императорами, которые сами обращались за совѣтами къ астрологамъ. Но всѣ репрессіи не вели ни къ чему. Человѣческое легковѣріе было очень плодородной почвой, чтобы оставлять ее въ покоѣ, и астрологовъ, какъ говоритъ Тацитъ, постоянно изгоняли и всегда удерживали. Ихъ наука была настолько сложная, что прочнаго знанія ея могли достигать только люди, особо богато одаренные и цѣною упорнаго труда; но чтобы эти знанія сдѣлать достояніемъ всѣхъ, ихъ суживали, ограничивая ихъ наблюденіемъ надъ звѣздами и представляя результаты этихъ наблюденій при помощи діаграммы и таблицъ Петозириса. Описаніе этихъ таблицъ, приписываемое преподобному Бедѣ, показываетъ, какъ языческія суевѣрія были перенесены къ сѣвернымъ расамъ и съ какою жадностью были они приняты, несмотря на то, что Св. Августинъ старался показать, что ложно приписывать извѣстное вліяніе небеснымъ тѣламъ, и несмотря на то, что Церковь считала эти вѣрованія проистекавшими изъ ученія Манеса [1]).

Мы уже видѣли, что Альфонсъ Мудрый Кастильскій отнесъ астрологію къ числу свободныхъ наукъ; слѣпая вѣра, съ которой смотрѣли повсюду на эту науку въ средніе вѣка, распространила ее такъ широко, что ее трудно было осудить. Выше я упомянулъ, съ какимъ довѣріемъ относился Фридрихъ II къ своимъ астрологамъ; а Равеннскій архіепископъ, ведя въ качествѣ папскаго легата крестовый походъ противъ Эццелино да Романо, имѣлъ при себѣ астролога; и самъ Эццелино былъ окруженъ множествомъ астрологовъ, совѣты которыхъ подвинули его на послѣднее и гибельное предпріятіе. Принципы этой науки были настолько общераспространены, что въ 1305 г. коллегія кардиналовъ, посылая Клименту V призывъ вернуться въ Римъ, указывала папѣ, что всякая планета получаетъ maximum своей силы въ своей собственной mansio. Савонарола утверждаетъ, что въ концѣ XV в. люди, имѣвшіе возможность держать при себѣ астрологовъ, ничего не предпринимали безъ ихъ совѣтовъ; нужно ли было сѣсть на лошадь или въ лодку, заложить фундаментъ дома или сшить новое платье, всегда присутствовалъ астрологъ съ астролябіей въ рукахъ, чтобы указать благопріятный моментъ. Кромѣ того, говоритъ онъ, даже сама Церковь управлялась астрологіей; при всякомъ прелатѣ находился астрологъ, направлявшій всѣ его дѣйствія. Нужно отмѣтить, что астрологія не упоминается, какъ нѣчто запрещенное, въ формулахъ инквизиторскихъ допросовъ въ XIII и XIV в.в. Мы не встрѣчаемъ книгъ по астрологіи въ осужденіи, вынесенномъ въ 1290 г. инквизиторомъ и епископомъ Парижа, архіепископомъ Санскимъ и магистрами университета, относительно книгъ, посвященныхъ гаданію и магіи, некромантіи, геомантіи, пиромантіи, гидромантіи и хиромантіи, противъ книги Dix Anneaux de Vénus, противъ Babylone grecque и Babylone germanique; противъ книгъ: Quatre Miroirs, Images de Tobie ben Tricat, Images de Ptolémée; книги Hermès le Magicien à Aristote; въ послѣдней книгѣ, полученной, какъ говорили, отъ Бога Аросомъ или Гавріиломъ,

[1]) Tacit. «Annal.» II, 28—32; III, 22; XII, 14, 52, 68; «Histor.» II, 52.—Zonarae t. II (стр. 185, 192).—Sueton. «Vitell.» 14.—Tertull. «de Idolat.» IX.—Lib. IX Cod. XVIII, 2.—Prudent. «contra Symmach.» II, 449—57.—Bedae «Opera», изд. Migne'a, I, 963—66.—Augustin. «de Civit. Dei», lib. V, c. 1—7.—Concil. Bracarense I, ann. 563, cap. 10.

Библиотека "Руниверс"

заключались ужасныя заклинанія и отвратительные пріемы окуриванія. Не упоминается также астрологія и въ индексѣ, изданномъ Парижскимъ университетомъ въ 1398 году: блестящій кардиналъ Петръ д'Айльи употребилъ свою огромную ученость на распространеніе вѣры въ истинность этой науки. Съ другой стороны, уже въ XII в. Іоаннъ Салисберійскій, рѣшительно утверждая, что грубо преувеличили могущество звѣздъ, заявляетъ, что астрологія запрещена и наказуема Церковью, что она лишаетъ человѣка свободной воли, вселяя въ него фатализмъ, и доводитъ до идолопоклонства, перенося всемогущество Бога на его бездушныя созданія. Онъ добавляетъ, что онъ зналъ много астрологовъ, но не видалъ ни одного, на котораго не обрушился бы небесный гнѣвъ. Это мнѣніе сдѣлалось ученіемъ Церкви въ той формѣ, какъ его излагаетъ Ѳома Аквинатъ.

Послѣдній установилъ слѣдующее различіе: если астрологія предсказываетъ естественныя явленія, какъ, напр., засуху или дождь, она разрѣшима; но если она занимается угадываніемъ будущаго, зависящаго отъ свободной воли человѣка, то она нуждается въ содѣйствіи демоновъ и не можетъ быть допускаема. Цангино говоритъ, что, хотя эта наука и находится въ числѣ семи свободныхъ наукъ, и хотя она не запрещается закономъ, тѣмъ не менѣе, она являетъ нѣкоторую наклонность къ идолопоклонству и отвергается канонистами. Дѣйствительно, какъ въ теоріи, такъ и на практикѣ, многія частности этой науки сильно отзывались ересью не только благодаря призыванію діавола, но и потому что невозможно было заниматься астрологіей, не отрицая свободной воли человѣка и не допуская молча фатализма. Основнымъ положеніемъ этой мнимой науки было вліяніе, которое оказывало на судьбу и характеръ людей положеніе знаковъ зодіака и звѣздъ въ часъ рожденія; поэтому не было возможности, несмотря ни на какое геніальное краснорѣчіе, доказать, что при этомъ отрицалось всемогущество Бога и отвѣтственность человѣка. Даже самъ Роджеръ Бэконъ не могъ доказать этого. Онъ допускалъ, что звѣзды руководили дѣлами людей, что характеръ всякаго человѣка предопредѣлялся видомъ небесъ въ день его рожденія и что можно узнавать прошедшее и будущее при помощи таблицъ, которыя онъ самъ много разъ тщетно старался составить; но онъ допустилъ грубую ошибку противъ логики, думая, что можно оградить человѣка противъ этого вліянія, сохраняя на бумагѣ свободную волю человѣка [1]).

Такимъ образомъ, всѣ астрологи были вынуждены, уже въ силу своей профессіи, ждать съ часу на часъ вызова въ Инквизицію. Если этого не случалось болѣе часто, то, безъ сомнѣнія, потому, что всѣ классы Церкви и Государства, начиная съ самаго низшаго и до самаго высшаго, вѣрили въ астрологію и покровительствовали астрологамъ; чтобы пустить въ ходъ преслѣдованіе, нужно было какое-либо изъ ряду вонъ выходящее безумство.

Поэтому легко можно понять дѣло знаменитаго Петра д'Абано или д'Апоно. Онъ считался самымъ выдающимся магомъ своего времени; эту славу онъ пріобрѣлъ благодаря своимъ выдающимся медицинскимъ познаніямъ. Мы не имѣемъ никакихъ подробностей относительно предъявленныхъ къ нему Инквизиціей обвиненій, но, безъ сомнѣнія, нетрудно было найти самые широкіе мотивы къ его обвиненію. Въ своемъ Conciliator Differentium, написанномъ въ 1303 г., Петръ, не ограничиваясь доказательствомъ, что астрологія необходима въ медицинѣ, приписываетъ звѣздамъ силу, которая, дѣйствительно, лишала

[1]) Rolandini «Chron.» lib. XII, c. 2 (Murator. «S. R. I.» VIII, 344).—Monach. Patavin. «Chron.» (Ibidem, VIII, 705).—Raynald. ann. 1305, № 7.—Savonarola, «contra l'Astrologia», fol 25.—Villari, «Storia di Savonarola» изд. 1887 г. I, 197—8.—Mss. Bib. Nat. fonds latin, N. 14930 fol. 229—30.—Doat, XXXVII, 258.—Bernardi Guidon. «Practica», P. V.—Johann. Saresberiens. «Polycrat.» II. XIX, XX, XXV, XXVI.—Th. Aquin. «Summa Sec. Sec.» XCV.—Zanchini «Tract. de Haeret.» c. XXII.—D'Argentré, I. I, 263; II, 154.—Eymeric. 317.—Manilii «Astron.» lib. IV.—Rogeri Bacon «Op. Tert.» c. XI (M. R. Series I. 35 - 6. Cf. 559—61).

Библиотека "Руниверс"

Бога управленія людскими дѣлами. Потопъ случился тогда, когда міръ находился подъ вліяніемъ Марса, благодаря соединенію планетъ въ знакѣ Рыбъ; вліяніе луны вызвало смѣшеніе языковъ, равно какъ гибель Содома и Гоморры и исходъ изъ Египта. Но онъ выставлялъ еще болѣе ужаснымъ образомъ нечестіе Аверроеса, утверждая, что соединеніе Сатурна и Юпитера въ головѣ Беліера, явленіе, совершающееся каждые 960 лѣтъ, вызываетъ потрясеніе монархій и религій, какъ это свидѣтельствуютъ появленія Навуходоносора, Моисея, Александра Великаго, Христа и Магомета—теорія, нечестіе которой еще болѣе ужасно, чѣмъ хронологія [1]). И нельзя удивляться, что Инквизиція захватила человѣка, громкое имя котораго популяризировало подобныя ученія въ Падуанскомъ университетѣ, тѣмъ болѣе, что у него было большое состояніе, которое можно было конфисковать. Петръ, говорятъ, ускользнулъ сначала отъ когтей Св. Трибунала; но, повидимому, онъ спасся только благодаря покаянію и отреченію, такъ какъ во второй разъ его преслѣдовали, какъ рецидивиста. По всей вѣроятности, его сожгли бы живымъ, если бы онъ не умеръ, какъ разъ во-время, въ 1316 г. до окончанія своего дѣла; однако, его постигло посмертное осужденіе; одни говорятъ, что кости его были сожжены; по другой версіи, его вѣрная любовница Маріетта тайно перенесла трупъ, и было сожжено лишь его изображеніе. Если вѣрить Бенвенуто да Имола, Петръ на смертномъ одрѣ потерялъ свою вѣру въ звѣзды. Онъ сказалъ своимъ друзьямъ, что онъ посвятилъ свою жизнь тремъ славнымъ наукамъ: философія изощрила его умъ; медицина обогатила его; астрологія сдѣлала изъ него лжеца. Имя его сохранилось въ исторіи, какъ имя самаго искуснаго некроманта, ни одно чудо не казалось черезчуръ невѣроятнымъ, чтобы ему не вѣрили. Падуя воздвигла ему статую, какъ одному изъ славнѣйшихъ своихъ сыновъ; Фридрихъ, герцогъ Урбинскій, также воздалъ должное его славѣ. Наравнѣ съ Соломономъ, Гермесомъ и Птолемеемъ имя Петра д'Абано жило, пока процвѣтала магія; онъ былъ однимъ изъ тѣхъ, могущество которыхъ упоминалось въ началѣ различныхъ произведеній, посвященныхъ заклинаніямъ и тайнымъ наукамъ [2]).

Такова же, но еще болѣе поучительна, была участь Чекко д'Асколи; въ молодые еще годы онъ выдвинулся, какъ адептъ свободныхъ наукъ, и посвятилъ себя астрологіи, гдѣ вскорѣ заслужилъ имя самаго свѣдущаго изъ своихъ современниковъ. Тщеславіе понудило его объявить себя самымъ ученымъ астрологомъ міра со временъ Птолемея, а его рѣзкій и мелочный умъ создалъ ему массу враговъ. Смотря на астрологію, какъ на науку, онъ не преминулъ изъ нея сдѣлать нѣчто въ родѣ ереси, какъ ее опредѣлялъ Ѳома Аквинатъ. Участь человѣка, родившагося подъ опредѣленнымъ видомъ небесъ, была предопредѣлена сочетаніемъ звѣздъ; ему заранѣе было суждено быть бѣднымъ или богатымъ, счастливымъ или несчастнымъ, добродѣтельнымъ или порочнымъ, если только Богъ нарочно не вмѣшается, чтобы отвратить естественный ходъ природы. Чекко хвастался, что можетъ чи-

---

[1]) P. de Abano «Conciliator Differenl. Philos.» Diff. IX, X (Venetiae, 1494, fol. 14—15).—Cf. Albumasar, «de Magnis Conjunctionibus», Tract. III. Diff. I (Aug. Vindel. 1489).

«Conciliator» пользовался широкимъ распространеніемъ. Въ предисловіи къ изданію 1494 г. говорится о четырехъ напечатанныхъ ранѣе изданіяхъ; новыя продолжали появляться до 1596 г. Довольно странно, что книга эта ни разу не была внесена въ испанскій и итальянскій индексы, тогда какъ она имѣется въ лиссабонскомъ индексѣ 1624 г. (Reusch, «Der Index der verbotenen Bücher», I, 35).

[2]) Bayle, s. v. «Apone».—G. Naudé, «Apologie pour les Grands Hommes», ch. XIV.—Muratori, «Antiq. Ital.» III, 374—5.

Относительно печатныхъ произведеній, приписываемыхъ Петру д'Абано, см. Grässe, «Bibliotheca Magica et Pneumatica» (Лейпцигъ, 1843 г.). Наибольшей извѣстностью пользуется «Heptameron seu Elementa Magiae», трактатъ о призываніи демоновъ, изданный вмѣстѣ съ произведеніями Корнелія Агриппы; но это неполный текстъ; существуетъ болѣе полный и лучшій среди рукописей Національной Библіотеки, fond latin, № 17870.

Библиотека "Руниверс"

тать мысли человѣка или угадать, что у него зажато въ рукѣ, зная время его рожденія и сравнивъ эту дату съ даннымъ положеніемъ звѣздъ, такъ какъ никто не могъ сдѣлать или подумать что-либо другое, чѣмъ то, что было неизбѣжно въ ту или другую минуту, благодаря вліянію звѣздъ. Все это было не согласуемо съ ученіемъ о свободной волѣ; это значило ограничивать вмѣшательство Бога и освобождать человѣка отъ отвѣтственности за свои поступки; однимъ словомъ, это было ученіе явно еретическое. Его многочисленныя предсказанія о судьбѣ Людовика Баварскаго, Каструччіо Каструкани, Карла Калабрійскаго, старшаго сына Роберта Неаполитанскаго, исполнились и доставили ему огромную популярность; но такъ какъ всѣ эти предсказанія не были плодомъ божескаго откровенія, но результатомъ астрологическихъ предвидѣній, то они заключали въ себѣ запрещенную теорію фатализма. Чекко сдѣлался оффиціальнымъ астрологомъ Карла Калабрійскаго; но его увѣренность въ своемъ знаніи и его дикая независимость сдѣлали его непригоднымъ для придворной жизни. При рожденіи княжны (по всей вѣроятности, знаменитой Іоанны I) онъ заявилъ, что, согласно указанію звѣздъ, она будетъ не только склонна, но прямо вынуждена продать свою честь; эта, пришедшаяся не ко двору, истина лишила его мѣста, и онъ поселился въ Болоньѣ, гдѣ открыто проповѣдывалъ свою науку. Къ несчастью для себя, онъ развилъ свою теорію въ комментаріяхъ на Sphaera Сакробоско [1]). Виллани передаетъ, что въ своихъ комментаріяхъ онъ поучалъ, какимъ образомъ можно посредствомъ заклинаній при извѣстныхъ созвѣздіяхъ заставить злыхъ духовъ производить чудеса; но ясно, что это лишь простой отголосокъ народной молвы: подобныя дѣйствія совершенно не соотвѣтствовали познавательнымъ способностямъ Чекко, кромѣ того, о нихъ не упоминается въ дѣлѣ Инквизиціи. Однако, смѣлость Чекко сдѣлала его книгу ненавистной для набожныхъ людей. Примѣняя свои теоріи, онъ составилъ гороскопъ Іисуса Христа и показалъ, какъ Вѣсы, восходящіе на десятую степень, сдѣлали необходимой крестную смерть; что Іисусъ обязательно долженъ былъ родиться въ ясляхъ, такъ какъ Козерогъ занималъ уголъ по отношенію къ землѣ; что Спаситель былъ бѣденъ, такъ какъ Скорпіонъ при его рожденіи находился во второй степени; наконецъ, Іисусъ былъ одаренъ глубокой мудростью, такъ какъ Меркурій занималъ свою собственную mansio въ девятомъ отдѣленіи неба. Подобнымъ же образомъ Чекко установилъ, что Антихристъ долженъ придти черезъ 2000 лѣтъ послѣ Христа и что онъ явится въ видѣ храбраго воина, окруженнаго славнымъ воинствомъ, а не людьми робкими, составлявшими силу Іисуса. Это былъ своего рода вызовъ, брошенный Инквизиціи. Болонскій инквизиторъ бр. Ламберто дель Кордильо поднялъ тотчасъ же перчатку. 16 декабря 1324 г. Чекко былъ вынужденъ отречься, и съ нимъ поступили снисходительно: его присудили выдать свои астрологическія сочиненія, ему запретили преподавать свою науку въ Болоньѣ какъ открыто, такъ и частно; его лишили званія магистра и наложили на него извѣстныя спасительныя епитиміи, посты и молитвы; кромѣ того, онъ долженъ былъ уплатить штрафъ въ семьдесятъ пять лиръ; эта послѣдняя подробность объясняетъ, быть можетъ, мягкость приговора. Самымъ тяжелымъ въ этомъ дѣлѣ было для него то, что онъ становился раскаявшимся еретикомъ и въ случаѣ рецидива не могъ уже разсчитывать ни на какое сни-

[1]) «Sphaera» Сакробоско представляетъ замѣчательно ясное и научное изложеніе всего, что знали въ XIII столѣтіи о землѣ въ ея отношеніяхъ къ общему строю вселенной. Принимая вполнѣ понятно, ходячую теорію о «девяти сферахъ», авторъ, однако, не вдается ни въ какія астрологическія мудрствованія относительно вліянія зодіакальныхъ знаковъ или планетъ на человѣческую судьбу. Въ теченіе столѣтій это сочиненіе пользовалось самымъ высокимъ авторитетомъ; даже въ 1604 г., шестьдесятъ лѣтъ спустя послѣ смерти Коперника и наканунѣ развитія новой астрономіи Галилея, эта книга была переведена и снабжена обширнымъ комментаріемъ профессоромъ математики Вѣнскаго университета Франческо Пиффери, астрологическое легковѣріе котораго представляетъ страшный контрастъ съ суровой простотой оригинала.

Библиотека "Руниверс"

схожденіе; ему надо было зорко слѣдить за каждымъ малѣйшимъ своимъ шагомъ, такъ какъ въ случаѣ новаго проступка его должны были счесть рецидивистомъ и неизбѣжно сжечь на кострѣ. Онъ явился во Флоренцію, которою тогда управлялъ Карлъ Калабрійскій, и принялся снова за свою науку. Онъ пустилъ въ обращеніе экземпляры своихъ запрещенныхъ сочиненій, экземпляры, которые, какъ утверждалъ онъ, были исправлены Болонскимъ инквизиторомъ, но которые на самомъ дѣлѣ заключали въ себѣ всѣ его ложныя ученія. Онъ снова подтвердилъ запрещенныя теоріи въ своей философской поэмѣ Acerba и пустилъ въ обращеніе тѣ же ученія въ отвѣтахъ своимъ многочисленнымъ кліентамъ. Въ маѣ 1327 г., когда вся Италія была взволнована приходомъ Людовика Баварскаго, Чекко предсказалъ, что Людовикъ войдетъ въ Римъ и будетъ коронованъ; онъ предсказалъ часъ и родъ смерти императора и совѣтовалъ флорентинцамъ, которые послѣдовали этому совѣту, не нападать на Людовика, когда онъ будетъ проходить черезъ ихъ городъ. Весьма возможно, что все это не повлекло бы за собой никакого наказанія, если бы противъ него не питали злобы и личной ненависти канцлеръ Карла Калабрійскаго, епископъ Аверсы, и Дино дель Гарбо, знаменитый докторъ философіи, считавшійся лучшимъ врачемъ Италіи. Искали ли враги или нѣтъ его гибели, но въ іюлѣ 1327 г. онъ былъ арестованъ инквизиторомъ Флоренціи бр. Акурсіо. Послѣдній прекрасно зналъ, что обвиняемый продолжалъ проповѣдывать и примѣнять на дѣлѣ фаталистическое ученіе, уничтожавшее свободную волю человѣка; но Инквизиція, согласно своей обычной тактикѣ, требовала сознанія и для полученія его примѣнила пытку въ широкихъ размѣрахъ. Болонскимъ инквизиторомъ была доставлена копія съ постановленія и съ отреченія 1324 г., такъ что нельзя было сомнѣваться въ повторномъ паденіи. Съ начала дѣла исходъ его былъ неизбѣженъ; но все же обвиняемому предоставили право на пародію защиты, и приговоръ былъ объявленъ только 15-го декабря. Строго согласно съ закономъ епископъ Флоренціи послалъ своего делегата, уполномоченнаго дѣйствовать совмѣстно съ инквизиторомъ; къ участію въ судѣ было приглашено цѣлое собраніе высшихъ сановниковъ и экспертовъ. Среди этихъ членовъ судилища были кардиналъ-легатъ Тосканскій, епископъ Аретинскій и врагъ Чекко, канцлеръ герцога Карла. Чекко былъ переданъ въ руки свѣтской власти и выданъ намѣстнику Карла Джакопо Брешіанскому. Было приказано въ теченіе двадцати четырехъ часовъ выдать всѣ его труды и астрологическія сочиненія епископу или инквизитору. Немедленно Чекко былъ отведенъ на мѣсто казни, расположенное за городскими стѣнами. Преданіе гласитъ, что благодаря своему искусству онъ узналъ, что умретъ между «Африкой» и «Цвѣточнымъ Полемъ» (Campo Fiore); онъ такъ былъ увѣренъ въ этомъ, что въ теченіе шествія смѣялся надъ своей стражей; но когда приготовились поджечь костеръ, онъ спросилъ, нѣтъ ли по сосѣдству какой-либо мѣстности, извѣстной подъ именемъ Африки; ему отвѣтили, что такъ называется сосѣдній ручей, вытекающій изъ Фіезоле и впадающій въ Арно. Тогда ему пришлось узнать, что Флоренція дѣйствительно была Цвѣточнымъ Полемъ и что его наука жестоко обманула его [1]).

---

[1]) Villani, X, 40, 41.—Lami, «Antichità Toscane», 593—4.—Raynald. ann. 1327, № 46.—Cantù, «Eretici d'Italia», I, 149—52.

Много подробностей, данныхъ мною въ очеркѣ жизни Чекко, я заимствовалъ изъ флорентійской рукописи, которую, судя по письму, я отношу къ XVII вѣку, и анонимный авторъ которой мнѣ кажется хорошо освѣдомленнымъ; я также воспользовался данными изъ одной рукописной копіи приговора, которая гораздо полнѣе отрывковъ, приведенныхъ у Лами и Канту.

Комментарій Чекко на Сакробоско включенъ въ «Sphaera» (изданіе Variorum, Венеція, 1518 г.). Упоминаніе о жестокостяхъ, которыя совершилъ въ Асколи Джованни Вьенебено (fol. 20), позволяетъ думать, что документъ этотъ подлинный. Въ немъ нѣтъ смѣлаго гороскопа Іисуса Христа, но достаточно опасныхъ теорій, чтобы навлечь на себя преслѣдованіе. Мой экземпляръ былъ очищенъ; всѣ достойныя порицанія мѣста были въ немъ вычеркнуты; но другой читатель позднѣе возстановилъ за немногимъ исключеніемъ всѣ эти мѣста.

Библиотека "Руниверс"

Астрологія продолжала занимать это двусмысленное положеніе при возрастившей тенденціи къ ея осужденію. Очень рѣдко встрѣчались дѣйствительно благоразумные люди, которые, подобно Петраркѣ, допускали, что астрологи являются полезными учеными, если они ограничиваются предсказаніями затменій и грозъ, жары и холода, но что они становятся простыми лгунами, если начинаютъ говорить о судьбѣ людей, извѣстной одному только Богу. Эмерикъ говоритъ, что если несомнѣнный астрологъ будетъ заподозренъ въ некромантіи, то его слѣдуетъ признать некромантомъ, такъ какъ обѣ науки идутъ почти всегда неразлучно. Герардъ Гроотъ признавалъ астрологію наукой, враждебной Богу и направленной къ ниспроверженію божескихъ законовъ. Въ половинѣ XIV в. Петръ Жестокій Кастильскій и Петръ IV Арагонскій держали при себѣ огромное число астрологовъ, къ которымъ они постоянно обращались за совѣтомъ; но въ 1387 г. Хуанъ I Кастильскій отнесъ астрологію къ числу гаданій, подлежащихъ наказаніямъ, предписываемымъ Partidas. Однако, эта наука продолжала имѣть сторонниковъ среди высшихъ сановниковъ Государства и Церкви. Единственнымъ темнымъ пятномъ на имени кардинала Петра д'Айльи была его горячая преданность этой наукѣ, и его легковѣріе обошлось бы ему дорого, если бы къ нему примѣнили строгость законовъ, какъ къ Чекко д'Асколи, такъ какъ невозможно было, чтобы астрологъ не впалъ въ фатализмъ. Кардиналъ сдѣлалъ въ 1414 г. предсказаніе, вполнѣ зараженное заблужденіемъ, когда заявилъ, что вслѣдствіе возвращенія Юпитера къ его первоначальной mansio, Констанцскій соборъ доведетъ религію до гибели, что міръ въ Церкви не будетъ возстановленъ, и что, кромѣ того, Великій Расколъ былъ по всѣмъ признакамъ предвозвѣстникомъ пришествія Антихриста. Онъ былъ болѣе счастливъ въ исчисленіи, при помощи котораго установилъ что въ 1789 г. міръ, если до того времени не погибнетъ, будетъ свидѣтелемъ огромныхъ переворотовъ. Однако, не слѣдуетъ думать, что терпимость въ отношеніи кардинала д'Айльи проистекала изъ какихъ-либо измѣненій во взглядахъ Церкви на ересь, отрицавшую свободную волю. Альфонсъ де Спина замѣчаетъ, что астрологическое вѣрованіе, признающее, что люди, рожденные подъ извѣстными созвѣздіями, не могутъ избѣгнуть грѣха, явно еретическое. Не менѣе еретическимъ было ученіе, утверждавшее, что въ то время, когда Луна и Юпитеръ соединяются во главѣ Дракона, всякій можетъ, обратившись съ молитвою къ Богу, получить исполненіе своихъ желаній; этимъ благопріятнымъ моментомъ воспользовался Петръ д'Абано, чтобы получить массу знаній, превосходящихъ силы человѣческаго ума, предоставленнаго собственнымъ средствамъ. Шпренгеръ, этотъ величайшій авторитетъ въ вопросахъ демонологіи, заявлялъ, что астрологія находилась въ тайномъ договорѣ съ демонами [1]). Изъ всего этого ясно, что подъ вліяніемъ все возраставшаго враждебнаго отношенія къ тайнымъ наукамъ астрологія мало-по-малу сдѣлалась наукой запрещенной; долгое время бывшій спорнымъ вопросъ о томъ, куда относить ее, былъ по крайней мѣрѣ во Франціи, разрѣшенъ постановленіемъ, принятымъ въ 1494 г. противъ Симона Фарееса. Осужденный за астрологію епископскимъ судомъ въ Ліонѣ, онъ былъ приговоренъ къ легкой эпитиміи, а именно—поститься по пятницамъ въ теченіе цѣлаго года, подъ угрозой пожизненной тюрьмы въ случаѣ рецидива; его книги и астролябія были конфискованы. Онъ имѣлъ смѣлость обжаловать это рѣшеніе въ парламентъ, который передалъ его книги университету. Университетъ пришелъ къ заключенію, что слѣдуетъ

---

[1]) Petrarchi «De Rebus Senilibus», lib. III. Epist. 1.—Eymeric. 443—Acquoy, «Gerard Magni Epist.», 111—19.—Amador de los Rios («Rivista de España», t, XVIII, 9).—Novissima Recopilacion, lib. XII, tit. IV, I, 1.—Concord. Astronom. Veritatis et Narrat. Histor. c. LIX, LX (August. Vindel. 1490).—«Fortalic. Fidei», lib. II. Consid. VI.—Savonarola, «contra l'Astrologia» fol, 26.—Bayle, s. v. «Apone».—Mall. Malef. P. I., Q. XIV.

Вѣра въ высшее могущество соединенія Юпитера и луны, вѣроятно, извлечена изъ Альбумизара «de Magnis Conjunctionbus Tract.» III, Diff. 2.

Библиотека "Руниверс"

сжечь эти книги, какъ были незадолго передъ этимъ сожжены другія книги, цѣна которыхъ достигала пятидесяти тысячъ денье. Всякая астрологія, заявляющая претензію на пророчество или приписывающая сверхъестественную силу кольцамъ, чарамъ и другимъ вещамъ, сдѣланнымъ при извѣстныхъ созвѣздіяхъ, была объявлена наукой ложной, пустой и суевѣрной; и гражданское и каноническое право были согласны на ея осужденіе, равно какъ на осужденіе употребленія астролябіи для отысканія потерянныхъ вещей и раскрытія будущаго. Парламентъ призывалъ скорѣе положить конецъ быстрому распространенію этой изобрѣтенной Сатаною науки. Вслѣдствіе всего этого парламентъ вынесъ рѣшеніе, постановившее отправить несчастнаго Симона къ епископу и инквизитору Парижа для наложенія на него наказанія, какъ на рецидивиста. Постановленіе парламента осуждаетъ астрологію, которую онъ выставляетъ, какъ науку открыто примѣняемую повсюду. Было запрещено, кому бы то ни было, обращаться къ астрологамъ или гадателямъ, чтобы узнать будущее или по поводу утраченныхъ или найденныхъ вещей; типографщики не должны печатать книгъ, посвященныхъ этому предмету, и должны выдать епископамъ всѣ находящіеся у нихъ на рукахъ экземпляры книгъ подобнаго рода; епископы, съ своей стороны, должны преслѣдовать астрологовъ. Это было очень ясно выраженное осужденіе; но если принять во вниманіе состояніе человѣческаго ума той эпохи, то эти мѣры не могли утолить ненасытную жажду къ запрещеннымъ наукамъ. Однако, нѣкоторые выдающіеся умы отвергли это суевѣріе. Сюда относятся Пико де ла Мирандола Старшій и Савонарола; Эразмъ осмѣялъ эту науку въ своей Похвалѣ Глупости [1]).

Вопросъ объ онироскопіи, или толкованіи сновъ, являлся трудной проблемой. Съ одной стороны, во Второзаконіи это прямо запрещалось: «не долженъ находиться у тебя проводящій сына или дочь свою чрезъ огонь, прорицатель, гадатель, ворожея, чародѣй, обаятель, вызывающій духовъ, волшебникъ и вопрошающій мертвыхъ; ибо мерзокъ предъ Господомъ всякій, дѣлающій это» (18, 10—12); по переводу Вульгаты здѣсь, среди другихъ запрещенныхъ тайнодѣяній, подразумѣвалось и снотолкованіе; съ другой стороны, всѣ знали примѣры Іосифа и Даніила и утвержденіе Іова: «Богъ говоритъ однажды и, если того не замѣтятъ, въ другой разъ во снѣ, въ ночномъ видѣніи, когда сонъ находитъ на людей, во время дремоты на ложѣ, тогда Онъ открываетъ у человѣка ухо и запечатлѣваетъ свое наставленіе» (XXXIII, 14—16). Въ XII в. толкованіе сновъ было признанной профессіей и, повидимому, не преслѣдовалось. Іоаннъ Салисберійскій пытается доказать, что никоимъ образомъ нельзя вѣрить сновидѣніямъ; Іосифъ и Даніилъ были вдохновлены Богомъ, и безъ этого вдохновенія гаданіе по сновидѣніямъ не заслуживаетъ никакой вѣры. Это рѣшеніе, по крайней мѣрѣ, болѣе благоразумно и болѣе практично, чѣмъ выводъ, къ которому пришелъ Ѳома Аквинатъ, признающій законнымъ гаданія по сновидѣніямъ, когда послѣднія происходятъ отъ естественныхъ причинъ или отъ божескаго откровенія, и осуждающій ихъ, какъ нѣчто незаконное, когда сновидѣнія являются слѣдствіемъ діавольскаго навожденія. Еще много раньше Тертулліанъ приписывалъ язычникамъ способность насылать пророческіе сны при помощи злыхъ духовъ; но, къ сожалѣнію, никто не могъ дать критеріума для различенія разныхъ видовъ сновъ, такъ что обыкновенно на снотолкователей смотрѣли, какъ на людей безобидныхъ, если только они явно или тайно не прибѣгали къ заклинанію злыхъ духовъ [2]).

[1]) D'Argentrè, I, II, 325—31.—Erasmi «Encomium Moriae», III, 360 (Лейпцигъ, 1829 г.).

Суевѣрія, касающіяся кометъ, не входятъ въ рамки нашей настоящей работы. Научное разслѣдованіе этого, принадлежащее Andrew. D. White, можно найти, въ «Papers of the American Historical Association», 1887 г. Одинъ современникъ Генриха IV передаетъ, что этотъ король былъ убитъ въ 1610 г., потому что пренебрегъ предсказаніемъ, которое сдѣлалъ ему ученый докторъ Гронимо Ольеръ, барселонскій священникъ и астрологъ, на основаніи знаменій, сопровождавшихъ появленіе кометы 1607 г.—(Guadalajara y Xavier, «Expulsion de los Moriscos», Пампелуна, 1613, fol. 107).

[2]) Johann. Saresberiens. «Polycrat.» c. XIV—XVII.—Th. Aquin. «Summa Sec. Sec.» XCV, 6.—Tertull. «Apol.» 23.—Astesani «Summae» P. I, lib. I, tit. XIII.

Библиотека "Руниверс"

Другой рядъ фактовъ смущалъ казуистовъ, такъ какъ границы черной книжія и священной магіи были крайне неопредѣленны. Былъ обычай служить заупокойныя обѣдни по живомъ человѣкѣ съ цѣлью вызвать его смерть. Уже въ 694 г. 17-й Толедскій соборъ запретилъ это злоупотребленіе подъ угрозой лишенія сана священника, служившаго обѣдню, и изгнанія какъ его, такъ и міранина, заказавшаго обѣдню. Въ половинѣ XV в. ученый епископъ Куенки Лопе Барріентосъ рѣшительно осуждаетъ это. Тѣмъ не менѣе, одна не датированная рукопись, осуждаемая Райтомъ, категорически заявляя, что подобное дѣйствіе съ цѣлью удовлетворенія личной вражды грѣховно, и предписывая отстранить священника отъ должности, пока онъ не искупитъ своей вины нарочитой эпитиміей, утверждаетъ, что если подобная обѣдня служится въ общественныхъ интересахъ, то тутъ нѣтъ грѣха, такъ какъ она свидѣтельствуетъ о смиреніи, съ которымъ желаютъ смягчить божескій гнѣвъ. Обычай служить подобныя обѣдни былъ, повидимому, довольно распространенъ, такъ какъ исповѣдникамъ поручалось спрашивать у исповѣдующихся, не служили ли они, или не заказывали ли подобныхъ обѣденъ. Другое подобное же затрудненіе возникло въ 1500 г. во время ссоры между Генрихомъ, епископомъ Камбрэ, и его капитуломъ. Въ видѣ репрессіи деканъ, прево и каноники перестали отправлять богослуженіе и были за это отлучены отъ Церкви Реймскимъ архіепископомъ. Подъ давленіемъ этого они приступили къ отправленію своихъ служебныхъ обязанностей, но самовольно ввели въ обѣдню нѣчто въ родѣ проклинательной литаніи, составленной изъ угрожающихъ мѣстъ, выбранныхъ изъ псалмовъ и пророковъ; совершавшій богослуженіе произносилъ эти литаніи, повернувшись спиной къ алтарю, а хоръ дѣтей давалъ ему реплики. Напуганный епископъ обратился въ Парижскій университетъ, который, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ разсужденій, рѣшительно пришелъ къ заключенію, что поза священника и отвѣты хора дѣлаютъ эту обѣдню похожей на заклинаніе; поэтому подобныя угрожающія обѣдни должны быть страшны для людей, противъ которыхъ онѣ служатся; и не слѣдуетъ ихъ служить легкомысленно, въ особенности противъ епископа, который готовъ подчиниться рѣшенію суда; наконецъ, нельзя прибѣгать къ нимъ даже и противъ возмутившагося епископа иначе, какъ въ крайнемъ случаѣ и въ крайней опасности [1]).

Около конца XIII в., когда Инквизиціи удалось получить въ свое вѣдѣніе преступленія магіи, она быстро, благодаря своей могущественной организаціи, установила правила и формулы, которыя предназначены были служить руководствомъ для чиновниковъ, должны были установить неопредѣленную доселѣ юриспруденцію и пустить въ ходъ преслѣдованіе лицъ, занимающихся запрещенными науками. Руководство къ судопроизводству, опубликованное, по всей вѣроятности, около 1280 г., заключаетъ въ себѣ образецъ допроса, обнимающаго всѣ мелочи извѣстной въ то время магіи. Это руководство послужило для болѣе детальной разработки формулъ, произведенной позднѣе Бернаромъ Ги и его товарищами. Стѣсненный мѣстомъ, я не могу привести здѣсь эти образцы, которые дали бы болѣе или менѣе полную картину обычныхъ въ то время суевѣрій, тѣмъ не менѣе, я остановлюсь на этомъ вопросѣ и обращу вниманіе читателя на одну интересную черту этихъ документовъ. Наиболѣе древняя редакція не упоминаетъ о ночныхъ путешествіяхъ «старушекъ» («bonnes femmes»), первообразѣ знаменитаго шабаша вѣдьмъ; но въ послѣдующихъ изданіяхъ есть рядъ вопросовъ касательно этого предмета, откуда можно заключить, что за этотъ промежутокъ времени это вѣрованіе мало-по-малу вошло въ обиходъ.

---

[1]) Concil. Toletan. XVII, ann. 694, c. V.—Gratiani Decreti Caus. XXVI. Q. 5, ann. 13.—Amador. de los Rios («Revista de España», t. XVIII, 19).—Wright, «Proceedings against Dame Alice Kiteler», стр. XXXII—XXXIII.—Angeli de Clavasio «Summa Angelica», s. v. «Interrogationes».—Bart. de Chaimis, «Interrogatorium», fol. 86 b (Venet. 1480).—Bernardi Diaz de Luco, «Practica Criminalis Canonica», cap. XXXV.—Grillandi «de Sortilegiis», Q. XIV.—D'Argentré, I, II, 344—5.

Библиотека "Руниверс"

Слѣдуетъ также отмѣтить, что ни одна формула не касается вопросовъ относительно пріемовъ народнаго колдовства, что въ XV и слѣдующихъ столѣтіяхъ составляло почти исключительное основаніе для преслѣдованій за магію [1]).

Перейдя въ вѣдѣніе Инквизиціи, магія стала простою ересью, и вся система подавленія ея совершенно измѣнилась. Инквизиція заботилась только о вопросахъ вѣры; единственный интересъ, который представляли въ ея глазахъ эти поступки, заключался въ томъ, чтобы выяснить ученія, на которыхъ они основывались; а всѣ ереси были одинаково преступны, настаивали ли онѣ на бѣдности Христа, или проповѣдывали поклоненіе демонамъ; говорили ли онѣ о договорахъ съ Сатаной, или о покушеніяхъ на человѣческую жизнь. Такимъ образомъ, для чародѣя было выгоднѣе попасть въ руки Инквизиціи, чѣмъ въ руки свѣтскихъ судей, такъ какъ въ глазахъ Св. Трибунала онъ подчинялся неизмѣннымъ правиламъ, предусмотрѣннымъ законами противъ ереси. Сознаніемъ и отреченіемъ онъ всегда могъ избѣгнуть костра и подвергнуть себя лишь одной эпитиміи, тогда какъ свѣтскій судъ приговаривалъ только къ костру; съ другой стороны, такъ какъ чародѣи не были воодушевлены убѣжденіями, поддерживавшими вѣру катаровъ или вальденцевъ, то ихъ совѣсть нисколько не мучилась, если они отрекались отъ своихъ убѣжденій. Въ протоколахъ Инквизиціи, по крайней мѣрѣ сохранившихся до нашего времени, мы не встрѣчаемъ ни одного случая упорства въ поклоненіи демонамъ. Инквизиторскіе пріемы всегда умѣли доводить до сознанія, и руководства для инквизиторовъ даютъ образцы отреченія и приговоровъ. Быть можетъ, насъ спросятъ, неужели жестокія муки костра были менѣе ужасны, чѣмъ кротость Инквизиціи, осуждавшей свою жертву на вѣчную тюрьму въ цѣпяхъ на хлѣбъ и на воду? Но немногіе согласились бы сразу положить конецъ своимъ испытаніямъ, и осужденные всегда питали надежду на то, что благодаря своему примѣрному поведенію въ тюрьмѣ они получатъ смягченіе наказанія. По всей вѣроятности, благодаря этой кажущейся снисходительности, Филиппъ Красивый запретилъ въ 1303 г. Инквизиціи вѣдать дѣла по обвиненію въ лихоимствѣ, чародѣйствѣ и т. п., когда виновными являлись евреи. Но когда Инквизиціи, какъ увидимъ мы ниже, пришлось прилагать свою энергію во время эпидеміи колдовства, то она нашла нужнымъ отступить отъ своего правила и искать предлоговъ отдавать на сожженіе даже раскаявшіяся жертвы [2]).

Отъ этой именно эпохи оставилъ намъ Цангино изложеніе мнѣній, распространенныхъ по этому предмету среди духовныхъ лицъ Италіи. Въ его мелочномъ описаніи различныхъ видовъ чародѣйства нѣтъ ни одного упоминанія о простонародномъ колдовствѣ, откуда можно заключать, что оно въ Италіи, какъ и во Франціи, не было извѣстно. Всѣ эти дѣла подсудны епископскимъ судамъ, и Инквизиція могла вмѣшаться только въ томъ случаѣ, если было основаніе подозрѣвать ересь. Но утверждать, что можно предсказывать будущее, когда оно извѣстно только Богу, считалось ересью; ересью также считалось вопрошеніе демоновъ или приношеніе имъ даровъ, поклоненіе солнцу, лунѣ или звѣздамъ, планетамъ или стихіямъ, или вѣра, что можно получить милость отъ кого-либо, кромѣ Бога, или, наконецъ, признаваніе чистымъ и законнымъ того, что осуждаетъ Церковь. Всѣ эти преступленія подсудны суду Инквизиціи, и мы увидимъ, что петли сѣтки были настолько мелки, что черезъ нихъ трудно было проскользнуть. Къ смертной казни и конфискаціи, налагаемымъ свѣтскимъ судомъ, присуждались, конечно, нераскаявшіеся и рецидивисты, такъ какъ преступленія, связанныя съ ересью, карались инквизиторомъ, какъ

---

[1]) Mss. Bib. Nat. fonds latin, № 14930, fol. 229—30.—Doat, XXXVII, 258.—Vaissete, III. Pr. 374.—Bern. Guidon. «Practica», P. V.

Molinier («Etudes sur quelques Mss. des Bibliothèques d'Italie», Парижъ, 1887 г., стр. 35 45) упоминаетъ о существованіи подобныхъ же формулъ въ другихъ руководствахъ той эпохи.

[2]) Bern. Guidon. «Practica», P. III, 42, 43; P. V. VII, 12.—Doat, XXVII, 150.

Библиотека "Руниверс"

ересь. Всякое чародѣйство, не носившее на себѣ печати ереси, судилось епископскими судами; наказаніемъ было признаніе виновнаго находящимся въ состояніи смертнаго грѣха и лишеніе его причастія; преступникъ и всѣ, обращавшіеся къ его содѣйствію, покрывались безславіемъ; осужденный долженъ былъ отречься отъ своей грѣховной науки; въ случаѣ неповиновенія епископъ могъ прибѣгнуть къ отлученію отъ Церкви и къ другимъ духовнымъ наказаніямъ. Однако, свѣтская власть отнюдь не отказалась отъ своего права суда за чародѣйство, и оно продолжало быть подсуднымъ свѣтскимъ судамъ, равно какъ и духовнымъ. Впрочемъ, не наступило еще время безжалостнаго истребленія всякаго, предающагося запрещеннымъ наукамъ. Миланскій законъ этой эпохи предоставлялъ наказаніе чародѣевъ усмотрѣнію судьи, который могъ приговорить къ тѣлесному наказанію или денежному взысканію сообразно съ серьезностью проступка [1]).

Чародѣйство—одно изъ тѣхъ заблужденій, которыя при преслѣдованіи всегда возрастаютъ. Разъ допускали дѣйствительное существованіе этой науки и разъ наказывали занимающихся ею не какъ плутовъ, а какъ людей, могущихъ творить всякое зло, чародѣйство тѣмъ болѣе процвѣтало, чѣмъ болѣе привлекали къ нему общественное вниманіе. Какъ только Инквизиція занялась систематическимъ искорененіемъ чародѣйства, оно начало играть все болѣе и болѣе видную роль въ предубѣжденіяхъ людей. Одно изъ обвиненій, выставленныхъ противъ Бонифація VIII въ 1303 г. на Луврскомъ собраніи, гласило, что папа держалъ при себѣ на службѣ демона, обязаннаго говорить ему о всѣхъ происшествіяхъ, и что самъ онъ былъ чародѣй и совѣтовался съ гадателями и лжепророками. Около того времени епископъ Ковентри и Лихфильда, казначей Эдуарда I, былъ обвиненъ въ убійствѣ, симоніи и прелюбодѣяніи; но болѣе всего ему ставили въ вину, что онъ обращался за совѣтами къ демону, которому, какъ говорили, онъ воздавалъ поклоненіе и котораго цѣловалъ въ заднюю часть. Король Эдуардъ энергично вступился за своего казначея; Бонифацій приказалъ произвести разслѣдованіе; было установлено, что дурные слухи объ обвиняемомъ распространялись его врагами, и ему предоставили возможность оправдаться, представивъ тридцать семь соприсягателей. Въ 1308 г. сеньоръ Ульмэ былъ приведенъ въ Парижъ по обвиненію въ томъ, что пытался извести свою жену чародѣйственными средствами; женщины, къ помощи которыхъ онъ прибѣгалъ въ этомъ дѣлѣ, были сожжены или зарыты живыми.

Болѣе шумнымъ было дѣло епископа Труа Гишара, обвиненнаго въ 1302 г. въ томъ, что онъ отравилъ королеву Бланшъ Наваррскую; онъ избавился отъ непріятностей, давъ дочери покойной, Іоаннѣ, женѣ Филиппа Краснваго, огромную сумму въ 80000 турскихъ ливровъ. Когда же въ 1305 г. умерла Іоанна, то въ 1308 г. противъ епископа возникло новое обвиненіе въ томъ, что онъ будто бы былъ причиной ея смерти. Обвиненіе утверждало, что для того, чтобы снискать расположеніе королевы, онъ вызвалъ демона, а затѣмъ сдѣлалъ и окрестилъ восковое изображеніе; такъ какъ замыслы его не оправдались, то въ гнѣвѣ онъ разбилъ это изображеніе и бросилъ въ огонь, и королева умерла въ расцвѣтѣ молодости отъ загадочной болѣзни. Дѣти короля и Карлъ Валуа были также заранѣе намѣченными жертвами злобы чародѣя. Гильомъ де Ногарэ и Ноффо Деи составили длинный списокъ обвиненій, и только въ 1313 г. Гишару удалось оправдаться, а въ это время доходы его каѳедры были конфискованы, что, быть-можетъ, и было одной изъ причинъ преслѣдованія. Мы видѣли, что подобныя же обвиненія возбуждались и противъ тампліеровъ, и успѣхъ этой попытки показывалъ всю дѣйствительность этого метода. Когда послѣ смерти Филиппа Краснваго Карлъ Валуа смѣло рѣшилъ гибель Энгеррана де Мариньи, и когда длинный процессъ, начатый по этому поводу, грозилъ окончиться ничѣмъ, то въ самый критическій моментъ открыли, что Энгерранъ заставилъ свою жену и сестру приказать

[1]) Zanchini «Tract. de Haeret.» c. XXII.—Statuta Criminalia Mediolani, c. 63 (Bergami, 1594).

Библиотека "Руниверс"

сдѣлать мужчинѣ и женщинѣ восковыя изображенія, которыя должны были вызвать медленную смерть Карла, молодого короля Людовика Сварливаго, графа де С.-Поль и разныхъ другихъ лицъ. Лишь только Карлъ сообщилъ объ этомъ Людовику, король пересталъ заступаться за Энгеррана, и дѣло пошло быстрѣе. 26-го апрѣля 1315 г. Энгерранъ былъ приведенъ на совѣтъ дворянъ, тщательно выбранныхъ и собранныхъ въ Венсеннѣ; присужденный къ повѣшенію, онъ былъ казненъ 30-го. Одновременно съ нимъ былъ повѣшенъ чародѣй и сожжена чародѣйка; ихъ изображенія были показаны народу съ высоты висѣлицъ, построенныхъ самимъ же Энгерраномъ въ Монфоконѣ; жена де Мариньи и его сестра г-жа де-Шанталу были приговорены къ тюремному заключенію. Такимъ образомъ, Энгерранъ погибъ жертвою тѣхъ пріемовъ, которые нѣкогда онъ самъ со своимъ братомъ архіепископомъ Санскимъ употреблялъ противъ тампліеровъ. Другой поучительной чертой этой исторіи является угрызеніе совѣсти Карла Валуа; черезъ десять лѣтъ, лежа на смертномъ одрѣ, онъ послалъ по улицамъ Парижа слугъ раздавать милостыню нищимъ, приказавъ имъ кричать: «Молитесь за душу господина Энгеррана де Мариньи и за душу господина Карла Валуа!» Однимъ изъ обвиненій, возбужденныхъ противъ Бернара Делисье, было то, что онъ чарами покушался на жизнь Бенедикта XI. Доказать это нельзя было, но Бернаръ сознался подъ пыткой, что книга некромантіи, найденная у него въ сундукѣ, принадлежала ему, и что замѣчанія на поляхъ были сдѣланы его рукой. Конечно, онъ не былъ единственнымъ въ своемъ орденѣ, къ которому можно было предъявить подобное обвиненіе, ибо въ 1312 г. на общемъ собраніи францисканцевъ былъ принятъ статутъ, запрещавшій братьямъ, подъ страхомъ отлученія отъ Церкви и тюремнаго заключенія, имѣть подобныя книги и заниматься алхиміей, некромантіей, гаданіемъ, заклинаніемъ и призываніемъ демоновъ [1]).

Значеніе чародѣйства среди народныхъ вѣрованій увеличилось еще болѣе вслѣдствіе дѣла Іоанна XXII, папы, который во многихъ отношеніяхъ имѣлъ печальное вліяніе на своихъ современниковъ. Будучи однимъ изъ самыхъ ученыхъ богослововъ своего времени, онъ глубоко вѣрилъ въ дѣйствительность чудесъ чародѣйства и по личному опыту страшно боялся всякихъ чародѣяній. Условія, при которыхъ онъ былъ избранъ, были такого рода, что могли внушить вѣру въ существованіе заговора, имѣвшаго цѣлью его низверженіе, и поэтому понятно, что онъ охотно собиралъ всѣ слухи подобнаго рода. Мы уже говорили о томъ, какъ грубо поступилъ онъ съ нечестивымъ Гуго, епископомъ Кагора. Въ 1317 г. онъ далъ полномочіе епископу Реджіо Гальярду и нѣсколькимъ членамъ суда судить хи-

[1]) «Différend de Boniface VIII et de Philippe le Bel», Preuves, 103.—Rymer, «Foedera», II, 931—4.—Johann. S. Victor. «Vita Clement. V» (Muratori, «S. R. I.» III, II, 457).—Grandes Chroniques, V, 217–20, 291.—Guill. Nangiac. Contin. ann. 1308, 1313, 1315, 1325.—Mss. Bib. Nat. fonds. latin, № 4270, fol. 37—8, 144—5.

Энгерранъ де Мариньи былъ всемогущъ въ царствованіе Филиппа Красиваго; онъ пользовался высшею властью какъ при папскомъ, такъ и при королевскомъ дворѣ. Невѣроятное счастье этого человѣка, довольно темнаго происхожденія, заставило народъ видѣть въ немъ ловкаго некроманта:

Ce fut cil qui fist cardonnaux,
Et si le pape tint en ses las,
Qui de petits clercs fist prélats—
— Si orent mainte gent créance
Que ce par art de nigromance
Fait ce qu'en ce monde faisoit.
(Godefroi de Paris, V, 6620—29).

Относительно дѣла Гишара де Труа имѣется очень подробная монографія г. Абеля Рего, написанная на основаніи первоисточниковъ: «Le Procès de Guichard, évêque de Troyes» (Парижъ, 1896 г.).—Годфруа Парижскій упоминаетъ (V, 3372—91) о финансовой сторонѣ дѣла, выражая, такимъ образомъ, общественное мнѣніе эпохи.

Библиотека "Руниверс"

рурга-брадобрея, по имени Іоаннъ д'Аманъ, и разныхъ клириковъ святого дворца, обвиненныхъ въ покушеніи на жизнь первосвященника. Подъ убѣдительнымъ вліяніемъ пытки всѣ обвиняемые сознались, что они сначала думали прибѣгнуть къ яду; но, такъ какъ имъ не представилось удобнаго случая, то они воспользовались восковыми изображеніями, которыя они умѣли дѣлать лучше всякаго другого. Они сдѣлали ихъ, призывая демоновъ; они умѣли заключать демоновъ въ перстни и узнавать отъ нихъ прошедшее и будущее; они умѣли насылать болѣзни и вызывать смерть или, наоборотъ, продлить жизнь при помощи заклинаній, чаръ и колдовства, состоявшихъ исключительно изъ магическихъ словъ. Они, какъ полагаютъ, были осуждены и казнены, и Іоаннъ смѣло принялся за искорененіе отвратительныхъ чародѣевъ, жертвою которыхъ онъ едва не сдѣлался самъ. Такимъ образомъ, было возбуждено преслѣдованіе противъ Роберта, епископа Э, обвиненнаго въ томъ, что онъ изучалъ магическія науки въ Болоньѣ. Считая Востокъ источникомъ, откуда распространялось это нечестивое знаніе по христіанскому міру, Іоаннъ рѣшилъ напасть на магію на мѣстѣ ея родины; съ этой цѣлью онъ въ 1318 г. предписалъ доминиканскому провинціалу въ Левантѣ назначить особыхъ инквизиторовъ во всѣ мѣстности, гдѣ исповѣдывалось католичество, и онъ потребовалъ дѣятельной помощи отъ Венеціанскаго дожа, отъ принца Ахайскаго и латинскихъ бароновъ. Онъ даже писалъ Константинопольскому патріарху и архіепископамъ Востока, побуждая ихъ работать совмѣстно на пользу св. дѣла. Не довольный юрисдикціей, которую Александръ IV неясно поручилъ Инквизиціи, онъ въ 1320 г. послалъ черезъ кардинала С.-Сабины граматы, всецѣло поручающія эту юрисдикцію инквизиторамъ и призывающія ихъ энергично примѣнять свою власть. Въ позднѣйшихъ буллахъ папа выражалъ свое неудовольствіе при видѣ постояннаго роста заразы, охватывавшей весь христіанскій міръ; онъ приказывалъ публично предавать анаѳемѣ чародѣевъ и наказывать ихъ, какъ еретиковъ, и сжигать всѣ книги, посвященныя магіи. Предупреждая всѣхъ крещеныхъ христіанъ не вступать въ договоры съ адомъ, не заключать демоновъ въ кольца или въ зеркала, съ цѣлью узнать будущее, грозя наказаніями, полагающимися за ересь, всѣмъ виновнымъ, которые въ теченіе восьми дней не откажутся отъ этихъ обрядовъ, онъ болѣе чѣмъ кто-либо другой сдѣлалъ прибыльнымъ ремесло чародѣя и увеличилъ число простаковъ. Повидимому, результатъ его воззванія не былъ удовлетворителенъ, такъ какъ въ 1330 г. онъ снова жаловался на упорное почитаніе демоновъ и на заблужденія, проистекающія изъ этого преступленія; онъ приказывалъ прелатамъ и инквизиторамъ немедленно закончить находящіяся въ производствѣ дѣла и переслать ихъ ему въ запечатанныхъ конвертахъ, чтобы онъ положилъ свои резолюціи; въ то же время онъ предписывалъ инквизиторамъ не начинать никакого новаго преслѣдованія безъ особаго на то папскаго соизволенія. Каковы бы ни были мотивы этого послѣдняго ограниченія, во Франціи оно никогда не примѣнялось. Въ это время королевская власть начинала контролировать дѣйствія Инквизиціи; ниже мы увидимъ, какъ Іоаннъ XXII, обвиняемый въ ереси по поводу Visio beatifica, былъ посрамленъ въ концѣ своей жизни Филиппомъ Валуа. По всей вѣроятности, однимъ изъ инцидентовъ этой ссоры было изданіе королемъ въ 1334 г. объявленія, что юрисдикція Инквизиціи въ отношеніи идолопоклонниковъ, чародѣевъ и еретиковъ зависитъ отъ короны, и приказъ сенешалямъ наблюдать, чтобы инквизиторы никого не притѣсняли въ этомъ отношеніи. Повидимому, этотъ королевскій рескриптъ былъ забытъ одновременно съ обстоятельствами, вызвавшими его изданіе, такъ какъ въ 1374 г. парижскій инквизиторъ спрашивалъ Григорія XI, слѣдуетъ ли ему вѣдать преступленія чародѣйства; папа отвѣчалъ ему, чтобы онъ энергично преслѣдовалъ ихъ [1]).

[1]) Raynald. ann. 1317, №№ 52—4; ann. 1318, № 57; ann. 1320, № 51; ann. 1327, № 45.— Mag. Bull. Roman. I, 205. — Ripoll, II, 192. — Arch. des Frères Prêcheurs de Toulouse (Doat, XXXIV, 181).—Archives de l'Inquisiton de Carcassonne (Doat, XXXV, 89).—Vaissete, IV; Pr. 23.—Raynald. ann. 1374, № 13.

Библиотека "Руниверс"

Роковымъ послѣдствіемъ этого громкаго законодательства было укрѣпленіе среди народа вѣры въ чародѣйство и распространеніе этой обманной науки. Въ реестрѣ приговоровъ, вынесенныхъ Бернаромъ Ги въ Тулузѣ съ 1309 г. по 1323 г., не упоминается дѣлъ о чародѣйствѣ; но ихъ много было разсмотрѣно епископской Инквизиціей въ Памье за 1320 и 1321 гг., и дошедшіе до насъ въ отрывкахъ реестры Каркассона за 1328 и 1329 гг. упоминаютъ о многихъ осужденіяхъ за это преступленіе. Мало того, инквизиторы начали вводить во всѣ формулы отреченія, предлагаемыя кающимся еретикамъ, оговорку, касающуюся чародѣйства, такъ что, если показавшіеся когда-нибудь предались бы ему, ихъ можно было тотчасъ же сжечь, какъ рецидивистовъ [1]).

Благодаря громкой «рекламѣ» со стороны папства чародѣйство процвѣтало. Въ1325 г. одно замѣчательное дѣло вызвало сильное волненіе въ Парижѣ. Собаки разныхъ пастуховъ, проходя черезъ перекрестокъ около Шато-Ландонъ, принялись скрести въ одномъ мѣстѣ землю, и ихъ нельзя было оттуда отогнать. У пастуховъ зародилось подозрѣніе, и они извѣстили власти; разрыли землю и нашли ящикъ, въ которомъ была черная кошка, кусокъ хлѣба, умащеннаго святымъ мѵромъ, святое масло и благословенная вода; двѣ небольшія трубки были расположены такъ, чтобы заключенному животному можно было видѣть земную поверхность и получать воздухъ. Были созваны всѣ сельскіе столяры, и одинъ изъ нихъ призналъ, что эту коробку дѣлалъ онъ для нѣкоего Жана Прево (Prévost). Пытка быстро вызвала у послѣдняго сознаніе, причемъ онъ обвинилъ въ сообществѣ цистерціанскаго аббата изъ Сарсель, нѣсколькихъ канониковъ, одного чародѣя, по имени Жанъ де Персанъ, и одного монаха-отступника изъ Сито, ученика этого чародѣя. Аббатъ, повидимому, потерялъ крупную сумму денегъ и обратился къ чародѣю, чтобы отыскать деньги и вора. Кошка должна была три дня жить въ ящикѣ, послѣ чего ее надлежало убить и изрѣзать ея кожу на ремни, изъ которыхъ нужно было сдѣлать кругъ; среди этого круга долженъ былъ стать человѣкъ, въ заднемъ проходѣ котораго были бы остатки мяса кошки; этотъ человѣкъ долженъ былъ вызвать демона Берпха, который бы и открылъ все нужное. Немедленно виновные подверглись суду парижскаго инквизитора и епископскаго судьи. Прево умеръ во-время, но трупъ его былъ сожженъ одновременно съ его соучастникомъ Жаномъ де Персанъ; лица же духовнаго званія были лишены сана и пожизненно заключены въ тюрьму. Очевидно, Жану Персану не было разрѣшено воспользоваться облегченіемъ, даруемымъ отреченіемъ, а равно и цистерціанцы были наказаны строже, чѣмъ предписывалось правилами ихъ ордена; общее собраніе 1290 г. просто предписывало лишеніе правъ на какую бы то ни было бенефицію и на участіе въ рѣшеніяхъ ордена; виновные должны были занимать низшія мѣста на хорахъ и въ трапезной и ѣсть по пятницамъ хлѣбъ и воду, пока общее собраніе не сложитъ съ нихъ наказанія. Такимъ образомъ, за четверть столѣтія, протекшую отъ этого постановленія, во взглядахъ Церкви на подобныя преступленія произошли крупныя измѣненія; время сравнительнаго милосердія миновало [2]).

Много чародѣевъ было и среди монаховъ. До насъ дошелъ приговоръ, вынесенный Генрихомъ де Шамэ въ 1329 г. противъ кармелитскаго монаха Петра Рекорди; этотъ документъ еще разъ показываетъ намъ, съ какимъ успѣхомъ пріемы Инквизиціи доводили людей до сознанія. Процессъ длился нѣсколько лѣтъ; обвиняемый увертывался и постоянно отказывался отъ своихъ показаній; но въ концѣ концовъ уступилъ. Тогда онъ сдѣлалъ слѣдующее признаніе: въ пяти различныхъ мѣстностяхъ, съ цѣлью привлечь расположеніе женщинъ, онъ сдѣлалъ, призывая демона, восковыя фигурки, примѣшавъ къ воску кровь жабы, а также свою кровь и свою слюну, подъ видомъ жертвоприношенія Сатанѣ.

[1]) Molinier, «Études sur quelques Mss. des Bibliothèques d'Italie». 102—3 (Парижъ, 1887 г.).—Doat, XXVII, 7 sq., 140, 156, 177, 192; XXVIII, 161.

[2]) Guill. Nangiac. Contin. ann. 1323.—Grandes Chroniques, V, 269—73.—Statuta Ord. Cisterc. ann. 1290, c. 2 (Martène, «Thesaur.» IV, 1485).

Библиотека "Руниверс"

Затѣмъ онъ клалъ эту фигурку подъ порогъ дома, гдѣ жила намѣченная имъ женщина, и, если послѣдняя не сдавалась, то ее мучилъ демонъ. Въ трехъ случаяхъ онъ имѣлъ успѣхъ, окончились бы успѣхомъ и два другихъ, если бы онъ не былъ неожиданно перемѣщенъ своими начальниками. Одинъ разъ онъ укололъ булавкой фигурку въ животъ и изъ раны показалась кровь. Когда эти фигурки отслуживали свою службу, онъ ихъ бросалъ въ воду и посвящалъ демону бабочку, причемъ присутствіе демона сказывалось движеніемъ воздуха; мѣстомъ его заключенія въ ручныхъ и ножныхъ оковахъ былъ назначенъ монастырь въ Тулузѣ. Вопреки уставу ордена надъ нимъ не былъ совершенъ обрядъ лишенія сана; приговоръ былъ вынесенъ при закрытыхъ дверяхъ въ Памье. Въ приговорѣ выражается опасеніе,чтобы монастырскія власти не дали осужденному возможности бѣжать [1]).

Одинъ разсказъ, очень популярный въ эпоху Фридриха Австрійскаго, много содѣйствовалъ распространенію славы чародѣевъ. Послѣ пораженія Фридриха Людовикомъ Баварскимъ при Мюльдорфѣ въ 1322 г. побѣжденный былъ заключенъ, какъ плѣнникъ, въ крѣпость Траусницъ; братъ его Леопольдъ прибѣгъ тогда къ помощи искуснаго некроманта, который обѣщалъ освободить плѣннаго при содѣйствіи діавола. Въ отвѣтъ на заклинанія чародѣя Сатана явился въ видѣ пилигрима и охотно обѣщалъ вывести Фридриха, если онъ согласится послѣдовать за нимъ. Онъ явился плѣннику и предложилъ ему сѣсть въ мѣшокъ, висѣвшій у него на ремнѣ, обѣщая доставить его здоровымъ и невредимымъ къ его брату; но Фридрихъ спросилъ у посѣтителя, кто онъ такой. «Все равно, кто бы я ни былъ», отвѣтилъ Сатана: «Хочешь выйти изъ тюрьмы, какъ я тебѣ предлагаю?» Охваченный страхомъ Фридрихъ перекрестился, и діаволъ тотчасъ же пропалъ [2]).

Даже въ отдаленной Ирландіи преслѣдованіе чародѣевъ началось въ 1325 г., благодаря ревностному францисканцу Ричарду Ледредъ, епископу Оссори. Госпожа Алиса Китлеръ Кильkенни была четыре раза замужемъ. Такъ какъ духовныя завѣщанія ея покойныхъ мужей не обезпечивали дѣтей отъ трехъ послѣднихъ браковъ, то самымъ лучшимъ средствомъ признать эти духовныя не имѣющими силы было обвинить Алису въ томъ, что она погубила своихъ мужей при помощи чаръ, предварительно заставивъ ихъ колдовствомъ оставить имущество ей и ея старшему сыну Вильяму Утлоу. Епископъ Ледредъ предпринялъ энергичное слѣдствіе, но Алиса и Вильямъ были въ родствѣ съ самыми крупными сановниками Ирландіи, которые постоянно мѣшали его дѣлу. Задача епископа усложнялась еще тѣмъ, что на островѣ неизвѣстны были каноны, направленные противъ ереси; его въ одинъ прекрасный день схватили и бросили въ тюрьму; менѣе сильный человѣкъ склонился бы передъ бурей, но Ледредъ добился побѣды, хотя Алиса ускользнула изъ его рукъ и бѣжала въ Англію. Дѣло о мнимыхъ соучастникахъ велось, повидимому, скорѣе съ энергіей, чѣмъ съ соблюденіемъ законныхъ формъ. Такъ какъ пытка была незнакома англійскому законодателю, то епископъ не могъ бы, быть можетъ, добиться нужныхъ признаній, если бы не замѣнилъ пытки кнутомъ; это, конечно, было незаконно, но чрезвычайно дѣйствительно. Такъ, напр., одна изъ служанокъ Алисы Петронилла, будучи шесть разъ наказана кнутомъ, не могла болѣе переносить увеличивающихся страданій и призналась во всемъ, что отъ нея требовали. Она признала себя коварной чародѣйкой, но много уступающей своей хозяйкѣ, которая можетъ соперничать съ самыми учеными чародѣями Англіи и даже всего свѣта. Она разсказала, какъ по приказанію Алисы она принесла въ жертву на перекресткѣ двухъ пѣтуховъ демону, по имени Робертъ Артиссонъ, инкубу, или любовнику госпожи; разсказала, какъ дѣлали онѣ въ черепѣ казненнаго вора изъ мозга некрещенаго ребенка, изъ травъ и червей порошокъ и чары, могущія принести вредъ тѣлу вѣрныхъ христіанъ, вызвать любовь или ненависть, заста-

[1]) Archives de l'Inquis. de Carcassonne (Doat, XXVII, 150).

[2]) Matt. Neoburg. (Alb. Argentorat.) ann. 1323 (Urstisii II, 123).—Chronik des Jacob von Königshofen (Chroniken der deutschen Städte, VII, 467).

Библиотека "Руниверс"

вить вырости рога на головѣ извѣстныхъ женщинъ, на глазахъ у извѣстныхъ людей. Петронилла была посредницей между госпожей и демономъ; послѣдній явился однажды въ комнату госпожи Алисы въ сопровожденіи двухъ другихъ злыхъ духовъ, черныхъ какъ эѳіопы, и у нихъ началась самая отвратительная оргія, подробности которой мы не станемъ сообщать читателю. Это дѣло интересно, потому что оно представляетъ переходъ отъ вѣрованій въ древнюю магію къ новому колдовству; оно освѣщаетъ одинъ изъ самыхъ важныхъ пунктовъ уголовной юриспруденціи послѣдующихъ столѣтій и объясняетъ общую вѣру въ порчу посредствомъ колдовства. Пытка, повторяемая по усмотрѣнію судьи, имѣла то преимущество, что приводила подсудимаго къ признанію во всемъ, что требовалось отъ него; мало того, дѣйствія этой мѣры были настолько сильны, что обвиняемый не желалъ уже подвергнуться новой пыткѣ въ случаѣ отреченія, хотя бы и въ послѣднюю минуту; и такимъ-то образомъ эта несчастная, упорно утверждавшая всѣ нелѣпости, допустила себя сжечь, какъ не раскаявшуюся грѣшницу. Другіе несчастные, привлеченные къ дѣлу, также погибли на кострѣ, тогда какъ нѣкоторые соучастники отреклись и были приговорены носить кресты— единственный, кажется, случай примѣненія этого наказанія на Британскихъ островахъ [1]).

Въ то время, какъ епископъ Ледредъ былъ поглощенъ своей благочестивой задачей, въ Англіи завязался другой процессъ, показывающій разницу между дѣйствительностью церковныхъ пріемовъ, подкрѣпленныхъ пыткой, и процессами общаго права. Двадцать восемь лицъ было обвинено въ томъ, что они прибѣгли къ помощи Іоанна Ноттингэмскаго и его помощника Ричарда Маршала Лейчестерскаго, чтобы сдѣлать восковыя фигурки съ цѣлью погубить короля Эдуарда II, двухъ экономовъ и пріора Ковентри, а равно двухъ его подчиненныхъ, которые, считаясь любимцами короля, тиранически обращались съ народомъ. Обвинителемъ явился Ричардъ Маршалъ, и фактъ преступленія былъ очевиденъ. Были предложены огромныя суммы, двадцать ливровъ магистру Іоанну и пятнадцать ливровъ Ричарду, и имъ дали семь фунтовъ воску и два аршина посконнаго полотна. Два чародѣя работали на нихъ съ 27 сентября 1324 г. по 2-ое іюля 1325 г. Они сдѣлали семь фигуръ; лишняя фигура должна была пойти на опытъ, который предполагали произвести надъ Ричардомъ Соу. 27-го апрѣля приступили къ опыту; вдавили въ лобъ фигуры кусокъ свинца, и тотчасъ же Ричардъ Соу сошелъ съ ума и кричалъ отъ боли до 2-го мая, когда вынули свинецъ, чтобы вонзить его въ грудь; несчастный умеръ 23-го мая. Обвиняемые настаивали на своей невиновности и обратились съ жалобой въ судъ присяжныхъ, который оправдалъ ихъ всѣхъ. Въ іюнѣ 1326 г. подобное же дѣло началось въ Тулузѣ; нашли нѣсколькихъ чародѣевъ, которые взялись извести колдовствомъ короля Карла Красиваго. Ихъ немедленно отправили въ Парижъ, и дѣло поступило въ уголовный судъ въ Шателэ. Въ распоряженіи суда были всѣ пытки; такимъ образомъ, скорый и строгій судъ могъ быстро привести обвиняемыхъ на костеръ. Однако, Петръ де Викъ, любимый племянникъ Іоанна XXII, обвиненный сознавшимися жертвами, былъ признанъ невиновнымъ. По всей вѣроятности, вскорѣ послѣ этого было подобное же покушеніе на жизнь Іоанна XXII; но виновные были открыты только въ 1337 г. и были судимы и наказаны по приказанію Бенедикта XII. Чтобы прикрыться, они вмѣшали въ дѣло Безьерскаго епископа, заявивъ, что они дѣйствовали по наущенію этого прелата [2]).

Однако, правильное преслѣдованіе, повидимому, прекратилось въ 1330 году, когда Іоаннъ XXII изъялъ преступленія чародѣйства изъ вѣдѣнія Инквизиціи; въ то же время толчекъ, данный его буллами занятію чародѣевъ, продолжалъ распространять эту профессію и сдѣлалъ ее прибыльною. Настроеніе народнаго ума выражается въ томъ, что въ различныхъ странахъ чуму приписывали то заклинаніямъ, то яду евреевъ. Подобныя

[1]) Wright's, «Contemporary Narrative of the Proceedings against Dame Alice Kyteler», Camden Society, 1843.

[2]) Wright's, op. cit., стр. XXIII—XXIV.—Vaissete, IV. Pr. 173.—Raynald. ann. 1337, № 30.

Библиотека "Руниверс"

мѣры, какъ распоряженіе Шартрскаго собора 1366 г., предавать во всѣхъ приходскихъ церквахъ каждое воскресеніе за обѣдней всѣхъ чародѣевъ отлученію отъ Церкви, только убѣждали людей въ дѣйствительности и въ значительности могущества, приписываемаго этимъ преступникамъ. Въ теченіе этого времени занятія запрещенными науками и примѣненіе ихъ на практикѣ велись весьма оживленно и чаще всего совершенно открыто. Мигуэль де Урреа, бывшій съ 1309 по 1316 годъ Таррагонскимъ епископомъ, былъ почтенъ прозвищемъ el Nigromantico; на его портретѣ въ архіепископскомъ дворцѣ въ Таррагонѣ имѣется надпись, представляющая его крайне искуснымъ некромантомъ, который могъ даже обмануть діавола. Герардъ Гроотъ, котораго Братья общей жизни почитаютъ основателемъ ихъ общины, въ молодости тоже увлекался тайными науками, но во время болѣзни онъ торжественно отрекся отъ нихъ передъ священникомъ и сжегъ свои книги. Много лѣтъ спустя онъ воспользовался своими знаніями, чтобы разоблачить извѣстнаго Іоганна Гейдена, долгое время эксплоатировавшаго легковѣріе массы въ Амстердамѣ и его окрестностяхъ. Явившись въ Девентеръ, Гроотъ допросилъ этого господина, установилъ, что онъ не зналъ некромантіи и относящихся къ ней наукъ, и заключилъ, что мошенникъ дѣйствовалъ благодаря договору, заключенному имъ съ Сатаной. Не желая навлечь на себя упрековъ въ пролитіи крови, Гроотъ ограничился изгнаніемъ чародѣя. узнавъ потомъ, что онъ поселился въ Гардервикѣ, Гроотъ писалъ жившимъ тамъ Братьямъ, предупреждая ихъ, что это за человѣкъ. Все это ясно показываетъ, что виновные могли разсчитывать на относительную снисходительность, если только какому-нибудь ревностному гражданину не приходило въ голову пустить въ ходъ законы.

Эта терпимость, равно какъ легковѣріе, которое развили въ умахъ народной массы, рельефно выступаютъ въ разсказѣ, приводимомъ крупными историками о дѣяніяхъ Зито, любимаго чародѣя императора Венцеслава. Этотъ Зито, неоднократно осужденный за чародѣйство Пражскими соборами во второй половинѣ столѣтія, среди многочисленныхъ пороковъ отличался также страстью къ запрещеннымъ наукамъ. Въ 1389 г. онъ женился на Софьѣ, дочери Баварскаго электора; послѣдній, зная вкусы своего будущаго зятя, привезъ въ Прагу цѣлую повозку искусныхъ чародѣевъ и жонглеровъ. Когда начальникъ труппы показывалъ свое искусство, Зито тихо подошелъ къ нему, открылъ ротъ и проглотилъ цѣлаго жонглера, выплюнувъ только грязныя ботинки своей жертвы; послѣ этого онъ изрыгнулъ своего соперника въ бассейнъ, полный воды, и показалъ удивленной толпѣ несчастнаго діавола, промокшаго до костей. На банкетахъ, которые устраивалъ король, Зито развлекался тѣмъ, что шутилъ надъ сидѣвшими за столомъ; онъ превращалъ ихъ руки въ лошадиныя или коровьи копыта, такъ что они не могли брать кушанья; если они изъ любопытства начинали смотрѣть въ окно, онъ украшалъ ихъ головы рогами оленей, такъ что они не могли отъ нихъ отдѣлаться, между тѣмъ какъ Зито на свободѣ ѣлъ съ ихъ тарелокъ и пилъ ихъ вина. Одинъ разъ онъ превратилъ горсть пшеницы въ стадо жирныхъ свиней, которыхъ продалъ булочнику, посовѣтовавъ ему не пускать ихъ къ водѣ; но покупатель не послушалъ его, и свиньи обратились въ хлѣбныя зерна, которыя унесъ потокъ. Само собой разумѣется, что подобный человѣкъ не могъ окончить добромъ; и Зито, когда насталъ его часъ, былъ унесенъ своимъ демономъ. Эти разсказы переданы, какъ вполнѣ достовѣрные, не только чешскими хрониками, но также съ полной вѣрой воспроизведены папскимъ историкомъ Райнальдомъ [1]).

---

[1]) Lilienthal, «Die Hexenprocesse der beiden Städte Braunsberg», 113.—Concil. Carnotens, ann. 1366, c. 11 (Martène, «Ampl. Coll.» VII, 1368).—Florez, «España Sagrada», XLIX, 188.—Acquoy, «Gerardi Magni Epist.» 107—11.—Concil. Pragense, ann. 1355, c. 61 (Hartzheim, IV, 400).—Statuta brevia Arnesti, ann. 1353 (Höfler, «Prager Concilien», стр. 2).—Concil. Pragense, ann. 1381, c. 7 (Ibidem, 28).—Statuta Synod. Pragens. ann. 1407, № 6 (Ibidem, 59).—Dubravii «Histor. Bohem.» Lib. XXIII.—Raynald. ann. 1400, № 14.

Библиотека "Руниверс"

Хотя въ 1374 г. Григорій XI поручилъ Инквизиціи преслѣдовать во Франціи всѣ преступленія, связанныя съ чародѣйствомъ, но парламентъ, въ своемъ стремленіи вмѣшиваться въ духовную юрисдикцію, не выпустилъ изъ своихъ рукъ этихъ дѣлъ. Въ 1390 г. ему представился случай вмѣшаться по поводу дѣла, обнаружившагося въ Ланѣ; одинъ свѣтскій чиновникъ, по имени Пулайлье, арестовалъ порядочное число чародѣевъ. Какъ говоритъ Боденъ, Сатанѣ удалось тогда вселить убѣжденіе, что разсказы о чародѣяхъ ложны, такъ что парламентъ прервалъ судопроизводство и постановилъ, что въ будущемъ всѣ эти дѣла будутъ подсудны исключительно свѣтскимъ, а не духовнымъ судамъ [1]). Впрочемъ, свѣтскіе судьи были склонны разсматривать эти поступки съ достаточной строгостью. Одно дѣло, разбиравшееся въ Парижскомъ Шателэ въ 1390 г., рисуетъ передъ нами подробности судопроизводства и дѣйствительность пытки для исторженія признаній. Правда, этотъ пріемъ былъ обыченъ въ то время въ уголовномъ процессѣ; но не нужно забывать, что въ остальныхъ отношеніяхъ свѣтскій судъ дѣйствовалъ гораздо мягче, чѣмъ Инквизиція.

Маріона д'Эсталэ, молодая дѣвушка безумнаго поведенія, страстно влюбленная въ нѣкоего Генслена Планишъ, была брошена своимъ любовникомъ, который 1-го іюля 1390 г. женился на женщинѣ, по имени Агнесо. Чтобы помѣшать этому браку Маріона, если вѣрить ея признанію, попросила у одной старой сводни, по имени Марго де ла Барръ, питье, чтобы удержать привязанность легкомысленнаго любовника; но питье не возымѣло дѣйствія; тогда Марго сдѣлала два вѣнка изъ наговоренныхъ травъ, которые Маріона, чтобы помѣшать конечному результату брака, бросила на то мѣсто, гдѣ новобрачные должны были провести свой первый день. Намѣченная цѣль не была достигнута, но Генсленъ и Агнесо захворали, и обѣ женщины были арестованы.

30-го іюля Марго была допрошена судьями, но отрицала свое участіе. Ее тутъ же подвергли пыткѣ на малыхъ и большихъ козлахъ; повидимому, первая пытка состояла въ томъ, что въ горло жертвы лили воду, пока тѣло ея не распухало, а потомъ давили ей на животъ, чтобы вода скорѣе вышла; вторая, по всей вѣроятности, колесованіе. Такъ какъ одновременное примѣненіе двухъ пытокъ не вызвало у несчастной никакого признанія, то дальнѣйшій допросъ былъ отложенъ. 17 августа принялись за Маріону, которая также отрицала свою виновность; она была подвергнута тѣмъ же пыткамъ. 3-го сентября ее вторично допрашивали, но она продолжала упорствовать. Когда было приказано приступить къ новой пыткѣ, она обратилась съ жалобой въ парламентъ; жалоба была немедленно разобрана, и ей отказали; Маріона была подвергнута прежней пыткѣ, затѣмъ ее отнесли на кухню, привели въ чувство передъ огнемъ, послѣ чего подвергли пыткѣ въ третій разъ, но опять безрезультатно. 4-го она опять была приведена на судъ и опять отказалась сознаться; но безпрерывное повтореніе пытки, безъ надежды на ея прекращеніе, произвело на тѣло и душу жертвы желаемое дѣйствіе. Съ ней, повидимому, поступали безъ всякой жалости, такъ какъ она, какъ было сказано, вся была изранена и очень слаба; когда ее снова привязали къ козламъ, и палачъ приготовился къ выполненію своихъ обязанностей, она уступила и согласилась сознаться. Когда ее отвязали отъ козелъ, она разсказала все, а послѣ полудня вторично подтвердила предъ судомъ, что признаніе было сдѣлано ею безъ всякаго принужденія и насилія. Привели Марго, и Маріона подтвердила свои слова; Марго уличила ее во лжи и предложила ей судебный поединокъ, но на это предложеніе не обратили вниманія. Тогда Марго заявила, что она можетъ установить alibi на тотъ день, когда она, какъ говорятъ, дѣлала вѣнки. Указанные ею свидѣтели были найдены и приведены въ судъ, но ихъ показанія оказались противъ нея. Маріона должна была снова повторить свое показаніе, затѣмъ Марго опять

[1]) Bodini, «de Magor. Demonoman.» Lib. IV, c. 1.

Библиотека "Руниверс"

была подвергнута пыткѣ, но опять безъ успѣха. 6-го Маріона опять давала свои старыя показанія, послѣ чего Марго была введена и привязана къ козламъ.

Благодаря своимъ молодымъ силамъ Маріона могла долго устоять противъ пытки; Марго же, женщина преклонныхъ лѣтъ, была приведена къ покорности при второмъ допросѣ. Ея рѣшимость уступила; раньше чѣмъ приступили къ пыткѣ, она обѣщала сознаться въ преступленіи. Разсказъ ея былъ вполнѣ согласенъ съ показаніями Маріоны; она, впрочемъ, прибавила нѣкоторыя подробности, по которымъ можно заключить, какъ мало довѣрія заслуживаютъ признанія, добытыя такимъ путемъ, такъ какъ единственнымъ желаніемъ обвиняемаго было удовлетворить жестокихъ судей. Когда Марго сплетала магическіе вѣнки, она призывала демона, повторяя три раза: «Ennemi, je te conjure au nom du Père, du Fils et du Saint-Esperit que tu viegnes à moy icy». Немедленно явился «врагъ», т.-е. «демонъ», похожій на тѣхъ чертей, которыхъ она видѣла въ мистеріяхъ Страстей Господнихъ; когда она приказала ему вселиться въ тѣла Генслена и Агнесо, онъ среди страшнаго шума въ вихрѣ вылетѣлъ въ окно, смертельно напугавъ ее. Итакъ, доказательства были на лицо; оставалось, повидимому, только немедленно вынести приговоръ; однако, судъ проявилъ похвальное желаніе не торопиться съ рѣшеніемъ.

Были позваны на совѣщаніе засѣдатели и эксперты. 7-го, 8-го и 9-го августа Маріона три раза повторила свое показаніе, Марго повторила свое два раза. Въ послѣдній день было совѣщаніе; относительно Марго рѣшеніе было единогласно: колдунья была привязана къ вертящемуся позорному столбу и тутъ же сожжена. Что же касается Маріоны, то голоса раздѣлились: трое экспертовъ находили достаточнымъ для нея наказаніемъ позорный столбъ и изгнаніе. Дѣло было отложено до 23-го; затѣмъ снова обсудили дѣло; голоса не измѣнились, и такъ какъ большинство было за строгость, то прево осудилъ Маріону, которая и была на другой день сожжена. Весьма вѣроятно, что обѣ эти жертвы были невинны, и что онѣ придумали эти разсказы только во избѣжаніе новаго примѣненія нестерпимой пытки. Хотя при данныхъ условіяхъ процесса исходъ былъ неизбѣженъ, однако судьи хотѣли показать себя справедливыми въ отношеніи несчастныхъ, участь которыхъ была въ ихъ рукахъ; впрочемъ, они нисколько не сомнѣвались въ дѣйствительности преступленія и въ появленіи демона, какъ его описала Марго [1]).

Необходимо имѣть въ виду это легковѣріе при оцѣнкѣ поведенія магистратовъ и инквизиторовъ, которые въ теченіе двухъ слѣдующихъ вѣковъ отправили на костеръ тысячи несчастныхъ созданій. Въ глазахъ нашихъ современниковъ преступленія, влекшія за собой столь суровое наказаніе, кажутся пустой химерой, но въ разсматриваемую нами эпоху ихъ считали вполнѣ доказанными какъ вслѣдствіе признанія мнимо-виновныхъ, такъ и вслѣдствіе соотвѣтственныхъ показаній свидѣтелей обвиненія.

Въ то время, какъ это дѣло занимало судей въ Шателэ, въ Вельэ была сожжена 6-го августа 1390 г. колдунья, по имени Жанетта Невъ или Ревергадъ. Хотя она была судима и наказана судомъ аббатства С.-Шафръ, но этотъ судъ дѣйствовалъ въ данномъ случаѣ не въ силу духовной юрисдикціи, а въ качествѣ высшей судебной инстанціи. Столѣтіемъ позже дѣло было бы разукрашено пикантными подробностями о шабашѣ и поклоненіи демонамъ; но въ то время это еще не вошло въ моду. Жанетта была старая бѣдная бродяжка, явившаяся въ Шадронъ, область подсудную юрисдикціи аббатства; она кормилась продажей такъ называемыхъ магическихъ лекарствъ, причемъ обыкновенно она совѣтовала при этомъ путешествіе къ святымъ мѣстамъ. Она, очевидно, уже пользовалась славой колдуньи, такъ какъ сиръ де Еюрже, поссорившись съ своей женой, обратился къ ней съ просьбой, чтобы она дала ему питье для возстановленія мира въ семьѣ, и она дала ему напитокъ, отъ котораго онъ умеръ. Этотъ случай рѣшилъ судьбу исцѣлительницы [2]).

[1]) Registre criminel du Châtelet de Paris, I, 332—63 (Парижъ, 1861 г.).

[2]) Chassaing, «Spicilegium Brivatense», 438—46.

Библиотека "Руниверс"

Вѣра въ магію, которой суждено было сильно развиться въ XV и XVI вѣкахъ, вызвать грустныя преступленія и составить самую невѣроятную страницу въ исторіи человѣческой глупости, получила въ эту эпоху новый и рѣшительный толчекъ. Первымъ признакомъ этого новаго вѣянія была мѣра, принятая Парижскимъ университетомъ. 19-го сентября 1398 года богословскій факультетъ имѣлъ общее собраніе въ церкви Св. Матурина и принялъ цѣлыхъ двадцать восемь пунктовъ, которые отнынѣ были непреложною истиною для всѣхъ демонологистовъ; ими воспользовались противъ нѣкоторыхъ скептиковъ, которые оспаривали дѣйствительность чародѣйства. Во вступленіи говорится о необходимости принять серьезныя мѣры въ виду грознаго возвращенія старыхъ заблужденій, грозящихъ заразить все общество; старое зло, почти забытое, воскресло съ силой, вызывающей опасеніе; нужно принять рѣшительныя мѣры, чтобы оградить вѣрныхъ отъ сѣтей врага рода человѣческаго. Затѣмъ университетъ объявилъ, что всѣ суевѣрные обряды, гдѣ нельзя логически ожидать помощи Бога или природы, содержатъ въ себѣ необходимость заговора съ Сатаною; онъ осуждалъ заблужденіе, по которому вѣрили, что допустимо призывать помощь демоновъ, искать ихъ дружбы, вступать съ ними въ договоры, заключать ихъ въ камни, въ кольца, въ зеркала и изображенія, прибѣгать къ чародѣйству съ добрыми цѣлями или для того, чтобы отвратить враждебное чародѣйство; что возможно чарами упросить Бога заставить демона внимать молитвамъ; что разрѣшается совершать обѣдню или какую-либо другую службу въ цѣляхъ тауматургіи; что чудеса, совершенныя нѣкогда пророками и святыми, были вызваны подобнымъ же искусствомъ, открытымъ Богомъ своимъ слугамъ; и что, наконецъ, человѣкъ можетъ при помощи извѣстныхъ чародѣяній достигнуть видѣнія божеской сущности. Послѣднія слова касаются опаснаго мнѣнія, стремившагося смѣшать колдовство съ теургіей; очевидно, высоко развитое чародѣйство эпохи думало, что оно проникаетъ въ неизреченныя тайны, окружавшія престолъ Бога; впрочемъ, занимавшіеся подобной магіей утверждали, что ихъ изысканія вполнѣ допустимы; они старались доказать небесное происхожденіе своихъ методовъ, ручаясь, что они служили къ похвальной цѣли, и что предсказанія и пророчества тѣхъ, кто употреблялъ ихъ, точно исполнялись. Университетъ осуждалъ всѣ эти вѣрованія и отрицалъ, что изображенія изъ свинца, золота или воска, будучи окрещенными, заклятыми или посвященными въ извѣстные дни, обладали могуществомъ, которое имъ приписывалось магическими книгами; но съ другой стороны, онъ съ одинаковою вразумительностью клеймилъ невѣріе людей, отрицавшихъ за магіей, заклинаніемъ и призываніемъ демоновъ ту силу, которую имъ приписывали чародѣи [1]).

Какъ всѣ другія попытки, направленныя къ подавленію чародѣйства, и это заявленіе лишь еще болѣе выдвинуло чародѣйство. Постановленіе, осуждавшее, какъ заблужденіе, всякое сомнѣніе въ дѣйствительномъ существованіи чародѣйства и его проявленій, сдѣлалось излюбленнымъ аргументомъ демонологистовъ. Согласно Герсону оспаривать существованіе и дѣятельность демоновъ было не только еретично и нечестиво, но могло даже ниспровергнуть весь политическій строй жизни. Шпренгеръ пришелъ къ выводу, что отрицаніе существованія магіи можетъ и не быть еретическимъ, такъ какъ подобное невѣріе можетъ происходить отъ невѣжества; но такое невѣріе среди духовенства заслуживаетъ самаго серьезнаго порицанія; оно можетъ вызвать «серьезное подозрѣніе» въ ереси и имѣть своимъ послѣдствіемъ преслѣдованіе. А что значитъ это «серьезное подозрѣніе», мы уже видѣли [2]).

---

[1]) D'Argentré, I, II, 154. Cf. Bodin. «De Magor. Demonoman.»—Murner. «Tract. de Python. Contractu».—Basin, «de Artibus Magiae».—Pegnae «Comment. in Eymeric.» 346.

[2]) Gersoni «Tract. de Error. circa Artem Magicam» (Op. Ed. 1494, XXI. G.-H.).—«Mall. Maleficar.» P. I. Q. 1, 8.

Библиотека "Руниверс"

Когда народное легковѣріе было, такимъ образомъ, возбуждено, безуміе Карла VI доставило шарлатанамъ прекрасный случай, чтобы явиться съ предложеніемъ своихъ услугъ. Въ 1397 г. маршалъ де Сансеръ послалъ въ Парижъ изъ Гіена двухъ августинскихъ отшельниковъ, которые считались очень опытными въ тайныхъ наукахъ и обѣщали помочь королю. Они объявили, что несчастный король былъ жертвой чародѣйства; говорятъ, что послѣ нѣкоторыхъ торжественныхъ дѣйствій Карлъ VI пришелъ въ разумъ, но это было лишь минутнымъ просвѣтленіемъ, и черезъ недѣлю онъ снова впалъ въ безуміе. Отшельники приписали это вліянію брадобрея короля и лакея герцога Орлеанскаго; эти люди были арестованы, но такъ какъ противъ нихъ не было уликъ, то ихъ выпустили на свободу. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ оба обманщика вели веселую жизнь и были щедро награждаемы; но, въ концѣ концовъ, ихъ заставили назвать имя того, кто наводитъ чары, и на этотъ разъ они осмѣлились назвать брата короля Людовика Орлеанскаго. Дѣло отложилось; подъ угрозой пытки они признались, что они были чародѣи, вѣроотступники, вызыватели демоновъ. Ихъ предали суду; они были осуждены, лишены священническаго званія и милостиво обезглавлены и четвертованы.

Этотъ примѣръ не испугалъ одного священника по имени Ивъ Жилемъ, который въ 1403 г. похвастался, что имѣетъ къ своимъ услугамъ трехъ демоновъ, и взялся въ сообществѣ съ другими вызывателями демоновъ, дѣвицей Маріей де Бланси, слесаремъ Перренъ Эмери и клеркомъ Гильомомъ Флоре, вылѣчить короля. Всѣхъ ихъ приняли хорошо. Они потребовали себѣ двѣнадцать человѣкъ въ желѣзныхъ оковахъ; они окружили этихъ людей оградой и, предупредивъ ихъ, чтобы они ничего не боялись, начали произносить заклинанія, какія только приходили имъ на умъ. Ихъ кривленія не привели ни къ чему. Тогда они, чтобы оправдать свое пораженіе, объявили, что люди наложили на себя знаменіе креста, но эта хитрость не спасла ихъ; Флоре сознался Парижскому прево, что все это былъ лишь одинъ обманъ, и 24 марта 1404 г. всѣ они были сожжены.

По всей вѣроятности, этотъ случай побудилъ кардинала Людовика Бурбонскаго, на провинціальномъ синодѣ въ Лангрѣ въ 1404 году, строго запретить чародѣйство и гаданія; онъ призывалъ свою паству отнюдь не вѣрить этимъ наукамъ, такъ какъ чародѣи обыкновенно простые обманщики, вся цѣль которыхъ очистить карманы своихъ кліентовъ. Мало того, возобновляя мѣры, принятыя за годъ передъ этимъ Суассонскимъ соборомъ, кардиналъ строго приказалъ священникамъ доносить епископскимъ судьямъ обо всѣхъ этого рода поступкахъ, о которыхъ они могли бы узнать, и обо всѣхъ лицахъ, кто будетъ этимъ заниматься. Если бы эта мѣра была примѣнена, если бы на чародѣевъ стали смотрѣть, какъ на плутовъ, и замѣнили бы епископской полиціей Инквизицію, близкую тогда къ своему паденію, то, быть можетъ, отвратили бы наступившія послѣ этого бѣдствія; но благое намѣреніе кардинала Людовика не дало никакихъ результатовъ. Народъ продолжалъ вѣрить въ чародѣйство, и когда Іоаннъ Малый выступилъ съ оправданіемъ убійства герцога Орлеанскаго Іоанномъ Безстрашнымъ, то онъ совершенно естественно дошелъ до обвиненія жертвы въ томъ, что она чарами вызвала сумасшествіе короля; онъ далъ мельчайшія подробности относительно метода, примѣненнаго чародѣемъ, и назвалъ даже двухъ демоновъ, Гинара и Астрамена, къ помощи которыхъ онъ съ успѣхомъ обратился [1]).

Какъ мы уже видѣли, въ Англіи чародѣйство до этой эпохи мало привлекало къ себѣ вниманія. Въ 1372 г. задержали въ Соутвартѣ человѣка, имѣвшаго при себѣ голову

---

[1]) Religieux de Saint.-Denis, «Hist. de Charles VI», liv. XVII, ch. I; liv. XVIII, ch. 8.—Juvénal des Ursins, «Hist. de Charles VI», ann. 1403.—Raynald. ann. 1404, №№ 22—3.—Concil. Suessoniens. ann. 1403, c. 7.—Monstrelet, I, 39 (Изд. Бюшона 1843 г., стр. 80—83).—«Chron.» de P. Cochon (изд. Vallet de Viriville, стр. 385).

Думали, что жена Людовика Орлеанскаго, Валентина Миланская, и ея отецъ Галеаццо Висконти предавались магіи и приняли участіе въ покушеніи на жизнь короля (ubi supra).

Библиотека "Руниверс"

трупа и чародѣйственную книгу. Если бы его судила Инквизиція, то онъ, неизбѣжно, подъ вліяніемъ пытки признался бы въ цѣломъ рядѣ злодѣяній и кончилъ бы свои дни на кострѣ; но его отдали на королевскій судъ сэру Дж. Кнайвету. Ограничились только тѣмъ, что взяли съ него клятву, что онъ болѣе не будетъ заниматься чародѣйствомъ; затѣмъ его отпустили съ миромъ; но голову и книгу сожгли въ Тотхиллѣ на счетъ ихъ владѣльца. Безъ сомнѣнія, надо приписать независимому и свободомыслящему характеру англійскаго закона, что терроръ, распространенный повсемѣстно чародѣйствомъ, сравнительно мало коснулся великаго острова; но когда преслѣдованіе во время волненій, вызванныхъ лоллардами, достигло крайняго напряженія, то Церковь воспользовалась своимъ вліяніемъ на новую Ланкастерскую династію, чтобы уничтожить посланниковъ Сатаны. Въ 1407 г. Генрихъ IV разослалъ своимъ епископамъ граматы, въ которыхъ онъ писалъ, что колдуны, чародѣи, заклинатели, некроманты и гадатели наполняютъ епархіи, совращаютъ народъ и совершаютъ ужасныя и гнусныя дѣла. Епископамъ предписывалось заключать въ тюрьму всѣхъ подобныхъ злодѣевъ, по суду или безъ суда, пока они не отрекутся отъ своихъ заблужденій, или пока король не помилуетъ ихъ. Тотъ фактъ, что, такимъ образомъ, дѣло передавалось въ руки Церкви и обвиняемаго лишали всѣхъ законныхъ гарантій, ясно свидѣтельствуетъ, что поняли невозможность опираться на обычныя формы англійской юрисдикціи и ждать вердикта суда присяжныхъ. Во время регентства королевскій совѣтъ взялъ, повидимому, на себя выступать судьей въ дѣлахъ этого рода; по крайней мѣрѣ, въ 1432 г. одинъ доминиканецъ изъ Ворчестера, Ѳома Нортфильдъ, заподозрѣнный въ чародѣйствѣ, былъ приведенъ на этотъ совѣтъ. Нѣсколько дней спустя тѣ же сановники судили знаменитую колдунью изъ Ей (Eye), Маргариту Журдменъ, доминиканца Джона Ашуэля и одного клерка, по имени Джонъ Вирби; всѣ трое по обвиненію въ чародѣйствѣ были заключены въ Виндзорѣ; но ихъ отпустили безнаказанно, взявъ съ нихъ обѣщаніе впредь вести себя безупречно. Не такъ счастлива была колдунья изъ Ей въ 1441 г., когда она была замѣшана въ дѣло, возбужденное противъ герцогини Глоучестерской по обвиненію въ томъ, что сдѣлала и расплавила восковую куклу, изображавшую Генриха VI. Герцогиня призналась и отдѣлалась эпитиміей—трижды пройти по улицамъ съ непокрытою головой, неся въ рукахъ восковыя свѣчи по два фунта каждая, которыя были посвящены алтарямъ церквей Святого Павла, Іисуса Христа и Св. Михаила Корнгиллскаго, послѣ чего ее заключили въ тюрьму и окончательно изгнали въ Честеръ. Секретаря ея Роджера повѣсили, вырвали у него внутренности и четвертовали; Маргарита была сожжена. Все это дѣло было чисто политическое. Совершенно подобная же попытка, съ цѣлью извлечь политическія выгоды изъ вѣрованія въ чародѣйство, имѣла мѣсто въ 1464 г. во время бракосочетанія Эдуарда IV и Елизаветы Вудвиль. Хотѣли видѣть въ вѣрности Эдуарда Елизаветѣ результатъ чаръ, къ которому прибѣгла ея мать Джакетта, вдова по первому браку регента Бедфорда. Джакетта не стала ждать нападенія и напала сама на своихъ обвинителей Томаса Уока и Джона Донгера; послѣдніе сообщили, что она пользовалась свинцовыми изображеніями короля и королевы; они даже предъявили суду одно изъ этихъ изображеній, разбитое надвое и связанное желѣзною ниткою. Обвинители слагали съ себя всякую отвѣтственность, и каждый изъ нихъ старался взвалить на другого отвѣтственность за доносъ; но въ 1483 г. Ричардъ III постарался извлечь изъ этого дѣла все возможное. Въ актѣ, изданномъ для свѣдѣнія короны, онъ утверждалъ, что «мнимое бракосочетаніе» Эдуарда было вызвано «чародѣйствомъ и колдовствомъ со стороны выше упомянутой Елизаветы и ея матери Джакетты, герцогини Бедфордъ». Такимъ образомъ Англія мало-по-малу начинала принимать участіе въ кровавыхъ ужасахъ, вызванныхъ безумными выдумками изобличенія колдовства [1]).

[1]) Wright, «Dame Kyteler», стр. IX, XV—XX.—Rymer, «Foedera», VIII, 427; X, 505; XI, 851.

Библиотека "Руниверс"

Самымъ замѣчательнымъ процессомъ по обвиненію въ чародѣйствѣ, память о которомъ сохранилась до сего времени, надо считать процессъ маршала де Рэ, происходившій въ 1440 г.; его уже издавна ставили среди знаменитыхъ дѣлъ, хотя точныя свѣдѣнія о немъ стали извѣстны лишь недавно, благодаря опубликованію протокола. Выразителемъ современнаго народнаго вѣрованія былъ сэръ де Монстрелэ, утверждавшій, что маршалъ имѣлъ привычку убивать беременныхъ женщинъ и дѣтей, чтобы писать ихъ кровью заклинанія, обезпечивавшія ему богатство и счастье; Жанъ Шартье передаетъ, что Рэ убивалъ дѣтей и дѣлалъ всевозможныя беззаконія, чтобы добиться своей цѣли. Въ слѣдующемъ столѣтіи Гагенъ говоритъ еще объ убитыхъ дѣтяхъ, кровь которыхъ должна служить для гаданія [1]). Дѣло это представляетъ много интересныхъ подробностей, но наибольшій интересъ представляетъ психологическій этюдъ, выдвигаемый имъ; здѣсь мы видимъ крайній предѣлъ развитія исходящихъ отъ Церкви ученій относительно отпущенія грѣховъ.

Ничье положеніе въ XV вѣкѣ во Франціи не казалось болѣе блестящимъ, чѣмъ положеніе Жиля де Рэ. Онъ родился въ 1404 г. и происходилъ изъ знаменитаго рода Монморанси и Краонъ; онъ былъ внукомъ знаменитаго рыцаря Брюмора де Лаваля, внучатнымъ племянникомъ Дюгесклена, родственникомъ коннетабля де Клиссонъ, находился въ родствѣ со всѣми знатными фамиліями восточной Франціи; по владѣнію Рэ онъ былъ первымъ барономъ Бретани. Его собственныя владѣнія были обширны, а когда онъ, еще совсѣмъ молодымъ, женился на богатой наслѣдницѣ Екатеринѣ де Туаръ, то могъ себя считать самымъ могущественнымъ сеньоромъ Франціи; за женой онъ взялъ, какъ говорятъ, сто тысячъ ливровъ золотомъ и движимостью; его доходъ опредѣлялся въ пятьдесятъ тысячъ ливровъ. Шестнадцати лѣтъ, благодаря своей храбрости и ловкости во время войны, положившей конецъ старинной враждѣ между Монфорами и Пантьеврами, онъ снискалъ себѣ расположеніе своего сюзерена Іоанна V, герцога Бретонскаго. Въ двадцать два года онъ поступилъ вмѣстѣ съ коннетаблемъ Артосомъ де Ричмондъ, племянникомъ герцога, на службу къ Карлу VII, дѣло котораго казалось безнадежно потеряннымъ; онъ содержалъ на свой счетъ отрядъ воиновъ и отличался упорнымъ, повидимому безполезнымъ, сопротивленіемъ англійскому оружію. Когда появилась Жанна Даркъ, ему было дано спеціальное порученіе охранять Дѣвственницу, и со дня освобожденія Орлеана и до неудачи подъ Парижемъ онъ былъ все время около Жанны. Во время коронаціоннаго торжества въ Реймсѣ онъ былъ возведенъ, хотя едва достигъ двадцатипятилѣтняго возраста, въ высокое званіе маршала Франціи, а въ сентябрѣ того же года получилъ почетное разрѣшеніе окружить свой гербъ королевскими лиліями. Не было, кромѣ короля, никого, чьему положенію онъ могъ бы завидовать, такъ какъ онъ ловко держался по срединѣ между враждебными партіями коннетабля и фаворита Ла Тремуйля, настолько ловко, что съ паденіемъ послѣдняго въ 1433 г. его положеніе при дворѣ нисколько не измѣнилось [2]).

Кромѣ того, этотъ человѣкъ былъ на рѣдкость образованный. Его неутомимая любознательность, его жажда къ знанію побуждали его собирать книги въ ту эпоху, когда рѣдкій рыцарь умѣлъ подписать свое имя. Случай сохранилъ намъ заглавія нѣкоторыхъ сочиненій, находившихся въ его библіотекѣ; среди нихъ были Civitas Dei Св. Августина, Валерій Максимъ, Метаморфозы Овидія и, быть можетъ, Светоній; во время процесса однимъ изъ основаній, приводимыхъ имъ въ оправданіе своего увлеченія однимъ итальянскимъ некромантомъ, было то, что сочиненія его написаны на превосходномъ латинскомъ языкѣ.

---

[1]) Monstrelet, II, 248.—Jean Chartier, «Histoire de Charles VII», ann. 1440 (изд. Годфруа, 106).—Rob. Gaguin. «Hist. Franc.» lib. X, c. 3.

[2]) Bossard et Maulde, «Gilles de Rais, dit Barbe-Bleue» Парижъ 1886 г., стр. 16, 43, 49, 51, 53, 57, Preuves, стр. CLVII.

Библиотека "Руниверс"

Онъ до безумія любилъ богатые переплеты и раскрашенныя лицевыя рукописи. За нѣсколько мѣсяцевъ до ареста мы видимъ его въ кабинетѣ занятымъ инкрустированіемъ эмалью крышки книги, предназначенной въ его домовую церковь. Онъ также любилъ и понималъ музыку и театръ. Въ этомъ отношеніи онъ могъ сравняться только съ королемъ Рене, а на полѣ битвы у него не было равныхъ, кромѣ Ла-Гира и Дюнуа [1]).

Эта жизнь, которой предстояло быть столь блестящей, была разбита благодаря роковымъ заблужденіямъ и дурному воспитанію. Жиль де Рэ остался послѣ смерти отца одиннадцатилѣтнимъ ребенкомъ на попеченіи своего дѣда Жана де Краонъ, человѣка слабаго и черезчуръ снисходительнаго, авторитетъ котораго онъ скоро стряхнулъ. Тогда его пылкая натура развернулась во всю: самыя несбыточныя честолюбивыя желанія пожирали его, онъ предавался всевозможнымъ кутежамъ, имъ руководили разнузданныя и неукротимыя страсти. Передъ своими судьями онъ неоднократно обращался съ рѣчью къ изумленной аудиторіи, призывая родителей строго вести дѣтей своихъ по пути добродѣтели, такъ какъ безпорядочная жизнь въ молодости довела его до преступленія и эшафота [2]).

Въ 1433 г. онъ покинулъ дворъ и поселился въ своихъ владѣніяхъ, гдѣ жилъ пышно и беззаботно, прокучивая свое состояніе и продавая одно за другимъ имѣнія гораздо дешевле ихъ стоимости. Большая часть ихъ попала въ руки его сюзерена герцога Бретонскаго; но онъ оставилъ за собой право выкупить ихъ во всякое время въ теченіе шести лѣтъ. Здѣсь можно упомянуть объ одномъ изъ самыхъ тяжелыхъ его преступленій: извѣстно, что онъ похищалъ молодыхъ людей, удовлетворялъ на нихъ самыя грязныя страсти, а потомъ убивалъ свои жертвы, число которыхъ считали отъ семисотъ до восьмисотъ, но которое, по всей вѣроятности, не превышало ста сорока, какъ это установлено обвинительнымъ актомъ. Это преступленіе было предоставлено разсмотрѣнію свѣтскаго суда; въ инквизиціонномъ же процессѣ онъ обвинялся только въ томъ, что искалъ философскій камень [3]), всемірный элексиръ, который долженъ былъ дать ему безграничную власть и богатство. Съ этой цѣлью его агенты были всегда на ногахъ, разыскивая искусныхъ колдуновъ и алхимиковъ, такъ что онъ былъ игрушкой въ рукахъ цѣлой толпы шарлатановъ безъ стыда и совѣсти. Въ немъ постоянно поддерживали убѣжденіе, что работа въ его замкѣ Тиффожъ въ одинъ прекрасный день увѣнчается успѣхомъ; но неожиданное прибытіе дофина Людовика заставило его загасить печи; правда, алхимія, какъ мы видѣли, не была положительно причислена къ числу запрещенныхъ наукъ, тѣмъ не менѣе занятія ею казались подозрительными, и Людовикъ, несмотря на свою молодость, не былъ изъ тѣхъ, кому могъ бы Жиль де Рэ довѣрить свою тайну. Насколько твердо онъ надѣялся на успѣхъ, видно изъ его беззаботной расточительности и того легкомыслія, съ которымъ онъ отчуждалъ свои земли, всегда сохраняя за собою право ихъ выкупа; онъ разсчитывалъ, что не сегодня—завтра онъ будетъ въ состояніи платить деньги безъ счета. Однако, какъ я уже упоминалъ, алхимія, хотя и пользовалась титуломъ науки, была почти всецѣло связана на практикѣ съ некромантіей; немногіе алхимики считали себя способными достигнуть успѣха безъ помощи демоновъ, призываніе которыхъ было необходимо ихъ наукѣ. Въ исторіи обмановъ чародѣйства трудно найти болѣе поучительную главу, чѣмъ разоблаченія, сдѣланныя на судѣ Жилемъ и его главнымъ чародѣемъ Франческо Прелати. У послѣдняго былъ пріспѣшникомъ чортъ, по имени Барронъ, котораго онъ всегда легко вызывалъ, когда былъ одинъ, но который никогда не хотѣлъ показываться въ присутствіи Жиля. Наивныя подробности, которыя эти два человѣка сообщили

[1]) Bossard et Maulde, op. cit. Preuves, стр. LIII, LXXVII, CLII.

[2]) Bossard et Maulde, op. cit. стр. 21; Preuves, стр. XLIX, LVIII.

[3]) Bossard et Maulde, op. cit. стр. 61—66, 72—3, 78—81, 92—116, 173, 212—13, 269; Preuves, стр. XXIV, b, CLII—CLV, CLVIII, CLIX.

Библиотека "Руниверс"

о своихъ опытахъ и своихъ неудачахъ, невольно заставляютъ насъ удивляться ловкой изобрѣтательности итальянца и добродушной довѣрчивости Жиля. Однажды, по настойчивой просьбѣ Прелати, демонъ-искуситель разбросалъ по всей комнатѣ безчисленные слитки золота, но запретилъ чародѣю дотрагиваться до нихъ въ теченіе нѣсколькихъ дней. Когда слухъ объ этомъ чудѣ достигъ до Жиля, то онъ, естественно, пожелалъ полюбоваться этимъ зрѣлищемъ; Прелати повелъ его въ свою комнату. Но, открывъ дверь въ комнату, Прелати закричалъ, что въ ней извивается большая зеленая змѣя ростомъ съ собаку, и оба они поспѣшно убѣжали. Потомъ Жиль взялъ крестъ, въ которомъ былъ кусокъ животворящаго древа Господня, и настоялъ на томъ, чтобы снова вернуться въ комнату чародѣя; но Прелати внушилъ ему, что подобные опыты могутъ только увеличить опасность, и Жиль отказался отъ своего намѣренія. Въ концѣ концовъ, злой демонъ измѣнилъ золото въ мишуру, которая въ рукахъ алхимиста скоро превратилась въ красноватый порошокъ. Тщетно Жиль давалъ Прелати условія, подписанныя его собственной кровью, въ которыхъ онъ обѣщался слѣпо повиноваться ему, если онъ дастъ ему три дара: знаніе, богатство и могущество; Барронъ не принялъ ни одного договора. Демонъ былъ сердитъ на Жиля за то, что онъ не принесъ ему обѣщанной жертвы; въ случаѣ небольшой просьбы достаточно было принести въ жертву какую-нибудь мелочь, напр., курицу или голубя; но чтобы снискать помощь демона въ крупномъ дѣлѣ, въ жертву требовалось принести часть тѣла ребенка. Дѣти не были рѣдкостью тамъ, гдѣ жилъ Жиль, и онъ поторопился положить въ стеклянную вазу руку, голову, глаза и кровь ребенка и передалъ все это Прелати, чтобы онъ принесъ все это въ жертву Баррону. Но демонъ продолжалъ гнѣваться, и Прелати сказалъ, что онъ похоронилъ отвергнутую жертву на освященной землѣ. Хотя Жиль въ своихъ занятіяхъ некромантіей принесъ въ жертву безчисленное множество дѣтей, однако въ его процессѣ упоминается только о выше приведенномъ фактѣ; частое упоминаніе его въ свидѣтельскихъ показаніяхъ показываетъ, что обвиненіе придавало ему особое значеніе [1]).

Жиль могъ бы долго и безнаказанно производить свои смертоносные опыты, если бы герцогъ Жанъ и его канцлеръ Жанъ де Малеструа, епископъ Нантскій, не нашли болѣе выгоднымъ для себя отправить его на костеръ. Оба они имѣли въ своихъ рукахъ земли, отчужденныя Жилемъ; имъ хотѣлось избавиться отъ возможности ихъ выкупа, къ тому же они могли разсчитывать получить что-либо при конфискаціи имущества. Но напасть на страшнаго барона было не такъ-то легко; нужно было, чтобы Церковь повела это дѣло, такъ какъ гражданская власть не смѣла ополчить противъ себя всѣхъ бароновъ герцогства. Буйный нравъ Жиля скоро далъ его врагамъ желанный предлогъ.

Маршалъ продалъ замокъ и помѣстье С.-Этьенъ де Мальморъ казначею герцога Жофруа де Феррону, который, быть можетъ, былъ подставнымъ лицомъ самого герцога, и передалъ владѣніе брату покупщика Жану де Феррону, имѣвшему тонзуру и носившему духовную одежду, такъ что, хотя онъ и не несъ никакой духовной должности, тѣмъ не менѣе пользовался неприкосновенностью духовнаго лица. Между ними возникли какія-то недоразумѣнія, которыя Жиль счелъ себя обязаннымъ упорядочить по своему усмотрѣнію, какъ это было обычно въ то время. На Троицынъ День въ 1440 г. онъ привелъ въ С.-Этьенъ шестьдесятъ вооруженныхъ человѣкъ и расположилъ ихъ въ засадѣ около замка, а самъ отправился съ немногочисленной свитой въ церковь, гдѣ Жанъ причащался. Обѣдня уже кончалась, когда они ворвались въ алтарь, размахивая оружіемъ. Жиль закричалъ Жану: «А, безстыжій, ты побилъ моихъ людей и учинилъ надъ ними лихоимства! Выходи отсюда или я убью тебя!» Съ трудомъ могли успокоить напуганнаго Жана; его притащили

[1]) Bossard et Maulde, op. cit., Preuves, стр. XXVI, XXXIV, XLVII—XLVIII, LV—LVI, LXII—LXXII, LXXXVIII, XCVIII, CI, CXVII.—Monstrelet, II, 248.

Библиотека "Руниверс"

къ подземелью замка, и онъ долженъ былъ распорядиться о выдачѣ его обратно; Жиль оставилъ въ замкѣ гарнизонъ, увезъ Жана и заключилъ его въ тюрьму въ Тиффожѣ, заковавъ по рукамъ и ногамъ [1]).

Этотъ поступокъ былъ однимъ изъ тѣхъ, которые по обычному праву Бретани судились гражданскимъ судомъ; но герцогъ поторопился взять въ свои руки дѣло своего казначея и коротко приказалъ своему генералъ-лейтенанту взять замокъ и плѣнниковъ подъ угрозой штрафа въ пятьдесятъ кронъ. Возмущенный этимъ неожиданнымъ вмѣшательствомъ, Жиль дурно обошелся съ посланными герцога, и послѣдній немедленно собралъ войско и взялъ городъ приступомъ. Тиффожъ, гдѣ находились плѣнники, былъ расположенъ въ Пуату, внѣ судебной области Бретани; но коннетабль Ричмондъ, братъ герцога, осадилъ замокъ, и Жиль былъ вынужденъ освободить плѣнниковъ. Выразивъ, такимъ образомъ, свою покорность, онъ рѣшился въ іюлѣ отправиться къ герцогу въ Жосселенъ; онъ нѣсколько сомнѣвался въ хорошемъ пріемѣ, но Прелати вопросилъ своего демона и объявилъ Жилю, что онъ можетъ смѣло ѣхать къ своему сюзерену. Принятый ласково, маршалъ рѣшилъ, что гроза миновала. Онъ чувствовалъ себя настолько безопасно, что даже въ Жосселенѣ продолжалъ свои жестокости, умертвилъ нѣсколькихъ дѣтей и вызывалъ демона черезъ Прелати [2]).

Въ то время какъ государственныя власти не рѣшались напасть на виновнаго, Церковь дѣятельно готовила Жилю гибель. Маршалъ былъ обвиненъ въ святотатствѣ, такъ какъ позволилъ себѣ произвести насиліе въ церкви Св.-Этьена и нарушилъ неприкосновенность лицъ духовнаго званія, поднявъ руки на Жана Феррона. Однако, въ ту грубую эпоху, когда война не щадила ни церкви, ни монастыря, подобныя преступленія были такъ часты, что не могли повлечь за собой паденія виновнаго, и въ первые моменты процесса о нихъ даже не упоминалось. 30-го іюля Жанъ де Мальструа, Нантская епископія котораго заключала въ себѣ владѣнія Рэ, извѣстилъ частнымъ образомъ, что въ теченіе послѣдняго посѣщенія онъ и его комиссаръ удостовѣрились, что о Жилѣ открыто говорилось, что онъ умертвилъ большое число дѣтей, удовлетворивъ на нихъ предварительно свои страсти; кромѣ того, говорили, что маршалъ вызывалъ демона съ ужасными обрядами, что онъ заключалъ договоры съ діаволомъ и еще много другого возмутительнаго. Хотя для подтвержденія этихъ обвиненій свидѣтели со стороны епископа были упомянуты въ общей формѣ, однако только восемь свидѣтелей были названы по именамъ, въ числѣ ихъ было семь женщинъ, жительницъ Нанта. Изъ ихъ показаній видно тоже, что онѣ лишились дѣтей и винятъ въ этомъ Жиля. Очевидно, посылая свое донесеніе, епископъ разсчитывалъ развязать языкъ у людей, которые могли знать подобные случаи; но всѣ старанія собрать показанія не привели ни къ чему: когда черезъ два мѣсяца послѣ этого начался судъ, то удалось найти только двухъ новыхъ свидѣтелей, показанія которыхъ были столь же неопредѣленны, какъ и семи первыхъ. Единственнымъ обвиненіемъ, приводимымъ свидѣтельницами, было похищеніе дѣтей, а это преступленіе никоимъ образомъ не подлежало всецѣло духовному суду. Очевидно, ужасныя тайны Тиффожа и Машкуля скрывались за стѣнами этихъ замковъ. Нужно было рѣшиться на смѣлый шагъ; если Жиль и его люди будутъ въ рукахъ суда, то тогда можно надѣяться, что средства, которыми располагало судопроизводство, исторгнутъ у нихъ достаточно ясныя признанія, чтобы можно было вынести обвиненіе [3]).

13-го сентября епископъ послалъ Жилю приказъ явиться на епископскій судъ 19-го числа. Въ повѣсткѣ были перечислены злодѣянія, указанныя въ доносѣ, съ слѣдующей

---

[1]) Bossard et Maulde, op. cit. 231—5; Preuves, стр. XXIX, CII—CXVI, CLIV.

[2]) Très Anc. Cout. de Bretagne, c. 62 (Bourdot de Richebourg, IV, 216). — Bossard et Maulde, op. cit. 235—6, Preuves, стр. XLIII, LXXI.

[3]) Bossard et Maulde, op. cit. Preuves, стр. I, II, VI—IX.

Библиотека "Руниверс"

многозначительной замѣткой: «и другія преступленія и проступки, заставляющіе подозрѣвать ересь». Повѣстка на другой же день была вручена Жилю въ собственныя руки; обвиняемый не выказалъ никакого сопротивленія. Очевидно, какіе-то тревожные слухи уже распространились, такъ какъ два главныхъ совѣтчика и наперсника маршала, Жиль де Силле и Рожеръ де Бриквиль, бѣжали въ безопасное мѣсто. За исключеніемъ этихъ двухъ лицъ, всѣ довѣренные слуги и поставщики Жиля, мужчины и женщины, равно какъ и Прелати, были арестованы и приведены въ Нантъ. 19-го маршалу былъ данъ частный допросъ въ присутствіи епископа. Гильомъ Капельонъ, которому было поручено поддерживать обвиненіе, ловко выставилъ противъ обвиняемаго извѣстныя обвиненія въ ереси; Жиль попался въ ловушку и смѣло заявилъ желаніе оправдаться передъ епископомъ или другимъ, какимъ угодно, духовнымъ судьей. Его поймали на словѣ и на 28-ое назначили явку его передъ епископомъ и вице-инквизиторомъ Нанта Жаномъ Блониномъ [1]).

Отчеты суда неполны и ничего не говорятъ намъ о судьбѣ слугъ Жиля, но можно думать, что въ промежуткѣ между двумя явками его на судъ судьи широко примѣнили къ нимъ пріемы Инквизиціи для полученія нужныхъ разоблаченій. Данныя, полученныя такимъ путемъ, были, по всей вѣроятности, распространены между публикой, чтобы настроить мнѣніе въ пользу обвиненія, такъ какъ 28-го нѣкоторые изъ потерпѣвшихъ родителей, подтвердившіе свое первое показаніе, слышали, что ла-Меффрэ, самый дѣятельный изъ всѣхъ поставщиковъ Жиля, сознался послѣ заключенія въ свѣтскую тюрьму, что онъ передалъ ихъ дѣтей своему господину. Въ этотъ день судебнаго присутствія 28-го числа были выслушаны только эти десять свидѣтелей, которые сообщили много подробностей по дѣлу о пропажѣ ихъ дѣтей. Жиля на судѣ при этомъ не было; очевидно, пытка, которой подвергли его служителей, не дала еще удовлетворительныхъ результатовъ, такъ какъ продолженіе дѣла было отложено до 8-го октября [2]).

На слѣдующихъ засѣданіяхъ суда, повидимому, не соблюдали правила держать въ тайнѣ предварительное слѣдствіе. Очевидно, очень хотѣли возбудить противъ обвиняемаго общественное мнѣніе, такъ какъ зала Туръ-Невъ была полна публики. Засѣданіе 8-го октября началось при страшныхъ крикахъ несчастныхъ родителей, призывавшихъ правосудіе на того, кто похитилъ ихъ дѣтей и совершилъ такъ много другихъ ужасныхъ преступленій. Они перечислили цѣлый рядъ черныхъ злодѣйствъ, такъ что ясно было видно, что послѣ ихъ послѣдней явки въ судъ ихъ невѣдѣніе было старательно восполнено. Эта драматическая сцена, напоминающая хоры греческой трагедіи, была возобновлена 11-го; послѣ этого, такъ какъ выходъ, очевидно, произвелъ ожидаемый эффектъ, эти статисты болѣе не появлялись [3]).

Въ засѣданіи 8-го октября обвинитель представилъ на словахъ перечень обвинительныхъ пунктовъ. Жиль апеллировалъ на этотъ судъ, но такъ какъ эта апелляція была голословна, то ее немедленно отвергли, даже не предложивъ подсудимому помощи адвоката или нотаріуса для написанія акта по формѣ. Если только что-либо можетъ возбуждать наше состраданіе къ подобному преступнику, то это, конечно, та пародія на судъ, тотъ процессъ, въ теченіе котораго обвиняемый, одинъ, безъ всякой помощи, долженъ былъ спасать свою жизнь, если бы онъ могъ сдѣлать это безъ приготовленія и безъ всякихъ средствъ къ защитѣ. Виновность его была несомнѣнна; но если бы онъ былъ и невиновенъ, то результатъ былъ бы тотъ же. Однако, пренія не велись simpliciter et de plano, согласно съ инквизиціоннымъ судопроизводствомъ; здѣсь было нѣкоторое подобіе litis contestatio. Обвинитель принесъ juramentum de calumnia, присягу

[1]) Bossard et Maulde, op. cit. Preuves, стр. III—IV, V.—Jean Chartier, «Hist. de Charles VII», ann. 1440 (изд. Годфруа, 106).

[2]) Bossard et Maulde, op. cit. Preuves, стр. VI—IX.

[3]) Bossard et Maulde, op cit. Preuves, стр. IX, XII.

Библиотека "Руниверс"

говорить правду и воздерживаться отъ всякой лжи, и просилъ, чтобы и съ Жиля была взята такая же присяга, какъ это требовалось по закону. Но Жиль упорно отказывался, несмотря на четырехкратное требованіе и угрозу отлученія отъ Церкви. Онъ не принималъ никакого участія въ этихъ преніяхъ и лишь утверждалъ ложность всѣхъ обвиненій [1]).

Положеніе еще ухудшилось на засѣданіи 13-го числа, когда обвиненія были изложены на письмѣ и представили внушительный списокъ въ сорокъ девять пунктовъ. Епископъ и инквизиторъ спросили Жиля, что онъ можетъ сказать въ свою защиту; обвиняемый гордо заявилъ, что не признаетъ надъ собой суда этихъ людей, что онъ подалъ на нихъ апелляцію и не будетъ отвѣчать на предъявленныя обвиненія. Затѣмъ, давъ волю своему гнѣву, онъ клеймилъ своихъ судей, какъ симонистовъ и преступниковъ; говорилъ, что для него позоръ находиться передъ ними, что онъ предпочитаетъ быть повѣшеннымъ, чѣмъ признать ихъ за судей; онъ удивлялся, что Петръ де л'Опиталь, президентъ, или высшій магистратъ Бретани, присутствовавшій при этихъ дебатахъ, допустилъ, чтобы духовныя лица судили преступленія, подобныя тѣмъ, въ которыхъ обвиняли его. Несмотря на эти возраженія, было приказано прочесть обвинительный актъ; Жиль заявилъ, что актъ этотъ сплошная ложь, и отказался дать формальный отвѣтъ. Тогда послѣ нѣсколькихъ предупрежденій епископъ и инквизиторъ объявили его мятежнымъ и отлучили отъ Церкви. Онъ снова подалъ апелляцію; она была отвергнута, какъ «пичтожная», и подсудимому дали сорокъ восемь часовъ на подготовку къ защитѣ [2]).

Обвинительный актъ, очень длинный и подробный, свидѣтельствуетъ, по мелочности приводимыхъ въ немъ фактовъ, что къ этому времени успѣли вырвать у слугъ Жиля серьезныя признанія. Впервые въ этомъ актѣ выступаетъ на сцену святотатство и нарушеніе неприкосновенности духовнаго лица, проступокъ, совершенный въ С.-Этьенѣ; обвиненіе въ убійствѣ дѣтей упоминается только, какъ фактъ побочный и связанный съ другими преступленіями; между тѣмъ было собрано все, что можно было поставить ему въ вину, до его излишества въ столѣ включительно, которое вызывало, какъ утверждали, его остальныя безчинства. Ловко воспользовались его мимолетными порывами раскаянія и его обѣщаніями исправиться, чтобы представить его еретикомъ-рецидивистомъ и отнять, такимъ образомъ, у него всякую надежду на спасеніе. Въ заключеніе обвинитель распредѣлялъ обвиненія между двумя судами. Епископъ и инквизиторъ должны были вдвоемъ судить вѣроотступничество и призываніе демоновъ; а епископъ одинъ долженъ былъ вынести приговоръ по обвиненіямъ въ противоестественныхъ преступленіяхъ и святотатствѣ, такъ какъ это было неподсудно Инквизиціи. Отмѣтимъ, что объ алхиміи не было упомянуто ни слова; очевидно, алхимія не причислялась къ запрещеннымъ наукамъ [3]).

Трудно понять, что произошло дальше. Когда черезъ день, 15-го числа, Жиль былъ приведенъ на судъ, то это былъ уже совсѣмъ другой человѣкъ. Чѣмъ повліяли на него за это время? Единственно возможное объясненіе то, что онъ понялъ изъ подробностей обвинительнаго акта, что его слуги были принуждены выдать его, что дальнѣйшее упорство приведетъ его только къ пыткѣ, и что, заботясь прежде всего о спасеніи своей души, онъ можетъ попасть въ рай, только покорившись Церкви и подчинившись ея рѣшенію. Однако, онъ не могъ еще рѣшиться унизиться настолько, чтобы принести публично новое сознаніе. Онъ смиренно призналъ судьями епископа и инквизитора. Преклонивъ колѣни, плача и вздыхая, онъ просилъ прощенія за нанесенныя имъ оскорбленія и умолялъ, чтобы съ него сняли отлученіе отъ Церкви, которое онъ навлекъ на себя своимъ непокорствомъ; онъ далъ въ руки обвинителя juramentum de calumnia;

---

[1]) Bossard et Maulde, op. cit. Preuves, стр. XI—XII.
[2]) Bossard et Maulde, Preuves, стр. XIII—XIV.
[3]) Bossard et Maulde, Preuves, стр. XVII—XXX.

Библиотека "Руниверс"

онъ признался въ общихъ словахъ, что онъ не имѣетъ возраженій противъ возведенныхъ на него обвиненій, и сознался въ преступленіяхъ, въ которыхъ его обвиняли. Когда же ему предложили отвѣчать seriatim на пункты, онъ тотчасъ началъ отрицать, чтобы онъ когда-либо вызывалъ или приказывалъ вызывать злого духа; правда, онъ занимался алхиміей, но онъ готовъ отдать себя на сожженіе, если вызванные свидѣтели, показанія которыхъ онъ признавалъ заранѣе, докажутъ, что онъ вызывалъ демоновъ, заключалъ съ ними договоры или приносилъ имъ жертвы. Что касается другихъ обвиненій, то онъ отрицалъ ихъ одно за другимъ, какъ ложныя, но предложилъ обвинителю привести, какихъ ему будетъ угодно, свидѣтелей и соглашался принять ихъ показанія, какъ окончательныя. Хотя во всемъ этомъ есть противорѣчіе, бросающее тѣнь сомнѣнія на вѣрность оффиціальнаго отчета, тѣмъ не менѣе это противорѣчіе можетъ быть объяснено увертками, вполнѣ понятными въ томъ положеніи, въ какомъ находился обвиняемый. Однако, онъ отказался отъ своихъ словъ, когда были введены его слуги и агенты, Анріэ, Пуату, Прелати, Бланше и его двѣ поставщицы, и когда имъ въ его присутствіи предложили принести присягу. Онъ отклонилъ предложеніе епископа и инквизитора, предоставившихъ ему самому руководить допросомъ этихъ свидѣтелей, и объявилъ, что приметъ ихъ показанія безъ всякой оговорки и отвода. То же было 15-го и 19-го, когда другіе свидѣтели приносили въ его присутствіи присягу. Однако, эти свидѣтели были допрошены нотаріусомъ особо. Показанія Анріэ и Пуату, сохранившіяся до насъ, содержатъ отвратительный перечень самыхъ гнусныхъ преступленій; даны самыя мелочныя подробности. Тожественность обоихъ показаній въ самыхъ мелкихъ пунктахъ, гдѣ естественно было бы забыть что-нибудь и впасть въ разногласіе, сильно заставляетъ думать, что были «обработаны» свидѣтели или протоколы. Равнымъ образомъ и Прелати далъ массу подробностей относительно некромантіи, и довольно трудно понять, какъ этотъ некромантъ, вполнѣ заслуживший костра, избѣжалъ, повидимому, всякаго наказанія; то же можно сказать о Бланше, о Меффрэ, о другой поставщицѣ и о многихъ подсудимыхъ. Надо также отмѣтить отсутствіе обычной формулы, что эти признанія или показанія сдѣланы безъ насилія, не подъ страхомъ и безъ подкупа [1]).

Въ засѣданіи 20-го октября снова спросили Жиля, не желаетъ ли онъ представить какія-либо замѣчанія; онъ отвѣтилъ отрицательно. Онъ просилъ немедленнаго обнародованія свидѣтельскихъ показаній, собранныхъ противъ него, и, когда ему прочли показанія его соучастниковъ, онъ заявилъ, что принимаетъ ихъ; въ дѣйствительности, это чтеніе было лишнимъ послѣ того, что уже сказалъ Жиль и въ чемъ согласился сознаться. Можно было думать, что этихъ показаній будетъ совершенно достаточно, такъ какъ виновность его была доказана и признана; но дьявольское любопытство суда той эпохи никогда ничѣмъ не удовлетворялось, пока не добивалось отъ обвиняемаго формальнаго и полнаго признанія. Такъ и здѣсь, обвинитель настоятельно просилъ епископа и инквизитора допросить Жиля, чтобы, какъ говорилъ онъ, болѣе полно освѣтить истину. Были спрошены эксперты и было рѣшено примѣнить пытку [2]).

Жиль все разсчитывалъ, что его избавятъ отъ униженія полнаго признанія; но подобнаго отступленія отъ правила не могли допустить. На другой день, 21-го октября, епископъ и инквизиторъ приказали ввести обвиняемаго и подвергнуть его допросу. Все было для этого готово, когда Жиль смиренно попросилъ отсрочки до слѣдующаго дня; за это время онъ разсчитывалъ набраться мужества и удовлетворить любопытство судей безъ помощи пытки. Онъ просилъ, кромѣ того, чтобы епископу С.-Бріёка и Петру де л'Опиталь было поручено допросить его и выслушать его сознаніе въ другомъ

[1]) Bossard et Maulde, Preuves, стр. XXXII, XXXVI, XXXVII—XXXVIII, LXIV—LXXII, LXXIII—LXXXI, LXXXII—XCII, XCIII—CI.

[2]) Bossard et Maulde, Preuves, стр. XLI—XLII.

Библиотека "Руниверс"

мѣстѣ, а не въ застѣнкѣ. На послѣднюю просьбу судьи согласились, но отсрочку дали только на два часа, обѣщая отложить пренія до слѣдующаго дня, если обвиняемый принесетъ сознаніе. Признаніе, сдѣланное послѣ полудня Жилемъ, было дано имъ «свободно и добровольно безъ всякаго давленія», если вѣрить оффиціальному акту; здѣсь мы еще разъ видимъ, какое можно придавать значеніе этимъ обычнымъ формуламъ [1]).

Жиль сразу сознался передъ назначенными судомъ комиссарами во всѣхъ преступленіяхъ, въ которыхъ его обвиняли. Петръ де л'Опиталь съ трудомъ могъ повѣрить въ справедливость разсказа и энергично просилъ обвиняемаго объяснить, что побуждало его къ подобнымъ ужаснымъ преступленіямъ. Его не удовольствовалъ отвѣтъ Жиля, что онъ просто хотѣлъ удовлетворить свои страсти; наконецъ, Жиль вскричалъ: «По истинѣ, не было никакихъ другихъ поводовъ или намѣреній, кромѣ тѣхъ, что я вамъ сказалъ. Я признался вамъ въ вещахъ, болѣе тяжелыхъ, чѣмъ эти, я сознался вамъ столько, что можно десять тысячъ человѣкъ приговорить къ смерти»! Предсѣдатель не настаивалъ болѣе на этомъ, но послалъ за Прелати. Каждый соучастникъ добровольно подтвердилъ показанія другого; затѣмъ они, горячо простившись, разстались со слезами [2]).

О пыткѣ больше не было вопроса, и Жиль отнынѣ оставался вѣренъ своему новому направленію. Очевидно, онъ рѣшилъ попасть въ рай, принесши чистосердечное раскаяніе и получивъ прощеніе Церкви; въ дальнѣйшемъ процессѣ этотъ необыкновенный человѣкъ велъ себя такъ, какъ никто и никогда. На другой день, 22-го октября, когда гордый и надменный баронъ предсталъ предъ своими судьями, то онъ выразилъ желаніе, чтобы его признаніе было прочтено всенародно, дабы этимъ смиреніемъ онъ могъ заслужить прощеніе отъ Бога. Не удовлетворившись этимъ первымъ выраженіемъ раскаянія, онъ добавилъ къ своему сознанію новыя подробности относительно совершенныхъ имъ жестокостей, такъ что все это производило такое впечатлѣніе, будто онъ хотѣлъ принести Богу въ жертву всю свою гордость. Въ концѣ концовъ, обратившись къ присутствующимъ съ убѣжденіемъ относиться къ Церкви съ уваженіемъ и послушаніемъ, онъ умолялъ ихъ со слезами молиться за него и просилъ прощенія у родителей, дѣтей которыхъ онъ убилъ [3]).

25-го онъ долженъ былъ выслушать приговоръ. Послѣ того какъ епископъ и инквизиторъ посовѣтовались, какъ подобало, съ экспертами, были прочтены оба постановленія. Первымъ, вынесеннымъ обоими судьями, Жиль осуждался, какъ еретикъ, въ вѣроотступничествѣ и ужасномъ призываніи демоновъ, преступленіяхъ, за которыя онъ подлежалъ отлученію отъ Церкви и другимъ предусмотрѣннымъ закономъ наказаніямъ и подлежалъ наказанію, согласно предписаніямъ каноническаго права. Второй приговоръ, въ такой же формѣ, былъ вынесенъ однимъ епископомъ; имъ обвиняемый осуждался за преступленія противъ природы, за святотатство и нарушеніе неприкосновенности лицъ духовнаго званія. Ни въ одномъ изъ этихъ двухъ приговоровъ не указывалось наказанія, а такъ какъ осужденный не былъ объявленъ рецидивистомъ, то его нельзя было передать въ руки свѣтской власти; повидимому, находили лишнимъ накладывать на него какое-либо духовное наказаніе, такъ какъ свѣтскій судъ pari passu велъ слѣдствіе, исходъ котораго не подлежалъ сомнѣнію. Духовный судъ не затронулъ обвиненія въ убійствѣ, ограничившись возбужденіемъ народнаго гнѣва, и предоставилъ это свѣтскому суду, какъ единственно компетентному въ дѣлахъ подобнаго рода. Словомъ, этотъ процессъ, столь обстоятельный и мелочный, не привелъ ни къ чему, если не считать, что онъ вызвалъ уголовное дѣло и далъ законное основаніе къ конфискаціи владѣній Жиля [4]).

[1]) Bossard et Maulde, Preuves, стр. XLIII—XLV.
[2]) Bossard et Maulde, Preuves, стр. XLV—XLVII.
[3]) Bossard et Maulde, Pr., стр. XLVIII—LVIII.
[4]) Bossard et Maulde, Pr., стр. LXIII—LXIV.

Библиотека "Руниверс"

По прочтеніи приговоровъ осужденнаго спросили, желаетъ ли онъ вступить въ лоно Церкви. Онъ отвѣтилъ, что никогда не зналъ, что такое ересь, и никогда не впадалъ въ это преступленіе; но такъ какъ Церковь признала его виновнымъ, то онъ на колѣняхъ съ плачемъ и рыданіями проситъ воссоединенія съ Церковью; когда же было приступлено къ этой церемоніи, то онъ молилъ объ отпущеніи грѣховъ, которое было дано ему. Тотъ фактъ, что Жиль, осужденный за ересь, былъ прощенъ безъ того, чтобы подвергнуться неизбѣжнымъ формальностямъ отреченія, ясно свидѣтельствуетъ, что все это дѣло было простою плутнею, и что епископъ и инквизиторъ заботились только о томъ, какъ бы достигнуть тайной цѣли. Онъ выразилъ желаніе исповѣдываться, и ему немедленно послали кармелитскаго монаха изъ Пэёрмеля Жана Жувеналя [1]).

Изъ Туръ-Невъ, гдѣ происходили засѣданія духовнаго суда, Жиль сейчасъ же перешелъ на судъ свѣтскій, засѣдавшій въ Буффэ. Послѣдній началъ свое разслѣдованіе 18-го сентября и дѣятельно занялся собираніемъ свидѣтельскихъ показаній относительно умерщвленія дѣтей; кромѣ того, предсѣдатель Петръ де л'Опиталь присутствовалъ почти при всемъ духовномъ судопроизводствѣ и лично выслушалъ признанія Жиля; поэтому судьи были вполнѣ въ курсѣ дѣла; они уже и раньше приговорили къ висѣлицѣ и костру Анріэ и Пуату. Когда Жиль предсталъ передъ судомъ, онъ немедленно сознался во всѣхъ преступленіяхъ, указанныхъ въ обвинительномъ актѣ. Петръ убѣждалъ его признаться во всемъ, обѣщая смягченіе наказанія, полагавшагося за его преступленія; онъ охотно согласился. Послѣ этого предсѣдатель спросилъ мнѣніе членовъ суда, и всѣ единогласно высказались за смертную казнь; нѣкоторое разногласіе произошло лишь относительно вида казни. Наконецъ, предсѣдатель объявилъ, что преступникъ подлежитъ poenis pecunialibus, которыя должны быть обращены на его имущество и земли «съ умѣренностью правосудія». Въ наказаніе за свои преступленія Жиль долженъ быть повѣшенъ и сожженъ, а чтобы дать ему время испросить божеское милосердіе, казнь была назначена на другой день въ часъ дня. Жиль благодарилъ судъ за такую отсрочку и выразилъ желаніе, чтобы его слуги Анріэ и Пуату, совершившіе преступленіе одновременно съ нимъ, были и казнены вмѣстѣ съ нимъ, виновникомъ ихъ преступленій, чтобы онъ могъ дать имъ добрые совѣты, показать имъ, какъ надо умирать и содѣйствовать, съ милостью Бога, ихъ спасенію. Если эти люди не увидятъ его смерти, говорилъ онъ, они могутъ подумать, что онъ избѣгъ наказанія, а это можетъ ихъ довести до отчаянія. Судьи не только уступили этой просьбѣ, но предложили Жилю избрать мѣсто погребенія; онъ указалъ на кармелитскую церковь, гдѣ были погребены герцоги и наиболѣе знаменитые мужи Бретани. Послѣдней просьбой его было, чтобы попросили епископа и духовенство устроить на другой день, раньше его казни, торжественное шествіе, и чтобы они молили Бога дать слугамъ и ихъ хозяину горячую вѣру въ возможность спасенія. Эта просьба была исполнена, и на другой день представилось слѣдующее странное зрѣлище: духовенство въ сопровожденіи всего населенія Нанта, громко требовавшаго передъ этимъ смерти Жиля, шло въ торжественной процессіи по улицамъ съ пѣніемъ и молитвами о его спасеніи [2]).

Прибывъ на мѣсто казни, Жиль старался ободрить своихъ слугъ, которыхъ онъ довелъ до столь позорной смерти, и ручался имъ, что послѣ того, какъ души ихъ покинутъ тѣла, всѣ они соединятся въ раю. Слуги, какъ и ихъ хозяинъ, проявили полное раскаяніе и были проникнуты высокими христіанскими надеждами; они громко заявили, что съ радостью идутъ на смерть, глубоко вѣруя въ милосердіе Божіе. Всѣхъ ихъ подняли на помосты, возвышавшіеся надъ кострами дровъ; на шею накинули имъ веревки, при-

[1]) Bossard et Maulde, Pr., стр. LX—LXI.

[2]) Bossard et Maulde, стр. 333; Pr., стр. CXLI—CXLIV.

Библиотека "Руниверс"

вязанныя къ висѣлицѣ, и приняли помосты, а когда они повисли, подожгли костры. Анріэ и Пуату превратились въ пепелъ, но когда трупъ Жиля, благодаря перегорѣвшей веревкѣ, упалъ въ огонь костра, его родственницы кинулись и вынесли его изъ пламени. Были устроены торжественныя похороны, и говорятъ, что члены его семейства сохраняли его кости, какъ священные останки, свидѣтельствующіе о его раскаяніи [1]).

По бретонскимъ законамъ казнь преступника влекла за собой конфискацію его движимаго имущества въ пользу имѣющаго судебную власть сеньора; но на недвижимое имѣніе нельзя было наложить запрещенія. Мы уже видѣли, что во всѣхъ случаяхъ обвиненіе въ ереси влекло за собою конфискацію всего имущества и лишало два поколѣнія гражданскихъ правъ. Жиль былъ признанъ еретикомъ, но вердиктъ свѣтскихъ судей неясенъ относительно вопроса о конфискаціи, и въ сложномъ, долгомъ спорѣ, возникшемъ изъ-за наслѣдства, трудно установить, въ какой мѣрѣ была примѣнена конфискація. Лѣтъ двадцать спустя въ «Докладной запискѣ наслѣдниковъ» говорится, что смерть искупила преступленія Жиля и уничтожила всѣ мотивы къ конфискаціи; поэтому можно признать за несомнѣнное, что конфискація произошла. Несомнѣнно, что въ 1450 г. Рекэ Анжуйскій конфисковалъ Шантосэ и Энграндъ, которые находились въ предѣлахъ его судебнаго вѣдомства, и уступилъ ихъ герцогу, чтобы утвердить титулъ послѣдняго. Съ другой стороны, Карлъ VII, желая придти на помощь наслѣдникамъ, воспретилъ конфискацію [2]).

Обычное въ подобныхъ случаяхъ ограниченіе правъ не распространилось на потомковъ Жиля, и на домъ Рэ всегда смотрѣли, какъ на достойный самыхъ высокихъ брачныхъ союзовъ. Черезъ годъ послѣ вдовства Екатерина де Туаръ вышла замужъ за Жана де Вандомъ, намѣстника Картезіанцевъ, а въ 1442 г. дочь Жиля Марія вышла замужъ за адмирала Франціи Прежана де Коэтиви, одного изъ самыхъ могущественныхъ вельможъ королевскаго двора. Очевидно, этотъ вельможа считалъ бракъ этотъ весьма желательнымъ, такъ какъ въ брачномъ контрактѣ онъ принялъ на себя весьма тяжелыя обязательства: онъ принялъ на себя хлопоты о возвратѣ отчужденныхъ и конфискованныхъ имѣній и успѣлъ вернуть нѣкоторыя наиболѣе богатыя помѣстья, каковы Шантосэ и Энграндъ; но онъ умеръ въ 1450 г. при осадѣ Шербурга, раньше чѣмъ успѣлъ воспользоваться своими пріобрѣтеніями. Немного спустя Марія вышла замужъ за Андрэ де Лаваль, маршала и адмирала Франціи, который умѣлъ съ уваженіемъ относиться къ правамъ своей жены; когда она умерла бездѣтной въ 1457 г., то наслѣдство перешло въ руки брата Жиля, Ренэ де ла Сюзъ. Началось безконечное дѣло, продолжавшееся до смерти Ренэ, послѣдовавшей въ 1474 г. Покойный оставилъ только одну дочь, вышедшую замужъ въ 1464 г. за принца де Деоль; отъ этого брака родился только одинъ сынъ Андрэ де Шовиньи, умершій бездѣтнымъ въ 1502 г.; съ нимъ кончился родъ. Баронское достоинство де Рэ перешло къ дому де Турнемина, а затѣмъ къ Гонди; во второй разъ имя это сдѣлалось знаменитымъ въ XVII в., благодаря кардиналу де Ретцъ [3]).

Признавая очевидную виновность Жиля де Рэ, мы имѣемъ право, въ виду низкихъ интересовъ, которые лежали въ основаніи этого дѣла, сомнѣваться въ искренности процесса и осужденія. Судьба соучастниковъ еще болѣе увеличиваетъ наши сомнѣнія въ этомъ отношеніи. Кажется, только Анріэ и Пуату понесли наказаніе; нигдѣ не засвидѣтельствовано, чтобы еще кого-нибудь постигла смертная казнь, хотя ихъ преступленія были достаточно велики, чтобы заслужить самое строгое наказаніе, и легкость, съ которой при помощи пытки обвиняемые сами подтверждали свои преступленія, избавляла отъ необходимости прибѣгать къ обѣщанію помилованія въ случаѣ признанія. Жиль де Силле, считав-

[1]) Bossard et Maulde, стр. 337—41.

[2]) Très Anc. Cout. de Bretagne, c. 108 (Bourdot de Richebourg, IV, 228).—Bossard et Maulde, стр. 357, 377.

[3]) Bossard et Maulde, 370—82.

Библиотека "Руниверс"

шійся самымъ виновнымъ среди дурныхъ совѣтчиковъ Жиля, безслѣдно пропалъ. Рядомъ съ нимъ надо поставить Рожера де Бриквилль, въ отношеніи котораго семья Жиля проявила какую-то довольно таинственную угодливость. Марія де Рэ окружала дѣтей Рожера самыми внимательными заботами; въ 1446 г. онъ получилъ отъ Карла VII отдѣльныя граматы, которыхъ онъ, конечно, не получилъ бы, если бы за него не хлопоталъ Прежанъ де Коэтиви. Послѣдній въ письмѣ своемъ въ 1449 г. къ своему брату Оливье посылаетъ дружескій привѣтъ Рожеру [1]).

Если историкъ думаетъ, что въ этомъ исключительномъ дѣлѣ непроницаемая тайна скрываетъ еще истину, то крестьяне Бретани нисколько въ ней не сомнѣвались. Въ ихъ глазахъ Жиль былъ воплощеніемъ жестокости и безсердечія. Я недостаточно знакомъ съ народными преданіями, чтобы высказаться по поводу гипотезы Боссара, который видитъ къ Жилѣ прототипъ Синей Бороды, чудовища дѣтскихъ разсказовъ, всемірно прославленнаго въ томъ видѣ, какой далъ ему Шарль Перро. Однако, не признавая даже за этой легендой бретонскаго происхожденія, мы не можемъ не признать, что въ Бретани, Вандеѣ, Анжу и Пуату, гдѣ находились любимыя владѣнія ужаснаго барона, его называли Синей Бородой; быть можетъ, болѣе древняя исторія о семи убитыхъ женахъ была связана съ именемъ человѣка, имѣвшаго только одну жену и погибшаго раньше ея. Преданіе разсказываетъ, что демонъ измѣнилъ въ ярко-синій цвѣтъ чудный русый цвѣтъ бороды Жиля, которою онъ гордился, и въ глазахъ крестьянъ повсюду, въ Тиффожѣ, въ Шантосэ, Машкуль, Синяя Борода представляется владѣльцемъ замка, гдѣ Жиль царствовалъ надъ ихъ предками. Еще до сихъ поръ путникъ, проходя вечеромъ мимо страшныхъ развалинъ, осѣняетъ себя крестнымъ знаменіемъ, задерживаетъ дыханіе. Въ балладахъ имя барона Рэ употребляется рядомъ съ именемъ Синей Бороды для обозначенія одного и того же лица. Жанъ де Малеструа, епископъ Нанта, рисуется тѣмъ борцомъ, который освободилъ напуганный народъ отъ ихъ угнетателя [2]).

Другая фаза въ развитіи народнаго вѣрованія въ чародѣйство выступаетъ въ исторіи донъ Энрико Арагонскаго, обыкновенно называемаго маркизомъ де Вильена. Онъ родился въ 1384 г. и соединилъ въ себѣ королевскую кровь Кастиліи и Арагоніи. Его дѣдъ, герцогъ Гандіа, коннетабль Кастиліи, предназначалъ его военной карьерѣ и ограничилъ образованіе молодого человѣка изученіемъ рыцарскихъ наукъ. Но ребенокъ настолько желалъ образованія, что преодолѣлъ всѣ преграды; вскорѣ онъ поражалъ своими знаніями своихъ неграмотныхъ товарищей. Онъ говорилъ на нѣсколькихъ языкахъ, обладалъ до извѣстной степени поэтическимъ талантомъ и сдѣлался плодовитымъ историкомъ. Тайныя науки составляли слишкомъ крупную отрасль знанія той эпохи, чтобы можно было пренебрегать ими; онъ прославился своимъ умѣніемъ предсказывать и толковать сны, чиханія и предчувствія—все это, говорили, не подходило ни князю королевской крови, ни доброму католику. Поэтому его невысоко цѣнили короли и мало уважали дикіе рыцари Испаніи. Впрочемъ, намъ говорятъ о немъ съ мало скрываемымъ пренебреженіемъ, какъ о человѣкѣ, который, несмотря на всѣ свои познанія, не зналъ того, что слѣдовало бы ему знать по его положенію, былъ неспособенъ держать себя сообразно съ своимъ саномъ, понимать окружающую жизнь и даже руководить своимъ собственнымъ домомъ; онъ былъ малъ и толстъ и страстно любилъ женщинъ и хорошій столъ. Надъ его астрологическими знаніями смѣялись, говоря, что онъ знаетъ лучше, что творится на небѣ, чѣмъ то, что дѣлается на землѣ. Онъ бросилъ свою жену и отрекся отъ графства Тинео, чтобы стать гросмейстеромъ ордена Калатравы; но король скоро лишилъ его этого званія, такъ что онъ, какъ говоритъ соста-

[1]) Bossard et Maulde, 380; Preuves, стр. CXLV—CXLVI.
[2]) Bossard et Maulde, 406, 408, 412.

Библиотека "Руниверс"

витель хроники, сразу потерялъ двѣ почетныхъ должности. Умеръ онъ въ 1434 г. пятидесяти лѣтъ отъ роду. Послѣ его смерти его книги были, по приказанію короля Іоанна II, разсмотрѣны братомъ Лопе де Барріентосъ, бывшимъ позднѣе епископомъ въ Куенкѣ, а въ то время занимавшимъ постъ профессора въ Саламанкѣ и наставника инфанта Энрико. Братъ Лопе публично сжегъ часть этихъ книгъ на площади доминиканскаго монастыря въ Мадридѣ, гдѣ былъ похороненъ маркизъ. Остальныя же книги онъ, по всей вѣроятности, сохранилъ, чтобы пользоваться ими при составленіи тѣхъ своихъ работъ, которыя онъ писалъ по порученію короля по вопросу о тайныхъ наукахъ.

Несомнѣнно, донъ-Энрико былъ человѣкомъ выдающимся по своему умственному развитію, и его презирали его грубые современники, которые не могли видѣть въ его разнообразныхъ талантахъ ничего иного, какъ ловкость въ чародѣйствѣ, которымъ было полно народное воображеніе. Но онъ не былъ простымъ чародѣемъ. Въ своихъ комментаріяхъ на Энеиду онъ говоритъ о чародѣйствѣ, какъ о наукѣ запрещенной, и даетъ любопытную классификацію сорока различій, заключающихся въ этой наукѣ. Единственнымъ его сочиненіемъ по вопросу подобнаго рода, дошедшимъ до насъ, является трактатъ о дурномъ глазѣ. Какъ всѣ его современники, онъ не сомнѣвается въ этомъ; но дѣйствіе дурного глаза онъ приписываетъ естественнымъ причинамъ; въ длинномъ и ученомъ перечнѣ средствъ, употреблявшихся отъ глубокой древности у различныхъ народовъ, онъ совѣтуетъ читателю не прибѣгать къ средствамъ, связаннымъ съ суевѣріями, осужденными Церковью. Если бы онъ серьезно отдавался тайнымъ наукамъ, то онъ врядъ ли бы написалъ свое Искусство рѣзать, напечатанное въ 1766 г. Въ этой книгѣ онъ не только даетъ самыя мелочныя наставленія о томъ, какъ надо рѣзать различныя сорта мяса, птицъ, рыбъ и фруктовъ, но серьезно предлагаетъ основать школу, гдѣ бы юноши благороднаго происхожденія изучали эту необходимую для нихъ науку, причемъ болѣе искусные изъ нихъ должны были бы получать награды, привилегіи и почести.

Изъ этого ученаго, чуждаго міру, пренебрегаемаго и презираемаго при жизни, народная фантазія не преминула сдѣлать чародѣя, одареннаго чудесною силою. Легенда о немъ разрослась до того, что нѣтъ такой сумасшедшей выдумки, которой не приписывали бы ему. Онъ послѣ особыхъ заклинаній заставлялъ разрѣзать себя на куски и заключать въ бутылку, чтобы получить безсмертіе; онъ умѣлъ дѣлаться невидимымъ при помощи травы андромеда; онъ придавалъ солнцу цвѣтъ крови при помощи камня геліотропъ; при помощи мѣднаго таза онъ вызывалъ дождь и бурю; онъ угадывалъ будущее по камню хелонитъ; онъ отдалъ тѣнь свою діаволу въ подземелье Санъ-Цебріана. Однимъ словомъ, ему приписывали всѣ хитрости чародѣйства; онъ давалъ неисчерпаемый матеріалъ драматургамъ и разсказчикамъ, и до сихъ поръ онъ остался любимымъ чародѣемъ испанской сцены. На его примѣрѣ легко понять эволюцію миѳовъ, связанныхъ съ именами Михаила Скота, Роджера Бэкона, Альберта Великаго, Петра д'Абано, доктора Фауста и многихъ другихъ лицъ, популярныхъ въ исторіи некромантіи [1]).

---

[1]) La Fuente, «Epit. de la chronica del Rey don Juan II», lib. III, c. 23; lib. V, c. 27 (Fernan Perez de Gusman).—Monteiro, «Historia da Santa Inquisição» P. I, lib. II, c. 40.—Paramo, op. cit. 131.—La Fuente, «Hist. Gen. de España», IX, 60.—Pelayo, «Heterodoxos Españoles», I, 582, 608—11.—Amador de los Rios, «Revista de España», T. XVIII, стр. 15—16.

Библиотека "Руниверс"

Папа Левъ X и два кардинала (слѣва будущій папа Климентъ VII).

(Рафаэль, Флоренція, Palazzo Pitti).

СОБРАНІЕ КОЛДУНІЙ.

(P. Breughel, изъ соч. „Abergiaube", Fischer).

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА VII.

Колдуньи.

Въ то время какъ опасныя тайны оккультныхъ наукъ занимали князей и рыцарей и вліяли, какъ мы уже видѣли, на судьбу государствъ, магія въ теченіе полустолѣтія мало-по-малу развивалась совершенно своеобразно среди презираемаго населенія деревень. Эта частная форма запрещеннаго знанія до конца своего существованія вызвала такія огромныя бѣдствія, какъ ни одно другое суевѣріе, и наложила несмываемое пятно на цивилизацію Европы. Трудно провести рѣзкую границу между научной магіей и простонароднымъ колдовствомъ, такъ какъ и то, и другое были порождены одними и тѣми же вѣрованіями и соединялись цѣпью неуловимыхъ послѣдовательныхъ переходовъ. Но между ними существуетъ историческая разница: колдовство, къ изученію котораго мы приступаемъ, заявило о себѣ гораздо позднѣе, и до XV ст. мы его совершенно не встрѣчаемъ. Съ другой стороны, его адептами были не ученыя духовныя лица, не геніальные плуты, а невѣжественные крестьяне и по большей части даже женщины; иногда эти люди выдавали себя за одаренныхъ способностью помогать себѣ подобнымъ или губить ихъ, иногда эту способность приписывали имъ ихъ сосѣди, боявшіеся и ненавидѣвшіе ихъ.

О нихъ мало слышно въ теченіе мрачнаго средневѣковаго періода, но на зарѣ современной цивилизаціи они появляются, какъ феноменъ, причину котораго трудно разобрать Быть можетъ, это развитіе магіи было плодомъ усилій теолога доказать еретическій характеръ всѣхъ суевѣрныхъ обрядовъ, въ которыхъ, по опредѣленію Парижскаго университета, всегда былъ молчаливый договоръ съ Сатаною. Отсюда на невинные пріемы «добрыхъ женщинъ», собиравшихъ лѣкарственныя травы и наговаривавшихъ чары, стали смотрѣть, какъ на проявленіе культа демоновъ. А разъ подобная идея засѣла глубоко въ умахъ судей и инквизиторовъ, было неизбѣжно, чтобы при помощи пытки они добыли отъ своихъ жертвъ сознанія, отвѣчавшія ихъ желанію. Всякій новый процессъ добавлялъ какія-либо новыя подробности къ добытымъ ранѣе, такъ что, въ концѣ концовъ, набралось поразительное множество фактовъ, которые демонологисты старались распредѣлить по классамъ, чтобы облегчить задачу судей.

Этой гипотезѣ относительно происхожденія современнаго колдовства придаетъ еще большее вѣроятіе тотъ фактъ, что отличительной чертой его было поклоненіе Сатанѣ на шабашѣ, т.-е. на собраніи, происходившемъ обыкновенно ночью, куда мужчины и женщины прилетали по воздуху, то просто, то верхомъ на палкѣ или стулѣ, то сидя на демонѣ, принявшемъ видъ козы, собаки или другого какого-либо животнаго. На этихъ собраніяхъ совершали адскіе обряды и предавались грязному разврату. За исключеніемъ поклоненія діаволу, которое упоминается здѣсь впервые, вѣрованіе въ подобныя собранія встрѣчается въ суевѣріяхъ всѣхъ народовъ. У индусовъ вѣдьмы при помощи мистическихъ чаръ слетаются по ночамъ, совсѣмъ голыя, на мѣста своихъ собраній, гдѣ онѣ танцуютъ, или онѣ собираются на кладбищѣ, гдѣ наѣдаются до отвалу человѣческимъ мясомъ, или воскрешаютъ мертвыхъ, чтобы удовлетворить свои страсти. У евреевъ вѣдьма отправлялась на шабашъ съ распущенными волосами, какъ будто бы она лишалась своей таинственной силы, если волосы ея были подобраны. Мы уже видѣли Trolla-Thing скандинавскихъ племенъ, гдѣ вѣдьмы собирались и совершали свои святотатственные об-

Библиотека "Руниверс"

ряды [1]). Въ первый разъ упоминаніе объ этомъ въ Средніе Вѣка встрѣчается въ отрывкѣ рукописи не позднѣе IX вѣка. «Нѣкоторыя нечестивыя женщины, обратившись къ Сатанѣ, совращенныя прельщеніями и навожденіями нечистой силы, думаютъ и говорятъ, что онѣ по ночамъ ѣздятъ верхомъ съ Діаною на спинѣ нѣкоторыхъ животныхъ, въ сообществѣ съ безчисленнымъ множествомъ женщинъ, и пробѣгаютъ огромныя пространства, повинуясь приказаніямъ Діаны, какъ своей госпожи, которая сзываетъ ихъ въ извѣстныя ночи. Если бы еще онѣ однѣ только погибали въ своемъ нечестіи! Но онѣ увлекаютъ съ собой много людей. Безчисленныя толпы, обманутыя этимъ ложнымъ вѣрованіемъ, вѣрятъ во всѣ выдумки и впадаютъ, такимъ образомъ, въ языческія заблужденія. Поэтому священники должны повсюду проповѣдывать, что они знаютъ ложность этихъ заблужденій, что эти навожденія насылаются Злымъ Духомъ, совращающимъ людей во снѣ. Кому изъ насъ не бываетъ сновидѣній? Кто изъ насъ не видитъ во снѣ много такихъ вещей, которыхъ никогда не видалъ на яву? Кто будетъ настолько безуменъ, что станетъ утверждать, что тѣло испытываетъ дѣйствіе того, что происходитъ только въ одномъ умѣ? Нужно во всеуслышаніе говорить, что всякій, кто вѣритъ въ подобныя вещи, потерялъ вѣру, а всякій, кто не сохраняетъ истинной вѣры, принадлежитъ уже не Богу, а діаволу». Мы не знаемъ достовѣрно, какимъ образомъ это заявленіе было приписано Анкирскому собору, существованіе котораго не удалось установить еще точно. Но положеніе это было принято канонистами и внесено въ послѣдовательные сборники Реджино, Бурхарда, Ивона и Граціана. Среди ученыхъ это положеніе было извѣстно подъ именемъ Car. Episcopi. Выборъ Діаны предсѣдательницей фантастическихъ собраній связываетъ это суевѣріе съ римской древностью; Діана, отожествленная съ луной, естественно бродила по ночамъ; въ то же время она была воплощеніемъ одной изъ формъ тройственной Гекаты, излюбленной покровительницы чародѣевъ. Но во время господства варваровъ ея функціи видоизмѣнились. Въ VI в. говорится о «демонѣ, котораго крестьяне называютъ Діаной», который мучилъ одну молодую дѣвушку и наносилъ ей удары кнутомъ, пока Св. Цезарь Арльскій не заклялъ его. Діана была daemonium meridianum, и Іоаннъ XXII употребляетъ ея имя, какъ синонимъ суккуба. Нельзя понять, что заставило въ XI в. епископа Бурхарда при переписке этого текста прибавить къ Діанѣ Продіаду, имя которой сохранилось въ послѣдующихъ изданіяхъ; но въ другомъ мѣстѣ Бурхардъ замѣняетъ Діану тевтонской богиней Гольдой, которая то оказываетъ покровительство матерямъ семейства, то присоединяется къ арміи фурій Вуотана. Въ трактатѣ, приписываемомъ Св. Августину, но принадлежащемъ, по всей вѣроятности, аббату XII ст. Гуго изъ монастыря Св. Виктора, спутницей Діаны является Минерва, а въ нѣкоторыхъ болѣе позднихъ соборныхъ канонахъ мы встрѣчаемъ другую, по имени Бензоція или Бизація; но Іоаннъ Салисберійскій, упоминающій объ этомъ вѣрованіи, какъ о сонномъ бредѣ, говоритъ только объ Продіадѣ, которая предсѣдательствуетъ на торжественныхъ церемоніяхъ на этихъ полуночныхъ собраніяхъ. Мы находимъ также Гольду въ роли благодѣтельницы, когда она была предсѣдательницей на празднествахъ подъ именемъ Domina Abundia или Dame Habonde. Она была также царицей надъ dominae nocturnae, которыя по ночамъ посѣщали дома и щедро раздавали земныя блага. Въ 1211 г. Жервэ де Тильбюри свидѣтельствуетъ объ усиливающемся распространеніи этого суевѣрія, когда говоритъ о lamiae или mascae, которыя летаютъ по ночамъ и входятъ въ дома скорѣе для того, чтобы позволить себѣ злую шутку, чѣмъ сдѣлать злое дѣло; но онъ благоразумно обходитъ молчаніемъ вопросъ, бредни ли это, или дѣйствительный фактъ. Онъ самъ лично зналъ женщинъ, которыя летали по ночамъ съ этими ламіями; если какая-нибудь изъ нихъ не-

[1]) Weber, «Indische Skizzen», 112.—Wagenseilii «Comment. ad Mishna, Sootah», I. S.—Grimm's «Teuton. Mythol.» III, 1014.

Библиотека "Руниверс"

благоразумно произносила имя Христа, она тотчасъ же падала на землю. Черезъ пятьдесятъ лѣтъ Іоаннъ Мёнгъ (Meung) передаетъ, что путешествующія верхомъ съ Domina Abundia увѣряютъ, что онѣ составляютъ цѣлую треть населенія; и когда Инквизиція предприняла борьбу противъ магіи, то она, какъ мы уже видѣли въ предыдущей главѣ, внесла въ свои формулы допросовъ вопросъ о ночныхъ поѣздкахъ «добрыхъ женщинъ» [1]).

Такимъ образомъ Церковь, въ своихъ усиліяхъ уничтожить остатки язычества, предпочла смотрѣть на эти ночныя сборища, какъ на пустую выдумку, и объявила еретиками всѣхъ, кто вѣрилъ въ ихъ существованіе. Это ученіе, какъ часть канонической права, оставалось неизмѣннымъ; но рядомъ съ этимъ, вмѣстѣ съ развитіемъ ереси, возникли басни объ извѣстныхъ сборищахъ; характеръ всѣхъ этихъ басенъ въ общемъ тожественъ; въ нихъ еретики представляются почитающими демона подъ видомъ кошки или какого-нибудь другого животнаго и совершающими въ честь его святотатственные и нечестивые обряды. Подобныя исторіи распускались о катарахъ, схваченныхъ въ 1017 г. въ Орлеанѣ, а позднѣе и объ ихъ преемникахъ. Знаменитый Аланъ де Лиль производитъ даже имя катаровъ отъ существовавшаго у нихъ обычая цѣловать подъ хвостъ Люцифера, который являлся имъ въ видѣ кошки [2]). Сознанія, собранныя Конрадомъ Марбургскимъ у луциферіанъ, и нѣкоторыя признанія, вырванныя у тампліеровъ, показываютъ, что люди, занимавшіеся розыскомъ ереси, признали, въ концѣ концовъ, какъ вполнѣ возможное, подобныя собранія, а обвиняемые привыкли безконечно разукрашать свои разсказы объ этомъ; наконецъ, эти разсказы получили почти такое же внушительное развитіе, какъ и позднѣйшія басни о шабашѣ вѣдьмъ.

Однако, вѣра въ ночныя поѣздки подъ предводительствомъ Діаны и Иродіады удержалась до второй половины XV в.; въ это время ее объявили еретическою; всякій, кто будетъ упорно держаться этого заблужденія, узнавъ уже истину, будетъ объявленъ невѣрнымъ, худшимъ, чѣмъ язычникъ. Архіепископъ Флоренціи Св. Антонинъ, умершій въ

---

[1]) Frag. Capitular. c. 13 (Baluz. et Mansi, II, 365).—Reginon. «de Eccles. Discip.» II, 361.—364.—Burchard. «Decret.» XI, 1; XIX, 5.—Ivon. «Decret.» XI, 30.—Gratian. «Decret.» II. XXVII. V. 12.—Servius in Virgil. «Aeneid.» IV, 511; VI, 118.—Vit. S. Caesar. Arelat. Lib. II, c. 2.—Raynald. ann. 1317, № 53.—Grimm's «Teut. Mythol.» I, 268 sqq.—Finn Magnusen, «Boreal. Mythol. Lexicon», 7, 71, 567.—Lib. de Spiritu et Anima, c. 28.— Augerii Cenomanens. «Statut.» (Du Cange, s. v. «Diana»).—Concil. Trevirens. ann. 1310, c. 81 (Martène, «Thesaur.» IV, 257).—Concil. Ambianens. cap. III, № 8 (Martène, «Ampl. Coll.» VII, 1241).—Johann. Saresberiens. «Polycrat.» II. XVII.—Grimm's «Teut. Mythol.» III, 1055—57.—Wright's «Dame Kyteler», стр. IV, XXXVI.—Gervas. Tilberiens. «Otia Imp.» Decis. III, c. 86, 93.—Jean de Meung говоритъ:

«Maintes gens par lor folie
Cuident estre par nuict estrées
Errant avec Dame Habonde;
Et dient que par tout le monde
Li tiers enfant de nacion
Sunt de ceste condicion.»
(Roman de la Rose, 18624.—Wright, loc. cit.).

Въ житіи святого Германа Оксерскаго, переданномъ Яковомъ де Вораженнъ, имѣется разсказъ, показывающій генезисъ басни о Dame Habonde и о ея свитѣ, занимающейся домашними работами. При посѣщеніи одного дома Св. Германъ убѣдился, что обѣденный столъ былъ накрытъ «добрыми женщинами, которыя бродятъ по ночамъ». Онъ остался въ залѣ и увидѣлъ толпу демоновъ, которые, подъ видомъ мужчинъ и женщинъ, спѣшили заняться этимъ дѣломъ. Онъ приказалъ имъ остаться, а самъ разбудилъ жильцовъ дома, которыя узнали въ этихъ пришельцахъ своихъ сосѣдей; но когда произвели разслѣдованіе, то оказалось, что сосѣди находились у себя въ кроватяхъ, и демоны признались, что они приняли видъ спящихъ, чтобы обманути жильцовъ дома.—Jac. de Voragine, s. v. «S. Germanus.».

[2]) Pauli. Carnot. «Vet. Agano», Lib. VI, c. 3.—Adhemari Cabannens. ann. 1022.—Gualteri Mapes «de Nugis Curialium», Dist. I, c. 30.—Alani de Insulis «contra Haeret.» Lib. I, c. 63

Библиотека "Руниверс"

1459 г., въ своихъ наставленіяхъ исповѣдникамъ приказываетъ имъ спрашивать у кающихся, вѣрятъ ли они, что женщины могутъ оборачиваться въ кошекъ или другихъ животныхъ, летать по ночамъ и сосать кровь дѣтей—во всѣ тѣ вещи, которыя, по его словамъ, совершенно невозможны и вѣрить которымъ можетъ только одинъ сумасшедшій. Лѣтъ тридцать спустя Анджело де Кивасо и Бартоломео де Каймисъ воспроизвели эту инструкцію [1]). Но это вѣрованіе черезчуръ глубоко впѣдрилось въ народныя суевѣрія, чтобы его можно было искоренить. Въ половинѣ XIII в. вѣрный католикъ, доминиканецъ Ѳома Брабантскій, говоритъ о демонахъ, подобныхъ Діанѣ, что они переносятъ людей изъ одной области въ другую и внушаютъ имъ почитаніе смертныхъ, какъ боговъ. Другіе демоны, говоритъ онъ, похищаютъ женщинъ и замѣняютъ ихъ безчувственными изображеніями, которыя иногда принимаютъ за трупы и предаютъ погребенію. Такимъ образомъ, когда «добрыя женщины» изъ деревень были допрошены объ ихъ сношеніяхъ съ Сатаною, то онѣ подъ давленіемъ невыносимыхъ пытокъ не могли не удовлетворить своихъ судей разсказами о своихъ ночныхъ поѣздкахъ по воздуху. Судья и жертва общими силами успѣшно составляли связную исторію, соединявшую древнія народныя вѣрованія и разную клевету о тайныхъ еретическихъ сборищахъ; вскорѣ стали считать неполнымъ всякое признаніе колдуньи, если въ немъ не было разсказа объ участіи ея на шабашѣ, что признавалось окончательнымъ доказательствомъ ея преданія себя Сатанѣ. Эти исторіи были такъ распространены, что отрицаніе вѣры въ нихъ потрясло бы все зданіе колдовства. Теорія, что это—обманъ воображенія, была совершенно недопустима; демонологисты и инквизиторы не могли примирить фактовъ, казавшихся неоспоримыми, съ ученіемъ Церкви, осуждавшимъ эти вѣрованія, какъ еретическія. По этому вопросу вспыхнулъ горячій споръ. Одни держались стараго ученія, по которому демонъ не могъ перенести человѣческое тѣло или заставить это тѣло пройти черезъ очень узкое отверстіе; они старались объяснить признанные факты, преувеличивая могущество діавола, на котораго смотрѣли, какъ на производителя ложныхъ видѣній. Вѣдьма предавала себя въ руки Сатаны, произнося извѣстныя слова и натирая себя магической мазью; тогда діаволъ переносилъ наружный видъ или призракъ своей слуги туда, куда она хотѣла; во время этого путешествія тѣло колдуньи оставалось безчувственнымъ и было покрыто діавольскою тѣнью, которая дѣлала его невидимымъ; когда цѣль путешествія была выполнена, демонъ отводилъ призракъ обратно, соединялъ его съ тѣломъ и разсѣевалъ покровъ тѣни. Трудность здѣсь заключалась въ вопросѣ, можетъ ли діаволъ уносить человѣческія существа; споры по этому вопросу были очень горячіе. Альбертъ Великій въ спорѣ по этому вопросу съ епископомъ Парижа, о которомъ сообщаетъ намъ Ѳома Брабантскій, ссылался на случай съ дочерью графа Шваленберга, которую уносили регулярно каждую ночь на нѣсколько часовъ; это свидѣтельство чрезвычайно обрадовало сторонниковъ новаго ученія, дѣло кончилось тѣмъ, что собрали массу примѣровъ, подтверждавшихъ такое расширеніе могущества Сатаны [2]).

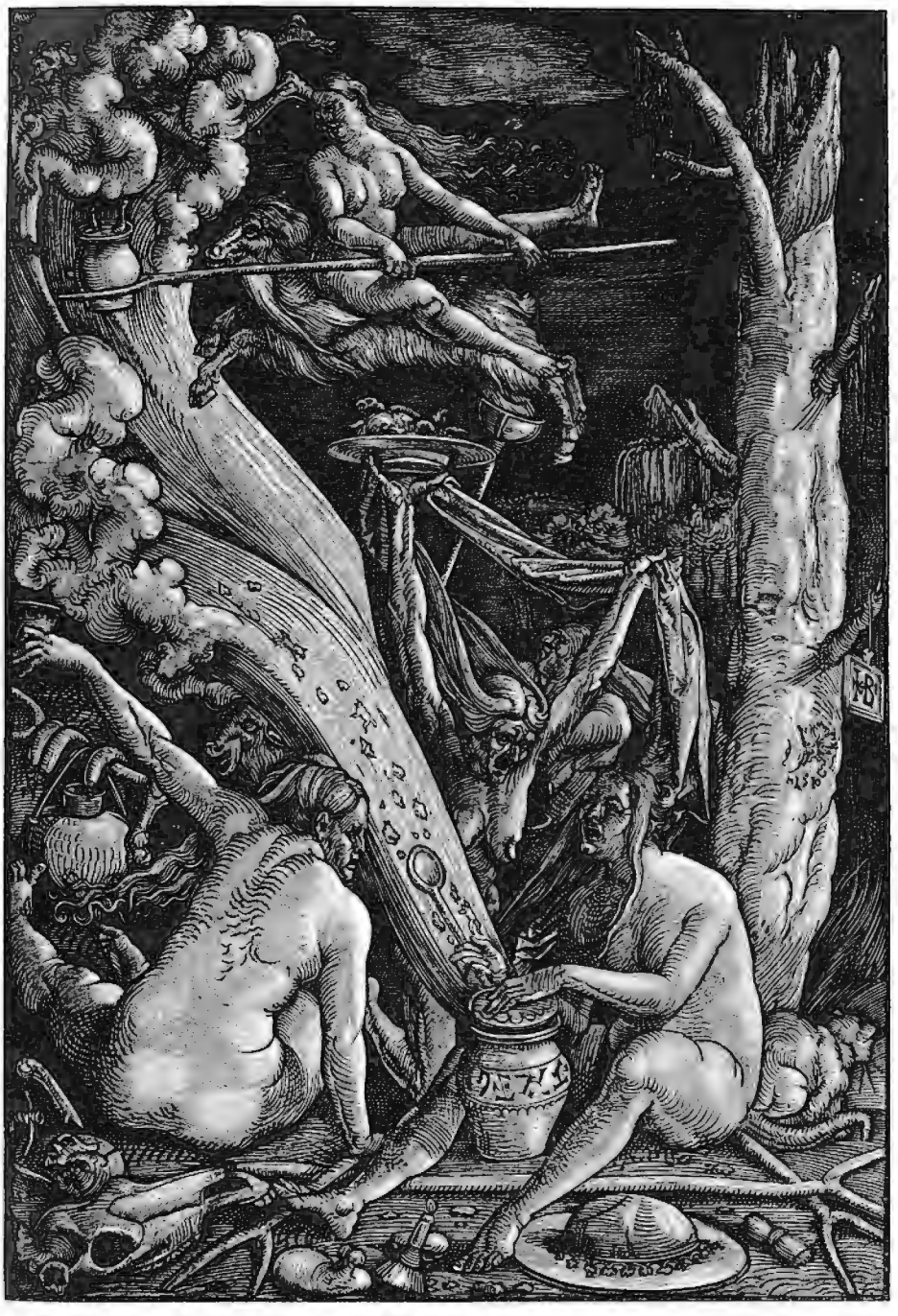
---

[1]) Concil. Trevirens. ann. 1310, c. 81 (Martène, «Thesaur.» IV, 257).—Astesani «Summae», P. I, lib., I, cap. XV.—Concil. Ambianens. ann. 1410, cap. III, № 8 (Martène, «Ampl. Coll.» VII, 1241).—Eymeric. 341.—Alonso de Spina, «Fortalic. Fidei», fol. 284.—Albertini «Repertor. Inquisit.» s. v. «Xorguinae».—S. Antonini «Confessionale».—«Summa Angelica» s. v. «Interrogationes».—Bart. de Chaimis «Interrogatorium», fol. 22 b. (Venet. 1480).

Интересная непослѣдовательность: въ то время, какъ канонисты раздѣляли такимъ образомъ древнее ученіе, папы, въ родѣ Евгенія IV, Каликста III и нѣкоторыхъ другихъ, старались, какъ мы увидимъ ниже, возбудить вѣру въ колдовство, ужасы котораго они описывали и которое они предписывали преслѣдовать со всею строгостью.

[2]) Thom. Cantimprat. «Bonum universale», lib. II, c. 56.—Alonso da Spina, «Fortalic. Fidei», fol. 284.—Bern. Basin. «de Artibus Magicis».—Ulric. Molitor. «de Python. Mulierib.» Conclus.

Библиотека "Руниверс"

ВѢДЬМЫ.

(Вырѣзано на деревѣ Гансомъ Балдунгомъ [Гринъ], 1476—1545).

Библиотека "Руниверс"

Инквизиторъ Николай Жакерій нашелъ въ 1458 г. вѣрное рѣшеніе этого затрудненія, заявивъ, что вѣдьмы его времени совершенно отличались отъ еретиковъ, о которыхъ идетъ рѣчь въ Cap. Episcopi; въ доказательство того, что онѣ дѣйствительно присутствовали на шабашѣ, онъ приводилъ множество дѣлъ, съ которыми онъ ознакомился въ качествѣ духовнаго судьи, между прочимъ исторію одного человѣка, который пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, будучи еще ребенкомъ, былъ вмѣстѣ со своимъ новорожденнымъ братомъ приведенъ матерью на шабашъ; мать представила его Сатанѣ, который принялъ тогда видъ козла и сдѣлалъ своимъ копытомъ на кожѣ неофитовъ неизгладимое пятно (Stigma diabolicum). Однако, Жакерій съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ благоразумія добавляетъ, что если это даже дѣло одного воображенія, то, тѣмъ не менѣе, оно заражено ересью, такъ какъ ученики Діаны и Иродіады неизбѣжно должны быть еретиками въ часы бодрствованія. Эти умозрѣнія Жакерія обратили тогда мало вниманія на себя. Тридцать лѣтъ спустя Шпренгеръ, такъ много содѣйствовавшій формулировкѣ ученія и организаціи преслѣдованія, нашелъ въ Cap. Episcopi большой камень преткновенія, такъ какъ скептики могли придти къ заключенію, что если шабашъ былъ плодомъ воображенія, то и все колдовство было пустой выдумкой. Поэтому онъ постарался разрушить авторитетъ этого постановленія, утверждая, что если діаволъ неоспоримо обладалъ способностью переносить тѣла, то присутствіе вѣдьмы часто было только мысленное. Въ такомъ случаѣ колдунья ложилась на лѣвый бокъ и призывала діавола; тогда изъ ея рта выходилъ бѣловатый паръ, и она распознавала все, что происходило затѣмъ. Но если она отправлялась дѣйствительно, и если у нея былъ мужъ, то угодливый демонъ принималъ ея видъ и занималъ ея мѣсто, чтобы скрыть ея отсутствіе. Джіованни-Франческо Пико делла Мирандола также допускаетъ, что присутствіе на шабашѣ бываетъ то дѣйствительное, то воображаемое; мѣсто сборища было за Іорданомъ, и колдунья переносилась туда моментально. Пико делла Мирандола обходитъ затрудненія, представляемыя Cap. Episcopi, говоря, что Decretum Граціана не имѣло силу закона и во многихъ мѣстахъ было искажено. Около 1500 г. инквизиторъ Бернардъ Комскій торжествующе прибавилъ къ этимъ доводамъ тотъ фактъ, что много людей было сожжено за присутствіе на шабашѣ; наказаніе это не могло быть наложено безъ согласія папы, и оно вполнѣ достаточно подтверждаетъ дѣйствительность ереси, такъ какъ Церковь караетъ только доказанныя преступленія [1]).

Около этого времени ученый юристъ Джанфранческо Понцинибіо написалъ трактатъ о колдовствѣ; онъ поддерживалъ ученіе Cap. Episcopi и смѣло примѣнялъ его ко всей вообще магіи и колдовству, которыя онъ считалъ за вымыселъ. Ссылаясь на огромное число авторитетовъ, онъ доказывалъ несостоятельность положенія, желавшаго видѣть въ современныхъ колдуньяхъ особую секту; онъ полагалъ, что не слѣдуетъ принимать сознаній колдуній, такъ какъ онѣ разсказывали вещи фантастическія и невозможныя; равнымъ образомъ слѣдуетъ отвергать ихъ разоблаченія относительно ихъ со-

IV.—Thom. Cantimprat. ubi supra.—«Mall. Maleficar.» P. II. Q. I, c. 3.—Prieriat. «de Strigimag.» Lib. I, c. XIV; lib. II, c. I.

Ѳома Брабантскій приводитъ современные и обстоятельные примѣры: событія происходили во Фландріи. Женщины были такимъ образомъ похищены; уже собирались похоронить ихъ, когда совершенно случайно обнаружили ошибку. Раскрывъ лже-трупы, увидѣли, что они были сдѣланы изъ гнилого дерева, обтянутаго кожей. Авторъ признавалъ себя неспособнымъ объяснить этотъ фактъ и, какъ онъ говоритъ, совѣтовался по этому поводу съ знаменитымъ ученымъ Альбертомъ Великимъ, который далъ ему только уклончивый отвѣтъ («Bonum universale», ubi supra).

[1]) Fr. Nich. Jaquerii «Flagellum Haeret. Fascinar.» c. VII, XXVIII.—«Mall. Maleficar.» P. I. Q. I, c. 10; P. II. Q. I, c. 3, 9.—G. F Pico della Mirandola, «La Strega», Миланъ, 1864 г. стр. 61, 73.—Bernardi Comensis «de Strigiis». c. 3—6.

Библиотека "Руниверс"

участниковъ, такъ какъ въ своемъ заблужденіи онѣ могли только обмануть другого. Онъ добавлялъ, что необходимо приглашать присутствовать на инквизиціонныхъ процессахъ людей, знакомыхъ съ законами, такъ какъ они опытны въ веденіи уголовныхъ дѣлъ. Эти утвержденія вызвали отвѣтъ со стороны ученаго теолога Сильвестра Маццолино изъ Пріеріо, магистра Священнаго Двора, бывшаго позднѣе генераломъ доминиканцевъ и посвятившаго въ 1521 г. многотомный трактатъ спорному канону. Такъ какъ дѣло шло о постановленіи, принятомъ Анкирскимъ соборомъ и, несомнѣнно, утвержденномъ Св. Престоломъ, то контроверсистъ не смѣетъ отрицать его авторитета; но онъ принимаетъ положеніе, уже выставленное Жакеріемъ, и старательно доказываетъ, что еретики, о которыхъ говорится въ этомъ канонѣ, ужс исчезли, что современныя колдуньи представляютъ новую секту, идущую только съ 1404 г., и что поэтому соборныя постановленія не примѣнимы въ данномъ случаѣ. Отрицать дѣйствительное присутствіе колдуній на шабашѣ, говоритъ онъ, равносильно тому, чтобы подрывать довѣріе къ безчисленному количеству дѣлъ, разсмотрѣнныхъ Инквизиціей, и въ то же время дискредитировать самые законы [1]). Его преемникъ по посту, магистръ Св. Дворца, Барталомео де Спина, послѣдовалъ его примѣру и посвятилъ три работы опроверженію Понцинибіо. Послѣдній съ нѣсколько коварной логикой давалъ понять, что такъ какъ Cap. Episcopi признавалъ еретиками тѣхъ, кто вѣрилъ, что колдуньи тѣлесно переносились на шабашъ, то инквизиторы, накладывая на свонхъ кающихся эпитиміи, должны были ихъ заставлять отречься отъ этой ереси одновременно съ отреченіемъ отъ другихъ заблужденій. Эта теорія ставила Инквизицію въ такое ложное положеніе, что Спина пришелъ въ сильное негодованіе. «О изумительная самонадѣянность! О гнусное безуміе!»—восклицалъ онъ: «одни только еретики приносятъ отреченіе; въ однѣхъ только ересяхъ отрекаются передъ инквизиторами. Можно ли называть ересью ученіе, которое защищаютъ инквизиторы и согласно съ которымъ они судятъ враговъ вѣры, достойныхъ самаго ужаснаго осужденія? Ученіе, истинность и правовѣріе котораго подтверждено знаменитыми богословами и канонистами? О до чего велико безуміе этого человѣка! Неужели нужно, чтобы всѣ богословы и судьи, до инквизиторовъ включительно, по всей Италіи, Франціи, Германіи и Испаніи отреклись отъ этого мнѣнія передъ Инквизиціей?» Кончаетъ онъ призывомъ къ Св. Трибуналу преслѣдовать Понцинибіо, какъ «тяжело подозрѣваемаго» въ ереси, какъ покровителя и апологиста ереси и виновнаго въ помѣхѣ дѣятельности Св. Трибунала [2]). Мы видимъ, что новое ученіе совершенно смѣнило старое. Вопросъ болѣе не подлежалъ спору и разумному обсужденію; съ одного конца Европы до другого шабашъ вѣдьмъ былъ принятъ, какъ доказанный фактъ, оспаривать который было неблагоразумно. Юристы и канонисты могли развлекаться теоретическими спорами, но на практикѣ передъ духовными и свѣтскими судами это явилось настоящимъ общимъ мѣстомъ.

Если подробности о шабашѣ въ разныхъ странахъ Европы мало видоизмѣняются, то это, несомнѣнно, зависитъ отъ характера вопросовъ, которые обыкновенно предлагались судьями, и отъ желанія обвиняемыхъ, подвергшихся пыткѣ, удовлетворить своихъ слѣдователей. Однако, въ разсматриваемую нами эпоху это отсутствіе разногласія въ показаніяхъ

---

[1]) Ponzinibio, «de Lamiis», c. 49, 50, 52—3, 61—3, 65—6.—Prieriat. «de Strigimagar» Lib. II, c. 1.

Парамо («De Orig. Offic. S. Inquis.» стр. 296) также принимаетъ 1404 годъ, какъ время возникновенія секты колдуній. Здѣсь, повидимому, смѣшали двухъ папъ: Иннокентія VIII, вступившаго на папскій престолъ въ 1484 г., и Иннокентія VII, получившаго пурпуръ въ 1404 г. Первый изъ нихъ (Иннокентій VIII) въ своей буллѣ «Summis desiderantes», помѣченной первымъ годомъ его папства, говоритъ о колдуньяхъ, какъ о новой сектѣ; а Пріеріасъ относитъ эту буллу къ 1404 году.

[2]) Ponzinibio, «de Lamiis», c. 65.—Bart. Spinei «de Strigibus», стр. 175, Romae, 1575.

Библиотека "Руниверс"

считалось неопровержимымъ доказательствомъ истины. Первымъ условіемъ успѣха для колдуньи было получить освященную облатку подъ предлогомъ полученія причастія; она уносила св. дары къ себѣ, давала ихъ въ пищѣ жабѣ, затѣмъ сжигала ее и примѣшивала къ ея пеплу кровь новорожденнаго, если можно не крещенаго, измельченныя въ порошокъ кости повѣшеннаго и разныя травы. Этою смѣсью колдунья натирала себѣ ладони или кисти рукъ; она намазывала также ею палку или скамью, на которую садилась верхомъ, и тотчасъ же переносилась на мѣсто собранія. Иногда, какъ варіантъ, колдунья ѣхала верхомъ на демонѣ, который принималъ видъ лошади, козла или собаки. Собраніе могло происходить всюду, но извѣстныя мѣста были особенно посвящены для этого: въ Германіи—Брокенъ, въ Италіи—хребетъ, сосѣдній съ Беневентомъ, а особенно таинственныя свиданія—по ту сторону Іордана. На всѣ эти собранія колдуньи стекались тысячами. Предпочтительно избиралась ночь на четвергъ. Колдуньи пировали за столами, отягченными кушаньями и винами, которыя появлялись изъ земли по приказанію демона, предсѣдательствовавшаго на торжествѣ; затѣмъ онѣ выражали почтеніе діаволу, который присутствовалъ на празднествѣ въ видѣ козла, собаки или обезьяны. Онѣ отдавались ему душой и тѣломъ и цѣловали его подъ хвостъ, держа въ рукахъ зажженную восковую свѣчу. Онѣ топтали ногами и оплевывали крестъ и поворачивались спиной къ небу, чтобы выказать пренебреженіе къ Богу. Діаволъ произносилъ присягу, начинавшуюся иногда пародіей на обѣдню; онъ объявлялъ своимъ послѣдователямъ, что у нихъ нѣтъ души, и что загробная жизнь пустая выдумка; что не слѣдуетъ ходить ни въ церковь, ни на исповѣдь, не слѣдуетъ пользоваться священной водой; если же онѣ соблюдали эти обряды, чтобы не навлечь подозрѣнія, то онѣ должны были при этомъ говорить: «Съ разрѣшенія нашего Господина»; наконецъ, говорилъ имъ, что онѣ обязаны приводить къ Сатанѣ возможно большее число прозелитовъ и творить другому все доступное для нихъ зло. Въ Комо и въ Брешіи много дѣтей отъ восьми до двѣнадцатилѣтняго возраста, которыя усердно посѣщали шабашъ и были обращены инквизиторами, показали эти танцы съ такой увѣренностью и ловкостью, что ясно было, что они были въ школѣ Сатаны. Дама держалась сзади своего кавалера и оба танцовали, пятясь назадъ; когда же они подходили отдать привѣтствіе демону, предсѣдательствовавшему на вечерѣ, то они поворачивались назадъ, и всякій изъ нихъ выставлялъ ногу впередъ, какъ вызовъ небу. Все кончалось грязнымъ развратомъ, причемъ демоны по волѣ колдуньи являлись и инкубами и суккубами.

Эти странныя выдумки не основывались исключительно на сознаніи обвиняемыхъ. Около 1450-го года инквизиторъ Комо Бартоломео де Гомате, подестатъ Лоренцо да Конкореццо и нотаріусъ Джованни да Фоссато изъ любопытства или потому, что сомнѣвались въ истинности разсказовъ приведенныхъ на ихъ судъ колдуній, явились на собраніе въ Мендризіо и тайкомъ присутствовали на зрѣлищѣ. Демонъ, предсѣдательствовавшій на собраніи сдѣлалъ видъ, что не знаетъ о ихъ присутствіи, и послѣ обычной церемоніи распустилъ приглашенныхъ; затѣмъ, призвавъ вдругъ своихъ адептовъ, онъ направилъ ихъ противъ этихъ чиновниковъ, которые были такъ тяжело избиты, что умерли раньше двухъ недѣль [1]).

Всего этого было достаточно, чтобы возбудить ужасъ у вѣрующихъ и ревность у инквизиторовъ; но для колдуньи это было простымъ времяпрепровожденіемъ, наградою, которую давалъ ей ея господинъ за труды ея и преданность. Для нея серьезной задачей было дѣлать зло. Преданная душой и тѣломъ Сатанѣ, она служила ему орудіемъ для исполненія его злыхъ замысловъ. Демонологисты утверждали, что колдуньи были столь же

[1]) «Mémoires de Jacques du Clercq. Liv. IV, ch. 4.—«Chron». Cornel. Zantfliet, ann. 1460 (Martène, «Ampl. Coll.» V, 502).—Bernardi Comensis «de Strigiis», c. 3.—Prieriat. «de Strigimagar.» Lib. I, c. 2, 14; Lib. II, c. 1, 4.

Библиотека "Руниверс"

необходимы демону, какъ демонъ имъ, и что ни одинъ изъ нихъ не могъ дѣйствовать безъ помощи другого. Колдунья отличалась отъ чародѣя и колдуна; тогда какъ послѣдніе удовлетворялись тѣмъ, что снискивали себѣ жизнь, предлагая свои услуги, чтобы выполнить желанія иногда похвальныя, иногда преступныя, колдунья была существомъ злымъ въ корнѣ своемъ; ей доставляло удовольствіе проявлять надъ своимъ ближнимъ свою разрушительную силу, ее всегда побуждалъ дѣйствовать ея повелитель. Въ то же время ея могущество было достаточно сильно, чтобы оправдать тотъ ужасъ, который она наводила на народъ. Шпренгеръ различаетъ три вида колдуній: однѣ могутъ производить зло, но не могутъ излѣчивать его; другія могутъ излѣчивать, но не могутъ производить его; а третьи могутъ и производить зло и излѣчивать его. Наиболѣе опасны тѣ, которыя соединяютъ эти двѣ способности, такъ какъ чѣмъ больше онѣ оскорбляютъ и поносятъ Бога, тѣмъ больше діаволъ дѣлаетъ ихъ могущественными. Онѣ убиваютъ и поѣдаютъ дѣтей, а если новорожденные еще не крещены, то онѣ посвящаютъ ихъ Сатанѣ. Однимъ прикосновеніемъ онѣ вызываютъ выкидышъ у женщинъ или исчезновеніе молока. Вращая намоченную палку, или бросая черезъ плечо по направленію къ востоку голыши, или кипятя въ котлѣ щетину поросенка, или волнуя пальцемъ воду въ лужѣ, онѣ поднимаютъ бури и наводятъ грозовыя тучи, которыя опустошаютъ цѣлыя области; онѣ напускаютъ тучи саранчи и гусеницъ, которыя пожираютъ посѣвы; онѣ поражаютъ мужчинъ безсиліемъ, а женщинъ—безплодіемъ; онѣ заставляютъ верховыхъ лошадей закусывать удила. Онѣ могутъ находить спрятанныя вещи и предсказывать будущее; онѣ могутъ по своему произволу порождать любовь или ненависть, насылать смертельныя болѣзни, убивать людей ударомъ молніи или однимъ взглядомъ; онѣ могутъ даже обращать людей въ животныхъ. Неоспоримый авторитетъ Евгенія IV свидѣтельствуетъ, что однимъ словомъ, однимъ прикосновеніемъ или однимъ знакомъ онѣ могли околдовать кого угодно, вызвать или излѣчить болѣзнь и повелѣвать стихіями. Иногда онѣ разсыпаютъ по пастбищамъ порошокъ, который истребляетъ стада. Онѣ по ночамъ постоянно входятъ въ дома, посыпаютъ подушки родителей порошкомъ, который наводитъ на нихъ глубокій сонъ, а сами прикасаются къ дѣтямъ своими пальцами, смазанными ядовитою мазью, которая черезъ нѣсколько времени вызываетъ смерть ребенка; или втыкаютъ иголки подъ ногти новорожденнаго и высасываютъ изъ него кровь, часть которой проглатываютъ, а часть выплевываютъ въ пріемникъ, гдѣ кровь эта служитъ для выдѣлки адскихъ напитковъ, или же держатъ ребенка надъ огнемъ и собираютъ съ той же цѣлью жиръ своей жертвы. Мало того, онѣ могутъ принимать видъ кошки или другихъ животныхъ, и Бернардъ Комскій въ доказательство истинности этихъ прельщеній серьезно приводитъ случай со спутниками Улисса, разсказанный Св. Августиномъ. Всѣ эти выдумки кажутся намъ весьма забавными, но каждая изъ этихъ подробностей послужила основаніемъ для обвиненій, которыя привели на костеръ безчисленное множество людей [1]).

Совершенно особой способностью, приписываемой вѣдьмѣ, было то, что она ѣла на шабашѣ дѣтей и быковъ, которымъ потомъ возвращала жизнь. Мы уже видѣли въ древности и у различныхъ народовъ вѣрованіе, что чародѣи могли грызть и пожирать внутренности людей; несомнѣнно, вѣрованіе это было порождено тяжелыми болѣзнями внутреннихъ органовъ, которыя приписывались чародѣйству. Въ генезисѣ шабаша это

[1]) «Mall. Maleficar.» P. II. Q. I, c. 2, 4, 11, 15; Q. II, c. 4.—Prieriat. «de Strigimagar.» Lib. II, c. 7, 9.—Ulric. Molitor. «de Python. Mulieribˇ.»—Ripoll. III, 193.—G. F. Pico della Mirandola, «La Strega», 84—5.—Bernardi Comensis «de Strigiis», c. 7.

Всѣ демонологисты рѣшительно свидѣтельствуютъ, что демонъ уловлялъ въ свои сѣти гораздо больше женщинъ, чѣмъ мужчинъ. Чтобы объяснить этотъ фактъ, Шпренгеръ нападаетъ на женщинъ въ язвительной тирадѣ и благодаритъ Бога, что сохранилъ мужчинъ отъ подобной испорченности. («Mall Maleficar.» P. I, Q. VII).

Библиотека "Руниверс"

суевѣріе приняло особую форму, которую описалъ намъ въ XI вѣкѣ епископъ Бурхардъ. Думали, что на ночныхъ собраніяхъ, на которыхъ предсѣдательствовала Гольда, иногда убивали людей безъ нанесенія имъ какой-либо раны; вѣдьмы варили и поѣдали мясо жертвъ, послѣ чего онѣ возвращали имъ жизнь, замѣняя сердце соломой или кускомъ дерева. Церковь не созрѣла еще настолько, чтобы принимать подобные разсказы. Бурхардъ наложилъ строгій постъ—хлѣбъ и вода—въ теченіе семи великихъ постовъ на всякаго, кто будетъ вѣрить этимъ баснямъ. Въ слѣдующемъ вѣкѣ Іоаннъ Салисберійскій считаетъ пустыми бреднями народное вѣрованіе, что ламіи раздѣляли на куски и пожирали дѣтей, а потомъ относили ихъ обратно въ ихъ колыбель; около 1240 г. Гильомъ Оверискій говоритъ о суевѣріи, распространяемомъ росказнями старыхъ бабъ о «дамахъ ночи» или о «добрыхъ женщинахъ», которыя раздѣляли дѣтей на куски или варили ихъ на огнѣ. Понятно, что эта подробность вошла въ разсказы о шабашѣ, когда они получили окончательный видъ. Въ различныхъ процессахъ о вѣдьмахъ въ Тиролѣ въ 1506 г. часто встрѣчается вопросъ о дѣтяхъ и домашнихъ животныхъ, унесенныхъ на шабашъ и съѣденныхъ тамъ; и хотя эти жертвы и продолжали еще жить, но онѣ были осуждены на неминуемую смерть. Колдуньи Канавеза сознались, что онѣ имѣли обыкновеніе выбирать среди стадъ сосѣдняго фермера жирныхъ быковъ, которыхъ онѣ убивали и поѣдали. Затѣмъ, собравъ кости и остатки кожи, онѣ воскрешали животныхъ при помощи слѣдующихъ простыхъ словъ: «Sorge, Ranzola!» Случилось, что одинъ фермеръ изъ Левона, по имени Перино Паскаль, убилъ больного быка и снялъ съ него шкуру; черезъ недѣлю фермеръ умеръ естественной смертью, а также издохла его собака, слизнувшая нѣсколько капель крови убитаго быка; это было объяснено гораздо позднѣе, согласно съ обычаемъ, вѣдьмою, которая призналась судьямъ, что этотъ быкъ былъ именно однимъ изъ животныхъ, сожранныхъ и воскрешенныхъ вѣдьмами; онѣ осудили на гибель того, кто убьетъ животное и первый съѣстъ кусокъ отъ него. Правда, подобное чудо давало противникамъ магіи возможность утверждать, что это равносильно приписыванію Сатанѣ способности воскрешать мертвыхъ, что можетъ дѣлать только одинъ Богъ; тогда демонологисты, поставленные, такимъ образомъ, въ опасное положеніе, были вынуждены допустить, что эта часть шабаша была вымышленная; но торжествующе они прибавляли при этомъ, что уже одна эта выдумка показывала, какъ велико вліяніе Сатаны на умы [1]).

Убійство некрещеныхъ дѣтей было одной изъ главныхъ обязанностей, возлагавшихся Сатаною на своихъ слугъ, такъ какъ жертвы, какъ говорили, были осуждены, не искупивъ первороднаго грѣха; такимъ образомъ, отодвигали день Страшнаго Суда, задерживая наступленіе того момента, когда число избранныхъ достигнетъ цифры, назначенной для истребленія міра. Въ маленькомъ городкѣ по сосѣдству съ Базелемъ была сожжена акушерка, сознавшаяся въ томъ, что убила болѣе сорока дѣтей, втыкая имъ въ родничекъ

---

[1]) Burchardi «Decret.» XIX, 5. — Johann. Saresberiens. «Polycrat.» II. XVII. — Grimm, «Teut. Mythol.» III, 1059.—Rapp, «Die Hexenprocesse und ihre Gegner aus Tyrol», Инсбрукъ, 1874 г., стр. 146. — P. Vayra, «Le Streghe nel Canavese» («Curiosita del Storia Subalpina», 1874 г., стр. 229, 234—5).—Bernardi Comensis «de Strigiis», c. 8.

Примѣненіе этого чародѣйственнаго пріема можно видѣть въ упомянутомъ въ предшествующей главѣ подвигѣ чародѣя императора Венцеслава Зито, который проглотилъ своего соперника, а потомъ изрыгнулъ его въ бассейнъ съ водой.

Рядомъ съ этимъ вѣрованіемъ развивалось другое,—что колдуньи совершенно пожирали тѣло дѣтей. Петръ Бернскій говоритъ, Нидеру, что въ его провинціи въ короткое время было съѣдено такимъ образомъ тринадцать дѣтей, и онъ узналъ отъ одной заключенной въ тюрьму колдуньи, что жертвы были убиты при помощи чаръ въ колыбели, затѣмъ послѣ похоронъ ихъ вырыли и сварили въ котлѣ. Изъ тѣла были приготовлены чародѣйственныя мази; при помощи же бульона можно было совлечь въ секту поклонниковъ демона всякаго, кто только выпьетъ его.—Nider, «Formicar.» lib. V, c. III.

Библиотека "Руниверс"

иголку. Другая, изъ Страсбургской епархіи, также погубила безчисленное количество дѣтей; выдалъ ее случай: когда она проходила черезъ ворота города, гдѣ только что совершила свое злодѣяніе, у нея выпала рука новорожденнаго. Когда акушерки-вѣдьмы не убивали своихъ жертвъ, то онѣ обыкновенно посвящали ихъ Сатанѣ. Не знали навѣрно, дѣйствительно ли этотъ обрядъ отдавалъ дѣтей въ руки демона; но эти существа были, по крайней мѣрѣ, подчинены адскому вліянію, и судьбою имъ, вѣроятно, было предназначено сдѣлаться, когда вырастутъ, вѣдьмами. Этотъ обычай и обычай вѣдьмъ посвящать Сатанѣ своихъ собственныхъ дѣтей объясняетъ, почему дѣвочки восьми и десяти лѣтъ могли околдовывать людей и вызывать дождь или бури съ градомъ. Въ Швабіи возникло дѣло объ одной изъ такихъ вѣдьмъ, которая, будучи восьми лѣтъ отъ роду, невинно открыла свое могущество отцу; мать, посвятившая такимъ образомъ свою дочь Сатанѣ, была сожжена. Акушерки-вѣдьмы были такъ многочисленны, что почти въ каждой деревушкѣ была своя [1]).

Не было границъ злу, которое причинялъ Сатана при посредствѣ существъ, отдавшихся ему. Шпренгеръ разсказываетъ, что одинъ изъ его товарищей во время одного инквизиторскаго объѣзда прибылъ въ городъ, гдѣ почти все населеніе было уничтожено чумою. Ему разсказали, что одна только-что погребенная женщина пожираетъ свой саванъ, и что, пока она не съѣстъ его весь, смертность не уменьшится; инквизиторъ велѣлъ открыть гробъ и удостовѣрился, что покровъ съѣденъ на половину. Меръ города обнажилъ свою шпагу, отрѣзалъ голову отъ трупа и бросилъ ее за городской валъ; тотчасъ же чума прекратилась. Было начато разслѣдованіе и было обнаружено, что покойная давно уже была вѣдьмою. Шпренгеръ имѣлъ полное право оплакивать бѣдствія, угрожавшія христіанскому міру, благодаря небрежности, которую проявляли власти въ дѣлѣ подавленія этихъ преступленій съ желательной строгостью [2]).

Чтобы понять то легковѣріе, съ которымъ принимались эти басни, какъ наиболѣе страшныя и наводившія ужасъ реальностью своихъ подробностей, надо вспомнить, что это не были фантастическіе вымыслы демонологистовъ, но факты, основанные на неопровержимыхъ свидѣтельскихъ показаніяхъ, по крайней мѣрѣ, согласно съ юриспруденціей той эпохи. Уже давно пытка въ случаѣ надобности примѣнялась повсюду въ уголовныхъ процессахъ; ни одинъ юристъ не могъ себѣ представить, что можно добиться истины въ сомнительныхъ дѣлахъ безъ помощи этого испытаннаго средства. Преступникъ, котораго безконечно повторяемая пытка доводила до одуренія и до отчаянія, естественно старался согласовать свое признаніе съ желаніями своего судьи; а разъ признаніе было сдѣлано, онъ былъ осужденъ и зналъ, что всякое отреченіе не только не спасетъ его, но вызоветъ возобновленіе и продолженіе пытки; поэтому онъ держался своего признанія, и когда при вынесеніи приговора его признаніе читалось публично, то онъ подтверждалъ его истинность [3]). Впрочемъ, во многихъ случаяхъ пытка и продолжительное тюремное заключеніе въ нездоровой темницѣ должны были вызвать у жертвы извѣстное умственное разстройство, и она могла, въ концѣ концовъ, повѣрить, что совершила поступки, которые ей навязывали съ такимъ упорствомъ. Во всякомъ случаѣ, желаніе получить послѣднее причастіе, которое было необходимо для вѣчнаго спасенія и которое давалось только раскаявшемуся и сокрушающемуся о своихъ грѣхахъ грѣшнику, заставляло его признать истинность своего признанія. Такимъ образомъ, предубѣжденіе переходило въ ученіе. Впрочемъ, если

---

[1]) «Mall. Maleficar.» P. II. Q. I, c. 13; P. III. Q. XXIV.

[2]) «Mall. Maleficar.» P. I. Q. XII, XV.

[3]) Въ Англіи, гдѣ пытка не допускалась закономъ, вѣрованіе въ колдунію развивалось гораздо медленнѣй. Когда безуміе колдовства перешло на островъ, то нашли замѣну пытки въ процессѣ «уколовъ»; процессъ этотъ состоялъ въ томъ, что тыкали длинными иголками по всему тѣлу жертвы, чтобы найти нечувствительное мѣсто, служившее признакомъ колдуньи.

Библиотека "Руниверс"

сомнѣніе не было ересью, то оно, во всякомъ случаѣ, было поводомъ къ «тяжелому» подозрѣнію. Своимъ всемогущимъ авторитетомъ Церковь сильно внушала людямъ это несчастное вѣрованіе. Злокозненное могущество вѣдьмъ было много разъ описано въ буллахъ различныхъ папъ для полнаго назиданія вѣрныхъ; въ 1487 году Кельнскій университетъ, одобряя Malleus Maleficarum Шпренгера, опредѣлилъ, что всякій, кто будетъ оспаривать дѣйствительность искусства вѣдьмъ, долженъ быть преслѣдуемъ, какъ «мѣшающій» дѣятельности Инквизиціи [1]).

Хитрости вѣдьмъ были особенно страшны благодаря крайней бѣдности средствъ, которыя Церковь могла выставить противъ бѣдствій, причиняемыхъ этимъ дерзкимъ отродьемъ. Конечно, крестное знаменіе, святая вода, освященное масло, вербы, восковыя свѣчи, воскъ и соль, наконецъ, строгое соблюденіе религіозныхъ обрядовъ—все это до извѣстной степени служило защитой и покровомъ. Одна вѣдьма созналась, что къ ней прибѣгли съ цѣлью убить человѣка, но демонъ, вызванный ею для этого, заявилъ, что онъ не можетъ дѣйствовать, такъ какъ намѣченная жертва охраняла себя отъ всякаго покушенія крестнымъ знаменіемъ; и этому человѣку можно было причинить только одно бѣдствіе—уничтожить одну одиннадцатую его посѣва. Другая вѣдьма показала, что она и ея сестры въ своихъ ночныхъ обходахъ въ поискахъ дѣтей, которыхъ можно было бы убить, не могли входить въ дома, гдѣ сохранялись или вербы и освященный хлѣбъ, или кресть, сдѣланные изъ самшита или оливковаго дерева; онѣ не могли также нанести раны людямъ, которые имѣли привычку отвращать злую судьбу, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ. Но всѣ признавали, что, разъ колдовство совершено, то жертва уже не могла найти себѣ помощи ни на землѣ, ни на небѣ; даже заклинаніе бѣсовъ и призываніе святыхъ были дѣйствительны только въ случаѣ обладанія демонами. Единственное средство было обратиться къ самому демону при посредствѣ другихъ вѣдьмъ. Цѣлительная магія долгое время была предметомъ спора, какъ пунктъ богословской морали, но, въ концѣ концовъ, она была осуждена, какъ недопустимая. Кромѣ того, что это былъ явный или тайный договоръ съ Сатаною, было признано, что однимъ изъ намѣреній демона, когда онъ посылалъ своихъ служителей дѣлать зло, было заставить жертву съ отчаянія прибѣгнуть къ магіи и, такимъ образомъ, впасть въ грѣхъ. Фактъ этотъ былъ ясно доказанъ слѣдующимъ примѣромъ, пользовавшимся извѣстностью среди демонологистовъ. Одинъ нѣмецкій епископъ, будучи въ Римѣ, безумно влюбился въ молодую дѣвушку и уговаривалъ ее отправиться вмѣстѣ съ нимъ въ его страну; во время путешествія молодая дѣвушка рѣшила убить любовника при посредствѣ магіи, чтобы завладѣть драгоцѣнными камнями, которыми онъ былъ богато украшенъ; онъ почувствовалъ ночью острую боль въ груди, и всѣ средства врачей не могли найти причину его болѣзни. Уже потеряли надежду спасти больного, когда прибѣгли къ помощи одной старой женщины, которая поняла причину болѣзни и объявила епископу, что онъ можетъ вылѣчиться только при посредствѣ тѣхъ же пріемовъ, наславъ смерть на колдунью. Совѣсть духовнаго не могла позволить ему прибѣгнуть къ этому средству, не испросивъ предварительно папскаго соизволенія, и онъ обратился къ папѣ Николаю V, который далъ ему разрѣшеніе. Тогда онъ приказалъ старухѣ исполнить свой планъ. Въ тотъ же вечеръ онъ совершенно выздоровѣлъ, и ему пришли сказать, что его молодая любовница умираетъ. Онъ направился утѣшить ее, но она, вполнѣ естественно, встрѣтила его проклятіями и, умирая, поручила себя Сатанѣ. Боденъ съ восторгомъ замѣчаетъ, что демонъ былъ

[1]) Kipoll. III, 193.—Pegnae «Append. ad Eymeric.» 83, 84, 85, 99, 105.—Approb. Univ. Colonien. «in Mall. Malefic.»—Оффиціальный подборъ папскихъ буллъ, относящихся до колдуній, см. въ «Lib. Sept. Decret.» lib. V, tit. XII.

Библиотека "Руниверс"

довольно догадливъ, чтобы покориться одновременно папѣ, епископу и колдуньѣ и чтобы довести этихъ людей до человѣкоубійства [1]).

Такимъ образомъ, цѣлительная магія была дѣломъ выгоднымъ, и много колдуній занимались только ею; однако и онѣ, какъ ихъ противницы, подвергали себя опасности быть осужденными за то, что заключили договоръ съ діаволомъ, такъ какъ признавалось непреложнымъ фактомъ, что онѣ могли помочь больному, только перенеся болѣзнь на другое лицо при помощи пріемовъ, одинаково запрещенныхъ. Шпренгеръ сообщаетъ, что въ Германіи нельзя было пройти одну или двѣ мили, чтобы не встрѣтить подобныхъ колдуній. Въ Рейхсгофенѣ жила одна колдунья, промыслъ которой процвѣталъ настолько, что сеньоръ этого мѣста обложилъ платою въ размѣрѣ одного денье всѣхъ больныхъ, приходившихъ лѣчиться къ ней; скоро онъ хвастался, что получалъ отъ этого налога хорошій доходъ. Одинъ человѣкъ, по имени Генгстъ, жившій въ Эпингенѣ близъ Констанца, имѣлъ больше посѣтителей, чѣмъ какой бы ни было храмъ Пресв. Дѣвы, даже храмъ въ Э; зимою, когда большія дороги благодаря снѣгу становились непроходимыми, дороги, ведшія къ жилищу колдуна, были протоптаны и выравнены ногами его безчисленныхъ кліентовъ [2]).

Неизбѣжно было, чтобы эти безумства получили крупное развитіе подъ вліяніемъ преслѣдованія. Всякое несчастіе, всякій случай, происшедшій въ деревушкѣ, приписывали колдуньямъ. Подозрѣніе мало-по-малу сосредоточивалось на какой-нибудь старой сварливой женщинѣ; ее тотчасъ же арестовывали, такъ какъ въ глазахъ инквизиторовъ простая угроза въ родѣ: «Ты раскаешься въ этомъ!», брошенная мимоходомъ, если только за ней слѣдовало малѣйшее несчастіе, считалась достаточнымъ основаніемъ для оправданія ареста и процесса [3]). Всѣ сосѣди сбѣгались толпою и выступали въ качествѣ обвинителей. У этого пала корова; у того градъ побилъ урожай винограда; у третьяго гусеницы пожрали садъ; одна женщина страдала выкидышемъ; у другой сразу пропало молоко; а у третьей умеръ ребенокъ, полный жизни; два влюбленныхъ поссорились; одинъ человѣкъ упалъ съ лѣстницы и сломалъ себѣ шею. Подъ убѣдительнымъ вліяніемъ голода или колеса несчастная женщина выдумывала какую-нибудь исторію, отвѣчала на каждый пунктъ обвиненія, перечисляла своихъ соучастниковъ въ каждомъ дѣлѣ, называла людей, видѣнныхъ ею на шабашѣ, который она регулярно посѣщала. Мы не найдемъ показаній, собранныхъ въ процессѣ колдуньи, или сознаній, исторгнутыхъ у обвиненной, безъ того, чтобы не видѣть, какъ объяснялись такимъ образомъ самые ничтожные случаи, самыя пустыя несчастія, малѣйшіе случаи болѣзни или смерти, случившіеся въ странѣ въ теченіе многихъ лѣтъ; подозрѣнія увеличивались настолько, что всякое обвиненіе влекло за собой гибель новыхъ жертвъ. Число костровъ росло; напуганная община начинала вѣрить, что половина ея членовъ, если не больше, была рабами Сатаны, и что она можетъ избавиться отъ этого злокозненнаго исчадія только тогда, когда всѣ эти враги будутъ уничтожены. Въ теченіе болѣе двухъ столѣтій этотъ страшный терроръ не переставалъ царствовать въ различныхъ странахъ Европы; суевѣріе тщательно поддерживалось и возбуждалось папами и инквизиторами, Иннокентіемъ VIII и Львомъ X, Шпренгеромъ и Инститорисомъ, Бернардомъ Комскимъ и епископомъ Бинсфельдомъ; невозможно опредѣлить, сколько мукъ причинило это дикое безуміе.

Къ счастью, могущество вѣдьмы, безграничное во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, натыкалось на одно препятствіе. Между средствами, которыми она располагала, и ея полною

---

[1]) Bernardi Comensis «de Strigiis», c. 14.—«Mall. Maleficar.» P. II, Q. I, II.—P. Vayr, «Le Streghe nel Canavese» (op. cit, 230).—Artic. Univers. Paris. № 5.—Concil. Lingonense ann. 1403, c. 4.—Prieriat. «de Strigimagar.» Lib. IV, c. 10.—Bodini «Magor. Demonoman.» 288.

[2]) Prieriat, op. cit. lib. III, c. 3.—«Mall. Maleficar.» P. II, Q II.

[3]) Bernardi Comensis «de Strigiis», c. 14.

Библиотека "Руниверс"

ШАБАШЪ ВѢДЬМЪ.
(D. Teniers, изъ соч. „Aberglaube", Fischer).

Библиотека "Руниверс"

безпомощностью защитить себя отъ людей, которые безнаказанно пытали и сжигали ее, контрастъ былъ настолько рѣзокъ и несообразенъ, что надо было какъ-нибудь объяснить его. Для этого демонологисты изобрѣли слѣдующую примиряющую теорію: по милости Бога вѣдьмы будто теряли свою силу, лишь только рука служителя правосудія прикасалась къ нимъ. Дѣйствительно, безъ этого рѣшительнаго убѣжденія было бы трудно найти достаточно смѣлыхъ людей, чтобы схватить, заключить въ тюрьму, судить и казнить этихъ слугъ Сатаны, малѣйшее проявленіе гнѣва которыхъ было такъ страшно. Такимъ образомъ, судьи и ихъ помощники могли смѣло выполнять свою миссію, будучи спокойны, что имъ нечего бояться. Правда, это ученіе, какъ и всѣ теоріи, построенныя на фиктивныхъ данныхъ, не всегда согласовывалось съ дѣйствительностью. Удивительная сила духа, съ которой нѣкоторыя обвиняемыя переносили иногда самыя ужасныя и продолжительныя пытки, не только не устанавливала факта ихъ невинности, но наоборотъ, какъ говорили, показывала, что діаволъ въ данномъ случаѣ былъ въ состояніи помочь своимъ слугамъ, даже попавшимъ въ руки правосудія, давъ имъ даръ такъ называемаго молчанія (taciturnitas); это ухищреніе демона подвергало самому суровому испытанію изобрѣтательность инквизиторовъ. Допустивъ это первое вмѣшательство демона, трудно было уже отрицать, чтобы Сатана не могъ и другими средствами помогать своимъ поклонникамъ; поэтому чиновникамъ, которымъ приходилось арестовывать вѣдьмъ, предписывалось ни подъ какимъ предлогомъ не позволять вѣдьмѣ входить въ свою комнату изъ опасенія, чтобы она не вооружилась какими-либо чарами, которыя дали бы ей силу устоять передъ пыткой. Она могла спрятать подобный талисманъ или у себя на тѣлѣ, или подъ кожей, или даже въ естественныхъ пустотахъ своего тѣла; поэтому прежде всего полагалось обрить арестованную съ головы до ногъ и подвергнуть ее неприличному обыску. Разсказывали, что нѣкоторые еретики, осужденные въ Ратисбонѣ на костеръ, оставались безъ всякаго вреда для себя среди пламени; напрасно бросали ихъ въ рѣку, а затѣмъ снова втаскивали на костеръ. Наложили на весь городъ трехдневный постъ; тогда узнали, что еретикамъ помогали чары, спрятанныя въ извѣстномъ мѣстѣ подъ кожей, и когда эти талисманы были удалены, ихъ безъ труда удалось превратить въ пепелъ. Эти чародѣянія могли дѣйствовать также на разстояніи. Въ Инсбрукѣ одна колдунья хвасталась, что она можетъ дать обвиняемому силу выдержать пытку до самой смерти безъ дачи сознанія, для этого достаточно было дать ей въ руки только нитку изъ одежды жертвы. Нѣкоторые инквизиторы, чтобы разрушить эти чары молчанія, имѣли обыкновеніе прибѣгать къ священной магіи, давая узнику натощакъ, призвавъ предварительно Св. Троицу, три капли святой воды, въ которой былъ распущенъ освященный воскъ. Однажды самая утонченная пытка, тянувшаяся цѣлыхъ два дня, не могла довести до сознанія; но на третій день былъ праздникъ Богородицы, и во время богослуженія діаволъ потерялъ свою силу, съ помощью которой поддерживалъ до этого времени узника. Онъ сознался тогда, что былъ составленъ заговоръ съ цѣлью погубить посредствомъ неотвратимой магіи судью Петра Бернскаго. Средства, къ которымъ прибѣгали при этомъ судьи, были довольно просты; самый сложный пріемъ былъ слѣдующій: брали листъ бумаги, длиною въ ростъ Христа, и на немъ писали семь словъ, произнесенныхъ на крестѣ; затѣмъ, въ праздникъ, въ часы обѣдни, эту бумагу со святынями обвязывали вокругъ тѣла колдуньи, заставляли ее выпить святой воды и тотчасъ вели на колесо. Но возникалъ вопросъ: слѣдуетъ ли въ крайности, если всѣ эти усилія оставались безуспѣшными, прибѣгать къ самому демону, прося другихъ чародѣевъ разрушить чары? Вопросъ этотъ вызывалъ горячія споры, но Маццолини, при помощи хитрой казуистики, удалось разрѣшить его въ утвердительномъ смыслѣ. Нѣкоторые опытные практики совѣтовали, какъ необходимую предосторожность, посадить арестованную колдунью сейчасъ же въ корзину, и такъ нести ее въ тюрьму, строго наблюдая затѣмъ, чтобы она не могла коснуться ногой

Библиотека "Руниверс"

земли, такъ какъ, если бы ей удалось это, то она была бы въ состояніи убить однимъ ударомъ молніи свою стражу и скрыться [1]).

По другой, не менѣе утѣшительной теоріи всѣ тѣ, кто въ силу своихъ служебныхъ обязанностей работалъ надъ уничтоженіемъ колдуній, не были доступны вліянію послѣднихъ, а также и козняхъ демоновъ. Шпренгеръ говоритъ, что на него и на его товарищей не разъ нападали демоны въ видѣ обезьянъ, собакъ или козловъ; но съ помощью Бога имъ всегда удавалось побѣдить врага. Однако, изъ этого правила бывали и исключенія, какъ мы видѣли это на дѣлѣ инквизитора и подестата Комо, которыхъ вѣдьмы такъ страшно избили. Снисходительность нѣкоторыхъ судей объяснялась тѣмъ, что колдунья бывала иногда настолько ловкой, что могла повліять на умы судей такъ, чтобы они не осудили ея. Поэтому добросовѣстный инквизиторъ заковывалъ свое сердце, какъ бы въ латы, и подавлялъ всякое пробужденіе сочувствія, какъ слабость, которую, по его мнѣнію, внушалъ ему Сатана. Особенно сильно могла проявить вѣдьма свое могущество надъ судьей, если она видѣла его раньше, чѣмъ онъ посмотрѣлъ на нее; какъ благоразумная мѣра предосторожности, рекомендовалось вводить ее на судъ задомъ, чтобы судъ могъ первымъ увидѣть ее. Судья и его ассессоры должны были также весьма зорко смотрѣть, чтобы вѣдьма не дотронулась до нихъ, особенно до кисти руки или до какого-нибудь другого сустава; кромѣ того, они должны были вокругъ шеи носить повязку съ солью, освященной въ Вербное воскресенье, а также освященныя травы, закатанныя въ освященный воскъ, а затѣмъ они должны были охранять себя постоянно крестнымъ знаменіемъ. Несомнѣнно, забыли принять эти спасительныя предосторожности въ отношеніи одной колдуньи изъ Шварцвальда, такъ какъ въ день, когда ее вели на костеръ, она, когда палачъ возводилъ ее на дрова, дунула ему въ лицо со словами: «Вотъ тебѣ благодарность», и тотчасъ выступила страшная проказа, которая покрыла все тѣло несчастнаго и свела его въ могилу въ нѣсколько дней. Кромѣ того, случалось, что служебный демонъ вѣдьмы принималъ видъ ворона, слѣдовалъ за осужденной до мѣста казни и не давалъ дровамъ загораться, пока не удавалось его прогнать [2]).

Чтобы одолѣть столь распространенное и столь заразительное зло, нужны были соединенныя силы Церкви и Государства. По внѣшнему виду компетенція свѣтскихъ и епископскихъ судовъ была одинаково неоспорима; быть можетъ, мѣра, принятая въ 1330 г. Іоанномъ XXII, сдѣлала юрисдикцію Инквизиціи нѣсколько спорной; но если и было такъ, то вопросъ былъ разрѣшенъ уже съ 1374 г., такъ какъ въ эту эпоху инквизиторъ Франціи преслѣдовалъ нѣкоторыхъ колдуній, и никто не оспаривалъ его компетенціи, а Григорій XI, которому представлено было все дѣло, предложилъ инквизитору вести преслѣдованіе по всей строгости законовъ. Въ указахъ, данныхъ въ 1409 и 1418 г.г. инквизитору Прованса Понсу Фежейрону, упоминаются среди многихъ преступниковъ, которыхъ слѣдуетъ уничтожить, чародѣи, заклинатели и призыватели демоновъ. Такъ какъ успѣхи колдовства принимали грозные размѣры, то Евгеній IV въ 1437 г. побуждалъ инквизиторовъ проявить усиленную дѣятельность; такія же инструкціи были изданы вторично въ 1445 г. Въ 1451 г. Николай V даже расширилъ привилегіи инквизитора Франціи Гуго Чернаго, поручивъ ему веденіе преступленій ворожбы съ «признакомъ» ереси или безъ него. Конечно, при случаѣ между епископскими судьями и инквизиторами происходили столкновенія; но, повидимому, обыкновенно допускали, что оба суда могли дѣйствовать отдѣльно, соблюдая постановленія Климентинъ, требовавшее ихъ совмѣстной

---

[1]) «Mall. Maleficar.» P. II, Q. I; P. II, Q. VIII; P. III, Q. XV.—Prieriat. op. cit. lib. II, cap. 9; lib. III, c. 3.—Nider, «Formicar.» Lib. V, c. 7.

[2]) «Mall. Maleficar.» P. II, Q. I, c. 4, 11; P. III, Q. XV.—Prieriat. op. cit. Lib. III, c. 2.—Jahn, «Hexenwesen und Zauberei in Pommern», Бреславль, 1886 г., стр. 8.

Библиотека "Руниверс"

дѣятельности при примѣненіи пытки, тюремнаго заключенія, соединеннаго съ тѣлеснымъ наказаніемъ, и при произнесеніи окончательнаго приговора. Мало того, епископы утверждали, что ихъ одобреніе было необходимо для свѣтскихъ судовъ. Когда въ 1453 г. въ дѣлѣ Гильома Эделина, осужденнаго на пожизненную тюрьму въ Эврё, епископскій судья прочелъ приговоръ, то епископъ добавилъ: «Мы сохраняемъ за собой наше право помилованія», но инквизиторъ заявилъ сейчасъ же правильный протестъ, объявивъ, что отпускъ на свободу не можетъ быть рѣшенъ безъ согласія Инквизиціи [1]).

Однако во Франціи въ эту эпоху королевской юрисдикціи, представленной парламентомъ, удалось, какъ мы уже видѣли въ одной изъ предшествующихъ главъ, утвердить свое главенство какъ надъ епископами, такъ и надъ инквизиторами. Одинъ довольно интересный случай, происшедшій въ 1460 г., бросаетъ свѣтъ одновременно и на это перенесеніе юрисдикціи и на характеръ суевѣрій, бывшихъ тогда въ модѣ. Священникъ Суассонской епархіи, по имени Ивъ Фавенсъ, началъ дѣло противъ одного фермера, по имени Жанъ Рожье, зависѣвшаго отъ госпитальеровъ и отказавшагося платить ему десятинный сборъ. Госпитальеры, подобно тампліерамъ, были изъяты изъ платежа десятины, и поэтому Фавенсъ проигралъ дѣло. Принужденный къ уплатѣ крупныхъ судебныхъ издержекъ, онъ сгоралъ отъ мщенія. Бѣдная крестьянка, пришедшая изъ Мервиль въ Геннегау, поссорилась съ женою Рожье изъ-за платы за пряжу. Къ ней-то прибѣгъ Фавенсъ Она дала ему большую жабу, которую она хранила въ горшкѣ, приказала ему окрестить ее и кормить освященными дарами; священникъ послѣдовалъ этимъ совѣтамъ и далъ жабѣ имя Іоаннъ. Затѣмъ женщина убила жабу и сдѣлала изъ нея sorceron; дочь этой женщины, подъ предлогомъ получить деньги, которыя Рожье отказывались платить, отнесла къ нимъ sorceron и бросила эту адскую смѣсь подъ столъ, за которымъ въ это время обѣдали Рожье, его жена и сынъ. Въ три дня всѣ три жертвы погибли. Возникло подозрѣніе; обѣ женщины были арестованы и сознались во всемъ. Мать была сожжена, но дочери, въ виду ея беременности, дана была отсрочка, и она бѣжала въ Геннегау, гдѣ ее снова схватили и привели въ Парижъ на судъ. У Фавенса были деньги и сильныя связи. Арестованный и заключенный въ тюрьму парижскаго епископа, онъ добился помощи адвоката и подалъ апелляцію въ парламентъ, который принялъ ее, судилъ обвиняемаго и оправдалъ его [2]).

Не всѣ свѣтскіе судьи имѣли здравый разумъ парламента; но, повидимому, иногда они дѣлали попытки сдѣлать судъ справедливымъ.

Около этого времени въ Констанцѣ одинъ человѣкъ встрѣтилъ крестьянина, ѣхавшаго верхомъ на волкѣ; тотчасъ послѣ этого его разбилъ параличъ. Онъ обратился къ виновнику бѣдствія, который вылѣчилъ его. Затѣмъ, замѣтивъ, что колдунъ наносилъ вредъ другимъ людямъ, онъ счелъ своею обязанностью поднять противъ него дѣло. Дѣло было подробно освѣщено судьямъ двумя краснорѣчивыми адвокатами, Конрадомъ Шацомъ и Ульрихомъ Блазеромъ, изъ которыхъ одинъ былъ обвинителемъ, а другой защитникомъ. Пытка не была при-

---

[1]) Raynald. ann. 1374, № 13; ann. 1437, № 27.—Ripoll. II, 566—7; III. 193, 301.—Prieriat. op. cit. Lib. III, c. 1.– «Mall. Maleficar. P. II, Q. 1, c. 16; P. III, Q. II.—Anon. Carthus. «de Relig. Orig.» c. XXVI (Martène, «Ampl. Coll.» VI, 59).

[2]) «Mèmoires» de Jacques du Clercq. Liv. IV, ch. XXIII.

Постоянное присутствіе жабы при всѣхъ чародѣяніяхъ поднимаетъ интересный вопросъ изъ зоологической миѳологіи. Здѣсь не мѣсто подробно останавливаться на этомъ; но, чтобы подтвердить древность повѣрія, связаннаго съ этимъ животнымъ, я могу привести тотъ фактъ, что въ маздеизмѣ жаба была однимъ изъ существъ, спеціально сотворенныхъ Аримановъ и посвященныхъ служенію этому злому духу. Онъ именно жабѣ поручилъ уничтожить Gokard, или древо всѣхъ растеній, и жаба всегда, до самаго воскресенія изъ мертвыхъ, будетъ стараться выполнять эту задачу разрушенія.

Библиотека "Руниверс"

мѣнена, но обвиняемый былъ осужденъ и сожженъ на основаніи свидѣтельскихъ показаній [1]).

Въ духовныхъ судахъ къ преступникамъ относились иначе. Въ одной изъ предшествующихъ главъ мы уже видѣли, какъ ловко былъ организованъ инквизиціонный процессъ для того, чтобы вынести осужденіе. Когда, послѣ долгаго періода сравнительной бездѣятельности, Инквизиція была снова призвана на борьбу противъ легіоновъ Сатаны, она отточила свое заржавѣвшее оружіе и сдѣлала его еще болѣе острымъ. Относительно оправдательныхъ приговоровъ исчезли всякія сомнѣнія; можно было вынести вердиктъ, что преступленіе «осталось недоказаннымъ», т.-е. признать, что улики не были установлены; но инквизитору было строго запрещено признавать когда-либо обвиняемаго невиновнымъ. Впрочемъ, число тѣхъ, кто пользовался этой сомнительной милостью, было очень невелико, такъ какъ исчерпывали всѣ средства обмана и насилія, хитрости и пытки, чтобы установить виновность; въ этомъ отношеніи стѣснялись еще меньше, чѣмъ прежде. Вступивъ въ личную борьбу противъ Сатаны, инквизиторъ уже заранѣе былъ убѣжденъ въ виновности лицъ, которыя являлись передъ нимъ съ репутаціей людей, отдавшихся чародѣйству; кромѣ того, старые пріемы были еще болѣе усовершенствованы. Прежде упорство передъ пыткой могло быть принято за доказательство невиновности, теперь же это являлось лишнимъ доказательствомъ виновности, такъ какъ Сатана проявлялъ такимъ образомъ свои усилія спасти своего слугу; на обязанности судьи лежало побѣдить демона, хотя бы, какъ говоритъ Шпренгеръ, колдунья позволяла разорвать себя на куски и не сознавалась. Если, какъ и прежде, пытку нельзя было повторять, то ее можно было безконечно продолжать съ долгими промежутками тюремнаго заключенія въ этихъ башняхъ, мерзость которыхъ умышленно дѣлали еще болѣе ужасной, чтобы истощить физическія и духовныя силы жертвы. Правда, сознаніе не было абсолютно необходимымъ: если свидѣтельскія показанія были достаточно убѣдительны, то можно было осудить обвиняемаго и безъ его сознанія; но полагали, что обычное право требовало сознанія самого преступника, и поэтому повсемѣстно примѣняли пытку, если не удавалось добиться признанія другими средствами.

Но въ виду сатанинскаго дара молчанія лучше было избѣгать ея примѣненія; поэтому слѣдовало прибѣгать къ обѣщаніямъ прощенія, не къ такимъ неопредѣленнымъ и скрытнымъ, какъ прежде, а къ положительнымъ опредѣлявшимъ легкую эпитимію или изгнаніе. Если обманъ удавался, то инквизиторъ могъ передать какому-нибудь другому судьѣ право произнести приговоръ или дать пройти сравнительно большому промежутку времени раньше, чѣмъ послать на костеръ свою пойманную въ ловушку жертву. Рекомендовались также всѣ другія средства, которыя, какъ мы видѣли, употреблялись первыми инквизиторами, чтобы обмануть узника и довести его до сознанія. Новымъ непреложнымъ признакомъ виновности колдуньи была невозможность для нея пролить слезы во время пытки или передъ судьями, хотя во всѣхъ другихъ случаяхъ она могла проливать обильныя слезы. Въ этомъ случаѣ инквизитору рекомендовалось заклинать ее плакать, воспоминая слезы умиленія, пролитыя за міръ Христомъ на крестѣ; но чѣмъ болѣе настойчивы были заклинанія, тѣмъ болѣе, говорятъ намъ, глаза колдуньи дѣлались сухими. Но обычная логика демонологистовъ была такова, что если жертва плакала, то это, по ихъ мнѣнію, было хитростью демона, и эти слезы могли только повредить обвиняемой! [2]).

Но наиболѣе знаменательное измѣненіе, происшедшее въ новомъ судопроизводствѣ сравнительно со старымъ, касалось смертной казни. Мы уже видѣли, что цѣлью преслѣ-

[1]) Ulrici Molitoris «de Python. Mulier.» c. IV.

[2]) Prieriat. Lib. III, c. 3. — «Mall. Maleficar.», P. II, Q. VII, XVI; P. III, Q. XIII, XIV.

Библиотека "Руниверс"

дованія еретика было спасти душу виновнаго; если только еретикъ не былъ рецидивистомъ, онъ могъ всегда выкупить свою жизнь раскаяніемъ и цѣною пожизненнаго тюремнаго заключенія съ перспективой случайнаго освобожденія, заслуженнаго примѣрной покорностью. Нельзя сказать, когда измѣнилось это правило въ отношеніи колдуній. Когда свѣтскіе суды признавали ихъ виновными, онѣ всѣ безъ различія предавались костру, и Инквизиція усвоила эту систему. Въ 1445 г. Руанскій соборъ говоритъ о колдуньяхъ еще чрезвычайно снисходительно. Онъ предписываетъ, надѣвъ на голову вызывателей демоновъ бумажную митру, обратиться къ нимъ публично съ рѣчью; затѣмъ, если они отрекутся, епископы имѣли право отпустить ихъ на свободу, наложивъ на нихъ эпитимію соотвѣтственно съ ихъ преступленіемъ, послѣ чего, въ случаѣ вторичнаго паденія, духовныхъ слѣдовало подвергать пожизненному тюремному заключенію, а мірянъ выдавать свѣтской власти. Что же касалось менѣе серьезныхъ суевѣрныхъ обрядовъ и чарованій, то достаточно было мѣсяца тюрьмы и поста, съ примѣненіемъ въ случаѣ повторнаго паденія болѣе строгой эпитиміи. Въ 1448 г. соборъ въ Лизьё ограничился тѣмъ, что приказалъ священникамъ въ праздничные и воскресные дни объявлять отлученными отъ Церкви всѣхъ ростовщиковъ, колдуновъ и гадателей. Въ 1453 г. Гильомъ Эделинъ отдѣлался отреченіемъ и тюрьмой. Въ 1458 г. Жакерій старательно установилъ, что колдунья не заслуживаетъ того, чтобы съ ней обращались, какъ съ другими еретиками, и щадили въ случаѣ отреченія; уже сама его аргументація свидѣтельствуетъ, что произошла только что перемѣна во взглядѣ, которая нуждалась въ оправданіи. Въ 1484 г. Шпренгеръ положительно говоритъ, что, если еретика послѣ отреченія слѣдуетъ подвергнуть тюремному заключенію, то колдунью надо предать смерти, если даже она раскаялась. Какъ всегда, всю отвѣтственность за казнь старались сложить на свѣтскія власти, такъ какъ Шпренгеръ добавляетъ, что духовный судья долженъ удовольствоваться только тѣмъ, чтобы снять съ раскаявшейся и обращенной колдуньи тяготѣвшее на ней ipso facto отлученіе отъ Церкви и «освободить» ее, выдавъ свѣтскимъ судьямъ, чтобы она искупила на кострѣ причиненныя ею бѣдствія. Сильвестръ Маццолини въ своихъ совѣтахъ инквизиторамъ показываетъ пустоту этой лицемѣрной оговорки. Если колдунья сознается и раскается, то она получитъ прощеніе и не будетъ выдана въ руки свѣтской власти; она должна будетъ отречься, получитъ отпущеніе и будетъ осуждена на вѣчную тюрьму и на ношеніе чернаго платья; на нее должны надѣть это платье и отвести до дверей церкви, а не въ тюрьму. Инквизиціи болѣе уже нечего заниматься осужденной; если свѣтскій судъ удовлетворенъ, тѣмъ лучше; если нѣтъ, то свѣтскій судья будетъ дѣйствовать по-своему. А о томъ, что сказали бы инквизиторы, если бы свѣтскій судья отпустилъ колдунью на свободу, можно судить по проклятіямъ, которыя посылаетъ Шпренгеръ по адресу легковѣрныхъ мірянъ, которые отрицаютъ дѣйствительное существованіе колдовства и безразличное отношеніе которыхъ, оказывая давленіе на свѣтскія власти, допустило проклятой сектѣ развиться до такой степени, что уничтоженіе ея кажется почти невозможнымъ [1]). Ниже мы увидимъ еще болѣе поучительное негодованіе Льва X, когда синьорія Венеціи отказалась сжечь колдуній Брешіи, осужденныхъ Инквизиціей.

Такъ же мало обосновано было громкое заявленіе инквизиторовъ, что они наказываютъ колдуній костромъ только для того, чтобы онѣ искупили причиненныя ими бѣдствія. На дѣлѣ «вальденцевъ» изъ Арраса мы увидимъ ясно, что осужденные были сожжены безъ всякаго размышленія, хотя большинству изъ этихъ несчастныхъ было поставлено въ вину только присутствованіе на шабашѣ; духовный судъ выдавалъ ихъ за это свѣтскимъ властямъ, а иногда сжигалъ ихъ и безъ этой формальности.

[1]) Concil. Rotomagens, ann. 1445, c. 6 (Bessin, «Concil. Rotomagens.» I, 184).—Concil. Lexoviens. ann. 1448, c. 9 (Ibidem, II, 482).—Nich. Jaquerii «Flagellum Haeret. Fascinar.» c. 27.—«Mall. Maleficar.» P. I, Q. XIV; P. II. Q. I, c. 3, 16.—Prieriat. de Strigimagar.» Lib. III, c. 3.

Библиотека "Руниверс"

Но съ другой стороны Шпренгеръ передаетъ, что когда дѣло шло о могущественныхъ колдуньяхъ, то часто смертная казнь замѣнялась пожизненной тюрьмой на хлѣбѣ и водѣ, что было какъ бы воздаяніемъ тѣмъ, кто выдавалъ своихъ соучастницъ; изъ этого ясно, что въ сущности судьба обвиняемой находилась всецѣло въ рукахъ инквизиторовъ. Однако, въ одномъ, по крайней мѣрѣ, случаѣ была, повидимому, пародія на свѣтскій судъ; такихъ примѣровъ, впрочемъ, въ дѣлахъ ереси я нашелъ довольно мало. 5-го ноября 1474 г. были осуждены въ Левонѣ, въ Пьемонтѣ, оффиціальнымъ инквизиторомъ Франческо Кіабауди Франческа Вилони и Антонія д'Альберто. Въ приговорѣ говорилось, чтобы виновные были выданы въ руки свѣтской власти; причемъ заявлялось, что нѣтъ надобности ни въ какомъ тѣлесномъ наказаніи, ни въ прямомъ, ни въ косвенномъ, хотя имущество осужденныхъ было объявлено конфискованнымъ. Въ тотъ же день помощникъ инквизитора, братъ Лоренцо Бутини, передалъ обѣихъ женщинъ подестату Бартоломео Паскале, напомнивъ ему, чтобы снять съ себя упрекъ въ «неправильности», что онъ не судилъ ихъ съ цѣлью добиться ихъ тѣлеснаго наказанія и что онъ не согласится, чтобы было наложено подобное наказаніе. Подестатъ пропустилъ два дня; затѣмъ 7-го ноября онъ открылъ торжественное засѣданіе, на которое населеніе было приглашено звуками трубъ. Осужденныя предстали передъ нимъ, и его consultore, Лоренцо да Фронтъ, доложилъ ему, что эти женщины были осуждены Инквизиціей за колдовство, ересь и вѣроотступничество, и что, согласно съ законами, подестатъ долженъ произнести относительно ихъ законный и безспорный приговоръ, присуждающій ихъ къ костру. Ясно, что это была простая формальность; подестатъ, который приписывалъ одной изъ двухъ колдуній смерть своихъ двухъ дѣтей, по всей вѣроятности, охотно принялъ участіе въ ихъ обузданіи [1]).

Какъ и въ старое время, единственнымъ средствомъ защиты, которымъ располагалъ обвиняемый, былъ отводъ свидѣтелей, какъ личныхъ его враговъ; но судьямъ было приказано принимать во вниманіе только самую сильную вражду, такъ какъ при обычной ихъ склонности заранѣе признавать виновность они почти всегда были предубѣждены, что свидѣтели до извѣстной степени были враждебно настроены къ обвиняемымъ, потому что колдуньи были всѣмъ ненавистны. Въ то же время соблюдали и даже увеличивали старые пріемы, которые сводили къ minimum'у и этотъ слабый шансъ защиты. Именъ свидѣтелей обыкновенно не приводили; если же ихъ объявляли обвиняемой, то ихъ перемѣшивали такъ, чтобы обмануть ее; старались помѣшать отвести наиболѣе важныхъ свидѣтелей, заставляя ее сказать, что она ихъ совершенно не знаетъ или, наоборотъ, что это ея друзья. Если она настаивала на томъ, чтобы ей предъявили свидѣтельскія показанія, то ихъ можно было ей показать, но при этомъ, съ благочестивой цѣлью ввести обвиняемую въ заблужденіе, надо было внести въ нихъ обвиненія и факты, не относящіеся къ дѣлу [2]).

Надо было всегда, если возможно, отвергать всякія апелляціи. Кромѣ Франціи, апеллировать можно было только въ Римъ или на отказъ въ совѣтѣ, или на несправедливую пытку, или на какія-либо другія неправильности въ судопроизводствѣ. Кромѣ того, инквизиторъ, какъ мы уже видѣли, могъ не принять apostoli или послать съ своей стороны отрицательный отзывъ. Если онъ сознавалъ, что судебная справедливость нарушена и предвидѣлъ возможность апелляціи, то онъ могъ избѣгнуть ее, назначивъ на свое мѣсто делегата. Впрочемъ, опасность, представляемая апелляціями, была невелика, такъ какъ, если обвиняемый требовалъ помощи адвоката, то ему не позволяли выбирать его; адвоката назначалъ самъ инквизиторъ, причемъ адвокатъ обязанъ былъ отказаться

[1]) «Mall. Maleficar.» P. II, Q. XIV.—P. Vayra, «Le Streghe nel Canavese», op. cit. 218—21, 232.

[2]) Prieriat. op. cit. Lib. III, c. 3.—«Mall. Maleficar.» P. III, Q. XII.

Библиотека "Руниверс"

отъ защиты, если убѣждался, что дѣло дѣйствительно плохое; ему не сообщали имена свидѣтелей, и всѣ его функціи ограничивались тѣмъ, что онъ убѣждалъ свою кліентку или сознаться въ своемъ прегрѣшеніи, или отвести свидѣтелей. Если онъ дѣлалъ препятствія, тормазилъ дѣло или подавалъ апелляцію, то онъ подлежалъ отлученію отъ Церкви, какъ покровитель ереси, и дѣлался болѣе виновнымъ, чѣмъ даже сама колдунья. Раньше, чѣмъ онъ принялъ на себя защиту, его слѣдовало должнымъ образомъ ознакомить съ его обязанностями и съ тѣми опасностями, которымъ подвергалъ онъ себя [1]).

Два судебныхъ дѣла, имѣвшихъ мѣсто въ 1474 г. въ Риварѣ, въ Пьемонтѣ, показываютъ, какія послѣдствія влекло незнаніе этихъ спасительныхъ мѣръ предосторожности. Много колдуній было сожжено, послѣ того какъ онѣ, какъ обыкновенно, оговорили другихъ. Дѣло разсматривалось регулярнымъ каноникомъ Франческо Кіабауди, имѣвшимъ полномочія одновременно и отъ туринскаго епископа и отъ инквизитора Ломбардіи Михаила де Валенти. Неопытный и неискусный, онъ поручилъ собрать предварительныя свѣдѣнія о пяти новыхъ обвиняемыхъ приходскому священнику Ривары Томасо Баларди. Какъ всегда, улики были тяжелыя. Баларди арестовалъ виновныхъ и далъ имъ десять дней для представленія мотивовъ къ освобожденію ихъ отъ пытки. Въ то же время онъ проявилъ полное незнаніе своихъ обязанностей, позволивъ имъ выбрать себѣ защитниковъ; онѣ поручили защиту своимъ мужьямъ, братьямъ или сыновьямъ. Въ дѣлахъ трехъ изъ нихъ эти защитники не выступили, и процессы шли обычнымъ порядкомъ, хотя изъ дошедшихъ до насъ отрывковъ документовъ мы не знаемъ объ исходѣ процессовъ. Двѣ другихъ обвиняемыхъ Гульельмина Феррери и Маргарита Кортина были болѣе счастливы; повидимому, онѣ принадлежали къ богатымъ крестьянскимъ семьямъ, и ихъ родные пригласили для ихъ защиты трехъ ловкихъ юристовъ. Когда эти адвокаты выступили передъ судомъ, то все дѣло тотчасъ же пало. Кіабауди, не зная, какія привилегіи ему давалъ инквизиціонный процессъ, былъ совершенно не въ состояніи прекратить ихъ заносчивость; онъ позволилъ имъ внести протесты противъ неправильности предварительнаго слѣдствія и даже разрѣшилъ, вопреки всей предшествующей практикѣ, представить свидѣтелей съ своей стороны. Дерзость ихъ дошла до того, что они вызвали самого Баларди и заставили его подтвердить, что обвиняемыя усердно исполняли всѣ обряды религіи; послѣ этого они прекрасно доказали, что колдуньи были благочестивыми и добрыми къ ближнимъ женщинами, что враждебные имъ слухи возникли только два года тому назадъ, когда были сожжены ихъ сестры, которыя, какъ говорятъ, указали на нихъ въ своихъ сознаніяхъ. Кіабауди хотѣлъ устраниться отъ дѣла, назначивъ вмѣсто себя Антоніо Вало, одно изъ юридическихъ свѣтилъ мѣстности, прокурора-фискала, или обвинителя (должность, неизвѣстная Инквизиціи той эпохи); но адвокаты обвиняемыхъ тотчасъ же отняли у него всѣ средства къ защитѣ. Съ каждымъ новымъ засѣданіемъ суда они становились все болѣе настойчивы и задорны. Они прямо цитировали Дигесты и ссылались на статьи закона и каноническаго права, какъ будто подобнаго рода пренія въ инквизиціонномъ процессѣ не были спеціально запрещены. Въ концѣ концовъ, они заявили Кіабауди, что на него самого падаетъ подозрѣніе: какъ каноникъ, онъ не имѣлъ права покинуть свой монастырь, чтобы заняться подобнымъ дѣломъ, и поэтому все, сдѣланное имъ, не имѣетъ никакого значенія. Всѣ преслѣдованія, взятыя вмѣстѣ, были, по ихъ словамъ, не что иное, какъ попытка выжать деньги отъ обвиняемыхъ, а затѣмъ раздѣлить добычу между собой; они обратились съ жалобой къ викарію туринскаго епископа, грозя въ случаѣ надобности добиться вмѣшательства самого герцога Савойскаго. Кіабауди склонился передъ бурей, которую самъ же неблагоразумно вызвалъ: въ февралѣ 1475 г. онъ утвердилъ переносъ дѣла на судъ туринскаго епископа. Несомнѣнно, мы никогда не узнаемъ, была ли судьба

[1]) «Mall. Maleficar.» P. III, Q. X, XI, XXXV.—Prieriat. op. cit. Lib. III, c. 3.

Библиотека "Руниверс"

этихъ несчастныхъ женщинъ болѣе счастлива на судѣ этихъ новыхъ судей; но это дѣло показываетъ, какъ вѣроломно-ловко были составлены предписанія, рекомендовавшія обыкновеннымъ инквизиторамъ благоразумно выбирать адвокатовъ и грозить отлученіемъ отъ Церкви тѣмъ изъ нихъ, кто будетъ защищать своихъ кліентовъ. Кромѣ того, это дѣло представляетъ еще тотъ интересъ, что, за исключеніемъ дѣла Жиля де Ре, это было, быть можетъ, единственное дѣло, гдѣ мы видимъ litis contestatio, строго запрещенное въ инквизиціонномъ процессѣ [1]).

Болѣе характерно и поучительно другое дѣло, подробности котораго случайно дошли до насъ, это — процессъ вальденцевъ [2]) или колдуновъ и колдуній Арраса. Этотъ процессъ показываетъ, какъ увлекло всѣхъ колдовство, и какъ дѣйствительны были инквизиціонные методы даже тамъ, гдѣ Святой Трибуналъ былъ подчиненъ высшей юрисдикціи Парижскаго парламента.

Въ 1459 г., въ то время какъ въ Лангрѣ засѣдалъ генеральный капитулъ доминиканскаго ордена, въ этомъ городѣ былъ сожженъ, какъ колдунъ, одинъ отшельникъ, по имени Робинэ де Во (Vaulx). Онъ былъ вынужденъ назвать всѣхъ людей, которыхъ встрѣчалъ на шабашѣ; среди выданныхъ имъ лицъ находилась молодая женщина безумной жизни, родомъ изъ Дуэ, по имени Дениселла, и извѣстный Жанъ ла Виттъ, жившій въ Аррасѣ; это былъ уже пожилой человѣкъ, художникъ и поэтъ, написавшій много балладъ въ честь Божьей Матери и пользовавшійся общей любовью, хотя, если судить по прозвищу Малоумный Аббатъ (Abbé-de-peu-de-sens), онъ былъ немного помѣшанъ [3]). Инквизиторъ Арраса Петръ де Брузаръ присутствовалъ на капитулѣ; вернувшись въ свой округъ, онъ тотчасъ же велѣлъ отыскать обвиняемыхъ. Дениселлу арестовали скоро и заключили въ епископскую тюрьму. Епископъ Арраса Жанъ, которому, какъ мы видѣли, была обѣщана кардинальская шапка за ту энергію, которую онъ про-

[1]) P. Vayra, «Le Streghe nel Canavese», 658—715.

[2]) Припомнимъ, что въ эту эпоху вальденецъ и вальденство сдѣлались во Франціи терминами, которые примѣнялись ко всѣмъ нарушеніямъ вѣры и, въ особенности, обозначали колдовство. Отсюда происходитъ слово Voodooism, обозначающее чародѣйство негровъ во французскихъ колоніяхъ; этотъ терминъ черезъ Луізіану занесенъ въ Соединенные Штаты.

[3]) Нѣкоторый споръ вызвалъ вопросъ, слѣдуетъ ли допускать свидѣтельство колдуньи, называвшей имена людей, которыхъ она видѣла на шабашѣ; вопросъ этотъ былъ рѣшенъ благопріятно для вѣры, благодаря тому неопровержимому аргументу, что если пренебречь этимъ, то будетъ утраченъ неоцѣнимый способъ открытія колдуній. Если обвиняемый, привлеченный такимъ образомъ къ дѣлу, ссылался, что демонъ послалъ на шабашъ фантомъ, которому придалъ его черты, то ему предлагали доказать это, что, конечно, было нелегко (Jacquerii «Flagell. Haeret. Fascinar.» с. 26). Бернардъ Комскій («De Strigiis») говоритъ, что нельзя производить арестъ на основаніи одного только показанія, что данное лицо видѣли на шабашѣ, такъ какъ демонъ можетъ заставить явиться фантомъ, сходный съ лицомъ, привлеченнымъ къ дѣлу, но надо подкрѣпить это обвиненіе при помощи «догадки и правдоподобія», а въ этомъ, конечно, не могло быть недостатка.

Поучительное резюме судопроизводства, возникшаго по дѣламъ о колдовствѣ, вслѣдствіе процесса вальденцевъ Арраса, было опубликовано І. Фридрихомъ («Sitzungsberichte der phil. und der historischen Classe der K. b. Akademie der Wissenschaften zu München», 1898 г., стр. 176). Въ этомъ документѣ свидѣтельство обвиняемой относительно лицъ, видѣнныхъ ею на шабашѣ, было признано чрезвычайно вѣскимъ; авторъ оплакиваетъ упрямство колдуній, которыя, наученныя дьяволомъ, стараются скрыть своихъ соумышленниковъ и отказываются назвать людей, которыхъ онѣ видѣли на этихъ собраніяхъ. Это діавольское вліяніе побуждало ихъ отказываться отъ подобнаго свидѣтельства даже на самомъ мѣстѣ казни. Примѣняя пытку, нужно убѣдить себя, что слѣдуетъ дѣйствовать скорѣе на демона, чѣмъ на человѣческое существо; наказаніе голодомъ въ темной камерѣ рекомендуется, какъ прекрасное дополненіе къ пыткѣ для того, чтобы сломить упорство. Въ дѣйствительности, если кто былъ вдохновленный демономъ, то скорѣе это былъ инквизиторъ, чѣмъ несчастная колдунья!

Библиотека "Руниверс"

явилъ, чтобы добиться отмѣны Sanctio Pragmatica, былъ тогда въ Римѣ; суффраганомъ его былъ доминиканецъ Жанъ, епископъ in partibus Бейрута, а викарными—Петръ Гамель, Жанъ Тибо, Жанъ Пишонъ и Матвѣй Гамель. Эти лица энергично принялись за дѣло и нашли себѣ дѣятельнаго помощника въ лицѣ доктора правъ, декана капитула, Жака дю Буа, который вмѣшался въ дебаты и повелъ слѣдствіе съ неутомимой энергіей. Послѣ повторнаго примѣненія пытки Денисселла призналась, что она бывала на шабашѣ, и назвала нѣсколько лицъ, которыхъ видѣла тамъ, въ томъ числѣ Жана ла Виттъ. Послѣдній, привлеченный уже по дѣлу Робине, скрылся, но инквизиторъ нашелъ его и привелъ въ Аррасъ. Здѣсь обвиняемый въ отчаяніи, когда его заключили въ тюрьму, попытался отрѣзать себѣ языкъ перочиннымъ ножемъ, чтобы не быть въ состояніи сознаться; но попытка эта не удалась, и, хотя онъ долгое время не могъ говорить, тѣмъ не менѣе онъ не избѣгъ пытки, такъ какъ онъ могъ писать, и его заставили изложить свое сознаніе письменно. Вынужденный назвать всѣхъ, кого онъ видѣлъ на шабашѣ, онъ замѣшалъ въ дѣло много людей: дворянъ, духовныхъ и простолюдиновъ. Среди послѣднихъ было произведено шесть новыхъ арестовъ; въ томъ числѣ было арестовано нѣсколько горожанокъ. Дѣло грозило принять огромные размѣры, и викарные, испугавшись, рѣшили освободить всѣхъ узниковъ. Тогда Жакъ дю Буа и Бейрутскій епископъ выступили въ качествѣ оффиціальныхъ челобитчиковъ; епископъ Бейрутскій отправился въ Перонну и привелъ въ Аррасъ графа д'Эстампъ, пикардійскаго намѣстника Филиппа Добраго Бургундскаго, и этотъ сановникъ приказалъ викарнымъ исполнить свои обязанности, грозя имъ, въ случаѣ отказа, преслѣдованіемъ.

Изъ шести арестованныхъ въ послѣднемъ мѣстѣ четыре женщины, не вынеся пытки, сознались въ своемъ преступленіи и вмѣшали въ дѣло большое число другихъ лицъ. Викарные, не зная, что имъ дѣлать дальше, переслали сознаніе двумъ знаменитымъ духовнымъ — Жилю Карлье, декану Камбрэ, и оффиціалу того же города Григорію Николаи; послѣдніе отвѣтили, что если обвиняемыя не были рецидивистками, и если онѣ произнесутъ отреченіе, то ихъ не слѣдуетъ предавать смерти, такъ какъ онѣ не совершили убійства и не осквернили евхаристіи. (Замѣтимъ здѣсь этапъ перехода отъ стараго судопроизводства, примѣнявшагося къ еретикамъ, къ новой системѣ, принятой противъ колдуновъ). Но дю Буа и Бейрутскій епископъ были глубоко пропитаны новыми идеями и настаивали, чтобы всѣ обвиняемыя были сожжены. Они заявили, что всякій, кто будетъ оспаривать правильность этого наказанія, становится также виновнымъ въ колдовствѣ, и что надо всякаго, кто осмѣлится помогать заключеннымъ или давать имъ совѣты, также подвергнуть тюремному заключенію. Христіанство находилось въ опасности; добрая треть тѣхъ, кто считался христіанами, тайно была предана колдовству, особенно епископы, кардиналы и ректоры университетовъ; если бы этимъ преступникамъ удалось объединиться подъ руководствомъ одного вождя, то никто не могъ бы сказать, какія бѣдствія они могли бы причинить религіи и обществу. Быть можетъ, перу одного изъ этихъ лицъ принадлежитъ трактатъ, посвященный этому вопросу, экземпляръ котораго, составлявшій нѣкогда собственность Филиппа Добраго, находится въ настоящее время въ Брюссельской королевской библіотекѣ. Анонимный авторъ, подписавшійся «священникъ», говоритъ о Vaudérie, какъ о дѣлѣ новомъ и неслыханномъ, превосходящемъ самыя отвратительныя заблужденія язычества со дня сотворенія міра. Онъ призываетъ прелатовъ подняться, чтобы очистить христіанство отъ этихъ ужасныхъ сектантовъ и возбудить населеніе, раскрывая передъ нимъ наиболѣе тяжкія преступленія этихъ колдуній; краснорѣчіе его становится особенно горячимъ, когда онъ обращается къ князьямъ. Не безъ основанія передъ ними носятъ мечъ; носятъ его для того, чтобы напомнить имъ, что они слуги и воины Бога, и что ихъ первая обязанность—карать безъ всякаго милосердія преступныхъ. Если позволять этимъ еретикамъ размножиться, то надо ожидать самыхъ ужасныхъ катастрофъ, которымъ заранѣе уже ра-

Библиотека "Руниверс"

дуется Князь Тьмы. Войны и проявленія взаимной ненависти увеличатся; раздоръ и мятежъ примутъ страшные размѣры въ деревняхъ, городахъ и королевствахъ; люди будутъ грудами падать мертвыми во всеобщей рѣзнѣ; дѣти возстанутъ противъ своихъ родителей, крестьяне нападутъ на дворянъ. Оказывалось, что преступленіе нѣсколькихъ проститутокъ и несчастнаго человѣка, извѣстнаго подъ именемъ Abbé-de-peu-de-sens, угрожало не только религіи, но и всему соціальному строю! [1]).

Подобно агенту Конрада Торса изъ временъ Конрада Марбургскаго Бейрутскій епископъ хвастался, что онъ съ перваго взгляда узнаетъ «вальденца» или колдуна. Соединившись съ дю Буа, онъ произвелъ новый арестъ и привелъ гр. д'Эстампа, чтобы побудить инквизиторовъ дѣйствовать энергичнѣе. Подъ его давленіемъ 9-го мая 1460 г. въ Аррасѣ состоялось собраніе всѣхъ главныхъ духовныхъ лицъ съ участіемъ нѣсколькихъ юристовъ для разсмотрѣнія собранныхъ свидѣтельскихъ показаній. Послѣ непродолжительнаго обсужденія обвиняемые были осуждены. На другой день въ присутствіи многочисленной толпы, собравшейся изъ-за двѣнадцати миль въ окружности, осужденные были возведены на эшафотъ чередъ епископскимъ дворцомъ, равно какъ и трупъ одного изъ нихъ Жана де Февръ, повѣсившагося въ своей камерѣ. На головы имъ надѣли митры съ рисунками, представлявшими ихъ поклоняющимися діаволу. Инквизиторъ произнесъ рѣчь, прочелъ описаніе шабаша и посѣщеній его осужденными и спросилъ у каждаго изъ нихъ, вѣрно ли его показаніе; всѣ отвѣчали утвердительно. Тогда онъ велѣлъ прочесть приговоръ о передачѣ ихъ въ руки свѣтской власти и о конфискаціи ихъ недвижимаго имущества въ пользу сеньора, а движимаго въ пользу епископа. Затѣмъ ихъ выдали властямъ, которымъ они были подсудны: Дениселла была передана властямъ Дуэ, присутствовавшимъ при этомъ, остальныхъ потребовали себѣ власти Арраса. Всѣ они тотчасъ начали громко кричать, утверждая, что ихъ жестоко обманули, что имъ обѣщали, что въ случаѣ сознанія ихъ простятъ, наложивъ только паломничество за десять—двѣнадцать миль, и что имъ грозили костромъ, если они упорно будутъ не сознаваться. Въ одинъ голосъ они заявили, что никогда не посѣщали шабаша, и что сознанія вырваны у нихъ страшными пытками и ложными обѣщаніями; пока пламя не заглушило ихъ крики, они умоляли народъ молиться за нихъ и просили своихъ друзей заказать обѣдни о спасеніи ихъ душъ. Послѣдними словами Abbé-de-peu-de-sens были слѣдующія: «Jesus autem transiens per medium illorum»... Особенно горячо упрекали эти несчастные адвоката Жиля Фламенга, который принималъ дѣятельное участіе въ ихъ дѣлѣ; они называли его измѣнникомъ, лживыми обѣщаніями приведшимъ ихъ къ гибели.

Этотъ первый результатъ возбудилъ аппетитъ у преслѣдователей. Тотчасъ же за казнью послѣдовалъ арестъ тринадцати человѣкъ, въ числѣ которыхъ было шесть публичныхъ женщинъ, замѣшанныхъ въ дѣло признаніями осужденныхъ и схваченныхъ по распоряженію инквизиторовъ. Однако, организаторамъ дѣла начало надоѣдать преслѣдованіе подобной бѣдной дичи, и они рѣшились поднять руку выше. 22-го іюня граждане Арраса были поражены арестомъ эшевена Жана Такэ, одного изъ самыхъ богатыхъ горожанъ; на другой день былъ арестованъ Пьеръ де Каріё, человѣкъ также очень богатый; на слѣдующій день было произведено нападеніе на семидесятилѣтняго старика, рыцаря Пайена де Бофоръ, главы одной изъ самыхъ старинныхъ и богатыхъ фамилій провинціи, проявившаго свое благочестіе въ основаніи трехъ монастырей. Узнавъ, что имя его стоитъ въ спискѣ обвиняемыхъ, онъ заявилъ, что, если бы онъ былъ за тысячу миль, то и тогда бы онъ пришелъ, чтобы разбить обвиненія; и, дѣйствительно, онъ съ этою цѣлью явился въ городъ. Въ его замкѣ Шевретъ дѣти и друзья его настойчиво совѣтовали ему бѣжать, если онъ считаетъ себя виновнымъ; но онъ въ самыхъ торжественныхъ клятвахъ

[1]) Mss. Bib. Roy. de Bruxelles, № 11209.

Библиотека "Руниверс"

подтвердилъ свою невинность. Его не смѣли арестовать безъ согласія на то Филиппа Добраго, полученнаго черезъ посредство Филиппа Савэзъ; графъ Эстампъ прибылъ въ Аррасъ, чтобы произвести арестъ, и отказался принять арестованнаго, требовавшаго свиданія. 7-го іюля состоялось ауто-да-фе, на которомъ была рѣшена судьба семи преступниковъ, арестованныхъ 9-го мая; пятеро было сожжено; какъ и первыя жертвы, они утверждали, что сознанія были вырваны у нихъ пыткою, и умерли, прося всѣхъ добрыхъ христіанъ молиться за нихъ. Двое другихъ были приговорены къ тюремному заключенію на извѣстный срокъ, на томъ основаніи, что они не отреклись отъ своихъ первыхъ сознаній; это совершенно неправильное судопроизводство имѣло цѣлью облегчить будущія осужденія.

Дѣло начало привлекать вниманіе и возбуждать гнѣвъ общества. Филиппъ Добрый обезпокоился, что его обвинятъ въ Парижѣ и въ другихъ мѣстахъ въ томъ, что онъ уничтожаетъ наиболѣе богатыхъ своихъ подданныхъ съ цѣлью конфисковать ихъ имущество; поэтому онъ послалъ въ Аррасъ, въ качествѣ надзирателей, своего духовника, доминиканца и епископа in partibus Селимбріи, и губернатора Перонны рыцаря Бодуэна де Нуаель; съ своей стороны, графъ Эстампъ послалъ своего секретаря Жана Формъ, а сеньоръ Кревкера Филиппъ де Савэзъ—бальи Амьена и замѣстителя послѣдняго Гильома де Бери. Первою заботою вновь прибывшихъ было, повидимому, обезпечить себѣ часть въ добычѣ. 16-го іюля Бодуэнъ де Нуаель арестовалъ одного изъ эшевеновъ и одного изъ самыхъ богатыхъ гражданъ, Антонія Сакеспе, котораго горячо убѣждали бѣжать, но который, подобно Бофору, объявилъ, что онъ пришелъ бы за тысячу миль, чтобы выступить противъ обвинителей. На слѣдующій день арестовали другого эшевена Жана Жоссе и сержанта города Анріо Руавиль; трое другихъ гражданъ, которымъ грозилъ арестъ, бѣжали; двое изъ нихъ, Мартинъ Корниль и Вильомъ ле Февръ были люди богатые, и гр. Эстампъ безуспѣшно преслѣдовалъ ихъ до самаго Парижа. Паническій страхъ охватилъ все населеніе; никто не зналъ, когда наступитъ его чередъ; еле осмѣливались выходить за городъ, боясь, чтобы отъѣздъ не былъ истолкованъ, какъ признаніе; съ другой стороны, отсутствовавшіе граждане всюду встрѣчали дурной пріемъ и съ трудомъ находили ночлегъ. Мало того, иностранцы также не рѣшались пріѣзжать въ городъ. Все это страшно отзывалось на промышленномъ богатствѣ Арраса, этого крупнаго мануфактурнаго центра. Торговцы теряли всякій кредитъ; кредиторы настойчиво требовали уплаты денегъ, такъ какъ всякій жилъ подъ страхомъ конфискаціи, а мы знаемъ, что въ подобномъ случаѣ права заимодавца не признавались. Викарные старались успокоить волненіе и безпорядокъ въ городѣ, заявляя, что ни одинъ невинный не долженъ бояться ареста, такъ какъ арестовывали только тѣхъ, о комъ восемь или десять свидѣтелей сказали, что видѣли ихъ на шабашѣ; на самомъ же дѣлѣ было позднѣе установлено, что много обвиняемыхъ было схвачено на основаніи показаній одного или двухъ лицъ.

Наконецъ, послали въ Брюссель на счетъ арестованныхъ инквизитора, викарныхъ и Жиля Фламенга представить герцогу Бургундскому всѣ собранныя свидѣтельскія показанія. Герцогъ созвалъ огромное собраніе духовныхъ и докторовъ Лувена, которые вступили въ горячій споръ по этому дѣлу. Одни, на основаніи Cap. Episcopi, утверждали, что шабашъ былъ простою фикціей; другіе признавали его дѣйствительное существованіе. Не пришли ни къ какому заключенію, и герцогъ, въ концѣ концовъ, отпустилъ викарныхъ въ сопровожденіи своего герольда Туазона д'Оръ (ле Февръ, сеньоръ С.-Реми), къ которому онъ питалъ полную довѣренность, и который долженъ былъ присутствовать при всѣхъ допросахъ. Эти лица прибыли въ Аррасъ 14 августа, и съ этого времени не было больше арестовъ, хотя въ спискѣ обвиняемыхъ гражданъ было еще очень много именъ. Съ арестованными обращались менѣе жестоко, и въ данномъ процессѣ только четверо были удержаны и подверглись осужденію. Протоколы допроса были посланы въ Брюссель, чтобы

Библиотека "Руниверс"

герцогъ могъ съ ними ознакомиться, и 12 октября они были привезены обратно въ Аррасъ предсѣдателемъ совѣта герцога Андріаномъ Колленомъ, въ присутствіи котораго обвиняемые были снова допрошены. Наконецъ, 22 октября было созвано обычное собраніе, сопровождавшееся торжественнымъ ауто-да-фе; инквизиторъ Камбрэ произнесъ рѣчь, инквизиторъ Арраса и Михаилъ Гамель прочли приговоры.

Участь четырехъ виновныхъ не была одинакова. Въ приговорѣ о рыцарѣ Боворѣ говорилось, что обвиняемый сознался, что онъ три раза былъ на шабашѣ; два раза онъ туда ходилъ пѣшкомъ, а одинъ разъ леталъ по воздуху на палкѣ, намазанной магической мазью. Онъ отказался отдать свою душу Сатанѣ, но онъ далъ демону четыре своихъ волоса. Инквизиторъ спросилъ его, дѣйствительно ли это было; Боворъ отвѣтилъ утвердительно и умолялъ судей о милосердіи. Тогда инквизиторъ объявилъ, что, такъ какъ обвиняемый сознался безъ пытки и никогда не отказывался отъ своихъ признаній, то на него не будетъ надѣта митра, и онъ не будетъ сожженъ, а только наказанъ кнутомъ (наказаніе это тутъ же было приведено инквизиторомъ въ исполненіе, причемъ съ кающагося не были сняты одежды); кромѣ того, онъ присуждается къ семилѣтнему заключенію и уплатѣ цѣлаго ряда штрафовъ на богоугодныя дѣла; общая сумма штрафовъ достигла восьми тысячъ двухсотъ ливровъ, изъ которыхъ тысяча пятьсотъ въ пользу Инквизиціи. Но, кромѣ этихъ штрафовъ, о которыхъ было объявлено публично, Боворъ долженъ былъ уплатить четыре тысячи ливровъ герцогу Бургундскому, двѣ тысячи—графу Эстампу, тысячу—сеньору Кревкеръ и сто—его намѣстнику Гильому де Берри [1]).

Затѣмъ шелъ богатый эшевенъ Жанъ Такэ. Онъ сознался, что былъ на шабашѣ десять разъ или даже больше. Онъ пытался стряхнуть съ себя иго Сатаны, но демонъ заставилъ его повиноваться, жестоко избивъ его воловьей жилой. Его приговорили къ кнуту, что и было тутъ же приведено въ исполненіе, къ десятилѣтнему тюремному заключенію и къ штрафамъ на сумму всего тысяча четыреста ливровъ, изъ которыхъ двѣсти въ пользу Инквизиціи. Но, какъ и съ Бофора, съ него взыскали штрафы, не предусмотрѣнные судомъ.

Третьимъ осужденнымъ былъ Петръ дю Карьё, также богатый гражданинъ. Въ приговорѣ говорилось, что онъ безчисленное множество разъ присутствовалъ на шабашѣ; держа въ рукахъ зажженную свѣчу, онъ поцѣловалъ подъ хвостъ демона, принявшаго видъ обезьяны; онъ отдалъ душу свою Сатанѣ по договору, подписанному его кровью; онъ три раза давалъ Малоумному Аббату освященныя облатки, полученныя на Пасху. Эти святые дары, смѣшанные съ костями повѣшенныхъ, собранными имъ подъ висѣлицей, и съ кровью маленькихъ дѣтей, изъ которыхъ было четверо убито имъ, пошли на изготовленіе адской мази и нѣкоторыхъ порошковъ, при помощи которыхъ два колдуна наносили раны людямъ и животнымъ. Когда ему предложили подтвердить эти показанія, онъ отрекся отъ нихъ, заявивъ, что ихъ исторгли у него пыткою; онъ пошелъ бы и дальше въ своихъ обвиненіяхъ, если бы на него не наложили молчанія. Онъ былъ выданъ свѣтскому суду; эшевены потребовали себѣ его выдачи, они уплатили издержки по его содержанію въ тюрьмѣ и взяли осужденнаго. Въ городской ратушѣ ему дано было слово; тогда онъ оправдалъ всѣхъ гражданъ, обвиненныхъ имъ, изъ которыхъ многіе эшевены и частныя лица были, по его словамъ, тутъ на лицо; онъ добавилъ, что подъ вліяніемъ пытки онъ вмѣшалъ въ дѣло всѣхъ, кого только зналъ; перечень былъ бы еще длиннѣе, если бы онъ зналъ болѣе именъ. Въ тотъ же день онъ былъ сожженъ.

---

[1]) Эта оговорка, очевидно, замѣняла конфискацію и раскрываетъ цѣль всего дѣла. Чтобы точно оцѣнить размѣръ этихъ штрафовъ, надо вспомнить, что годовой доходъ Бофора равнялся пятистамъ ливровъ. Годовой доходъ наиболѣе богатыхъ гражданъ, арестованныхъ въ Аррасѣ, колебался между четырьмя и пятьюстами ливровъ.

Библиотека "Руниверс"

Четвертымъ осужденнымъ былъ Гуго Обри, человѣкъ рѣдкой силы и твердости. Несмотря на самую жестокую и продолжительную пытку, онъ ни въ чемъ не сознался. Онъ былъ обвиненъ на основаніи показаній девяти свидѣтелей; ему обѣщали, что съ нимъ будетъ поступлено милостиво, если онъ сознается; но онъ повторялъ, что не знаетъ ничего о колдовствѣ и никогда не былъ на шабашѣ. Тогда инквизиторъ напомнилъ ему, что онъ нарушилъ свою ссылку и былъ уличенъ въ этомъ, что является крупнымъ преступленіемъ. Онъ бросился на колѣни и умолялъ судей о милосердіи; его присудили къ двадцатипятилѣтнему заключенію въ тюрьмѣ на хлѣбъ и на воду. Приговоръ этотъ былъ совершенно неправиленъ и шелъ вразрѣзъ со всѣмъ обычнымъ судопроизводствомъ; дѣйствительно, противъ него были вѣскія свидѣтельскія показанія, а его сопротивленіе пыткѣ показывало только то, что Сатана далъ ему даръ молчанія.

Преслѣдованіе не пошло далѣе. Было всего двадцать четыре ареста и двѣнадцать казней. Подобный результатъ показался бы смѣшнымъ позднѣе, въ эпоху, когда колдовство достигло крайности; но новизна дѣла въ Пикардіи, характеръ жертвъ и позднѣйшее вмѣшательство парламента привлекли къ этому дѣлу вниманіе, не соотвѣтствующее его важности. Если преслѣдованіе прекратилось такъ рѣзко, то виновникомъ этого былъ, быть можетъ, Филиппъ де Савезъ. Послѣдній, пытая женщинъ, добивался не только осужденія Бофора, но также обвиненія сеньоровъ де Круа и другихъ лицъ, гибель которыхъ удовлетворила бы его алчность и, по всей вѣроятности, его политическіе интересы. Сеньоры де Круа были тогда всемогущи при дворѣ герцога и, несомнѣнно, они воспользовались своимъ положеніемъ, чтобы воспрепятствовать этому духовному суду, который былъ достаточно силенъ, чтобы смять ихъ самихъ. Повидимому, это было повтореніемъ того, что произошло во время преслѣдованій, поднятыхъ Кондрадомъ Марбургскимъ противъ графа Сайнъ. Но каковы бы ни были мотивы этого прекращенія преслѣдованій, инквизиторъ и викаріи положили имъ конецъ, не посовѣтовавшись даже съ Бейрутскимъ епископомъ, съ Жакомъ дю Буа, Филиппомъ Савезомъ и другими лицами, которыя побуждали ихъ окончить доброе дѣло. Безуспѣшно указывалъ Савезъ на ужасныя опасности, угрожавшія всему христіанскому міру благодаря множеству колдуновъ, изъ которыхъ многіе занимали видное положеніе въ церковной іерархіи или при дворѣ князей. Тщетно пустили въ ходъ послѣдній козырь, распустивъ съ цѣлью напугать суевѣрныхъ людей слухъ, что народился Антихристъ, и что колдуны будутъ его помощниками [1]).

Одинъ за другимъ обвиняемые были выпущены на свободу, какъ только каждому изъ нихъ удавалось собрать необходимую сумму на уплату издержекъ по тюремному заключенію и веденію дѣла. Это было однимъ изъ условій освобожденія, кромѣ тѣхъ, у кого совершенно не было никакихъ средствъ. Нѣкоторые изъ нихъ должны были подвергнуться purgatio, выставивъ соприсяжниковъ; Антоній Сакеспе, который, несмотря на

---

[1]) XV вѣкъ вѣрилъ также твердо, какъ и предшествующіе вѣка, въ предстоящее пришествіе Антихриста. Въ 1445 г. Парижскій университетъ былъ пораженъ однимъ молодымъ испанцемъ, двадцати лѣтъ отъ роду, который предсталъ предъ нимъ и одержалъ въ словопреніи побѣду надъ самыми учеными схоластиками и богословами. Онъ проявилъ одинаковое знакомство со всѣми отраслями человѣческихъ знаній, считая также медицину и право; онъ не имѣлъ соперника въ обращеніи со шпагой и восхитительно игралъ на всѣхъ музыкальныхъ инструментахъ. Приведя въ смущеніе парижанъ, молодой человѣкъ отправился въ Гентъ къ герцогу Бургундскому, а оттуда направился въ Германію. Доктора университета задумались надъ этимъ явленіемъ и пришли къ заключенію, что этотъ молодой человѣкъ былъ Антихристомъ, который — никто въ этомъ не сомнѣвался — долженъ былъ, благодаря тайной помощи Сатаны, владѣть всѣми искусствами и всѣми науками и до 28-ми лѣтъ жить, какъ добрый католикъ («Chron.» Матье де Кусси, гл. VIII). Этотъ чудесный иностранецъ былъ Фернандо изъ Кордовы; онъ устроился при папскомъ дворѣ и написалъ много, нынѣ уже забытыхъ, книгъ. См. Nich. Anton. «Biblioth. Hispan.» Lib. X, cap. XIII, №№ 734—9.

Библиотека "Руниверс"

пытку, не принесъ сознанія, долженъ былъ особенно выставить семь compurgatores и освободился, потерявъ часть своего состоянія. На другихъ были наложены легкія эпитиміи; такъ, напр., нѣкая Женнонъ д'Амьенъ, сознавшаяся послѣ нѣсколькихъ примѣненій пытки, должна была совершить только паломничество къ Эскершенской Божіей Матери, святынѣ, отстоявшей всего на пять миль. Подобное рѣшеніе показываетъ, что все дѣло было простымъ обманомъ. Но еще болѣе исключительнымъ было дѣло публичной дѣвушки, по имени Белоттъ, которая послѣ неоднократнаго примѣненія пытки созналась въ своихъ преступленіяхъ. Ее сожгли бы вмѣстѣ съ другими женщинами 9-го мая, если бы случай или чье-либо благодѣтельное вмѣшательство не устроили такъ, что ея митра не была готова. Казнь была отложена; въ концѣ концовъ, Белотта была только изгнана изъ епархіи съ приказаніемъ совершить паломничество къ Булонской Божіей Матери. Изъ всѣхъ арестованныхъ лицъ девять выдержали вообще долгую и ужасную пытку, не сознавшись въ преступленіяхъ, въ которыхъ ихъ обвиняли.

Когда страхъ разсѣялся, то народное настроеніе выразилось въ сатирическихъ куплетахъ, которые распѣвались на улицахъ и въ которыхъ осмѣивались главныя дѣйствующія лица драмы. Строфа, посвященная инквизитору Петру Брузару, рисовала его въ бѣломъ кардинальскомъ берретѣ «съ волосатымъ носомъ и угреватою харею», играющимъ первую роль при пыткахъ этихъ бѣдныхъ людей, которыхъ онъ называлъ колдунами и колдуньями. «Но онъ не знаетъ, что сказали ему; единственной мыслью во всемъ этомъ было захватить и хранить про всякій случай имущество и пожитки жертвъ. Въ этомъ, впрочемъ, онъ не достигъ своей цѣли и былъ проведенъ». Викарные, ихъ адвокаты и собраніе экспертовъ—всѣ были признаны виновными, и куплеты оканчиваются угрозами по ихъ адресу: «Но всѣ вы вмѣстѣ будете наказаны (и мы узнаемъ всякаго, кто творитъ чудеса) за то, что поднялись противъ вальденцевъ Арраса» [1]).

Пророчество это отчасти исполнилось. По счастью во Франціи былъ парламентъ, которому удалось распространить свою юрисдикцію какъ на крупныхъ вассаловъ, такъ и на Инквизицію, а отношенія между Парижскимъ и Брюссельскимъ дворами были таковы, что побуждали его вмѣшаться въ это дѣло. Бофоръ еще до своего допроса обратился съ апелляціей къ этому высшему судилищу; на апелляцію не обратили вниманія и оставили безъ отвѣта; но тогда сынъ преступника Филиппъ явился въ Парижъ и разсказалъ, какъ несправедливо было поступлено съ его отцомъ. Парламентъ былъ тяжелъ на подъемъ; тѣмъ не менѣе, 16 января 1461 года Филиппъ вернулся въ Аррасъ въ сопровожденіи судебнаго пристава, которому было поручено, произведя предварительно разслѣдованіе, доставить Бофора въ парламентъ. Этотъ судебный приставъ собралъ рѣшенія и 25 января въ сопровожденіи четырехъ сыновей Бофора и тридцати хорошо вооруженныхъ людей явился къ викаріямъ; послѣдніе, напуганные такой внушительной демонстраціей, отказались принять его; но онъ отправился тогда въ епископскій дворецъ, взялъ силою ключи отъ тюрьмы и отвелъ Бофора въ парижскую тюрьму, давъ знать викарнымъ, чтобы они явились 25 февраля въ парламентъ дать отвѣтъ въ своихъ поступкахъ. Дѣло зашло настолько далеко, что нельзя уже было начать правильное слѣдствіе, въ которомъ были бы

[1]) Составитель Аррасской хроники говоритъ, что въ это время въ городѣ совершенно не примѣняли законовъ; всякій дѣйствовалъ по своему усмотрѣнію; наказаны были только тѣ, у кого не было друзей. Въ подтвержденіе своихъ словъ онъ приводитъ случаи человѣкоубійства и другихъ преступленій, за которыя и не думали наказывать. (Mémoires de Jacques du Clercq, liv. IV, ch. 22, 24, 40, 41). Однако, автора этого пасквиля энергично разыскивали: Жакотенъ Монти (Jacotin Maupetit) былъ схваченъ, какъ предполагаемый авторъ памфлета, однимъ изъ тѣлохранителей герцога. Онъ ловко выскользнулъ изъ своей фуфайки, бѣжалъ, нашелъ себѣ убѣжище послѣдовательно въ трехъ церквахъ и, наконецъ, сумѣлъ добраться до Парижа, гдѣ отдался въ руки парламента. Будучи оправданъ, онъ явился въ Аррасъ и увидѣлъ, что во время его отсутствія все его имущество было конфисковано и продано (Ibidem, ch. 24).

Библиотека "Руниверс"

выслушаны обѣ стороны. Осужденные, наказанные тюремнымъ заключеніемъ, были выпущены на свободу и приведены въ Парижъ, гдѣ ихъ показанія подтвердили показанія Бофора. Заговорщики были страшно взволнованы. Деканъ Жакъ дю Буа, бывшій главнымъ зачинщикомъ всего преслѣдованія, сошелъ съ ума, когда увидѣлъ приближеніе дня, назначеннаго для явки на судъ въ парламентъ; разумъ вскорѣ вернулся къ нему, но физическія силы оставили его. Онъ слегъ въ постель и у него появились пролежни, страшно разъѣдавшія его тѣло; онъ умеръ приблизительно черезъ годъ; одни приписывали его болѣзнь порчѣ, другіе—божескому мщенію; но это было простое умственное потрясеніе, вызвавшее временное умопомѣшательство, за которымъ послѣдовалъ полный упадокъ физическихъ силъ. Епископу Бейрутскому, заключенному въ тюрьму и обвиненному въ организаціи всего заговора, удалось ускользнуть, какъ онъ увѣрялъ, чудомъ. Онъ совершилъ паломничество въ Компостелло, а по возвращеніи получилъ мѣсто исповѣдника вдовствующей королевы Маріи, вдовы Карла VII, около которой онъ чувствовалъ себя въ безопасности. Другія лица, игравшія видныя роли въ трагедіи, покинули Аррасъ, убѣгая отъ ненависти своихъ согражданъ. Однако, юридическій процессъ тянулся долго съ тѣми безконечными отсрочками, къ которымъ привыкъ парламентъ и которыя въ данномъ случаѣ увеличивались благодаря политическимъ превратностямъ эпохи. Окончательное рѣшеніе было вынесено только въ 1491 г., черезъ тридцать лѣтъ послѣ первыхъ событій, когда сошли со сцены всѣ жертвы, кромѣ несокрушимаго Гуго Обри, дожившаго до торжественной реабилитаціи. 18 іюля было объявлено постановленіе съ высоты эстрады, воздвигнутой на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ были произнесены приговоры. Городскимъ властямъ было приказано объявить этотъ день праздничнымъ, назначить призы за лучшую folie moralisée и за лучшую pure folie и разослать приглашенія на праздникъ по всѣмъ сосѣднимъ городамъ, такъ что собралась толпа въ восемь или девять тысячъ человѣкъ. Послѣ рѣчи, которая продолжалась два съ половиной часа и была произнесена знаменитымъ Жофруа Брусаромъ, бывшимъ позднѣе канцлеромъ университета, приступили къ чтенію постановленія. Герцогъ Бургундскій былъ присужденъ къ уплатѣ издержекъ; бумаги и формулы осужденій были разорваны и уничтожены, какъ несправедливыя и полныя злоупотребленія; обвиненные и осужденные были реабилитированы; всѣ конфискаціи и штрафы были возвращены; каждый изъ викаріевъ долженъ уплатить по тысячѣ двѣсти ливровъ, Жиль Фламенгъ—тысячу ливровъ, Савэзъ—пятьсотъ, другія лица—меньшія суммы; всего—шесть тысячъ пятьсотъ ливровъ; изъ этой суммы тысяча пятьсотъ ливровъ должны пойти на заказъ ежедневной обѣдни за упокой душъ казненныхъ и на сооруженіе креста на мѣстѣ костра. Мало того, на будущее время были запрещены всѣмъ свѣтскимъ и духовнымъ судамъ жестокія и необычныя пытки, примѣненныя въ этихъ процессахъ. Это былъ, быть можетъ, единственный случай, гдѣ инквизиторъ явился, какъ преступникъ, передъ свѣтскимъ судомъ, чтобы защищать свои поступки, совершенныя имъ при отправленіи своихъ служебныхъ обязанностей. Нельзя не подумать, что если бы Вьеннскій соборъ отнесся къ своему долгу съ энергіей, которую проявилъ тогда парламентъ, то дѣло тампліеровъ, во многомъ аналогичное съ этимъ, окончилось бы иначе. Контрастъ между этимъ рѣшеніемъ парламента и процедурой возстановленія добраго имени Жанны Даркъ показываетъ, какъ много Инквизиція за этотъ промежутокъ времени потеряла уваженія [1]).

[1]) Подробности этого дѣла, по счастью, сохранились въ Мемуарахъ Якова Клерка (lib. IV), декретъ парламента помѣщенъ въ прибавленіи. Матье де Кусси («Chronique», ch. 129) и Корнелій Цантфлитъ (Martène, «Ampl. Coll.» V, 501) также даютъ краткое сообщеніе. Нѣкоторыя подробности, опущенныя Клеркомъ, имѣются въ ученомъ очеркѣ Дюверже: La Vaudérie dans les États de Philippe-le-Bon (Аррасъ, 1885 г.).

Библиотека "Руниверс"

Эти событія, кромѣ своего общаго интереса въ исторіи колдовства и преслѣдованія колдуній, представляютъ еще нѣкоторыя черты, заслуживающія особаго вниманія, такъ какъ онѣ показываютъ примѣненіе на практикѣ методовъ изученнаго нами выше судопроизводства. Прежде всего бросается въ глаза, что ни разу не позволили обвиняемымъ прибѣгнуть къ помощи адвоката. Затѣмъ, этотъ епископскій и инквизиторскій судъ не допускалъ, чтобы обвиняемые подавали апелляцію даже въ парламентъ, высшую юрисдикцію котораго, однако, никто не отрицалъ. Мы знаемъ, что попытка Бофора подать апелляцію была съ презрѣніемъ отвергнута. Когда Вильомъ ле Февръ, бѣжавшій въ Парижъ и добровольно отдавшій себя на тюремное заключеніе, чтобы отвѣчать на всѣ обвиненія, послалъ своего сына Вильемэ вмѣстѣ съ нотаріусомъ скрѣпить апелляцію, то посольство это въ полномъ смыслѣ слова было однимъ изъ самыхъ опасныхъ. Выждавъ благопріятную минуту, Вильемэ и нотаріусъ передали засвидѣтельствованныя апелляціи одному изъ викаріевъ, а сами вскочили на лошадей и помчались во всю прыть въ Парижъ. Но викарные послали въ погоню за ними всадниковъ на прекрасныхъ лошадяхъ, которые нагнали ихъ въ Мондидье и привели въ Аррасъ. Они были заключены въ тюрьму такъ же, какъ и многіе изъ ихъ друзей и родственниковъ, знавшихъ о ихъ проектѣ, но не выдавшихъ ихъ, и были выпущены на свободу только тогда, когда согласились взять обратно свою апелляцію. Такимъ образомъ, къ этому вполнѣ законному шагу отнеслись, какъ къ преступленію, оправдывающему примѣненіе самыхъ строгихъ мѣръ. Но труднѣе понять то пренебрежительное равнодушіе, съ которымъ была встрѣчена папская булла. Другой бѣглецъ, Мартинъ Корнилль, выбралъ иной планъ дѣйствій. Онъ имѣлъ при себѣ большую сумму денегъ, часть которой онъ опредѣлилъ на полученіе отъ Пія II буллы о передачѣ его дѣла Жилю Шарлье, Григорію Николаи изъ Камбрэ и двумъ викарнымъ Арраса. Эти папскіе указы были доставлены въ Аррасъ въ августѣ 1460 г. деканомъ Суаньи (Soignies), но больше о нихъ мы ничего не слышимъ; однако, это вмѣшательство, быть можетъ, сократило пылъ тѣхъ, кто разсчитывалъ извлечь выгоду изъ преслѣдованій [1]).

Средства, къ которымъ прибѣгали, чтобы добиться сознаній, показываютъ, что Шпренгеръ, совѣтуя не брезговать въ случаѣ надобности всѣми способами обмана и насилія, строго придерживался обыкновеннаго пріема той эпохи. Обѣщанія прощенія или легкой эпитиміи щедро давались людямъ, которыхъ уже рѣшено было сжечь, и эти обольстительныя обѣщанія сопровождались угрозой костромъ, какъ наказаніемъ за молчаніе. Признаніе, вырванное у Бофора силою, удивило всѣхъ, пока въ одинъ прекрасный день не узнали, что съ момента его ареста, послѣ того, какъ онъ клятвенно подтвердилъ свою невинность, Жакъ дю Буа умолялъ его признаться въ своемъ преступленіи; даже бросался передъ Бофоромъ на колѣни, заклиная его уступить и ручаясь ему, что если онъ не сознается, ничто не спасетъ его отъ костра, что все его имущество будетъ конфисковано, и дѣти его будутъ доведены до нищеты; напротивъ, если онъ сознается, то раньше четырехъ дней онъ будетъ выпущенъ на свободу, не подвергнется публичному униженію и не будетъ разоренъ. На замѣчаніе Бофора, что онъ такимъ образомъ совершитъ клятвопреступленіе, дю Буа просилъ его не безпокоиться, такъ какъ ему будетъ дано отпущеніе грѣха. Тѣхъ же, кто устоялъ передъ подобными увѣщаніями, пытали безъ всякой жалости и мѣры. Женщинъ бичевали съ страшной жестокостью. Гуго Обри держали въ тюрьмѣ одиннадцать мѣсяцевъ и пытали съ перерывами пятнадцать разъ; когда палачи не знали уже, какую пытку придумать, то грозили утопить его и бросали его въ рѣку; затѣмъ грозили ему висѣлицей и, завязавъ ему глаза, вѣшали на дерево. Твердость маленькаго Генріо была сломлена семимѣсячнымъ одиночнымъ тюремнымъ заключеніемъ; его также пытали пятнадцать разъ; ему «подогрѣвали» подошвы до того усердно, что онъ

[1]) Jacques du Clercq, «Mémoires», liv. IV, ch. 10—11.

Библиотека "Руниверс"

остался калѣкой на всю жизнь. Упоминаютъ также о другихъ несчастныхъ, упорство которыхъ подверглось сильному испытанію; были примѣнены совершенно новые виды пытки, такъ, напр., вливали черезъ ротъ жертвѣ масло или уксусъ; были и другіе виды, не соотвѣтствовавшіе закону [1]).

Что касается смертной казни, то замѣтимъ, что ни одинъ изъ осужденныхъ не былъ рецидивистомъ, и поэтому, согласно старой инквизиціонной практикѣ, всѣ они подлежали простому тюремному заключенію. Нельзя даже сослаться на то, что они были казнены за зло, причиненное ближнимъ, такъ какъ, за исключеніемъ Пьера дю Карьё, единственнымъ преступленіемъ, въ которомъ ихъ обвиняли, было посѣщеніе шабаша. Съ другой стороны, не могли прибѣгнуть къ уверткѣ, придуманной позднѣе нѣкоторыми авторами, назначать эпитимію, не справляясь о наказаніи, какое найдетъ нужнымъ примѣнить свѣтская власть. На самомъ дѣлѣ, осужденные были прямо выданы свѣтскимъ властямъ, чтобы быть сожженными, и если во время перваго ауто-да-фе смертный приговоръ былъ произнесенъ эшевенами, то уже при второй казни эта формальность была опущена, и жертвы съ мѣста произнесенія приговора были прямо отправлены на мѣсто совершенія казни [2]).

Любопытной подробностью этого дѣла было то, что всюду къ нему относились съ недовѣріемъ. Какъ обвиненія, собранныя противъ тампліеровъ, нигдѣ не встрѣтили довѣрія, кромѣ Франціи, такъ и въ данномъ случаѣ; говорятъ, что за стѣнами Арраса не было и одного человѣка на тысячу, который вѣрилъ бы въ дѣйствительность обвиненій. Это было большимъ счастьемъ, такъ какъ жертвы естественно среди своихъ соучастниковъ назвали многихъ, жившихъ въ другихъ мѣстностяхъ, и пожаръ быстро охватилъ бы всю страну, если бы нашлись такіе же дѣятельные агенты, какъ Петръ де Брузаръ, принесшій горящую головню изъ Лангра въ Аррасъ. На основаніи разоблаченій, вырванныхъ у сознавшихся, было арестовано нѣсколько лицъ въ Амьенѣ; но епископъ, человѣкъ образованный, долгое время жившій въ Римѣ, тотчасъ же выпустилъ арестованныхъ на свободу и объявилъ, что онъ оправдаетъ всякаго, кого приведутъ къ нему на судъ, такъ какъ онъ не вѣритъ въ возможность подобныхъ преступленій. Были произведены аресты также въ Турнэ, гдѣ по этому вопросу возникъ горячій споръ; результатомъ было, что обвиненныхъ выпустили на свободу, хотя одно изъ очень видныхъ духовныхъ лицъ, Жанъ Тентюръ (Tainctiire), написалъ трактатъ, въ которомъ кропотливо доказывалъ ихъ виновность. То же было и съ обвиняемыми, которымъ удалось бѣжать. Мартинъ Корнилль, арестованный въ Бургундіи и приведенный на судъ Безансонскаго архіепископа, былъ оправданъ на основаніи данныхъ, собранныхъ о немъ въ Аррасѣ; Вильомъ ле Февръ отдалъ себя самъ въ руки Парижскаго епископа; Парижскій епископъ отправился въ Аррасъ, чтобы ознакомиться съ свидѣтельскими показаніями, касающимися этого обвиняемаго; викарные представили ему сознанія, обвинявшія Вильома. Въ результатѣ судъ, составленный изъ Реймскаго архіепископа, Парижскаго епископа, инквизитора Франціи и другихъ докторовъ богословія, оправдалъ обвиняемаго и, мало того, предоставилъ ему право преслѣдовать викарныхъ, требуя отъ нихъ удовлетворенія за оскорбленіе чести и возмѣщенія матеріальныхъ убытковъ [3]). Очевидно, до этого времени возбужденіе, вы-

[1]) Jacques du Clercq, «Mémoires», liv. IV, ch. 14, 15, 38; «Append.» II.

[2]) Ibidem, liv. IV, ch. 4, 8.

[3]) Jacques du Clercq, «Mémoires», liv. IV, ch. 6, 11, 14, 28.—Одинъ экземпляръ трактата Жана Тентюра находится въ Брюссельской королевской библіотекѣ (рукопись № 2296).—Около этого времени одинъ крестьянинъ изъ Инши (Inchy) Жанненъ былъ казненъ въ Камбрэ; въ Лиллѣ была осуждена, какъ колдунья, Екатерина Патэ, но она подверглась только изгнанію; въ Нивеллѣ было подобное же дѣло Маргариты д'Эскорнэ. Одинъ несчастный, Ноэль Ферри изъ Амьена, сошелъ съ ума вслѣдствіе этого дѣла и, послѣ блужденія по всей странѣ, обвинилъ себя въ Мантѣ въ принадлежности къ отвратительной сектѣ. 26 августа 1460 года его сожгли. Жена его, также привлеченная къ дѣлу, избѣгла подобной же участи, благодаря обращенію къ парламенту. – Duverger, «La Vauderie dans les États de Philippe-le-Bon», стр. 52–3, 84.

Библиотека "Руниверс"

званное колдовствомъ, было по большей части искусственное; это была выдумка довольно ограниченнаго числа духовныхъ лицъ и легковѣрныхъ судей. Масса духовенства и образованныхъ юристовъ была склонна принять опредѣленіе Cap. Episcopi и смотрѣть на колдовство, какъ на фикцію. Если бы Церковь вмѣсто того, чтобы усиливать всѣмъ авторитетомъ Святого Престола возраставшее суевѣріе, рѣшительно подавила это заблужденіе, она спасла бы христіанство отъ огромной массы страданій и отъ потоковъ крови.

Впрочемъ, эпидемія колдовства развивалась довольно медленно. Первое подробное описаніе колдовства, дошедшее до насъ, находится въ Formicarius'ѣ Нидера, написанномъ въ 1437 г. Хотя Нидеръ, повидимому, иногда самъ дѣйствовалъ въ качествѣ инквизитора, тѣмъ не менѣе онъ заявляетъ, что свои свѣдѣнія онъ почерпнулъ главнымъ образомъ изъ работъ Петра Бернскаго, свѣтскаго судьи, сжегшаго огромное число колдуній и колдуновъ и изгнавшаго массу ихъ изъ бернской территоріи, пораженной этой заразой уже лѣтъ пятьдесятъ. Это извѣстіе относитъ происхожденіе колдовства въ этой странѣ къ концу XIV в.; Сильвестръ Маццолини, какъ мы уже видѣли, относитъ его къ первымъ годамъ XV ст.

Бернардъ Комскій, писавшій въ 1510 г., даетъ нѣсколько болѣе раннюю дату; по его сообщенію, реестры Инквизиціи въ Комо свидѣтельствуютъ, что существованіе колдовства началось за сто пятьдесятъ лѣтъ передъ этимъ. Дѣйствительно весьма правдоподобно, что постепенное видоизмѣненіе обыкновеннаго чародѣйства въ колдовство должно было начаться около половины XIV ст. Великій юристъ Бартоло, умершій въ 1375 г., въ качествѣ судьи въ Новарѣ судилъ и осудилъ одну женщину, сознавшуюся въ томъ, что она поклонялась діаволу, попирала ногами крестъ и убивала дѣтей, прикасаясь къ нимъ или околдовывая ихъ. Это проявленіе новаго колдовства было такъ неожиданно для него, что онъ обратился къ свѣтиламъ богословія. Повидимому, о шабашѣ не было еще и рѣчи, но народныя вѣрованія въ Гольду, въ Dame Habonde и въ ихъ спутниковъ были уже распространены, и полный расцвѣтъ этихъ суевѣрій былъ только вопросомъ времени. Уже въ 1353 г. мы находимъ упоминаніе о пляскахъ вѣдьмъ въ одномъ дѣлѣ, разбиравшемся въ Тулузѣ. Такимъ образомъ, разсказы расширились благодаря ловкой дѣятельности судей, подобныхъ Петру Бернскому, и, въ концѣ концовъ, приняли полную и окончательную форму, которую имѣютъ они у Нидера. Послѣдній дѣлаетъ также обзоръ всего, что онъ нашелъ въ работахъ Отенскаго инквизитора, такъ что мы вправѣ предположить, что колдовство было распространено въ Бургундіи сравнительно давно. Въ 1424 г. идетъ рѣчь объ одной колдуньѣ, по имени Финичелла, сожженной въ Римѣ за то, что многимъ причинила смерть, а многихъ околдовала. Согласно Петру Бернскому, первымъ виновникомъ зла былъ извѣстный Скавіусъ, открыто хвастawшійся своимъ могуществомъ и всегда ускользавшій отъ наказанія, обращаясь въ мышь; но разъ онъ имѣлъ неосторожность сѣсть у открытаго окна и былъ убитъ снаружи. Главнымъ его ученикомъ былъ Поппо, бывшій въ свою очередь учителемъ Штеделина; послѣдній попалъ въ руки Петра и послѣ четырехкратнаго энергичнаго примѣненія пытки разсказалъ всѣ тайны секты. Подробности, представленныя имъ, почти тѣ же, которыя мы привели выше, откуда ясно, что послѣдующіе инквизиторы, вдохновляемые Нидеромъ, были искусны въ своемъ дѣлѣ и умѣли получать признанія, отвѣчавшія ихъ предвзятымъ идеямъ. Понятно, есть нѣкоторые неважные варіанты; какъ мы уже видѣли, варили убитыхъ дѣтей, и полученный такимъ образомъ магическій бульонъ служилъ для обращеній; изъ твердыхъ частей тѣла дѣлали мазь, употреблявшуюся при святотатственныхъ обрядахъ. Съ другой стороны, повидимому, не была еще принята теорія безсилія колдуньи противъ служителей правосудія, такъ какъ считали, что они подвергали себя большимъ опасностямъ, исполняя свои обязанности. Петръ Бернскій спасъ свою жизнь только благодаря строгому соблюденію религіозныхъ обязанностей и постоянному употребленію крестнаго знаменія; однажды онъ едва не погибъ

Библиотека "Руниверс"

въ замкѣ Бланкенбургѣ; взбираясь ночью быстро на крутую лѣстницу, онъ забылъ осѣнить себя крестомъ и былъ сброшенъ съ лѣстницы; это было явное вмѣшательство колдовства, какъ онъ узналъ это впослѣдствіи отъ одного заключеннаго въ тюрьмѣ, котораго подвергъ пыткѣ [1]).

Одна колдунья, судимая въ Провансѣ въ 1452 г., заявила, что во всей Франціи и Бургундіи общее число колдуній не превышало шестидесяти, но ни одинъ суевѣрный человѣкъ не принималъ такой скромной цифры. Въ 1453 г. вспыхнула эпидемія колдовства въ Нормандіи, гдѣ колдуній обыкновенно называли Scobaces отъ слова Scoba, метла, которая была ихъ излюбленнымъ способомъ поѣздки на шабашъ. Въ томъ же году возникло дѣло Гильома Эделина, вызвавшее большое удивленіе, такъ какъ обвиняемый былъ знаменитымъ докторомъ богословія и пріоромъ изъ Клерво во Франшъ-Конта. Въ своемъ отреченіи онъ говоритъ, что для того, чтобы примириться съ однимъ знатнымъ сосѣдомъ, ненависти котораго онъ боялся, онъ попросилъ въ 1438 г. допустить его на шабашъ, гдѣ принесъ присягу въ вѣрности демону и отрекся отъ христіанской вѣры. Однажды демонъ предсталъ передъ нимъ въ видѣ человѣка высокаго роста; въ другихъ случаяхъ онъ являлся ему въ видѣ козла, и Гильомъ цѣловалъ его подъ хвостъ. Неофиту были обѣщаны разныя земныя блага, если онъ согласится утверждать въ своихъ рѣчахъ ложность разсказовъ о колдунахъ; эта проповѣдь, говоритъ, страшно увеличила число колдуновъ, помѣшавъ судьямъ наказывать ихъ. Противъ него было возбуждено преслѣдованіе передъ епископомъ Эврё Гильомомъ де Флокъ и инквизиторомъ Франціи Роландомъ Лекози; онъ убѣдилъ Канскій университетъ взять на себя его защиту, но инквизиторъ заручился поддержкой Парижскаго университета, и обвиняемый былъ признанъ виновнымъ. Его признанія свидѣтельствуютъ о жестокости средствъ, примѣненныхъ въ его дѣлѣ; приговоръ же показываетъ, насколько неопредѣленно было въ это время судопроизводство, такъ какъ онъ не былъ сожженъ, а присужденъ послѣ отреченія на пожизненное тюремное заключеніе на хлѣбѣ и водѣ. На ауто-да-фе инквизиторъ въ своей рѣчи напомнилъ о томъ высокомъ положеніи, которое нѣкогда занималъ осужденный, и о поучительномъ характерѣ его ученій; несчастный залился слезами и просилъ прощенія у Бога. Его заключили въ подземную тюрьму, гдѣ онъ томился четыре года, проявляя самое полное раскаяніе. Однажды его нашли мертвымъ въ его темницѣ въ положеніи молящагося.

Эпидемія распространялась: въ 1446 г. нѣсколько колдуній было сожжено въ Гейдельбергѣ инквизиторомъ, казнившимъ въ 1447 г. еще одну колдунью, которая считалась наставницею первыхъ. Но еще не усвоили въ дѣлахъ подобнаго рода однообразной практики, такъ какъ въ томъ же самомъ 1447 г. одна женщина, уличенная въ колдовствѣ въ Бранденбургѣ, была просто выслана на разстояніе двухъ нѣмецкихъ миль, послѣ того какъ съ нея взяли три залога, въ общемъ на сумму въ десять марокъ [2]).

По всей вѣроятности, около этого же времени тулузскіе инквизиторы энергично сожгли множество колдуній изъ Дофинэ и Гаскони, какъ передаетъ объ этомъ Алонзо де Спина, восхищавшійся картинами на стѣнахъ тулузской Инквизиціи, составленными на

---

[1]) Nider, «Formicar.» lib. V, c. 3, 4, 7.—Grimm's «Teutonic. Mythol.» III, 1066.—Soldan «Geschichte der Hexenprocesse» (Штутгартъ, 1843 г., стр. 186). — Bernardi Comensis «de Strigiis», c. 4.—Steph. Infessurae «Diar. Urb. Romae» ann. 1424 (Eccard, «Corp. Hist.», 1874—5).

Петру Бернскому, несмотря на всѣ его старанія, не удалось очистить области, ибо колдуній, какъ мы знаемъ, сожгли еще въ Муртенѣ, въ Бернскомъ кантонѣ, въ 1482 г. (Valerius Anshelm, «Berner-Chronik», Бернъ, 1884 г., стр. 224).

[2]) Duverger, «La Vauderie dans les États de Philippe-le-Bon», стр. 22.—Anon. Carthus. «de Relig. Orig.» c. 25—6 (Martène, «Ampl. Coll.» VI, 57—9).—J. Friedrich, «Sitzungsberichte» (loc. cit. 199).—Jean Chartier, «Histoire de Charles VII» ann. 1453.—Jacques du Clercq, «Mémoires», liv. III, ch. 41.—D'Argentré, I. II. 251.—Soldan, «Geschichte der Hexenprocesse», 198.—Lilienthal, «Die Hexenprocesse der beiden Städte Braunsberg», стр. 70.

Библиотека "Руниверс"

основаніи данныхъ, доставленныхъ признаніями; тамъ былъ представленъ шабашъ и его посѣтители съ зажженными свѣчами въ рукахъ, поклоняющіеся Сатанѣ въ образѣ козла. Изъ намековъ Бернарда Комскаго мы знаемъ, что въ это самое время въ Комо преслѣдованіе было въ полномъ разгарѣ. Въ 1456 г. двѣ жертвы были сожжены въ Кельнѣ; эти колдуньи въ маѣ мѣсяцѣ вызвали такой сильный морозъ, что были уничтожены всѣ растенія. Управитель архіепископа попросилъ одну изъ колдуній показать ему свое искусство. Она взяла полную воды чашу и произнесла надъ ней заклинанія, длившіяся столько времени, сколько нужно, чтобы прочесть Отче Нашъ; вода сразу замерзла такъ крѣпко, что нельзя было разбить ледъ даже кинжаломъ. На этотъ разъ, по крайней мѣрѣ, рука правосудія не ослабила могущества колдуньи; но исторія не говоритъ намъ, почему эта несчастная была сожжена. Въ 1459 г. Пій II обратилъ вниманіе аббата Трегье на подобные же пріемы, распространенные въ Бретани, и далъ прелату папскій указъ подавить это. Это папское вмѣшательство показываетъ, насколько было безплодно все рвеніе герцога Артоса III, который, однако, умирая (смерть послѣдовала въ 1457 г.), заслужилъ похвалу, какъ человѣкъ, сжегшій множество колдуній во Франціи, Бретани и Пуату [1]).

Эти случаи показываютъ развитіе и распространеніе суевѣрія по всей Европѣ; но не нужно упускать изъ виду, что это—разбросанныя указанія на такіе факты, которые никогда не привлекали къ себѣ вниманія общества или не были записаны историками. Въ одной тяжбѣ 1455 г. мы встрѣчаемъ мимоходомъ брошенный намекъ, показывающій, какія тайныя вліянія давали тогда чувствовать себя по всему христіанскому міру. Въ Нормандіи, въ приходѣ Торси, въ теченіе сорока лѣтъ думали, что всѣ члены одного семейства поденщиковъ—Гугененъ де ла Манъ, а до него его покойный отецъ и его жена Жанна—были колдуны, убившіе и поразившіе болѣзнью много людей и животныхъ. Несомнѣнно, если бы пожаловались Инквизиціи, то судьи сумѣли бы добыть отъ этихъ людей признанія относительно шабаша и поклоненія демону, равно, какъ длинный перечень соумышленниковъ, широко разнесшихъ заразу; но простые крестьяне нашли болѣе дѣйствительное средство: они били Гугенена и его жену, и тотчасъ околдованный человѣкъ или животное дѣлались здоровыми. Нѣкто Андрэ заподозрилъ супруговъ въ томъ, что они были причиною падежа части его скота, и Жанна сказала Алайрѣ, женѣ Андрэ: «Твой мужъ дурно поступилъ, распустивъ слухъ, что я причинила смерть его скоту; онъ скоро почувствуетъ свою вину». Въ тотъ же день Алайра заболѣла, и думали, что она не переживетъ даже и ночи. На другой день утромъ Андрэ, чтобы вернуть своей женѣ здоровье, отправился къ Жаннѣ и пригрозилъ ей избить ее такъ, что она никогда не оправится, если только она не вернетъ его женѣ здоровья. На слѣдующій день Алайра была уже здорова [2]).

Мы видимъ, что преслѣдованіе, порученное ловкимъ инквизиторамъ, могло всюду найти благопріятныя условія для своего развитія. Flagellum Haereticorum Fascinariorum, составленное въ 1458 г. инквизиторомъ Николаемъ Жакеріусомъ, показываетъ, что Святой Трибуналъ началъ понимать необходимость организованныхъ усилій. Быть можетъ, печальный результатъ Аррасскаго дѣла и пораженіе, понесенное преслѣдователями въ ихъ чрезмѣрномъ рвеніи, и безсовѣстной жадности, вызвали нѣкоторое замедленіе; но если и произошла тогда реакція, то она была непродолжительна и незначительна. Вся огромная масса вѣрованій въ тайное могущество посланниковъ діавола, наслѣдіе столькихъ религій и народовъ, процвѣтала еще съ необузданной силой. Необезпе-

[1]) Alonso de Spina, «Fortalic. Fidei», fol. 284.—Bernardi Comensis «de Strigiis». c. 3.—«Chron.» Cornel. Zantfliet, ann. 1456 (Martène, «Ampl. Coll.» V, 491).—Raynald. ann. 1459, № 30.—Guill. Gruel, «Chroniques d'Artus III» (изд. Buchon'a, стр., 405).

[2]) Du Cange, s. v. «Sortiarius».

Библиотека "Руниверс"

ПАПА АДРІАНЪ VI.
(1522—1523).

Библиотека "Руниверс"

ченность настоящаго и отсутствіе всякой надежды на будущее среди обездоленнаго класса крестьянъ съ одного конца Европы до другого заставляли милліоны этихъ несчастныхъ искать, хотя бы путемъ почитанія Сатаны, нѣкотораго утѣшенія въ бѣдствіяхъ ихъ безпросвѣтнаго существованія. Разсказы о чувственныхъ удовольствіяхъ шабаша, гдѣ въ изобиліи подавались изысканныя кушанья и напитки, производили непреодолимое впечатлѣніе на тѣхъ, кто съ трудомъ поддерживалъ свою жизнь кускомъ чернаго хлѣба, рѣпой или нѣсколькими бобами. Съ другой стороны, Шпренгеръ, какъ я уже говорилъ, одну изъ главныхъ причинъ, доводившихъ души до гибели, видѣлъ въ заманчивости сношеній съ инкубами и суккубами. Гибельныя войны, во время которыхъ шайки живодеровъ (ecorcheurs) и condottieri творили самые жестокіе грабежи, доводили до отчаянія цѣлые народы; люди, думавшіе, что Богъ покинулъ ихъ, легко могли искать поддержки у Сатаны. Шпренгеръ говоритъ, что очень много было колдуній среди молодыхъ обольщенныхъ дѣвушекъ, на которыхъ ихъ обольстители отказывались жениться и которыя, потерявъ всякую надежду, старались отомстить обществу, хотя бы творя зло [1]).

Такимъ образомъ, не только множество людей горѣло желаніемъ примкнуть къ этой проклятой сектѣ почитателей Сатаны, которыхъ Церковь считала столь многочисленными и столь могущественными, но, несомнѣнно, многіе совершали обряды, необходимые для вступленія въ секту; иногда исполненіе какого-нибудь ихъ злого желанія заставляло ихъ думать, что Сатана дѣйствительно принялъ ихъ покорность и далъ имъ столь сильно желанное могущество. Въ минуты безумной экзальтаціи нѣкоторые могли даже представить себѣ, что овладѣли запрещенными тайнами, дѣйствительное существованіе которыхъ мало-по-малу становилось ученіемъ католической вѣры. Другіе же, бѣдные и слабые, находили себѣ поддержку и защиту въ молвѣ, что владѣютъ исходящимъ отъ діавола могуществомъ, и не только не разрушали легковѣрія своихъ сосѣдей, но даже поддерживали его. Добавимъ сюда, наконецъ, множество людей, которые извлекали себѣ средства къ жизни, отвращая чародѣйственныя бѣдствія, передъ которыми Церковь признавала себя безсильною. Такимъ образомъ, среди самыхъ низкихъ и презираемыхъ классовъ общества не было недостатка въ людяхъ, которые вступали бы въ ряды безчисленной арміи колдуній, созданную горячимъ воображеніемъ демонологистовъ.

Къ несчастію, Церковь, напуганная успѣхами этой новой ереси, въ своихъ усиліяхъ уничтожить ее способствовала только ея чрезвычайному усиленію Всѣ инквизиторы, получившіе полномочіе подавить колдовство, были дѣятельными миссіонерами его широкаго распространенія. Мы уже видѣли, какъ изъ одной сожженной въ Лангрѣ колдуньи Петръ Брузаръ развелъ цѣлый выводокъ колдуній въ Аррасѣ, и какъ Кіабауди заразилъ долины Канавеза. Не оказало большого впечатлѣнія то, что Брузаръ палъ жертвою проявленія своей ревности, а Кіабауди потерпѣлъ неудачу. Умы все болѣе и болѣе свыкались съ мыслью, что колдуньи со всѣхъ сторонъ окружали людей, и что самое пустое несчастіе, самый ничтожный случай былъ слѣдствіемъ ихъ злой воли. Старательно поучали людей, что если они теряли быка, ребенка или урожай, или если ихъ поражала внезапная болѣзнь, то они должны подозрѣвать своихъ сосѣдей и искать доказательствъ, подтверждающихъ ихъ подозрѣнія; поэтому всюду, гдѣ ни появлялся инквизиторъ, его заваливали доносами на всѣхъ, кого только можно было считать виновными, начиная съ ребенка самаго нѣжнаго возраста и кончая престарѣлой старухой. Когда Джироламо Висконти былъ посланъ въ Комо, онъ вскорѣ поднялъ такую бурю колдовства, что въ 1485 году сжегъ не менѣе 41 жертвы въ одномъ только маленькомъ округѣ Вормсербадъ въ кантонѣ Граубюнденъ; Шпренгеръ нѣсколько разъ упоминаетъ объ этомъ съ гордымъ удовлетвореніемъ профессіонала [2]).

[1]) «Mall. Maleficar.» P. I, Q. I, c. 1.

[2]) «Mall. Maleficar.» P. I, Q. XI: P. II, Q. I, c. 4, 12; P. III, Q. 15.

Библиотека "Руниверс"

Особенно сильный толчокъ дала эпидеміи булла Summis desiderantes, изданная Иннокентіемъ VIII 5-го декабря 1484 г. Папа съ грустью отмѣчаетъ, что всѣ нѣмецкія области полны мужчинъ и женщинъ, употребляющихъ во вредъ вѣрнымъ злодѣянія, связанныя съ колдовствомъ, и описываетъ дѣйствія ихъ съ ужасающей полнотой подробностей. Въ теченіе нѣкотораго времени обязанности инквизиторовъ въ этихъ странахъ исполняли Генрихъ Институторисъ и Яковъ Шпренгеръ, но въ ихъ полномочныхъ граматахъ среди многочисленныхъ преступленій, подсудныхъ ихъ суду, не имѣется спеціальнаго упоминанія о колдовствѣ, и въ этомъ пунктѣ они встрѣчали препятствія со стороны духовныхъ лицъ и ловкихъ мірянъ, которые пользовались этимъ предлогомъ, чтобы покровительствовать виновнымъ. Поэтому Иннокентій даетъ имъ полную свободу дѣйствій въ этомъ отношеніи, приказывая Страсбургскому епископу подавлять всякую попытку обструкціи или вмѣшательства и въ случаѣ надобности прибѣгать къ помощи свѣтской власти. Вооруженные такою властью два инквизитора, полные рвенія, объѣхали страну, оставляя сзади себя рѣки крови и огня. Они хвастались, что въ одномъ только маленькомъ городкѣ Равенспургѣ они за пять лѣтъ сожгли сорокъ восемь колдуній [1]).

Правда, они не были повсюду такъ счастливы. Въ Тиролѣ епископъ Брикссенскій обнародовалъ 23-го іюля 1485 г. буллу Иннокентія, а 21-го сентября далъ инквизитору Генриху полномочіе, облекавшее его полною епископской юрисдикціей, но при этомъ онъ посовѣтовалъ ему присоединить къ себѣ свѣтскаго представителя сюзерена Сигизмунда Австрійскаго. Послѣдній поручилъ епископу назначить делегата, и прелатъ избралъ Сигизмунда Замера, священника изъ Акзамса близъ Инсбрука. 14-го октября Генрихъ съ товарищемъ начали свою дѣятельность; но ихъ походъ, хотя они и повели его энергично, былъ непродолжителенъ и не особенно блестящъ. Нѣкоторые придворные эрцгерцога, желая разлучить его съ супругой Екатериной Саксонской, пустили слухъ, что она пыталась отравить Сигизмунда. Затѣмъ они посадили въ печь одну ничтожную женщину, которая будто была воплощеніемъ демона и которая выдала много людей. Институторисъ тотчасъ же арестовалъ обвиняемыхъ и подвергъ ихъ пыткѣ. Въ этотъ моментъ вмѣшался епископъ и около середины ноября приказалъ инквизитору покинуть епархію и, какъ можно скорѣе, вернуться въ свой монастырь. Но Институторисъ не имѣлъ ни малѣйшаго желанія бросить свое дѣло. Въ среду на первой недѣлѣ Великаго Поста 1486 года онъ подвергся самымъ рѣзкимъ упрекамъ; ему объявили, что ему нечего дѣлать въ этомъ мѣстѣ, что епископъ самъ при помощи своей юрисдикціи сумѣетъ озаботиться о нуждахъ вѣры, что, оставаясь здѣсь, онъ подвергаетъ себя серьезной опасности быть убитымъ мужьями или родственниками преслѣдуемыхъ имъ женщинъ. Въ концѣ концовъ, щедро вознагражденный Сигизмундомъ за свои труды, онъ удалился въ Германію. Отчетъ его по этому дѣлу показываетъ намъ, какъ всѣ тѣ жители Инсбрука, которые были больны или чувствовали только слабость, толпами сбѣгались къ нему, принося на своихъ сосѣдей жалобы, украшенныя такими подробностями, что онъ могъ считать этотъ городъ глубоко зараженнымъ. Въ слѣдующемъ году ландтагъ Тироля жаловался эрцгерцогу, что много лицъ было недавно заключено въ тюрьму на основаніи пустыхъ доносовъ, подвергнулось пыткѣ и дурному обращенію; поэтому Malleus Maleficarum съ грустью отмѣчаетъ, что Инсбрукъ былъ полонъ чрезвычайно опасныхъ колдуній, способныхъ околдовать своихъ судей и уничтожить всѣ усилія, направленныя къ полученію отъ

[1]) «Mall. Maleficar.» P. II, Q. I, c, 4. Булла Иннокентія не ограничилась предѣлами Германіи, а дѣйствовала одинаково повсюду. Въ инквизиціонномъ итальянскомъ руководствѣ той эпохи помѣщено цѣлое собраніе буллъ contra hereticam pravitatem, среди которыхъ находится также письмо, напечатанное по этому поводу будущимъ императоромъ Максиміліаномъ въ Брюсселѣ 6 ноября 1486 года.—Molinier, «Étude sur quelques Mss. des Bibliothèques d'Italie», Парижъ, 1887 г., стр. 73.

Библиотека "Руниверс"

нихъ признанія. Но сѣмена суевѣрія были разсѣяны повсюду и должны были въ свое время принести плоды; и хотя въ уголовномъ постановленіи Тироля, изданномъ Максимиліаномъ I въ 1499 г., не упоминается ни о магіи, ни о колдовствѣ, тѣмъ не менѣе мы находимъ ихъ въ полномъ расцвѣтѣ въ 1506 г. Нѣкоторые, сохранившіеся до насъ протоколы, показываютъ, что преслѣдованія велись передъ свѣтскими судьями, засѣдавшими совмѣстно съ двѣнадцатью присяжными, и что несчастныя обвиняемыя, послѣ достодолжной пытки, сознались во всѣхъ обычныхъ мерзостяхъ [1]).

Однимъ изъ результатовъ кампаніи Инститориса въ Тироль было то, что Сигизмундъ Австрійскій сталъ совершенно втупикъ въ вопросѣ о дѣйствительномъ существованіи колдовства. Повидимому, судьи эрцгерцога были мало опытны въ этомъ дѣлѣ; признанія обвиняемыхъ были очень разнообразны, и работа Инквизиціи была рѣзко прервана раньше, чѣмъ удалось получить согласныя между собою сознанія. Чтобы выйти изъ этого затруднительнаго положенія, Сигизмундъ обратился въ 1487 г. за совѣтомъ къ двумъ ученымъ докторамъ права, Ульриху Молиторису и Конраду Штюрцелю; результатъ этого совѣщанія былъ изданъ Ульрихомъ въ 1489 г. въ Констанцѣ въ видѣ разговора между этими тремя лицами. Сигизмундъ въ этомъ діалогѣ поддерживалъ естественное доказательство, основанное на томъ фактѣ, что результаты, добытые колдовствомъ, результаты, такъ мало отвѣчавшіе приписываемому колдуньямъ могуществу, невольно набрасывали тѣнь сомнѣнія на дѣйствительное существованіе этого могущества; если бы послѣднее дѣйствительно существовало, то воину достаточно было бы послѣдовать примѣру Вильгельма Завоевателя при Эли и поставить колдунью во главѣ своей арміи, чтобы преодолѣть всѣ препятствія. Противъ этого ученія доктора выставили цѣлую баттарею всякихъ текстовъ и цитатъ, приводимыхъ обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ; въ ихъ заключеніяхъ отразилось мнѣніе умѣренныхъ демонологистовъ, которые не поддались еще безумію суевѣрія, но отступили уже передъ раціоналистическимъ отрицаніемъ всѣхъ вѣрованій, завѣщанныхъ мудростью прошлыхъ вѣковъ. Эти заключенія изложены въ восьми положеніяхъ: 1) Сатана не можетъ ни самъ, ни съ помощью посредниковъ изъ людей колебать стихіи, наносить раны людямъ и животнымъ или насылать на нихъ безсиліе; но иногда Богъ даетъ ему эту силу въ опредѣленномъ размѣрѣ. 2) Сатана не можетъ нарушить назначенныя ему, такимъ образомъ, границы. 3) Съ разрѣшенія Бога онъ иногда можетъ производить обольщенія, подъ вліяніемъ которыхъ люди кажутся обращенными въ другія существа. 4) Ночныя поѣздки и шабашъ—плоды воображенія. 5) Инкубы и суккубы не въ состояніи зарождать. 6) Одинъ только Богъ знаетъ будущее и умѣетъ читать мысли людей. 7) Тѣмъ не менѣе, колдуньи, почитая Сатану и принося ему жертвы, являются еретичками и вѣроотступницами. 8) Наконецъ, ихъ слѣдуетъ въ силу этого предавать смерти.

Такимъ образомъ, колдовство ничего не выиграло отъ этой попытки примирить старую и новую школу; эта теорія признавала все, что имѣло дѣйствительно практическое значеніе, оставляя въ сторонѣ вопросы, былъ ли шабашъ дѣйствительностью или плодомъ фантазіи, было ли причиненное колдуньей зло результатомъ спеціальнаго или общаго могущества, уступленнаго Богомъ Сатанѣ. Поэтому работа Молиториса интересна только потому, что она показываетъ, какія слабыя преграды могли противопоставить люди умные господствующему направленію, столь старательно поддерживаемому папами и инквизиторами [2]).

---

[1]) Rapp, «Die Hexenprocesse und ihre Gegner aus Tirol», 5—8, 12—13, 143, sqq.—«Mall. Maleficar.» P. II, Q. 1, c. 12; P. III, Q. 15.

[2]) Molitoris «Dialogus de Pythonicis Mulieribus», c. 1, 10.

Нелѣпая противоположность между безпредѣльнымъ могуществомъ, которое приписывали колдуньямъ, и бѣдною жизнью этихъ женщинъ, объяснялась жертвами, подвергавшимися пыткамъ, какъ дѣйствіе злой воли Сатаны, который умышленно желалъ, чтобы онѣ жили въ бѣдности.

Библиотека "Руниверс"

Тонкія опредѣленія, придуманныя этими людьми, быстро пали передъ возрастающей смѣлостью инквизиторовъ. Если личная дѣятельность Шпренгера была несчастна, то судьба оставленнаго имъ послѣ смерти сочиненія была еще злополучнѣй. Эта работа, которой онъ далъ громкое заглавіе Malleus Maleficarum, «Молотъ Колдуній», представляетъ изъ себя самый удивительный памятникъ суевѣрія, когда-либо созданный міромъ. Шпренгеръ пустилъ въ ходъ всю свою огромную опытность и свою богатую эрудицію, чтобы доказать дѣйствительность существованія колдовства и распространенность бѣдствій, причиненныхъ имъ, и, кромѣ того, чтобы наставить инквизиторовъ, какъ они могутъ обойти козни Сатаны и наказать его адептовъ. Авторъ этой книги не былъ простымъ гонителемъ колдуній, но человѣкомъ, свѣдущимъ во всѣхъ школьныхъ наукахъ. Повидимому, онъ не былъ совсѣмъ лишенъ человѣчности. Неоднократно онъ проявляетъ похвальное желаніе оказать обвиняемымъ всякое снисхожденіе, которое можетъ быть оказано имъ на основаніи закона; но онъ глубоко убѣжденъ въ безмѣрности золъ, которыя нужно уничтожить, онъ безусловно вѣритъ, что его трибуналъ вовлеченъ въ борьбу, гдѣ дѣло идетъ о томъ, чтобы вырвать у Сатаны души людей, и поэтому онъ старательно оправдываетъ всѣ обманы и всѣ жестокости, пускавшіеся въ ходъ, чтобы провести врага, противъ котораго безсильна законная борьба. Подобно Конраду Марбургскому и Капистрано, это былъ одинъ изъ опаснѣйшихъ людей и убѣжденный фанатикъ. Трудъ его, кромѣ того, представляетъ изъ себя неистощимый сборникъ чудесъ, къ которому прибѣгали послѣдующія поколѣнія всякій разъ, когда надо было доказать какое-нибудь проявленіе могущества или злобу колдуній. Эти разсказы, передаваемые самымъ чистосердечнымъ образомъ, какъ результаты его личныхъ трудовъ и трудовъ его товарищей, были облечены внушительнымъ авторитетомъ. Впрочемъ, если бы не подозрительный характеръ человѣческихъ свидѣтельствъ въ подобномъ предметѣ, эти доказательства и теперь показались бы подавляющими. Безпристрастныя показанія очевидцевъ, жалобы жертвъ, признанія обвиняемыхъ, сознанія, подтвержденныя даже послѣ осужденія на кострѣ, когда оставалась только надежда на небесное прощеніе,—всѣ эти документы безчисленны и такъ прекрасно сходятся во множествѣ подробностей, что кажется прямо невозможнымъ, чтобы самое пылкое воображеніе могло создать ихъ изъ ничего. Кромѣ того, сочиненіе написано строго логически, согласно съ пріемами того времени и прочно основано на схоластическомъ богословіи и каноническомъ правѣ, такъ что нѣтъ ничего удивительнаго, что оно пользовалось довѣріемъ болѣе, чѣмъ цѣлое столѣтіе, какъ высшій авторитетъ въ вопросѣ, весьма важномъ въ жизни. На него ссылались всѣ послѣдующіе писатели, и оно болѣе, чѣмъ всѣ остальныя вліянія, кромѣ папскихъ буллъ, содѣйствовало возбужденію и усовершенствованію преслѣдованія, увеличивъ въ то же время поводы къ этому [1]).

Пока онѣ томились въ нищетѣ, онъ являлся имъ и привлекалъ ихъ на свою сторону самыми обольстительными обѣщаніями; но, достигнувъ своей цѣли, онъ никогда не держалъ слова. Одна изъ тирольскихъ колдуній заявила въ 1506 году, что «діаволъ—Schalk» (надувало) (Rapp, «Die Hexenprocesse und ihre Gegner aus Tirol», 147.

[1]) Дифенбахъ, одинъ изъ новѣйшихъ исторіографовъ колдовства («Die Hexenwahn», Майнцъ, 1886 г.), довольно основательно полагаетъ, что манія колдовства была естественнымъ слѣдствіемъ тѣхъ пріемовъ, которые примѣнялись для уничтоженія колдуній; но, въ своемъ стремленіи снять съ Церкви всякую отвѣтственность, онъ приписываетъ происхожденіе этой маніи Loi Caroline, уголовному сборнику, изданному Карломъ V въ 1513 году, и умышленно утверждаетъ, что церковное право не оказало на это никакого вліянія (стр. 176). Другіе современные писатели приписываютъ ужасъ процессовъ о колдовствѣ буллѣ Иннокентія VIII и «Malleus Maleficarum» (Ibidem, 222—6). Однако, мы могли прослѣдить очень ясное развитіе этой маніи и средствъ, примѣнявшихся для ея подавленія, по вѣрованіямъ и практикѣ предшествовавшихъ эпохъ. Это, какъ мы видѣли, было вполнѣ естественной эволюціей, исходящей изъ принциповъ, которые Церкви удалось установить.

Библиотека "Руниверс"

Такимъ образомъ, во время своего паденія Инквизиція пережила новую кратковременную вспышку дѣятельности въ ожиданіи, чтобы Реформація вернула ей силы юности. Впрочемъ, ей не всюду позволяли дѣйствовать, какъ ей хотѣлось, противъ этой новой категоріи еретиковъ. Во Франціи эдикты 1490 и 1493 г.г. считаютъ этихъ преступниковъ подсудными только свѣтскимъ судамъ, если только виновные не подлежали вѣдѣнію духовнаго суда; объ Инквизиціи здѣсь не говорится ни слова. Въ то же время возраставшая строгость преслѣдованія сказалась въ постановленіяхъ, налагавшихъ на тѣхъ, кто обращается за совѣтами къ некромантамъ и колдунамъ, то же наказаніе, какъ и на послѣднихъ, и грозившее отставкой, пожизненнымъ ограниченіемъ въ правахъ и произвольными штрафами судьямъ, которые пренебрегаютъ обязанностью арестовывать ихъ. По всей вѣроятности, благодаря этому изъятію дѣлъ о колдовствѣ изъ вѣдѣнія духовнаго суда колдовство распространялось во Франціи медленнѣе, чѣмъ въ Германіи и Италіи [1]).

Корнелій Агриппа, ученые трактаты котораго о тайныхъ наукахъ такъ близко касались запрещенныхъ областей, имѣлъ смѣлость въ 1519 г., когда былъ муниципальнымъ ораторомъ и адвокатомъ города Меца, спасти отъ когтей инквизитора Николая Савена одну бѣдную женщину, обвиненную въ колдовствѣ. Единственнымъ основаніемъ къ обвиненію несчастной было то, что мать ея была сожжена, какъ колдунья. Савенъ ссылался на авторитетъ Malleus Maleficarum въ доказательство того, что если эта женщина не была рождена отъ инкуба, то она во всякомъ случаѣ должна была быть посвящена Сатанѣ съ самаго дня рожденія. Присоединивъ къ себѣ епископскаго судью Жана Леонарда, онъ подвергъ обвиняемую жестокой пыткѣ, а затѣмъ морилъ ее голодомъ въ своей тюрьмѣ. Когда Агриппа явился защищать ее, то его выгнали изъ суда, пригрозивъ ему преслѣдованіемъ, какъ покровителю ереси; мужу обвиняемой запретили входъ въ залъ засѣданій изъ боязни, чтобы онъ не подалъ апелляціи. Случаю угодно было, чтобы Леонардъ смертельно захворалъ; преслѣдуемый угрызеніями совѣсти на своемъ смертномъ ложѣ, онъ составилъ документъ, въ которомъ говорилъ о своемъ глубокомъ убѣжденіи въ невинности этой женщины и просилъ капитулъ выпустить ее на свободу. Но Савенъ настаивалъ, чтобы она снова была подвергнута пыткѣ и, въ концѣ концовъ, сожжена. Агриппѣ, однако, удалось добиться отъ преемника Леонарда и капитула оправданія бѣдной женщины; но его безпристрастное рвеніе стоило ему должности, и онъ былъ вынужденъ покинуть Мецъ. Освободившись отъ его безпокойнаго присутствія, инквизиторъ тотчасъ же нашелъ другую колдунью, которую и сжегъ, вырвавъ у нея предварительно пыткою сознаніе во всѣхъ ужасахъ шабаша и обычныхъ злодѣяніяхъ, совершенныхъ благодаря могуществу Сатаны. Подъ вліяніемъ этого успѣха онъ принялся искать другія жертвы, руководясь, несомнѣнно, признаніями первой; онъ заключилъ въ тюрьму много несчастныхъ, другія бѣжали; и онъ безпощадно продолжалъ бы свои убійства, если бы исправляющій должность священника въ приходѣ Св. Креста, Рожеръ Бреннонъ, не выступилъ открыто противъ него и не побѣдилъ его въ публичномъ спорѣ; двери темницы отворились, и бѣжавшія вернулись въ городъ [2]).

Но наиболѣе поучительное пораженіе въ этой новой сферѣ дѣятельности Инквизиція потерпѣла въ Венеціи. Я уже разъ упоминалъ о спорѣ, возникшемъ между Синьоріей и Святымъ Престоломъ по поводу колдуній Брешіи, причемъ республика категорически отказалась привести въ исполненіе приговоры, вынесенные инквизиторами. Чтобы понять значеніе подобнаго отказа, нужно замѣтить, что въ теченіе двухъ поколѣній Церковь дѣятельно культивировала колдовство по всей Ломбардіи, постоянно поддерживая преслѣдованіе и уничтожая всякое сопротивленіе со стороны просвѣщенныхъ мірянъ, такъ

[1]) Fontanon, «Edicts et Ordonnances», IV, 237.—Isambert, XI, 190, 253.

[2]) Cornel. Agrippa, «De Occult. Philos.» lib. I, c. 40; lib. III, c. 33; «Epist.» II, 38, 39, 40, 59; «de Vanitate Scientiarum», c. XCVI.

Библиотека "Руниверс"

что, въ концѣ концовъ, она сдѣлала изъ Верхней Италіи настоящій очагъ ереси. Въ 1457 г. Каликстъ III предписалъ своему нунцію Бернардо ди Боско примѣнить энергичныя мѣры, чтобы подавить распространеніе колдовства въ Брешіи, Бергамо и ихъ окрестностяхъ. Тридцать лѣтъ спустя братъ Джироламо Висконти нашелъ широкое поле дѣятельности въ Комо и повѣдалъ міру результаты своихъ трудовъ въ своемъ Lamiarum Tractatus. Шпренгеръ свидѣтельствуетъ, что, несмотря на похвальную энергію, проявленную епископскимъ судомъ въ дѣлѣ подавленія, потребовался цѣлый томъ, чтобы зарегистрировать дѣла, разсмотрѣнныя въ одной только Брешіи, гдѣ колдуньями были обольщенныя дѣвушки, сбившіяся съ пути отъ отчаянія. Въ 1494 г. Александръ VI призывалъ ломбардскаго инквизитора брата Анджело Веронскаго усилить свою дѣятельность, указывая ему на то, что колдуньи въ Ломбардіи были очень многочисленны и что онѣ причиняли большія бѣдствія людямъ, скоту и урожаямъ. Въ первыхъ годахъ XVI ст. инквизиторъ Джорджопе ди Казале, старавшійся уничтожить въ Кремонѣ безчисленное множество процвѣтавшихъ тамъ колдуній, встрѣтилъ препятствіе со стороны нѣкоторыхъ духовныхъ и мірянъ, думавшихъ, что онъ превышаетъ свои судебныя полномочія; тогда Юлій II, слѣдуя примѣру Иннокентія VIII въ отношеніи Шпренгера, быстро пришелъ на помощь, опредѣлилъ права инквизитора и предложилъ всякому, кто будетъ содѣйствовать святому дѣлу, индульгенціи, какъ за крестовый походъ; въ 1523 г. Адріанъ VI распространилъ эти постановленія на инквизитора Комо. Результатъ этихъ постоянныхъ поощреній сказался въ описаніи ломбардскихъ колдуній, составленномъ Іоанномъ Францискомъ Пико, и въ тревожномъ заявленіи Сильвестра Маццолини, по которому колдуньи распространяются уже къ югу отъ Аппенинъ и хвастаются превзойти скоро числомъ вѣрныхъ католиковъ. Распространенность народнаго вѣрованія засвидѣтельствована Полиціаномъ, сообщающимъ, что, будучи ребенкомъ, онъ страшно боялся колдуній, такъ какъ его бабушка имѣла обыкновеніе разсказывать ему, что эти женщины подстерегали въ лѣсу маленькихъ дѣтей, а потомъ пожирали ихъ. Однако, несмотря на все это, просвѣщенные люди были очень склонны къ скептицизму; если бы Церковь не подтвердила такъ существованія колдовства и не предписала уничтоженія огнемъ его послѣдователей, то Европа была бы спасена отъ двухъ вѣковъ ужасныхъ преступленій. Писавшій въ 1520 г. Помпонаціо говоритъ, что много людей отрицаетъ все, что говорятъ о могуществѣ демоновъ; онъ самъ утверждаетъ, что въ этихъ разсказахъ много лжи и заблужденій, но что въ то же время въ нихъ много вѣрнаго; разсмотрѣвъ доказательства за и противъ, онъ приходитъ къ заключенію, что Церковь должна рѣшить этотъ вопросъ; а такъ какъ Церковь говоритъ, что демоны обладаютъ подобнымъ могуществомъ, то вѣрные безъ всякаго колебанія должны вѣрить тому, чему учитъ Церковь. Помпонаціо былъ, очевидно, скептикъ, но опытъ научилъ его благоразумію [1]).

Конфликтъ между Церковью и раціонализмомъ просвѣщенныхъ людей ясно сказался въ Венеціи. Республика всегда сохраняла за свѣтскимъ судомъ преступленія чародѣйства. Въ 1410 г. рѣшеніе Великаго Совѣта позволяетъ Инквизиціи дѣйствовать въ подобномъ случаѣ только тогда, когда преступленіе заключаетъ въ себѣ ересь или святотатство; но если въ немъ заключается проступокъ, наносящій вредъ частнымъ лицамъ, то Инквизиція вѣдаетъ только духовное преступленіе, а зло, причиненное имъ, подлежитъ вѣдѣнію свѣтскаго суда. Когда въ 1422 г. нѣсколько францисканцевъ были обвинены въ жертвоприношеніи демонамъ, Совѣтъ Десяти поручилъ дѣло комиссіи, въ которой участвовали членъ Совѣта, capo, инквизиторъ и адвокатъ. Брешія была мѣстомъ, особенно заражен-

[1]) Raynald. ann. 1457, № 90.—P. Vayra, «Streghe nel Canavese», op. cit., 250.—«Mall. Maleficarum» P. II, Q. 1, c. 1, 12.—Ripoll. IV, 190.—Pegnae «Append. ad Eymeric.» 105.—G. F. Pico della Mirandola, «La Strega», 17.—Prioriat. «De Strigimagar.» lib. II, c. 1, 5—Ang. Politian «Lamia», Coloniae, 1518.—Pomponat. «De Incantationibus», cap. XIII.

Библиотека "Руниверс"

нымъ колдовствомъ. Уже въ 1455 г. инквизиторъ братъ Антоніо требовалъ содѣйствія сената для подавленія заразы; по всей вѣроятности, ему была дана эта помощь; но когда въ 1486 г. вспыхнуло новое преслѣдованіе, подестатъ отказался привести въ исполненіе вынесенные инквизиторомъ приговоры; Синьорія поддержала это сопротивленіе и навлекла на себя, какъ мы уже видѣли, энергичный протестъ Иннокентія VIII. Подъ вліяніемъ преслѣдованія зло распространилось съ ужасающей быстротой. Въ 1510 г. въ Брешіи было сожжено семьдесятъ женщинъ и столько же мужчинъ, въ 1514 г.—триста въ Комо. Въ подобной эпидеміи всякая новая жертва была новымъ источникомъ заразы, и странѣ грозило полное уничтоженіе населенія. Въ это безумное время быстро распространился слухъ, что въ долинѣ Тонале близъ Брешіи на обыкновенномъ собраніи шабаша насчитывалось болѣе двадцати пяти тысячъ присутствовавшихъ. Въ 1518 г. сенату было оффиціально сообщено, что инквизиторъ сжегъ семьдесятъ колдуній въ Валькамоникѣ, что столько же находится въ тюрьмахъ, и что общее число подозрѣваемыхъ или обвиняемыхъ достигаетъ пяти тысячъ, т.-е. четверти всего населенія долины. Пора было вмѣшаться, и Синьорія выступила энергично, но получила изъ Рима по этому поводу рѣзкія замѣчанія. 15 февраля 1521 г. Левъ X выпустилъ свою буллу Honestis, въ которой приказывалъ инквизиторамъ широко примѣнять отлученіе и интердиктъ, если не будутъ приводиться въ исполненіе безъ всякихъ разсужденій приговоры, вынесенные ими противъ колдуній; это показываетъ намъ цѣну увертокъ, сваливавшихъ на свѣтскіе суды отвѣтственность за преданіе смертной казни преступниковъ, невиновныхъ въ повторномъ паденіи. Совѣтъ Десяти не испугался; 21 марта онъ спокойно отвѣтилъ на эту мѣру регламентаціей всѣхъ процессовъ, въ томъ числѣ и дѣлъ, бывшихъ въ производствѣ; приговоры, вынесенные по нимъ, были признаны недѣйствительными, залоги подлежали возврату. Допросы должны вестись безъ примѣненія пытки однимъ или двумя епископами, инквизиторомъ и двумя докторами Брешіи, причемъ всѣ эти лица должны быть выбраны среди людей, извѣстныхъ своею честностью и просвѣщеннымъ умомъ. Заключенія слѣдствія должны быть прочитаны на судѣ подестата при двухъ Rettori, или губернаторахъ, и при четырехъ другихъ докторахъ. Обвиняемые должны быть спрошены, подтверждаютъ ли они свои показанія; если же они ихъ измѣнятъ, то они подлежатъ пыткѣ. Послѣ самаго строгаго исполненія всѣхъ этихъ формальностей рѣшеніе должно быть вынесено согласно съ мнѣніемъ всѣхъ вышеупомянутыхъ экспертовъ; приговоръ же, произнесенный безъ соблюденія этихъ условій, не подлежитъ исполненію. Этимъ способомъ Синьорія разсчитывала избѣжать повторенія ошибокъ, которыя ей были указаны. Кромѣ того, папскому легату должно быть предложено наблюдать за тѣмъ, чтобы издержки Инквизиціи были умѣренны, чтобы не было вымогательствъ, и чтобы невинные не подвергались осужденію для удовлетворенія алчныхъ плановъ, что, говорили, случалось нерѣдко. Равнымъ образомъ легатъ долженъ уполномочить компетентныхъ людей для разслѣдованія лихоимствъ и другихъ преступленій, совершенныхъ инквизиторами и обнаруженныхъ всеобщими на нихъ жалобами; онъ долженъ немедленно наказать виновныхъ, чтобы показать примѣръ. Кромѣ того, его просили обратить вниманіе, что бѣдные люди Валькамоники были совершенно простыми и вполнѣ невѣжественными людьми, которые скорѣе нуждаются въ хорошихъ проповѣдникахъ, чѣмъ въ преслѣдователяхъ, въ особенности, въ виду ихъ большого числа [1]).

Въ эпоху разнузданныхъ суевѣрій это заявленіе Совѣта Десяти явилось, какъ памятникъ обдуманной мудрости и здраваго смысла. Если бы судьба позволила, чтобы этотъ здравый разумъ руководилъ рѣшеніями папъ и князей, то Европа не внесла бы въ исторію цивилизаціи одну изъ самыхъ позорныхъ страницъ. Но народы хорошо восполь-

[1]) G. de Castro, «Il Mondo Secreto», IX, 128, 133, 135—6.—Mag. Bull. Rom. I, 440, 617.—Archivio di Venezia. Misti Concil. X. Vol. 44, стр. 7.

Библиотека "Руниверс"

зовались уроками террора, которые имъ такъ прилежно преподавались. Какъ ни омерзительны подробности преслѣдованія, поднятаго противъ колдовства до XV ст., они были только прологомъ къ слѣпымъ и безумнымъ убійствамъ, наложившимъ позорное пятно на слѣдующее столѣтіе и на половину XVII. Казалось, что сумасшествіе охватило христіанскій міръ, и что Сатана могъ радоваться поклоненіямъ, которое воздавалось его могуществу, видя, какъ безъ конца возносился дымъ жертвъ, свидѣтельствовавшихъ о его торжествѣ надъ Всемогущимъ. Протестанты и католики соперничали въ смертоносной ярости. Уже больше не сжигали колдуній по-одиночкѣ или парами, но десятками и сотнями. Говорятъ, что одинъ женевскій епископъ сжегъ въ три мѣсяца пятьсотъ колдуній; епископъ Бамберга—шестьсотъ; епископъ Вюрцбурга—девятьсотъ; восемьсотъ было осуждено, по всей вѣроятности, за одинъ разъ сенатомъ Савойи. Вмѣшательство Сатаны черезъ посредство его поклонниковъ составляло тогда такую нераздѣльную часть убѣжденій, что, не задумываясь, приписывали этимъ адскимъ агентамъ всякое необычайное явленіе природы. Въ 1586 г. въ Рейнскихъ провинціяхъ запоздало лѣто, и холода держались до іюня; это могло быть дѣломъ только колдовства, и трирскій епископъ сжегъ сто восемнадцать женщинъ и двухъ мужчинъ, у которыхъ исторгли сознаніе, что это продолженіе зимы было дѣломъ ихъ заклинаній. Онъ имѣлъ право дѣйствовать быстро, такъ какъ осужденные, явившись на мѣсто казни, заявили, что если бы въ ихъ распоряженіи было еще только три дня, то они вызвали бы такой страшный холодъ, что погибла бы всякая растительность и были бы уничтожены поля и виноградники. Очевидно, Инквизиція имѣла достойныхъ учениковъ, но и сама она не ослабляла своихъ собственныхъ усилій. Парамо съ гордостью утверждаетъ, что въ теченіе полутора столѣтій послѣ появленія секты въ 1404 г. Святой Трибуналъ сжегъ болѣе тридцати тысячъ колдуній, которыя, если бы ихъ оставить въ живыхъ, довели бы до гибели весь міръ [1]). Какой манихей могъ бы выставить лучшее доказательство, что Сатана былъ повелителемъ вселенной?!

ГЛАВА VIII.

Разумъ и вѣра.

Въ сущности Церковь безпокоили только тѣ ереси, которыя распространялись въ народѣ безъ помощи хитрыхъ тонкостей діалектики. Исключенія изъ этого правила представляютъ, быть можетъ, ученія Братьевъ Свободнаго Духа, ведущихъ, повидимому, свое происхожденіе отъ умозрѣній Амори де Бена и Давида Динана. Но въ общемъ ученія катаровъ и вальденцевъ, спиритуаловъ и фратичелли, и даже гуситовъ, не имѣли ничего или почти ничего общаго съ тонкостями схоластическихъ споровъ. Чтобы ересь пустила корни и принесла плоды, необходимо, чтобы она была способна вдохнуть въ человѣка рвеніе мученичества, а для этого нужно, чтобы она родилась въ сердцѣ, а не въ мозгу. Мы уже видѣли, какъ въ теченіе столѣтій множество фанатиковъ предпочитало самую ужасную смерть отреченію отъ вѣрованій, съ которыми связаны были ихъ чувства, ихъ убѣжденія и ихъ надежда на будущую жизнь; но, начиная съ Абеляра и до магистра Эккарта и Галилея, исторія даетъ мало примѣровъ людей, настолько сильно привязанныхъ къ своимъ вполнѣ интеллектуальнымъ убѣжденіямъ, чтобы пожертвовать собою

---

[1]) Michelet, «La Sorcière», lib. II, ch. III.—P. Vayra, op. cit. 255.—Annal. Novesiens. ann. 1586 (Martène. «Ampl. Coll.» IV. 717).—Paramo, «de Orig. Off. S. Inquisit.», 206.

Библиотека "Руниверс"

для нихъ и изъ-за нихъ. Не разумъ, а скорѣе чувство дѣлало еретика опаснымъ; вся умственная гордость не могла дать схоластику силы отстаивать свое положеніе съ несокрушимой твердостью крестьянина, шедшаго на костеръ съ пѣніемъ гимна и съ радостью привѣтствовавшаго пламя, ведшее его къ спасенію.

Поэтому школы представляютъ мало примѣровъ, гдѣ бы борьба между свободной мыслью и авторитетомъ зашла такъ далеко, что явилась бы необходимость примѣнить инквизиціонные методы. Однако, Инквизиція благодаря той легкости, съ которой она вводила всюду единство вѣры, оказала на умственное развитіе Европы настолько сильное вліяніе, что мы не можемъ, хотя бы вкратцѣ, не изучить этой фазы ея дѣятельности.

Два направленія способствовали тому, чтобы вызвать конфликтъ между схоластиками и инквизиторами. Съ одной стороны, горячее преслѣдованіе, дѣлая изъ чистоты вѣры самый возвышенный идеалъ христіанства и самую главную заботу свѣтскаго или духовнаго главы, создало преувеличенное правило католической религіи, по которому послѣдніе мелочи богословія считались не менѣе важными, чѣмъ основные догматы религіи. Мы уже видѣли примѣръ этой непримиримости въ спорахъ о нищетѣ Христа и въ преніяхъ по вопросу, умеръ ли Іисусъ, когда его ударили копьемъ, и осталась ли на землѣ, или была вознесена на небо кровь, пролитая Имъ во время Страстей. Стефанъ Палечъ діалектически доказалъ на Констанцскомъ соборѣ, что ученіе, вѣрное католичеству въ тысячѣ пунктовъ и заблуждающееся только въ одномъ, уже по одному этому должно считаться совершенно еретическимъ. Впрочемъ, для наличности преступленія не требовалось отступленія въ вѣрованіи: христіанинъ долженъ былъ быть твердымъ въ своей вѣрѣ, и уже одно простое сомнѣніе было ересью [1]).

Съ другой стороны, проявлялся безумный пылъ, съ которымъ схоластики старались установить и опредѣлить самымъ точнымъ образомъ мельчайшія подробности вселенной и міра невидимаго. Пока эта любознательность нашла себѣ удовлетвореніе въ границахъ, опредѣленныхъ для католиковъ непогрѣшимой Церковью, она выработала самые полные и самые поразительные памятники богословія, которые когда-либо зналъ умъ человѣческій. За сочиненіемъ Петра Ломбардскаго Sententiae послѣдовала Summa Ѳомы Аквината, обширное сочиненіе, которое могутъ понять только умы, одаренные особыми способностями и прошедшіе извѣстную школу. Когда это ученіе установилось и было принято, какъ католическое, то богословіе и философія стали самыми опасными науками; сбившаяся съ прямого пути изобрѣтательность схоластиковъ находила удовольствіе въ тонкостяхъ діалектики, постоянно подвергала спору сомнительные пункты, поднимала новые вопросы и прибавляла новыя тонкости къ проблемамъ, которые ихъ первоначальное, тонкое опредѣленіе сдѣлало доступнымъ уму средняго человѣка. Историкъ, сметая пыль, которою, къ счастью, покрыты въ настоящее время эти забытые дебаты, не можетъ удержаться отъ чувства сожалѣнія, при видѣ этой такъ глупо потраченной удивительной тонкости и этой силы мысли, которыя, будучи правильно направлены, на много столѣтій двинули бы впередъ умственный и матеріальный прогрессъ человѣчества.

Исторія Роджера Бэкона, этого Doctor Mirabilis, проливаетъ свѣтъ на направленія той эпохи. Этотъ поразительный умъ, повидимому, постоянно наталкивался на узкія преграды, которыя ставилъ вокругъ него вѣкъ педантичнаго и предвзятаго невѣжества. Одинъ разъ лучъ свѣта мимолетно прорѣзалъ мракъ, окружавшій его; это было, когда Ги Фукуа, избранный папою и ставшій Климентомъ IV, попросилъ англичанина познакомить его съ его открытіями, о которыхъ онъ такъ много слышалъ. Есть что-то трогательное въ той поспѣшности, съ которой непонятый ученый постарался извлечь пользу изъ этого неожиданнаго счастья; онъ обобралъ всѣ деньги у своихъ друзей, чтобы имѣть

[1]) Von der Hardt, I. XVI, 829.—Bernardi Comensis, «Lucerna Inquisit.» s. v. «Dubius.».

Библиотека "Руниверс"

необходимую сумму на уплату писцамъ, которые должны были собрать въ одну изящную рукопись огромное количество мыслей, въ которыя онъ старался заключить всю сумму человѣческихъ знаній; немного болѣе чѣмъ въ годъ онъ выполнилъ огромную задачу, составивъ Opus Majus, Opus Minus и Opus Tertium. Къ несчастью Климентъ въ это время болѣе думалъ о судьбѣ Карла Анжуйскаго, чѣмъ о мимолетной фантазіи, заставившей его обратиться къ ученому; года черезъ два послѣ этого папа умеръ, и даже неизвѣстно, уплатилъ ли онъ Бэкону деньги, израсходованныя на удовлетвореніе его желанія [1]).

Бэконъ неминуемо долженъ былъ пасть побѣжденнымъ въ этой неравной борьбѣ противъ невѣжества и ложнаго образованія своего вѣка. Его работы и мнѣнія были протестомъ противъ всей современной мысли и ученія. Схоластики извлекали изъ своего внутренняго познанія теорію вселенной и затѣмъ упорно спорили, защищая тонкости, въ которыя заводилъ ихъ варварскій жаргонъ ихъ латыни. То же было и съ богословіемъ, замѣнившимъ религію. Петръ Ломбардскій былъ выше всѣхъ пророковъ и евангелистовъ, взятыхъ вмѣстѣ. По словамъ Бэкона, изученіе Sententiarum ставили выше изученія Священнаго писанія, и на нихъ основывалась вся слава богослова. Магистръ, разбиравшій Sententiae, могъ по своему усмотрѣнію назначать часъ своихъ бесѣдъ; ему предоставляли всевозможныя преимущества. Наоборотъ, поучавшій Священному писанію долженъ былъ выпрашивать часъ, чтобы его выслушали, и все же у него бывало мало слушателей. Первый могъ вести диспутъ публично и считался магистромъ; второй былъ осужденъ на молчаніе среди школьныхъ контроверсистовъ. Невозможно, добавляетъ Бэконъ, чтобы слово Божье было понято въ то время, когда злоупотребляютъ Sententiae; если кто-нибудь для освященія вопроса обращался къ Свящ. писанію, то на него смотрѣли, какъ на человѣка пустого, и его никто не слушалъ. Мало того, текстъ Вульгаты страшно искаженъ, а тамъ, гдѣ онъ не искаженъ, онъ сомнителенъ вслѣдствіе невѣжества и самонадѣянности неподготовленныхъ справщиковъ, ибо всякій считаетъ себя вправѣ исправлять этотъ текстъ, тогда какъ никто не дерзнетъ перемѣнить слова въ писаніяхъ поэта. Изъ всѣхъ современниковъ Бэконъ первый оцѣнилъ важность этимологіи и сравнительнаго языковѣдѣнія: онъ безъ всякой жалости раскрывалъ грубыя ошибки, обычныя у такъ называемыхъ ученыхъ, которые вводили своихъ учениковъ только въ заблужденіе. Методы Бэкона были строго научны. Онъ требовалъ фактовъ, фактовъ реальныхъ, какъ основанія всякаго разсужденія, идетъ ли вопросъ о догмѣ, или о наблюденіяхъ физическихъ или нравственныхъ. По его мнѣнію, изученіе природы или человѣка должно было быть эмпирическимъ, знаніе должно было предшествовать разсужденію. Въ ряду наукъ первое мѣсто занимала математика; второе мѣсто принадлежало метафизикѣ; но въ глазахъ его метафизика не заключалась въ безплодномъ усиліи возвести зданіе на посылкахъ, произвольно доказанныхъ и основанныхъ на діалектическихъ софизмахъ; это былъ серьезный рядъ дедукцій, основанныхъ на провѣренныхъ наблюденіяхъ, такъ какъ, согласно Авиценнѣ, «выводы другихъ наукъ суть основныя положенія метафизики» [2]).

Обширныя работы, наполнившія всю жизнь этого смѣлаго генія, были потеряны для міра, увлеченнаго пустою и ничтожною наукой и неспособнаго понять, насколько Бэконъ опередилъ свой вѣкъ. Въ то время, когда всѣ съ любовью занимались словами, Бэконъ изучалъ факты; современники отрицали дѣйствительность, и умственная революція, которая была бы для человѣчества неоцѣнимымъ благодѣяніемъ, была уничтожена въ зародышѣ. Говорили, что Калибанъ заключилъ Просперо въ цѣпи и бросилъ его въ океанъ. Чтобы оцѣнить, насколько Бэконъ не былъ признанъ эпохой, неспособной понять

[1]) R. Bacon, «Opera», M. R. Series, J. S. Brewer's «Preface», стр. XLV.

[2]) «Op. Minus», M. R. Series I, 326—30.—«Compend. Studii Philosoph.» VII.—Brewer, «Preface», стр. LI.

Библиотека "Руниверс"

его и оцѣнить борьбу, поднятую имъ противъ общепринятыхъ методовъ, достаточно указать на рѣдкость рукописей его трудовъ, на неполность однихъ и совершенное исчезновеніе другихъ. «Легче, говоритъ Леландъ, собрать листья, пущенные на вѣтеръ Сибиллой, чѣмъ заглавія сочиненій Роджера Бэкона». Презрительное отношеніе къ нему современниковъ засвидѣтельствовано, съ другой стороны, отсутствіемъ подробностей относительно его жизни, а также разсказами о его искусствѣ въ магическихъ наукахъ. Даже трагическій инцидентъ, касающійся его заключенія въ тюрьму старшими членами его же ордена и запрещенія продолжать ему свои научныя занятія, облеченъ такой тьмою, что всѣ относящіеся сюда разсказы противорѣчатъ другъ другу, и нѣкоторые историки не безъ основанія оспариваютъ его истинность. По одной версіи, онъ былъ обвиненъ въ умозрѣніяхъ, несогласныхъ съ ученіями католической церкви, и въ 1278 году на него былъ сдѣланъ доносъ генералу ордена Джеронимо д'Асколи; его мнѣнія были осуждены; братьямъ было приказано тщательно избѣгать его заблужденій; самъ онъ былъ заключенъ въ тюрьму, несомнѣнно, потому, что не покорился, подобно Оливи, приговору Джеронимо. У него были, повидимому, ученики и сторонники, такъ какъ Джеронимо предупредилъ, говорятъ, ихъ жалобы, немедленно попросивъ Николая III утвержденія суда. Мы не знаемъ, какъ долго длилось тюремное заключеніе Бэкона, но преданіе хочетъ, чтобы онъ погибъ въ тюрьмѣ или отъ болѣзни, или отъ дурного обращенія съ нимъ францисканцевъ, которые, какъ мы уже видѣли, не щадили своихъ заблудшихся братьевъ. Другая версія приписываетъ заключеніе Бэкона въ тюрьму аскету Раймунду Гофреди, бывшему генераломъ ордена съ 1289 го по 1295 г. И въ томъ и въ другомъ случаѣ не трудно объяснить причину этой нелѣпости. Среди жестокихъ школьныхъ пререканій человѣкъ, такъ смѣло боровшійся противъ общепринятаго строя идей и такъ безжалостно разоблачавшій невѣжество ученыхъ, не могъ не возбудить противъ себя сильной вражды. Смѣлый ученый, ставившій Свящ. писаніе выше Sententiae и раскрывавшій искаженія, внесенныя въ текстъ Вульгаты, долженъ былъ дать не одинъ поводъ къ обвиненію его въ ереси въ то время, когда догматическое ученіе стало столь сложнымъ и когда смертная ересь могла заключаться подъ самымъ ничтожнымъ разногласіемъ въ мнѣніи. Такой тонкій политикъ, какъ Джеронимо, несомнѣнно, былъ расположенъ прислушаться къ голосу многочисленныхъ и могущественныхъ враговъ, ненависть которыхъ возбудилъ къ себѣ Бэконъ. Аскетъ же, подобный Раймунду, задачей котораго было привести орденъ къ его первоначальной простотѣ и суровости, долженъ былъ смотрѣть на работы Бэкона съ такимъ же ужасомъ, какъ первые спиритуалы смотрѣли на ученіе Кресценціо Гриццн. Обычнымъ сѣтованіемъ духовной секціи ордена было, что Парижъ разрушилъ Ассизи. Въ пѣснѣ Джакопоне да Тоди говорилось:

Tal'è, qual'é, tal'è
Non religione c'è
Mal vedemmo Parigi
Che n'a destruttoAssisi.

Поэтому генералъ долженъ былъ съ радостью ухватиться за представившійся случай нанести ударъ самому великому ученому ордена [1]).

Въ то время, какъ Бэконъ потерпѣлъ за то, что выступилъ противъ идей своей эпохи,—много наглыхъ схоластиковъ избѣгли всякой репрессіи, такъ какъ они развивали лишь направленіе эпохи. Весьма часто контроверсисты могли вступать въ безконечные споры, не подвергая себя ни малѣйшему порицанію. Крупное столкновеніе между номи-

[1]) Brewer, «Preface», стр. XCVIII.—Wadding. ann. 1278, № 26; ann. 1284, № 12.—Wood's «Life of Bacon» (Brewer, «Pref.» стр. XCIV—XCV).—C. Müller, «Die Anfänge des Minoritenordens», 104—5.

Библиотека "Руниверс"

налистами и реалистами не настолько тѣсно связано съ нашимъ предметомъ, чтобы мы могли подробно остановиться на его изученіи, тѣмъ не менѣе, оно занимаетъ черезчуръ видное мѣсто въ исторіи европейской мысли, чтобы можно было обойти его полнымъ молчаніемъ.

По ученію реалистовъ роды и виды, т.-е. отличительные признаки отдѣльныхъ существъ или опредѣленія этихъ признаковъ, существуютъ реально, если только они не представляютъ изъ себя единственной дѣйствительности. Отдѣльныя особи суть существа эфемерныя, преходящія; единственно, что имѣетъ постоянное существованіе, это то, что обще и свойственно всѣмъ существамъ. Въ человѣкѣ это—человѣчность, но сама человѣчность есть только часть болѣе крупнаго существованія,—духовности, а духовность есть только временная преходящая форма безконечнаго Существа, который Все, не будучи ничѣмъ въ частности. Только единственно Существо неизмѣнно. Эти идеи были заимствованны изъ трактата IX в. Periphyseos, въ которомъ Іоаннъ Скотъ Эригена, выступая противъ господствовавшаго антропоморфизма, былъ доведенъ до тонкихъ видѣній Божескаго Существа, сильно приближаясь въ этомъ къ пантеизму. Скрытая ересь этого ученія была открыта только тогда, когда ей дали дальнѣйшее развитіе послѣдователи Амори; тогда книга была осуждена Гоноріемъ III въ 1225 г., черезъ четыре вѣка послѣ ея появленія [1]).

Съ своей стороны, номинализмъ смотрѣлъ на отдѣльную особь, какъ на основную субстанцію; универсаліи (universalia) суть только абстракціи, умственное представленіе о качествахъ, общихъ всѣмъ особямъ; дѣйствительность ихъ—только звукъ словъ, ихъ обозначающихъ (flatus vocis). Подобно тому, какъ реализмъ, измѣненный смѣлыми мыслителями, привелъ къ пантеизму, такъ и номинализмъ велъ своихъ послѣдователей постепенно къ познанію происхожденія особи и привелъ, въ концѣ концовъ, къ атомизму [2]).

Двѣ соперничающія школы впервые явно выступили одна противъ другой въ началѣ XII в.: учитель Абеляра, Росцелинъ, былъ главою номиналистовъ, тогда какъ Вильгельмъ изъ Шампо стоялъ во главѣ реалистовъ. Споръ въ школахъ шелъ все съ возраставшей рѣзкостью, хотя ни одна изъ двухъ партій не рѣшалась довести свои теоріи до крайнихъ выводовъ. Въ концѣ концовъ, восторжествовалъ реализмъ въ видоизмѣненной формѣ, благодаря высшему авторитету Альберта Великаго и Ѳомы Аквината. Дунсъ Скотъ былъ реалистъ, но онъ отдѣлился отъ Ѳомы Аквината въ вопросѣ объ индивидуализаціи, и реалисты раздѣлились на двѣ различныя партіи—ѳомистовъ и скотистовъ. Въ то время, какъ реалисты ослабли, благодаря своимъ разногласіямъ, Вильгельмъ Оккамъ возродилъ номинализмъ, сдѣлавшійся болѣе смѣлымъ, чѣмъ когда-либо прежде. Вѣковая вражда между доминиканцами и францисканцами заставила ордены стать подъ различными знаменами; Оккамъ, выступивъ защитникомъ Людовика Баварскаго противъ папства, навязалъ новой школѣ номиналистовъ свои идеи касательно отношеній между Церковью и Государствомъ [3]).

Школы продолжали вести шумные споры, которые иногда бывали настолько жарки, что удары замѣняли недостаточность доказательствъ; говорятъ, что бывали даже случаи убійства. При Петрѣ д'Айльи и Жанѣ Герсонѣ Парижскій университетъ былъ номиналистомъ; съ англійскимъ господствомъ реалисты восторжествовали и изгнали своихъ противниковъ, которые вернулись только послѣ возстановленія французской монархіи. Въ 1465 г. вспыхнула продолжавшаяся десять лѣтъ борьба въ Лувенскомъ университетѣ по поводу разныхъ положеній, данныхъ Петромъ де ла Ривъ и касавшихся Судьбы и Божьяго Промысла. Враждующія стороны приняли участіе въ спорѣ; номиналисты торжествовали

---

[1]) Tocco, «L'Eresia nel medio Evo», 2.—J. Scoti Erigenae «De Divis. Naturae», I, 14; II, 5.—Alberic. Trium Fontium ann. 1225.

[2]) Tocco, op. cit. 4.

[3]) Johann Saresberiens. «Metalog.» II, 17.—Tocco, op. cit. 26, 39, 40, 57.

Библиотека "Руниверс"

побѣду, осудивъ Петра де ла Ривъ, а реалисты, въ отмщеніе, добились отъ Людовика XI изданія указа, запрещавшаго преподавать ученія номиналистовъ во всѣхъ университетахъ королевства; всѣ книги номиналистовъ были уложены въ сундуки и запечатаны и пролежали тамъ до 1481 года. Наконецъ, Людовика убѣдили отмѣнить свой указъ, и университету была возвращена свобода. Одинъ трагическій случай, о которомъ мы уже говорили, процессъ Іоанна Везеля и смерть обвиняемаго въ тюрьмѣ, показываетъ, какъ ловко умѣли схоластики дѣлать видъ, что мстятъ за вѣру, удовлетворяя на самомъ дѣлѣ свою злобу. Повѣствователь, современникъ процесса, утверждаетъ, что преслѣдованіе было вызвано враждебнымъ отношеніемъ реалистовъ-доминиканцевъ къ номинализму жертвы, и онъ оплакиваетъ ярость, заставляющую томистовъ смотрѣть на всякаго, отрицающаго универсаліи, какъ на виновнаго въ грѣхѣ противъ Св. Духа, какъ на измѣнника Богу, христіанской религіи, справедливости и Государству [1]).

Школьныя лѣтописи полны фактовъ, показывающихъ, какъ смѣлыя логическія пренія доводили схоластика до самыхъ опасныхъ тонкостей, касающихся мелкихъ подробностей богословія, и съ какою ловкостью защитники вѣры разсматривали все то, изъ чего несчастный умъ могъ бы составить подозрѣніе въ ереси. Дунсъ Скотъ, равно какъ и Ѳома Брадвардинъ, не избѣгли этого; Вильгельмъ Оккамъ и Іоаннъ Буриданъ были включены въ то же обвиненіе, произнесенное Парижскимъ университетомъ, ректоромъ котораго былъ Буриданъ. Было невозможно провести рѣзкую границу между философіей и богословіемъ, старавшимися опредѣлить всѣ элементы видимаго и невидимаго міровъ; и часто и не безъ основанія жаловались на постоянныя вторженія философовъ въ область богослововъ. Когда смѣлыя построенія философовъ были не совсѣмъ правовѣрны, то они старались защитить себя, говоря, что, согласно философскимъ методамъ, католическая религія ошибается и заблуждается, но въ то же время, какъ предметъ вѣры, она истинна, и поэтому они соглашаются съ нею. Это умствованіе только портило дѣло, ибо, по справедливому замѣчанію авторитетовъ, оно допускало сосуществованіе двухъ несогласныхъ и противорѣчивыхъ истинъ. Не удовлетворялись тѣмъ, что обращались къ этимъ тонкостямъ въ правовѣріи, чтобы осуждать пустые софизмы, подобные представленію линіи длиною въ ногу и въ то же время не имѣющей ни конца, ни начала, или возможности найти въ Англіи все, всѣ части котораго находятся въ Римѣ,—глупости, которыя осудилъ въ 1447 г. Лувенскій университетъ, или еще такія ученія, какъ ученіе Жана Фабра, осужденное Парижскимъ университетомъ въ 1463 г., по которому всякая часть человѣка есть человѣкъ, одинъ человѣкъ составляетъ безконечность людей, всякій человѣкъ никогда не совращается, хотя отдѣльный человѣкъ иногда совращается, — положенія, въ глубинѣ которыхъ скрывалась возможность эволюціи къ ереси,—или вотъ еще грамматическій, еще болѣе невинный, абсурдъ, повидимому, заключавшійся въ томъ, что не видѣли никакой разницы между «горшокъ кипитъ» и «горшокъ, ты кипишь», абсурдъ, который, по словамъ Эразма, считался непреложнымъ признакомъ нечестія. Философы не были удовлетворены, пока не были въ состояніи доказать логическимъ путемъ самыя глубокія и самыя сокровенныя тайны богословія, и хотя они и были тверды въ своей вѣрѣ, тѣмъ не менѣе вторженіе разума въ области догмы казалось не только нескромнымъ вмѣшательствомъ, но даже серьезной угрозой ужасными послѣдствіями. Въ то время, какъ арабскіе философы спорили относительно природы и дѣйствія Божеской Мудрости, выступилъ Маймонидъ со своимъ спокойнымъ здравымъ смысломъ и сказалъ: «Стараться понять Божескую Мудрость равносильно для насъ попыткѣ самимъ сдѣлаться Богомъ, чтобы наше умозрѣніе было сходно съ его умозрѣніемъ... Намъ совершенно невозможно достигнуть

[1]) Bruckeri «Instit. Hist. Philosoph.» изд. 1756 г., 530.—D'Argentré, I. II, 258—81, 298, 302—4.—Baluz. et Mansi, II, 293—6.—Isambert, X, 664—72.

Библиотека "Руниверс"

этого рода умозрѣнія. Если бы мы могли сами себѣ объяснить это, то мы обладали бы познавательной способностью, которую намъ даетъ этотъ родъ умозрѣнія». Однако, честолюбивые схоластики, а также ві ішѣ правовѣрные доктора богословія отказывались признать, что конечное не можетъ объять безконечное, и ихъ гордость логиковъ пробуждала довольно естественно ревность людей, которые смотрѣли, какъ на свою исключительную привилегію, на охрану Святого Святыхъ и на толкованіе человѣчеству воли Бога. Это чувство прекрасно выразилось уже въ 1201 г. въ исторіи ученаго доктора Симона де Турна, который остроумными положеніями доказалъ таинство Св. Троицы; затѣмъ, возгордившись отъ аплодисментовъ своихъ слушателей, онъ похвастался, что можетъ, если бы захотѣлъ показать себя нечестивымъ, разрушить это ученіе еще болѣе серьезными аргументами; но за эти легкомысленныя слова онъ былъ сейчасъ же наказанъ, такъ какъ его тутъ же разбилъ параличъ и онъ впалъ въ идіотство. Нельзя было полагаться на воздержанность подобныхъ контроверсистовъ; еще менѣе можно было разсчитывать, что божеское вмѣшательство всегда дастъ имъ столь спасительное предостереженіе [1]).

Смѣлость этихъ легкомысленныхъ самозванныхъ богослововъ, проникая въ священную область догмы, чрезмѣрно увеличилась, когда во второй половинѣ XIII в. появились труды Аверроеса, дѣйствительно грозившіе развратить христіанскую мысль. Подъ руками арабскихъ комментаторовъ теизмъ Аристотеля превратился въ трансцендентальный матеріализмъ, достигшій своего высшаго выраженія у послѣдняго изъ нихъ, Ибнъ Рошда или Аверроеса, умершаго въ 1198 г. Согласно системѣ Аверроеса, матерія существовала всегда, что дѣлаетъ невозможнымъ ученіе о твореніи міра. Вселенная представляетъ іерархію принциповъ, вѣчныхъ, первопачальныхъ, управляемыхъ собственными законами и неопредѣленно связанныхъ съ высшимъ единствомъ. Однимъ изъ этихъ принциповъ является активный Интеллектъ, постоянно проявляющій себя и составляющій вѣчную совѣсть человѣчества. Въ немъ—единственная форма безсмертія. Такъ какъ душа человѣка есть обломокъ коллективнаго всего, обломокъ, временно отдѣлившійся, чтобы одухотворить тѣло, то эта душа послѣ смерти снова поглощается въ активномъ Интеллектѣ вселенной. Поэтому послѣ смерти нѣтъ ни воздаяній, ни наказаній, ни чувствъ памяти, чувствительности, любви или ненависти. Тлѣнное тѣло имѣетъ способность возстановляться и, такимъ образомъ, наслаждаться матеріальнымъ безсмертіемъ въ своихъ потомкахъ; но только коллективное человѣчество безсмертно [2]). Въ глазахъ людей, которые сдѣлали изъ Рая и Воскресенія такое матеріальное представленіе, какъ Swarga брахмановъ или небеса Kama Loka буддистовъ, это коллективное и нематеріальное безсмертіе дѣйствительно равнялось уничтоженію, какъ Moksha или Nirvana; поэтому на аверроистовъ повсюду смотрѣли, какъ на матеріалистовъ.

Подобныя теоріи вели неизбѣжно къ самому полному индифферентизму въ отношеніи религіозныхъ обрядовъ; однако, спасительное опасеніе зарождавшагося тогда мусульманскаго фанатизма, вліяній котораго не могъ избѣгнуть Аверроесъ, сдѣлало его благоразумнымъ въ его нападкахъ на принятую религію. «Спеціальная религія философовъ, говоритъ онъ, состоитъ въ томъ, чтобы изучать то, что существуетъ, ибо самое тонкое почитаніе, которое можно оказать Богу, есть созерцаніе Его твореній, которое ведетъ насъ къ познанію Творца во всей его реальности. Это въ глазахъ Бога одно изъ самыхъ славныхъ дѣйствій, тогда какъ самое худшее дѣйствіе это осуждать въ заблужденіи или въ предубѣжденіи того, кто воздастъ Богу это почитаніе, болѣе славное, чѣмъ какое-либо

[1]) D'Argentré, I. I, 275, 285—90, 323—30, 337—40; I. II. 249, 255.—R. Lullii «Lamentatio Philosophiae» («Opera», изд. 1651 г., стр. 112).—Erasmi «Encomium Moriae» (изд. 1828 г., Лейпцигъ, стр. 365).—Maimonides, «Guide des Egarés», P. III, ch. XXI (Перев. Munk'a, III, 155).—Matt. Paris, ann. 1201 (изд. 1644 г., стр. 144).

[2]) Renan, «Averrhoès et l'Averrhoisme», 3 изд. 1886 г., стр. 152—3, 155—60, 168.

Библиотека "Руниверс"

другое, того, кто почитаетъ Бога согласно этой религіи, лучшей изъ всѣхъ религій». Въ то же время онъ смотрѣлъ на установленныя религіи, какъ на прекрасное средство для морализаціи. Всякій, кто сѣетъ въ народѣ сомнѣнія относительно національной вѣры, еретикъ, котораго нужно наказать, какъ такового, примѣнивъ къ нему наказанія, предписанныя закономъ. Благоразумный человѣкъ не скажетъ ни одного слова, враждебнаго національной религіи, и тщательно будетъ избѣгать двусмысленно говорить толпѣ о Богѣ. Когда нѣсколько религій приходятъ въ столкновеніе, нужно избрать болѣе достойную; а такъ какъ всѣ религіи человѣческаго происхожденія, то выборъ между ними дѣло взгляда или политическихъ соображеній; но это политическое соображеніе, не говоря уже о всякой другой побудительной причинѣ, должно было бы помѣшать Аверроесу произнести фразу, обыкновенно приписываемую ему: «Христіанская вѣра невозможна; вѣра іудейская — религія дѣтей; вѣра Ислама—религія поросятъ» [1]).

Еще труднѣе дать какую-нибудь вѣру распространенному преданію, которое приписываетъ ему знаменитыя слова о Моисеѣ, Іисусѣ Христѣ и Магометѣ: «это три обманщика, обольстившіе человѣческій родъ». Это заявленіе сдѣлалось удобной формулой, при помощи которой Церковь пугала вѣрныхъ, приписывая ее послѣдовательно всѣмъ противникамъ, которыхъ хотѣла она дискредитировать. Ѳома Брабантскій приписываетъ ее Симону Турнэ, который за это нечестіе былъ въ 1201 г. разбитъ параличемъ. Когда Григорій IX въ 1239 г. предъ лицомъ всей Европы обвинялъ Фридриха II, то онъ не задумался заявить, что авторомъ этихъ словъ былъ императоръ, и Фридрихъ поторопился доказать самымъ торжественнымъ образомъ ложность обвиненія. Приписывали также это богохульство среди другихъ словъ подобнаго же рода доминиканскому вѣроотступнику Ѳомѣ Скоту, осужденному и заключенному въ тюрьму въ Португаліи. Эта фраза, такимъ образомъ держалась въ теченіе столѣтій, такъ что даже увѣрились въ существованіи нечестивой книги подъ заглавіемъ De Tribus Impostoribus, авторство которой послѣдовательно приписывалось Петру Винеисъ, Боккаччіо, Поджіо, Маккіавелли, Эразму, Сервэ, Бернардино Окино, Рабле, Петру Аретинскому, Стефану Долэ, Франческо Пуччи, Мюрэ, Ванини и Мильтону. Шведская королева Христина тщетно разыскивала эту книгу по всѣмъ библіотекамъ Европы; сочиненія этого нигдѣ не могли найти, пока въ XVIII в. разные писатели низшаго разряда не опубликовали томы подъ этимъ заглавіемъ, чтобы удовлетворить общее любопытство [2]).

Однако, введеніе аверроизма въ центральную Европу было, быть можетъ, дѣломъ Фридриха II. Въ Испаніи ученіе это было настолько господствующимъ, что около 1260 г. Альфонсъ X дѣлитъ ереси на два главныхъ разряда, изъ которыхъ наиболѣе опасенъ отрицающій безсмертіе души и награды и наказанія въ будущей жизни. Въ 1291 г. Таррагонскій соборъ приказалъ карать всякаго, кто не вѣритъ въ загробную жизнь. Когда Михаилъ Скотъ понесъ ко двору Фридриха II свои переводы Аристотеля и Аверроеса, то онъ вышелъ изъ Толедо. Онъ нашелъ самый радушный пріемъ у императора, котораго ненасытная жажда знаній и умѣренное уваженіе къ обрядамъ влекли къ этимъ источникамъ новой философіи. По всей вѣроятности, эти переводы составляли поклажу аристотелизма, которую Фридрихъ распредѣлилъ между университетами Италіи. Германъ Алеманнъ продолжалъ въ Толедо дѣло Скота и принесъ другіе переводы Манфреду, наслѣднику

---

[1]) Renan, op, cit. 22, 29—36, 167—9, 297.

[2]) Th. Cantimpr. «Bonum Universale», lib. II, c. 47. Watt. Paris, ann. 1238. — Hist. Diplom. Fridr. II. T. V, 339, 349.—Pelayo, «Heterodoxos Españoles», I, 507—8, 782—3.

Одно изъ апокрифическихъ сочиненій «Traité des Trois Imposteurs», изданное въ Иверданѣ въ 1786 году, было вдохновлено данными пантеизма, при чемъ въ немъ сказывается нѣкоторая ученость. Авторъ, хотя и цитируетъ Декарта, но неловко старается представить свое сочиненіе, какъ переводъ трактата, посланнаго Фридрихомъ II Оттону Баварскому.

Библиотека "Руниверс"

отцовскихъ вкусовъ, такъ что около половины вѣка главные труды Аверроеса были предоставлены въ распоряженіе всѣхъ ученыхъ [1]).

Потокъ этихъ идей распространялся съ почти невѣроятной быстротой. Уже въ 1243 г. епископъ Парижа Вильгельмъ Оверискій и магистры университета осудили цѣлый рядъ схоластическихъ заблужденій, которыя, не будучи вполнѣ связаны съ аверроизмомъ, являли своей смѣлой независимостью зарождавшееся вліяніе арабской философіи. Въ 1247 г. епископъ Фраскати папскій легатъ Отто осудилъ Жана де Брескена за нѣкоторыя еретическія умозрѣнія относительно свѣта и матеріи; Жанъ былъ изгнанъ изъ Парижа, ему запрещено было преподавать, вступать въ споры или жить въ мѣстѣ, гдѣ было учебное заведеніе. Въ это же время извѣстный магистръ Раймундъ, который былъ заключенъ въ тюрьму за свои ложныя мнѣнія, былъ пойманъ на мѣстѣ преступленія мятежа и снова по распоряженію университета заключенъ въ тюрьму. Отнынѣ было запрещено логикамъ заниматься богословіемъ, а богословамъ заниматься логикой,—что было обычно среди этихъ людей. Эта мѣра не имѣла большого дѣйствія, равно какъ и усилія Альберта Великаго и Ѳомы Аквината, посвятившихъ всю тонкость своей діалектики на то, чтобы помѣшать распространенію этихъ опасныхъ ученій. Бонавентура также обличалъ легкомысленную философію, отрицавшую безсмертіе души и утверждавшую единство разума и вѣчность матеріи; это показываетъ намъ, что францисканцы и доминиканцы умѣли объединяться, чтобы бороться противъ общаго врага. Въ 1270 г. парижскій епископъ Стефанъ Тампье былъ призванъ осудить цѣлыхъ тринадцать заблужденій, явно связанныхъ съ аверроизмомъ и нашедшихъ себѣ защитниковъ среди схоластиковъ. Эти ученія утверждали, что разумъ всѣхъ людей тожественъ и одинъ во множествѣ, что человѣческой волей руководитъ необходимость, что міръ вѣченъ, что никогда не было перваго человѣка, что душа погибаетъ одновременно съ тѣломъ и недоступна матеріальному огню, что Богъ не знаетъ вещей, свойственныхъ отдѣльнымъ личностямъ, что онъ знаетъ только одну свою сущность и не можетъ дать безсмертія и нетлѣнія тому, что смертно и тлѣнно [2]).

Это осужденіе имѣло не больше успѣха, чѣмъ предшествующія попытки. Въ 1277 г. сочли нужнымъ сослаться на авторитетъ Іоанна XXI, въ силу котораго епископъ Тампье осудилъ девятьсотъ девятнадцать заблужденій, по большей части тожественныя съ тѣми, которыя онъ уже осудилъ, или извлеченныя путемъ дедукціи изъ этихъ положеній и стремившіяся создать систему матеріализма и фатализма. Смѣлые успѣхи свободной мысли сказались въ ясно опредѣлившемся антагонизмѣ между философіей и теологіей. Въ силу этого ученія философъ, дѣйствительно, долженъ отрицать сотвореніе міра, такъ какъ онъ основывается только на естественныхъ фактахъ, но вѣрующій можетъ признавать сотвореніе, такъ какъ онъ обращается къ явленіямъ сверхъестественнымъ; слова богослововъ основываются на баснях, и богословіе — наука, которой не стоитъ заниматься, ибо философы мудры, а христіанская вѣра мѣшаетъ прогрессу знанія. Молитва, естественно, безполезна; умный человѣкъ не будетъ интересоваться своими похоронами; но можно ходить на исповѣдь, чтобы соблюсти внѣшнюю обрядность. Аверроистическая теорія вселенной и небесныхъ сферъ была воспроизведена полностью такъ же, какъ и вліяніе планетъ, управляющихъ волею и судьбою людей; это были ереси, дорого обошедшіяся, какъ мы видѣли, Петру д'Абано и Чекко Асколи. Кромѣ того, въ этомъ рядѣ положеній мы находимъ ученіе, что каждыя тридцать шесть лѣтъ небесныя тѣла принимаютъ свое прежнее положеніе въ отношеніи другъ друга, вызывая такимъ образомъ повтореніе того же ряда событій [3]).

---

[1]) Partidas, P. VII, Tit. XXVI, I, 1.—Concil. Tarraconens. ann. 1291, c 8 (Martène, «Ampliss. Coll.» VII, 294).—Renan, op. cit. 205—16.

[2]) Matt. Paris, ann. 1243 (стр. 415).—S. Bonaventurae «Sermo de Decem Praeceptis», II («Opera», Venetiae, 1584, II, 617).—D'Argentré, I. I, 158—9, 186—8,

[3]) D'Argentré, I. I, 177—83.

Библиотека "Руниверс"

Около этого же времени Кентерберійскій архіепископъ Робертъ Кильварби вмѣстѣ съ магистрами Оксфорда осудилъ нѣкоторыя заблужденія, происходившія, очевидно, изъ того же источника, но не подтверждавшія такъ категорически матеріализма. Это осужденіе было подтверждено въ 1284 г. архіепископомъ Пекгамомъ (Peckham); но единственными наказаніями, наложенными при этомъ, были: для магистра увольненіе отъ должности, а для студента исключеніе безъ права полученія ученой степени. Эти пункты были присоединены къ тѣмъ, которые осудилъ епископъ Тампье; всѣ они вмѣстѣ получили широкую гласность, если судить по числу рукописей, въ которыхъ встрѣчаются эти ученія. Въ нихъ продолжали видѣть источникъ дѣйствительныхъ опасностей для Церкви, какъ это видно изъ обычая, сохранявшагося въ теченіе XV и XVI в.в., печатать эти пункты въ концѣ четвертой книги Sententiae; мы находимъ ихъ также въ изданіяхъ Ѳомы Аквината, Дунса Скота и Бонавентуры [1]).

Однако, послѣ смерти епископа Тампье эти статьи вызвали многочисленныя жалобы; говорили, что онѣ стѣсняютъ свободу диспутовъ, и по этому поводу возникъ серьезный споръ. Въ дѣйствительности, было почти невозможно, чтобы такой длинный списокъ заблужденій, изъ которыхъ многія были доступны пониманію только ума, привычнаго къ схоластикѣ, не заключалъ бы въ себѣ ученій, которыя считались истинными теологіей, ставшей настолько сложной, что она сдѣлалась недоступной уму и памяти средняго человѣка. Были чрезвычайно взволнованы открытіемъ, что нѣкоторые изъ пунктовъ нападали на положенія, которыя защищалъ самъ Ѳома Аквинатъ; а другіе находились въ противорѣчіи съ Вильгельмомъ Оккамомъ и Жаномъ де Пуальи. Впрочемъ, опасности, угрожавшія ученому богослову въ этой діалектической войнѣ, ясно выразились въ случаѣ съ Doctor Fundatissimus, Эгидіемъ Колонна, болѣе часто называемымъ Эгидіемъ Римскимъ. Не было болѣе горячаго и болѣе дѣятельнаго противника аверроизма, и составленный имъ списокъ этихъ заблужденій долгое время продолжалъ служить основаніемъ для осужденій, предметомъ которыхъ онъ былъ. Тѣмъ не менѣе, онъ перевелъ комментарій на Аристотеля и въ 1285 г. былъ обвиненъ въ Парижѣ въ томъ, что поддерживалъ нѣкоторыя заблужденія, осужденныя въ 1277 г. Послѣ долгихъ споровъ дѣло было перенесено на судъ Святого Престола, и Гонорій IV снова отправилъ виновнаго на судъ Парижскаго университета, которому поручено было вынести рѣшеніе. Эгидію удалось снискать себѣ такое расположеніе Филиппа Красиваго, наставникомъ котораго онъ былъ, что послѣдній выставилъ его кандидатомъ на большую епископскую каѳедру Буржа [2]).

Въ концѣ XIII и въ началѣ XIV в. самымъ видным лицомъ въ борьбѣ противъ Аверроеса былъ Раймундъ Люлль (Lulle), котораго Ренанъ весьма удачно называетъ героемъ этого крестоваго похода. Люллизмъ имѣетъ такое огромное значеніе, что мы ..же остановимся на немъ спеціально. Никакое усиліе не могло разрушить эту философію, представлявшую такъ много привлекательнаго для возрождавшейся энергіи человѣческой мысли. Образовывалась признанная школа аверроистовъ, ученія которыхъ были, по всей вѣроятности, введены въ Падуанскій университетъ Петромъ д'Абано и продолжали тамъ господствовать до XVII ст. Принялъ ихъ также и Болонскій университетъ. Сотрудникъ Марсиліо Падуанскаго Жанъ де Жандёнъ былъ аверроистомъ-раскольникомъ, подобно Вальтеру Бурлею (Burleigh), Буридану и ученикамъ Оккама. Умершій въ 1346 г., генералъ кармелитовъ Жанъ де Баконторпъ кичился титуломъ Князя Аверроистовъ, и благодаря ему запрещенная философія стала традиціонной въ орденѣ. Эти люди могли не признаваться самимъ себѣ въ опасномъ безвѣріи, скрывавшемся въ глубинѣ этихъ излюбленныхъ теорій; но когда эти вѣрованія, распространяясь въ народѣ, обнажились

[1]) D'Argentré, I. I, 185, 212—13, 234,

[2]) D'Argentré, I. I, 214—15, 235—6.—Renan, op. cit, 467—70,—Eymeric. 238, 241.

Библиотека "Руниверс"

отъ хитроумной діалектики школъ, то они привели къ довольно недвусмысленному матеріализму. Данте описываетъ намъ часть ада, гдѣ находится «кладбище тѣхъ, кто вмѣстѣ съ Эпикуромъ и всѣми его учениками желаетъ, чтобы душа умирала одновременно съ тѣломъ».

«Suo cimitero da questa parte hanno
Con Epicuro tutti i suoi seguaci
Che l'anima col corpo morta fanno».

(Inferno, X).

Большое число лицъ, которыхъ онъ помѣщаетъ въ этомъ мѣстѣ, показываетъ, что аверроизмъ, въ болѣе простой формѣ, открыто проповѣдывался людьми высокопоставленными. Нѣкоторыя дѣла, разсмотрѣнныя Инквизиціей Каркассона и Памье въ первую четверть XIV ст., показываютъ, что даже и въ низшихъ классахъ эти вѣрованія не были неизвѣстны. Негодованіе Петрарки показываетъ, насколько около половины столѣтія этотъ индифферентизмъ былъ распространенъ и въ ходу въ венеціанскихъ провинціяхъ, гдѣ нѣкоторые не стѣснялись открыто смѣяться надъ Христомъ и считать Аверроеса источникомъ всякой мудрости. Во Флоренціи же это философское презрѣніе къ догмѣ сдѣлалось традиціоннымъ, и Боккаччіо отражаетъ его въ своемъ разсказѣ «Три Кольца», гдѣ еврей Мельхиседекъ въ остроумной притчѣ показываетъ Саладину, что всѣ три религіи должны быть поставлены на одну доску и имѣютъ равное право на уваженіе. Въ Испаніи, гдѣ, впрочемъ, мало занимались философіей, традиція мавровъ, повидимому, сохранила аверроизмъ. Возставшіе дворяне, которые въ 1464 г. представили королю Генриху IV свои сѣтованія, объявляютъ этого монарха подозрительнымъ въ вѣрѣ, такъ какъ онъ окружаетъ себя врагами католицизма и лицами, которыя, будучи христіанами по имени, хвастаются своимъ невѣріемъ въ безсмертіе души [1]).

Такимъ образомъ аверроизму удалось завоевать себѣ мѣсто. Одной изъ непонятныхъ задачъ исторіи представляется вопросъ, почему Инквизиція, столь неутомимая въ подавленіи менѣе тяжелыхъ заблужденій, оставляла безнаказанными умозрѣнія, которыя не только подкапывали основаніе христіанской вѣры, но и явно содержали отрицаніе всѣхъ ученій, на которыхъ покоились богатство и могущество іерархіи. Даже Парижскій университетъ, этотъ неусыпный стражъ католической вѣры, въ концѣ XIV в., повидимому, воздерживался осуждать аверроизмъ и заключенія, построенныя на его ученіи, хотя часто принималъ рѣшенія противъ незначительныхъ заблужденій схоластиковъ. Однако, въ глазахъ Герсона Аверроесъ всегда оставался самымъ дерзкимъ противникомъ вѣры, человѣкомъ, осудившимъ всѣ религіи, какъ дурныя, и считавшимъ христіанскую религію худшей изъ всѣхъ, такъ какъ вѣрные ежедневно пожираютъ ихъ Бога; въ аллегорическихъ картинахъ Орканьи, Траини, Таддео Гади и ихъ послѣдователей Аверроесъ обыкновенно является олицетвореніемъ мятежнаго невѣрія [2]).

Со времени Петра д'Абано аверроизмъ далъ перваго мученика только въ 1512 г. въ лицѣ Германа Рисвика (Rysvick). Онъ былъ осужденъ въ 1499 г. за то, что проповѣдывалъ матеріалистическія ученія, утверждая, что матерія не была сотворена и существовала вѣчно вмѣстѣ съ Богомъ, что душа умираетъ вмѣстѣ съ тѣломъ, что добрые и злые ангелы не были созданы Богомъ. Онъ отрекся и былъ подвергнутъ пожизненному тюремному заключенію; но онъ бѣжалъ и продолжалъ упорно проповѣдывать свои заблужденія. Въ 1512 г. его снова арестовали, и инквизиторъ де Ла Гэ (La Haye)

[1]) Renan, op. cit. 318—20, 322, 325, 339, 342, 345—6.—Molinier, «Études sur quelques manuscrits des Bibliothèques d'Italie», 103.—Petrarchi «Lib. sine Titulo» Epist. XVIII; Ejusd. «contra Medicum», lib. II (изд. Basil. 1581 г., стр. 1098).—«Decamerone», Giorn. I, Nov. 3,—Marina, «Théorie des Cortès», перев. Флёри, Парижъ, 1822 г., II, 515.

[2]) Gerson, «Sup. Magnificat.» Tract. IX (изд. 1489 г., fol. 89, 91).—Renan, op. cit, 314.

Библиотека "Руниверс"

не задумался выдать его, какъ рецидивиста, въ руки свѣтской власти, и Германъ былъ сожженъ [1]).

Въ сѣверной Европѣ, гдѣ схоластическое богословіе вело смертельную борьбу противъ гуманизма, подобная строгость нисколько не является неожиданной; но иначе шли дѣла въ Италіи, гдѣ науки уже давно взяли верхъ надъ вѣрой. Зараза культуры, философіи, изящнаго язычества охватила всѣ высшіе классы общества. Разные папы, широко образованные и будучи скорѣе князьями свѣтскими, чѣмъ намѣстниками Христа, гордившіеся покровительствомъ схоластикамъ, могли пренебречь государственными дѣлами, чтобы приказать сжечь несчастныхъ колдуній, но не для того, чтобы осудить заблужденія философовъ, украшавшихъ ихъ дворъ. Но если Римъ желалъ остаться повелителемъ міра при господствѣ Возрожденія наукъ, то онъ не имѣлъ права показывать себя небрежнымъ въ дѣлѣ подавленія стремленій и умозрѣній, дорогихъ схоластикамъ и философамъ [2]). Борьба была поднята и проиграна въ дѣлѣ Лоренцо Валлы. Правда, Лоренцо написалъ свою задорную критику на Даръ Константина около 1440 г. въ Неаполѣ, когда Альфонсъ I былъ въ ссорѣ съ Евгеніемъ IV; тѣмъ не менѣе, такъ какъ онъ не хотѣлъ отречься отъ принциповъ, на которыхъ была основана свѣтская власть, но утверждалъ, что папство должно быть лишено этой власти, то безнаказанность, которою онъ пользовался, является замѣчательнымъ показателемъ свободы рѣчи, допущенной въ ту эпоху. Непріятности, постигшія его, возникли изъ другого дѣла. Быть можетъ, онъ и тутъ бы избѣгъ преслѣдованія, если бы не былъ отъ природы задорнымъ спорщикомъ и если бы безжалостно не осмѣивалъ ужасный латинскій жаргонъ школъ и даже первыхъ гуманистовъ. Поэтому онъ создалъ себѣ достаточно враговъ, чтобы былъ составленъ заговоръ противъ него при неаполитанскомъ дворѣ, гдѣ Альфонсъ изучалъ подъ его руководствомъ латинскій языкъ, и онъ вскорѣ далъ своимъ врагамъ благопріятный случай. Онъ вступилъ въ споръ съ невѣжественнымъ священникомъ, утверждавшимъ, что Символъ Вѣры былъ составленъ апостолами, и споръ дошелъ до вопроса о подлинности сношеній между Христомъ и Эдесскимъ королемъ Абгаромъ. Валла составилъ списокъ затронутыхъ положеній и нанялъ залу, гдѣ разсчитывалъ защищать свои взгляды противъ всякаго желающаго; но враги его добились отъ короля запрещенія этихъ преній. Тогда Валла прибилъ къ дверямъ залы слѣдующее торжествующее двустишіе:

«Rex pacis miserans sternendas Marte Phalanges.
Victoris cupidum continuit gladium».

Въ это время вмѣшалась Инквизиція; но Альфонсъ въ силу прерогативъ неаполитанской короны положилъ конецъ преслѣдованію, и Валла былъ обязанъ дать только общія заявленія, что вѣрилъ въ то, во что вѣрила Святая Мать-Церковь; насколько это заявленіе было чистосердечно, ясно изъ слѣдующаго случая: затронутый въ одной діалектической мелочи, онъ, защищаясь, сказалъ: «И въ это я также вѣрю такъ, какъ вѣритъ наша Мать-Церковь, хотя наша Мать-Церковь не знаетъ по этому вопросу ровно ничего». Въ 1433 г.

---

[1]) D'Argentré, I. I, 342.—Alph. de Castro «adv. Haereses», lib. II, s. v. «Angelus».

[2]) У Creighton'a («History of the Popes», 333 sqq.) мы найдемъ блестящую картину вліянія, произведеннаго гуманизмомъ на политику Церкви. Одной изъ жалобъ Савонаролы было, что наука и изящная словесность до того замѣнили религію въ умахъ людей, которымъ были ввѣрены судьбы Церкви, что они сдѣлались язычниками: «Vattene a Roma e per tutto il Cristianesimo; nelle case de'gran prelati et de'gran maestri non s'attende se non a poesie e ad arte oratoria... Essi hanno introdotto fra noi le feste del diavolo; essi non credono a Dio, e si fanno beffe dei misteri della nostra religione» («Пойди въ Римъ, обойди весь христіанскій міръ; въ домахъ крупныхъ прелатовъ и великихъ магистровъ заботятся только о поэзіи и объ ораторскомъ искусствѣ... Они ввели въ нашу среду торжество діавола, они не вѣрятъ въ Бога и смѣются надъ таинствами нашей религіи). Villari, «Storia di Savonarola», изд. 1887 г., I, 197, 199.

Библиотека "Руниверс"

послѣ примиренія Альфонса съ Евгеніемъ Валла хотѣлъ отправиться въ Римъ, но это ему не удалось. Дорога открылась ему только тогда, когда друга монаховъ Евгенія смѣнилъ гуманистъ Николай V. Николай не только оказалъ ему хорошій пріемъ, но далъ ему мѣсто одного изъ своихъ секретарей и велѣлъ уплатить ему пятьсотъ дукатовъ за его переводъ Ѳукидида; а Каликстъ III далъ ему пребенду въ папской церкви Св. Іоанна Латеранскаго, гдѣ Валла былъ торжественно погребенъ. На самомъ дѣлѣ, въ эту эпоху такъ мало уважали самые священные предметы, что Энеи Сильвіо съ восхищеніемъ приводитъ, какъ примѣръ остроумія Альфонса, слѣдующій случай. Однажды королю надоѣло слушать проповѣдь сицилійскаго доминиканца брата Антоніо относительно разныхъ вопросовъ, касающихся евхаристіи, и онъ предложилъ проповѣднику слѣдующій, поставившій его въ тупикъ, вопросъ: «Одинъ человѣкъ заключилъ освященную облатку въ золотой сосудъ; открывъ сосудъ черезъ мѣсяцъ, онъ нашелъ въ немъ только червяка; такъ какъ червякъ этотъ не могъ появиться безъ зародыша изъ золота или бывшихъ тамъ украшеній, то онъ, слѣдовательно, родился изъ Тѣла Христова; но изъ субстанціи Бога можетъ произойти только Богъ, слѣдовательно, червякъ былъ Богъ». При подобной нравственной атмосферѣ было совершенно безполезно заявленіе Поджіо, врага Лоренцо, бывшаго постоянной мишенью его насмѣшекъ и клеветы, что скорѣе нужно бороться огнемъ, чѣмъ доказательствами противъ заблужденій дерзкаго критика, касающагося природы Бога и обѣта цѣломудрія. Комментарій Валлы на Новый Завѣтъ, въ которомъ авторъ на основаніи греческаго текста исправлялъ Вульгату, хотя и былъ позднѣе, въ 1559 г., включенъ Павломъ IV въ Индексъ, не былъ запрещенъ при своемъ выходѣ въ свѣтъ. Николай V видѣлъ этотъ трудъ, Виссаріонъ сотрудничалъ въ немъ, Николай Кузанскій просилъ себѣ одинъ его экземпляръ, а Эразмъ издалъ его въ 1505 г. съ восторженными похвалами, подъ покровительствомъ Христофора Фишера, папскаго протонатарія. Мы уже знаемъ отъ Бэкона, до чего искаженъ былъ текстъ Вульгаты; попытка Валлы исправить этотъ текстъ встрѣтила большія препятствія; но въ своемъ спорѣ съ Поджіо онъ одержалъ побѣду, и съ этого дня было признано право на исправленіе текста [1]).

[1]) Laurent. Vallae «in Donat. Constant. Declam.» (Fasciculus Rerum Expetendar. I, 132, изд. 1690 г.).—Bayle s. v. «Valle».—Raynald. ann. 1446, № 9.—Paramo, «de Orig. Offic. S. Inq.» 297.—Wagenmann, «Real-Encykl.» VIII, 492—3.—Creighton, «Hystory of the Popes», II, 340.—Aen. Sylvii «Comment. in Dicta et Facta Alfonsi Regis», lib. I.—Erasmi «Epist.» lib. IV, Ep. 7 lib. VII, Ep. 3.—Reuch, «Der Index der Verbotenen Bücher», I, 227.

Насколько сильное впечатлѣніе произвелъ Лоренцо Валла своей критикой Дара Константина, видно изъ рѣчи Энея Сильвія въ защиту свѣтской власти. Энеи Сильвій, въ дѣйствительности, совершенно оставляетъ въ сторонѣ Константина и основываетъ земельныя права Св. Престола на дарахъ Карла Великаго; авторитетъ папы надъ королями, говоритъ онъ, исходитъ изъ власти ключей и изъ главенства, предоставленнаго Петру (Aen. Sylvii «Opera inedita», 571—81). Однако, Церковь скоро собрала свои силы и предъявила свои старыя притязанія. Инквизиторъ Валенсіи Арнальдо Альбертино, упоминая о Дарѣ Константина, говоритъ въ 1553 году, что Лоренцо пытался подорвать его подлинность, но что всѣ остальные единогласно выступаютъ на его защиту, такъ что отрицаніе его близко подходитъ къ ереси (Arn. Albertini «Repetitio Nova», Valenciae, 1534, col. 32—3). Довольно интересно, что онъ добавляетъ, что истина подтверждена въ буллѣ Unam Sanctam, между тѣмъ, какъ это неточно (I. Extrav. Commun. Lib. I, tit. VIII): Бонифацій VIII въ своихъ притязаніяхъ ссылается на Христа, и упоминаніе о Константинѣ могло бы только ослабить вѣсъ его аргументовъ.

Язвительная и лукавая критика Валлы создала послѣ его смерти различныя эпиграммы:

«Nunc postquam manes defunctus Valla petivit,
Non audet Pluto verba Latina loqui;
Jupiter hunc coeli dignatus parte fuisset,
Censorem linguae sed timet esse suae».
«Ohe ut Valla silet, solitus qui parcere nulli est!
Si quaeris quid agat, nunc quoque mordet humum».

(Bayle, l. c.).

Библиотека "Руниверс"

Отнынѣ схоластикамъ, какими бы еретиками они ни были, нечего было бояться въ Италіи. Терпимость, проявляемая такимъ образомъ въ отношеніи самыхъ смѣлыхъ умозрѣній, даетъ широкое поле для размышленія, когда подумаешь, что въ это самое время францисканцы и доминиканцы шумно старались отправлять другъ друга на костеръ по поводу неважнаго вопроса, осталась ли, или нѣтъ, на землѣ кровь, пролитая Христомъ во время Страданій. Правда, въ 1459 г. ломбардскій инквизиторъ Джакомо Брешіанскій приговорилъ къ лишенію сана и пожизненному тюремному заключенію доктора Цанино да Сольчіа, каноника изъ Бергамо, державшагося сумасбродныхъ теорій и утверждавшаго, что уже близокъ конецъ міра, и что Богъ создалъ другой міръ, населенный людьми, такъ что Адамъ не былъ первымъ человѣкомъ. Этотъ Цанино раздѣлялъ также нѣкоторыя ученія Аверроеса: Христа на крестъ привела не любовь къ человѣчеству, а могущество планетъ, и Іисусъ, Моисей и Магометъ управляли по своему усмотрѣнію человѣческимъ родомъ. Но Пій II, утверждая приговоръ, смягчилъ его съ явнымъ намѣреніемъ исправить со временемъ чрезмѣрное рвеніе инквизитора. Вмѣшался онъ также и тогда, когда Инквизиція осудила крупнаго сановника изъ Удино, виновнаго въ прямомъ отрицаніи безсмертія, такъ какъ, по его ученію, кровь составляетъ душу; приговоръ былъ отмѣненъ, и виновному дана была возможность избѣгнуть наказанія за свою ересь публичнымъ признаніемъ своего заблужденія. Однако, Пій II проявилъ свое правовѣріе, осудивъ слабость Евгенія IV въ отношеніи Браччьо да Монтоне, кондотьера сеньора Перузы, отъявленнаго безбожника, умершаго въ 1424 г. при осадѣ Аквилы; тогда трупъ его былъ перенесенъ въ Римъ и брошенъ въ неосвященную яму, но Евгеній велѣлъ перенести его и съ почестями похоронить въ каѳедральномъ соборѣ Перузы. Еще болѣе замѣчательнымъ было дѣло сеньора Римини Джисмондо Малатесты. Это былъ высокообразованный человѣкъ, горячій послѣдователь новой философіи, выказавшій свое рвеніе тѣмъ, что перенесъ изъ Пелопоннеса и похоронилъ въ каѳедральномъ соборѣ Римини, сдѣлавъ на гробницѣ хвалебную надпись, Гемистуса Плерона, полуязычника, основателя новой философической религіи. Все это прошло бы, быть-можетъ, безнаказанно, если бы Джисмондо въ своемъ честолюбіи не сдѣлалъ попытки увеличить свои владѣнія насчетъ Папской области. Въ возникшей по этому поводу ссорѣ ученіе его, несогласное съ католичествомъ, послужило мишенью для нападокъ. Въ 1461 г. Пій II осудилъ его, какъ еретика, отрицающаго безсмертіе души, и за неимѣніемъ виновнаго на лицо сжегъ его изображеніе передъ римской толпой. Это наказаніе произвело такъ мало впечатлѣнія, что венеціанцы продолжали оставаться союзниками Джисмондо, а епископу Тревизскому пришлось потерять свою каѳедру за то, что онъ опубликовалъ папское рѣшеніе. Крестовый походъ, поднятый въ 1463 г. кардиналомъ де Теане и Фридрихомъ Урбинскимъ, имѣлъ больше успѣха; Джисмондо, лишенный почти всѣхъ своихъ владѣній, долженъ былъ смиренно просить мира. Въ это время такъ мало думали о его ереси, что ему было разрѣшено принести отреченіе черезъ уполномоченнаго и воссоединили съ Церковью, наложивъ на него достойную смѣха эпитимію—не ѣсть ничего по пятницамъ, кромѣ хлѣба и воды [1]).

Въ общемъ, какъ съ горечью замѣчаетъ Григорій Геймбургскій, менѣе опасно было спорить противъ могущества Бога, чѣмъ противъ могущества папъ; и это рѣшительно было подтверждено преслѣдованіемъ, поднятымъ Павломъ II противъ Академіи. Пій II создалъ при Куріи коллегію изъ шестидесяти abbreviatores, на обязанности которыхъ было редактировать папскія breve. Эти должности служили убѣжищемъ для нуждающихся ученыхъ людей. Біографъ папъ Платина, бывшій членомъ этой коллегіи, сообщаетъ,

[1]) Raynald. ann. 1459, № 31; ann. 1461, №№ 9, 10.—Aen. Sylvii «Opera inedita», 453, 506—7, 524, 653.—B. Platinae «Vita Pauli III».—Creighton, «History of the Popes», II, 440; III, 39.

Библиотека "Руниверс"

что философы и богословы имѣли обыкновеніе спорить о природѣ души, о существованіи Бога, о различныхъ сущностяхъ и другихъ подобныхъ вопросахъ; онъ старается оправдать дурную славу, которую навлекли на нихъ эти споры, говоря, что народъ смѣшиваетъ исканія истины съ еретическимъ сомнѣніемъ. Народъ, по всей вѣроятности, чувствовалъ себя оскорбленнымъ, видя, что подобные дебаты возникаютъ между папскими служащими; скандалъ еще болѣе увеличился, когда Помпоніо Лето основалъ въ честь Платона Академію, составленную изъ главныхъ гуманистовъ; послѣдніе почитали своего главу подъ именемъ Pontifex Maximus, приносили жертвы въ годовщину основанія Рима и замѣняли имена, данныя имъ при крещеніи, классическими. Самъ Помпоніо отказывался изучать писателей, писавшихъ позднѣе золотого вѣка латинской литературы, съ презрѣніемъ отбрасывая такимъ образомъ Священное писаніе и творенія отцовъ Церкви; ежедневно онъ преклонялъ колѣни предъ алтаремъ, посвященнымъ Ромулу. Предписаніямъ Церкви пренебрегали вызывающимъ образомъ; разсказывали, что философы открыто называли Моисея обманщикомъ, Іисуса Христа совратителемъ народа, а Магомета геніальнымъ человѣкомъ, привлекшимъ къ себѣ народы.

Всѣ эти заблужденія были бы прощены, если бы эти горячіе гуманисты покорно переносили лишеніе покровительства папъ. Однимъ изъ первыхъ дѣйствій Павла II было увольненіе извѣстнаго числа гуманистовъ, назначенныхъ Піемъ II въ коллегію abbreviatorum, вслѣдствіе некрасивыхъ слуховъ о ихъ продажности и мздоимствѣ. Гуманисты, изъ которыхъ многіе купили свои мѣста, были недовольны, видя, что ихъ такимъ образомъ лишили средствъ къ существованію; правда, имъ обѣщали возмѣстить израсходованныя ими деньги, но состояніе папской казны не позволяло имъ надѣяться, чтобы это обѣщаніе было когда-либо исполнено. Платина въ своей дерзости дошелъ даже до того, что требовалъ, чтобы папа представилъ ихъ права на судъ аудиторовъ Роты; ему было отказано въ просьбѣ на основаніи несоблюденія формальностей. Эти ученые такъ много придавали себѣ значенія, что Платина имѣлъ невѣроятную дерзость написать папѣ Павлу, угрожая ему обращеніемъ къ князьямъ христіанскаго міра, чтобы они собрали по этому вопросу соборъ. Послѣ Констанца и Базеля было опасно говорить папѣ о соборѣ, и Платина тотчасъ же былъ арестованъ по обвиненію въ измѣнѣ и брошенъ въ тюрьму, гдѣ онъ томился въ теченіе четырехъ зимнихъ мѣсяцевъ въ цѣпяхъ и безъ огня, послѣ чего его освободили по просьбѣ одного кардинала Гонзаго. Все это, конечно, не могло создать согласія между Павломъ и гуманистами; не трудно представить, съ какою свободою послѣдніе пустили въ обращеніе эпиграммы и сатиры, направленныя противъ папы; пропасть увеличивалась все болѣе и болѣе. Но если гуманистовъ отдавали голодной смерти, то ихъ не безпокоили до самаго того дня, когда въ началѣ 1468 г. Павелъ узналъ, что члены Академіи составили заговоръ, чтобы предать его смерти и убить всѣхъ священниковъ города. Нѣтъ ничего невозможнаго, что сумасбродное восхищеніе древностью вызвало попытку возстановить римскую свободу; положеніе же Италіи было таково, что подобный проектъ могъ вызвать большіе безпорядки. Павелъ чрезвычайно обезпокоился и велѣлъ немедленно заключить въ тюрьму подозрѣваемыхъ заговорщиковъ. Несчастный Платина, находившійся среди нихъ, разсказалъ о безпрерывныхъ пыткахъ, которымъ въ теченіе двухъ дней подвергалось до двадцати этихъ несчастныхъ, между тѣмъ какъ Помпоніо, бывшій въ то время въ Венеціи, былъ приведенъ въ Римъ, какъ новый Югурта. Не было открыто никакихъ доказательствъ измѣны, но виновныхъ держали въ теченіе цѣлаго года подъ запрещеніемъ, а въ концѣ концовъ, чтобы дать дѣлу нѣкоторое правдоподобіе, ихъ обвинили, въ виду возбужденныхъ ими повсюду споровъ, въ ереси и въ преніяхъ относительно безсмертія души и почитанія Платона. Кротость, съ которой относились къ заблужденіямъ подобнаго рода, сказалась, въ концѣ концовъ, въ томъ фактѣ, что всѣ они были оправданы по обвиненію въ ереси, и хотя Павелъ запретилъ изученіе языческихъ

Библиотека "Руниверс"

поэтовъ въ школахъ и закрылъ Академію, запретивъ даже упоминать ея имя, тѣмъ не менѣе его преемникъ Сикстъ IV, покровитель наукъ, разрѣшилъ возстановленіе Академіи и, основавъ Ватиканскую библіотеку, назначилъ Платину библіотекаремъ [1]).

Вѣротерпимость, которою пользовалось, такимъ образомъ, язычество этихъ горячихъ послѣдователей Возрожденія наукъ, произвела среди нихъ интересное уклоненіе религіознаго чувства, которое, хотя и не имѣло очень большого вліянія на народныя массы, тѣмъ не менѣе было не менѣе опасно для вѣры, чѣмъ ученія, уничтоженныя Петромъ Мученикомъ и Францискомъ Борелемъ. Платоникъ Марсиліо Фичино, очевидно, самъ считалъ себя и считался всѣми вообще однимъ изъ борцовъ христіанства и самымъ достойнымъ сыномъ Церкви, однако, онъ держалъ лампу, зажженную въ честь Платона, котораго онъ часто называлъ Моисеемъ греческаго языка. Всѣ религіи онъ ставилъ на одинъ уровень. Поклоненіе богамъ языческой древности было поклоненіемъ истинному Богу, а не почитаніемъ демоновъ, какъ думала Церковь. Въ Елиссейскихъ Поляхъ Марсиліо видѣлъ рай, въ царствѣ Гадеса—чистилище. Зороастръ, Орфей, Гермесъ Трисмегистъ, Сократъ, Платонъ и Виргилій были пророки, на свидѣтельства которыхъ онъ ссылался для доказательства божественности Христа. Критонъ подтверждаетъ евангеліе и заключаетъ въ себѣ элементы религіи. Даже неоплатоники, Плотинъ, Проклъ и Ямвлихъ, представляются имъ, какъ защитники вѣры, которую при жизни такъ горячо опровергали. За ученіе, гораздо менѣе опасное, чѣмъ это, сотни людей поставлены были въ необходимость избирать между отреченіемъ и костромъ, а Марсиліо почитался однимъ изъ свѣтилъ своего времени. Правда, онъ избѣгъ заблужденій аверроизма, но такъ какъ къ этимъ заблужденіямъ относились также терпимо, то его безнаказанность не была вызвана этимъ. Придавая огромное значеніе астрологіи, онъ полагалъ, что планеты сами въ себѣ не имѣютъ могущества; онѣ имѣютъ только значеніе указателей; и если онѣ предвѣщаютъ будущее своимъ правильнымъ обращеніемъ, то это служитъ доказательствомъ, что дѣла людей не предоставлены слѣпому случаю, а управляются Провидѣніемъ. Поэтому характеръ человѣка скорѣе является результатомъ наслѣдственности и воспитанія, чѣмъ обусловливается положеніемъ планетъ. Изъ всѣхъ свидѣтельствъ, данныхъ Марсиліо относительно неясности и сбивчивости религіозныхъ идей въ эпоху Возрожденія, самымъ интереснымъ, быть можетъ, является письмо его къ графу Вюртембергскому Эбергарду, въ которомъ онъ серьезно доказываетъ, что не слѣдуетъ поклоняться солнцу, какъ Богу. Въ извѣстныхъ отношеніяхъ онъ былъ болѣе вѣренъ католицизму, чѣмъ большинство его собратій эпохи Возрожденія, такъ какъ онъ вѣрилъ въ безсмертіе души и защищалъ это вѣрованіе въ потребовавшемъ много труда трактатѣ; но онъ не могъ убѣдить своего любимаго ученика Михаила Меркато, съ которымъ онъ заключилъ условіе, что тотъ изъ двухъ, кто умретъ первый, долженъ придти сказать другому, есть ли загробная жизнь. Однажды утромъ Меркато былъ разбуженъ стукомъ копытъ лошади и услышалъ голосъ, звавшій его; онъ подбѣжалъ къ окну, и всадникъ крикнулъ ему: «Меркато, это правда!» И въ этотъ самый моментъ умеръ Марсиліо [2]).

---

[1]) Gregor. Heymburg. «Confut. Primatus Papae» («Fascic. Rer. Expetend.» II, 117). — B. Platinae «Vita Pauli II».—Cantù, op. c. I, 186—7, 198.—Pastor, «Geschichte der Päpste», 2-е изд. T. II, 302—332, 695, 704—10.

Creighton («History of the Popes», III, 276 sqq.) опубликовалъ по одной кембриджской рукописи интересную корреспонденцію между Помпоніемъ, заключеннымъ въ замкѣ Святого Ангела, и его тюремщиковъ Родриго де Аревало, бывшимъ позднѣе епископомъ Заморы. Здѣсь мы видимъ, какъ слабы были эти платоники предъ лицомъ лишеній и дѣйствительныхъ страданій.

[2]) Marsil. Ficin. «Epist.» Lib. VIII, XI, XII. («Opera», ed. 1561, I, 866—7, 931, 946, 962—3); «de Christ. Relig.» c. 11, 13, 22, 24, 26 (I, 15, 18, 25, 29); «De Vita Caelitus comparanda» lib.

Библиотека "Руниверс"

Обыкновенно хотѣли видѣть исключеніе изъ этой терпимости въ дѣлѣ Маттео Пальміери Пизанскаго, который будто бы былъ сожженъ въ 1483 г. за то, что въ своей поэмѣ La Città di Vita утверждалъ, что души людей суть ангелы, не принявшіе участія въ мятежѣ Сатаны. На самомъ же дѣлѣ, если Инквизиція и осудила его книги, самъ авторъ никогда не подвергался преслѣдованію; онъ былъ съ почестями погребенъ во Флоренціи, и его портретъ работы Сандро Боттичелли былъ помѣщенъ на алтарѣ въ церкви Св. Петра Maggiore [1]).

Но не всегда было благоразумно очень-то разсчитывать на расположеніе, проявленное къ гуманизму. Это можно видѣть на примѣрѣ Пико делла Мирандола, чудѣ своего времени, который въ 1487 г., едва достигнувъ двадцати четырехъ лѣтъ, опубликовалъ девятьсотъ положеній, предлагая защищать ихъ въ Римѣ передъ всякимъ, кто явится, причемъ обязывался заплатить путевыя издержки схоластиковъ, которые придутъ для этого изъ отдаленныхъ странъ. Этотъ списокъ былъ въ дѣйствительности работою de omni scibili, заключавшей въ себѣ все, что могли знать въ ту эпоху въ богословіи, въ философіи, въ наукѣ до тайнъ Востока. Это было, несомнѣнно, высокомѣріе молодого ученаго, вызвавшее вражду къ нему и заставившее его враговъ поднять вопросъ о его вѣрности католической религіи; не трудно было въ такой массѣ опредѣленій найти двѣнадцать или тринадцать положеній, отзывавшихся ересью. Для насъ—сказать, что вѣра не зависитъ отъ воли, кажется настоящимъ truizmомъ; быть можетъ, мы затруднимся рѣшить положительно, сходилъ ли Христосъ въ адъ тѣлесно или просто въ своемъ могуществѣ; мы, быть можетъ, согласимся съ Пико, что смертный грѣхъ, какъ конечный и предѣльный, не долженъ влечь безконечнаго и безпредѣльнаго наказанія; но мы добровольно не пустимся въ пустыя разысканія относительно тайны пресуществленія. Эти умозрѣнія самонадѣяннаго философа были осуждены, какъ еретическія, богословами, которымъ Иннокентій VIII поручилъ ихъ изслѣдовать: «Этотъ молодой человѣкъ, сказалъ папа, хочетъ дурно кончить и быть въ одинъ прекрасный день сожженнымъ, чтобы подобно многимъ другимъ опозорить себя навѣки». Пико побуждали сопротивляться и породить расколъ, но онъ былъ очень далекъ отъ этой мысли. Онъ бѣжалъ; полагали, что онъ скрылся въ Испаніи, и Иннокентій въ 1487 г. послалъ бреве Фердинанду и Изабеллѣ, въ которомъ изображалъ Пико мятежнымъ еретикомъ, который подъ предлогомъ оправданія въ своихъ заблужденіяхъ выступилъ, наоборотъ, съ ихъ защитой, и поэтому его слѣдуетъ арестовать и принудить къ отреченію, гдѣ бы его ни открыли. Въ концѣ концовъ, онъ былъ вынужденъ изъявить полную покорность и такимъ путемъ получилъ отъ Александра VI въ 1493 г. буллу, подтверждавшую его правовѣріе и запрещавшую Инквизиціи преслѣдовать его. Впрочемъ, онъ не имѣлъ никакого желанія продолжать безуспѣшную борьбу противъ Святого Престола. Послѣдніе годы своей жизни онъ провелъ въ усердномъ изученіи Свящ. писанія; однажды онъ предположилъ, что долженъ исполнить нѣкоторый подвигъ, а именно—босымъ обойти Европу, проповѣдуя слово Божіе; затѣмъ, измѣнивъ свое желаніе, онъ рѣшилъ вступить въ орденъ доминиканцевъ; но всѣ эти проекты были разрушены преждевременной смертью. Онъ умеръ отъ горячки тридцати двухъ лѣтъ отъ роду и въ послѣднюю минуту своей жизни былъ вознагражденъ явленіемъ Св. Дѣвы [2]).

III, c. 1, 2 (I, 532—3); «In Platonem» (II. 1390); «In Plotinum» c. 6, 7, 12, 15 (II, 1620—22, 1633, 16 6).—Cantù, l. c. I, 179.

Однако, Марсиліо приписалъ лихорадку и дезинтерію вліянію Сатурна въ мансіи Рака, такъ какъ Сатурнъ послѣ его рожденія совершилъ часть своего восхожденія; выздоровленіе же свое онъ приписалъ обѣту, данному Св. Дѣвѣ.—«Epist.» (Opera, I, 644, 733).

[1]) D'Argentré I. II, 250.—Cantù, l. c. I, 182; III, 699—700.

[2]) Pico della Mirandola, «Vita», «Conclusiones», «Apologia» Alexandr. PP. VI. «Bull. Omnium Catholicor.» («Op.» Basil. 1572).—Boletin de la R. Academia de la Historia, T. XVI, 315.—Nic. Antonio, «Bibliotheca Hispan. «Vet.» T. II, 327 (изд. 1788 г.).—Villanueva, «Viage Literario», T. XVI, 43.

Библиотека "Руниверс"

Интересно противопоставить этой исключительной строгости терпимость, которую проявляли въ отношеніи аверроизма. Левъ X на Латеранскомъ соборѣ 21-го декабря 1513 г., несомнѣнно, получилъ утвержденіе буллы, въ которой онъ жаловался на распространеніе ученія, гласившаго, что душа смертна, и что существуетъ одна душа, общая всему человѣческому роду. Онъ осудилъ также мнѣнія, утверждавшія, что земля вѣчна и что душа не имѣетъ формы тѣла; запрещая преподавать въ школахъ эти теоріи, онъ спеціально указываетъ на остроумный пріемъ, который употребляли профессора и который состоялъ въ томъ, что они двусмысленно разбивали эти ученія съ цѣлью довести слушателей до убѣжденія, что они истинны. Мало того, назначая въ 1520 г. генеральнымъ инквизиторомъ Ломбардіи магистра Леонарди Кривелли, папа спеціально обращаетъ его вниманіе на людей, которые пытаются узнать больше, чѣмъ надо, и которые питаютъ дурныя мысли въ отношеніи Святого Престола; инквизиторъ долженъ наказывать этихъ виновныхъ, широко примѣняя пытку, одиночное заключеніе и другія наказанія, и долженъ внести въ папскую канцелярію все, что будетъ получено съ нихъ путемъ конфискацій, каковы бы ни были ихъ положеніе или санъ. Однако, споры относительно положеній аверроистической философіи были любимымъ удовольствіемъ полуязычниковъ философовъ, наполнявшихъ дворъ Льва; эти люди полагали, что для охраненія себя отъ ударовъ Инквизиціи достаточно представить одновременно тезу и антитезу, признать вопросы неразрѣшимыми для человѣческаго ума и заключить лицемѣрнымъ подчиненіемъ Церкви. Таковы были пріемы, къ которымъ прибѣгалъ Помпонацію (1443—1525 г.г.); благодаря ему аверроизмъ сдѣлался еще болѣе популярнымъ, хотя философъ и поднималъ на смѣхъ Аверроеса и называлъ его Alexandrinus, по комментатору Аристотеля Александру Афродисіасу, у котораго Аверроесъ много позаимствовалъ. Между прочимъ, Помпонацію придумалъ слѣдующую дилемму: «Если всѣ три религіи ложны, то всѣ люди ошибаются; если одна изъ нихъ истинна, то ошибается большинство людей». Онъ также утверждалъ слѣдующее: «Если существуетъ воля высшая, чѣмъ моя, то зачѣмъ я буду отвѣтственъ за мои поступки и движенія? Итакъ, если существуетъ воля, верховный порядокъ, то необходимо, чтобы все совершающееся было согласно съ предварительно установленной причиной, и поступаю ли я хорошо или худо, въ этомъ нѣтъ ни заслуги, ни грѣха». Въ своемъ трактатѣ De Incantationibus онъ разрушалъ своимъ доказательствомъ вѣру въ чудеса. Кости собаки такъ же легко будутъ производить исцѣленія, какъ и останки святого, если воображеніе больного будетъ такъ же вѣрить въ дѣйствительность этихъ костей. Кромѣ того, подобно Петру д'Абано, онъ утверждалъ, что все подчинено порядку природы; измѣненія имперій и религій зависятъ отъ движенія планетъ; тауматурги—просто ловкіе натуралисты, которые предвидятъ дѣйствіе скрытыхъ вліяній и пользуются перерывомъ въ естественныхъ законахъ, чтобы основывать новыя религіи; когда тайныя вліянія не даютъ болѣе себя чувствовать, прекращаются чудеса, религіи падаютъ, и невѣріе торжествуетъ, если новыя соединенія планетъ не вызываютъ явленія новыхъ чудесъ и новыхъ чудотворцевъ. Подобныя ученія были гораздо хуже тѣхъ, за которыя Чекко Асколи заплатилъ своею жизнью. Но Помпонацію избѣгъ подобной судьбы, исключивъ благоразумно изъ своихъ умствованій христіанскую вѣру [1]).

Дѣйствительно, единственной работой, доставлявшей ему непріятности, былъ его трактатъ De Immortalitate Animae, составленный послѣ заявленія Латеранскаго

[1]) Concil. Lateran. V. Sess. VIII. (Harduin. IX, 1719).—Ripoll. IV, 373.—Renan, op. cit. 53, 363.—P. Pomponatii «Tractatus de Immortalitate Animae», c. XIV.—Cantù, op. cit. I, 179—81.—Bayle, s. v. «Pomponace», note D.

Благодаря какой уловкѣ философы ускользали отъ отвѣтственности за свои умозрѣнія, видно изъ заключенія трактата Августина Нифо «de Coelo et Mundo», написаннаго въ 1514 году: «In qua omnibus pateat me omnia esse locutum ut philosophum: quae vero viderentur

Библиотека "Руниверс"

собора въ 1516 г.; по словамъ Маццолини, эта книга скорѣе заслуживала заглавія De Mortalitate. Правда, въ этомъ трактатѣ Помпонаціо отвергаетъ аверроистическую теорію объ общемъ (универсальномъ) разумѣ, какъ не заслуживающую даже опроверженія, въ виду крайней и непонятной глупости, внушавшей ее; но, приведя разныя доказательства за и противъ безсмертія съ ясной склонностью въ сторону отрицанія, онъ заключаетъ заявленіемъ, что эта задача «нейтральна», какъ и вопросъ о вѣчности земли; нѣтъ естественныхъ основаній, доказывающихъ, что душа безсмертна или смертна, но Богъ и Свящ. писаніе подтверждаютъ ея безсмертіе; поэтому нужно считать ложными основанія, доказывающія ея смертность. Онъ ясно старается дать понять, что вопросъ о безсмертіи принадлежитъ скорѣе вѣрѣ, чѣмъ разуму; онъ доходитъ даже до того, что приписываетъ обманамъ совратившихся священниковъ народное вѣрованіе въ блуждающія души и въ привидѣнія, примѣровъ чего въ его время было, по его словамъ, немало. Прозрачный покровъ, который онъ набросилъ на свое невѣріе, не спасъ его книги въ Венеціи; патріархъ публично сжегъ сочиненіе и написалъ въ Римъ кардиналу Бембо, чтобы добиться его осужденія. Бембо прочелъ трактатъ и былъ имъ очарованъ, объявилъ его вполнѣ согласнымъ съ вѣрою и далъ его магистру Святого Дворца, который пришелъ къ тому же убѣжденію. Однако, преемникъ этого сановника, Маццолини былъ менѣе снисходителенъ. Въ своемъ трактатѣ о колдуньяхъ (1521 г.) онъ говоритъ, что повсюду должны слѣдовать примѣру, данному венеціанцами; съ другой стороны, тщательность, съ которой онъ собираетъ доказательства въ пользу безсмертія души и въ пользу отличія души безсловесныхъ животныхъ отъ души человѣка, показываетъ, какъ распространены были тогда невѣрныя мнѣнія и съ какой независимостью обсуждались эти вопросы. То же подтверждаетъ, съ другой стороны, признаніе, сдѣланное Евгеніемъ Тарральба передъ испанской Инквизиціей въ 1528 г.; Тарральба утверждалъ, что въ молодости онъ обучался въ Римѣ, и что тамъ три его наставника, Маріана, Авансело и Магера, единогласно поучали, что душа смертна; молодой студентъ не былъ въ состояніи опровергнуть ихъ доводовъ [1]).

Разсужденія Помпонаціо не остались безъ отвѣта. Падуанскій профессоръ Августинъ Нифо выступилъ въ 1492 г. въ своемъ трактатѣ De Intellectu et Daemonibus съ защитой теоріи Аверросса о единствѣ разума, утверждая, что единая мысль наполняетъ всю вселенную и по своей волѣ видоизмѣняетъ всѣ вещи. Онъ уже имѣлъ непріятность со стороны доминиканцевъ, а это новое сочиненіе давало преимущество его противникамъ; положеніе его сильно осложнилось бы, если бы ученый епископъ Падуи Петръ Бароцци не спасъ его и не заставилъ его измѣнить своего ученія. Несмотря на свою философію, Нифо былъ ловкимъ придворнымъ и сдѣлался однимъ изъ любимцевъ Льва X, который сдѣлалъ его графомъ папскаго двора и заплатилъ ему, чтобы онъ доказалъ вопреки Помпонаціо, что Аристотель утверждалъ безсмертіе души. Онъ сдѣлался признаннымъ толкователемъ Аверроеса во всей Италіи, и его умѣренный аверроизмъ преподавался въ Падуѣ въ теченіе всего столѣтія [2]).

Sanctae Romanae Ecclesiae dissonare illico reveramus, asserentes ex incuria nostra proficisci non autem a malitia, quare nostras has interpraetationes omnes et quascunque alias in quibusve libris editis Sanctae Romanae Ecclesiae submittimus».

Также и Марсилio Фичино заявляетъ: «Nos autem in omnibus, quae scribimus, eatenus affirmari a nobis aliisque volumus quatenus Christianorum theologorum concilio videatur.» – «De Immortal. Animae», Lib. XVIII, c. 5.

Подобными же словами закончилъ свой трактатъ о безсмертіи души и Помпонаціо: «Haecitaque sunt quae mihi in hac materia dicenda videntur. Semper tamen in hoc et in aliis subjiciendo sedi Apostolicae».—«De Immortalitate Animae», c. XV.

[1]) P. Pomponatii «Tract. de Immortalitate Animae», c. IV, VIII, XIV, XVI.—Prieriat. «de Strigimagar.» Lib. I, c. IV, V.—Llorente, «Histoire de l'Inquisition d'Espagne», ch. XV. Art. II, № 4.

[2]) Renan, l. c. 367—72. – Cantù, l. c. I, 183.

Библиотека "Руниверс"

Невозможно было, чтобы служители Церкви избѣгли этой широко распространенной заразы невѣрія, хотя въ своемъ мірскомъ эгоизмѣ они мало думали о теоріяхъ аверроизма. Савонарола въ своихъ проповѣдяхъ на Іезекіиля во время поста 1497 г. рисуетъ современныхъ ему священниковъ убивающими своими дурными примѣрами души своей паствы; культъ ихъ, говоритъ онъ, состоитъ въ томъ, чтобы проводить ночи около проститутокъ, а днемъ пѣть въ хору; алтарь—это ихъ лавочка; они публично утверждаютъ, что міромъ управляетъ случай, а не Божеское Провидѣніе, и что Христосъ не присутствуетъ въ святыхъ дарахъ [1]). Поэтому вполнѣ понятно, что эти философскія умозрѣнія, дѣйствительно сводя на ничто христіанство, были единственнымъ убѣжищемъ для просвѣщенной части свѣтскаго общества, для людей, которые, сознавая недостатки господствующей религіи, не могли подъ неусыпнымъ взоромъ Инквизиціи искать исцѣленія внѣ индифферентизма или практическаго атеизма и которые, безнадежно разсчитывая на что-либо лучшее ихъ настоящаго положенія, были, однако, не въ состояніи очистить основные принципы христіанства отъ схоластическаго богословія, въ которое они были погружены. Если бы не наступила Реформація, Европа несомнѣнно перешла бы въ атеизмъ или усвоила бы туманный деизмъ, очень близкій къ атеизму. Церковь не допускала никакого разномыслія, однако она проявляла исключительную терпимость въ отношеніи заблужденій тогдашняго гуманизма. Она преслѣдовала Fraticelli, которые осмѣливались утверждать нищету Христа, но она допускала, чтобы распространеніе возродившагося языческаго эллинизма почти нигдѣ не встрѣчало препятствій. Иногда какой-нибудь ревностный доминиканецъ въ своемъ усердіи защитить ученія, которыя внушилъ ему Doctor Angelicus, грозилъ обезпокоить виновныхъ и сжигалъ одну или двѣ смѣлыхъ книги; но авторъ легко находилъ себѣ покровителей въ высшихъ сферахъ Церкви, у разныхъ Бароцци и Бембо, которые отводили бурю [2]).

Реформація выполнила двойную задачу, нанесши ударъ этому стремленію къ опаснымъ умствованіямъ. Она прорвала сплоченную линію строгаго схоластическаго богословія и открыла энергичнымъ умамъ широкое поле для диспутовъ безъ опасности выйти за предѣлы христіанской вѣры. Нападкамъ Лютера, Меланхтона и Кальвина надо было противопоставить не школьную діалектику, но рядъ болѣе свободныхъ и болѣе серьезныхъ доказательствъ. Обычныя пренія объ Аристотелѣ, Александрѣ и Аверроесѣ, о номинализмѣ и реализмѣ уступили мѣсто новымъ методамъ экзегетики, горячему разслѣдованію вопроса о мѣстѣ, назначенномъ человѣку во вселенной, и о его отношеніяхъ къ своимъ ближнимъ и къ Богу. Затѣмъ Контръ-реформація воспламенила рвеніе, которое отбросило философскія тонкости, злоупотреблявшія умствованіями, враждебными признанной вѣрѣ. Сервэ и Джордано Бруно принадлежатъ къ болѣе позднему періоду, чѣмъ тотъ, который составляетъ предметъ нашей работы, но ихъ судьба показываетъ, насколько мало были расположены протестанты и католики въ ожесточенной борьбѣ, въ которую они внесли столь непримиримый пылъ, выслушивать философскіе диспуты по вопросамъ вѣры.

Раньше чѣмъ перейти къ фактамъ другого характера, намъ слѣдуетъ вернуться къ любопытному эпизоду, представляемому судьбою Раймунда Люллія, Doctor Illuminatus. Совершенно основательны слова Фейхоо, сказавшаго: «Раймундъ Люллій, съ какой стороны на него ни посмотрѣть, является личностью весьма загадочной. Одни дѣлаютъ изъ него святого, другіе еретика; въ глазахъ однихъ это—ученый человѣкъ, въ глазахъ другихъ—невѣжда; одни считаютъ его вдохновленнымъ, другіе—галлюцинатомъ; одни приписываютъ ему умѣнье превращать металлы, другіе отрицаютъ это; наконецъ, одни восхваляютъ его Ars Magna, другіе хулятъ ее» [3]).

[1]) Villari, «Frà Girolamo Savonarola», изд. 1887 г., II, 3.
[2]) Renan, l. c. 367—72.—Cantù, l. c, I, 183.
[3]) «Cartas» de D. Fr. Feyjoo, Carta XXII (T. I, 180).

Библиотека "Руниверс"

Этотъ исключительный человѣкъ родился 25-го января 1235 г. въ столицѣ Майорки Пальмѣ. Происходя изъ знатнаго рода, онъ былъ воспитанъ при королевскомъ дворѣ, гдѣ получилъ должность сенешаля. Онъ былъ женатъ и имѣлъ дѣтей, но велъ веселую и развратную жизнь, пока, подобно Петру Вальдо и Джакопоне да Тоди, не былъ внезапно обращенъ испытаніемъ, показавшимъ ему суету человѣческаго существованія. Влюбленный безумно въ Элеонору дель Кастелью, онъ имѣлъ дерзость преслѣдовать эту женщину верхомъ на лошади даже въ церкви Св. Евлаліи, гдѣ онъ, къ великому соблазну священника и вѣрныхъ, нарушилъ богослуженіе. Чтобы избавиться отъ этого докучнаго ухаживателя, Элеонора съ согласія мужа показала ему свою грудь, пораженную ужаснымъ ракомъ. Этотъ ударъ такъ глубоко вселилъ въ Раймунда убѣжденіе въ ничтожности человѣческихъ дѣлъ, что онъ отказался отъ міра и, обезпечивъ извѣстною суммою свою семью, роздалъ свое имущество нищимъ. Неукротимый жаръ, доводившій его до безумствъ въ удовольствіяхъ, сохранился у него до конца его жизни и въ его новомъ призваніи. Съ этого времени онъ посвятилъ свою жизнь освобожденію Гроба Господня, обращенію евреевъ и сарацинъ и обработкѣ ученія, которое раціоналистически показало бы истинность христіанской вѣры и разрушило бы, такимъ образомъ, аверроизмъ, который онъ считалъ самымъ опаснымъ врагомъ христіанства [1]).

Въ продолженіе болѣе десяти лѣтъ онъ готовился къ этой новой дѣятельности. Говорятъ, что въ 1266 г. онъ совершилъ паломничество въ Компостелло, а въ 1275 г. удалился на гору Ранда близъ Пальмы. Онъ былъ настолько необразованъ, что даже не зналъ латинскаго языка, этого ключа ко всѣмъ наукамъ того времени. Онъ изучилъ этотъ языкъ, равно какъ арабскій, подъ руководствомъ раба-сарацина, купленнаго имъ съ этою цѣлью; проявленныя имъ впослѣдствіи знанія объясняются усиленнымъ трудомъ неутомимаго ума; онъ проявлялъ такую чудесную ученость, что въ глазахъ учениковъ она казалась слѣдствіемъ Божескаго наитія. Въ его уединеніи на горѣ Ранда, гдѣ онъ окончилъ свою Ars Universalis, ему, говорятъ, бывали частыя видѣнія Христа и Св. Дѣвы, и эти явленія просвѣщали его умъ; мастиковое дерево, подъ которымъ онъ обыкновенно писалъ, произвело чудо, такъ какъ на листьяхъ его были латинскія, греческія, халдейскія и арабскія буквы, и дерево продолжало производить подобныя листья. Въ XVII в. Винцентъ Мю (Mut) ручается за достовѣрность этого факта и говоритъ, что у него есть нѣсколько такихъ листьевъ. Ваддингъ сообщаетъ, что въ его время ихъ приносили въ Римъ, гдѣ они вызывали живое удивленіе. Когда трудъ былъ оконченъ, то ангелъ, принявшій видъ пастуха, неоднократно приходилъ цѣловать книгу и предсказалъ, что это будетъ непобѣдимое оружіе на защиту вѣры [2]).

Выйдя изъ своего уединенія, Люллій въ теченіе сорока лѣтъ велъ бродячій образъ жизни, повсюду давая примѣръ невѣроятной энергіи; то онъ возбуждалъ папъ и королей предпринимать крестовые походы или основывать коллегіи восточныхъ языковъ, чтобы помочь дѣлу миссіи; то онъ издавалъ съ невѣроятной плодовитостью томъ за томомъ; то онъ спорилъ и проповѣдывалъ противъ аверроизма въ Монпелье, Парижѣ или еще гдѣнибудь; то онъ отправлялся къ невѣрнымъ, чтобы распространять между ними свѣтъ христіанской вѣры. Во всякомъ подобномъ дѣлѣ онъ проявлялъ энергію, которой было бы достаточно, чтобы истощить силы обыкновеннаго человѣка. Отправляясь въ 1311 г. на Вьеннскій соборъ и питая различные проекты: основаніе школъ восточныхъ языковъ, соединеніе всѣхъ воинствующихъ орденовъ въ одинъ, уничтоженіе аверроизма, изученіе его Ars во всѣхъ университетахъ—онъ такъ резюмировалъ свою жизнь: «Я былъ женатъ

[1]) Historia General de Mallorca, III, 40—42 (Пальма, 1841 г.)—Pelayo, «Heterodoxos Españoles» I, 514—15.—Nic. Anton. «Bibl. Hispan.» lib. IX, c. III, № 73.

[2]) Mariana, «Hist. de España, lib. XV, c. 4.—Hist. General de Mallorca, I, 601; III, 44—6.—Nic. Anton. l. c. № 74.—Wadding. ann. 1275, № 12.

Библиотека "Руниверс"

и имѣлъ дѣтей; я былъ довольно богатъ, преданъ свѣтской жизни и безпутенъ. Въ честь Бога, для общественнаго блага и для распространенія вѣры, я бросилъ все. Я изучилъ арабскій языкъ и часто ходилъ проповѣдывать сарацинамъ; эти невѣрные бусурмане обращались со мной грубо и заключали меня въ тюрьму. Въ продолженіе сорока пяти лѣтъ трудился я надъ тѣмъ, чтобы поднять вождей Церкви и князей христіанскаго міра на защиту общественнаго блага. Теперь я старъ, теперь я бѣденъ, но я сохраняю свой планъ, которому, съ помощью Бога, буду вѣренъ до самой смерти». Въ Вьеннѣ ему удалось только добиться указа объ основаніи школъ еврейскаго, арабскаго и халдейскаго языковъ при папскомъ дворѣ и при университетахъ Парижа, Оксфорда, Болоньи и Саламанки. Оттуда онъ вторично отправился въ Алжиръ и Буджію, гдѣ произвелъ много обращеній, пока не былъ брошенъ въ тюрьму и лишенъ пищи; затѣмъ его освободили и приказали покинуть страну; но онъ продолжалъ обращать невѣрныхъ въ христіанство. Съ невѣроятнымъ долготерпѣніемъ мавры ограничились тѣмъ, что посадили его на судно, отправлявшееся въ Геную, строго запретивъ ему возвращаться. Уже въ виду берега произошло кораблекрушеніе, но онъ спасся вплавь, потерявъ только свои книги. Рѣшившись получить мученическій вѣнецъ, онъ снова въ августѣ 1314 г. сѣлъ въ Пальмѣ на судно, отправлявшееся въ Буджію. Тамъ его скоро открыли, бросили въ тюрьму, побили палками и морили голодомъ; но и въ тюрьмѣ онъ продолжалъ проповѣдывать евангеліе своимъ товарищамъ по заключенію; наконецъ, мавры, видя, что его нельзя сломить, вытащили его 30 іюня 1315 г. изъ тюрьмы и побили камнями. Генуэзскіе купцы, собиравшіеся отплыть, перенесли мученика, еще дышавшаго, на свое судно и поплыли въ Геную; но къ великому своему удивленію, они очутились у входа въ гавань Пальмы. Увидавъ въ этомъ волю Неба, они сложили тѣло Люллія. Тотчасъ же проявились чудеса, и возникло почитаніе мученика. Въ 1448 г. въ его честь была воздвигнута прекрасная часовня въ церкви францисканцевъ, считавшихъ его среди терціаріевъ своего ордена; другая часовня была посвящена ему въ началѣ XVII в. Въ 1487 г. его останки были заключены въ алебастровую, украшенную прекрасной скульптурой, урну, которая была поставлена въ нишѣ въ стѣнѣ церкви, сзади богато отдѣланнаго надгробнаго памятника; останки мученика сохраняются тамъ донынѣ [1]).

Самопожертвованіе этого славнаго и неутомимаго ума не оказало въ то время замѣтнаго дѣйствія. Аверроизмъ продолжалъ усиливаться; христіанскіе князья не давали себя увлечь въ новый крестовый походъ; обращеніе евреевъ и невѣрныхъ не двинулось впередъ. Единственнымъ вознагражденіемъ этихъ столь горячихъ и продолжительныхъ трудовъ было основаніе школъ восточныхъ языковъ въ Майоркѣ и въ Сициліи и указъ, изданный Вьеннскимъ соборомъ, объ основаніи другихъ подобныхъ институтовъ. Однако поразительная литературная плодовитость Люллія оставила много сочиненій, которымъ суждено было оказать крупное вліяніе на послѣдующія поколѣнія. Хуанъ Льобетъ, преподававшій около половины XV ст. Ars Люллія въ университетѣ Пальмы, прочелъ пятьсотъ книгъ своего учителя; нѣкоторые утверждаютъ, что общее число его сочиненій доходило до тысячи, другіе доводятъ это число до трехъ тысячъ. Много было потеряно, много было приписано ему ложно, и біографія его безнадежно запутана; тѣмъ не менѣе, Николай Антоніо послѣ тщательнаго выбора даетъ заглавія 321 книги, принадлежность которыхъ Люллію можно считать внѣ сомнѣнія. Изъ этихъ книгъ 61 посвящена искусству учить и общимъ вопросамъ, 4—грамматикѣ и риторикѣ, 15—логикѣ, 21—философіи, 5—метафизикѣ, 13—различнымъ наукамъ: астрологіи, геометріи, политикѣ, стратегіи, квадратурѣ круга, познанію Бога по его милосердію; 7—медицинѣ, 4—праву, 62—духовному созерцанію и

[1]) Wadding. ann. 1293, № 3; ann. 1315, №№ 2, 5.—C. 1 Clement V. 1.—Nic. Anton. l. c. № 76.—Hist. General de Mallorca, II, 1058—9, 1063; III, 64—5, 72.

Библиотека "Руниверс"

другимъ религіознымъ вопросамъ, 6—гомилетикѣ, 13—Антихристу, завоеванію Св. Земли и другимъ разнымъ вопросамъ, 46—преніямъ съ сарацинами, евреями, греками и аверроистами и, наконецъ, 64—богословію, его самымъ темнымъ вопросамъ, и религіозной поэзіи. Большое собраніе его сочиненій, изданное въ Майнцѣ въ 1721—1742 г.г., представляетъ десять большихъ томовъ in folio. Имя его, какъ имена всѣхъ знаменитыхъ ученыхъ той эпохи, охотно ставили въ заглавіи трудовъ по алхиміи и магіи, но всѣ подобнаго рода сочиненія, приписываемыя ему, апокрифичны. Его слава, какъ алхимика, сказалась въ преданіи, согласно которому онъ сдѣлалъ въ Англіи шесть милліоновъ золотыхъ флориновъ и далъ ихъ королю, чтобы побудить его къ крестовому походу; въ дѣйствительности же его мнѣніе объ алхиміи выражено имъ въ одномъ мѣстѣ его Ars Magna: «Всякій элементъ имѣетъ свои собственныя особенности, такъ что одинъ видъ не можетъ быть измѣненъ въ другой; это то и сокрушаетъ алхимистовъ и заставляетъ ихъ проливать горькія слезы». Это же мнѣніе и въ столь же ясной формѣ находится и въ другихъ мѣстахъ его сочиненій [1]).

Одна часть сочиненій этого плодовитаго писателя касается нашего предмета. Въ своемъ уединеніи на горѣ Ранда Люллій составилъ Ars, представляющую изъ себя методъ вывести и удержать въ памяти при помощи діаграммъ и символовъ самыя тонкія истины богословія и философіи. Ars Brevis представляетъ изъ себя резюме системы; Ars Magna излагаетъ ее съ большими подробностями и строитъ на этомъ основаніи міровую теорію. Для человѣка, бывшаго тридцать лѣтъ совершенно неграмотнымъ, трудъ этотъ является дѣломъ невѣроятнымъ, обличая въ авторѣ глубокое и вѣрное знаніе всѣхъ тайнъ міра матеріальнаго и міра духовнаго, могущества, аттрибутовъ, мотивовъ и побужденій Бога и его твореній. Вполнѣ понятно, что люллисты считали этотъ трудъ вдохновеннымъ Богомъ. Онъ самъ преподавалъ эту Ars въ Монпелье и Парижѣ, а въ 1309 г. сорокъ членовъ Парижскаго университета единогласно и горячо рекомендовали этотъ трудъ, какъ необходимый и полезный для защиты вѣры. Въ его отечествѣ сочиненіе это имѣло огромное и продолжительное распространеніе. Благодаря покровительству цѣлаго ряда королей Ars преподавалась въ университетахъ Арагоніи и Валенсіи. Въ серединѣ XV ст. въ Пальмѣ образовали Estudio Lulliano, расширившійся впослѣдствіи въ Universidad Lulliana, гдѣ традиціи его ученія сохранялись почти до нашего времени. Кардиналъ Хименесъ былъ большимъ поклонникомъ Люллія; Анджело Полиціано говоритъ, что своей способностью вести пренія по всѣмъ предметамъ онъ обязанъ этому сочиненію Люллія; Жанъ Лефевръ д'Эстапль отозвался о немъ очень восторженно, и много другихъ извѣстныхъ людей присоединилось къ этому отзыву. Напротивъ, Герсонъ осудилъ этотъ трудъ и запретилъ употребленіе его въ Парижскомъ университетѣ; Корнелій Агриппа и Іеронимъ Карданъ считали его дурнымъ; Маріана сообщаетъ, что въ его время многіе считали это сочиненіе безполезнымъ и даже вреднымъ, тогда какъ другіе ставили его очень высоко, какъ даръ Неба для исцѣленія невѣжества. Въ 1586 г. употребленіе этой книги было запрещено въ университетѣ Валенсіи [2]).

Въ этомъ трудѣ, какъ во многихъ своихъ работахъ, Люллій старается доказать путемъ логическихъ выводовъ истины христіанской вѣры и утвержденія богословія. Мы уже видѣли, какъ понимала Церковь опасность подобнаго рода розысканій. Люллій чувство-

---

[1]) Nic. Anton. l. c. №№ 87—154.—Hist. Gener. de Mallorca, III, 68, 70, 96—8. R. Lullii «Art. Mag.» P. IX, c. 52 («Opera» изд. Argentorati, 1651 г., стр. 438). Разборъ поэтическихъ произведеній Люллія см. въ Chabanem (Vaissete, изд. Privat, X, 379).

[2]) Hist. Gener. de Mallorca, III, 71, 78.—Pelayo, l. c. I, 530, 535, 537, 539.—Nic. Anton. l. c. № 82.—Gersoni «Epist ad Barth. Carthus». Ejusdem «de Exam. Doctr.» P. II, consid. 1.—Corn. Agrippae «de Vanitate Scient.» c. 9.—Hieron. Cardan «de Subtil. Rer.» lib. XV.—Mariana, l. c. lib. XV, c. 4.

Библиотека "Руниверс"

ПАПА СИКСТЪ IV.

(Деталь бронзоваго памятника въ соборѣ св. Петра въ Римѣ.—A. Pollajuolo).

Библиотека "Руниверс"

валъ, что онъ становится на почву мало надежную; поэтому онъ не упускалъ ни одного случая заявить, что вѣра—выше разума и что ошибочно думать, что вѣра, поддерживаемая разумомъ, теряетъ въ своемъ достоинствѣ. Посвятивъ всю свою жизнь борьбѣ противъ аверроизма и обращенію невѣрныхъ, онъ зналъ, что проповѣдывать христіанство можно только путемъ доказательствъ и что человѣка, чтобы обратить, надо прежде убѣдить. Безъ этой попытки убѣдить задача остается тщетной, и Люллій утверждаетъ, что язычники имѣли бы право жаловаться на Бога, если бы невозможно было вложить въ ихъ разумъ знакомства съ истиной [1]). Къ тому же, двѣсти лѣтъ спустя, стремился Савонарола въ своемъ Crucis Triumphus, чтобы сломить невѣріе послѣднихъ аверроистовъ и Возрожденія.

Результатъ показалъ опасности, скрывавшіяся подъ этой искренней доброй волей. Такъ какъ слава Люллія росла, и число учениковъ его становилось велико, то инквизиторъ Арагоніи Николай Эмерикъ, о которомъ мы уже не разъ говорили, рѣшилъ осудить память учителя. Быть можетъ, между люллистами и находились люди, ревность которыхъ была не по разуму. Эмерикъ говоритъ, о нѣкоемъ Педро Росельи, заблужденія котораго представляютъ любопытный отголосокъ заблужденій іоахитовъ и оливистовъ: онъ поучалъ, что подобно тому какъ Ветхій Завѣтъ происходитъ отъ Бога-Отца, а Новый—отъ Бога-Сына, такъ и ученіе Люллія исходитъ отъ Духа Святого; во время Антихриста всѣ богословы отступятъ отъ вѣры, люллисты же обратятъ міръ, и исчезнетъ всякое богословіе, кромѣ богословія ихъ учителя. Быть можетъ, также Эмерикъ, будучи доминиканцемъ, былъ расположенъ напасть на память человѣка, котораго францисканцы восхваляли, какъ самаго великаго сына своего ордена. Равнымъ образомъ, должна быть доля истины въ утвержденіи люллистовъ, что они вдохнули Эмерику желаніе уничтожить ихъ своей защитою ученія о Непорочномъ Зачатіи. Какъ бы то ни было, но въ массѣ сочиненій, касавшихся всевозможныхъ деталей науки и вѣры, нетрудно было для опытнаго инквизитора найти заблужденія. Королевская привилегія на преподаваніе люллизма, изданная Петромъ IV въ 1369 году, показываетъ, что уже возникла оппозиція. Въ 1371 году Эмерикъ явился въ Авиньонъ, гдѣ получилъ отъ Григорія XI указъ разсмотрѣть сочиненія Люллія. Когда Эмерикъ вернулся, король рѣшительно запретилъ обнародованіе папскаго указа; но неукротимый инквизиторъ послалъ въ 1374 г. Григорію двадцать обвиненныхъ въ нечестіи книгъ, а въ 1376 г. онъ имѣлъ удовольствіе обнародовать во всеуслышаніе буллу, объявлявшую, что эти книги были тщательно изучены кардиналомъ Остіи и двадцатью богословами, и что эти цензоры нашли въ нихъ двѣсти (Эмерикъ говоритъ пятьсотъ) заблужденій, явно еретическихъ. Такъ какъ можно предполагать, что и въ остальныхъ сочиненіяхъ Люллія имѣются такія же заблужденія, то архіепископу Таррагоны повелѣвалось собрать всѣ эти книги и отправить ихъ въ Римъ, гдѣ онѣ будутъ разсмотрѣны. Въ это время снова вступился король Петръ и прислалъ папу, чтобы все преслѣдованіе велось въ Барселонѣ, такъ какъ сочиненія Люллія, написанныя главнымъ образомъ на каталонскомъ нарѣчіи, могутъ быть лучше поняты именно въ этой странѣ [2]).

Эмерикъ торжествовалъ побѣду: въ своемъ Directorium Inquisitorum онъ далъ полную свободу своей ненависти. Онъ заявилъ въ немъ, что Люллій получилъ свое ученіе отъ діавола; но, чтобы избѣгнуть упрека въ многословіи, онъ остановится только на ста заблужденіяхъ изъ пятисотъ, осужденныхъ Григоріемъ. Одни касаются мистическаго иллюминизма, другіе просто въ страшной формѣ представляютъ ходовыя положенія. Большинство ихъ основывается на слѣдующемъ утвержденіи, осужденномъ съ 86-ымъ

[1]) Pelayo, l. c. I, 519—23.—R. Lulii «Lamentat. Philosoph.».

[2]) Pelayo, l. c. I, 499, 528.—Hist. Gener. de Mallorca, III, 85.—D'Argentré, I. I, 256—7, 259. Pegnae «Append. ad. Eymeric», 67—8.—Bofarull, «Documentos», VI, 360.

Библиотека "Руниверс"

заблужденіемъ, «что всѣ вопросы вѣры, таинствъ, папской власти могутъ быть доказаны путемъ необходимаго, демонстративнаго и яснаго разсужденія»; дѣйствительно, эти положенія стремятся дать логическое опредѣленіе тайнамъ вѣры, черезчуръ тонкимъ, чтобы къ нимъ могло быть примѣняемо подобное опредѣленіе. Два или три положенія, очевидно, были болѣе еретическія; одно утверждаетъ, что вѣра можетъ ошибаться, а разумъ не можетъ; другое,—что дурно убивать еретиковъ, и третье,—что человѣческій родъ будетъ спасенъ весь, не исключая евреевъ и сарацинъ. Люллисты, однако, не были расположены сдаться безъ бою. Эмерикъ говоритъ, что они многочисленны и дерзки и что всѣ они раздѣляютъ преступное заблужденіе, что Григорій грубо ошибся, осудивъ ихъ учителя, ученіе котораго, открытое Богомъ, стоитъ выше всякаго другого ученія, даже ученія Св. Августина; кромѣ того, они утверждаютъ, что это ученіе не было плодомъ изученія, а было открыто Духомъ Святымъ и написано въ тридцать, сорокъ, пятьдесятъ или шестьдесятъ часовъ, что современные богословы не обладаютъ крупицею истиннаго знанія, такъ какъ Богъ, въ виду ихъ грѣховъ, передалъ все знаніе люллистамъ, которые во время Антихриста составятъ Церковь [1]).

Въ этомъ, очевидно, были элемены новой ереси: достаточно было, чтобы эти элементы созрѣли и что-нибудь вызвало бы преслѣдованіе, чтобы ересь сдѣлалась страшной и пала подъ ударами инквизиціонныхъ методовъ. Къ счастью, король и большая часть населенія относились къ люллистамъ сочувственно; въ 1378 г. вспыхнулъ Великій Расколъ, и Петръ не признавалъ ни Урбана VI, ни Климента VII. Королевство оставалось, такимъ образомъ, совершенно независимымъ; люллисты громко утверждали, что булла Григорія XI была сочинена Эмерикомъ; въ 1385 г. было поднято разслѣдованіе, кончившееся изгнаніемъ инквизитора. Преемникомъ Эмерика въ Арагоніи былъ его врагъ, Бернаръ Эрменгауди, человѣкъ глубоко преданный королю, который поторопился заявить, что нельзя было найти въ Philosophia Amoris Люллія тѣхъ заблужденій, въ которыхъ упрекалъ это сочиненіе Эмерикъ. Однако, изгнаніе послѣдняго было непродолжительно. Онъ вернулся и снова вступилъ въ свою должность, которую онъ отправлялъ съ неумолимой строгостью противъ люллистовъ. Этимъ онъ вызвалъ страшное возбужденіе. Въ 1391 г. городъ Валенсія послалъ доктора Хаима де Хива съ жалобой къ папѣ на огромныя преступленія, совершенныя Эмерикомъ, и просилъ, какъ милости, отозванія инквизитора. Посолъ остановился въ Барселонѣ, чтобы попросить поддержки этой вліятельной и сильной общины: городской совѣтъ, выслушавъ его, постановилъ, что если вмѣшательство Валенсіи будетъ носить общій, а не частный характеръ, то Барселона «дастъ руку и сердце» брату-городу; кромѣ того, просили папу поручить какому-нибудь прелату королевства произвести разслѣдованія и рѣшить отъ имени Святого Престола, были ли статьи, приписываемыя Люллію, справедливо или нѣтъ осуждены Эмерикомъ [2]).

Возбужденіе населенія было такъ сильно, что Эмерикъ былъ снова изгнанъ Хуаномъ I въ 1393 г. Онъ кончилъ дни свои въ ссылкѣ, до послѣдней минуты утверждая безмѣрность ереси Люллія и подлинность буллы Григорія. Онъ заявилъ, что люллистъ Антоніо Піера, принявшій дѣятельное участіе въ дебатахъ, былъ еретикъ; этотъ человѣкъ, говорилъ онъ, предсказалъ, что раньше конца столѣтія прекратятся всѣ богослуженія, церкви будутъ обращены въ конюшни и законы христіанъ, евреевъ и сарацинъ будутъ обращены въ одинъ законъ такъ, что нельзя будетъ сказать за какимъ изъ трехъ оста-

[1]) Eymeric. «Direct. Inquis.» 255—61. Пегна говоритъ (стр. 262), что въ рукописяхъ Эмерика списокъ заблужденій короче, чѣмъ въ напечатанномъ текстѣ; это подтверждаетъ и Денифле («Archiv für Lit. und Kirchengeschichte», 1885 г., стр. 143). Очевидно, доминиканцы XV вѣка, печатая «Directorium», прибавили отъ себя заблужденія, чтобы подкрѣпить свой споръ противъ Люллія.

[2]) D'Argentré, I. I, 258, 260.—Hist. Gener. de Mallorca, III, 82—4. Pelayo, l. c. I, 784—5.

Библиотека "Руниверс"

лась побѣда. Однако, въ 1395 г. Святой Престолъ уступилъ просьбамъ люллистовъ, настаивавшихъ на разслѣдованіи: въ качествѣ делегата по этому дѣлу былъ посланъ кардиналъ С.-Сесто. Были внимательно пересмотрѣны реестры Григорія за 1376 годъ, и архиваріусы удостовѣрили, что не нашли и упоминаній о спорной буллѣ. Тѣмъ не менѣе затрудненіе не было устранено: затронута была честь доминиканскаго ордена и Инквизиціи, и въ 1419 г. было произведено новое разслѣдованіе. Папскій легатъ, кардиналъ Аламанни, послалъ епископа Читта ди Кастелло Бернардо для окончательнаго разслѣдованія дѣла. Рѣшеніе прелата гласило, что булла была явно ложная, и что всѣ мѣры, основанныя на авторитетѣ этого обмана, не имѣютъ никакого значенія; но епископъ не высказалъ своего мнѣнія относительно сочиненій Люллія, предоставивъ Св. Престолу заботу о сужденіи о нихъ. Съ того времени подлинность буллы остается вопросомъ, возбуждающимъ горячіе споры. П. Бремондъ издаетъ ее, какъ подлинную, и заявляетъ, что послѣ безпристрастнаго изученія онъ убѣдился въ ея подлинности; онъ говоритъ, что оригиналъ сохранился въ архивахъ Жироны и ссылается на Бзовіуса въ доказательство того, что сами люллисты допускаютъ существованіе этого документа въ архивахъ Барселоны, Таррагоны и Валенсіи; епископы этихъ каѳедръ не приняли бы на храненіе этотъ документъ, если бы онъ былъ подложный. Но Бзовіусъ былъ доминиканецъ, показавшій свое враждебное отношеніе тѣмъ, что называлъ Люллія пройдохой и бродягой. Достовѣрно, что доминиканцы въ долгомъ и горячемъ спорѣ, возникшемъ при папскомъ дворѣ по поводу вѣрности Люллія католической религіи, никогда не могли, несмотря на покровительство разныхъ папъ, предъявить подлинникъ этой буллы или представить доказательства ея подлинности [1]).

Въ Арагоніи на рѣшеніе 1419 г. смотрѣли, какъ на окончательное. Королевскія граматы въ пользу люллизма были изданы Альфонсомъ I въ 1445 и 1449 г.г., Фердинандомъ Католикомъ въ 1483 и 1503 г.г., Карломъ V въ 1526 г. и Филиппомъ II въ 1597 г. Послѣдній король вообще проявлялъ исключительную любовь къ сочиненіямъ Люллія, нѣсколько томовъ которыхъ онъ обыкновенно возилъ съ собой въ своихъ путешествіяхъ, чтобы читать дорогой; въ библіотекѣ Эскуріала было найдено много экземпляровъ, помѣченныхъ рукою самого короля. Это высокое покровительство не осталось безъ вліянія въ любопытномъ спорѣ, возникшемъ вскорѣ послѣ этого. Имя Люллія было включено въ оффиціальные списки еретиковъ, и мы находимъ его еще въ 1608 г. въ спискѣ, изданномъ докторомъ Сорбонны Габріэлемъ де Прео. Павелъ IV включилъ его въ 1559 г. въ первый папскій Index Expurgatorius. Эта мѣра задѣла за живое каталонцевъ; епископъ Іаковъ Кассадоръ протестовалъ противъ этого безчестія предъ верховнымъ совѣтомъ Инквизиціи, и имя Люллія не было внесено въ испанскій Index 1559-го года. На Трентскомъ соборѣ докторъ Хуанъ Вильета, дѣйствуя отъ имени Испаніи, представилъ

---

[1]) Hist. Gener. de Mallorca, III. 59, 83—6.—Pelayo, l. c. I, 498. 787—8.—D'Argentrè, I. I, 259—61.—Nic. Anton, l. c. № 78.—Ripoll. II, 290.

П. Виллануэва («Viage Literario», XIV, 23) утверждаетъ, что булла эта подлинна, такъ какъ онъ собственными глазами видѣлъ ее, достодолжнымъ образомъ внесенную въ регистры Жироны, какъ полученную 29 іюля 1388 г. Такъ какъ булла эта помѣчена 25-мъ января 1376 года, то это ничего еще не доказываетъ; можно предположить только одно,—что Эмерикъ, послѣ возвращенія своего изъ изгнанія, послалъ черезъ двѣнадцать лѣтъ послѣ даты предполагаемой буллы экземпляры ея разнымъ епископамъ своего округа. Впрочемъ, Виллануэва упоминаетъ, что епископъ Жироны благоразумно отказался опубликовать буллу, ссылаясь на черезчуръ запоздалую присылку ея.

Доминиканецъ Денифле недавно вновь разсмотрѣлъ этотъ вопросъ, но ничего не выяснилъ; онъ замѣчаетъ только, что отсутствіе упоминанія о буллѣ въ папскихъ регистрахъ не можетъ еще служить окончательнымъ доказательствомъ ложности документа.—«Archiv für Lit. und Kirchengeschichte», IV, 352).

Библиотека "Руниверс"

петицію въ пользу Люллія; разслѣдованіе было произведено конгрегаціей 1-го сентября 1563 г., и было вынесено единогласное рѣшеніе, признавшее ложными всѣ осужденія, вынесенныя противъ Эмерика, и постановившее, чтобы Index Павла IV былъ очищенъ отъ всего, что касалось Люллія. Это было тайное постановленіе собора, не внесенное въ сборникъ опубликованныхъ рѣшеній. Дѣло на-время было прекращено; но въ 1578 году снова возникли дебаты, когда Франциск Пегна съ особаго благословенія Григорія XIII переиздалъ сочиненіе Эмерика, снова выведя на свѣтъ буллу Григорія XI и заблужденія, осужденныя въ сочиненіяхъ Люллія. Григорій XIII приказалъ Пегнѣ отыскать въ регистрахъ Куріи спорную буллу. Римскіе регистры были не полны; велѣли доставить изъ Авиньона недостающія части; но самое тщательное разслѣдованіе не привело къ розысканію столь желаннаго документа; правда, ссылались на невозможность найти два тома за 1386 г. Отнынѣ борьба завязалась между сторонниками Эмерика и Люллія. Въ 1583 г. Конгрегація Индекса (Congregatio Indicis) постановила внести имя Люллія въ число писателей, чтеніе которыхъ запрещено; но еще разъ вліяніе Испаніи оказалось довольно сильнымъ, чтобы помѣшать приведенію этого рѣшенія въ исполненіе. При Сикстѣ V была сдѣлана новая попытка; но Хуанъ Арсе де Эррера отъ имени Филиппа II представилъ Конгрегаціи Индекса Апологію, и опасность опять была устранена. Въ то время, какъ изготовляли Индексъ Климента VIII, вопросъ снова поднялся 3-го іюня 1594 г., но былъ оставленъ ради Испаніи; по ходатайству испанскаго посланника папу упросили дать приказъ о высылкѣ въ Римъ полнаго собранія сочиненій Люллія, чтобы окончательное разсмотрѣніе ихъ прекратило, наконецъ, споръ; но не было ничего сдѣлано, и въ мартѣ 1595 г. объявили, что имя Люллія исключено изъ Индекса.

Въ 1611 г. Филиппъ III воскресилъ споръ, попросивъ у Павла V канонизаціи Люллія и очищенія Directorium Эмерика; это ходатайство вторично было возобновлено Филиппомъ IV. Послѣ безпорядочнаго спора было рѣшено, что нѣкоторыя статьи, представленныя, какъ выдержки изъ сочиненій Люллія, были опасны, дерзки и окрашены ересью, а другія были явно ложныя и еретическія. Въ засѣданіи, состоявшемся 22-го августа 1619 г. подъ предсѣдательствомъ самого папы, было рѣшено послать это рѣшеніе испанскому нунціо съ приказаніемъ поставить въ извѣстность короля и инквизиторовъ о запрещеніи, которому подверглись сочиненія Люллія. Затѣмъ поступило ходатайство короля Майорки о разрѣшеніи исправить сочиненія; 6-го августа 1620 г. Павелъ отвѣтилъ ходатаямъ приказаніемъ замолкнуть. 30-го августа кардиналъ Беллярминъ составилъ для Инквизиціи окончательное донесеніе, въ которомъ говорилось, что ученіе Люллія запрещено до его исправленія; причемъ кардиналъ добавилъ, что, по его мнѣнію, исправленіе невозможно, и высказалъ мнѣніе, что осужденіе составлено въ выраженіяхъ, способныхъ смягчить строгость. Такимъ образомъ Люллій былъ заклейменъ Св. Престоломъ, какъ еретикъ, но изъ уваженія къ испанскому двору рѣшеніе это никогда не было опубликовано оффиціально. Общество полагало, что дѣло еще не рѣшено и продолжало по старому почитать Люллія, какъ святого. На обложкѣ вышедшаго въ 1635 г. изданія его Arbor Scientiae издатель не рѣшается назвать его святымъ, но утверждаетъ, что онъ боговдохновленъ, и называетъ его: venerabilis et coelitus illuminatus pater. Райнальдъ, писавшій въ 1658 г., говоритъ, что вопросъ находится еще sub judice. Около этого времени нѣкоторые іезуиты взяли это дѣло въ свои руки противъ доминиканцевъ, и въ 1662 г. въ Парижѣ вышелъ переводъ Amoris Triumphus, гдѣ авторъ называется «Святымъ Раймундомъ Люлли, Мученикомъ и Отшельникомъ». Доминиканцы воспылали гнѣвомъ; обратились къ Конгрегаціи обрядовъ, которая отвѣтила, что Люллій значится во францисканскомъ мартирологѣ подъ 20-мъ марта, но что его не слѣдуетъ считать святымъ, а слѣдуетъ внимательно разсмотрѣть его сочиненія, чтобы запретить ихъ, если это надо,—совѣтъ, никогда не примѣненный на практикѣ. Однако, Инквизиція осудила

Библиотека "Руниверс"

въ 1690 г. книгу, изданную въ Пальмѣ въ 1688 г. докторомъ Педро Бенназаромъ въ похвалу Люллія, и включила въ Индексъ составленное въ 1655 г. Севастьяномъ Крейцеромъ сокращеніе богословія Люллія; но эта участь не постигла многочисленныхъ контроверсическихъ работъ Люллія, продолжавшихъ выходить въ свѣтъ, а также большого изданія его сочиненій, вышедшаго въ 1721—1742 г.г., гдѣ онъ именуется Beatus. Въ 1744 г. ученый докторъ Аморъ (Amort) называетъ его Sanctus Raimundus Lullus. Бенедиктъ XIV въ своемъ сочиненіи De Servorum Dei Beatificatione, послѣ мелочнаго разсмотрѣнія заявленій за и противъ, говоритъ, что права Люллія на канонизацію должны быть предоставлены разрѣшенію Св. Престола. Это рѣшеніе было отложено на цѣлое столѣтіе. Его соотечественники изъ Майорки не были расположены ждать такъ долго. Два епископа изъ Майорки Лоренцо Деспуигъ въ 1763 г. и Хуанъ Діасъ де ла Герра въ 1777 г. вызвали такую бурную оппозицію, защищая подлинность буллы Григорія XI, что явилось необходимымъ перемѣстить ихъ на континентъ. Волненія продолжались и были главнымъ занятіемъ епископа Бернардо Надаль-и-Креспи, вступившаго на епископскую каѳедру въ 1794 г.; однако, Виллануэва, писавшій въ 1814 г., говоритъ, что прелату удалось до извѣстной степени успокоить волненіе.

Торжество мученика, столь долгое время откладываемое, должно было, наконецъ, наступить. Въ 1847 г. Пій IX потвердилъ богослуженіе, «въ честь Св. Раймунда Люллія» въ Майоркѣ, гдѣ мученика почитали съ незапамятныхъ временъ; въ служебникѣ богослуженія говорится, что Люллій былъ проникнутъ божественною мудростью до того, что, сдѣлавшись вполнѣ образованнымъ, могъ прекрасно разсуждать о божественныхъ вопросахъ. Мало того, въ 1858 г. Пій IX разрѣшилъ всему францисканскому ордену праздновать память Люллія 27-го ноября. Однако, доминиканцы не забыли о своей старинной зависти; въ 1857 г. одинъ журналъ, выходившій въ Римѣ, съ одобренія магистра Св. Дворца издалъ доказательства въ подтвержденіе того, что знаменитая булла Григорія XI продолжаетъ сохранять свою силу и что, слѣдовательно, сочиненія Люллія, хотя ихъ и нѣтъ въ Индексѣ, запрещены. Все это дѣло, подобно дѣлу Савонаролы, показываетъ, какъ сомнительна была граница между ересью и святостью [1])!

Примѣръ Раймунда Люллія показываетъ, какія ловушки стояли на дорогѣ людей, которые захотѣли бы пуститься опасными тропинками богословія. Эта наука полагала, что она знаетъ и уже опредѣлила всѣ тайны вселенной, и, однако, она постоянно увеличивалась всѣми теоріями, всѣми дедукціями, сдѣланными изъ установившихся уже данныхъ, которыя разрабатывали геніальные и смѣлые мыслители. Эти мысли были осуждены всѣ огуломъ; лѣтописи такого умственнаго центра, какъ Парижскій университетъ, полны постановленій, вынесенныхъ противъ новыхъ пунктовъ ученія и противъ несчастныхъ авторовъ этихъ новшествъ. Иногда, впрочемъ, возникала какая-нибудь новая догма, вызывавшая горячіе споры, которую не удавалось сломить, и послѣ болѣе или менѣе опасной борьбы одерживала побѣду, чтобы занять мѣсто среди вѣчныхъ истинъ, въ отношеніе которыхъ всякое со-

---

1) Hist. Gener. de Mallorca, III, 65—6, 92, 94—5. - Gabrieli Prateoli «Elenchus Haeret.» Colon. 1608, стр. 423.—D'Argentré, I. I, 259, 261.—Reusch, «Der Index der verbotenen Bücher», I. 27 — 33. — Amort, «de Revelationibus», P. II, 224. — Benedict. PP. XIV. «De servorum Dei Beatif». Lib. I, c. XL, § 4.—Raynald. ann. 1372, № 35.—Villanueva, «Viage Literario», T. XXII, 156—60.

Въ 1533 году инквизиторъ Валенсіи Арнольдо Альбертино горько жаловался на несправедливость, съ которой помѣщали среди еретиковъ такого человѣка, какъ Люллій, который былъ вдохновленъ Богомъ и достоинъ почитанія наравнѣ съ святыми.--Albertini «Repetitio nova», Valentiæ, 1534, fol. 406.

Полное и критическое изданіе сочиненій Люллія недавно было сдѣлано въ Падуѣ Джеронимомъ Росельо, подъ покровительствомъ эрцгерцога Австрійскаго Людовика Сальватора.

Библиотека "Руниверс"

мнѣніе было ересью. Эта любопытная эволюція догмы въ Церкви, считавшей себя непогрѣшимой, настолько поучительна, что ее стоитъ освѣтить однимъ или двумя примѣрами.

Вотъ вопросъ, который могъ казаться недоступнымъ ограниченному уму человѣка: находятся ли души блаженныхъ на небѣ и наслаждаются ли онѣ тотчасъ же послѣ смерти неописуемымъ блаженствомъ созерцанія Бога, или должны онѣ ждать Воскресенія и дня Страшнаго Суда? Этотъ вопросъ, впрочемъ, не былъ вполнѣ теоретическимъ; онъ имѣлъ большое практическое значеніе, такъ какъ, при антропоморфизмѣ вѣры той эпохи, имѣли право думать, что дѣйствительность предстательства святыхъ зависѣла отъ ихъ близости къ Богу; хранители разныхъ ракъ, въ которыхъ почивали прославленныя мощи, понимали, что ихъ доводы связаны съ народнымъ вѣрованіемъ въ то, что святой могъ лично ходатайствовать, чтобы были услышаны молитвы его почитателей.

Къ желанному разрѣшенію подходили медленно. Вопросъ этотъ не избѣгъ вниманія первыхъ отцовъ Церкви, и Св. Августинъ утверждаетъ, что душа можетъ вполнѣ наслаждаться видѣніемъ Бога только послѣ соединенія своего съ тѣломъ по его воскресеніи. Среди заблужденій, осужденныхъ въ 1243 г. Вильгельмомъ Овернскимъ и Парижскимъ университетомъ, было два положенія, изъ которыхъ одно утверждало, что ни ангелы, ни души святыхъ не видятъ и не увидятъ Божескаго Существа; другое положеніе говорило, что ангелы обитаютъ на седьмомъ небѣ, а души людей и даже душа Св. Дѣвы никогда не поднимутся выше облаковъ. Епископъ и университетъ отнеслись съ осторожностью къ рѣшенію относительно лицезрѣнія Бога, ограничившись лишь утвержденіемъ, что души людей и ангелы будутъ наслаждаться этимъ созерцаніемъ въ будущемъ, а не въ настоящемъ; но они, не задумываясь, заявили, что ангелы и души людей находятся на одномъ и томъ же небѣ. Ѳома Аквинатъ разсматриваетъ этотъ вопросъ такъ подробно, что ясно, какое крупное значеніе придавали ему, и насколько труднымъ считали его; но онъ ограничивается только тѣмъ, что устанавливаетъ, что послѣ воскресенія блаженные узрятъ Бога лицомъ къ лицу. Надо помнить, что ожиданіе близкаго пришествія Антихриста и второго пришествія Христа было господствующимъ мнѣніемъ цѣлаго ряда поколѣній; это представленіе дѣлало менѣе труднымъ точное опредѣленіе времени, когда осуществится Блаженное Видѣніе; съ другой стороны, развитіе мистическаго богословія стремилось создать все болѣе и болѣе тѣсныя сношенія между душою и Творцомъ. Бонавентура не задумывается считать непреложнымъ фактомъ, что души праведниковъ увидятъ Бога, и онъ утверждаетъ, что однѣ изъ нихъ уже находятся на небѣ, тогда какъ другія съ увѣренностью ожидаютъ въ своихъ гробахъ минуты, назначенной для ихъ вознесенія. Послѣдній этапъ былъ сдѣланъ, повидимому, немного позднѣе знаменитымъ доминиканскимъ магистромъ Дитрихомъ Фрейбургскимъ, написавшимъ трактатъ въ защиту того положенія, что блаженные немедленно допускаются до лицезрѣнія Бога; это было, по его словамъ, открыто ему одной его духовной дочерью, которая по приказанію Бога, чтобы разсѣять сомнѣнія монаха, явилась къ нему черезъ десять дней послѣ своей смерти и сказала ему, что она наслаждается созерцаніемъ Св. Троицы [1]).

Однако, это ученіе не было оффиціально принято Церковью, и мистическія направленія эпохи дѣлали опаснымъ черезчуръ быстрый прогрессъ на этомъ пути. Иллюминизмъ Братьевъ Свободнаго Духа былъ зломъ заразительнымъ, и въ 1312 г. Вьеннскій соборъ отступилъ передъ необходимостью высказать свое мнѣніе по этому вопросу, ограничившись осужденіемъ, какъ ошибочнаго, ученія бегардовъ, по которому не было необходимо

[1]) S. Augustini «de Genesi ad litteram», Lib. XII, c. 35, 36; «de Civit. Dei» Lib. XXII c. 29. Cf. «De Doctr. Christ.» Lib. I, c. 31; «Epist». CXVIII, § 14; CLXIX, § 3 (Ed. Benedictina).— Matt. Paris, ann. 1243 (стр. 415).—Th. Aquinat. «Summa Suppl.» Q. XCII.—S. Bonavent. «Breviloq.» VII, 5, 7; «Centiloq.» III, 50. «Pharetrae», IV, 50.—W. Preger, «Zeitschrift für die histor. Theol.», 1869 г., стр. 41—2.

Библиотека "Руниверс"

для лицезрѣнія Бога быть окруженнымъ ореоломъ славы. Осужденіе этого ученія допускало, впрочемъ, какъ логическій выводъ, что ореолъ славы позволялъ душамъ наслаждаться лицезрѣніемъ Бога. Мы не знаемъ, какъ и когда распространилась догма, утверждавшая, что души праведниковъ тотчасъ же допускаются до лицезрѣнія Бога; но, повидимому, это вѣрованіе сдѣлалось общепринятымъ, не получивъ еще оффиціальнаго одобренія Св. Престола. Въ 1317 г. знаменитый канонистъ Астесанусъ говоритъ, что святые въ продолженіе своей жизни и нахожденія въ Чистилищѣ не наслаждаются созерцаніемъ Бога-Слова, откуда ясно, что они получаютъ это блаженство только по выходѣ изъ Чистилища. Въ октябрѣ 1326 г. Іоаннъ XXII призналъ ересью, которую слѣдовало уничтожить среди грековъ, вѣрованіе, что святые не вступятъ въ рай раньше Страшнаго Суда; но немного спустя онъ измѣнилъ мнѣніе; его гордая увѣренность въ знаніи богословія и въ своей учености не давала ему покоя, пока онъ не заставилъ христіанскій міръ перемѣнить свое убѣжденіе одновременно съ нимъ. Онъ высказалъ сомнѣнія относительно истинности новой догмы и выказалъ намѣреніе открыто осудить ее. Его характеръ дѣлалъ опаснымъ всякое несогласіе съ нимъ, никто изъ кардиналовъ и докторовъ папскаго двора не смѣлъ спорить съ нимъ по этому вопросу, пока въ 1331 г. одинъ англійскій доминиканецъ, Ѳома Уоллейсъ, произнося проповѣдь передъ папой, смѣло поддержалъ народное мнѣніе и призвалъ Божіе проклятіе на всякаго, кто будетъ утверждать противное. Ярость Іоанна не знала предѣловъ. Уоллейсъ былъ схваченъ и судимъ Инквизиціей, приговорившей его къ тюремному заключенію, гдѣ ему предстояла голодная смерть; но вмѣшался Филиппъ Валуа и добился его освобожденія. Наложивъ, такимъ образомъ, молчаніе на своихъ противниковъ, Іоаннъ рѣшилъ публично высказать свои мнѣнія. Во время Рождественскаго поста 1331 г. онъ произнесъ нѣсколько проповѣдей, въ которыхъ заявлялъ, что святые, допущенные на небо, не будутъ ясно созерцать Божескаго Существа до воскресенія тѣла и дня Страшнаго Суда; до этого времени они будутъ видѣть лишь человѣческое естество Христа. «Я знаю, говорилъ онъ, что нѣкоторые ворчатъ, слушая, что я защищаю это мнѣніе, но я не могу думать иначе» [1]).

Преслѣдованіе ереси произвело такое сильное вліяніе на умы людей той эпохи, что это заявленіе Іоанна получило значеніе политическаго событія первой важности. Мы уже видѣли, какъ настойчиво въ спорѣ между папствомъ и имперіей занимались нововведеніемъ Іоанна, касающимся общепризнаннаго ученія о нищетѣ Христа, и какъ его непоколебимое рѣшеніе ввело новую догму, несмотря ни на какую оппозицію. На этотъ разъ онъ выступалъ въ роли защитника старыхъ мнѣній Церкви; но политическія обстоятельства были неблагопріятны для него. Не только Людовикъ Баварскій укрѣплялъ имперію вопреки наступательному настроенію папы, но и Франція, главная поддержка авиньонскихъ папъ, была дурно расположена. Филиппъ Валуа былъ оскорбленъ отказомъ на свои настоятельныя просьбы, которыя онъ подавалъ, чтобы исполнить данное имъ обѣщаніе совершить крестовый походъ; кромѣ того, Іоаннъ отдалилъ отъ себя короля Франціи своимъ покровительствомъ проектамъ Іоанна Чешскаго, старавшагося обезпечить за собой обладаніе императорскими областями Италіи. Оба монарха приняли самыя дѣятельныя мѣры, чтобы извлечь все возможное для себя изъ ереси папы.

Было общепризнаннымъ принципомъ, что какъ мертвый человѣкъ уже не человѣкъ, такъ и папа, уличенный въ ереси, уже болѣе не папа, такъ какъ онъ ipso facto обезчестилъ свой санъ. Ничто не могло лучше отвѣчать планамъ Людовика Баварскаго

[1]) C. 3, Clem. V. III.—Astesani «Summae de Casibus», Lib. V. Tit. XXVIII, Art. II. Q. 1.—Ripoll, II, 172. Wadding. ann. 1331, № 5. Paul. Lang. «Chron. Citicens.» (Pistor, I, 1207, 1210).—Gob. Person. «Cosmodr. Aet.» VI, c. 71.—D'Argentré, I. I, 315, 199.—P. de Herenthals «Vita Joann. XXII» ann. 1333 (Muratori «S. R. I.» III, II, 501).—Guill. Nangiac. Contin. ann. 1331.—Villani. X, 226.—Chron. Glassberger, ann. 1331.

Библиотека "Руниверс"

и его тайнаго совѣта изъ изгнанныхъ францисканцевъ. По совѣту Михаила Чезенскаго онъ рѣшилъ созвать національный нѣмецкій соборъ; приглашенія были составлены Бонаграціемъ, напиравшимъ на ересь папы, и планъ былъ одобренъ кардиналомъ Орсини и его недовольными собратьями; однако, проектъ этотъ не привелъ ни къ чему благодаря еще большой поспѣшности, съ которой воспользовался положеніемъ Филиппъ Валуа. Онъ поручилъ знаменитому Гильому Дюрану, епископу Манда, составить трактатъ, опровергавшій мнѣнія Іоанна, и оказалъ покровительство прелату, котораго Іоаннъ хотѣлъ наказать. Онъ собралъ Парижскій университетъ, который 3-го января 1333 г. высказался въ пользу блаженнаго лицезрѣнія Бога, и послалъ папѣ письмо, въ которомъ открыто подтверждалось это ученіе. Покладистый генералъ францисканцевъ Герардъ Одо спѣшно былъ посланъ; уполномоченный для вида возстановить миръ между Англіей и Шотландіей, онъ долженъ былъ остановиться въ Парижѣ и постараться привлечь на свою сторону общественное мнѣніе. Онъ рѣшился произнести проповѣдь въ защиту ретроградныхъ мнѣній Іоанна, но вызвалъ такую бурю, что принужденъ былъ смириться: тогда онъ смиренно заявилъ, что его аргументація имѣла значеніе исключительно только какъ словопреніе, а не положительное утвержденіе. Настроеніе Филиппа сдѣлалось болѣе дерзкимъ и наступательнымъ. Онъ написалъ Іоанну, что отрицаніе блаженнаго лицезрѣнія Бога не только разрушаетъ вѣру въ предстательство Св. Дѣвы и святыхъ, но уничтожаетъ всѣ прощенія и индульгенціи, исходящія отъ Церкви; лично онъ настолько убѣжденъ въ истинности этого догмата, что готовъ сжечь всякаго несогласнаго съ этимъ, хотя бы это былъ самъ папа. Всѣ, даже Робертъ Неаполитанскій, стали на сторону короля. Несмотря на всю свою надменность и заносчивость, папа, однако, не могъ одинъ идти противъ негодованія всей Европы и былъ вынужденъ уступить. Онъ купилъ миръ цѣною политическихъ уступокъ и написалъ Филиппу Валуа и Роберту Неаполитанскому, что онъ никогда не отрицалъ рѣшительно лицезрѣнія Бога святыми, но что просто считалъ этотъ вопросъ еще неразрѣшеннымъ и открытымъ для споровъ. Но испытанія его этимъ не кончились. Всѣ его честолюбивые замыслы рухнули. Въ Германіи Людовикъ Баварскій выступилъ въ качествѣ защитника вѣры; во Франціи слабый Филиппъ Валуа добился главенства въ Авиньонѣ; въ Италіи сынъ Іоанна, кардиналъ Бертранъ, долженъ былъ бѣжать, и Ломбардія освободилась. Несчастному старику оставалось одно—отречься и умереть. Онъ созвалъ на 2-ое декабря собраніе консисторіи для выбора преемника Людовику Баварскому, но на разсвѣтѣ съ нимъ сдѣлалась смертельная дизентерія, пригвоздившая его къ постели. Передъ вечеромъ слѣдующаго дня онъ собралъ кардиналовъ и убѣждалъ ихъ избрать достойнаго ему преемника по каѳедрѣ Св. Петра; его родственники уговаривали его спасти душу и честь Церкви и отказаться отъ своихъ мнѣній о лицезрѣніи Бога. Тайны этой ужасной агоніи остались навѣкъ погребенными; но когда 5-го декабря Іоаннъ отдалъ Богу душу, издали отъ имени покойнаго буллу, въ которой онъ подтверждалъ свою вѣру въ лицезрѣніе Бога святыми; если въ этомъ вопросѣ и въ какихъ-либо другихъ онъ держался мнѣній, противоположныхъ мнѣнію Церкви, то онъ бралъ назадъ все, что могъ сказать или сдѣлать, и отдавалъ себя на судъ Церкви. Несмотря на все смиреніе этого заявленія, Михаилъ Чезенскій счелъ его недостаточнымъ, такъ какъ въ немъ не было формальнаго сознанія и отреченія отъ заблужденія; поэтому можно было заключить, что Іоаннъ умеръ не раскаявшимся еретикомъ. Даже Парижъ не былъ удовлетворенъ, хотя съ этой стороны онъ не пошелъ такъ далеко, какъ глава отпавшихъ францисканцевъ [1]).

[1]) W. Preger, «Die Politik des Papstes Johann XXII», 14, 66. 69.—Alphons. de Spina «Fortalic. Fidei» Lib II. Consid XII.—Vitodurani «Chron.» (Eccard. «Cor. Hist.» I, 1806—7).—Martène, «Thesaur.» I, 1383.—D'Argentré, I, I, 316—17, 319—22.—Isambert, «Anc. Loix Franç.» IV, 387.—Guillel. Nangiac. Contin. ann. 1334.—Raynald. ann. 1443, №№ 27, 37, etc.—Wadding. ann. 1443, № 14. - Villani, XI, 19.—Baluz et Mansi, III, 350. Grandes Chroniques, ann. 1334 (V, 97).

Библиотека "Руниверс"

Бенедиктъ XII, избранный папою 20-го декабря, былъ горячимъ защитникомъ вѣры. Онъ выказалъ себя готовымъ уничтожить всѣ формы ереси, когда, въ качествѣ епископа Памье, самъ усердно развивалъ инквизиторскую дѣятельность, чтобы помочь работамъ Жана де Бонъ и Бернара Ги. По всей вѣроятности, подобный человѣкъ не долженъ былъ скрывать отъ себя тяжести заблужденія, допущеннаго его предшественникомъ, и, дѣйствительно, онъ поторопился исправить его. 22-го онъ предложилъ Герарду Одо быть благоразумнымъ, давъ ему многозначительнымъ образомъ понять, что онъ не потерпитъ никакой ереси; это было предупрежденіе всѣмъ, кто подчинился высокому авторитету Іоанна. 2-го февраля 1335 г. Бенедиктъ произнесъ рѣчь на текстъ «Се, женихъ грядетъ въ полунощи»; въ ней онъ ясно подтвердилъ, что святые лицезрятъ Бога. Черезъ два дня онъ вызвалъ въ консисторію всѣхъ, кто раздѣлялъ мнѣніе Іоанна, и попросилъ ихъ изложить свои основанія, безъ сомнѣнія, для того, чтобы легче было привести ихъ въ лоно Церкви. Черезъ годъ, 29-го января 1336 г., въ публичномъ засѣданіи консисторіи онъ окончательно заявилъ, что святые наслаждаются лицезрѣніемъ Бога, и постановилъ, чтобы всѣ, кто будетъ придерживаться противнаго мнѣнія, подвергались наказанію, какъ еретики. Бенедиктъ снискалъ себѣ славу неумолимаго защитника истинной католической вѣры и преслѣдователя отпавшихъ, поэтому нужно было принести жертвы, чтобы заставить принять новый членъ вѣры. Догматъ былъ принятъ настолько полно, что онъ былъ включенъ въ руководство Инквизиціи наравнѣ съ пунктами, относительно которыхъ допрашивали людей, подозрѣваемыхъ въ ереси. Когда въ 1439 г. на соборѣ во Флоренціи была заключена номинальная унія съ греческой церковью, то одинъ изъ членовъ, которые должна была принять схизматическая Церковь, гласилъ, что души, не совершившія грѣха послѣ крещенія или должнымъ образомъ очистившія себя послѣ совершенія грѣха, сразу допускаются на небо и наслаждаются лицезрѣніемъ Св. Троицы. Такимъ образомъ Церковь приняла новый догматъ, несмотря на сопротивленіе, встрѣченное ею со стороны одного изъ самыхъ авторитетныхъ и настойчивыхъ изъ всѣхъ преемниковъ Св. Петра [1]).

Еще болѣе поучительнымъ примѣромъ развитія богословской доктрины является догматъ о Непорочномъ Зачатіи Св. Дѣвы Маріи. До XII ст. никто не сомнѣвался, что Св. Дѣва была зачата и рождена въ грѣхѣ. Св. Августинъ положительно говоритъ, что одинъ только Христосъ родился, жилъ и умеръ безъ грѣха [2]). Ученые, подобно Св. Ансельму, находили затрудненіе, какъ объяснить то, что Христосъ родился безъ грѣха отъ матери, зараженной грѣхомъ. Однако съ развитіемъ культа Дѣвы Маріи сказалось народное стремленіе смотрѣть на Св. Дѣву, какъ на свободную отъ всякаго человѣческаго грѣха, и около половины XII в. Ліонская Церковь рѣшилась помѣстить въ календарь новый праздникъ въ честь Зачатія Св. Дѣвы; говорили, что разъ Рождество Богородицы считается святымъ, то и Зачатіе, необходимое условіе рожденія, было также святымъ. Св. Бернаръ, бывшій въ то время крупнымъ защитникомъ старыхъ идей, тотчасъ же выступилъ противъ этого новаго ученія. Онъ написалъ горячія письма каноникамъ Ліона,

---

[1]) Molinier, «Études sur quelques manuscrits des Bibliothèques d'Italie», 116.—Chron Glassberger, ann. 1334.—«Benedict. XII Vita Tert.» ann. 1335—6 (Muratori «S. R. I.» III. II, 539—41).—«Ejusdem Vit. Prim.» ann. 1338 (Ibid. 534).—Eymeric. 421.—Concil. Florent. ann. 1439, стр. II «Union. Decret.» (Harduin. IX, 986).

Одно замѣчаніе, сдѣланное Энеемъ Сильвіемъ въ 1453 г., показываетъ, что, несмотря на эти категорическія опредѣленія, нѣкоторые продолжали еще думать, что слава святыхъ начнется только со дня Страшнаго Суда. («Opera inedita.»—«Atti della Accademia dei Lincei», 1883 г., стр. 567).

[2]) «Solus unus est qui sine peccato natus est in similitudine carnis peccati, sine peccato vixit inter aliena peccata, sine peccato mortuus est propter nostra peccata.»—«De Peccatorum Meritis», Lib. II, cap. XXXV.

Библиотека "Руниверс"

указывая имъ, что ихъ аргументація съ одинаковымъ правомъ относится къ рожденію и зачатію всѣхъ предковъ Св. Дѣвы, мужчинъ и женщинъ; онъ просилъ ихъ не вводить новшествъ въ Церковь и придерживаться ученія Отцовъ; онъ утверждалъ, что единственнымъ Непорочнымъ Зачатіемъ было зачатіе Христа, произведенное Св. Духомъ, и доказывалъ, что Марія, рожденная отъ брака мужчины и женщины, была неизбѣжно зачата въ смертномъ грѣхѣ. Онъ допускалъ, что она была освящена при рожденіи, что и оправдывало празднованіе Церковью Ея Рождества; но это освященіе произошло въ утробѣ Св. Анны, совершенно согласно со словами, сказанными Господомъ Іереміи: «Прежде нежели Я образовалъ тебя во чревѣ, Я позналъ тебя, и прежде нежели ты вышелъ изъ утробы, Я освятилъ тебя» [1]). Отмѣтимъ, какъ доказательство смѣлости богословскихъ преній, что впослѣдствіи на Св. Бернара ссылались, какъ на одного изъ защитниковъ Непорочнаго Зачатія, а Св. Ансельму приписывали основаніе праздника Зачатія; святой, говорили, далъ обѣтъ, подобно Св. Николаю, на морѣ во время бури, которая чудеснымъ образомъ утихла. Петръ Ломбардскій не пошелъ даже такъ далеко по пути уступокъ, какъ Св. Бернаръ; онъ ссылался на Іоанна Дамаскина, что Св. Дѣва была очищена отъ первороднаго грѣха только тогда, когда ей было назначено родить Христа. Иннокентій III поддержалъ это мнѣніе своимъ высшимъ авторитетомъ и подтвердилъ его самымъ положительнымъ образомъ.

Теорія, изложенная Св. Бернаромъ, господствовала долгое время. Александръ Галь, Doctor Irrefragabilis, и кардиналъ Генрихъ Сузанскій, fons et splendor juris, оба раздѣляли ученіе объ освященіи послѣ зачатія; Генрихъ Сузанскій говоритъ, что никто изъ родившихся отъ мужчины и женщины не былъ свободенъ отъ первороднаго грѣха; но нѣкоторые, какъ, напр., Іеремія, Іоаннъ Креститель и пресвятая и преславная Богоматерь, были освящены въ утробѣ матери своей [2]).

Эти неопровержимые авторитеты на нѣкоторое время рѣшили вопросъ, какъ вопросъ догматическій; но самая идея имѣла привлекательность для народа; поклоненіе Маріи съ каждымъ днемъ становилось болѣе горячимъ, и все, что могло способствовать увеличенію славы Св. Дѣвы, какъ богини и посредницы, благосклонно принималось тѣми, для кого это поклоненіе было источникомъ доходовъ. Есть нѣчто невыразимо изящное въ томъ представленіи, какое создалось въ Средніе Вѣка о Св. Дѣвѣ Маріи; въ эту эпоху распространеніе ея культа было неизбѣжно. Богъ былъ очень страшенъ, чтобы обращаться къ нему; Св. Духъ былъ абстракція, недоступная понятію толпы; Іисусъ, несмотря на свою безграничную любовь и свою добровольную жертву, черезчуръ часто призывался, какъ судья и преслѣдователь, чтобы можно было въ немъ найти совершенное состраданіе; Св. Дѣва, наоборотъ, была олицетвореніемъ чистой материнской любви; страданія, пере-

---

[1]) Пророч. Іеремія, I, 5.

[2]) S. Anselmi «Cur Deus Homo», lib. II, c. XVI; Ejusdem «Lib. de Conceptu Virginali».—S. Bernardi «Epist.» 174, «ad Canon. Lugdun.»—D'Argentré, I. II, 60.—Lobera y Abio, «El Por Qué», 369 (Мадридъ, 1867 г.).—Pet. Lombardi «Sententiae», Lib. III, Dist. III, Q. 1.—Innoc. PP. III. «Sermo XII in Purif. S. Mariae».—Alex. de Ales «Summae» P. III. Q. IX. Membr. 2.—Hostiensis «Aureae Summae, De Poen. et Remiss.» § 7.

Въ виду того участія, которое приняла Испанія въ установленіи догмы, быть можетъ, не лишнее отмѣтить, что въ законахъ вестготовъ содержится списокъ праздниковъ, опубликованный въ 680 году королемъ Эрвигомъ; въ этомъ спискѣ мы видимъ праздникъ Пресвятой Дѣвы «quo gloriosa conceptio ejusdem genetricis Domini celebratur» («Leges Wisigoth.» Lib. XII. Tit. III. I. 6). Но это, однако, очевидная поддѣлка текста, такъ какъ въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ «Fuero Juzgo» Благовѣщеніе и Успеніе Дѣвы Маріи опредѣляются, «quando concebió del Santo Espiritu».—Замѣчательно интересный фактъ: въ первыхъ римскихъ календаряхъ IV и V вѣковъ не имѣется никакого праздника въ честь Богородицы (Muratori «Opera», T. III. P. I, стр. 63—8).

Библиотека "Руниверс"

несенныя ею за своего божественнаго Сына, сдѣлали ее еще болѣе милосердной и воспламенили ее желаніемъ спасти людей, за которыхъ умеръ Іисусъ. Она была одновременно и Богомъ, и человѣкомъ; въ своей человѣческой природѣ она раздѣляла чувства ей подобныхъ; а все то, что возвышало ея божественность, дѣлало ее еще болѣе услужливой, не отвращая ея симпатій отъ людей. «Св. Дѣва, говоритъ Петръ Блуаскій, есть единственная посредница между человѣкомъ и Христомъ; мы были грѣшниками и боялись обратиться къ Богу-Отцу, ибо онъ страшенъ; но мы имѣемъ Св. Дѣву, въ которой нѣтъ ничего страшнаго, ибо она полна любви и чистоты». Затѣмъ онъ доказываетъ божественность Маріи, говоря, что, если Сынъ сосущественъ Отцу, то Св. Дѣва сосущественна Сыну. «Если бы, восклицаетъ онъ, Св. Марія была дѣйствительно удалена съ неба, то для человѣческаго рода оставалась бы тьма ночи!» «Богъ, говоритъ Св. Бонавентура, могъ бы сдѣлать землю больше или небо больше; но создавая Марію, Онъ достигъ границъ своего могущества». Однако Бонавентура, какъ докторъ Церкви, постарался разграничить непогрѣшимость Св. Дѣвы отъ ея дѣйствій и не отрицалъ наличности прародительскаго грѣха: она была освящена, но не зачата безъ грѣха [1]).

Несмотря на наставленія Св. Бернара, празднованіе Зачатія мало-по-малу распространялось. Ѳома Аквинатъ говоритъ, что оно соблюдается во многихъ церквахъ Рима, и что оно не было воспрещено; но онъ замѣчаетъ, что по святости праздника не слѣдуетъ заключать о святости Зачатія Пресв. Маріи. Впрочемъ, онъ отрицаетъ возможность Непорочнаго Зачатія Св. Дѣвы, допуская лишь ея освященіе въ моментъ, опредѣлить который нельзя. Это заявленіе разрѣшало вопросъ для доминиканцевъ; ихъ уваженіе къ Doctor Angelicus запрещало имъ удаляться отъ его ученія. Въ теченіе нѣкотораго времени, что довольно странно, францисканцы были согласны относительно этого пункта со своими противниками. Преданіе говоритъ, что Дунсъ Скотъ защищалъ новое ученіе противъ доминиканцевъ въ Парижскомъ университетѣ въ 1304 г., и что университетъ торжественнымъ декретомъ въ 1333 г. высказался въ пользу этого ученія, но эта исторія появилась только около 1480 г. у Бернардина де Бустисъ, и въ регистрахъ не имѣется слѣдовъ этого факта; что же касается Дунса Скота, то онъ говорилъ, что это было возможно для Бога, и что только Онъ одинъ знаетъ истину. Трудно найти болѣе рѣзкаго франциска, чѣмъ Альваро Пелайо, духовникъ Іоанна XXII; отрицая иллюминизмъ бегардовъ, онъ считаетъ Зачатіе Св. Дѣвы въ грѣхѣ признаннымъ фактомъ, изъ котораго онъ извлекаетъ доказательство; онъ добавляетъ, что это общее мнѣніе признанныхъ авторитетовъ: Бернара, Ѳомы Аквината, Бонавентуры и Ричарда де С.-Викторъ. Правда, добавляетъ онъ, нѣкоторые болѣе новые богословы, отбросивъ ученія, принятыя Церковью, оспаривали это мнѣніе благодаря ложному поклоненію Св. Дѣвѣ, которую они стараются отожествить съ Богомъ и Христомъ.

Однако, новый догматъ, повидимому, распространялся быстро, такъ какъ уже около этого времени въ 1327 г., Нарбоннская Церковь начала праздновать день Зачатія; въ 1328 г. Лондонскій соборъ приказалъ соблюдать этотъ праздникъ во всѣхъ церквахъ провинціи Кентербери; въ 1330 г. праздникъ былъ принятъ въ Жиронѣ. Но когда въ 1340 г. епископъ Эльна Ги приказалъ праздновать этотъ день въ своей епархіи, то онъ озаботился назвать его Праздникомъ Освященія Зачатія Пресвятой Дѣвы, напом-

[1]) Pet. Blesens. «Sermo» XII, XXXIII, XXXVIII.—S. Bonavent. «Speculi Beatae Virginis», c. I, II, VIII, IX.

Средневѣковое представленіе о Св. Дѣвѣ, какъ о посредницѣ между Богомъ и человѣкомъ и источникѣ всякаго блага, такъ выражено у Fazio degli Uberti:

«Tu sola mitigasti la discordia
Che fu tra Dio e l'uomo; e tu cagione
Sei d'ogni bene che quaggiù si esordia».

Библиотека "Руниверс"

нивъ, что Марія была освящена въ утробѣ Анны. Въ 1371 г. въ Майоркѣ праздникъ носилъ еще имя Освященія. Въ 1404 г. король Арагонскій Мартинъ убѣждалъ епископа и капитулъ Барселоны ввести праздникъ Зачатія [1]).

Такъ какъ доминиканцы не могли измѣнить свою точку зрѣнія, то было неизбѣжно, что францисканцы съ теченіемъ времени стали въ рядахъ ихъ противниковъ. Разрывъ между ними въ первый разъ произошелъ въ 1387 г., и борьба началась со всѣмъ ожесточеніемъ, на которое свойственно odium theologicum. Хуанъ де Монсонъ, доминиканецъ и магистръ Парижскаго университета, училъ, что Св. Дѣва была зачата въ грѣхѣ; этимъ онъ возбудилъ страшное волненіе и подъ угрозой осужденія бѣжалъ въ Авиньонъ. Затѣмъ другой доминиканецъ, говорятъ, проповѣдывалъ подобное ученіе въ Руанѣ и подвергся всеобщему осмѣянію. Университетъ послалъ въ Авиньонъ посольство, глава котораго Петръ д'Айльи увѣрялъ, что онъ добился осужденія Хуана; но послѣдній бѣжалъ на свою родину Арагонію, а доминиканцы Парижа объявили между тѣмъ, что папское рѣшеніе было благопріятно ему. Если составитель хроники говоритъ правду, то они проповѣдывали о зачатіи Св. Дѣвы въ крайне возмутительныхъ и грубыхъ выраженіяхъ и находили удовольствіе въ самыхъ грубыхъ описаніяхъ, такъ что въ концѣ концовъ гнѣвъ университета вышелъ изъ границъ. Доминиканцы были изгнаны со всѣхъ каѳедръ въ Сорбоннѣ, и авиньонскій папа Климентъ VII, вполнѣ подчиненный Франціи, не могъ отказать въ буллѣ, объявлявшей еретиками Хуана и его защитниковъ. Карлъ VI далъ убѣдить себя не только въ томъ, чтобы заставить доминиканцевъ Парижа праздновать ежегодно день Зачатія, но издалъ также указъ объ арестѣ повсюду въ государствѣ тѣхъ, кто отрицалъ Непорочное Зачатіе, и о приводѣ ихъ въ Парижъ, гдѣ они должны отречься отъ своего заблужденія передъ университетомъ. И только въ 1403 г. доминиканцы были снова допущены въ Сорбонну къ великому недовольству францисканцевъ, которые извлекли большія выгоды изъ изгнанія своихъ противниковъ. Вполнѣ понятно, что доминиканцы всюду, гдѣ пользовались довѣріемъ, охотно выступали противъ защитниковъ ученія о Непорочномъ Зачатіи. Люллисты были горячими защитниками этого ученія, и это до извѣстной степени объясняетъ враждебное къ нимъ отношеніе доминиканцевъ [2]).

Главнымъ бастіономъ новаго ученія былъ Парижскій университетъ, но его дѣятельность и его вліяніе значительно ослабли благодаря безпорядкамъ, предшествовавшимъ вторженію Генриха V и господству англичанъ; поэтому объ этомъ вопросѣ мы ничего не слышимъ до реставраціи французской монархіи. Тѣмъ не менѣе вѣрованіе продолжало распространяться. Въ 1438 г. духовенство и городскія власти Мадрида по случаю чумы дали обѣтъ соблюдать на будущее время праздникъ Непорочнаго Зачатія. Въ слѣдующемъ году Базельскій соборъ послѣ долгаго, но не особенно методическаго, спора высказался въ пользу Непорочнаго Зачатія, запретилъ всякое противоположное утвержденіе и приказалъ, чтобы повсюду этотъ праздникъ справлялся 8 декабря и чтобы вѣрнымъ давались въ награду особыя индульгенціи. Но такъ какъ соборъ раньше низложилъ Евгенія IV, то его

---

[1]) Thom. Aquinat. «Summa», I. II, Q. 81, art. 4; III, Q. 14, Art. 4; Q. 27. — D'Argentré I. I, 275.—Bernardini de Bustis «Mariale», P. I. Serm. VII. VIII (Mediolani, 1493).—Alvar. Pelag. «de Planctu Eccles.» Lib. II, Art. 52.—Chron. de Saint-Just (Vaissète, изд. Privat, VIII, 225).—Concil. Londin. ann. 1328, c. 2 (Harduin. VII, 1538).—Villanueva, «Viage Literario», T. XIII, 214; XVIII, 26; XXII, 9.—Marca Hispanica, стр. 1467.

Эпитафія ставитъ Дунсъ Скоту въ заслугу защиту Непорочнаго Зачатія:

«*Concepta est Virgo primi sine labe parentis;*
Hic tulit...»

(Mosheim, «de Beghardis», 234).

[2]) Religieux de Saint-Dénis, «Hist. de Charles VI», VII, 5; VII, 2, 14; XXIII, 5.—Pelayo, «Heterodoxos Españoles», I, 536.

Библиотека "Руниверс"

рѣшенія не были признаны внушенными Св. Духомъ, и ученіе, хотя и подтвержденное рѣшеніемъ собора, не было принято Церковью. Съ другой стороны, соперничавшій съ нимъ Флорентійскій соборъ въ 1441 г. въ своемъ декретѣ объ уніи съ Якобитами говорилъ о человѣческой природѣ Христа въ непорочной утробѣ Св. Дѣвы; но это, очевидно, была простая реторическая фигура, такъ какъ соборъ выставлялъ, какъ догматъ вѣры, что никто, рожденный отъ мужчины и женщины, не избѣгъ власти Сатаны иначе, какъ благодаря заслугамъ Христа. Св. Антонинъ Флорентійскій имѣлъ однако безпрепятственное право утверждать, что Св. Дѣва была запятнана первороднымъ грѣхомъ, отъ котораго она освободилась только при смерти, и это утвержденіе нисколько не помѣшало канонизаціи Антонина въ 1523 году [1]).

Невозможно было ввести въ вѣру новый догматъ, не создавъ этимъ новой ереси, и этотъ догматъ раздѣлилъ Церковь; приверженцы двухъ противоположныхъ положеній честили другъ друга еретиками и преслѣдовали другъ друга. Въ этой области доминиканцы потерпѣли очевидное пораженіе; ихъ противники имѣли значительное превосходство и съ каждымъ днемъ становились сильнѣе. Въ 1457 г. Авиньонскій соборъ подъ предсѣдательствомъ папскаго легата и францисканца, кардинала де Фуа, подтвердилъ рѣшеніе Базельскаго собора и запретилъ, подъ страхомъ отлученія отъ Церкви, проповѣдывать противное мнѣніе. Въ томъ же году Парижскому университету было сообщено, что одинъ доминиканецъ проповѣдуетъ въ Бретани старое ученіе. Тотчасъ же состоялось засѣданіе университета, который написалъ Бретонскому герцогу, прося его наказать монаха какъ еретика, если онъ дѣйствительно виновенъ, и выразилъ стремленіе формулировать членъ вѣры касательно этого догмата. Еще болѣе грознымъ былъ законъ, оффиціально принятый кортесами Каталоніи въ 1456 г., запрещавшій всякое выраженіе сомнѣнія по вопросу о Непорочномъ Зачатіи какъ со стороны мірянъ, такъ и со стороны духовенства, подъ угрозой пожизненнаго и окончательнаго изгнанія [2]).

До этого времени папы ловко избѣгали вмѣшиваться въ споры. Во время ссоръ между нищенствующими орденами папы не могли рѣшиться открыто стать на ту или другую сторону, и мы уже видѣли, какъ въ ссорѣ по поводу крови Христа они воздержались отъ всякаго вмѣшательства и предоставили спору угаснуть естественнымъ путемъ. Настоящій споръ былъ черезчуръ горячъ и сдѣлался настолько общимъ, что папы не могли совершенно устраниться отъ него, и они попытались примѣнить политику, которая раньше имъ такъ хорошо удавалась. Въ 1474 г. доминиканецъ Винченцо Банделло, бывшій позднѣе генераломъ своего ордена, вызвалъ горячій споръ въ Ломбардіи изданіемъ своей книги о Зачатіи. Борьба тянулась въ теченіе двухъ лѣтъ и сопровождалась такими скандалами, что въ 1477 г. Сикстъ IV принялъ дѣло къ своему разсмотрѣнію. Банделло горячо отстаивалъ положеніе доминиканцевъ, получившихъ прозвище Maculistae, между тѣмъ какъ генералъ францисканцевъ Франческо защищалъ Непорочное Зачатіе. Единственнымъ результатомъ этого дѣла было, повидимому, изданіе буллы, которою Сикстъ предписывалъ празднованіе для Непорочнаго Зачатія во всѣхъ церквахъ съ раздачей особыхъ индульгенцій. Это рѣшеніе было полнымъ пораженіемъ для доминиканцевъ, которые считали чрезвычайно печальной для себя необходимость праздновать этотъ праздникъ и признать себя такимъ образомъ въ глазахъ народа неправыми. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ они попытались избѣгнуть затрудненія, назвавъ праздникъ Освященіемъ Св. Дѣвы (Sanctificatio S. Virginis); но эта вольность была запрещена, и они должны были покориться.

[1]) Wadding. «Addit. Ad. T. V», № 16 (T. VII, стр. 491); ann. 1439. №№ 47—8.—Concil. Basil. Sess. XXXVI (Harduin IX, 1160). Concil. Florent. «Decret. pro Jacobinis» (Harduin. IX, 1024—25).—S. Antonini «Summae», P. I. Tit. X, cap. 3, § 1.

[2]) Concil. Avenionense, ann. 1457 (Harduin. IX, 1388).—D'Argentré I. II, 252. — Constitutions de Cathalunya, Lib. I. Tit. II, cap. 1 (Barcelona, 1588, стр. 11).

Библиотека "Руниверс"

Съ другой стороны, въ 1481 г. въ Мантуѣ братъ Бернардино де Фельтре былъ формально обвиненъ на судѣ епископа въ ереси за то, что проповѣдывалъ Непорочное Зачатіе, но онъ побѣдоносно защитилъ себя; въ слѣдующемъ году въ Феррарѣ францисканцы и доминиканцы такъ горячо проповѣдывали по этому вопросу и такъ усердно называли другъ друга еретиками, что среди народа возникли волненія. Чтобы водворить спокойствіе Эрколе д'Эсте вызвалъ пренія, которыя происходили въ его присутствіи, но не привели ни къ чему. Снова пришлось вмѣшаться Сиксту IV. Выслушавъ обѣ стороны, папа издалъ новую буллу, въ которой отлучалъ отъ Церкви всякаго, кто будетъ утверждать, что праздникъ посвященъ Освященію Св. Дѣвы, и грозилъ тѣмъ же наказаніемъ всякому францисканцу и доминиканцу, кто будетъ называть своего противника еретикомъ [1]).

Какъ попытка избѣжать рѣшенія, не раздражая ни одного ордена, это былъ ловкій политическій пріемъ; но, какъ мѣра умиротворенія, она понесла страшный ударъ. Снова вспыхнули волненія, заставившія Александра VI подтвердить буллу Сикста IV, внеся въ нее оговорку съ цѣлью побудить, если понадобится, свѣтскую власть поддержать миръ силою; но во Франціи Парижскій университетъ не обращалъ никакого вниманія на предписанія двухъ папъ и считалъ еретикомъ всякаго, кто отрицалъ Непорочное Зачатіе. Въ 1495 г. во время праздника Зачатія одинъ францисканецъ, по имени Жанъ Грильо, забылъ свою вѣрность ордену настолько, что сталъ отрицать догматъ въ проповѣди, которую говорилъ въ церкви С.-Жермена Оксерскаго. Его тотчасъ же арестовали и поступили съ нимъ такъ строго, что 25-го онъ принесъ въ той же церкви публичное отреченіе; университетъ выказалъ мужества болѣе, чѣмъ можно было ожидать, и 3-го марта 1496 года принялъ статутъ, подписанный ста двѣнадцатью докторами богословія, подтверждавшій ученіе и постановлявшій, что въ университетъ будутъ приниматься только тѣ, кто предварительно принесетъ присягу защищать это ученіе; если же принятое въ университетъ лицо окажется послѣ этого вѣроотступникомъ, то оно будетъ изгнано, лишено всѣхъ почетныхъ званій и признано язычникомъ и публиканомъ. Этому примѣру послѣдовали университеты Кельна, Тюбингена, Майнца и другихъ городовъ; почти всѣ ученыя общества стали, такимъ образомъ, противъ доминиканцевъ и внѣдрили ученіе въ умы большинства послѣдующихъ богослововъ. Повсюду большинство кардиналовъ и прелатовъ дали свое согласіе; короли и князья присоединились къ движенію; кармелиты также приняли новое ученіе, и доминиканцамъ пришлось почти однимъ выдерживать эту неравную борьбу. Въ 1451 году доминиканцы вызвали въ Гейдельбергѣ францисканцевъ на публичный диспутъ по этому вопросу; францисканцы охотно приняли вызовъ, но общественное мнѣніе приняло такой угрожающій характеръ, что они были вынуждены просить графа-паладина и городскія власти запретить диспутъ. Правда, около этого времени монахинѣ-августинкѣ Св. Вероникѣ изъ Бинаско было видѣніе, въ которомъ Св. Дѣва прямо заявила, что она была освящена въ утробѣ матери; но даже и это божеское откровеніе не могло остановить распространенія новаго догмата [2]).

Защитники Непорочнаго Зачатія сдѣлались настолько раздражительными, что всякій доминиканецъ, проповѣдуя 8-го декабря, долженъ былъ строго наблюдать за своими словами, когда упоминалъ о Св. Дѣвѣ, что было неизбѣжно въ этотъ день, показавшій униженіе ордена. На праздникѣ въ 1496 г. въ Діеппѣ доминиканецъ Жанъ де Веръ употребилъ выраженія, показавшіяся косвеннымъ опроверженіемъ догмата; его тотчасъ же схватили и заставили принести публичное сознаніе въ своемъ заблужденіи и поклясться защищать въ будущемъ догматъ. Въ слѣдующемъ году братъ Жанъ Алутье утверждалъ,

---

[1]) Wadding, ann. 1477, № 1; ann. 1479, №№ 17—18.—C. 1, 2, Extrav. Commun. III. XII.

[2]) D'Argentré, I. II, 331—5, 342—3.—Trithem. «Chron. Hirsaug.» ann. 1492.—Wadding, ann. 1500, № 29.—Chron. Glassberger, ann. 1501.—Amort, «de Revelationibus», P. II, 206.

Библиотека "Руниверс"

что Пресв. Дѣва никогда не совершила ни одного грѣха, даже незначительнаго, хотя Св. Іоаннъ Златоустъ и заявилъ, что она согрѣшила тщеславіемъ въ день своего Зачатія. Эти слова признали замаскированнымъ нападеніемъ, и братъ Жанъ былъ наказанъ, хотя и не публично. Немного позднѣе другой доминиканецъ, Жанъ Морселль, сказалъ въ своей проповѣди, что неизвѣстно, кто лучше Ева или Марія, что неизвѣстно, дѣйствительно ли Христосъ шелъ впереди Св. Маріи, когда она поднималась въ рай, что взятіе Маріи послѣ Успенія на небо не было догматомъ и сомнѣваться въ этомъ не грѣшно. Все это казалось довольно невиннымъ какъ по характеру вопросовъ, такъ и потому, что они не разрѣшались положительнымъ образомъ; тѣмъ не менѣе, брата Жана заставили публично заявить, что первое его положеніе подозрительно, второе ложно, а третье еретично.

Только эта преувеличенная щепетильность ученыхъ можетъ объяснить мѣры строгости, принятыя противъ одного каноника Св. Августина, Пьеро изъ Лукки, который въ 1504 г. въ Мантуѣ сказалъ въ одной проповѣди, что Христосъ былъ зачатъ не въ утробѣ, но въ сердцѣ Маріи и зарожденъ изъ трехъ самыхъ чистыхъ капель ея крови. Инквизиція тотчасъ же арестовала его и осудила, какъ еретика, и онъ едва избѣгъ костра. Тогда къ великому соблазну вѣрныхъ начались пренія. Баптистъ Мантуанскій написалъ книгу, чтобы установить истинное мѣсто зачатія Іисуса. Юлій II потребовалъ дѣло въ Римъ и поручилъ его кардиналамъ Порто и С.-Виталя, которые созвали собраніе ученыхъ богослововъ. Въ 1511 г. послѣ всесторонняго обсужденія эти лица осудили новую теорію, какъ еретическую, и чистота вѣры была спасена [1]).

Усилія людей внести новый догматъ были подкрѣплены чудесными явленіями. Въ 1440 г. въ одномъ нѣмецкомъ городѣ одинъ доминиканецъ, проповѣдуя противъ Непорочнаго Зачатія, призвалъ на свою голову несчастную смерть въ тотъ же день, если онъ говоритъ неправду; и во время вечерни, когда всѣ монахи собрались на клиросѣ, вбѣжалъ чудовищный волкъ, разорвалъ злосчастнаго монаха и исчезъ. Другой доминиканецъ предпринялъ публичный диспутъ противъ догмата, но Св. Дѣва измѣнила слова уже во рту монаха, и онъ могъ говорить только истину, которую хотѣлъ отрицать. Магистръ Джованни изъ Витербо, приводя доказательства противъ догмата, тяжко захворалъ; вспомнивъ, какъ подобнымъ же образомъ былъ наказанъ Александръ Гальскій за отказъ почтить праздникъ Непорочнаго Зачатія и какъ онъ получилъ исцѣленіе, послѣ того какъ далъ обѣтъ торжественно праздновать этотъ день, онъ обратился къ Св. Дѣвѣ съ просьбой вернуть ему здоровье, чтобы свидѣтельствовать о ея Непорочномъ Зачатіи, и тотчасъ же исцѣлился. Въ то время, когда еще одинъ доминиканецъ проповѣдывалъ противъ догмата, образъ Св. Дѣвы, висѣвшій надъ главнымъ входомъ въ церковь, упалъ и обратился въ пыль. Это чудо такъ возбудило гнѣвъ народа, что съ великимъ трудомъ удалось удержать его отъ убійства монаха и разрушенія монастыря [2]).

Положеніе доминиканцевъ становилось безнадежнымъ. Весь христіанскій міръ объединился противъ нихъ. Только упорный отказъ папъ произнести послѣднее слово избавлялъ ихъ отъ стыда принять догматъ, ложность котораго доказалъ Ѳома Аквинатъ. Ѳома Аквинатъ былъ ихъ оплотомъ, и традиція считала его вдохновленнымъ свыше. Имъ никогда не приходило въ голову утверждать, какъ это сдѣлали его современные комментаторы, что онъ не хотѣлъ придавать своимъ словамъ тотъ смыслъ, который они, повидимому, имѣли; уступить же въ вопросѣ о Непорочномъ Зачатіи, не прибѣгнувъ къ этому средству, значило признать, что Doctor Angelicus ошибался. Альтернатива была жестокая, но выбора не было. Вся надежда была на нейтральное положеніе папства и

---

[1]) Trithem. «Chron. Hirsaug». ann. 1497.—D'Argentré. I. II, 336—40, 347.—Ripoll. IV, 267. - Bernardi Comens. «Lucerna Inquisit.» s. v. «Haeresis», № 23.

[2]) Bernardini de Bustis, «Mariale». P. I. Serm. VII, стр. 2.

Библиотека "Руниверс"

на продолженіе этой безвыходной борьбы противъ новаго догмата, который становился все болѣе могущественнымъ и распространялся ихъ объединившимися врагами съ энтузіазмомъ, внушавшимъ надежду на близкую побѣду. Они тѣмъ болѣе живо чувствовали двусмысленность своего положенія, что Св. Дѣва была взята ими, какъ особая покровительница ихъ ордена; почитаніе четокъ и особое поклоненіе Св. Дѣвѣ Маріи были установленіемъ чисто доминиканскимъ. Послѣ того, какъ они почитали Св. Дѣву самымъ преувеличеннымъ образомъ, они оказывались теперь въ глазахъ всѣхъ хулителями ея, и всюду ихъ клеймили именемъ maculistae. Не сойдетъ ли Св. Марія, чтобы освободить своихъ вѣрныхъ изъ затрудненій, въ которыхъ они очутились?

Вдругъ въ 1507 г. распространился слухъ, что въ Бернѣ явилась Св. Дѣва, чтобы спасти своихъ вѣрныхъ слугъ. Въ одномъ монастырѣ доминиканскихъ обсервантиновъ она нѣсколько разъ являлась одному святому монаху и открыла ему, какъ тяжело для нея преступленіе, совершаемое францисканцами, утверждающими Непорочное Зачатіе. Послѣ зачатія она въ теченіе трехъ часовъ оставалась въ состояніи первороднаго грѣха, раньше своего освященія; ученіе Св. Ѳомы истинно и внушено Богомъ, Александръ Гальскій, Дунсъ Скотъ и многіе другіе францисканцы заглаживаютъ въ Чистилищѣ свое преступное утвержденіе Непорочнаго Зачатія. Юлій II долженъ разрѣшить вопросъ и основать въ честь истины праздникъ еще большій, чѣмъ праздникъ 8-го декабря. Чтобы ускорить это, Св. Дѣва дала монаху крестъ, окрашенный кровью Ея Сына, три слезинки, пролитыя Имъ въ пустынѣ Іерусалима, три пеленки, которыми повитъ былъ Младенецъ во время бѣгства въ Египетъ, и фіалъ, въ которомъ была часть крови, пролитой Имъ во время страданій за спасеніе людей; въ то же время она вручила монаху письмо, адресованное Юлію II, въ которомъ она обѣщала папѣ такую же славу, какою пользуется Ѳома Аквинатъ, въ возмездіе за услугу, которую она ожидаетъ отъ него. Это письмо, скрѣпленное должнымъ образомъ печатями доминиканскихъ пріоровъ Берна, Базеля и Нюрнберга, было послано папѣ.

Разсказы о божественномъ явленіи произвели страшное движеніе; безчисленная толпа собралась въ доминиканской часовнѣ, чтобы взглянуть на монаха, избраннаго Св. Дѣвою. Такъ какъ онъ, кромѣ того, являлъ чудеса поста, молитвы и умерщвленія плоти, то слава святости, окружавшая его благодаря этимъ видѣніямъ, еще болѣе увеличилась. Послѣ одного экстаза онъ явился отмѣченный язвами Христа; церковь устроили такъ, чтобы онъ во время своихъ благоговѣйныхъ молитвъ могъ являть разныя дѣйствія изъ Страстей Господнихъ, и множество зрителей созерцало эту церемонію со смѣшаннымъ чувствомъ удивленія и страха.

Затѣмъ одна икона Св. Дѣвы начала проливать слезы, и это объяснили тѣмъ, что скорбь ея была вызвана тѣмъ пренебреженіемъ, съ которымъ относились къ ея предупрежденіямъ, ибо она предсказала бѣдствіе, которое постигнетъ Бернъ, если городъ не перестанетъ получать содержанія отъ Франціи, не изгонитъ францисканцевъ и совершенно не отречется отъ вѣры въ Непорочное Зачатіе.

Люди толпами сбѣгались со всѣхъ окрестныхъ странъ, и слава о чудесныхъ явленіяхъ распространялась повсюду, когда городскія власти Берна съ удивленіемъ увидали монаха Летсера, на долю котораго выпала честь этихъ видѣній; онъ бѣжалъ къ нимъ, прося защитить его противъ старшихъ членовъ монастыря, которые подвергали его пыткѣ и хотѣли отравить. Слѣдствіе раскрыло весь обманъ. Вигандъ Виртъ, магистръ доминиканцевъ обсервантиновъ и профессоръ богословія, поссорился въ 1501 г. съ однимъ приходскимъ священникомъ Франкфурта; оба духовныхъ лица обмѣнялись оскорбленіями, каждый съ высоты своей каѳедры. Въ одной проповѣди священникъ благодарилъ Бога, что онъ не принадлежитъ къ ордену, виновному въ убійствѣ императора Генриха VII при помощи отравленной облатки и въ отрицаніи Непорочнаго Зачатія. Присутствовавшій

Библиотека "Руниверс"

ГАЛИЛЕЙ ПРЕДЪ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ КОМИССІЕЙ.

Гаусманъ.

Библиотека "Руниверс"

при этомъ Вирть закричалъ ему, что онъ лжецъ и еретикъ. Возникли волненія; орденъ поддержалъ Вирта и подалъ жалобу Юлію II, который назначилъ комиссію. Результатъ трудовъ послѣдней былъ неблагопріятенъ Вирту, который, въ страшной ярости, покинулъ Франкфуртъ и издалъ рѣзкій памфлетъ противъ своихъ противниковъ. Майнцскій архіепископъ велѣлъ сжечь книгу, а всѣ его суффраганы запретили ея распространеніе. Страшно разсерженные доминиканцы собрали въ Вимпфенѣ капитулъ, на которомъ было рѣшено доказать чудомъ ложность ученія о Непорочномъ Зачатіи. Сначала мѣстомъ дѣйствія избрали Франкфуртъ, затѣмъ испугались архіепископа и остановились на Нюрнбергѣ; но побоялись встрѣтить препятствіе со стороны многочисленныхъ ученыхъ этого города, и выбрали, въ концѣ концовъ, Бернъ, городъ многолюдный и могущественный, но простой и необразованный. Сановники доминиканскаго монастыря этого города, пріоръ Іоаннъ Веттеръ, вице-пріоръ Франциск Ульки, лекторъ Стефанъ Больсгорстъ и прокуроръ Генрихъ Штернекеръ взялись выполнить проектъ и выбрали орудіемъ портного изъ Цурцаха Іоанна Летсера, только что вступившаго въ орденъ. Чтобы удовлетворить вкусамъ эпохи, при разборѣ дѣла было доказано, что они начали призываніемъ демона, договоры съ которымъ скрѣпили своею кровью; но одной ихъ изобрѣтательности было достаточно, чтобы разыграть комедію, такъ какъ, чтобы сдѣлать стигматы на кожѣ Летсера, они, говорятъ, сдѣлали ее сначала нечувствительной при помощи мази изъ магическаго лѣкарства, составленнаго изъ крови, взятой изъ пупка новорожденнаго еврея, и девятнадцати волосковъ, выдернутыхъ изъ его бровей. Обманъ былъ тщательно подготовленъ цѣлымъ рядомъ явленій, начиная съ простого привидѣнія и кончая явленіемъ Св. Дѣвы. По словамъ Летсера, онъ вѣрилъ въ истинность этихъ видѣній, пока, войдя случайно въ комнату Больсгорста, онъ не засталъ его готовымъ выйти на сцену въ женскомъ костюмѣ, похожемъ на костюмъ, въ которомъ являлась Св. Дѣва. Угрозами и обѣщаніями Летсера заставили согласиться помогать обману еще нѣкоторое время; но, наконецъ, боясь за свою жизнь, онъ бѣжалъ и явился разсказать всю исторію магистратамъ.

Летсеръ былъ отосланъ къ Лозанскому епископу, который выслушалъ его разсказъ и уполномочилъ дѣйствовать городскія власти Берна. Четверо доминиканцевъ были закованы въ цѣпи и размѣщены въ отдѣльныя камеры; было послано въ Римъ посольство, которое не безъ труда добилось аудіенціи у папы. На мѣсто прибыла папская комиссія, но полномочія ея были недостаточны; назначеніе второй комиссіи затянулось; наконецъ, комиссары прибыли, имѣя во главѣ Ахилла, позднѣе кардинала С.-Сесто, одного изъ самыхъ ученыхъ юристовъ эпохи. Пытка была примѣнена въ широкихъ размѣрахъ какъ къ Летсеру, такъ и къ обвиняемымъ, и были получены полныя сознанія. Сознанія эти были настолько скандальны, что комиссары хотѣли ихъ скрыть даже отъ свѣтскихъ чиновниковъ; когда же послѣдніе выразили свое недовольство, то рѣшили показать признанія избранному комитету, составленному изъ восьми лицъ, давшихъ формальное обѣщаніе хранить ихъ въ тайнѣ; для удовлетворенія же любопытства народа ограничились чтеніемъ нѣкоторыхъ обвиненій, достаточныхъ для оправданія осужденія виновныхъ на костеръ. Этихъ обвиненій было четыре: отрицаніе Бога; святотатство, состоявшее въ томъ, что они красили въ красный цвѣтъ освященныя облатки; ложное изображеніе Св. Дѣвы, проливающей слезы; поддѣлка стигматовъ. Четверо виновныхъ были выданы въ руки свѣтской власти, и черезъ восемь дней, если благочестивое желаніе Николая Гласбергера было услышано, они среди пламени достигли неба; сожжены они были на лугу, расположенномъ на другомъ берегу Аара, и пепелъ ихъ былъ брошенъ въ рѣку, чтобы его не почитали, какъ святыню; предосторожность эта была разумна, такъ какъ орденъ старался провозгласить мучениками этихъ четырехъ лжецовъ. Отмѣтимъ, что въ приговорѣ, вынесенномъ судьями, совершенно ничего не говорится о Непорочномъ Зачатіи. Въ виду постояннаго раздраженія между нищенствующими орденами папскіе представители, повидимому, считали

Библиотека "Руниверс"

болѣе благоразумнымъ оставить этотъ вопросъ на второмъ планѣ. Павелъ Лангій передаетъ, что дѣло вызвало сильное возбужденіе; maculistae тщетно старались дѣйствовать противъ народной вражды, распуская всевозможныя искаженныя и ложныя версіи. Юлій II, далекій отъ повиновенія видѣніямъ Летсера, утвердилъ въ 1511 г. монашескій орденъ Непорочнаго Зачатія, основанный въ 1484 г. благочестивой Беатрисой Сильва [1]).

Вигандъ Виртъ не вышелъ изъ этого дѣла вполнѣ безнаказанно, хотя, повидимому, онъ не принималъ прямого участія въ обманѣ. Доминиканцы обсервантины преслѣдовали его передъ Св. Престоломъ за его язвительный памфлетъ противъ своихъ противниковъ. Процессъ послѣдовательно вели комиссіи, составленныя изъ кардиналовъ; наконецъ, 25-го октября 1512 г. Виртъ отказался защищать себя и былъ осужденъ на самое унизительное отреченіе. Онъ публично отвергъ, отринулъ, уничтожилъ и искоренилъ свою книгу какъ соблазнительную, оскорбительную, безчестную, безполезную и вредную: онъ сознался, что въ этомъ сочиненіи онъ оскорбилъ богословское ученіе и затронулъ братскую любовь многихъ лицъ, именно досточтимыхъ францисканцевъ, и затронулъ честь и доброе имя Конрада Генслена, Ѳомы Вольфа, Себастіана Брандта и Іакова Шлештадта (Вимфелинга); онъ заявлялъ, что онъ вѣритъ, что сторонники ученія о Непорочномъ Зачатіи не ошибались. Кромѣ того, подъ страхомъ пожизненнаго тюремнаго заключенія онъ обѣщалъ повторить свое отреченіе въ Гейдельбергѣ до истеченія четырехъ мѣсяцевъ, считая съ 1-го ноября, въ мѣстномъ францисканскомъ монастырѣ; онъ просилъ прощенія у всѣхъ, кого оскорбилъ, и соглашался подвергнуться пожизненному тюремному заключенію, если какимъ-нибудь образомъ, прямо или косвенно, повторитъ свое заключеніе. Доминиканскій генералъ, присоединившійся къ приговору, приказалъ всѣмъ пріорамъ и прелатамъ ордена заключить на всю жизнь кающагося въ тюрьму, гдѣ бы онъ ни былъ открытъ, въ случаѣ онъ не исполнитъ своихъ обѣщаній. Какъ было условлено, Виртъ въ среду на первой недѣлѣ Великаго Поста 24-го февраля 1513 г. явился въ церковь Св. Духа въ Гейдельбергѣ въ тотъ часъ, когда было наибольшее стеченіе народа, и повторилъ свое унизительное отреченіе. Испытаніе было такъ тяжело, что онъ не могъ удержаться, чтобы не воскликнуть, что это было для него ужаснымъ наказаніемъ. Францисканцы поручили присутствовавшему при этомъ нотаріусу записать подробности этой церемоніи; затѣмъ этотъ документъ былъ запечатанъ и распространенъ повсюду, чтобы всѣ знали о низложеніи несчастнаго контроверсиста [2]).

Судьба бернскихъ мучениковъ не помѣшала доминиканцамъ продолжать дѣятельно поддерживать борьбу противъ своихъ противниковъ, съ каждымъ днемъ становившихся все сильнѣе. Я имѣю передъ собою небольшое сочиненіе, очевидно изданное около этого времени доминиканцемъ въ качествѣ руководства для контроверсистовъ, въ которомъ собраны мнѣнія двухсотъ шестнадцати докторовъ Церкви, свидѣтельствующихъ, что

---

[1]) Я здѣсь слѣдовалъ современному сообщенію объ этомъ интересномъ дѣлѣ, «De quatuor Haeresiarchis in civitate Bernensi nuper combustis», A. D. 1509, in—4°, Sine nota (Страсбургъ, 1509 г.); трудъ этотъ приписывается Томасу Мурнеру. Это сообщеніе довольно близко отвѣчаетъ болѣе сокращеннымъ разсказамъ Тритгема («Chron. Hirsaug.» ann. 1509), Себастьяна Брандта (Pauli Langii «Chron. Citicens.» ann. 1509) и хроники Гласбергера (ann. 1501, 1506, 1507, 1509).—Garibay, «Compendio Historial de España», lib. XX, cap. 13.

Бернская община особенно набожно поклонялась Св. Дѣвѣ. Въ 1489 году нѣкто Николай Ротельфингеръ имѣлъ неосторожность заявить, что Св. Дѣва Марія можетъ помочь такъ же хорошо людямъ дурнымъ, какъ и хорошимъ. За эти легкомысленныя слова его приговорили на цѣлый день къ желѣзному ошейнику и заставили присягнуть, что онъ лично отправится къ папѣ и принесетъ отъ него письменное отпущеніе грѣха.—Valerius Anshelm, «Berner Chronik», Бернъ, 1884 г., I, 355.

[2]) Revocatio fratris Voygandi Vuirt (apud Trebotes, sine anno).

Библиотека "Руниверс"

Св. Дѣва была зачата въ первородномъ грѣхѣ. Это—внушительный списокъ, въ которомъ фигурируютъ самыя крупныя имена Церкви и, между прочимъ, нѣсколько папъ. Компиляторъ, очевидно, съ особымъ удовольствіемъ сгруппировалъ вмѣстѣ имена самыхъ почитаемыхъ авторитетовъ францисканскаго ордена: Св. Антонія Падуанскаго, Александра Гальскаго, Св. Бонавентуры, Ричарда Мидльтона, Дунсъ Скота, Вильгельма Оккама, Николая де Лира, Джакопоне да Тоди, Альваро Пелайо, Бартоломео Пизанскаго и многихъ другихъ. Въ 1515 г. кардиналъ Каетано послалъ Льву X трактатъ по этому вопросу, въ которомъ ссылался на Св. Августина, Іоанна Златоуста, Реми, Беду, Ансельма, Ѳому Аквината, Бернардина Сіенскаго и нѣкоторыхъ другихъ, чтобы оправдать въ его глазахъ, что мнѣніе о Зачатіи Св. Дѣвы въ первородномъ грѣхѣ было разумно и правдоподобно. Несмотря на всѣ эти вѣскіе авторитеты, доминиканцамъ пришлось выдержать трудную борьбу на Тріентскомъ соборѣ; но они имѣли еще достаточно силы добиться послѣ горячаго спора, чтобы вопросъ остался открытымъ и чтобы соборъ ограничился утвержденіемъ благоразумной буллы Сикста IV. Однако, споръ горячо продолжался, вызывая волненія и соблазны, которые Церковь оплакивала, но умиротворить не могла. Въ 1570 г. Павелъ IV попытался уничтожить зло, запретивъ публичныя пренія. Онъ снова издалъ буллу Сикста IV, отмѣтивъ, что Тріентскій соборъ позволилъ каждому сохранить свое личное мнѣніе, и поручилъ ученымъ разсматривать вопросъ въ университетахъ и капитулахъ, пока не послѣдуетъ рѣшенія Святого Престола. Но всякія публичныя пренія, всякое утвержденіе того или другого мнѣнія въ проповѣдяхъ или пасторскихъ посланіяхъ было запрещено, подъ страхомъ отлученія отъ должности и ipso facto пожизненнаго ограниченія въ правахъ. Эта попытка поддержать миръ въ Церкви была такъ же безплодна, какъ и предшествующія. Въ 1616 г. Павелъ V жаловался, что несмотря на спасительныя рѣшенія, принятыя имъ по этому вопросу, ссоры и скандалы продолжались по-старому, угрожая сдѣлаться еще болѣе опасными; вслѣдствіе этого къ существовавшимъ наказаніямъ онъ прибавлялъ пожизненное запрещеніе учить или проповѣдывать и приказывалъ инквизиторамъ и епископамъ повсюду строго наказывать ослушаніе его указовъ. Однако, дѣло принимало все болѣе неблагопріятный для доминиканцевъ оборотъ. Спустя годъ, въ августѣ 1617 г., въ генеральной конгрегаціи римской Инквизиціи Павелъ обнародовалъ другой декреталій, въ которомъ онъ распространялъ наказанія на всякаго, кто будетъ публично утверждать, что Св. Дѣва была зачата въ первородномъ грѣхѣ. Онъ не отвергъ этого мнѣнія, не принялъ положительнаго рѣшенія и приказалъ тѣмъ, кто публично защищалъ Непорочное Зачатіе, ограничиться защитой своего положенія безъ нападокъ на своихъ противниковъ; какъ и раньше, епископамъ и инквизиторамъ поручалось наказывать всѣ нарушенія этого распоряженія. Тогда Филиппъ III принялъ такое дѣятельное участіе въ спорѣ, что сдѣлалъ изъ него государственный и дипломатическій вопросъ; онъ очень настоятельно побуждалъ Св. Престолъ высказаться окончательно и вступилъ въ переговоры относительно совмѣстнаго дѣйствія съ французскимъ дворомъ, который, какъ говорятъ, отвѣтилъ только благочестивыми словами. Въ 1622 г. Григорій XV пошелъ далѣе въ дѣлѣ подавленія этихъ постоянныхъ разногласій, распространивъ наказанія и на всѣхъ тѣхъ, кто будетъ поддерживать ученіе о зачатіи Св. Дѣвы въ грѣхѣ даже въ частныхъ собраніяхъ; но въ то же время онъ запретилъ употребленіе слова immaculata въ богослуженіи въ праздникъ Зачатія. Доминиканцы не могли перенести такого наложеннаго на нихъ молчанія; спустя десять мѣсяцевъ, они добились смягченія запрещенія и получили разрѣшеніе поддерживать и защищать свое мнѣніе въ своемъ интимномъ кружкѣ. Эти буллы дали много работы Инквизиціи, такъ какъ невозможно было сдержать жаръ диспутовъ. Одно руководство той эпохи говоритъ, что споры продолжались, несмотря на запрещеніе, и что виновные, независимо отъ ихъ мнѣнія, отсылались въ Римъ и судились верховнымъ судомъ, гдѣ, насколько возможно, старались, чтобы доминиканцы не были свидѣтелями,

Библиотека "Руниверс"

если обвиняемый былъ францисканецъ, и наоборотъ. Тѣмъ не менѣе, доминиканецъ Ѳома Гажъ, путешествовавшій около 1630 г. по испанскимъ колоніямъ, говоритъ, что онъ имѣлъ по этому вопросу въ Гватемалѣ публичныя бесѣды, на которыхъ защищалъ ученіе ѳомистовъ противъ францисканцевъ, скотистовъ и іезуитовъ. Онъ не рѣшился бы на подобный смѣлый поступокъ въ Испаніи, такъ какъ въ 1636 г. одинъ человѣкъ, заявившій въ Мадридѣ передъ главнымъ входомъ въ церковь Св. Филиппа, что Св. Дѣва была зачата въ первородномъ грѣхѣ, былъ раненъ нѣсколькими солдатами, случившимися по близости. Арестованный Инквизиціей онъ былъ посаженъ въ секретное отдѣленіе и въ ожиданіи процесса излѣченъ отъ ранъ. Однако, доминиканцы держались еще твердо; лѣтъ двадцать пять спустя испанскіе епископы лично жаловались Александру VII, что находятся еще люди, которые публично отрицаютъ догматъ; поэтому въ 1661 г. Александръ издалъ новую буллу, подтверждавшую буллы Павла V и Григорія XV и заключавшую добавочныя наказанія. Равнымъ образомъ онъ внесъ въ Индексъ всѣ книги, въ которыхъ были нападки на догматъ; но подобно своимъ предшественникамъ онъ запретилъ сочиненія, въ которыхъ противники ученія уличались въ ереси [1]).

Около этого времени считалось ересью, если кто-нибудь заявлялъ, что онъ готовъ до смерти защищать ученіе о Непорочномъ Зачатіи. Въ 1541 г. Алонсо де Кастро, хотя и францисканецъ, пользуется этимъ примѣромъ для доказательства, что ересь—доводить свое мнѣніе до положенія, не принятаго еще, какъ догматъ. Но споръ былъ такъ горячъ повсюду, что многіе въ увлеченіи полемикой выказывали свое рвеніе, предлагая свою жизнь въ подтвержденіе своего убѣжденія. Такъ, напр., 6-го мая 1618 г. собрались всѣ авторитеты и сановники Саламанки и послѣ торжественной процессіи дали отъ имени всего населенія обѣтъ защищать ученіе до послѣдней капли крови. Это заявленіе было оффиціально занесено нотаріусомъ въ книгу. Другимъ преувеличеніемъ было вѣрованіе, что тотъ, кто погибнетъ, защищая Непорочное Зачатіе, будетъ причисленъ къ лику мучениковъ; но въ 1619 г. португальская Инквизиція съ согласія Павла V объявила это мнѣніе еретическимъ, и когда воинственный іезуитъ Теофиль Райно въ своемъ сочиненіи De Martyrio per pestem заявилъ, что такимъ путемъ можно получить мученическій вѣнецъ, то Конгрегація Индекса, находившаяся всегда подъ вліяніемъ доминиканцевъ, приказала ему выкинуть это мѣсто. Такъ какъ Инквизиція по большей части находилась въ рукахъ доминиканцевъ, то она должна была сильно воспользоваться этой новой ересью для преслѣдованія черезчуръ ревностныхъ защитниковъ ученія; и, несомнѣнно, въ виду этого въ подобныхъ случаяхъ обвиненіе стали представлять верховной Инквизиціи Рима и ожидать рѣшенія этого судилища; такимъ образомъ, сковывали иниціативу мѣстныхъ инквизиторовъ. Судя по замѣчаніямъ Карены, подобныя дѣла были, очевидно, довольно часты и вызывали много волненій и непріятностей [2]).

---

[1]) «De Beatae Virginis Conceptione Ducentorum et sexdecim Doctorum vera, tuta, et tenenda Sententia» (Sine nota, sed. c. 1500).—Caietani «Opuscula», T. II, tract. 1.—Concil. Trident. «Sess. v. Decr. de Orig. Peccat.» § 5.—Pauli PP. IV. Bull. «Superspeculum» (Mag. Bull. Rom. II, 343).—Pauli PP. V. Bill. «Regis pacifici» (Ibidem, 392).—Ejusdem Constit. «Sanctissimus» (Ibidem, 400). Collectio Decretorum Sacr. Congr. S. Officii, s. v. «Conceptio» (Ms. «penes me»).— Gregor. PP. XV. Constit. «Sanctissimus» (Mag. Bull. Rom. II, 478).—Ejusdem Bull. «Eximii» (Ibid. 478).—Prattica del Modo da procedersi nelle Cause del. S. Offitio, cap. XIX (Mss. Bib. Reg. Monachens. Cod. Ital. 598).—Mss. Bib. Nat. fonds italien, 139.—Gage, «New Survey of the West Indies», Лондонъ, 1677 г., стр. 266.—Cartas de Jesuitas («Memorial Hist Español», T. XIII, 450).—Le Tellier, «Recueil des bulles concernant les erreurs»... Mons (Rouen) 1697, стр. 96.

[2]) Alph. de Castro «de justa Haeret. Punitione», Lib. I, c. VIII. Dub. 4.—Carenae «Tractatus de Modo procedendi», Tit. XVII, § 9.—Dorado, «Compendio Historico de la Ciudad de Salamanca», 469-71.—Catalani «de Secretario Congregationis Indicis», Romae, 1751, стр. 36.

Горячее поклоненіе населенія въ Испаніи Пресв. Дѣвѣ дѣлало Инквизицію черезчуръ

Библиотека "Руниверс"

Іезуиты своимъ вліяніемъ дали догмату о Непорочномъ Зачатіи значительную поддержку, и со временемъ мы встрѣтимъ иногда ихъ, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ произносящими обѣтъ (считавшійся еретическимъ) защищать ученіе цѣною своей жизни и крови. Въ 1715 г. Муратори, скрывъ благоразумно свое имя подъ псевдонимомъ Ламинда Пританія, издалъ сочиненіе, осуждавшее этотъ обычай. Въ 1729 г. послѣдовалъ отвѣтъ со стороны іезуита Франческо Бурджи, которому онъ отвѣтилъ подъ именемъ Антонія Лампридія. Завязался горячій споръ, длившійся болѣе четверти вѣка. Въ 1750 г. Бернардесъ де Мореасъ издалъ въ Лиссабонѣ большое сочиненіе въ двухъ томахъ in folio въ защиту своихъ взглядовъ, и въ 1765 г. вторая книга Муратори была внесена въ испанскій Индексъ. Бенедиктъ XIV въ своемъ выдающемся сочиненіи De Beatificatione говоритъ, что Церковь склоняется къ ученію о Непорочномъ Зачатіи, но что это ученіе не признано еще догматомъ; онъ оставляетъ также безъ разрѣшенія вопросъ, должно ли считать мученикомъ того, кто умретъ, защищая это ученіе. Впрочемъ, въ Индексѣ 1738 г. онъ запретилъ всѣ книги, вышедшія съ 1617 г., въ которыхъ говорилось, что зачатіе Св. Дѣвы произошло въ первородномъ грѣхѣ, или въ которыхъ, наоборотъ, обвинялись въ ереси, невѣріи и смертномъ грѣхѣ защитники этого мнѣнія. Такимъ образомъ, папство всегда соблюдало равновѣсіе; но Св. Престолъ показалъ свое отношеніе 21-го ноября 1793 г., когда Пій VI предоставилъ сто дней индульгенціи всѣмъ, кто будетъ повторять слѣдующую благочестивую молитву: «Да будетъ навѣки благословенно Святое и Непорочное Зачатіе Пресвятой Дѣвы Маріи!» Такимъ образомъ, легко понять, что епископъ Петръ А. Бенсъ (A. Baines), папскій викарій въ Англіи, необдуманно высказавшійся по этому вопросу въ 1840 г. въ своемъ пастырскомъ посланіи, получилъ рѣзкое замѣчаніе и былъ вынужденъ письменно обѣщать публично приступить, какъ только представится случай, къ подробному опредѣленію, данному относительно этого пункта Св. Престоломъ. Рѣшеніе наступило скоро. Въ 1849 г. Пій IX спросилъ совѣта всѣхъ епископовъ относительно вѣрности постановленія, опредѣляющаго Непорочное Зачатіе, какъ догматъ Церкви. Прелаты Италіи, Испаніи и Португаліи, числомъ около 490, почти единодушно высказались за папскій проектъ; многіе другіе изъ разныхъ странъ колебались и не совѣтовали дѣлать этого. На мнѣнія послѣднихъ не обратили вниманія, и 8-го декабря 1854 г. Пій IX обнародовалъ торжественное рѣшеніе, объявлявшее Непорочное Зачатіе догматомъ вѣры. Такимъ образомъ, послѣ мужественной борьбы, тянувшейся въ теченіе пяти столѣтій съ неутомимымъ упорствомъ, доминиканцы были окончательно побѣждены. Они поторопились заявить устами своего генералъ-прокурора П. Года, что они съ радостью и безъ принужденія принимаютъ это рѣшеніе, и что въ нихъ не слѣдуетъ видѣть закованныхъ въ цѣпи плѣнниковъ, идущихъ за колесницей тріумфатора;

строгой въ ея почитаніи Дѣвы Маріи. Въ 1462 году инквизиторъ Діего Нарбоннскій въ своихъ «Annales Tractatus Juris» привелъ одно мѣсто изъ Климента Александрійскаго («Stromat.» lib.VII), гдѣ было сказано, что нѣкоторые полагали, что Дѣва, послѣ рожденія Христа, подверглась осмотру повитухи, чтобы доказать свое дѣвство. Хотя Діего осудилъ это утвержденіе, какъ неприличное и оскорбительное для Св. Дѣвы, тѣмъ не менѣе, на книгу былъ сдѣланъ доносъ инквизитору Гренады, который препроводилъ дѣло генералъ-инквизитору. Тщетно Діего старался защититься. Ему показали, что въ «Index Expurgatorius» 1640 г. было приказано, чтобы это мѣсто Климента было borrado (вычеркнуто), равно какъ мѣста у другихъ авторовъ, ссылающихся на него, дабы была предана полному забвенію эта скандальная исторія. Въ свое оправданіе Діего сослался на одно мѣсто у отца Базиліо Понсе Леонскаго; но Инквизиція объяснила ему, что это мѣсто также должно быть borrado, а такъ какъ всякое лицо, имѣвшее экземпляръ книги, въ которомъ было осужденное мѣсто, должно было выскоблить строки и сдѣлать ихъ недоступными для чтенія, то Діего былъ виновенъ въ томъ, что не послушался этого приказанія.—Mss. Bib. Bodleian. Arch. S, 130.

Библиотека "Руниверс"

послѣ этого имъ не осталось никакого иного утѣшенія, какъ остроумными толкованіями доказать, что Ѳома Аквинатъ никогда не оспаривалъ этого ученія [1]).

Интересно прослѣдить эволюцію этого догмата, хотя на результаты ея нельзя смотрѣть, какъ на конечные. Дѣйствительно, ненасытимое желаніе объяснить самыя малѣйшія тайны невидимаго міра дѣлаетъ изъ каждаго рѣшенія точку отправленія для новаго спора. Теперь вопросъ идетъ о томъ, при какихъ условіяхъ произошло Непорочное Зачатіе, и вопросъ этотъ былъ уже затронутъ. Въ 1876 г. послѣдовало осужденіе Іосифа де Фелисите (Vercruysse?), который среди другихъ заблужденій заявлялъ, что Св. Марія была зачата дѣйствіемъ Св. Духа безъ участія Св. Іоакима. Но кто знаетъ, не пріобрѣтетъ ли этотъ догматъ черезъ нѣсколько столѣтій правъ гражданства, и не будетъ ли такимъ образомъ Пресвятая Дѣва поставлена наравнѣ съ своимъ Сыномъ? [2]).

Намъ остается теперь разсмотрѣть литературную цензуру, ту изъ обязанностей Инквизиціи, которую она въ широкихъ размѣрахъ проявила только въ сравнительно недавнее время. Мы уже видѣли, что Бернаръ Ги сжигалъ цѣлыми возами экземпляры Талмуда, и, повидимому, инквизиторы должны были считать это самымъ дѣйствительнымъ средствомъ для защиты вѣры отъ опасныхъ крайностей пера; однако, эта мѣра долгое время оставалась не упорядоченной. Въ сущности университеты были почти единственными центрами умственной жизни и обыкновенно они зорко слѣдили за заблужденіями своихъ членовъ. Когда дѣло шло объ осужденіи какого-нибудь выдающагося сочиненія, то часто обращались къ авторитету Св. Престола. Такъ было поступлено, напр., съ сочиненіемъ Эригена Periphyseos, съ Введеніемъ въ Вѣчное Евангеліе, памфлетомъ Вильгельма де С.-Амуръ противъ нищенствующихъ монаховъ и съ Defensor pacis Марсиліо Падуанскаго. Съ другой стороны, мы видѣли, что въ 1316 г. викарій Таррагонскаго епископа не задумался собрать монаховъ, чтобы осудить многочисленныя сочиненія Арнольда Виллануэва; около этого же времени инквизиторы Болоньи приняли подобную же мѣру противъ комментарія Чекко Асколи на Sphaera Сакробоско. Однако не думали, повидимому, пользоваться Инквизиціей съ этою цѣлью, пока Карлъ IV не сдѣлалъ попытки основать Святой Трибуналъ въ Германіи. Братья Свободнаго Духа широко распространяли свою ересь при помощи благочестивыхъ книгъ, доступныхъ массѣ народа; чтобы остановить это зло и помѣшать мірянамъ незаконно пользоваться переводами Свящ. писанія на народный языкъ, императоръ приказалъ въ 1369 г. инквизиторамъ отобрать и сжечь всѣ эти книги и примѣнить обычныя инквизиціонныя мѣры, чтобы сломить всякое сопротивленіе. Всѣмъ подданнымъ Имперіи, свѣтскимъ и духовнымъ, отъ самаго высшаго до самаго низшаго, было приказано содѣйствовать инквизитору, подъ страхомъ навлечь на себя недовольство императора. Въ 1376 г. явилась запоздалая булла Григорія XI, въ которой онъ жаловался на распространеніе среди народа въ Германіи еретическихъ книгъ и приказывалъ инквизиторамъ разсмотрѣть всѣ подозрительныя сочиненія и осудить тѣ, въ которыхъ они найдутъ заблужденія; послѣ этого осужденія списываніе этихъ книгъ, обладаніе ими, покупка или продажа ихъ становились уже преступленіемъ, подсуднымъ Инквизиціи. Мы не

[1]) Reusch, «Der Index der verbotenen Bücher», II, 843, 896. — Addis and Arnold's «Catholic Dictionary» s. v. «Immaculate».—Index Librorum Prohibitor. Romae 1887, стр. XLIII, 51.—Raccolta di Indulgenze, Camerino, 1803, стр. 63—Gauda, «de Immac. Deiparae Conceptu», 1854 г.

Уже въ 1695 году кардиналъ Сфрондати издалъ большой томъ in-folio подъ заглавіемъ «Innocentia Vindicata», въ доказательство того, что Ѳома Аквинатъ защищалъ Непорочное Зачатіе. Въ подтвержденіе своего положенія онъ широко пользовался апокрифическими сочиненіями, приписываемыми Ѳомѣ Аквинату.

[2]) Reusch, op. cit. II, 989. Необходимо отмѣтить, что здѣсь мы встрѣчаемъ повтореніе заблужденія, раздѣлявшагося катарской сектой, которая думала, что Св. Дѣва была рождена отъ женщины безъ участія мужчины.—Moneta, «adv. Catharos», lib. III, cap. 2.

Библиотека "Руниверс"

знаемъ, каковы были результаты этого законодательства, главный интересъ котораго заключается въ томъ, что онъ представляетъ собою первую правильно организованную литературную цензуру. Около этой же эпохи Эмерикъ былъ занятъ осужденіемъ сочиненій Раймунда Люллія, Раймунда изъ Тарраги и разныхъ другихъ лицъ; но, повидимому, онъ всегда представлялъ дѣло на усмотрѣніе Св. Престола и дѣйствовалъ только по особому указу папы. Мы уже видѣли, что папская комиссія, когда архіепископъ Збинекъ сжегъ въ Прагѣ сочиненія Виклифа, нашла этотъ поступокъ незаконнымъ, и что окончательное осужденіе этихъ сочиненій было сдѣлано на Римскомъ соборѣ въ 1413 г. [1]).

Съ постепеннымъ возрожденіемъ наукъ, книга принимаетъ все большее и большее значеніе, какъ проводникъ мыслей; это значеніе быстро увеличивается съ изобрѣтеніемъ книгопечатанія. Инквизиція приняла за правило считать «тяжко подозрѣваемымъ въ ереси» всякаго, кто, получивъ въ руки еретическую книгу, не сжигалъ ее тотчасъ же или не представлялъ до истеченія восьмидневнаго срока своему епископу или инквизитору. Равнымъ образомъ были запрещены переводы на народный языкъ книгъ Свящ. писанія. Но мысль организовать настоящую цензуру печати зародилась, повидимому, только въ 1501 г.; и, кажется, Германія была единственной страной, гдѣ изданіе опасныхъ и еретическихъ книгъ было стѣснено подобными мѣрами. Всѣ типографщики получили указъ, подъ страхомъ отлученія отъ Церкви и штрафовъ, которые будетъ взыскивать папская канцелярія, представлять на будущее время всѣ книги, находящіяся въ наборѣ, провинціальному архіепископу или его ординатору и выпускать въ свѣтъ только тѣ, которыя послѣ ихъ разсмотрѣнія будутъ разрѣшены прелатомъ; цензорамъ же запрещалось брать какое-либо вознагражденіе за ихъ visa. Кромѣ того, всѣ книги, находящіяся въ данное время въ продажѣ у книготорговцевъ, должны были быть представлены на просмотръ, и экземпляры всѣхъ тѣхъ, въ которыхъ будутъ найдены заблужденія, должны были быть выданы цензорамъ на сожженіе [2]).

Инквизиція настолько потеряла въ Германіи уваженіе, что, повидимому, не подумали даже обратиться къ ея услугамъ, когда приняли эту крупную мѣру для стѣсненія свободы печати; разсчитывали исключительно на епископскую организацію; архіепископы же были какъ всегда, очень заняты мірскими интересами своихъ провинцій, чтобы заботиться о подобныхъ мелочахъ, и, кажется, попытка не дала осязательныхъ результатовъ. Зло продолжало расти, и на Латранскомъ соборѣ 1515 г. Левъ X попытался устранить его еще болѣе суровымъ общимъ законодательствомъ. Булла, выработанная имъ по этому поводу, была одобрена всѣми отцами собора; только одинъ епископъ Амальфи Алексѣй заявилъ, что онъ согласенъ съ этимъ, поскольку это распространяется на новыя книги, но не на старинныя сочиненія. Упомянувъ о благодѣяніяхъ искусства книгопечатанія, булла говорила о многочисленныхъ жалобахъ, поданныхъ Св. Престолу на типографщиковъ, которые во многихъ мѣстностяхъ издавали и продавали книги, переведенныя съ греческаго, арабскаго и халдейскаго какъ на латинскій, такъ и на народные языки, книги, содержавшія заблужденія противъ вѣры и пагубные догматы; эти типографщики издавали также пасквили, позорящіе честь отдѣльныхъ высокопоставленныхъ лицъ, что вызывало многочисленные скандалы и угрожало еще новыми. Поэтому на будущее время никто не имѣетъ права печатать книгу, безъ предварительнаго просмотра ея, скрѣпленнаго собственноручной помѣткой въ Римѣ папскаго викарія и министра папскаго двора, а въ другихъ городахъ Инквизиціей, епископомъ и экспертомъ, по назначенію епископа. Всякое несоблюденіе этихъ формальностей влекло за собою отлученіе отъ Церкви, потерю изданія, подлежащаго сожженію, штрафъ въ сто дукатовъ въ пользу типографіи Св. Петра и закрытіе книжной тор-

[1]) Mosheim «de Beghardis», 368, 378.— Eymeric. 311—66.

[2]) Albertini «Repertor. Inquisit.» s. v. «Libri», «Scriptura».—Raynald. ann. 1501, № 36.

Библиотека "Руниверс"

говли на цѣлый годъ. Открытое сопротивленіе повлечетъ за собой наказанія, которыя послужатъ предостереженіемъ для всѣхъ [1]). Мѣры эти сильно запоздали. Механизмъ преслѣдованія, способный еще пытать колдуній, былъ въ общемъ совершенно расшатанъ, чтобы бороться съ поднимающейся волной человѣческаго разума, и всѣ его непрочныя преграды были быстро сломаны. Мы уже видѣли, какъ послѣ долгой борьбы окончилось ничѣмъ усиліе наложить молчаніе на Рейхлина. Печать наводнилась сатирами Эразма и Ульриха фонъ-Гуттена, и, когда выступилъ Лютеръ, она энергично распространяла въ народѣ рѣзкія выходки реформатора противъ установившагося порядка. Нужно было время, чтобы крайности контръ-реформаціи усовершенствовали систему, предназначенную охранить вѣрныхъ въ странахъ, подчиненныхъ Риму, противъ коварнаго яда, распространяемаго печатью.

— ———

ГЛАВА IX.

Заключеніе.

Мы подробно разсмотрѣли дѣло, выполненное Инквизиціей, какъ прямо, такъ и косвенно; теперь намъ остается бросить бѣглый взглядъ на то, исполненіемъ чего она пренебрегла.

Отношенія между Греческой Церковью и Св. Престоломъ позволяютъ намъ почти рѣшительно утверждать, что преслѣдованіе ереси совершенно не было вопросомъ совѣсти, а было вопросомъ вполнѣ матеріальнымъ, и что его примѣняли или имъ пренебрегали сообразно съ мірскими выгодами папства. Греки были не только схизматиками, но еретиками: Раймундъ Пеннафорте прямо говоритъ, что схизма—ересь, такъ какъ она преступаетъ членъ Символа Вѣры «Unam sanctam Catholicam Ecclesiam». Мы уже не разъ видѣли, что отрицать главенство Рима или не исполнять его приказаній считалось ересью. Бонифацій VIII въ своей буллѣ Unam sanctam объявляетъ необходимымъ для спасенія догматомъ вѣры, что всякій человѣкъ долженъ быть подчиненъ главѣ Римской Церкви; въ этомъ указѣ онъ особо упоминаетъ о грекахъ. Кромѣ того, греки не признавали происхожденія Св. Духа, навязаннаго Карломъ Великимъ папѣ Льву III и измѣнявшаго Никейскій Символъ, производя Духа Святого отъ Отца и отъ Сына. Это непризнаніе дѣлало ихъ еретиками въ отношеніи догмата, имѣвшаго въ глазахъ Римской Церкви самое крупное значеніе. Но Церковь всегда умѣла установить modus vivendi и выказать благоразумную терпимость къ Греческой Церкви, когда эта политика казалась выгодной. То же было и въ южной Италіи, которую Левъ Исаврianинъ въ VIII в. во

---

[1]) Concil. Latran. V. Sess. IX. (Harduin. IX, 1779—81).

Эти правила примѣнялись, по всей вѣроятности, только въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ дѣятельность Инквизиціи шла еще полнымъ ходомъ. На изданіи трактата Нифо «De Coelo et Mundo», вышедшемъ въ Неаполѣ въ 1517 году, имѣется imprimatur, скрѣпленное пріоромъ доминиканскаго монастыря Антоніемъ Каетано, который приводитъ соборное постановленіе и заявляетъ, что въ отсутствіи инквизитора ему было поручено Неаполитанскимъ викаріемъ разсмотрѣть сочиненіе и что онъ не нашелъ въ немъ ничего достойнаго порицанія.

Въ венеціанскихъ изданіяхъ Іоахима Флорійскаго, вышедшихъ въ 1516 и 1517 годахъ, выставлено разрѣшеніе не только инквизитора и Венеціанскаго патріарха, но также и разрѣшеніе Совѣта Десяти, что свидѣтельствуетъ о страшномъ стѣсненіи печати въ то время.— Однако, вышедшее въ то же время (1517 г.) въЛіонѣ изданіе Альваро Пелайо «De Planctu Ecclesiae» не имѣетъ imprimatur; очевидно, въ Ліонѣ не было цензуры; то же видимъ мы и во всѣхъ разсмотрѣнныхъ мною нѣмецкихъ книгахъ той эпохи.

Библиотека "Руниверс"

время споровъ иконоборцевъ оторвалъ отъ Рима и подчинилъ Константинополю. Въ 968 г. Константинопольскій патріархъ ввелъ греческій обрядъ въ римское богослуженіе Апуліи и Калабріи; нѣкоторыя общины выказали сопротивленіе, но большинство покорилось и сохранило новые обряды даже послѣ завоеванія Неаполя норманнами; такъ, напр., когда въ 1092 г. на каѳедру въ Россано былъ назначенъ Римскій епископъ, населеніе было недовольно и добилось отъ герцога Рожера разрѣшенія оставаться вѣрнымъ греческому обряду. Это положеніе продолжалось до 1460 г., когда епископу, обсервантину Маттео, удалось ввести римскій обрядъ [1]).

Греческія Церкви, существовавшія долгое время въ славянскихъ и мадьярскихъ земляхъ, подвергались болѣе тяжелому, хотя спазмодическому и перемежавшемуся гоненію. Въ 1204 г. Андрей II попросилъ Иннокентія III назначить пріоровъ въ греческіе монастыри его владѣній. Въ соглашеніи 1233 г., послѣдовавшемъ за наложеніемъ интердикта на королевство, отъ Белы IV была потребована присяга, что онъ принудитъ всѣхъ своихъ подданныхъ подчиниться Римской Церкви, и Григорій XI предложилъ ему немедленно сдержать свое обѣщаніе въ отношеніи валаховъ, соблюдавшихъ греческій обрядъ. Въ 1248 г. Иннокентій IV послалъ въ Албанію доминиканцевъ трудиться надъ обращеніемъ грековъ, и мы имѣемъ полное право предполагать, что болѣе разсчитывали на убѣжденіе, чѣмъ на насиліе, такъ какъ миссіонерамъ дано было право продавать разрѣшеніе за всѣ неправильности, даже за симонію. Сто лѣтъ спустя Климентъ VI и Иннокентій VI поступили болѣе энергично, приказавъ прелатамъ Балканскаго полуострова изгнать всѣхъ схизматиковъ, прибѣгая въ случаѣ надобности къ помощи свѣтской власти. Мы уже видѣли, насколько были безплодны усилія, направленныя къ уничтоженію катаровъ въ этихъ странахъ, и что единственнымъ результатомъ попытки ввести единую вѣру было облегченіе успѣховъ турецкаго завоеванія [2]).

Владѣнія крестоносцевъ въ Левантѣ задали еще болѣе сложную задачу. Хотя Иннокентій въ 1204 г. и протестовалъ противъ завоеванія Константинополя, но послѣ побѣды онъ поторопился признать въ этомъ чудесную мудрость Бога, который ниспровергъ, такимъ образомъ, ересь грековъ, и поспѣшилъ принять мѣры, чтобы извлечь изъ этого успѣха, елико возможно, большую пользу. Онъ приказалъ крестоносцамъ смѣстить всѣхъ священниковъ, получившихъ посвященіе отъ греческихъ епископовъ, поручить захваченныя церкви римскимъ священникамъ и озаботиться, чтобы имущество этихъ церквей не было расхищено. Цѣлая орда жадныхъ духовныхъ тотчасъ же ринулась въ новыя владѣнія, причиняя страшныя стѣсненія священникамъ, состоявшимъ на службѣ; узнавъ объ этомъ, Иннокентій оповѣстилъ, что только тѣ священники могутъ быть допускаемы до совершенія богослуженія, которые представятъ вѣрительныя граматы. Такимъ образомъ, въ латинскихъ государствахъ Востока Церквамъ дана была новая іерархія; но населеніе не обратилось, и нельзя было вести вполнѣ опредѣленную политику, чтобы отразить это затруднительное положеніе [3]).

Строго говоря, всѣ схизматики и еретики ipso facto считались отлученными отъ Церкви; но умѣли пренебрегать этимъ интердиктомъ, когда терпимость была выгодна; такъ,

---

[1]) S. Raymundi «Summ.» I. VI. I.—Extrav. Commun. I. VIII.—Lib. Carolin. III, 1, 3.—Harduin. «Concil.» IV, 131, 453—4, 747, 775, 970.—Hartzheim, «Concil. German.» I, 396—9.—Eymeric. 325.—Tocco, «L'Eresia nel Medio Evo», 389—90.—C. 9, 11, Extra. I. XI.

Когда Сигизмундъ Австрійскій, во время своей ссоры съ Николаемъ Кузанскимъ по поводу Бриксенской епископіи, отказался признать интердиктъ, наложенный на его владѣнія, то Пій II вызвалъ его въ 1460 году на судъ, какъ еретика, давъ сроку шестьдесятъ дней, такъ какъ это ослушаніе дѣлало его виновнымъ въ этой ереси ересей, въ нарушеніи члена Символа Вѣры: «Credo in unam sanctam Catholicam et Apostolicam Ecclesiam» (Freher et Struv. II, 192).

[2]) Innoc. PP. III, «Regest.» VII, 47.—Batlyani «Leges Ecclesiae Hung.» II, 355—6.—Ripoll. I, 70—71, 186.—Wadding, ann. 1351, № 8; ann. 1354, №№ 4, 5.

[3]) Innoc. PP. III, «Regest.» VII, 2—12, 121, 152—4, 164, 203—5; IX, 243—6; X, 49—51.

Библиотека "Руниверс"

напр., въ 1224 г. Иннокентій IV, посылая доминиканскихъ миссіонеровъ къ грекамъ якобитамъ, къ несторіанамъ и другимъ еретикамъ Востока, предоставилъ имъ полное право отправлять совмѣстно съ ними богослуженія. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ греческія Церкви были независимы, ихъ старались обратить убѣжденіемъ и переговорами; таковы были посольства, отправленныя въ 1233 г. Григоріемъ IX къ Герману, патріарху Никеи, и въ 1247 г. къ русскимъ. Но когда эти попытки не увѣнчались успѣхомъ, то не задумывались прибѣгать къ силѣ, и Григорій, обманувшись въ своемъ ожиданіи, началъ проповѣдывать крестовый походъ, чтобы привести еретиковъ къ повиновенію. Поэтому, когда Карлъ Анжуйскій въ 1267 г. въ своемъ безмѣрномъ честолюбіи, возбужденный завоеваніемъ Неаполя, мечталъ завоевать Константинополь, то онъ заключилъ съ Бодуэномъ II, императоромъ in partibus, договоръ, въ которомъ говорится, что присоединеніе Восточной Имперіи къ Римской Церкви является побудительной причиной похода. Предпріятіе Карла было отложено благодаря изъявленію Михаиломъ Палеологомъ покорности Ліонскому собору въ 1274 г., но это обращеніе вызвало только возстаніе среди подданныхъ Палеолога; Михаилъ Комненъ сталъ во главѣ партіи защитниковъ народной вѣры, и въ 1279 г. вспыхнула война. Карлъ поторопился извлечь изъ этого пользу, но Сицилійская Вечерня 1283 г. поглотила его вниманіе и заботы, и ему пришлось отказаться отъ своего плана [1]).

Въ областяхъ, подчиненныхъ латинскому владычеству, условія были нѣсколько отличны. Невозможно было искоренить мѣстную Церковь и приходилось допустить совмѣстное существованіе двухъ обрядовъ, причемъ терпимость смѣнялась преслѣдованіемъ, убѣжденіе — принужденіемъ. Въ 1303 г. Бенедиктъ XI, приказывая доминиканскому пріору Венгріи послать миссіонеровъ въ Албанію и другія провинціи, говоритъ о латинскихъ церквахъ и монастыряхъ въ такихъ выраженіяхъ, которыя показываютъ, что оба обряда были допущены вмѣстѣ, и что надо было только помѣшать вторженію грековъ. Случайно сохранились документы, касающіеся Кипрскаго королевства и показывающіе затруднительность положенія и перемѣны послѣдовательной политики. Въ 1216 г. Иннокентій III низвелъ число епископій острова съ четырнадцати до четырехъ — Никозія, Фамагоста, Лимиссо и Баффо—и назначилъ на каждую изъ этихъ каѳедръ одного латинскаго и одного греческаго епископа, чтобы каждый изъ нихъ отправлялъ свои обряды; это значило признавать оба обряда одинаково истинными. Лѣтъ сорокъ спустя мы находимъ греческіе монастыри подчиненными латинскому архіепископу Никозіи, и, повидимому, римскіе прелаты захватили отчасти первенство, такъ какъ въ 1250 г. греческій архіепископъ просилъ у Иннокентія IV позволенія возстановить четырнадцать каѳедръ и назначить на нихъ епископовъ; онъ просилъ, чтобы всѣ эти епископы были независимы отъ архіепископа Никозіи и чтобы всѣ греки и сирійцы были подчинены своимъ епископамъ, а не латинскимъ. Просьба его была отвергнута. Александръ IV оффиціально предоставилъ главенство римскимъ прелатамъ, что, естественно, вызвало ссоры; иногда даже случалось, что нѣкоторые ревностные къ Церкви люди и духовныя лица, авторитетъ которыхъ былъ не признанъ, смотрѣли на грековъ, какъ на еретиковъ, какъ мы видимъ это изъ апелляцій, поданныхъ Бонифацію VIII въ 1295 г. Іоаннъ XXII энергично пытался уничтожить нѣкоторыя ереси и еретическіе обряды, распространенные среди грековъ; но онъ разрѣшилъ, повидимому, правильное отправленіе ихъ богослуженія. Однако, около этого времени Бернаръ Ги даетъ въ своемъ собраніи инквизиціонныхъ формулъ два образца для отреченія грековъ и возсоединенія съ Церковью людей, отлученныхъ отъ нея канонами, осуждающими этихъ схизматиковъ. Отсюда можно заключить, что инквизиторы Запада имѣли привычку накладывать свою

[1]) C. 35 Decr. P. II. Caus. XXIV. Q, G.—Berger, «Registres d'Innoc. IV», № 573, 1817.—Raynald. ann. 1233, №№ 1—15.—Epist. Saeculi XIII. T. I, № 725 (Pertz).—Buchon, «Rechèrches et Matériaux», 31, 40—42.

Библиотека "Руниверс"

руку на всѣхъ несчастныхъ грековъ, которыхъ только они могли открыть во французскихъ городахъ на побережьѣ Средиземнаго моря. Подобную же участь должны были испытывать несчастные и въ Арагоніи, такъ какъ Эмерикъ, не задумываясь, причислялъ ихъ къ еретикамъ. Духъ преслѣдованія развивался; около 1350 г. соборъ Никозіи, разрѣшая четыремъ греческимъ епископамъ жить на Кипрѣ, приказывалъ считать еретикомъ всякаго, кто не будетъ считать Римской Церкви Церковью-Матерью, а папу—намѣстникомъ Христа; въ 1351 г. было обнародовано объявленіе, чтобы всѣ греки разъ въ годъ исповѣдывались у латинскаго священника и получали потомъ причастіе по католическому обряду. Если этотъ указъ былъ примѣненъ, то онъ долженъ былъ доставить Инквизиціи множество жертвъ, такъ какъ въ 1407 г. Григорій XII объявилъ, что всякій грекъ, который вернется въ схизму послѣ полученія причастія по обряду католической Церкви, долженъ считаться «рецидивистомъ», и приказалъ инквизитору Ильѣ Малому наказывать виновныхъ, прибѣгая въ случаѣ надобности къ помощи свѣтской власти [1]).

Когда венеціанцы овладѣли Критомъ, то попытались уничтожить Греческую Церковь, возбранивъ въѣздъ на островъ каждому греческому епископу, а также запретивъ жителямъ отправляться за посвященіемъ въ Константинополь; однако, въ 1373 г. Григорій XI съ негодованіемъ узналъ, что одному епископу удалось высадиться, и что критяне постоянно ѣздили за посвященіемъ въ Константинополь. Онъ обратился къ дожу Андрею Констарени, чтобы добиться примѣненія спасительныхъ законовъ, но изъ этого обращенія, повидимому, ничего не вышло, такъ какъ въ 1375 г. онъ заявилъ, что почти всѣ жители — схизматики, и что почти всѣ церкви находятся въ рукахъ греческихъ священниковъ, которымъ онъ предоставилъ выборъ между немедленнымъ обращеніемъ или изгнаніемъ [2]).

Эти спорадическія усилія, понятно, оставались безуспѣшными; они не только не уничтожили Греческой Церкви, но много католиковъ совратилось благодаря соприкосновенію съ схизматическимъ населеніемъ. Въ 1449 г. Николай V обращалъ на эту опасность вниманіе инквизитора Греческой провинціи, говоря, что, хотя греческій обрядъ и достоинъ похвалы, но его надо тщательно отдѣлять отъ обряда латинскаго и карать, даже съ помощью свѣтской власти, всякое нарушеніе этого правила. Но ничто не возбуждало Инквизицію къ дѣятельности въ этихъ странахъ. Когда въ 1490 г. Иннокентій VIII назначилъ брата Винченцо де Ребони инквизиторомъ Кипра, гдѣ еретики были многочисленны, то онъ приказалъ епископамъ Никозіи, Фамагосты и Баффо предоставить по одной пребендѣ на содержаніе этого инквизитора, но прелаты заявили такой энергичный протестъ, что папа вынужденъ былъ взять обратно свое распоряженіе. Все это показываетъ намъ, что Римъ въ своихъ сношеніяхъ съ Греческою Церковью руководствовался политическими соображеніями, что онъ умѣлъ показывать себя вѣротерпимымъ, когда этого требовали обстоятельства, и что Инквизиція была на дѣлѣ бездѣятельна въ отношеніи этихъ еретическихъ

---

[1]) Theiner, «Monument. Slavor. Meridional.» I, 120.—Berger, «Registres d'Innoc. IV», №№ 2058, 4053, 4750, 4769.—Barb. de Mironi, «Hist. Eccles. di Vicenza», II, 102.—Thomas, «Registres de Boniface VIII», №№ 613—14.—Raynald. ann. 1318, № 57.—Ripoll. II, 172, 482.—Bern. Guidon. «Practica», P. II, № 9; P. V, № 11.—Eymeric. 303.—Harduin VII, 1700, 1709, 1720.

Отношенія, существовавшія между двумя національностями на Востокѣ, были таковы, что не могли склонить грековъ къ католичеству. Одинъ писатель XIII вѣка, ревностно стремившійся къ объединенію обѣихъ Церквей, неоднократно упоминаетъ о враждебномъ настроеніи, вызванномъ тираніей и несправедливостью латинянъ по отношенію къ грекамъ. Самые послѣдніе изъ католиковъ пренебрежительно обращались съ греками, дергали ихъ за бороду и называли ихъ собаками.—Opusc. Tripartiti P. II. c. XI, XVII («Fascic. Rer. Expetend. et. Fugiend.» II, 215, 216, 221).

[2]) Raynald. ann. 1373, № 18; ann. 1375, № 25.

Библиотека "Руниверс"

народовъ, хотя ихъ ересь была болѣе преступной, чѣмъ ересь многихъ сектантовъ, безжалостно уничтоженныхъ [1]).

Въ теченіе Среднихъ вѣковъ общество не знало болѣе гибельнаго бича, чѣмъ quaestuarii, или продавцы индульгенцій и отпущеній грѣховъ, наводнявшіе всю Европу; эти люди, носители святынь и привилегій, полные обмана и обладавшіе крѣпкими легкими, продавали снятіе эпитимій и долгихъ лѣтъ чистилища, открывали двери рая, продѣлывали всевозможные обманы, безчестили Церковь и въ то же время разоряли довѣрчивыхъ людей. Иногда это были уполномоченные агенты Рима или какого-нибудь епархіальнаго епископа; иногда они брали на откупъ округа за опредѣленную сумму или за часть выручки; иногда, наконецъ, они покупали у Куріи или у мѣстнаго прелата граматы, разрѣшавшія имъ ихъ торговлю. Тетцель, возмутившій до открытаго возстанія гнѣвъ Лютера, былъ только единицею огромной орды этихъ бродягъ, которые въ продолженіе столѣтій стригли народъ и изъ всѣхъ силъ способствовали сдѣлать религію презрѣнной въ глазахъ мыслящихъ людей. Доминиканецъ Ѳома Брабанскій съ горечью сравниваетъ деньги, поступающія путемъ обмана, вмѣсто покупки вѣчнаго спасенія, папскимъ посланцамъ, собирающимъ средства на итальянскія войны Святого Престола, съ неусыпными трудами и аскетизмомъ своихъ братьевъ и францисканцевъ, которые проводятъ ночи въ бодрствованіи, а цѣлые дни въ томъ, чтобы обезпечить помощь религіи себѣ подобнымъ, не будучи въ то же время увѣрены, что ихъ грѣхи будутъ прощены. Характеръ этихъ разносчиковъ спасенія описанъ въ трактатѣ, поданномъ въ 1274 г. Ліонскому собору Гумбертомъ де Романи, отказавшимся въ 1263 г. отъ званія генерала доминиканскаго ордена. Онъ говоритъ, что эти люди своими обманами и своимъ развратомъ предаютъ Церковь на посмѣяніе; они покупаютъ расположеніе прелатовъ и, такимъ образомъ, пользуются всѣми привилегіями, которыя нужны имъ; ихъ граматы прощенія грѣховъ настолько ложны, что трудно себѣ представить; въ ложныхъ святыняхъ они находятъ неисчислимый источникъ барышей и, собирая съ народа крупныя суммы, они лишь нѣкоторую часть ихъ отдаютъ на дѣла, на которыя, какъ говорятъ, христарадничаютъ [2]).

Эти люди были неподсудны обычнымъ судамъ, такъ какъ пользовались привилегіями, данными имъ Куріей или епархіальнымъ епископомъ; торговля ихъ была черезчуръ выгодна для многихъ людей, чтобы можно было ее уничтожить, и единственнымъ средствомъ помѣшать ихъ самымъ худшимъ дѣяніямъ было прибѣгнуть къ Инквизиціи. По-

---

[1]) Raynald. ann. 1449, № 10.—Ripoll. IV, 72.

Въ 1718 году конгрегація Пропаганды разрѣшила устройство греческой епархіи въ Калабріи, чтобы дать греческому населенію помощь религіи. Греческое населеніе острова Сициліи жаловалось, что ему обходится дорого посылка молодыхъ людей для посвященія въ духовный санъ въ Калабрію и Римъ, въ 1784 году, по просьбѣ Фердинанда III, IIій VI соизволилъ основать другую греческую епархію въ Палермо.—Gallo, «Codice Ecclesiastico Siculo», IV, 47 (Палермо, 1852 г.).

[2]) Th. Cantimprat. «Bonum Universale», lib. II, c. 2.—Humb. de Roman. «Tract. in Concil. Lugdun.» P. III, c. 8. (Martène, «Ampliss. Coll.» VII, 197).—Cf. Opusc. Tripart. P. III, c. VIII. («Fascic. Rer. Expetend. et Fugiend.» II, 227).

Вилліамъ Лангландъ довольно ясно излагаетъ народное мнѣніе о quaestuarii:

«Here preched a Pardonere as he a prest were,
Broughte forth a bulle with bishopes seles,
And seide that hym-selfe myghte asoilen hem alle.
Of falshed of fastyng of vowes ybroken.
Lewed men leued hym well and lyked his wordes...
...Were the bishop yhliised and worth bothe his eares
His seel shulde not be sent to deceyue the peple.»

(«Piers Plowman», Prologue, 68—79).

Библиотека "Руниверс"

этому, лишь только Инквизиція получила вполнѣ совершенную организацію, папа Александръ IV прибѣгъ къ ея помощи въ этомъ дѣлѣ и включилъ въ число ея прерогативъ право сокращать дерзость quaestuarii и запрещать имъ проповѣдывать. Мѣра эта послѣдовательно принималась нѣсколькими папами и, въ концѣ концовъ, была внесена въ каноническій законъ и помѣщена въ числѣ обязанностей, налагаемыхъ инквизиторскимъ мандатомъ. Десятой части энергіи, употребленной на преслѣдованіе вальденцевъ и спиритуаловъ, было бы достаточно для уничтоженія наиболѣе омерзительныхъ проявленій этой торговли; но этой энергіи совершенно недоставало у инквизиторовъ. Въ лѣтописяхъ Инквизиціи я нашелъ только одно дѣло, случившееся въ 1289 г., когда Беранже Помильи былъ приведенъ на судъ инквизитора Вильгельма де С.-Сенъ (S.-Seine). Виновный былъ знатнымъ клирикомъ изъ Нарбонны, который въ продолженіе тридцати лѣтъ занимался ремесломъ quaestuarius'a въ епархіи Нарбонны, Каркассона и въ другихъ мѣстахъ, собирая благочестивыя даянія на постройку церквей и мостовъ и на различныя добрыя дѣла. Онъ обыкновенно проповѣдывалъ передъ народомъ во время обѣдни и сознался, что прибѣгалъ къ самымъ постыднымъ обманамъ; такъ, напр., онъ говорилъ, что крестъ, который несъ Христосъ на Голгоѳу, былъ такъ тяжелъ, что его съ трудомъ могли бы поднять десять человѣкъ; когда Св. Дѣва стояла у ногъ Распятаго, то крестъ склонился, такъ что она поцѣловала руки и ноги Спасителя, послѣ чего крестъ опять выпрямился; онъ разсказывалъ еще тысячи басенъ о чистилищѣ и объ освобожденіи душъ; но этотъ послѣдній пунктъ, представлявшій главный обманъ его промысла, былъ благоразумно опущенъ въ оффиціальномъ отчетѣ его сознанія. Его спросили, вѣритъ ли онъ въ эти басни; этотъ вопросъ показалъ ему, какой опасности онъ подвергался, такъ какъ сознаться въ невѣрѣ значитъ признать себя еретикомъ. Онъ смиренно отвѣтилъ, что онъ зналъ, что говорилъ обыкновенно ложь; но онъ дѣлалъ это съ цѣлью тронуть души слушателей и возбудить ихъ щедрость и тутъ же просилъ инквизитора наложить на него эпитимію. Какая эпитимія была наложена на него, мы не знаемъ [1]).

Подобные процессы были, несомнѣнно, очень рѣдки, такъ какъ въ 1311 г. Вѣнскій соборъ жалуется, что эти бродяги повсюду предлагаютъ полныя индульгенціи всякому, кто пожертвуетъ на Церкви, представителями которыхъ они являются; они разрѣшаютъ также обѣты, даютъ прощеніе за клятвопреступленіе, человѣкоубійство и другія преступленія, освобождаютъ своихъ кліентовъ отъ части эпитимій, наложенныхъ на нихъ, или спасаютъ изъ чистилища души ихъ родителей и отправляютъ ихъ прямо въ рай. Соборъ запрещалъ на будущее время всѣ подобные пріемы, но онъ уже не разсчитывалъ на Инквизицію, чтобы заставить повиноваться преступниковъ, и было поручено епископамъ взять дѣло въ свои руки. Прелаты, какъ и можно было ожидать, не сдѣлали для этого ничего. Немного спустя Іоаннъ XXII жалуется, что разнузданные обманы становятся все болѣе многочисленными и приказываетъ епископамъ подавлять ихъ; но указъ его не произвелъ никакого дѣйствія на нихъ. Эти злоупотребленія продолжали существовать, пока не сдѣлались непосредственной причиной Реформаціи; тогда только Тріентскій соборъ уничтожилъ профессію quaestuarii, сознавшись, что эти люди вызвали страшные соблазны между вѣрными, и что всѣ усилія измѣнить это дѣло оставались безплодными [2]).

Еще болѣе преступной была бездѣятельность Инквизиціи въ отношеніи симоніи. Симонія была зломъ, разъѣдавшимъ Церковь въ теченіе всѣхъ Среднихъ вѣковъ, источникомъ всѣхъ золъ, которыми Церковь угнетала христіанскій міръ. Начиная съ самаго

[1]) C. XI. § 2. Sexto V. II. — Bernardi Guidon. «Practica». P. V (Изд. Douais. стр. 199). — Eymeric. 107, 561.—Coll. Doat. XXVI, 311.

[2]) 2 Clément. V. IX.—Marca Hispanica, стр. 1456.—Concil. Senonens. ann. 1485, Art. II, c. 8 (d'Achery, I, 738).—Concil. Trident. Sess. XXI, «De Reform.» c. 9.

Библиотека "Руниверс"

высокостоящаго лица и до лица, стоявшаго на низшей ступени, отъ папы до самаго скромнаго приходскаго священника, это зло царило повсюду. У кого не было ничего для продажи, кромѣ таинствъ, тѣ торговали ими. Тѣ же, кто благодаря своему высокому положенію располагали бенефиціями и повышеніями, увольненіями и судами, открыто торговали своими товарами; и духовныя мѣста, полученныя такимъ путемъ, замѣщались людьми продажными и хищными, единственной заботой которыхъ было наполнить свой карманъ путемъ лихоимства и предаваться грязнымъ порокамъ. Бертольдъ Ратисбонскій проповѣдуетъ, около половины XIII ст., что симонія—худшій изъ грѣховъ, хуже убійства, прелюбодѣянія и клятвопреступленія; но зло это, говоритъ онъ, настолько привлекаетъ людей, что они, предаваясь ему, думаютъ, что служатъ Богу [1]). Инстинктивно весь христіанскій міръ обращалъ взоръ къ Святому Престолу, этому главному источнику всѣхъ этихъ золъ. Одна популярная сатира, очень распространенная въ XIII в., показываетъ, какъ живо чувствовали этотъ стыдъ:

«Такъ начинается евангеліе отъ серебряныхъ марокъ. Во дни эти сказалъ папа римлянамъ: Когда Сынъ Человѣческій пріидетъ къ престолу нашего Величества, то прежде всего скажите ему: «Другъ, зачѣмъ пришелъ ты?» И если онъ будетъ стучать въ дверь, не давъ вамъ ничего, отбросьте его въ окружающій мракъ». Случилось, что одинъ бѣдный клирикъ явился ко двору Его Святѣйшества папы и вскричалъ: «Сжальтесь надо мною, стражи входа къ папѣ, ибо рука нищеты налегла на меня. Я бѣденъ и голоденъ, я умоляю васъ помочь мнѣ въ моей горькой нуждѣ». Тогда они пришли въ ярость и сказали: «Другъ, да погибнетъ твоя бѣдность съ тобою! Прочь! дальше отъ меня Сатана, ибо ты не знаешь запаха денегъ! Во-истину, во-истину, говорю я тебѣ, ты не внидешь въ радость Господина твоего, пока не отдашь своего послѣдняго гроша».

«Тогда бѣдный человѣкъ пошелъ и продалъ свой плащъ, и свою одежду, и все, что было у него, и отдалъ деньги кардиналамъ и папскимъ привратникамъ и камергерамъ. Но они сказали: «Какъ эту жалкую сумму раздѣлить между столькими людьми?» И они выбросили его за двери, и онъ плакалъ горько и не находилъ ничего, что укрѣпило бы его. Тогда пришелъ ко двору богатый клирикъ, толстый, и жирный, и тяжелый, который въ гнѣвѣ убилъ человѣка. Сначала онъ далъ денегъ хранителямъ входа, потомъ камергерамъ, потомъ кардиналамъ; и они думали, что получатъ отъ него еще. Но Его Святѣйшество папа, узнавъ, что кардиналы и служители получили отъ клирика большіе дары, впалъ въ смертельную болѣзнь. Тогда богачъ этотъ послалъ ему лѣкарственную кашку изъ золота и серебра, и папа тотчасъ выздоровѣлъ. Тогда Его Святѣйшество позвалъ кардиналовъ и служителей и сказалъ имъ: «Братья мои, смотрите, чтобы никто васъ не совратилъ пустыми словами. Я даю вамъ примѣръ: все, какъ я взялъ, берите и вы въ свою очередь» [2]).

---

[1]) Bertholdi a Ratispona «Sermones», Monachii, 1882 г., стр. 93.

[2]) Carmina Burana, Вреславль, 1883 г., стр. 22—3.—Это была излюбленная тема у риемачей того времени:

«Cardinales ut praedixi
Novo jure crucifixi
Vendunt patrimonium.
Petrus foris, intus Nero,
Intus lupus, foris vero
Sicut agni ovium».

(Ibid. 18).

Зло охватило всю Церковь:

«Veneunt altaria,
Venit eucharistia
Cum sit nugatoria
Gratia venalis».

(Ibid. 41).

Библиотека "Руниверс"

ІОАННЪ ТЕЦЕЛЬ.

Библиотека "Руниверс"

Тщетно въ XI в. Гильдебрандъ, человѣкъ неутомимой и несокрушимой энергіи, пытался уничтожить неискоренимое зло. Зло росло и въ ширь, и въ глубь по мѣрѣ того, какъ увеличивалось могущество Церкви и вся власть сосредоточивалась въ рукахъ Св. Престола. Каноническое право признавало симонію ересью; какъ ересь, она влекла пожизненное тюремное заключеніе и была, слѣдовательно, подсудна Инквизиціи. Благодаря этой организаціи, подчиненной распоряженію Св. Престола и въ продолженіе стольких поколѣній съ неутомимой суровостью преслѣдовавшей катаровъ и вальденцевъ, можно было бы въ теченіе времени исцѣлить эту пожирающую язву и очистить Церковь; но Инквизиціи ни разу не было предложено преслѣдовать святокупцевъ и изъ ея реестровъ не видно, чтобы она когда-нибудь предприняла это по собственной иниціативѣ. Наоборотъ, если бы какой-нибудь черезчуръ ревностный судья предпринялъ подобное дѣло безъ приказанія свыше, то ему тотчасъ дали бы понять его ошибку, такъ какъ симонія была для Куріи двойнымъ источникомъ дохода, дохода прямого, извлекаемаго изъ продажи бенефицій, и косвеннаго, извлекаемаго изъ продажи снятія съ виновныхъ наложенныхъ на нихъ духовныхъ наказаній.

Заявленіе, что Св. Престолъ прощалъ ересь, можетъ показаться несообразностью, но на дѣлѣ это было обычнымъ явленіемъ. Легаты и нунціи, посылаемые въ дальнія страны, были уполномочены собирать съ вѣрныхъ деньги, давая имъ разрѣшенія за всѣ ошибки и погрѣшности, среди которыхъ была и симонія. Іоаннъ XXII измѣнилъ этотъ порядокъ вещей, приведя въ систему торговлю разрѣшеніями грѣховъ и направивъ всѣ доходы отъ этого въ папскую казну; тогда прощеніе за симонію продавалось за шесть грошей для міянина, за семь грошей для клирика и за восемь грошей для монаха. Легко догадаться, почему не просили Инквизицію уничтожить ересь, столь выгодную во всѣхъ отношеніяхъ. Кромѣ того, если по каноническому праву симонія была ересью, то на практикѣ она никогда не считалась ересью. Вильгельмъ Дурандъ въ своемъ Speculum juris, написанномъ въ 1271 г., даетъ формулы, по которымъ частныя лица могли бы обвинить въ симоніи епископовъ, священниковъ и монаховъ; но ни онъ, ни его многочисленные комментаторы ни слова не говорятъ о примѣненіи духовнаго суда въ случаяхъ симоніи [1]).

Францисканецъ Іоаннъ Винтертуръ приписывалъ всѣ бѣдствія, которыя тяготѣли надъ Церковью, продажности духовенства:

«Ecclesiam nummus vilem fecit meretricem,
Nam pro mercede scortum dat se cupienti.
Nummus cuncta facit nil bene justitia,
Cunctis prostituens pro munere sequ venalem,
Singula facta negat vel agit pro stipite solo;
Divino zelo nulla fere peragit».

(Vitodurani «Chron» ann. 1343).

[1]) C. 7, 20, 21 Decr. P. II. Caus 1. Q. 1.—Th. Aquinat. «Summa Sec. Sec.» Q. 100. Art. 1.—«Gloss.» Bernardi; «Gloss.» Hostiens. (Eymeric. 138. 143, 165).—Eymeric. 318.—Berger. «Registres d'Innoc. IV», №№ 2977, 3010, 4668, 4718. — Thomas, «Registres de Boniface VIII», №№ 547, 554, 557 — 8, 644, 726, 747. — «Taxae Sacr. Poenitent.» изд. Фридрихса, стр. 35; изд. Гиббингса, стр. 3 (cf. Van Espen, «Dissert. in Jus Canon. noviss.» P. III, 699).—Durandi «Speculum Juris», Lib. IV, Partic IV. Rubr. «de Simonia».

Климентъ IV представлялъ исключеніе изъ этого правила и стремился сократить алчность Куріи. Когда Жанъ де Куртенэ, избранный архіепископомъ Реймса, обязалъ въ 1266 году свою епархію доставить ему двѣнадцать тысячъ ливровъ на уплату Коллегіи кардиналовъ, то Климентъ отлучилъ прелата отъ Церкви и приказалъ ему назвать имена всѣхъ участниковъ этого грабежа. Однако, этотъ же самый Климентъ, не задумываясь, слѣдовалъ ошибкамъ своего предшественника Урбана IV во время переговоровъ, окончившихся крестовымъ походомъ Карла Анжуйскаго противъ Манфреда. Кардиналъ Святой Цециліи Симонъ, посланный по этому дѣлу во Францію, былъ облеченъ особыми полномочіями давать разрѣшенія тѣмъ, кто пользовался

Библиотека "Руниверс"

Нельзя представить себѣ, насколько мрачна была картина разврата, которымъ это зло поразило даже малѣйшія фибры Церкви. Большинство бенефицій находилось въ рукахъ людей невѣжественныхъ и думавшихъ только о доходахъ, всѣ помыслы ихъ были направлены только къ тому, какъ бы содрать съ несчастныхъ, порученныхъ ихъ попеченіямъ, деньги, которыя они уплатили за мѣсто. Стефанъ Палечъ въ рѣчи, произнесенной имъ на Констанцскомъ соборѣ, говоритъ, что во всемъ христіанскомъ мірѣ нѣтъ ни одной Церкви, не запятнанной симоніей вслѣдствіе страшной борьбы между всевозможными людьми, жадными до почестей и богатствъ, связанныхъ съ духовными бенефиціями; результатомъ этой симоніи является назначеніе на разныя должности людей невѣжественныхъ, лѣнивыхъ и преступныхъ, которые не могли бы нигдѣ найти себѣ мѣста пастуховъ и свинопасовъ.

Продажность Св. Престола была настолько беззастѣнчива, что діалектики и самые уважаемые юристы серьезно заявляли, что папа не можетъ совершить симоніи. Это утвержденіе не можетъ не удивить насъ при видѣ папъ, подобныхъ Бонифацію IX, способному пускаться на грубыя спекуляціи. Не имѣя денегъ на уплату солдатамъ и на покрытіе издержекъ по возведенію начатыхъ имъ великолѣпныхъ зданій, Бонифацій вдругъ смѣстилъ почти всѣхъ прелатовъ, бывшихъ при его дворѣ, а также и много отсутствующихъ или перемѣстилъ ихъ на каѳедры in partibus, чтобы сейчасъ же продать освободившіяся мѣста тѣмъ, кто дастъ дороже. Множество обездоленныхъ прелатовъ, не имѣя средствъ на выкупъ своихъ бенефицій, осталось безъ куска хлѣба; во многихъ епархіяхъ это вызвало неописуемое смятеніе и волненіе.

Передающій намъ объ этомъ Теодоръ Нимъ самъ былъ епископскимъ чиновникомъ въ продолженіе тридцати пяти лѣтъ; и, несомнѣнно, онъ говорилъ по опыту, сравнивая великолѣпную щедрость нѣмецкихъ прелатовъ съ грязною скаредностью итальянскихъ. Но когда эти прелаты умирали, то папская канцелярія, говоритъ онъ, захватывала всю добычу, и нельзя представить себѣ, въ какомъ упадкѣ находились каѳедральныя церкви и монастыри Италіи вслѣдствіе этихъ хищеній и грабежей. Что касается самой папской канцеляріи, то у членовъ ея голова и сердце тверды какъ камень, а души менѣе доступны для сожалѣнія, чѣмъ сталь. Столь же безжалостные къ христіанамъ, какъ турки или татары, они дочиста обираютъ вновь назначенныхъ прелатовъ. Если послѣдніе не могутъ удовлетворить требованій грабителей, то имъ дается отсрочка за безбожные проценты; если же они сохранили какія-нибудь средства для уплаты издержекъ на обратное полученіе мѣста, то у нихъ отнимали и это послѣднее. Поэтому, если кому удавалось выскочить изъ когтей этихъ разбойниковъ, то онъ вполнѣ имѣлъ право сказать «Cantabit vacuus coram latrone viator». Если вы отправляетесь въ Римъ дать тысячу флориновъ, и только одна монета окажется низкопробной, васъ не отпустятъ, пока вы не замѣните ея полновѣсной или не уплатите серебромъ двойной ея стоимости. Если же до истеченія года обѣщанная сумма не была уплачена, то епископъ становился простымъ священникомъ, а аббатъ рядовымъ монахомъ. Мѣсто этихъ ненасытныхъ сановниковъ должно быть рядомъ съ адскими фуріями, гарпіями и Танталомъ, жажда которыхъ никогда не можетъ удовлетвориться.

Поджіо, бывшій въ теченіе сорока лѣтъ папскимъ секретаремъ, описываетъ этихъ кандидатовъ на должности достойными чиновниковъ Куріи. Лѣнивые, невѣжественные, скупые, неспособные ни къ чему хорошему, они осаждали Курію, громко требуя себѣ

бенефиціями, не имѣя на то права по своему возрасту или происхожденію, тѣмъ, кто владѣлъ, одновременно нѣсколькими бенефиціями, и тѣмъ, кто женился, занимая постъ, не допускавшій возможности брака. Ему было приказано раздавать милости, чтобы устранить всѣ затрудненія, которыя могли бы мѣшать осуществленію проекта. (Urbani PP. IV «Epist.» 32—35, 40, 64—5 68; Clement. PP. IV. «Epist.» 8, 19, 20, 41, 383, apud Martène «Thesaur.» II).

Библиотека "Руниверс"

бенефицій или другихъ милостей, которыя соотвѣтствовали ихъ алчности. Другой папскій чиновникъ сообщаетъ, что Бонифацій IX назначалъ на нѣмецкія каѳедры лицъ совершенно неспособныхъ, такъ такъ всякая должность давалась тому, кто дороже заплатитъ. Многіе кандидаты оплачивали свои бенефиціи въ десять разъ дороже, чѣмъ заплатилъ ихъ предшественникъ; одни архіепископіи стоили сорокъ тысячъ флориновъ, другія шестьдесятъ тысячъ, третьи—восемьдесятъ тысячъ [1]).

Тщетно Герсонъ раскрывалъ симонію, состоявшую въ предоставленіи папѣ первыхъ доходовъ бенефицій; тщетно жаловались и протестовали Констанцскій и Сіенскій соборы, тщетно Базельскій соборъ пытался выработать узаконеніе; также тщетна была попытка Карла VIII и Альберта II, объявившихъ въ Sanctiones Pragmaticae 1438 г. симоніей, несмотря на протесты Евгенія IV, папскіе поборы и первые доходы. Папская организація была черезчуръ сильна, чтобы можно было ускользнуть изъ ея когтей, и вплоть до эпохи Реформаціи симонія остается зломъ всего міра [2]).

Помимо этой заразы, шедшей сверху, не менѣе сильна была причина деморализаціи, дѣйствовавшая снизу: это была неприкосновенность, которой пользовалось духовенство противъ строгости свѣтскихъ законовъ. Не только народъ возмущался при видѣ клириковъ и убійцъ или всевозможныхъ преступниковъ, которыхъ духовные суды отпускали на сво-

---

1) Von der Hardt, I. XVI, 841.—D'Argentré I. II, 228.—Theod. a Niem «de Schismate» lib. II, c. XIV; Ejusd. «Nemor. Unionis Tract.» VI, c. 36, 37, 39.—Poggii Braccioli «Dialogus contra Hypocrisim».—Gobelini Personae «Cosmodrom. Aet.» V, c. 85.

Долгое время былъ спорнымъ вопросъ о томъ, возможно ли, чтобы папа былъ виновенъ въ симоніи. На Ліонскомъ соборѣ 1245 года Гіаръ, епископъ Камбрэ, на вопросъ кардинала, спросившаго его, допускаетъ ли онъ возможность симоніи со стороны папы, самымъ рѣшительнымъ образомъ далъ утвердительный отвѣтъ. (Thom. Cantimprat. «Bonum Universale», Lib. II, c. 2). Ѳома Аквинатъ не только подтверждаетъ возможность этого грѣха, но добавляетъ, что преступленіе тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ выше санъ совершившаго его («Summ. Sec. Sec.» Q. 100, Art. I, № 7). Однако, продажность Св. Престола была настолько общеизвѣстна, что нечего было и думать скрыть ее, и были найдены доказательства того, что папа имѣлъ право продавать бенефиціи. (См. по этому вопросу «Aureum Speculum Papae», P. II, c. 1, написанное въ 1404 году при Бонифаціи IX; см. также Гильома Оккама, прилагавшаго всѣ старанія, чтобы разрушить это утвержденіе). Хитроумные пріемы, примѣнявшіеся Куріей, чтобы вытянуть съ кандидата все до послѣдняго су, изложены въ «Speculum», P. I, c. V; авторъ не задумывается утверждать, что Курія находится въ состояніи смертнаго грѣха («Fascic. Rer. Expetend. et Fugiend». II, 63, 70, 81, 461). Всѣ тѣ, кто жаловался на состояніе Церкви, невольно обращали свои взоры на Св. Престолъ, какъ на источникъ паденія и деморализаціи. Трудно представить себѣ что-либо болѣе ужаснѣе той картины, которую дастъ намъ, около этого времени, трактатъ кардинала Матвѣя Краковскаго «de Squaloribus Romanae Curiae» («Ibid. II, 584—607»).

2) Gersoni «Tract. de Symonia».—D'Argentré I. II, 234.—Goldast. «Constit. Imp.» I, 402.

Въ «Déploration de l'Eglise militante» Жана Буше, написанной въ 1512 году, симонія выставляется главнымъ бичемъ эпохи:

«Ceste sixte gloute et insatiable
Du sanctuaire elle a fait ung estable,
Et de mes loys coustume abhominable.
Ha, ha, mauldicte et fausse symonie!
Tu ne cessas jamais de m'infester...
Pour ung courtault on baille un bénéfice;
Pour ung baiser ou aultre malefice
Quelque champis aura ung evesché;
Pour cent escus quelque meschant novice,
Plein de luxure et de tout aultre vice,
De dignitez sera tout empesché».

(Bull. de la Soc. de l'Hist. du Prot. Français, 1856 г., стр. 268—9).

Библиотека "Руниверс"

боду послѣ пародіи суда, но эта укѣпленность въ безопасности привлекала также въ ряды Церкви людей презрѣнныхъ и негодныхъ, для которыхъ тонзура была лишь защитой отъ суда. И не только уголовный судъ Церкви совершалъ соблазны и несправедливости; привилегія духовенства распространялась также и на дѣла гражданскія и учащала злоупотребленія клира, который скупалъ спорныя имѣнія, а потомъ разорялъ противную сторону дорого обходившимися вызовами въ судъ и всякаго рода издержками [1]).

Легко представить себѣ, какова была нравственность прелатовъ и священниковъ при подобной организаціи и подобныхъ злоупотребленіяхъ. Удѣляя извѣстную долю на риторику, мы въ общемъ можемъ принять, какъ вѣрную, инвективу Николая де Клеманжи. Епископы, говоритъ онъ, вынужденные истратить на пріобрѣтеніе своихъ каѳедръ всѣ деньги, которыя могутъ собрать, исключительно предаются дѣлу вымогательства, совершенно пренебрегая своими пастырскими обязанностями и духовнымъ благосостояніемъ своей паствы; если случайно какой-нибудь изъ нихъ обращаетъ вниманіе на подобныя заботы, то его презираютъ, какъ недостойнаго своего положенія. Проповѣдь и поученіе считаются дѣломъ позорнымъ. Всѣ повышенія и всѣ священнослужительскія обязанности продаются, равно какъ и епископскія каѳедры, рукоположенія, исповѣдь, разрѣшеніе грѣховъ и право разрѣшенія; и прелаты открыто оправдываютъ свои поступки, говоря, что, не получивъ сами ничего даромъ, они не обязаны давать что-нибудь даромъ. Даромъ даютъ они бенефиціи только своимъ незаконнорожденнымъ дѣтямъ и шутамъ. Извлекаютъ они также выгоду и изъ своего права суда. Самые крупные преступники могутъ купить прощеніе, тогда какъ епископскіе прокуроры выдумываютъ противъ невинныхъ крестьянъ разныя обвиненія, отъ которыхъ эти несчастные должны откупаться штрафами. Прибѣгаютъ къ вызову въ судъ подъ страхомъ отлученія отъ Церкви, къ отсрочкамъ и новымъ вызовамъ, пока не утомляютъ самаго упорнаго и не заставляютъ его идти на мировую, причемъ къ незначительному штрафу, назначенному вначалѣ, прибавляютъ огромныя суммы. Люди предпочитаютъ господство самаго жестокаго тирана епископскимъ судамъ. Абсентеизмъ сдѣлался правиломъ; многіе епископы никогда не видали своей епархіи, и ихъ ставятъ еще выше, чѣмъ тѣхъ прелатовъ, которые живутъ въ своихъ епархіяхъ и своимъ дурнымъ примѣромъ развращаютъ свою паству. Такъ какъ совершенно не справляются о поведеніи ищущихъ священства, а заботятся только объ ихъ способности уплатить назначенную сумму, то Церковь переполнена людьми невѣжественными и безнравственными. Мало даже такихъ, кто умѣетъ читать. Они шляются по кабакамъ и публичнымъ домамъ, тратятъ время и деньги на ѣду, питье и игры; они ссорятся, дерутся, богохульствуютъ и бѣгутъ къ алтарю изъ объятій своихъ наложницъ. Не лучше и каноники; купивъ по большей части изъятіе отъ епископскаго суда, они безнаказанно совершаютъ всевозможныя преступленія и скандалы. Монахи же обыкновенно воздерживаются отъ исполненія всѣхъ обѣтовъ, обязательныхъ для нихъ—цѣломудрія, бѣдности и послушанія; это—разнузданные и своевольные бродяги. Нищенствующіе, претендующіе исправить небрежность бѣлаго духовенства въ исполненіи имъ своихъ обязанностей,—фарисеи и волки въ овечьей шкурѣ. Съ невѣроятною алчностью и съ безграничными плутнями они повсюду ищутъ барышей; они болѣе другихъ людей предаются плотскимъ удовольствіямъ, кутятъ, напиваются, удовлетворяютъ всякое свое скотское вожделѣніе. Дать же картину женскихъ монастырей не позволяетъ скромность; это—настоящіе публичные дома, такъ что постричься въ монахини все равно, что сдѣлаться публичною женщиной [2]).

Мы могли бы подумать, что здѣсь есть понятное преувеличеніе ожесточеннаго аскета, если бы не имѣли единогласнаго свидѣтельства всѣхъ писателей, описывавшихъ съ

---

1) Vaissete, изд. Privat, X. Pr. 242, 254.—Synod. Urgellens. ann. 1364 (Villanueva, «Viage Literario», T. XI, 325).—См. Lea, «Studies in Church History», 2-е изд. стр. 210 и сл.

2) Nic. de Clemangis, «de Ruina Ecclesiae», cap. XIX—XXXVI.

Библиотека "Руниверс"

начала XIII ст. положеніе Церкви. Когда Св. Бонавентура защищалъ нищенствующихъ, обвиненныхъ въ нападкахъ въ своихъ проповѣдяхъ на пороки бѣлаго духовенства, то онъ заявилъ, что обвиненіе лишено всякаго основанія, и не находилъ, чтобы подобныя нападки были преувеличены; мало того, говорилъ онъ, если бы нищенствующіе раскрыли всю мерзость духовныхъ лицъ, то послѣдніи были бы всѣ прогнаны, и не было бы надежды замѣстить ихъ людьми, болѣе достойными, такъ какъ епископы не станутъ выбирать людей добродѣтельныхъ. Впрочемъ, нападать подобнымъ образомъ на духовенство значило бы лишать народъ всякой вѣры въ Церковь и дѣлать ересь несокрушимой. Въ другомъ трактатѣ Бонавентура говоритъ, что всѣ священники, если придерживаться закона, не имѣютъ даже и права отправлять свои обязанности, частью потому, что посвященіе ихъ связано съ симоніей, частью потому, что совершили преступленія, влекущія за собой отреченіе отъ должности или лишеніе сана. Не рѣдкость, говоритъ онъ, встрѣтить священниковъ, убѣждающихъ женщинъ, что нѣтъ грѣха находиться въ связи съ лицомъ духовнаго званія [1]).

Въ 1305 г. Фридрихъ Сицилійскій въ конфиденціальномъ письмѣ къ брату своему Іакову II Арагонскому пишетъ, что онъ невольно задаетъ себѣ вопросъ, есть ли евангеліе божеское откровеніе или человѣческая выдумка, и приводитъ три основанія своего сомнѣнія. Первое основаніе—характеръ бѣлаго духовенства, особенно епископовъ, аббатовъ и другихъ прелатовъ, которые чужды всякой духовной жизни и всенароднымъ показомъ своей испорченности оказываютъ гибельное вліяніе. Второе основаніе—характеръ монашествующаго духовенства, особенно нищенствующихъ монаховъ, поведеніе и образъ жизни которыхъ поражаютъ всякаго наблюдающаго ихъ; они такъ далеко удалились отъ Бога, что при сравненіи съ ними можно оправдать бѣлое духовенство и мірянъ; ихъ развратность такъ общеизвѣстна, что Фридрихъ боится, чтобы въ одинъ прекрасный день народъ не поднялся противъ нихъ, такъ какъ они вносятъ заразу во всѣ дома, гдѣ ихъ принимаютъ. Третье основаніе—небрежное отношеніе Св. Престола; раньше, говорятъ, папы имѣли обыкновеніе посылать легатовъ для наблюденія за состояніемъ религіи въ разныхъ королевствахъ; теперь же не дѣлаютъ ничего подобнаго, и миссіи легатовъ носятъ совершенно свѣтскій характеръ. Мы видимъ, продолжаетъ онъ, что Св. Престолъ неустанно трудится надъ избіеніемъ еретиковъ; но никогда не видимъ, чтобы онъ позаботился объ ихъ обращеніи.—Нужно было краснорѣчіе Арнольда изъ Виллануэвы, чтобы доказать Фридриху, что все это совмѣстно съ истинною христіанскою вѣрою. Тогда король приступилъ къ реформѣ своего королевства, начавъ съ себя [2]).

Марсиліо Падуанскій является, быть можетъ, пристрастнымъ свидѣтелемъ, когда выставляетъ общеизвѣстнымъ фактомъ развращенность всего духовенства вообще. Они грабили бѣдныхъ, были ненасытны въ своей жадности и тратили на кутежи все, что выжимали изъ своей паствы. Молодые мальчишки, неграмотные люди, лица невѣжественныя получали бенефиціи, и епископы своимъ примѣромъ вели души скорѣе къ гибели, чѣмъ спасали ихъ поученіемъ. Но современникъ Марсиліо Альваро Пелайо, францисканецъ и духовникъ Іоанна XXII, стоитъ выше всякаго подозрѣнія, а онъ рисуетъ современную ему Церковь совершенно поглощенною свѣтскими интересами. Нѣтъ ни одного акта свѣтской жизни, отъ котораго отказались бы священники и монахи, прелатовъ же Пелайо можетъ сравнить только со сказочными Ламіями, чудовищными фуріями съ головою человѣка и тѣломъ животнаго, которыя разрываютъ на куски своихъ дѣтей и разрушаютъ все, что встрѣчаютъ на своемъ пути. Прелаты, говоритъ онъ, не даютъ своей паствѣ никакого

[1]) S. Bonaventurae «Libellus Apologet.» Quaest. I; «Tractatus quare Fratres Minores praedicent.»

[2]) Pelayo, «Heterodoxos Españoles», I, 721—3, 735—6.

Библиотека "Руниверс"

поученія, но раздираютъ ее и сдираютъ съ нея кожу. Хлѣбъ, предназначенный для бѣдныхъ, уходитъ на шутовъ и собакъ. Вѣра и справедливость покинули этотъ міръ; нѣтъ ни человѣчности, ни доброты; всепожирающее пламя гнѣва и зависти съѣдаетъ Церковь и грабитъ бѣдныхъ обманами и симоніей. Свящ. писаніе и каноны считаются баснями. Зло увеличивается благодаря несправедливости священниковъ и прелатовъ, которые открыто обходятъ законъ, дѣлаютъ суды неправосудными и заставляютъ течь потоки крови, такъ какъ ихъ обманы и выдумки часто бываютъ причиною смерти. Они толкуютъ и разъясняютъ законъ по своему усмотрѣнію. Доктора, прелаты и священники проливаютъ кровь праведниковъ. Они идутъ широкимъ путемъ, ведущимъ къ гибели, не хотятъ войти сами и другимъ не позволяютъ вступать на узкую тропинку, ведущую къ жизни вѣчной.—Истинность этого описанія подтверждена граматою Бенедиктомъ XII Нарбоннскому архіепископу, въ которой папа даетъ картину деморализаціи духовенства этой провинціи, только что очищенной отъ ереси неутомимыми трудами Инквизиціи [1]).

Похвальная попытка реформы, предпринятая Бенедиктомъ, была безплодна: послѣ смерти этого папы зло еще болѣе увеличилось. При Климентѣ VI всевозможные пороки процвѣтали еще пышнѣе, чѣмъ когда-либо. Въ 1351 г. одинъ кармелитъ, проповѣдуя передъ папой и кардиналами, бросилъ имъ упрекъ въ ихъ гнусности въ такихъ выраженіяхъ, которыя устрашили присутствовавшихъ; и его тотчасъ же отпустили. Немного спустя къ главнымъ дверямъ церквей было прибито письмо, адресованное папѣ и кардиналамъ. Письмо это, подписанное Левіаѳанъ, Князь Мрака, было помѣчено центромъ Ада. Левіаѳанъ привѣтствовалъ своего намѣстника, папу, и своихъ слугъ, кардиналовъ, а также и тѣхъ, съ помощью которыхъ онъ одержалъ побѣду надъ Богомъ; онъ превозносилъ ихъ за ихъ пороки и передавалъ имъ добрыя пожеланія ихъ матери, Суеты, и ихъ сестеръ, Скупости, Роскоши и другихъ, которыя радовались тому, что процвѣтаютъ благодаря заботамъ о нихъ папы и кардиналовъ. Климентъ былъ затронутъ за живое и даже захворалъ опасно; но автора этого письма такъ и не удалось открыть. Когда въ слѣдующемъ году Климентъ умеръ, большинство кардиналовъ высказалось за избраніе Жана Бирели, пріора главнаго картезіанскаго монастыря; но кардиналъ изъ Перигора предупредилъ своихъ товарищей, что намѣченный ими кандидатъ черезчуръ ужъ ревностенъ къ Церкви; это—человѣкъ, полный справедливости и правосудія, который не станетъ смотрѣть на лица, такъ что сразу низведетъ ихъ къ ихъ прежнему положенію и въ четыре мѣсяца ихъ рысаки обратятся въ вьючныхъ животныхъ. Напуганные этой картиной, кардиналы тотчасъ же избрали Иннокентія VI [2]).

Достовѣрность этихъ разсказовъ подтверждается картиной папскаго двора въ Авиньонѣ, нарисованной Петраркой; его блестящая риторика не можетъ вполнѣ передать силу его негодованія, и подробности, которыя даетъ онъ, чтобы оправдать свой гнѣвъ, не могутъ быть воспроизведены здѣсь. Дворъ этотъ—Вавилонъ Запада; ничего изъ того, что говорятъ объ Ассиріи или Египтѣ и даже о странѣ татаръ, не можетъ сравниться, такъ какъ сравнительно съ этимъ ужасомъ всѣ разсказы о тѣхъ странахъ кажутся жалкими баснями. Въ этомъ дворѣ мы находимъ Нимврода и Семирамиду, Миноса и Радаманта, Цербера, все пожирающаго, Пазифаю подъ быкомъ и его потомка чудовищнаго Минотавра. Здѣсь мы видимъ смятеніе, мракъ и ужасъ. Это не городъ, а вертепъ страшныхъ чудовищъ и демоновъ, гнѣздо всѣхъ пороковъ, адъ живущихъ. Здѣсь презираютъ Бога, здѣсь поклоняются деньгамъ, здѣсь попираютъ ногами законы, здѣсь смѣются надъ хорошими, такъ что не осталось ни одного, кто бы могъ служить мишенью для насмѣшекъ. Нуженъ новый по-

[1]) Marsil. Patav. «Defensor Pacis», II, XI. Cf. cap. XXIII, XXIV.—Alvar. Pelag. «de Planct. Eccles.» lib. II, Art. VII.—Baluz. et Mansi, III, 24—5.

[2]) Chron. Glassberger, ann. 1335.—Albert. Argentinens. «Chron.» ann. 1351.—Hist. Ordin. Carthus. (Martène, «Ampl. Coll.» VI, 187).

Библиотека "Руниверс"

топъ; но ни одного Ноя, ни одного Девкаліона не останется здѣсь въ живыхъ. Авиньонъ—блудница, одѣтая въ пурпуръ и багрецъ, держащая въ рукахъ золотой кубокъ, полный мерзостей и гадостей ея блудодѣяній. Петрарка нѣсколько разъ возвращается къ этому и всякій разъ съ одинаково сильной яростью; мимоходомъ онъ упоминаетъ объ одномъ изъ кардиналовъ, какъ о человѣкѣ довольно благородномъ, который могъ бы быть праведникомъ, если бы не принадлежалъ къ коллегіи кардиналовъ. Ѣдкій умъ Боккаччіо также даетъ себѣ полный просторъ. Всѣ члены папскаго двора, отъ самаго высокаго до самаго скромнаго, предаются самымъ гнуснымъ порокамъ. Видъ этотъ обратилъ одного еврея, замѣчающаго, что христіанство должно исходить отъ Бога, чтобы быть въ состояніи распространяться и процвѣтать, несмотря на развратъ его главы. Рульманъ Мерсвинъ бросаетъ взглядъ на всю Церковь, отъ самаго высокопоставленнаго ея члена до самаго низшаго, на папъ, кардиналовъ, епископовъ, монашескіе ордены и бѣлое духовенство, и всюду, и у всѣхъ онъ видитъ забвеніе долга, эгоизмъ, жадность, удовлетвореніе чувственныхъ удовольствій [1]).

Григорій XI былъ въ XIV ст. самымъ строгимъ гонителемъ ереси и проявилъ неутомимую дѣятельность противъ Братьевъ Свободнаго Духа, вальденцевъ и фратичелли. Если его тезка и образецъ Григорій IX организовалъ Инквизицію, то онъ могъ гордиться тѣмъ, что возстановилъ этотъ институтъ и ввелъ его въ Германію; однако, несмотря на ту ревность, съ которой онъ старался водворить единство вѣры, святой Бригиттѣ было поручено передать ему отъ Бога слѣдующія слова:

«Услышь, Григорій, слова, съ которыми Я обращаюсь къ тебѣ и отнесись къ нимъ съ полнымъ вниманіемъ! Зачѣмъ ненавидишь ты Меня такъ сильно? Зачѣмъ дерзость и надменность твои въ отношеніи Меня такъ велики, что твой мірской дворъ уничтожаетъ мой дворъ небесный? Въ своей гордости ты лишаешь Меня Моей паствы. Ты вымогаешь, ты захватываешь и даешь своимъ мірскимъ друзьямъ принадлежащія Мнѣ богатства Церкви и имущество вѣрныхъ Церкви. Ты несправедливо берешь послѣдній грошъ у бѣднаго и безъ зазрѣнія совѣсти тратишь его на своихъ мірскихъ друзей. Что сдѣлалъ Я тебѣ, Григорій? Я терпѣливо перенесъ возвышеніе твое на высшую ступень, и Я возвѣстилъ тебѣ Свою волю въ граматахъ, которыя Я тебѣ чудесно послалъ, совѣтуя тебѣ въ нихъ заботиться о спасеніи твоей души и упрекая тебя въ безпечности. Какъ нынѣ воздаешь ты Мнѣ за Мои благодѣянія? Зачѣмъ позволяешь ты проявляться при твоемъ дворѣ самой низкой гордости, ненасытной алчности, разврату, столь Мнѣ ненавистному, и симоніи, пожирающей все? Мало того, ты захватываешь и отдаляешь отъ меня безчисленное множество душъ, ибо ты ввергаешь въ адскій огонь почти всѣхъ, приходящихъ къ твоему двору... Опоясшь же свои чресла и не бойся ничего! Возстань и энергично примись за реформу Церкви, за которую Я заплатилъ Своею кровью, и она вернется къ своему прежнему состоянію, хотя теперь публичный домъ пользуется большимъ уваженіемъ, чѣмъ она. Если ты не повинуешься Моему приказанію, то знай, что истинно ты будешь осужденъ, и что всякій демонъ Ада получитъ кусокъ твоей безсмертной души».

Въ другомъ видѣніи святой Бригиттѣ было приказано открыть папѣ жалкое положеніе всего духовенства. Священники были скорѣе ставленниками діавола, чѣмъ служителями Бога. Монастыри почти заброшены; обѣдни служатся тамъ рѣдко, монахи не сидятъ у себя дома и не стыдятся признавать своихъ дѣтей; другіе же бродятъ по странѣ, часто въ кольчугѣ подъ рясой. Двери женскихъ монастырей открыты день и ночь, и жилища эти

---

[1]) Petrarchi «Lib. sine Titulo» Epist. VII, VIII, IX, XII, XVI.—«Decamerone», Giorn. I, Nov. 2.—Merswin. «de IX Rupibus Libellus», cap. V—XIV.

Гнѣвъ Петрарки можетъ быть понятъ, если считать подлинной отвратительную исторію, приведенную для освѣщенія загадочныхъ намековъ въ его XXII канцонѣ: «Mai non vo'più cantar com'io soleva».

Библиотека "Руниверс"

скорѣе представляютъ изъ себя публичные дома, чѣмъ святыя убѣжища. Таковъ былъ характеръ многократныхъ откровеній Св. Бригитты. Виклефъ и Гусъ ничего не могли сказать противъ испорченности духовенства, что превосходило бы по язвительности эти слова [1]).

Св. Екатерина Сіенская была столь же смѣла и откровенна въ своемъ вдохновеніи. Въ письмахъ своихъ къ Григорію XI, Урбану VI и сановникамъ, которые съ почтеніемъ слушали ея слово, бывшее голосомъ Бога, она безпрестанно возвращается къ испорченности всѣхъ классовъ іерархіи и къ необходимости произвести немедленно реформу. Григорію она возвѣщаетъ, что Богъ строго накажетъ его, если онъ не очиститъ Церковь отъ ея скверны; Богъ требуетъ, чтобы папа пересталъ, наконецъ, быть равнодушнымъ и боязливымъ, чтобы онъ сдѣлался другимъ человѣкомъ и уничтожилъ бы вопіющую несправедливость. Урбану она объявляетъ, что онъ не можетъ положить конецъ злу, совершенному во всемъ христіанскомъ мірѣ, особенно духовенствомъ, но что онъ можетъ, по крайней мѣрѣ, начать задачу, которая доступна ему. Она указываетъ на прелатовъ, предающихся исключительно удовольствію и честолюбію; это—адскіе демоны, похищающіе души своей паствы; это—волки, это—барышники, торгующіе божеской благодатью. Священники прямо противоположны тому, чѣмъ они должны быть, и наносятъ вредъ всякому, кто къ нимъ приближается; всѣ они ведутъ развратную жизнь, и ихъ вѣрнѣе назвать животными, чѣмъ людьми; какъ животныя, они валяются въ грязи и предаются извращенности своихъ скотскихъ вкусовъ; это не пастыри душъ, но волки, пожирающіе души и предающіе ихъ Волку Ада [2]). Но все это были обращенія къ глухимъ. Во время Великаго Раскола Церковь, если только возможно, еще глубже погрязла въ безднахъ разврата.

Въ 1386 г. отшельникъ изъ Козенцы, Телесфоръ, не зналъ, какъ объяснить иначе Расколъ, чѣмъ богатствомъ и суетностью духовенства: Богъ не могъ исправить духовенства иначе, какъ лишивъ его свѣтской власти и силою заставивъ его жить согласно съ Евангеліемъ. Генрихъ Гессе, оспаривавшій пророческій даръ Телесфора, не задумывался, подобно ему, приписывать Расколъ симоніи, алчности, гордости, роскоши и суетности Церкви, и единственное объясненіе этого онъ находитъ въ томъ, что Богъ иногда, въ гнѣвѣ своемъ, позволяетъ служителямъ своимъ дѣйствовать согласно съ побужденіями ихъ дурныхъ инстинктовъ. Даже и въ случаѣ окончанія Раскола Церковь, по мнѣнію Генриха, будетъ падать только ниже, пока не придетъ Антихристъ. Приходъ его ему кажется близкимъ, такъ какъ всѣ пророческія предсказанія исполнились въ крайнемъ паденіи міра. Ненасытная алчность и честолюбіе духовенства и мірянъ заставятъ этихъ людей стать на сторону перваго человѣка, который обѣщаетъ имъ мірскія блага, и они соединятся на помощь Антихристу въ его завоеваніи міра. Какъ ни скверны, говоритъ онъ, нападенія ереси, но миръ, которымъ наслаждается теперь Церковь, послѣ побѣды надъ еретиками, гораздо хуже еще, ибо злымъ людямъ удалось исключить добродѣтели и замѣнить ихъ пороками, — интересный отзывъ энтузіаста духовнаго о результатахъ трудовъ Инквизиціи [3]).

---

[1]) Revelat. S. Brigittae, lib, I, 41; lib. IV, c. 33, 37, 142.

Святая Бригитта была канонизована въ 1391 году Бонифаціемъ IX; когда окончился Великій Расколъ, то эта канонизація была подтверждена въ 1419 году Мартиномъ V. Оба папы приписывали ея откровенія Св. Духу.

[2]) Epistole della Santa Caterina da Siena, Lett. 9, 13, 14, 15, 17, 18, 21, 35, 38, 39, 41, 44, 50, 91 и далѣе (Миланъ, 1843 г.).

[3]) Telesphori «de Magnis Tribulationibus» (Venet. 1516, fol. 11).—Henrici de Hassia «Lib. contra Telesphori Vaticinia», c. I, II, X, XX, XXXVII, XLI, XLIII (Pez, «Thesaur. Anecdot.» T. I, P. II.

Генрихъ написалъ князьямъ Церкви, отъ имени Луцифера, князя Мрака и императора Ахерона, письмо, аналогичное тому, которое такъ сильно взволновало Климента VI въ 1351 году (Pez, «Dissert.» стр. LXXIX).

Библиотека "Руниверс"

СВЯТАЯ ЕКАТЕРИНА.

Часть фрески Пинтуриччіо.
(Ватиканскій дворецъ, аппартаментъ Борджіи).

Папа Александръ VI молится воскресшему Спасителю.

Фреска Пинтуриччіо.
(Ватиканскій дворецъ, аппартаментъ Борджіи).

Библиотека "Руниверс"

Эти печальныя свидѣтельства были подтверждены также просьбою, съ которой обратился Пизанскій соборъ къ Александру V въ 1409 г., и реформаторами, которые собрались на Констанцскій соборъ въ надеждѣ, что соборъ этотъ выполнитъ свою миссію и очиститъ Церковь; это были Жанъ Герсонъ, кардиналъ д'Айльи, кардиналъ Забарелла, Бернардъ Баптизатъ, Теодорикъ Ври. Я уже приводилъ отзывъ Николая де Клеманжи; достаточно сказать, что остальные реформаторы были такъ же ясны и точны; въ проектахъ реформъ, которые предполагалось представить собору, краснорѣчиво говорится о всевозможномъ злѣ, которое онъ долженъ уничтожить. Прежде всего, Сигизмундъ и нѣмцы, равно какъ французы и англичане, были согласны между собою относительно необходимости просить, чтобы реформа предшествовала избранію папы на мѣсто низложеннаго Іоанна XXIII; но, вступивъ въ тѣсный союзъ съ Генрихомъ V, императоръ отдалилъ отъ себя французовъ. Противники проекта ловко воспользовались этимъ и примирились съ диссидентами; надежды на реформы, казалось, совершенно исчезли, и Сигизмундъ серьезно думалъ арестовать и удалить изъ Констанца всѣхъ кардиналовъ, главныхъ противниковъ столь желанной мѣры. Узнавъ объ этомъ, кардиналы и не думали уступать, а, надѣвъ свои красныя шапки, вышли въ нихъ на улицы, какъ бы въ доказательство своей готовности претерпѣть мученичество; затѣмъ они составили объявленіе, въ которомъ клеймили англичанъ и нѣмцевъ, какъ виклефитовъ и гуситовъ. Нѣмцы отвѣчали рѣзкимъ протестомъ и оффиціально обрисовали положеніе Церкви въ столь же живыхъ выраженіяхъ, какъ и выраженія Николая Клеманжи. Они считали только одинъ Св. Престолъ отвѣтственнымъ за подобное положеніе вещей, такъ какъ они отодвигали начало этихъ злоупотребленій къ эпохѣ лѣтъ за сто пятьдесятъ передъ этимъ, когда возраставшія притязанія Куріи позволили папству заразить своими пороками весь христіанскій міръ; они упоминали съ особымъ ужасомъ о правѣ, предоставляемомъ должностью папскаго исповѣдника, худшемъ чѣмъ обыкновенная симонія, о правѣ расщѣнивать преступленія по ихъ тяжести и дѣлать изъ грѣха предметъ позорной торговли. Церковь, говорили они въ заключеніе, потеряла всякое право на уваженіе мірянъ, которые смотрѣли на нее съ пренебреженіемъ и скорѣе, какъ на церковь Антихриста, чѣмъ какъ на церковь Христа.—Однако энергія нѣмцевъ была ослаблена смертью ихъ самаго сильнаго союзника Салисберійскаго епископа Роберта Галлама; два прелата, на которыхъ наиболѣе всего разсчитывалъ Сигизмундъ, дали себя подкупить. Архіепископу Риги, утомленному постоянными ссорами съ тевтонскими рыцарями, была обѣщана богатая Льежская епископія, а епископу Хура была обѣщана Рижская архіепископія. Оппозиція была сломлена; Мартинъ V былъ избранъ. Французы скоро поняли свою ошибку и обратились къ Сигизмунду, который сухо отослалъ ихъ къ избранному ими папѣ, единственному отнынѣ, кто можетъ давать реформы и отказывать въ нихъ. Соборъ быстро возобновилъ свои засѣданія и послѣ принятія нѣсколькихъ маловажныхъ каноновъ рѣшилъ собрать черезъ короткіе промежутки времени рядъ вселенскихъ соборовъ [1]).

Мы уже видѣли, какъ ловко избѣгли реформъ на Сіенскомъ соборѣ въ 1424 г. Не лучше было дѣло и въ Базелѣ. Въ 1435 г. епископъ Минорки Андрей подалъ кардиналу Чезарини увѣщаніе, въ которомъ, между прочимъ, говорилъ:

«Преступленія, грѣхи и соблазны увеличились до того, въ особенности среди духовенства, что, по словамъ Пророка, проклятіе лжи и воровства, прелюбодѣянія и симоніи, убійства и тысячи другихъ преступленій наводнило землю... Алчность и жажда могущества, позорная и гнусная жизнь духовенства суть причины всѣхъ бѣдствій христіанскаго міра. Невѣрный и еретикъ говорятъ, что если бы христіанская вѣра и законъ Евангелія были

[1]) Libellus Supplex oblatus Papae in Concilio Pisano (Martène, «Ampl. Coll.» VII, 1124—32).—Von der Hardt, IV, 1414, 1417—18, 1422—23, 1426—27, 1432.—Rymer, X, 433—6.—Gobelini «Personae Cosmodrom. Act.» VI. cap. 96.

Библиотека "Руниверс"

истинны и святы, то прелаты и священники не жили бы такъ, какъ они живутъ, духовные вожди не вызывали бы въ христіанскомъ мірѣ такого смущенія и такого позора безъ того, чтобы ихъ немедленно же не наказалъ нашъ Господь Іисусъ Христосъ, основатель Евангелія и Церкви».

Епископъ Андрей побуждалъ соборъ осудить безповоротнымъ рѣшеніемъ нечестивое постановленіе нѣкоторыхъ канонистовъ, полагавшихъ, что папа не можетъ совершить симоніи. Два года спустя, въ 1437 г., доминиканецъ Іоаннъ Нидеръ говорилъ, что нѣтъ надежды на общую реформу Церкви вслѣдствіе испорченности прелатовъ и нежеланія духовенства. Частичныя реформы проводились, но онѣ были чрезвычайно трудны. Соборъ, говорилъ Нидеръ, за шесть лѣтъ своего существованія не могъ произвести реформы одного женскаго монастыря, хотя къ его услугамъ для этого были всѣ силы свѣтской власти [1]).

Собственно говоря, соборъ попробовалъ провести нѣсколько реформъ, но Евгеній IV и его преемники отказались исполнить каноны собора. Даже въ Германіи и Франціи старыя злоупотребленія снова возобновились со всѣми ихъ печальными послѣдствіями. Писатели этого періода такъ же подробно, какъ и ихъ предшественники, описываютъ крайнее и всеобщее паденіе Церкви въ теченіе остальныхъ лѣтъ столѣтія. Одинъ или два примѣра покажутъ, что они не сгущали красокъ. Въ 1459 г. умеръ въ Аррасѣ восьмидесяти лѣтъ отъ роду Никезій де Вассэръ, каноникъ и глава капитула города. Онъ не только имѣлъ содержанокъ, съ которыми жилъ, но жилъ также съ дочерью (и одновременно съ внучкой), которую имѣлъ отъ одной изъ нихъ; но нравственное чутье Церкви и народа настолько притупилось, что это чудовище, какъ говорятъ намъ, «весьма почетно» совершало богослуженіе во всѣ праздники; составитель хроники дѣлаетъ только одно замѣчаніе, что онъ съ большимъ достоинствомъ исполнялъ свои обязанности. Когда въ 1474 г. извѣстіе о смерти Сикста IV было встрѣчено въ Римѣ радостными пѣснями, народъ не столько вспоминалъ о бенефиціяхъ, проданныхъ тѣмъ, кто дороже заплатилъ, и о другихъ способахъ, которыми папа вымогалъ деньги, но о томъ, какъ вознаграждалъ онъ молодыхъ мальчиковъ, удовлетворявшихъ его сверхъестественные пороки, раздавая имъ богатыя епископіи и архіепископіи.

При такихъ людяхъ, какъ Иннокентій VIII и Александръ VI, можно было ожидать еще большаго паденія. Юлій II былъ скорѣе контадьеромъ, чѣмъ священникомъ; но когда политическія обстоятельства заставили его собрать Латеранскій соборъ, то люди, подобные Якову Вимпфелингу, смѣли надѣяться, что онъ положитъ конецъ смертному бичу, поразившему всѣ церкви. Когда послѣ смерти Юлія Левъ X руководилъ работами собравшихся отцовъ, то Пико делла Мирандола отправилъ новому папѣ посланіе съ описаніемъ тѣхъ золъ, которыя нужно устранить реформами. Это было повтореніе старыхъ жалобъ. Почитаніе Бога было въ забросѣ; церкви находились въ рукахъ сводниковъ и любимцевъ; женскіе монастыри были вертепами разврата; судомъ руководили ненависть или лицепріятіе; мѣсто утраченнаго благочестія заняло суевѣріе; священство продавалось и покупалось; доходы Церкви шли исключительно на грязный развратъ, и примѣръ священниковъ отвращалъ народъ отъ религіи. Авторъ анонимнаго трактата, напечатаннаго около 1500 г., беретъ на себя трудъ доказать тщательно выбранными цитатами, что прелюбодѣяніе запрещено духовенству, и то презрѣніе, которое повсемѣстно внушаетъ къ себѣ Церковь, онъ приписываетъ позорному зрѣлищу нравовъ ея членовъ. Чтобы составить себѣ вѣрное представленіе о томъ дѣйствіи, которое производило на народъ это паденіе Церкви, надо помнить, что духовенство присваивало себѣ и проявляло сверхъестественное могущество, дѣлавшее изъ священника рѣшителя судьбы всякаго человѣка; дѣйствительно, вѣчное спасеніе менѣе

[1]) Andreae «Gubernac. Concil.» P. II, III, V, cap. 2 (Von der Hardt, VI, 175, 179, 209).— Nideri «Formicar.» lib. I, c. VII.

Библиотека "Руниверс"

зависѣло отъ личныхъ заслугъ, чѣмъ отъ людей, располагавшихъ таинствами. Это вліяніе усыпляло нравственныя чувства, какъ это показываетъ сознаніе Анны Міолеренъ, одной изъ колдуній, сожженныхъ въ Тиролѣ въ 1506 г. Развитіе ереси она приписываетъ священникамъ, сластолюбцамъ и пьяницамъ, которые не въ состояніи исповѣдывать кающихся и крестить, какъ слѣдуетъ, дѣтей, такъ что легко предать Сатанѣ существа, недостаточно защищенныя таинствами. Священники, добавляетъ колдунья, должны крестить дѣтей съ благоговѣніемъ и точно совершать всѣ обряды [1]).

Что касается монашества, то Тритенгеймскій аббатъ даетъ сильную картину деморализаціи монастырей. Великій орденъ бенедиктинцевъ, послужившій образцомъ для всѣхъ остальныхъ, былъ основанъ вслѣдствіе мудрой и полезной идеи соединить въ общежитіяхъ выгодную обработку полей и церковныя правила; но аббатъ говоритъ, что монахи внѣ монастырей лѣнивы и полны суетности; а въ монастыряхъ предаются плотскимъ наслажденіямъ; что почетнаго у нихъ только монашеская ряса, и ту они весьма часто не надѣваютъ. Никто не думалъ о возстановленіи забытой дисциплины. Монастыри стали духовными хлѣвами, или крѣпостями военныхъ людей, или рынкомъ барышниковъ, или публичными домами, гдѣ самымъ величайшимъ преступленіемъ считается жить безъ грѣха. Аббаты думали только объ удовлетвореніи своего аппетита и суетности, своей похотливости, своего честолюбія и алчности, между тѣмъ, какъ братья, монахи лишь по имени, были вмѣстилищемъ страстей и грѣховъ.

Ангелъ Румферъ (Angelus Rumpherus), избранный въ 1501 г. аббатомъ Формбаха, оставилъ намъ жизнеописаніе своего непосредственнаго предшественника Леонгарда, управлявшаго аббатствомъ съ 1474 г.; это описаніе позволяетъ намъ бросить взглядъ на внутреннюю жизнь этихъ учрежденій, взглядъ, который подтверждаетъ истинность приведенныхъ нами картинъ. Леонгардъ особенно любилъ примѣнять пытку и умѣлъ до безконечности разнообразить наказанія. Одинъ монахъ, по имени Энгельшалькъ, человѣкъ нравственный и чистый, не могъ выносить тираніи своего аббата и бѣжалъ, но захворалъ и былъ обратно приведенъ въ монастырь. Его заточили въ башню аббатства, въ камеру, безъ свѣта и воздуха, открывалось только узкое потайное окошко (j u d a s), черезъ которое подавали узнику пищу. Онъ умеръ тамъ даже безъ послѣдняго напутствія; онъ просилъ духовника, но ему отказали въ этомъ. Когда онъ отдалъ Богу душу, то аббатъ и нѣсколько монаховъ вошли въ его темницу, и тотчасъ изъ носа покойника хлынула кровь, какъ доказательство, что эти люди были его убійцами. Аббатъ Леонгардъ, несомнѣнно, примѣнялъ только свою законную власть, такъ какъ въ 1459 г. Пій II разрѣшилъ всѣмъ кармелитскимъ пріорамъ примѣнять пытку при наказаніи наиболѣе тяжелыхъ преступленій, совершенныхъ монахами, съ тѣмъ только ограниченіемъ, что пытка должна происходить въ присутствіи двухъ старѣйшихъ монаховъ, и что наказаніе не должно быть настолько строго, чтобы могло вызвать смерть или увѣчье. По всей Италіи положеніе монашескихъ орденовъ было одинаково печально; Бурхардъ описываетъ разные монастыри Рима, какъ настоящіе публичные дома [2]).

---

[1]) «Fascic. Rer. Expetend. et Fugiend.» I, 68, 417; II, 105 (изд. 1690 г.).—Herm. Ryd de Reen «de Vita Clericor.» (Ibidem, II, 142).—Jacques de Clercq, «Mémoires», liv. III, ch. 43.—Stephani Infessurae «Diar. Urb. Roman.» ann. 1474 (Eccard, «Corp. Hist.» II, 1939).—Wimpfeling «de Vita et moribus Episcoporum», Argentorati, 1512.—«De Munditia et Castitate Sacerdotum» (sine nota, sed Parisiis c. 1500).—Rapp, «Die Hexenprocesse und ihre Gegner aus Tirol», 148.

[2]) Joann. de Trittenheim «Lib. Lugubris de Statu et Ruina Monast. Ord.» c. I, III.—Angeli Rumpheri «Hist. Formbach.» lib. II (Pez, I, III, 446, 451—2).—Privilegia Fratrum de Monte Carmeli, 70 (Matriti, 1700).—Pastor, «Geschichte der Päpste», III, 125.—Burchardi «Diarium», изд. Thuasne, I, 79.

Въ 1329 году аббатъ де-ла-Грасъ судомъ Парижскаго парламента былъ навсегда лишенъ

Библиотека "Руниверс"

Міряне, руководимые такою Церковью, были въ состояніи неописуемаго нравственнаго паденія. Инквизиція своими методами ввела единство вѣры; пока человѣкъ оставался вѣрнымъ католической Церкви, то преступленія и грѣхи, собственно говоря, были важны постольку, поскольку они являлись источникомъ доходовъ для торговцевъ отпущеніями прегрѣшеній. По словамъ Теодорика Ври, адъ и чистилище опустошили бы, если бы достали для этого денегъ. Столь распространенное ложное ученіе отражается и въ одномъ откровеніи Божьей Матери Св. Бригиттѣ: всякій папа, если онъ только не еретикъ, какъ бы ни былъ загрязненъ грѣхами и пороками, не виновенъ настолько, чтобы могъ потерять свое право вязать и отпускать души. Много развратныхъ папъ находится въ аду, но всѣ ихъ законныя дѣйствія, совершенныя ими на землѣ, считаются остающимися въ силѣ и утвержденными Богомъ; таинства, совершенныя всѣми священниками, если они не еретики, дѣйствительны, каково бы ни было при этомъ ихъ нравственное паденіе. Единственное существенное значеніе имѣла только чистота вѣры; чистота же нравственная была второстепенною мелочью. Это представленіе вполнѣ отдѣляло религію отъ нравственности, какъ это свидѣтельствуетъ замѣчаніе Пія II, что францисканцы были прекрасными богословами, но нисколько не думали о добродѣтели [1]).

Это было, дѣйствительно, прямымъ результатомъ системы преслѣдованія, воплощенной Инквизиціей. Безжалостно, во имя Христа, уничтожали еретиковъ, которыхъ признавали за образецъ добродѣтели, между тѣмъ, какъ, опять таки во имя Христа, вѣрные католики могли за нѣсколько грошей купить отпущеніе самыхъ позорныхъ преступленій. Когда единственнымъ непростительнымъ прегрѣшеніемъ была упорная привязанность къ какому-нибудь незначительному отступленію отъ ученія, какъ, напр., нищета Христа, и когда всѣ видѣли, какъ ихъ духовные руководители давали примѣръ порока, разврата, презрѣнія къ священнымъ предметамъ, тогда всѣ нравственные устои были разрушены, и зло и добро безнадежно смѣшались.

Быть можетъ, міръ никогда не видалъ болѣе развращеннаго общества, чѣмъ европейское въ XIV и XV вв. Блестящія страницы Фруасара чаруютъ насъ картиной искусственно изящнаго рыцарства; мистическія грезы Рисбрука и Таулера свидѣтельствуютъ, что рѣдкія души жили духовною жизнью; масса же населенія была погружена въ сластолюбіе и въ самое грубое забвеніе всякаго нравственнаго закона. Альваро Пелайо считаетъ духовенство отвѣтственнымъ за это нравственное паденіе и говоритъ, что свѣтское общество свято въ сравненіи съ духовенствомъ. Затѣмъ въ назиданіе исповѣдниковъ онъ приступаетъ къ описанію этой относительной святости, и онъ стыдится давать точную картину, въ которой рисуетъ ужасныя черты всеобщей безнравственности, которую ничто не можетъ очистить, кромѣ небесныхъ огня и сѣры. Составители хроникъ рѣдко прерываютъ свой разсказъ для описанія нравственнаго состоянія своей эпохи. Но Мейеръ въ своихъ Annales Flandriae, помѣченныхъ 1379 г., говоритъ, что невозможно представить себѣ, какъ распространены были повсюду клятвопреступленіе, богохульство, прелюбодѣяніе, ненависть, ссоры, раздоры, убійства, грабежи, разбои, воровство, игры, распутство, развратъ, корыстолюбіе, притѣсненіе бѣдныхъ, хищенія, пьянство и другіе пороки; въ подтвержденіе своихъ словъ онъ приводитъ тотъ фактъ, что въ области Гента въ теченіе десяти мѣсяцевъ было поднято не менѣе 1400 убитыхъ въ публичныхъ домахъ, игорныхъ притонахъ, въ кабакахъ и другихъ подобныхъ мѣстахъ. Когда въ 1396 г.

права судить уголовныя и гражданскія дѣла, а аббатство было присуждено уплатить королю штрафъ въ тридцать тысячъ ливровъ и шесть тысячъ ливровъ проторей и убытковъ жертвамъ за убійства, незаконныя пытки и другіе жестокіе поступки.—A. Molinier, Vaissete, изд. Privat, IX, 417.

[1]) Gersoni «de Reforma Eccles.» c. XXIV (Von der Hardt, I, V, 125—8).—Theod. Vric, «Hist. Concil. Constant.», lib. IV. Dist. VII.—Revel. S. Brigittae, lib. VII, cap. VII.

Библиотека "Руниверс"

Іоаннъ Безстрашный велъ своихъ крестоносцевъ на разрушеніе Никополиса, то преступленія и циничный развратъ рыцарей возмутили даже турокъ и заслужили строгіе упреки Баязета, который, по словамъ монаха изъ С.-Дени, былъ много добродѣтельнѣе, чѣмъ враги его, христіане.

Этотъ же лѣтописецъ, выводя нравственное поученіе изъ пораженія при Азенкурѣ, приписываетъ это несчастье общей испорченности всего народа. Половыя сношенія, говоритъ онъ, были или кровосмѣшеніемъ или безобразнымъ удовольствіемъ; торговля была одинъ обманъ и мошенничество; алчность отнимала у Церкви слѣдуемый ей десятинный налогъ; обычный разговоръ былъ полонъ сплошного богохульства. Церковь, созданная Богомъ, чтобы служить примѣромъ для народовъ и оказывать имъ покровительство, пренебрегала всѣми своими обязанностями. Епископы, побуждаемые самыми низкими и преступными мотивами, обыкновенно относились пристрастно къ обвиняемымъ; они грабили свою паству и хвастались этимъ; въ нихъ не было ничего святого, справедливаго, возвышеннаго, ни даже благопристойнаго. Лука Ваддингъ—свидѣтель выше всякаго подозрѣнія; его добросовѣстный трудъ, основанный на первоисточникахъ, придаетъ его мнѣніямъ особое значеніе, и мы можемъ вполнѣ вѣрить его описанію Италіи въ началѣ XV в.: «Въ эту эпоху Италія погрязла въ порокахъ и развратѣ. Въ Церкви не было никакого благочестія, въ обществѣ мірянъ не было ни вѣры, ни набожности, ни стыда, ни нравственныхъ началъ; всякій проклиналъ своего ближняго; партіи гвельфовъ и гибеллиновъ въ своей братоубійственной враждѣ заливали улицы городовъ кровью; улицы кишѣли разбойниками; моря—пиратами; родители съ радостью убивали своихъ дѣтей, если послѣднія принадлежали къ враждебной партіи; міръ полонъ былъ волшебства и чаръ; церкви были пусты, игорные дома были набиты биткомъ...» Это свидѣтельство настолько согласно съ разсказами современниковъ, что мы не вправѣ отвергнуть его, какъ выраженіе крайняго пуританизма.

Эней Сильвій не былъ пуританиномъ, а его чреватая приключеніями жизнь дала ему возможность узнать лучше, быть можетъ, чѣмъ кому-либо другому изъ его современниковъ, положеніе всего христіанскаго міра. Вотъ что писалъ онъ въ 1453 г.: «Почему я боюсь турокъ? Присматриваясь къ поступкамъ князей и прелатовъ, я убѣждаюсь, что всѣ они развратны, что всѣ они недостойны своего званія. Нѣтъ ни одного, который бы велъ себя хорошо; нѣтъ ни одного, кто былъ бы благочестивъ или чистосердеченъ. Никто на землѣ не знаетъ Бога! Вы христіане по имени и язычники по дѣламъ! Ненависть и ложь, убійство, воровство и прелюбодѣяніе распространились среди васъ и вы не устаете проливать кровь. Нужно ли удивляться, если Богъ, возмущенный вашими преступленіями, заставитъ васъ нести иго Магомета, вождя турокъ, другого Навуходоносора, въ то время какъ вы преисполнены гордости, хищной алчности, бѣшеной ярости, бѣдной зависти, кровосмѣсительнаго сладострастія и неумолимой жестокости? У васъ нѣтъ никакого стыда, ибо вы грѣшите такъ открыто и такъ безстыдно, что, кажется, что вы любуетесь своими грѣхами».

Объ отвѣтственности же Церкви мы можемъ судить по ужасному положенію Рима при Иннокентіи VIII, описанному Инфессурой въ его дневникѣ. Всякія злодѣянія сходили безнаказанно, если у преступника было достаточно денегъ для уплаты благодарностей папской канцеляріи; а когда обращались по этому поводу съ упреками къ вице-канцлеру, кардиналу Борджіа, то онъ благочестиво отвѣчалъ, что Богъ не желаетъ смерти грѣшника и позволилъ оставить виновнаго въ живыхъ послѣ того, какъ онъ заплатилъ деньги. Перепись публичныхъ женщинъ показала, что ихъ было въ городѣ 6800; когда же викарій города издалъ указъ, повелѣвавшій всѣмъ священникамъ разстаться со своими наложницами, то Иннокентій призвалъ его къ себѣ и велѣлъ взять обратно указъ, такъ какъ всѣ священники и члены Куріи имѣютъ наложницъ, и въ этомъ нѣтъ никакого грѣха.

Библиотека "Руниверс"

Легко понять остроту, приводимую въ Dil Ulenspiegel: «Благочестивый человѣкъ идетъ въ Римъ и возвращается оттуда развращеннымъ». Дѣйствительно, Римъ былъ пучина, источникъ порчи всего христіанскаго міра [1]).

Таковы были результаты теократіи, основанной Гильдебрандомъ, чистосердечно думавшимъ возстановить такимъ путемъ царство Христа на землѣ. Могущество, которое присваивала себѣ и проявляла Церковь, могло быть довѣрено только божеской мудрости. Человѣческая природа черезчуръ несовершенна, чтобы не обратить такое могущество въ орудіе удовлетворенія страстей и мірского честолюбія, неизбѣжнымъ слѣдствіемъ чего было то, что общество опускалось все глубже и глубже въ пучину разврата, по мѣрѣ того какъ преслѣдованіе устанавливало единство вѣры. При господствѣ Инквизиціи, какъ я уже сказалъ, вѣра сдѣлалась предметомъ первой важности, нравственность же была сведена къ второстепенной роли и, такимъ образомъ, естественно образовалось искусственное и произвольное представленіе о жизни и налагаемыхъ ею обязанностяхъ. Если человѣкъ, желая снискать расположенія Сатаны, топталъ ногами св. тайны, вѣря, что облатка представляетъ истинное тѣло Христа, то онъ не подлежалъ наказаніямъ, полагавшимся за ересь; но если онъ сдѣлалъ это, не вѣря въ пресуществленіе, то онъ былъ еретикъ. Если онъ, занимаясь ростовщичествомъ, зналъ, что это дурно, то съ нимъ поступали сравнительно снисходительно; если же онъ думалъ, что поступаетъ хорошо, то его осуждали [2]).

Тяжесть преступленія опредѣлялась не проступкомъ, а умственнымъ настроеніемъ; къ проступку, совершенному сознательно, относились болѣе снисходительно, чѣмъ къ убѣжденному невѣжеству. Такимъ образомъ, божескій законъ, на которомъ, по увѣренію Церкви, она была основана, былъ замѣненъ человѣческимъ правосудіемъ, предоставленнымъ тѣмъ, кому выгодны были злоупотребленія. По словамъ кардинала д'Айльи, доктора гражданскаго права считали императорскую юриспруденцію выше повелѣній Бога, а профессора каноническаго права поучали, что декреталіи имѣютъ больше вѣса, чѣмъ Священное писаніе. Подобная теократія, считавшая себя на практикѣ выше своего Бога, не могла придти къ иному результату, разъ она сломила всѣ несогласія.

Съ другой стороны, когда мы смотримъ на простое самоотверженіе, съ которымъ столько скромныхъ еретиковъ переносили самыя утонченныя казни и самую ужасную смерть для того только, чтобы понять и выполнить волю Бога и примѣнить ее къ жизни, то видимъ, что въ обществѣ, кончая его самыми низшими слоями, существовали элементы для развитія христіанства и для прогресса человѣческаго рода. Мы понимаемъ отсюда, какіе быстрые шаги сдѣлало бы человѣчество, если бы этимъ дрожжамъ дали проникнуть въ тѣло христіанства, вмѣсто того, чтобы погубить ихъ на кострѣ. Не имѣя организаціи и средствъ къ сопротивленію, еретики не могли противостоять подавляющимъ силамъ, выдвинутымъ противъ нихъ. Лица, въ рукахъ которыхъ были власть, мѣста и богатство, видѣли для себя угрозу въ практическомъ толкованіи серьезныхъ ученій Христа. Пустое упованіе на теоріи схоластическаго богословія, слѣпая вѣра въ вѣчное спасеніе, исключительно зависѣвшее отъ Церкви, признанный всѣми долгъ уничтожать паршивыхъ овецъ и защищать вертоградъ Господень отъ хищенія лисицъ ереси, все соединялось, чтобы создать оплотъ установившагося строя, оплотъ, о который разбивалась героическая твердость сектантовъ.

---

[1]) Alvar. Pelag. «de Planctu Eccles.» lib. II, art. I, II.—Meyeri «Annal. Flandriae», ann. 1379.—Religieux de S. Denys, «Histoire de Charles VI», lib. XVI, ch. 10; lib. XXXV, ch. 8.—Wadding. ann. 1405, № 7.—Aen. Sylvii «Opera inedita» («Atti della Acad. dei Lincei», 1883 г., стр. 558 — 9). — Steph. Infessurae «Diar.» (Eccard. II, 1988. 1996 — 7), — Ulenspiegel, XXXIII: «Gang geen Rome, frommer man, kum herwider nequam.»

[2]) Pet. Alliacens. «Principium in Cursum Bibliae» («Fascic. Rer. Expetend.» II, 516).—Bernardi Comensis «Lucerna.» s. v. «Haeresis», № 21.

Библиотека "Руниверс"

Въ исторіи человѣчества мало болѣе трогательныхъ страницъ, мало болѣе чудныхъ примѣровъ, мало болѣе назидательныхъ доказательствъ той высоты, до которой можетъ подняться душа надъ слабостью плоти, чѣмъ отрывочные разсказы, которые находитъ историкъ въ архивахъ Инквизиціи, и рѣдкія упоминанія лѣтописцевъ объ этихъ ненавидимыхъ еретикахъ, которыхъ такъ упорно гнали и такъ безжалостно уничтожали. Эти невѣжественные мужчины и женщины, жившіе тяжелымъ ремесломъ; эти крестьяне, эти работники, которые смутно чувствовали, что соціальный строй плохъ, что велѣнія Бога нарушены, что человѣчество было бы способно на болѣе высокую степень совершенства, если бы только оно могло узнать волю Бога и слѣдовать ей; эти люди, изъ которыхъ каждый, въ своей скромной сферѣ, старался разрѣшить неизвѣданныя и страшныя проблемы бытія, обезпечить себѣ самому среди испытаній спасеніе и помочь въ этой трудной задачѣ своимъ товарищамъ; всѣ они, всѣ эти забытые мученики, заплатившіе собственной жизнью за свою жажду истины, черпали въ себѣ, въ самихъ себѣ, силу, которая позволяла имъ спокойно идти навстрѣчу мученической смерти и твердо переносить ее. Никакое вознагражденіе, разсчитанное на честолюбіе, не предлагалось имъ, чтобы заставить ихъ бросить избитую и вѣрную дорогу; въ ихъ ужасномъ испытаніи на кострѣ ихъ не окружала сочувствующая имъ толпа, и никто въ эту тяжелую минуту не подкрѣплялъ ихъ; наоборотъ, до самой послѣдней минуты ихъ удѣломъ были презрѣніе, ненависть и всеобщее отвращеніе. За исключеніемъ рецидивистовъ, всѣ они могли всегда спасти свою жизнь, принеся отреченіе, и войти въ лоно Церкви, въ глазахъ которой обращенный еретикъ стоилъ гораздо дороже сожженнаго, даже и въ отношеніи матеріальнаго интереса. Однако, непоколебимая рѣшимость, въ которой католики видѣли сатанинское ожесточеніе души, была настолько обычна среди нихъ, что не вызывала удивленія [1]).

Эти драгоцѣнные элементы, которые могли бы возвеличить человѣчество, были вырваны, какъ вредные кусты терновника, и брошены въ пылающую печь. Обществу было позволено, лишь бы оно оставалось католическимъ и послушнымъ, предаваться всѣмъ преступленіямъ, которыя могли довести его только до порчи. Разъ высшая цѣль, единство вѣры, была достигнута на практикѣ, то пренебрегали, какъ неважною мелочью, заботой о нравственномъ здоровьѣ человѣческаго рода. Но противорѣчіе между идеаломъ христіанства и дѣйствительностью было настолько возмутительно рѣзко, что подобное положеніе вещей не могло продолжаться долго. Какъ въ Церкви, такъ и внѣ ея, дѣйствовали не поддающіяся уничтоженію дрожжи. Въ то время какъ Святая Бригитта метала свои откровенія въ мятежныя уши Григорія XI, монахъ изъ Мальверна Вильгельмъ Ланглендъ обращался съ ѣдкими упреками къ монахамъ и прелатамъ, напоминая народу, что любовь къ ближнему и истина были существенными пунктами христіанства [2]).

---

[1]) Трудно повѣрить, чтобы въ концѣ XIX вѣка могли найтись настолько смѣлые люди, чтобы выступить съ защитой поведенія Церкви въ отношеніи еретиковъ; но—показатель прогресса человѣчества—теперь уже не стремятся достигнуть этого оправданіемъ преступленій: предпочитаютъ упорное ихъ отрицаніе. Недавно вышелъ трудъ кононика Claessens'a, «Camérier secret de Sa Sainteté»; въ немъ онъ предупреждаетъ читателя, что пишетъ строго безпартійно и спокойно, какъ то приличествуетъ историку, и даетъ подробное и серьезное изученіе первоисточниковъ. а затѣмъ заявляетъ, что наказаніе, которое примѣняла Церковь къ завѣдомымъ и упорнымъ еретикамъ, было простымъ отлученіемъ, и что «Церковь никогда не позволяла себѣ прибѣгать къ какому-либо насилію, что дѣло идетъ объ обращеніи евреевъ и язычниковъ или о возвращеніи въ лоно Церкви заблудшихся христіанъ». Въ то же время авторъ неупускаетъ изъ виду сдѣлать оговорку, что Церковь безспорно имѣетъ право прибѣгать къ физическимъ воздѣйствіямъ, чтобы заставить людей, принявшихъ крещеніе, исполнять обязанности, налагаемыя на нихъ этимъ таинствомъ.—Claessens, «L'Inquisition et le régime pénal pour la répression de l'hérésie dans les Pays-Bas du passé», Tournhout, 1886 г., стр. 5.

[2]) W. Langland, «Vision», I, 202—7.

Библиотека "Руниверс"

Но ко всѣмъ этимъ предупрежденіямъ относились съ презрѣніемъ, и въ минуту своего неоспоримаго торжества іерархическая система, которая, казалось, стояла внѣ всякихъ нападокъ и не имѣла болѣе противниковъ, очутилась наканунѣ своего паденія. Инквизиція удалась прекрасно. Побѣда Церкви была такъ полна, что предоставили старому механизму ржавѣть, пренебрегши возможностью сдѣлать изъ него употребленіе. Инквизиція даже перестала внушать страхъ, который нѣкогда она распространяла. Въ теченіе столѣтія ей нечего было дѣлать, если не считать какого-либо случайнаго похода противъ крестьянъ альпійскихъ долинъ, или какого-либо вымогательства надъ евреями Палермо, или подавленія мнимыхъ преступленій колдовства. Ничто болѣе не побуждало ее дѣйствовать, и ей не представлялось случая поразить всѣхъ твердостью и жестокостью своего мщенія.

Въ то же время Великій Расколъ нанесъ серьезный ударъ почитанію, которымъ окружали духовенство и міряне Св. Престолъ, и это измѣненіе сказалось на большихъ соборахъ Констанца и Базеля. Правда, ловкой политикѣ удалось отвратить непосредственныя опасности, представленныя этими «парламентами христіанскаго міра». Церковь теоретически продолжала быть самодержавной вмѣсто того, чтобы превратиться въ конституціонную монархію; тѣмъ не менѣе уже не было, какъ нѣкогда, неоспоримой вѣры въ намѣстника Бога, а съ другой стороны стремленія христіанскаго міра дѣлались болѣе живыми, по мѣрѣ того какъ ихъ сильнѣй давили. Изобрѣтеніе книгопечатанія распространило широко сѣмена знанія; мало-по-малу образовался кругъ читателей; теперь можно было найти новый доступъ къ людямъ и научить ихъ при помощи другихъ методовъ, чѣмъ проповѣдь и духовная бесѣда, бывшія прежде монополіей Церкви. Просвѣщеніе не было уже удѣломъ одного духовенства. Возрожденіе наукъ распространяло среди людей, число которыхъ ежедневно росло, жажду знанія и духъ критики и изслѣдованія, которые незамѣтнымъ образомъ подкапывались подъ традиціонныя права Церкви на почитаніе и повиновеніе человѣческаго рода.

Повсюду, кромѣ Испаніи, гдѣ расовый антагонизмъ осложнялъ задачу, всѣ думали только о томъ, какъ бы обезоружить Инквизицію и сдѣлать ее безсильной, какъ разъ въ ту минуту, когда помощь ея была болѣе всего необходима. Единство католической вѣры было введено такимъ побѣдоноснымъ образомъ, что папы XV ст., забывъ въ своихъ мірскихъ заботахъ, которымъ Инквизиція не могла помогать, не сохранили организаціи Св. Трибунала. Если бы какое-нибудь дѣло о колдовствѣ не требовало жертвъ, то народъ и мѣстное духовенство не имѣло бы никакой надобности въ этихъ защитникахъ вѣры. Схоластическіе споры чаще всего разрѣшались университетами, которые въ значительной степени присвоили себѣ юрисдикцію Св. Трибунала, а епископскіе судьи, казалось, почти совсѣмъ забыли обязанности, лежавшія на нихъ ab antiquo.

Хотя католичество въ Германіи было настолько совершенно, что Инквизиція всегда была тамъ слаба и плохо организована, однако эта именно страна сдѣлалась роковымъ центромъ возстанія. Въ Англіи и Франціи могущественная монархія, нашедшая себѣ поддержку въ народѣ, положила извѣстныя границы вторженіямъ и высокомѣрію папъ. Въ Италіи на папу всегда смотрѣли скорѣе, какъ на свѣтскаго князя, чѣмъ на главу Церкви, и гибеллины никогда не задумывались бороться противъ его плановъ политическаго возвышенія. Но въ Германіи папскій методъ разъединять и возбуждать междоусобныя войны удался превосходно, и послѣ преждевременной смерти Людовика Баварскаго въ ней не было достаточно сильной центральной власти, которая могла бы защищать народъ и мѣстныя церкви противъ хищничества и честолюбія представителей Св. Петра. Лютеръ явился въ то время, когда общество жаждало реформъ и было ослушно, и когда не было правильно устроеннаго механизма, способнаго тотчасъ же подавить попытку реформаторовъ. Какъ я уже замѣтилъ, схоластическія пренія, поднятыя имъ по вопросу о

Библиотека "Руниверс"

правѣ ключей, показались сначала столь неважными, что на нихъ не стоило обращать вниманія; когда споръ принялъ болѣе широкіе размѣры, то не оказалось подъ руками средствъ для немедленнаго подавленія его; раньше, чѣмъ Церковь мобилизовала свои силы, народъ уже примкнулъ къ дѣлу Лютера въ той странѣ, гдѣ по свидѣтельству Sachsenspiegel ни наслѣдственныя привычки, ни установившійся обычай не внушали особаго расположенія къ каноническому праву. Счастливый случай выдвинулъ человѣка, необходимаго въ ту минуту, и выдвинулъ въ благопріятной обстановкѣ: могла начаться эра современной цивилизаціи и освобожденной отъ цѣпей мысли, хотя вначалѣ и реформаторы проявили себя столь же суровыми, какъ и католики, въ дѣлѣ подавленія догматической независимости.

Изученіе безумій и преступленій нашихъ предковъ открыло передъ нами драму почти безпрерывнаго ужаса. Мы видѣли, какъ плохо вдохновленная человѣческая воля, бродившая ощупью въ потемкахъ и побуждаемая самыми похвальными стремленіями, сдѣлалась причиною бѣдствія и отчаянія, думая, что она служитъ Богу; мы видѣли, какъ честолюбивые и безсовѣстные люди сыграли на добрыхъ инстинктахъ своихъ ближнихъ, чтобы удовлетворить свою жажду къ деньгамъ и къ господству. Однако, если хорошо вникнуть, то этотъ очеркъ даетъ намъ надежду и ободряетъ насъ. Въ интересахъ современнаго общества, когда ищутъ немедленнаго излѣченія отъ множества золъ, гнетущихъ человѣчество, когда нетерпѣливые умы горятъ желаніемъ ниспровергнуть соціальное зданіе въ надеждѣ создать новую организацію, въ которой будетъ неизвѣстно неизбѣжное зло, полезно бросить при случаѣ взглядъ назадъ, приподнять покровъ, скрывающій страсти и страданія прошлыхъ поколѣній, и оцѣнить по достоинству уже осуществившійся прогрессъ.

Эволюція человѣчества идетъ медленно и неправильно; для наблюдающаго ее въ отдѣльную данную минуту она кажется неподвижной или даже двигающейся назадъ, и только, сравнивая между собой эпохи, раздѣленныя долгими промежутками времени, мы можемъ судить о томъ, какъ много пройдено нами. Историческій очеркъ прошлаго, съ большимъ трудомъ доведенный нами до конца, показываетъ намъ, какъ лишь нѣсколько столѣтій тому назадъ безвозмездное причиненіе бѣдствій казалось самою священною обязанностью человѣка, и мы узнали также все то, что выигрывало на этомъ свѣтѣ владычество любви и христіанскаго милосердія. Мы видѣли, что примѣненіе духовныхъ или свѣтскихъ законовъ было лишь зломъ и несправедливостью; мы видѣли, какъ низко стоялъ нравственный уровень, какъ низко было умственное состояніе народовъ христіанскаго міра. Мы видѣли, что Вѣка Вѣры, на которые мечтатели-романтики бросаютъ взглядъ сожалѣнія, были Вѣками Насилія и Коварства, что зло казалось тамъ полновластнымъ владыкой и оправдывало общее недавно возобновленное мнѣніе о томъ, что началось уже царство Антихриста. Какъ ни несовершенны современныя человѣческія учрежденія, но сравненіе съ прошлымъ показываетъ, какъ великъ былъ прогрессъ; тотъ фактъ, что этотъ прогрессъ является дѣломъ почти двухъ послѣднихъ столѣтій, что движеніе впередъ съ каждымъ днемъ идетъ все быстрѣе, можетъ ободрить и подкрѣпить соціолога. Прогрессъ основанъ на принципахъ, которые сдѣлаютъ будущность человѣчества совершенно непохожей на его прошедшее, если мы предоставимъ имъ естественное и здоровое развитіе. Самую страшную опасность для современнаго общества представляютъ тѣ нетерпѣливые теоретики, которые хотятъ однимъ ударомъ перестроить міръ вмѣсто того, чтобы помогать добру въ его борьбѣ со зломъ, надѣясь на вѣчные законы. Если бы они могли убѣдиться въ различіи между столь быстро полученнымъ прогрессомъ и постоянной эволюціей этого прогресса, то они, быть можетъ, умѣрили бы свой жаръ и направили бы свою энергію на дѣло мудраго строительства, а не на безплодное разрушеніе.

Нѣсколько словъ будетъ достаточно, чтобы подвести итогъ дѣятельности Средневѣковой Инквизиціи. Инквизиція ввела въ суды систему, извратившую уголовное право со

Библиотека "Руниверс"

всѣхъ странахъ, подпавшихъ ея вліянію, и на цѣлыя столѣтія обратила уголовный судъ въ жестокую насмѣшку. Она доставила Св. Престолу могущественное оружіе для его политическихъ вторженій; она внушила свѣтскимъ монархамъ желаніе подражать ея примѣру; она опозорила религію, предоставивъ въ услуженіе ей самыя гнусныя вожделѣнія; она породила болѣзненное возбужденіе противъ отступленій отъ ученій Церкви настолько, что самое незначительное разногласіе считалось способнымъ вызвать безуміе и возмутить всю Европу. Съ другой стороны, когда въ высшихъ сферахъ вошелъ въ моду атеизмъ, громы Св. Престола безмолвствовали. Энергичная только въ дѣлѣ зла, Инквизиція, когда ей представилась возможность воспользоваться своимъ могуществомъ на защиту добра, выпустила изъ рукъ оружіе и дала понять народу, что единственными грѣхами, заслуживающими наказанія, были посѣщеніе шабаша и невѣріе въ непогрѣшимость Церкви. Въ своей долгой дѣятельности, отмѣченной слѣдами крови и огня, она заслужила благодарность за то только, что уничтожила ученіе катаровъ; но и здѣсь на ея вмѣшательство можно смотрѣть, какъ на лишнее, такъ какъ догматы катаровъ несли сами въ себѣ зародышъ своего паденія, и болѣе просвѣщенная политика должна была бы спокойно ожидать, что они угаснутъ сами собой. Такимъ образомъ, судъ безпристрастной исторіи долженъ гласить такъ: Инквизиція, это чудовищное порожденіе ложнаго рвенія, служа эгоистичной алчности и жаждѣ власти, была направлена на подавленіе самыхъ высокихъ стремленій человѣчества и на возбужденіе самыхъ низкихъ его инстинктовъ.

Библиотека "Руниверс"

Оглавленіе.

стр.

Глава VI. Германія. . . . . . 1 – 73

Преслѣдованіе вальденцовъ Страсбурга въ 1212 году, 1.—Распространеніе вальденской ереси въ Германіи, 2.—Мистическій пантеизмъ.—Послѣдователи Амори.—Ortlibenses, 3.—Братья Свободнаго Духа, 5.—Конрадъ Марбургскій. Его характеръ и дѣятельность, 7.—Григорій IX побуждаетъ Конрада начать преслѣдованіе, 9. Предоставленіе Григоріемъ доминиканцамъ инквизиторскихъ полномочій, 12.—Луциферіане, 13.—Страшная жестокость Конрада, 14.– Оппозиція прелатовъ, 15.—Майнцскій провинціальный соборъ, 16.—Убійство Конрада, 17.—Прекращеніе преслѣдованія.—Враждебное отношеніе Германской Церкви къ Риму, 18.—Реакція затрудняетъ введеніе Инквизиціи, 20.—Вальденцы и Инквизиція въ Пассау, 21. — Усиленіе ереси. — Вѣротерпимость, 22.— Бегины, бегарды, лолларды, 23.—Братья Свободнаго Духа, 26.—Склонность къ мистицизму.—Магистръ Эккартъ, 28.—Іоаннъ Рисбрукъ, Герардъ Гротъ, Братья Свободнаго Духа, Флорентъ Родевинсъ, 29.—Общество Друзей Бога.—Іоаннъ Таулеръ, 31.—Преслѣдованіе Братьевъ Свободнаго Духа, 34.—Антагонизмъ между Людовикомъ Баварскимъ и папствомъ, 41.—«Черный моръ», 42.—Лихорадка раскаянія.—Флагелланты, 43.—Осужденіе Климентомъ VI флагеллантовъ, 44.—Признаніе ихъ еретиками, 45. — Попытка Иннокентія VI ввести въ Германіи Инквизицію, 46.– Введеніе Инквизиціи, 49.—Преслѣдованіе флагеллантовъ и бегардовъ, 50.—Неудачи Инквизиціи, 51.—Преслѣдованіе вальденцевъ, 52. — Винкелеры. — Новое преслѣдованіе бегардовъ, 56.—Гильомъ де-Гильдернисъ. — Люди Ума, 59. — Конрадъ Шмидтъ и флагелланты, 60. – Братья Креста, 61. — Дѣло бегардовъ и бегинокъ на Констанцскомъ соборѣ, 61.—Новое преслѣдованіе, 63.—Гуситизмъ въ Германіи. — Гуситы и вальденцы, 64. — Григорій Геймбургскій, 66. Гансъ Никлаусгаузенскій, 67.—Іоганнъ фонъ-Рухратъ изъ Везеля, 69.— Іоганнъ Рейхлинъ, 71.—Безсиліе Инквизиціи въ дѣлѣ Лютера, 72.

Глава VII. Чехія. . . . . . 73 – 125

Независимость Чешской Церкви.—Вальденцы въ Чехіи,—73. Введеніе Инквизиціи въ 1257 году.—Толчокъ, данный Іоанномъ XXII, 74.—Усиленіе вальденской ереси. — Іоаннъ Пирна, 75. — Условія, благопріятствовавшія росту ереси.– Епископская Инквизиція, 77.—Предшественники Гуса: Конрадъ Вальдгаузенскій, Миличъ изъ Кремзира, Матвѣй изъ Янова, 79. – Виклефъ и виклефизмъ, 81. – Янъ Гусъ во главѣ реформы, 85.—Успѣхи движенія, 86.—Разрывъ съ Римомъ, 88.– Созывъ Констанцскаго собора, 90.—Необходимость присутствія Гуса на соборѣ, 91.—Выѣздъ Гуса и прибытіе его въ Констанцъ, 93.—Арестъ Гуса.—Вопросъ объ охранной граматѣ, 95.—Двуличное поведеніе Сигизмунда, 97.—Причастіе подъ двумя видами, 102.—Процессъ Гуса, 105.—Предоставленіе Гусу права защищаться, 111.– Попытки добиться отъ Гуса отреченія, 112.—Неизбѣжное осужденіе.—Костеръ, 115.—Впечатлѣніе, произведенное казнью въ Чехіи, 117.—Іеронимъ Пражскій.—Его процессъ и казнь, 118.

Библиотека "Руниверс"

стр.

Глава VIII. Гуситы. . . . . . 125—163

Намѣреніе примѣнить инквизиціонные методы въ Чехіи, 126. — Усиленія антагонизма, 127. — Образованіе партій. — Утраквисты и табористы, 128.—Сигизмундъ, король Чехіи.—Неудача переговоровъ, 130.—Проповѣдь крестоваго похода въ 1240 году. — Пораженіе крестоносцевъ, 131.—Религіозныя крайности.—Пикарды, Хиліасты, 132.—Четыре основныхъ положенія утраквистовъ, 133.—Вѣрованія таборитовъ, 135.—Неудачи цѣлаго ряда крестовыхъ походовъ. — Прокопъ Голый, 137.—Попытки реформировать Церковь.—Сіенскій соборъ, 138.—Базельскій соборъ.—Неизбѣжность переговоровъ съ гуситами, 140.—Четыре основныхъ положенія утраквистовъ и таборитовъ положены въ основу переговоровъ, 142.—Пораженіе таборитовъ подъ Липанами, 144.—Затрудненіе изъ-за честолюбія Рокицаны, 144.—Ненадежный миръ.—Реакція въ царствованіе Сигизмунда. — Смерть Сигизмунда, 145. — Господство утраквистовъ въ правленіе Юрія Подѣбрада, 147.—Бр. Джакомо делла Марка, 148. — Непризнаніе Римомъ Compactata, 149. — Назначеніе Джованни да-Капистрано инквизиторомъ, 150. — Проектъ крестоваго похода противъ гуситовъ и взятіе Константинополя турками, 153.—Битва подъ Бѣлградомъ и смерть Капистрано, 155.—Обособленность Чехіи. — Переговоры, 156. — Признаніе утраквистовъ вопреки Риму, 158.—Чешскіе Братья. Петръ Хельчицкій, 159.—Объединеніе Чешскихъ Братьевъ съ вальденцами, 161.—Ростъ общины.—Живучесть Чешскихъ Братьевъ, 162.

КНИГА III.

Частные случаи инквизиціонной дѣятельности.

Глава I. Францисканцы-спиритуалы. . . . . . **164—223**

Разногласія въ орденѣ францисканцевъ, 1.—Интриги Иліи, 166.—Образованіе въ орденѣ францисканцевъ двухъ партій – спиритуаловъ и конвентуаловъ, 168.—Іоаннъ Пармскій, 169.—Іоахимъ Флорійскій, 171.—Апокалипсическія размышленія о Третьей Эрѣ, 173.—Усвоеніе спиритуалами идей Іоахима Флорійскаго, 176. — Вѣчное Евангеліе. — Осужденіе этой книги, 177.—Смѣщеніе Іоанна Пармскаго, 179.—Стойкость ереси Іоахитовъ, 180.—Горячіе споры по вопросу о бѣдности, 181.—Булла Exiit qui Saminat, 183. — Преслѣдованіе итальянскихъ спиритуаловъ, 184.—Бр. Томассо ди-Анерсо, 189.—Спиритуалы Франціи.—Пьеръ-Жаннъ Оливи, 191.—Арнольдъ де-Виллануэва, 197.—Выступленіе Арнольда передъ Климентомъ V. — Вьеннскій соборъ, 200. — Новое преслѣдованіе спиритуаловъ, 204.—Первая попытка къ мятежу.—Расколъ между мятежниками, 205.—Избраніе Іоанна XXII.—Характеръ этого папы, 207.—Энергичныя мѣры Іоанна противъ спиритуаловъ, 209. — Кровавое преслѣдованіе оливистовъ, 212. — Образованіе оливистами своей Церкви, 215. — Фанатизмъ сектантовъ. — Напру Бонета, 217. — Уничтоженіе ереси. — Судьба оливистовъ въ Арагоніи, 219.—Жанъ-де-ла-Рошталядъ, 220.—Живучесть идей іоахизма, 221.

Глава II. Гиллельма и Дольчино. . . . . . **224—248**

Появленіе Гиллельмы въ Миланѣ. — Слухи о воплощеніи въ ней Св. Духа, 224. — Образованіе послѣдователями Гиллельмы особой Церкви, 226. — Преслѣдованіе ихъ Инквизиціей, 228. — Судьба гиллельмитовъ, 230. — Появленіе новыхъ нищенствующихъ орденовъ, 232. — Герардо Сегарелли, 232. — Смерть его на кострѣ, 235. — Отдѣленіе апостольскихъ Братьевъ отъ Церкви.—Дольчино, 236.—Крестовые походы противъ Дольчинистовъ, 239.—Продолжительность и характеръ этой ереси, 243.—Сектанты Духа Свободы, 246. - Давидъ Лазаретти,—247.

Библиотека "Руниверс"

стр.

Глава III. Фратичелли. . . . . . 248 - 82

Вопросъ о нищетѣ Христа, 248. — Реакція противъ идеала нищеты, 449.—Признаніе ученія о нищетѣ Христа ересью, 251.—Вмѣшательство Людовика Баварскаго, 253.—Марсильо Падуанскій и Вильгельмъ Оккамъ, 255.—Усиленіе враждебныхъ отношеній между Св. Престоломъ и францисканцами, 257. — Людовикъ смѣщаетъ Іоанна XXII, какъ еретика, 259. — Арестъ Михаила Чезенскаго, 260. — Выгоды, представляемыя Инквизиціей. — Изъявленіе антипапой покорности, 261. — Борьба въ Германіи. Францисканцы въ союзѣ съ Людовикомъ, 264.—Упроченіе положенія Людовика.—Смерть его, 266.—Фратичелли, 267. — Симпатіи населенія къ фратичелли, 269.—Ученіе фратичелли, 280.—Фратичелли въ Италіи и Испаніи, 273.—Стремленіе къ аскетизму.—Іезуиты, 275.—Обсервантины, 276.—Новое преслѣдованіе фратичелли, 278.

Глава IV. Политическая ересь и Церковь . . . . . 282—318

Признаніе оппозиціи папѣ равносильной ереси, 282.—Штединги, 283.—Крестовые походы на защиту итальянскихъ интересовъ папства, 288.—Значеніе Инквизиціи, какъ политическаго оружія, 289. — Манфредъ Неаполитанскій, 290. — Ссора Бонифація VIII съ Колоннами, 291.—Іоаннъ XXII и Висконти, 292.—Кола ди Ріенцо.—Маффреди, 297.—Роль Инквизиціи во время Великаго Раскола, 298.—Іоаннъ Малькоу, 298.—Оома Коннектъ, 300.—Джироламо Савонарола, 301.

Глава IV. Политическая ересь и государство. . . . . . 319—417

Услуги Инквизиціи свѣтскимъ князьямъ, 319. Основаніе общины Вѣдныхъ Воиновъ Храма, 319. — Враждебное отношеніе прелатовъ къ воинствующимъ орденамъ, 320.—Поведеніе тампліеровъ даетъ поводъ къ нареканіямъ, 323. Паденіе Акры, 324. Карлъ Валуа и орденъ, 325.—Причины паденія тампліеровъ. — Преимущества, представляемыя имъ своимъ членамъ, 326.—Причины враждебнаго отношенія Филиппа Краснваго къ тампліерамъ, 329.—Необходимость содѣйствія Св. Престола. 332.—Арестъ тампліеровъ Франціи, 334.—Заблужденія, поставленныя имъ въ вину, 336.— Вопросъ о виновности ордена, 337. — Отношеніе Климента къ аресту тампліеровъ, произведенному Филиппомъ, 348.—Народное собраніе въ Турѣ, 350. — Договоръ между Климентомъ и Филиппомъ, 351.—Преслѣдованіе тампліеровъ по всей Европѣ, 353.—Примѣненіе пытки, 355.—Папская комиссія и ея дѣятельность, 356.—Всякая возможность защиты уничтожена сожженіемъ всѣхъ отрекшихся отъ своихъ сознаній, 359.—Преслѣдованіе въ Англіи.—Необходимость Инквизиціи, 362—Лотарингія и Германія,—364. Преслѣдованіе въ Италіи и на Востокѣ, 366. - Преслѣдованіе въ Испаніи и на Майоркѣ, 370. — Тампліеры Португаліи, 375. — Безчестное поведеніе Климента. — Усиленное примѣненіе пытокъ, 376. — Дѣло тампліеровъ на Вѣнскомъ соборѣ, 377.—Вопросъ объ имуществѣ и личности членовъ ордена. — Вопросъ о судьбѣ Молэ, 381. — Симпатія населенія къ жертвамъ, 382. — Раздѣлъ имущества тампліеровъ, 384. — Дѣло ученаго богослова Жана Пти (Малаго), 388.—Жанна Даркъ.—Состояніе французской монархіи, 390.—Жизнь Жанны Даркъ дома до призванія, 391.—Дѣятельность Жанны по уходѣ изъ родительскаго дома до ея плѣненія, 393.—Требованіе Жанны Инквизиціей и выдача ея епископу Бовэ, 402. — Позорное безучастіе Карла, 404. — Процессъ Жанны, 405.—Пункты обвиненія, предъявленные Жаннѣ, 410.—Ея осужденіе и казнь, 411.—Подражательницы Жанны, 415.—Безплодность убійства Жанны, 416.—Реабилитація Жанны Даркъ, 416.

Библиотека "Руниверс"

стр.

Глава VI. Магія и оккультныя науки. . . . . . 417—488

Вѣра въ Сатану и въ невидимый міръ духовъ, 417.—Ученія богослововъ, 418.—Инкубы и суккубы, 420.—Земные слуги Сатаны.—Чародѣи, 421.—Наказанія, налагаемыя на нихъ римскими законами, 425.—Борьба между тауматургіей христіанской и языческой, 426.—Преслѣдованіе магіи въ первые вѣка господства христіанской Церкви, 427.—Чародѣйство у варваровъ, 430.—Скандинавская магія, 433.—Снисходительность законодательства варваровъ, 436.—Законодательство Церкви и Государства при Каролингахъ, 438.—Терпимость въ началѣ Среднихъ вѣковъ, 441.—Умышленныя обвиненія въ чародѣйствѣ, 443.—Индифферентность свѣтскаго законодательства, 448.—Законодательство Испаніи, 449.—Законодательство Италіи, 451.—Законодательство Германіи и Швеціи, 452.—Чародѣйство становится подсуднымъ Инквизиціи, 453.—Признаніе чародѣйства ересью, 454.—Астрологія, 455.—Петръ д'Абано, 457.—Чекко д'Асколи, 458.—Онироскопія, 462.—Заупокойныя обѣдни по живомъ человѣкѣ, 463.—Отношеніе Инквизиціи къ чародѣйству, 464.—Зловредное вліяніе Іоанна XXII, 466.—Успѣхи чародѣйства въ XIV столѣтіи, 468.—Дѣло Алисы Китлеръ Кильценни, 469.—Дѣло Маріонны д'Эсталэ и Марго-де-ла-Барръ, 472.—Новые успѣхи чародѣйства въ XV столѣтіи, 474.—Процессъ Жиля де Рэ, 477.—Донъ Энрико Арагонскій, маркизъ де Вильена, 487.

Глава VII. Колдуньи. . . . . . 489—528

Появленіе вѣры въ колдовство въ XV вѣкѣ, 489.—Шабашъ, 490.—Могущество и злокозненность колдуньи, 495.—Безсиліе Церкви въ борьбѣ противъ нихъ, 499.—Усиленіе легковѣрія подъ вліяніемъ преслѣдованія, 500.—Утрата колдуньями своей силы передъ судомъ, 501.—Свѣтская и духовная юрисдикція въ дѣлахъ о колдовствѣ, 502.—Примѣненіе инквизиціоннаго судопроизводства въ дѣлахъ о колдовствѣ, 504.—Колдуньи Канавэза, 507.—Вальденцы Арраса, 508.—Медленность развитія вѣры въ колдовство, 518.—Распространеніе этой вѣры благодаря дѣятельности Церкви и Инквизиціи, 520.—Вліяніе трактата Malleus Maleficarum, 524.—Противодѣйствіе Инквизиціи, Корнелій Агриппа, 525.—Оппозиція въ Венеціи.—Колдуньи Брешіи, 526. Страшное развитіе преслѣдованія въ XVI вѣкѣ, 528.

Глава VIII. Разумъ и вѣра. . . . . . 528—574

Спокойное отношеніе Церкви къ схоластическимъ тонкостямъ, 528. Развитіе богословскихъ тонкостей, 529.—Роджеръ Бэконъ, 529.—Номинализмъ и реализмъ, 531.—Соперничество между философіей и богословіемъ, 533.—Аверроизмъ, 534.—Вѣротерпимость въ Италіи въ XV вѣкѣ, 539.—Видоизмѣненный аверроизмъ.—Помпонацо.—Нифо, 545.—Раймундъ Люллій, 547.—Эволюція догмы.—Вопросъ о созерцаніи Бога святыми, 555. Непорочное Зачатіе, 559.—Книжная цензура, 572.

Глава IX. Заключеніе. . . . . . 574—598

Ереси, оставленныя Инквизиціей безъ вниманія:—Отношеніе къ Греческой Церкви, 574.—Quaestuarii, или продавцы индульгенцій,—578. Симонія,—579.—Деморализація Церкви, 582.—Нравы міряпъ 592.—Элементы прогресса въ человѣчествѣ, 594.—Неизбѣжность реформы, 596.—Выводъ относительно дѣятельности Инквизиціи, 597.

ЗАМѢЧЕННАЯ ОШИБКА.

На стр. 419-ой (строка 4 св.) напеч. Ѳома Кэнтембрійскій—слѣд. читать Ѳома Брабантскій (Кантенпретанскій, отъ монастыря Cantimpré, близъ Камбрэ).

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"